

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА**

на 1998 - 1999 год

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ

2003

Редакционная коллегия:

*Н. Н. Скатов, А. В. Лавров, Т. Г. Иванова (отв. редактор),
Т. С. Царькова*

Рецензенты:

кандидат филологических наук *Е. Д. Кукушкина*
кандидат филологических наук *Е. Р. Обатнина*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту № 02-04-16034д*

ISBN 5-86007-332-1

© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом), 2003
© «Дмитрий Буланин», 2003

А. О. Демин

КОРПУС ДРАМАТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ Г. Р. ДЕРЖАВИНА: ИЗДАНИЯ И РУКОПИСИ

При изучении драматических произведений Г. Р. Державина уже само выделение объекта исследования является проблемой. В настоящее время наиболее полным и авторитетным опубликованным сводом текстов державинских драм является четвертый том академического собрания его сочинений, подготовленного Я. К. Гротом.¹ Известно, однако, что гротовское издание не вполне отвечает требованиям, заявленным в его проекте, и за это оно уже неоднократно подвергалось критике.²

Особенно наглядно отступление от принципов академического издания видно на примере именно четвертого тома «Сочинений». В отличие от трех томов лирики, в нем, за редкими исключениями,³ не приведены редакции и варианты по рукописям, даже самые значительные; драматические переводы даны в отрывках; из оригинальной «оперы» «Эсфирь», которую издатель счел переводной, напечатан также только отрывок; сохранившаяся и известная Гроту начальная редакция трагедии «Ирод и Мариамна» — «Ирод Великий» даже не упомянута; из четвертого тома исключено и перенесено в первый «Описание торжества, бывшего по случаю взятия Измаила, у <...> князя Г. А. Потемкина-Таврического» (1791), которое сам Державин и все последующие издатели помещали среди драматических произведений. Наконец, драматические сочинения Державина гораздо менее тщательно прокомментированы Гротом, чем лирика.

Упреки в неполноте и несовершенстве академического собрания сочинений Державина, адресованные Гроту позднейшими исследователями, несомненно, справедливы, и все же не стоит забывать, в сколь сложной и противоречивой идеологической обстановке проходила работа над ним и сколь много было действительно сделано. Нельзя не согласиться с А. Л. Зориным, исследовавшим историю державинских изданий: «Сотни стихов, шесть пьес, огромная эпистолярная, „Объяснения“ и „Записки“, текст которых был принципиально улучшен сравнительно с предшествующими публикациями,

множество деловых бумаг, ставших ценнейшим источником для биографов Державина, — все это было введено Гротом в научный оборот на предельно высоком для текстологии того времени уровне. В атмосфере снисходительного равнодушия одной части публики и открытой враждебности другой издатель „Сочинений Державина“ проделал поистине титаническую работу».⁴

Первоочередная задача исследователя драматических сочинений Державина заключается, таким образом, не в дальнейшей критике недостатков академического собрания «Сочинений», но в составлении по возможности полного реестра изданий и дошедших рукописей, которые могли бы служить надежными источниками текстов драматических произведений Державина, принимаемых в качестве основных, а также источниками истории их создания (черновики, ранние редакции и варианты). Наличие такого реестра позволит в дальнейшем перейти к проблеме корпуса державинских драм, уточнению их основных текстов и к рассмотрению вопросов, связанных с датировками, историей и логикой изменений, вносившихся автором в ходе их создания. Удовлетворительное разрешение этого, вторичного, круга вопросов сделает в свою очередь возможным переход к изучению художественной структуры драматических произведений Державина, их жанровых особенностей, исторической, литературной и автобиографической отнесенности, то есть их поэтики.

Издания

Первые публикации своих драматических сочинений Державин подготовил и выпустил еще в XVIII в. Ими стали отдельные издания «Торжества восшествия»,⁵ «Пролога на открытие в Тамбове театра и народного училища»⁶ и «Описания праздника, бывшего по случаю взятия Измаила».⁷ Все три (фактически четыре) издания учтены в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII в.».⁸

Новым и одним из важнейших этапов в истории публикаций державинских драм явился выход в свет «Сочинений» 1808—1816 гг.⁹ Четвертый том этого издания составили издававшиеся ранее отдельно перечисленные выше произведения (соответственно, с. 1—6; 7—22 и 23—60), а также в нем впервые были опубликованы: «Родственное празднество на брачное воспоминание князя Александра Алексеевича и княгини Елены Никитичны Вяземских, представленное невзначай семейством Алексея Ивановича Васильева в селе Александровском в саду, 1791 года 18 июля» (С. 61—66); «Пролог аллегорический на рождение в Севере Любви в одном действии» (С. 67—76); «Пролог на рождение в Севере порфирородного отрока почерпнутый из древнего варяго-русского баснословия, в трех действиях» (С. 77—94); «Добрыня, театральное представление с музыкою, в пяти действиях» (С. 95—212); «Пожарской, или Освобождение Москвы, героическое представление в четырех действиях, с хорами и речитативами» (С. 213—306); «Кутерьма от Кондратьев, детская комедия в одном действии с хорами» (С. 307—330).

В четвертом томе «Сочинений» 1808—1816 гг. волею автора определены состав и последовательность расположения ранних драматических сочинений (написанных до 1806 г. включительно). На выход в свет четвертого тома «Сочинений» восторженной рецензией откликнулся С. Н. Глинка.¹⁰

В 1810 г. Державин выпустил отдельным изданием трагедию «Ирод и Мариамна»,¹¹ премьера которой состоялась 28 ноября 1808 г.¹² Это издание имеется в двух вариантах: первый содержит предисловие и посвящение Российской Академии, второй — нет.¹³ Как явствует из письма П. П. Бекетова от 7 ноября 1809 г. (VI, 199), в 1809 г. поэт намеревался опубликовать и другие свои опыты в трагедийном жанре, в частности, перевод «Федры» Ж. Расина. Переписка с П. И. Соколовым, С. В. Капнистом и Е. Болховитиновым (VI, 341 — 342, 344, 346) показывает, что Державин планировал выпустить VI часть сочинений, которая открывалась бы «Иродом и Мариамной» и содержала бы другие трагедии. Более точно состав планировавшегося тома определить в настоящее время представляется затруднительным.¹⁴

Смерть помешала поэту самостоятельно завершить публикацию своих драматических опытов и сформировать состав и последовательность их в авторском собрании сочинений. Нельзя, однако, не отметить, что ранние, во многом несовершенные, смешанные в жанровом отношении, экспериментальные произведения должны были, по замыслу автора, быть отделены от поздних трагедий и, возможно, оперных либретто, которые Державин считал, как известно, вершиной своего поэтического творчества, и противопоставлены им в системе авторского собрания сочинений. Разумеется, об авторском замысле в данном случае можно судить лишь в значительной степени предположительно.

Среди прижизненных публикаций драматических произведений и переводов Державина следует также указать отрывок из полного перевода трагедии Ж. Расина «Федра» (рассказ Терамена о гибели Ипполита), напечатанный в 1811 г. в журнале «Чтения в „Беседе любителей русского слова“».¹⁵

Державиным было подготовлено к печати оперное либретто «Грозный, или Покорение Казани» (IV, 585 прим.) и даже опубликовано предупреждение к ней.¹⁶

Уже после кончины поэта в «Журнале древней и новой словесности» В. Н. Олин издал «Отрывок из V явления первого действия трагедии „Атабалибо, или Разрушение Перуанской империи“, где сей император и супруга его Гуака спрашивают дочь свою Капиллану о прибывших в Перу гишпанцах».¹⁷ Публикация Олина примечательна тем, что она представляла русской читающей публике фрагмент из последней трагедии Державина задолго до известных воспоминаний С. Т. Аксакова и обнародования ее полного сохранившегося текста Я. К. Гротом. Кроме того, в ней содержится строка, отсутствующая в соответствующем месте дошедшей рукописи¹⁸ и, соответственно, академического собрания «Сочинений» Державина (IV, 481):

Орел кружил, паря, по высоте эфирной,
Елены прыгали, резвясь, по пастве эфирной.

Вполне естественным кажется предположение, что Олин располагал копией трагедии или же копией опубликованного им фрагмента, которые содержали исправный текст. Не исключено, однако, и то, что отсутствовавшая по каким-либо причинам в оригинале строка могла быть сочинена самим редактором. Публикация отрывка из «Атабалибо» в «Журнале древней и новой словесности», по-видимому, осталась неизвестной Гроту. Не упоминается она также и в позднейших исследованиях по драматургии Державина.¹⁹

Между последним прижизненным (1808—1816) и академическим (1864—1883) было предпринято шесть изданий «Сочинений» Державина.

Издания А. Ф. Смирдина 1831 и 1834 гг. воспроизводили тексты (с различной степенью точности) и порядок расположения драматических произведений в авторском издании.²⁰

Издавая в 1843 г. «Сочинения» Державина, И. И. Глазунов ввел в состав тома драматургии текст трагедии «Ирод и Мариамна», поместив его после комедии «Кутерьма от Кондратьев», завершавшей том драматургии во всех предыдущих изданиях «Сочинений».²¹

В одготомном собрании сочинений Державина, подготовленном Д. П. Штукиным, состав драматических произведений и их расположение изменены издателем. Раздел драматургии в одготомнике открывается тремя крупными драмами, расположение которых изменено по сравнению с предыдущими изданиями, — «Пожарским», «Добрыней» и «Иродом и Мариамной»; затем следует «Описание торжества по случаю взятия Измаила», «Торжество восшествия» и прологи «На открытие в Тамбове театра», «На рождение в Севере Любви» и «На рождение в Севере порфирородного отрока». Раздел драматургии в томе завершается текстом комедии «Кутерьма от Кондратьев». Впервые после 1811 г. Штукиным был переиздан державинский перевод рассказа Терамена, однако исключен текст «Родственного праздника».²² Издание Штукина в наибольшей степени отклоняется от державинского замысла тома драматургии в собрании сочинений.

А. Ф. Смирдин в изданиях 1847 и 1851 гг. возвращается к составу и расположению драматических произведений, принятому И. И. Глазуновым: тексты произведений, напечатанных в издании 1808—1816 гг., за которыми следует текст «Ирода и Мариамны».²³ В состав изданий 1847 и 1851 гг. введены примечания на основе «Объяснений на сочинения Державина», опубликованных в 1834 г. Ф. П. Львовым.²⁴

В 1852 г. было выпущено в свет отдельное издание трагедии Державина «Темный».²⁵ Уже рецензент «Отечественных записок» высказывал разочарованное недоумение по поводу отсутствия в нем элементарного справочного аппарата и отмечал весьма неряшливую передачу текста.²⁶ И все же, нельзя не иметь в виду, что эта публикация делала достоянием широкой публики неизвестное ранее

драматическое произведение Державина, хотя, как справедливо полагал тот же рецензент, не прибавлявшее ничего к славе поэта.²⁷

Академическое издание «Сочинений» Державина (1864—1883) ознаменовало второй важнейший этап в истории публикации его драматических произведений. Несмотря на все недостатки, перечисленные выше, оно остается в настоящее время наиболее полным и наиболее авторитетным изданием державинской драматургии, как, впрочем, и других произведений. Именно с него делались впоследствии все перепечатки.²⁸ Среди них особый интерес представляет переиздание трагедии «Ирод и Мариамна» в сборнике «Стихотворная трагедия конца XVIII—начала XIX вв.», подготовленное В. А. Бочкаревым.²⁹ Комментарий к произведению³⁰ показывает, что Державин пользовался в качестве источника не только книгой Иосифа Флавия «О войне Иудейской», но и книгой «Древности Иудейские» того же автора, сопоставляя данные двух исторических источников.³¹

Такова в общих чертах история публикаций текстов державинских драм, которая, несомненно, еще далека от завершения.

Рукописи

В ходе подготовки академического издания Я. К. Гротом была произведена огромная работа по сбору рукописных материалов, касающихся жизни и творчества Державина, в том числе и его драматургии. Лакуны академического издания в большинстве случаев восполняются материалами из огромного рукописного фонда поэта, сформированного ученым.

В настоящее время архив Державина, разделенный на две части, хранится в фондах Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург) и Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.³² По завершении издания часть державинских бумаг Грот возвратил их владельцам; однако большая часть их осталась в Академии, в личном ведении ученого. В 1892 г. он передал сорок томов из них Публичной библиотеке, а остальные — в рукописный отдел Библиотеки Академии наук. В 1931 г. эта часть документов, размещенная в тридцати девяти объемистых коробках, была передана в Пушкинский Дом. В 1946 г. была проведена разборка и систематизация этого собрания. Основной фонд Г. Р. Державина разделен на четырнадцать групп с учетом его собственной классификации материала. Часть, хранящаяся в РНБ, описана при поступлении А. Ф. Бычковым;³³ часть, хранящаяся в ИРЛИ, — Д. С. Бабкиным.³⁴

В целях выявления рукописных материалов, содержащих тексты драматических произведений поэта, нами были просмотрены обе части державинского архива, а также ряд материалов, находящихся за его пределами. При просмотре архива помимо единиц, в описаниях которых имеются явные указания на их принадлежность к драматургии Державина, особое внимание обращалось на единицы с названиями типа «Разрозненная смесь», «Отрывки из разных произведений и переводов» и тому подобными.

Рукописные материалы, которыми представлена группа ранних малых драматических произведений смешанных жанров 1780—1790-х гг., таковы:

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 4. Рукописный сборник стихотворений Г. Р. Державина. Тетрадь в лист в переплете. Писарская копия с поправками и автографами Державина. 177 л.

Л. 101—107 об.: «Пролог на открытие в Тамбове театра и народного училища. Представлен в день тезоименитства ее императорского величества благородным обществом ноября 24 дня 1786 года в галлерее бывшего тогда в сем городе губернатором Гаврилы Романовича Державина».

Л. 108—110: «Торжество восшествия на престол императрицы Екатерины II, отправленное в Тамбове губернатором Державиным в его доме 1786 года 28 июня».

Л. 110 об.—111 об.: «Семейное празднество в радостное воспоминание брачного сочетания его сиятельства князя Александра Алексеевича и княгини Елены Никитишны Вяземских, представленное почитателем их добродетелей и блюстителем вечной к ним благодарности, Алексеем Ивановичем Васильевым с его фамилиею, дома их сиятельства, села Александровского в саду, 1791 года июля 18 дня».

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 6. Г. Р. Державин. Сочинения. Часть II. Писарская копия в переплете с поправками Державина. 1790-х годов. 83 л. Содержит разновременную правку Державина коричневым карандашом и чернилами.

Л. 3—9 об.: «Пролог на открытие в Тамбове театра и народного училища. Представлен в день тезоименитства ее императорского величества благородным обществом ноября 24 дня 1786-го года в галлерее бывшего тогда в сем городе губернатором Гаврилы Романовича Державина».

Л. 10—12: «Торжество восшествия на престол ее императорского величества Екатерины Вторья, отправленное в Тамбове 1786-го года июня 28 дня».

Л. 12 об.—13 об.: «Семейное празднество в радостное воспоминание брачного сочетания его сиятельства князя Александра Алексеевича и княгини Елены Никитишны Вяземских, представленное почитателем их добродетелей и блюстителем вечной к ним благодарности Алексеем Ивановичем Васильевым и его фамилиею дома их сиятельства села Александровского в саду, 1791-го года июля 18 дня».

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 17. Г. Р. Державин. «Пролог. Аллегорическое рождение на Севере Любви». Черновой автограф. 6 л.

РНБ, ф. 247, т. 25, л. 214—218. «Аллегорическое рождение на Севере Любви». Беловая копия почерком неизвестного лица. Текст отличается от напечатанного.

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 18. Г. Р. Державин. «Пролог на рождение в Севере порфирородного отрока, почерпнутый из варяго-русского баснословия, в одном действии». Черновой автограф. Отличается от напечатанного, как Державиным, так и Гротом, количеством действий, распределением материала по явлениям и текстуально.

РНБ, ф. 247, т. 25, л. 219—226. «Пролог на рождение в Севере порфирородного отрока, почерпнутый из древнего варяго-русского баснословия, в одном действии». Беловая копия, переписанная тем же почерком, что и «Аллегорическое рождение на Севере Любви» (Л. 214—218).

Перечисленные рукописи отражают работу Державина над шестью ранними малыми драматическими произведениями, опубликованными при жизни. Из них особый интерес представляет ранняя одноактная редакция «Пролога аллегорического на рождение в Севере порфирородного отрока»,³⁵ который, по-видимому, изначально мыслился как парный по отношению к «Аллегорическому рождению на Севере Любви», но затем был переработан и значительно расширен. Ранняя редакция этого «Пролога» не упоминается Гротом.

Сборники РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 4 и РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 6, помимо ранних вариантов текстов, отражают также работу Державина над формированием корпуса своих драматических сочинений, над его составом и последовательностью расположения в нем произведений.

При изучении истории создания текстов и корпуса драматических произведений Державина несомненный интерес представляет рукопись РНБ, ОЛДП, Ф. 103/1, 2, 3.³⁶ Сочинения Державина. Ч. IV и V. Фрагмент наборной рукописи к изданию «Сочинений» (1808—1816). Писарская копия с поправками Державина. Состоит из трех связок тетрадей в лист, каждая с отдельной архивной фолиацией. Из них связка Ф. 103/2 136 + I л. (15 тетрадей) содержит драмы, состав и расположение которых совпадает с теми, что представлены в четвертом томе «Сочинений» (1808—1816), тексты же имеют незначительные отличия. Рукопись в особенности ценна тем, что содержит единственные известные в настоящее время рукописные и правленные автором тексты «Добрыни» (Л. 42—88 об.), «Пожарского» (Л. 89—125 об.) и «Кутерьмы от Кондратьев» (Л. 126—136 об.).

К истории создания «Пожарского» имеет отношение рукопись РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 43. 3 л. Без даты. Описание места действия и мизансцены финала (д. IV, явл. X). Автограф Державина. Текст только на л. 1:

«Театр представляет во внутренности Ивановской площади на леве Красное крыльцо и Успенский собор, на праве Архангельский, а посреди прямо колокольня Ивана Великого. Перед ней круглый стол, накрытый червленим бархатом с золотою бахрамою. На нем на золотых блюдах регалии царские. Вкруг его сидит дума бояр. По стенам зданием на скамьях сидят жильцы московские, как-то: дворяне, стряпчие и гости торговые. На башнях и на кровлях народ. На сцене: Пожарской, Трубецкой, Минин, Заруцкой, Палицын и Марина. *За ними виден круглой стол думных старых бояр.*³⁷ С одной стороны подносят на блюдах Палицын и Минин Пожарскому регалии царские, то есть: скипетр, корону и державу, а с другой Марина, червлению покрывало свое сброся на плечи, с преклонением колен простирая к нему руки, указывает на регалии. Пожарской *(отворяясь от них)*³⁸ ей отвечает:

С престола для тебя сойти бы я решился;
А на престол взойти неправдой низко мне».³⁹

Трагедии Державина представлены следующими рукописями:

Ирод и Мариамна

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 19. 115 л. В единице хранения находятся следующие документы:

1. Л. 1—36 об.: Цензурный экземпляр трагедии «Ирод и Мариамна». Тетрадь в лист. Общее количество листов 36. Трагедия переписана Е. М. Абрамовым. Запись на титульном листе (à cheval): «Подана в цензурный комитет 23 сентября 1810». Цензурное разрешение к печати получено 30 сентября 1810 г. Цензор Гр. Яценков. Текст трагедии совпадает с изданием 1809 г. (отдельным), а также с изданием Грота (IV, 211—291).

2. Л. 37—115: Рукопись трагедии «Ирод Великий», послужившей первоначальным вариантом трагедии «Ирод и Мариамна», с замечаниями И. А. Дмитревского. Тетрадь в лист. Общее количество листов — 78. Текст переписан Е. М. Абрамовым только на оборотных сторонах листов таким образом, что правая сторона каждого разворота оставлена для замечаний. Л. 38—39 — вкладные и содержат набросок предисловия, вошедшего в окончательный вариант трагедии:

«Желая показать опыт ничтожных моих способностей в драматическом искусстве, избрал я, по мнению моему, удачейший к тому отрывок из древней истории, оставленный нам Иосифом Флавием, писателем о войне Иудейской, в котором изображает он жизнь царя Ирода и его супруги, могущие в самых твердых душах произвесть сожаление и ужас» (Л. 38).

На л. 111, 112, 113, 114, 114 об. и 115 находятся наброски финала.

Евпраксия

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 21. 105 л. Г. Р. Державин. Евпраксия. Трагедия в пяти действиях. Писарская копия с поправками Державина. В единице хранения содержатся следующие рукописи:

1. Л. 1—44 об.: Писарская копия трагедии с поправками Державина.

2. Л. 45—100: Писарская копия трагедии с поправками Державина. На л. 45—48: «Предупреждение». Финал зачеркнут.

3. Л. 101: Вкладной. На нем почерком Я. К. Грота переписан новый вариант финала (опубликованный).

4. Л. 102: Принадлежащий тетради. Автограф Державина: вариант финала, переписанный Гротом и опубликованный.

5. Л. 103—103 об.: Вкладной. Оборвано 2/3 снизу. Программа для рисунка к трагедии «Евпраксия». Писарская копия.

6. Л. 104: Вкладной. Отрывок из трагедии «Евпраксия». Начало: «Не терпят, чтоб была в гареме их свобода» (д. II, явл. 3, реплика Батя).⁴⁰

7. Л. 105—105 об.: Вкладной. Автограф Державина. Отрывок из трагедии «Евпраксия» (д. V, явл. 5). Начало: «Что хвалишься в

своей ты, сильной, злобе...» (реплика Юрия) На л. 105 об.: заметки Державина, относящиеся к содержанию трагедии.

К работе Державина над трагедией, несомненно, имеет отношение рукопись **РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 14, № 16.** 18 л. «Нашествие татар под предводительством Батыя». Гл. V. Параграфы 35—40. Писарская копия. Выписка из «Опыта повествования о России» И. П. Елагина. Ч. V, кн. XIII, гл. V. Имеются чернильные выделительные пометы.

Следует отметить, что авторство трагедии «Евпраксия», текст которой содержится в рукописи **РНБ, F XIV, № 41.** 24 л., приписывается Державину ошибочно.⁴¹ Рукопись (писарская копия с правкой) содержит текст трагедии «Евпраксия, или Пример супружеской верности». Правый нижний угол л. 2 оборван, поэтому нет возможности прочесть имя автора трагедии, даже если оно стояло когда-либо на титульном листе. На л. 1 почерком Я. К. Грота сделана запись: «Трагедия неизвестного автора, полученная от И. А. Чистовича 18 января 1865». Сюжет трагедии, как и ее стиль, не имеют ничего общего с «Евпраксией» Державина.

Темный

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 20. 53 л. Г. Р. Державин. Темный, трагедия в пяти действиях. Писарская копия с поправками Державина. Л. 1—53 облегает копию, расположенную на л. 2—52 об. На л. 1 — набросок примечания Я. К. Грота к трагедии (автограф), вошедшего в IV том (С. 381).

РНБ, ОСПК, F XIV, 10. 41 л. Черновой автограф трагедии. На л. 1 запись Державина: «Подарен сей черновой манускрипт Петру Петровичу Дубровскому 1811 года, генваря 11 дня. Г. Державин».

Атабалибо, или Разрушение Перуанской империи

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 26. 26 л. Г. Р. Державин. Атабалибо, или Разрушение Перуанской империи, трагедия с хорами в пяти действиях. Единица хранения содержит следующие рукописи:

1. Л. 1—18 об.: Тетрадь в лист. Писарская копия с поправками Державина, содержащая I и II действия трагедии, а также начало третьего действия (Л. 17 об.—18 об.), отличающееся от опубликованного и перечеркнутое чернилами.

2. Л. 19—24 об.: Писарская копия третьего действия с поправками Державина, выполненная в другой тетради в лист и другим почерком.

3. Л. 25—26: Отдельный лист. Письмо к Державину от Марии Тихановой, содержащее просьбу о покровительстве ее мужу. Без даты. Писарская копия. Л. 25—25 об.: три наброска д. III явл. 4 «Атабалибо» рукой Державина.

Помимо перечисленных пьес в архиве Державина сохранился его автограф, содержащий набросок трагедии на сюжет из истории

монголо-татарского ига, которую Грот, впрочем, как и сам Державин (в «Записках»), не упоминает:

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 44. Л. 11. набросок начала драмы. Без названия. Автограф Державина. Без даты. Начало:

Действующие лица:

Лепый, Великий князь Владимирский.

Збыслав, его боярин.

Сартак, Царь Чипчацкий.

Зюлима, дочь.

Жеврой, Князь ордынский, ее жених.

Аишь, наперстница Зелимы.

Далее — начало первого действия (диалог Зюлимы и Аиши).

Рукописи, содержащие оперные либретто Державина:

*Дурочка умнее умных,
комическая народная опера в трех действиях*

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 23. 34 л. Г. Р. Державин. Дурочка умнее умных. Комическая народная⁴² опера. Писарская копия с поправками Державина. Без даты (бумага с белой датой <1803>).

Рудокопы, опера в трех действиях

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 24. 52 л. Г. Р. Державин. Рудокопы. Опера в трех действиях. Писарская копия с поправками Державина. Без даты.⁴³

Батмендий, опера в пяти действиях

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 25. 21 л. Г. Р. Державин. Батмендий. Опера в пяти действиях. Черновой автограф I и II действий. Без даты.

Грозный, или Покорение Казани, опера в трех действиях

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 22. 108 л. Г. Р. Державин. Грозный, или Покорение Казани, опера в трех действиях. Копия с поправками Державина и черновые автографы, в которых находятся письма к Державину от О. Арапова, И. Ланга и П. Сумарокова. Из них:

Л. 1—31: Грозный, или Покорение Казани. Опера в трех⁴⁴ действиях. Писарская копия с поправками Державина. Л. 2—3: «К читателю». Л. 30 об.—31: «Примечания».

Л. 32—61: Грозный, или Покорение Казани. Опера в трех действиях. Писарская копия с поправками Державина (вычеркнут ряд крупных фрагментов). Без предисловия и примечаний.

Л. 62—89 об.: Грозный, или Покорение Казани. Опера в трех действиях. Писарская копия с поправками Державина. Сокращен-

ная редакция по сравнению с не сохранившейся предыдущей. Отметки о сокращениях (почерком Державина): л. 70 об.: *В прежнем <первом действии> 360 стихов, а теперь 317*; л. 80 об.: *В прежнем <втором действии> 477 стихов, а теперь 470*; л. 89 об.: *В прежнем <третьем действии> 333 стиха, теперь 330. Всего 1117, а в старой 1170, меньше 63, хоров и ариев, дуэтов и проч. 49 и в прежней то же.*

Л. 90—95 об.: Грозный, или Покорение Казани. Опера в трех действиях. Писарская копия с поправками Державина (от титульного листа до реплики Нигрина: «А этот холм и лес...»).

Л. 96—106: Разрозненные листы с черновыми автографами Державина, касающимися оперы. Из них на л. 101 об.: сопроводительный «Билет» для крестьян, отправленных из Званки в Петербург с запасами, датированный: «*Октября <число пропущено> 1813 года*»; на л. 103 об.: письмо от Павла Сумарокова от 6 октября 1813 г.; на л. 104 об.: письмо из Харьковского университета за подписью проректора Тимофея Осиповского и секретаря совета Иосифа Ланга от 13 сентября 1813 г.; на л. 106 об.: письмо от Осипа Арапова от 14 октября 1813 г.

Л. 107—107 об.: Заметки исторического содержания. Писарская копия. Бумага этого листа имеет белую дату 1812 г. Начало отрыва:

«В 1552 году при совершенном покорении татарского царства под высочайшим предводительством благоверного царя Иоанна Васильевича, ревностно и усердно подвизаясь, за православную веру и славу отечества пожертвовавшие свою жизнь и заслужившие от потомства памятника, начавшего строиться над их прахом, знаменитейшие особы суть...» (далее список имен. — А. Д.).

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 45. 35 л. Г. Р. Державин. Черновые наброски для пьес «Грозный» и «Фемистокл». Единица хранения представляет собой тетрадь в обложке, содержащую наброски пьес, вписывавшиеся с конца тетради, которая была перевернута. Из них л. 35 об.—26 об.: Второе действие оперы «Грозный, или Покорение Казани», черновой автограф Державина.

РНБ, ф. 247, т. 1, л. 362—388 об. Г. Р. Державин. Грозный, или Покорение Казани. Черновой автограф. План третьего действия по явлениям.

РНБ, ф. 247, т. 5, л. 235—235 об. Отрывок из оперы «Грозный, или Покорение Казани». Начало: «Сядь, Шигалей, друг, раб мой верный...» (д. I, явл. I, реплика Иоанна). Один лист, черновой автограф.

Эсфирь, опера в трех действиях

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 27. 62 л. Г. Р. Державин. Эсфирь. Опера в трех действиях. Из них:

1. Л. 1—27: Писарская копия с поправками Державина.⁴⁵

2. Л. 28—62: Копия, выполненная для Я. К. Грота. На л. 52 об. карандашом отмечен отрывок из д. III, явл. 7, который впоследствии будет опубликован (IV, 802—804). На л. 54—54 об. от реплики Мар-

доходя до конца вычеркнут карандашом финал, не вошедший в публикацию.

РНБ, ф. 247, т. 6. Черновой автограф либретто, датированный автором: «Писана на Званке в октябре 1814 года. Начата 6 числа этого месяца» (л. 5 об.). Для черновика он использовал «Книгу об издержках денежных для каменного дома 1791 года», которая велась, судя по почерку, Е. Я. Державиной. Текст черного автографа расположен на л. 5 об., 7 об.—8 об., 9 об.—10 об., 11 об.—12 об., 14 об.—16 об., 19—20 об., 25 об.—28 об., 30 об.—33 об., 34 об.—38.

Счастливый горбун

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 31. 5 л. Г. Р. Державин. Счастливый горбун,⁴⁶ опера в пяти действиях. Начало. Черновой автограф. Без даты. Текст на л. 1—5. На л. 5 почерком Державина стихотворный набросок: *Молитва принята пророком, // Достиг мой глас его ушес // Фелица! я твоих слез током...* и т. д.

Девушка на возу

РНБ, ф. 247, т. 4, л. 91—93 об. Наброски комической оперы в трех действиях с музыкой «Девушка на возу». Черновой автограф Державина. Без даты. Начало:

Действующие лица:

Скорореишлкин, драгунский офицер.

Елизар Терентьев, крестьянин.

Авдотья Сишнина, жена его.

Танюша, дочь.

Проворкин, денщик Скорореишлкина.

Л. 91—92 об. содержат наброски плана оперы. Л. 93—93 об.: наброски плана и текста.

Комическая опера «Девушка на возу» упоминается Державиным в «Записках» наряду с другой — «Женская дружба». Каких-либо следов последней в архиве поэта обнаружить не удалось. В четвертом томе академического собрания «Сочинений» «Девушка на возу» отсутствует.

Наконец, драматические переводы Державина представлены следующими рукописями:

Ж. Расин «Федра»

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 33. 148 л. Г. Р. Державин. Перевод трагедии Ж. Расина «Федра». В единице хранения находятся следующие рукописи:

1. Тетрадь в лист, состоящая из четырех тетрадок, сшитых между собой. Общее количество листов — 43. Архивная фолиация: 1—43. Л. 24 а — вкладной. Тетрадь содержит текст полного пере-

вода трагедии, переписанный Е. А. Абрамовым, и карандашные пометы и подчеркивания, сделанные Державиным. Карандашом размечено количество стихов, начиная с л. 3 об. До этого места разметка нумерации стихов чернилами. На л. 42 запись: «Кончена августа 27 дня 1809 года». Заголовок рукописи: «Федра. Трагедия в пяти действиях».

2. Тетрадь в лист, состоящая из шести тетрадок, сшитых между собой. Общее количество листов — 55. Архивная фолиация: 44—99. Тетрадь содержит текст полного перевода трагедии, переписанный Е. А. Абрамовым и правленный Державиным (чернилами и карандашом). Тетрадь содержит вкладные листы:

Л. 45: «Места из трагедии Федры, буквально переведенные с французского для сравнения с русскими». Выписаны стихи перевода с указанием страницы и номера стиха, далее идет помета «У Расина» и буквальный перевод стиха с французского. Всего 20 примеров.⁴⁷

Л. 57—58: Рукой Державина поправки ко второму действию. Выписан номер страницы и номер примечания, находящийся в тексте. К этому номеру приписана строка с исправленным текстом.

Л. 69—70: Поправки к третьему действию. Между листами обрывок синей бумаги с репликами из третьего явления третьего действия:

Енона

Умрешь?

Федра

О боги! что себя сотворшей зрю?

Л. 80—81 об.: Поправки к четвертому действию.

Л. 84: Продолжение поправок Державина к четвертому действию. Назван: «Продолжение 4 действия».

Л. 85: Продолжает предыдущий лист и содержит поправку к реплике Федры на л. 88 об.

Л. 89: Поправки к пятому действию.

На л. 97 об.: запись: «Кончена августа 27 дня 1809 года». Поправки из этой тетради внесены в предыдущую.

3. Тетрадь в лист, состоящая из трех тетрадок, сшитых между собой. Общее количество листов — 40. Архивная пагинация: 100—140. Л. 129 — вкладной. Текст вписан Е. М. Абрамовым только на четных страницах. Он занимает левую сторону разворота, правая оставлена для исправлений Державина, которых множество, как в самом тексте, так и на чистых листах. Текст доведен до начала третьего действия (л. 140 об.) и прерывается на реплике Еноны:

Итак, питаешь огонь ты в лютот злостраданье,
Который потушить должна б иметь старанье.

Исправления из этой тетради внесены в предыдущую.

4. Отдельно вложенные четыре листа (л. 141—144). На них Державиным выписан вариант пятого явления второго действия (Сцена признания Федры Ипполиту); от реплики Федры: «Се он! и кровь моя вся к сердцу вдруг стремится» до реплики Еноны: «Беги, скорей беги от гнусна столь позора».

5. Отдельно вложенные четыре листа (л. 145—148), содержащие замечания неизвестного относительно ошибок против просодии, неточностей перевода и стилистических ошибок ко всем пяти действиям. Указывается номер стиха, выписано неудовлетворительное место, и к нему — замечание. Всего 101 пример. Замечания относятся к тексту из второй тетради, и в третьей большинство из них исправлено.

П. Л. Б. Де Беллуа «Зельмира»

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 32. 98 л. Перевод трагедии Де Беллуа «Зельмира». Единица хранения содержит следующие рукописи:

1. Л. 1—54: Копия XIX в. Из них: Л. 1—2: «К читателю». Л. 3—54: Зельмира. Трагедия в пяти действиях.

2. Л. 55—98: Тетрадь в переплете, содержащая писарскую копию перевода с поправками Державина. На форзаце (л. 56—56 об.) — набросок предисловия («К читателю») — черновой автограф Державина. Между л. 84 и 85 вложен листок, предназначавшийся для вклейки, с репликой Евриала (воину): «А ты сей мавзолей имей во охраненье // Коль нужно, дай мне знак, приду на помощь вмиг. (*Хочет идти к городу*)».

РНБ, ф. 247, т. 2, л. 53 об. Отрывок из перевода трагедии (д. IV, явл. 1). Автограф Державина. Начало:

Полидор в оруженьи и троянский воин (*входящие между храма и гробницы*). Полидор (*Полидор с трудом идет, держащий в руке меч, воин его поддерживает*): «Почтенной дочери несчастнейший отец...»

По-видимому, Державин не только перевел трагедию Де Беллуа «Зельмира», но также занимался переводом его трагедии «Тит».⁴⁸ Перевод представлен отрывком, который в архивном описании ошибочно обозначен как начало оригинальной трагедии: **РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 30.** 4 л. Начало трагедии «Тит». Автограф Державина. Без даты. В академическом собрании «Сочинений» не упомянут.

П. Метастазо «Милосердие Тита»

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 29. 75 л. Перевод оперы Метастазо «Тит».⁴⁹ Единица хранения содержит следующие рукописи:

1. Л. 1—33 об.: Тит. Опера в двух действиях. Писарская копия с поправками Державина. Перевод белым четырехстопным ямбом. Некоторые речитативы переведены разностопным белым ямбом. Вокальные номера переведены рифмованными стихами разных метров.

2. Л. 34—74 об.: Тит. Опера в двух действиях. Копия XIX в., с карандашными пометами. На л. 34 об. — набросок примечания (автограф Я. К. Грота), вошедшего в IV том (С. 796).

II. *Метастиазо «Фемистокл»*

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 28. 98 л. Перевод оперы *Метастиазо «Фемистокл»*.⁵⁰ Единица хранения содержит следующие рукописи:

1. Л. 1—44. *Фемистокл*. Опера в трех действиях. Писарская копия с поправками Державина. Без даты. Перевод белым четырехстопным ямбом. Вокальные номера переведены стихами, причем все они построчно зачеркнуты и над каждой строкой вписан новый ее вариант. Каждый вокальный номер отмечен красными чернилами (знак фигурной скобки слева) и пронумерован. На л. 43 об. — три варианта перевода финального хора.

2. Л. 45—98: *Фемистокл*. Опера в трех действиях. Копия XIX в.

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 45. 35 л. Г. Р. Державин. Черновые наброски для пьес «Грозный» и «Фемистокл». Единица хранения представляет собой тетрадь в обложке, содержащую наброски пьес, вписывавшиеся с конца тетради, которая была перевернута. Из них л. 26: Список действующих лиц оперы «Фемистокл»; л. 25 об.—24: Черновой автограф первого явления первого действия оперы; л. 23—23 об.: заново начатое первое действие.

РНБ, ф. 247, т. 4, л. 96 об.—97. (Во вкладке «Разные мелкие сочинения и переводы Державина»). Черновой автограф отрывка из перевода «Фемистокла». Содержит наброски д. I, явл. 5 и 13; д. II, явл. 3 и 4; д. III, явл. 3 и 4. Отдельно выписана ария Роксаны, ее реплика, затем ария Ксеркса и еще одна ария Роксаны. В наброске д. III отсутствуют указания, какие действующие лица проносят реплики.

К переводу Державиным оперы *Метастиазо «Фемистокл»* имеет отношение следующая рукопись:

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 14, № 38. 22 л. *Метастиазо*. *Фемистокл*. Трагедия. Перевод кн. П. Г. Гагарина.⁵¹ Без даты. Автограф Гагарина. На л. 1 — запись Я. К. Грота: «Чье это? Из бумаг Ф. П. Львова». Л. 1—19: текст перевода (прозой). На л. 19 — запись переводчика:

«Желая скорее исполнить вашу волю, я перевел или, лучше сказать, переложил, и во многих местах буквально, *Метастиазова Фемистокла*. Перевести, конечно, можно гораздо лучше, — и я бы мог перевести, но нашел бы принужденным часто удаляться от оборотов и речений, *Метастиазо* свойственных. Намерение же мое было не перевод, который бы мог льстить моему самолюбию, а исполнение воли вашей. Сначала вздумалось мне перевести кое-какими белыми стихами, но так выходило не складно, что я скоро приметил, что если на себя понадеюсь, то совершенно *Метастиазия* обезобразу, вот вам образец: <...> (на л. 19 об. следует начало первого действия, переведенного белым шестистопным ямбом. На л. 20 — продолжение записи. — А. Д.) Довольно сего — доказать вам, что я не из лени перевел прозою и как можно простее, а затем, чтоб не совсем изуродовать *Метастиазия*. Приметить должно, что италические поэты в восклицаниях к звездам всегда подразумевают судьбу. Меломания италианцов принуждала *Метастиазия* оканчать лучшие свои сцены по-чижиному. Сии песенки переведены мною почти буквально, чтобы как можно менее от подлинника отдаляться, а какими бы пло-

хими стихами ни перевел их, все бы уже вышло мое, а не Метастазиево. В доказательство вот она же — узнаете ли вы их». Далее следуют стихотворные переводы вокальных номеров (Л. 20—21 об.). Переведены 26 из 27; № 2 дан в двух вариантах. На л. 22 — запись Державина: «Забава моего уединения князя Гагарина». ⁵²

В фонде находится также еще один перевод кн. Гагарина из театра Метастазии, сделанный для Державина: РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 14, № 30. 25 л. Автограф Гагарина. Без даты. В описании фонда драма ошибочно названа переводом трагедии К.-Ж. Дора «Аттилий Регул». Ошибка произошла, по-видимому, вследствие того, что на обложке рукописи имеется помета Я. К. Грота: «*Есть трагедия Dorat Régulus в 3-х действиях (Пуб. библ. 6/ХI 5—4)*». В действительности же, это — перевод оперы Метастазии «Аттилий Регул». ⁵³ Перевод выполнен прозой. На л. 24 об. запись переводчика: «*В сем переводе я от оборотов подлинника и речений (хотя многие по-русски и по необычности нелепы кажутся) почти нигде не удался*». Далее следует начало перевода оперы Метастазии «Олимпиада» (действующие лица и место действия) ⁵⁴ тем же почерком.

Обзор изданий и сохранившихся рукописей показывает, что научное представление о корпусе драматических произведений Державина находится в стадии формирования; некоторые произведения еще только должны быть введены в научный оборот, ряд проблем текстологического характера (прочтение, датировка и атрибуция списков, установление соотношений между редакциями и тому подобное) ждет своего решения.

Предлагаемый обзор в определенной мере приближает нас к решению этой проблемы, давая представление о том, какими источниками необходимо пользоваться исследователю при изучении текстов драматических произведений Державина в полном объеме. Предпочтение должно быть отдано прежде всего, конечно, рукописям. Вслед за ними, наибольшим авторитетом обладают прижизненное авторское издание 1808—1816 гг. и академическое издание 1864—1883 гг. Остальные издания могут учитываться как вспомогательные.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Уточнения к описанию Ф. 96 (Державин) РО ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН

Ф. 96, оп. 14, № 24. 66 л. Б/д. Писарская копия прозаического перевода комедии неизвестного автора «Школа отцов». ⁵⁵ Оригиналом перевода является комедия «L'École des pères» П.-А. Пьейра (Peyre, 1752—1830). ⁵⁶ «Школа отцов» (1782) принесла автору успех в Ниме и Монпелье. В Париже она была сыграна впервые 1 июня 1787 г. В следующем году издана с посвящением четырнадцатилетнему герцогу Шартрскому, ⁵⁷ наставником которого, по предложению

нию герцога Орлеанского, его отца, в том же году стал Пьейр. Перевод «Школы отцов» Пьейра в России XVIII в. не издавался.

Ф. 96, оп. 14, № 43. 22 л. Рубеж XVIII—XIX в. Автограф неизвестного. Роль графа Тюпсен из комедии неизвестного автора «Честолюбивый» (*Le Glorieux*). На французском языке. Рукопись представляет собой роль графа Тюфьера (*Tufière*) из комедии популярного французского литератора XVIII в. Ф.-Н. Детуша (*Destouches, 1680—1754*) «Честолюбивый» (*Le Glorieux*) (1732).⁵⁸ Перевод «Честолюбивого» в России XVIII в. не издавался.⁵⁹

Ф. 96, оп. 14, № 72. 3 л. Б/д. Отрывок из неизвестной драмы (Андрей и Торини). Рукопись представляет собой отрывок из комедии Н. А. Львова «Сильф, или мечта молодой женщины».⁶⁰ Писарская копия без поправок и помет. Л. 1—1 об.: д. II, явл. 1 до реплики Торини: «Злово руска мужик бул...» (226); л. 2—2 об.: д. I, явл. XV. Нелест и Нина (224); л. 3—3 об.: Отрывок из д. I, явл. 14 от реплики Миры: «Мне долг велит вам во всем повиноваться» до конца явления (223). Текст этого отрывка отличается от опубликованного.

¹ *Державин Г. Р. Сочинения / С объяснительными примечаниями Я. Грота.* СПб., 1864—1883. Т. 1—9. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием в скобках номера тома (римская цифра) и номера страницы (арабская цифра).

² См.: *Гуковский Г. А. Литературное наследство Г. Р. Державина // Литературное наследство.* М., 1933. Т. 9—10. С. 369—396; *Западов В. А. Неизвестный Державин // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка.* 1958. Т. 17, вып. 1. С. 45—54; *Основы текстологии / Ред. В. С. Нечаева.* М., 1962. С. 40—45 (Раздел «Очерк истории текстологии новой русской литературы»). Автор — А. Л. Гришунин); *Западов В. А. Текстология и идеология (Борьба вокруг литературного наследия Г. Р. Державина) // Проблемы изучения русской литературы XVIII в.* Л., 1980. Вып. 4. С. 96—128.

³ См., например, вариант финала «Евпраксии» (IV, 378—379).

⁴ *Зорин А. Л. Глагол времен (Издания Г. Р. Державина и русские читатели) // «Свой подвиг свершив...»: Сб. очерков.* М., 1987. С. 132.

⁵ *Державин Г. Р. Торжество восшествия на престол ее императорского величества Екатерины Втория, отправленное в Тамбове 1786 года июня 28 дня.* Тамбов: Вольная тип., 1788. 10 с. На экземпляре Российской Национальной библиотеки рукою Державина написано: «Сие было, к несчастью, сделано в честь тому, который покровительством дурных людей и оклеветанием честных показал низкую душу и худые нравы. Как мудроно познавать людей!» (См.: РНБ, ф. 247, т. 32, аллигат 5). О ссоре Державина с И. В. Гудовичем, которому было посвящено «Торжество восшествия», см.: VIII, 503—504, 507, 513, 519—521.

⁶ *Державин Г. Р. Пролог на открытие в Тамбове театра и народного училища. Представлен в день тезоименитства ее императорского величества ноября 24 дня 1786 года.* СПб.: тип. Акад. Наук, 1787. 23 с.; То же. Издание второе. В пользу Тамбовского приказа общественного призрения. Тамбов: Вольная тип., 1787. Имеется два варианта: первоначальный — с перечислением опечаток на обороте с. 23 и исправленный — без списка опечаток.

⁷ *Державин Г. Р. Описание праздника, бывшего по случаю взятия Измаила, у его светлости господина генерал-фельдмаршала и великого гетмана князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, в присутствии ее императорского величества и их императорских высочеств, в Петербурге, в доме его близ Конной гвардии, 1791 года апреля 28 дня.* СПб.: печ. у И. К. Шнора, 1791. 39 с.

⁸ См.: *Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725—1800.* М., 1962. Т. 1. С. 280. № 1785; С. 282. № 1797, 1798.

⁹ *Державин Г. Р. Сочинения*. СПб.: тип. И. К. Шнора, 1808. Ч. 1—4; СПб.: тип. Плавильщикова, 1816. Ч. 5. Об авторской правке Державина в экземплярах этого издания, хранящихся в Российской государственной библиотеке, Библиотеке Российской Академии наук и в библиотеке Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, см.: Маргиналии русских писателей XVIII века. СПб., 1994. С. 52—53; 63—65.

¹⁰ См.: Русский вестник. 1809. № 4. С. 135—141. Об издании и о рецензии см.: *Сперанская В. В. Историко-литературная судьба драматургии Г. Р. Державина // Историко-литературный сборник*. Калуга, 1970. С. 15—16.

¹¹ *Державин Г. Р. Ирод и Мариамна. Трагедия в пяти действиях*. СПб.: Морская тип., 1809. Фактически издание вышло в 1810 г., поскольку цензурное разрешение на него было получено 30 сентября 1810 (См.: РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 19. Цензурный экземпляр трагедии «Ирод и Мариамна». Л. 1).

¹² О постановке см.: *Аранов П. О. Летопись русского театра*. СПб., 1861. С. 190; *История русского драматического театра: 1801—1825*. М., 1977. Т. 2. С. 107—109 (автор раздела «Репертуар» — Т. М. Родина); С. 480 (репертуарная сводка).

¹³ См., например, экземпляры Санкт-Петербургской Государственной театральной библиотеки (далее СПб ГТБ) I.39.1.62. и I.20.2.88. Об участии Державина в конкурсе Российской Академии на лучшую «трагедию российскими стихами» см. в комментарии Я. К. Грота (IV, 211—212).

¹⁴ О планах Державина по изданию своих трагедий см.: *Сперанская В. В. Историко-литературная судьба драматургии Г. Р. Державина // Историко-литературный сборник*. Калуга, 1970. С. 17.

¹⁵ См.: Чтения в «Беседе любителей русского слова». 1811. Кн. 3. С. 130—131.

¹⁶ См.: Чтения в «Беседе любителей русского слова». 1814. Кн. 14. С. 154.

¹⁷ См.: Журнал древней и новой словесности, издаваемый В. Н. Олиным. 1818. Ч. 2. Кн. 8. С. 192—198. К названию трагедии сделано следующее примечание: «Трагедия сия в пяти действиях, сочинена покойным Гавриилом Романовичем Державиным».

¹⁸ РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 26, л. 6 об.

¹⁹ Указание на нее найдено в картотеке В. Н. Всеволодского-Гернгросса, хранящейся в СПб ГТБ.

²⁰ См.: *Державин Г. Р. Сочинения*. СПб.: тип. А. Смирдина, 1831. Ч. 4; *Державин Г. Р. Сочинения*. СПб.: тип. А. Смирдина, 1834. Ч. 4.

²¹ *Державин Г. Р. Сочинения*. СПб.: тип. И. Глазунова и К^о, 1843. Ч. 4. С. 227—306.

²² См.: *Державин Г. Р. Сочинения / Изд. Д. П. Штукина*. СПб.: тип. К. Жернакова, 1845. Ч. 4. С. 225—341, 379.

²³ См.: *Державин Г. Р. Сочинения / Изд. А. Смирдина*. СПб.: тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1847. Т. 2. С. 423—642; *Державин Г. Р. Сочинения / Издание А. Смирдина. Издание 2-е*. СПб.: тип. Я. Трея, 1851. Т. 2. С. 217—610.

²⁴ Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице Е. Н. Львовой в 1809 году, изданные Ф. П. Львовым в четырех частях. СПб. 1834.

²⁵ *Державин Г. Р. Темный. Трагедия в пяти действиях*. СПб., 1852.

²⁶ Отечественные записки. 1852. Т. 84. № 9. Библиографическая хроника. С. 10—11.

²⁷ Там же. С. 10.

²⁸ См.: *Державин Г. Р. Избранные сочинения. Записки, стихотворения, драматические произведения. С вводными заметками, примечаниями историческими, критическими и библиографическими и алфавитными указателями Льва Поливанова*. М., 1884. С. 363—388; *Сочинения Державина*. СПб., 1895. Т. 4 (Бесплатное приложение к журналу «Север» 1895 г. Библиотека «Севера»).

²⁹ См.: Стихотворная трагедия конца XVIII—начала XIX вв. М., 1964. С. 290—364.

³⁰ Там же. С. 605—611.

³¹ Ср. с мнением М. Г. Альтшуллера, что использование автором именно одного исторического источника при создании пьесы является характерной чертой преромантической и романтической исторической драматургии (См.: *Альтшуллер М. Г. «Ирод и Мариамна» Гавриила Державина (К вопросу о формировании русской пре-*

романтической драмы) // Гаврилы Державин (1743—1816): Сб. статей и материалов. Норвич; Вермонт, 1995. С. 232—233).

³² Соответственно: ф. 247 и ф. 96. Очерк архива в целом см.: *Гуковский Г. А.* Литературное наследство Г. Р. Державина // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9—10. С. 369—396.

³³ См.: Отчет императорской Публичной библиотеки за 1892 г. СПб., 1895. С. 9—117.

³⁴ Машинописное описание хранится в РО ИРЛИ; уточнения к нему сделаны Ю. В. Стенником (приложены к описи). См. также: *Бабкин Д. С.* Архив Г. Р. Державина в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР // Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. М.; Л., 1952. Вып. 3. С. 71—84. В ходе просмотра несколько уточнений было сделано также и нами (см.: Приложение).

³⁵ РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 18 и РНБ, ф. 247, т. 25, л. 219—226.

³⁶ За лобезное указание шифра этой рукописи приношу сердечную благодарность Н. В. Пак.

³⁷ Это предложение вписано на поле слева.

³⁸ Вставлено сверху.

³⁹ Ср.: IV, 186.

⁴⁰ Ср.: IV, 321.

⁴¹ См., например: Материалы к истории театральной культуры России XVII—XX вв. Аннотированный каталог / Сост. В. Ф. Петрова. Л., 1984. Вып. 2. Пьесы. Либретто. Нотные материалы. Кн. 1. Материалы XVII в. — 1917 г. С. 41 (№ 215).

⁴² Вписано Державиным сверху.

⁴³ Об этой рукописи см.: *Никитин А. Г.* Уральская явка. Пермь, 1976. С. 150—165 (Очерк «„Хочу попытаться в драматическом поле“. Как Г. Р. Державин стал певцом Перми»). Автор рассматривает связь Державина с Пермским краем и указывает на связь «Рудокопов» с «Российской горной историей» Н. С. Ярцева, а также на типологическое сходство хоров горнорабочих в этой опере с записями песен «бергалов» из коллекции И. М. Захарова, хранящейся в Пермском краеведческом музее. Хотя при написании своей статьи Никитин пользовался материалами Державинского фонда Пушкинского Дома, им, к сожалению, не был отмечен тот факт, что в архиве Державина находится фрагмент «Российской горной истории» Н. С. Ярцева, содержащий описание уральских гор (РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 14, № 32. Рукопись неизвестной руки. Нач. XIX в. 43 л.), полный рукописный текст которой, как указывает исследователь, хранится в Ленинградском горном институте.

⁴⁴ Исправлено вместо: *в пяти*.

⁴⁵ См.: *Демин А. О.* Оперное либретто Г. Р. Державина «Эсфирь» // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 358—408.

⁴⁶ Исправлено вместо: *Карла*.

⁴⁷ Вероятнее всего, это — результат работы П. А. Корсакова, сличившего в 1813 г. перевод Державина с подлинником (VI, 377; VIII, 886).

⁴⁸ В его распоряжении мог быть прозаический перевод Я. И. Благодарова: Тит, трагедия в пяти действиях Г. де Беллуа. М., 1787. О переводе Благодарова см.: *Словарь русских писателей XVIII в.* Л., 1988. Т. 1. С. 92—94 (Автор — В. Д. Рак); *История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь.* XVIII в. СПб., 1996. Т. 2. Драматургия. Поэзия. С. 74 (Автор — П. Р. Заборов).

⁴⁹ Ср.: *Tutte le opere di Pietro Metastasio / A cura di V. Brunelli.* 2-a ed. Milano, Mondadori, 1953. Vol. 1. P. 693—750.

⁵⁰ Ср.: *Tutte le opere...* P. 865—919.

⁵¹ О нем см.: *Словарь русских писателей XVIII в.* Л., 1988. Т. 1. С. 191—192 (Автор — Н. Д. Кочеткова).

⁵² Имеется в виду сборник сочинений кн. Г. И. Гагарина «Забавы уединения моего в селе Богословском», изданный его сыном П. Г. Гагариным в 1813 г.

⁵³ Ср.: *Tutte le opere...* P. 971—1021.

⁵⁴ Ср.: *Tutte le opere...* P. 580.

⁵⁵ Шифры и краткие описания единиц хранения даются по машинописной описи фонда, находящейся в РО ИРЛИ.

⁵⁶ О нем см.: *Grand dictionnaire Larousse Universel du XIX siècle.* Paris, 1876. T. 12. P. 998.

⁵⁷ См.: *Pieyre P.-A.* L'Ecole des pères, comédie en cinq actes, en vers, représentée pour la première fois par les Comédiens Français, le 1 Juin 1787. Paris, 1788.

⁵⁸ См.: *Destouches F. N. Le Glorieux, comédie en vers, en cinq actes. Utrecht, 1732.*

⁵⁹ Издания переводов других комедий Детуша в России XVIII в. см.: Сводный каталог русской книги XVIII в. 1725—1800. М., 1962. Т. 1. С. 287—288. № 1839—1843.

⁶⁰ См.: *Львов Н. А. Избранные сочинения / Вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарии К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1994. С. 202—252.* Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера страницы в скобках.

Т. Г. Иванова

К ИСТОРИИ АРХИВНОГО ФОНДА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Общеизвестно, что основателем Пушкинского Дома, получившего в послереволюционной России второе наименование — Институт русской литературы Российской Академии наук, — был Б. Л. Модзалевский. Однако создание этого всемирно известного филологического научно-исследовательского центра было бы невозможно без влиятельной поддержки одного из представителей царствующего Дома Романовых — великого князя Константина Константиновича (1858—1915). В силу многих обстоятельств (исторические события, должностное положение, и, самое главное, собственные историко-культурные интересы) Константин Константинович оказался причастен к становлению Пушкинского Дома.

3 мая 1889 г. именным указом Александра III Константин Константинович был назначен президентом императорской Академии наук. Образ Пушкина для великого князя, поэта К. Р., был священным, и мысль об увековечении в той или иной форме памяти о гении русской поэзии все время занимала Константина Константиновича. 29 января 1897 г. он писал вице-президенту Академии известному филологу, пушкинисту Л. Н. Майкову: «Сегодня, в годовщину смерти Пушкина, более чем когда-либо хочется видеть осуществленную мечту об учреждении общества его имени. Я очень надеюсь, что вы будете помогать мне в достижении цели».¹ В ноябре 1898 г. Константин Константинович как президент Академии обратился к царю с ходатайством об учреждении Комиссии по устройству празднеств 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина. Председателем этой Комиссии стал он сам. В ходе подготовки к юбилею были проведены работы по реставрации могилы поэта в Святогорском монастыре; государством приобретено село Михайловское для последующего устройства в нем какого-либо благотворительного учреждения; развернулась работа по подготовке академического собрания сочинений. Тогда же по ходатайству Констан-

тина Константиновича была увеличена пожизненная пенсия Марии Александровне Гартунг, старшей дочери А. С. Пушкина.²

20 апреля 1899 г. великий князь встал во главе еще одной Комиссии — по проведению подписки и сооружению памятника А. С. Пушкину в Петербурге. 29 апреля, опять-таки по инициативе Константина Константиновича, внутри Академии наук при Отделении русского языка и литературы был создан Разряд изящной словесности — аналог существовавшей параллельно с Санкт-Петербургской Академией наук с 1783 по 1841 г. Российской Академии, членом которой был А. С. Пушкин. По положению Разряд изящной словесности должны были составить писатели, поэты и исследователи в области художественной словесности.

Постепенно наряду с планами сооружения памятника великому поэту в Пушкинской комиссии выкристаллизовалась еще одна идея — создание Пушкинского Дома.³ 22 сентября 1906 г. Константин Константинович записывал в своем дневнике: «В 2 часа у меня в столовой собралась Пушкинская комиссия — граф И. И. Толстой, вице-президент и неперемный секретарь Академии наук, Саломон, Исаков, Султанов. Предполагали кроме памятника Пушкина на Петербургской стороне, при съезде с Троицкого моста, направо на набережной выстроить Пушкинский дом для хранения рукописей и всего относящегося к Пушкину и писателям, появившимся после него. Обсуждали „положения“ этого Дома». 28 февраля 1907 г. проект Положения о Пушкинском Доме был одобрен Комиссией, а 14 июля император Николай II его утвердил. В Положении говорилось: «Дом Пушкина учреждается в благоговейную память о великом русском поэте Александре Сергеевиче Пушкине, для собирания в нем всего того, что касается Пушкина как писателя, человека и гражданина...».⁵

Пушкинский Дом явился, таким образом, одним из деяний Константина Константиновича на поприще служения Академии наук. В предреволюционные годы сюда начали стекаться рукописные, изобразительные материалы и мемориальные предметы, связанные с историей русской изящной словесности. Поначалу все собранные сокровища русской культуры хранились в главном здании Академии и находились в ведении Б. Л. Модзалевского, служившего заведующим Архивом Конференции (то есть Общего собрания Академии). Сюда же, в Пушкинский Дом, К. Р. завещал и литературную часть своего собственного архива. История этого фонда, хранящегося ныне в Рукописном отделе Пушкинского Дома, представляет особый интерес (РО ИРЛИ, ф. 137). Отметим, что история фонда Константина Константиновича сложна и многоэтапна. Дело личного фонда № 137 (делопроизводственный документ для служебного пользования), к сожалению, многие вопросы проясняет не до конца: записи лаконичны и часто очень неконкретны. Более информативной оказалась подборка документов, находящихся в Петербурге в Архиве Академии наук (ААН, ф. 150, оп. 1—1915, № 1: «Канцелярия Пушкинского Дома об архиве Константина Романова»). На эти материалы мы и будем опираться.

Константин Константинович скончался 2 (15) июня 1915 г. Завещание великого князя относительно его архива звучало следующим образом: «Завещаю императорской Академии наук: 1) мое собрание автографов императрицы Екатерины II, Пушкина, Лермонтова, А. Н. Майкова, Тютчева и других русских писателей; 2) альбом Ю. Н. Бартенева; 3) мою переписку с Як. Карл. Гротом, Аф. Аф. Шеншиным (Фетом), Аполлоном Ник. и Леонидом Ник. Майковыми, Як. Петр. Полонским, Ник. Ник. Страховым, П. И. Чайковским, А. Ф. Кони, академиками, учеными и писателями и т. д.; 4) альбом, содержащий письма, полученные по поводу перевода и представления „Трагедии о Гамлете, принце Датском“ и касающиеся моих произведений; 5) все мои рукописи стихотворений и литературных и критических трудов; 6) пакеты с бумагами, касающиеся императорской Академии наук; 7) все собрание тетрадей моего дневника, которому быть хранимым неприкосновенно в библиотеке или архиве Академии. Ни ближайшим моим родным, ни посторонним не предоставляю права читать мой дневник в течение девяноста (90) лет по моей кончине. По прошествии этого срока по усмотрению Академии, но не иначе, как с благосоизволения царствующего Государя императора и с согласия старейшего из прямых моих потомков, дневник мой, частями или полностью, может быть напечатан; 8) перстень А. С. Пушкина (золотой с четырехугольным изумрудом); 9) перо А. А. Фета, две картины, писанные Я. П. Полонским, им мне подаренные. (На одной из них изображен дом Фета-Шеншина в Воробьевке). Всё означенное в этих девяти пунктах должно поступить в Пушкинский Дом по его созданию, в отдел имени Леон. Ник. Майкова, а до этого храниться в русском отделении Библиотеки императорской Академии наук. Дневник же мой и по создании Пушкинского Дома должен оставаться в названной Библиотеке».⁶

Уже в ноябре 1915 г. первая часть рукописей, завещанных К. Р. Академии наук, находилась в ее распоряжении. 24 ноября чиновник особых поручений Академии Владимир Александрович Рышков докладывал непременно секретарю академику Сергею Федоровичу Ольденбургу: «Имею честь представить вашему превосходительству полученные мною сего числа предметы из конторы в Бозе почившего великого князя Константина Константиновича, переданные в императорскую Академию наук на основании завещания его императорского высочества, согласно описи, на которой мною učinена расписка в получении».⁷ И далее перечисляются почти все из названных выше документов и предметов. Здесь же дано краткое описание содержания портфеля с собранием автографов выдающихся исторических лиц и писателей (Екатерина II, митрополит Платон, Пушкин, Лермонтов, Гете, Шиллер и др.).

На первом заседании 1916 г., 9 января, С. Ф. Ольденбург доложил Общему собранию Академии наук дополнительный список предметов из наследия К. Р., переданных в Академию. Список следующий: «1) Переписка великого князя с писателями: 2 тома переписки с А. А. Шеншиным-Фетом. 2 тома переписки с Я. П. Полонским. 1 том переписки с Н. Н. Страховым. 1 том переписки с П. И. Чайковским. 1 том переписки с А. Н. Майковым. 1 том

переписки с И. А. Гончаровым. 1 том переписки с Л. Н. Майковым. 2) 7 черновых тетрадей литературных трудов великого князя. 3) Связка ключей от 66 дневников великого князя».⁸ На отпечатанном типографским способом экземпляре данного списка, хранящемся в Архиве Академии наук, имеется расписка В. И. Срезневского, стоявшего в то время во главе Рукописного отделения Библиотеки Академии наук: «Восемь томов переписки, семь тетрадей трудов В<еликого> Князя и 1 ключ принял в Рукоп<исное> отд<еление> Библиотеки имп<ераторской> Акад<емии> наук. В. Срезневский. 18.II.916» (ААН, ф. 2, оп. 1—1915, № 35, л. 80).

Сразу же скажем, что большая часть архива К. Р., завещанная им лично в Пушкинский Дом, в конце концов здесь и осела, хотя не все документы оказались в его личном фонде. Обозначим особо значимые комплексы материалов. Переписка великого князя с выдающимися деятелями русской культуры, бережно сохраненная Константином Константиновичем (после смерти дорогих ему корреспондентов К. Р. просил родственников вернуть его собственные письма) и переплетенная в отдельные тома, в настоящее время хранится в его личном фонде: с П. И. Чайковским — ф. 137, № 78; с И. А. Гончаровым — № 65; с А. Н. Майковым — № 66; с Л. Н. Майковым — № 67; с Я. П. Полонским — № 70—73; с Н. Н. Страховым — № 74; с А. А. Фетом — № 75 и 76. Этот материал бесценен и в связи с изучением биографии поэта К. Р., и в связи с творчеством его великих корреспондентов. В отдельные тома переплетены также отзывы различных лиц на его стихотворения (№ 88) и на перевод и постановку шекспировского «Гамлета» (№ 120). Творческие рукописи Константина Константиновича (его стихотворения, варианты драмы «Царь Иудейский», переводов Шекспира, Шиллера, Гете и др.) составляют массив документов — № 1—29. Сохранились критические отзывы Константина Константиновича на стихотворения других авторов, написанные им в связи с вопросом о присуждении какой-либо премии (№ 31—54). Об остальных документах и памятных вещах, упомянутых в завещании К. Р., будет сказано ниже.

Следует сказать, что передача в Академию наук отдельных материалов из архива К. Р., имеющих литературный характер, продолжалась на протяжении всего 1916 и 1917 гг. Так, 3 февраля 1916 г. С. Ф. Ольденбург благодарит Р. Ю. Константиновского, душеприказчика великого князя, за передачу рукописей К. Р. «Возрожденный Манфред» (современный шифр: РО ИРЛИ, ф. 137, № 17) и «Трагедия об Отелло, венецианском мавре» (шифр: ф. 137, № 29) (запись о поступлении этих рукописей в Академию наук см.: ААН, ф. 2, оп. 1—1915, № 35, л. 84). 3 июня 1916 г. Академия получила бювар с 53 листами со стихотворениями Константина Константиновича (там же, л. 89). 22 ноября Академия обращается к шталмейстеру Двора великого князя Н. Н. Ермолинскому с просьбой передать вдове К. Р., великой княгине Елисавете Маврикиевне, благодарность за присылку двух тетрадей: первой — с рукописью «Переделка Царя Иудейского» и речью о поэте А. А. Голенищеве-Кутузове, читанной Константином Константиновичем 27 октября 1913 г. на публичном заседании Разряда изящной словесности (в

настоящее время шифр: ф. 137, № 15)⁹ и второй — с переводом статьи Шиллера «О пользовании хором в трагедии» (шифр: ф. 137, № 28) (запись об этих рукописях см.: ААН, ф. 2, оп. 1—1915, № 35, л. 92—93). 11 ноября 1917 г., буквально через несколько дней после Октябрьского переворота, С. Ф. Ольденбург отсылает письмо князю В. А. Шаховскому с просьбой поблагодарить Елисавету Маврикиевну за передачу ею пятнадцати акварельных рисунков к трагедии «Гамлет» (там же, л. 95).

В связи с тем, что Пушкинский Дом в 1915 г., когда скончался Константин Константинович, не имел своего здания и в соответствии с распоряжением самого великого князя, его архивные документы первоначально оказались в Рукописном отделении Библиотеки Академии наук. Там же переписки К. Р. с вице-президентом Академии Л. Н. Майковым решено было передать в Архив Конференции Академии. Золотой перстень Пушкина и перо Фета были помещены на хранение в кассу Правления Академии. Надо отметить, что Библиотека Академии наук очень ответственно отнеслась к хранению архива К. Р.: уже в январе 1917 г. ученый хранитель рукописей А. Л. Бем составил охранную опись рукописям Константина Константиновича.¹⁰ По этой описи мы и можем судить о первоначальном составе архива К. Р.

В Рукописном отделении БАН архив находился до 1922 г. Начало 1920-х гг. было весьма значимым в истории Пушкинского Дома периодом. Еще в апреле 1919 г. Пушкинский Дом получил собственное помещение — здание архива бывшего Таможенного департамента на Тифлисской улице рядом с Библиотекой Академии наук. Правда, переезд состоялся только в октябре 1922 г., после того, как там был сделан необходимый ремонт. Летом 1920 г. Пушкинский Дом получил в свое распоряжение также особняк С. С. Абамелека-Лазарева на Миллионной улице и в 1921 г. начал его активно осваивать, разворачивая там одну за другой выставки.¹¹ Тогда же возникла наивная в условиях новой власти мысль о создании в Мраморном дворце, до революции принадлежавшем семье Константина Константиновича, памятного отдела, посвященного К. Р. 10 марта 1922 г. Пушкинский Дом обратился в Российскую Академию истории материальной культуры (РАИМК), размещавшуюся в Мраморном дворце, со следующим запросом: «В виду того, что бывшие апартаменты поэта К. Р. в Мраморном дворце по настоящее время находятся в неприкосновенном виде, Пушкинский Дом обращается в Совет Академии с просьбой, не найдет ли он возможность передать апартаменты эти вместе с находящимся в них имуществом в ведение Пушкинского Дома для устройства на них особого отдела Пушкинского Дома имени К. Р.» (ААН, ф. 150, оп. 1—1915, № 1, л. 36; черновик). Названный проект принят не был (см. ответ РАИМК от 10 мая 1922 г. — там же, л. 40—41). Однако контакты Пушкинского Дома с Академией истории материальной культуры имели важные последствия: Мраморный дворец начал передавать в Пушкинский Дом мебель, бумаги и другие предметы.

Так, 22 марта Пушкинский Дом получил ряд рукописных материалов и вещей князя Олега (1892—1914), сына Константина Кон-

стантиновича: его лицейский знак, орден Андрея Первозванного, письма отца и матери к нему и др. (там же, л. 39). 20 июня в Пушкинский Дом поступила семейная переписка К. Р.: письма его русской и иностранной родни, детей, жены и т. д. (там же, л. 42—42 об.) и целый комплекс документов Олега Константиновича (там же, л. 43—47). Впоследствии материалы князя Олега составили в Пушкинском Доме отдельный фонд (фонд № 214).¹²

Осенью 1922 г., освоив здание на Тифлисской улице, Пушкинский Дом поднял перед Академией наук вопрос о передаче ему, согласно завещанию К. Р., основного архива великого князя. Этот вопрос решался на Общем собрании Академии 14 октября 1922 г. Сохранился следующий документ на бланке Российской академии наук: «Директор Пушкинского Дома (исполняющим обязанности директора в это время был Б. Л. Модзалевский. — *Т. И.*), напомнив Конференции (Общее собрание Академии. — *Т. И.*), что покойный президент Академии великий князь Константин Константинович завещал Пушкинскому Дому свое собрание Пушкина и других писателей, перстень Пушкина с изумрудом, перо Фета и некоторые другие материалы, с тем, чтобы все эти драгоценности хранились в Рукописном отделении Библиотеки Академии вплоть до того времени, когда Пушкинский Дом переедет в свое собственное здание, просил Конференцию сделать постановление о передаче ныне всего завещенного покойным имущества Пушкинскому Дому, так как последний фактически уже переехал в свое отдельное здание <...> Положено: передать, о чем сообщить для исполнения Рукописному отделению Библиотеки и Пушкинскому Дому. Непременный секретарь академик С. Ольденбург» (ААН, ф. 150, оп. 1—1915, № 1, л. 50). Уже 26 декабря Пушкинский Дом официально связывается с Библиотекой Академии наук по этому вопросу и поручает хранителю Н. В. Измайлову принять под расписку рукописи К. Р. (там же, л. 51).

Материалы Константина Константиновича, включая пушкинские рукописи, оказались в Пушкинском Доме, по-видимому, в начале 1923 г. В отчете Академии за 1923 г. говорится: «Обращаясь к Рукописному отделению (Пушкинского Дома. — *Т. И.*), надо отметить ряд особенно ценных в него поступлений, среди которых на первом месте следует отметить собрание рукописей Пушкина, завещенное Дому покойным Президентом Академии поэтом К. Р. (12 автографов Пушкина и альбом Ю. Н. Бартенева с автографом Пушкина)».¹³

В том же 1923 г. в Пушкинский Дом поступили золотой перстень Пушкина и перо Фета, хранившиеся с 24 ноября 1915 г. в кассе Правления Академии. Вопрос об этих драгоценных памятных вещах Пушкинский Дом поднял 4 сентября (там же, л. 52 — черновик обращения в Правление РАН), и вскоре тот же Н. В. Измайлов (там же, л. 53 — доверенность на получение) получил названные вещи.

По-видимому, в этот же период, в 1922—1923 гг., материалы, обозначенные в завещании Константина Константиновича в пункте 6 («пакеты с бумагами, касающиеся императорской Академии наук») были приданы только что созданному Архиву Академии

наук, где составили фонд 6 (фонд Президента Академии наук).¹⁴ Это был первый акт в длинной цепочке дробления архива К. Р., о чем мы будем говорить ниже. Однако в целом двадцатые годы (до 1929 г.) в судьбе архива Константина Константиновича могут считаться периодом пополнений и добавлений, а не изъятий. И главным источником пополнений был все тот же Мраморный дворец. Так, 27 октября 1924 г. Российская Академия истории материальной культуры передала в Пушкинский Дом целый комплекс документов из библиотеки Мраморного дворца (39 номеров — там же, л. 56), среди которых были: рукописный полный экземпляр «Русских пословиц» В. И. Даля, поднесенный собирателем великому князю Константину Николаевичу, отцу К. Р. (здесь же находятся документы, касающиеся разрешения данного труда на публикацию) (современный шифр: ф. 137, № 178, 179, 145); старинные списки с произведений русских писателей; записная книжка К. Р. и т. д.

Важная часть этого поступления из Мраморного дворца — коллекционное собрание автографов, полученное Константином Константиновичем от Ольги Алексеевны Новиковой (1840—1925), урожденной Киреевой, жены генерал-лейтенанта Новикова, имевшей политический салон в Англии и писавшей под псевдонимом «О.К.» статьи о политических отношениях России и Англии.¹⁵ В собрании О. А. Новиковой были автографы Гете, Байрона, мадам де Сталь, Э. Ренана, П. Мериме, А. Рамбо, Оскара Уайльда, Ференца Листа, Чарльза Диккенса, К. Д. Кавелина, Вл. Соллогуба и других деятелей культуры. О. А. Новикова была знакома с К. Р. (тот, кстати, приобрел у ее отца, генерала А. А. Киреева, небольшое имение Сенькино в Подольском уезде Московской губ.) и, зная его интерес к историко-культурным документам, передала ему часть своей коллекции. Впоследствии в Пушкинском Доме был образован личный фонд О. А. Новиковой, получивший по некоторым обстоятельствам политического характера тот же номер 137, что и фонд Константина Константиновича (см. о причинах ниже). В фонде О. А. Новиковой сохранились пустые конверты с надписями рукой фондообразовательницы: «Его императорскому высочеству великому князю Константину Константиновичу. Автографы: Palmerston. Gladstone. Clarendon. Motier и Kinglake».¹⁶ На конверте карандашная помета рукой Константина Константиновича: «На хранении в моей библиотеке. К. Р. 7.XI.1910». На другом конверте: «От О. А. Новиковой, рожд. Киреевой. Получено 9 июня 1910». На третьем: «В библиотеку. Автографы, подаренные О. А. Новиковой. 7 мая 1911» (РО ИРЛИ, ф. 137 (О. А. Новиковой), оп. 1, № 37). Эти конверты, а также перечень материалов, переданных РАИМК в Пушкинский Дом 27 октября 1924 г., бесспорно свидетельствуют, что коллекция автографов О. А. Новиковой в предреволюционные годы принадлежала Константину Константиновичу. Таким образом, значительный пласт зарубежных автографов (а именно они составляли большую часть коллекции О. А. Новиковой), которыми владеет Пушкинский Дом, связан с именем К. Р.

В 1935 г. та же Академия истории материальной культуры пополнила фонд К. Р. письмом к нему поэтессы Софьи Свириденко (от 23 октября 1912 г.), найденным в одной из книг тамошней библиотеки (современный шифр: ф. 137, № 115).

Еще одним значимым источником пополнения фонда Константина Константиновича стал личный архив Роберта Юльевича Минкельде, офицера дорогого Константину Константиновичу Измайловского полка, секретаря знаменитых Измайловских досугов, извечного корректора печатных трудов великого князя (Р. Ю. Минкельде посвящено стихотворение К. Р. «Закат над Нилом»). 24 ноября 1926 г. от него поступила серия документов: как сказано в пушкинодомской книге поступлений, это «записки» К. Р. и рукописи некоторых его статей и критических отзывов. Можно предположить, что тогда же в Пушкинском Доме оказались 95 писем за 1885—1914 гг. К. Р. к Минкельде (с обращениями типа «Милый мой Роберт», «Милый Робинька»). Укажем, что письма весьма информативны и дают интересный материал для истории Измайловских досугов (шифр: ф. 137, № 69).

В 1920—1950-е гг. в архивной практике бывшего Советского Союза не соблюдался очень важный принцип недробимости личных фондов. Поэтому внутри архивов обычными были перемещения отдельных комплексов документов из одного фонда в другой. Это касается и фонда Константина Константиновича. 7 января 1937 г. из фонда известного коллекционера Александра Евгеньевича Бурцева (1863—1937) (ф. 123) к фонду К. Р. присоединены отдельные документы. Уточнить, какие именно материалы были приданы фонду К. Р., по отложившейся документации не представляется возможным.

Первый этап научно-технической обработки личного фонда Константина Константиновича, в том виде, как архив сложился уже в Пушкинском Доме (с многочисленными дополнениями сверх завещанного самим К. Р. и с не менее многочисленными изъятиями, о которых будет сказано ниже), был завершен в 1930 г. Об этом свидетельствует фондовая карточка от 23 сентября, согласно которой архив К. Р. считался разобраным. Именно тогда была создана машинописная опись, которой пользуются до сих пор исследователи, включающая в себя 173 единицы хранения. К сожалению, имя составителя этой описи нам выяснить не удалось. На этот период в фонд К. Р. были включены отнюдь не все рукописи, полученные из Мраморного дворца после революции; часть из них оставалась неописанной. В 1955 г., когда проходил научно-техническую обработку фонд князя Олега, сына Константина Константиновича, некоторые материалы были присоединены к фонду 137. Тогда же, в середине 1950-х гг., были описаны документы, поступившие после Октябрьского переворота из Мраморного дворца. Это рукописи, которые сейчас в описи составляют единицы хранения с № 174 по 234 (рукописное дополнение к описи, составленное сотрудницей Рукописного отдела Марией Павловной Султан-Шах). В основном это старинные списки с произведений А. С. Грибоедова, В. А. Жуковского, А. В. Кольцова, К. Ф. Рылеева и других авторов первой половины XIX в. (№ 180—193, 196—205). Можно предположить, что это архив, который достался К. Р. от его отца

великого князя Константина Николаевича. В этом же комплексе документов, обработанных в 1955 г., имеются дневниковые записи на немецком языке Александры Иосифовны, матери К. Р. (№ 194), листки из альбома императрицы Александры Федоровны (№ 195), а также письма Ольги Константиновны, королевы Греческой, любимой сестры К. Р. (№ 230). Здесь же находится небольшой комплекс писем других корреспондентов Константина Константиновича (№ 219—223).

Фонд К. Р. продолжает пополняться вплоть до наших дней. Так, 25 мая 1992 г. от сотрудницы Пушкинского Дома О. А. Белобровой поступила фотография 1915 г., на которой К. Р. снят в группе с сотрудниками Константиновской геофизической обсерватории. Среди прочих — дед О. А. Белобровой Сергей Иванович Савинов и ее дядя Сергей Павлович Белобров (№ 237). 25 мая 1995 г. от другой сотрудницы Пушкинского Дома, М. М. Павловой, поступил фотопортрет дочери К. Р., Веры Константиновны Романовой, жившей в США в штате Нью-Йорк. Портрет был подарен М. М. Павловой во время ее поездки в Америку (№ 238). Наконец, 3 июня 1998 г. в библиотеке Пушкинского Дома в одной из книг случайно были найдены письмо А. Е. Грузинского к К. Р. и письмо Е. К. Кристи к нему же. Эти материалы также присоединены к личному фонду К. Р. (№ 239, 240).

Однако архив Константина Константиновича не только пополнялся; отдельные документы из него выделялись и передавались в другие фонды Рукописного отдела и даже в другие архивы. Посылаательства со стороны тоталитарной власти на архивные материалы семьи Романовых начались еще в начале 1920-х гг. 19 октября 1923 г. Российская Академия наук, ссылаясь на постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 12 сентября о сосредоточении всех материалов семьи Романовых в Центральном архиве РСФСР, обратилась в Пушкинский Дом с запросом о том, находятся ли в его распоряжении рукописи данного характера (ААН, ф. 150, оп. 1—1915, № 1, л. 54). Пушкинский Дом вынужден был отвечать положительно, подчеркивая при этом, что архив К. Р. носит литературный характер.

В 1926 г. запрос был повторен. В пушкинодомской делопроизводственной папке «Акты о передачах материала из Архива Института литературы за 1926/1937 гг.» мы находим следующий документ, подписанный академиком Николаем Петровичем Лихачевым и секретарем Пушкинского Дома Борисом Ивановичем Копланом: «14 июля 1926 г. № 498. В ответ на секретное отношение с<его> г<ода> за № 4811 Пушкинский Дом сообщает, что в собраниях Рукописного его отделения хранятся нижеследующие материалы, могущие подойти под действие декрета ВЦИК от 12 сентября 1923 г., относительно архивных материалов б<ывшей> царской фамилии и лиц, близко с ней связанных:

Архив в<еликого> к<нязя> Константина Константиновича (К. Р.)

а) литературная его часть, выделенная для П<ушкинского> Дома из поступившего в А. Н. в 1915 г. всего архива, по завещанию К. Р. <...>

б) поступившая в Пушкинский Дом в годы революции из б<ывшего> Мраморного дворца оставшаяся там часть архива К. Р. и его семьи; еще не разобрана и не описана» (л. 1).

В 1926 г., как и в 1923 г., дело, кажется, ограничилось только ответом на названное «секретное отношение». Однако в конце 1920-х гг. окрепшая тоталитарная власть действовала более решительно и последовательно. В деле фонда К. Р. имеется запись о том, что в 1929 г. Правительственной комиссией часть архива Константина Константиновича была передана в Центрархив (позднее: Центральный государственный архив Октябрьской революции; ныне: Государственный архив Российской Федерации). Обращение к делопроизводственной папке, где хранятся акты о передаче рукописных материалов в другие архивы, позволяет несколько уточнить эту краткую запись. Один из документов, относящийся к работе Правительственной комиссии, звучит следующим образом: «Из Рукописного отделения постановлением Госкомиссии во главе с тов. [Ю. П.] Фигатнером в 1929 г. были изъяты материалы, укрывавшиеся в нем в антисоветских целях <...>: материалы, коллекции и архивы, не имеющие отношения к литературе. Это архив княгини Оболенской, архив черносотенного проф. Никольского, частично архив К. Р. и многое другое» (л. 3).¹⁷ Имеется и «Опись бумаг, отобранных при просмотре Рукописных фондов Пушкинского Дома и имеющих особое значение, и бумаг, не подлежащих хранению в Пушкинском Доме». Приведем параграф четвертый этого документа: «Из архива К. Р.: Манифест Александра II (подпись-факсимиле). Письмо Плеве к К. Р. (по поводу свящ. Григория Петрова). Завещание Константина Константиновича (младшего), утвержденное Николаем II 22.II 1917 г. Секретная записка в к. Константина Николаевича Александру II. Биография Николая I, поднесенная К. Р.» (л. 4).

Устные предания, которыми богата история Рукописного отдела Пушкинского Дома и которые подчас официально заявляются в печати,¹⁸ утверждают, что в Пушкинском Доме когда-то находились и дневники Константина Константиновича, которые были изъяты Правительственной комиссией и переданы в Центрархив. Однако каких-либо документальных подтверждений этой гипотезы мы не обнаружили. Более того, в инвентарной книге поступлений Рукописного отделения Библиотеки Академии наук за 1900—1916 гг. на л. 69 мы нашли следующую запись за № 5090а: «Дневник в. кн. Константина Константиновича XIX—XX вв. 55 т<етрадок> (так! — Т. И.)». И далее на полях следует помета: «Изъято Фигатнер<овской> комиссией в 1929 г.» Сейчас эти материалы находятся в ГАРФ; недавно отдельные фрагменты этого дневника были опубликованы Э. Матониной.¹⁹

По тем же устным свидетельствам старейших сотрудников Рукописного отдела явствует, что, опасаясь дальнейших посягательств различных Правительственных комиссий на архив К. Р. и возможного изъятия ценнейших документов, сотрудники Рукописного от-

дела в свое время выделили в отдельное собрание материалы О. А. Новиковой, а точнее — попытались «запрятать» коллекционные материалы, принадлежавшие некогда Константину Константиновичу и полученные им от О. А. Новиковой, в специально созданном личном фонде этой представительницы русской культуры. По не совсем понятным мотивам, скорее всего связанным также с желанием скрыть от инспектирующего ока властей наличие в Пушкинском Доме фонда члена императорской фамилии, личный фонд О. А. Новиковой, как уже говорилось выше, получил тот же номер, что и фонд К. Р. — 137. Фонд О. А. Новиковой числится разобранным на 25 сентября 1938 г.

Напомним, что автографы видных политических и культурных деятелей Европы и России, были переданы О. А. Новиковой Константину Константиновичу в 1910-е гг., то есть с этого периода они составляли коллекционную часть архива уже не самой О. А. Новиковой, а великого князя К. Р. очень дорожил этими документами и самую ценную их часть хранил в отдельном конверте в специальном портфеле, где находились также автографы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева. По описи А. Бема это конверт 11. В настоящее время все перечисленные А. Бемом документы сохранились и находятся в фонде 137 (О. А. Новиковой): письмо князя А. А. Вяземского к М. И. Долгорукову — оп. 2, № 12; письмо князя А. С. Меншикова к В. В. Долгорукову (?) — оп. 1, № 49; два письма на французском языке П. А. Вяземского к неустановленному лицу — оп. 2, № 13; письмо Т. Н. Грановского к Павловой — оп. 2, № 20; письмо Н. В. Кукольника к А. И. Левшину — оп. 1, № 38; письмо М. Н. Загоскина к неизвестному — оп. 1, № 29; записка В. А. Жуковского к неизвестному лицу — оп. 1, № 28; письмо М. П. Погодина к неизвестному — оп. 1, № 68; письмо В. П. Боткина к О. А. Новиковой — оп. 2, № 121; письмо М. М. Сперанского к И. О. Селифонтову — оп. 1, № 85; письмо Ш. Лавалетта к неизвестному — оп. 2, № 121; письмо Джузеппе Мадзини неизвестному, которое по описи Пушкинского Дома значится как письмо Manin (?) — оп. 1, № 76; записка Фердинанда Лессепа к неизвестному — оп. 1, № 68; конверт, надписанный Джованни Пачини — оп. 2, № 91; два письма П. И. Рикорда к Пакимади — оп. 1, № 69; два письма кардинала Дж. Антонелли к неизвестному — оп. 1, № 4; два письма Бьюста, которые А. Бемом определены как письма к неизвестному, а в описи Пушкинского Дома значатся как письма к Новикову — оп. 1, № 9; письмо С. В. Свечиной к Долгорукову — оп. 1, № 82; письмо И. И. Лажечникова, которое А. Бемом определено как к неизвестной, а сотрудниками Пушкинского Дома как к сестре — оп. 1, № 39; список стихотворения Парни — оп. 1, № 94. Как видим, этот коллекционный материал оказался не только изъятым из архива Константина Константиновича, но и в фонде самой О. А. Новиковой рассыпан по разным описям. Вторая же партия документов О. А. Новиковой, как говорилось выше, поступила в Пушкинский Дом из библиотеки Мраморного дворца уже после революции. Сейчас эти материалы также находятся частично в фонде О. А. Новиковой, частично же оказались в других собраниях, хотя, повторим еще раз,

логичнее их рассматривать как коллекционные материалы архива Константина Константиновича.

В коллекционной части архива Константина Константиновича находились также бесценные сокровища русской культуры — рукописи А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Несколько слов скажем об их судьбе. Эти материалы были выделены из архива К. Р. и присоединены соответственно к личным фондам названных писателей согласно внутреннему (не связанному ни с какими политическими мотивами) решению Пушкинского Дома вскоре после того, как архив К. Р. поступил сюда из Рукописного отдела БАН. Остановимся несколько подробнее на пушкинской коллекции, находившейся во владении Константина Константиновича, и на вопросе о том, как она складывалась.

К 1899 г., юбилейному пушкинскому году, Константин Константинович был владельцем золотого пушкинского перстня с четырехугольным изумрудом. В примечаниях к своему завещанию по поводу пункта восьмого (о перстне) великий князь отмечал: «Этот перстень через немного часов по кончине Пушкина был снят с его руки вдовой его и подарен Далю, дочь которого, в супружестве Ольга Владимировна Демидова, подарила перстень мне».²⁰ Из дневника Константина Константиновича ясно, что перстень оказался в его руках 14 декабря 1892 г., когда его посетила О. В. Демидова: «Отец ее присутствовал при кончине Пушкина, только что он умер, вдова сняла с руки покойника золотой перстень с квадратным изумрудом и подарила его Далю на память. Даль носил всю жизнь этот перстень, а после его смерти он достался его дочери Демидовой. Она женщина со средствами <...> И вот она придумала подарить его мне. Я с восторгом принял этот редкостный подарок; буду хранить его как сокровище».²¹ Перстень был представлен на пушкинской выставке, проходившей в Академии наук в 1899 г.²² Сейчас эта пушкинская реликвия хранится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Петербурге.

Абсолютно ясной является история поступления к К. Р. пушкинского автографа со стихотворением, посвященным поэту-слепцу Ивану Ивановичу Козлову. В феврале 1899 г. Александра Ивановна Козлова (1812—1903),²³ 87-летняя дочь поэта И. И. Козлова, обратилась к Константину Константиновичу с предложением принять автограф пушкинского стихотворения, посвященного ее отцу («Певец! Когда перед тобой...»). Запись об этом К. Р. сделал в своем дневнике 8 февраля 1899 г. Насколько значимым было для Константина Константиновича это событие, свидетельствует тот факт, что он переписал в дневник и письмо А. И. Козловой (написанное рукой опекавшей ее Софьи Александровны Стахович), и само стихотворение А. С. Пушкина.²⁴

Данный пушкинский автограф вместе с письмами А. И. Козловой и С. А. Стахович Константином Константиновичем хранился в особом конверте (по описи А. Л. Бема конверт 4) в портфеле, где находились самые драгоценные автографы, собранные великим князем. В настоящее время письма обеих корреспонденток находятся в фонде К. Р. (ф. 137, № 176 и 177). Приведем их полностью.

А. И. Козлова — вел. кн. Константину Константиновичу

1899 г., до 8 февраля

Ваше императорское высочество!

Позвольте просить Вас взять под Ваше покровительство прилагаемое стихотворение Пушкина — автограф, полученный моим отцом, слепцом-поэтом Козловым, в ответ на посланную им Пушкину свою первую поэму «Чернец».

Я радуюсь вручить именно Вам этот драгоценный листок, в котором священная для меня память моего отца соприкоснулась с великим именем Пушкина.

Я совершенно одинока, стара (мне 37 лет) и слаба, но я живо помню встречи с Вашим высочеством у гр<афини> Блудовой²⁵ и у Якова Грота.²⁶

Примите же от меня горячее пожелание долгих лет Вашему семейному счастью, любви к доброй науке, к поэзии и к музыке.

Вашего императорского высочества
покорная слуга
Александра Козлова,
дочь поэта.

Симеоновская ул. 5, кв. 10.

С. А. Стахович — вел. кн. Константину Константиновичу

1899 г., до 8 февраля

Ваше императорское высочество!

Александра Ивановна Козлова поручила мне переслать Вашему высочеству прилагаемый автограф Пушкина с покорной просьбой решить, куда Вы пожелаете пожертвовать его: в Румянцевский ли музей или в Александровский Лицей.

Старинный друг нашей семьи, А. И. Козлова заменяет моей рукой свою дряхлую руку, вот почему и сегодня я исполняю ее поручение перед Вашим высочеством.

Примите уверение в моем глубоком уважении.

Софья Стахович.

В ответ на эти два письма Константин Константинович написал, что желал бы оставить автограф Пушкина у себя, о чем и записал в своем дневнике: «Я написал С. А. Стахович, умоляя оставить эту драгоценность у меня вплоть до моей смерти».²⁷ В ответ от нее было получено следующее письмо.

С. А. Стахович — вел. кн. Константину Константиновичу

1899 г., после 8 февраля

Как я понимаю, Ваше высочество, вашу радость! Я приложилась к листку, когда А. И. дала мне его в руки.

И предчувствуя то, что вызовет он в Вас, А. И. решила передать его Вашему высочеству.

Мне думается, что ежели Вы выразите Козловой Ваше желание, она не задумается, как поступить. Позвольте мне просить Вас сделать меня Вашим посредником, чтобы передать письмо, т<а>к к<ак> я ее глаза и руки. А она танцевала мазурку с Пушкиным, за панибрата говорила с ним — чудесно и невероятно! Аксаков писал: «Какой еще пользы? Стихи Пушкина — благодеяние!» Конечно — да. С глубоким уважением и сердечным сочувствием

Ваша покорная слуга

София Стахович.

Согласие А. И. Козловой, естественно, было получено.

А. И. Козлова — вел. кн. Константину Константиновичу

1899 г., 3 марта (?)

Ваше императорское высочество!

Не сумею благодарить, как чувствую, за милостивый ответ Ваш ко мне. Сердечно и откровенно могу сказать, что истинное мое желание и было, чтобы автограф Пушкина, столь дорогой моему отцу, приютился у Вас, в среде поэзии и сочувствия, чему и радуясь.

Благодарю Ваше высочество и прошу верить моей глубокой преданности

Александра Козлова.

3 января
1899 г.

Это письмо, как и предыдущее, написано рукой С. А. Стахович; подпись же и дата поставлены самой А. И. Козловой. Мы полагаем, что дата «3 января 1899 г.» — это явная ошибка корреспондентки. Судя по содержанию, письмо является вторым ее посланием К. Р., и следовательно, написано несколько позже 8 февраля, когда Константин Константинович сделал в своем дневнике запись о пушкинском автографе. Таким образом, мы несколько уточняем дату передачи автографа Константину Константиновичу А. И. Козловой по сравнению с той, что указана в описании Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского («декабрь 1898»)²⁸

Такова история о том, как данный автограф Пушкина оказался в распоряжении Константина Константиновича (ныне шифр: РО

ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 65). Напомним о происхождении пушкинского стихотворения «Козлову». Знакомство И. И. Козлова (1779—1840) с А. С. Пушкиным относится к послелицейскому петербургскому периоду жизни последнего. В 1825 г. И. И. Козлов послал в Михайловское Пушкину свою поэму «Чернец» (СПб., 1825) с надписью на книге: «Милому Александру Сергеевичу Пушкину от автора». В ответ в мае того же года он получил стихотворение великого поэта. 25 мая И. И. Козлов записал в своем дневнике, что Л. С. Пушкин принес ему «чудное послание» от своего брата.²⁹

Константин Константинович очень дорожил этим пушкинским автографом, гордился им и уже в мае 1899 г. представил его на Пушкинскую выставку, проходившую в Академии наук.³⁰

К 1899 г. Константин Константинович был владельцем также альбома Юрия Никитича Бартенева (1792—1866), в котором были собраны автографы видных деятелей культуры первой половины XIX в. (писатели и поэты И. И. Лажечников, Е. П. Ростопчина, В. Ф. Одоевский, М. Н. Загоскин, Н. В. Кукольник, П. А. Вяземский, Н. М. Языков и др.).³¹ Среди прочих было пушкинское стихотворение 1830 г. «Сонет», или «Мадонна» («Не множеством картин бессмертных мастеров...»), связанное с образом невесты поэта Н. Н. Гончаровой. Стихотворение было вписано Пушкиным в альбом Ю. Н. Бартенева 30 августа 1830 г., накануне отъезда из Москвы в Болдино.³² Впервые данный пушкинский автограф еще в 1863 г. был опубликован Петром Ивановичем Бартевым (1829—1912), известным пушкинистом, издателем первого журнала, специально посвященного публикации исторических и литературных документов, «Русского архива».³³

Не совсем ясно, как альбом Ю. Н. Бартенева оказался в руках Константина Константиновича. Самое логичное предположить, что сам П. И. Бартев подарил его великому князю. Этот альбом был представлен на юбилейной пушкинской выставке как собственность Константина Константиновича.³⁴ В настоящее время шифр пушкинского автографа: РО ИРЛИ, ф. 244, № 124, л. 96—96 об.

Остальная часть пушкинской коллекции Константина Константиновича сложилась уже после 1899 г. Это автографы, доставшиеся К. Р. после кончины Л. Н. Майкова (1839—1900), крупного ученого-филолога, редактора первого тома академического собрания сочинений Пушкина, вице-президента Академии наук. Эта часть пушкинского собрания К. Р. образовалась в 1902 г., когда вдова Л. Н. Майкова, Александра Алексеевна Майкова (1841—1915),³⁵ распорядилась находящимися у нее пушкинскими автографами: передала их в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук и Константину Константиновичу. Собрание самого Л. Н. Майкова, в свою очередь, восходило к семье Пушкина. В начале 1850-х годов П. В. Анненков (1813—1887), предпринявший свое издание сочинений Пушкина, получил от Н. Н. Ланской (Пушкиной) два сундука бумаг поэта. После смерти П. В. Анненкова автографами Пушкина владела его вдова Глафира Александровна Анненкова (1831—1899), которая и передала их Л. Н. Майкову.³⁶ Обратим внимание на то, что в пушкинистике обычно говорится, что владельцем автографов

был только сам Л. Н. Майков; каталог же юбилейной выставки 1899 г. владелицей отдельных рукописей называет А. А. Майкову.

Автографы А. С. Пушкина, полученные К. Р. от А. А. Майковой, хранились в конверте (по описи А. Л. Бема конверт 7), на котором было сделано распоряжение Константина Константиновича о передаче рукописей в I Отделение БАН, с датой — 26 января 1906 г. (Пушкинского Дома на то время еще не существовало). Назовем эти автографы, опираясь на описание Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского и дополняя в необходимых случаях указанием на участие того или иного автографа в юбилейной выставке 1899 г.

1. «Муза» («В младенчестве моем она меня любила...»). С датой: «1821 февр.14». Беловой автограф с поправками; чернила. С жандармскими пометами (следовательно, на момент кончины поэта этот автограф находился в его квартире). Сертификация почерка и даты карандашом П. В. Анненкова. Автограф воспроизведен: *Пушкин А. С. Сочинения / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 1. Прил. II. В юбилейной выставке 1899 г. автограф не участвовал. Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 42.*

2. «Анчар древо яда» («В пустыне чахлой и скупой...») (с датой: «9 ноября 1828 Малинники»; черновой автограф); «Ответ Катенину» («Напрасно, пламенный поэт...») (с датой: «10 ноябр. 1828. Малинники»; беловой автограф). Здесь же выписка из Кольриджа, имеющая отношение к стихотворению «Анчар» («It is a poison tree that pierced to the inmost Weeps only tears of poison. Coleridge»), и набросок плана неизвестного замысла («[Цыганка] [Зима] дорога Москва генерал Одесса»). С жандармскими пометами. Автограф воспроизведен: *Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 871 и 621. В юбилейной выставке 1899 г. автограф не участвовал. Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 102.*

3. «Ямб» («Поэт по лире вдохновенной...»); «Покойник, автор сухощавый...». Автограф относится к 1828 г. Почерк небрежный, с поправками, местами черновой; чернила. С жандармскими пометами. Автограф был представлен на юбилейной выставке 1899 г. как собственность Л. Н. Майкова (Каталог. № 22). Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 103.

4. «Казбек! Твой царственный шатер...» («Монастырь на Казбеке»); «Отрывок» («На холмах Грузии лежит ночная мгла...») (с датой: «1829 Кавказ»); «К бюсту завоевателя» («Напрасно видишь тут ошибку...») (с датой: «21 сент.»). Автограф беловой с правками; чернила. С жандармскими пометами. В юбилейной выставке 1899 г. автограф не участвовал. Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 113.

5. «Кружусь ли я в толпе мятежной...» («Брожу ли я вдоль улиц шумных...») (с датой: «26 дек. 1829 СПб. 3 часа 5 м.»). Автограф беловой; чернила. Запись на обороте записки к неизвестной на французском языке. С жандармскими пометами. Автограф воспроизведен: *Зильберштейн И. С. Из бумаг Пушкина. М., 1926. С. 13. Автограф участвовал в юбилейной выставке 1899 г. как собственность Л. Н. Майкова (Каталог. № 27). Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 116.*

6. «Сонет» («Поэт, не дорожи любовью народной» (с датой: «1 июля 1830»); «Картина» / «Сонет» («Не множеством картин бес- смертных мастеров...») (с датой: «8 июля»). Автограф белой, с по- правками; чернила. С жандармскими пометами. Автограф участво- вал в юбилейной выставке 1899 г. как собственность Л. Н. Май- кова (Каталог. № 28). Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 123.

7. «Для берегов отчизны дальней...» (с датой: «27 Ноябрь 1830 Болд»). Автограф белой, с поправками; чернила. Запись на обо- роте письма неизвестного к А. С. Пушкину по поводу выдачи сви- детельства о благополучном состоянии Болдина. Автограф участ- вовал в юбилейной выставке как собственность А. А. Майковой (Каталог. № 34). Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 146.

8. «О чем шумите вы, народные витии?» («Клеветникам Рос- сии»). С датой: «2 авг. Ц. С.», то есть 2 августа 1831 г. в Царском Селе. Автограф белой, с поправками; чернила. С жандармскими пометами. Автограф участвовал в юбилейной выставке 1899 г. как собственность А. А. Майковой. Воспроизведено: Альбом Пушкин- ской юбилейной выставки в Академии наук / Под ред. Л. Н. Май- кова и Б. Л. Модзалевского. СПб., 1899. Л. 70. Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 176.

9. «На севере он гостем был невольным...» («Он между нами жил...»). Стихотворение, посвященное А. Мицкевичу; датируется 1834 г. Автограф черновой; чернила. С рисунком: на фоне гор па- сущая лошадь. В юбилейной выставке 1899 г. не участвовал. С жандармскими пометами. Воспроизведено: Литературное наследст- во. М., 1934. Т. 16—18. С. 477. Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 198.

10. «Он между нами жил...». С датой: «10 авг. 1834 СПб». Авто- граф белой, с поправками, переходящий в черновой; чернила. С жандармскими пометами. На л. 1 сверху карандашные пометы и цифры рукой Л. Н. Майкова. Автограф участвовал в юбилейной выставке 1899 г. как собственность А. А. Майковой (Каталог. № 42). Воспроизведено: Пушкин. 1834 год. Л., 1934. Между с. 80— 81. Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 199.³⁷

11. «Полководец» («У русского царя в чертогах есть палата...»). С датой: «7 апр. 1835 Св. воскр. СПб мятель и мороз». Автограф белой, с разновременными поправками; чернила. С жандармски- ми пометами. Автограф участвовал в юбилейной выставке 1899 г. как собственность Л. Н. Майкова (Каталог. № 46). Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 205.

12. «Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила...» Стихо- творение датируется 1835 г. Автограф белой с поправками; чер- нила. С жандармскими пометами. В юбилейной выставке 1899 г. автограф не участвовал. Современный шифр: ф. 244, оп. 1, № 220.

Таковы рукописи Пушкина, когда-то находившиеся во владении Константина Константиновича.

Великий князь имел отношение еще к одному пушкинскому автографу. 29 ноября 1910 г. К. Р. записывал в своем дневнике: «Морской врач Бартенсон (так! — Т. И.), служивший лет 20 назад в Измайловском полку, прислал мне для передачи Академии наук подаренное ему дочерью Пушкина графиней Меренберг письмо ее

отца к его невесте Н. Н. Гончаровой, написанное на обороте письма к Пушкину Языкова. Оба письма на французском языке». ³⁸ Речь идет о письме Пушкина к Н. Н. Гончаровой от 1—2 декабря 1830 г., перевод которого был напечатан еще в 1878 г. И. С. Тургеневым, получившим на то разрешение младшей дочери поэта графини Н. А. Меренберг. ³⁹ Данный автограф был подарен впоследствии его Василию Бернардовичу Бертенсону (1853—?), получившему звание лекаря в 1879 г., всю жизнь прослужившему по Военному ведомству, в 1909 г. бывшему статским советником, старшим врачом 2-го Балтийского экипажа. ⁴⁰ Этот пушкинский автограф Константин Константинович сразу же передал в Пушкинский Дом. Уже в 1911 г. Б. Л. Модзалевский включил его в свой список рукописей, относящихся к Пушкину. ⁴¹

В коллекции К. Р., как уже говорилось выше, хранился также один из автографов другого великого русского поэта — М. Ю. Лермонтова (по описи А. Бема конверт 2). Это письмо поэта на французском языке к Марии Александровне Лопухиной (1802—1877), сестре Вареньки Лопухиной, в которую поэт был безнадежно влюблен; письмо от 15 февраля 1838 г. с приложением стихотворения «Молитва странника» («Я, мать Божия, ныне с молитвою...»). Впервые письмо (без стихотворения) было опубликовано в журнале «Русский архив». ⁴² Можно предположить, что Константину Константиновичу этот автограф, как и альбом Ю. Н. Бартенева, достался от издателя «Русского архива» П. И. Бартенева. 4 декабря 1910 г. Константин Константинович записывал в своем дневнике: «На „субботе“ у Ермолинского, посвященной Лермонтову, Грибоедову, Веберу и Шуберту, прочел принадлежащее мне подлинное письмо к Марии Алексеевне (правильно: Александровне. — Т. И.) Лопухиной (по-французски)...». ⁴³ В настоящее время данный автограф М. Ю. Лермонтова находится в личном фонде поэта (РО ИРЛИ, ф. 524, оп. 1, № 34), причем в описи, в отличие от других рукописей Лермонтова, ничего не сказано о том, откуда этот документ поступил в Пушкинский Дом.

Не совсем ясна судьба упомянутого в завещании К. Р. пера А. А. Фета, входившего в коллекцию Константина Константиновича. Перо было передано К. Р. вдовой поэта Марией Петровной Шеншиной-Фет 17 января 1893 г., когда она, приехав в Петербург, посетила великого князя. Тогда же М. П. Шеншина-Фет передала Константину Константиновичу тетрадь неизданных стихотворений своего мужа, которые К. Р. вместе с Н. Н. Страховым подготовил к печати. ⁴⁴

В настоящее время в Музее Института русской литературы находится перо А. А. Фета, которое по инвентарной описи значится как переданное в Пушкинский Дом в 1924 г. из Государственного музейного фонда. Принадлежность этой памятной вещи великому князю Константину Константиновичу по документам не обозначена. Тем не менее мы полагаем, что в документацию Пушкинского Дома закралась ошибка, невольная или намеренная, и, скорее всего, перо А. А. Фета, которым сейчас владеет Пушкинский Дом, когда-то находилось в коллекции К. Р. По приведенным выше документам значится, что Н. В. Измайлов из кассы правления Академии наук, где хранились перстень Пушкина и перо Фета, эти памятные

предметы получил для Пушкинского Дома в сентябре 1923 г. В инвентарную книгу Музея Пушкинского Дома перо Фета внесено в 1924 г. Слишком маловероятно, чтобы на протяжении нескольких месяцев из двух разных источников (Касса правления Академии наук и Государственный музейный фонд) Пушкинский Дом получил два разных пера одного и того же поэта. В инвентарной книге, надо полагать, сделана намеренная ошибка, объясняемая указанными выше посягательствами тоталитарной власти на все документы и предметы, связанные с членами императорской фамилии.

В завещании К. Р. говорилось также о двух картинах Я. П. Полонского. К сожалению, нам не удалось выяснить, какие именно из картин Я. П. Полонского, хранящихся ныне в Музее Пушкинского Дома, ранее находились в составе коллекции Константина Константиновича.

Как видим, коллекционная часть архива К. Р. оказалась в значительной мере рассыпана по разным собраниям: перстень Пушкина в настоящее время, после того как Музей-квартира поэта на Мойке отделился от Пушкинского Дома, находится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина; перо А. А. Фета хранится в Литературном музее Пушкинского Дома; рукописи А. С. Пушкина переданы в его личный фонд; письмо М. Ю. Лермонтова также придано личному фонду поэта; материалы, переданные в свое время Константину Константиновичу О. А. Новиковой, в Рукописном отделе Пушкинского Дома составили отдельный фонд.

Тем не менее большая часть архива великого князя, лично им завещанного в Пушкинский Дом, описанная в свое время А. Бемом, и до сего дня составляет единое целое. В составе личного фонда К. Р. осталась некоторая часть его коллекции автографов выдающихся исторических деятелей. Прежде всего это 11 автографов Екатерины II с десятью копиями с них (РО ИРЛИ, ф. 137, № 127 б). Эти автографы в 1892 г. были опубликованы Н. К. Шильдером, который указывал, что собственноручные записки Екатерины II были найдены им среди бумаг М. М. Сперанского.⁴⁵ Возможно, что сам Н. К. Шильдер и передал их Константину Константиновичу, которому данные документы могли быть интересны не только в связи с их общей исторической ценностью, но и по личным обстоятельствам. Дело в том, что эти записки Екатерины II касались так называемого «греческого проекта» — создания самостоятельного православного государства на обломках Османской империи во главе с императором русской крови великим князем Константином Павловичем. Императрица писала: «Буде же успехи войны подали бы способы и случай России к совершенному выгнанию врага имени Христова из пределов Европейских, то Россия, за таковой всему христианству и роду человеческому заслугу, выговаривает себе восстановлению на развалинах варварской державы древняя Греческой империи. Россия обещает оную империю в совершенной независимости оставить, вручить и отдать младшему российскому великому князю Константину Павловичу, который тогда имеет дать обещание да не учинить ни в каком случае наследственное или иное притязание на всероссийское наследие, равномерно и брат его на греческое» (ф. 137, № 127 б, л. 3 автограф;

л. 2 — копия). Константин Павлович, напомним, был первым из особ царствующего дома владельцем Мраморного дворца, в котором впоследствии жил сам Константин Константинович. Поэтому данные документы Екатерины II представляли для К. Р. особый интерес.

Назовем остальные коллекционные автографы, собранные в свое время Константином Константиновичем и находящиеся в настоящее время в составе его личного фонда: письмо митрополита Платона (Левшина) к императору Павлу I с датой 26 мая 1799 г. (по описи А. Бема конверт 3) — ф. 137, № 127 г; автограф стихотворения Ф. И. Тютчева «А. К. Плетневой» («Чему бы жизнь нас не учила...») (по описи А. Бема конверт 6) — № 127 е; рисунок А. Н. Майкова с датой 1873 г. (по описи А. Бема конверт 9) — № 127 в; письмо (на немецком языке) Гете к госпоже фон Фогт с датой 21 июня 1781 г. (по описи А. Бема конверт 10) — № 127 а; письмо Шиллера к Фридерике Юлиане Грисбах с датой 2 июля 1800 г. (по описи А. Бема конверт 10) — № 127 ж; письмо мадам де Сталь к Шиллеру (по описи А. Бема конверт 10) — № 127 д.

Рукописные материалы великого князя Константина Константиновича, хранящиеся в Пушкинском Доме, имеют огромное историко-литературное значение. Документы позволяют уточнить отдельные моменты творческой биографии самого поэта К. Р.; посредством эпистолярной переписки дают богатый материал для изучения жизни многих выдающихся деятелей русской культуры и науки; сохраняют для потомков автографы русских и зарубежных исторических лиц.

¹ К. Р. Избранная переписка / Изд. подгот. Е. В. Виноградова, А. В. Дубровский, Л. Д. Зародова, Г. А. Крылова, Л. И. Кузьмина, Н. Н. Лаврова, Л. К. Хитрово. СПб., 1999. С. 492.

² См.: *Соболев В. С.* Августейший президент: Великий князь Константин Константинович во главе императорской Академии наук. 1889—1915 годы. СПб., 1993. С. 112; Чествование памяти А. С. Пушкина императорскою Академией наук в сотую годовщину дня его рождения. Май 1899. СПб., 1900.

³ Подробнее см.: *Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом. 1905. 1930. 1980 (Исторический очерк). Л., 1980. С. 12—24.

⁴ *К. Р., великий князь Константин Романов.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма / Материалы к публикации подготовлены Э. Матониной. М., 1998. С. 312—313. В дневниковой записи Константина Константиновича упомянуты следующие лица: *Толстой Иван Иванович* (1858—1916) — член Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину; член Археологической комиссии (с 1885 г.), вице-президент Академии Художеств (1893—1905), действительный член Академии наук (с 1897 г.); министр народного просвещения (1905—1906). Автор трудов по нумизматике.

Никитин Петр Васильевич (1849—1916) — филолог-классик. Закончил Историко-филологический институт. В 1873 г. получил кафедру в Нежинском институте князя Безбородко. С 1879 г. преподавал в Петербургском университете. Академик с 1892 г. С 1900 по 1916 гг. — вице-президент Академии наук; член Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину.

Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) — востоковед, индолог, автор работ по истории и культуре древней и средневековой Индии. Окончил Петербургский университет. Преподавал там с 1889 г. С 1900 г. — академик. С 1904 по 1929 гг. — непреременный секретарь Академии наук; член Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину. В 1930—1934 — директор Института востоковедения АН СССР.

Саломон Александр Петрович (1853 — 1908) — член Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину; директор Александровского Лицея. Закончил, как и его отец и дядя, в 1874 г. с золотой медалью Лицей. Служил в лейб-гвардии Гренадерском полку. Участник войны 1877—1878 гг.; был ранен. С 1881 г. служил в Министерстве внутренних дел; был секретарем по тюремным делам. В 1900 г. назначен директором Лицея и оставался на этом посту до своей смерти. При нем был создан Совет Лицея, состоявший из бывших выпускников; сделана капитальная перестройка зданий Лицея. А. П. Саломон был близким другом философа В. С. Соловьева, делал переводы из Данте и с арабского языка. Сохранилось письмо А. П. Саломона к Константину Константиновичу (РО ИРЛИ, ф. 137, № 88, л. 98). См. о нем: Наставникам, хранившим юность нашу: Памятная книжка чинов императорского Александровского, бывшего Царскоевельского, Лицея с 1811 по 1911 год / Сост. А. А. Рубец. СПб., 1911. С. 225—231.

Исаков Петр Николаевич (1852—1917) — член Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину; экономист, член Общества содействия русской промышленности и торговли, Кустарного комитета и других организаций. Учредитель Русского литературного общества (1896) и Союза русских писателей. В Пушкинском Доме находится неразобранный архив П. Н. Исакова (РО ИРЛИ, ф. 116), выделенный из собрания П. Я. Дашкова.

Султанов Николай Владимирович (1850—1908) — член Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину; архитектор, действительный член Академии Художеств, член Археологической комиссии. Окончил Институт гражданских инженеров в Петербурге (1873). С 1876 г. преподавал в Институте историю древнерусской архитектуры. В дальнейшем возглавлял кафедры по истории архитектуры в Технологическом институте и Николаевской инженерной академии. В 1893—1903 гг. — директор Института гражданских инженеров. С 1903 г. — председатель Техничко-строительного комитета Министерства внутренних дел, ведомства, регламентировавшего всю строительную деятельность в России. Основные постройки Н. В. Султанова — православный Морской собор в Кронштадте (1898), придворная церковь в Петергофе (1899). Среди отреставрированных им памятников: Дмитриевская башня Нижегородского кремля, церковь Троицы в Останкино, дворец царевича Дмитрия в Угличе и др. См. о нем подробнее: *Комарова И. И.* Архитекторы. Краткий биографический словарь. М., 2000. С. 414—416.

⁵ *Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом. С. 23.

⁶ Цитируется по «Выписке из духовного завещания Его Императорского Высочества Великого князя Константина Константиновича, Высочайше утвержденного 5 октября 1912 года», отпечатанной на правах рукописи в качестве I-го приложения к протоколу X Общего собрания императорской Академии наук 7 ноября 1915 г. — по экземпляру, хранящемуся в Архиве Академии наук (ААН, ф. 1, оп. 1а — 1915, № 162, л. 92—92 об.).

⁷ Приложение к протоколу XI заседания Общего Собрания императорской Академии наук 28 ноября 1915 г. // Известия императорской Академии наук. Сер. 6. 1916. № 2. С. 60—61.

⁸ Извлечения из протоколов заседаний Академии. Общее собрание. I заседание, 9 января 1916 года // Известия императорской Академии наук. Сер. 6. 1916. № 5. С. 271.

⁹ См.: *К. Р.* Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова // Изв. отд-ния рус. яз. и словесности. 1913. Т. 18, кн. 4. С. 1—15; перепечатано: *К. Р.* Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова. СПб., 1913; *К. Р.* Критические отзывы. СПб., 1915. С. 434—448.

¹⁰ Рукописи князя Константина Константиновича, поступившие на хранение в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук / Сост. А. Л. Бем // Известия Академии наук. Сер. 6. 1917. № 11. С. 764—799.

¹¹ *Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом. С. 53.

¹² О князе Олеге см.: *Краснобородейко Т. И.* Князь Олег Константинович — издатель рукописей Пушкина // Русское подвижничество. М., 1996. С. 233—244.

¹³ Отчет о деятельности Российской академии наук за 1923 год / Сост. С. Ф. Ольденбург. Л., 1924. С. 111.

¹⁴ См.: Архив Академии наук СССР: Обзорение архивных материалов. Л., 1933. С. 38 (Труды Архива; Вып. 1).

¹⁵ *Белов А.* Зарубежная публицистика // Исторический вестник. 1909. № 5. С. 542—568.

¹⁶ Здесь перечислены следующие лица: *Пальмерстон, Генри Джон* (1784—1865) — английский государственный деятель. Родился в аристократической семье. Образование получил в Кембридже. Член Палаты общин (1807—1865). В 1809—1829 гг. — министр по военным делам; в 1830—1841 и 1846—1851 гг. — министр иностранных дел. В 1855—1865 — премьер-министр. Проводил очень жесткую политику, направленную против России. Выступал за вытеснение России из Дунайских княжеств, за захват Севастополя, за отторжение от нашей страны ряда южных территорий.

Гладстон, Уильям Юарт (1809—1898) — английский государственный деятель. Родился в семье богатого коммерсанта. Закончил Оксфорд. С 1832 г. — член парламента от партии тори. В 1843—1845 гг. — министр торговли; в 1845—1847 — министр колоний; в 1852—1855 — министр финансов. Сторонник войны против России в 1853—1856 гг. В 1859—1866 гг. — министр финансов в правительстве Пальмерстона. В 1868—1874, 1880—1885 и 1892—1894 гг. — премьер-министр Англии.

Кларендон, Джордж Уильям Фредерик Вильерс (1800—1870) — английский государственный деятель. Служебную карьеру начал на дипломатическом поприще в качестве английского атташе в Петербурге (1820). В 1846 г. — министр торговли; в 1847—1852 — лорд-наместник в Ирландии. В 1853—1858, 1865—1866 и 1868—1870 — министр иностранных дел. Проводил политику подталкивания Турции к войне с Россией.

Кинглейк, Александр Вильям (1809—1891) — английский историк. Родился в семье банкира. Закончил Кембридж (1832). В 1835 г. совершил путешествие на Восток, которое описал в своей книге «*Eothen, or Traces of Travel brought from the East*». В 1845 г. участвовал в военной компании в Алжире. В 1854 г. находился при английских войсках в Крыму. Автор семитомного исторического труда «*Invasion of the Crimea*» (1863—1887). См. о нем: *The Dictionary of National Biography*. London, [1921—1922]. Vol. 11. P. 171—172.

Мориер, Роберт Бёрнет (1826—1893) — английский дипломат. Происходил из семьи потомственных дипломатов. Закончил Оксфорд. Служил в Вене, Франкфурте, Берлине, Португалии, Испании. С 1 декабря 1884 г. вплоть до своей кончины был английским послом в Петербурге. Был очень популярен в русских политических кругах. В 1885 г. его усилиями был предотвращен назревавший военный конфликт между Англией и Россией. См. о нем: *The Dictionary of National Biography*. London, [1921—1922]. Vol. 13. P. 949—950.

Скорее всего, в конверте, о котором идет речь, хранились письма Гладстона, Мориера, Кларендона и Кинглейка к самой О. А. Новиковой, в настоящее время находящиеся в ее личном фонде (ф. 137, оп. 2, № 45, 83, 30, 57), а также письмо Пальмерстона к неизвестному (там же, № 92).

¹⁷ О какой книжке Оболенской идет речь, выяснить не удалось. «Черносотенный профессор Никольский» это, без сомнения, Никольский Борис Владимирович (1870—1919) — историк, поэт, переводчик. Сын В. В. Никольского (1837—1883), создателя Пушкинского музея в Александровском Лицее. Образование получил в Училище правоведения и на юридическом факультете Петербургского университета. С 1900 по 1906 гг. — приват-доцент историко-филологического факультета этого же университета; читал спецкурсы по лирике Пушкина и Фета. В 1903 г. по его инициативе был создан «Кружок изящной словесности», объединявший студенческую молодежь. 31 декабря 1905 г. при встрече Николая II с общественностью Б. В. Никольский произнес речь патриотическо-монархического характера (см.: *Всеподданнейшая речь в Высочайшем присутствии при приеме депутатов Русского Собрания*. Харьков, 1906). Один из создателей «Союза русского народа». В 1906 г. по требованию либерально настроенного студенчества вынужден был оставить университет. С 1907 по 1912 г. читал курсы истории русской словесности и римского права детям великого князя Константина Константиновича — Олегу и Игорю, сумев привить Олегу любовь к Пушкину и сформировав из него пушкиниста (см. работы Б. В. Никольского о погибшем во время Первой мировой войны князе Олеге: *Князь Олег*. Пг., 1915; *Его императорское высочество князь Олег Константинович // Исторический вестник*. 1914. № 11. С. VII—XVII). В 1913—1917 гг. состоял в должности профессора по кафедре римского права в Юрьевском университете. Расстрелян в начале 1919 г. большевиками. См. о нем: *Ленский М. П.* Никольский Борис Владимирович // *Русские писатели. XX век*. Биобиблиографический словарь. М., 1998. Ч. 2. С. 103—106.

¹⁸ *Кузьмина Л. И.* К. Р. и его переписка с деятелями русской культуры // *К. Р. Избранная переписка* / Изд. подгот. Е. В. Виноградова, А. В. Дубровский, Л. Д. За-

родова, Г. А. Крылова, Л. И. Кузьмина, Н. Н. Лаврова, Л. К. Хитрово. СПб., 1999. С. 28.

¹⁹ К. Р., великий князь *Константин Романов*. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма.

²⁰ «Выписка из духовного завещания Его Императорского Высочества Великого князя Константина Константиновича, Высочайше утвержденного 5 октября 1912 года» (ААН, ф. 1, оп. 1а — 1915, № 162, л. 92 об.).

²¹ Цитирую по кн.: *Кузьмина Л. И.* Августейший поэт. СПб., 1995. С. 136.

²² Пушкинская юбилейная выставка в императорской Академии наук в С.-Петербурге: Каталог. СПб., 1899. № 729а.

²³ См. о ней: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 198—199.

²⁴ К. Р. Дневники. С. 249—250.

²⁵ По-видимому, речь идет о графине Блудовой Антонине Дмитриевне (1813—1891). Она поддерживала дружеские отношения с В. А. Жуковским, Н. В. Гоголем, Ф. И. Тютчевым и другими видными деятелями русской культуры. Автор «Воспоминаний» (М., 1888), в которых даны интересные характеристики Н. М. Карамзина, А. И. Тургенева, И. В. Киреевского и др. Основательница в г. Остроге Вольнского Свято-Кирилло-Мефодиевского братства (1864), бывшего учредителем училищ и лечебниц. С 1863 г. А. Д. Блудова была фрейлиной императрицы Александры Федоровны. См. о ней: *Гумеров Ш. А.* Блудова Антонина Дмитриевна // *Русские писатели. 1800—1917. Биограф. словарь.* М., 1989. Т. 1. С. 284—285.

²⁶ *Грот Яков Карлович* (1812—1893) — филолог, историк, переводчик. Выпускник Александровского (Царскосельского) лицея, в котором впоследствии преподавал русский язык (1852—1862). С 1858 г. — академик; с 1889 г. — вице-президент Академии наук.

²⁷ К. Р. Дневники. С. 250.

²⁸ Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 27.

²⁹ *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 197—198.

³⁰ Пушкинская юбилейная выставка в императорской Академии наук в С.-Петербурге: Каталог. СПб., 1899. № 3; автограф воспроизведен: Альбом Пушкинской юбилейной выставки в императорской Академии наук в С.-Петербурге. Май 1899 / Сост. под ред. Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевского. М., 1899. Лр. 69.

³¹ Об альбоме см.: *Модзалевский Б. Л.* Альбом Юрия Никитича Бартенева // *Известия отделения русского языка и словесности императорской Академии наук.* 1910. Т. 15, кн. 4. С. 200—221.

³² *Модзалевский Б. Л.* Автограф «Мадонны» в альбоме Ю. Н. Бартенева // *Пушкин и его современники.* СПб., 1911. Вып. 15. С. 21—25.

³³ Мадонна Пушкина // *Русский архив.* 1863. Вып. 1. С. 20.

³⁴ Пушкинская юбилейная выставка в императорской Академии наук в С.-Петербурге: Каталог. СПб., 1899. № 4.

³⁵ А. А. Майкова родилась в семье морского офицера Алексея Михайловича Трескина, который в молодости участвовал в кампании 1813 и 1814 гг., а позднее служил в Морском корпусе и состоял членом Морского ученого комитета. Брат А. А. Майковой, Николай Алексеевич Трескин, был видным деятелем народного образования. Л. Н. Майков посвятил ему статью, опубликованную в «Журнале министерства народного просвещения» (1894. № 7). О роли А. А. Майковой в судьбе пушкинских рукописей см.: *Цявловский М. А.* «Он между нами жил...» (К истории создания стихотворения) // *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 195; *он же.* Судьба рукописного наследия Пушкина // *Там же.* С. 272.

³⁶ Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. XV; *Пушкин А. С.* Сочинения. СПб., 1905. Т. 2. С. X. Большая часть пушкинской коллекции своего мужа А. А. Майкова передала в БАН. См.: *Срезневский В. И.* Пушкинская коллекция, принесенная в дар библиотеке Академии наук А. А. Майковой // *Пушкин и его современники.* СПб., 1906. Вып. 4. С. 1—2.

³⁷ Два последних автографа проанализированы М. А. Цявловским. См.: *Цявловский М. А.* Пушкин и Мицкевич // *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 157—206.

³⁸ К. Р. Дневники. С. 337.

³⁹ Новые письма А. С. Пушкина. Июль 1830—май 1836 г. // *Вестник Европы.* 1878. № 1. С. 20—21; вторичная публикация: *Новое время.* 1899. 16 мая.

⁴⁰ О В. Б. Бертенсоне см.: Российский медицинский список, изданный Управлением главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел на 1909 год. СПб., 1909. С. 32.

⁴¹ *Модзалевский Б. Л.* Список рукописей и некоторых других предметов, принадлежащих Пушкинскому Дому // Известия императорской Академии наук. Сер. 6. 1911. № 7. С. 511.

⁴² Русский архив. 1863. № 5/6. Стб. 430—432.

⁴³ *К. Р.* Дневники. С. 338. Н. Н. Ермолинский был шталмейстером Двора великого князя Константина Константиновича.

⁴⁴ *Кузьмина Л. И.* К. Р. и его переписка с деятелями русской культуры. С. 22. О работе К. Р. и Н. Н. Страхова над изданием посмертного собрания стихотворений А. А. Фета (*Фет А. А.* Лирические стихотворения: В 2-х ч. СПб., 1894) см. в переписке Константина Константиновича и Н. Н. Страхова, опубликованной в сборнике К. Р. «Избранная переписка».

⁴⁵ *Шильдер Н. К.* Собственноручная записка императрицы Екатерины II о греческом проекте // Русская старина. 1892. № 10. С. 1—4. *Шильдер Николай Карлович* (1842—1902) — военный инженер, генерал-лейтенант, историк, директор Гатчинского сиротского института (1879—1886), директор Николаевской инженерной академии (1886—1899), директор Публичной библиотеки (1899—1902). Автор трудов «Император Александр I, его жизнь и царствование» (1897—1898. Т. 1—4), «Император Павел I: Историко-биографический очерк» (1901) и др. В 1892—1893 гг. был редактором «Русской старины». См. о нем: Николай Карлович Шильдер (Некролог) // Исторический вестник. 1902. № 5. С. 659—664; *Голубева О. Д.* Шильдер Николай Карлович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биограф. словарь. СПб., 1995. Т. 1: Императорская Публичная библиотека. 1795—1917. С. 580—583.

Н. А. Хохлова

ОБЗОР АРХИВА ПОСТОЯННОЙ КОМИССИИ ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ УЧЕНЫМ, ЛИТЕРАТОРАМ И ПУБЛИЦИСТАМ

В истории русской благотворительности в области литературы и науки, несомненно, первое место принадлежит Литфонду. Деятельность его была столь широка и многогранна, что аналогичные организации, работавшие наряду с ним, неизбежно оставались в тени; история многих из них канула в лету.¹ А между тем они существовали, и роль крупнейшей из них по праву должна принадлежать Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам, архив которой хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (фонд 540).

С. С. Ольденбург в своих записках «Царствование императора Николая II», касаясь хроники событий 1895—1896 гг., в частности, писал: «Первые месяцы 1896 г. были заполнены подготовкой коронационных торжеств в Москве и „смотра русского хозяйства“ — Нижегородской выставки. В остальных отношениях продолжалась очередная работа. Винная монополия, введенная в 1895 г. в четырех губерниях, была распространена еще на двенадцать. Был создан государственный фонд, из которого на оказание помощи нуждающимся литераторам отпускалось по 50 тыс. руб. в год. В печати и в Императорском Вольно-Экономическом обществе начиналось обсуждение денежной реформы».²

Мы вряд ли ошибемся, если выскажем предположение, что из всех перечисленных событий организация «государственного фонда для оказания помощи нуждающимся литераторам» (т. е. Постоянной комиссии) была и остается наименее известным. Создание подобного фонда в начале царствования — акт, не лишенный известного подтекста. Его цель — продемонстрировать лояльность нового императора по отношению к прессе, «литераторам», то есть заявить о своих либеральных устремлениях.

Постоянная комиссия для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам была учреждена высочайшим указом от 13 января 1895 г., который, в частности, гласил: «...при Императорской Академии наук учреждается Постоянная комиссия для приема и рассмотрения ходатайств нуждающихся ученых, литераторов и публицистов, равно их вдов и сирот о производстве им денежных пособий и пенсий <...> из суммы, ежегодно ассигнуемой на основании того же указа из средств Государственного Казначейства в размере 50.000 рублей».³

Постоянной комиссии был присвоен статус академического учреждения; возглавил ее президент Академии наук, вел. кн. Константин Константинович. Уже 15 января 1895 г. из Правления Академии наук ему была направлена докладная записка «с проектом создания особой комиссии для выработки правил и положений ее (Постоянной комиссии. — Н. Х.) работы».⁴ В состав комиссии вошли представители Министерства народного просвещения (профессор И. В. Помяловский и ординарный академик В. В. Латышев), Министерства финансов (П. М. Романов и гр. А. А. Голенищев-Кутузов), Академии наук (вице-президент Л. Н. Майков и непременный секретарь Н. Ф. Дубровин).

Комиссия работала в течение трех с половиной месяцев. Составленные ею «Временное положение о состоящей при Императорской Академии наук Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам» и «Временные правила для руководства Постоянной комиссии...» были утверждены президентом Академии наук 30 апреля 1895 г.⁵

Комиссия провела большую работу по изучению положения «тружеников печати» в России, о чем свидетельствуют следующие документы, отложившиеся в фонде: «Перечень периодических изданий в России в 1894 г.», «Записка о материальном положении провинциальных журналистов» и др.⁶ Она активно использовала опыт аналогичных организаций и прежде всего Литфонда. Необходимо, однако, иметь в виду существенную разницу в принципах учреждения двух этих организаций — принципах, которые определили форму их деятельности.

В отличие от Постоянной комиссии Литфонд был общественной организацией. Он возник в 1859 г. по инициативе группы писателей, объединившихся вокруг «Современника», и прежде всего А. В. Дружинина.⁷ Если в бюджет Постоянной комиссии ежегодно отчислялось 50 000 рублей, и, собственно, задачей ее было лишь правильное в соответствии с выработанными документами распределение этих средств, то положение Литфонда было совсем иным. Как общественная организация он должен был сам изыскивать средства и формировать свой капитал. Первоначально Литфонд существовал на членские взносы и различного рода пожертвования. Но вскоре его деятельность превратилась в широкое, так сказать, общественно-культурное предприятие, которое включало: благотворительные концерты, спектакли, чтения, выставки, юбилейные торжества, различные вечера, доход от которых шел в пользу Литфон-

да. Существенную прибыль приносила и издательская деятельность. Литфонду принадлежали (были подарены или завещаны) права на издание сочинений многих выдающихся авторов, например, Н. Я. Надсона и В. М. Гаршина. «Таким образом, — утверждал историк Литфонда А. А. Корнилов, — если бы развитие дела Литературного фонда зависело от членских взносов, то оно оказалось бы к концу пятидесятилетия в весьма безотрадном состоянии. К счастью, другие источники доходов <...> оказались гораздо надежнее».⁸ Итак, постепенно Литфонд стал едва ли не общероссийским культурным делом — отсюда его известность, широта и многообразие деятельности, удивительная долговечность.

Связь Постоянной комиссии с Литфондом не прерывалась во все время ее существования. Более того, следует говорить о непрерывной координации деятельности двух организаций. Так, среди первых документов Постоянной комиссии значится докладная записка Г. Градовского президенту Академии наук о пенсионном фонде Кассы взаимопомощи при Литфонде и согласовании финансовой деятельности Кассы и Постоянной комиссии; письма бывшего председателя Литфонда В. И. Сергеевича о координации деятельности и ответное письмо Л. Н. Майкова, а также аналогичные письма В. А. Манассеина, Н. И. Кареева и Е. Э. Картавцева (председателя, секретаря и казначея Литфонда) с приложением списков лиц, получающих из него пособия и пенсии.⁹

Перечисленные документы относятся ко времени учреждения Постоянной комиссии — к 1895—1896 гг. В 1897 г. между ней и Литфондом было принято официальное соглашение «об обмене списками лиц, получающих продолжительные восполнения от того и другого учреждения».¹⁰ Кроме того, обе организации регулярно помогали друг другу в наведении различного рода справок.

Задачи Постоянной комиссии, принципы формирования штата, порядок работы и, главное, условия, дававшие право на получение пенсии или пособия, были прописаны во «Временном положении». Приведем несколько довольно обширных выдержек из него, касающихся этих вопросов.

«При Императорской Академии наук учреждается Постоянная комиссия для приема и рассмотрения ходатайств нуждающихся ученых, литераторов и публицистов, а равно их вдов и сирот о производстве им денежных пособий и пенсий и для выдачи таковых как из суммы, ежегодно ассигнуемой <...> из средств Государственного Казначейства в размере пятидесяти тысяч рублей, так и из частных пожертвований, которые могут поступать в Императорскую Академию наук с тою же целью.

В состав Комиссии входят: вице-президент и неприменный секретарь Императорской Академии наук, два из ее действительных членов, избранные Общим Собранием Академии сроком на два года, и два лица, приглашенные к участию в Комиссии Президентом Академии из числа известных русских писателей сроком на один год».¹¹

«Вице-президент Академии исполняет обязанности председателя Комиссии и докладывает по ее делам Президенту Академии. Непременный секретарь Академии состоит товарищем председателя

Комиссии и вступает в его права в случае его отсутствия <...>. Совещания Комиссии происходят, по приглашению Председателя, не реже одного раза в две недели <...> и <...> считаются состоявшимися, если <...> присутствует не менее трех ее членов <...>.

По окончании каждого совещания Комиссии составляется протокол, который подписывается всеми присутствовавшими на том совещании членами и представляется Председателем на утверждение Президента Академии. Утвержденные Президентом постановления Комиссии немедленно приводятся в исполнение. Протоколы совещаний Комиссии ведутся под наблюдением Председателя письмоводителем Комиссии, который присутствует при ее совещаниях, но без права голоса. В заведовании письмоводителя находится архив Комиссии.

Комиссия представляет Президенту Академии в конце гражданского года отчет, который прилагается к ежегодному отчету Императорской Академии наук.

Во «Временных правилах для руководства» было записано: «Воспособления, выдаваемые <...> Постоянной Комиссией <...> могут быть двух родов: а) в виде пенсий пожизненных или назначаемых до известного срока, и б) в виде временных пособий.

Из пятидесяти тысяч, ежегодно ассигнуемых <...>, на пенсии предназначается <...> около $\frac{3}{5}$ всей суммы <...>. Остаточная в каждом году за назначением пенсий часть обращается в выдачу временных пособий.

Суммы, могущие поступать в Императорскую Академию наук в виде частных пожертвований <...>, расходуются Комиссией согласно воле жертвователя, если таковая ими указана; а если жертвователь не сделает указания <...>, то поступившая от него сумма зачисляется в запасный капитал Комиссии.

Запасный капитал <...> предназначается также на удовлетворение нужд ученых, литераторов и публицистов.

Право на воспобление, как в виде пенсий, так и в виде временных пособий, принадлежит лицам, посвятившим свои дарования и усиленные труды служению Государю и Отечеству на поприщах науки, словесности и повременной печати. Ни пенсии, ни временные пособия не могут быть назначаемы: а) лицам, принимавшим в науке, литературе или повременной печати только случайное участие; б) лицам, занимавшимся наукой или литературой, но ничего не печатавшим, и в) лицам, труды коих хотя и являлись в печати, но не имеют отношения ни к науке, ни к литературе, ни к публицистике.

Пенсии могут быть назначаемы лишь таким лицам, которые выдающимися дарованиями и долговременным трудом на поприщах науки, литературы или повременной печати заслужили почетную известность, если эти лица достигли преклонных лет или впали в болезненное состояние и таким образом лишились возможности приобретать себе средства к существованию и если при том не получают пенсии из казны или каких-либо других источников и находятся в бедности.

Пенсии могут быть также назначаемы вдовам и сиротам <...>. Комиссия при определении размера пенсии принимает также во

внимание условия <...> жизни и семейное положение. Наибольший размер пенсии не должен превышать: для семейного лица — 1200 руб. в год, а для холостого — 720 руб. в год.

Поводами к назначению временных пособий могут быть <...> чрезвычайные обстоятельства, нарушающие материальное обеспечение нуждающегося лица или вызывающие непредвиденные расходы.

Размеры временных пособий Комиссия определяет на основании имеющихся у нее сведений о материальном положении просителей и по соображению с общим состоянием находящихся в ее распоряжении средств. Назначенное пособие может быть выдаваемо не сразу, а в течение года в известные сроки, по усмотрению Комиссии.

Лицо, нуждающееся в пенсии или временном пособии, обращается в Комиссию с заявлением, в коем обстоятельно излагает свое материальное положение, а также важнейшие данные своей литературной деятельности, сопровождая, по возможности, эти сведения удостоверением от лиц, заслуживающих доверие Комиссии. Поступившие заявления рассматриваются в ближайшем совещании Комиссии и ее постановления, по утверждения их президентом Академии, доводятся безотлагательно до сведения просителей».

Создание Постоянной комиссии, публикация «Временного положения» и «Временных правил» в целом были восприняты с большим воодушевлением и вызвали определенный резонанс в обществе. Не лишен, однако, он был и полемических интонаций.¹²

Недоумение, если не сказать опасение, вызывало, по-видимому, то, что подобного рода предприятия было отдано в руки «академиков», людей, по мнению журналистов, очень далеких от проблем периодической печати, лишенных представлений о реальной жизни своих «младших братьев». Кроме того, полагали, что Постоянная комиссия не сможет одинаково объективно и беспристрастно относиться к литераторам самых разных социальных и политических ориентаций. Заранее усматривали в ее работе некоторую «тенденцию», склонность к кастовости.

Впоследствии, показывая на примере деятельности Л. Н. Майкова надуманность подобных опасений, делопроизводитель Постоянной комиссии Н. И. Позняков вспоминал: «Говорили, что это будет фонд рептилий, что Академия наук отнесется к возложенному на нее делу с высоты академической будто бы надменности; академели о том, что распределение пенсий и пособий поручено академии; уверяли, что академия будет беречь капитал только для „благонадежных“ писателей, отстраняя от помощи „независимых“; рассказывали, будто бы вдове <...> Всеволода Крестовского назначена пенсия в 4000 руб., а секретарю <...> комиссии <...> в 3000 руб., да еще притом из этого же благотворительного капитала! Словом, ходили легенды, ни на чем не основанные».¹³

Первое заседание Постоянной комиссии состоялось 18 мая 1895 г. «К тому времени, — продолжаем цитировать статью Н. И. Познякова, — было прислано уже до 200 прошений от лиц самого пестрого литературного контингента, и в первые же 6 заседаний, шедших одно за другим, комиссия разобралась с этим огромным морем слез, нужды и горя».¹⁴

Председателями Постоянной комиссии были: с 1895 по 1900 — академик Л. Н. Майков, с 1900 по 1909 — академик П. В. Никитин, с 1910 по 1921 — академик Н. А. Котляревский. Товарищами председателя (до 1908 г. эту должность исполнял непрменный секретарь Академии наук) состояли: с 1895 по 1904 г. — академик Н. Ф. Дубровин, с 1904 по 1909 — академик С. Ф. Ольденбург, с 1910 по 1918 академик В. М. Истрин, с 1919 по 1921 — академик Ф. И. Щербатский. Делопроизводство осуществляли: Н. И. Позняков, Викт. А. Рышков, М. Ф. Павликова.

В штат Комиссии в качестве членов в разное время входили: академики А. Н. Пыпин, А. А. Шахматов, А. Н. Веселовский, П. В. Еремеев, М. С. Воронин, «литераторы» П. И. Вейнберг, К. К. Случевский, А. А. Луговой, Э. Л. Радлов, П. В. Быков и мн. др.

Члены Комиссии выбирались сроком на один академический год (с правом переизбрания). В штат входили действительные члены (четыре человека) и запасные (два). Двое из действительных членов (литераторы) приглашались непосредственно президентом Академии наук. Запасные члены спустя год обычно переходили в действительные. Все должности были оплачиваемые, однако многие перечисляли свое жалованье в пользу Постоянной комиссии.

Первый ее состав, как следует из отчета за 1895 г., был следующим: председатель — вице-президент Академии наук Л. Н. Майков; товарищ председателя — непрменный секретарь Академии наук Н. Ф. Дубровин; члены — академик П. В. Еремеев, В. Р. Розен, литераторы М. А. Загуляев и А. А. Голенищев-Кутузов; запасные члены — академик А. Н. Веселовский и К. К. Случевский.

Порядок работы за все время существования организации не претерпел сколько-нибудь значительных изменений; он был определен ее первым председателем Л. Н. Майковым. «В значительной доле, — писал Н. Ф. Дубровин, — им выработаны не только внешние нормы и порядок, но, до известной степени, и содержание <...> работ. При его преобладающем участии установлен тот комплект пенсионеров Комиссии, который теперь уже может лишь очень постепенно <...> изменяться».¹⁵

Обычно в течение года происходило 22 заседания, на которых рассматривалось 450—500 прошений. По каждому из них принималось решение: либо отклонить по недостатку прав просителя (или средств у Постоянной Комиссии), либо удовлетворить. В последнем случае назначался один из трех видов вспомоществования: единовременное, рассроченное пособие или пенсия. Выбор осуществлялся в соответствии с «Правилами»: учитывались заслуги просителя, обстоятельства его жизни, финансовые возможности Комиссии, а также ходатайства известных лиц. Иногда даже пособие назначалось не вследствие прошения самого нуждающегося, а благодаря именно такому ходатайству. Все виды вспомоществований именовались «Пенсиями и пособиями Императора Николая II».

В отличие от Литфонда, согласно уставу которого «лучше меньшему числу лиц оказать достаточное пособие, чем многим, но без удовлетворительных результатов»,¹⁶ Постоянная комиссия, как за-

писано в ее отчете за 1895 г., стремилась «удовлетворять по возможности всех лиц, заслуживающих поддержки, хотя бы умеренною помощью».¹⁷ Этим определялся сравнительно небольшой размер всех видов выдаваемых ею пособий.

Особое место среди них занимали пенсии. Они назначались пожизненно, следовательно, число их из года в год росло. Сравним: в 1895 г. было 19 пенсионеров, а в 1914 — 72 (максимальный показатель). Пособия (единовременные и рассроченные) выдавались из сумм, оставшихся после выплаты пенсий. Их общее число за все время существования Постоянной комиссии было приблизительно одинаковым: в среднем за год единовременных пособий выдавалось 250—350, а рассроченных по месяцам — 90—120. Однако в денежном выражении в связи с увеличением количества пенсий они неизбежно сокращались. Так, в 1896 г. средний размер единовременного пособия составлял 96 руб., а в 1900 — 45 руб., т. е. в два раза меньше.

Бюджет Комиссии складывался следующим образом: 50000 руб. выделялось из Государственного казначейства, 300 руб. с 1896 по 1917 г. ежегодно даровала императрица Мария Федоровна; средства, поступающие от частных лиц и различных учреждений, формировали так называемый «запасный капитал».

В 1912 г. в целях его пополнения была предпринята следующая акция. В «Биржевых ведомостях» (1912, 16 марта, № 12840) была опубликована статья В. А. Рышкова «Братья-писатели», в которой говорилось о бедственном положении работников периодической печати. Некоторые читатели откликнулись на нее и прислали свои пожертвования (всего 236 руб.). В архиве сохранились квитанции к переводам, отправленным из разных мест России, часто без подписи, порой на очень незначительную сумму, которая была поистине дорогой лептой в деле помощи нуждающимся литераторам.

Интересным и, к сожалению, практически неизвестным эпизодом в работе Постоянной комиссии было ее непосредственное участие в образовании Колонии им. А. С. Пушкина в селе Михайловском.¹⁸ В 1899 г. от последнего его владельца, младшего сына поэта, Григория Александровича, оно перешло в ведение Псковского пушкинского комитета. 2 января 1909 г. псковский губернский предводитель дворянства М. Н. Скворцов обратился в Постоянную комиссию со следующим письмом: «Согласно § 3 Устава Колонии имени поэта А. С. Пушкина в селе Михайловском, в состав главного Комитета входит представитель от состоящей при Императорской Академии наук Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам.

Ввиду сего и настоятельной необходимости в самом непродолжительном времени созыва Главного Комитета, имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, сообщить мне: имя, отчество, фамилию, чин и местожительство означенного выше представителя».¹⁹

Им был назначен Н. А. Котляревский, занявший вскоре должность председателя Постоянной комиссии. Письмом от 20 февраля 1909 г. он извещал П. В. Никитина о «готовности принять на себя обязанности представителя Комиссии».²⁰ 7 мая 1910 г. было полу-

чено еще одно письмо от псковского губернского предводителя дворянства, в котором сообщалось, что «торжество открытия колонии имени Пушкина последует в 1911 г., а в нынешнем году начнется прием в Колонию призреваемых литераторов».²¹ Естественно предположить, что среди них должны были быть и пенсионеры Постоянной комиссии, направляемые в Михайловское по ее рекомендации. Одной из первых стала В. В. Тимофеева-Починковская (личное дело № 1417), впоследствии — первый председатель Комиссии по охране Пушкинского уголка.

Известность Комиссии постепенно росла. Среди благотворительных учреждений она стала пользоваться авторитетом; за помощью к ней обращались вновь создаваемые филантропические организации. Так, в архиве имеется «Вопросный лист Русского женского взаимно-благотворительного общества» (председатель Е. Авилова),²² записка о вновь учреждаемом «Обществе взаимного кредита литературных и сценических деятелей» с предложением к Постоянной комиссии вступить в число ее членов-учредителей,²³ а также некоторые другие документы.

После революции Постоянная комиссия продолжала свою деятельность еще в течение четырех лет, до конца 1921 г. Последнее прошение (от Е. А. Федоровой-Омулевской) поступило 25 сентября 1921 г. Последний ежегодный отчет о деятельности был составлен в 1919 г. Это, собственно, черновик отчета (карандашом, очень ветхий). Штат Постоянной комиссии в это время был следующим: председатель — академик Н. А. Котляревский; товарищ председателя — академик Ф. И. Щербатский; действительные члены — почетный академик Д. Н. Овсянко-Куликовский, литераторы кн. Э. Э. Ухтомский и А. А. Измайлов; запасной член — Э. Л. Радлов. В отчете говорилось: «Комиссия в отчетном году <...> имела 9 заседаний. В них рассмотрено 153 письменных ходатайства — все удовлетворены <...> Пенсии выдавались 45 лицам. Всего пенсий и рассроченных пособий выдано на сумму 48.340 руб.».²⁴

20 ноября 1921 г. Правление Российской Академии наук в соответствии с постановлением Комиссии по сокращению штатов (от 31 октября 1921 г.) направила в Постоянную комиссию распоряжение, которым предписывалось «передать ее со всем делопроизводством в Комиссию по улучшению быта ученых»,²⁵ то есть в так называемую КУБУ (ПетроКУБУ).

На этом история Постоянной комиссии как действующей организации заканчивается. За период с декабря 1921 по ноябрь 1934 г. нам известно лишь два документа, касающихся судьбы ее архива.

Первый содержится в «Протоколах Общих собраний Академии наук». В заседании от 3 декабря 1921 г. Н. А. Котляревский выступил со следующим предложением: «...ввиду состоявшегося постановления о передаче Комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам в Петроградскую Комиссию по улучшению быта ученых, следует определить порядок этого перехода и дальнейшего ведения дел Комиссии.

Положено разрешение этого вопроса передать в Комиссию, которую образовать под председательством академика Н. А. Котлярев-

ского в составе Непременного Секретаря, академика А. Е. Ферсмана и члена кассы взаимопомощи».²⁶

Второй документ известен уже из современного дела фонда: это учетная карточка, датированная 14 ноября 1934 г. (первый датированный документ дела).

Итак, казалось бы, судьба архива на протяжении двенадцати лет (с 1922 по 1934) остается неизвестной. Предпринятые нами поиски не дали никаких результатов. Между тем с большой степенью вероятности можно предположить, что передача архива в КУБУ не состоялась: для новой организации он был уже неактуален; к тому же его хранение требовало дополнительных помещений. Вероятнее всего, Н. А. Котляревский, возглавлявший Постоянную комиссию до конца ее работы и бывший до 1925 г. директором Пушкинского Дома, просто определил архив бывшей подведомственной ему организации в ведение новой, тем более, что и канцелярия Постоянной комиссии (вместе с архивом), и Пушкинский Дом находились в то время под одной крышей — в главном здании Академии наук (до 1922 г.).

Таким образом, архив Постоянной комиссии после прекращения ее работы вскоре (в 1922 г.?) поступил на хранение в Пушкинский Дом. Что касается учетных документов, то известно, что в этот период они велись крайне несистематически, поэтому никаких записей в книгах поступлений мы не обнаружили. Лишь в конце 1920-х—начале 1930-х гг. архив стал предметом внимания сотрудников Рукописного отдела, возможно, в связи с переездом Пушкинского Дома в 1927 г. в новое, современное здание.

В ходе предварительной обработки архива были сохранены две его исторически сложившиеся структурные части: персональная и делопроизводственная. Первая состояла из личных дел просителей, вторая — из протоколов совещаний, учетно-финансовых документов и пр. Обе они (за очень незначительными исключениями) дошли до нас полностью.

Личные дела были технически оформлены изначально: сброшюрованы в стандартные темно-синие (или серые) обложки, отпечатанные типографским способом. На них выделены следующие рубрики: номер дела, фамилия, имя, отчество просителя, род занятий, даты начала и окончания дела, количество листов.

В процессе современной обработки на основе имеющейся структуры фонда было сформировано две описи. «Документы делопроизводства Постоянной комиссии за 1889—1921 гг.» составили опись № 1, а «Персональные дела ученых, литераторов, публицистов и членов их семей за 1895—1921 гг.» — опись № 2.

Опись № 1 насчитывает 141 единицу хранения и включает 5 разделов. Раздел 1.1. «Документы по основной деятельности (1889—1921)» состоит из дел, которые содержат разные по типу и хронологии материалы: уставные и нормативные документы, протоколы совещаний, отчеты, переписку с организациями и частными лицами, газетные публикации с отзывами о деятельности Постоянной комиссии и др. Почти все они оформлены в виде конволютов. Ввиду сохранения целостности исторически сложившихся комплексов документов решено было их не расформировывать, а приложить к

каждому конволюту внутреннюю опись (ед. хр. № 1, 30—39). При этом заголовки носят общий характер. Наибольший интерес в данном разделе представляет ед. хр. № 1, отражающая историю формирования и начальный этап деятельности организации. Следующие разделы описи включают материалы строго определенного рода: учетно-финансовые документы, журналы регистрации входящих, исходящих бумаг и др. Все они имеют единообразное типографское (или рукописное) оформление. Заканчивается опись комплексом учетно-справочных книг и картотек.

Опись № 2 является содержательной основой фонда и насчитывает 1822 единицы хранения. Их историко-литературное значение трудно переоценить, ведь почти каждое персональное дело открывается письмом, в котором проситель, подтверждая право на получение материальной поддержки, излагает свою литературную или научную биографию, приводит список трудов, раскрывает обстоятельства, побудившие его обратиться за помощью. В дальнейшем вновь поступавшие прошения, а также различные справки, анкеты и пр. подшивались к первому документу — так формировалось персональное дело.

Круг лиц, обращавшихся в Комиссию, был очень широк и вряд ли может быть исчерпан перечнем, заложенным в самом названии этого учреждения: ученые, литераторы, публицисты. Можно с уверенностью сказать, что материалы архива являют собой целый срез литературной и, шире, культурной жизни России конца XIX—начала XX в. Среди имен просителей есть и первостепенные — А. И. Куприн, А. М. Ремизов, А. М. Горький, С. А. Есенин, Н. А. Клюев, и совершенно забытые или вовсе неизвестные. В последнем случае архив Постоянной комиссии нередко является единственным источником сведений о них.

Разумеется, содержание каждого персонального дела индивидуально. Тем не менее просматривается примерный круг тех обязательных сведений, которые можно в нем обнаружить. Помимо творческой биографии, это биография реальная с подробным изложением конкретных жизненных обстоятельств, которые заставили прибегнуть к помощи. Очень часто указывается состав семьи, родственные связи, тем более, что нередко были обращения с просьбой о выделении средств на обучение детей. Благодаря регулярной помощи Постоянной комиссии дети нуждающихся литераторов заканчивали реальные училища, гимназии, университеты — примеров тому довольно много. К числу ценнейших биографических материалов следует отнести копии послужных списков, дипломов, а также нотариальные свидетельства, различные удостоверения, медицинские справки, анкеты, визитки, имеющиеся почти в каждом деле.

Архив Постоянной комиссии содержит богатейший материал для раскрытия псевдонимов и установления авторства анонимных произведений. Ведь обращаясь за помощью, литератор стремился максимально полно представить свои труды, а следовательно, указывал и те из них, которые были опубликованы под псевдонимом или вообще без подписи. Работая над архивом, мы убедились в том, что он может дать существенные дополнения к «Словарю псевдонимов» Ю. И. Масанова.

Все персональные дела формировались по годам, по мере их заведения. Нумерация дел за каждый год была самостоятельной. Исключение составляют первые два года — за 1895 и 1896 г. нумерация общая. Именно тогда было заведено наибольшее количество дел — 549. В дальнейшем, особенно после 1914 г., наблюдается некоторый спад. За год формируется в среднем 30 дел. Что касается послереволюционного периода, то документы этого времени дошли до нас неупорядоченными. В случае если это были повторные прошения, мы подкладывали их в соответствующие ранее заведенные дела. Если же прошение было первым, то приходилось формировать дело вновь (всего 68 единиц хранения).

Не нарушая структуры фонда, мы сохранили расположение дел по годам. При этом идея алфавитного строения осуществлена в приложении — алфавитном указателе, который является ключом к описи.

Нельзя не упомянуть и о старых делопроизводственных карточках и адресно-справочных книгах, отложившихся в фонде. Карточки содержат сведения о датах поступлений прошений и принятых по ним резолюциях. Адресно-справочные книги представляют особый интерес, их можно было бы назвать «Литературный Петербург» — ведь здесь имеются адреса и телефоны многих просителей Постоянной комиссии.

Таким образом, фонд Постоянной комиссии оказывается значительным справочным источником для изучения культурной жизни России конца XIX—начала XX в.

II

Жанр «обзора архива» не предполагает публикации документов. Однако в данном случае, имея в виду уникальное богатство и разнообразие фонда, мы хотели бы отступить от этого правила и в заключение предложить читателям небольшую публикационную часть.

Ее задача не столько собственно научная, сколько, если угодно, эмоциональная. Нам хотелось воссоздать «образ» архива, который сложился у нас при его изучении. Этот «образ» — суть совокупность судеб всех его просителей, запечатленных в скупых документах их личных дел, прошениях — исповедально-трагических, забавных, трогательных, нелепых, словом, — самых разнообразных.

Начнем с начала — с тех порой стилистически очень «высоких» зачинов, которыми открываются некоторые прошения. В качестве примера приведем два фрагмента: из письма А. А. Иноземцевой, прозаика, драматурга, журналистки, и Ф. И. Досинчука, издателя «Волинского народного календаря».

«Всепокорнейшее Прощение Ваше Императорское Высочество!

Повергая к стопам Вашим мои верноподданнические чувства, честь имею всепокорнейше просить Вас, Ваше Императорское Высочество, не оставить своим глубокогуманным вниманием мое нижеследующее ходатайство» (№ 999, л. 2).

«В Совет Российской Императорской Академии наук
жителя г. Житомира
Федора Ивановича Досинчука.
Отношение.

Наш возлюбленный, ныне благополучно царствующий Монарх, близко принимающий к своему любвеобильному сердцу все интересы обожающих Его подданных, щедрою рукою, как чадолюбивый Отец рассыпает Свои Царские милости на всех тех, кто искренне старается посвящать свои труды на благо дорогого Русского отечества, и в каком бы виде и в какой форме не проявлялись эти труды, каждый из сынов обширной Руси теперь ясно видит, что обожаемый Отец отечества вознаградит Своего подданного по его заслугам» (№ 209, л. 2).

Отголоском давно ушедшей пушкинской эпохи звучат прошения ее непосредственных свидетельниц и участниц, А. И. Козловой и В. А. Нащокиной. В них — живая связь времен, которая порой кажется почти нереальной. Представим только: дочь одного из первых русских поэтов-романтиков И. И. Козлова, знаменитая в своем кругу Алина, пронеся через всю жизнь глубочайшую любовь к отцу, трогательное служение его таланту, в 1899 г. подписывает свое прошение: «Дочь Автора „Чернеца“». А Вера Александровна Нащокина, бывшая на юбилее Пушкина едва ли не единственным человеком, близко знавшим поэта, живет воспоминаниями дружбы, которая связывала ее мужа с Пушкиным, воспоминаниями о блестящей эпохе в литературной жизни Москвы 1820—1830-х гг.

Дело Александры Ивановны Козловой (№ 639) открывается ходатайством за нее графини Ольги Борисовны Перовской, фрейлины императрицы Марии Федоровны, перед великим князем Константином Константиновичем:

«Ваше Высочество,

Позвольте обратить Ваше внимание на положение престарелой дочери нашего поэта Козлова. Истратив на брата то малое, что у нее было, Александра Ивановна очутилась после его смерти в самых стесненных обстоятельствах. Не могу сказать положительно, чем она живет, но знаю только, что покойная гр. Блудова постоянно помогала своей приятельнице, — а теперь за исключением маленького пособия, которое она получает от частных лиц, — у нее ничего нет. Грустно встречать почти совсем слепую, 86 л. старушку, в поношенном платье бродящую по улицам, еле передвигая ноги! Не имея возможности держать у себя человека, который бы сопровождал ее в прогулках и развлекал бы чтением ее печальное одиночество, — Ал. Ив., однако, всегда уделяет другим все, что может из своих скудных средств, — и мне не раз приходилось видеть, как она заводит в магазин ребенка в лохмотьях, чтобы купить ему новую рубашку или платье.

Если бы оказалось возможным усладить последние дни старушки маленьким ежегодным пособием из Литературного фонда и назначить ей это в память ее отца, которую она так свято чтит, — то было бы оказано огромное благодеяние, и в такой форме оно бы, наверное, особенно тронуло почтенную Александру Ивановну.

Простите, Ваше Высочество, что утруждаю Вас этой просьбой и позволяйте надеяться, что Вы не оставите ее без внимания» (л. 2—3 об.).

Резолюция Постоянной комиссии: «пенсия с 1 сентября 1897 г. по 300 руб. в год».

Письмо А. И. Козловой от 8 сентября 1897 г. обращено к Л. Н. Майкову:

«Милостивый Государь
Леонид Николаевич,

Получив Ваше извещение о том, что Имп. Академия Наук в память моего покойного Отца, Поэта Ив. Ив. Козлова вспомнила меня, я, тронутая этим вниманием к моей старости (85 лет), прошу принять мою сердечную благодарность. Это внимание было мне тем приятнее, что я теперь могу отложить свое намерение просить Акад. Наук ввиду скудости моих средств и слабости зрения о покровительстве и материальной помощи на случай моей смерти.

Примите уверение в моем искреннем уважении и признательности. С сердечным желанием Вам добра и здоровья

Александра Козлова» (л. 4—4 об.).

Приведем еще одно письмо (от мая 1899 г.).

«Милостивый Государь
Леонид Николаевич,

Получила Ваше уведомление о назначении мне единовременно пособия (50 руб.) от Академии Наук, приношу Вам мою глубокую благодарность. Позвольте Вас еще просить сделать мне одолжение (по моей старости и слабости, и невозможности самой явиться) прислать мне это пособие на дом.

Я уже пользуюсь таковой помощью от Академии Наук, получая ежемесячно (25 руб.) пенсии, назначенной мне года два назад в память Отца моего, Поэта Слепца Ивана Козлова. Примите уверение в полном уважении моем и благодарности

Дочь Автора Чернеца
Александра Козлова.

Петербург, Симеоновская ул., дом № 5, кв. 10» (л. 6—7).

Прошение В. А. Нащокиной относится к марту 1895 г.:

«Ваше Императорское Высочество
Государь Великий Князь
Константин Константинович!

Припадая к стопам Вашего Высочества, прошу простить меня, что дерзнула послушаться совета некоторых лиц, принадлежащих к литературному миру, которые дали мне смелый совет написать Вам, Государь Великий Князь, настоящее письмо и объяснить в нем мое положение.

Хотя и сама лично я была уже знакома с редким поэтическим талантом Вашего Высочества по тем произведениям, которые мне удалось прочесть, и по ним узнала и полюбила всем сердцем «ЭТИ МИЛЫЕ ДВЕ БУКВЫ...»,²⁷ но мне было рассказано столько примеров доброты и отзывчивости ко всему угнетенному необыкновенной души Вашего Высочества, что все это и внушило мне добрую надежду, что Вы, Государь Великий Князь, выслушаете с добрым чувством меня.

Прошло уже более 40 лет со времени кончины моего мужа, неизвестного в свое время по его дружбе с А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, В. А. Жуковским, Павла Воиновича Нащокина.

При жизни мужа я жила более чем счастливо. Была здорова, пользовалась достатком, граничащим чуть ни с богатством, была окружена добрыми друзьями. Теперь от всего этого остались лишь одни воспоминания. Совершенно нездоровая, получая лишь небольшую помощь от одного лица — за которого день и ночь молю Бога, — я лишилась всех моих друзей, которые принимали горячее участие в моей судьбе после кончины мужа.

Особенно не могу, без самой искренней признательности, вспомнить незабвенных: князя Петра Андреевича Вяземского, Ивана Сергеевича Аксакова и, наконец, недавно скончавшегося Алексея Николаевича Плещеева.

„Несчастье — хорошая школа в жизни, — писал А. С. Пушкин моему мужу, — но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной ко всему доброму и прекрасному, какова у тебя, мой друг, какова и моя, как тебе известно“ (Соч. Пушкина. Изд. Суворина, Том 8, Стр. 507).

Справедливость этих великих слов чересчур хорошо мне пришлось испытать в течение моей долгой жизни.

Получаемой мною помощи хватает лишь на самые необходимые расходы. Но нездоровье с его гнетущими атрибутами: доктором, лекарствами и пр. разбивает всякие расчеты.

Теперь наступает весна, самое трудное для моей больной груди время, тем более при жизни в городе. Хотелось бы исполнить требование врача, предписывающего переехать из города куда-нибудь на чистый воздух. В течение минувших последних лет мне удавалось нанимать дачку-избу в окрестностях Москвы, и там я запасаюсь за лето здоровьем. Сейчас я только и лелею мысль, как бы мне вновь перебраться поскорее, не дожидаясь распутицы, этого самого вредного для нездоровья сезона, из Москвы в деревню.

Государь Великий Князь! Если все рассказанное мною здесь тронет Вас, и Вы, Ваше Высочество, пожалуете меня, человека, пользовавшегося когда-то расположением и дружбой таких великих людей, как А. С. Пушкин, то сделайте великое для меня доброе дело, помогите мне чем-нибудь.

Александр Сергеевич Пушкин писал моему мужу: „Попроси, Павел Воинович, твою Веру Александровну полюбить меня так же, как любит тебя моя Наталья Николаевна“ (Соч. Пушкина. Изд. Суворина. Том 8, Стр. 507).²⁸

Это было в 1835 году. Теперь, в 1895 году, эта самая Вера Александровна просит Вас, Государь Великий Князь, откликнитесь Вашею чудною, поэтической душою на настоящее ее смелое обращение к доброму чувству Вашего Высочества и протяните ей руку доброй помощи.

Вашего Императорского Высочества
верноподанная Вера Нащокина».

Резолюция Постоянной комиссии: «Постановили: ходатайство отклонить» (№ 7, л. 2—3).

А вот прошения совсем иного рода — «современных» писателей: М. Горького, А. М. Ремизова, Н. А. Клюева и С. А. Есенина (коллективное), А. Грина.

Прошение М. Горького (№ 516) относится к июлю 1896 г. Известно, что это было чрезвычайно трудное для писателя время. Осенью 1896 г. он заболел туберкулезом и в декабре выехал для лечения в Крым. В этот период болезни и безденежья Горький обращался с аналогичным прошением и в Литфонд. В Постоянную комиссию он писал следующее:

«Я, Алексей Максимович Пешков, литератор, работающий в поврежденных изданиях под псевдонимом М. Горький, — нуждаюсь в помощи, ибо на некоторое время вследствие суставного ревматизма и общего расстройства нервной системы по совету доктора я должен прекратить работу и поехать на юг.

Мне двадцать восемь лет, я самоучка, работаю шестой год, начал в „Кавказе“, сотрудничал в „Волжском Вестнике“, „Волгаре“, „Нижегородском Листке“, „Одесских Новостях“, „Котлин“ перепечатал ряд моих рассказов в начале текущего года, в прошлом году в „Русском Богатстве“ был напечатан мой очерк „Челкаш“, в „Русской Мысли“ очерк „Ошибка“, в июне текущего года „Новое Слово“ напечатало мой набросок „Тоска“.

Гонорар за эту работу я употребляю на уплату долгов — это необходимо, и остаюсь вне возможности работать и без денег. Работать мне запретили три месяца — меньшее. Холост. Родных нет. Прошу 150 р. и, кажется, — очень неумело прошу.

А. Пешков.

Адрес: Самара. Николаевская улица, дом О-ва попечения о бедных. Екатерине Павловне Волжиной²⁹ для М. Горького»³⁰ (л. 2).

Прошение не сразу, но все-таки возымело действие. Следующий документ дела — письмо Л. Н. Майкова Н. И. Познякову от 3 ноября 1898 г., в котором, в частности, сообщалось: «Приват-доцент СПб. Университета Ф. Д. Батюшков сообщил мне о крайне стесненном положении и о болезни Алексея Максимовича Пешкова» и завершалось просьбой: «заготовить отношение к казначею о назначении означенной суммы г. Пешкову из аванса» (л. 3). Эта сумма — 150 рублей и была выслана Горькому 4 ноября 1898 г.

Обращение А. М. Ремизова в Постоянную комиссию было продиктовано обстоятельствами, связанными с его заграничной поездкой в мае — июле 1914 г. (Италия, Германия). Будучи в Германии, Ремизов и его жена узнали о начале Первой Мировой войны и попытались вернуться в Россию, но граница была уже закрыта. Лишь через 12 дней тяжелого пути через Швецию и Финляндию, рискуя оказаться интернированными, супруги 31 июля 1914 г. вернулись в Петербург. В дороге пропали вещи и рисунки писателя, сделанные в Риме.³¹

Спустя три дня по возвращении, 3 августа, Ремизов обратился с прошением в Постоянную комиссию, которое, несмотря на описанные выше обстоятельства и официальный тон самого документа, оформил в своем излюбленном «псевдорусском» стиле, имитируя древнерусскую скоропись:

«Ввиду крайне затруднительного материального положения, вызванного пребыванием в долгом подневольном пути из Германии, лишился я значительной необходимой части имущества моего. Не имея наличных средств и по расстроенному здоровью моему лишенный в настоящее время возможности немедленного литературного заработка, честь имею обратиться к Комиссии с покорнейшей просьбой оказать мне возможную материальную поддержку.

Алексей Ремизов» (№ 1732, л. 2).

В деле есть еще одно прошение — от 8 ноября того же года, в котором Ремизов благодарит за выданные в августе 50 рублей и просит назначить пособие еще на полгода.

К февралю 1916 г. относится коллективное обращение Н. А. Клюева и С. А. Есенина, которых в то время связывали и крепкая дружба, и совместные литературные выступления. В конце письма указан адрес: «Петроград, Фонтанка, д. 149, кв. 9». Именно здесь, у своей сестры Клавдии, останавливался Клюев во время приездов в столицу. Здесь же жил и С. Есенин.

Всего в деле Н. Клюева (№ 1740) два прошения; приведем первое из них.

«В Комиссию для пособия литераторам при Академии наук.
Прошение.

Мы, поэты-крестьяне Николай Алексеевич Клюев и Сергей Александрович Есенин, почтительнейше просим Комиссию пособия литераторам при Академии наук помочь нам в нашей нужде.

Нужда наша следующая: мы живем крестьянским трудом, который безденежен и, отнимая много времени, не дает нам возможности учиться и складывать стихи. Чтобы хоть некоторое время посвящать писательству не во вред и тяготу нашему хозяйству и нашим старикам-родителям, единственными кормильцами которых также являемся мы, нам необходима денежная помощь в размере трехсот рублей на каждого. (Заслуги наши перед литературой выражаются в сборниках стихов и сотрудничестве в лучших журналах и газетах).

Подпись: Николай Клюев.
Сергей Есенин» (л. 2).³²

Следующее дело, на котором мы хотели бы остановиться, — дело А. Грина (№ 1611). Оно довольно обширно (24 л.) и охватывает период с 1912 по 1918 г. Разумеется, и в жизни этого писателя 1917 г. стал переломным. Изменился и характер прошений, и самый их вид.

История оставляет вполне материальный след в традиции эпистолярного жанра — архив Постоянной комиссии дает богатый материал для наблюдений над этим явлением. После 1917 г. на смену почтовой бумаге самых разных сортов приходят оборотки, титульные листы книг; в 1919—1921 гг. прошения пишутся буквально на клочках и уже, как правило, карандашом.

Прошение Грина можно, наверное, назвать криком о помощи. Оно тем более ценно, что биографических материалов, относящихся к этому периоду, сохранилось крайне мало. Как пишет биограф Грина, Вл. Сандлер, «Восемнадцатый год был временем, когда одна за другой закрывались буржуазные газеты <...> Взамен их появлялись новые <...> но и они держались недолго <...> Возможности печататься стремительно сужались <...> Когда Грина пригласили участвовать в новой газете „Честное слово“, он первым делом позвонил А. Блоку. В записных книжках Блока находим:

„12 августа. Утром — телефон от А. С. Грина: дать материал для беспартийной левой газеты <...> в Москве <...>

16 августа. Утром будет звонить Грин <...>

17 августа. Грин позвонил, что московская газета закрыта“.

В десятых числах августа Грин возвратился из Москвы, а двадцать первого вновь уехал туда».³³

Цель этой поездки биографам писателя, по-видимому, оставалась неизвестной. Между тем оказывается, что с ней были связаны большие планы. Именно в эти дни, 16 августа, Грин писал в Постоянную комиссию:

«Литератора А. С. Грина
(А. С. Гриневского).

Заявление.

Печать разорена; исчезла; работать положительно негде. Кроме того, что голодаю в буквальном смысле этого слова, — но и не вижу ничего хорошего в будущем, если я останусь жить в П.Г. Надо изме-

нить жизнь; уехать. Мне хочется сначала побыть несколько дней в Москве, где попытаюсь пристроиться к кинематографии, а затем, если это не удастся, — пробраться на Украину, в Киев. Там собрались литературные силы; есть газеты, журналы, издательства. Усердно прошу Пост. Ком. помочь мне уехать. Пожалуйста, дайте денег; помогите. Уже год, как я не обращался к Вам с такими просьбами. Нет более сил терпеть. Денег нужно вот сколько:

Билет до Москвы — 24 р. 60 к.

Здесь, 2-е суток жизни — 20 р.

Долг квартирной хозяйке — 34 р.

Для Москвы, по приезде, хотя бы — 10 р.
(трамвай, попить чаю, папиросы...)

всего 88 р. 60 к.

Дайте, пожалуйста, эту, такую ничтожную и в то же время такую спасительную, необходимую сумму. Горячо прошу Вас! Помогите, пожалуйста; простите, — но не остается иного исхода.

С уважением А. С. Грин (А. С. Гриневский).

Васильевский остров, 3-я линия, д. 34, кв. 3» (л. 17—18).

Судя по помете на прошении делопроизводителя, писателю было выдано 100 рублей, благодаря чему он и смог 21 августа поехать в Москву. Однако дальнейшие планы не осуществились. Известно, что конец 1918—начало 1919 г. он провел в Петрограде, а летом был мобилизован в Красную армию, участвовал в Гражданской войне. Задуманная в 1916 г. поездка на юг осуществилась только в 1924 г., когда Грин перебрался в Крым, в Феодосию.

Как мы уже писали, согласно высочайшему указу, которым была учреждена Постоянная комиссия, обращаться за помощью к ней могли не только «нуждающиеся ученые, литераторы и публицисты», но «равно их вдовы и сироты». Действительно, число последних столь велико, что едва ли не превышает основной контингент просителей. Назовем некоторые наиболее интересные имена: Арсеньева Е. С. и Шевырева О. Б., дочь и внучка С. П. Шевырева (ед. хр. 660 и 743); Бойко О. И., племянница Т. Г. Шевченко (ед. хр. 583); Булгакова Н. Н., внучка И. А. Крылова (ед. хр. 783); Вреден М. В., внучка Н. А. Полевого (ед. хр. 797); Гликиберг Г. М. и М. М., брат и мать Саши Черного (ед. хр. 1771); Дмитриевская Д. М., первая жена Вяч. Иванова (ед. хр. 1772); Загоскин В. Н., правнук М. Н. Загоскина (ед. хр. 723); Каченовская О. В., внучка М. Т. Каченовского (ед. хр. 663); Киреевский В. И., сын И. В. Киреевского (ед. хр. 756); Никитенко С. А., дочь А. В. Никитенко (ед. хр. 876); Пушина А. И., внучка К. Ф. Рылеева (ед. хр. 1595); Станюковичи Л. Н., З. К. и М. К., жена и дочери К. М. Станюковича (ед. хр. 1044); Чернышевский А. Н., сын Н. Г. Чернышевского (ед. хр. 1122).

Наверное, особое место среди родственников писателей принадлежит родственникам Пушкина. Это племянники поэта: Л. Н. Пав-

лищев (ед. хр. 379), Н. Н. Пани (ед. хр. 345), М. Л. Нейкирх (ед. хр. 776), внучатый племянник Н. Л. Павлищев (ед. хр. 889) и внучка Пушкина, А. М. Кондырева (урожд. Дубельт) (ед. хр. 1813).

Среди перечисленных дел наибольший интерес вызывают прошения Л. Н. Павлищева и М. Л. Нейкирх. Причем интерес совершенно разного свойства: первое — благодаря своей информативности и несомненной научной значимости, второе — как чисто человеческий документ, пленяющий своей непосредственностью и откровенностью.

В обширном деле Л. Н. Павлищева пушкинистов прежде всего привлекут документы, касающиеся принадлежавшей ему коллекции семейных портретов. Кроме того, оно является ценнейшим биографическим документом, детально раскрывающим обстоятельства его личной и служебной биографии. Приведем с некоторыми купюрами прошение от 28 сентября 1899 г.:

«Ваше Императорское Высочество!

Никогда я бы не отважился прибегнуть к Высокому Покровительству Августейшей Особы Вашей, но беспорочное мое сорокалетнее служение трем Монархам и Отечеству,³⁴ семидесятипятилетний возраст, неизлечимые физические недуги и близкое мое родство с нашим знаменитым поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным <...> да послужат мне хотя и слабым оправданием моего дерзновения повергнуть на великодушное воззрение Вашего Императорского Высочества всепочтительнейшую мою просьбу <...>

Хотя я и не занимаю выдающегося места среди литераторов, но в течение моей жизни и я внес посильную лепту в сокровищницу отечественной литературы и журналистики, а именно:

1. В июле 1865 года <...> я был <...> назначен <...> редактором русского „Варшавского дневника“, основанного в октябре 1864-го года моим отцом <...> Заведуя редакцией <...> по декабрь 1870-го года, я печатал в этой газете постоянно мои передовые и другие статьи.
2. В 1871-м году по предложению начальника Варшавского окружного штаба <...> я написал подробный Отдел „Статистического обзора Привислинского края в военном отношении“. Этот Отдел <...> напечатан впоследствии в „Военном сборнике“.
3. В 1888-м году появилась в двенадцати книжках „Исторического вестника“ первая часть моих воспоминаний о моем незабвенном дяде А. С. Пушкине, вышедшая в 1890-м году отдельным изданием в Москве; вторая часть напечатана в том же 1890-м году в „Русском обозрении“ тоже в Москве, а третья — в 1896 году на столбцах сентябрьской книжки „Русской старины“.
4. В 1899-м году вышло в свет отдельной книжкой мое критическое исследование о причинах рокового поединка моего дяди с Георгом Дантесом-Гекереном под заглавием: „Кончина Александра Сергеевича Пушкина. Составил его племянник Лев Павлищев“.³⁵
5. В течение 1891-го и 1892-го годов я написал для <...> „Русского биографического словаря“ около двадцати биографий русских

общественных деятелей на военном и гражданском поприщах» (л. 12—13).

Прошение от 23 января 1911 г.:

«Престарелые мои годы, болезненное состояние супруги моей, а также крайне стесненное мое материальное положение побуждают меня обратиться с настоящим ходатайством <...>

У меня хранятся унаследованные от моей матери фамильные портреты, а именно: 1. моего дяди-поэта кисти Кипренского; 2. моего деда, Сергея Львовича Пушкина; 3. моей бабушки, Надежды Осиповны Пушкиной, снятый графом Ксаверием Де-Местром; 4. моего дяди, Льва Сергеевича Пушкина; 5. Матери моей, карандашом; 6. Ее же, акварелью и 7. акварельный моего отца, Николая Ивановича Павлищева.³⁶

Ходатайствую о принятии этих портретов с тем, чтобы взамен их была бы мне выдаваема ежемесячно сумма в размере тридцати рублей в месяц и чтобы таковая после смерти моей перешла к законной Супруге моей Ольге Петровне Павлищевой в пожизненное пользование.

Портреты родных были мне драгоценны, и я бы никогда в жизни не решился расстаться с ними без самой крайней к тому необходимости <...>

Место жительства: С. Петербург, Лесной, Большая Спасская улица, дом № 44, квартира № 22» (л. 18—18 об.).

Из прошения от 21 мая 1911 г.:

«Вследствие моего прошения в Комиссию <...> 27 февраля меня посетили Б. Л. Модзалевский и уполномоченный Пушкинского Лицейского Общества П. Е. Рейнбот для обозрения как портретов, так и книг и вещей Пушкинской семьи, которые я изъявил желание равномерно предложить.

Не получая до настоящего времени сведения о судьбе моего ходатайства, почтительно прошу сообщить мне о положении этого дела» (л. 19—19 об.).

Письмом от 20 сентября 1915 г. жена Льва Николаевича, О. П. Павлищева извещала о смерти мужа (скончался 6 июля 1915 г.). Далее следуют прошения, написанные ее рукой; последнее из датированных относится к 6 февраля 1920 г.

Мария Львовна Нейкирх (1849—1928) принадлежит к нижегородской ветви рода Пушкиных. Дочь Льва Сергеевича Пушкина и Елизаветы Александровны (урожд. Загряжской, 1821—1898), она провела детство и отрочество в Болдино. Пожалуй, среди детей Л. С. Пушкина на ее долю выпала самая трудная судьба. Очевидно, никакого отношения к управлению родовым имением она не имела и доходов по нему не получала. Вообще сведения о М. Л. Нейкирх очень скудны.³⁷ Как пишет Ю. И. Левина, она «жила трудно и бедно, последние десятилетия находилась в Мос-

кве. С другими Пушкиными близости у нее не было, родственные связи не поддерживались <...> Ее сын, Борис Иванович Нейкирх, служил в Туле, потомство его до последнего времени проживало там же». ³⁸

Дело М. Л. Нейкирх (№ 766) открывается ходатайством за нее (от 6 апреля 1899 г.) Михаила Алексеевича Веневитинова, члена Комитета по устройству Музея изящных искусств, сотрудника Публичного и Румянцевского музеев, почетного члена Академии наук. Оно обращено к Л. Н. Майкову, с которым М. А. Веневитинов был хорошо знаком:

«Ежедневно читаешь в газетах о соревновании разных ведомств, сословий, городов в подробностях празднования предстоящего юбилея рождения Пушкина; значительная сумма денег ассигнуется на празднества в его честь, на спектакли, издания его сочинений и т. д. Суворин хвастается успехом затеянной им подписки на постановку памятника Пушкину в Петербурге, давшей в два месяца 17000 р. <...> Лицеисты затевают какое-то роскошное издание Пушкина по цене чуть ли не 100 р. за экземпляр. Одним словом, если счесть все, что тратится теперь в память Пушкина, то наберется несколько сот тысяч рублей, а может быть и с полмиллиона...

А между тем здесь в Москве в ужасающей обстановке бедствует и умирает с голоду родная племянница поэта, дочь его брата, Мария Львовна Нейкирх, жена престарелого 64-х летнего агронома, который за своей ветхостью не может получить никакого места <...>» ³⁹

Не имея собственного пристанища, она в настоящее время живет из милости в сыром, отвратительном углу приютившего ее в своей квартире воспитанника ее же матери Н. А. Петрова. ⁴⁰

Обо всем этом я узнал совершенно случайно <...> На днях ко мне явился этот самый Петров <...> Не желая попасть в жертвы весьма возможной теперь спекуляции, я запросил письменно А. А. Пушкина о достоверности сообщаемых Петровым фактов. Подлинный ответ А. А. Пушкина также прилагаю. По-видимому, его отношения к двоюродной сестре не особенно близки, да и сам он и небогат, и обременен большим семейством <...>

Наконец, для проверки положения М. Л. Нейкирх я употребил еще одно средство и отрядил к ней доверенное лицо из Музея, которое пришло в ужас оттого, что увидело и со слезами на глазах рассказало мне о положении родной племянницы великого русского поэта <...>

Вы, конечно, угадываете, к чему я веду свою речь. Неужели писательский благотворительный фонд Академии Наук не обратит свое внимание на несчастную М. Л. Нейкирх? Ее безысходная нужда отразится темным пятном на светлом фоне торжеств в честь ее родного дяди <...> К моей просьбе <...> присоединяются Н. П. Стороженко и А. П. Кирпичников в качестве деятелей Общества любителей российской словесности. Вручаю в Ваши руки это доброе дело в полной уверенности, что оно заслужит Ваше внимание и сочувствие...» (л. 4—5).

Прошение М. Л. Нейкирх от 29 марта 1900 г.:

«Ваше Императорское Высочество!

Покойный отец мой, Лев Сергеевич Пушкин, был родным братом поэта Александра Сергеевича Пушкина. После кончины отца моего мать моя, рожденная Загряжская, дочь ветерана Отечественной войны и старого преображенца, осталась с тремя малолетними детьми.⁴¹ Вскоре меня поместили в Смольный институт, где и окончила курс на Николаевской половине в 1867 году. По выходе из Института я вышла замуж за человека, не имеющего никаких средств к жизни, кроме частной службы. За последние восемь лет он не имел никаких занятий, а между тем за это время надо было давать образование детям — трем сыновьям. Я работала одна, давая частные уроки, и тем поддерживала всю семью. В прошлом году я имела несчастье потерять своего старшего сына. Это несчастье так тяжело повлияло на меня, что я потеряла здоровье и всякую возможность к самостоятельному труду. В мае месяце, ввиду приближавшегося юбилея поэта Пушкина, я, как родная племянница его, обратилась с просьбою на имя Товарища Президента Императорской Академии Наук, г. Майкова, прося его ходатайствовать за меня о выдаче мне пособия из литературного фонда, который существует при Академии. Не получая так долго ответа, я должна предполагать, что просьба моя оставлена без последствий. Осмеливаюсь прибегнуть к милосердию Вашего Императорского Высочества, умоляя оказать мне милость назначением пособия или пенсии, которая бы единственно могла поддержать мое существование в настоящее время, так как другой надежды на благополучный исход из моего тяжелого положения я не предвижу.

Имею счастье именоваться
Вашего Императорского Высочества
верноподданная Мария Нейкирх» (л. 8—9).

Прошения были удовлетворены: на протяжении пяти лет (с 1900 по 1905 г.) М. Л. Нейкирх неоднократно получала единовременные пособия. Наконец, в 1906 г. ей было назначено рассроченное пособие на год (по 10 рублей в месяц). Последний документ дела — почтовый перевод на сумму 29 руб. 50 коп. — датирован февралем 1919 г.

Не раз Постоянная комиссия оказывала помощь родственникам писателей в экстренных случаях — болезни, смерти. Так, едва ли не первыми были извещены о кончине Я. П. Полонского именно члены комиссии. Записка М. П. Соловьева, начальника Главного Управления по делам печати, Л. Н. Майкову, которой открывается дело вдовы поэта, Жозефины Антоновны Полонской,⁴² имеет характер безотлагательной просьбы. В этих скупых строках — весь накал чувств и проблем, которые еще не нашли своего разрешения:

Многоуважаемый Леонид Николаевич!

В 11 ч. 40 м. сегодня скончался старейший наш поэт, Я. П. Полонский. Вчера его соборовали. Он умер, не подавая признаков сознания, от разрыва артерии. Конечно, денег не осталось ни гроша. Прошу о пособии. Августейший Президент извещен о смерти, но о стесненном положении семьи, истратившей все на лечение дорогого старца, м. б. ничего не знает.⁴³ Литературное значение Полонского требует оказания Высочайшего сочувственного внимания и почести к покойнику.

Преданный Вам
М. Соловьев».

Резолюция Постоянной комиссии: «выдать 150 руб.» (№ 730, л. 2—2 об.).

Дело Веры Николаевны Нога (1856—1918), дочери Н. С. Лескова, весьма обширно (№ 1027, 51 л.) и тем более ценно, поскольку сведения о ней довольно скудны.⁴⁴ В течение 14 лет она пользовалась поддержкой со стороны Постоянной комиссии, получая в 1903—1917 гг. пособия. Здесь мы находим самые разные документы: прошения, медицинские справки и свидетельства, счета, анкеты и пр., свидетельствующие о материальном положении просительницы и состоянии ее здоровья. Однако среди официальных документов есть и один частный — письмо В. Н. Нога А. Ф. Кони, рекомендацией которого она хотела заручиться.

«Глубокоуважаемый Анатолий Федорович!

Признательна Вам, что разрешили мне объяснить Вам свою просьбу и не откажите дать мне совет в моем деле.

Ваше письмо к председателю Комиссии <...> может мне оказать большую услугу и помощь, т. к. Вас очень уважают, а я без Вашей помощи даже не рискну начинать.

Моя болезнь (рак) последнее время прогрессирует и надо благоразумно понимать, что приближается время выдержать мой последний экзамен в жизни <...> я решаюсь просить пожалеть меня, 65 л. старуху, которой уже недолго осталось беспокоить Комитет, прибавить мне <...> к моему пособию в 20 р. (которое я уже несколько лет (со времени болезни) получаю или не отказать мне в единовременном пособии) <...>

Конечно, прошу этого за заслуги моего покойного отца, а иначе какое бы имела право на участие и сожаление, т. к. у меня взрослые дети, но я пишу Вам одну правду и могу все подтвердить документами <...>

Сын офицер, тяжело контуженный в эту войну, требующий серьезного лечения, женатый, ожидающий ребенка, ему едва хватает на семью, что я могу у него брать?

Дочь, после тяжких болезней оставившая место в редакции, и на занятые деньги работает целыми днями в кинематографическом деле, без летнего отдыха. Живем обе в одной комнате, что я могу взять у дочери, живущей в таких тяжелых жизненных условиях?

25 т., полученных от отца, у меня ушли на уплату долга покойного больного мужа, его лечение, воспитание детей.⁴⁵

Смотреть из рук детей вообще очень тяжело, особенно бедных.

Если Вы, гуманный, добрый Анатолий Федорович, откликнитесь на мое горе, то ради Вас мне и сделают что-нибудь, а то лучше и не начинать трепать имя моего отца <...>

Буду терпеливо ждать <...> великое Вам спасибо, что ответили мне, простите за беспокойство.

С почтением к Вам В. Нога.

Литейный пр. 50, к. 7.

1915 г. 18 авг.» (л. 48—49 об.).

В Постоянную комиссию обращались не только «литераторы и публицисты», но и ученые, а также их родственники. В качестве примера приведем прошение из дела Варвары Николаевны Ахлопковой, дочери Н. И. Лобачевского (№ 366). Оно принадлежит к тем документам, вся сила которых в их бесхитростной простоте. Её трудно переложить на язык официального прошения — отсюда эта трогательная косноязычность:

«Жены отставного поручика
Варвары Николаевны Ахлопковой,
урожденной Лобачевской.

Прошение.

Отец мой, знаменитый математик Николай Иванович Лобачевский, которому воздвигают монумент в г. Казани, где сквер и улица названы его именем, умер, не оставив, как известно, никаких средств. В настоящее время, страдая ожирением сердца, часто приходится обращаться к медицинской помощи и, имея на руках двух несовершеннолетних сыновей, требующих воспитания, один воспитывается на мой счет в Пехотном Юнкерском училище, другой на мой же счет — в С. Петербургской 6-й Гимназии. Находясь в крайнем положении и оставленная мужем, о котором уже несколько лет я не имею известий, а потому я решилась обратиться к Монаршей милости: не найдет ли возможным Императорская Академия Наук назначить мне пожизненную пенсию или единовременное пособие из Высочайше пожалованного фонда в память заслуг покойного моего отца, признанного за Коперника Геометрии не только в России, но и за границей. Надеюсь, что не откажет Императорская Академия Наук в просьбе единственной оставшейся в живых его дочери.

1895, ноября 29 дня» (л. 2).

Резолюция Постоянной комиссии: «выдать единовременное пособие в размере 50 руб.».

Постоянная комиссия помогала не только маститым, но и начинающим писателям. Среди ее просителей немало «писателей из народа», самоучек. В заключение приведем три характерных прошения: поэтессы Августы Васильевны Переводчиковой (от октября 1895 г.),⁴⁶ члена Киевского общества литераторов Николая Федоровича Лисицкого и крестьянина Степана Моисеевича Ермакова.

«Его превосходительству Леониду Николаевичу Майкову.

Находясь в безвыходной нужде, я всепокорнейше Вас прошу оказать мне величайшую милость и удостоить меня хотя самой маленькой пенсией. При этом позвольте познакомить Вас с моим долгим (мне 87 лет), но скорбно-однообразным прошлым. Я дочь бедного чиновника. Всю жизнь с детства я страстно любила поэзию и литературу и урывками писала стихи с 7-ми лет; но, не получив никакого образования и долго не имея даже книг, чтобы чтением пополнить недостаток знаний и сколько-нибудь развить себя умственно, я писала не то и не так, чтобы могло пойти в печать. Со смертью отца, которому я читала свои стихи, я целые десятки лет не встречала ни одного человека, с которым бы могла поговорить о любимом предмете. Не зная никакого ремесла, я шила в то время рубашки на базар и вязала башмаки (теплые), но, близорукая и слабая здоровьем, я зарабатывала буквально только на хлеб, но и в это горькое время я все же изредка писала стихи, но показать кому-либо я, робкая от природы, не смела, да и не знала, к кому обратиться. Поэтому я поздно начала печатать свои стихи и корреспонденции, сначала бесплатно, а потом уже и с платой. Теперь местные газеты платят мне за стихи по 5 к. со строки, но в тяжелой нужде и болезненная, я пишу очень немного. Мои стихи помещались: в „Русском богатстве“, „Божьем мире“, „Родине“ и местных газетах; корреспонденции — в „Неделе“, в „Русских ведомостях“, „Московском листке“, а более всего в местных газетах.

Бедность и неподготовленность к жизни еще в ранней молодости заставили меня вынести тяжелую и неравную борьбу за хлеб насущный, подточившую мои силы. Когда я, наконец, добилась места сельской учительницы, здоровье мое было уже расшатано, но я все же 18 лет занимала должность учительницы в сельских школах, где всегда было более ста учащихся. Я любила свое дело и при исполнении его мне казалось, силы мои удесятерились. Теперь я уже не в силах быть учительницей и писать могу очень немного, а земное существование еще теплится и требует поддержки.

Я вполне сознаю, как ничтожны мои литературные работы, но я вынуждена покорнейше просить Вас о помощи тяжелой нуждой и безнадежностью выйти из нее по своему расстроенному здоровью и преклонным летам.

Августа Васильевна Переводчикова.

Адрес: Саратов, угол Гимназической и Вальской ул., дом Котомина. Недавно я издала некоторые из своих стихотворений маленькой книжечкой, которую и прилагаю».

Резолюция Постоянной комиссии: «рассроченное пособие по 20 руб. на 3 месяца» (№ 322, л. 2—3).

«Сына почетного гражданина
Николая Федоровича Лисицкого.

Прошение.

Пропечатавшись в незначительном киевском журнале „Воскресное чтение“, бывши членом существовавшего в г. Киеве Киевского общества литераторов, где за мной было признано право писать, я осмеливаюсь обратиться в Императорскую Академию наук, так как слышал, что Императорская Академия наук следит за начинающими писателями и истинным из них помогает.

Покорнейше прошу <...> обратить внимание на прилагаемую мною <...> рукопись и <...> на меня, если мои произведения заслуживают одобрения. Я с малых лет живу без отца с бедной, измученной труженицей матерью, добывающей кусок хлеба пагубной иглой; но при всем желании я не могу облегчить непосильного бремя жизни моей матери — на литературном поприще, на поприще дорогого служения святому искусству мне Судьба поставила неодолимые преграды; перебраться через них я тщетно пытаюсь уже 3 года. Куда бы из редакций я не обращался — везде меня награждали пренебрежением и мучительным молчанием. Впадая в отчаяние, я искал удовлетворения и жизненной поддержки на других поприщах — я искал по выходе из Киевской Духовной семинарии какой-нибудь службы, но и здесь Судьба испытывала мое терпение, посылая неудачи. Изнывая в нужде, в муках неудовлетворения, в неутоляющейся неодолимой жажде печатания, я терял физические и нравственные силы; все надежды на что-либо меркли, и я с леденящим ужасом смотрел в непроглядную, казалось, тень грядущего, где грезился мне страшный, роковой призрак — погибающего от голода человека. Но вот в угнетавшей тьме моей жизни блеснул слабый бодрящий луч надежды — мне посоветовали обратиться в Императорскую Академию наук.

Еще раз осмеливаюсь просить Императорскую Академию наук сотворить суд над моими произведениями и — если они заслуживают одобрения — поддержать нравственно и материально пострадавшее человеческое существо, гибнущее за непреодолимое им влечение служить святому, дорогому искусству, что служит ему единственным светлым лучом в непроглядной тьме его земной жизни.

1907 г., января 25 дня» (№ 1270, л. 2—2 об.).

Наконец, из прошения крестьянина С. М. Ермакова.

«В Академию наук.

<...> Я совершенно без всякого образования, не считая церковно-приходской сельской школы, учителем в которой состоял человек, окончивший только 2-х классное училище <...> Из этой школы

я не мог ничего вынести такого, которое дало бы мне толчок к чему-нибудь высшему. Также и из среды, в которой я родился, жил и живу. Отец мой совершенно безграмотный, очень бедный, имеющий большую семью крестьянин <...>

Большую охоту к стихам я почувствовал, когда прочел биографию Ломоносова, а также и от чтения книг из естествоведения. Во время моего нахождения в последней группе сельской школы учитель предложил всем ученикам написать что-нибудь „свое“. Другие ученики ничего не написали такого, в котором была бы какая-нибудь связь <...> Я же написал „Закат солнца в деревне“. Учитель, прочтя это сочинение, поставил меня на колени и начал смеяться. Читая ученикам мое сочинение, он говорил, что „Ермаков это сочинение выписал из сочинений другого писателя“, и добавлял при этом, что „я, учитель, и то не могу так написать, да не только я, но и не каждый писатель так напишет; так только писал Гоголь, и если бы Ермаков так писал, ему дали бы денег и учили бы бесплатно...“

Этыя слова так повлияли на меня, что я тогда же попросил учителя дать мне книгу „Биография Гоголя“. К счастью, в этой книге был и критический разбор сочинений этого гения. Прочтя эту книгу, я уже не переставал упражняться в стихах и читать книги <...> После окончания школы я остался жить при отце; пахал в поле, пас гуси и пр. Это продолжалось 2 года. Охота к науке не могла удержать меня в деревне <...> К тому сиделец винной лавки объяснил мне, что в Киеве можно видеть живого „ревизора“ — это положило конец моим страданиям в деревне. Тайком от отца, ночью я пошел в Киев, состоящий в 55 верстах от моей деревни. Не буду описывать того впечатления, которое произвел на меня этот большой город, но скажу, что я тогда сильно разочаровался во всем. При виде богато разодетых, в разных формах людей я почувствовал себя совершенно ничтожным в сравнении с ними. Я думал, разве этия люди, с таким образованием не могут написать так, как я? Но скорый случай возвратил мне прежние мысли. Случайно <...> я разговорился с одним <...> студентом, который, несмотря на то, что я был тогда в свитке, хотя и нехотя, но ответил на мой вопрос: что получил бы теперь человек, написавший что-нибудь как Гоголь. Студент только ответил: „Деньги и вечную славу“.

Начались хлопоты по приисканию должности <...>, на которой нахожусь и в настоящее время. Но какая это служба: 7 руб. жалованья, работать с 6 ч. утра до 12 ч. ночи. За 2 месяца моего нахождения на этой службе <...> я чувствую большой упадок сил и притупление умственных способностей <...> Из сочинений моих только смеются, и смеются люди с высшим образованием. Все говорят, что переписано. К тому костюм мой не позволяет пойти в какое-нибудь лучшее место, а приобрести другой нет средств. Все это заставило меня с приложением сочинений обратиться с просьбой к таким людям, как Академия наук. Просьба моя совершенно ничтожная <...> Я только прошу, конечно, по оценке сочинений, прислать мне рублей 150 на одежду и на проезд в Петербург и в Петербурге определить меня на какую-нибудь должность, на кото-

рой свободное от занятий время я мог бы употребить на образование. Я, конечно, не думаю, чтобы и Академия наук приняла сочинения за выписанные <...> Так или иначе, но ответ с Академии положит конец всем моим страданиям. Жить дальше в настоящем моем положении, голодать, унижаться какому-нибудь бессознательному „Плюшкину“ я никак не могу. От роду мне теперь 18 лет. Как ответ, так и деньги адресовать: г. Киев. Александровская ул., д. № 11.

Уважающий науку С. М. Ермаков.

5 февраля 1910 г.» (№ 1500, л. 2—4 об.).

¹ История благотворительности отражена, в частности, в издании «Благотворительные учреждения Российской империи» (СПб., 1900. Т. 1—3).

² *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. Ростов-на-Дону, 1998. С. 52—53.

³ Правительственный вестник. 1895. 14 янв., № 11.

⁴ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 1, № 1, л. 3—4.

⁵ Напечатаны в качестве приложения № 2 к «Протоколу заседания № 5 Общего собрания Императорской Академии наук от 13 мая 1895 г.» (на правах рукописи; пагинация отсутствует). Далее цитируем эти документы без ссылок на источник.

⁶ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 1, № 1, л. 34—35 об., 90—126.

⁷ См: *Коршилов А. А.* Пятидесятилетие Литературного фонда. 1895—1909. Общий очерк. СПб., 1909.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 1, № 1, л. 254—256, 296, 301—302, 310—311; № 30, л. 6—11, 25—27.

¹⁰ Упоминается в письме Л. Н. Майкова В. А. Манассеину от 4 февр. 1899 г. (там же, № 32, л. 9).

¹¹ Впоследствии, по мере обретения Постоянной комиссией большей самостоятельности, это положение подверглось некоторой корректировке. В измененном, согласно постановлению Общего Собрания Академии от 13 декабря 1908 г. и 10 января 1909 г., «Временном положении» говорилось: «Комиссия состоит из шести членов: двух действительных членов Академии, избираемых Общим Собранием Академии сроком на два года; двух членов Разряда изящной словесности, избираемых Разрядом сроком на два года, и двух лиц, приглашаемых к участию в Комиссии Президентом Академии из числа известных русских писателей сроком на два года <...>

Председатель Комиссии и его товарищ избираются самой Комиссией ежегодно из числа действительных членов Академии и почетных академиков, принадлежащих к составу комиссии» (ф. 540, оп. 1, № 2, л. 8).

¹² См., например, статью «Отголоски (по поводу Высочайшего указа)» (Русская жизнь. 1895. 15 янв., № 13; без подписи). Впрочем, полемика вокруг Постоянной комиссии, по-видимому, не была слишком ожесточенной. Во всяком случае, нам известны лишь два собственно полемических отзыва: статья М. Н. Волконского «Бесконтрольные расходуемые 50 000 руб. ежегодно» (Новое время. 1906. 12 мая, № 10833) и статья за подписью «Правый журналист» — «Еще о злоупотреблениях царской милостью» (Русская земля. 1908. 14 нояб., № 820). На выступление М. Н. Волконского последовал ответ — обширная статья «От председателя Постоянной Комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам» (Новое время. 1906. 29 июня, № 10849). Можно назвать еще статью А. Фаресова «Литературные пенсии» и ответ на нее Литератора-юриста — «О литературных пенсиях», вызванные обращением Постоянной комиссии к своим пенсионерам с предложением отказаться в случае перемены обстоятельств жизни от выдаваемой пенсии в пользу более нуждающихся членов. Источники обеих статей нам неизвестны; в

архиве Постоянной комиссии они сохранились в виде газетных вырезок (ф. 540, оп. 1, № 31, л. 13—13 об.).

¹³ — Я — .Памяти Л. Н. Майкова (ф. 540, оп. 1, № 33, л. 12; статья сохранилась в виде газетной вырезки, источник не указан). Авт.: Н. И. Позняков.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Отчет состоящей при Императорской Академии наук Постоянной комиссии для выдачи пособий нуждающимся ученым, литераторам и публицистам за 1900 год, составленный к годовому торжественному собранию Академии 29 декабря 1900 года. [СПб., 1900]. С. 4. Отд. оттиск.

¹⁶ Цит. по: *Коричнев А. А.* Пятидесятилетие Литературного фонда... С. 9.

¹⁷ Отчет состоящей при Императорской Академии наук Постоянной комиссии для выдачи пособий имени Императора Николая II нуждающимся ученым, литераторам и публицистам за 1895 г. [СПб., 1895]. С. 4. Отд. оттиск.

¹⁸ Этой теме посвящена наша статья «Новые материалы по истории создания Пушкинского заповедника», предназначенная для сборника «Михайловская пушкиниана» (в печати).

¹⁹ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 1, № 38, л. 6.

²⁰ Там же, л. 9.

²¹ Там же, л. 58.

²² Там же, № 35, л. 57 об.—58 (документ датирован 13 сентября 1905 г.).

²³ Там же, № 38, л. 19 (1909 г.).

²⁴ Там же, № 42, л. 37.

²⁵ Там же, № 17, л. 20.

²⁶ Протоколы заседаний Общего Собрания Российской Академии наук. Пг., 1921. С. 94.

²⁷ Первая строчка стихотворения А. Н. Майкова «К. Р.». См.: *Майков А. Н.* Полн. собр. соч.: В 4-х т. СПб., 1901. Т. 1. С. 502—503.

²⁸ Обе цитаты — из письма Пушкина П. В. Нащокину от середины марта 1834 г.: «Говорят, что несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному, какова твоя, мой друг; какова и моя, как тебе известно. Конечно, мы квиты, если ты мне обязан жизнью своей — и надеюсь, что Вера Ал<ександровна> будет меня любить, как любит тебя Наталья Николаевна» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1948. Т. 15. С. 117).

²⁹ *Пешкова (урожд. Волженина) Екатерина Павловна* (1878—1965), жена Горького с 1896 г. В 1903 г. они разошлись.

³⁰ Настоящий текст был опубликован дважды: в статье Н. Аникина «Страничка из биографии М. Горького» (*Звезда*. 1939. № 3. С. 205) и в «Летописи жизни и творчества А. М. Горького. Выпуск 1. 1868—1907» (М., 1958. С. 179).

³¹ Подробнее об этом эпизоде из биографии А. М. Ремизова см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. М., 2000. Т. 3. С. 634—636 (коммент. Е. Обатниной).

³² Настоящий текст публиковался трижды: *Юдина И.* Литературный фонд и русские писатели 1910-х годов (письма М. Горького, С. Есенина, Н. Клюева, С. Подъячева) // *Русская литература*. 1966. № 2. С. 210; *Белоусов В. Г.* Сергей Есенин. Литературная хроника. М., 1969. Ч. 1. С. 87; *Базанов В. Г.* Олонецкий крестьянин и петербургский поэт // *Север*. 1978. № 8. С. 95.

³³ *Сандлер Вл.* Вокруг Александра Грина (Жизнь Грина в письмах и документах) // Воспоминания об Александре Грине. Л., 1972. С. 512.

³⁴ Лев Николаевич Павлищев (1834—1915), сын Николая Ивановича Павлищева и Ольги Сергеевны (урожд. Пушкиной). Закончил юридический факультет Петербургского университета, служил в Департаменте уделов.

³⁵ *Павлищев Л. Н.* Из семейной хроники // *Исторический вестник*. 1888. Т. 34. № 11. С. 286—316; Т. 34. № 12. С. 560—594; *Он же.* Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890; Из семейных воспоминаний об А. С. Пушкине Льва Павлищева. Отдел 2. II. Дополнения к отрывкам Дневника Александра Сергеевича Пушкина (1833—1835). III. Выдержки из писем Ольги Сергеевны Павлищевой к ее отцу Сергею Львовичу Пушкину за 1836 и 1837 годы // *Русское обозрение*. 1890. № 9. С. 158—185; Кончина Александра Сергеевича Пушкина. Составил его племянник Лев Павлищев. СПб., 1899. По утверждению Л. А. Черейского, «Воспоминания и рассказы Павлищева о Пушкине являются компиляцией печатных источников с добавлением собственных домыслов и частичных извлечений из неопубликованной семейной переписки» (*Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Изд. 2. Л., 1988. С. 317).

³⁶ Имеются в виду: 1. Копия с портрета А. С. Пушкина работы О. А. Кипренского, написанная по заказу О. С. Павлищевой в 1837 г. Холст, масло. В настоящее время находится во Всероссийском музее А. С. Пушкина (ВМП).

2. Портрет Сергея Львовича Пушкина работы неизвестного художника. Конец 1810-х гг. Пастель. ВМП.

3. Портрет Надежды Осиповны Пушкиной работы К. де Местра. 1800-е гг. Миниатюра на слоновой кости. ВМП.

4. Портрет Льва Сергеевича Пушкина работы А. О. Орловского. Первая пол. 1820-х гг. Бумага, итал. карандаш, уголь. ВМП.

5. Портрет Ольги Сергеевны Павлищевой работы неизвестного художника. 1833 г. Карандаш. ВМП.

6. Портрет ее же работы В. Ф. Черновой. 1844 г. Акварель. ВМП.

7. Портрет Николая Ивановича Павлищева работы А. А. Покровского. 1843 г. Бумага, акварель. Литературный музей ИРЛИ.

Все эти портреты в период с 1912 по 1915 г. были подарены Л. Н. Павлищевым и его супругой Пушкинскому Дому. Впоследствии переданы во Всероссийский музей А. С. Пушкина (кроме портрета Н. И. Павлищева).

³⁷ См. о ней: *Артюхов В.* Племянница Пушкина // *Русское слово*. 1913. 2 июня; *Ниякий В. В.* Потомки А. С. Пушкина — болдинские помещики и дворянские деятели. К истории болдинского имения // *Записки краеведов*. Горький, 1975. С. 103—107; *Он же*. Нижегородская ветвь рода Пушкиных // *Записки краеведов*. Горький, 1979. С. 156—161; *Левина Ю. И.* Еще о последних владельцах Болдина // *Записки краеведов*. Горький, 1988. С. 197—206.

³⁸ *Левина Ю. И.* Еще о последних владельцах Болдина. С. 205.

³⁹ М. Л. Пушкина с 1871 г. — замужем за Иваном Васильевичем Нейкирхом, агрономом.

⁴⁰ Н. А. Петров — внебрачный сын Е. А. Пушкиной. В статье Ю. И. Левиной об этом сообщается следующее: «...в годы ее (Е. А. Пушкиной. — Н. Х.) жизни в Нижегородской губернии у нее возник длительный роман с бывшим лукояновским исправником, „титularным советником“ Александром Васильевичем Травницким <...> (от него родился сын Нил Александрович Петров)» (*Левина Ю. И.* Еще о последних владельцах Болдина... С. 198).

⁴¹ Дети Льва Сергеевича и Елизаветы Александровны Пушкиных: Ольга Львовна (1844—1920), в замужестве Хоботова, затем Оборская; Анатолий Львович (1846—1903), предпоследний владелец Болдино, Софья Львовна (1847—1848) и Мария Львовна (1849—1928), в замужестве Нейкирх.

⁴² *Полонская (урожд. Рюльман) Жозефина Антоновна* (1844—1920) — вторая жена Я. П. Полонского (с 1866 г.), скульптор.

⁴³ Знакомство Я. П. Полонского с великим князем Константином Константиновичем (президентом Академии наук) состоялось в 1885 г. и продолжалось до конца жизни поэта. Их обширная переписка опубликована частично. См.: Я. П. Полонский и К. Р. / Публ. Е. В. Виноградовой и Л. Д. Зародовой // *К. Р. Избранная переписка*. СПб., 1999. С. 441—476.

⁴⁴ См. о ней: *Лесков А.* Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2-х т. М., 1984. Т. 2. С. 110—130.

⁴⁵ Муж В. Н. Нога — Дмитрий Иванович Нога (?—1910). Дети: Ярослав Дмитриевич и Наталия Дмитриевна (внуки Н. С. Лескова).

⁴⁶ См. о ней: *Абросимова В. Н.* Переводчикова Августа Васильевна // *Русские писатели*. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 557—558.

Т. А. Кукушкина

**«ВСЕОБЪЕМЛЮЩИЙ И ШИРОКО ГОСТЕПРИИМНЫЙ...»
ДОМ ЛИТЕРАТОРОВ (1918—1922)**

I

Петроградский Дом литераторов¹ — объединение, созданное дореволюционной творческой интеллигенцией для защиты своих правовых и профессиональных интересов в период жесткого экономического и идеологического давления государства на деятелей русской культуры, воплотившегося в Петрограде в последовательный террор, организованный Петроградским Советом и полномочным хозяином города Г. Е. Зиновьевым.² С закрытием к осени 1918 г. всех дореволюционных газет, большинства издательств и типографий журналисты и литераторы оказались без работы и без средств к существованию. Непризнание советской властью существующих литературных организаций профессиональными союзами лишало их права на получение продовольственного пайка, полагающегося представителям других профессий. Политика всеобщей национализации, хлебной монополии, запрета свободной торговли, унижительной уравниловки, искусственная продовольственная блокада Петрограда, окруженного рогатками и заставами, причисление литераторов и журналистов, как «элемент нетрудающийся» и буржуазный, к последней категории граждан для получения продуктов и предметов первой необходимости,³ которой зачастую не выдавалось ничего, кроме нескольких штук сельдей, обрекали интеллигенцию на голод и ежедневную борьбу за физическое выживание. Весной 1918 г. руководители Петроградского профессионального союза журналистов решили создать литературную организацию, нечто вроде литературного клуба, объединяющую все творческие силы Петрограда независимо от их политических убеждений и основанную лишь на «общности профессиональных интересов, общности материальной необеспеченности и общности постоянного преобладания духовных интересов над всеми остальными».⁴ В сентябре 1918 г. на средства Союза журналистов был организован питатель-

ный пункт — столовая (Бассейная, 11; ныне — ул. Некрасова), где литераторы и журналисты могли получить дешевый обед. С этого и начался Дом литераторов, официально открывшийся 1 декабря 1918 г. в том же особняке на Бассейной на средства учредителей Дома: Петроградского профессионального союза журналистов и его кооператива — Потребительного общества столичных журналистов, Общества и Кассы взаимопомощи литераторов и ученых, Литературного фонда, Союза деятелей художественной литературы (СДХЛ; март 1918—июнь 1919).⁵ Паевые взносы этих организаций и стали основным источником существования Дома в 1919 г. Самый большой вклад (350 тысяч рублей) поступил от Потребительного общества столичных журналистов, созданного в годы войны и возглавляемого сотрудником газеты «Речь» В. Б. Петрищевым.⁶ Дом литераторов объединял также Союз русских писателей (март 1917 — декабрь 1918), Союз драматических и музыкальных писателей, Общество профессиональных переводчиков-литераторов, с лета 1920 г. — Всероссийский союз писателей (Петроградское отделение).

Опыт Дома литераторов по объединению дореволюционной интеллигенции был не единственным, но наиболее удачным. Той же идеей — «помочь брату-писателю, нуждающемуся в средствах к жизни и в работе — издательством Союза, дешевым общежитием, объединением пишущих братьев в тепло, родном углу»,⁷ — руководствовались и учредители Союза деятелей художественной литературы, возникшего весной 1918 г. по инициативе Ф. Сологуба, Ан. Н. Чеботаревской и Н. С. Гумилева. В арендованном особняке предпринимателя М. А. Гинзбурга (Васильевский остров, 11-я линия, д. 18) были открыты столовая, общежитие, намечалась организация издательства, музея, библиотеки. Как и Дом литераторов, Союз существовал первое время на средства М. А. Гинзбурга, принципиально не желая брать деньги от большевистского правительства, дабы сохранить идеологическую и финансовую независимость. Объединив все творческие силы Петрограда, литераторы и журналисты надеялись не только противостоять государственному диктату, но и выхлопотать у новой власти право на определенную автономию и свободу печати, а по сути дела — право на существование. Сплочение литературных сил диктовалось необходимостью «перед недоверчиво в то время относившейся к литературе партией выступить на защиту своих правовых и бытовых интересов не вразброд, а организационно, со всей полнотою материала, со всей обоснованностью своих требований».⁸ В начале 1919 г. организации, собравшиеся вокруг Дома литераторов, учредили Объединенный союз профессиональных литературных организаций (председатель — А. М. Редько,⁹ казначей — В. А. Азов¹⁰) «с целью облегчить входящим в его состав организациям достижение их профессиональных, культурных и материальных задач».¹¹ От имени Центрального комитета Объединенного союза, размещившегося в Доме литераторов, и велись переговоры с властями в первой половине 1919 г.

Согласно первому уставу, утвержденному Наркомпросом лишь 30 июня 1920 г., важнейшей задачей Дома было «удовлетворение

духовных и материальных нужд лиц, работающих на литературном поприще». ¹² Идея объединения под одним кровом, вокруг одного реального начинания была положена в основание организационной схемы Дома. Руководство осуществлялось общим собранием действительных членов, для ведения всех дел в октябре 1918 г. был учрежден Хозяйственный комитет, к моменту образования состоявший из журналистов: В. Б. Петрищева (председатель), Б. О. Харитона (товарищ председателя и заведующий Домом), А. Е. Кауфмана (секретарь), И. Д. Новика (казначей), В. А. Азова, С. Л. Бурсина, Н. М. Волковьского, И. Г. Гиллера, Л. М. Клячко, И. М. Розенфельда, Г. И. Урюпинского, М. А. Хаста. ¹³ Со временем Хозяйственный комитет претерпел ряд изменений, его председателем был избран Харитон, заместителем председателя — Волковьский, казначеем — Азов. Основную повседневную работу все годы существования Дома вели его бессменные фактические руководители Б. О. Харитон, Н. М. Волковьский и член Хозяйственного комитета, культурно-просветительной коллегии, экспертно-цензурной комиссии, заведующий библиотекой В. Я. Ирецкий. ¹⁴ Созданный для литераторов и журналистов, Дом унаследовал традиционные для дореволюционных литературных организаций отношения взаимовыручки и взаимопомощи и был открыт для многих слоев петроградской интеллигенции. Принцип профессиональной общности пишущих людей, настойчиво проводимый руководителями Дома литераторов во всех документах (уставе, справках, отчетах, письмах и прошениях), был особенностью, отличавшей его от двух других петроградских Домов — Дома искусств (с конца 1919 г.) и Дома ученых (с начала 1920 г.) — со строгим делением на «своих» и «чужих». Задолго до создания Дома ученых и Комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ) литераторы делились своим скудным пайком с учеными, потому что «русская литература и русская наука всегда жили в тесном союзе, стремясь, разными путями, к одной и той же цели, определяемой словами: культура и свобода». ¹⁵ Круг лиц, обслуживаемых Домом, подразделялся на литераторов, ученых, литераторов-ученых, гостей по ученому и художественному признаку. Для получения права входа и членского билета требовалось вступление в одну из литературных организаций, для гостей — рекомендация лица, заслуживающего доверия руководителей Дома. Многие ученые Петрограда стали членами Дома литераторов, вступив в Общество взаимопомощи литераторов и ученых. «Заявления об избрании в члены Общества стали поступать десятками к каждому заседанию Правления, и можно почти с уверенностью сказать, что в отчетном году вступили в число членов Общества чуть ли не все проживающие в Петрограде литераторы и ученые, чему немало способствовало и сплочение писателей, и возникновение Дома литераторов», — сообщалось в отчете Правления о деятельности Общества в 1919 г. ¹⁶ В архиве Дома сохранилось более 400 заявлений артистов, художников, присяжных поверенных, бывших сенаторов, поступивших в Хозяйственный комитет в первые месяцы его существования и почти все — с резолюциями Харитона и Волковьского: «выдать», «разрешить». ¹⁷ Число посетителей было столь велико, что Комитету не раз приходилось пересматривать вопрос о выдаче

входных билетов. В 1919 г. столовая Дома обслуживала около 4000 человек. Лишь в 1920 г., когда часть литераторов объединилась во-круг Дома искусств, а ученые обрели новое пристанище в органи-зованном под эгидой М. Горького Доме ученых, в Доме литерато-ров решились на перерегистрацию. Созданная в марте 1920 г. экс-пертно-цензовая комиссия после долгих обсуждений в 23 заседаниях ввела иной принцип учета посетителей: действительные члены (ли-тераторы и литераторы-ученые), члены-соревнователи (по литера-турному и литературно-научному признаку), гости (ученые, худож-ники, артисты, «близкие литературной среде по своей деятельности и персонально»). Действительными членами были А. А. Ахматова, А. А. Блок, М. Горький, А. Грин, Н. С. Гумилев, Е. И. Замятин, А. М. Ремизов, Ф. Сологуб, К. А. Федин, О. Д. Форш, К. И. Чу-ковский. Вдовы и сироты литераторов пользовались теми же пра-вами, что и семьи действительных членов.

Необходимость защиты естественных гражданских и профессио-нальных прав интеллигенции, «выделения литературного работника из оскорбительного круга „паразитов“»,¹⁸ определила направление работы Дома в первые полтора года его существования. «Надо было создать для лишенного привычных условий жизни литератора угол, где б он мог сохранить живую связь с миром своих старых друзей и товарищей по литературной работе, где бы он мог в го-лодные дни поесть, в дни ликвидации книжной торговли получить нужную ему книгу, в дни общего хаоса — найти спокойную, свет-лую, теплую комнату», — говорилось в отчете Дома.¹⁹ В Доме на Бассейной работала столовая, было открыто общежитие (с февраля 1920 г.), рабочие комнаты, литературный музей, библиотека-чи-тальня, книжный киоск, позднее — амбулатория, различные мастер-ские. Члены Дома литераторов получали дешевые обеды, продук-ты, дрова, одежду и обувь, ссуды и пособия. Вдовам, сиротам, не-имущим и престарелым литераторам выдавались бесплатные обеды, литераторам старше 50 лет предоставлялось право получать обеды вне очереди. С лета 1919 г. двери Дома распахивались в 9 часов утра и закрывались лишь в 10 часов вечера, «благодаря чему не-скольکو сот семейств петроградских литераторов и ученых имели возможность проводить целые вечера в теплом помещении и совер-шенно не топить дома плиты, всецело питаясь в <...> столовой».²⁰

Из-за неустойчивого финансового положения Дом не раз ока-зывался перед угрозой закрытия, отпускаемых по прикрепленным карточкам продуктов катастрофически не хватало, нередко в зда-нии за неуплату отключали свет. Архив Дома сохранил многочис-ленные свидетельства героических усилий его руководителей сохра-нить для литераторов «дом литераторов, где они, независимо от их убеждений, собираются дружной семьей».²¹ В декабре 1918 г. рабо-чие организации и профессиональные объединения получили право закупки и ввоза в Петроград ненормированных продуктов.²² Дом литераторов, как организация не профсоюзная, этого права оказа-лся лишен и был вынужден заключать соглашения с крупными ор-ганизациями (Союз швейной промышленности, Севцентропечать),²³ делясь с ними частью продуктов и всякий раз выпрашивая мандат-разрешение Комиссариата продовольствия. Продовольственные от-

ряды, созданные уже в конце 1918 г., и уполномоченные Дома со всех уголков России (Архангельская, Витебская, Вологодская, Могилевская, Мурманская, Новгородская, Рязанская, Саратовская, Тверская, Челябинская губернии) везли на Бассейную овощи, грибы, ягоды, конину, иногда — жиры, творог, сметану, на что требовалось особое разрешение, для получения которого нередко приходилось прибегать к заступничеству управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича.²⁴ В архиве Дома литераторов сохранилось около 1000 листов переписки, договоров, мандатов, справок, рассказывающих об этой деятельности Дома, продолжавшейся до 1922 г. и похожей на авантюрный роман с приключениями, препятствиями, задержкой и пропажей грузов, болезнями и арестами производственных агентов. Можно лишь удивляться неумоимости и изворотливости руководителей Дома, правдами и неправдами пытавшихся добыть продукты. Ни в одном из 1000 листов документов нет сведений о закупке мяса. Лишь однажды, зимой 1921 г., было получено разрешение на заготовку дичи в Челябинской губернии своими силами и средствами. В результате трехмесячной заготовки в Петроград было отправлено несколько долгожданных вагонов с зайцами и дичью. В конце марта поезд прибыл без вагонов с дичью и лишь с одним вагоном зайцев. Остальные в пути были перехвачены другой организацией. В апреле пришлось посылать уполномоченного в Москву на поиски зайцев, оставшиеся безуспешными, и в Челябинск с ходатайством об облегчении положения арестованного уполномоченного Дома И. Г. Гиллера. «Петроградские литераторы <...> поставлены в очень тяжелые условия. Вследствие ограниченности средств и трудности получения мандатов Дому литераторов за последние 10 месяцев удалось распределить между своими членами ничтожное количество продуктов, исключительно овощей — капусты, свеклы и лука, в общем не более одного пуда на человека за все время. Заготовка в Челябинской губ<ернии>, длившаяся более трех месяцев и сопровождавшаяся тяжелым заболеванием командированного для заготовки члена Комитета И. Гиллера, давшая в итоге, казалось бы, благоприятные результаты, ныне уменьшена количественно почти на две пятых, а качественно неизмеримо более, так как наиболее ценного продукта литераторы лишаются: для них осталось конское голье, конина и всего 166 п<удов> зайцев из погруженных 640 пудов», — сообщал Комитет Дома Наркомпроду.²⁵ Конину, полученную вместо зайцев и в пути испорченную, пришлось отдать в переработку, заплатив за это дополнительные деньги. И все-таки Дом жил. Весной 1920 г. члены Комитета Харитон и Ирецкий ездили в Вятку за необходимым для Пасхи творогом, в декабре все вместе встречали Новый год, в январе 1921 г. устроили детскую елку с немудреными сладостями и подарками. В 1920 г. Комитет пытался устроить огороды в Детскосельском уезде, организовать летний дом отдыха в Невельском уезде Витебской губернии. Были арендованы фруктовые сады, проведены ремонтные работы, некоторые члены Дома побывали там с лекциями и концертами, но вскоре по инициативе местных властей договор был расторгнут. В 1921 г. посетители Дома получали фрукты из садов, арендованных Комитетом в г. Боровичи

Новгородской губернии. Для распределения продуктов, изредка поступающих из-за границы, каждый раз создавалась специальная комиссия, вырабатывавшая принципы распределения. На страницах «Летописи Дома литераторов» и «Литературных записок» печатался подробный отчет о ее работе. Из полученной в конце 1921 г. посылки из Праги был выделен паек в Бежецк сыну Н. С. Гумилева.

В условиях непрерывного экономического давления и усиливающегося идеологического контроля почти все начинания Дома встречали сопротивление властей и приобретали характер противоправительственных акций. История его создания и деятельности, как, впрочем, и Союза деятелей художественной литературы, Всероссийского союза писателей, отчасти — Дома искусств, является, по сути, историей противостояния интеллигенции политике государственного диктата в области литературы. Неоднократно председателю Наркомпроса А. В. Луначарскому и В. Д. Бонч-Бруевичу приходилось выступать в защиту Дома, останавливая попытки Петроградского совета закрыть его. В декабре 1919 г. Бонч-Бруевич, выражая просьбу обеспечить Дому беспрепятственную работу, писал Петроградскому совету: «<...> если мы ослабим нашу поддержку этого Дома литераторов, то на плечи Советской власти упадут около полутора тысяч совершенно больных, по преимуществу старых писателей, ученых и артистов, еле-еле существующих в Петрограде при помощи организованных обедов, ужинов и чая, а также теплых комнат при Доме литераторов».²⁶

В сентябре 1919 г. Дом литераторов был причислен к организациям, находящимся в ведении Наркомпроса, что гарантировало ему небольшие субсидии от государства. Официальный юридический статус был получен 30 июня 1920 г. по постановлению Коллегии Наркомпроса, гласившему: «Признать, что Дом литераторов в Петрограде, <...> как учреждение общего государственного значения, сохраняя самостоятельное внутреннее управление по выборному принципу, состоит в ведении Комиссариата по просвещению».²⁷

Весной 1920 г. Хозяйственный комитет был преобразован в Комитет Дома под председательством академика Н. А. Котляревского²⁸ (товарищ председателя — Вас. И. Немирович-Данченко,²⁹ секретарь — А. Е. Кауфман), создана Коллегия по управлению Домом, в состав которой входили заведующий Домом Б. О. Харитон, заместитель заведующего и заведующий культурно-просветительным отделом Н. М. Волковьский, секретарь А. Е. Кауфман. Новый Комитет состоял в основном из писателей. Членами его в разные годы были А. В. Амфитеатров, А. А. Ахматова, А. А. Блок, А. В. Ганзен, Н. С. Гумилев, Е. И. Замятин, Ф. Ф. Зелинский, А. Ф. Кони, А. М. Ремизов, Ф. Сологуб, В. Ф. Ходасевич, Б. М. Эйхенбаум. Обзорная деятельность Хозяйственного комитета за полтора года существования, его секретарь А. Е. Кауфман докладывал общему собранию: «Сопоставляя первые робкие и неуверенные шаги основателей и деятелей этого беспримерного не только в России, но и за границей учреждения с его нынешнею разросшеюся культурно-просветительною работою,

можно с чувством нравственного удовлетворения констатировать, что результаты деятельности Дома литераторов превосходили самые смелые расчеты членов Хозяйственного комитета, особенно, если принять во внимание встречавшиеся на их пути тернии, как извне, так и изнутри. Справедливость требует сказать, что большинство посетителей Дома литераторов относились поощрительно к работе Хозкома и его стремлениям облегчить продовольственные и другие писательские нужды, зная, какие усилия нужно было употреблять для осуществления намеченных заданий, как часто приходилось обивать пороги, чтобы стяжать благожелательное отношение к Дому литераторов и его клиентам, сколько труда стоило поддержание порядка в самом Доме». ³⁰

С избранием нового Комитета началась и планомерная культурно-просветительная деятельность Дома литераторов. Литературные вечера, впервые устроенные Хозяйственным комитетом в феврале 1920 г., чередовались с музыкальными концертами, лекциями на историко-литературные, исторические, философские, естественно-научные темы, диспутами, устраиваемыми не только в помещении на Бассейной, но и в аудиториях университета, Политехнического института. Первая лекция, состоявшаяся в марте, была посвящена А. С. Пушкину (доклады Н. О. Лернера, С. А. Венгерова). В 1920—1921 гг. были устроены три вечера в Москве, в которых участвовали А. А. Блок, Н. С. Гумилев, М. А. Кузмин, К. И. Чуковский, цикл литературных вечеров в Витебске, Невеле, Смоленске. Среди необычных начинаний — устные «живые альманахи» — литературные вечера («среды») с чтением новых рассказов, стихов, пьес, критических статей, обзоров, рецензий. Близкие по своей структуре периодическим изданиям, они отчасти восполняли их недостаток. Сохранение традиций дореволюционной, прежней литературы — одна из задач Дома литераторов, которой руководствовались его учредители во всех культурно-просветительных и хозяйственных начинаниях. Открывая в середине мая 1920 г. первый «Альманах», В. А. Азов напутствовал собравшихся: «В Великий четверг из церкви идут люди и каждый несет домой четверговую свечу, бережно прикрывая ее ладонью или бумагой. Несите осторожно, и донесете, и придя домой, затеплите от нее лампаду. <...> А если толкнет Вас грубый прохожий и заставит Вас уронить свечу, или, если налетит из-за угла порыв ветра и задует свечу — что же? Много идет из церкви народа и каждый несет свою четверговую свечу. Кто-нибудь донесет и зажжет лампаду...». ³¹ В 1920—1921 гг. в стенах Дома состоялось 300 лекций, вечеров, диспутов, концертов. Дому литераторов принадлежит идея учреждения традиционного ежегодного чествования памяти А. С. Пушкина в день его смерти — «Пушкинские поминки». На первых «Пушкинских поминках» 1921 г. выступили А. А. Блок, А. Ф. Кони, В. Ф. Ходасевич. Тогда же была принята декларация о ежегодном чествовании памяти Пушкина. ³² В том же году состоялись «поминки» Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова.

В Литературной студии, открытой в конце февраля 1920 г. и руководимой Б. М. Эйхенбаумом и В. Б. Шкловским (впоследствии — К. И. Чуковским), читались курсы «Методы изучения стиха»

(Эйхенбаум), «Теория сюжета и романа» (Шкловский), «Фантастика и миф в литературе» (М. А. Кузмин), «История музыкальных стилей» (Е. М. Браудо), «История новейшей русской поэзии» (В. М. Жирмунский), «История театра» (С. Э. Радлов). В 1920 г. был объявлен конкурс на лучший рассказ среди начинающих писателей. Из 97 рассказов, полученных к конкурсу, 6 были отмечены премиями, 5 из которых получили члены литературной группы «Серрапионовы братья» — К. А. Федин, Н. Н. Никитин, В. А. Каверин, Л. Н. Лунц, Н. С. Тихонов.³³ В 1921 г. намечены конкурсы на лучшее поэтическое, драматургическое, критическое произведение, оставшиеся неосуществленными.

В 1921 г. Дом литераторов принял на себя часть расходов по погребению Блока³⁴ и установлению мемориальной доски на его доме.³⁵ 7 августа 1922 г. здесь состоялось торжественное заседание, посвященное памяти поэта, ставшее последним литературным собранием в истории Дома. С 1919 г. для Литературного музея Дома собирались материалы писателей XVIII—начала XX века. В 1919—1920 гг. были открыты три книжных магазина (на ул. Бассейной, Декабристов, Литейном проспекте).

В 1919—1921 гг. хроника Дома печаталась на страницах журнала «Вестник литературы», издававшегося председателем Общества взаимопомощи литераторов и ученых, секретарем Комитета и Коллегии по управлению Домом А. Е. Кауфманом. В марте 1921 г. «Вестник» ввел рубрику «Летопись Дома литераторов», трансформировавшуюся в журнал с тем же названием, редактируемый Б. О. Харитоном. В начале марта 1922 г. оба журнала были закрыты по постановлению Оргбюро ЦК ВКП(б).³⁶ «Вместо закрытого за строптивость „Вестника литературы“ допущено издание „Литературные записки“. Состав сотрудников остался прежний. <...> Он („Вестник литературы“. — Т. К.) сыграл свою роль, пусть небольшую, но такую, за которую нельзя не поминуть добром. В недавнее время, когда все было острижено под одну гребенку, он торчал маленьким ершиком на Бассейной 11», — сообщалось в берлинском журнале «Новая русская книга».³⁷ «Литературные записки» (под редакцией Б. О. Харитона; май-август), продолжившие традиции «Вестника» и «Летописи», запрещены после выхода третьего номера.³⁸ Журналы, тесно контактирующие и дополняющие друг друга, были связаны единой общественно-литературной позицией, сходной структурой и одним кругом авторов. В 1921 г. руководство Дома пыталось создать собственную издательскую базу, выпустить серийные сборники. В 1921 г. вышел единственный сборник «Пушкин. Достоевский» со статьями и докладами, прочитанными на «поминках». Многие из задуманного не осуществилось. Не состоялось издание ежемесячного журнала «Русская жизнь», серийного сборника «Дом литераторов», еженедельника «Бюллетени Дома литераторов», сборника рассказов, получивших премии конкурса, альманаха в пользу голодающих Поволжья. В 1922 г. не получила поддержки официальных властей идея создания совместного со Всероссийским союзом писателей (Петроградское отделение) издательства «Феникс».³⁹ Разрешенное в начале 1922 г. издательство «Дом литераторов»⁴⁰ успело выпустить лишь сборник «О смене вех»

(1922) и «Петербургский сборник: Поэты и беллетристы» (издание журнала «Летопись Дома Литераторов») с произведениями А. А. Ахматовой, М. М. Зощенко, Г. В. Иванова, М. А. Кузмина, А. Д. Радловой, А. М. Ремизова, Н. С. Тихонова, К. А. Федина и других авторов.⁴¹

Во второй половине 1921 г. в связи с введением новой экономической политики, прекращением государственных дотаций, финансовых и продовольственных, переходом на хозрасчет Дом литераторов оказался без средств к существованию. Надеясь упрочить юридическое и материальное положение, руководители Дома, прежде пытавшиеся «сохранить независимость учреждения от советского государства и, обходясь своими средствами, сберечь Дом как последний оплот интеллигентской самостоятельности и самопомощи»,⁴² были вынуждены обратиться в Петроградский совет с просьбой о включении его в состав учреждений Петрогубсовета по отделу Народного образования⁴³ и состав научных учреждений Академического центра Наркомпроса. По-видимому, для этой цели был изменен устав, зафиксировавший более широкие задачи Дома литераторов и утвержденный общим собранием 10 сентября 1921 г.: «Изучение литературы (русской и иностранной), ее истории, ее развития; собиране рукописных и печатных произведений литературы; создание для деятелей литературы обстановки и условий, благоприятствующих развитию их творчества и выполнению их литературно-научных работ».⁴⁴ Почва для нового устава была подготовлена всей предшествовавшей деятельностью Дома. С самого основания все ученые Петрограда имели здесь равные с литераторами права. Лекции и доклады на научные темы А. Ф. Кони, С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле, физика О. Д. Хвольсона, геронтолога П. Ю. Шмидта, введенные одновременно с литературными вечерами, пользовались в городе широкой популярностью. В устраиваемых Домом литераторов просветительных лекциях для красноармейцев и неграмотных участвовали академик С. Ф. Платонов, профессора С. А. Адрианов и Б. М. Эйхенбаум. В 1921 г. библиотека насчитывала более 40 000 томов русских и зарубежных изданий, музей непрерывно пополнялся новыми экспонатами. В 1921 г. были получены портреты русских писателей из коллекции Ф. Ф. Фидлера, письма писателей, сотрудников «Русского богатства» А. И. Иванчину-Писареву, фотопортреты Вас. И. Немировича-Данченко, Ф. Сологуба и многих других. «По содержанию своей деятельности, в особенности по отделам культурно-просветительному и книжному, он (Дом литераторов. — Т. К.) является в Петрограде одним из ярких очагов культуры и действительного просвещения населения, в частности, путем устройства публичных лекций и докладов по различным отраслям знания, литературы, науки и искусства. Эти публичные доклады и лекции <...> пользуются столь широкой популярностью среди петроградского населения, что зал обыкновенно не вмещает всех желающих в него проникнуть. Это <...> уже само по себе устраняет необходимость приводить какие-либо иные доводы в обоснование того, что Дом литераторов является по существу учреждением просветительным и научным. <...> Включение Дома литераторов в сеть учреждений, состоящих в ве-

дении отдела научных учреждений Академического центра, как общества научного, имеющего право получать средства от Наркомпроса в сметном порядке при посредстве отдела научных учреждений, не может вызвать возражений», — сообщал Академическому центру его эмиссар М. А. Сильвин, ревизовавший деятельность Дома в августе 1921 г.⁴⁵ 25 ноября 1921 г. Дом литераторов был зарегистрирован Академическим центром как научно-исследовательское общество. И все же это уже не могло спасти учреждение, объединявшее несколько сотен человек и оставшееся без материальной поддержки. В начале 1922 г. руководство Дома было вынуждено сократить число лекций, докладов, концертов и ввести платные танцевальные вечера и аукционы рукописей. К середине 1922 г. вследствие финансовых причин Дом литераторов оказался на грани закрытия.⁴⁶

В конце 1921—начале 1922 г. изменилась политика партии по отношению к «буржуазной» интеллигенции. РКП(б) перешла к активному подавлению идеологических и политических противников советской власти. Кампания началась с крупнейшего «показательного» политического процесса 1920-х гг. — процесса над правыми эсерами.⁴⁷ С конца февраля и до 10 августа 1922 г. центральные газеты из номера в номер помещали репортажи из зала суда Верховного революционного трибунала, рассматривавшего дело партии социалистов-революционеров, совершившей «преступление перед пролетарской революцией» в период гражданской войны, отклики трудящихся с требованием «суровой кары изменникам революции», высшей меры наказания «преступной банде белогвардейцев и прихвостней буржуазии». Тогда же публиковались материалы о сопротивлении духовенства и «буржуазной» интеллигенции изъятию церковных ценностей, проводимому в пользу голодающих Поволжья по декрету от 23 февраля 1922 г. В начале марта во вновь возникшем издательстве «Материалист» вышел первый номер журнала «Под знаменем марксизма», развернувший целенаправленную критику «интеллигентской» идеалистической философии. «Партия должна руководить всей хозяйственной, политической и профессиональной жизнью в стране», — заявлялось в постановлении Московского комитета РКП(б) «Об очередных задачах в партстроительстве и укреплении партии», опубликованном 15 марта.⁴⁸ Через день эта же мысль варьировалась в статье Г. Зиновьева «Об укреплении и новых задачах партии. Тезисы т. Г. Зиновьева к XI съезду РКП, утвержденные Центральным комитетом».⁴⁹ XI съезд РКП(б), состоявшийся в марте 1922 г., принял разработанную Лениным программу наступления на «капиталистические элементы». На состоявшейся в конце июля Всероссийской конференции РКП(б) Г. Зиновьев заявил о необходимости «отвоевать профессорскую кафедру у контрреволюционных профессоров». Тогда же в центральных газетах были опубликованы статьи и заметки («В обители смиренных»,⁵⁰ «Мертвый дом»,⁵¹ «Черви контрреволюции»⁵²), указующие на «капиталистические элементы», собранные в «домах инвалидов», не работающие во благо пролетарской России, а лишь «неустанно вздыхающие об отсутствии свободы печати». Учреждение, объединявшее людей разной политической ориентации и пытавшееся сохранить

нейтралитет по отношению к большевистской власти, конечно, не могло длительное время находиться в состоянии «незамечаемости». Публикации, дискредитирующие Дом литераторов и исподволь подготавливающие общественное мнение, появлялись уже с конца 1921 г.⁵³ Названные же знаменательны по временной плотности, последовательности и «своевременности» их появления на страницах официальной прессы, откровенности выдвигаемых обвинений. В небольшой анонимной заметке «Черви контрреволюции», напечатанной в «Правде» в разгар публикаций о процессе эсеров, проводилась прямая параллель с процессом: «Гидра контрреволюции уже раздавлена, но черви контрреволюции еще копошатся в разных домах, существующих благодаря советской терпимости... Вышел на днях второй № „Литературных записок“, издающихся одним из таких Домов в Петрограде, Домом литераторов. <...> В первом № помещена до омерзения лакейская статья, с коленопреклонением и целованием руки, о Набокове и площадная ругань по адресу тов<арища> О. Л. Д'Ора за то, что он не очень восторженно отзывался о славном черносотенце на столбцах „Правды“. <...> Во втором № среди серой, серой, тупой, тупой болтовни о всякой всячине помещена „дружеская пародия“ на Виктора Шкловского, того самого Виктора Шкловского, которого так недостает сейчас на скамье подсудимых эсеров первой группы. Все это как бы случайно. Восхваление Набокова в одном №, реверанс Виктору Шкловскому в другом. Вскользь брошенная строчка о том, что новые письма Чехова в изд<ательстве> „Атений“ напечатаны „как подобает историческому документу, по старой орфографии“. Знамя — черное с белым — трусливо показывается из-под полы. Противно».⁵⁴ Стремясь защитить Дом литераторов, Б. О. Харитон пытался доказать его лояльность по отношению к власти: «Материальное положение Дома литераторов в связи с НЭПом очень тяжелое, но он все свои функции выполняет, сохраняя еще традиции до-нэповского периода: свободный вход и бесплатность большинства услуг. Не укажет ли тов<арищ> Смышляевский⁵⁵ в Петербурге или в Москве другое учреждение или другое объединение с такими же разнообразными функциями, с такими же ограниченными средствами и с такою же бесплатностью. <...> Деятельностью Дома литераторов в течение четырех лет весьма подробно интересовались при посредстве своих представителей многие ведомства: прежде всего, конечно, Наркомпрос, и Рабкрин, и Компрод, и Акцентр. И всегда уходили с одним заключением, что ничего, кроме пользы Дом литераторов не приносят».⁵⁶ Но спасти Дом литераторов было уже невозможно. Государство, разрешив однажды объединение «буржуазной» творческой интеллигенции («внутренних эмигрантов»), больше в нем не нуждалось. Сам принцип объединения на основе профессиональных интересов (впоследствии широко декларируемый государством, но применявшийся лишь формально), понятия профессиональной чести и достоинства русских писателей, отстаиваемые руководителями Дома литераторов, выпадали из смысловых координат идеологизирующейся эпохи. В начале июля 1922 г. Я. А. Яковлев, заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК РКП(б), в докладной записке Сталину сообщал о ситуации в писательской

среде: «Основные организационные литературные центры — в руках белых (скрытых или явных) — Питерский Дом литераторов, Всероссийский союз писателей».⁵⁷

27 октября 1922 г. Дому литераторов «в виду того, что большинство членов Дома литераторов являются лицами политически неблагонадежными» отказано в перерегистрации.⁵⁸ 3 ноября опечатаны помещения, изъяты печать, штамп и финансы, которых оказалось всего 3215 рублей. Комитет упраздненного Дома безрезультатно пытался добиться разрешения хотя бы на его ликвидацию в порядке, предусмотренном уставом, с созывом общего собрания и передачей имущества другим литературным организациям и членам Дома. «Принадлежащее Дому имущество, главную ценность которого представляют библиотека и собрание портретов писателей и других материалов для литературного музея, образовавшиеся почти исключительно из пожертвований членов Дома, передать в установленном порядке одному из петроградских общелитературных объединений. <...> Обстановка Дома, весьма скромная, составила также преимущественно из пожертвований, причем в основу было положено пожертвование закрывшегося впоследствии Потребительного общества журналистов, некоторые же предметы обстановки и домашнего хозяйства были предоставлены в пользование Дому частными лицами под условием возвращения при первом требовании. Таким образом очевидно, что имущество Дома литераторов составляет неоспоримую собственность самого общества, либо отдельных членов его», — заявляли члены Комитета в письме в Петроградское отделение Академического центра.⁵⁹ Безуспешными оказались и попытки Всероссийского союза писателей, дважды, в конце декабря 1922 г. и в марте 1923 г. обращавшегося в официальные инстанции с просьбой о передаче в его ведение помещения Дома литераторов со всем инвентарем и библиотекой.⁶⁰ Впоследствии помещение было передано «группе красных журналистов для устройства Дома красных журналистов». Библиотека и материалы Литературного музея поступили в Академию наук. В ноябре 1922 г. бессменные руководители Дома — Борис Осипович Харитон, Николай Моисеевич Волковыский и Виктор Яковлевич Ирецкий высла- ны за границу.

II

Архив Дома литераторов (ныне: фонд 98) поступил в Пушкинский Дом, по-видимому, в 1923 г. через его директора и председателя Комитета Дома литераторов Н. А. Котляревского. Впервые он упомянут в списке материалов, переданных до 1924 г. (см. Книгу поступлений за 1924—1929 гг., л. 6). В нем сохранились делопроизводственные материалы самого Дома литераторов, организаций-учредителей и некоторых организаций, входивших в его состав, а также материалы краткосрочных курсов подготовки журналистов — Первой Всероссийской школы журнализма (1918), организованной Петроградским профессиональным союзом журналистов и руководимой П. М. Пильским.⁶¹

Большую часть фонда составляют материалы Дома: делопроизводственные документы по организации и деятельности, характеризующие и положение петроградской интеллигенции в первые послеоктябрьские годы, материалы по личному составу, переписка по деятельности, письма разных лиц организаторам и фактическим руководителям Дома — Б. О. Харитону и Н. М. Волковыскому, произведения. Составной частью архива Дома являются материалы и переписка его периодических изданий — журналов «Летопись Дома литераторов» и «Литературные записки», а также журнала «Вестник литературы», по сути являвшегося печатным органом Дома.

Из пяти организаций-учредителей сохранились материалы Общества взаимопомощи литераторов и ученых за 1918—1919 гг., Кассы взаимопомощи литераторов и ученых за 1909—1919 гг., Петроградского профессионального союза журналистов, Потребительного общества столичных журналистов, Союза деятелей художественной литературы.

Архив был предварительно разобран, по-видимому, сразу по поступлении в Пушкинский Дом, составлены карточки. В фонде числится 299 единиц хранения. В результате современной научнотехнической обработки, включавшей атрибуцию значительного комплекса документов и их переформирование, сформировано 368 единиц хранения, сгруппированных в трех описях: «Материалы и переписка по организации и деятельности Дома литераторов»; «Материалы и переписка по деятельности организаций-учредителей Дома: Общества и Кассы взаимопомощи литераторов и ученых, Петроградского профессионального союза журналистов, Потребительного общества столичных журналистов, Союза деятелей художественной литературы»; «Материалы и переписка по деятельности Первой Всероссийской школы журнализма».

Опись № 1 состоит из двух разделов: материалы и переписка по организации и материалы и переписка по деятельности Дома литераторов. В первом сгруппированы документы, определяющие статус Дома (устав, удостоверение, выданное Наркомпросом, контрольная книжка) и документы по его реорганизации в связи с введением НЭПа (устав Потребительного общества Дома, протокол общего собрания о создании кооператива). Здесь же расположены документы некоторых организаций-учредителей, характеризующие социальное положение литераторов и журналистов, послужившее причиной создания Дома литераторов (заявления членов Петроградского профессионального союза журналистов о материальной помощи, протокол общего собрания представителей литературных организаций о бедственном материальном положении литераторов, разрешение Комиссариата продовольствия на открытие буфета и столовой, переписка по этому же вопросу). Второй раздел состоит из семи подразделов. Материалы и переписка, сгруппированные в первых трех, отражают деятельность структурных подразделений Дома: Комитета и Руководящей коллегии, Хозяйственного комитета, культурно-просветительной комиссии. В них представлены протоколы заседаний (культурно-просветительной и экспертно-цензурной комиссий, коллегии литературной студии, один протокол засе-

дания Хозяйственного комитета), отчеты, анкеты, заявления о приеме и выделении продовольственного пайка, командировочные удостоверения, объявления и программы вечеров и концертов, материалы конкурса на лучший рассказ (протоколы заседаний жюри, рукописи рассказов, поступивших на конкурс), материалы чествования памяти А. С. Пушкина (протокол торжественного собрания, постановление Дома литераторов о ежегодном чествовании памяти Пушкина, тексты выступлений А. Ф. Кони и В. Ф. Ходасевича), произведения разных авторов (М. А. Кузмина, А. И. Куприна, Д. С. Мережковского, А. Д. Радловой, Ф. Сологуба, Н. С. Тихонова), переписка, сгруппированная тематически. Здесь и далее выявлены все опубликованные произведения. Из 68 протоколов заседаний Хозяйственного комитета, указанных в отчете Комитета, сохранился лишь один. Место хранения остальных, равно как и протоколов заседаний Комитета, Коллегии и общих собраний, неизвестно. Возможно, они были изъяты при ликвидации Дома.

В следующих трех подразделах размещены материалы по изданию журналов «Вестник литературы», «Летопись Дома литераторов», «Литературные записки». В основном это рукописи работ, поступивших в редакции (в том числе и неопубликованные), финансовые документы и письма разных лиц в редакции и заведующим редакциями А. Е. Кауфману и Б. О. Харитону. Последний (седьмой) подраздел содержит материалы и письма разных литературных организаций, в том числе Всероссийского союза писателей, основанного в июле 1920 г. и в первые годы существования тесно связанного с Домом по своим задачам, принципу объединения литераторов и составу руководящих органов. От Дома литераторов Союз получил первоначальную сумму в 25 тысяч рублей, на базе секретариата Дома велось его делопроизводство, члены Комитета Дома Н. М. Волковыский, А. В. Ганзен, В. Я. Ирецкий, Е. П. Карпов входили одновременно и в Правление Союза. В отстаивании прав русских писателей Дом литераторов и Петроградское отделение ВСП нередко объединяли свои усилия.

Опись № 2 состоит из трех разделов. В первый включены финансовые отчеты Общества взаимопомощи литераторов и ученых и письма Правлению Общества и его председателю А. Е. Кауфману, во второй — письма и прошения в Кассу взаимопомощи литераторов и ученых. Документальные материалы третьего раздела освещают деятельность СДХЛ и его издательского товарищества. В первый Совет Союза входили Ф. Сологуб (председатель), Н. С. Гумилев, М. Горький (избран заочно), Ан. и Ал. Чеботаревские, Ф. Ф. Зелинский и др.; с ноября 1918 г. — В. В. Муйжель (председатель), Н. С. Гумилев (товарищ председателя), Ю. Л. Слезкин, Д. М. Цензор, А. П. Чапыгин и др. Членами редакционной коллегии издательского товарищества (отдела) Союза, руководимого Горьким, были А. А. Блок, Н. С. Гумилев, Е. И. Замятин, А. И. Куприн, Д. С. Мережковский, Ю. Л. Слезкин, В. Я. Шишков. По замыслу Горького, товарищество должно было стать центром, координирующим издание всей русской литературы. Предполагалось издание произведений конца XIX—начала XX века, газеты «Современник», журнала (варианты названий «Лампа»,

«Литературный временник», «Завтра»), альманахов, но обширные планы не были осуществлены, договора СДХЛ с авторами впоследствии переданы издательству «Всемирная литература». В разделе сгруппированы протоколы заседаний Совета Союза, общих собраний, протоколы и стенограммы Особой комиссии по деятельности Союза с записью опроса Горького и Гумилева, устав и протоколы заседаний правления и редакционной коллегии издательского товарищества, финансовые документы, письмо редакционной коллегии, подписанное Горьким и докладная записка Горького в Наркомпрос по издательским вопросам (копии). В конце раздела помещены два письма Петроградского профессионального союза журналистов (в Отдел театров и зрелищ) и Потребительного общества столичных журналистов (членам Общества).

В описи № 3 представлены документальные материалы Школы журнализма: протоколы, программы и расписание занятий, финансовые отчеты, списки лекторов и слушателей, анкеты слушателей, планы-конспекты лекций и отчеты лекторов, рукописи работ слушателей, переписка Школы.

Материалы всех литературных и журналистских организаций и курсов, журналов, составившие фонд № 98, тематически образуют единое целое и отражают положение и деятельность творческой интеллигенции Петрограда в первые послеоктябрьские годы.

¹ О Доме литераторов см.: *Мартынов И. Ф., Клейн Т. П.* К истории литературных объединений первых лет советской власти (Петроградский Дом литераторов. 1918—1922) // *Русская литература*. 1971. № 1. С. 125—134; *Иванов Г. В.* Дом литераторов // *Иванов Г. В.* Мемуары и рассказы. М.; Париж; Нью-Йорк, 1992. С. 59—63; Дом литераторов в Петрограде 1919—1921 годов (Воспоминания А. В. Амфитеатрова) / Публ. А. Г. Виноградова // *Встречи с прошлым*. М., 1996. Вып. 8. С. 141—164.

² См. об этом: *Ратковский И. С.* Историограф Октября и красного террора // *Петербургские чтения*. 95. СПб., 1995. С. 233—235; *он же.* Красный террор в Петрограде (осень 1918 г.) // *Петербургские чтения*. 96. СПб., 1996. С. 175—177. Об экономическом положении интеллигенции Петрограда в первые послереволюционные годы см. в предисловии Т. Кукушкиной к публикации: *Из литературного быта Петрограда начала 1920-х годов* (Альбомы В. А. Сутугиной и Р. В. Руры) // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год*. СПб., 2002. С. 341—402. *Зиновьев Григорий Евсеевич* (псевд. Радомысльского Овсея (Герша) Ароновича; 1883—1936) — с декабря 1917 г. председатель Петроградского Совета.

³ См. об этом в постановлении Петроградского совета рабочих, матросских и крестьянских депутатов: *Петроградская правда*. 1918. 29 мая. С. 1.

⁴ Из обзора деятельности Дома литераторов за 1920 год: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 16, л. 2.

⁵ Подробнее о СДХЛ см.: *Ширмаков П. П.* К истории литературно-художественных объединений первых лет советской власти // *Вопросы советской литературы*. М.; Л., 1958. Вып. 7. С. 454—475; *Муромский В. П.* Союз деятелей художественной литературы (1918—1919 гг.) // *Из истории литературных объединений Петрограда-Ленинграда 1910—1930-х годов*. Исследования и материалы. СПб., 2002. Кн. 1. С. 125—196.

⁶ *Петрищев Василий Борисович* (1877—?) — публицист, журналист. Сотрудничал также в газетах «Русское слово», «Русская воля», «Одесские новости», «Приднестровский край», «Южное обозрение». Осенью 1922 г. выслан из России.

⁷ Из письма члена Совета Союза И. М. Эйзена-Железнова от 24 июня 1919 г. в ревизионную комиссию Союза: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 2, № 23, л. 165.

⁸ Из отчета Комитета о деятельности в 1921 г.: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 16, л. 7.

⁹ *Редько Александр Мефодьевич* (1866—1933) — литературно-художественный критик, сотрудник журнала «Русское богатство». В 1918 г. — член Совета Союза русских писателей, один из авторов его устава и декларации, член Правления Общества взаимопомощи литераторов и ученых, в 1919—1921 гг. — член Комитета Дома литераторов, в 1920 г. — один из членов-учредителей Всероссийского союза писателей (Петроградское отделение).

¹⁰ *Азов Владимир Александрович* (наст. фам. Ашкинази; 1873—1941) — журналист, фельетонист, переводчик. Сотрудник газет «Речь», «День». В 1926 г. эмигрировал, жил в Париже.

¹¹ См. устав Объединенного союза профессиональных литературных организаций: РО ИРЛИ, ф. 709, № 258, л. 1.

¹² РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 7, л. 1. Устав опублик.: Вестник литературы. 1921. № 4/5 (апрель—май). С. 23—24.

¹³ *Харитон Борис Осипович* (Иосифович; 1876—1941?) — журналист, сотрудник газет «Речь», «Биржевые ведомости», «Одесские новости», «Крымский вестник», редактор газет «Южный курьер», «Вестник юга». Член Правления Общества взаимопомощи литераторов и ученых, член Совета Петроградского профессионального союза журналистов. После высылки из России некоторое время жил в Берлине, совместно с В. Я. Ирецким редактировал журнал «Сполохи». В 1924 г. переселился в Ригу, в 1924—1940 гг. — редактор газеты «Сегодня вечером», в 1925—1940 гг. — соредактор газеты «Сегодня». После присоединения Латвии оказался на советской территории, репрессирован, погиб в заключении. *Кауфман Абрам Евгеньевич* (1855—1921) — публицист, журналист, сотрудник газеты «Молва» (секретарь), в 1889—1904 гг. — редактор «Одесского листка», с 1919 г. — председатель Правления Общества взаимопомощи литераторов и ученых. *Новик Исаак Давидович* (1861—1924) — журналист, редактор, кандидат прав. По окончании юридического факультета Новороссийского университета работал в московских газетах «Новости дня», «Московский еженедельник» (секретарь редакции), заведовал литературно-критическим отделом журнала «Семья». Основатель и редактор газеты «Курьер» (Москва; 1897—1904). С 1908 г. — ночной редактор петербургских «Биржевых ведомостей», в 1917 г. — помощник редактора. В 1918 г. — помощник редактора газеты «Русская воля». Автор брошюр «Московские земские соборы», «Женское избирательное право». Весной 1920 г. эмигрировал в Берлин, сотрудничал в газетах «Голос России», «Русский эмигрант». *Бурин Соломон (Семен) Львович* (псевд. Симбрун, С. Бурьянов; 1888—1920) — журналист. Помещал политическую информацию и фельетоны в газетах «Речь», «Биржевые ведомости», «Русское слово», «Русская молва», «Современное слово». *Волковский Николай Моисеевич* (1881—после 1940) — журналист, сотрудничал в газетах «Санкт-Петербургские ведомости», «Биржевые ведомости» (1917—1918), «Русская молва», «Русская воля» (с лета 1917 г. — заведующий городским отделом), «Утро России» (заведующий информационным отделом), «Слово». Помещал статьи и заметки по вопросам искусства, политики, общественной жизни. Заместитель председателя Всероссийского союза писателей (Петроградское отделение). После высылки из России поселился в Берлине, состоял берлинским корреспондентом газеты «Сегодня» (Рига; в 1925—1940 гг. соредактор газеты — Б. О. Харитон). С 1933 г. жил в Варшаве, с осени 1939 г. — в Кременце недалеко от Тернополя. После присоединения Западной Украины оказался на советской территории, репрессирован. *Гиллер Иероним Григорьевич* (1881—?) — журналист, сотрудник газет «Биржевые ведомости» (1917—1918), «Русское слово», «Русская мысль». В 1916 г. призван на военную службу, прикомандирован к Красному Кресту. После революции арестован, сослан в Архангельскую губернию. *Клячко Лев Моисеевич* (1873—1934) — журналист, издательский работник, основатель и руководитель детского издательства «Радуга» (1922—1930). *Розенфельд Исаак Максимович* (псевд. Ольгин; 1880—?) — журналист, сотрудник газет «Речь», «Русская воля» (1917—1918; редактор отдела хроники), «Русь», «Солнце России», «Киевская мысль». *Урютинский Григорий Ипполитович* (псевд. Стнельников; 1886—?) — беллетрист, журналист, сотрудник газет «Биржевые ведомости», «Солнце России», «Курьер», «Дневник Казани». В 1918—1919 гг. — секретарь Совета Союза деятелей художественной литературы. Эмигрировал в Латвию. *Хаст Марк Александрович* (псевд. Спешнев; 1878—?) — журналист, сотрудник газет «Биржевые ведомости», «Одесский листок», «Вестник юга», «Приднестровский край». Член Хозяйственного комитета Общества взаимопомощи литераторов и ученых.

¹⁴ *Ирецкий Виктор Яковлевич* (наст. фам. Гликман; 1888—1936) — прозаик, журналист, сотрудник газет «Речь», «День», «Солнце России», журналов «Вестник Европы», «Современный мир». С июня 1920 г. и до высылки из России в ноябре 1922 г. — секретарь Всероссийского союза писателей (Петроградское отделение).

¹⁵ Из письма Н. М. Волковыского в КУБУ, написанного им по постановлению Комитета Дома литераторов от 27 августа 1921 г.: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 29, л. 3. Это письмо — упрек руководителям Дома ученых, отказавшим членам Дома литераторов в получении академических пайков и нарушившим «вековой союз» литераторов и ученых.

¹⁶ Вестник литературы. 1920. № 4/5 (16/17). С. 21.

¹⁷ См.: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 48, 49. Ср. также с воспоминаниями Г. Иванова: «С раннего утра Дом литераторов наполнялся посетителями. Право входа имели все, но, чтобы получить обед, надо было предъявить членскую карточку, выдававшуюся „литераторам и их семействам“. Но как было определять в советские времена, кто действительно литератор, кто самозванец? Издательств, газет, редакций уже давно не было. На прием к Харитону являлся человек, оборванный и явно голодный. „Я журналист“. — „Где Вы писали?“ Человек мнетса: „В сибирских газетах... и вообще...“ Харитон раздумывает (для виду), потом тянется за заповедной карточкой. „Вот... членский взнос уплатите, когда сможете... Обеды выдают с 11 дня...“» (*Иванов Г.* Дом литераторов. С. 59).

¹⁸ Из отчета о деятельности Комитета в 1921 г.: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 16, л. 7.

¹⁹ Там же, л. 8.

²⁰ Из письма Комитета ДЛ в Петроградский отдел топлива от 6 декабря 1919 г.: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 62, л. 66.

²¹ Из обзора деятельности ДЛ за 1920 г.: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 16, л. 2.

²² Постановление Совнаркома от 11 декабря 1918 г., подписанное Лениным и заместителем председателя Народного комиссариата продовольствия Н. Брюхановым. См.: Петроградская правда. 1918. 13 дек., № 273. С. 2.

²³ По распоряжению наркома продовольствия А. Д. Цюрюпы право на закупки имели профсоюзные организации, насчитывающие не менее 2000 членов, предприятия — не менее 1000 рабочих и служащих. См.: Петроградская правда. 1918. 19 авг., С. 2.

²⁴ См., в частности, письмо В. Д. Бонч-Бруевича в Петрокоммуну от 4 сентября 1920 г.: «Они нуждаются и в продовольствии, и в топливе, и особенно им нужно восстановить право покупки молока для писателей. Ведь среди них есть старики, которые не могут употреблять ту пищу, которую едят все. Молочная пища им совершенно необходима. Всякая иначе быстро приближает их к смерти» (РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 13, л. 2).

²⁵ Из письма от 2 апреля 1921 г.: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 23, л. 112.

²⁶ Цит. по: *Миртынов И. Ф., Клейн Т. П.* К истории литературных объединений первых лет советской власти. С. 127.

²⁷ РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 7, л. 1.

²⁸ *Котляревский Нестор Александрович* (1863—1925) — историк литературы, академик (с 1909), первый директор Пушкинского Дома (1910—1925).

²⁹ *Немирович-Данченко Василий Иванович* (1844/45—1936) — писатель, брат Вл. И. Немировича-Данченко. В 1921 г. эмигрировал, жил в Праге.

³⁰ Из отчета Хозяйственного комитета (справка секретаря): РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 54, л. 5.

³¹ Вестник литературы. 1920. № 6 (18). С. 16.

³² Текст декларации опублик.: Вестник литературы. 1921. № 3 (27). С. 17—18. Ср. с информацией о заседании в январе 1922 г. представителей всех литературных организаций Москвы, где обсуждался вопрос «об установлении навсегда обычая раз в год — 11 февраля — устраивать Пушкинский день» и было «постановлено устроить 11 февраля с<его> г<ода> первый Пушкинский день в Большом Государственном театре» (Правда. 1922. 27 янв., № 20. С. 4).

³³ О конкурсе см.: *Шошин В. А.* Конкурс Дома литераторов // Русская литература. 1967. № 3. С. 214—219.

³⁴ В похоронах поэта принимали участие также Всероссийский союз поэтов (Петроградское отделение), Большой Драматический театр, Дом искусств, издательства «Алконост», «Всемирная литература», «Издательство З. И. Гржебина».

³⁵ Не установлена. В 1926 г. Всероссийский союз писателей также тщетно пытался добиться разрешения на установление мемориальной доски. См. письмо Правления Союза в Исполком Ленсовета от 3 августа 1926 г. (РО ИРЛИ, ф. 291).

³⁶ Решение принято на заседании 3 марта 1922 г. по докладу члена Коллегии Наркомпроса В. Н. Мещерякова. См. выписку из постановления Оргбюро: Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга, ф. 31, оп. 2, № 4, л. 4. Далее — ЦГАЛИ СПб. На следующий день П. И. Лебедев-Полянский, председатель Главного управления Госиздата, сообщил Политотделу Петроградского отделения Госиздата: «Журналы „Вестник литературы“ и „Летопись Дома Литераторов“ должны быть закрыты и в будущем все разрешения на журналы будут даваться только Политотделом Главного управления по Вашему представлению» (ЦГАЛИ СПб., ф. 31, оп. 2, № 4, л. 2).

³⁷ Б. Н. [Реш.] // Новая русская книга. 1922. № 6. С. 15.

³⁸ См. письмо П. И. Лебедева-Полянского в Политотдел Петроградского отделения Госиздата от 8 августа 1922 г.: «По постановлению Особой комиссии предлагается Вам закрыть журнал „Литературные записки“, не давая возможности их (sic! — Т. К.) редакторам и сотрудникам создавать новые журналы» (ЦГАЛИ СПб., ф. 31, оп. 2, № 4, л. 59).

³⁹ См. протокол заседания редколлегии Петроградского отделения Госиздата № 3 от 6 февраля 1922 г.: ЦГАЛИ СПб., ф. 35, оп. 1, № 42, л. 68 об.

⁴⁰ Там же, л. 68.

⁴¹ Официальная критика расценила сборник как «контрреволюционный петроградский сборник, в котором Евг. Замятин издается над пролетариатом, а Н. Павлович готовится к встрече старого хозяина — царского режима» (*Полянский Вал.* Серапионовы братья // Правда. 1922. 28 авг., № 11. С. 3).

⁴² Дом литераторов в Петрограде 1919—1921 годов (Воспоминания А. В. Амфитеатрова). С. 158.

⁴³ См. письмо Дома литераторов в Президиум Исполкома Петрогубсовета от 24 февраля 1921 г., подписанное Н. А. Котляревским и А. Е. Кауфманом: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. 2552, оп. 1, № 5, л. 5. Далее — ЦГА СПб.

⁴⁴ ЦГА СПб., ф. 1001, оп. 6, № 32, л. 3.

⁴⁵ ЦГА СПб., ф. 2555, оп. 1, № 396, л. 4.

⁴⁶ См. об этом в заметке петроградского корреспондента берлинского журнала «Новая русская книга» Я. Лившица: «Новая экономическая политика отразилась на нем (Доме литераторов. — Т. К.) крайне плачевно. Не получая ниоткуда средств, предоставленный самому себе, Дом литераторов вынужден был не только сократить все свои функции, не только упразднить столовую, в которой отпускались бесплатные обеды для наиболее нуждающихся писателей, но и допустить в своем помещении устройство аукционов <...>. Героические усилия нынешнего Комитета Дома литераторов спасти Дом, оказавший немало услуг петербургским писателям в самые ужасные для них годы, наталкиваются на препятствия чисто материального характера и существует опасение, что Дом литераторов, может быть, придется закрыть» (Новая русская книга. Берлин, 1922. № 6. С. 25). Заметка датирована 7 июня 1922 г.

⁴⁷ Процесс был открыт после выхода в феврале 1922 г. книги Г. Семенова «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг.» (Берлин). Первые показания члена партии Лидии Коноплевой (жены Г. Семенова) о подготовке покушения на Ленина опубликованы в «Правде» 28 февраля 1922 г. (№ 47. С. 1).

⁴⁸ Правда. 1922. 15 марта, № 60. С. 2.

⁴⁹ Там же. 17 марта, № 62. С. 2—3.

⁵⁰ *Лиров М.* В обители смиренных (Журнальное обозрение) // Там же. 16 марта, № 61. С. 4; 18 марта, № 63. С. 3.

⁵¹ *Смышляевский П.* Мертвый дом // Петроградская правда. 1922. 17 мая, № 108. С. 3.

⁵² *Книгоед.* Черви контрреволюции // Правда. 1922. 30 июня, № 143. С. 4.

⁵³ *Лемке М.* Письмо из города «Красных зорь» // Новый путь (Рига). 1921. № 216 (ноябрь); *Действительный член Дома литераторов.* Письмо в редакцию // Жизнь искусства. 1921. 20 дек., № 822. С. 7. Ответ Б. О. Харитона на заметку М. Лемке см.: Летопись Дома литераторов. 1921. № 2. 15 ноября. С. 5. Его же неопубликованный ответ на анонимное письмо сохранился в архиве Дома литераторов: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 24, л. 56—57.

⁵⁴ Содержание, тон и стилистика заметки позволяют предположить авторство О. Л. Д'Ора (псевд. Осипа Львовича Оршера; 1879—1941?), беллетриста, журналиста, в 1920-е гг. активного сотрудника «Правды», автора многочисленных развязных фельетонов на политические темы. Упомянутая статья о юристе, публицисте, одном из лидеров партии кадетов Владимире Дмитриевиче Набокове (1869—1922) под заглавием «Заметки журналиста» (с. 10—11) написана Б. О. Харитоном, содержит воспоминания, проникнутые уважением и убежденностью в будущем признании общественных и культурных заслуг Набокова. О. Л. Д'Ор, автор единственного официального отклика на кончину Набокова (Петроградская правда. 1922. 31 марта, № 73. С. 2), назван в статье «газетным клопом». Статья О. Л. Д'Ора о Набокове послужила и причиной единодушного отказа ему в начале мая 1922 г. в приеме во Всероссийский союз писателей. Оскорбленный Д'Ор через три месяца, в разгар публикаций о процессе эсеров, напечатал статью «О Петроградском отделе Всероссийского профсоюза писателей» (Петроградская правда. 1922. 29 июля, № 168. С. 3), содержащую обвинение Правления Союза в монархических, антисоветских настроениях и уничтожительные характеристики членов Правления, в частности, Волковьского, Ирецкого и Харитона, в Правлении Союза не состоявшего. Во втором номере журнала «Литературные записки» (с. 8—9) помещены «Дружеские пародии» М. М. Зошенко на В. Б. Шкловского и Вс. В. Иванова. Шкловский был упомянут в брошюре Семенова (см. примеч. 47) как член партии эсеров. В марте 1922 г. бежал по льду Финского залива за границу. В обвинительном заключении значился как привлеченный по делу, но «не разысканный» (см. примеч. А. Ю. Галушкина к его публикации: В. Б. Шкловский. Письма М. Горькому (1917—1923) // De visu. 1993. № 1. С. 41—42). Далее автор заметки цитирует строки из рецензии А. Г. Горнфельда на сборник писем А. П. Чехова, выпущенный в 1922 г. Пушкинским Домом под редакцией Б. Л. Модзалевского в издательстве «Атеней». См.: Литературные записки. 1922. № 2. С. 13.

⁵⁵ См. примеч. 51.

⁵⁶ Харитон Б. О ДOME литераторов // Литературные записки. 1922. № 1 (25 мая). С. 11—12.

⁵⁷ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917—1953 / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999. С. 39.

⁵⁸ См. письмо Петроградского губернского исполкома в Петроградское отделение Управления научными учреждениями Академического центра с грифом «секретно» от 31 октября 1922 г.: ЦГА СПб., ф. 1001, оп. 6, № 32, л. 13.

⁵⁹ ЦГА СПб., ф. 2555, оп. 1, № 396, л. 10—10 об. По поручению Комитета письмо подписали А. В. Ганзен и А. М. Редько.

⁶⁰ См. письма ПО Правления ВСП в Академический центр от 29 декабря 1922 г. и от <7?> марта 1923 г., составленные Е. И. Замятинным и подписанные А. Л. Вольским: ЦГА СПб., ф. 2555, оп. 1, № 561, л. 8, 9. На втором письме помета: «Послано отношение в Петрогубисполком. 14.03».

⁶¹ *Пильский Петр Моисеевич* (1879—1941) — критик, публицист, беллетрист. Сотрудничал в журналах «Мир Божий», «Журнал для всех», газете «Курьер» (Москва), в начале 1918 г. — в антибольшевистских газетах Одессы. В 1920 г. эмигрировал, жил в Таллине и Риге.

А. Г. Носова

Л. В. ШАПОРИНА И ЕЕ ФОНД В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ

Любовь Васильевна Шапорина (урожд. Яковлева) (1879—1967), график и живописец, организатор и режиссер первого Государственного театра марионеток в Петрограде, театральная художница, переводчица, жена композитора Юрия (Георгия) Александровича Шапорина (1887—1966), известна также, как автор дневников, которые она вела в течение всей жизни, с 1898 по 1967 год, честно отображающих ее личную жизнь в тесной взаимосвязи с историко-культурными процессами, происходившими в то время в стране.

В Рукописном отделе Института русской литературы хранится архив Л. В. Шапориной (ф. 698), который составляет 353 единицы хранения. Материалы поступили после ее смерти от родственников художницы в 1968 году.

Личный фонд Л. В. Шапориной имеется также в Российской национальной библиотеке (РНБ) (ф. 1086, 36 единиц хранения).¹ В Российском государственном институте истории искусств (РГИИ) представлен фонд Ю. А. Шапорина, композитора, профессора Московской консерватории, и Л. В. Яковлевой-Шапориной (ф. 48, 77 ед. хр.). Фонды Ю. А. Шапорина хранятся также в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) (ф. 2642, 625 ед. хр.) и Государственном центральном музее музыкальной культуры им. М. И. Глинки (ГЦММК) (ф. 222, 320 ед. хр.).

Биография Л. В. Шапориной воссоздается нами на основании документов, входящих в опись № 1 фонда 698: автобиографий (оп. 1, № 23), дневниковых записей (оп. 1, № 24—26) и статей фондообразовательницы «1 декабря 1928 г. Кукольному театру стукнуло 10 лет...» (оп. 1, № 7), «За вереницей лет» (оп. 1, № 9), «Кукольные театры Ленинграда за 25 лет» (оп. 1, № 11), «Кукольные театры Ленинграда за 30 лет» (оп. 1, № 12), а также биографических сведений из дневников, хранящихся в Отделе рукописей РНБ (ф. 1086, № 1—4, 6, 7, 10—14, 16, 18, 21, 27—29).

Кроме того, для установления фактов истории семьи — биографических данных о деде, отце, братьях и других родственниках Л. В. Шапориной — были произведены разыскания в Российском

государственном историческом архиве (РГИА, г. Петербург), в Центральном государственном историческом архиве С.-Петербурга (ЦГИА СПб.) и в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ, г. Петербург).

1

Любовь Васильевна Шапорина родилась в 1879 г. в Москве в дворянской семье; дочь Василия Васильевича Яковлева (1839—1912) и Елены Михайловны Яковлевой, в первом браке Ненарокомовой (1852 (54?)—1933).² В семье было четверо детей: падчерица Василия Васильевича Леля (Елена) Ненарокомова (1871—1956), Люба, Вася (р. 1883—?) и Саша (р. 1892—?). Старшая их дочь, Надя, утонула,³ и Любовь Васильевна ее не помнила и знала только по фотографии, которую отец вместе с отрезанной прядью волос до конца жизни носил в своем бумажнике.⁴

Обратимся к истории семьи Яковлевых. Дед Л. В. Шапориной, Василий Васильевич Яковлев, 7 мая 1838 г. подал прошение о внесении его с семейством в Дворянскую родословную книгу. Представил следующие документы: «1) Патент Правительствующего Сената от 19 октября 1834 г. за № 607 о Всемилостивейшем пожаловании его из 9 класса за оказанную в службе ревность и прилежность в 8 класс, 1832 года декабря 28 дня. 2) Формулярный о службе список, выданный из Адмиралтейского Департамента Морского Министерства, в коем изложено: 7 класса Василий Васильев сын Яковлев служил в оном Департаменте Начальником отделения, от роду 40 лет, исповедания Греко-римского, из унтер-офицерских детей, за ним состоит дом в С.-Петербурге в Нарвской части 1 квартала под № 8 и занесенным <нрзб.> в Петербургской части под № 4300, в службу вступил С.-Петербургского Магистрата в 3-й Департамент в канцелярское звание 1808 июня 8; <...> Всемилостивейше пожалован за выслугу лет в 7 класс с старшинством 1837, декабря 28; в походах, штрафах и под судом не бывал; аттестован; способен и достоин; женат на дворянке Елизавете Гавриловой, урожденной Зуевой (дочь умершего коллежского советника), первым браком (1 янв. 1832 г.); имеет детей: дочерей Анну 5-и (род. 28 февр., крещ. 19 марта 1833 г.), Елизавету 3-х (род. 9 июня, крещ. 1 июля 1834 г.) и сына Александра 2-х лет (род. 26 сент. и крещ. 22 окт. 1835 г. <...>».⁵ Был награжден орденом Св. Анны 3 степени, орденом Св. Владимира 4 степени и дважды знаком отличия беспорочной службы за 15 и 20 лет. В 1838 г. Василий Васильевич Яковлев с семьей был внесен в третью часть Дворянской родословной книги и в том ему и его детям была выдана грамота.

Отец Л. В. Шапориной, также Василий Васильевич Яковлев (1839—1912), родился в С.-Петербурге. В 1852 г. он был определен в Императорское училище правоведения. Интересно отметить, что он учился там в одном классе с П. И. Чайковским.⁶ По окончании полного курса наук, в 1859 г., с чином коллежского секретаря был принят на службу во второй Департамент Правительствующего Сената в должности младшего помощника секретаря.⁷ С мая 1861 г. по январь 1862 г. ему было поручено исправление должности сек-

ретаря в третьей, а затем во второй экспедиции. В мае 1862 г., согласно прошению, он был причислен к канцелярии второго Департамента Сената. В мае 1863 г. командирован для занятий по составлению Сборника судебных решений к исполняющему дела юрисконсульта консультации при Министерстве юстиции надворному советнику Извольскому. Согласно прошению, уволен со службы в октябре 1863 г. в чине титулярного советника (с мая 1862 г.).

В апреле 1866 г. по выбору С.-Петербургской Городской Общей Думы был утвержден в должности мирового судьи 12 участка по г. С.-Петербургу. По истечении трехлетнего срока службы мировым судьей выбыл из должности в мае 1869 г. В мае 1874 г. женился. Венчание было в вологодской градской гимназической Свято-Духовской церкви.

В октябре 1875 г. был определен на службу в Министерство юстиции. В январе 1877 г. командирован в Московский Архив Министерства юстиции «для занятий в оном с целью изучения памятников старины». Проработав там до января 1885 г., был уволен со службы, согласно прошению, по домашним обстоятельствам. Произведен за выслугу лет в коллежские ассесоры со старшинством (с октября 1867 г.), в надворные советники со старшинством (с марта 1878 г.), в коллежские советники со старшинством (с марта 1882 г.).

В мае 1889 г. В. В. Яковлев ходатайствовал о назначении его на должность окружного судьи в г. Смоленске или же в одной из сопредельных со Смоленской губерний (Калужской, Тульской), но был назначен в январе 1890 г. членом Виленского окружного суда. Узнав, что в феврале 1890 г. открылась вакансия в Смоленском окружном суде, 17 апреля 1890 г. он вновь подает прошение, в котором пишет: «<...> по браку моему с вдовою статского советника Ненарокова в составе моего семейства имею падчерицу, дочь покойного Ненарокова, над которою и принадлежащим ей именем (Ларино. — А. Н.) в Вяземском уезде Смоленской губ. (около 400 десятин земли. — А. Н.), жена моя, состояв с 1872 г. опекуншею, в настоящее время состоит попечительницей под ведомством Вяземской Дворянской опеки. Благоустройство этого имени, в интересах несовершеннолетней Ненароковой, требует почти постоянного пребывания в нем жены моей и с нею и моего семейства, состоящего, кроме падчерицы, из двух малолетних детей».⁸ Должности в Смоленске он не получил и продолжал служить в Вильне.

В октябре 1895 г. В. В. Яковлев произведен за выслугу лет в статские советники со старшинством. В ноябре 1895 г. ходатайствовал о предоставлении ему должности члена С.-Петербургского окружного суда, поскольку должна была открыться вакансия, так как хотел служить в Петербурге, «имея дочь (Любу. — А. Н.), воспитывающуюся в Екатерининском институте в С.-Петербурге, и сына (Сашу. — А. Н.), приготовленного к поступлению в Училище правоведения».⁹ И вновь в С.-Петербурге должности получить не удалось. В октябре 1909 г. назначен членом Виленской судебной палаты. С июля 1902 г. по март 1911 г. неоднократно назначался почетным мировым судьей Виленского округа с оставлением в занимаемой должности. В октябре 1911 г., согласно прошению, был перемещен членом С.-Петербургской судебной палаты. Награжден

серебряной медалью в память в Бозе почившего Императора Александра III, орденом Св. Станислава 2 степени, орденами Св. Владимира IV и III степени. Умер, состоя на службе, 27 сентября 1912 г.¹⁰

По службе Василий Васильевич Яковлев имел хорошие отзывы. В «Сведениях о служебной деятельности и о личных качествах» за разные годы мы читаем такие характеристики: «человек в высокой степени порядочный, у него чрезвычайно развито чувство долга, обязанности и большая скромность, качество, обыкновенно затеяющее способного человека», «о нравственных качествах, деятельности, способностях и познаниях может быть дан самый хороший отзыв», «работает со знанием дела и с замечательным прилежанием», «при безупречных нравственных качествах, хороших способностях, исполняет возложенные на него обязанности добросовестно» и т. д.

В семье В. В. Яковлева очень любили и он очень любил своих детей. Л. В. Шапорина вспоминала, что в 1857 г., когда отцу было 17 лет, он начал собирать медали и монеты и делал это всю жизнь, а когда еще учился в Училище правоведения, то ездил в Новгород и работал там на раскопках. «Семья, необходимость работы для заработка его сломили, направили его жизнь по другому руслу, он замкнулся в самом себе. Все свое горячее сердце он отдал детям, и как же он нас любил».¹¹

На дате рождения Л. В. Шапориной следует остановиться особо. В справочнике «Личные архивные фонды...» указывается 1877 год рождения.¹² В автобиографии же она пишет: «Родилась в 1885 г.».¹³ В свидетельстве о смерти сообщается, что Л. В. Шапорина умерла в возрасте 81 года,¹⁴ т. е. подтверждается 1885 г. рождения. Однако, при подсчете по дневниковым записям, где она часто указывает, какой ей минул год¹⁵ (напр.: 25 сентября 1901 г. «Мне скоро минет 22 г.»; 5 июля 1902 г. «Мне 23-й год»), получается, что родилась она в 1879 г. Далее, в дневниковых записях мы находим подтверждение правильности этой даты. 13 сентября 1929 г. Шапорина пишет: «Скоро мне будет 50 лет, но не по паспорту, а по-настоящему».¹⁶ 22 декабря 1941 г. также читаем ее запись: «Мне минуло 62 года (по паспорту 56)».¹⁷ Причины этого несоответствия, подтвержденного документально, установить не удалось.

В 1892 г., когда Шапориной было 12 лет, она поступила в С.-Петербургский Екатерининский институт, где проучилась 7 лет и закончила его в 1899 г. Она вспоминает, что «самые приятные годы — это 3 последних институтских года — годы полной свободы, независимости, беззаботности, дружбы, веселости и шалости».¹⁸

С окончанием института для Шапориной начинается важный и довольно сложный период жизни, период мучительных переживаний и исканий, когда она пытается разобраться в себе, понять, в чем же смысл ее жизни, в чем ее предназначение. Она определяет для себя жизненные принципы, которым хочет следовать всю жизнь: «не отступать от общеизвестных правил, которые мне нравятся», «жить, веря себе, не веря другим», «не доверять мнению большинства, общества, идти всегда прямо-прямо», «жить так и

действовать так, чтобы каждый вечер душа была спокойна» и т. д.¹⁹

Последующие три года, вернее, три зимы, она живет в Вильне, где служит в то время ее отец, а остальное время проводит в поместье Ларино.

«За что мне приняться? — пишет Л. В. Шапорина в дневнике 8 сентября 1899 г. — Мне очень хочется поступить на мед<ицинские> курсы, хотя и пугает и 5 лет учения, и работа, и боюсь, хватит ли способностей. А ведь хорошо иметь почву под ногами, а не ждать у моря погоды».²⁰ В это время для нее характерны недовольство и острая неудовлетворенность своей бездеятельностью (так свойственные юности), ее угнетают страшная скука и грусть. Приведем несколько ее записей в дневнике: «15 ноября 1899 г. Господи, Боже мой, неужели так пройдет жизнь, и я опущусь, погрязну, не сделав ничего. Я это пишу и у меня слезы горло сдавливают, что же будет потом. Хоть бы был один человек, у кого спросить совета, но ведь нету, нету нигде. Все они, и мама, и Леля, скажут — от самой зависит и т. д., и т. д.».²¹

«11 января <1900>. Вильно. Вот уже почти месяц, как я в Вильне, сколько новых лиц, новых разговоров и какая разница в жизни. Но теперь по всему вижу, что и Папа, и Мама совершенно не могут и не умеют вести городскую жизнь, светскую. Мне, к моему удивлению, эта жизнь понравилась, я быстро с ней освоилась, так же, как и с деревенским одиночеством. И только теперь я почувствовала, как мне хочется пожить весело, и как все. Но это невозможно, и мне это больно <...>. Денег у меня нет, книг нет, нет ничего того, что я люблю и что удовлетворяло бы моим вкусам, а платья мои стоят чуть не по сту рублей каждое, не глупо ли, не безумно ли глупо. И у нас все так, все шиворот-навыворот <...>. Ах, как мне все надоело, как бы я хотела умереть. Единственный исход. Курсы — курсы — неужто и это останется несбывшейся мечтой?».²²

В этот период у Л. В. Шапориной часто возникали конфликты с матерью, Еленой Михайловной. Ранимая и обостренно чувствующая девушка тяжело переживала эти конфликты. Она писала в дневнике 27 апреля 1900 г.: «Ах, если бы Мама только знала, какой след остается в сердце от всех ее выходов и как мало-помалу накапливается целая масса такой горечи, что сердцу прямо физически больно становится — я уверена, что она бы перестала устраивать свой бенефис».²³ «Я Маму люблю, цену в высшей степени ее ум, энергию, образование, вкус, но — жить с ней больше не могу. Почему она ко мне так относится? Она меня особенно не любит, хотя, по правде сказать, мне кажется, что кроме Саши, она никого из нас особенной „материнской“ любовью не любит. А я тут еще стою живым укором того, что мной совсем не занимаются. Но чего я выносить не могу — это попреков о деньгах — о, я, кажется, могу на стену лезть от одного упрека, а ведь это постоянная песнь о том, что я их разоряю. Каково. Они для меня жизни своей не меняли, а чем я виновата, что мама дешевле 90, 80 рублей платья не заказывает. Вообще я такой жизни больше выносить не могу, не в силах».²⁴

Уже в зрелом возрасте, в 1932 г., когда она перевезла маму к себе, в Детское Село, то записала в дневнике: «Я очень боюсь ее характера, довольно я наслушалась в свое время, могу сказать, что вся моя юность была ею испорчена и начало всех моих нервных болезней от Мамы <...>. Когда-то давно-давно в Ларине, когда я была „нелюбимой“ и гонимой дочерью, я Маме сказала: „Подожди, еще когда-нибудь окажусь твоей Корделией“». ²⁵

Страдая и тяготясь однообразием жизни, размышляя над смыслом своего существования, Шапорина пытается разобраться в себе, анализировать «не хитря и совершенно откровенно». Она остается недовольна собой, считает, что стала эгоистичной и ей надо измениться к лучшему и в особенности по отношению к маме. Кроме того, ей хочется серьезно заняться науками: естественными, историей, философией, искусством, литературой, рисованием, английским и итальянским языками, побольше читать. ²⁶ В ней всегда существовала любовь к искусству. 15 ноября 1899 г. она записывает в дневнике: «Не знаю, может быть, такое чувство слишком субъективно, не думаю, но ничто так не действует на меня возвышающе и облагораживающе, как впечатления прекрасного, зрительные или слуховые, зрительные даже, пожалуй, более действуют на благороднейшие стороны души. Пение я обожаю, когда я слышала Шаляпина, я вся дрожала; и вообще музыка, известная, страшно на меня действует, но она, вместе с тем, пробуждает массу каких-то неясных желаний, туманных и щемящих сердце; впечатление получается не совсем цельное и не чисто эстетическое. Мне кажется, музыка скорее действует на физическую природу человека. Красота же, кот<орую> мы видим, если она в самом деле велика, действует исключительно на духовные чувства, в особенности красота природы в непосредственном созерцании». ²⁷

В связи с волнениями в Манчжурии в 1900 г. ²⁸ Л. В. Шапорина решила послать прошение императрице Марии Федоровне о принятии ее в сестры милосердия для службы на Дальнем Востоке. Но мечта ее не сбылась. 4 сентября 1900 г. в дневнике она записывает: «Я уверена, будь только Мама против меня — я бы с ней справилась, т<о> е<сть> Мама бы, в конце концов, поняла бы, что это все не так страшно. Но Папа — он буквально как-то дрожал даже, говоря, что для него мой отъезд равнялся бы смерти. Милый Папа! Мне представляется, что он с самого начала понял жизнь немного фальшиво, чересчур трагически — в этом все его несчастье, и я ужасно боюсь — не было бы и у меня этой наклонности». ²⁹

Далее она продолжает в дневнике: «Подумав день-другой, я пришла к другим выводам. Надо ли мне туда ехать? Все-таки знаний у меня нет, да и там главное уже сделано, Манчжурия заморена. Моя твердая цель — медицинские курсы, — лучше уж сразу туда поступить и авось и мне удастся поработать на пользу и с интересом.

Жизнь семейная меня не привлекает, а отталкивает. К чему я стану связываться. А вот после курсов поеду путешествовать, да не как-нибудь, а года на два. Займусь серьезно медициной, авось выдержу экзамен дальше и тогда-то посвящу себя работе. Именно между окончанием курсов и окончательным погребением я хочу по-

жить, пожить как след<ует>, т<о>-е<сть> я не понимаю под этим каких-нибудь любовных приключений — а такую жизнь — путешествия, театры, галереи, рисование — одним словом, жизнь для себя, а потом работа всюю».³⁰

Зимой 1901 г. Л. В. Шапорина уже всерьез стала задумываться о том, какую же ей выбрать карьеру. Перед ней были два пути: медицина, о которой она мечтала, но сомневалась, выдержит ли, и рисование, которое она также очень любила, которым могла заниматься до бесконечности, но тоже не знала, сможет ли из нее выйти хороший художник. Ей казалось, что у нее удачно выходят портреты, что она быстро схватывает сходство, но есть ли у нее настоящие способности? Еще раз взвесив все «за» и «против», Любовь Васильевна все-таки останавливается на рисовании и решает зимой 1901 г. самостоятельно серьезно заняться им с тем, чтобы хорошо подготовиться и поступить учиться.³¹

Летом 1902 г. у Л. В. Шапориной произошел серьезный разговор с матерью. 5 июля 1902 г. она пишет в дневнике: «Надо запомнить, что я пишу в настроении совсем спокойном. С Мамой у меня отношения прекрасные, с тех пор, как я объяснила, почему мне так тяжело дома, что я ни к чему и никому здесь не нужна, и при мамином энергичном характере я не могу принять малейшее участие в чем бы то ни было. Мне тяжело всегда молчать и при малейшем звуке при посторонних слышать от нее (иногда и от Лели): „Люба, замолчи, ты ничего не понимаешь“, а мне 23-й год. Мама все это поняла, и я думаю, что осень<ю> меня отпустят».³²

Итак, осенью 1902 г. Шапорина собирается ехать в Петербург на учебу, и, кроме того, хочет давать уроки по часу или два в день и тем зарабатывать хотя бы по 25 р. в месяц.

И вот настала долгожданная пора. 22 октября 1902 г. отец привозит Шапорину в Петербург. Она записывает в дневнике 26 октября 1902 г.: «Надеюсь, что и для меня блеснул рассвет! Ведь в самом же деле, тьмы же не может быть вечной. Я в П<етер>-б<ур>ге, в школе Александра Маковского,³³ в кот<ором> я заметила тот недостаток, что слишком красив, интересен.

Как все это произошло! Я и оглянуться не успела, как очутилась в Москве, потом здесь, затем у Вл<адимира> Е<горовича> Маковского,³⁴ и, наконец, теперь Папа уехал, а я здесь, и с понедельника иду в школу».³⁵ Занятия начинаются 28 октября. Любовь Васильевна бесконечно рада и мечтает об упорной работе, а если все-таки таланта у нее не окажется, то она уверена, что сможет преподавать в школе художественно-прикладное искусство, развивать в народе «вкус, художественность, что несомненно имеет громадное влияние на общий уровень народного духа».³⁶

Вырвавшись из дома, обретя свободу, будущая художница с увлечением начинает учиться, ей весело, легко. Она живет в мансарде, но никакие бытовые трудности ее не смущают. Школой Шапорина довольна, довольна внимательным отношением А. В. Маковского, который на занятиях беседует с ней, дает объяснения по ходу урока. Дружеская атмосфера, ободрение и одобрение со стороны учащихся, любимые всей душой рисование и живопись придают ей силы и ей хочется работать и работать. Особенно нравится в школе

рвение, с которым большинство учащихся занимается любимым делом, дружелюбная атмосфера. 17 марта 1903 г. она записывает в дневнике: «Да, могу сказать, что эта моя жизнь вполне мне по вкусу, и, если есть человек, кот<орому> на Руси жить хорошо, то это я».³⁷

В 1905 г., в апреле, Л. В. Шапорина отправилась в свое первое путешествие по Италии. Поехала она вместе со своей сестрой Лелей. «Во Флоренции, — пишет она, — мы встретились, предварительно списавшись, с Лелей Жихаревой. Мы с ней учились вместе у Ал. Маковского, а затем она уехала в Мюнхен».³⁸ Сестры лечились в Сан-Ремо (у Л.В. болело колено — подозревали туберкулез), а затем перебрались для лечения легких Лели в Швейцарию, в Монтре. В это время, когда шла русско-японская война, в морском сражении близ островов Цусима была разгромлена русская эскадра.³⁹ О крейсере «Аврора», на котором служил их брат Вася,⁴⁰ ничего не было известно. Леля сразу же уехала в Россию, а Любовь Васильевна ехать не могла — надо было долечивать колено.⁴¹ «Аврора» была интернирована в Маниле после боя, и Вася лежал в госпитале г. Кавитэ (остров Лусон, Филиппины). Их отец проболел с момента выхода эскадры из Либавы до Цусимы, до Васиного возвращения.

Когда «Аврора» пропала без вести, Шапорина жила уже в пансионе в Лозанне и целыми днями плакала, глядя на карточку брата, молилась о нем, просила, чтобы с ним ничего не случилось, чтобы Господь послал на нее все несчастья, но брат остался бы жив и здоров. «И молитва моя, — пишет она, — была услышана и исполнена в полной мере. Васина жизнь вся была безбурна, удачлива, счастлива. А моя? Я не ропщу. Я не имею права роптать».⁴²

В конце 1906 г. Л. В. Шапорина уезжает в Париж, где продолжает изучать живопись и офорт. Приехала она туда с письмом к Елизавете Сергеевне Кругликовой⁴³ от ее петербургских друзей. Шапорина очень стеснялась и долго не могла решиться пойти к художнице. Знакомых в Париже не было, и, наконец, собравшись с духом, она пошла. «Елизавета Сергеевна так просто и так сердечно приняла меня, расспросила о моих планах, дала дельные советы — в какую мастерскую поступить, указала хороший пансион поблизости, куда и проводила меня. Месяца через три я стала заниматься у нее офортом», — пишет Шапорина в своих воспоминаниях «В Париже у Кругликовой».⁴⁴ Мастерская Е. С. Кругликовой была центром, где собирались художники, поэты и писатели, ученые разных стран: русские, французы, англичане и итальянцы. Приезжающие из России обязательно бывали у нее. Шапорина вспоминает в этой же статье, что в 1907 г. приезжал Н. С. Гумилев⁴⁵ и читал свои стихи, часто подолгу гостил М. А. Волошин,⁴⁶ давнишний друг Кругликовой, весной приезжал А. Н. Толстой.⁴⁷

Кроме того, что Шапорина занимается у Е. С. Кругликовой, она также учится в академии La Palette под руководством художников Jacynes Blanche (Жасин Бланш), Charles Cottet (Шарля Котте), G. Desvallières (Ж. Девальера).⁴⁸ Один из профессоров, Девальер, устраивал у себя в доме литературно-художественные и му-

зыкальные вечера, куда приглашал наиболее талантливых учеников, в том числе и Шапорова.

В то же время вместе с Л. В. Шапориной в Академии учились В. П. Белкин, К. Е. Костенко, М. Широков, О. Г. Чеховская (в замуж. Смирнова).⁴⁹

Художница с теплотой вспоминает Париж 1907 г., светлую, маленькую мансарду Белкина, где он угощал ее сыром, круассанами, где они танцевали мазурку; вспоминает поездку «целой компанией в Медонский лес — Лена Борисова-Мусатова,⁵⁰ Фатя Аккерман — у меня сохранились фотографии. Назад ехали на империаде омнибуса и Белкин пел нам чудесную верхогурскую песню — „На заре, на зореньке...“».⁵¹

В 1908 г. художница возвратилась в Петербург и в 1910—1912 гг. продолжала изучать офорт в рисовальной школе Общества поощрения художеств⁵² у профессора В. В. Матэ,⁵³ где по окончании получила серебряную медаль. Выставляла свои работы на выставках объединения Нового общества художников⁵⁴ и «Мира искусства».⁵⁵ Некоторые гравюры (офорты) в разное время (от 1918 до 1989 г.) были приобретены Государственным Русским музеем. Это работы 1908—1917 гг.

В своей книге «...Больше, чем воспоминанья. Письма ленинградских художников 1941—1945» Б. Д. Сурис приводит высказывание А. П. Остроумовой-Лебедевой⁵⁶ о художественном творчестве Л. В. Шапориной: «В бытность мою в Париже в 1926 году (возможно, описка; скорее в 1906. — Б. С.) я видела целый ряд ее очень хороших работ. Живопись ее портретов и пейзажей была светлая, прозрачная и сильная. Хороший рисунок и чувство формы. Хорошие офорты. С грустью узнала, что вскоре после возвращения домой в СССР (в Россию — А. Н.), все работы ее случайно погибли, а она вскоре после этого перешла на работу по кукольному театру, где показала много дарования, энергии и любви к работе».⁵⁷

Поскольку в архиве Л. В. Шапориной ее художественных работ сохранилось мало, чтобы представить ее читателю как художника, перечислим ее работы, имеющиеся в Русском музее. Материалы расположены по мере поступления: Иллюстрации к комедии К. Пруtkова «Фантазия». Явление I (издано не было); Иллюстрации к комедии К. Пруtkова «Фантазия». Явление II (издано не было) — см. Каталог VII выставки «Нового общества художников». 1910 г., № 333; Часовня в с. Станица Смоленской губ. Вяземского уезда; Париж. 1908; Бретань. Ланволон. 1908; Бретань. Гуинзегаль. 1909; Петербург. 1908; Девочка. 1910; Девочка. 1910; Бретань. 1910; Яблоки. Каталог VII выставки, № 334; Иллюстрации к комедии К. Пруtkова «Фантазия». Явление I (издано не было). Каталог VII выставки, № 333; «Фантазия». Явление III (издано не было). Каталог VII выставки, № 333; «Фантазия». Явление X (издано не было). Каталог VII выставки, № 333; Иллюстрации к басне К. Пруtkова «Чинovníк и курица» (издано не было). Каталог X выставки «Нового общества художников» 1917 г., № 235а; Иллюстрация к басне К. Пруtkова «Цапля и беговые дрожжи» (издано не было). Каталог X выставки, № 235б; Азовское море. Рыбачий поселок. 1916 г. Каталог X выставки, № 237; Азовское море. Рыбачий поселок.

1916; Азовское побережье. 1916; Овцы в полдень. Каталог X выставки, № 238; Петербург. 1908 г. (С дарственной надписью «Дорогому Костеньке (К. Е. Костенко. — А. Н.) на вечную память. Л. Яковлева. 3/VII—08. 11 ч. 29 мин. Paris»); Интерьер часовни XIII в. в д. Кермари, Бретань. Каталог VII выставки, № 328; Интерьер часовни XIII в. в д. Кермари. Бретань. Каталог VII выставки, № 329; Распятие. Часовня XIII в. Бретань. Каталог VII выставки, № 330; Азовское побережье.

В Пушкинском Доме в фонде Шапориной хранятся только несколько ее работ: 2 ее автопортрета (б. д.), 2 портрета ее мужа Ю. А. Шапорина (1913—1919), портреты О. С. Кипарисовой, В. Н. Гроссеа (б. д.) и др., 2 эскиза к спектаклю «Зеленая птица» (1916?), «Эскиз портала и ширм кукольного театра» (1919); 16 иллюстраций к «Козьме Пруткову» (1904); иллюстрации к комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (б. д.).⁵⁸

В 1912 г. в жизни Л. В. Шапориной произошли два трагических события. 15 июня 1912 г. в Финском заливе под Петербургом, в Териоках, утонул художник Н. Н. Сапунов (р. в 1888 г.). Она была знакома с ним в течение двух лет. Их связывала романтическая дружба, которая, судя по воспоминаниям,⁵⁹ впоследствии, возможно, могла перерасти в нечто большее. Вот как описывают трагедию Е. А. Гунст и М. В. Алпатов в книге об Н. Н. Сапунове, в которой также использованы и воспоминания Л. В. Шапориной, свидетельницы трагедии: «...Весной 1912 года Сапунов вместе с Мейерхольдом, Л. Д. Блок (женой поэта), В. П. Веригиной, Кузминым и другими принял участие в организации театра в Териоках. Молодежь увлеклась идеей создания такого театра, который был бы не коммерческим предприятием, а ареной подлинного творчества. В ходе подготовительной работы для театра Н. Н. Сапунов загорелся идеей устройства в Териоках большого карнавала с обширной программой — балаганами, аттракционами, ряжеными. Карнавал намечался на 29 июня (по старому стилю). Стояли белые ночи. Поздним вечером 14 (27) июня небольшая компания молодежи, близкой к териокскому театру, решила покататься на лодке. Всего поехали 5 человек: Сапунов, Кузмин, художницы Л. В. Яковлева и Евфимия Бебутова и артистка Е. А. Назарбек. Во время перехода Кузмина с места на место лодка опрокинулась. Сапунов, не умевший плавать, сразу же пошел ко дну. Когда на помощь утопающим прибыли матросы яхт-клуба, Сапунова найти уже не удалось».⁶⁰

Для Л. В. Шапориной это было сильнейшим потрясением. Она уезжает в Италию. Позднее, в 1933 г., она записывает в дневнике: «Нашла я свои записки после смерти Сапунова. Тоже было горе. И большое горе. Но теперь мне кажется, что я была, главным образом, потрясена трагичностью самой катастрофы. Что было между нами? — ничего. Начинающаяся влюбленность <...> Через 3 месяца умер Папа и это горе было так сильно, что закрыло собой первое <...> Я помню, как я страдала и как я искала утешенья. Я и замуж-то вышла от страха перед жизнью и попала из Сциллы в Харибду».⁶¹

Шапорина пробыла в Италии, в Риме всего месяц, когда пришла телеграмма, что отцу плохо. Двое суток мучительной дороги в Смоленск, где ее на вокзале встречал брат Саша. Отец уже умер, когда она приехала.⁶² Сильно любившая отца, она до конца жизни не могла примириться с этой потерей. Отца похоронили в Ларине.

В 1914 г. Любовь Васильевна выходит замуж за Ю. А. Шапорина, впоследствии известного композитора, автора оперы «Декабристы» — монументальной героико-патриотической драмы; автора музыки к драматическим спектаклям: «Много шума из ничего», «Разбойники», «Король Лир», «Любовь Яровая» и др.; к фильмам, ораториям и другим сочинениям.⁶³ В то время Ю. А. Шапорин еще учился в С.-Петербургской консерватории. Они венчались в домашней церкви Финляндского полка 26 января 1914 г.⁶⁴ В 1915 г. у них родился сын Василий (будущий театральный художник), а в 1921 г. родилась дочь Елена, которая умерла в 1932 г.

Следует отметить, что семейная жизнь Л. В. Шапориной сложилась несчастливо. Однажды, в юности, 5 июля 1902 г., она записала в дневнике: «...я начинаю верить, что счастье, хоть минуту счастья, дает только любовь, она одна может заставить забывать жизнь, а счастье только тогда, когда забываешь жизнь. А любовь для меня закрытая книга, кот<орую> судьба строго бережет от меня. Неужели же можно верить предчувствиям, я всегда была странно уверена в невозможности быть любимой и любить».⁶⁵ Надо сказать, что предчувствие ее в данном случае не обмануло, в чем убеждаешься, когда читаешь ее дневники и письма.

В 1914 г. Л. В. Шапорина с мужем и братьями приезжает на Пасху в Ларино навестить мать. В этом же году они должны были с Ю. А. Шапориным отправиться путешествовать в Константинополь и Грецию, но из-за начавшейся войны поехали повидаться с братом Любви Васильевны Сашей в Севастополь, где тот служил.⁶⁶

В 1916 г. Ю. А. Шапорин был призван в армию. Он служил в лейб-гвардии Финляндском полку в качестве вольноопределяющегося.

В 1917 г. Л. В. Шапорина работала в военной цензуре. «Там служили барышни и дамы из хороших семей, знавшие языки. Принимали только с рекомендациями. Меня рекомендовал Н. М. Данчинский», — писала она.⁶⁷ В этом же году издательство А. М. Кожебаткина «Альциона»⁶⁸ заключило договор с Шапориной на издание «Зеленой птицы» Гоцци в ее стихотворном переводе и с ее иллюстрациями. Она была очень увлечена этой работой, рисунки делала в стиле XVIII века и использовала наброски и композиции, которые рисовала еще в 1912 г., когда возвратилась из Рима.⁶⁹

Война, а затем и события 1917 года нарушили обычное течение жизни. Шапорина очень беспокоилась о брате Васе, который в то время служил в Морском генеральном штабе в Петрограде. Летом он приехал с женой Лидией Ивановной⁷⁰ проститься, так как был командирован Временным правительством в Париж, к морскому агенту, в качестве специалиста по Балканским делам.⁷¹ На родину он больше не возвратился.

Летом 1918 г. Л. В. Шапорина еще смогла поехать в Ларино, к матери, их пока не выселяли, но через месяц после ее отъезда пришло распоряжение выехать. Елена Михайловна поехала в Доргобуж, к родственникам. «Мы вернулись в Петербург, — записывает Л. В. Шапорина, — <...> надо было строить жизнь заново. Гусевский дом отобрали. Ларина не существовало».⁷²

Кроме любимого всей душой рисования, Л. В. Шапорину уже давно привлекали куклы-марионетки. Еще в 1912 г. они с Н. Н. Сапуновым хотели поставить с куклами какую-нибудь из сказок К. Гоцци.

В статье «1 декабря 1928 г. Кукольному театру стукнуло 10 лет...» Л. В. Шапорина пишет: «В 1914 году Н. В. Петров⁷³ нашел старого профессионала-кукольника Козлова, приобрел у него куклы, устроил маленькую сцену, для которой я писала декорации. В 1916 году я перевела для Н. В. „Зеленую птицу“ Гоцци, он построил прекрасную разборную сцену, по моим эскизам шились костюмы и обучались первые невропасты (кукловоды. — А. Н.) В. Г. Форштедт и В. С. Ухова; к сожалению, это дело, начатое с большим жаром, не удалось довести до осуществления». Но мысль о создании кукольного театра не покидала Шапорину. «Наступил 18-й год, — продолжает она. — Все бывшие в потенции силы и замыслы искали себе выхода, брожение перешло в творчество, наступала пора созидания. Отдел театра и зрелищ, художественной частью которого руководил тогда К. К. Тверской,⁷⁴ пошел мне навстречу и поручил организацию Кукольного театра при Студии отдела <...>».

Дело было сложное. У Кукольного театра не было преемственных традиций, не было школы. Все старые профессионалы — Козлов, Егоров-Назаров, — перемерли, умер и резчик Ананьин. Остался один Иван Иванович Смирнов, который свое дело бросил, продал нам кукол и очень сердечно помогал своими советами. Приходилось самим открывать всю сложную технику построения кукол и вождения их, задумываться до всех трюков, которые на западе передаются по наследству от отца к сыну».⁷⁵

«Мало кто теперь помнит, — пишет Шапорина в статье „За веницей лет“, — то далекое, суровое, героическое время. Героическим был этот период и в жизни театра Марионеток; период наиболее трудный, но, пожалуй, и наиболее ценный по затраченной энергии, творческой инициативе и изобретательности. А главное — по тому энтузиазму, который помог нам выстроить на пустом месте кукольный театр, из ничего создать новое, стойкое, жизненное дело.

Литейный, 51. Небольшое театральное фойе, где стоит кукольная сцена. Ее портал расписан яркими цветами.

Темно. Электричество не горит, ток дается очень скупо. Холодно — нет топлива. Водопроводные трубы замерзли и лопнули; где-то из стены сочится вода.

При свете керосиновой лампы по сцене двигаются в неопытных еще руках марионетки, бросая длинные фантастические тени.

Вначале нас пятеро: архитектор Елена Александровна Янсон, известная художница-офортистка Елизавета Сергеевна Кругликова,

художница Елиз<авета> Николаевна Давиденко, Н. А. Барышникова и я. Вскоре, в феврале 19-го года, к нам присоединяются будущая писательница Ел<ена> Як<овлевна> Данько и Вера Геор<гиевна> Форштедт.

Мы работаем в шубах, меховых шапках, валенках, теплых перчатках. Когда руки, ооченев до боли, перестают слушаться, бежим в сторожку, кипятим воду и отогреваемся кипятком.

Работаем весь день до позднего вечера и расходимся пешком по еле освещенным, занесенным снегом улицам Петрограда в разные концы города». ⁷⁶

12 апреля 1919 г. в первом петроградском Театре марионеток состоялась премьера. Это было на сцене Елисеевского театра (теперь Театр Комедии им. Н. П. Акимова). На суд зрителей были представлены «Царь Салтан» по сказке А. С. Пушкина и «Вертеп» М. А. Кузмина, музыка его же (художник Н. В. Лермонтова, постановщик Л. В. Шапорина). Зрители горячо приняли спектакль. Летом 1919 г. театр переезжает из тесного помещения на Литейном в один из залов Народного Дома. Уже в новом помещении 13 июня 1919 г. идет спектакль «Цирк» К. Э. Гибсмана, постановка Шапориной; 12 апреля 1920 г.: «Красная Шапочка» Е. Я. Данько (музыка Ю. А. Шапорина, художник Л. В. Шапорина, постановщик К. К. Тверской); «Сказка о Емеле-дураке» или «По щучьему велению» Е. Я. Данько (художник Е. С. Кругликова, постановщик К. К. Тверской); 28 октября 1920 г.: «Вий» по Н. В. Гоголю (художник Е. С. Кругликова, постановщик К. К. Тверской). ⁷⁷

Тяжелые бытовые условия, голод и холод, привели к тому, что всю зиму 1919—1920 годов маленький сын Вася проболел ползучим воспалением легких. Летом 1920 г. Ю. А. Шапорин поехал с бывшим Александринским театром (он тогда назывался Академический театр драмы) в Петрозаводск, где условия были лучше, чем в Петрограде; он устроил приглашение на службу в этот театр и жене. Осенью 1920 г. она перебралась в Петрозаводск одна, ей нужно было писать декорации к «Снегурочке», а Шапорин приехал позже. Отношения, как она отмечала, в них уже были надтреснутые, и она остро переживала семейный разлад. В этот период, когда у Шапориной должна была появиться дочь, она очень много работала в театре и дома. Ей было очень тяжело физически: она должна была таскать воду из проруби, топить печь, варить еду, даже сама печь хлеб. 18 февраля 1921 года родилась Аленушка. Л. В. Шапорина записывает в дневнике: «Бедная моя деточка — что мы с тобой тогда перестрадали, каким молоком я тебя кормила. Вся твоя нервность, слабость твоего бедного сердечиска — все с того времени, когда вся моя беременность, все кормление прошло в горьких слезах». ⁷⁸

В середине 1921 г. Л. В. Шапорина возвращается в Петроград. Ее Театр марионеток закрыли, так как с началом НЭПа были закрыты многие малодоходные предприятия. С осени 1922 г. она принимается за хлопоты по восстановлению театра. Он возрождается вновь, но уже как часть Театра юных зрителей, руководимого А. А. Брянцевым. 25 мая 1923 г. на новой сцене премьера: «Цирк Арчибальда Фокса» Е. И. Васильевой ⁷⁹ и С. Я. Маршака (музыка

Н. М. Стрельникова, постановщик Л. В. Шапорина); «Похищение Мелузины» — автор и постановщик Л. В. Шапорина (музыка Д. В. Астроданцева); «Кот, Лиса и Петух» или «Петушок Золотой Гребешок» Н. С. Пятницкой (музыка Н. М. Стрельникова, художники — ученики художественной школы в Павловске, постановщик Л. В. Шапорина, скульпторы Н. С. Рыболовлев и А. Серебряков).

В 1924 г. были поставлены «Пряничный домик» Е. Я. Данько (музыка С. Н. Митина, художник Доронин, постановщик П. П. Сазонов); «Жар-птица и Серый волк» в 3-х д. Е. И. Васильевой и С. Я. Маршака (музыка Ю. А. Шапорина, эскизы декораций, кукол и постановка Л. В. Шапориной, скульптор Е. А. Янсон).⁸⁰

«Осенью 1924 г., в целях ознакомления с зарубежными кукольными театрами, я уехала с детьми в Париж. Я пробывала там дольше, чем предполагала, из-за серьезного заболевания детей», — пишет в своей автобиографии Л. В. Шапорина.⁸¹ На самом деле истинной причиной ее отъезда были семейные неурядицы, от которых она просто бежала.⁸²

Во Франции она прожила до 1928 г. Пожалуй, это был последний счастливый период ее жизни, особенно 1925, 1926 годы, несмотря на довольно тяжелое материальное положение. Она жила на средства, посылаемые ее мужем (а они зачастую приходили нерегулярно), и собственные заработки, но этого не хватало. В Париже Шапорина работала по прикладному искусству и изучала кукол.⁸³ «Мама и Леля все зовут меня вернуться к своим пенатам, — записывает она в 1927 г. — А где мои пенаты? Меня ужас, жуть берет при мысли о России. Одичавшая, грубая жизнь, грубый язык, какое-то чуждое мне». ⁸⁴ Затем дети стали болеть, отец требовал, чтобы они вернулись, так как запретили пересылку денег за границу, и она вынуждена была возвратиться.

По возвращении домой Л. В. Шапорина мечтала о работе, о материальной независимости от мужа, ей хотелось воплотить свою мечту и о кустарной артели, и вновь хотелось работать с куклами. В 1930 г. Театр марионеток объединился с театром Петрушки, созданным в 1924 г. Е. С. Деммени, и получил новое название — Ленинградский театр кукол под руководством Е. С. Деммени; и Шапорина вновь мечтает о создании своего театра.

Летом 1929 г. Шапорина переезжает с детьми в Детское Село. В 1930 и 1931 г. они много болеют и ей приходится очень тяжело, да и семейные отношения не налаживаются. 22 июля 1932 г. мы читаем в дневнике: «И если бы окружающая жизнь могла бы что-нибудь давать, чтобы вознаградить за семейное одиночество. Ничего, кроме постоянного ощущения тюрьмы, — ощущения мыши под когтем кошки — и этих высоких серых непроницаемых стен всероссийской тюрьмы. Я не понимаю, как могут люди принимать всерьез эту тюремную жизнь, базировать на ней свое благосостояние, равняться по ней... — это не укладывается в моем мозгу».⁸⁵

В декабре 1932 г. на Л. В. Шапорину обрушивается тяжелое горе: умирает ее дочь Алена,⁸⁶ боль от этой утраты не притупилась до конца жизни. Не раз Шапорину посещали мысли о смерти, но

нужно было жить, чтобы поддержать сына Васю, помочь ему стать художником.

4 июня 1933 г. умирает ее мать, которую она в 1932 г. перевезла к себе, в Детское Село.⁸⁷ Ее похоронили около Алены, на Казанском кладбище в Детском Селе, оставив между ними место для Любви Васильевны.⁸⁸ В одно из посещений кладбища она ужаснулась, увидев кругом развороченные камни, слыша отовсюду стук молотков — это надгробные камни заготавливались для городских панелей...⁸⁹

В 1934 г. сбылись, наконец, надежды Шапориной: она становится художественным руководителем организованного ею Театра марионеток Союза советских писателей и остается им до 30 апреля 1936 г. Ей теперь часто приходится ездить из Детского Села в Ленинград, где она ставит с марионетками сатирические обозрения Евгения Шварца. К открытию в новогоднюю ночь Дома писателей им. Маяковского было подготовлено «Новогоднее литературное обозрение» (скульпторы Е. А. Янсон-Манизер и К. П. Коновалова, композиторы И. И. Дзержинский, Б. Гольц, В. П. Соловьев-Седой, Л. Ган). Героями этого обозрения были писатели М. Э. Козаков, Б. А. Лавренев, С. Я. Маршак, М. Л. Слонимский, А. Н. Толстой, Н. С. Тихонов, Л. С. Соболев, К. А. Федин, К. И. Чуковский и др. «Читал за многих писателей Ираклий Андронников (так! — А. Н.), — пишет Шапорина, — бесподобно имитирующий голоса и манеру говорить».⁹⁰ 17 марта 1935 г., в день 30-летия литературной деятельности А. П. Чапыгина, было представлено второе литературное обозрение — «Чапыгин Алексей» (художник Т. Н. Глебова, музыка Великанова) и затем осенью «Кораблекрушение» (художник Н. Н. Никифоров, музыка Н. А. Тимофеева). Ставились также «Цирк Шардам» Д. Хармса (художник Н. Н. Никифоров, музыка Ю. В. Кочурова); «Золоченые лбы» по сказкам Б. В. Шергина (художник Т. Н. Глебова, музыка Ю. В. Кочурова). В том же, 1936 г., были осуществлены постановки «Машины времени» Е. С. Рыса и В. П. Воеводина (художник Борисович, музыка Н. А. Тимофеева); «Мойдодыра» и «Бармалей» К. И. Чуковского (инсценировка и постановка Л. В. Шапориной, художник Н. Н. Никифоров, композитор Ю. В. Кочуров). Л. В. Шапорина всецело отдается работе в театре, свободного времени у нее совсем нет и она очень устает.

В 1934 г., после убийства С. М. Кирова, в Ленинграде, как и по всей стране, усилился репрессивный режим. В 1935—1937 годах в городе было арестовано большое количество людей, десятки тысяч высланы из Ленинграда. Тысячи граждан были расстреляны по ложным обвинениям. Среди этих людей были друзья и знакомые Л. В. Шапориной.

В марте 1935 г. Л. В. Шапорину вызвали в НКВД и допрашивали пять с половиной часов. Знакомые думали, что ее уже арестовали. Ю. А. Шапорин уже был допрошен в НКВД, а затем туда вызвали и допрашивали сына Васю. Это было связано с тем, что семью ее знакомой Лидии Павловны Брюлловой, в замужестве Владимировой, внучки А. П. Брюллова⁹¹ и внучатой племянницы К. П. Брюллова,⁹² высылали из Ленинграда. С Брюлловой Шапо-

рина познакомилась в школе А. В. Маковского, где они вместе начинали учиться. Затем встречались в ТЮЗе, когда в нем размещался Театр марионеток. Брюллова 12 лет работала там управляющей делами. Всю их семью — ее саму, мужа Д. П. Владимирова, бывшего офицера, дочь Наташу 18 лет — высылали из Ленинграда в Кочетав, в Казхстан.⁹³

Л. В. Шапорина вспоминает, что 12 марта у Владимировых был обыск: «Следователь перерыл все бумаги и отложил номер газеты „Новое время“ с некрологом Павла Александровича Брюллова — отца Лидии Павловны, художника, племянника знаменитого Карла Брюллова.

— Назовите всех графов и князей, с которыми вы знакомы, — потребовал следователь.

— Среди моих знакомых нет ни князей, ни графов, — ответил Д. П. Владимиров. — А это что? — следователь торжественно помахал номером „Нового времени“ — Он же был императорский, а вы говорите...

В некрологе черным по белому стояло: „П. А. Брюллов, профессор императорской Академии Художеств!“

День отъезда был назначен на 15 марта. Еле удалось выторговать еще один день».⁹⁴

Л. В. Шапорина узнала об этом только 14 марта и они с Л. П. Брюлловой решили: их дети, Наташа и Вася, должны зарегистрироваться, чтобы дать возможность девочке остаться в Ленинграде и закончить драматическую студию С. Э. Радлова.⁹⁵ Вася стал звонить в НКВД, где ему сказали, что нужно получить подтверждение его отца. 15 марта сын срочно уехал в Москву. 16-го — все поехали на вокзал, а Л. В. Шапорина осталась ждать спасительную телеграмму, но не дождалась, и тоже поехала их провожать.⁹⁶

В 1953 г. Л. П. Брюллова подавала просьбу о возвращении в Ленинград, но ей ответили, что ее дело можно пересмотреть, только если у нее есть близкие родственники, которые могли бы взять ее к себе. Но у нее погибли все — муж, брат, Наташа.⁹⁷ Сын ее умер еще в начале 30-х годов от туберкулеза. В 1954 г. Л. П. Брюллова-Владимирова умерла.

В 1936 г. Театр марионеток Союза советских писателей переходит в ведение Ленгосэстрады, и с этого времени по 1941 г. Л. В. Шапорина работает в Театре марионеток Ленгосэстрады. Каждое лето театр выезжает на гастроли, и спектакли пользуются большим успехом. В этот период ставятся спектакли: 1937 г. — «Золотой ключик» А. Н. Толстого (инсценировка Е. Я. Данько, постановка Л. В. Шапориной, художник О. Ю. Клевер, композитор Ю. В. Кочуров, скульптор К. П. Коновалова и Г. С. Толмачев); «Сказка о царе Салтане» по А. С. Пушкину (инсценировка Т. Старк, постановка Л. Т. Браусевича, художник — палехский мастер Н. М. Парилков, композитор Ю. А. Шапорин, скульптор К. П. Коновалова); «Буратино у нас в гостях» Е. Я. Данько (постановка Л. В. Шапориной, художник О. Ю. Клевер, композитор В. М. Дешевов, скульптор К. П. Коновалова); 1938 г. — «Новый цирк» (художник Т. Г. Бруни, постановка Л. В. Шапориной,

скульптор Ф. Силаев, музыка сборная); 1940 г. — «Косолапые братья» В. Лившица (постановка Л. Шостака, композитор В. М. Дешевов, художники В. А. Сулимо-Самойло и П. Снопков, скульпторы К. П. Коновалова и Гренфельдт).⁹⁸

К большому сожалению Л. В. Шапориной, в 1940 г. театр марионеток Ленгосэстрады объединят с Театром кукол под руководством С. Н. Шапиро и в войну театр эвакуируют.⁹⁹

А в городе продолжается волна репрессий. 29 октября 1937 г. была арестована Евгения Павловна Старчакова,¹⁰⁰ прошедшая впоследствии 8 лет в тюрьме. Муж ее, Александр Осипович Старчаков, заведующий ленинградским отделением газеты «Известия», был арестован 4 ноября 1936 г. и в 1937 г. расстрелян.¹⁰¹ Их дочерей, Мару и Галю, Любовь Васильевна взяла к себе, растила и заботилась о них, как о своих детях, пока они не выросли. В блокаду их эвакуировали, затем они вернулись в ее дом в конце мая 1945 г. Девочки так и остались жить у нее, даже когда их мать вернулась из заключения. В 1947 г. она записывает в дневнике: «Вчера, 2.XI. — минуло 10 лет, как я взяла к себе девочек Старчаковых <...>. Сознание того, что я их спасла от гибели, искупает все телешения, на которые я себя обрекла».¹⁰²

Заботиться и помогать окружавшим ее людям было свойственно натуре Л. В. Шапориной, но часто самые близкие и дорогие ей люди причиняли самую глубокую боль и страдания, а люди, которым она сделала много добра, иногда предавали ее.¹⁰³

Несмотря на то, что в результате репрессий культурная жизнь в городе несколько приостановилась, яркие и незабываемые события все-таки происходили. 21 октября 1937 г. Шапориная записывает в дневнике: «Играли в филармонии пятую симфонию Шостаковича. Публика вся встала и устроила бешеную овацию — демонстрацию на всю ту травлю, которой подвергся бедный Митя. Все повторяли одну и ту же фразу: „Ответил, и хорошо ответил“».¹⁰⁴

В 1940 г. по договору с издательством «Искусство» Л. В. Шапориная организовала сборник «История и техника театра марионеток», который был принят и подписан к печати в июне 1941 г. Сама она написала для этого издания статью «История театра марионеток с древних времен до 20-го века».¹⁰⁵

С первого месяца войны Шапориная стала работать медсестрой в госпитале при глазной лечебнице на Моховой 38. Сын Вася с семьей — дочерью Соней и женой Натальей эвакуировались из Ленинграда, девочки Старчаковы тоже уехали и она осталась одна. Ю. А. Шапорова еще в 1934 г. покинул Ленинград, к тому времени у него уже была другая семья. Жил сначала в Клину, в Доме-музее П. И. Чайковского, затем в 1938 г. с семьей переехал в Москву.¹⁰⁶

Л. В. Шапорова уговаривали уехать из города, но она отказалась. Ее вызывали в милицию по поводу отказа, беседовали с ней, но она не уехала. «Блокада — это, пожалуй, самое ценное из всей моей жизни, — пишет она в дневнике. — Видеть то, что людям не дано видеть».¹⁰⁷

Работая в госпитале, Шапориная не бросала научных занятий. С июля 1942 г. она состояла научным сотрудником НИИ театра и музыки и собирала материалы на тему «Театр и музыка в условиях

блокады». Были собраны материалы по эстраде, Военно-шефской комиссии, Союзу композиторов, бригадам Домов Красной армии, театру Балтийского флота.¹⁰⁸

В период с 1942 по 1943 г. ею был написан ряд статей: «Тюзы», «Кукольные театры Ленинграда в период Великой Отечественной войны», «Музыка и театр на Ленинградском фронте Великой Отечественной войны», «Кукольные театры Ленинграда за 25 лет».¹⁰⁹ Она мечтала также сделать серию зарисовок с разрушенных зданий для будущих офортов.

С января по июль 1943 г. Л. В. Шапорина занималась организацией петрушечной бригады в Доме Красной армии, затем в театре Балтийского флота. Мучительные поездки на Васильевский остров, собиране коллектива. Вот уже и постановка осуществлена и принята, но произошло сокращение артистической части театра и проделанная работа оказалась напрасной.¹¹⁰

С июля 1943 г. Шапорина была зачислена художником в художественные мастерские Михайловского театра. Работая в блокадном театре, она писала декорации к спектаклям «Женитьба Белугина» А. Н. Островского, к опере П. И. Чайковского «Пиковая дама» и другим постановкам. В декабре 1943 г. она опять была уволена.¹¹¹

Шапориной нужен был заработок, и ее знакомый, врач-нейрохирург А. В. Бондарчук предлагает ей поступить к ним в Нейрохирургический институт медсестрой. Любовь Васильевна, боясь, что не выдержит 18-ти часовых дежурств, все-таки оформляется на работу и с 1 января 1944 г. приступает к работе, но в качестве референта. Здесь она переводит с французского языка две книги и несколько статей по медицине.¹¹²

Напомним, что как переводчица Л. В. Шапорина начала свою деятельность еще в 1916 г. Выше уже отмечалось, что она в то время перевела с итальянского для постановки кукольных спектаклей комедии К. Гоцци «Зеленая птица», затем «Любовь к трем апельсинам»; в 1920 г. — с французского комедию Ж.-П. Флориана «Бергамские близнецы»; в 1926 г. — с итальянского комедию Л. Пиранделло «Каждый по-своему», и т. д.¹¹³

В сентябре 1944 г. Любовь Васильевна отдает свои литературные переводы на просмотр М. Л. Лозинскому.¹¹⁴ Он их одобрил, особенно «Хронику моей жизни» И. Ф. Стравинского,¹¹⁵ и она подает заявление в Горком писателей с просьбой принять ее в члены Горкома. М. Л. Лозинский написал ей рекомендацию. Приведем ее: «Известные мне работы Л. В. Ш<апоориной>-Як<овлевой> свидетельствуют о ней, как о вдумчивом, талантливом и высококультурном переводчике. Л<юбовь> В<асильевна> уверенно находит нужные приемы для передачи стиля самых разнообразных произведений, как старинных, так и современных. Последняя ее работа — перевод книги Игоря Стравинского „Хроника моей жизни“, выполняемый ею по договору с Союзом советских композиторов. Книга эта, трактующая о проблемах музыки, представляет немало трудностей для перевода. Трудности эти преодолены Л. В. Ш<апоориной> с большим искусством и знанием дела. Не менее удачные принадлежащие Л. В. Шапориной переводы авторов XVIII в.

Изыщная одноактная комедия Флориана „Бергамские близнецы“ передана живым и легким языком, очень сценичным. Она ставилась на сцене. Серьезными достоинствами обладает перевод полустихотворной, полупрозаической театральной сказки Карло Гоцци „Зеленая птица“. Как переводные работы Л. В. Шап<ориной>-Як<овой>, так и ее труды по истории Кукольного театра дают ей несомненное право быть принятой в число литераторов, состоящих на учете Лен<ин>гр<адского> Горкома писателей. 11/X—1944».¹¹⁶

В ноябре Л. В. Шапорина по рекомендации М. Л. Лозинского, а также Н. Л. Дилакторской,¹¹⁷ была принята в Горком писателей. Она уходит из Нейрохирургического института и с этого времени занимается переводами по договорам с Гослитиздатом, Союзом композиторов, Союзом художников, с НИИ театра и музыки и др. В 1945 г. Л. В. Шапорина переводила произведения Стендаля для 13 тома его собрания сочинений, а в 1948 г. — два тома писем Стендаля. В 1945 г. ею переведены с французского языка письма художника К. С. Петрова-Водкина. В 1950 г. перевела с немецкого языка повесть Г. Келлера «Три праведных гребенщика».¹¹⁸

Летом 1944 г. Любовь Васильевна была командирована Комитетом по делам искусств в Москву и Ярославль, где должна была состояться декада кукольных театров области. Она навестила здесь невестку Наталью Алексеevну, которая с детьми Соней (5 лет) и Петей (1 год) и бабушкой жили в 12 км от Ярославля в деревне Глухово, у ее отца А. В. Князева.¹¹⁹

С февраля 1945 г. Шапорина преподает историю искусств в художественном ремесленном училище № 9. 15 декабря 1945 г. назначается художественным руководителем Кукольного театра при ДOME пионеров и школьников Фрунзенского района.¹²⁰

В 1946 г. возвращаются из эвакуации невестка Наташа с внуками Соней, Петей, бабушкой. Сын Вася остался в Москве.

Окончилась война, нужно было жить дальше. 19 марта 1948 г. она записывает в своем дневнике: «Вернулась сейчас из церкви. Пятница, пели „Да исправится“. — Так я это люблю. Стояла я и мечтала, что в Москве, на месте взорванного Храма Спасителя будет стоять не дворец советов, а великий новый храм Единому Богу, а м<ожет> б<ыть> и Спасителю, построенный с невиданной роскошью всем народом, не изменившим своей вере. Будут там мозаики Мыльниковы,¹²¹ хотелось бы, чтоб и Вася там поработал.

А может быть все мои надежды и мечты лишь марево, бессмысленные сны?»¹²²

В 1948 г. Л. В. Шапорина перерабатывает статью о кукольных театрах Ленинграда, приурочив ее к 30-летию со дня организации первого советского театра марионеток¹²³ для предполагавшегося к выпуску в 1949 г. «Театрального альманаха», который так и не был издан.

В 1950 г. она переводит с итальянского языка научные статьи для геофизической обсерватории. Материально ей живется очень трудно, и эти переводы — хоть какая-то поддержка в бюджете.

Особо следует остановиться на связях Л. В. Шапориной с Пушкинским Домом. 19 апреля 1951 г. она записала в дневнике, что к ней приходил сотрудник Пушкинского Дома А. Ю. Вейс.¹²⁴ Он со-

бирал материалы для своей работы о Е. Я. Данько,¹²⁵ и его направили к ней. А. Ю. Вейс принес с собой письмо от дирекции Пушкинского Дома с просьбой предоставить закупочной комиссии Института имеющиеся у Л. В. Шапориной материалы Е. Я. Данько, и получив их, передал в Рукописный отдел, где они были присоединены к фонду Е. Я. Данько (ф. № 679).¹²⁶

Любовь Васильевна и сама бывала в Пушкинском Доме. В 1955 г. она слушала доклад А. И. Клибанова¹²⁷ о еретике XV в. Иване Черном. Она пишет: «Клебанов (так! — А. Н.) в 2 срока пробыл 12 лет в концентрационном лагере, а осенью этого года, как-то вечером, его вызвали в контору и объявили, что он свободен и может уходить, не имеют права его задерживать. Лагерь был в 60 верстах от Норильска. Он еле упросил, чтобы ему разрешили остаться до утра. Ему пока дали бумагу, где было написано: освобождается за отсутствием обвинения.

И вот, пробыв в последний раз семь лет в ужасающих условиях концентрационного лагеря, с номером на спине и на колене, он сохранил всю силу духа, чтобы продолжить работу, от которой был насильственно оторван в 47 году. <...> В секторе древней русской литературы, где читал свой доклад Клебанов, было человек 12, 15 разного возраста, больше молодых. И мне было так радостно видеть в этих молодых людях такой большой интерес к докладу, такие знания в этой сфере, знаний священного писания».¹²⁸

В апреле 1956 г. в Москве умерла старшая сестра Шапориной Леля, Елена Федоровна. Любовь Васильевна не смогла поехать на похороны, но позже приехала к своим племянницам, Наде и Любе. Отец их, сенатор А. А. Дейша, скончался весной 1918 г. У них была большая квартира на Таврической улице, где было 10 или 12 комнат, не считая комнат для прислуги, и им предлагали покинуть ее и переехать в меньшую. Но мать сдала все имущество на склад и они уехали в Вязьму. Конечно, все имущество пропало, его реквизировали. Л. В. Шапорина всегда считала большой ошибкой переезд в Вязьму, о чем она пишет в дневнике: «Приходится признать, что эту их (детей. — А. Н.) юность и молодость испортила Леля, их родная мать. Как можно было в 18 году переезжать в Вязьму, центр нашего уезда, где Леля была одной из самых богатых землевладеллиц, помещиц. Это было абсолютное недомыслие. Шуру (сына. — А. Н.) там арестовывали 2 раза <...>. Трудно было найти работу, их не брали, слишком известная их фамилия была. С 17 лет (Надя), а Люба с 14 лет стали работать».¹²⁹

Сестра так и не узнала о судьбе братьев и сына Феде, которые жили за границей. Ей не успели дать прочесть переписанное Л. В. Шапориной письмо, полученное от брата Васи. О нем нам известно следующее. До 1894 г. он воспитывался дома. С 1894 г. по 1897 г. — в Виленской классической гимназии. Вася поступил воспитанником в Морской Кадетский корпус 1 сентября 1897 г. В 1903 г. по экзамену зачислен в мичманы в 12 флотский Ее Величества Королевы Эллинов экипаж. В 1903 г. плывал на крейсере 2 ранга «Азия» в должности вахтенного начальника, в 1904 г. на учебном судне «Опричник» в должности исполняющего дела штурманского офицера и слушателем водолазной школы. В 1904 и

1905 г. в должности вахтенного офицера на крейсере I ранга «Аврора» был во внутреннем и заграничном плавании в составе кораблей II эскадры Тихоокеанского флота. Ранен в ногу в Цусимском сражении. В 1906—1909 гг. был во внутреннем и заграничном плавании на броненосце «Слава» водолазным офицером, затем вахтенным начальником и ротным командиром. В 1907 г. произведен в лейтенанты. В 1910 г. плавал на посольском судне «Посадник» в учебно-артиллерийском отряде, и на эскадренном миноносце «Эмир Бухарский». В 1914—1915 гг. состоял в штабе Верховного Главнокомандующего. В феврале 1915 г., ввиду назначения на новую должность, командирован в распоряжение начальника Морского Генерального Штаба.¹³⁰ Затем, как отмечалось выше, в 1917 г. был командирован в Париж, к морскому агенту в качестве специалиста по балканским делам, и на родину больше не возвратился.

Был награжден в 1906 г. светло-бронзовой медалью с бантом в память Русско-японской войны 1904—1905 гг.; в 1907 г. — темно-бронзовой медалью в память плавания в 1904—1905 гг. II Тихоокеанской эскадры вокруг Африки на Дальний Восток; орденами Св. Анны III степени, Св. Станислава III степени с мечами и бантом; в 1908 г. итальянской серебряной медалью за самоотверженные действия при спасении и облегчении участи пострадавших во время землетрясения в Сицилии и Калабрии; в 1915 г. «за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий», награжден орденом Св. Анны II степени.¹³¹

О втором брате, Саше, известно, что он в 1914 г. окончил курс в Императорском училище правоведения и в чине коллежского секретаря определен на службу по ведомству министерства с причислением к нему.¹³² В дневнике Л. В. Шапорина писала, что в 1914 г. Саша служил в Севастополе и был награжден в марте и июне 1915 г. орденами Св. Георгия IV и III степени,¹³³ а также, что он в 1917 г. после плавания из Японии попадает в Мурманск.¹³⁴ После революции он также жил за границей.

В душе Л. В. Шапорина всегда гордилась своими братьями, воевавшими за родину и волею судьбы оторванными от нее, от своих корней,¹³⁵ всегда помнила о них и очень хотела и надеялась с ними увидеться. После Второй мировой войны В. В. Яковлев жил в Лондоне и работал переводчиком, его сын, также В. В. Яковлев, жил в Париже, а брат А. В. Яковлев — в Женеве. Оба они работали синхронными переводчиками в ООН.

В 1957 г. Л. В. Шапорина стала хлопотать о выезде за границу, представила все документы в ОВИР (Отдел виз и регистрации иностранцев), но получила отказ. В течение двух с половиной лет она писала в разные инстанции, пытаясь получить визу в Женеву, и только в 1960 г. ей это удалось. Какая это была для нее радость! Братья — это была та ниточка, которая ее связывала с прошлым, с семьей. 3 августа 1960 г. Шапорина записывает в дневнике: «Я пишу Саше: Чем дальше, тем ярче я чувствую, какое это было для меня большое счастье, побывать в Женеве, пожить со всеми Вами; как будто на какое-то мгновение очутиться в Ларинской столовой, почувствовать ее аромат, настроение. Ведь в Женеве собралась вся наша семья. Вся семья и даже Федя, присоединяющий Лелю. <...>

Сашины знакомые, по-видимому, очень любящие его, встретили меня, как близкую родственницу; эти два с половиной месяца я была окружена такой любовью и лаской, каких не ощущала много, много не только лет, но и десятилетий». ¹³⁶

Поездка к братьям была, пожалуй, самым важным событием в послевоенные годы жизни Л. В. Шапориной. Воспоминание об этом согревало ее до конца жизни. 7 ноября 1962 г. она записывает: «Какое это огромное счастье, даже чудо, — моя поездка в Женеву. Я вновь познакомилась с братьями, с их миром, разыскала своих ближайших подруг детства, с кот<орыми> училась еще в Екатерининском инстит<уте>, Олей Капустянской (Плазовской) и Олей Свечиной (Чухиной). Переписывалась с ними там все время, на западе не приходится ждать ответа по месяцу и больше. И эти два месяца с половиной, проведенные там — как светлый сон, без забот, без огорчений». ¹³⁷

Еще одно событие, которое очень порадовало Л. В. Шапору, это проходивший в июне 1962 г. в Варшаве VIII конгресс Международного союза кукольников, где ее избрали почетным членом УНИМА — UNIMA (Union internationale marionette), организованного в 1929 г. в Праге.

Грамота была очень торжественно передана ей в октябре 1962 г. на собрании секции кукольников. «Конечно, мои заслуги, может быть, и преувеличены, — пишет она в дневнике, — но мне было очень приятно, что меня и мою роль в завоевании у нас права гражданства кукольному театру, не забыли». ¹³⁸

В последние годы жизни Л. В. Шапоруна часто болела, но продолжала работать и над переводами, и над подготовкой к печати, с которой возникли серьезные проблемы, «Хроники моей жизни» И. Ф. Стравинского (книга вышла в 1963 г.).

Очень тяжело Шапоруна переживает смерть Пети (3 ноября 1962 г.), ее правнука — младенца, сына внучки Сони. Это вновь всколыхнуло воспоминания о дочери Алене. Чувствуя, что времени остается немного, она стремится привести в порядок свой архив, в том числе и свои дневники, чтобы передать их в Публичную библиотеку, а также разобрать письма. Работы очень много: Русский музей просит написать об А. П. Остроумовой-Лебедевой, Институт мировой литературы — об А. Н. Толстом, о встречах с ним, ¹³⁹ но силы тают, часто болит сердце.

В 1966 г. умирает А. А. Ахматова, ее давний друг, с которой она была знакома с начала 30-х годов. Запись от 19 марта 1967 г. о ней — последняя в дневнике Шапориной. ¹⁴⁰ В 1966 г. умер и Ю. А. Шапорин.

Л. В. Шапоруна скончалась 17 мая 1967 г. и была похоронена на Серафимовском кладбище в Ленинграде.

Однажды, в 1948 г., она записала в своем дневнике: «Я родилась 9 декабря — праздник „Нечаянной радости“. Всю жизнь я ее прождала, — до глубокой старости. А может быть, я ее не заметила? Может быть, этой „нечаянной радостью“ была та глубокая, подлинная любовь к искусству, красоте, природе, ко всякому проявлению Божественного в человеке, которая дает мне силу жить.

Рим, Бретань, въезд в Погорелое, набережные Сены и Невы — какая настоящая, глубокая радость».¹⁴¹

2

Научно-техническая обработка фонда № 698 (Л. В. Шапориной) была завершена в 1998 г. Документы фонда были распределены по 3 описям: Творческие материалы, документы к биографии, документы о деятельности (оп. 1); Переписка (оп. 2); Материалы родственников, материалы других лиц (оп. 3).

В архиве представлены интереснейшие материалы по истории Кукольного театра. Это статьи Л. В. Шапориной: «Кукольный театр в Петрограде 1918—1924 г.» (1924); «1 декабря 1928 г. Кукольному театру стукнуло 10 лет...» (1928); «Двадцатилетний юбилей Театра марионеток» (1935); «Очерк истории Театра марионеток» (1940); «За вереницей лет» (1940); «Кукольные театры Ленинграда за 25 лет» (1943); «Кукольные театры Ленинграда за 30 лет» (1948) (оп. 1, № 6—12). В «Очерке истории Театра марионеток» Л. В. Шапорина пишет о возникновении и развитии театра с древнейших времен до 1940 г., описываются древнеегипетские, древнегреческие, древнеримские театры, театры средневековых Англии, Франции, Германии, Италии, театры марионеток Востока (Китай, Индия), театры марионеток XVIII—XIX в. в этих странах, русские театры и др.

В остальных статьях (фактически воспоминаниях) дается подробнейшая летопись истории создания, творческого пути, преобразований и реорганизаций первого Театра марионеток в Петрограде. Судьба театра тесно переплетена с судьбами актеров-кукловодов и актеров-чтецов. Среди них Е. Г. Гаккель, Е. И. Грейнер, Л. Ф. Макарьев, А. Н. Николаева, Е. А. Уварова, Э. Г. Фельдт, В. Г. Форшгедт, М. И. Царев и др. Л. В. Шапорина пишет о писателях и драматургах Е. И. Васильевой (Дмитриевой), В. П. Воеводине, К. Э. Гибшмане, Е. Я. Данько, М. А. Кузмине, С. Я. Маршаке, Н. С. Пятницкой, Е. С. Рыссе и др.; о режиссерах Ю. А. Гауше, Н. В. Петрове, С. Э. Радлове, П. П. Сазонове, К. К. Тверском и др.; о художниках и скульпторах, резчиках кукол и архитекторах П. Д. Баженове, Н. А. Барышниковой, Ю. М. Бонди, Е. Н. Давиденко, В. И. Жуковой, О. Ю. Клевере, Е. С. Кругликовой, Н. В. Лермонтовой, С. С. Некрасове, Н. Н. Никифорове, Н. С. Рыболовлеве, А. Серебрякове, Г. С. Толмачеве; о композиторах и музыкантах Д. В. Астроданцеве, Б. Гольце, В. М. Дешевове, И. И. Держинском, Ю. В. Кочурове, С. Н. Митине, В. П. Соловьеве-Седом, Н. М. Стрельникове, Н. А. Тимофееве, Ю. А. Шапорине и др.

Помимо названных материалов, история Театра марионеток отражена в других документах, представляющих также несомненный интерес. Это сценарии кукольных спектаклей за 1919—1943 гг. с пометами и правой рукой Л. В. Шапориной и др. лиц, некоторые со штампом и печатью ленинградского репертуарного комитета, а иные с примечанием «репертком и комитет не пропустили». Часть сценариев сохранилась полностью, в некоторых — только первые

листы (оп. 1, № 35—68): «Жар-птица», «Зеленая птица», «Красная Шапочка», «Цирк Арчибалда Фокса», «Вий», «Сказка про Емелю-дурака», «Цирк», «Бунт зверей», «Петушок Золотой гребешок», «Золоченые лбы», «Кораблекрушение», «Торжественное заседание», «Цирк Шардам», «Чапыгин Алексей», «Золотой ключик», «Машина времени», «Марсолит», «Сказка о царе Салтане», «Две кумы», «Наш звонкий смех врагу опасен...», «Ихний цирк», «Гвоздь программы», «Руслан и Людмила», «Серенада о трех „Завоевателях“», «Настоящий немец», «Сентиментальное воспитание», «Преступник», «Червяк из „Виши“» и др. (всего 34).

Кроме сценариев, в архиве представлены материалы художественного оформления спектаклей. Это эскизы Л. В. Шапориной к «Зеленой птице» (1916?), эскизы костюмов Н. М. Лермонтовой к «Вертепу» и «Вию» (1919), эскизы кукол О. Ю. Клевера к «Руслану и Людмиле» (1936—1937), эскизы декораций палехского художника П. Д. Баженова к «Руслану и Людмиле» и др. (оп. 1, № 69—74).

На множестве фотографий, часть которых размещена в двух альбомах, запечатлены сцены из спектаклей: «Цирк», «Царь Салтан», «Красная Шапочка», «Сказка о Емеле-дураке», «Выбор невесты», «Цирк Арчибалда Фокса», «Жар-птица и Серый волк», «Пряничный домик», «Петушок Золотой Гребешок», «Проделки Скапена» (оп. 1, № 75), «Золоченые лбы», а также «Кот, Лиса и Петух», «Гулливер» и др. (оп. 1, № 76).

Кроме того, в этих альбомах имеются портреты сотрудников театра: Е. Я. Данько, К. П. Коноваловой; Л. В. Шапориной с Е. П. Корчагиной-Александровской, Г. С. Толмачевым и Е. А. Янсон-Манизер; фотографии группы работников театра 1920 г. Среди них М. П. Богданова, Л. С. Вычегжанина, Е. И. Грейнер, Е. И. Жигалова, Л. М. Семенова, А. В. Силина, Л. Тиморева, З. А. и В. А. Устиновы, Е. А. Янсон и др. Представлены также фотографии первого портала Театра марионеток 1919 г. по эскизу Л. В. Шапориной и портала большой стационарной сцены по проекту архитектора С. С. Некрасова (1919—1920).

В архиве имеются также материалы о театре, собранные Л. В. Шапориной: это газетные вырезки со статьями о Театре марионеток, отзывы о спектаклях, афиши и программки театра за 1919—1960 гг. (оп. 1, № 91, 92).

История Театра марионеток предстает также в конкретных документах. Это финансовые документы: сметы на постановку спектаклей, списки ставок и др.; докладные записки о репертуаре кукольного театра, о гастролях; удостоверение кукольному театру в том, что он вошел в состав Петроградского экспериментального театра при институте Живого Слова; расписание репетиций и репертуар Театра марионеток Ленгосэстрады и др. (оп. 1, № 78—90).

Интерес также, на наш взгляд, представляет «График спектаклей кукольных театров Ленинграда за 25 лет» с 1918 по 1943 гг., составленный Л. В. Шапориной. В данном документе указаны поставленные спектакли не только театров под ее руководством, но и всех других, возникших в городе: театра Петрушки под руководством Е. С. Деммени, ленинградского Дома кукольного театра, театра юных строителей им. Выборгского райсовета (Петрушка), те-

атра «Синяя ширма» (Петрушка), театра при Смольнинском райсовете (Петрушка), театра кукол К. С. Раздольской (Петрушка), театр кукол и марионеток Смольнинского дома культуры — художественный руководитель Л. Н. Донина (оп. 1, № 77).

Из материалов, касающихся переводческой деятельности Л. В. Шапориной, в архиве сохранились ее переводы пьес К. Гоцци «Зеленая птица» (1918) и «Любовь к трем апельсинам» (1929); новелл Л. Пиранделло «Рассматривая гравюру», «Распущенный союз», «Глиняный кувшин» (1957), а также «Хроника моей жизни» И. Ф. Стравинского (1950) (оп. 1, № 1—4).

Из биографических материалов, имеющих в архиве, особую ценность представляют дневниковые записи, на которые мы уже неоднократно ссылались (оп. 1, № 24—26). Они сделаны в альбоме, пяти тетрадах, на отдельных листах и листочках. 21 марта 1966 г. Л. В. Шапорина записала в дневнике: «Во время блокады у меня вошло в привычку, где бы я ни была, записывать на отдельных листках увиденное, замеченное, услышанное. Так и до сих пор».¹⁴² Напомним, что записи начинаются с 1898 г., когда Л. В. Шапорина училась в Екатеринбургском институте, и заканчиваются в 1967 г., годом ее смерти. В них она касается явлений культуры, искусства, истории, общественной жизни, в них — воспоминания, раздумья, исторические свидетельства, судьбы знакомых и близких людей в годы репрессий, личное отношение к происходящему. На страницах дневников правдиво отражено время и факты, что проиллюстрировано в настоящей работе выдержками из записей.

Кроме уже названных имен многих известных людей своего времени, деятелей литературного, художественного, театрального и музыкального мира, о которых Л. В. Шапорина писала в данных дневниках, мы еще не назвали имена М. Ф. Андреевой, А. Н. и Н. А. Бенуа, А. А. Блока, В. П. Воеводина, Н. И. Гаген-Торн, А. К. Глазунова, А. Я. Головина, М. Горького, А. Л. Гринича, Л. Н. Гумилева, Н. С. Гумилева, С. И. Дымшиц-Толстой, С. П. Дягилева, А. И. Зилоти, Г. В. Иванова, П. И. Капицы, Э. А. Купера, С. А. Кусевитского, Б. К. Лифшица, Н. А. Морозова, В. П. Некрасова, А. П. Павловой, О. Н. Преображенской, А. М. Ремизова, В. А. Рождественского, З. Е. Серебряковой, О. А. Спесивцевой, И. Ф. Стравинского, Н. М. Стрельникова, С. В. Рахманинова, А. А. Фадеева, К. А. Федина, В. М. Ходасевича, К. И. Чуковского, Г. М. Шилова, В. Я. Шишкова, И. Г. Эренбурга, М. В. Юдиной и др.

Многие записи в дневниках имеют интимный характер. Здесь Шапорина предстает перед нами в своих сложных семейно-бытовых отношениях: боль, горечь, переживания и заботы жены, матери, свекрови, бабушки. Полностью открыть свою душу она могла лишь на страницах дневника. Можно только удивляться мужеству человека, который в такое суровое время постоянно вел дневники и хранил их у себя, конечно же, сознавая, какие это может вызвать последствия, попади они в чужие руки.

Из биографических материалов, кроме трех кратких (двух без окончания) автобиографий, в фонде имеются: транзитная виза в Париж (1924) с фотографией Л. В. Шапориной и детей; свидетель-

ство о смерти (1967); завещание (1958; 1966); поздравительный адрес в день именин кукольного театра и рисунок Е. Я. Якуниной «Антрактовый занавес-тюль к спектаклю „Далекий край“» по пьесе Е. Л. Шварца с дарственной надписью автора в день восьмидесятилетия Л. В. Шапориной (1965); имущественно-хозяйственные документы (1918—1967): удостоверение о зарплате, охранное свидетельство на мастерскую, материалы о продаже картины Э. Изабе «Морской пейзаж» и др. (оп. 1, № 22—31).

Иконография в фонде представлена портретом (силуэтом) Л. В. Шапориной, выполненным Е. С. Кругликовой (1914); фотографическими портретами (17) (1893—1967) и фотографиями с сыном Васей; с Н. Я. Данько; в мастерской А. В. Маковского и др. (9) (1903—1915; б. д.) (оп. 1, № 31—34).

В описи № 2 представлена переписка Л. В. Шапориной. Это письма ее родственникам и другим лицам (оп. 2, № 1—14): В. Ю. Шапорину, сыну (5) (1924—<1962>); Ю. А. Шапорину, мужу (8) (<1924—1952>); С. В. Шапориной, внучке (1) (1961); А. В. Яковлеву, брату (4) (1905—<1965>); В. В. Яковлеву, отцу (3) (1896—<1907>); В. В. Яковлеву, брату (1) (1922); Е. М. Яковлевой, матери (15, 1 тел.) (1895—1930; б. д.). В письмах к отцу она пишет об успехах в учебе в Екатеринбургском институте, в письмах из Парижа — о своей жизни, о том, что работает в мастерской, рисует и пишет красками натурщиков и натурщиц, старается как можно больше приобрести знаний.

Письма к матери после 1918 г. носят, в основном, бытовой характер. Интересно ее письмо от Франции от 25 августа 1908 г., в котором она рассказывает о своей жизни в Париже и о провинции Бретань, куда приехала рисовать. Она описывает старинную часовню XIII века в деревушке Кермари, «на редкость интересную, с раскрашенными деревянными статуями, наивными и трогательными» (оп. 2, № 13, л. 6). Напомним, что результатом этой поездки были две ее гравюры: «Интерьер часовни XIII в. в д. Кермари. Бретань» и «Распятие. Часовня XIII в. Бретань», которые выставались на VII выставке «Нового общества художников».

В письмах к мужу из Парижа <1924—1928?> Л. В. Шапорина спрашивает, получил ли он ее перевод пьесы Л. Пиранделло (повидимому, комедии «Каждый по-своему») и есть ли надежда «его устроить». В письме она просит ничего не исправлять в переводе, говоря об особенностях письма Пиранделло: «Затем — избави тебя Бог исправлять знаки препинанья, — пишет она. — Наивный ты человек! У Пиранделло совсем особая манера писать. Кроме восклицательных знаков и тире, у него почти что нет никаких знаков. Почти всегда фраза нового действующего лица начинается с и маленькой буквы и кончается тоже — без всякой запятой или точки. Я все просмотрела и по возможности сохранила характер языка Пиранделло, у кот<орого> то огромные периоды, то отрывочные фразы» (оп. 2, № 8, л. 2). В письме от 9 июня 1932 г. Л. В. Шапорина сообщает о радости и счастье, с какими она приняла известие о знаменательном событии: весной 1932 г. Симфония Ю. А. Шапорина была показана музыкантам Москвы дирижером А. Коутсом на репетиции в Большом театре. «Первое исполнение

Симфонии, — пишет в своей книге С. И. Левит, — состоялось в Москве 11 мая 1933 г. симфоническим оркестром и хором Большого театра СССР под управлением А. Мелик-Пашаева и хормейстера В. Степанова. В следующем году (12 декабря 1934 г.) она прозвучала в Ленинграде, сначала в Большом зале филармонии в исполнении симфонического оркестра Филармонии и хора Театра оперы и балета под управлением А. Коутса, а затем на Металлическом заводе, где вместо театрального хора пел самодеятельный <...>. Позже А. Коутс с огромным успехом исполнил Симфонию в столицах Австрии, Англии, Чехословакии, Дании и других городах Европы и Америки». ¹⁴³

В письме к брату Васе от 22 октября 1922 г. она интересуется: «Скажи мне — что пишут сейчас французские художники, какое направление победило, футуризм, реализм или импрессионизм? Мне страшно интересно знать, а ты уже, вероятно, бываешь на всех выставках» (оп. 2, № 12, л. 1).

Из писем Л. В. Шапориной к другим лицам — С. С. Гитович (1) (1966); Н. М. Парилкову (1) (1954); О. Свечиной (1) (1966); В. И. Соколову (1) (1927) и Н. С. Тихонову (1) (1954) — остановимся на последнем. Как мы уже не раз отмечали, Шапорина всегда стремилась помочь людям, попавшим в беду. Это еще раз подтверждает письмо Н. С. Тихонову, в котором она просит его как депутата Верховного Совета «посодействовать облегчению участи Вашему бывшему товарищу по перу, Елене Михайловне Тагер» (1895—1964), которая была оклеветана (об этом Л. В. Шапорина писала в своих дневниках) и сослана в 1938 г. на Колыму, затем в Магадан. Приведем выдержку из этого письма: «В 1948 г., отбыв свои 10 лет, Тагер была отпущена и поселилась в Бийске. Прожила там 3 года, освоилась, нашла уроки.

В Бийске началось какое-то крупное строительство. Елена Мих<айловна> была арестована и после пятимесячного пребывания в Барнаульской тюрьме, она была приговорена к пожизненному пребыванию в Сев<ерном> Казахстане, в поселке Мамлютка.

Она оказалась там только в том, что было на ней в момент ареста.

Никакой возможности найти культурный заработок. На весь поселок один ремонтный завод. Тагер поступила туда чернорабочей на окраску деталей. Но работа с тяжелыми металлическими деталями оказалась ей не под силу. Перевели на более легкую работу, но тоже была не под силу большой шестидесятилетней женщине.

Единственное желание Е. М. Тагер — получить разрешение на жизнь в каком-либо городе центральной России, где она могла бы получить работу по своим силам и способностям. Человек она очень талантливый.

Искренно уважающая Вас Л. Шапорина» (оп. 2, № 6, л. 1—1 об.).

Впоследствии Е. М. Тагер разрешено было вернуться в Ленинград.

В одном из писем к брату Саше (после 1964 г.) Шапорина пишет: «У меня к тебе большая просьба: пошли эти стихи моего большого друга, умершей в 1964 г. писательницы Елены Мих<айловны> Тагер, Гл<ебу> Струве, ¹⁴⁴ кот<орый> собирается

издавать ее стихи. Я была единственной ее корреспонденткой во время ее ссылки и почти все стихи, попавшие к Струве, были списаны из ее писем ко мне с 46-го по 57-й гг. (когда Е. М. вернулась в Ленинград), так что прошли почтовую цензуру. Все ее 47 писем переданы мной в Л<енин>гр<адскую> Публичную библиотеку, в некоторых было по 20 сти<хов>, оставила я себе копии. А эти стихи она мне подарила в 60-м г., и я тебе их читала в Женеве. Струве был с ней знаком, кажется, в университетские времена» (оп. 2, № 10, л. 6 об.). Сведениями о том, что этот сборник вышел, мы не располагаем.

Среди корреспондентов Л. В. Шапориной, кроме родственников (оп. 2, № 90—95; 103—108), были художники, поэты, писатели, переводчики, композиторы, музыканты и историки музыки, артисты Театра марионеток (оп. 2, № 1—89; 96—102; 109—111). В архиве хранятся письма В. П. Белкина (1) (1910), Ю. М. Бонди (1) (1919), Е. Э. Борисовой-Мусатовой (8) (1963—1966), Н. Я. Данько (3) (1934—1936), А. М. Жеребцовой (8) (1907—1912), В. И. Жуковой (1) (1923), О. Ю. Клевера (1) (1966), Е. С. Кругликовой (1) (1913), Ф. А. Малявина (1) (1911), А. П. Остроумовой-Лебедевой (6) (1950—1954), Н. М. Парилова (1) (1954), С. С. Познякова (13) (1909—1911), Е. А. Смирновой-Ивановой (2) (1962—1965), И. А. Фомина (8) (1911—1913); А. А. Ахматовой (1 тел.) (1963), Е. И. Васильевой (Дмитриевой) (1) (1924), Е. Я. Данько (7) (1937—1939), жены Е. И. Замятина Л. И. Замятиной (2) (1932), В. А. Рождественского (1) (1956), Е. М. Тагер (5) (1957—1963), Н. С. Тихонова (2) (1954), А. Н. Толстого (2, 1 тел.) (1934—1940), его жены Л. И. Толстой (2) (1945), жены П. Е. Щеголева В. А. Щеголевой (1) (1930); Н. А. Белозерской и ее сестры С. А. Могильницкой (6) (1904—1907), А. И. Иоаннисян (2) (<конец 1920-х—1963>), М. Л. Лозинского (3) (1913—1953), его жены Т. Б. Лозинской (2) (1935—1947), А. А. Смирнова (3) (1913—1923); Богдановых-Березовских (1 тел.) (б. д.), Д. Д. Шостаковича (1) (1948), М. В. Юдиной (1) (1967), Г. А. Римского-Корсакова (7) (1943—1945), его жены Н. И. Римской-Корсаковой (1) (1956); В. Г. Форштедт (2) (1966), Л. Г. Шпет (4) (1964—1965), Е. П. Якуниной (6) (1933—1956) и др.

В большинстве своем это письма сугубо личного, житейского характера, поздравления. Но некоторые из них интересны тем, что в них, как, например, в письмах живописца и графика Анны Михайловны Жеребцовой (1885—после 1927), как дополнительный штрих к биографии, отражены бытовые подробности парижской жизни Л. В. Шапориной 1906—1908 гг., а также довольно обстоятельно освещены культурно-художественные события в Париже 1909—1912 гг. Живя и работая во Франции, А. М. Жеребцова часто выезжала в Россию, Германию, Италию. В один из таких моментов, когда она уезжала в Берлин, ее мастерская перешла на это время в пользование Л. В. Шапориной. В письме Жеребцова просит извинения за то, что оставила свое ателье в беспорядке и просит в ее отсутствие поливать травку в горшке на крыше мастерской и не выбрасывать заржавленных крышек коробок, поскольку будет писать на них, а краска, по ее мнению, лучше ложится на ржавчину. После возвращения Л. В. Шапориной в Россию ее

продолжали интересоваться художественные события, и А. М. Жеребцова писала ей о своих работах, об участии в Осенних салонах, о выставках в Мюнхене, об общих знакомых. С большим сожалением сообщила она и о смерти художника А. Руссо (1844—1910), по ее мнению, самого интересного и оригинального современного художника, биографию которого она собиралась написать (оп. 2, № 38).

Приблизительно к этому же периоду (1904—1908) относятся письма писательницы, историка литературы и переводчицы Надежды Александровны Белозерской (урожд. Ген) (1838—1912) и ее сестры, Софьи Александровны Могильницкой, очень хороших знакомых Л. В. Шапориной. В письмах из Петербурга в деревню, затем в Париж, они подробно описывали общественные настроения в Петербурге в период Русско-японской войны, после сдачи Порт-Артура, а также политическую обстановку в городе в 1907 г., открытие II Государственной Думы, манифестации, которые были разогнаны полицией и казаками и т. д. Важное сообщение пришло Л. В. Шапориной в письме от 30 декабря <1904> г. Ей пишут, что «получено формальное разрешение 80-летнего нашего поэта Алексея Жемчужникова Любовь Васильевне Яковлевой печатать из Кузьмы Пруткова текст для его рисунков. Разрешение писано самим Алексеем Жемчужниковым, так что еще будете иметь в Вашем владении его автограф» (оп. 2, № 22, л. 5). С этим же сюжетом связано письмо Анны Михайловны Арцимович (урожд. Жемчужниковой), сестры поэта, к Н. А. Белозерской (оп. 3, № 140).

Тема кропотливой работы над созданием спектаклей кукольного театра раскрывается в письмах многих корреспондентов Л. В. Шапориной: художника Юрия Михайловича Бонди, где он интересуется, какими красками будет красить Л. В. Шапорина сданный им рисунок, есть ли вообще краски и т. д. (оп. 2, № 26); писательницы Елизаветы Ивановны Васильевой (Дмитриевой), где обсуждаются исправления в текстах спектакля «Жар-птица и Серый Волк» (оп. 2, № 28); писательницы Елены Яковлевны Данько (вот уж воистину документ эпохи), где в одном из них она на десяти страницах (!) «очень подробно и с большим терпением» объясняет свою пьесу «Буратино у нас в гостях» (1937 г.) и то, почему она не может согласиться с предложениями Шапориной, которая, как видно из письма, почему-то не задумывается о том, как нужно осторожно обращаться с обыкновенной детской сказкой, как ее можно искаженно интерпретировать и какие могут быть последствия. Приведем выдержку из этого письма: «По поводу Вашего сценария: если мы хотим показать, что наша страна прекрасна, то нельзя сказку превращать в клевету — Карабас, гастролирующий в СССР — это клевета, нельзя, чтобы Карабас увозил Мальвину в СССР. Одно противоречит другому — в прекрасную страну злодей затаскивает героиню силой! У меня в Прологе действие происходит еще в Карабасовской стране, но уже дана характеристика СССР, как страны „обетованной“, где угнетенные и гонимые находят добро, справедливость и счастье. Туда едут испанские пионеры от ужасов своей родины, там доктора лечат тружеников бесплатно, туда отправляется Мальвина за помощью для папы Карло. Злодей

Карабас должен противиться этому, узнав, что куклы улетели в СССР, он спешит захватить их и вернуть обратно в свою страну, где он силен. Какую характеристику даете Вы нашей стране в Прологе? Наша страна — это страна, куда едут на гастроли злодеи Карабасы, куда негодяи затаскивают силой маленьких девочек, куда едет Буратино спасать Мальвину от ужасов? Вы понимаете, что Вы пишете? Вы говорите, что они едут также „за доктором и за счастьем“. Но это противоречит одно другому. Какое уже „счастье“ в этой стране, если туда едут на гастроли Карабасы во всей силе и славе и продолжают там свои злодеяния так, что зрителям „страшно до самого конца <...>“. Но от дальнейших прений по этому вопросу я отказываюсь, не мое дело учить людей шевелить мозгами, если они этого не желают. Вы решаете — пишу или не пишу я эту пьесу. Е. Я. Данько.

Р. С. Нет ли у Вас в театре какого-нибудь „агента Карабаса“, который нарочно подsunул Вам бессмысленные возражения, чтобы сорвать этот спектакль» (оп. 2, № 33, л. 9—9 об., 10 об.).

В архиве хранится трагический документ — письмо П. Н. Шуриги из г. Ирбит от 24 февраля 1943 г., в котором она сообщает о гибели семьи Е. Я. Данько:

«Уважаемая т. Шапорина.

По поручению директора нашего завода Натана Иосифовича Дикермана сообщаю Вам все, что известно мне о гибели семьи Данько. В феврале 42 г. Натаном Иосифовичем была получена телеграмма из Нижнего Тагила от Наталии Яковлевны, в которой она сообщала о тяжелом положении ее и сестры. Немедленно Натаном Иосифовичем был отправлен в Н. Тагил представитель завода для оказания им помощи. Когда он приехал в Н. Тагил, Елена Яковлевна находилась в больнице, где через 2 дня умерла. Наталия Яковлевна находилась в очень тяжелом состоянии и была привезена им в г. Ирбит в крайней степени истощения. Я встретила Наталию Яковлевну на вокзале и по поручению Натана Иосифовича отвезла ее в больницу, т<ак> к<ак> она нуждалась в немедленной помощи врача. Кроме общего истощения, у нее образовалась гангренозное состояние ноги. В больнице, благодаря исключительной заботе нашего директора, было сделано все, чтобы спасти жизнь Натальи Яковлевны. Рана на ноге стала заживать, но ничего нельзя было сделать, чтобы наладить нормальную деятельность желудка и кишечника.

18/III 42 Наталия Яковлевна умерла. 20/III 42 — состоялись ее похороны на ирбитском кладбище.

Мать Наталии Яковлевны, Ольга Осиповна, умерла в пути.

П. Н. Шурига.

Р. С. Большой радостью было для нас Ваше сообщение о цели рукописи Елены Яковлевны „История фарфорового завода“» (оп. 2, № 100).

У Л. В. Шапориной хранилась рукопись А. Н. Толстого — тетрадь с записями в 1903—1904 годов. После смерти писателя, в 1945 г.

она хотела продать рукопись Гослитиздату. Издательство в лице П. И. Чагина, заместителя директора, вело с ней переговоры (оп. 1, № 96 и оп. 2, № 89). В письмах жены писателя Л. И. Толстой также идет речь об этой рукописи, которую хочет приобрести она и просит также передать ей письма, автографы — все, что есть у Шапориной, чтобы собрать все воедино (оп. 2, № 83). Однако рукопись не была передана ни в Гослитиздат, ни Л. И. Толстой. 5 сентября 1947 г. в письме Института мировой литературы (ИМЛИ) им. А. М. Горького сообщается, что Институт согласен приобрести принадлежащую Л. В. Шапориной рукопись А. Н. Толстого за указанную ею цену (оп. 1, № 93).

Опись 3 составляют документы родственников и других лиц.

Материалов мужа (оп. 3, № 1—33) Л. В. Шапориной, композитора Ю. А. Шапорина, в архиве сохранилось немного. Нотные записи его музыкального наследия отсутствуют. В основном это письма (15) (1931—1944) администрации Государственного драматического театра, Государственного Академического Большого театра, Союза советских композиторов и др. Ю. А. Шапорину по различным вопросам (оп. 3, № 6), программы выступлений Ю. А. Шапорина и программы концертов из его произведений, афиши (оп. 3, № 4), газетные и журнальные вырезки со статьями о Ю. А. Шапорине (оп. 3, № 5), а также его портрет (силуэт) работы Е. С. Кругликовой (оп. 3, № 7); фотографии одиночные и в группе с родственниками; с М. Горьким, А. Коутсом и др. (1920-е—1950-е годы) (оп. 3, № 8, 9).

Письма его родственникам: сыну В. Ю. Шапорину (1) (1935) (оп. 3, № 12); теще Е. М. Яковлевой (1) (1924) (оп. 3, № 13). Среди корреспондентов Ю. А. Шапорина, кроме родственников (оп. 3, № 34, 35, 38): А. Н. Александров (1) (1921); В. М. Богданов-Березовский (2) (1932); А. Б. Мариенгоф (1) (1934); Н. И. Римская-Корсакова (1) (1933); Г. А. Римский-Корсаков (3) (1933); К. А. Федин (1) телеграмма (б. д.); Д. Д. Шостакович (1) (1933); В. А. Щеголева (1) (б. д.) и др. (оп. 3, № 15—33, 36, 37, 39).

Из этих писем остановим свое внимание на письме А. Б. Мариенгофа от 7 января 1934 г.¹⁴⁵ (оп. 2, № 23):

«Дорогой Юрий Александрович!

БДГ¹⁴⁶ пьесу у меня взял. Тверской, вслед за Монаховым,¹⁴⁷ всячески приветствует Вашу к ней будущую музыку.

Работать комедию они начнут с апреля, потом два месяца поездки продолжают репетировать — и намечают выпуск: в самом начале будущего сезона.

Сдавать музыку можно будет по-актно. Одновременно с этим письмом посылаю Вам экземпляр пьесы. В ней — пять новых песенок и значительных купюр в тексте, по сравнению с тем вариантом, который Вы слышали.

Впрочем, мне кажется, Юрий Александрович, что Вам у Кога-на¹⁴⁸ не очень-то слушалось. Я себя тещу мыслью, что виной тому не столько моя вещь, сколько моя водка, да еще морозец сверху, так сказать, легкий. Так вот, к Вам просьба: не поленись и, пожалуйста, еще разок прочтите „Штаны св. Грифона“.

А 11-го, в пять с половиной, жду Вас к себе обедать.

Потолкуем с Вами обо всем и к 8 заглянем в театр.
Так приезжайте же, Юрий Александрович. Я Вам как-то звонил по телефону, но не застал.
Очень приветствую.

С теплом Ваш Мариенгоф.

Анна Борисовна¹⁴⁹ бьет Вам поклон».

Очень интересен сам факт, что театр взял пьесу. Для автора письма это было время непростое. «В 30-е годы Мариенгоф почти не печатается,— пишет Б. В. Аверин,— его постепенно забывают читатели и издатели. Он пытается искать новые формы, обращается к „объективному“ жанру — драматургии».¹⁵⁰ Некоторые произведения, как отмечает Аверин, в том числе пьесы, «пока еще не известны широкому читателю», а возможно и исследователю.

Известно, что Ю. А. Шапорин стоял у истоков Большого драматического театра. Председатель Директории театра А. А. Блок пригласил его руководить музыкальной частью, и с тех пор Ю. А. Шапорин стал основным композитором и дирижером театра. Он проработал там с 1919 по 1932 г. и написал много музыки к различным спектаклям. С 1930 г. композитор не писал музыку для БДТ,¹⁵¹ тем более интересно предложение А. Б. Мариенгофа. Но, по-видимому, этот проект не осуществился, сведений о том, что Ю. А. Шапорин написал музыку и что спектакль состоялся, не обнаружено. В 1935 г. К. К. Тверской был выслан в Саратов, незаконно репрессирован, пропал без вести. Реабилитирован посмертно.

В архиве представлены материалы детей Л. В. Шапориной: сына, театрального художника В. Ю. Шапорина (оп. 3, № 40—44)— афиши спектакля Государственной Студии киноактера «Софья Ковалевская» и театра Северного флота «Дни и ночи» (оп. 3, № 41); фотографии его одиночные и в группе с Н. А. Толстым и Н. Крыловым (оп. 3, № 42, 43); дочери, Е. Ю. Шапориной — свидетельство о рождении, смерти и некролог, фотография (оп. 3, № 45, 46).

В фонде также находятся фотографии внуки, С. В. Шапориной (в первом браке Щербаковой, во втором Кезиной) (оп. 3, № 49, 50).

Есть в архиве материалы отца, В. В. Яковлева, матери Е. М. Яковлевой; братьев А. В. Яковлева и В. В. Яковлева; сестры Е. Ф. Ненарокомовой (в замужестве Дейша). Это родственная переписка, имущественно-хозяйственные документы, фотографии и др.

В разделе «Материалы других лиц» отложился комплекс материалов композитора и дирижера Гавриила Яковлевича Юдина (оп. 3, № 115—120), который во время учебы в Петроградской консерватории много занимался общественной работой в академической секции отдела теории композиции, документы деятельности которой, как и документы самого Г. Я. Юдина, здесь и представлены: билет действительного члена Русского общества любителей мироведения (1919); анкета слушателей симфонических концертов Государственной Академической филармонии (б. д.); «Класс практического контрапункта» профессора А. М. Житомирского (1918—

1924), экзаменационные работы; протокол заседаний академической секции отдела теории композиции (1924); афиши оперной студии Ленинградской консерватории, извещения о вечерах музыки (1925—1926) и др.

В архиве также сохранились копии стихотворений Н. С. Гумилева «В час вечерний, в час заката...»; Е. Я. Данько «К А...ой», «Фарфоровая чашка»; Н. П. Огарева «Юноше»; И. Л. Сельвинского «О моем современнике» и др. (оп. 3, № 92, 93, 97, 100); фотографии М. С. Бегичевой, Е. Я. Данько, С. П. Дягилева, Е. И. Замятина с Л. И. Замятиной, Е. С. Кругликовой, Ф. А. Малявина, П. Е. Щеголева, И. Ф. Стравинского (с портрета Робера Делоне), Е. П. Якуниной и др. (оп. 3, № 125—139).

Пытаясь воссоздать биографию Л. В. Шапориной, используя материалы ее архивного фонда, мы, конечно, не могли отразить всех фактов, да и не преследовали этой цели. В полной мере ее жизнь, тесно связанная с судьбами интеллигенции в дореволюционный и советский периоды, раскроется перед нами только после публикации ее дневников. Материалы ее архива, несомненно, будут интересны не только исследователям истории кукольных театров, но и широкому кругу специалистов в области отечественной культуры.

¹ Здесь хранятся 29 ее дневников с 1919 по 1957 год. Дневники готовятся к публикации сотрудником Отдела рукописей РНБ В. Ф. Петровой. Ею будут опубликованы и дневники, хранящиеся в фонде Л. В. Шапориной в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 698, оп. 1, № 24, 26, № 25 — частично). Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность Валентине Федоровне за любезное разрешение ознакомиться с дневниками и использовать недостающие материалы для составления биографии Л. В. Шапориной, а также за разрешение цитировать отрывки из дневников в качестве иллюстраций для изложенных фактов. Частично материалы дневников за 1930—1950 гг., касающиеся А. А. Ахматовой, были опубликованы В. Н. Сажиным в «Ахматовском сборнике» (Париж, 1989. № 1. С. 205—213). В 1995 г. в Нью-Йорке была выпущена книга: «Soviet Diaries of the 1930-s. Intimacy and Terror / Edited by Veronique Garros, Natalia Korenevskaja and Thomas Lahusen» (New York, 1995), где в переводе на английский язык, кроме дневников еще девяти авторов, были опубликованы (с купюрами) и дневники Л. В. Шапориной за 1935—1939 годы, хранящиеся в РНБ.

² В документах даны разные годы рождения Е. М. Яковлевой. В «Деле второго департамента министерства юстиции. Отделение личного состава. II делопроизводство. О службе бывшего члена Петербургской судебной палаты Яковлева Василия Васильевича» сообщается: «Жена Елена Михайловна Ненарокова (вдова ст. сов.). Родилась в Минске в 1852 г.» (см.: РГИА, ф. 1405, оп. 545, № 15547, л. 1 об.). В «Формулярном списке о службе бывшего члена С.-Петербургской судебной палаты д. с. с. Василия Васильевича Яковлева» читаем: «Женат на вдове ст. сов. Елене Михайловне Ненароковой, род. 5 дек. 1854 г.» (см.: РГИА, ф. 1405, оп. 526, № 1935, л. 2).

³ РНБ, ф. 1086, № 4, л. 5.

⁴ Там же, № 6, л. 15.

⁵ РГА ВМФ, ф. 432, оп. 5, № 8278, л. 6.

⁶ В фонде Л. В. Шапориной сохранилось письмо Дома-музея П. И. Чайковского в Клину, в котором приносится благодарность за переданные туда материалы. В письме, в частности, говорится: «Управление Дома-музея П. И. Чайковского в Клину приносит Вам благодарность за переданные Вами в дар Дому-музею журналы об успехах воспитанников Училища правоведения 1855, 1856 и 1857 гг.; карикатурные зарисовки на учащихся Вашего отца, товарища Петра Ильича Чайковского.

В. В. Яковлева и портрет Вашего отца Василия Васильевича Яковлева» (см.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 101, л. 1). См. также список учеников I выпускного класса Училища правоведения в кн.: *Кописская Л. М.* Чайковский в Петербурге. Л., 1974. С. 51.

⁷ О передвижении по службе см. «Формулярный список...» (РГИА, ф. 1405, оп. 526, № 1935).

⁸ РГИА, ф. 1405, оп. 545, № 15547, л. 70—71.

⁹ Там же, л. 77.

¹⁰ Там же, оп. 526, № 1935.

¹¹ РНБ, ф. 1086, № 18, л. 43—43 об.

¹² См.: Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. М., 1980. Т. 3. С. 430.

¹³ См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 23.

¹⁴ См.: Там же, № 22.

¹⁵ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 24, л. 59 об.; там же, л. 62.

¹⁶ РНБ, ф. 1086, № 2, л. 16 об.

¹⁷ Там же, № 7, л. 40.

¹⁸ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 24, л. 23 об.

¹⁹ Там же, л. 11 об.—12 об.

²⁰ Там же, л. 18 об.

²¹ Там же, л. 20.

²² Там же, л. 22 об.—23.

²³ Там же, л. 33 об.

²⁴ Там же, л. 60 об.

²⁵ РНБ, ф. 1086, № 2, л. 85 об.—86.

²⁶ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 24, л. 31.

²⁷ Там же, л. 19 об.

²⁸ В 1899—1901 гг. в Северном Китае произошло восстание крестьян и городской бедноты, так называемое «Боксерское восстание». Россия в союзе с другими западными странами приняла участие в его усмирении.

²⁹ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 24, л. 40.

³⁰ Там же, л. 46—46 об.

³¹ Там же, л. 59.

³² Там же, л. 62.

³³ *Маковский Александр Владимирович* (1869—1924) — пейзажист, портретист, мастер жанровой живописи, сын В. Е. Маковского. В автобиографии Л. В. Шапорина пишет также, что живописи и рисованию она училась у проф. Д. Н. Кардовского (см.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 23). По-видимому, она занималась в его частной мастерской уже после школы А. В. Маковского. *Кардовский Дмитрий Николаевич* (1866—1943) — живописец, график, театральный декоратор, педагог.

³⁴ *Маковский Владимир Егорович* (1846—1920) — живописец, академик.

³⁵ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 24, л. 67 об.—68.

³⁶ Там же, л. 69.

³⁷ Там же, л. 72.

³⁸ РНБ, ф. 1086, № 10, л. 6.

³⁹ Цусимское сражение (1905), решающее морское сражение русско-японской войны (1904—1905), произошло в Восточном (Крузенштерна) проходе Корейского пролива, вблизи островов Цусима, между русским и японским флотами. Сражение было проиграно, русский флот понес тяжелые потери. Нескольким кораблям удалось прорваться во Владивосток, Шанхай и Манилу (столица Филиппин). См.: Морской энциклопедический словарь. СПб., 1994. Т. 3 (Р—Я). С. 377—378.

⁴⁰ Яковлев Василий Васильевич, в должности вахтенного офицера «со второго октября 1904 г. по 14 мая 1905 г. находился в походе против японцев на крейсере I ранга „Аврора“ во 2-ой эскадре флота Тихого океана. 14 мая 1905 г. участвовал в морском сражении с японцами в Корейском проливе. Ранен в ногу» (см. полный список лейтенанта Василия Яковлева. РГА ВМФ, ф. 406, оп. 9, № 4943, л. 4 об.).

⁴¹ См.: РНБ, ф. 1086, № 13, л. 25.

⁴² РНБ, ф. 1086, № 4, л. 5—5 об.

⁴³ *Кругликова Елизавета Сергеевна* (1865—1941) — художник-гравер.

⁴⁴ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 13, л. 2—3 (В Париже у Кругликовой). Опубл.: Елизавета Сергеевна Кругликова. Жизнь и творчество. Сборник. Л., 1969. С. 68—70.

⁴⁵ *Гумилев Николай Степанович* (1886—1921) — поэт, беллетрист, критик, переводчик.

⁴⁶ Волошин Максимилиан Александрович (1877—1932) — поэт, художественный и литературный критик, художник-акварелист.

⁴⁷ Толстой Алексей Николаевич (1883—1945) — писатель. О встречах Л. В. Шапориной с ним, с Н. С. Гумилевым и М. А. Волошиным см.: Шапорова Л. В. В Париже у Кругликовой // Елизавета Сергеевна Кругликова. Жизнь и творчество. С. 68.

⁴⁸ La Palette — частная академия живописи, в данный период директором являлся Жорж Девальер. См. также: Рукописный отдел Государственного Русского музея (ГРМ), ф. 118 (В. П. Белкина), № 13, л. 52, где упоминаются имена преподавателей академии.

⁴⁹ Белкин Вениамин Павлович (1884—1951) — художник-график; Костенко Константин Евтихевич (1879—1956) — художник-график, искусствовед; Широков Михаил А. — живописец; Чеховская Ольга Георгиевна (1888—1969) — художница; в первом браке замужем за К. Е. Костенко, во втором — за А. А. Смирновым, литературоведом-медиевистом, переводчиком.

⁵⁰ Борисова-Мусатова Елена Эльзидифоровна, сестра художника Борисова-Мусатова Виктора Эльзидифоровича (1870—1905). Шапорова познакомилась с ней в Париже в 1907 г., где та изучала прикладное искусство, вышивала.

⁵¹ РНБ, ф. 1086, № 21, л. 33 об.—34.

⁵² РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 28, л. 1; Всероссийское общество поощрения художеств — с 1820 по 1882 ОПХ, с 1882 до 1917 Имп. ОПХ. Основной задачей являлось оказание поддержки одаренным художникам и поощрение развития изысканных искусств в России. В 1930 г. прекратило свое существование. См.: Лейкинд О. Л., Северюхин Д. Я. Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820—1932). Справочник. СПб., 1992. С. 177—182.

⁵³ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 25, л. 67 об.; Матэ Василий Васильевич (1856—1917) — художник-гравер, педагог.

⁵⁴ Новое общество художников возникло в 1904 г. по инициативе Д. Н. Кардовского, целью общества было поддерживать заканчивающих и только что окончивших Академию Художеств живописцев, скульпторов и архитекторов. Выставки — с 1904 по 1917 гг. См.: Подобедова О. И. Дмитрий Николаевич Кардовский. М., 1957. С. 33.

⁵⁵ «Мир искусства» — художественное объединение, организованное в 1898 г. в Петербурге, куда вошли члены кружка молодых художников и любителей искусства во главе с А. Н. Бенуа и С. П. Дягилевым. Художники были членами «Союза русских художников». В результате разногласий, в 1910 г. А. Н. Бенуа и еще 17 петербургских художников (Л. С. Бакст, И. Я. Билибин, И. Э. Грабарь, Б. М. Кустодиев, М. В. Добужинский и др.) вышли из союза и возродили общество художников «Мир искусства». Выставки — с 1911 по 1927 гг. См.: Лейкинд О. Л., Северюхин Д. Я. Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820—1932). Справочник. СПб., 1992. С. 115—119; Лапина Н. П. «Мир искусства». Очерки истории и творческой практики. М., 1977. С. 245.

⁵⁶ Остроумова-Лебедева Анна Петровна (1871—1955) — художник-график, мастер акварели.

⁵⁷ См.: ОР ГРМ, ф. 195, № 38, л. 157 (Сурис Б. Д. «...Больше, чем воспоминания. Письма ленинградских художников 1941—1945»).

⁵⁸ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 16—21.

⁵⁹ См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 14 («Воспоминания о Сапунове»).

⁶⁰ Алтаев М. В., Гунст Е. А. Николай Николаевич Сапунов. М., 1965. С. 45. См. также: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 2, № 32 — письмо Е. А. Гунста Л. В. Шапориной, где он благодарит ее за воспоминания о Н. Н. Сапунове и надеется, что его маленькая монография увидит свет.

⁶¹ РНБ, ф. 1086, № 3, л. 53 об.—54.

⁶² См.: РНБ, ф. 1086, № 4, л. 34.

⁶³ См.: Левит С. И. Юрий Александрович Шапорин. Очерк жизни и творчества. М., 1964.

⁶⁴ РНБ, ф. 1086, № 29, л. 32 об.

⁶⁵ РО ИРЛИ, ф. 698, № 24, л. 62 об. — 63.

⁶⁶ РНБ, ф. 1086, № 28, л. 80 об.

⁶⁷ РНБ, ф. 1086, № 1, л. 3.

⁶⁸ Кожебаткин Александр Мелентьевич (1894—1942) — издатель, владелец московских издательств «Мусагет» и «Альциона».

⁶⁹ См.: РНБ, ф. 1086, № 1, л. 37.

- ⁷⁰ *Лидия Ивановна Журьяри (в первом браке Овчинникова)* — дочь потомственно-дворянина, статского советника. См.: РГА ВМФ, ф. 406, оп. 9, № 4943, л. 10 об.
- ⁷¹ См.: РНБ, ф. 1086, № 1, л. 24 об.
- ⁷² См. там же л. 38 об. Гусевский дом — собственный дом отца Л. В. Шапориной. В прошении об определении сына своего В. Яковлева в училище Правоведения он сообщает: «Жительство имею постоянно в С.-Петербурге Литейной части собственном доме № 211/4 у Знамение (Знаменской церкви — А. Н.) по Гусеву переулку» (см.: ЦГИА СПб., ф. 355, оп. 1, № 3720, л. 1).
- ⁷³ *Петров Николай Васильевич* (1890—1964) — режиссер.
- ⁷⁴ *Тверской Константин Константинович* (наст. фам. Кузьмин-Караваев) (1890—1944?) — режиссер, педагог, критик.
- ⁷⁵ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 7, л. 1—2.
- ⁷⁶ Там же, № 9, л. 1—2.
- ⁷⁷ См.: *Смирнова Н. И.* Советский Театр кукол. 1918—1932. М., 1963. С. 102.
- ⁷⁸ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 25, л. 5.
- ⁷⁹ *Васильева (урожд. Дмитриева) (псевд. Черубина де Габриак) Елизавета Ивановна* (1887—1928) — поэтесса, переводчица, детская писательница.
- ⁸⁰ См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 77, л. 5 (График спектаклей кукольных театров Ленинграда за 25 лет).
- ⁸¹ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 23, л. 1.
- ⁸² См.: РНБ, ф. 1086, № 6, л. 16.
- ⁸³ См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 25, л. 67—67 об.
- ⁸⁴ РНБ, ф. 1086, № 2, л. 4.
- ⁸⁵ Там же, л. 86 об.—87.
- ⁸⁶ См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 3, № 45, л. 2 (Свидетельство о смерти Е. Ю. Шапориной).
- ⁸⁷ См.: РНБ, ф. 1086, № 3, л. 42.
- ⁸⁸ Там же, л. 51 об.
- ⁸⁹ См.: РНБ, ф. 1086, № 4, л. 16 об.
- ⁹⁰ См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 12, л. 66. *Андроников Ираклий Луарсабович* (1908—1990) — писатель, литературовед.
- ⁹¹ *Брюллов Александр Павлович* (1798—1877) — архитектор.
- ⁹² *Брюллов Карл Павлович* (1799—1852) — живописец.
- ⁹³ См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 25, л. 107, 108.
- ⁹⁴ Там же, л. 15—16.
- ⁹⁵ *Радлов Сергей Эрнстович* (1892—1958) — режиссер.
- ⁹⁶ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 25, л. 15.
- ⁹⁷ Там же, л. 87.
- ⁹⁸ См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 77 (График спектаклей).
- ⁹⁹ См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 12 (Кукольные театры Ленинграда за 25 лет).
- ¹⁰⁰ См.: РНБ, ф. 1086, № 6, л. 1.
- ¹⁰¹ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 26, л. 4 об.
- ¹⁰² См.: РНБ, ф. 1086, № 16, л. 9 об.—10.
- ¹⁰³ РНБ, ф. 1086, № 27, л. 42 об.—43 об.
- ¹⁰⁴ Там же, № 6, л. 5 об.
- ¹⁰⁵ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 10.
- ¹⁰⁶ См.: *Левит С. И.* Юрий Александрович Шапорин.
- ¹⁰⁷ РНБ, ф. 1086, № 16, л. 9 об.
- ¹⁰⁸ РНБ, ф. 1086, № 13, л. 49.
- ¹⁰⁹ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 11.
- ¹¹⁰ См.: РНБ, ф. 1086, № 10, л. 11 об.—12
- ¹¹¹ См.: ОР ГРМ, ф. 195, № 38, л. 121 (Сурис Б. Д. «...Больше, чем воспоминанья...»).
- ¹¹² См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 23 (Автобиография).
- ¹¹³ Там же, л. 2, 3.
- ¹¹⁴ *Лозинский Михаил Леонидович* (1886—1955) — писатель, переводчик.
- ¹¹⁵ *Стравинский Игорь Федорович* (1882—1971) — композитор, дирижер. См.: *Стравинский И. Ф.* Хроника моей жизни / Пер. Л. В. Яковлевой-Шапориной; Статья и общая редакция В. М. Богданова-Березовского. Л., 1963.
- ¹¹⁶ РНБ, ф. 1086, № 11, л. 14—14 об.
- ¹¹⁷ *Дилакторская Наталья Леонидовна* (1904—1989) — писательница.
- ¹¹⁸ РО ИРЛИ, ф. 1086, оп. 1, № 23, л. 3.

- ¹¹⁹ См.: РНБ, ф. 1086, № 12, л. 5—6.
¹²⁰ См.: РНБ, ф. 1086, № 13, л. 49 об.
¹²¹ *Мильников Андрей Андреевич* (р. 1919) — живописец.
¹²² РНБ, ф. 1086, № 16, л. 40.
¹²³ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 12.
¹²⁴ *Вейс Александр Юльевич* (1903—?) — сотрудник Пушкинского Дома с 1947 по 1956 г. Сферой его научных интересов являлись жизнь и творчество декабристов.
¹²⁵ *Данько Елена Яковлевна* (1898—1942) — писательница, живописец на фарфоровом заводе.
¹²⁶ РНБ, ф. 1086, № 21, л. 16. Сведений, что эта работа состоялась, не обнаружено.
¹²⁷ Доклад состоялся 23 февраля 1955 г. См.: Научные заседания Сектора древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР с янв. 1955 по май 1956 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 653.
¹²⁸ РНБ, ф. 1086, № 27, л. 43 об.
¹²⁹ РНБ, ф. 1086, № 28, л. 68 об.
¹³⁰ См.: РГА ВМФ, ф. 406, оп. 9, № 4943, л. 2 об.—23 (Полный послужной список лейтенанта В. Яковлева).
¹³¹ Там же, л. 8, 23.
¹³² См.: «Дело второго департамента министерства юстиции. Отделение личного состава. 6-е делопроизводство. О службе причисленного к министерству юстиции Александра Яковлева» (РГИА, ф. 1405, оп. 545, № 15542, л. 1).
¹³³ РНБ, ф. 1086, № 28, л. 66.
¹³⁴ РНБ, ф. 1086, № 6, л. 16.
¹³⁵ См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 26, л. 20.
¹³⁶ Там же, л. 19 об.—22.
¹³⁷ Там же, л. 23.
¹³⁸ Там же, л. 81.
¹³⁹ Там же, л. 83—84.
¹⁴⁰ Там же, л. 58—59.
¹⁴¹ РНБ, ф. 1086, № 16, л. 25.
¹⁴² РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 26 л. 80 об.
¹⁴³ *Левит С. И.* Юрий Александрович Шапорин. С. 132—133.
¹⁴⁴ *Струве Глеб Петрович* (1898—1985) — историк литературы, критик, переводчик, поэт.
¹⁴⁵ *Мариенгоф Анатолий Борисович* (1897—1962) — поэт, прозаик, драматург, меценат.
¹⁴⁶ БДТ — Большой драматический театр им. Горького в Ленинграде. В 1929—1935 гг. главным режиссером и художественным руководителем театра был К. К. Тверской (см. прим. 74).
¹⁴⁷ *Монахов Николай Федорович* (1875—1936) — актер, народный артист РСФСР (1932). Принял участие в организации БДТ в Петрограде.
¹⁴⁸ Предположительно это *Коган Петр Семенович* (1872—2.V.1932) — литературовед, театровед; а читка предыдущего варианта пьесы, возможно, проходила зимой или ранней весной 1932 г.
¹⁴⁹ *Никритина Анна Борисовна* (1900—1982) — актриса Камерного, а затем Большого драматического театров, жена А. Б. Мариенгофа.
¹⁵⁰ *Мариенгоф А. Б.* Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги / Сост., подгот. текста и послесловие Б. В. Аверина. Л., 1991. С. 478—479.
¹⁵¹ *Левит С. И.* Юрий Александрович Шапорин. С. 58—59.

ПИСЬМА Е. М. ФЕОКТИСТОВА К И. С. ТУРГЕНЕВУ (1851—1861)

Часть I
(21 февр. 1851—29 марта 1852)

Публикация Э. Г. Гайнцевой

Публикуемые письма принадлежат Евгению Михайловичу Феоктистову (1828 или 1829—1898) — крупному чиновнику, журналисту, историку, автору известных мемуаров.

Наиболее значительные вехи в карьере Феоктистова связаны с Петербургом, куда он переехал в 1862 г. Многие годы он служил в Министерстве народного просвещения, вначале чиновником особых поручений при министре А. В. Головнине, одновременно читая курс всеобщей истории в Николаевской академии генерального штаба, позже, с 1871 г., по распоряжению министра народного просвещения Д. А. Толстого, в течение почти двенадцати лет исполнял обязанности редактора «Журнала Министерства народного просвещения», при участии своего ближайшего помощника Л. Н. Майкова. С 1 января 1883 г., по рекомендации возглавившего Министерство внутренних дел Толстого, он стал начальником Главного управления по делам печати, сменив на этом посту П. П. Вяземского, а затем с весны 1896 г., назначен сенатором по Гражданскому кассационному департаменту. Все эти годы — с момента приезда в Петербург — Феоктистов продолжал начавшееся еще в Москве сотрудничество с М. Н. Катковым, печатая на страницах «Московских ведомостей», «Русского вестника» фрагменты задуманной им книги «Материалы для истории просвещения России» и статьи, посвященные по преимуществу политической истории России, Западной Европы и восточному вопросу.¹

Получив в конце 1882 г. известие о переменах в России, в частности, о грядущем перемещении Феоктистова на пост начальника Главного управления по делам печати, Тургенев за несколько месяцев до смерти занес в дневник (запись от 12 января 1883 / 31 декабря 1882 г.) едкие строки, сгущенные предчувствием

¹ См.: Д. Я<зыков>. Памяти Е. М. Феоктистова // Московские ведомости. 1898. 18 июня, № 165. С. 4; Майков Л. Е. М. Феоктистов (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. № 8. С. 37—40 (отд. «Современная летопись»).

собственной кончины и надвигающейся на страну катастрофы: «У нас в России всё мрачней и мрачней. Феоктистова (этого архимерзавца!) сделали начальником над печатью. — Михайловского и Шелгунова выслали... Кавелин опять занемог, Гончаров окривел».² Отвечая на парижское письмо Тургенева от 29 декабря 1882 г. (10 января 1883), в котором рассказывалось о полученных из России тяжелых известиях,³ П. В. Анненков на страницах письма от 3(15) января 1883 г. набросал памфлетный образ нового «шефа цензуры»: «Я его видел летом в Петербурге: он уже приготовился к посту, окормленный кровавым мясом, скрежеща зубами, свирепый и выдержанный, как собака-волкодав. Вяземский совсем и не был болен, а притворился больным, чтобы уйти от новых цензурных уставов».⁴ В свою очередь Феоктистов, несколькими годами позже, в 1887 г., в «тургеневской» главе своих воспоминаний создал остро критические портреты Тургенева и В. П. Боткина.⁵ Между этими оценками и публикуемыми письмами, подводившими черту под многолетними отношениями, пролегло более двух десятилетий, резко разделивших русское общество.

Письма Феоктистова относятся к московскому периоду его жизни (позже он скажет: «я был истый москвич...») и охватывают ранний период его знакомства с Тургеневым: первое письмо датировано 21 февраля 1851 г., авторская помета на последнем, написанном в канун переезда в Петербург — 24 декабря 1861 г. В эту пору Феоктистов кандидатом закончил Московский университет (1847—1851), где на юридическом факультете с особым увлечением слушал лекции Т. Н. Грановского и П. Н. Кудрявцева. По воспоминаниям К. Н. Бестужева-Рюмина (однокашника Феоктистова), на втором курсе государственного права «мы не слушали по случаю выхода в отставку Редкина, а логики — по болезни Каткова. Зато слушали Грановского, который читал среднюю историю, и Кудрявцева, читавшего новую. Курс Грановского отличался изяществом построения, сжатою картинностью изложения. Это были очерки, но до того мастерские, что трудно приблизить к ним чье-либо изложение. Высокое благородное чувство всегда отличало Грановского и много способствовало развитию слушателей. Изложение Кудрявцева значительно отличалось от изложения Грановского: оно было фактичнее, а главное — изобиловало психологическим анализом...».⁶ Уже студентом Феоктистов вошел в кружок Грановского, сбли-

² Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1983. Т. 11. С. 207. Далее: *Т. Сочинения (2-е изд.)*; *Т. Письма (2-е изд.)*. О новых событиях в России, по мнению И. С. Зильберштейна, оповестил Тургенева в недошедшем до нас письме М. Е. Салтыков-Щедрин. См.: Из Парижского архива И. С. Тургенева. Кн. 1. Незвистные произведения И. С. Тургенева. М., 1964. С. 409 (Лит. наследство; Т. 73, кн. 1). Далее: *ЛН. Т. 73, кн. 1*.

³ Тургенев сообщал: «А у нас-то — экая тишь и благодать! Михайловского и Шелгунова выслают из столицы, Феоктистова сажает владычествовать печатью, Кавелин опять опасно заболевает, Гончаров окривел на один глаз, Победоносцев не идет в монастырь, хотя жена его сделала рогносцем...» (*Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1968. Т. 13, кн. 2. С. 144*). Далее: *Т. Письма (1-е изд.)*.

⁴ См.: *ЛН. Т. 73, кн. 1. С. 409*.

⁵ См.: Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы. 1848—1896 / Редакция и примечания Ю. Г. Оксмана; Вводные статьи А. Е. Преснякова и Ю. Г. Оксмана. Л.: Прибой, 1929. С. 1—35. Далее: *Феоктистов*.

⁶ Воспоминания К. Н. Бестужева-Рюмина (до 1860) / Изданы академиком Л. Н. Майковым. СПб.: тип. имп. Академии наук, 1900. С. 23. Далее: *Бестужев-Рюмин*; также см.: *Шмулло Е. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829—1897*. Юрьев, 1899. Гл. III («Университет»). С. 29—49.

зился с Кудрявцевым, а через него с М. Н. Катковым.⁷ Вскоре по выходе из университета в «Современнике» появились его первые работы.⁸

В доме Грановского в 1849 г. Феокистов познакомился с графиней Елизаветой Васильевной Салиас де Турнемир, урожденной Сухово-Кобылиной (Евгения Тур), и получил приглашение на место гувернера ее детей. Отношение Феокистова к Салиас в эти годы отличала та же несколько экзальтированная восторженность, которая определяла и общий тон его общения с Тургеневым. В феврале 1852 г. он делился с Бестужевым-Рюминым: «Я ее ужасно люблю, <...> — я скажу более, она для меня необходима, как воздух необходим для существования человека. Если когда-нибудь судьба разлучит нас, то жизнь моя — если не кончится в нравственном смысле, то все-таки перенесет эту разлуку с большими ущербами. Но не дай Бог, чтобы это случилось, тем более, что в последнее время отношения наши стоят твердо и даже мелкие неприятности и ссоры редко случаются».⁹ 12 сентября 1852 г. он писал Тургеневу из Крыма: «Служба будет мне приятна, потому что она здесь не отлучает меня от графини. Видя ее теперь постоянно больною, я еще сильнее привязываюсь к ней и все более понимаю, сколько истинно отличного и благородного лежит в ее натуре». (Письма после 29 марта 1852 г. составят вторую часть нашей публикации.) Позже Феокистов, сохраняя к Салиас и ее семейству дружеское расположение, тем не менее будет более сдержан и критичен в суждениях о своей покровительнице.¹⁰ Но если в воспоминаниях Феокистов сквозь многолетний и горький опыт пережитого создал образ Салиас, объективно в чем-то смыкающийся с тургеневскими памфлетными персонажами Суханчиковой и Хавроньей Прышовой, то публикуемые письма, сохраняя непосредственность переживаний, позволяют постичь реальный характер и эволюцию их отношений.

⁷ См.: *Феокистов*. С. 84.

⁸ См.: <Без подписи>. Речи и отчет, произнесенные на торжественном собрании Императорского Московского Университета 12 января 1852 года. Москва // *Современник*. 1852. № 2. Отд. IV. Библиография. С. 54—66; <Без подписи>. Публичные лекции профессором: Геймана, Рулье, Соловьева, Грановского и Шевырева. Москва. 1852 // Там же. 1852. № 3. Отд. III. Критика. С. 10—16; <Без подписи>. Мария Стюарт. Статья первая // Там же. 1852. № 6. Отд. II. Наука и искусство. С. 113—139. См. также в нашей публикации примечания: 3-е к письму Феокистова к Тургеневу от 24 дек. 1851 г. и 10—11-е к письму от 14 янв. 1852 г.

⁹ Рукописный отдел Института русской литературы. № 25156, л. 13—13 об. В цитируемом письме год не указан. Датируется по содержанию 29 февраля 1852 г. Далее: РО ИРЛИ.

¹⁰ Ср.: «женщина <...> исполненная больших странностей»; «В таланте ее не было и признака художественной жилки»; «Она вся была пыл, экстаз, восторженность, но условливалось это не сердцем, а невероятною какою-то болезненною ее нервозностью. <...> нет, она имела полное право считать себя женщиной положительно доброю; только доброта эта как бы ступшеывалась, оставалась незамеченною по сравнению с ее бесперывными нервными порывами. <...> беседа с ней представляла нередко очень много интересного, но гораздо чаще действовала утомительно. И, боже мой, как любила она говорить!»; «Под влиянием обычного своего возбуждения она постоянно создавала себе миражи, видела людей не такими, какими они были в действительности, а какими создавало их ее воображение; эта женщина, по натуре своей в высшей степени искренняя, извращала факты, выдавала за достоверное то, чего никогда не было и не могло быть...»; «в доме ее царил порядочный хаос...» (*Феокистов*. С. 362, 366—367, 371). Н. Ф. Буданова, автор статьи о прототипе Хавроньи Прышовой в романе «Новь», справедливо поставила в связь созданный Феокистовым поздний психологический портрет Салиас с Хавроньей Прышовой. См.: Тургеневский сборник: Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1967. Вып. 3. С. 154. О генеалогии этого комического персонажа из «Нови» см.: *Т. Сочинения* (2-е изд.). Т. 9. С. 511.

Дом Салиас, хотя хозяйка его к этому времени была отнюдь не богата, стал для Феоктистова теплым пристанищем, заменив ему собственную семью. Бестужев-Рюмин, также охотно посещавший в эту пору небольшой особняк на окраине Москвы близ Сухаревской башни, на третьей Мещанской улице, к концу жизни вспоминал: «В те годы в ее доме открылся для меня новый мир: постоянное общение с женщиной, много видевшей, много читавшей и всем интересующейся, — тогда она только начинала свою литературную деятельность — было чрезвычайно полезно. В ее доме в эту зиму я встречал Грановского, Кудрявцева и особенно часто Максимова, который тогда нам, молодым людям, казался только чудачком по своей малороссийской наивности, в своем старомодном плаще с трубкою».¹¹ Несколько позже Евгений Салиас, сын Елизаветы Васильевны, набросал сходную картину: «Первое произведение, замеченное публикой и расхваленное критикой, конечно, ввело мою мать сразу в тогдашний литературный круг, и в доме нашем стали бывать такие личности, как Грановский, Шевырев, Сушков, Станкевич... Но вместе с ними снова появились и старые друзья, Раич (переводчик „Энеиды“) и М. А. Максимович, прежние наставники матери по русскому языку и литературе».¹²

Своим человеком в доме Салиас стал земляк и соученик Бестужева-Рюмина, деливший с ним полугодное студенческое существование, — в будущем известный историк С. В. Ешевский. В очерке о своем друге Бестужев-Рюмин оставил проникновенное описание отношений, сложившихся в кружке Салиас в начале пятидесятых годов: «Вообще он <Ешевский> был любим и родными, и теми семьями, где он давал уроки, и литературным кружком, к которому примкнул. Центром этого кружка, в котором постоянно жил Кудрявцев, куда часто являлся Грановский, и где бывали все, кроме славянофилов, была в то время умная женщина, отличавшаяся большою начитанностью, много видевшая. В ее приятном обществе можно было не всегда играть в карты, что в то время составляло поневоле развлечение многих умных людей. Правда, были в этом кружке некоторые крайности западного направления, но тогда они не так резко поражали, как поразили бы теперь. Но зато в этом кружке строго осуждались легкость, пустозвонство, выражалось уважение к науке и серьезной литературе, употреблялись все усилия не пасть нравственно; словом, в нем жил тот дух московского университета, о котором я уже говорил».¹³

Менее идиллические сцены из жизни дома Салиас пятидесятых годов принадлежат А. Д. Галахову: «Ходили слухи, — верные или неверные, не знаю, — что подкупленная прислуга доносила кому следует о разговорах и суждениях своих господ. Что делать? — необходимо было сдерживать язык или прибегать к иностранному языку при выражении мнений. Собираясь в назначенные дни преимущественно у графини Салиас (Евгении Тур), вместо разговора о „важных материях“ стали предаваться карточной игре. Но это было сносно умевшим играть (самой графине, Грановскому, Тургеневу, Кетчеру, Е. М. Феоктистову); другие же, не любившие карточной игры или вовсе не знавшие ее, как, например, Соловьев, Кудрявцев, Ешевский, Бестужев-Рюмин, должны были пробавляться рассказами каких-нибудь анекдотов, возбуждавших общий смех. В числе постоянных посетителей графини были Катков и Леонтьев».¹⁴

¹¹ *Бестужев-Рюмин*. С. 28.

¹² *Салиас Е. А.* Семь арестов (Из воспоминаний) // Исторический вестник. 1898. № 1. С. 90—91. Е. А. Салиас имеет в виду первую повесть своей матери «Ошибка» (1849 г.).

¹³ *Бестужев-Рюмин К. Н.* Биографии и характеристики. СПб., 1882. С. 306.

¹⁴ *Галахов А. Д.* Записки человека / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. В. М. Боковой. М., 1999. С. 253.

Этот свод непроверенных, но во многом созвучных свидетельств, дает представление о той среде, которая формировала Феокистова, определяла его интересы и связи.

В салоне Салиас в 1850 г. Феокистов встретился с Тургеневым, недавно приехавшим из Европы. В его воспоминаниях этим эпизодом открывается «тургеневская» глава: «Он только что вернулся из-за границы, где был свидетелем Февральской революции и последовавших за нею событий. Можно себе представить, как были интересны его рассказы, особенно для людей, примыкавших к кружку Грановского, — для людей, которые с горячим участием относились ко всему, что происходило тогда во Франции и отражалось в Европе. А Тургенев умел рассказывать как никто. Недаром П. В. Анненков называл его „сиреной“; блестящее остроумие, умение делать меткие характеристики лиц, юмор — всем этим обладал он в высшей степени, а если присоединить сюда обширное образование и оригинальность суждений, то конечно Тургенев был самым очаровательным собеседником, какого мне когда-либо приходилось встретить».¹⁵

Встреча («...я увидел И. С. Тургенева»), как видно, произошла в июле, в те дни, когда по возвращении 20 июня из-за границы, Тургенев 2 июля прибыл к своим родным в Москву, но вскоре, поссорившись с матерью, уехал, вместе с братом и его женой, в деревню.¹⁶ Образ его этой поры, разительно совпадающий с портретом, набросанным Феокистовым, запечатлен В. П. Боткиным в письме к Анненкову от 27 июля 1850 г.: «А вот вам сладкая душе вашей новость: Иван Сергеевич приехал. Он прожил в Москве дней десять; дела его с матерью пошли было хорошо, но потом он не выдержал, рассорился с нею решительно, переехал от нее в гостиницу и на другой день уехал в деревню. <...> Воротился он самым милым, лобезным и самым добродушнейшим человеком в мире. Это — сама простота. Я обрадовался ему, как родному брату».¹⁷ 27 сентября Тургенев вернулся в Москву, где пробыл недолго (6 октября — он уже в Петербурге). В этот промежуток летопись не фиксирует ни одной встречи Тургенева с Салиас и ее кругом. Но во время третьего приезда в Москву, поводом к которому послужила смертельная болезнь матери (прибыл 21 ноября 1850 — выехал в Петербург между 2 и 6 февраля 1851 г.), он, как следует из переписки этой поры, неоднократно посещал дом Салиас, читал ей и М. С. Щепкину комедию «Провинциалка».¹⁸

Сближение Тургенева с Феокистовым, давшее толчок их переписке, произошло скорее всего во время его третьего, в течение 1850 г., приезда в Москву. Позже Феокистов вспоминал: «Счастливым было время, о котором я вспоминаю. И Тургенев всегда останавливался на нем с удовольствием. „Помните ли, — говорил он мне в своих письмах, — наши вечера на Остоженке?“ Видались мы с ним тогда почти ежедневно, и я имел возможность хорошо изучить его характер, но это был период моего крайнего увлечения Тургеневым...».¹⁹ Беседы эти отзываются в письмах.

30—31 марта 1851 г., убеждая своего корреспондента, «переменить род», отойти от жанра короткого рассказа, Феокистов напоминает ему об этих разговорах: «Мне чувствуется, я уверен, — что, кроме этих отрывочных, хотя и превосходных рассказов, Вы можете сделать что-нибудь прекрасное, цельное, Вы понимаете, в каком смысле употребляю я последнее слово. В бытность свою в Москве Вы рассказывали

¹⁵ Феокистов. С. 1.

¹⁶ См.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858) / Сост. Н. С. Никитина. СПб., 1995. С. 164—166. Далее: *Летопись (1818—1858)*.

¹⁷ П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 годов. СПб., 1892. Т. 1. С. 559. Далее: *Анненков и его друзья*.

¹⁸ См.: *Летопись (1818—1858)*. С. 173, 175.

¹⁹ Феокистов. С. 12.

столько отличных планов, идей для романа и для повести, что напрасно Вы держите их так долго в голове. Впрочем, и Вы сами имели, кажется, мысль оставить на время „рассказы“» (письмо 5). «Остоженские» встречи резонируют и в строках сентябрьского письма 1851 г.: «Ну а Вы? — Неужели ничего не написали. Стыдно будет показаться Вам с пустыми руками. Особенно желал бы я видеть статью по поводу Гамлета и Дон-Кихота, о которой мы так долго рассуждали в Москве» (письмо 10).²⁰

Письма Феокистова представляют собою своего рода хронику творческой жизни Тургенева пятидесятих годов: последовательно на их страницах обсуждаются выходящие из-под его пера произведения, критические отзывы о них, театральные постановки его пьес, актерские интерпретации тех или иных ролей в просмотренных спектаклях.

К началу переписки Феокистову немногим более двадцати лет. Он смотрит на Тургенева снизу вверх, пытается попасть с ним в ногу: читает все, что публикуется им, ревниво прислушивается к каждой оценке или суждению о его произведениях, пороку, повторяя или педалируя оценки, формирующиеся в среде Грановского, В. П. Боткина (ср., к примеру, его суждения о диссертационной книге Кудрявцева, сборнике «Пропаилен», публичных лекциях Грановского — с высказываниями по этим поводам Боткина в письмах к Анненкову).²¹ Он включает в круг своего чтения то, что увлекает или увлекало Тургенева, соразмеряя с его интересами и критериями свои читательские, театральные-музыкальные и литературные вкусы. Эротические мотивы, словесная брутальность писем передают характерные оттенки фривольного общения Феокистова и Тургенева, не чуждавшегося в эту пору «чертовского срамословия» и «черно книжной словесности».²²

Феокистов был тем человеком, которому 26 февраля 1852 г. Тургенев переслал свою запрещенную петербургской цензурой статью о смерти Н. В. Гоголя для «Санкт-Петербургских ведомостей», послужившую поводом к его аресту и ссылке. Нет необходимости вновь воспроизводить эту историю, тем более, что она неоднократно освещалась.²³ Обратим внимание лишь на один аспект, раскрывающийся в публикуемых письмах.

В воспоминаниях Феокистов писал: «История эта отразилась и на мне неприятными последствиями. Дело в том, что статью Тургенев прислал Боткину для по-

²⁰ См.: Назарова Л. Н. К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851—1853) // Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.; Л., 1958. С. 164; также: 7-е примечание к цитируемому письму Феокистова от 17 сентября 1851 г.

²¹ См.: Аппенков и его друзья. С. 562—564, 566—568.

²² См.: Т. Сочинения (2-е изд.). Т. 12. С. 658—659 (автор комментария — Е. А. Гитлиц); Стихи не для дам. Русская нецензурная поэзия второй половины XIX века / Изд. подгот. А. Ранчин и Н. Сапов. М., 1997. С. 7, 8—9 и последующие.

²³ См.: Лемке М. К. Арест и высылка Тургенева в 1852 году // Русская мысль. 1906. № 2. С. 16—26 (вторая пагинация); Душин А. Ссылка И. С. Тургенева в Орловскую губ. // Минувшие годы. 1906. № 8. С. 29—39; Архив III Отделения собственной е. и. в. канцелярии. 1-ая экспедиция. № 92. По письмам: от Никольского к Ивану Сергеевичу Аксакову, от Ивана Тургенева к нему же Аксакову, и от Тургенева к Василию Боткину насчет смерти литератора Гоголя. Начато: 15 марта 1852 г. // Всемирный вестник. 1907. № 1 (Приложение). С. 1—32; № 3 (Приложение). С. 33—48; № 12 (Приложение). С. 49—87; Дризен Н. В. Арест и ссылка И. С. Тургенева // Исторический вестник. 1907. № 2. С. 559—569; Измайлов Н. В. Тургенев и С. И. Мещерская // Тургеневский сборник: Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. М.; Л., 1966. Вып. 2. С. 226—248; Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. № 196, 197, 198, 199, 202, 210, 214; Офиц. письма и дел. бумаги — № 16—20 и примечания к ним.

мещения в „Московских Ведомостях“, но Боткин попросил меня доставить ее М. Н. Каткову, редактору этой газеты, потому что был в ссоре и не видался с ним. Я тем охотнее исполнил это, что и сам получил от Ивана Сергеевича маленькое письмо, в котором он упоминал о своей статье». ²⁴ Феокистов, таким образом, отрицал сам факт получения им статьи о Гоголе и утверждал, что статья была получена Боткиным.

Ю. Г. Оксман в комментариях к воспоминаниям Феокистова привел два фрагмента из тургеневских писем, выявляющих их несоответствие приведенным выше строкам: от 26 февраля 1852 года — Феокистову (к этому письму была приложена статья о Гоголе) и от 3 марта этого же года — В. П. Боткину. В письме Феокистову, в частности, сказано: «Я послал Боткину стихи, внушенные Некрасову вестью о смерти Гоголя; под впечатлением их, написал я несколько слов о ней для „С.-Петербургских ведомостей“, которые посылаю Вам при сем письме, в неизвестности — пропустит ли их и не исказит ли их цензура. Я не знаю, как они вышли, — но я плакал навзрыд, когда писал их». ²⁵ Из письма Боткину (в составе документов III отделения сохранился лишь фрагмент в копии) также явствует, что статья о Гоголе была получена Феокистовым: «Нельзя ли попробовать напечатать то, что я написал о Гоголе (разумеется, без подписи) в „Московских ведомостях“, как отрывок из письма отсюда? <...> Неужели это так пройдет, и мы ни слова не сказали тебе. ²⁶ Показывал ли Феокистов мою статейку о нем? В „Петербургских ведомостях“ Мусин-Пушкин ее запретил и даже удивился дерзости так говорить о Гоголе — лакейском писателе...». ²⁷ От каких-либо выводов Оксман, цитируя эти противоречащие воспоминания Феокистова письма, воздержался.

Однако в показаниях московскому генерал-губернатору А. А. Закревскому от 20 апреля 1852 г. Феокистов не скрывал факта получения статьи, что удостоверилось и приложенным им тургеневским письмом от 26 февраля того же года, но при этом стремился оправдать и вывести из-под удара и Тургенева, и Боткина, передавшего ему просьбу отдать статью в «Московские ведомости»: «Вследствие приказания Вашего Сиятельства, честь имею доложить: 29-го февраля настоящего года получил я от г. Тургенева из С.-Петербурга письмо, в котором он извещал, что написал статью для „С.-Петербургских ведомостей“ о смерти Гоголя и присылает мне ее для рассмотрения. Хотя сам г. Тургенев, тем самым, никоьлко не поручал мне, как это видно из прилагаемого мною, при сей записке, подлинного письма его, печатать его статью в Москве, но я, по знакомству, показал ее редактору „Московских ведомостей“ г. Каткову и спросил его, не годна ли она будет для печатания. По дружеским отношениям моим с г. Тургеневым, я знал, что он не рассердится, если его статья явится в одно и то же время в „Московских“ и „С.-Петербургских ведомостях“, для которых она предназначалась. Московская цензура одобрила статью к напечатанию, и она вскоре явилась в „Московских ведомостях“. На третий же или на четвертый день после ее на-

²⁴ Феокистов. С. 17.

²⁵ См.: Феокистов. С. 39—40. Письмо цитируются по изданию: Т. Письма (2-е изд.), Т. 2. С. 124.

²⁶ Строку «...и мы ни слова не сказали тебе» публикаторы письма объяснили следующим образом: «Фраза эта, отрывочно включенная в полицейскую выписку, очевидно, обращена Тургеневым к умершему Гоголю» (Т. Письма (2-е изд.), Т. 2. С. 465).

²⁷ См.: Феокистов. С. 39. Письмо цитируется по изданию: Т. Письма (2-е изд.), Т. 2. С. 126.

печатания получил я уведомление от г. Тургенева, что статья его о смерти Гоголя была запрещена С.-Петербургскою цензурою».²⁸

Публикуемые письма, восстанавливая хронику развития событий, уточняют их и непреложно подтверждают факт получения Феокистовым (но не Боткиным!) тургеневской статьи о Гоголе. 3 марта 1852 г., в ответ на письмо Тургенева от 26 февраля, Феокистов сообщил: «Стихи Некрасова очень хороши и Ваша статейка тоже. Благородно и прилично. Что же она не печатается» (письмо 16).²⁹ Из следующего письма, от 7 марта этого же года: «Статьку Вашу отдал Каткову. Он покажет ее Назимову и напечатает ее, если будет позволение» (письмо 17). И, наконец, 29 марта 1852 г., за две недели до завершения «Дела» об опубликовании в «Московских ведомостях» тургеневского «Письма из Петербурга» о смерти Гоголя,³⁰ корреспондент Тургенева весьма осторожно намекал: «У меня тут была маленькая неприятность по поводу Вашей статейки о Гоголе, помещенной в „Мос<ковских> Вед<омостях>“, но об этом при свидании» (письмо 19).

Письма Феокистова, соотнесенные с тургеневскими, открывают возможность еще раз взглянуть на другой эпизод, предшествовавший аресту Тургенева и расправе над его корреспондентами.

26 февраля 1852 г. Тургенев отвечал Феокистову: «Вы мне пишете о статье, которую я должен написать в „Современник“ — не знаю, удастся ли мне... В этом случае нельзя есть и писать, не обдумавши — надо попасть в тон — а уж думать о необходимости попадать в тон, когда говоришь о смерти Гоголя, тяжело и даже жестоко».³¹ В конце шестидесятих годов, в своих воспоминаниях (очерк «Гоголь», 1869) он рассказал об этом факте более определенно, связав упрек в молчании по поводу смерти Гоголя именно с Феокистовым: «Вскоре потом я получил от одного приятеля из Москвы письмо, наполненное упреками: „Как! — восклицал он, — Гоголь умер, и хоть бы один журнал у вас в Петербурге отозвался! Это молчание постыдно!“ В ответе моем я объяснил — сознаюсь, в довольно резких выражениях — моему приятелю причину этого молчания и в доказательство как документ приложил мою запрещенную статью. Он ее представил немедленно на рассмотрение тогдашнего попечителя Московского округа — генерала Назимова — и получил от него

²⁸ Архив III Отделения собственной е. и. в канцелярии // Всемирный вестник. 1907. № 3 (Приложение). С. 47. Ср. из объяснительной записки Боткина московскому военному генерал-губернатору Закревскому: «Я получил от г. Тургенева письмо, в котором он писал, чтоб я передал г. Феокистову, что он желает, чтобы присланная им г. Феокистову статья о Гоголе была напечатана в „Московских ведомостях“». Когда я сказал это поручение г-ну Феокистову, он отвечал мне, что уже сам вздумал ее напечатать и отдал несколько дней назад в редакцию „Московских ведомостей“. Впоследствии я узнал, когда статья была напечатана, что она не дозволена г. Мусиным-Пушкиным к напечатанию в „С.-Петербургских ведомостях“» (Всемирный вестник. 1907. № 3 (Приложение). С. 46). Ср. с письмом Боткина Тургеневу от 5 марта 1852 г. (к этому моменту Феокистов уже ознакомил Боткина с тургеневской статьей о Гоголе) в ответ на письмо Тургенева от 3 марта «Спешу отвечать тебе потому, что хочется сказать, что статейка твоя (прекрасная), — здесь непременно будет напечатана в Моск. Ведомостях, об этом завтра же извещу Феокистова, чтобы он отдал ее Каткову» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851—1869. По материалам Пушкинского Дома и Толстовского музея / Пригот. к печати Н. Л. Бродский. М.; Л., 1930. С. 26). Далее: *Боткин и Тургенев*.

²⁹ Полученное И. С. Аксаковым письмо от 3 марта 1852 г. удостоверяет, что накануне Тургенев направил Феокистову статью о Гоголе: «...г. Мусин-Пушкин не устыдился назвать Гоголя публично писателем лакейским. Это случилось на днях по поводу нескольких слов, написанных мною для „СПб. ведомостей“ о смерти Гоголя (я их послал Феокистову в Москву)» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 125).

³⁰ Дата закрытия дела — 14 апреля 1852 г.

³¹ *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 124.

разрешение напечатать ее в „Московских ведомостях“. Это происходило в половине марта...». ³² Письма, в котором Феокистов убеждал Тургенева выступить со статьей о Гоголе на страницах «Современника», среди публикуемых — нет. ³³

Сведенные в систему письма, ранее публиковавшиеся лишь фрагментарно, выявляют странное четырехдневное молчание в пору напряженного развития событий, связанных с Гоголем (первые «подробности» о его смерти, перенос тела в университетскую церковь, панихида), и нарастания волны слухов вокруг этих событий. «Странность» молчания тем более бросается в глаза, что Феокистов чаще всего писал Тургеневу вслед интересующим их событиями и как бы спешил довести до его сведения то, что только что увидел, пережил или услышал. Очевидно, что между 21 (день смерти Гоголя) и 25 февраля (днем, когда было написано письмо о его похоронах, см. № 15) — скорее всего, 21—22 февраля Феокистов, подобно Боткину, выслал Тургеневу письмо с «подробностями» о смерти Гоголя (и, может быть, не одно: он мог написать и 24 февраля). Возможно, в эти дни он обратил Тургеневу «упрек» в молчании о смерти Гоголя и предложил написать о нем статью в «Современник». Но это письмо (или письма), как и письмо Тургенева к Боткину (в ответ на его рассказ о «подробностях» смерти Гоголя ³⁴), до нас не дошло. ³⁵

16 апреля по высочайшему повелению Тургенев был арестован. Через месяц (18 мая) ему предстояло выехать «на жительство» в Спаское-Лутовиново «под присмотр». За Боткиным — человеком, не занятым в торговых делах своего отца и отличающимся свободным образом мыслей, по решению московской администрации, ранее установленное секретное наблюдение было обращено в полицейский надзор,

³² Т. *Сочинения* (2-е изд.). Т. 11. С. 66.

³³ Строки из тургеневского очерка «Гоголь» ... из Москвы ~ письмо, наполненное упреками... в академическом собрании комментируются следующим образом: «В дошедших до нас письмах Е. М. Феокистова и В. П. Боткина, с которыми Тургенев делился своими чувствами и размышлениями, вызванными смертью Гоголя, никаких обращений к Тургеневу с просьбой написать статью о Гоголе не содержится» (Т. *Сочинения* (2-е изд.). Т. 11. С. 360. См. также комментарий к письму Тургенева к Е. М. Феокистову от 26 февраля 1852 г. (Т. *Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 463).

³⁴ Ср.: «Вы не можете себе представить, друзья мои, как я вам благодарен за сообщение подробностей о смерти Гоголя — я уже писал об этом Боткину» (там же. С. 123). Из примечания к последним словам приведенных строк: «Это письмо Тургенева к Боткину неизвестно» (см.: там же. С. 463).

³⁵ Н. В. Измайлов, комментируя письмо Тургенева к Полине Виардо от 21 февраля (4 марта) 1852 г. высказал предположение, что еще до утреннего заседания Общества посещения бедных в Дворянском собрании (24 февраля) Тургенев уже получил письма из Москвы, «очевидно, от В. П. Боткина и Е. М. Феокистова», с сообщением о смерти Гоголя. См.: Т. *Письма* (1-е изд.). Т. 2. С. 431 (в этом издании напечатан лишь фрагмент из письма); также: Т. *Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 462 (комментарий — при участии Е. В. Свьясова). Основанием к предположению послужило, в частности, свидетельство А. В. Никитенко, который 24 февраля, то есть в день похорон Гоголя, записал в дневнике: «Сегодня получено известие о смерти Гоголя. Я был в зале Дворянского собрания на розыгрыше лотереи в пользу „Общества посещения бедных“; встретился там с <И. И.> Папаевым, и он первый сообщил мне эту в высшей степени печальную новость. Затем <И. С.> Тургенев, получивший письма из Москвы, рассказал мне некоторые подробности. Они довольно странны» (Никитенко А. В. Дневник: В 3-х т. Л., 1955. Т. 1. С. 345—346. Далее: Никитенко). И далее см. по тексту дневника Никитенко перечисленные им подробности о смерти Гоголя — их нет в письме Боткина к Тургеневу от 21 февраля 1852 г. (Боткин и Тургенев. С. 18—21) и Феокистова от 25 февраля 1852 г., но которые могли быть в предшествующем письме последнего, к примеру, о реакции Гоголя на смерть жены А. С. Хомякова, об увещаниях Филарета («Он не послушался даже Филарета, который его решимость не принимать лекарств называл грехом, самоубийством») (Никитенко, 1. С. 346).

а Феоктистову, по учреждении за ним подобного же надзора, приказывалось немедленно поступить на государственную службу.³⁶

Осенью 1852 г. Феоктистов покинул Москву и вместе с семейством Салиас выехал через Малороссию в Крым (мысль об этой поездке у графини возникла еще до истории с тургеневской статьей). Они поселились в местечке Кучук-Ламбат в доме на берегу моря, где жизнь текла размеренно и без особых забот (см. в последующей публикации письма из Кучук-Ламбата, затем Симферополя и снова Кучук-Ламбата — от 12 сентября 1852 г. по 26 июля 1853 г.). Следуя распоряжению администрации, Феоктистов поступил на службу в Таврическую палату государственных имуществ в Симферополе, которою управлял давнишний приятель его семейства И. И. Брадке. Однако по возвращении в Москву поздним летом 1853 г. Феоктистов остро ощутил тяжесть своего нового положения: «...я много, много виноват пред Вами, не писавши до сих пор, но, без сомнения, Вы простили бы мне это, если бы знали, в какую пучину зол и бедствий повергнут я с самого моего приезда из Крыма. До сих пор я ишу ответа, но все безуспешно. Вы сами знаете, что служить я *должен*, а места не могу получить именно потому, почему я должен служить. Всюду, куда не обращусь, мне говорят, что не могут исполнить моей просьбы, ибо не желают иметь дел с такими господами, как я. Вы поймете затруднительность этого положения, — право, и хочется иногда написать Вам, но мысли не идут в голову, ибо только и думается, что вечером должен ехать сюда, а завтра туда, и все с разными прошениями и молениями» (письмо от 2 ноября 1853 г.). Когда же ему было обещано место в канцелярии гражданского губернатора — сверх штата и без жалованья, он в отчаянии пожаловался Тургеневу: «Вы говорите мне, что удивляетесь, как могло случиться, что я не получил место, тогда как все говорили во время известной истории, что именно вследствие ее я должен непременно получить его? Что делать, Иван Сергеевич, — *обещают-то* всегда много, да ничего из обещаний не выходит. Так вот и теперь обещают мне чрез год или полтора дать штатное место, а сбудется ли это?..» (письмо от 16 ноября 1853 г.). В конечном счете ему удалось получить место преподавателя истории в Александровском сиротском кадетском корпусе. В 1854—1855 годах снова стали появляться его небольшие публикации в «Московских ведомостях», «Отечественных записках», «Современнике».³⁷ С 1856 г. начинается его сотрудничество в только что основанном Катковым «Русском вестнике».³⁸

Свод сохранившихся писем Феоктистова к Тургеневу, хронологически связанных между собой (в данном случае имеется в виду последовательность общения), завершается концом 1853 г. (последнее письмо помечено 30 ноября). Далее их корреспонденция представлена письмом Феоктистова от 3 апреля 1855 г., а также двумя группами его писем: периода сотрудничества в «Русском вестнике» (1858, 1859 гг.) и в газете Салиас «Русская речь» (1860—1861 гг.).

Вернувшись в конце лета 1858 г. в Москву из-за границы, где он провел полтора года (выехал в конце 1856 г.),³⁹ Феоктистов связал свое будущее прежде всего

³⁶ См.: *Дризен Н. В.* Арест и ссылка И. С. Тургенева. С. 569; *Всемирный вестник.* 1907. № 1. С. 25—26 (письмо Закревского — А. Ф. Орлову от 5 апреля 1852 г.); там же. 1907. № 3 (Приложение). С. 40—41 (письмо Закревского — А. Ф. Орлову от 24 апреля 1852 г.).

³⁷ См.: *Майков Л. Е. М.* Феоктистов (Некролог). С. 34.

³⁸ Публикации Феоктистова за 1856 г. см. в кн.: «Русский вестник». Указатель авторов (1856—1862): В 2-х кн. / Ленингр. гос. университет; Сост. В. С. Маслов, Г. П. Талашов. Л., 1990. Кн. 2 (Л—Я). С. 39—40.

³⁹ Полтора года, проведенные Феоктистовым в Италии и Франции, отчасти отразились в его корреспонденциях из-за рубежа в «Московских ведомостях» (ред.

с «Русским вестником». «По возвращении из-за границы, — писал он Тургеневу 26 сентября 1858 г., — многие молодые люди — я, Капустин, Вызинский, Лохвицкий, Рачинский и др., хотим посвятить все свои силы „Русскому вестнику“. Конечно, Вам уже известно, что журнал этот идет теперь как ни один из русских журналов, но мы убеждены, что ему можно придать еще более достоинства».⁴⁰ От имени М. Н. Каткова он просит Тургенева о встрече и пытается добиться от него согласия предоставить «Русскому вестнику» (но не «Современнику») какое-либо из его произведений: «...Катков сказал мне, что он не остановится ни пред какими жертвованиями, если бы он мог получить какое-нибудь Ваше произведение. Мысль эта особенно заманчива теперь, после того, как обязательное соглашение Ваше с „Современником“, кажется, рушилось. Вопрос в том, согласитесь ли Вы на это после различных недоразумений, происшедших между Вами и „Русским вестником“? Я думаю, что едва ли Вы будете помнить так долго эту размовку; — что касается до Каткова, то он просит меня сказать Вам от его имени, что он будет в отчаянии, если это помешает ему снова сойтись с Вами». С этими строками согласуется письмо Тургенева к Каткову от 10 декабря 1858 г. с обещанием отдать в его журнал «Накануне»: «Повторяю Вам то, что я сказал Феоктистову: будущую мою повесть пишу для „Русского вестника“; должно надеяться, что она будет готова к осени».⁴¹ Обеспоконенный анонсами «Современника» на будущий год, Феоктистов вновь, 28 октября 1859 г., обратился с просьбой: «Вы знаете, как дорожит редакция произведением, которое обещали Вы поместить в ее журнале. Можно сказать без преувеличения, что одна из главных надежд ее на успех в будущем году опирается на Ваш роман. <...> Каткова еще нет, может быть, по приезде, он решился бы отступить от этого правила ради того, чтобы объявить о Вашем произведении, но для этого нужно знать его название и, хотя приблизительно, когда Вы думаете его окончить. После зазывов „Современника“ нельзя уже довольствоваться глупим извещением, что „Ив. С. Тургенев обещал нам повесть“, а сказать что-нибудь определенное».

Но уже 9 июля 1860 г. Феоктистов сообщил Тургеневу о разрыве группы сотрудников «Русского вестника» с редакцией: «...в последнее наше свидание в Москве я уже говорил Вам о тех стеснениях, которым подвергает редакция „Русского вестника“ своих сотрудников. Как бы то ни было, графиня, Вызинский, Утин, Благовещенский и я отделились от Каткова и К^о. Мы думаем основать теперь свою собственную газету: предвижу, что слова эти будут встречены недоверчивостью с Вашей стороны, ибо история „Атenea“ и множества других изданий прежде всего являются Вам теперь на память. <...> мы надеемся повести дело лучше, чем вел его Евг<ений> Корш, и придать интерес нашему изданию: у нас есть деньги, есть сотрудники и — главное — есть ясный и определенный план для издания».⁴²

В. Ф. Корш) и «Русском вестнике» (отд. «Современная летопись»), см. вышеуказ. указатель В. С. Маслова и Г. П. Талашова. С. 40. Впечатления от поездки освещены также во второй главе воспоминаний Феоктистова.

⁴⁰ В течение 1858 и 1859 гг., по свидетельству Л. Майкова, в «Русском вестнике» появилось не менее девяти статей Феоктистова, посвященных «...новейшей истории и политике, как, например: „Пьемонт и Австрия с востока XVIII века“ (по итальянским источникам), извлечения из записок Гизо, из книги Э. Абу о современном (папском) Риме, этюды о Токвиле, о стачках рабочих в Лондоне и проч.»; кроме статей, «явившихся за подписью автора, Евгений Михайлович давал тому же журналу небольшие анонимные заметки и участвовал в составлении ежемесячного политического обозрения» (Майков Л. Е. М. Феоктистов (Некролог). С. 36). Ср. с вышеуказ. указателем В. С. Маслова и Г. П. Талашова. С. 40.

⁴¹ Т. Письма (2-е изд.). Т. 3. С. 30, 615.

⁴² О сути конфликта и его развитии, в интерпретации Феоктистова, см. в его воспоминаниях (с. 368—370), а также в статье Н. Ф. Будановой «„Новь“». О прото-

Письма 1860—1861 гг. документально восполняют не только историю возникновения созданной Салиас газеты «Русская речь» (начала выходить с 1 января 1861 г.),⁴³ но и ход переговоров, которые велись по поводу участия Тургенева в новом издании. Так, сообщение о создании газеты Феокистовов сопровождалось просьбами: «Не можете ли <...> отдать нам „Кольцова и Бернса“? Если Вы, к нашему несчастью, распорядились уже иначе этою статьею, то, вероятно, будете читать что-нибудь новое в обществе литературного фонда? Быть может, Вы напишете что-либо по поводу Вашего пребывания теперь за границею?» Письма от 20 октября и 28 ноября 1860 г. посвящены тургеневской статье «Русские в Париже» (замысел не осуществлен).

Письма Феокистова начала шестидесятых годов носят по преимуществу деловой характер, хотя и сохраняют еще тепло прежних отношений. Однако в них уже нет былой эмоциональной напряженности. Все реже встречаются имена прежних общих знакомых, так часто поминавшиеся в корреспонденции начала пятидесятых годов. Кружок, центр которого составлял Грановский, угас. К концу пятидесятых— началу шестидесятых годов дом Салиас становится пристанищем людей иного толка. Здесь бывают Г. В. Вызинский и его соратники, сотрудники «Русской речи» (писатели и журналисты разночинского круга— А. И. Левитов, В. А. Слепцов, Н. С. Лесков, приглашенный из Воронежа секретарь редакции А. С. Суворин), радикально настроенные студенты (товарищи сына хозяйки дома— студента юридического факультета университета) и пр.⁴⁴ «Дом ее сделался мало-помалу сборищем, Бог знает, какого лода, — вспомнил Феокистов, — все это ораторствовало о свободе, равенстве, о необходимости борьбы с правительством и т. п.»⁴⁵ Этим людям Феокистов — чужой. «Графиня — взбалмошная женщина, корчившая из себя во время студенческой истории какого-то римского полководца <...>, — писал к М. Ф. Де-Пуле Суворин, на которого осенью этого года свалились все заботы о газете. — Феокистов — совершеннейшая баба, скверная, апатичная, дряхлая, несмотря на свою молодость, баба, никуда не годная. Он жаждет спасения от политики и заводит себе корреспондентов в Париже, Вене, Лондоне, вместо того, чтобы завести их в Киеве, Воронеже, Саратове и проч. Ни та, ни другой ни к шуту, как видите, не годятся; при такой редакции газета идти не может. При новом цензурном уставе она также не пойдет, потому что Феокистов, поверьте мне, будет хуже всякого цензора. Это протухлый консерватор» (письмо от 27 октября 1861 г.). И через

типе Хавроньи Прышовой в романе Тургенева» (Тургеневский сборник: Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1967. Вып. 3. С. 156—157).

⁴³ С 14 мая 1861 года (с № 39) газета «Русская речь. Обзорные литературы, истории, искусства и общественной жизни на Западе и в России» (издатель-редактор Евгения Тур) стала выходить под названием: «Русская речь и Московский вестник. Литература, политика, история, искусство и общественная жизнь на Западе и в России» (издатель Евгения Тур, редактор Е. М. Феокистов). Газета продержалась недолго — до 4 января 1862 г. (см.: *Лисовский Н. М.* Библиография русской периодической печати. Пг., 1915. С. 174, № 701). Об этих изданиях: *Субботин Н.* Из воспоминаний. Графиня Е. В. Салиас и ее письма // *Русский вестник*. 1903. Кн. 10. С. 489—505; справку Оксмана в кн.: *Феокистов. С. 406; Семанова М. Л.* А. С. Суворин. Письма к М. Ф. Де-Пуле // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год*. Л., 1981. С. 113—187; *Назарова Л. Н.* И. С. Тургенев и Е. В. Салиас-де-Турнемир в начале 60-х годов // *Теория и история литературы*. Киев, 1985. С. 117—123.

⁴⁴ Об эволюции салона Е. В. Салиас и его составе на рубеже 50—60-х годов см.: *Козьмин Б.* Письма Огарева к Е. В. Салиас де Турнемир // *Герцен и Огарев*. М., 1953. С. 797—806 (Лит. наследство; Т. 61, кн. 2).

⁴⁵ *Феокистов. С. 368.*

месяц, — в дни, когда Салиас занята предстоящим бракосочетанием ее дочери: «На прошлой неделе и Феокт<истов> уехал в Петербург на сговор, и я больше недели заправлял редакцией <...>. Вчера Феоктистов приехал, и мною овладело прежнее равнодушие. Этот человек, при всей своей доброте, имеет странное свойство отталкивать от себя всех своим доктринерством — человек он 40-х годов. Такого возмущительного поклонения Англии я не видал еще, таких аристократических тенденций нет даже и в графине».⁴⁶

В ноябре 1861 г., соответственно распоряжению Александра II, за Салиас, сочувственно освещавшей на страницах своей газеты студенческие волнения, было установлено наблюдение. Сын ее, один из участников студенческого движения, также попал в поле внимания полиции. Начальник III отделения получил предложение решить вопрос о необходимости удалить издательницу «Русской речи...» из Москвы.⁴⁷ 25 ноября 1861 г. Салиас выехала в Париж.⁴⁸ Феоктистов — в Петербург.

Процесс издания писем Тургенева к Феоктистову начался почти одновременно с публикацией книги «За кулисами политики и литературы». Тринадцать тургеневских писем, охватывающих десятилетие с 1851 по 1861 гг., были опубликованы Н. В. Измайловым в 1930 г.⁴⁹ Позднее свод писем Тургенева к Феоктистову вошел в тургеневское полное академическое собрание сочинений и писем.⁵⁰ Письма же Феоктистова к Тургеневу многие годы были доступны лишь их хранителю — Л. Н. Майкову,⁵¹ затем — ограниченному кругу читателей архива.⁵² Многократно и по разным поводам обращались к ним прежде всего исследователи творчества Тургенева, особенно в процессе работы над его академическим полным собранием сочинений и писем. Нет необходимости перечислять все случаи упоминания или цитации писем, тем более, что они зафиксированы в этом издании в указанной справке.

Письма Феоктистова открыли путь к весьма плодотворным выводам, побудившим пересмотреть, дополнить или уточнить ранее сложившиеся представления о судьбе и творческой истории ряда тургеневских произведений («Записки охотника», не дошедшая до нас и, вероятно, незавершенная комедия «Шарф», статья «Гамлет

⁴⁶ Семанова М. Л. А. С. Суворин. Письма к М. Ф. Де-Пуле // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 154, 158 (письмо от 29 ноября 1861 г.).

⁴⁷ См.: Политические процессы 60-х гг. / Под ред. Б. П. Козьмина. М.; Пг., 1923. Т. 1. С. 93—97.

⁴⁸ Из комментария Оксмана: «Возможно, что выезд гр. Е. В. Салиас 25.XI.1861 г. за границу был связан с дошедшими до нее сведениями о грозящей ей ссылке; под надзором полиции оставалась она до 1882 г.» (Феоктистов. С. 406).

⁴⁹ См.: Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847—1861 / Составлено по материалам Пушкинского Дома АН СССР. М.; Л.: Academia, 1930. С. 136—167. Далее: *Тургенев и круг Современника*.

⁵⁰ Справку о письмах Тургенева — Феоктистову см.: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 612 (см. также: *Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1871—1875)* / Авт.-сост. Н. Н. Мостовская. СПб., 1998. С. 77. Далее: *Летопись (1871—1875)*; *Рейсер С. А. Материалы для библиографии писем Тургенева и к Тургеневу* // Из Парижского архива И. С. Тургенева. М., 1964. Кн. 2. С. 396 (Лит. наследство; Т. 73, кн. 2).

⁵¹ Несколько цитат из писем Леонид Майков привел в некрологе Феоктистову. Письма же составили его фактическую основу (см.: *Майков Л. Е. М. Феоктистов (Некролог)*. С. 31, 34, 36).

⁵² Отметим наиболее значительную публикацию начала пятидесятых годов: фрагмент (до слов: *Писать теперь более не могу...*) из письма Феоктистова от 25 февраля 1852 г., также строки из его письма от 3 марта 1852 г. (до слов: *Шушколому вчера передал Ваше желание*) (см.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833—1853) / Публикация и комментарий Л. Ланского; Предисловие И. Сергиевского // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952. С. 743, 744 (Лит. наследство; Т. 58)).

и Дон-Кихот»). Они также определили новые аспекты в решении такой темы, как литературно-критическая деятельность Тургенева.⁵³ Естественно, что факты из жизни Тургенева, источником которых стали письма Феоктистова, а также выдержки из них, вошли в летопись жизни и творчества писателя.⁵⁴

Значение публикуемых писем, однако, измеряется не только масштабами жизни и творчества Тургенева. В них — общественный и частный быт Москвы 1850-х — начала 1860-х гг. Особенно любопытны письма, характеризующие московские кружки, их психологию, нравы и эволюцию. Феоктистов формировался в атмосфере западных кружков Грановского, Салиас, но соприкасаясь и со славянофильским «лагерем», был неплохо осведомлен о творческих начинаниях группировавшихся вокруг «Москвитянина» литераторов, актеров.

Письма Феоктистова отражают университетскую, литературно-журнальную и театральную-музыкальную жизнь московской интеллигенции. В них по свежим следам воссозданы события, значительность которых буквально расширяет границы жанра письма. Это ощущение охватывает, когда речь идет о последних публичных лекциях Грановского и об их атмосфере, о выступлении историка на торжественном университетском акте, о похоронах Гоголя, участником которых был Феоктистов (чрезвычайно важна вся канва гоголевской темы — будь то слухи или реальные факты). В поле внимания Феоктистова почти каждый номер «Современника», «Москвитянина» или сколько-нибудь заметное печатное издание — альманах «Комета», издаваемый П. М. Леонтьевым сборник «Прописи».

Перед читателем проходят, иногда в неожиданных ракурсах субъективного восприятия (портретные зарисовки или сведения даны порою опосредованно, через рассказ или оценку других людей), профессора Московского университета — Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, совсем еще молодые (им в эту пору чуть более тридцати лет) С. М. Соловьев, И. Е. Забелин, М. Н. Катков в первые годы издания «Русского вестника»; писатели и литераторы — В. П. Боткин, Н. Х. Кетчер, А. В. Станкевич, Н. Г. Фролов, А. Н. Островский, А. А. Григорьев и др.; актеры — С. В. Шумский, М. С. Щепкин, его сын, литератор и издатель Николай Щепкин, и др.

Публикация полного корпуса писем Феоктистова из собрания Л. Майкова, как и общие задачи изучения право-консервативного крыла русской культуры, объективно определяют необходимость нового издания его воспоминаний.

В 1921 г. Б. Л. Модзалевский опубликовал первый отрывок из книги воспоминаний Феоктистова — о Тургеневе, исключив при этом несколько мест, по его сло-

⁵³ Опираясь на письма Феоктистова, Л. Н. Назарова связала замысел статьи «Гамлет и Дон Кихот» (1860 г.) с началом пятидесятых годов, а также ввела в научный оборот материал об утраченном предисловии к отдельному изданию «Записок охотника», которое подготавливал Кетчер. См. ее статью: К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851—1853 годы) // Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.; Л., 1958. С. 164, 166. Подробнее вопрос освещен в примечаниях к письмам Феоктистова от 17 сентября 1851 г. (7-е примечание) и 24 марта 1852 (1-е примечание). См. также в этом аспекте работы Назаровой: Тургенев-критик // История русской критики. М.; Л., 1958. Т. 1; «Постоялый двор» И. С. Тургенева // Из истории русских литературных отношений XVIII—XIX веков. М.; Л., 1959; К истории творчества И. С. Тургенева 50—60-х годов // И. С. Тургенев (1818—1883—1958). Статьи и материалы. Орел, 1960.

⁵⁴ Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858) / Сост. Н. С. Никитина. СПб., 1995; Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1867—1870) / Сост. Н. М. Мостовская. СПб., 1997; *Летопись (1871—1875)*.

вам, особенно неприятных и несправедливых.⁵⁵ Через пять лет он напечатал вторую главу мемуаров (в рукописи — «вторая тетрадь») в издаваемом Пушкинским Домом историко-литературном временнике «Атеней»,⁵⁶ опустив, однако, страницы, посвященные университетскому товарищу Феокистова, позже известному юристу Александру Владимировичу Лохвицкому (1830—1884).⁵⁷ Эти страницы до сих пор доступны лишь читателям архива. Предваряя свою публикацию в «Атенее», Модзалевский вновь обосновал необходимость издания мемуаров и дальнейшего изучения общественно-политической, журнально-публицистической деятельности их автора. Процитировав весьма злые эпиграммы на Феокистова, он комментировал их следующим образом: «...что же касается Феокистова, то за 13 слишком лет его управления цензурным ведомством Русская литература вовсе уж не так сильно страдала от цензурных гонений, как при его преемниках: Феокистов был человек очень образованный и просвещенный и не отличался изуверством». И далее: «Возвращаясь к самим Воспоминаниям Феокистова, повторим здесь то, что мы сказали о них раньше, в „Тургеневском Сборнике“, — а именно, что они представляют несомненный интерес и историко-литературную и историко-бытовую ценность и значение, хотя, скажем вновь, к ним и следует подходить с известною долею осторожности и критики: в той или иной степени они носят на себе отпечаток личности автора и, отдаленные большим пространством времени от эпохи, которую описывают и о которой повествуют, отражают ту перемену, — если не взглядов, то настроений, — какую пережил Феокистов, как и каждый мыслящий человек...».⁵⁸

Книга мемуаров Феокистова, названная издателями «За кулисами политики и литературы», вышла в свет уже после смерти Модзалевского. Подготовил и опубликовал ее Ю. Г. Оксман, снабдив обширными комментариями (при участии Л. Б. Модзалевского). Вступительные статьи А. Е. Преснякова и Оксмана к этому изданию,⁵⁹ материалы комментария до сих пор в той или иной мере восполняют свод сведений, который ложится в основу биографических справок о Феокистове и его окружении.

Сравнительно недавно вышедшее переиздание мемуаров Феокистова воспроизводит не только подготовленный Оксманом текст, но и вступительные статьи к его книге.⁶⁰ Однако с титула сняты строки: «Редакция и примечания Ю. Г. Оксмана. Вводные статьи А. Е. Преснякова и Ю. Г. Оксмана».⁶¹ Представленный в этом из-

⁵⁵ См.: Тургеневский сборник / Под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921. С. 161—195.

⁵⁶ Глава из воспоминаний Е. М. Феокистова / С предисл. и примеч. Б. Л. Модзалевского // Атеней. Историко-литературный временник. Труды Пушкинского Дома Академии Наук СССР / Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Л., 1926. Кн. 3. С. 83—114. Составленный публикатором «тематический реестр» этой главы дает представление о значительности ее содержания: «С. В. Шумский. — А. Н. Островский. — Кружок „Молодого Москвитянина“. — Аполлон Григорьев. — Семейства Баташевых и Шепелевых. — В. А. Сухово-Кобылин и его сын А. В. Сухово-Кобылин» (там же. С. 83). Далее: *Атеней*.

⁵⁷ Из справки Оксмана о Лохвицком: «...известный юрист, доктор государственного права, профессор Ришельевского лицея (1856—1861), Александровского лицея и Военно-юридической академии (1861—1867), редактор „Судебного Вестника“, впоследствии адвокат» (*Феокистов*. С. 37—38).

⁵⁸ *Атеней*. С. 85.

⁵⁹ См.: Пресняков А. Е. Воспоминания Е. М. Феокистова и их значение; Оксман Ю. Г. Е. М. Феокистов и его воспоминания // *Феокистов*. С. V—XV; XVI—XXIX.

⁶⁰ См.: *Феокистов Е. За кулисами политики и литературы (1848—1896)*. М.: Новосты, 1991.

⁶¹ Лишь на обороте титульного листа сказано: «Тексты воспоминаний и предисловия печатаются по: Ленинград, Прибой, 1929 г.».

дании комментарий усечен, без всяких к тому объяснений и указаний на конкретные случаи коррекции.

Необходимость научного переиздания записок Феокистова обусловлена не только тем, что подготовленные еще в конце двадцатых годов, но до сих пор не утратившие интереса, они стали своего рода раритетом. К тому есть и другие причины. Рукопись записок состоит из девяти частей (девять «тетрадей»), композиционно расположенных не в соответствии с хронологической канвой запечатленных в них событий, но сообразно внутренней авторской логике. Так, первая тетрадь рукописи (в публикации Оксмана — глава четвертая) открывается началом шестидесятых годов и вводит в петербургскую жизнь автора воспоминаний: «В 1862 году семейные обстоятельства заставили меня искать службы в Петербурге».⁶² Оправдывая свободное расположение материала в своих записках, Феокистов счел необходимым сообщить, что они представляют собою серию «эссе». Оксман же, произвольно разбив текст на главы, расположил их в соответствии с хронологическим принципом. В его вступительной статье говорится: «Тетради эти, перенумерованные самим Е. М. Феокистовым в порядке, не отвечающем ни времени их написания, ни датировке охваченного в них материала, нами расположены были в некоторой хронологической последовательности и снабжены, как заголовками, краткими тематическими реестрами. Каждая тетрадь рассматривалась при этом как особая глава воспоминаний, и лишь обширность размеров одной из них заставила нас разбить ее на три части (гл. V, VI и VII). Таким образом, материал девяти тетрадей оказался разделенным на одиннадцать глав».⁶³

Автограф воспроизведен в книге Оксмана не полностью. В книгу, к примеру, не вошла «вторая тетрадь» записок, большая часть которой в свое время была опубликована в «Атенее». Издательство отложило ее публикацию.⁶⁴ В тексте был допущен ряд других извлечений и смещений: «Печатаю текст прочих глав полностью, мы, с соответственными разъяснениями в примечаниях, переместили один из эпизодов главы III в главу VII и в нескольких строках глав VI, VII и X воздержались от передачи слишком резких эмоциональных эпитетов и сентенций мемуариста».⁶⁵ Записки Феокистова, таким образом, были не только произвольно структурированы, но и сокращены.

Сличение книги с автографом выявляет необходимость более последовательной характеристики самого процесса работы автора над текстом записок — зачеркнутых или замененных мемуаристом слов, строк, фрагментов.⁶⁶ Весьма основательный и до сих пор плодотворно работающий комментарий Оксмана тем не менее требует восполнения.

В данном выпуске «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома» печатаются первые девятнадцать из сорока трех писем Феокистова. Последнее из этой — первой серии писем к Тургеневу (от 29 марта 1852 г.) заканчивается строка-

⁶² РО ИРЛИ, № 9123, л. 2.

⁶³ См.: *Феокистов*. С. XXVIII—XXIX.

⁶⁴ Об этом сказано так: из материалов девяти тетрадей «временно отложена издательством публикация главы второй, большая часть которой напечатана была в сборнике „Атеней“ кн. III, стр. 86—114» (там же. С. XXIX).

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ К примеру, первая глава в издании Оксмана открывается фразой: «В 1850 году впервые я увидел И. С. Тургенева...» (*Феокистов*. С. 1). В рукописи «седьмой тетради» читаем: «В [канун] 1850 году впервые я увидел И. С. Тургенева...» (РО ИРЛИ, № 9123, л. 115).

ми: «У меня тут была маленькая неприятность по поводу Вашей статейки о Гоголе, помещенной в „Мос<ковских> Вед<омостях>“, но об этом при свидании. Когда же оно будет? Жду с нетерпением». Смерть и похороны Н. В. Гоголя, ярко отразившиеся в публикуемых письмах, арест Тургенева, поводом к которому послужил его некролог Гоголю, следствие по делу Боткина и автора писем, — события, проложившие своего рода границу в жизни Феоктистова и его корреспондента, объективно определяют рубеж между публикуемой в этом выпуске частью писем и письмами, предназначенными для последующей публикации.

Письма Феоктистова хранятся в РО ИРЛИ, ф. 166 (Л. Н. Майков), оп. 5, № 239 (42 письма). Письмо (с припиской Салиас), написанное по приезде в Орел (с карандашной пометой рукой неизвестного лица: 1853. 27 августа), — № 5850 (письма Е. В. Салиас к И. С. Тургеневу).

Тексты писем печатаются с сохранением авторской орфографии и пунктуации, за исключением отдельных случаев, приведенных в соответствие с современными нормами орфографии и синтаксиса. Подчеркнутые автором слова и фразы выделены курсивом.

Условные сокращения

- Ашеников и его друзья* — П. В. Анненков и его друзья: Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 годов. СПб., 1892. Т. 1.
- Атений* — Глава из воспоминаний Е. М. Феоктистова / С предисл. и примеч. Б. Л. Модзалевского // Атений. Историко-литературный временник. Труды Пушкинского Дома Академии Наук СССР / Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Л., 1926. Кн. 3. С. 83—114.
- Белинский* — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953—1959.
- Бестужев-Рюмин* — Воспоминания К. Н. Бестужева-Рюмина (до 1860) / Изданы академиком Л. Н. Майковым. СПб.: тип. имп. Академии наук, 1900.
- Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики* — *Бестужев-Рюмин К. Н.* Биографии и характеристики. (Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг). СПб., 1882.
- Боткин и Тургенев* — В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Незданная переписка. 1851—1869. По материалам Пушкинского Дома и Толстовского музея / Пригот. к печати Н. Л. Бродский. М.; Л.: Academia, 1930 (Памятники литературного быта).
- Вольф* (с указанием тома и части) — *Вольф А. И.* Хроника Петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. СПб., 1877. Т. 1. Ч. 1 и 2; *оп. же.* Хроника Петербургских театров с конца 1855 до начала 1881 года. СПб., 1884. Т. 2. Ч. 3.
- Гоголь* — *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Русская книга, 1994.
- Летопись* (с указанием годов) — Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858) / Сост. Н. С. Никитина. СПб.: Наука, 1995; Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1861—1870) / Сост. Н. Н. Мостовская. СПб.: Наука, 1997; Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1871—1875) / Автор-сост. Н. Н. Мостовская. СПб.: Наука, 1998.
- Майков Л.* — *Майков Л. Е. М.* Феоктистов (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. № 8. С. 26—44 (разд. «Современная летопись»).
- Назарова* — *Назарова Л. Н.* К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851—1853 годы) // Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.
- Некрасов* — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л.: Наука, 1981—1997. Т. 1—13. Издание продолжается.
- Никитенко* — *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. Л.: ГИХЛ, 1955—1956.
- Островский* — *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.: ГИХЛ, 1949—1953.

- Тургенев и круг Современника* — Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы, 1847—1861. М.; Л.: Academia, 1930.
- Т. Письма (1-е изд.)* — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР (с 1964 г. — «Наука»), 1961—1968.
- Т. Письма (2-е изд.)* — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М.: Наука, 1982—2000. Издание продолжается.
- Т. Сочинения (2-е изд.)* — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М.: Наука, 1978—1986.
- Феоктистов* — Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы. 1848—1896 / Редакция и примечания Ю. Г. Оксмана; Вводные статьи А. Е. Преснякова и Ю. Г. Оксмана. Л.: Прибой, 1929.
- Чичерин* — Чичерин Б. Н. Воспоминания / Сост., общ. ред. и предисловие С. Л. Чернова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991 (Сер. «Русское общество 40-х—50-х годов XIX в.»; Ч. 2).

1

21 февраля (5 марта) 1851 г. Москва

Москва. 21 февраля. 51.

Против всякого чаяния, почтеннейший Иван Сергеевич, — Драшусов заблагорассудил отдать мне деньги,¹ — хоть половину по крайней мере (100 р<ублей> с<еребром>). Успех так ободрил меня, что я не намерен отказываться от другой половины, и давши ему немножко отдохнуть, обращусь к нему опять. Впрочем, должно сказать правду, вытребование этих денег не стоило мне больших хлопот. Благодарность Вам и шампанское, когда увидимся в Москве!²

По отъезде Вашем все идет по-прежнему.³ Однажды Вам случилось быть героем вечера у гр. Ростопчиной.⁴ Я читал у нее Ваш «Дневник лишнего человека», — было человек 5 или 6, не более, в том числе Островский и Писемский (автор «Тюфяка» — существо дикое, необтесанное, но все-таки очень замечательное). — Повесть очень понравилась, но, разумеется, тотчас же подверглась критике со всевозможных сторон. — Без сомнения, при этом благоприятном случае, упрекали ее в недостатке художественности, — именно говорили, что за остротами г. Чулкатурина беспрестанно видны Вы сами, — что вообще господин, вроде лишнего человека, не может так говорить и острить в некоторых случаях, как Вы его представляете. Посреди многого весьма дикого, — как, например, Островский уверял, что в Вашей повести видно — «неуважение к искусству», — было сказано, однако, довольно много верных и ловких замечаний. Но все-таки повесть всем ужасно понравилась, и даже Островский хвалил сквозь зубы.

Вчера получен тут 2 № «Современника». Когда это Вы успели кончить и напечатать Вашу повесть⁵ — удивительное дело! Я прочел ее вчера графине — и она и я в совершенном от нее восторге. Решительно, это одна из лучших вещей, Вами написанных. Нельзя и рассказать, сколько поэтического в Вашем рассказе; описание природы и того местечка, где сидят мальчики, — превосходно. Не понимаю я, отчего «От<ечественные> зап<иски>» и «Совр<емен-

ник>» находят, что Ваша «Провинциалка» ниже «Холостяка»⁶ и т. д. По мысли — так, но мне кажется, надобно было бы обратить внимание на выполнение, которое, по моему мнению, несравненно выше всего, что Вы написали в драматическом роде. А прoros, после Вашего отъезда мы видели «Провинциалку» на Малом театре. Она идет несравненно лучше, — даже Рыкалова была очень удовлетворительна, и говорила тише; но Щепкин все так же плох и портит роль.⁷ Напишите, кто Вам более нравится в роли Любиа — Шумский или Самойлов.⁸

По случаю театра вот Вам еще новость: Писемский написал комедию под заглавием «Ипохондрик» — и она будет скоро напечатана в «Москвитянине».⁹ Кто не читал — говорят, что комедия превосходная. Он хочет хлопотать, чтоб ее дали на театре. «Москвитянин», между прочим, с марта переходит совершенно в заведение Островского и К^о.¹⁰

Вот Вам почти все, что есть в Москве нового. Теперь начались занятия, — близок экзамен, дурное время! Графиня все эти дни больна, никуда не выезжает, а я сижу дома и читаю. Мы часто с Боткиным вспоминаем наши беседы с Вами, и особенно я вспоминаю с ужасом Ваши суждения о ноге Дианы и т. д., где Вы таким блестящим образом показали совершенное отсутствие и даже грубость эстетического вкуса.

Прощайте, Иван Сергеевич! Слышал я, что Вы небольшой охотник писать письма. Однако соберитесь с духом и напишите несколько строк. Доставите этим большое удовольствие преданному Вам

Е. Феоктистову.

Приписка Е. В. Салиас:

И я, Тургенев, хочу приписать к Вам несколько строк, хотя едва жива осталась от Масляницы, в продолжении которой постоянно простужалась в театре. Что Вы подельваете? Уехал, и был таков, ни слуху, ни духу. J'arrive en chantant et je pars en giant^a — вот девиз Ваш. А что Дарья Ивановна¹¹ влюблена все еще? Ну, пусть страдает!! А мы живем по-прежнему — совершенно так, как и при Вас. Только очень мне хочется на Святой или после сыграть провинциалку!* Увидев Рыкалову, я убедилась, что сыграю ее лучше, чем она, и летом непременно устрою это, к своей и Вашей славе, — надеюсь. Прощайте, будьте веселы, счастливы, здоровы, и не забывайте нас грешных. — Жму Вам дружески руку.

¹ Драшусов Александр Николаевич (1816—1890) — астроном, журналист. Закончил в 1833 г. физико-математический факультет Московского университета со степенью кандидата и золотой медалью (см: Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. М., 1974. Т. 1. С. 50—51; также: упоминания Герцена об университетском для себя соперничестве с Драшусовым в седьмой главе «Былого и дум», в письмах от 5 и 6 июля 1833 г. к Н. П. Огареву и Н. А. Захарьиной). По распоряжению министра народного просвещения С. С. Уварова оставлен при обсерватории и позже с

^a Я прихожу, распевая песни, я ухожу, смеясь (франц.).

* Так в автографе.

научными целями направлен за границу. За рубежом (около двух с половиной лет) занимался астрономией и физикой в Вене, Мюнхене, Милане, Женеве, Геттингене, Берлине и Кенигсберге. По возвращении в 1840 г. занял должность адъюнкта по кафедре астрономии Московского университета, в 1850 г. — защитил магистерскую диссертацию (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета / Под ред. С. Шевырева. М., 1855. Ч. 1. С. 311, 315). В Германии, где Тургенев жил с мая 1838 г. по конец августа 1839 г., мог встречаться с ним и занять у него деньги. 4 декабря 1839 г., жалуясь Т. Н. Грановскому на безденежье, Тургенев спрашивал о Драшусове и интересовался, нельзя ли получить от него долг (см.: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 1. С. 145, 456). Во время своей поездки в Москву в 1842 г. получил от Драшусова записку о должных ему 191 талерах. Разыскав записку среди своих бумаг, 16 февраля 1851 г. пообещал Феоктистову в случае нужды переслать ее (там же. Т. 2. С. 92). 12 марта 1851 г., видимо, побуждаемый просьбой Феоктистова, послал ему свою записку, обращенную к Драшусову, в которой назвал общую сумму долга в переводе на русские деньги (там же. С. 95).

² Тургенев позволил Феоктистову истратить полученные им от Драшусова деньги на свои нужды (расплатиться с долгами), что побудило его корреспондента выразить признательность в письме от 1 марта 1851 г. Воля Тургенева достаточно прозрачно выражена в строках, написанных им 12 марта 1851 г. (входит в состав письма Феоктистову от 4—13 марта): «Прилагаю записку к Драшусову — из которой сделать можете надлежащее употребление» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 95).

³ Имеется в виду третий за 1850 г. приезд Тургенева в Москву (прибыл 21 ноября 1850 г.). Здесь неоднократно посещал дом Е. В. Салиас де Турнемир. В частности, летопись фиксирует его визит между 21 и 28 ноября (*Летопись (1818—1858)*. С. 173). Под впечатлением встреч он писал 3 (15) декабря 1850 г. Полине Виардо: «Вижусь с немногими: прежде всего — с графиней Салиас, с Щепкиным и его сыном. Эта графиня — русская, замужем за французом, который после одной дуэли вынужден был вернуться к себе на родину. Она остроумна, добра, искренна; в ее манерах есть что-то напоминающее вас. Мы с ней большие друзья. Она вращалась в светском обществе, но потом отдалась от него. Она немолода, нехороша собой, но располагает к себе, так как с нею сразу чувствуешь себя непринужденно. Это, как вы знаете, очень хороший признак; а к тому же у нее и вправду настоящий талант» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 75, 373; письмо начато 1 (13) декабря 1850 г.). До 5 (17) декабря, если следовать письму Тургенева к Виардо, он прочитал свою «Провинциалку» М. С. Щепкину и Салиас. Вечер 5 декабря, после чтения «Провинциалки» гостям графини М. Ф. Соллогуб, также провел у Салиас (см.: там же. С. 78, также: *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 2. С. 375). О частых посещениях Тургеневым ее дома зимой 1850—1851 годов свидетельствует и Бестужев-Рюмин: «У графини Сальяс я также часто бывал в эту зиму, как и в предыдущую. <...> Бывал тогда часто у графини Тургенев. С ним я не разговаривал, но прислушивался к нему, а дома у него был только раз. Мы взаимно не нравились друг другу...» (*Бестужев-Рюмин*. С. 32—33). Встретив в Москве новый, 1851 год, Тургенев уехал в Петербург между 2 и 6 февраля (*Летопись (1818—1858)*. С. 179).

⁴ Чтение «Дневника лишнего человека» у Ростопчиной состоялось предположительно между 6 и 21 февраля 1851 г. (см.: *Летопись (1818—1858)*. С. 179, 181). *Ростопчина (урожд. Суикова) Евдокия Петровна*, графиня (1811—1858) — поэтесса, прозаик, драматург. С 1847 г. вынуждена была жить в Москве (о мотивах ее опалы см.: *Киселев В. С.* Поэтесса и царь. Страница истории русской поэзии 40-х годов // *Русская литература*. 1965. № 1. С. 144—156). Субботы Ростопчиной в доме на Садово-Кудринской собирали людей разных убеждений, в том числе членов молодой редакции «Москвитянина» во главе с А. Н. Островским — А. А. Григорьева, Е. Н. Эдельсона, Л. А. Мея, Т. И. Филиппова и пр. (см.: Из воспоминаний Д. М. Погодина // *Исторический вестник*. 1892. № 4. С. 52—55). Тургеневские оценки ее поэзии, как правило, окрашены иронией (см. 6-е примечание к письму от 17 марта 1851 г.). Он признавался С. Т. Аксакову (в письме от 22 января 1853 г.), что стихи К. К. Павловой и Ростопчиной ему еще менее по вкусу, чем стихи Н. Ф. Щербины, представляющие «какой-то любовственный писк, который нам хотят выдать за античность!» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 190). Для Ростопчиной отношение Тургенева не было тайной: «...вот вы меня полюбили и воображаете, что другим я тоже по душе: нет! ни Боткин, ни Тургенев не были у меня и не кланялись мне от вас; да их ко мне и не пустят! — писала она А. В. Дружинину 23 апреля 1854 г. — Они в кругу Грановского, Корша etc., где меня считают самую пустою

из светских писательниц и самым плохим поэтом между графинь». И далее по-французски: «...для этих людей я человек совсем не вдумчивый и неглубокий, а ваши друзья находятся под их влиянием, к моему величайшему сожалению, ведь мне очень нравится Боткин, я глубоко уважаю Тургенева, которого, думается, можно любить более, чем искренно» (Письма к А. В. Дружинину. М., 1948. С. 271, 272. См. в том же духе строки из ее письма к Дружинину от 24 ноября 1854 г. Там же. С. 279). По мнению А. Б. Ранчина, ее женскую и писательскую ревность могли питать положительные отклики Тургенева и Островского на повести и романы Е. В. Салиас де Турнема (Ходасевич В. Собр. соч. В 4-х т. М., 1996. Т. 2. С. 472).

Речь идет о «Бежином луге» (вышел в свет в составе второго, февральского, номера «Современника» за 1851 г., подпись Ив. Тургенев). Рассказ был задуман в августе—сентябре 1850 г., написан в Петербурге в начале 1851 г. (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 3. С. 464). Сообщение Тургенева о работе над журнальной публикацией «Бежина луга» Феоктистов получил позже, чем отправил свое письмо от 21 февраля 1851 г. (ср. с письмом от 24 февраля). Предваряя появление номера «Современника» с «Бежиным лугом», Тургенев 16 февраля 1851 г. писал: «...я был очень занят — и только вчера отделился от „Современника“. Вы в нем увидите мою работу — желаю, чтобы она Вам понравилась — цензура ее сильно ощипала — я Кетчеру посылаю оригинал — и Вы, если хотите, можете спросить его у него» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 92; *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 3. С. 464—466). См. также письмо от 24 февраля 1851 г.

На страницах второго, только что прочитанного Феоктистовым номера «Современника» (в этой книжке — «Бежин луг»), свое мнение о «Провинциалке» высказал А. В. Дружинин. Разбирая январский номер «Отечественных записок», где была напечатана «Провинциалка», он пришел к выводу: «...комедия господина Тургенева, помещенная в начале книжки, не принадлежит к числу лучших вещей даровитого автора, несмотря на прекрасный язык, которым она написана» (Отд. VI. Современные заметки. С. 226). Отзыв Дружинина вольно или невольно вступал в сравнение с высказанной им ранее оценкой «Холостяка»: «...автор представил нам настоящую, живую новую русскую комедию, которая умна, занимательна, свежа, удобна для сцены и произвела бы на ней большой эффект...; если б для нее сыскались старательные актеры и публика, предпочитающая тонкий анализ двусмысленным шуткам, пересыпанным солью... солью вовсе не аттической!» (Современник. 1849. № 10. Отд. Смесь. С. 288). В этом же, втором, номере «Современника», в анонимной статье «Новости петербургских театров» («Провинциалка», поставленная на сцене Александринского театра в бенефис Самойловой 1-ой, также была оценена весьма сдержанно и противопоставлена ранним драматическим опытам писателя: «Новая комедия И. С. Тургенева „Провинциалка“, весьма хорошо разыгранная гг. Самойловой и Мартыновым и Н. В. Самойловой, доказывает давно известную истину — у г. Тургенева больше таланта к рассказу и повести, но он может, если пожелает, не без успеха пробовать свои силы и в драматическом роде. Однако ж „Провинциалка“ показалась нам слабее „Завтрака у Предводителя“ и даже „Холостяка“ того же автора» (Отд. VI. Смесь. Современные заметки. С. 269; позже атрибутирована А. Н. Серову. См.: *Серов А. Н.* Статьи о музыке: В 7 вып. 1847—1853. М., 1984. Вып. 1. С. 9).

После отъезда Тургенева в Петербург (выехал между 2 и 6 февраля 1851 г.) о «Провинциалке» на сцене Малого театра «Московские ведомости» объявляли дважды: первый спектакль должен был идти во вторник 6 февраля (см.: *Московские ведомости*. 1851. 6 февр., № 16), второй — в четверг 15 февраля (утренний). В московской постановке «Провинциалки» (бенефис М. С. Щепкина) Тургеневу не понравилась игра Н. В. Рыкаловой в роли Дарьи Ивановны, но он пришел в восторг от С. В. Шумского, сыгравшего графа Любина (о Шумском см. ниже — 8-е примечание). В день спектакля, 18 января, Тургенев делился с П. Виардо: «Пьеса была довольно хорошо разыграна всеми, за исключением героини, которая была невнятна; зато актер, игравший главную роль, был очарователен. Это молодой актер, по фамилии Шумский; он сегодня сильно выиграл в мнении публики, и я в восторге, что дал ему к тому случай» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 86, 380). О Щепкине в письмах Феоктистов неоднократно отзывался отрицательно. Однако позже в мемуарах он оставил о нем глубоко уважительные строки: «Известно, с каким искренним участием относился Щепкин ко всякому таланту; это была вполне доброжелательная натура, и влияние его на всю труппу было в высшей степени благотворно. Иначе и не могло и быть: умом он неизмеримо превосходил своих товарищей; беседовать

с. ним было истинное наслаждение, во-первых, потому, что воззрения его на искусство, которому он посвятил свою жизнь, отличались замечательной глубиной и оригинальностью, а во-вторых, у него был неисчерпаемый запас рассказов о всем, что приходилось ему видеть и испытать на своем веку, и каждый из них умел он облечь в художественную форму, так что эти рассказы навсегда запечатлевались в памяти» (*Атеней*. С. 87).

⁸ Петербургскую постановку «Провинциалки» на сцене Александринского театра (четвертое представление) Тургенев посмотрел вскоре после возвращения из Москвы — 11 февраля 1851 г. с участием В. В. Самойловой (Дарья Ивановна), ее брата В. В. Самойлова (граф Любин), А. Е. Мартынова (Ступенлев). 16 февраля, опережая вопрос своего адресата (Феоктистов получил письмо Тургенева позже, чем послал свое), он сообщал: «Видел я здесь „Провинциалку“. Самойлова очень мила, но Самойлов гораздо ниже Шумского. У Самойлова игра чисто внешняя и в сущности весьма однообразная. Мартынов хорош — но не знает роли» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 92, 445). В ранней главе воспоминаний Феоктистов оставил краткое жизнеописание и выразительный психологический портрет Сергея Васильевича Шумского (наст. фам. Чесноков; 1820—1878) — ученика Щепкина по Театральному училищу, актера московского Малого театра (см.: *Атеней*. С. 86—87, 95—98). Феоктистов встретился с Шумским у Тургенева, в доме на Остоженке, в разгар работы над «Провинциалкой», и их знакомство перешло в «тесную» многолетнюю дружбу (см.: *Феоктистов*. С. 11).

⁹ 12 февраля 1851 г. А. Ф. Писемский читал сцены из комедии «Ипохондрик» у М. П. Погодина. В печати пьеса появилась в первой книге «Москвитянина» за 1852 год. Попытки продвинуть ее на сцену натолкнулись на запрет цензуры. Первое представление «Ипохондрика», не принеся удовлетворения комедиографу, прошло на петербургской сцене в 1855 г. Из хроники Вольфа: «„Ипохондрик“ Писемского, несмотря на то, что Мартынов взял на себя роль Дурнопечина, не понравился публике» (*Вольф*. Т. 2, ч. 3. С. 9). В Москве пьеса была показана в 1857 г. (*Писемский А. Ф. Пьесы / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. М. Еремина*. М., 1958. С. 435—437). См. также письмо Феоктистова от 14 января 1852 г. и 7-е примечание к нему.

¹⁰ В начале февраля 1851 г. Островский вел переговоры с Погодиным о передаче ему «Москвитянина» (см. письма драматурга от 1, 5—6, 9—12 февраля 1851 г.). Его письмо к Погодину от 8 февраля 1851 г. подтверждает крепнувшую в московских кругах уверенность в победе «молодых» в журнале (А. А. Григорьева, Б. Н. Алмазова, Т. И. Филиппова, Е. Н. Эдельсона и др.), и в то же время письмо передает сложность их отношений с главным редактором: «Прошу Вас по крайней мере не прелягивать тому слуху, что „Москвитянин“ может быть под моим распоряжением. Мне уж теперь, кроме многих ученых статей, обещано 3 повести к 15 февраля да 4-я моя» (*Островский*. Т. 14. С. 20). Салиас, приглашенная к Ростовичной на чтение повести Писемского «Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицина. Брак по страсти», которую продвигал в журнал Островский (Москвитянин. 1851. № 4—7), могла укрепить в Феоктистове мысль о возрастающем значении «молодых» в журнале. Однако уже 25 февраля Островский в смятении писал Погодину: «Теперь об нашем деле. Чего я опасался, то и вышло. Когда я сказал кой-кому, на чем мы порешили (т. е. сказал так, как уговорились), то получил вот какие возражения: „Значит, это только на нынешний год! Значит, мы должны отдавать статьи все-таки Погодину! Поднять его журнал! И какую вы роль берете на себя! Он может и сам обратиться ко всем литераторам! Не того мы ждали! Мы думали, что журнал будет ваш, а следовательно и наш; кроме трудов, можно бы решиться на пожертвования, по крайней мере была бы надежда на вознаграждение! А теперь мы и вы должны служить Погодину!“ — Хорошо еще, что я не был ни у кого из значительных деятелей, т. е. ни у Грановского, ни у графини Сальяс, ни у Леонтьева и проч. Каково бы мне было с ними разговаривать! Что мне делать, научите меня» (там же. С. 21—22). О «молодых» в «Москвитянине» начала пятидесятых годов см.: *Егоров Б. Ф. А. Н. Островский и «молодая редакция» «Москвитянина» // А. Н. Островский и русская литература*. Кострома, 1974. С. 21—27.

¹¹ *Яздовская Дарья Ивановна* (?—1883) — вдова, проживавшая у А. П. и Н. Н. Тютчевых. Известны два письма Тургенева к Яздовской 1859 и 1862 гг. Тургенев шутливо называл ее Дарией (см.: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 616, 175, 313 и др. по именному указателю).

24 февраля (8 марта) 1851 г. Москва

Москва. 24 февр. 1851.

Чрез несколько минут после того, как я послал к Вам свое письмо, получил я Ваше,¹ любезнейший Иван Сергеевич. Я был в ужасном раздражении и сплине, когда писал к Вам, и оттого мое послание, я чувствую, вышло как-то уродливо официально и пошло. Теперь постараюсь вознаградить это, подробно описавши Вам, что тут у нас творится нового и замечательного.

Начать с того, что в эти дни тут только и толков (разумеется, в известных кружках), что об Вашем последнем рассказе.² Я уже писал к Вам, что он произвел на меня самое приятное впечатление. Под наитием его, я прихожу на другое утро к Кобра-Капелла.³ Тот уже прочел Ваш рассказ — и облизал, высосал и обнюхал его до совершенства. — Разговор сейчас начался, как и следовало, об этом новом произведении Вашего таланта. Был длинный спор, Кобра-Капелла проникал в самые сокровенные изгибы искусства вообще и Вашего дарования в особенности, и, наконец из всего разговора составилось следующее заключение, принадлежащее Боткину, и с которым я однако не совершенно и далеко не во всем согласен: разумеется, нечего и говорить про то, что содержание Вашего нового рассказа шире, нежели во всех Ваших прочих произведениях. Задача была огромная и превосходная — но, к сожалению, в исполнении видна страшная поспешность. Боткин говорит, что подобное произведение надо было долго «носить во чреве своем» для того, чтобы все вышло кругло и определено, тогда как теперь, напр<имер>, фигуры мальчиков очерчены очень бегло, и с этим я не мог не согласиться. Действительно, кроме Павла и Кости, все прочие мальчики совершенно незаметны. Ваня, мне кажется, Вам не удался, также и Федя. Во всем рассказе бездна удивительных подробностей, — подробностей, которых, смело можно сказать, нет даже у Гоголя, но целостная картина не рисуется, общего впечатления недостает. — А некоторые подробности — я совершенно от них замирал: напр<имер>, этот звук, который среди ночной тиши вдруг несется над рекою, потом местоположение, и бездна других, самые рассказы — все это такая роскошь, что душа насквозь проникается каким-то ужасно поэтическим чувством,* но в целом есть большие недостатки. Мне кажется, надлежало бы, чтобы над всю эту картину лежал какой-нибудь фантастический характер, — потому что в этом маленьком очерке Вы взяли наш народ со всеми его таинственными поверьями,** суеверьем и т. д., — и этого-то характера нет, да и, вообще сказать, рассказы мальчиков*** очень мало действуют на читателя. Боткин говорит, что это оттого, что

* *Вместо:* ужасно поэтическим чувством — *было:* ужасным, поэтическим чувством

** *Вместо:* таинственными поверьями — *было:* преданиями

*** *Вместо:* рассказы мальчиков — *было:* рассказы эти

во всем рассказе не видно экономии: один рассказ тотчас же прерывается другим и нет отдыха читателю, нет промежутков, которые давали бы опомниться и прочувствовать вполне свое впечатление. Вот краткий перечень того, об чем говорили около 2 часов. *Résumé* тот, что вообще во всем рассказе нет общей нити, и оттого нет этого* сильного, какого-то даже иногда смутного чувства, которое выносите из всякого поэтического произведения, а Ваш рассказ должен был произвести это впечатление, потому что все-таки он принадлежит, по моему мнению, к лучшим Вашим произведениям, и исполнен подробностей высокопоэтических и нигде их столько не заключено разом, сколько в нем.⁴ Вообще же он произвел в Москве огромный эффект на публику, потому что все изложенное мною резонерство принадлежит, по выражению Кобра-Капелла, гастрономам в литературном деле, которые приходят в восторг от кушанья, а, между тем, все-таки хотят анализ править, из чего оно состоит и по всем ли правилам гастрономического искусства оно составлено.

Поговорим теперь о Драшусове. Как я уже Вам писал, он отдал мне 100 р<ублей> сер<еребром>, но дело в том, что он сказал, будто бы не знает, сколько Вам должен. Тогда я отвечал ему, что Вы тоже не помните, но во всяком случае не менее 150 р<ублей> с<еребром>. Он это число принял с радостью, но теперь, когда у Вас нашлась записка, то можно было повести лучше и не отказываться от 190 талеров. Поэтому нельзя ли Вам будет написать ему несколько строк и напомнить ему, сколько он Вам должен, а я уже тогда адресуюсь к нему. Пусть хоть он мне отдаст другие 100 руб<лей>. Пожалуйста, уведоьте меня, как бы тут поступить мне...⁵

Кетчер во фрейлины еще не произведен.⁶ Графиня очень больна теперь; она простудилась и лежит постоянно теперь. Через силу она сделала Вам приписку в моем прошедшем письме. Напишите ей непременно. — Об Аксакове я передал Ваше поручение Грановскому.⁷ — Ах! еще маленький анекдот, — но ради Бога, чтоб он остался между нами. Кобра-Капелла узнал о Вашем рассказе, как Вы провели вечер у отрекомендованной им дамы в маскарade, и он уверяет, что Вы оттого это рассказываете, что Вы не успели в своих исканиях и были ею деликатно выпровождены. Какая Кобра-Капелла! Он говорит, что дама эта очень недурна и будто ей не более 26 или 27 лет, и ссылается в этом на авторитет Кетчера, который тоже уверяет, будто бы она очень презентабельна и даже хороша. Но, пожалуйста, об этом ни слова. Еще успеете тут в Москве отместить Кобре.

Тот же Кобра-Капелла вчера таял от какой-то актрисы под названием Марья Ивановна Иванова. Он говорит, что Вы ее видели, но она Вам не понравилась. Значит, что мне она понравится, потому что с знаменитого нашего посещения Малого театра — показали Вы, что не имеете вкуса, о! Драгоценный Иван Сергеевич! Человек, которому не нравится Ирка,⁸ — что же он такое? О груди

* *Вместо:* и оттого нет этого — *было:* и нет этого

Ирки — поразите презрением этого дерзновенного! Впрочем, я еще надеюсь, что Вы одумаетесь до будущего Вашего приезда в Москву и упадете к Дианиным ногам ее!!!...

Еще забыл. Когда я получил Ваше письмо, у графини был Грановский, и мы послали за шампанским Лелегар и Дельбек. Хорошо, а все не Редерер!⁹ Уж Вы преувеличиваете его достоинство!

Прощайте, драгоценный Иван Сергеевич. Будьте веселы, и главное — здоровы! Пожалуйста, напишите мне ответ. Жду его.

Искренне Вас любящий

Е. Феоктистов.

¹ Письмо Тургенева из Петербурга, помеченное 16 февраля 1851 г. (см.: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 91—92).

² О «Бежином луге», см. 5-е примечание к письму Феоктистова от 21 февраля 1851 г.

³ Прозвище В. П. Боткина. Произошло от названия очковой змеи *кобра де капелла* («шапочная змея») или просто — *кобра*. Эти же названия употребляются в Африке для обозначения крайне ядовитой змеи — *астиды* («плюющая змея») (см.: *Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*. СПб., 1897. Т. 20, кн. 39. С. 463—464). Из ответного письма Тургенева к Феоктистову от 4—13 марта 1851 г.: «Да скажите Кобре-Капелле, что я его щечочу под горлом. Змеи вообще это любят» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 96).

⁴ Тургенев откликнулся на суждения Боткина и Феоктистова в письме от 4, 12, 13 марта 1851 г.: «Что касается до Ваших замечаний насчет „Бежина луга“ — то во многом согласен — в ином нет. Напр., я вовсе не желал придать этому рассказу фантастический характер — это не немецкие мальчики сошлись — а русские. Самое верное замечание сделал мне Дудышкин — сказал, что мальчики у меня говорят как взрослые люди» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 95).

⁵ О Драшусове см. письма Феоктистова и примечания к ним — от 21 февраля 1851 г. (1-е), 24 февр. 1851 г. (8-е), 1 марта 1851 г. (8-е), 17—18 марта этого же года (9-е).

⁶ Отклик на строки из тургеневского письма от 16 февраля 1851 г.: «Кстати, здесь распространился слух, что Кетчер произведен во фрейлины; но я, однако, сомневаюсь — хотя бы весьма желал видеть шифр на декольтированном его плече» (там же. С. 92). *Кетчер Николай Христоворович* (1806(?)—1886) — врач, переводчик, литератор круга А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. В. Станкевича, В. Г. Белинского, позднее — Грановского, отличался экстравагантностью поведения и внешнего облика, что зачастую делало его неудобным в общении (см.: *оценку Герцена в 4 ч. «Былого и дум», гл. XXXIII; также: Чичерин*. С. 134—139). Шутка Тургенева вызвана, скорее всего, именно этими сторонами натуры в целом симпатичного ему человека. С годами Феоктистов стал судить о Кетчере еще более жестко как о характерном представителе, по его мнению, мелкотравчатой среды Грановского. Полемицируя с А. В. Станкевичем (см. изданный им в 1887 г. биографический очерк «Н. Х. Кетчер. Воспоминания А. В. Станкевича»), он создал, по существу, глубоко антипатичный образ Кетчера (см.: *Феоктистов*. С. 4, 36, 37).

⁷ Ответ на просьбу Тургенева (касалась К. С. Аксакова): «...Аксаков был в Петербурге — и ко мне заходил — не застал меня дома — и не оставил своего адреса, так что я никак не мог отплатить ему его визит — он так и уехал. Доставьте ему через Грановского мой поклон и мое сожаленье, что не видел его здесь» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 92).

⁸ Шутливые пассажи Феоктистова и Тургенева об Ирке (см. письмо Феоктистова от 1 марта 1851 г. и тургеневское письмо к нему от 4—13 марта 1851 г.) скорее всего восходят к их совместному посещению московского спектакля с участием снискавшей шумный успех танцовщицы Матиас (Mattias) Ирки (1829—1858). Родилась в Лионе в семье, корни которой связаны с Венгрией. Подростком была увезена в Париж, где стала ученицей первого балетмейстера Королевской Музыкальной Академии — Ж. Мезилье. Дебютировала на сцене театра в Руане. Два года танцевала на сцене Королевского театра в Гааге. В 1847 г. темпераментная и миловидная акт-

риса вошла в труппу императорского московского театра (первое выступление на сцене Большого театра 17 сентября 1847 г.). Исполняла многочисленные танцевальные партии в операх и балетных спектаклях, выразив наметившуюся в балете тягу к яркой характерности («Эсмеральда» А. С. Даргомыжского, «Пахита» Э. Дельдевеза, «Катарина, дочь разбойника» Ц. Пуни, и проч.). 9 января 1851 г. в бенефис М. Д. Львовой-Синецкой выступала вместе с Фанни Эльслер (Бенефис г-жи Львовой-Синецкой // Ведомости московской городской полиции. 1851. 9 янв., № 6. С. 1). Лучшей в репертуаре Матиас стала заглавная роль в «Гитане, или Испанской цыганке» (муз. Д. Обера, И. Шмидта), которая, по свидетельству биографа, исполнялась ею с особенным увлечением и грацией. «Неоднократно восторженный партер осыпал ее цветами в этой роли...» (Драматический альбом с портретами русских актеров и снимками с рукописей / Изд. П. Н. Арапова и Августа Роппльта. М., 1850. С. 231). 30 апреля 1853 г. этим спектаклем завершилось пребывание Матиас в России, откуда она уехала в Париж, а затем на гастроли в Америку. См.: Красовская В. С. Русский балет от возникновения до середины XIX века. Л.; М., 1958. С. 284; Чернова Н. Ирка Матиас в Москве // Советский балет. 1991. № 2. С. 48—50.

⁹ Реакция на строки из письма Тургенева от 16 февраля 1851 г.: «...вчера мы страшно много пили — Зиновьев, Корш, Якушкин, Маслов, Тютчев и я — у Дюссо. Пили новое превосходное шампанское, Лелегар и Дельбек — гораздо лучше Редера» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 92).

3

1(13) марта 1851 г. Москва

Москва. Марта 1. 1851.

Драгоценный Иван Сергеевич, — посылаю это письмо со страхом, что его не примут на почту, потому что графиня прежде еще меня написала Вам около 500 страниц, да если я еще напишу хоть четверть того, — то едва ли Почтамт видал когда-либо* послания такого объема. Пишу к Вам под влиянием самого превосходного впечатления: вчера пел Марио в Благород<ном> Собрании.¹ Я и не подозревал, чтобы мог существовать такой голос. Я слышал Рубини,² когда уже он сходил со сцены, — и он вдвое не произвел на меня такого впечатления, как Марио. Боткин уверял, что во время пения Марио у многих дам указательные персты находились в действии. Этого я не видал, но не ручаюсь, чтобы этого не было по приезде их домой, когда они ложились спать. Марио действительно очень хорош, гораздо лучше Чиабатты,³ который не больше, как статный и дебелый итальянский мужик. Послезавтра — другой концерт.⁴

Но поговорим о другом. В продолжении всего этого времени в литературных кружках только и говорили об Вашем последнем рассказе.⁵ — Действительно, он так хорош, что его можно перечитывать по несколько раз. Тут, как Вам известно, трубят о повести Станкевича,⁶ он читал ее мне. Повесть написана хорошо, но не более, и вообще для русской литературы нельзя ожидать от Станкевича решительно ничего. — Дело в том, что лицо, которое он вывел в этой повести, — это тот же «Ипохондрик» (повесть, которую он напечатал в «Совр<еменнике>»),⁷ — а ипохондрик и главное лицо его новой повести — он сам, Станкевич. Повесть его —

* *Вместо:* когда-либо — *было:* каки<е-либо>

результат всей его жизни, оттого она хороша, оттого в ней много верного анализу, много что идет прямо от сердца — но кроме этого Станкевич едва ли что-нибудь напишет, потому что у него нет решительно никакого знания действительности, она его пугает и оттого из-под его пера не выйдет ничего живого. Не знаю, прав ли я, но это мнение родилось в моей голове в то время, как он читал повесть. Она написана вроде кудрявцевских повестей, которых я терпеть не могу.

Об Драшусове я Вам уже писал. Необходимо, чтобы Вы дали ему знать, сколько он Вам должен.⁸

Очень, очень рад, драгоценный Иван Сергеевич, что Вы нашли себе домино. — Вы пишете, что барыня, скрывающаяся под ним, очень умна, — это хорошо. Ум — великое дело, и ничего не может быть приятнее, как встретиться, наконец, с умною женщиною. Но видите ли что? — умные женщины хороши в гостиных, садах, кабинетах и т. д., но в маскарадах — ум становится вещицей очень маленькою.⁹ Конечно, приятно, если домино — не бессмысленный столб, приятно, если оно остроумно, разговорчиво, любезно, — но все это только аксессуары. А главное — лицо, грудь, ляжки или ляшки — (не знаю, как пишется по грамматике Греча) — в них-то только скрывается «край мучений и ад блаженства». А Вы пишете, что Ваша барыня — некрасива. Нет, — я не сильно завидую Вам, может быть, потому, что до сих пор нахожусь в каком-то состоянии бреда, приятном и вместе тяжелом. Вчера концерт Марио доставил мне все возможные удовольствия. — Стою я и слушаю этот дивный, симпатичный голос, — он кончается, я опускаю глаза и вижу — сидит предо мною Ирка,* — в платье с открытою шеєю. Груды рвутся буквально наружу, она смотрит на Марио и на губах ее какая-то белая оболочка, до того они пересохли от внутреннего жара, в глазах какое-то моление к Марио и предчувствие «рая мучений и ада блаженства». Вся она, всеми своими членами, кажется, говорила, что теперь смеющийся лечь с ней на постель захлебнется от блаженства, что она замучает восторгом. Никогда я не видывал такой физиономии. Это было воплощение чувственности и вызов на наслаждения, в своем роде стоящий вызова Клеопатры!!!!... Вот это женщина! Это жизнь! А Вы, драгоценный Иван Сергеевич, требуете прежде всего ума, — Вам нужно только побаловать душу, а не предаться истинному блаженству.¹⁰ Но уж об этом мы не раз говорили.

Новостей тут решительно нет никаких — ни литературных, ни... ни других, если, кроме литературы, может быть что-нибудь нового. Графине теперь гораздо лучше. Я чувствую, что я не очень еще благодарил Вас за Драшусова. Но зачем слова, — Вы поймете, как я Вам благодарен. Я думаю Вас ужасает получение таких огромных писем, как находящееся сию минуту в Ваших руках. Но ничего, не ленитесь только писать Вы. Пишите ответы, а мы Вас очень любим, и не забудем передавать все, чем богаты.

Любящий Вас Е. Феокистов.

* После: предо мною Ирка — слово заретушировано.

¹ *Марио (Mario) Джованни (наст. имя и фам. Джованни Маттео Де Кандиа, De Candia)* (1810—1883) — итальянский певец (тенор). В 1838 г. дебютировал в «Гранд-Опера» в Париже, затем пел в парижском «Театр Итальян», исполняя главные партии в операх Г. Доницетти, Дж. Россини, В. Беллини. Здесь Тургенев слышал его в конце 1847 г. (см. отзыв в письме П. Виардо от 30 декабря 1847 (11 января 1848) г., а позже упоминания как ее партнера в опере Мейербергера «Пророк» на сцене лондонского Ковент-Гардена в письме от 11, 12 (23, 24) июля 1849 и музыкального фестиваля в Ливерпуле летом 1849 г. с участием Марио — в письме к Луи Виардо от 11(23) августа 1849 г.). В 1849—1853 гг. Марио вместе с женой Джулией Гризи — на сцене петербургского Большого театра. Они приехали в Россию, когда, по словам Валериана Панаева, имя певца «гремело по всей Европе, и Петербург приходил в неистовый восторг от этого соловья, но, кажется, более от его красоты...» (Воспоминания Валериана Александровича Панаева // Русская старина. 1901. № 10. С. 587). «С приездом Гризи и Марио возвратились блаженные времена Виардо и Рубини, — вспоминал А. И. Вольф о театральном сезоне 1849—1850 гг. — Зала Большого театра снова стала наполняться beaumont'ом, снова меломаны, как истинные, так и притворные стремились туда...» (Вольф. Т. 1, ч. 1. С. 139). Ср.: «Оперный сезон 1849—1850 г. был эпохой возрождения лучшего золотого времени итальянской оперы в Петербурге: мы услышали, наконец, *Гризи и Марио*. Говорить о них можно много или ничего, а потому замечу только, что в лице Гризи осуществился идеал Нормы Беллини и что в „Гугенотах“ появление Гризи и Марио составило событие...» (*Яхонтов А. Н.* Петербургская итальянская опера в 1840-х годах // Русская старина. 1886. Т. 52, № 12. С. 746). Анализ гастролей Гризи и Марио см. в статье Боткина «Итальянская опера» (*Боткин В. П.* Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984. С. 170—172; впервые: Современник. 1850. № 3). В Москве, открыв концертный сезон 1851 г., Марио дал четыре концерта — 28 февраля, 3, 5 и 6 марта. Первый из них предварялся объявлением: «В зале Благородного Собрания в среду, 28 февраля, г. Марио будет иметь честь дать концерт, в коем будут участвовать г-жа Жерве Нейрейтер и г. Чабатта <Чабатта>...» (Ведомости московской городской полиции. 1851. 27 февр., № 45. С. 2). Со страниц этой же газеты читатели узнали о большом успехе первого концерта гастролеров: «Наши слова оправдались, когда мы несколько дней тому назад сказали, что концертная пора в нынешнем году начинается самым блестящим образом. В среду, 28 февраля, при чрезвычайно многочисленном стечении публики — так, что тесно было в огромном зале Московского Благородного собрания, дан был первый концерт г. Марио» (там же. 1851. 3 марта, № 49). Автор фельетона, подводившего итог гастролем, сообщал о первой встрече певца с москвичами: «Публика на этом концерте была чрезвычайно многочисленна, и 1-й концерт в Москве этого первого тенора Европы увенчался полным успехом. Большая часть слушателей, бывших 28 февраля в Благородном собрании, не имела еще случая прежде слышать Марио: но имя его было уже знакомо ей по его огромной европейской славе; поэтому эта часть публики ожидала от Марио очень многого, отнюдь не менее, если еще не более того, чего ожидали от него уже знакомые с прекрасным голосом этого певца, и г. Марио вполне удовлетворил этим ожиданиям» (там же. 1851. 8 марта, № 53. С. 1. Без подписи). См. ниже 2-е и 4-е примечания.

² Знаменитый итальянский тенор Джованни Баттиста Рубини (Rubini) (1795—1854), один из лучших исполнителей заглавных теноровых партий в операх Дж. Россини, В. Беллини, Г. Доницетти. В Россию приехал в 1843 г. и привез группу певцов из Италии, положив начало постоянной итальянской оперной труппе в Петербурге. Дуэт Рубини с Мишель Полиной Виардо-Гарсиа (1821—1910) стал самым ярким впечатлением русской театральной публики сороковых годов. Прослушав Рубини в опере Доницетти «Ламермурская невеста» весной 1843 г., Никитенко записал в дневнике: «Играл и пел знаменитый Рубини. Музыка оперы прелестна, легка, нежна, грациозна. Рубини — великий мастер. Главное в его исполнении: ясность, непринужденность и страсть» (*Никитенко*. Т. 1. С. 266. Запись от 10 мая 1843 г.; ср. эту оценку с гораздо более сложным отношением М. Глинки к Рубини и так называемой итальянщине, см.: *Глинка М.* Записки. Л., 1953. С. 172, 174). Массовый же слушатель пятидесятых годов отдавал явное предпочтение Марио. Не случайно сопоставление Марио с Рубини — общее место газетных статей. Фельетонист «Ведомостей московской городской полиции» в канун прибытия итальянского певца писал: «В Москву приезжает новый знаменитый

гость, первый европейский тенор, с тех пор, как сошел со сцены Рубини, — г. Марио. / Г. Марио, наследник славы Рубини, которую приобрел еще в молодых летах...» (1851. 27 февр., № 45). Однако, по мнению знатоков, унаследовав репертуар Рубини, обладая голосом и внешностью редкой красоты, Марио уступал ему в технике, выносливости и главное, как отмечалось современниками, — в той мере сценического такта, которая отличала его предшественника. На это противоречие обратил внимание Вольф: «Марио вышел в „Пуританах“ вместе с Фреэццолини и, едва замерли последние звуки его выходной каватины (a te o ca), как поднялся в зале гвалт, какого не было при Виардо и Рубини. После первого акта овация была еще шумнее; мужчины махали шляпами, дамы платками, неистовые Bravo раздавались и в партере и на верхах. Короче сказать, энтузиазм дошел до крайних пределов. И было впрочем от чего! Такого чудного органа, с таким чистым металлическим тембром, нам не приходилось еще слышать между мужскими голосами. К тому же, сколько неподдельного увлечения, какая осмысленная игра, полная огня и страсти, и в довершение — пленительная наружность. По искусству пения, Марио, конечно, был ниже Рубини, не было у него той необычайной отделки малейших оттенков и не умел он так рассчитывать свои силы. После чудно сказанной фразы многие места проходили незаметными от утомления, и от того, конечно, эффект всей сцены не всегда был полный. Такие нервозности, вероятно, замечались только немногими, а масса довольствовалась тем, что ей давали, и приходила в неистовый восторг» (Вольф. Т. 1, ч. 1. С. 140). Валериан Панаев воспринимал Марио как поверхностного певца и, не разделяя безудержно восторженного отношения публики, противопоставлял ему Рубини. Ср.: «Когда же я прослушал его <Марио> в трех, четырех операх, то не только не испытал наслаждения, или хоть бы удовлетворения, но, наоборот, испытал несколько раз досадное раздражение нервов. Не подлежит сомнению, что это был сладко-певучий соловей, но в его голосе не было и признака драматизма. Был ли у него драматизм в голосе в прежнее время, — я не знаю; я говорю о Марио, явившемся в Петербург в 1851 г. Он раздражал мои нервы именно тогда, когда ухо требует сильного драматического звука, и вдруг, вместо того, он услышит высокоую, тончайшую фистулу. Самые переходы в эти горловые ноты были у Марио неприятно резки, тогда как Рубини переходил в эти ноты совершенно незаметно. Зная, что Петербург пленяется его красотой, Марио очень любил рисоваться на сцене. И вот он ставит в свой бенефис какую-то несчастную оперу — „Сарданапал“, в которой изображает негу в очень нескромном костюме. После этой оперы мне казалось, что это было как бы некоторое оскорбление великому драматическому искусству, и я решительно перестал ходить слушать Марио...» (Воспоминания Валериана Александровича Панаева // Русская старина. 1901. № 10. С. 587—588). Ср. с фразой из письма Феокистова от 17—18 марта 1851 г.: «Странно, — но Марио в Москве далеко не понравился, многим даже знатокам музыки и пения. На меня он произвел сильное впечатление. Вообще же, хвалят очень его голос, но сильно нападают на манеру и отсутствие выразительности в пении. Я — профан — этого не заметил.

³ О Чиабатте — 1-е и 4-е примечания.

⁴ То есть 3 марта. Третий концерт Марио последовал 5 марта в том же составе в зале Большого театра. О втором концерте, 3 марта, автор фельетона в «Ведомостях московской городской полиции» сообщал: «Ни одного места не было пустого, все было занято, и все-таки огромная зала Большого театра, со всеми ее ложами, креслами и галереями оказалась мала для огромного числа желавших присутствовать при втором концерте Марио: многие не нашли в ней себе места. / Второго концерт Марио увенчался успехом, может быть еще большим, чем первый. Более отдохнувший от дороги, певец был еще более в голосе, чем в первый концерт, и восторг, возбужденный им, был чрезвычайно велик, вызовов было несчетное множество и знаменитому певцу, как дань восторга, было брошено несколько букетов. / Особенно произвело эффект чудное трио Россини из „Вильгельма Телля“, в котором голос Марио заливался дивными, сердечными слезами. / Это трио (исполненное гг. Марио, Чиабатта и Куровым), равно, как и две арии, пропетые в этом концерте г. Марио, были повторены по единодушному желанию публики» (1851. 8 марта, № 53). Об исполнении этого трио вспоминал Бестужев-Рюмин: «В театре я бывал очень редко и потому наперечет помню, что видел: видел „Горе от ума“ с Самариным — Чацким, Верой Самойловой — Софией, видел Фанни Эльслер в „Эсмеральде“, слышал „Elesir d'amore“ с буюфом

Росси (в роли Дулькамара), да Марио в концерте, где с ним пел бас Куров. Мы с Лохвицким были в райке; ему пришла в голову забавная мысль вызвать Курова вместе с Марио; его крик подхватили в райке, и Марио вывел Курова за руку» (*Бестужев-Рюмин*. С. 35—36). 6 марта Марио последний раз выступил в Благородном собрании уже в другом составе — со Шмитом и аккомпаниатором Иоганнисом (см.: *Ведомости московской городской полиции*. 1851. 6 марта, № 51. С. 4).

⁵ О «Бежином луге». См. 5-е примечание к письму Феоктистова от 21 февраля 1851 г.

⁶ *Станкевич Александр Владимирович* (1821—1912, по другим данным 1909) — младший брат Н. В. Станкевича, балетрист, мемуарист, биограф Грановского, Кетчера. Портрет Станкевича см.: *Чичерин*. С. 139—140; также: 7-е примечание к публикуемому письму от 30—31 марта 1851 г. Феоктистов имеет в виду повесть Станкевича «Идеалист» в учено-литературном альманахе Николая Щепкина «Комета» (М., 1851. С. 495—609) с посвящением Н. Г. Фролову (о составе альманаха см. 15-е примечание к письму Феоктистова от 17—18 марта 1851 г.). Оценку Феоктистова ср. с отзывами об «Идеалисте» братьев Афанасьевых, письма которых передают и характер споров вокруг этой повести. «Что ты скажешь об альманахе Щепкина „Комета“?», — спрашивал А. Н. Афанасьев. И далее: «В нем напечатана глубокая до неприятности и возвышенная до нелепости в художественном отношении повесть А. В. Станкевича, герой которой только и делает, что спит и рассуждает с бездушными вещами: портретами, переплетами книг etc., — повесть, в которую автор перенес все свои семейные бредни, „Идеалист“». Из ответного письма брата: «Александра Станкевича я не видел, братья его и кузины были весьма поражены, когда я объяснился, что в „Идеалисте“ не вижу ничего великого, и только ясно мне одно желание автора выставить свое я в великолепном свете. <...> Споров было много, даже выходивших из пределов спора, а переходивших в чистую брань <...>. Не можешь представить себе, как я доволен разбором этой повести в „Современнике“» (*Лазушкин С. Г.* К истории создания романа «Тонкий человек» и поэмы «Саша» Н. А. Некрасова // *Вопросы литературы и фольклора*. Воронеж, 1972. С. 22—23, см. также в этой статье анализ идейно-полемических и текстуальных переключений с повестью «Идеалист» произведений Некрасова пятидесятилетия годов).

⁷ «Ипохондрик» появился в 1848 г. в 3-м номере «Современника». Об автобиографически-исповедальническом характере этой повести Станкевича, о типе главного героя и соответствии его героям повестей Кудрявцева, Герцена, Салтыкова-Щедрина, а также Тургенева см.: *Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра*. Л., 1973. С. 275—278, 281—282. Исповедальная форма, характерный психологический облик героя с его разочарованностью и скептицизмом открыли путь к анализу повестей Станкевича в соотнесении с лермонтовской традицией (см.: *Назарова Л. Н.* Станкевич Александр Владимирович // *Лермонтовская энциклопедия* / Гл. ред В. А. Мануйлов. М., 1981. С. 526).

⁸ См. 1-е примечание к письму Феоктистова от 21 февраля и 5-е — к письму от 24 февраля 1851 г.

⁹ На эти строки Тургенев в письме от 4, 12, 13 марта ответил: «А — конечно — Вы правы — ум на маскараде — последнее дело. Лучшим тому доказательством служит то обстоятельство, что вот я не вернулся к моей маске — даром что она умна как бес и даром, что я, по Вашим словам, желаю только баловать свою душу» (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 95).

¹⁰ Об Ирке Матнас — см. 8-е примечание к письму Феоктистова от 24 февраля 1851 г. В ответном письме от 4, 12, 13 марта 1851 г. Тургенев пошутил: «Козлоногому сатире, одетому студентом и прикидывающемуся добродетельным человеком, — Евгению Феоктистову мой усердный поклон. Не без удовольствия читал я Ваше добола раскаленное описание Ирки на концерте Марио. „Господи, господи, — думал я, — есть же такие вулканические темпераменты! Господи! — продолжал я, — не дай этой Этанне изныть в тоске одиночества; но пошли ей, чего она жаждет с такой неслышанной энергией!“. Надеюсь, что моя бескорыстная мольба будет услышана» (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 94).

17—18 (29—30) марта 1851 г. Москва

Москва. 17 марта. 1851.

«Уж сколько раз твердили миру,
Что...

хитрость вредна, бесполезна¹ и между хорошими приятелями не употребляется, но Иван Сергеевич, несмотря на это, без зазрения совести предлагает прочесть в новом «Современнике» еще его *одно* произведение.² Как будто великолепная статья о Познякове³ могла обмануть кого-нибудь! Как будто достаточно не подписать своего имени, чтобы публика не увидела руки мастера! Вот как было дело: опять в прошедший четверг собрались те же лица, «так называемые умные люди» у Галахова. Опять разговор касался «науки и жизни»⁴ — как вдруг кто-то взял «Современник» и стал читать статью о гениальном Познякове. На 5-ой строке у всех вырвалось восклицание: «это он!» Дальнейшее чтение не обмануло нас. Статья произвела *фурор*. Сам Кудрявцев⁵ подпрыгивал от восторга на своем стуле. Право, никто не ожидал, чтобы можно было по поводу Познякова написать статью с таким тонким остроумием, живостью и, как выразился Кудрявцев, с таким «отличным умом». Но так как в этой же статье говорится неуважительно об гр. Ростопчиной,⁶ то положено было не говорить никому, что статья принадлежит Вам, — об этом знают немногие из кружка. Признаюсь Вам, я подумал, слушая эту статью, что бы Вам написать несколько страниц об школе Островского. Она теперь высказывается мало-помалу в «Москвитян<ине>». Так, например, если Вы читаете его, то могли заметить, что Григорьев при разборе «Пантеона» откровенно признался, что он и К^о не слишком высоко ставят Мольера. Да и мало ли таких черт, разбирать которые было бы истинное наслаждение. Подобная статья, написанная с остроумием статьи о Познякове,⁷ — да ведь это монумент в потомстве!..

Другая Ваша статья о Касьяне — прелесть!⁸ Это, бесспорно, один из лучших Ваших рассказов, — и таково общее здесь мнение. Кроме характера — который вышел очень рельефен и понятен,* самое описание деревни, пустой в жаркий летний день, наконец, описание самого этого дня, — все это как будто сейчас видишь, как будто сам только что выехал из этой деревни. Вообще весь рассказ — истинно превосходит. Очень хороша тоже — девочка. Право, кроме этого восхищения, я не могу Вам передать ничего более, да и едва ли, думаю, и можно что-нибудь критиковать в этом рассказе.

Не знаю, как благодарить Вас, почтеннейший Иван Сергеевич, за Ваше письмо к Драшусову.⁹ Вы так любезны и предупредительны, что мне даже становится совестно. Зная так Ваш характер, можно войти с человеком в такие отношения.

Теперь еще одно поручение к Вам, или назовите, как угодно. Недавно я встретил в театре Шумского. Разумеется, он рассыпался

* После: и понятен — было: подконец

в похвалах Вам и Вашим высоким качествам, а кончил просьбою написать Вам, что, *кажется*, Дирекция намерена дать ему после Святой, то есть в мае или конце апреля, бенефис. В таком случае он спрашивает, не намерены ли Вы написать теперь свою комедию «Шарф»,¹⁰ о которой Вы говорили и нам, и ему. Он говорит, что эта пьеса, данная в его бенефис, значительно поднимет его денежные обстоятельства, в чем, разумеется, нет сомнения. Я передаю Вам его слова, а Вы поступайте как хотите. Не худо бы Вам было написать к нему.

В Москве много нового. Ростопчина, хотя башмаков не носит, но не менее того, пишет постыдные по глупости фельетоны об Эльслер.¹¹ Грановский при истинном восторге публики читает публичные лекции.¹² Странно, — но Марио в Москве далеко не понравился, многим даже знатокам музыки и пения. На меня он произвел сильное впечатление. Вообще же, хвалят очень его голос, но сильно нападают на манеру и отсутствие выразительности в пении. Я — профан — этого не заметил.

Видел я наконец даму Боткина, и Вашу — смею сказать, — ну! урод порядочный. Понимаю, что Вы бежали от нее. Грубые черты, и лицо похоже на подсолнечник. Жалею, что мое описание Ирки не произвело в Вас другого чувства, кроме удивления ко мне,* и что грудь Ваша не согрелась благодатным огнем! Кобра-Капелла все тот же. Недавно только я убедился, что у этого человека нет не только никакого постоянного образа мыслей, но даже и того художественного чутья, о котором, кажется, и Вы говорили. Жалею, что некогда теперь представлять примеры этому.

Напишите ко мне поскорее, драгоценный Иван Сергеевич. Я иду обедать к Грановскому и, если услышу там что-нибудь об Вашем рассказе, прибавлю к этому письму.

От души жму Вам руку.

Е. Феоктистов.

18 марта. Вчера у Грановских видел я Кетчера и передал ему Вашу записку.¹³ Он сам будет отвечать Вам, но мне сказал, что напрасно Вы так беспокоитесь о «Записках <охотника>». В настоящее время их решительно невозможно отдавать в цензуру. Надо будет подождать. — Статья Ваша (?) о Познякове была вчера прочитана 2 раза у гр<афини> и всем ужасно понравилась.¹⁴ Все хотело от души. Мне было очень приятно, что Грановский повторил вчера мою мысль, сказавши, что Вам только предназначено небом написать статью об новой школе Словесности. — Альманах Щепкина¹⁵ непременно выходит к праздникам, а недавно тут вышел сборник Леонтьева: «Пропилеи».¹⁶ Советую Вам записаться им, почтеннейший Иван Сергеевич, — много статей превосходных. — Вчера же вышел тут «Москвитян<нин>», а в нем статья Григорьева об Вашем «Бежином луге».¹⁷ Не нравится! Главное нападение — отсутствие фантастического колорита, — и Бог знает к чему, кажется,

* Так в автографе.

для сравнения, приводится пьеса* Гете — «Лесной царь».¹⁸ Вот свиная голова-то!..

Прощайте, драгоценный Иван Сергеевич. До следующего письма. Будьте здоровы, веселы и пейте поболее шампанского.

Ваш весь Е. Феокистов.

Адрес Вы пишете верно.

¹ Парафраз строк из басни И. А. Крылова «Ворона и лисица»:

«Уж сколько раз твердили миру,
Что лезть гнусна, вредна...»

² Феокистов обыгрывает слова Тургенева: «В № „Современника“, отправленного третьего дня в Москву — есть еще одна моя статейка...» (письмо от 12 марта 1851 г., входит в состав письма от 4, 12, 13 марта указ. года; см.: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 95). См. следующее примечание.

³ В 3-м № «Современника» за 1851 г. Тургенев поместил рассказ «Касьян с Красивой Мечи» (за подписью «Ив. Тургенев») и рецензию «Поэтические эскизы. Альманах стихотворений, изданный Я. М. Позняковым и А. П. Пономаревым. Москва: В типографии „Ведомостей Московской городской полиции“, 1850» (без подписи). См. о ней: *Измайлов Н. Затерянная критическая статья // Тургенев и круг «Современника»*. С. 453—459; *Назарова*. С. 163; *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 4. С. 653—656.

⁴ С Алексеем Дмитриевичем Галаховым (1807—1892), историком литературы, критиком, писателем, педагогом, автором ряда учебников, Феокистова свел дом Салиас. «В маленькой ее квартире, — вспоминал он, — можно было постоянно встретить Грановского, Кудрявцева, И. С. Тургенева, В. П. Боткина, А. Д. Галахова и многих других» (Феокистов. С. 366). Широкие журнальные связи Галахова определяли характер его «четвергов», собиравших довольно большой круг литераторов, артистов (свод сведений о нем и его связях см.: *Куйко Е. И. Галахов Алексей Дмитриевич // Русские писатели. 1800—1917: Биогр. словарь*. М., 1989. Т. 1. С. 513—515; *Бокова В. Воспоминания московского западника // Галахов А. Д. Записки человека*. М., 1999. С. 5—14, о салоне Салиас в этой же книге см. с. 253). Указанный «четверг» в доме Галахова состоялся 15 марта 1851 г. (*Летопись (1818—1858)*. С. 182). Строки письма Феокистова («...опять в прошедший четверг собрался те же лица, „так называемые умные люди“ у Галахова. Опять разговор касался „науки и жизни“...») — парафраз, с буквальными повторениями характерных тургеневских выражений из начальной части рецензии на сборник Познякова, ср.: «Недели две тому назад, любезные читатели, собралось нас несколько так называемых умных людей у одного тоже умного, да еще и ученого человека. Начали мы разговаривать. С самых первых слов разговор наш принял весьма почтенное направление: он вознесся чрезвычайно высоко...» и т. д. (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 4. С. 460). Спроецированная Феокистовым на конкретную ситуацию («четверг» Галахова), тургеневская ирония — с легким оттенком пародии — сообщила приведенным строкам письма интонационную неоднозначность.

⁵ *Кудрявцев Петр Николаевич* (1816—1858) — историк, прозаик, критик, сотрудник «Отечественных записок» и «Современника». Ученик Грановского, после двухлетней зарубежной командировки (1845—1847) назначен преподавателем, а через месяц — исправляющим должность адъюнкта по кафедре всеобщей истории Московского университета (Грановский постоянно читал древнюю историю, курсы же истории средних веков и новой чередовал с Кудрявцевым). В 1850 г. защитил диссертацию (см. о ней в примечании к письму Феокистова от 30—31 марта 1851 г.). В апреле 1851 г. утвержден магистром всеобщей истории и исправляющим должность экстраординарного профессора. С декабря 1855 г. — профессор всеобщей истории (*Мостовская Н. Н., Оловат А. Л. Кудрявцев Петр Николаевич // Русские писатели. 1800—1917: Биогр. словарь*. М., 1994. Т. 3. С. 199). Феокистов и его университетские товарищи были не только ревностными учениками Кудрявцева (см. сравнитель-

* *Вместо: пьеса — было: статья*

ный анализ лекций Грановского и Кудрявцева в воспоминаниях Бестужева-Рюмина, с. 23—24), но, по свидетельству Салиас, и частыми гостями в доме Кудрявцева. «Кроме профессоров-товарищей, — вспоминала она, — П. Н. ввел в свой семейный круг некоторых студентов, особенно им любимых. Там (в квартире на Кисловке. — Э. Г.) почти всегда можно было встретить Ешевского, Бестужева-Рюмина, Феоктистова, В. Корша, Лохвицкого и других» (*Евг. Тур.* Профессор П. Н. Кудрявцев. Воспоминания // Поляряна звезда. 1881. Март. С. 17). По признанию Феоктистова, в доме Кудрявцева он сблизился с Катковым (*Феоктистов.* С. 84, подробнее: С. 79—84 и по указ.).

⁶ Поставив Ростопчину в ряд с Н. В. Сушковым, Н. В. Бергом, Ф. Б. Миллером, С. П. Соловьевым и пр., Тургенев дал ей уничтожающую характеристику: «...не все стихотворения, заключающиеся в „Поэтических эскизах“, заслуживают такие громкие слова; многие только просто плохи; они плохи потому, что бесцветны и безвкусны, как пресная вода, потому что и претензия-то в них не оригинальная претензия. <...> плохи стихи г-жи Ростопчиной „Ты не люби его“, в которых этот вечный, таинственный и поистине достойный сожаления *он* на пространстве осьминадцати строчек проходит опять несколько раз через все свои падежи...» (*Т. Сочинения* (2-е изд.). Т. 4. С. 461—462; также см. с. 655—656).

⁷ Статья, призванная уравновесить «неумеренные» восторги Ап. Григорьева по поводу пьес Островского, была написана Тургеневым позже, в двадцатых числах февраля 1852 г.: «Несколько слов о новой комедии г. Островского „Бедная невеста“» (см. о ней: *Т. Сочинения* (2-е изд.). Т. 4. С. 663—667). Далее см. примечание к письму Феоктистова от 7 марта 1852 г.

⁸ 12 марта 1851 г. Тургенев, продолжая начатое ранее (4 марта) письмо к Феоктистову, просил сообщить ему впечатление от рассказа «Касьян с Красивой Мечи»: «В № „Современника“, отправленного третьего дня в Москву — есть еще одна моя статейка, о которой также прошу сказать Ваше мнение. В главном характере много *попозволе* недосказанного — хочется мне знать, можно ли понять, в чем дело?» (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 95, 447).

⁹ Записка Тургенева к Драшусову, которую Феоктистов называет письмом, неизвестна (*Летопись* (1818—1858). С. 182). Содержание ее отчасти пересказано Тургеневым в письме к Феоктистову от 12 марта 1851 г. (начато 4 марта). См. также 1-е примечание к письму Феоктистова от 21 февраля этого же года.

¹⁰ Ответ Тургенева: «Комедию — „Шарф“ — я не продолжал, да и вряд ли кончу. Сообщите это как-нибудь Щепкину и Шумскому...» (письмо от 2 апреля 1851 г.; см.: *Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 97). «Шарф» — не дошедшая до нас или, скорее всего, неосуществленная комедия Тургенева (см.: *Тургенев и круг Современника*. С. 145—146 — примечание Н. Измайлова; *Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 449 — примечание Назаровой). Далее упоминания о «Шарфе» — в письмах от 30—31 марта 1851 г., от 18 февраля, 7—8 и 24 марта 1852 г.

¹¹ Известная танцовщица и балетмейстер родом из Вены — Фанни Эльслер (Elsler) (1810—1884). Высокая хореографическая культура сочетались в ней с редкой красотой и актерской выразительностью. Первый крупный успех — в Берлине (1830). Затем танцевала в Париже. В России гастролировала в 1848—1851 гг. (см.: *Картины* П. А. Записки. Л., 1929. С. 29—34). В Москве выступала весной 1850 г. и зимой 1850/1851 гг. (о протации с ней см.: Московские ведомости. 1851. 1 февр., № 4; там же. 22 февр., № 23). Подробнее: *Красовская В. С. Русский балетный театр от возникновения до середины XIX века*. Л.; М., 1958. С. 227—231. Перу Ростопчиной принадлежит фельетон в «Ведомостях московской городской полиции», посвященный прощальному спектаклю Эльслер в Москве (1851. 23 февр., № 42. С. 1—2. Подпись: Графиня Ростопчина). Неумеренная восторженность, с подробным описанием аплодисментов публики, преподнесенных подарков, букетов и слез танцовщицы, сочетается в нем с выспренной патристической риторикой.

¹² В течение января—марта 1851 г. Московский университет проводил платные публичные лекции (курс состоял из 18 лекций) своих профессоров (С. М. Соловьева, С. П. Шевырева, Т. Н. Грановского и др.), доход от которых шел на нужды бедных студентов. «Московские ведомости» оповещали: «Сегодня, 20 января, в 2 1/2 пополудни в зале химической лаборатории открываются публичные лекции в Московском университете и будут продолжаться до 31 марта» (1851. 20 янв., № 9). Чтения должны были проходить по вторникам и субботам от половины третьего до половины четвертого пополудни. Грановскому предстояло прочесть четыре лекции (6, 10, 13, 17 марта) на предложенные им темы (характеристики Тамерлана, Алкс-

сандра Великого (Македонского), Людовика IX и Бэкона Воруламского). Первая лекция, на которой присутствовала высшая администрация города, носила оттенок официального события. Автор анонимного отзыва сообщал: «Аудитория была полна. Профессор был окружен избранным обществом Столицы. Градоначальник Москвы Его Сиятельство Граф А. А. Закревский удостоил также своим посещением эту лекцию» (там же. 15 марта, № 32). В следующем отзыве лекция об Александре Македонском была названа «блистательной» (см.: там же. 17 марта, № 33. Без подписи). В день, когда Феоктистов писал Тургеневу, историк, прочитав лекцию о Бэконе, завершил свой цикл. Общий итог выступления Грановского подвел проф. Соловьев в статье «О публичных лекциях проф. Грановского», высоко оценивший эти события (там же. 29 марта, № 38). Позже А. В. Станкевич, характеризую общий смысл и пафос лекций Грановского, отмечал их актуальный характер: «В марте того же года московское общество в последний раз слышало его публичные чтения. Он прочел четыре исторические характеристики <...>. Грановский начал свои чтения вопросом: какое призвание в истории людей, означенных именем великих? Этот вопрос не был лишен современности. С 1848 года в европейской литературе поднимались голоса, отрицавшие необходимость великих людей в истории, утверждавших, что роль их кончена, что народы сами, без их посредства могут исполнять свое историческое назначение. Все равно сказать бы, говорил Грановский о таких мнениях, что одна из сил, действующих в природе, утратила свое значение, что один из органов человеческого тела теперь стал не нужен. „Народ есть нечто собирательное, — говорил он в своей лекции. — Его собирательная мысль, его собирательная воля должны для обнаружения себя претвориться в мысль и волю одного, одаренного особенно чутким нравственным слухом, особенно зорким умственным взглядом лица. При внимательном созерцании великих личностей, ни являющиеся ли они нам откровениями целого народа и целой эпохи. Для чего бы они ни были призваны на землю, для блага ли, для зла ли, во всяком случае они стоят не отдельно, но тесно и крепко связаны с землею, на которой выросли, и с временем, в котором действуют“. Указание этой тесной связи давало единство беседам профессора о четырех великих исторических деятелях разных и отдаленных одна от другой эпох истории» (Т. Н. Грановский и его переписка: В 2 т. М., 1897. Т. 1. С. 238—239). Прочитанные курсы составили книгу: Публичные лекции о «ординарных» профессоров Геймана, Рулье, Соловьева, Грановского и Шевырева. Читаны в 1851 году в Императорском Московском университете. М., 1852. См. разд. IV. Четыре исторические характеристики. Публичные лекции, читанные ординарным проф. Т. Грановским в 1851 году; то же см: *Грановский Т. Н.* Полн. собр. соч. СПб., 1905. Т. 1. О печатном отклике Феоктистова на лекции Грановского см. 11-е примечание к письму от 14 января 1852 г.

¹³ 12 марта 1851 г. Тургенев просил Феоктистова узнать, почему Кетчер не ответил на его письмо (неизв.) и что он намерен делать с «Записками охотника». По предположению комментатора, в письме «шла речь о первом отдельном издании „Записок охотника“, которое собирался подготовить Кетчер (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 448). С этим замыслом тургеневеды связывают список опечаток и пропусков в журнальных публикациях охотничьих рассказов, который Тургенев приложил к письму Феоктистова для передачи Кетчеру (не сохранился). См.: Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 96, 448; *Летопись (1818—1858)*. С. 182.

¹⁴ Из письма Тургенева от 2 апреля 1851 г.: «Я очень рад, что статейка моя о Познякове понравилась в Москве (здесь она прошла незамеченной). Цензура ее сильно изуродовала — а в иных местах опечатки страшные... В одном месте пропущена целая строка и т. д.» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 96). По мнению Л. Н. Назаровой, текст этой статьи в доцензурном виде не может быть восстановлен, так как автограф не сохранился (там же. С. 449).

¹⁵ Учено-литературный альманах «Комета», изданный Николаем Щепкиным (М., 1851). В нем, за подписью «И. Тургенев»: «Разговор на большой дороге. Сцена. (Посвящено П. М. Садовскому)». Здесь же: *Евгения Тур.* Первое апреля. Сцены из светской жизни; *ее же:* Антонина. Эпизод из романа; *Афанасьев А. Н.* Ведун и ведьма; *Щепкин М. С.* Два отрывка из записок артиста; *Грановский Т. Н.* Песни Эдды о Нибелунгах. (Посвящено гр. Е. В. Сальяс); *Соловьев С. М.* О торговых княжеских отношениях у западных славян; *Островский А. Н.* Неожиданный случай (Драматический этюд); *Забелин И. Е.* Сыские дела о ворожеях и колдунах при царе Михаиле Федоровиче; *Станкевич А. В.* Идеалист. (Посвящается Николаю Григорьевичу

Фролову). Сообщение о продаже альманаха появилось 3 апреля 1851 г. (см.: Московские ведомости. 1851. 3 апр., № 40).

¹⁶ Речь идет о первом сборнике предпринятой П. М. Леонтьевым серии из пяти книг, посвященной классической древности: Пропилеи. Сб. статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. М.: В университетской типографии, 1851. Кн. I; последняя книга вышла в 1856 г. Цель издания сформулирована в предварающей статье: «Наши „Пропилеи“ должны вводить в храм классической, т. е. греческой и римской древности, в тот изящный и стройный мир, в котором человек впервые начинает жить по-человечески и наслаждаться жизнью, в котором впервые начинало являться мирозерцание собственно-человеческое и являлось со всею обаятельною свежестью первой цветущей молодости. В эту многозначительную и вечно привлекательную область „Пропилеи“ должны вводить по пути широкому и легкому...» (Там же. С. 34). Далее см. 4-е примечание к письму от 30 марта 1851 г.

¹⁷ В мартовском номере «Москвитянина» за 1851 г. в разд. «Критика и библиография», рассматривая второй (февр.) номер «Современника», А. Григорьев писал о помещенных на его страницах рассказах Тургенева: «Сказать, что ожидания наши были совершенно обмануты — было бы слишком сильно, — но зато, должно сознаться, что они были удовлетворены менее, чем вполнину — одним словом, так же мало, как и тогда, когда мы читали „Певцов“ и „Свидание“. Не доверяя первому впечатлению и боясь быть несправедливыми в отношении к такому истинному и блестящему дарованию, каково дарование г. Тургенева, — мы перечли вторично „Бежин луг“ (так называется новый рассказ охотника) и вторично остались также мало удовлетворены. <...> /Такою же живописью — изящною, добросовестною, тонкою — начинается и „Бежин луг“, и между тем — в целом, эта живопись, не давая на себе сосредоточиться взгляду, не представляя ему, так сказать, никаких точек отдохновения, разливаясь в утонченных чертах — утомляет вас. Разберите картину по чертам, по оттенкам, все будет в ней изящно и верно действительности <...>, но странно как-то, что все эти черты сливаются во что-то неопределенно-пестрое, — странно, что, несмотря на всю свою верность природе, живопись поражает вас довольно неприятно изысканностью, отсутствием того непосредственного наития, которое одним взмахом кисти творит целый, полный образ <...> дело в том только, что черты самые верные становятся у него иногда изысканными, что сравнения самые меткие кажутся вычурными. <...> По нашему мнению, два недостатка вредят в особенности новому произведению г. Тургенева: во-первых, — ложное идеализирование характеров, — в особенности характера Павлуши, с его ничем необъясненными скептицизмом и фатализмом, — во-вторых, — разорванность впечатления. Все как будто двойится в „Бежине луге“» (С. 279—283).

¹⁸ А. Григорьев, анализируя природу двойственного («разорванного») впечатления, которое, по его мнению, возбуждает «Бежин луг», писал, в частности, о характере фантастического в этом рассказе: «Иногда как будто кажется, что автору хочется держать нас под обаянием фантастического — но едва лишь он успел сам поддаться этому обаянию и ввести нас в очарованный круг, — неуместное дидактическое толкование тотчас разрушает впечатление — и тщетно усиливается он потом связать им самим порванную нить. Одним словом — искусственное вредит здесь на каждом шагу непосредственному, холодное рассуждение убивает поэзию. /С фантастическим вообще мудрено ладить, но во всяком случае, лучше вовсе не приступаться к нему, нежели приступить с заднею мыслию — иначе как раз выйдет или сухая аллегория или дидактическое резонерство. В пример истинно художественного такта в обращении с сказочным и с суевериями — мы укажем на „Сон Обломова“ г. Гончарова, который с спокойствием мастера и с любовью артиста развертывает длинную вереницу сказочных преданий, не мудрствуя лукаво, не толкуя их явлениями природы, а придавая им только разумный смысл намеками на их нравственное влияние. Пример другого способа употребления фантастического элемента — в балладе Гете — у которого в „Рыбаке“, в „Лесном царе“ сквозит некоторая ирония, не имеющая в себе ничего сухого и дидактического — ирония, скорее содействующая впечатлению, чем нарушающая его: Mein Sohn, mein Sohn — ich seh' es genau, / Es scheinen die alten Weiden so grau, — говорит отец в успокоенно дрожавшем от страха ребенка, но вы не имеете ни малейшего повода подозревать в этих словах толкование видений мальчика» (Москвитянин. 1851. № 3. С. 283).

30 марта (11 апреля)—31 марта (12 апреля) 1851 г. Москва

Москва. 30 марта. 51.

Время теперь так прекрасно, и я, несмотря на приближение к экзамену, чувствую себя в таком превосходном расположении духа, что намереваюсь еще поговорить с Вами, почтеннейший Иван Сергеевич, об том, как мы здесь живем и что творим. Знаете ли, отчего мне теперь так приятно? У меня всегда как-то лучше становится на душе, когда я прочту умную и дельную статью или книгу, — а я сейчас прочел в каком-то старом № «Отчужденных» Записок» критику на перевод «Фауста» — Вронченко.¹ Говорили мне, что статья эта принадлежит Вам; статья прекрасная. Я все еще не могу надивиться разнообразию Вашего таланта, о чем, впрочем, уже давно и много говорил Белинский. Повести, комедии, критики — все у Вас выходит хорошо. Кстати, поговорим уже теперь об Ваших последних «рассказах охотника». «Касьян» всем понравился, «Бежин луг» тоже, хотя менее «Касьяна», — но сказать ли Вам общий голос об нем в известных московских кружках? Все говорят: «довольно». Рассказы очень хороши, последний всем ужасно понравился, но все находят, что Вы уже слишком часто выпускаете их и что пора бы Вам переменить род. По правде Вам сказать, я сам не очень стою против этого мнения, потому что мне ужасно хочется прочесть какую-нибудь большую повесть, написанную Вами. Мне чувствуется, я уверен, — что, кроме этих отрывочных, хотя и превосходных рассказов, Вы можете сделать что-нибудь прекрасное, цельное,* Вы понимаете, в каком смысле употребляю я последнее слово.² В бытность свою в Москве Вы рассказывали столько отличных планов, идей для романа и для повести, что напрасно Вы держите их так долго в голове. Впрочем, и Вы сами имели, кажется, мысль оставить на время «рассказы».³

Все это время я очень много читал по вечерам, и занимался к экзамену — днем. Прочел я «Пропилеи». Есть там великолепная статья Каткова об греческой философии до Сократа, — есть статья Кудрявцева об Тацитовских женщинах, — которую можно прочесть с великим удовольствием. Станный человек Кудрявцев! — можно ли писать таким варварским языком диссертации тогда, как он владеет им превосходно. Прочтите, например, его статью в «Пропилеях». Кроме мастерского изображения описываемых им женщин (Агриппина и Мессалина) — и отчасти римского общества, — посмотрите на язык. По-моему, язык, как переводный — достоин Тацита. Какая сжатость, какое искусство сказать все, что нужно, не сказав ничего лишнего... Но вместе с этими статьями Вы прочтете ряд убийственных статей Леонтьева об греческом искусстве, из которых можно только выучиться ненавидеть это искусство всеми си-

* После: что-нибудь прекрасное, цельное — было: то есть я думаю, что

лами своей души! Вот гениальная-то бездарность в связи с европейскою ученостью!⁴

Поговорим об Вашем друге и о моем приятеле В. П. Боткине. Известно Вам, что этот господин, кажется, уже с давнего времени отказался от убеждений и прежнего образа мыслей в пользу какого-то мнимого сибаритства и утонченнейших манер французского маркиза XVIII столетия. Я уже давно убедился, что сибаритом он никогда не был, оставалось за ним только утонченное обращение. Недавно он выказал его в полном блеске. У Гран<овского> был вечер. Графиня завела разговор с Соловьевым,⁵ Забелиным⁶ и другими господами, вовсе ей незнакомыми. Говорили об Франции. Передавать Вам разговор было бы слишком долго, да и не в нем дело. Графиня между прочим сказала, что во Фр<анции> она видала все слои общества. Боткин возразил ей, что она не видала некоторые общества и не могла их видеть. Графиня поддерживала свое мнение, тогда Боткин делал ей возражения самым неприличным образом. Графиня говорит наконец: «Mais comment donc, Mr Botkine, vous me donnez un démenti en face?»⁷ Боткин отвечает ей: ну, да, я повторяю Вам, что Вы не видали, потому что не могли видеть, — и тысячу самых грубых возражений в том же роде. Положение графини тем более было неприятно, что она находилась в обществе ей вовсе незнакомом. Разумеется, она с Боткиным теперь очень холодна и почти не говорит. Но Ботк<ин> даже не почел за нужное попросить у нее на другой день извинения. Вот Вам французский маркиз. — Кстати, еще до этого случая я обедал у него, и он мне сказал, что он потому к Вам не пишет, что при отъезде Вы были с ним как-то холодной и переменили обращение. — Но, пожалуйста, чтоб это осталось entre nous.⁶

М. С. Щепкин спрашивал, умерли ли Вы или влюбились, — потому что, по Вашим словам, только это могло бы Вам помешать написать комедию. Я отвечал, что, кажется, влюбились. Ну, а что, поразило Вас известие о приближающемся браке m^{lle} Бодиско с Станкевичем?⁷ — Приезжайте на свадьбу — говорят, Вас будет звать Бодиско к себе шафером.

Нынче у графини вечер по тому случаю, что Щепкин будет читать у нее Вашего «Нахлебника».⁸ Я оставляю письмо здесь, и завтра пропишу Вам, какое действие произвело это чтение на публику.

Утро. Публика была вчера чрезмерно довольна чтением Вашей пиесы. Я в первый раз слышал, как Щепкин читает ее, и признаться Вам откровенно — чтением Щ<епкина> я был недоволен. Эдак и мы прочтем. — Вчера был и Боткин. Вообразите — я проговорился, что пишу к Вам, а он просил, чтобы я дал ему мое письмо для приписки, — письмо, в котором я его так браню. И потому я просил его приписать на другом листке, под каким-то выдуманым предлогом.

⁴ «Как же так, г-н Боткин, Вы меня в лицо уличаете во лжи?» (франц.).

⁶ между нами (франц.).

Более сказать Вам нечего — тем более, что нынче утром графиня встала в таком приятном юморе, что я не знаю, что и делать. Напишите мне, Иван Сергеевич. Я жду Вашего письма. Прощайте, будьте здоровы, веселы и пишите больше. Отчего Вы никогда мне не напишете, когда Вы наконец будете в Москву?

Любящий Вас Е. Феокистов.

¹ Тургенев дважды выступал на страницах «Отечественных записок» по поводу перевода М. Вронченко трагедии Гете «Фауст». Первая его заметка, оповещающая о выходе в свет «Фауста» в переводе Вронченко, появилась в 1845 г. в «Отечественных записках» (№ 1, отд. VI) и носила информационный характер (см.: «Фауст, трагедия, соч. Гете. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко. 1844. В привилегированной типографии Фишера. Санкт-Петербург. <...>»). Н. Л. Бродский, атрибутировавший заметку, пришел к выводу, что она — своего рода план будущей статьи Тургенева о том же переводе Вронченко трагедии Гете (*Т. Сочинения* (2-е изд.). Т. 1. С. 494). Эта статья-рецензия (см.: «Фауст, траг. Соч. Гете. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко. 1844. Санкт-Петербург») также была напечатана в «Отечественных записках» в 1845 г., в отд. V второго номера (без подписи). В составе этого же номера — статья В. Белинского «Русская литература в 1844 году» с отзывом о тургеневском «Андре Колосове»: «...рассказ чрезвычайно замечательный по прекрасной мысли; автор обнаружил в нем много ума и таланта, а вместе с тем и показал, что он не хотел сделать и половины того, что бы мог сделать; оттого и вышел хорошенький рассказ там, где бы следовало выйти прекрасной повести» (1845. № 1. Отд. V. С. 37; то же: *Белинский*. Т. 8. С. 483). Интерпретацию статьи Тургенева «Фауст, траг. Соч. Гете. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко. 1844. Санкт-Петербург» и библиографическую справку к ней см.: *Т. Сочинения* (2-е изд.). Т. 1. С. 494—497.

² В ответ на эти суждения Феокистова 2 апреля 1851 г. Тургенев писал: «Всё, что Вы мне говорите, умно, мило, справедливо и лестно — даю Вам честное слово, что „Записки охотника“ прекращены навсегда — я намерен долго ничего не печатать и посвятить себя по возможности большому произведению, которое буду писать соп amore и не торопясь — без всяких цензурных *argière-pensées* — а там что бог даст!» (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 96). По мнению А. Мазона, в этих строках Тургенева — намек на роман «Два поколения» (*Мазон А. Работа И. С. Тургенева над романом «Два поколения» // Из Парижского архива И. С. Тургенева. Кн. 1. Неизвестные произведения И. С. Тургенева. М., 1964. С. 41—42* (Лит. наследство; Т. 73, кн. 1)).

³ Рассказы эти, как видно, восходят к беседам Тургенева и Феокистова на Остоженке (*Феокистов*. С. 12). См. вводную статью к публикации.

⁴ М. Н. Каткову в первой книге «Прописев» принадлежит статья «Очерки древнейшего периода греческой философии» (Отд. I). Продолжение ее — в кн. 3; Кудрявцеву — «Римские женщины по Тациту. Агриппина Старшая и Мессалина» (Отд. I). Последующие его статьи на эту тему — в кн. 2, 3, 5. Язык статьи Кудрявцева сравнивается Феокистовым с его диссертацией «Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. Обзорение Остготого-Лангобардского периода итальянской истории» (защита в Московском университете 21 декабря 1850 г. с участием Грановского, Соловьева, Вернадского, Шевырева; см. о диспуте: *Москвитянин*. 1851. № 1, кн. 1. С. 58—59; отд. изд. диссертационного сочинения: М., 1850; рец.: *Отечественные записки*. 1852. № 2. Отд. 5. С. 85—99). Позже Феокистов вспоминал диссертацию Кудрявцева также с мягким юмором (см. его письмо от 7—8 марта 1852 г.); П. М. Леонтьев поместил в «Прописях» статьи — «О различии стилей в греческом ваянии», «Эгинские мраморы мюнхенской Глиптотеки» (обе — в Отд. 1), «О новой теории греческой архитектуры», «Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря (статья первая)» (обе — в Отд. 2).

⁵ *Соловьев Сергей Михайлович* (1820—1879) — историк. По возвращении из-за границы (1844 г.), где слушал лекции Ф. Гизо и Ж. Мишле, К. Риттера и Л. Ранке, Ф. Шлоссера и др., в июне 1847 г. защитил докторскую диссертацию и в звании профессора (с 1850 г.) продолжал после Погодина чтение курса русской истории в

Московском университете. «Общая надежда тогда обратилась на Соловьева, — вспоминал Бестужев-Рюмин, — <...> я помню, с какою жадностью читал я тогда его диссертацию и каким неожиданным светом обилились для меня события древней русской истории» (*Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики*. С. 261). Гораздо сдержаннее Бестужев-Рюмин оценивал прослушанный им и его однокашниками в 1848—1849 гг. курс начинающего преподавателя: «В наше время лекции его не были те блестящие очерки общего хода, которые слушали последующие поколения <...>; наши лекции состояли из краткого фактического очерка, прототипа его учебной книги, с прибавкою нескольких лекций историографии. После лекций Кавелина тогдашние лекции Соловьева производили мало действия, и уважая его знания, мы, хотя и знакомы были с его диссертациями, мало ценили его талант; блестящие страницы публичных чтений о Петре, даже лекций о развитии власти в России (точного заглавия не помню), читанные в 1851 году, еще были впереди» (*Бестужев-Рюмин*. С. 24). Более полную характеристику Соловьеву как ученому и лектору он дал в лекции, прочитанной 3-го ноября 1879 г. в Санкт-Петербургском университете (см.: *Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики*. С. 255—272). 17 сентября 1851 г. из Выскуй Феоктистов (со слов Грановского) сообщил Тургеневу о выходе в свет первого тома «Истории России с древнейших времен» Соловьева (29 томов, 1851—1879), см. 5-е примечание к этому письму. О реакции Тургенева на первые тома истории Соловьева см. по *Летописи (1818—1858)*.

⁶ *Забелин Иван Егорович (1820—1908)* — историк, археолог. К моменту воспроизведенной в письме ситуации, то есть к весне 1851 г., имея за спиной лишь пять классов сиротского училища, занимал скромное место помощника архивариуса в Московской дворцовой конторе. У себя на дому Грановский читал Забелину и еще нескольким слушателям, курс истории (см.: *Чичерин*. С. 133, там же общая характеристика личности Забелина, с. 133—134) Однако уже в эту пору основанные на уникальных архивных разсылках печатные выступления Забелина о русском быте и истории Москвы (к концу 1840-х годов в возрасте 30 лет он имел около 40 публикаций) принесли ему известность в ученых кругах. С 1851 г. в «Отечественных записках» (в № 1, 2, 3 и 9. Отд. II. Науки и искусства) начинается серия его статей — «Домашний быт русских царей прежнего времени». Продолжение — в 1852 и 1853 гг., в первых номерах этого же журнала. Опубликованные статьи составили книгу: *Домашний быт русских царей в XVI—XVII ст.* (М., 1862—1869. Т. 1—2). Тургенев, как видно, рано обратил внимание на труды Забелина (в первом, январском, номере «Отечественных записок» вместе со статьей Забелина появилась его «Провинциалка», их сочинения одновременно публикуются в альманахе «Комета» (см. 15-е примечание к письму Феоктистова от 17—18 марта 1851 г.). Позже Тургенев предложил Забелину денежную помощь для издания его книги (см.: *Ближневская М. Я.* К истории отношений Тургенева с И. Е. Забелиным // *Тургеневский сборник*. М.; Л., 1964. Вып. 1. С. 278—281; *Назарова Л. Н.* И. Е. Забелин // Там же. С. 379—382; *Летопись (1818—1858)*, по указ.).

⁷ Еще раньше Е. В. Салиас с иронией сообщил Тургеневу новость: «...вчера Станкевич сделал предложение Елене Констан<тиновне> Бодиско касательно брака и предложение его было принято. — Erudimini...» (Просветите... (лат.); письмо датируется по содержанию второй половиной марта 1851 г.; РО ИРЛИ, № 5850, л. 8 об.). *Бодиско Елена Константиновна* — двоюродная сестра Грановского. О браке ее с А. В. Станкевичем рассказала А. В. Щепкина (урожд. Станкевич) в своих воспоминаниях: «В 1851-м году Т. Н. Грановский оживился вдруг и повеселел, когда в Москву приехали его двоюродные сестры, близкие ему в юности. Постоянно жили они в Черниговской губернии и пожелали провести эту зиму в Москве. / Старшая из них, Анна Евгеньевна Дараган, была вдова с дочерью лет одиннадцати; другая кузина Т. Н., Елена Константиновна Бодиско, и прежде посещала Москву, виделась с Грановскими; вместе с Ан. Евг. Дараган проводила она зиму эту в Москве. С ней был Грановский более близок, встречи с нею всегда радовали Грановских. Когда обе кузины Грановского проводили зиму в Москве несколько лет сряду, для Т. Н. было это истинным утешением. Особенно ценил он Е. К. Бодиско. С ней был он общителен, ей высказывал он все, что его волновало, и находил облегчение в ее сочувствии. В одном из его писем он говорит о своем отношении к ней: „Я люблю тебя последними силами души моей“ <точный текст: „Протыяни мне издали руку и верь, что я люблю тебя последними силами моей души“». См.: Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 297. — Э. Г.». Так близка была она ему. У Грановских встречалась Е. К. Бодиско с братом моим.

Ал. Влад. Станкевичем; в 1852 году состоялось ее замужество с ним. Т. Н. радовало их соединение» (Воспоминания Александры Владимировны Щепкиной. Сергиев Посад, 1915. С. 182—183). О семье Станкевичей см.: *Чичерин*. С. 140—141. В письме к Феоктистову от 2 апреля Тургенев ответил на сообщение о предстоящем браке-сочетании: «Я до того желаю себе зла, что, право, с удовольствием женился бы сам на отвратительной Бодиске» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 97).

⁸ Первая редакция «Нахлебника», написанная в 1848 г., как известно, должна была войти в третий номер «Отечественных записок» 1849 г., но 22 февраля 1849 г. была запрещена решением С.-Петербургского цензурного комитета. Неудачно складывалась и сценическая судьба комедии. Предназначая ее для бенефиса Щепкина (31 января 1849 г.), Тургенев обратился к А. А. Краевскому с просьбой напечатать ее с посвящением актеру. Однако театральная цензура задержала комедию. 10 сентября 1849 г. III Отделение утвердило рапорт театрального цензора о запрещении «Нахлебника» как произведения «равно оскорбляющего и нравственность и дворянское сословие» (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 2. С. 592—593). Комедия, однако, распространялась в списках и читалась М. С. Щепкиным на литературных вечерах (см.: там же).

6

11 (23) июня 1851 г. Выкса

Выкса. 11 июня.

Несмотря на предрекания Ваши, любезнейший мой Иван Сергеевич, я кончил* курс кандидатом.¹ Надо теперь признаться, что в начале экзамена я немного потерялся, бросился в поток, очертя голову, и уж, право, не знаю, как вынес он меня на берег. Но как бы то ни было — дело сделано, и я спокоен.

Я хотел Вам еще написать из Москвы, но экзамены, потом отъезд в деревню решительно не давали мне минуты свободной, а, между прочим,** мне нужно было писать к Вам и очень серьезно. Вот в чем дело: Вы знаете, как я смотрел на историю Боткина с Елис<аветой> Алек<сеевной>.² В моих глазах это было нечто иное, как пустая интрига, или, пожалуй, счастливая удача с его стороны — и не более. Но теперь вся эта история принимает в моих глазах другой характер; она, вероятно, примет его и в Ваших глазах, если Вы захотите взглянуть на дело без предубеждений и пристрастия. Вот в чем дело: Боткин, приехавши в Москву,³ спрашивал меня, не рассказывали ли Вы мне какой-нибудь истории на его счет, и на мой отрицательный ответ сам вызвался рассказать мне эту историю, то есть, как я и ожидал, его отношения к Елис<авете> Алек<сеевне>.⁴ Вот Вам его подробный рассказ: вначале замечу только Вам, что я решительно не верил своим глазам, чтобы Боткин мог быть так чувствителен. У него были слезы на глазах и голос его дрожал при этом рассказе. Это не преувеличение. Он начал с того, что отношения его к Ел<исавете> Ал<ексеевне> были чрезвычайно серьезны, что он любил ее, как только можно любить ему. Познакомился он с нею через Вас и потом часто видался с нею в маскарадах, где однако не мог довольно

* *Вместо:* я кончил — *было:* я вышел

** *После:* между прочим, — *начато:* дело

свободно разговаривать с нею по той причине, что существо, имеваемое Анною Яковлевною,⁵ воспыало к нему страстию и решительно не давало ему проходу. Наконец страсть этой почтенной дамы дошла до такой степени, что он просто не знал, куда деваться от нее. — Несколько раз давала она заметить Ел<исавете> Ал<ексеевне>, что она равнодушна к Боткину, и только под конец зимы начала замечать, что Вас<илий> Петр<ович> и не думает обращать на нее внимания, и что он более занят Ел<исаветой> Алексеевною. С этой минуты начались подозрения. Наконец Боткин как-то раз посылает письмо на квартиру Ел<исаветы> Ал<ексеевны>, и вдруг это письмо, доселе неизъяснимым образом, попадает в руки Анны Яков<левны>, и эта подлая тварь распечатывает его. Это бы еще ничего. Тут только вышла наружу холопская кровь, которую не так-то легко победить. Анна Яков<левна> на этом не останавливается. Вы мне сами рассказывали, какво произведение отец Ел<исаветы> Ал<ексеевны>,⁶ — что же? Анна Яков<левна>, сама ли или, кажется, чрез Петра Алекс<еевича> или Николаевича (не знаю хорошенько имени, но умственные способности которого нетрудно было мне постичь и после одного разговора с ним) — Анна Яковлевна дает знать об этой истории ее отцу, отсюда родственникам и т. д.⁷ — По всему предполагать должно, что положение Ел<исаветы Ал<ексеевны> тут было ужасно. Я это заключаю из Ваших же слов об характере барыни Ел<исаветы Ал<ексеевны>. Вероятно, бешеный и почти сумасшедший старик не расцеловал же дочку за подобную историю. Вот как было дело! Что же Вы скажете на это, Иван Сергеевич? Вы мне говорили, что Ел<исавета> Ал<ексеевна> женщина чуть не распутная. На это — есть два возражения: 1-е) Сами Вы с нею не жили много, знаете ее мало, следов<ательно>, об поведении ее Вы мало знаете сами, а, вероятно, слышали от кого-нибудь. От кого же? Кажется, не от кого, кроме тех же благородных лиц, которые распечатывают чужие письма и рассказывают их содержание родным Ел<исаветы> Ал<ексеевны>. Но после такого поступка мне кажется, что этим лицам можно только наплевать в харю, но отношений другого рода с ними иметь нельзя, а тем более верить им в чем-нибудь. 2-е) Возражение такого рода, — положение, что Ел<исавета> Ал<ексеевна> женщина так называемая безнравственная. Но что же это доказывает? Разве это дает кому-нибудь право следить за ее нравственностью, за нравственностью замужней женщины, совершенно независимой ни от кого. — И еще кто же следит-то! Анна Яковлевна! В Москве я Вам говорил только, что редко видывал рожу столько поганую и безнравственную. Теперь мои предположения оправдываются. —

Боткин говорит, что между ним и Ел<исаветой> Ал<ексеевной> все кончено теперь, но ему больно, что она, может быть, терпит за него теперь разного рода неприятности, и вот поэтому-то я пишу к Вам.⁸ Я знаю, что Вы человек отлично* благородный, и поэтому, вероятно, если можете заступиться за нее, заступитесь,

* *Вместо: отлично — было: очень*

узнавши дело в его настоящем виде. Если б я не знал Вашего благородства, я бы и не писал к Вам, но я в нем уверен* теперь, как и всегда, знаю только, что от Вас при рассказе половину дела скрыли и представили его в ложном виде. Следовательно, я не сомневаюсь, что Вы сделаете со своей стороны все, что можете. —

Графиня здорова и весела. Мы только 2 дня на Выксе.⁹ В Москве познакомился с Панаевым. Он добрый и хороший человек. Мне он сделал несколько предложений касательно «Соврем<енника>», которые я надеюсь исполнить по приезду в Москву.¹⁰ У меня тут, на Выксе, столько занятий, что и в городе не было никогда такого количества. Собираем народ на Выксе, на днях должен приехать сюда Кудряв<цев> с женою.¹¹ Вообще, кажется, время будет можно провести весело. Извините, что так дурно пишу. Перо скверное и к тому же должен спешить, потому что нынче почта. Прощайте, крепко жму Вам руку. Что Ваша охота? А я еще здесь не охотился. Пишите ко мне поскорее. Вот адрес мой: *Владимир<ская> губер<ния>, город Муром, на Выксунские заводы г. Шепелевых, на мое имя.* А главное пишите, что Вы делаете, и пишете ли что-нибудь. Прощайте.

Весь Ваш

Е. Феокистов.

Год Феокистовым не указан. На колонтитуле рукой неизвестного лица карандашная запись: 1851. Датировка уточняется по содержанию письма (Феокистов окончил университет в 1851 г.), а также по соответствию письма В. П. Боткина к Тургеневу с тем же сюжетом (от 15 мая, 6 июня 1851 г., см.: *Боткин и Тургенев.* С. 5—8). На публикуемое письмо Феокистов получил от Тургенева возмущенный ответ (датирован его комментариями второй половиной июня ст. ст. 1851 г.), впервые напечатанный (не полностью, без окончания) в книге воспоминаний Феокистова (см.: *Феокистов.* С. 16; *Т. Письма (2-е изд.).* Т. 2. С. 104).

¹ «Наступила весна, а с нею и последние экзамены, — вспоминал однокурник Феокистова по юридическому факультету. — И в прежние годы мы с Феокистовым не имели всех лекций <...>, и нам пришлось доставать у товарищей. Экзамены сошли благополучно: мы оба вышли кандидатами» (*Бестужев-Рюмин.* С. 33).

² *Хрущева (Хруцова, урожд. Тургенева) Елизавета Алексеевна (1830—1852)* — двоюродная сестра Тургенева, дочь Алексея Николаевича Тургенева, родного брата отца Ивана Сергеевича. По свидетельству Феокистова, «очень молодая и чрезвычайно красивая особа». «От Ивана Сергеевича я узнал ее печальную судьбу, — вспоминал он позже. — Против воли вышла она замуж за человека ничтожного, да еще одержимого тяжкою болезнью, которая довела его до сумасшествия. Жила она с ним не более двух лет, а затем несчастного посадили в дом умалишенных» (*Феокистов.* С. 13—14). Историю отношений Елизаветы Алексеевны с Боткиным в определенной мере проясняет его переписка этой поры. 15 мая 1851 г. Боткин писал Тургеневу: «Да, я люблю ее и смотрю на мои к ней отношения, как на самые важные в моей жизни. Каких бы ты ни был мнений о моей способности любить. — мне до них нет дела, — но вправе ли ты судить эту женщину за то, что она полюбила меня, <...> Повторяю, я люблю ее — и с радостью готов для нее на все жертвования, какие только зависят от меня, — но не в этом теперь дело. — я обращаюсь к тебе, как к человеку — не прибавляя яду в ее положение и без того ужасное, скажи ей хоть одно слово участия, пойми ее состояние. <...> Если бы ты был совершенно посторонним в этом деле, — я уверен, ты кротко и снисходительно судил бы ее, но теперь ты смотришь на нее глазами других — и подобные просе-

* *После:* я в нем уверен — слово зачеркнуто.

dés — как перехватывать адресованные к ней письма, — позорить женщину, обнаруживая ее привязанность, которая без этого оставалась бы тайною, — тебя не возмущает — и тебе ни разу не придет сомнение — что должна быть какая-нибудь скрытая причина такой ожесточенной ненависти?» (*Боткин и Тургенев*. С. 5—7). 25 июля 1852 г., получив известие о смерти Хрущевой, он сообщал Тургеневу: «... меня не было в Москве — я был за 90 верст на одном заводе и провел там недели две. На меня тяжело действовала смерть Елизаветы Алексеевны. Относительно мужа ее разумеется будут стараться сделать не в ущерб ее братьев» (там же. С. 32). Спустя полгода, когда душевная боль поутихла, Боткин посмотрел на разыгравшуюся драму трезвее: «Вот и Елизавета Алексеевна умерла — и знаешь ли, хорошо сделала она, что умерла! Зная ее, — я видел только одно дурное в ее будущности; крайняя легкость ее сделала бы наконец из нее бог знает что. Последние четыре месяца я чувствовал к ней одно дружеское расположение и между нами ничего уже не было и скажу откровенно, утомили и измучили меня наши отношения, так что если б теперь с кем-нибудь из подобных ей встретилась возможность завести таковые же, — я убежал бы без оглядки. Вообще, употребляя твое выражение „вздаться“ друг в друга и принимать на себя ответственность за судьбу женщины — помилуй бог! Меня, по крайней мере, мучает это так, что делаюсь решительно несчастнейшим человеком. О причинах болезни ее скажу теперь пока только то, что они помешали мне даже жалеть о смерти ее: их узнал я недели через две после ее смерти от горничной ее. Но до того времени мне было очень тяжело, так тяжело, что я не мог оставаться в Москве и уехал за 90 верст. На днях слышал я, что Хрушов уже окончательно помешался и отправлен в сумасшедший дом.<...> Вот, брат, как печально кончилась судьба этой женщины, такой молодой и такой красивой! Беда была в том, что она и снаружи и внутри была создана гетерой, а ее обстоятельства поставили в семейную и скромную жизнь: в этой борьбе природы с обстоятельствами и погибла она. Как все сильно чувственные женщины, она была крайне безалаберна... Ну да будет об этом...» (там же. С. 33—34). Прочитывая фрагмент из этого письма, Феоктистов завершил «тургеневскую» главу своих мемуаров: «В этих словах вполне выразилась натура Боткина, натура дряблого эгоиста и сластолюбца, который всегда хотел только наслаждаться и с ужасом отгонял от себя мысль о каких-либо нравственных обязательствах» (*Феоктистов*. С. 35). Убежденность Феоктистова в виновности Боткина в разыгравшейся драме крепла и усугубляла резкость оценок, которые он давал Боткину в письмах, например, к Тургеневу от 17 сентября 1851 г. См. также примечание Н. В. Измайлова к письму Тургенева Феоктистову (вторая половина июня ст. ст. 1851 г., у Измайлова дата: *Лето 1851 г.*): *Тургенев и круг Современника*. С. 147—148.

³ Феоктистов пишет о возвращении Боткина из Петербурга. В книге воспоминаний об этой поездке сказано: «Весной он почти одновременно с Тургеневым отправился в Петербург, откуда Иван Сергеевич ранее его прибыл в Москву проездом в свою деревню» (*Феоктистов*. С. 14). Действительно, в письме от 2 апреля 1851 г. Тургенев сообщал Феоктистову, что «...с Боткинским мы, вероятно, разъедемся — я буду в Москве около 15-го...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 96). В середине апреля или в мае 1851 г. Тургенев из Петербурга выехал в Спасское и по дороге заехал в Москву, где остановился в доме на Остоженке, что удостоверяется воспоминаниями К. Леонтьева «Тургенев в Москве. 1851—1861 гг. (Из моих воспоминаний)» (*Летопись (1818—1858)*. С. 185). В эти дни, как видно, произошло объяснение Тургенева с Феоктистовым (см.: *Феоктистов*. С. 14—15).

⁴ Рассказ Боткина об его отношениях с Елизаветой Алексеевной, по возвращении его из Петербурга весной 1851 г., изложен в книге воспоминаний Феоктистова. Однако он несколько отличается от комментируемого письма: в нем нет такого мотива, как влюбленность Анны Яковлевны Шварц в Боткина (ср.: *Феоктистов*. С. 15). Далее см. письмо Феоктистова к Тургеневу от 29 июня 1851 г. и примечания к нему.

⁵ *Тургенева (урожд. Шварц) Анна Яковлевна* (ум. 1872) — рижская немка, жена Николая Сергеевича Тургенева (1816—1879), старшего брата И. С. Тургенева. До замужества, которому противилась Варвара Петровна Тургенева, жила в ее доме и исполняла при ней обязанности камеристки. Осман в примечаниях к тургеневской главе воспоминаний Феоктистова (с. 38) привел строки из письма А. И. Герцена от 3—4 сентября 1858 г. к своему сыну: «Ник<олай> Сер<геевич> Тургенев — человек пустой, а жена его — мерзавка: ее люди хотели убить за злое обращение. Потому их знакомство отклони и всякий раз брани при ней злодеев-помещиков» (*Герцен А. И.* Полн. собр. соч. М., 1962. Т. 26. С. 203).

⁶ Отец Е. А. Хрушевой — Алексей Николаевич Тургенев (1792—?) — дядя Ивана Сергеевича. Алексею Николаевичу принадлежало село Большой Суходол Богородицкого уезда Тульской губернии. О нем и его семье: *Алексина Р. М.* Тургеневские материалы в архиве Тульской области // *Русская литература*. 1972. № 3. С. 99—100. О болезни Алексея Николаевича и его сына см. 5-е примечание к письму Феокистова от 29 июня 1851 г.

В ответном письме Тургенев дал объяснение этому факту: «...письмо, которое было перехвачено, по словам Боткина, „совершенно необъяснимым образом“, было представлено горничною Елисаветы Алексеевны ее родному брату, Михаилу Алексеевичу, что Михаил Алексеевич (мне нечего вам говорить, что я этого не оправдываю) предъявил его, в свою очередь, дяде Петру Николаевичу, как старшему в семействе... » (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 104). О родном брате Хрушевой, Михаиле Алексеевиче Тургеневе, прототипе Миши Полтева, героя тургеневского рассказа «Отчаянный» (1882 г.), см.: *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 10. С. 404, 406—407, также 5-е примечание к письму Феокистова от 29 июня 1851 г. *Тургенев Петр Николаевич (1804—1865)* — дядя Тургенева, один из братьев его отца (о нем — в указ. публикации Алексиной. С. 99—100).

⁸ Несколько раньше, 15 мая 1851 г., Боткин писал Тургеневу из Петербурга: «...думай обо мне, как хочешь, — это наши личные счета, — но относительно ее — ты обязан быть беспристрастным и добрым человеком, — а не судьей <...>. Да, ты обязан показать к ней только участие — а если не найдешь его в твоём сердце, — оно должно найтись в твоём уме. <...> Подумай, что эта женщина беззащитна, что она одна, что у ней даже нет никого, с кем бы она могла выплакать свое горе. Я тут ничего не могу, вся моя искренняя привязанность к ней не в состоянии несколько облегчить ее положение — и я обращаюсь к тебе...» (*Боткин и Тургенев*. С. 6—7).

⁹ В летнюю пору семья Е. В. Салиас жила на Выксе, в Муромском уезде (недалеко от г. Муром) Владимирской губернии. Отец ее, Василий Александрович Сухово-Кобылин (1784—1873), женатый на Марии Ивановне Шепелевой (1789—1862), дочери Ивана Дмитриевича Шепелева, ввиду своего расстроенного состояния согласился стать одним из опекунов двоюродных братьев своей жены, владельцев Выксунских чугуноплавильных заводов и имения, — Шепелевых Ивана и Николая Дмитриевичей (об истории и местоположении Выксунских заводов, о Шепелевых и нравах в этом семействе см.: *Евгения Тур.* Профессор П. Н. Кудрявцев // *Полярная звезда*. 1881. Март. С. 20—24; *Феокистов*. С. 365, 404; также: *Атеней*. С. 98—110). Старик взял в свои руки управление заводами, к концу сороковых годов обросших громадными долгами, и с редкой энергией стал поднимать упавшее хозяйство. «Вот к этому-то времени и относятся мои летние посещения Выксы», — вспоминал Феокистов (*Атеней*. С. 105).

¹⁰ Как видно, уже во время этой встречи шла речь о статье Феокистова, посвященной Марии Стюарт (см. 3-е примечание к письму Феокистова Тургеневу от 24 декабря 1851 г.).

¹¹ В ранней главе мемуаров Феокистов писал: «Жилось на Выксе очень приятно» (*Атеней*. С. 106). К этому располагало многое: обаятельный сад, запущенный, но со следами былого благополучия, обширный дом, напоминающий дворец, где в праздничные дни по заведенному издавна порядку продолжал «играть хор» к тому времени уже явно обедневших музыкантов, самодельные спектакли, интересное общество дочерей старика Кобылина (Елизаветы Васильевны, художницы Софьи Васильевны (1825—1865) и Евдокии Васильевны (по мужу Петрово-Соловова, ум. в 1893)), художника Егора Мейера, графини Иды Кутайсовой, княжны Ольги Голицыной и др., университетской молодежи (там же. С. 99, 105—107). Описание барского дома на Выксе, общего уклада жизни см. также в указ. выше воспоминаниях Евг. Тур о П. Н. Кудрявцеве (*Полярная звезда*. 1881. Март. С. 20—24). Бестужев-Рюмин, не раз гостивший на Выксе, рассказывал о времяпровождении семейства Салиас и ее гостей: «Жили они весело: устраивали домашний театр, большие прогулки; раз ездили на лесной пожар более, чем за 20 верст; ехали верхом; поехал и я, но своим неумением ездить я возбуждал шутки молодой графини (после г-жа Гурко) и так устал, что, возвращаясь в сопровождении берейтора, заснул на лошади. Вообще месяц прошел весело. Гостила на Выксе тогда и С. В. Сухово-Кобылина, сестра графини, писавшая хорошие ландшафты...» (*Бестужев-Рюмин*. С. 28). В 1851 г., Бестужев, приехав на Выксу, встретил там Кудрявцева: «Кончив экзамены, я поехал к матушке и оттуда, отправляясь к Чичеринным, заехал на несколько

дней на Выксу к графине Сальяс и прожил там месяц. В то время на Выксе гостил Кудрявцев; оба мы, плохие наездники, ездили верхом вдвоем и здесь беседовали. Вообще месяц прошел незаметно» (там же. С. 36). В письме к Бестужеву-Рюмину от 31 августа 1851 г. Салиас из Выксы сообщила: «13 августа Кудрявцев и Евг<сений> М<ихайлович> уехали в Москву» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 30 об. Письмо в копии).

7

29 июня (11 июля) 1851. Выкса

Выкса. 29 июня.

Будьте уверены, что если я берусь за перо теперь, то вовсе не с целью входить в какие-нибудь длинные диспуты об деле уже решенном. — Я Вас любил от души и главное считал за человека очень умного, — увы! во имя дружбы мне, хотя и горько, но приходится Вам сказать, что в своем письме¹ ко мне Вы поступили дурно, — как приятель, — и нелепо, — как умный человек. Скажите, пожалуйста, куда Вы дели логику, когда писали свое письмо? Я сейчас только получил его и не могу еще хорошенко прийти в себя!* Чтобы ничего не пропустить, буду Вам отвечать по пунктам:

1) Вы спрашиваете меня, кто мне дал право ругать Вашу сестру.² — Дурной ее поступок. Когда женщина таскается постоянно за человеком, он отвергает ее, а она за это мстит другой, более счастливой своей сопернице, — то, извините, я не умею** сдерживать своего чувства при подобных рассказах и называю вещи собственными именами. — Далее, *еще в Москве я говорил Вам*, что лицо сестры Вашего брата мне не нравится, что по лицу она должна быть нехорошая женщина. Вы меня разуверили в этом. Случай, казалось, оправдал мои слова, и мое название «*нехорошей женщины*» — я возвел в превосходную степень. Это могло Вам не нравиться, но что же тут нелогичного и нелепого?

2) Вы говорите, что Вы остались совершенно посторонним человеком в деле Ботк<ина> и Е<лисаветы> А<лексеевны>. — Неужели? Воображение столь блестящее хорошо в повестях, но бесполезно в общении. Нет, Вы не остались посторонним человеком, потому что произносили самые строгие приговоры по этому делу и насчет Боткина, а главное насчет Е<лисаветы> А<лексеевны>.³ — Скажите, пожалуйста, отчего же она не показывалась Вам на глаза?⁴ Вы объясняли мне — это потому, что *она Вас боится*. А почему она Вас боится?

3) Вы объясняете далее, каким образом попало письмо Ел<исаветы> Ал<ексеевны>. — Мне до этого дела нет. Знаю только, что, если бы мне представили подобное письмо, я отказался бы узнать его содержание.

* После: прийти в себя — *начато*: Буду <Вам отвечать по пунктам:>

** Вместо: я не умею — *было*: может я не умею

4) Вы говорите, что отец Ел<исаветы> А<лексеевны> — *больной и несчастный старик*.⁵ — Право? Должно быть Ваш вид револютирует⁶ его, потому что Вы сами рассказывали, что по делу известной Вам девушки,⁷ когда Вы были у него, то не могли говорить об своем предложении выкупить ее, и, когда спросил я Вас, почему Вы прямо не объявили ему свое желание, то Вы сказали: * *помилуйте, это сумасшедший человек, он бы бросился бить меня*. По московской логике я заключил из этого, что во всяком случае подобный господин *не несчастный, едва живой старик*. Словам Вашим был свидетелем Бестужев, находившийся в моей комнате.

Вот факты, на которых Вы основали свое письмо, я отвечаю на все. Предоставляю Вам заключить теперь, какова была логика, основанная на подобных фактах письмо, подобное Вашему. Да, забыл, — Вы говорите, что я *«всовываю пальцы между деревом и корой»*, — позвольте Вам представить подобный вопрос: женщина** имеет связь с человеком. Связь эта открывается. Близкий к ней господин начинает мне рассказывать, что эта женщина*** самая распутная и безнравственная, что она берет любовников, где они ей не попадают. Случай открывает мне, кажется, противное, — имею ли я право сказать свое мнение, да или нет? Вот что значит, Иван Сергеевич, быть москвичом-то.⁸ Московская логика заставляла меня сделать это; но я еще молод, вероятно, со временем отучусь от подобных умозаключений.

Теперь результат: повторяю, я Вас любил искренно, — когда напали на Вас, я защищал Вас жарко против всех. Под влиянием подобных чувств, я слышу, что Вы замешаны в дурной проступок. Мне больно слышать это; я пишу Вам письмо, в котором я излагаю все дело, как оно было, может быть, вдавывая в некоторую крайность в выражениях, но поступок представлялся в таких черных красках, что невозможно было скрыть своего негодования. И что же? Вы не находите достаточно грубостей, чтобы вылить их на меня за то, что я имел дерзость оскорбиться, когда слышал, что Вы замешаны в дурную историю, и за то, что я придал**** несколько собрикетов⁹ людям, по моему мнению, замешавших Вас в эту историю! Что же мне остается делать? Неужели Вы решитесь оправдать мнение тех, которые признают в Вас мелочное самолюбие? Вы доставили им порядочный аргумент. Больно, больно мне, что Вы сыграли подобную шутку, но, что делать, вероятно, человеку нельзя избавиться***** от своего назначения! Более сказать Вам мне нечего. Выгнать меня из дому Вам, вероятно, не придется, потому что от меня лично Вы не услышите оскорблений: *«сестре Вашего брата»*. — Да благоденствует она и Вы вместе с нею! —

Письмо без подписи. Год не указан. На колонтитуле первого листа рукой неизвестного лица карандашная помета: 1851(?). Датировка уточняется по содержанию

* *Вместо:* то Вы сказали — *было:* то Вы сказали, что:

** *Вместо:* женщина — *было:* девушка. Далее <1 сл. нрзб.>

*** *Вместо:* женщина — *было:* девушка

**** *Вместо:* придал — *было:* сказал

***** *Вместо:* вероятно, человеку нельзя избавиться — *было:* вероятно, нельзя избавиться

(история с Хрущевой разыгралась в 1851 г.), а также по соответствию другим письмам Феокистова и близких ему людей (см. датированные письма В. П. Боткина к Тургеневу от 5 мая и 6 июня 1851 г. с тем же сюжетом: *Боткин и Тургенев*. С. 5—8).

¹ Феокистов имеет в виду написанное в ответ на его письмо от 11 июня 1851 г. возмущенное послание Тургенева (автограф не сохранился, датируется второй половиной июня ст. ст. 1851 г., см.: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 104). Отрывок из этого письма он ввел в свои воспоминания с характеристикой: «...жалкое послание, в каждой строке коего проглядывала попытка выгородить себя, наговорив мне разных неприятных вещей» (*Феокистов*. С. 16). Далее следуют строки, тесно связанные как с предшествующим письмом Феокистова от 11 июня 1851 г., так и с публикуемым: «Вы обвиняете меня в том, — писал я Тургеневу, — что я вмешиваюсь в чужие дела, но разве когда-нибудь обращался я к вам с расспросами об Елисавете Алексеевне? Разве интересовался я хотя малейшим образом ее судьбой? Разве старался я разузнать, что делается в семье вашего брата? Во все это вы сами посвятили меня. Вся моя вина в том, что я слушал вас, когда вы позорили Елисавету Алексеевну, советовали мне отправиться к ней с 50 рублями в кармане, — слушал и Боткина, когда он доказывал мне, что вы клеветаете на нее; еще я виноват в том, что отнесся к этому не равнодушно, а откровенно высказал вам свое мнение, но вину такого рода я охотно принимаю на себя» (*Феокистов*. С. 16—17).

² Имеется в виду А. Я. Тургенева — невестка И. С. Тургенева. См. 5-е примечание к письму от 11 июня 1851 г.

³ Соответствующие слова Тургенева, обращенные к Феокистову: «...я не намерен вдаваться в объяснения по поводу истории Елисаветы Алексеевны с Боткиным — это значило бы только увеличивать снежный ком — тем более, что я оставался совершенно посторонним человеком в этом деле»; «...собственно, я ни во что не вмешивался и вмешиваться не намерен» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 104). Много позже, в 1887 г., Феокистов так передал суть «приговоров» Тургенева (во время его приезда в Москву весной 1851 г. по дороге в Спасское): «— Знаете ли, какая произошла пасквильная история? — сказал он мне при первом же свидании со мной, — Елисавета Алексеевна ни более ни менее как продана Боткину; моя belle-soeur совершенно случайно нашла к ней его письмо, а уж тут кстати открылось и многое другое; возможно ли было предположить, что эта женщина, такая изящная, такая по-видимому порядочная, просто-напросто торговала собой! Разумеется, Анна Яковлевна не могла допустить подобного разврата в своем доме и без всяких церемоний выгнала ее. / Я не верил своим ушам, слушая этот рассказ, но Тургенев находил в каком-то непривычном ему возбужденном состоянии. / — Ах, боже мой, — говорил он, — вы еще очень молоды и ничего в этом не понимаете; повторяю вам, Елисавета Алексеевна — потаскушка; она и продает-то себя дешево, по мелочам. Вот вам средство убедиться в этом: если у вас найдутся лишние пятьдесят рублей, то смело отправляйтесь к ней; не бойтесь, головой ручаюсь, что вы не разыграете глупой роли» (*Феокистов*. С. 14—15). См. также об этом свидании Тургенева и Феокистова в кн.: *Боткин и Тургенев*. С. 344—345.

⁴ Намек на фразу Тургенева, воспроизведенную Феокистовым в мемуарах: «Узнав о моем приезде сюда, <...> она прислала мне письмо, но я, разумеется, ничего не отвечал, а поручил только на словах передать ей, чтобы она не смела показываться мне на глаза» (*Феокистов*. С. 15).

⁵ Алексей Николаевич Тургенев был болен. Герой тургеневского рассказа «Отчаянный» — Миша Полтев, прототипом которого был его сын Михаил Алексеевич Тургенев (родной брат Хрущевой) — тоже поражен болезнью. «Факт болезни отца Миши Полтева <...>, видимо, соответствует действительной болезни Алексея Николаевича, отца Миши Тургенева, — пишет Алексина. — В. П. Тургенева в письме к сыну сообщает о предполагаемом приезде его дяди с детьми в Спасское и выражает беспокойство: „Ах! Алексей с его болезнью, неприятно мне и боюсь... и для Биби... наказанье Божье, что он все жив“» (*Алексина Р. М. Тургеневские материалы в архиве Тульской области // Русская литература*. 1972. № 3. С. 99—100).

⁶ От *révolter* (*франц.*) — возмущать, раздражать.

⁷ В 1851—1853 г. Тургенев переживал роман с дворовой девушкой Феокисткой Петровной (позже приняла фамилию мужа — Волкова). Сведений о ней мало. К воспоминаниям Н. В. Берга, в которых рассказана ее история, Н. М. Гутьяр призвал относиться с осторожностью, но тем не менее за отсутствием других свидетельств вынужден был принять его версию. В частности, Гутьяр цитирует фрагмент из вос-

поминаний Берга, проясняющий истоки этого романа: на вечерах Петра Николаевича Тургенева «...появлялась временами племянница хозяина, той же фамилии, Елизавета Алексеевна Тургенева, очень миловидная блондинка, лет 15—16, также орловская помещица. Будучи сиротой, она самостоятельно управляла своей небольшой деревенькой, которая была для нее все: и средства к жизни, и костюмы на выезды к дядюшке и куда случится, и приданое. Оттуда же получалась зимою всякая провизия: мука, крупа, свиные туши, мерзлые индейки, гуси, утки, куры... а равно и необходимая в доме прислуга. В числе последней находилась и дворовая девушка Феоктиста, которую, по тогдашним обычаям, никто не называл полным именем, начиная с ее барыни и кончая ее родней, даже — некоторыми ближайшими знакомыми: для всех она была Фетиской» (*Гутьяр Н. М.* Иван Сергеевич Тургенев. Юрьев, 1907. С. 136; первоисточник: Исторический вестник. 1883. № 11. С. 372). Тургенев выкупил Феоктисту. Увез ее сначала с собою в Петербург, потом переехал с нею в Спасское. Роман закончился вместе с ссылкой, хотя, как свидетельствует переписка Тургенева, он и позже продолжал помогать Феоктисте. О творческих трансформациях этого «романического эпизода» см. в указ. книге Гутьяра (С. 138—140).

⁸ Эту фразу (как и последующую — «Московская логика заставляла меня сделать это...») объясняют строки из письма Тургенева к Феоктистову: «...верно, самые порядочные люди не могут избиваться от влияния той среды, в которой они находятся: недаром вы житель Москвы, города, в котором все одержимы желанием совать свой нос в чужие дела. Что это за старушечья, морbidная, чисто московская страсть всовывать свои пальцы „между деревом и корой“...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 104).

⁹ От *sobriquet* (*франц.*) — прозвище, кличка.

8

20 июля (1 августа) 1851. Выкса

20 июля 1851.

Любезный Тургенев! В последнем письме своем к Вам я сказал, что между нами все кончено, и думал никогда уже более не писать Вам. Теперь, в минуты хладнокровного размышления, Вы должны сами согласиться, что я имел полное право сказать Вам это. Я уверен, что теперь Вы поняли, что письмо Ваше ко мне было не только жестко, как Вы говорите, но гораздо более этого. — Вы сказали мне в нем все, что только могли сказать оскорбительного для меня. В последнем письме своем к графине¹ Вы говорите, что, сознавая его жесткость, Вы готовы отказатьсь от находящихся там грубых выражений. Это заставляет меня еще раз обратиться к Вам с искренним объяснением.

Объяснение это будет недлинно. Забудем, если можно, всю поднятую* нами историю, тем более, что она держится на каком-то страстном *qui pro quo*.^a В письме своем Вы объясняете** подробно, как произошла вся история, и невозможно не остаться удовлетворенным после этого объяснения. Дело ясно. Я уверен теперь, что Вы были посторонним лицом и не принимали деятельного участия во всей этой истории. Но в этом я был уверен и прежде.*** Я

* *Вместо*: всю поднятую — *было*: всю эту поднятую

^a Путаница, недоразумение (*лат.*).

** *Вместо*: объясняете — *было*: говорите

*** *После*: и прежде. — *начато*: Следов<ательно>

предполагал только, что Вас вернула в эту историю Анна Яковлевна, — и полагал это на основании фактов, переданных мне Боткиным. Ни одного я сам не выдумал, — ошибка моя, может быть, состояла в том, что на основании их я слишком резко выразился об Анне Яковлевне. Как скоро Вы ее уважаете, то я готов отказаться от оскорбительных для нее выражений.

Вы говорите, что берете назад все сказанное мне Вами. В ответ на это я с охотою отказываюсь от всего, что я сказал Вам неприятного или оскорбительного.

В конце письма к графине Вы говорите, что, вероятно, между нами все кончено. Мне этого не хотелось бы. Вы знаете, как я люблю Вас, — я старался это доказать Вам, как мог, и надеюсь, что Вы не сомневались в моей привязанности. Она еще не прошла теперь. Будьте уверены, что когда я брался за перо, чтобы написать к Вам первое письмо, мною руководила только мысль об том, что замешали в эту историю человека искренно мною любимого, и негодование на людей, замешавших Вас в нее. — Жалею, что я ошибся в этих людях, и произнес об них жестокое суждение.

Если хотите, забудем же эту историю. Я знаю, говорят, что трудно возобновляются дружеские отношения между людьми,* сильно когда-нибудь поссорившимися. Со своей стороны могу только уверить Вас, что после Вашего объяснения, я готов забыть все происшедшее и никогда оно не смутит моих будущих к Вам отношений.

Ваш Е. Феоктистов.

¹ В архиве ИРЛИ сохранились два письма Е. В. Салиас Тургеневу (его письма неизвестны), посвященные истории с Е. А. Хрущевой. Первое датируется по штампу отправления: *В Муром. Отправлено Июля 1851 г.* Привожу фрагменты, в которых отразились суждения из тургеневского письма к Салиас: «Я получила письмо Ваше, любезный Тургенев, и признаюсь, была крайне удивлена им, тем более, что за два дня Феоктистов сообщил мне ваше письмо к нему. Чтобы объяснитьсь раз навсегда, я должна довольно подробно отвечать вам. В письме вашем к Феоктистову вы называете его сплетником, а историю Ел<лисаветы> Ал<ексеевны> сплетней. Не входя ни в какие подробности этой истории, которая вовсе до меня не касается, позвольте мне сделать вам один вопрос. Человек любящий вас, приятель ваш, кто бы он ни был, услышав, что вас обвиняют в весьма нечистом поступке, имеет, или не имеет права, обратиться к вам и спросить у вас, в чем дело и как было оно? Но Феоктистов знал уже все дело от вас самих, и услышав его еще с другой стороны, где представлялись в доказательство факты, считал вас совершенно неспособным на дурной поступок, порешил дело по разумению, и обвинил не вас, но лица вас окружающие, что чистосердечно вам и высказал. И это-то вы называете сплетней! Признаюсь, вы выдумали новое название, которое до сих пор я не знала. Феоктис<тов> ждал ответа от вас, и ответ пришел — я не буду говорить о нем, потому что сказать нечего...» (РО ИРЛИ, № 5850, л. 9—9 об). Далее, после отповеди Тургеневу, Салиас снова возвращается к конфликту: «Третьего дня я получаю письмо от вас, в котором вы дружески кланяетесь Феокт<истову>, не отказываясь однако ни *от одного вашего слова*, прежде ему написанного. Знаете ли, что я много смеялась такому вашему добродушию, живо напомнившему мне некоторых героев Гоголя. Ваше поведение не объяснить не только тем, что аристократия, удалившаяся в семью, как в последнее убежище (ваши слова), завлекла вас так далеко, что вы стали чем-то странным, оказались на деле совершенно неверны своим понятиям, мнениям, столь часто высказанным мне и многим другим. <...> Согласитесь, что я, с своей стороны, не могу восстанавливать ваших отношений к Феоктистову. Как могу я

* *После*: между людьми, — *начато*: которые <сильно когда-нибудь поссорившись?>

сделать это, когда вы даже не отказываетесь ни от одного своего слова, и однако же хотите остаться приятелем после оскорбительного и оскорбляющего вашего письма к нему. Стало быть, Вы даже не уважаете его, когда оскорбив столько, полагаете возможным не прервать приятельских отношений. <...> Для него — вы, как он знал вас и полюбил, и вы, как вы явились теперь, до того несовместимы в одно лицо, что он потерялся в этом лабиринте вашего сердца, ума и особливо правил» (там же, л. 9 об.— 10 об.). Второе письмо датируется по соответствию предшествующему письму Салиас серединой июля 1851 г.: «Любезный Иван Сергеевич, я сию минуту получила письмо Ваше и спешу ответить на него. Позвольте мне сказать вам, во-первых, что плохо поняли мое письмо — я не говорила ни слова о <б> истории Ел<исаветы> Ал<ексеевны>, которая до меня не касается, и потому вы могли бы и не оправдываться передо мною в своем поведении, как вы это делаете в ныне полученном мною письме. Весь вопрос между вами и мною состоял в том, как вы поступили с Феокт<истовым>, которого я так люблю. Теперь это дело для меня ясно — если вы помирились или помиритесь с Феокт<истовым>, то я не вижу причины, почему бы я стала разрывать с вами — тем более, что это было бы для меня очень больно. Позвольте же мне не принять вашей последней фразы буквально. Вы говорите, что все между нами кончено, а я говорю, что протягиваю вам руку искренно и да будет забыта вся эта неприятная, грустная история — пусть останется размолвка наша между нами только и, если возможно, пусть возобновятся наши прежние отношения. Вы знаете, что я люблю вас, люблю теперь, за что же нам расставаться. Вы знаете меня — я искренна и теперь искренно предлагаю вам мир и забвение прошлому» (там же, л. 13—13 об.). Ср. конец письма Салиас с фразой Феоктистова из комментируемого письма: В конце письма к графине Вы говорите, что, вероятно, между нами все кончено.

9

23 августа (4 сентября) 1851 г. Москва

Москва. 23 августа. 1851.

Вы удивитесь, милый Иван Сергеевич, что я так рано собрался в Москву, — но это только временно: завтра я опять еду на Выксу, где графиня теперь живет одна, и, вероятно, скучает. Я приехал сюда для того, чтобы похлопотать о месте в пансион Эннеса;¹ устроил это дело и теперь отправляюсь опять в деревню, так как класы в пансионе начнутся только с октября. —

Бедная графиня! Судьба решительно не хочет ей дать успокоиться. Жила она тихо, спокойно и, кажется, счастливо, — как вдруг два дня тому назад приехал сюда ее муж² и отправился уже на Выксу. Что имел в виду этот господин, приезжая к женщине, с которой у него все было кончено, и даже не предупредив ни одного своего родственника и приятеля, — решительно непонятно.

Ну что Вы поделяваете? Здесь в Москве очень скучно. Вчера праздновался день коронации. Иллюминация была истинно великолепна и прельстила даже людей, никогда не чувствовавших удовольствия от подобного рода зрелищ.³ — Кроме же этого новостей почти никаких, — разве то, что Остров<ский> и Комп<ания> убедили Садовского, что он отлично может сыграть Лиру, и он объявил его в свой бенефис.⁴ Что это будет, — неизвестно, а любопытно. Но я с нетерпением жду Шумского в роли Хлестакова, — надеюсь, что он исполнит ее превосходно.⁵

Короткое мое пребывание здесь совсем сделало меня горожанином. Нынешнее лето я очень много читал всего, что ни попадалось

под руку, и вообще доволен собою. Ну а Вы? Неужели ничего не писали. Что Ваш роман, а главное, что за несчастливая мысль оставаться в деревне до октября?⁶ Жалею, что охота Ваша была неудачна. Напротив того, нынешний год на Выксе дичи была бездна.

Надеюсь, что Вы пробудете не одну неделю проездом через Москву.⁷ Что Вам спешить в Петербург? Мне нужно было бы о многом с Вами переговорить, и я нетерпеливо жду времени нашего свидания.

Еще здесь одна очень важная новость, но, вероятно, Вы узнаете ее подробно по приезде в Москву.

Если Вы успеете и будете в состоянии сбросить с себя лень, то пишите ко мне опять по старому адресу: *Владим<ирская> губ<ерния>, в г. Муром, на Выксунские зав<оды>*. Завтра утром я туда еду, и Ваше письмо весьма бы меня обрадовало.

Жму Вам руку, нетерпеливо желаю Вас скоро увидеть. Будьте здоровы, веселы, не ленитесь и не забывайте нас.

Ваш Е. Феоктистов.

На обороте письма:

Орловской губ<ернии> в гор. Мценск.

Его Высокоблагородию Ивану Сергеевичу Тургеневу.

На почтовых штемпелях: <Мос>ква Август<т> 25; Мценск 29 Август<т>.

¹ Салиас так объяснила Бестужеву-Рюмину решение Феоктистова устроиться в пансион Эннеса, куда его рекомендовал Грановский: «Мать его лишилась места, он должен содержать ее — я не могу много давать ему денег и пришлось ему взять место Эннеса, который требовал его к август<у>, так что 13 в ночь он покинул нас» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 120 об.; письмо в копии; без авторской даты; датируется по содержанию августом 1851 г.). На рубеже 1840-х—1850-х гг., по свидетельству Н. А. Белоголового, пансион Эннеса был лучшим частным средним учебным заведением в Москве: «Пансион пользовался в Москве отличной репутацией и действительно оправдывал его прекрасной постановкой преподавания, чего достигал Эннес, умело вербуя талантливых учителей среди молодых кандидатов, окончивших курс Московского университета...» (*Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. М., 1898. С. 258). Здесь преподавали А. Н. Афанасьев — впоследствии собиратель древнерусских текстов, фольклорист, библиограф; Ю. К. Давидов — позже профессор математики в Московском университете; И. К. Бабст — один из способнейших учеников Грановского, в будущем известный профессор политической экономии сначала в Казанском, а затем в Московском университетах и др. (см.: там же. С. 259—261). «Благодаря этому обстоятельству, редкий год из его воспитанников не поступало несколько в университет, а из бывших в мое время многие, кроме <С. П.>Боткина, — писал Белоголовый, — сделались впоследствии профессорами, так: Беккер, Колли, Шестов (бывший лейб-медик покойного наследника престола Николая Александровича) и др.; московский профессор Герье там же получил свое среднее образование, только позднее описываемого времени» (там же. С. 258). 31 августа 1851 г. Салиас сообщила Бестужеву-Рюмину, что Феоктистов, не завершив переговоры с администрацией пансиона, вернулся, как он об этом и писал Тургеневу, на Выксу: «...два дня, по приезде моего мужа, Eugène, не выносы в Москве мысли, что я одна и могла быть очень несчастлива, окруженная одной семьей, не зная намерений моего мужа, почти отказался от места и прискакал назад, — на Выксу. Всем жившим здесь он сказал, что Эннес соглашается ждать его до сентября, в чем все и уверены. Одна я, увидя его входящего в дом, поняла истину и, разумеется, была так тронута его ко мне привязанностью, что могу сказать нравственно воскресла и уже не так уничтожена или поражена всем меня окружающим» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 33—33 об.; письмо в копии, без года (рукой неизвестного лица карандашная помета: 1851); год уточнен на основании соответствия письму Феоктистова от 23 августа 1851 г.).

² Много позже Феокистов в мемуарах набросал портрет мужа Елизаветы Васильевны: «...граф Салиас представлял собой самое жалкое ничтожество; пустейший хлыщ, очень кичившийся своим титулом, хотя захудалая его фамилия не пользовалась почетом во Франции; он вступил в брак с Елисаветой Васильевной единственно потому, что имел в виду порядочное приданое...» (Феокистов. С. 365). Столь же остро охарактеризовала его сама Салиас в письме к Бестужеву-Рюмину от 8 октября 1851 г.: «В молодости он был хорош собою, чрезмерно нравился женщинам и повесничал — сколько мог, имея по три любовницы зараз — одну актрису, одну гризетку, одну знатную даму. Такую жизнь вел он долго, потом женился и по-прежнему не упускал случая иметь женщину, если возможно <...>. В этих минутных связях он погубил свое уважение к женщинам...» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 44 об.; письмо в копии).

³ 22 августа 1851 г. — иллюминация по случаю дня коронации Государя Николая Павловича. Накануне «Ведомости московской городской полиции» объявили: «Среда, 22 августа. В Кремлевском саду музыка и великолепная иллюминация» (1851. 21 авг., № 184).

⁴ 22 сентября в «Ведомостях московской городской полиции» появилась заметка «Бенефис г. Садовского», в которой сообщалось: «Замечательные события в мире сценического искусства более или менее обращают на себя внимание всей образованной публики. — Одно из таких событий готовится в настоящую минуту. / Садовский — тот самый Садовский, которого гениальный комический талант так хорошо знаком всем, — и постоянным и не постоянным посетителям театра — Садовский-Осип, Садовский-Подколесин, — играет роль короля Лира...» (1851. 22 сент., № 207. С. 1. Подпись: А. Г.). Театральные завсегдатаи из кругов западной ориентации, в которых вращался и Феокистов, восприняли эту роль П. М. Садовского как неудачу. Галахов вспоминал: «Но как по пословице: „На всякого мудреца довольно простоты“, так и на нашего артиста нашло однажды затмение. Увлекаемый, как ходил слух, внушениями молодой редакции „Москвитянина“, он вздумал попробовать свои силы в трагедии, и для своего бенефиса (если не ошибаюсь) выбрал „Лира“. Конечно, все места в театре были расхвачены, сбор вышел полный, но короля Лира не видели, а видели не то Подхалюзина, не то Русакова. Короче, наш гениальный артист сел не в свои сани» (Литературная кофейня в 1830—1840 гг. Воспоминания А. Д. Галахова // Русская старина. 1886. № 6. С. 701).

⁵ Шумский сыграл Хлестакова в «Ревизоре» на сцене Малого театра осенью 1851 г. Феокистов посмотрел этот спектакль вместе с Тургеневым. В зрительном зале они увидели Гоголя. Однако дата появления Феокистова и Тургенева в театре вызывает разногласия. Соответственно хронике жизни Гоголя первый раз он был на «Ревизоре» 15 октября в обществе Аксаковых (см.: Гоголь. Т. 9. С. 707), после 15 октября он смотрел спектакль вторично, на этот раз с А. О. Смирновой и ее младшим братом Л. И. Арнольди (там же). Вероятно, на втором из этих спектаклей в зале Малого театра Тургенев и Феокистов среди зрителей видели Гоголя. Об этом событии Тургенев вспоминал в связи со своим визитом к Гоголю: «Помню день нашего посещения: 20-го октября 1851 года. <...> За неделю до того дня я его видел в театре, на представлении „Ревизора“; он сидел в ложе бельэтажа, около самой двери — и, выгнув голову, с нервическим беспокойством поглядывал на сцену, через плечи двух дюжих дам, служивших ему защитой от любопытства публики. Мне указал на него сидевший рядом со мною Ф.» (Т. Сочинения (2-е изд.). Т. 11. С. 57). Назарова обратила внимание на строки из воспоминаний Арнольди «Мое знакомство с Гоголем» о нервном состоянии Гоголя в этот день: «Многие в партере заметили Гоголя, и лорнеты стали обращаться на нашу ложу. — Гоголь, видимо, испугался какой-нибудь демонстрации со стороны публики, и, может быть, — вызовов...» и тихо вышел из ложи (там же. С. 357—358). В хронике жизни и творчества Тургенева зафиксирована другая дата этого события: «Около 13 (25) октября. Т в Москве. Присутствует с Е. М. Феокистовым на представлении „Ревизора“ в Малом театре; среди зрителей видит Гоголя...» (Летопись (1818—1858). С. 187).

⁶ Вероятно, вопрос Феокистова касается романа «Два поколения», над которым Тургенев работал в Спасском летом и осенью 1851 г. См.: 2-е примечание к письму Феокистова Тургеневу от 30—31 марта 1851 г.

⁷ Тургенев приехал в Москву около 13 октября. Здесь — вместе с Феокистовым смотрит «Ревизора» в Малом театре (см. выше 5-е примечание); во второй

половине октября — начале ноября бывает у гр. Салиас, в дом которой вводит К. Н. Леонтьева (см. 8-е примечание к письму Феокистова от 24 декабря 1851 г.). 6 ноября выезжает в Петербург по только что открытой железной дороге (*Летопись* (1818—1858). С. 187, 188).

10

17 (29) сентября 1851 г. Выкса

17 сентября. 1851.
Выкса.

Писал я к Вам, милый Иван Сергеевич, из Москвы,¹ но от Вас не получил до сих пор ни строки; думаю, впрочем, что письмо мое едва ли дошло до Вас, потому что поручил я его отдать на почту человеку очень неверному. — Если Вы получили его, то уже из него, а если нет, то из этого письма, Вы можете узнать, что к графине приехал ее муж совершенно неожиданно, тогда как она уже думала, что между ними все кончено. Поводом к приезду было, как он говорит, свидание с детьми, — но открывается теперь, что он имел более обширные намерения. — После нескольких дней пребывания здесь он прямо объявил, что желает взять с собою во Францию детей, если не всех, то хоть кого-нибудь.² Графиня, разумеется, не согласилась. Да и странно этого требовать от нее. Она до того срослась, если можно так выразиться, с детьми, что если отнять у нее одного из них, без преувеличения, едва ли можно ручаться за год* ее жизни. — После этого, как Вы можете себе представить, тысяча семейных сцен, неприятностей, жалоб и т. д. Бедная графиня теперь едва жива от всего этого. — Но роль еще не кончилась. Зная мою дружбу к графине, он возненавидел меня, и дошел до того, что находит неприличным мое дружеское и фамильярное обращение с ее дочерью. На днях он объявил, что неприлично держать около девочки молодого человека,** ибо моя интимность к ней доходит до того, что можно принять меня за влюбленного в нее.³ Теперь он немного успокоился и, кажется, устыдился своих нелепостей. Графиня надеется кончить с ним миролюбиво это дело, — но все-таки не пройти ей тысячи сцен, более или менее неприятных. —

Вот каковы здесь дела, милый Тургенев, и Вы понимаете, что при таких обстоятельствах не может быть и помину о приятном препровождении времени и т. п. Тоска невыносимая, не позволяющая даже рассеять себя каким-нибудь серьезным занятием. Кроме Маколея,⁴ не читаю теперь ничего, — до того тяжела голова моя от всех этих сцен и историй.

Я много делал глупостей в своей жизни, и теперь сознаюсь, что одна из главных, — было мое вмешательство в историю В. П. Боткина и Е<лизаветы> А<лексеевны>. — Мне неприятно говорить об

* *Вместо:* за год — *было:* за день

** *После фразы:* молодого человека — *а. Ничто:* но что <моя интимность к ней> *б. Ничто:* ибо я у<хаживаю?>

этом, думаю, тоже и Вам, но все-таки не могу не излить своей желчи на эту негодную дрянь, — бывшего Вашего и отчасти моего приятеля. В последнее свое пребывание в Москве я убедился наконец, что это за существо и сколько в нем всякой мерзости. Вот как иногда можно обмануться. Поговорим об этом подробнее при свидании в Москве.

Изредка получаем мы здесь известия из Москвы. Вы, я думаю, уже знаете, что вышел 1-ый том истории Соловьева.⁵ Грановск<ий> пишет, что в первый день разошлись 500 экземпляров! — Но вот еще более радостная новость: Гоголю позволено напечатать 2-й том «Мертвых душ» и новое издание своих сочинений.⁶ Он говорит, что во всем этом издании он сделает много поправок и прибавлений. Думаю, будут хороши!

Ну а Вы? — Неужели ничего не написали. Стыдно будет показаться Вам с пустыми руками. Особенно желал бы я видеть* статью по поводу Гамлета и Дон-Кихота,⁷ о которой мы так долго рассуждали в Москве. Графиня тоже начала теперь роман⁸ и даже, кажется, кончает 2-<ую> часть. В Москве печатается ее «Племянница»⁹ и издание, кажется, будет очень красиво.

Приезжайте, приезжайте скорее в Москву.¹⁰ Мы выезжаем туда отсюда в последние числа сентября. Если захотите написать мне, то уже не адресуйте письма на Выксу, а в Москву по следующему адресу: *В Харитоньевском больиом переулке, в приход 1 Харитонья в огородниках, дом Долбилиной, кварт<ира> гр. Салиас.* — Графиня примет Вас уже на новой своей квартире.

Пожалуйста, напишите заранее, когда Вы приедете в Москву. Более всего желаю я Вас видеть. Нужно мне переговорить с Вами об очень многом, да и графиня беспрестанно об Вас вспоминает.

До свидания же.

Ваш Е. Феокистов.

¹ Письмо от 23 августа 1851 г.

² В письмах к Бестужеву-Рюмину Салиас рассказала, что муж ее хотел вернуть детей (или хотя бы одного увезти во Францию), см. письмо (в копии) от 10 сентября 1851 г. (РО ИРЛИ, № 25164, л. 35—38). Из письма Боткина к Тургеневу от 7 октября 1851 г.: «...к Гр. Сальяс — вдруг неожиданно приехал муж ее — и явился с разными претензиями. Мусье, кажется, профинтился в Париже и хочется ему поправить несколько на основании семейных прав. Поехал он тотчас же на Выксу, где была Графиня — и начал изъяслять свои претензии — и хочу, говорит, наслаждаться семейным счастьем, — и недоволен воспитанием детей и проч. Явно, что ему хочется денег, — но их нет. Графине было очень тяжело и скверно. На днях ждут ее в Москву. Он все грозит, что возьмет с собой дочь» (*Боткин и Тургенев.* С. 9).

³ Факт («приревновал Машу к Eugène!») отражен в письме Салиас к Бестужеву-Рюмину от 10 сентября 1851 г. (см.: РО ИРЛИ, № 25164, л. 38).

⁴ *Маколей (Macaulay) Томас Бабингтон* (1800—1859) — лорд, английский историк и публицист, крупный политический деятель, блестящий оратор, представлявший в парламенте партию вигов. В своих речах и печатных трудах отстаивал принципы не впадающей в анархию и содействующей развитию цивилизации «разумной» гражданской свободы, религиозной терпимости, уважения к частной жизни человека. Его «История Англии от восшествия на престол Иакова II» («History of England from the Accession of James the Second», первые тома выходили с 1849 г., не завер-

* *Вместо: видеть — было: узн<ать>.*

шена) была воспринята современниками как национальная эпопея и читалась с огромным интересом. В 1857 г. Тургенев сообщит П. В. Анненкову: «С тех пор, как я не писал Вам, я был в Англии — и, благодаря двум-трем удачным рекомендательным письмам, сделал множество приятных знакомств, из которых упомяну только Карлейля, Теккеря, Дизраэли, Маколей...» (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 3. С. 231; письмо от 27 июня (9 июля)).

⁵ 1 сентября 1851 г. «Московские ведомости» опубликовали «Библиографическую заметку»: «Имя г-на Соловьева известно всякому интересующемуся Русскою историею. Он по праву занимает одно из почетнейших мест у нас между деятелями науки. В короткое время он успел ознаменовать себя столько же обильными, сколько даровитыми и плодотворными трудами. / „Московские ведомости“ имели уже случай говорить о важном и обширном труде, который предпринят г-м Соловьевым. Теперь с особенным удовольствием спешим известить читателей, что наш неутомимый деятельный ученый выпустил уже в свет первый том этого труда: / „История России с древнейших времен“, соч. Сергея Соловьева, профессора Московского университета. Т. I. 1851 г. Москва, в Унив. Тип. / В этом первом томе история доведена до кончины В. Кн. Ярослава» (№ 105. С. 11. Без подписи). В Прибавлении к этому же номеру «Московских ведомостей» появилось объявление о том, что первый том «Истории России...» поступил в продажу. В следующем номере «Московские ведомости» оповестили о продаже книги в лавке Базунова.

⁶ Из хроники жизни Гоголя этой поры: «Лето <1851.> Гоголь пишет цензору В. Н. Лешкову в связи с возникшими затруднениями с получением цензурного разрешения на второе издание его сочинений» (*Гоголь*. Т. 9. С. 705); 23 сентября 1851 г. попечитель Московского учебного округа и председатель цензурного комитета В. И. Назимов посетил Гоголя с известием, что второе издание его сочинений будет им разрешено к печати, для чего «необходимо обычным порядком сдать его в цензуру»; 10 октября 1851 г. получено цензурное разрешение второго издания сочинений Гоголя; в январе следующего года идет работа над корректурами четырех томов собрания; 16 января 1852 г. Боткин сообщает Тургеневу: «Сочинения Гоголя здесь печатаются в 5 томах. Том 5-й будет состоять из *новых вещей*» (*Боткин и Тургенев*. С. 14). 31 января Гоголь «вместе с С. П. Шевыревым занимается корректурами своего собрания сочинений»; 4 февраля вечером посещает Шевырева и сообщает, что «некогда ему теперь заниматься корректурами» (см.: *Гоголь*. Т. 9. С. 710). Смерть оборвала работу Гоголя над изданием. См. далее 5-е примечание к письму Феокистова от 3 марта 1852 г.

⁷ «Благодаря письмам Феокистова к Тургеневу, — писала в 1958 г. Л. Н. Назарова, — впервые становится известным то обстоятельство, что замысел статьи „Гамлет и Дон-Кихот“, опубликованной в „Современнике“ лишь в 1860 году, относится к началу 1850-х годов» (*Назарова*. С. 164). Через полтора года (18 февраля 1853 года) — на этот факт также обратила внимание Назарова — Феокистов снова напомнит Тургеневу об его замысле: «Вы должны превосходно писать статьи серьезного содержания, преимущественно об искусстве, по крайней мере, все статьи Ваши в этом роде я очень ценю. Не знаю, какого Вы будете сами об этом мнения, но я в этом убежден — и ждал с большим интересом предполагаемой Вами статейки: „Дон Кихот и Гамлет“ — но кажется нам ее не дожидаться. — Но вообще из всего предыдущего Вы можете видеть, с каким жадным интересом смотрю я теперь на Вашу деятельность».

⁸ Из письма Салиас к Тургеневу (датируется серединой июля 1851 г.): «Если Вы хотите знать, что я делаю, то скажу только, что работаю мало, хотя и начала новый большой роман, много езжу верхом, особенно ночью и сижу по целым вечерам у огромного озера...» (РО ИРЛИ, № 5850, л. 11). Согласно библиографии Д. Д. Языкова, по завершении романа «Племянница» Салиас издала повести: «Долг» (Современник. 1850. № 11), «Две сестры» (Отечественные записки. 1851. Кн. 3) и приступила к роману «Три поры жизни» (Библиотеки для чтения. 1853. № 2 (отрывок); отд. изд.: М., 1854) (*Языков Д. Д.* Литературная деятельность графини Е. В. Сальяс (Евгении Тур) // Исторический вестник. 1892. № 5. С. 488).

⁹ 22 ноября 1851 г. в заметке «Библиографические известия» «Московские ведомости» оповестили: «Спешим порадовать читателей известием о выходе в свет давно ожидаемого романа г-жи Евгении Тур: *Племянница*. Начало этого сочинения было напечатано в Современнике прошедшего года; эпизод из него под названием Антонина был помещен в альманахе г-на Щепкина: *Комета*. Итак, читатели уже несколько знакомы с этим замечательным явлением нашей изящной литературы...»

(№ 140. С. 9. Без подписи). Здесь же объявление о том, что в университетскую книжную лавку поступила в продажу на днях отпечатанная книга Е. Тур «Племянница» (там же. С. 10). См. также: *Летопись (1818—1858)*. С. 190.

¹⁰ См. 7-е примечание к письму Феокистова от 23 августа 1851 г.

11

24 декабря 1851 (5 января 1852 г.). Москва

24 декаб. 1851.

Милый Тургенев, с самого Вашего отъезда¹ здоровье мое совершенно отказалось служить мне по-прежнему. В день Вашего отъезда я, вероятно, простудился, провожая Вас, и несколько дней выдерживал лихорадку. Только что она оставила меня, я опять простудился в театре, в бенефис Ирки,² и уже занемог очень сильно горячкою, и вот только нынче в первый раз выезжаю и чувствую себя достаточно поправившимся. Как Вы можете представить, со мной во все это время ничего примечательного не случилось — достаточно уже и болезни. Я начал было много заниматься, дельно принялся за статью о М<арии> Стюарт,³ но проклятая болезнь все испортила. Будьте добры, возьмите на себя труд сказать И. И. Панаеву, что статья эта не может поспеть, как я хотел, к февр<альской> книжке «Совр<еменника>». Что делать!

Не я виноват, — человек предполагает, а холодные театральные сени располагают его намерениями. Не забудьте же ему сказать это. Теперь с новыми силами опять начну и прерванные занятия и окончу статью. — Москва живет нынче так тихо и скучно, что и вообразить невозможно. Даже вечные разговоры о<б> Островск<ом> и юной школе совсем замолкли. Повсюду постные лица, мрак и тоска, — можно с ума сойти, если бы не книги. Авось Боткин привезет что-нибудь из Петерб<урга> новенькое, — вот уже 24 число, а об нем не слышать. Ну, что Ваша пухлая, как Вы говорите, красавица? Забрала ли она Вас уже в руки. В каких отношениях с нею Ваши приятели — все это любопытно. — Был я,* как уже говорил выше, в бенефисе гетеры нашей — Ирки. Вот, между прочим, что в городе говорят по поводу ее. Она сама, говорят, это рассказывает — *à qui veut entendre*.^a Мацнев,⁴ знаменитый воздухоплаватель, содержал ее и в то же время был в связи с m-me Нессельроде.**⁵ Он часто давал им *soupers fins puis il les déshabillait et il se couchait entre elles*^b — не правда ли, как это, Иван Сергеевич, безнравственно? Хорошо, что у нас с Вами уже есть готовая роль в подобных случаях, — протестовать во имя оскорбленной нравственности!...

Графиня занята теперь все своим романом, — который, надо прибавить, идет отлично, так отлично, что некоторые книгопродавцы предлагали ей купить на чистые деньги остальные экземпляры.

* После: Был я, — начато: недавно <1 сл. нрзб.>

^a имеющий уши, да услышит (*франц.*).

** Так в автографе.

^b изысканные ужины, затем раздевал их и ложился между ними (*франц.*).

На это она не согласилась. — Вчера мы были у Ростопчиной, — которая по случаю рождения своего дала даже прекрасный ужин. Остр<овский> написал, как Вы уже, я думаю, знаете, новую комедию,⁶ которую будет на этой неделе читать у графини. Кстати, еще подобная новость: Эраст Благодеров написал роман в 4 част<ях>.⁷ Он будет помещен в «Москвитяние», и юная партия говорит, что это верх искусства и прелести. Молодой Леонтьев был несколько раз после Вас у графини. Он мне решительно не нравится: знаете ли, ведь это тоже губитель женских сердец, — то есть теперь сердец худосочных русских барышень, а потом провинциальных русских барынь.⁸ Признаюсь Вам, я не вижу даже в нем того ума, который Вы в нем находили. А впрочем,... почему нет! Прощайте, любезный Тургенев, пожалуйста, напишите мне поскорее, у Вас жизнь кипит и занимательного больше. Комиссии Ваши исполнены, книги скоро перешлю. Жду письма.

Ваш Е. Феоктистов.

NB. Вот еще: один из членов юной редакции ездил в Петерб<ург> и говорит, что итальянская опера у Вас — мерзость!...⁹

¹ Тургенев выехал из Москвы в Петербург 6 ноября 1851 г. (*Летопись (1818—1858)*. С. 188).

² «Ведомости московской городской полиции» в течение 13, 14, 15 декабря 1851 г. помещали объявления о том, что 17 декабря на сцене Большого театра в пользу танцовщицы г-жи Ирки Матиас в первый раз будет дан пантомимный балет «Мраморная красавица» (соч. А. Сен-Леона, муз. Ц. Пуни), в котором она выступит в роли Фатимы (1851. № 271, 272, 273). Второй и третий спектакли состоялись 19 и 21 декабря (там же. № 275, 276, 277, 278). Об Ирке Матиас см. 8-е примечание к письму от 24 февраля 1851 г.

³ В ответном письме от 29 декабря 1851 г. Тургенев сообщал: «Поручение Ваше я передал Панаеву — он велел Вам сказать, что статью о Марии Стюарт Вы можете доставить к марту и даже к апрелю» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 112). Феоктистов замыслил написать очерк жизни Марии Стюарт на основе новейших изданий — сочинений Минье и Дарго. Однако в печати появилась лишь первая статья в июньском номере «Современника» 1852 г. Работа над второй статьей была прервана событиями, последовавшими за появлением в «Московских ведомостях» тургеневской заметки о Гоголе (арест Тургенева, следствие, а затем полицейский надзор за Боткиным и Феоктистовым, отъезд последнего в Крым и служба в Симферополе), см. 1-е примечание к письму Феоктистова от 29 марта 1852 г. Рассмотрев статью о Марии Стюарт как работу, соответствующую задачам современной исторической науки, Л. Майков в посмертной статье о Феоктистове писал: «Можно пожалеть, что эта статья, писанная с очевидным интересом к предмету, осталась не конченною; это случилось по причинам, не зависящим от автора и совершенно для него неожиданным». И далее: «Покинув Москву, Феоктистов принужден был прервать все свои тамошние занятия — поэтому между прочим осталась недописанною его статья о Марии Стюарт...» (*Майков Л.* С. 33, 34).

⁴ *Мащев Иван Михайлович* — воздухоплаватель. Сын участника Отечественной войны 1812 г., в прошлом офицер Кирасирского его императорского высочества наследника Цесаревича полка (позже л.-гв. Кирасирский его величества государыни императрицы Марии Федоровны). В 1851 г. вместе с братьями Годар совершил воздушное путешествие из Парижа в Фосс, вблизи Спа (описание перелета опубликовал в «Revue des deux Mondes»). Однако, согласно рассказу самого Мащева, его полеты вызвали неудовольствие Николая I, посчитавшего их «недопустимым поступком», хотя бы и для отставного гвардейского офицера (см.: *Родных Александр*. Краткая история высшего воздухоплавания на Руси со времен Олега по конец царствования Николая I // *Летуна: Еженедельный иллюстрированный журнал*. 1913. № 1. С. 9). Во

время Крымской войны 1853—1856 гг. по инициативе Мацнева были «...сделаны приготовления для уничтожения приблизившегося к Кронштадту английского флота. Воздухоплаватель предлагал подняться на воздушном шаре и сбросить на корабли неприятеля взрывчатые снаряды. Мацнев даже провел в Петербурге подготовительные полеты...», однако не получил высочайшего повеления на подобную форму ведения военных действий (см.: *Дузь П. Д.* История воздухоплавания и авиации в России. Период до 1914 г. М., 1995. С. 47). По предположению А. Родных, возможно, Мацнев принимал непосредственное участие в тех полетах, которым сами англичане «приписывали успех защиты русскими Севастополя» (Летун. 1913. № 1. С. 13).

⁵ *Нессельроде (урожд. Закревская) Лидия Арсеньевна* (1826 или 1829—1884), графиня — дочь московского генерал-губернатора А. А. Закревского (см. о нем 3-е примечание к письму Феоктистова от 25 февраля 1852 г.) и А. Ф. Закревской (урожд. графини Толстой), жена Д. К. Нессельроде — сына министра иностранных дел и канцлера графа К. В. Нессельроде. «К графу Закревскому ездили на большие балы, но от семейства устранились, — рассказывал Б. Н. Чичерин. — Толстая, известная своими похожими графиня Закревская, с своим наперсником Макевичем, впоследствии сделавшимся литератором, и графиня Нессельроде с толпою поклонников, на которых она была весьма неразборчива, представляли мало привлекательного для людей с несколько тонким вкусом» (*Чичерин*. С. 69, также с. 61, 217). Сходную характеристику этому семейству и их дочери дал А. В. Никитенко в связи с нашумевшей историей отрешения Закревского от должности: «Он сделал вещь невероятную по своей наглости и презрению всех законов. У него есть дочь не хуже Мессалины известная своими похождениями. Она замужем за графом Нессельроде, с которым, разумеется, не жила. Закревский вздумал ее, не разведенную с первым мужем, вторично выдать за князя Друцкого-Соколинского. Ни один священник не хотел их венчать. Наконец Закревский нашел одного, который под угрозою ссылки в Сибирь, согласился, наконец, их перевенчать. Об этом Закревский имел дерзость сам известить государя. Вслед за тем и состоялось его увольнение» (*Никитенко*, 2. С. 84, запись от 19 апреля 1859 г.). По свидетельству современника, Лидию Арсеньевну любил изображать в своем кругу известный актер, рассказчик и писатель И. Ф. Горбунов (см.: *Горбунов И. Ф.* Сочинения. СПб., 1907. Т. 3. С. 287).

⁶ Феоктистов сообщает о комедии «Бедная невеста» (опубликована: Москвитянин. 1852. № 4). В письме от 29 декабря 1851 г. Тургенев попросит Феоктистова: «Пожалуйста, напишите мне *тотчас* — какое впечатление произведет на Вас комедия Островского. Мне почему-то кажется, что это должна быть хорошая вещь» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 112). См. далее письма Феоктистова от 14 января и 18 февраля 1852 г. и примечания к ним.

⁷ *Эраст Благоправов* — псевдоним члена «молодой редакции» «Москвитянина» Алмазова Бориса Николаевича (1827—1876), поэта-сатирика и пародиста, критика, переводчика, см.: *Основат А. Л.* Алмазов Борис Николаевич // Русские писатели. Т. 1. С. 49—50; об участии Алмазова в идейно-эстетической жизни см. (по указ.): *Егоров Б. Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л., 1982. Тургеневеды, опираясь на биографический очерк Алмазова (в кн.: *Алмазов Б. Н.* Сочинения. М., 1892. Т. 1. С. XX), утверждают, что так и не опубликованный в «Москвитянин» роман был уничтожен им незадолго до смерти (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 457). В начале шестидесятых годов Феоктистов не раз станет объектом острословия Алмазова («Московский поэт и петербургский обыватель» 1861, «Похороны „Русской речи“, скончавшейся после непродолжительной, но тяжелой болезни» 1862, см.: *Феоктистов*. С. XX, 405, 406, 416). В свою очередь, Феоктистов в ранней главе своих мемуаров написал портрет Алмазова в том снисходительно-поучительном тоне, который он усвоил по отношению ко всем соратникам Островского: «Дюбюк выдавался своим талантом; то же следует сказать о Григорьеве, Эдельсоне, Алмазове, — людях образованных и обладавших недюжинными способностями; нечестие их состояло в том, что они прожгли свою жизнь, затопили ее в выне...» (*Атеней*. С. 89).

⁸ На реплику Феоктистова о Леонтьеве последовал ответ Тургенева в письме от 29 декабря 1851 г.: «Я и прежде Вам сказывал, что Леонтьев неприятный господин — но человек он все-таки замечательный» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 112). *Леонтьев Константин Николаевич* (1831—1891) — писатель, в молодости переживший влияние Тургенева, публицист, философ. Феоктистов познакомился с Леонтьевым в салоне Салиас, куда его ввел Тургенев во время своего очередного приезда в Москву (вторая половина октября — начало ноября 1851 г.; см.: *Леонтьев К.* Тургенев в

Москве // *Русский вестник*. 1888. № 3. С. 266; *Летопись (1818—1858)*. С. 188). Перечисляя посетителей салона (Кудрявцев, Грановский, Катков, П. М. Леонтьев), К. Леонтьев назвал и Феокистова (там же). Анализ психологических истоков отрицательных оценок, которые не только Тургенев, но и Боткин, Дружинин давали молодому Леонтьеву, см.: *Иваск Ю. П.* Константин Леонтьев (1831—1891). Жизнь и творчество // К. Н. Леонтьев: Pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 г. Антология. СПб., 1995. Кн. 2. С. 280—284). Ср. характеристику, которую Феокистов дал К. Леонтьеву — в пору, когда он появлялся в салоне Салиас, с психологическим эссе Иваска (гл. «Барышни»), посвященном автобиографическому образу Володи Ладнева («Подлипки») и его отношениям с женщинами: «... все это не похоже на тургеневскую первую любовь и уж тем более на толстовское семейное счастье. У Леонтьева — нет серьезности, нет глубины; везде только легкое порхание по садам Эроса, полуневинное рококо фарфоровых петиметров и дам Осьмнадцатого Столетия! Но нет в нем и той грубости, которая иногда скрывалась под блеском Савра и Сакса. Володя фатоват, но вместе с тем мечтателен и нервен, как „Дитя века“ позднего романтика Альфреда де Мюссе, которым он тогда очень увлекался. / Легкомыслие в стиле рококо и некоторая романтическая томность сочелались в Володе с еще одним качеством — с расчетом, с трезвостью. Он отлично знает, что нельзя рано жениться и что не следует соблазнять барышень. Но ему также хочется чего-то большего, чем вся эта милая игра с барышнями. Покупную любовь он отвергает: ему не хочется себя осквернить, загрязнить! И он расчетливо мечтает: хорошо бы немного увлечься и соблазниться, соблазнить, но так, чтобы не было никаких неприятных последствий!» (там же. С. 260).

⁹ Тургенев шутил по поводу известий, исходивших от «юной партии» о романе Алмазова (см. выше 7-е примечание) и о петербургской итальянской опере: «Если член юной московской школы, нашедший, что роман Э. Благонравова — отличная вещь — одно лицо с тем членом, который объявил, что здешняя опера — мерзость — то жаль мне Эраста. Здешнюю оперу дурно ведут — это правда — но средства и голоса — великолепные» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 112). Тургеневскую оценку подтверждает отзыв автора «Заметок о петербургских театрах» в «Современнике» (1852. Март-апрель. Отд. VI. Современные заметки. С. 146—147): «Мы повторяли уже много раз, что нынешний итальянский сезон был чрезвычайно блестящ, что богатство труппы и репертуара было необыкновенное; последнее время оперы еще более утвердило нас в убеждении, что трудно вообразить себе состав итальянской оперы обильнее талантами и репертуар богаче разнообразием, как тот состав и репертуар, которыми Петербург наслаждался в зиму 1851—1852». В этом же разделе «Современника» (с. 54—68) Серов в статье «Итальянская опера в Петербурге. Сезон 1850—1851» (перепеч. в изд.: *Серов А. Н.* Статьи о музыке. М., 1984. Вып. 1. С. 13—26) рассмотрел наиболее замечательные эпизоды из деятельности итальянской оперы в минувшем сезоне (пение молодой певицы Маррай, «Свадьба Фигаро» Моцарта и пр.). См. также появившийся ранее в «Современнике» (1850. № 3. Отд. VI. С. 100—108) анализ петербургской итальянской оперы (в сравнении с немецкой) в статье Боткина «Итальянская опера», а также его отзыв о пении Марио (*Боткин В. П.* Литературная критика. Публицистика. Письма / Сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. Б. Ф. Егорова. М., 1984. С. 164—172).

12

14 (26) января 1852 г. Москва

14 января. 1852.

Очень мне совестно, милый Иван Сергеевич, что я до сих пор не отвечал на Ваше письмо. Если бы Вы знали бездну мелких занятий и дел, которые не давали мне покою в последнее время, то, вероятно, не посетуете на меня. — На днях получен здесь «Современник» и в нем Ваша статья на «Племянницу».¹ По прежнему при-

меру я и теперь скажу Вам свое мнение откровенно об этом произведении Вашего пера. — Нечего и говорить, что вся статья сверху донизу написана ужасно умно и вполне блестящим образом. С некоторого времени уже не приходилось читать в наших журналах таких литературных статей. Но кроме этого достоинства есть еще другая сторона — а именно, — должно взглянуть на эту статью по отношению ее к графине. Здесь нельзя не согласиться, что недостатки ее романа взяты Вами очень верно и ловко и развиты блестящим образом. Но жаль только, что, преимущественно обратившись в эту сторону, Вы не обратили такого же внимания на другую, положительную, то есть — достоинства романа, поэтому на многое было совсем не указано. А характер Мери и многие другие стороны, право, стоили, чтобы взглянуть на них. Есть также несколько выражений, которые выходят достаточно жесткими и желалось бы их несколько смягчить. Вообще же, если сказать свое мнение о статье, то вот Вам *мое*: я прочел ее с увлечением и оставившись только на некоторых фразах, казавшихся мне жесткими, и думаю, что статья должна быть благоприятна для графинина романа, потому что везде говорится о нем с уважением. Но это мнение мое личное, — графиня же крайне недовольна статьею, находит ее весьма неблагоприятною для себя и думает, что она только повредит роману.² Между нашими литераторами мнения также различны. На Вашей стороне преимущественно Грановский и потом Галахов,* и некоторые другие, есть и против Вас. Вот Вам подробное изложение того, какое впечатление произвела статья на меня и на других.

Ну, как Вы поживаете? Тут скука неистовая; теперь уже поневоле, если бы даже и не хотел, приходится заниматься. Боткин приехал сюда из Петербурга что-то мрачным.³ Что это Вы там сделали с ним?

Все идет по-прежнему, — по средам и четверг<ам> собираемся у Кудрявцевых и Галаховых, а по субботам у графини, где всякий раз бывают те же самые лица со включением Каткова и Галахова. Вообще в эти субботы не скучно, но они уже имели несчастье навлечь на себя гнев Кетчера, дурака Пикулина**⁴ и пискаря Щепкина. Отсюда целое восстание против графини⁵ во имя того, что она меняет старых друзей на новых. Разумеется, на все это должно смотреть с презрением и жалостью. Не говорите только, пожалуйста, об этом много в Петерб<урге>, потому что слухи могут дойти до Грановского и неприятно потревожат его.

Островский не читал еще своей комедии, все поправляет, но уже носятся слухи, что это — «Неожиданный случай», в широких размерах.⁶ Комизма ни малейшего, но зато бездна недосыгаемой для толпы психологической тонкости. — Прочел я также «Ипохондрика» в I № «Москвитянина»: неужели Вы хвалили это? Да ведь это ужас, сонный порошок, и что за завязка! По моему мнению, это ниже всякой посредственности.⁷ — Между прочим, скажите

* После: Грановский и потом Галахов, — строка заретуширована. Последующая фраза: и некоторые другие, есть и против Вас. — *вписана*.

** Вместо: дурака Пикулина — *было*: пискаря Пикулина

И. И. Панаеву, что роман его весьма нравится в Москве,⁸ а юная школа хочет, между прочим, жаловаться на «Маскарад» Назимову.⁹ До того они раздражены им. —

Грановский написал отличную речь для университетского акта, и я Вам пришлю ее. Скажите, между прочим, Панаеву, что около 15 числа, то есть чрез два дня, я пришлю ему разбор этой речи,^{*10} так же, как разбор различных публичных лекций, вышедших здесь на днях, который мы пишем вместе с Боткиным.¹¹ —

Ну что Ваша красавица? Я думаю, больно Вам надоела. Пора и Вам развязаться с нею. — Выздоровели ли Вы наконец и неужели вся Ваша деятельность в нынешнем году ограничится только статьею о «Племяннице». Ведь это просто грешно! — Ах! если бы Вы знали, как бы мне хотелось побывать на недельку в Петербурге, — но увы! злостные обстоятельства не позволяют и думать об этой поездке. А тут в Москве начинаешь гнить от скуки, — только и слышно разговоров, что об Островском и К<омпании>. Но ведь уже все это куда как начинает надоедать. Был на днях бенефис Щепкина — и торжественное fiasco всего бенефиса.¹² Как хотите, впрочем, — придет же в голову поставить теперь на сцену старинную комедию гр. Ростопчина и еще глупейшую комедию К. К. Павловой (перевод). — Публика просто стонала от скуки!

Кажется, я Вам не упустил сказать ничего, что у нас еще занимательного. Надеюсь, что Вы оплатите мне за это скорым ответом. Буду ждать от Вас письма с нетерпением, — не ленитесь. Будьте здоровы, счастливы и веселы. Обнимаю Вас.

Е. Феокистов.

¹ Статья-рецензия Тургенева «Племянница. Роман. соч. Евгении Тур. 4 части, Москва, 1851» за подписью «И. Т.» появилась в III Отд. первого номера «Современника» за 1852 г. (ценз. разрешение 31 декабря 1851 г.). В этой статье, как известно, он дал не только оценку конкретному произведению, но изложил свою теорию романа, намечая перспективы романного жанра в России (см.: Назарова. С. 165).

² В письме к Бестужеву-Рюмину (без авторской даты, датируется предположительно: около 15 января 1852 г.) Салиас реагировала на рецензию Тургенева резко отрицательно: «На днях я была очень огорчена и теперь еще не могу без болезненного чувства вспоминать критику Тург<енева> в I № „Современника“. Тон ее не нравится — какое-то глумление и gisapement. Вдобавок есть места странные (сами прочтете — судите), и я считаю, что эта критика много наделает вреда. Если о романе отзывается так дружеский журнал, что же скажут другие — враги. Нехорошо, очень плохо со стороны Тургенева. Лучше было вовсе не писать ничего, чем писать так. Впрочем его критика нашла самых жарких заступников в лице Грановского и Феокист<ова>, что меня еще больше огорчило. Особенно не нравится мне место, где говорится, что одна женщина может решиться писать роман в 4 частях, и многие другие мысли, где речь идет о болтовне и проч. Прочтите внимательнее — вы увидите, что статья умная, но в высшей степени коварная и хитро задевающая. Вась Ив<ан> Серг<еевич> — со своим будто добродушием и ядовитостью из-за добродушия. Это очень меня расстроило» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 85 об. Письмо в копии).

³ Боткин жаловался Тургеневу: «Я по приезде все хвораю — и именно простудой желудка»; «Скучно здесь до смерти» (*Боткин и Тургенев*. С. 11, 12. Письмо от 7 января 1852 г.).

* *Вместо*: этой речи — *было*: этих лекций

⁴ См. резкую оценку Пикулина в воспоминаниях Феоктистова (приведена в 3-ем примечании к письму от 28 января 1852 г.). *Пикулин Павел Лукич* (1822—1885) — принадлежал к кругу московской интеллигенции западнической ориентации, был дружен с Грановским, А. В. Станкевичем, К. Д. Кавелиным, А. И. Герценом и др.; врач-терапевт, адъюнкт-профессор Московского университета, редактор-издатель «Вестника садоводства», с 1854 г. женат на сестре братьев Боткиных — Анне Петровне (см.: *Боткин и Тургенев*. С. 333). Б. Н. Чичерин оставил его портрет, написанный с большой симпатией: «...общий наш приятель добрый Пикулин, некогда отличный доктор, профессор Московского университета, живой, остроумный, страстный садовод, собиравший у себя также литераторов на шумные ужины...» (*Чичерин*. С. 141).

⁵ Статья Тургенева о «Племяннице» обострила разлад в московских кружках. Боткин переживал назревший конфликт как своего рода кризис сложившихся форм бытовой и духовной жизни, тех критериев, которые их определяли: «...впечатление „Разбора“ меня занимает сильно, — писал он Тургеневу 7 января 1852 г. вскоре после своего возвращения из Москвы. — Но между тем слухи до нее дошли жесткие и она заранее робеет. Я говорил об этом с Феоктист<овым> и объяснял ему это дело с его разумной стороны — именно с той, что пора, наконец, говорить с дарованием Гр<афини> откровенно, и что эту откровенность она может выдержать и даже должна, что курители фамиама могут только вредить ей и проч. Что я считаю совершенной правдой. Но он в этом деле может быть не совсем прямо смотрит. Кроме этого здесь произошли разные изменения: представь себе она почти разошлась с обществом, посещающим дом Грановских. < — К этим словам в подстрочнике письма примечание Боткина: Но не Грановскими>. Надобно признаться, что это общество состоит только из Фролова, Мих. Щепкина, Кетчера и Якушкина. Кроме самих Грановских — Гр<афиня> со всеми прочими всегда мало сходилась. Уж и не знаю, что такое было до меня, но когда я воротился в Москву, то застал уже Фролова и Кетчера враждующими против Графини, а Кетчер громко проповедывал ее исключение. Как мне кажется, — тут все дело в самолюбии. Графине скучно было между этими почтенными господами и она искала сближения с Кудрявцевым, Галаховым, Катковым, чтобы составить около себя кружок менее замкнутый и исключительный и более разнообразный. Главный источник отвержения заключался кажется в том, что Графиня осмелилась искать себе другой круг, где ей несравненно свободнее и легче и не так *въедаются* друг в друга, как делают это наши почтенные пророки...» (*Боткин и Тургенев*. С. 10—11). См. также информацию из писем Боткина к Тургеневу от 16 января, а затем 11 февраля: «Феоктистов писал к тебе, след., ты теперь совершенно au courant впечатления, произведенного на Графиню твоей критикой. Дело в том, что это сначала неприятное впечатление подтоплено было Кудрявцевым, — и за ним Катковым и Галаховым. На всех нельзя угодить, но зато большинство, все не принадлежащие к маленькому приходу Графини — решительно восхищаются ею. Жалко тут одного — того, что благое действие твоей статьи будет совершенно ослаблено сентиментальными восхищениями этих господ» (там же. С. 12); «Вчера обедал у Мих. Сем. Представь себе из разговора с Гранов<ским> узнал я, что Графиня все еще продолжает негодовать за разбор. Тут, брат, не помогут никакие объяснения и уверения, авторское самолюбие, разжигаемое хвалами сентиментального педанта (Кудрявцева. — Э. Г.) и не имеющего своего мнения Галахова — совершенно затемнили здравый смысл дамы. Она приписывает все — недоброжелательству. Гранов<ский>, которому статья твоя особенно понравилась — говорит мне вчера: „я убеждал, убеждал ее — и наконец бросил: пусть ее идет своей дорогой!“» (там же. С. 15—16). Отзвук споров вокруг статьи Тургенева о романе Салиас см. в письме Феоктистова от 18 февраля 1852 г.

⁶ Речь идет о комедии «Бедная невеста» Островского, которая в среде Феоктистова сравнивалась с драматическим этюдом «Неожиданный случай» (опубликован в альманахе «Комета», см. его состав и время поступления в продажу в 15-ом примечании к письму от 17—18 марта 1851 г.). Ср. с отзывом Боткина: «В создании этого Мерича и его достойных друзей Милашина и Хорькова явно обнаруживается перо, написавшее „Неожиданный случай“ — известный драматический этюд. Разговоры их, сцены, наполненные ими — пусты и скучны; все они образы без лиц» (*Боткин и Тургенев*. С. 22—23). На последующих страницах письма Боткин анализирует «Бедную невесту» в сравнении с «Неожиданным случаем», вскрывая один и тот же механизм развития обеих пьес.

⁷ Разочарование, вызванное «Ипохондриком», и, как следствие, прохладное отношение к этой пьесе, «Современник» объяснял, в частности, неумеренными восторгами и похвалами, которые предвосхищали ее появление. Панаев писал в февральском номере журнала: «Этой комедии предшествовали довольно громкие похвалы, возбуждающие обыкновенно преувеличенные ожидания, которым удовлетворить всегда трудно. Очень уважая талант г. Писемского, я скажу откровенно и прямо, что причина, почему комедия его принята довольно хладнокровно, заключается столько же в этих преувеличенных ожиданиях, сколько в существенных недостатках нового произведения, в основе которого замечается отсутствие серьезной и строго проведенной мысли. Сам Ипохондрик поражает безличностью: действие не развивается последовательно, не обуславливается ходом событий, но совершается вследствие обстоятельств чисто внешних, которые могут быть и не быть. Все основано на одном произволе автора, и не нужно иметь большой проницательности, чтобы подметить это. Лишенная живого и занимательного действия, из которого вытекала бы какая-нибудь завязка, комедия г. Писемского в частностях имеет однако большие достоинства. В ней есть несколько отдельно прекрасных и истинно комических сцен; в языке встречаются бойкие и меткие выражения, исполненные комизма: несколько надежды... Здесь я говорю *мы*, ибо вполне убежден, что редакция „Современника“ разделяет мой образ мыслей относительно автора „Тюфяка“ и „Комика“» (<Без подписи>. Современные заметки. Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики // Современник. 1852. № 2. Отд. IV. Смес. С. 289).

⁸ Роман Панаева «Львы в провинции», с первой частью которого читатели познакомились (4 главы) на страницах январского номера «Современника» за 1852 г. (Отд. I. Словесность). Ср. с отзывом Боткина в письме к Тургеневу от 5 марта 1852 г.: «Что это, брат, роман-то Панаева — того — опасно заболел, — едва народившись. Если он не прибавит в него жару или сатиры — то он падет сильно. А этого жаль» (*Боткин и Тургенев*. С. 28).

⁹ Феокистов просит передать Панаеву, что недовольство в московских кругах вызвала его статья «Литературный маскарад накануне нового (1852) года», написанная в сотрудничестве с другими авторами и появившаяся (под псевдонимом Новей Поэт) в первом (январском) номере «Современника» за 1852 г. (Отд. VI. С. 153—173). В этом фельетоне под видом участника маскарада выведены литературные герои, обратившие на себя внимание в 1851 г. По предположению Измайлова, одним из авторов фельетона был Тургенев и скорее всего ему принадлежат строки о романе Е. В. Салиас «Племянница» (см.: *Боткин и Тургенев*. С. 286). Предположение опирается на письмо Боткина от 16 января 1852 г.: «Ты не можешь представить себе, какой успех имеет здесь „Маскарад“. Все хохочут и я убежден, что этим хохотом обязаны тебе — я готов указать на каждую строку, на каждое слово, которые принадлежат тебе. Но я молчу об этом, полагая, что может быть тебе неприятно будет, если об этом станут говорить» (там же. С. 12—13). Развитие этой темы см.: *Громов В. А.* К истории статьи Тургенева о романе Евгении Тур «Племянница» // Тургеневский сборник: Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1967. Вып. 3. С. 55.

¹⁰ 12 января 1852 г. на торжественном собрании Московского университета Грановский произнес речь «О современном состоянии и значении всеобщей истории», в которой обосновал необходимость систематического построения истории как науки и сближения ее с методами других, в частности, естественных научных дисциплин (вошла в книгу: Речи и отчет, произнесенные на торжественном собрании Императорского Московского Университета 12 января 1852 года. М., 1852). Вынеся в заголовок своей рецензии название книги, Феокистов посвятил ее только речи Грановского (см.: Современник. 1852. № 2. Отд. IV. Библиография. С. 54—66), сделал акцент на сформулированных в ней задачах современного историка, на вопросах о путях формирования истории как самодостаточной науки, на полемической направленности против убеждения: «...исторические примеры бесплодны не только для массы, но и для частных деятелей, и что история, не претендуя на самобытное значение, должна быть только, если можно так выразиться, вспомогательною или памятною книгою всех прочих наук» (там же. Отд. IV. С. 56). В рецензии подчеркнута главная мысль Грановского: снять эмпиризм современной исторической науки можно лишь на путях осознания ее самостоятельных целей и создания собственного метода на основе союза с «науками опытными», на почве углубленного изучения фактов духовного мира и природы в их взаимодействии (там же. С. 63).

¹¹ О публичных лекциях профессоров Московского университета в пользу бедных студентов, прочитанных в течение января-марта 1851 г. см. 12-е примечание к письму от 17—18 марта 1851 г. Феоктистов имеет в виду книгу: Публичные лекции о<рдинарных> профессоров Геймана, Рулье, Соловьева, Грановского и Шевырева. Читаны в 1851 году в Императорском Московском университете. М., 1852. См. в этом издании: разд. IV. Четыре исторические характеристики. Публичные лекции, читанные ордин<арным> проф. Т. Грановским в 1851 году. Свою рецензию Феоктистов посвятил лишь четвертому разделу книги, в который вошли тексты лекций Грановского о Тамерлане, Александре Македонском, Людовике Св. и Бэконе (см.: Современник. 1852. № 3. Отд. III. Критика. С. 10—16). По словам рецензента, Грановский утверждал личную нравственную ответственность исторического деятеля, а значит, закономерность общественного суда над ним и его поступками. Эта идея обосновывалась им в противовес историкам, рассматривавшим историческую личность как пассивного субъекта, детерминированного объективной исторической логикой, и, следовательно, не подверженного общественному суду. Раскрывая суть подобных концепций, Феоктистов, опираясь на аргументы Грановского, писал: «Отвлеченному закону, движущему человеческие общества, дана такая сила, что пред ним должна была неметь человеческая личность и низойти на ступень простого орудия. <...> Кому из образованных людей незнакомы лекции великого историка нашего времени — Гизо? Возьмите какое угодно произведение его, например: „Cours d'histoire de la civilisation en France“, и следите, с каким огромным талантом, при исследовании деятельности всякой исторической личности, связывает он каждое деяние ее общей нитью, проходящей по эпохе ее времени. Без сомнения, велика в этом случае заслуга науки, показавшей, что каждый факт в истории человечества имеет свое значение, что в ней нет скачков и не совершается переворотов и происшествий по какому-нибудь произволу, без более глубокой причины. Дурная сторона подобного направления лежит в том, что оно породило взгляд, по которому деятельность человека в истории является чем-то пассивным; если ход человеческого развития направляется непреложным законом, если не совершается никакое дело без побудительных причин, вызвавших его исполнение, какое же значение имеет исторический приговор, основанный на нравственном чувстве? Но неужели в подобном случае достаточно ограничиться только одним объяснением факта и нег места строгому приговору, произнесенному не только над самым фактом, но и над вызвавшими его причинами? Неужели лицо, явившееся орудием его совершения, должно быть непричастно суду истории? Какое же значение получает тогда свободная воля лица, и неужели закон, по которому всякий факт не должен совершиться именно в такой-то момент, но в тот или другой промежуток времени. — неужели, повторяем мы, этот самый закон не говорит в обвинение или прославление лица? Великие люди, представители известной эпохи в развитии народа, даже всего человечества, наиболее подлежат этому суду. <...> Они обречены строгой ответственности за свои деяния» (там же. Отд. III. С. 11—12). Общий вывод Феоктистова: «При внимательном чтении этих лекций нельзя упустить особенно двух качеств: глубокого, нравственного чувства и поэтического колорита, лежащих на каждой из них. Достоинства эти ставят предлагаемые лекции на степень художественных произведений» (там же. С. 13).

¹² Бенефис Щепкина состоялся 9 января 1852 г. на сцене Большого театра (см. объявление о спектакле в № 4 «Московских ведомостей» от 8 января). В свою программу актер включил забытую пьесу гр. Ф. В. Ростопчина «Вести, или убитый живой», переведенную с немецкого Каролиной Павловой комедию «Гаррик во Франции» и еще два французских водевиля. За несколько дней до спектакля в заметке «О бенефисе Щепкина» предстоящее зрелище афишировалось «Московскими ведомостями» как многообещающее веселое театральное действо (1852. № 3. С. 3). Однако после спектакля эта же газета отозвалась о нем весьма прохладно: «О театрах сказать особенно нечего: из ряда более обыкновенных явлений выходит бенефис г. Щепкина, о котором, без сомнения, на днях же будет упомянуто в нашей газете подробно <...>, а здесь можно, кажется, безошибочно заметить вообще, что нынешний бенефис любимого всего Россиею артиста едва ли не неудачнее прежних его бенефисов... Судите, как хотите, но незавидно, право, положение бенефицианта, когда нужно прибегать ему к библиографической замечательности, к литературному воспоминанию; главная же пьеса г. Щепкина принадлежит к этой категории; остальные — перевод и переделки, и все это остальное не спасается даже именем известной писательницы» (Московские ведомости. 1852. 22 янв., № 10. Без подписи).

28 января (9 февраля) 1852 г. Москва

Москва. 1852. 28 Генв.

Тургенев, что это с Вами делается? Приехавший сюда Языков говорит, что Вы лежите все больны?¹ Ведь если такое положение продолжится,* то Вас поневоле должно будет причислить к разряду старцев. Я написал Вам подробное письмо обо всем, что мы тут делаем и как живем, но не получил еще ответа. Не ленитесь — и пишите почаще, — впрочем, Вас грешно упрекнуть в лени: слышал я, что Вы написали для 2 книж<ки> «Современ<ника>» повесть.² Это похвально — жду ее с нетерпением. — Про нас сказать Вам не имею ничего: право, придется скоро ограничиваться словами «мы, слава Богу, живы и здоровы» — до того все идет скучно и туго. Критика Ваша на «Плем<яницу>» понравилась тут многим** умным людям, — но Москвитянины на нее в ярости и хотят разбирать ее. Это любопытно. Я продолжаю стоять на том мнении, что она очень хороша, несмотря на то, что графиня остается ею недовольна. Я Вам скажу главный ее grief,^a который питает против Вашей критики не она одна, но и другие, одинаково с нею думающие: нападают на несколько *покровительственный* тон, которым будто бы пропитана вся статья. Я этого не заметил и не знаю, в какой степени это справедливо. Но оставим все эти литературные турниры, — да об чем же говорить-то, кроме их? Разве о том, что Ирка теперь у меня на втором уже плане, а место ее заняла русская актриса — некая г-жа Бороздина, совершенство в своем роде, и которую Вы, когда увидите, вероятно, по безвкусию своему найдете уродом. — Берет она за себя баснословные цены, и потому ... одно лишь глазо..ничество*** выпадает на мою унылую долю. — Кроме этой неинтересной новости все по-прежнему — Боткин так же обливается ядом, Галахов так же мил и так же боится жены, Фролов³ так же отвратительно скучен и все в этом роде...

Скучно, скучно жить на этом свете, Тургенев. Я пишу Вам это письмо в каком-то нервном раздражении. Что за судьба моя! Занимаешься, так до сих пор слишком видных результатов от этого нет, да ведь занятия и не могут же отвратить и усмирить всех страстей, которые кипят в крови. От занятий вырвешься, захочешь пожуировать — средств нет, а собственная физиономия не возбуждает бескорыстных пассий... Да к тому же, прибавьте, видишь около себя какого-нибудь осла Истомина, скупца и мерзавца в высшей степени, который е..т Бороздину и, вероятно, голую... Гадко! Безнравственно!

* *Вместо:* положение продолжится — *было:* положение будет продолжаться

** *Вместо:* многим — *было:* очень многим

*** Здесь и далее сокращения в цензурных словах сделаны редактором.

^a упрек (франц.).

Пожалуйста, Тургенев, пишите, что с Вами делается и не пейте на меня за нелепое письмо. Оно хорошо по крайней мере тем, что отвечать на него нечего. Прощайте, жду от Вас письмо.

Весь Ваш Е. Феокистов.

¹ В ответном письме Феокистову, 29 декабря 1851 г., Тургенев сообщил о своей болезни. *Языков Михаил Александрович* (1811—1885) — в 1840-х гг. принимал участие в редакционных делах «Современника», в 1850-х гг. служил на Стекольном заводе в Петербурге, с 1862 г. был управляющим питейно-акцизными сборами Тульской, затем Калужской и Новгородской губерний; дружил со многими журналистами и писателями — Гончаровым, Тургеневым, Анненковым, Никитенко и др. См.: *Модзалевский Б. Л.* Из переписки И. А. Гончарова // *Временник Пушкинского Дома* 1914 года. Пг., 1915. С. 9—10; *Громов В. А.* Тургенев, М. А. Языков и М. Г. Бунин // *Тургеневский сборник*. Л., 1968. Вып. 4. С. 293—298.

² Рассказ «Три встречи» был опубликован во втором номере «Современника» за 1852 г.

³ *Фролов Николай Григорьевич* (1812—1855) — воспитанник Пажеского корпуса, с 1830 г. служил в лейб-гвардии Семеновском полку, по выходе из армии в чине поручика посвятил себя научным занятиям (см.: *Феокистов*. С. 37). Современники воспринимали его как ученого-самородка — географа, переводчика (работал над переводом «Космоса» Гумбольдта), издателя журнала «Магазин земледения и путешествий». А. В. Никитенко видел в нем человека редкого труженичества и самоотвержения: «Между моими близкими знакомыми есть некто <Н. Г.> Фролов, молодой человек с замечательными качествами. Он оставил военную службу и, по моему совету, поехал в Дерпт за систематическим образованием. Ему предстояла ожесточенная борьба с латинским и немецким языками и со многими другими трудностями учебного механизма. Все это он мужественно победил. Я никого не знаю с более благородным сердцем и умом, более способным к высшему развитию» (*Никитенко*, 1. С. 184, запись от 28 мая 1836 г.). В 1838—1840 г. Фролов и Грановский в Берлине общаются с Тургеневым и М. А. Бакуниным (см.: *Гутьяр Н. М.* Иван Сергеевич Тургенев. Юрьев, 1907. С. 32—33). Напомнив читателю о тургеневском портрете Фролова в «Гамлете Щигровского уезда», Феокистов в мемуарах дал ему уничтожающую оценку: «Пикулин, Николай Щепкин (сын знаменитого артиста), Фролов, Сатин — все это было полнейшее ничтожество» (*Феокистов*. С. 4). С Феокистовым совпадает его университетский товарищ Бестужев-Рюмин. По его словам, Фролов «...считался Катонем в кружке, и советам посылало все следовали. Это был человек мелкий, скучный неизменно, но вырос до сильного влияния своею видимою серьезностью» (*Бестужев-Рюмин*. С. 34). Противовес этим оценкам составляют отзывы и оценки Грановского. Задумав написать о нем посмертную статью, он в январе 1855 г. посвятил свою двоюродную сестру и жену Фролова, Анну Евгеньевну Дараган, в свой замысел: «...мне хотелось бы восстановить насколько можно, его нравственный образ, показать отношение его деятельности к его внутренней жизни. Присланная тобою статья его не открыла мне ничего нового в его характере или образе мыслей, но тем не менее она послужила мне драгоценным пособием. В этой задушевной и грустной исповеди вполне виден его взгляд на жизнь, мужественный и смиренный в одно время. Покойник не кичился и не хвастался своею силою пред ударами судьбы, но принимал их без малодушия и робости. У него был в высшей степени le courage de la résignation. Выход из собственной скорби, лекарство против нее находил он в общеползной деятельности. Он не ждал, чтобы ему представился случай сделать добро, а искал таких случаев, как другие ищут счастья и других благ жизни. <...> Я положу в это дело все сердце мое. всю глубокую мою любовь к Фролову, все умение данное мне Богом» (Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 214—215).

18 февраля (1 марта) 1852 г. Москва

18 февр. 1852.

Надеюсь, что содержание моего нынешнего письма будет интересно для Вас, любезный Тургенев, тем и потому, что я скажу Вам впечатление, которое произвело на нас вчерашнее чтение Островским его комедии: «Бедная невеста».¹ — Комедия эта одно из отличнейших явлений в нашей литературе, в которой, по моему мнению, никогда еще не было ничего в этом роде. Вы не можете себе представить, какая простота лежит на всем произведении, что не мешает, однако, разрывать вас в нем самой страшной драме. Простота и свежесть обхватывают вас со всех сторон. Лица есть великолепнейшие, хотя, увы! не могу сказать, чтоб это были лица типические. Само лицо бедной невесты возбуждает более всего толков и замечаний; может быть, и так, но на меня она произвела наиболее сильное впечатление. Но зато секретарь Беневоленский, мать и один из женихов* — обрисованы необыкновенно. Чтение имело огромный успех, и вот еще одно замечание — никому и не пришло в голову сравнить «Бедную невесту» с прежнею комедиею, — я не знаю, как-то восхищались ею без всяких сравнений и без всякой критики. Много мест возбуждают непритворный хохот. Не стану Вам рассказывать этих мест, но не могу не передать одного. Сваха рассказывает про одного 70-илетнего купца, что он хочет жениться, потому что сыновья ничего не слушаются — «запрутся, говорит, в главном доме с балконом и там у них всякий карамболь идет во всю ночь. Пьют, пьют, — а потом кто-нибудь из них выскочит на балкон, растопырит руки, закричит диким голосом, да назад. А там, гляди, немного погодя, и другой бежит, — да ведь и что ж, ни на улице, ни на балконе живой души нет, так кричат, из блажи».² — Не скажу Вам о комедии больше ничего, — потому что Вы сами скоро прочтете ее в печати.³ Не буду Вам даже передавать замечаний, что комедия не удовлетворяет многим сценическим условиям, местами растянута, сначала состоит из довольно сбивчивых сцен** и т. д. Прочтите сами и судите. Я поспешил Вам только сказать, что эта комедия Островского стоит его первой.⁴ —

Приехал сюда Катков, — говорил мне, что видел Вас и, между прочим, рассказывает, что Вы очень раздражены Боткиным, и говорите, будто бы он сам читал Вашу критику графине и указывал на жесткие места. — Вы знаете, что я Боткина считаю за порядочную дрянь, но тут не могу не сказать Вам несколько слов за него. Могу Вас уверить, что он статьи графине не читал, и в разговоре с нею об этой статье защищал Вас*** во всем. Мне, правда, он как-то раз говорил, что есть в статье жесткие места и их можно б

* *Вместо:* Беневоленский, мать и один из женихов — *было начато:* Беневоленский и два

** *Вместо:* сцен — *было:* мест

*** *После:* защищал Вас — *начато:* да и не только

было выкинуть, но все-таки это осталось между нами, а пред друзьями он был и *есть* теперь Вашим жарким защитником. Впрочем, Вы знаете, как изменчивы его мнения: когда тут вначале* многие начали защищать Вашу статью, то В<асилий> П<етрович> *roug esprit de contradiction*^a говорил человекам двум или трем, что в ней есть некоторая жесткость, но как только начали на нее нападать, — он явился жарким ее защитником. В отношении же к графине могу Вас уверить — роль его была постоянно одинакова. Поэтому, если Вы на него сердиты, то это совершенно несправедливо. Я рассказал Вам все это потому, что, кроме меня, разумеется, никто не мог лучше знать, что он говорил графине и чего не говорил.⁵ —

Теперь о другом. — Шумский был вчера также на чтении и говорит, что в свой бенефис — в будущем сентябре, — он ставит Ваши две комедийки: «Безденежье» и «Где тонко, там и рвется». Милый Тургенев! Во-первых, «Где тонко, т<ам> и рв<ется>» — здесь не сыграют. Роль Веры отдадут опять Рыкаловой и это будет ужас! Потом «Безденежье» само по себе слишком незначительная сцена, чтоб иметь успех на сцене.⁶ Вследствие всех этих причин, я обещал Шумскому попробовать дело несбыточное и трудное — заставить Вас (другого слова не могу приискать — разве можно Вашу лень об чем-нибудь просить) написать ему маленькую комедию для бенефиса — хоть ту, которая у Вас сложилась в голове под названием «Шарфа».⁷ Я ведь уж знаю Вашу натуру — особенно теперь, когда Остров<ский> издает свою комедию, — Вы начнете сей час восклицать: где уж тут нам братья за комедию и т. п. Оставьте этот вздор — не ленитесь! Скажу Вам сушью правду — кроме зимы — Вашу «Провинциалку» давали три раза на здешнем театре во время Масляницы.⁸ Это бывает только с пьесами, имеющими огромный успех. Отчего ж бы Вам не захотеть поискать еще успеха? —

Вчера М. С. Щепкин говорит — «что Тургенев делает в Петербурге? Отчего бы ему не приехать в Москву?...» Я сам то же думаю, но знаю, что Вы неисправимы и Вас не уговоришь. Неужто Вы сомневаетесь, что не найдете тут хороших приятелей и друзей? Вы знаете, как я к Вам привязан, — люблю Вас, — но если моего общества Вам мало, то Вы найдете тут Боткина, любящего Вас как только может он любить своим дряблым сердцем, Щепкина, Кетчера, Грановского и т. д. (Замечу мимоходом, что Гранов<ский> самый жаркий защитник теперь Вашей критики). — Что ж Вы сидите в Петербурге. Неужели Вам не надоело в этом болоте, где Вы только безжалостно хвораете? О несчастный человек!

Ах, и забыл. Завтра бегу, бегу в театр. Какой-то Келлер⁹ будет, говорят, показывать фигуры чуть не из голых женщин. Алчу и жажду этого зрелища. — Надо только достать вполне совершенный бинокль. —

* *После*: когда тут вначале — *начато*: наши <I нрзб.> напали <?> на статью
^a из духа противоречия (*франц.*).

Больше сказать ничего не могу. Впрочем, Вы, кажется, не можете пожаловаться на мое молчание и малословие.* А от Вас, за годя, по месяцу не дожدهшься ни строчки!

Прощайте, будьте веселы, здоровы и... Хотел было сказать — приезжайте в Москву, но вспомнил, что с этой стороны Вы неисправимы. —

Ваш Е. Феоктистов.

Притиска Е. В. Салиас:

Я слышала от Катк<ова>, что Вам неприятно то впечатление, которое произвела на меня Ваша критика. На это я скажу Вам одно: пора и Вам и мне забыть ее. Ужели мы станем разыгрывать Монтекки и Капулетти (Ваше любимое выражение) из-за журнальной статьи; я тем более не могу сердиться, что роман мой покупается, след<овательно>,** критика не такова, чтобы навредить ему, — а Вы знаете *для меня*, особенно теперь, и деньги, если не лучше, то идут наравне с молвою, то есть тем, что называется известностью.¹⁰ Итак, позвольте мне протянуть Вам руку, — и очень искренно. Что прошло — прошло — и без следа: я не так мелочна, чтобы сердиться на доброго приятеля из пустяков, — и, если Вы мне не верите, то, надеюсь, наше первое свидание будет таково, что убедит Вас. —

¹ См. о «Бедной невесте» примечание к письмам Феоктистова от 24 декабря 1851 (6-е) и от 14 января 1852 г. (6-е).

² Ср.: «*Картины*»: Да что, матушка, дети одолели. Ведь у него дети-то поди-ка какие. Сам-от он в большом доме не живет, знаешь, что с балконом-то. Сыновья-то там запрутса, да и пьют. кранболь у них там всякий идет. Да что ж выдумали: выскочит это который-нибудь на балкон, глаза вытарашит, руки подымет, закричит страшным голосом да назад; потом, погода немного, другой, так и прокуратят. Что хорошего!» (*Островский*. Т. 1. С. 143. Д. 1. Явл. 8).

³ О тургеневской оценке «Бедной невесты» см. 4-е примечание к письму Феоктистова от 7—8 марта 1852 г.

⁴ Отзыв Феоктистова ср. с оценкой Боткина «Бедной невесты» в письме к Тургеневу от 27 февраля 1852 г.: «Посылаю тебе на всякий случай легкий взгляд на новую комедию Островского <...> Здесь мнения о ней разделились — Кудрявцев и за ним разумеется милейший наш Галахов — находят „Бедную невесту“ превосходным произведением, очень трогательным и т. п. Я нынче утром имел уже сильный спор об этом с Галаховым, — который наконец во многом начал соглашаться со мной. <...> Прежде всего должен я сказать, что на всей комедии лежит какой-то холодный и сухой колорит и несмотря на дагеротипную меткость и верность языка постоянно чувствуется бедность фантазии. Эти фразы и лица не имеют никакой перспективы. Для меня — это произведение большого, почтенного труда, а не творчества, — доказательство: в этой комедии нет и тени веселости и ни капли поэзии. Главное лицо, — бедная невеста, — не внушает к себе участия, потому что не веришь ей, от нее пахнет сочинительством, а не живым человеком. Идея комедии — кажется состоит в том, чтоб представить тяжкое положение бедной девушки мелкого чиновничьего круга...» (*Боткин и Тургенев*. С. 21—22).

⁵ О восприятии в московских кругах статьи Тургенева, посвященной роману Салиас «Племянница», см. 2-е и 5-е примечания к письму Феоктистова от 14 января 1852 г.

* После: молчание и — *ничато*: бедно <?>.

** После: след<овательно>, критика — *1 сл. заретушировано; последующая фраза*: не такова, чтобы — *вписана*.

⁶ 6 марта 1852 г. Тургенев обратился к Шумскому с просьбой «...чтобы покорно просить гг. артистов московской труппы не ставить на сцену моих двух пьесок: „Где тонко, там и рвется“ и „Безденежье“ — которые недавно здесь давали». Просьба была обоснована тем, что ни одна из этих пьес не имела успеха на петербургской сцене. «Их дали, можно сказать, против моей воли — и я повторяю, мне было бы весьма неприятно, если б эти две, уже давно мною написанные вещи, повторились на каком бы то ни было театре» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 126). Комедию «Где тонко, там и рвется» Шумский сыграл в свой бенефис в Малом театре 5 ноября 1852 г. (*Летопись (1818—1858)*. С. 217).

⁷ Феокистов неоднократно напоминал Тургеневу о комедии «Шарф», которую ждали от него московские актеры (см. 10-е примечание к его письму от 17—18 марта 1851 г.).

⁸ В «Ведомостях Московской городской полиции» обнаружено лишь одно объявление о постановке «Провинциалки» 5 февраля (вторник) 1852 г. на сцене Малого театра (см.: 1852. 4 февр., № 29).

⁹ Парижская труппа Г. Л. Келлера показала живые картины в Малом театре 19 и 21 февраля (Московские ведомости. 1852. 15 февр., № 37; 16 февр., № 38; 18 февр., № 39). Фельетонист «Ведомостей Московской городской полиции» сообщал: «...мы видели в театре сначала живые группы Келлера, собравшие многочисленных зрителей в первое представление, и значительно опустевший — при втором...» (1852. 10 марта, № 57. С. 1).

¹⁰ В мемуарах Феокистов рассказал о материальном положении Салиас: муж ее потерял весь полученный в приданое капитал, состояние родителей к этому времени пришло в расстройство. Львиную долю из того, что уцелело, забрал в свои руки ее брат Александр Васильевич Сухово-Кобылин — см. портрет его и рассказ о тяжелой обстановке в доме Кобылиных в «Главе из воспоминаний Е. М. Феокистова» (*Атлей*. С. 110—114). А. В. Кобылин был в дурных отношениях с Елизаветой Васильевной и не давал ей ни копейки под тем предлогом, что свою часть наследства она получила при вступлении в брак. «Графиня Салиас очутилась в весьма затруднительном положении и, поселившись в небольшом домике на 1-й Мещанской улице, жила на средства, которые уделяла ей сестра Евдокия Васильевна, находившаяся в замужестве с весьма богатым человеком — Петрово-Соловово» (*Феокистов*. С. 366). На свой литературный труд Салиас вынуждена была смотреть еще и как на источник заработка.

15

25 февраля (8 марта) 1852 г. Москва

Тургенев, сейчас получил Ваше письмо,¹ и думаю, что мое еще успеет попасть на почту. Благодарю Вас за письмо Ваше, — давно я не получал ничего милее этого. Но дело не в том — весь интерес теперь в Гоголе. Вчера мы похоронили его.² Вся Москва решительно была на похоронах. Огромная Университетская Церковь не вмещала народу, — кроме Назимова, Закревский³ и пр. были в полных мундирах, — также профессора, которые некоторое время несли гроб и передали его потом студентам и прочему народу. Гроб не дали ставить на колесницу и на руках донесли его до могилы в Даниловом монастыре, верных 6 верст.⁴ Я нес его до могилы и опускал в нее гроб. Пишу Вам эти подробности, потому что в них наиболее выразилось страшное уважение к Гоголю. Когда тело его лежало в Университете, церковь была открыта, и даже ночью приходил народ поклониться ему.⁵ Можно сказать, что вся Москва перебивалась у гроба. Он лежал в лавровом венке, а в руках был букет иммортелей. Я сорвал листок с венка и взял цветок иммортелей — на память.⁶ Теперь

другие подробности.* Как Вы полагаете, слухов об оставшихся сочинениях — бездна. Достоверно то, что он все сжег.⁷ Но вчера единогласно говорили, что у гр. Толстого,⁸ его главного друга, у которого он жил и умер, остался запечатанный пакет, который откроют через 6 недель. Что в нем — неизвестно. Достоверно известно только то что 2 часть «Мертв<ых> душ» сожжена. В последнее время Гоголь занимался огромным сочинением: Толкование на литургию, — не оно ли осталось?⁹ — Чтоб дать Вам понятие об графе Толстом — вот его поступок: он не хотел Гоголя хоронить в Университетской Церкви, и когда его перенесли туда, он отказался взять погребение на свой счет, говоря: «если так, то пусть хоронит, кто хочет» — и его хоронили на счет Университета. Похороны, впрочем, были великолепны. Погодин не был тогда в Москве, а Шевыреву еще и теперь не говорят о смерти Гоголя, ибо он сам болен тифом. Но Аксаковы и Хомяков — великолепны — когда-нибудь и услышите об их похождениях.¹⁰ Много рассказывать! Теперь все спрашивают гоголевского мальчика о подробностях его жизни, но он, кажется, понял свое интересное положение и развивает в себе Хлестакова.¹¹

Писать теперь более не могу — но скоро напишу Вам еще более подробное письмо. Графине не показывал еще Вашей приписки, ибо она спит.

Благодарю, что Вы намерены, если можно, исполнить мою просьбу.

Грановский сказал Боткину, что [Вы сер]диты на него, и он хотел сам [Вам?] писать.** Не знаю, писал ли.

Тысячу раз жму Вам руку. Прощайте — и не забывайте Вашего

Е. Феоктистова.

Шумскому скажу.

На обороте письма:

В Петербург. На углу Малой Морской и Гороховой, дом Гиллерме, квартира под № 9.

Его Высокоблагор<одию> Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Письмо не датировано. На правом поле первого листа неустановленным лицом сделана карандашная помета: 1852. 27 февр., совпадающая с петербургским почтовым штемпелем: Получено 185<2>. Февр. 27. Вечер. Датируется по содержанию письма: (день похорон Гоголя). Дата подтверждается московским почтовым штемпелем отправления: <Мо>сква, <фе>вр. 25. Текст письма (на втором листе) поврежден сургучным почтовым штемпелем.

¹ Письмо Тургенева неизвестно.

² Гоголь умер поутру 21 февраля (4 марта) 1852 г., в четверг, на второй неделе Великого Поста. Похоронен 24 февраля (7 марта), в воскресенье.

³ Назимов Владимир Иванович (1802—1874) — к 1852 г. попечитель Московского учебного округа и председатель Московского цензурного комитета (1849—1855), позже (с 1855) — Виленский военный губернатор, Гродненский, Минский и Ковен-

* После: подробности. — начато: Говорят

** В прямых скобках восстановленный текст, поврежденный сургучными печатями.

ский генерал-губернатор. Послужной список графа *Закревского Арсения Андреевича* (1783—1865) отражает его «отличие» под Аустерлицем и в ряде других сражений в течение 1807—1810 гг. и Отечественной войны (за Бородино — орден Св. Владимира 3 ст., за сражение под Парижем — орден Св. Анны 1 ст.). С 1821 г. — Финляндский генерал-губернатор и командир Финляндского корпуса. 25 декабря 1825 г. награждается орденом Св. Александра Невского, а 1 июня 1826 г. получает высочайшее повеление присутствовать в Верховном суде «для суждения злоумышленников, покушавшихся на ниспровержение Престола и Государственного порядка». С 1828 г. — министр внутренних дел. В 1831 г. увольняется со службы, но с 1848 г. — генерал-адъютант при императоре и военный генерал-губернатор Москвы (до 1859), через полгода — член Государственного Совета. В 1849 г. — пожалован орденом Андрея Первозванного и орденами знаками Белого Орла, в 1851 г. — орденом Св. Владимира (Российский государственный исторический архив, ф. 1162, оп. 6, № 197).

⁴ Картину этого дня восполняет письмо Салиас к М. А. Максимиовичу, также написанное по свежим следам пережитых вместе с Феоктистовым событий — на следующий день после похорон Гоголя: «В Субботу, на утренней и вечерней панихиде был весь город и все сословия. <...> В Воскресенье было отпевание тела. Стечение народа было так велико, что стуженные массы стояли до самых почти местных образов. Граф Закревский, в полном мундире (генерал-губернатор Москвы), попечитель Назимов, генерал Шипов, генерал Перфильев присутствовали при отпевании, так же, как и все известные лица города. <...> Из церкви профессора: Анке, Моршхин, Соловьев, Грановский, Кудрявцев вынесли его на руках до улицы, на улице толпа студентов и частных людей взяла гроб из рук профессоров и понесла по улице. За гробом пешком шло несметное число лиц всех сословий; прямо за гробом попечитель и все университетские чины и знаменитости; дамы ехали сзади в экипажах. Нить погребения была так велика, что нельзя было видеть конца поезда. До самого монастыря Данилова несли его на руках» (*Данилов В. В.* Графиня Сальяс и Максимиович. Письмо графини Е. В. Сальяс о кончине Н. В. Гоголя // *Русский архив*. 1907. № 11. С. 438).

⁵ Феоктистов, по свидетельству Салиас, принимал участие в переносе тела Гоголя в университетскую церковь: «...в Пятницу вечером, — писала она Максимиовичу, — попечитель, профессора, студенты и множество лиц из всех кругов пришли в комнаты покойного и вынесли тело его в Университетскую церковь. Тело было вынесено Островским, Бергом, Феоктистовым, студентами Сатинным, Филипповым, Рудневым, и несено до самой церкви, при просьбах других лиц, добивавшихся чести нести его, хотя несколько шагов. Оно было поставлено на катафалк в Университете...» (*Данилов В. В.* Графиня Сальяс и Максимиович. С. 437). «Я рад, что его хоронили в университетской церкви, — писал Тургенев Феоктистову 26 февраля 1852 г., — и действительно нахожу вас счастливыми, что удостоились нести его гроб. Это будет одно из воспоминаний вашей жизни» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 124).

⁶ Ср.: «Гроб был усыпан камелиями, которые принесены были частными лицами, уважавшими покойника. На голове его лежал лавровый венок, в руке огромный букет из цветов immortelles. Когда надо было проститься с ним, то напор всех был так велик, что крышу накрыли силой. Всякий хотел поклониться покойнику, поцеловать руку его, взять на память хотя стебель цветов, покрывавших его изголовье» (*Данилов В. В.* Графиня Сальяс и Максимиович. С. 438).

⁷ Свои бумаги Гоголь сжег в ночь с 11 на 12 февраля в присутствии слуги Семена (*Гоголь*. С. 711). В письме к П. Виардо от 21 февраля (4 марта) — 4 (16) марта 1852 г. (в приписке 4 (16) марта) Тургенев назвал этот акт «нравственным самоубийством» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 123, 387). Иначе взглянул на это событие Боткин: «Гоголь положительно сжег все и после него ничего не остается. Mais tout bien considéré — я думаю, что его поприще было покончено. Он уже во 2-м томе „Мертвых душ“ — старался выводить все идеалы — а с 1847 года его внутренняя ясность еще более помрачилась. Разумеется, жаль, — но нового он уже ничего не был в состоянии прибавить к написанному им» (*Боткин и Тургенев*. С. 26—27).

⁸ *Толстой Александр Петрович* (1801—1873) — генерал-лейтенант, губернатор Тверской (1834—1837) и Одесский (1837—1840), позже — обер-прокурор Синода (1856—1862), член Государственного Совета. Адрес дома Толстого, в котором скончался Гоголь: Никитский бульвар. Дом Талызиной (ныне: д. 7 по Суворовскому бульвару).

⁹ В бумагах Гоголя, кроме черновых набросков глав второго тома «Мертвых душ» были найдены рукописи без заглавий (позднее названы С. П. Шевыревым): «Авторская исповедь» (1847 г., впервые опубликована в кн.: Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти. М., 1855) и «Размышления о Божественной Литургии» (не завершена; хронология работы: замысел — зимой 1843—1844 гг., активная работа — в 1845 г., в конце 1840-х гг. написано «Вступление»; впервые изданы П. А. Кулишом с цензурными коррективами: Размышления о божественной литургии Н. В. Гоголя / Издал П. А. Кулиш. СПб., 1857; по подлинным рукописям «Размышления...» впервые напечатаны Н. С. Тихонравовым в 1889 г. в 4-м томе десятого издания сочинений Гоголя) (см.: Воронцов В. А., Виноградов И. А. «Авторская исповедь»; Размышления о Божественной Литургии // Гоголь. Т. 6. С. 475; 528—532, то же: Гоголь Н. В. Духовная проза. М., 1992. С. 508; 511—518).

¹⁰ Из письма Д. Н. Свербеева к Е. А. Свербеевой от 26 февраля 1852 г.: «К стыду и сожалению, наши общие приятели — Хомяков, Кошелев и другие, т. е. Самарин, Аксаковы, вздумали было оспаривать желание университета и настоятельно требовать, чтобы Гоголя отпевали в приходской церкви. По обыкновению, кричали, спорили, шумели, многих рассердили, тех, которые поумнее, насмешили, и не успели ни в чем. Решительно, их раздражение доходит до крайности и, к великому несчастью, вносится в общественную и частную жизнь. <...> Ты не можешь себе представить, какой невыгодный для себя произвели все они говор по городу...» (Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952. С. 747 (Лит. наследство; Т. 58)). См. также письмо Н. Ф. Павлова к А. В. Веневитинову от 1 марта 1852 г. (Н. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях / Сост. В. Гиппиус. М., 1931. С. 457—458).

¹¹ В публикации Л. Р. Ланского приведен фрагмент письма матери Гоголя к С. П. Шевыреву, строки из которого подтверждают характеристику Феоктистова, данную им крепостному мальчику Семену — слуге Гоголя. 30 января 1853 г. М. И. Гоголь писала: «Мальчик <...> сделался так избалован, что я не узнавала его после того, как он служил у моего сына» (Пушкин. Лермонтов. Гоголь. С. 744).

16

3 (15) марта 1852 г. Москва

3 марта. 1851.

Милый Тургенев, — завтра утром посылаю Вам по тяжелой почте литографированный здесь портрет Гоголя — во гробу,¹ — очень изрядно сделанный. Продавался он здесь студентами в очень малом количестве. Я чувствую и знаю, как тяжела была для Вас особенно эта наша великая потеря, и потому не считаю лишним доставить Вам все, что дает наималейшее воспоминание об Гоголе. Когда он лежал в гробу, то, как Вам известно, в руках его был букет иммортелей. Во время прощания около гроба сделалась просто драка. Всякий хотел* не только проститься с ним, но и достать себе, хоть ветку из его букета. Я достал одну ветку также, и вместе с портретом получите цветок с этой ветки.

Что сказать Вам? Тяжело и скучно. Очень заинтересовали в Вашем письме слова об тех обстоятельствах, которые Вас подготовили к смерти Гоголя. До сих пор мы тут не имеем и понятия о этих обстоятельствах.² —

Шумскому вчера передал Ваше желание.³ Разумеется, он с радостью не даст Ваших пиес, если Вы ему напишете запрет, но дело

* *Вместо:* хотел — было начато: охот<ился>

вот в чем: другие могут дать. Потому, если это Вам нежелательно, то пришлите ему записку, в которой напишите, что Вы обращаетесь ко всем здешним артистам чрез посредничество г. Шумского с просьбою не давать* Ваших пьес на Москов<ской> сцене. Я передам ему эту записку, и дело будет слажено.

Об Гоголе подробностей более никаких. Все, все сожжено.⁴ Все надежды найти что-нибудь рушились. Скоро выйдут его сочинения новым изданием. Оно будет состоять из 4 томов, слово в слово как прежде. Они хотели прибавить, как говорит Шевырев, 5-й том совсем из новых вещей, неизвестных еще публике, но после его смерти ничего не отыскали, и выйдут только 4 тома.**⁵ —

Ужасно скучно! Право, Тургенев, поверьте мне, — никогда еще не хотелось мне Вас видеть avec une telle rage comme aujourd'hui.^a Когда-то Вы приедете. Если нельзя быть никак ранее 10 апреля,^{***} то, пожалуйста, не откладывайте, хоть к 10 апреля,⁶ а то я знаю Ваши сборы! Все-таки мы тут собрались бы и по душе потолковали бы обо всем. Нетерпеливо жду Вас.

Графиня все нездорова и скучна. Напишите ей что-нибудь.

Стихи Некрасова⁷ очень хороши и Ваша статейка⁸ тоже. Благодарно и прилично. Что же она не печатается.

Забыл совсем: когда я пишу [к]^{****} Вам, около меня^{*****} лежит маска, снятая с мертво[го] [Гогол]я — Рамазановым.⁹ Страшное схо[дство]. Посылать в Петерб<ург> боюсь — расшибется, а к приезду Вашему приобрету для Вас.

Прощайте, милый Иван Сергеевич. Пишите, пожалуйста, а главное не откладывайте своего приезда. Тут найдутся люди, которые сердечно будут Вам рады. Жму Вашу руку.

Е. Феоктистов.

На обороте письма:

В Петербург. На углу Малой Морской и Гороховой, дом Гиллерме, квартира под № 9.

Его Высокоблагородию Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Письмо ошибочно датировано Феоктистовым 1851 годом. На колонтитуле листа рукой неустановленного лица карандашная помета: 1852. День отправления устанавливается по почтовому штемпелю: Москва <Год нрзб.> <Мар>та 3, день получения — по петербургскому штемпелю: Мар<та>. 4. Год написания уточняется по содержанию и по связям с предшествующим письмом от 25 февраля 1852 г. Бумага (второй лист) разорвана сургучной печатью, текст слегка поврежден.

¹ Из письма сотрудника «Московских ведомостей» А. Н. Костылева из Москвы к П. И. Бартневу от 9 марта 1852 года: «Литографированный портрет с подписью „Н. В. Гоголь во гробе“ и fac-simile вышел и продается, кажется, по полтиннику <...> Этот портрет снят, должно быть, младшим Самариним; другой портрет

* *Вместо:* с просьбою не давать — *было:* не давать

** *Вместо:* 4 тома — *было:* 5 томов

^a так бешено, как сегодня (*франц.*).

*** *Вместо:* ранее 10 апреля — *было:* до 10 апреля.

**** Здесь и далее в прямых скобках воспроизведены фрагменты текста, поврежденные сургучными печатями.

***** *Вместо:* около меня — *было:* у меня

делала Павлова» (Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952. С. 752. (Лит. наследство; Т. 58)).

² Строки: «Очень заинтересовали в Вашем письме слова об тех обстоятельствах, которые Вас подготовили к смерти Гоголя. До сих пор мы тут не имеем и понятия о этих обстоятельствах — реакция на слова Тургенева из его письма Феоктистову от 26 февраля 1852 г.: «... в *этой* смерти *этого* человека кроется более, чем кажется с первого взгляда — и мне хочется проникнуть в эту грозную и горестную тайну. Меня это глубоко поразило — так глубоко, что я не помню подобного впечатления. Притом я был подготовлен другими обстоятельствами, которые вы, вероятно, скоро узнаете — если уже не узнали» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 123—124).

³ См. 6-е примечание к письму от 18 февраля 1852 г.

⁴ 29 февраля 1852 г. Феоктистов писал Бестужеву-Рюмину: «Ты уже знаешь нашу страшную потерю. Гоголь умер, унеся с собою в могилу все наши лучшие надежды и предания. Все сожжено им. Сколько в его, погибших теперь для нас бумагах, должно было заключаться драгоценного! За полтора месяца до его смерти Погодин видел между его тетрадями — комедию: Владимирский крест и Путешествие русского генерала по Риму. И все это безвозвратно погибло. Графиня тебе, кажется, писала подробности его смерти» (РО ИРЛИ, № 25156, л. 13).

⁵ Речь идет о судьбе начатого Гоголем, при содействии С. П. Шевырева, второго, в 5 тт., собрания его сочинений (см. 10-е письмо). Позже оно было закончено Н. П. Трушковским (6 тт., 1855—1856). О его составе: Сочинения Н. В. Гоголя. Изд-е 10. М., 1889. Т. 1. С. XV—XVI.

⁶ Отклик на реплику из письма Тургенева к Феоктистову от 26 февраля 1852 г.: «Но об этом когда-нибудь при личном свидании... А оно будет довольно скоро, если ничего не случится — около 10-го апреля я в Москве — на Фоминой неделе» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 124). К 10 апреля Тургенев в Москву не приехал, 16 апреля последовал его арест (см.: там же. С. 463).

⁷ Имеется в виду написанное на смерть Гоголя по мотивам лирического отступления в «Мертвых душах» (т. 1, гл. VII) стихотворение Некрасова «Блажен незлобивый поэт...». В печати появилось в третьей, мартовской, книжке «Современника» за 1852 г. (с. 147—148), с датой: «25 февраля 1852 года». В издании: «Н. А. Некрасов» (СПб., 1877; серия «Русская библиотека»; Т. 7) под текстом дано: «В день смерти Гоголя 21 февраля 1852». Подробнее: Некрасов. Т. 1. С. 605—606. Далее см. 8-е примечание.

⁸ В письме от 26 февраля 1852 г. Тургенев писал Феоктистову: «Я послал Боткину стихи, внушенные Некрасову вступью о смерти Гоголя; под впечатлением их, написал я несколько слов о ней для „С.-Петербургских ведомостей“, которые посылаю Вам при сем письме, в неизвестности — пропусти ли их и не исказит ли их цензура» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 124). Предназначавшиеся для «Санкт-Петербургских ведомостей» «несколько слов», или, как пишет, Феоктистов, «статейка» о кончине Гоголя были запрещены петербургской цензурой. Мотивы и обстоятельства запрещения статьи Тургенев осветил, в частности, в письме от 3 марта 1852 г. к И. С. Аксакову: «...да будет Вам достаточно знать, что почечитель здешнего университета г. Мусин-Пушкин не устыдился назвать Гоголя публично писателем лажейским. Это случилось на днях по поводу нескольких слов, написанных мною для „СПб. ведомостей“ о смерти Гоголя (я их послал Феоктистову в Москву)» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 125). В этот же день Тургенев обратился к Боткину с вопросом, нельзя ли «попробовать напечатать то, что я написал о Гоголе (разумеется, без подписи) в „Московских ведомостях“, как отрывок из письма отсюда?». При этом он осведомился: «Показывал ли Феоктистов мою статейку о нем?» <т. е. о Гоголе> (там же. С. 126. Письмо сохранилось во фрагменте, см. 1-е примечание к письму Феоктистова от 7—8 марта 1852 г.). 5 марта Боткин сообщил: «...хочется сказать, что статейка твоя (прекрасная), — здесь непременно будет напечатана в Моск. Ведомостях, об этом завтра же извещу Феоктистова, чтобы он ее отдал Каткову» (Боткин и Тургенев. С. 26). О дальнейшем развитии событий см. 6-е примечание к письму 7—8 марта 1852 г. В мемуарах Феоктистов замалчивает факт присылки ему статьи о Гоголе (см. об этом во вводной статье к публикации).

⁹ Посмертную маску с Гоголя 21 февраля снял скульптор Николай Александрович Рамазанов (1817—1867). Хранится в музее ИРЛИ. Фотографию с нес см.: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. С. 745. Хроника жизни и творчества Гоголя фиксирует его встречу с Рамазановым 9 января 1852 г. на бенефисе Щепкина в Московском

Большом театре (Гоголь. Т. 9. С. 709). Через два года после смерти Гоголя скульптор создал его мраморный бюст (1854 г.; Третьяковская галерея).

17

7 (19)—8 (20) марта 1852 г. Москва

7 марта. 1852.

Милый Тургенев, — в последнем письме к Боткину! Вы говорите, что будете на другой день писать ко мне. До сих пор письма я не получил, но все-таки, не дождавшись его, хочу поговорить с Вами о многом. Вы знаете, что я человек простой, — не люблю подходить изгибами, — потому приступаю прямо к тому, что наиболее меня интересует: графиня с детьми и со мною едет в начале мая в Крым! Это уже решено. С нею будет Кудрявцев и его жена. Видите ли, общество будет изрядное для вояжа, — но это еще не все: Боткин почти решился ехать также.² Ему уже давно хочется сделать маленькую поездку куда-нибудь из Москвы летом, — за границу не пустят, так в этом случае самое лучшее, по нашему, и, к счастью, по его мнению, — поездка в Крым. Что бы Вам?... Я говорил Боткину, — он отвечал, что это райская мечта, но говорить Вам об ней нечего, ибо Вас разве рычагами можно своротить с места на такую длинную поездку... А уж как бы хорошо-то было! Поехали бы все вместе, — и, признайтесь откровенно, ведь редко можно сделать поездку в Крым в столь приятном обществе. В вояже даже про Кудрявцева можно забыть, что он написал «Судьбы Италии»,³ и с ним будет весело... Представляю Вам все это на разрешение и жду с Боткиным от Вас ответа.

Сбросьте с себя обычную лень, — ей Богу, в Крыму Вам веселее будет провести время, нежели ходить на охоту за чижами в своей деревне. Мы там передем Геллеспонт и отправимся с Вами на охоту за леопардами и тиграми в Малой Азии. — Нанять квартиру Вам* было бы не нужно, ибо в распоряжении графини будет большой дом и всем найдется место. Я говорил о всех этих предположениях графине, и она нашла их превосходными и думает, что сделать вояж в обществе Вашем и Боткина, — верх наслаждения! Решайтесь... —

Что сказать Вам еще? «Современника» еще тут нет, и потому я не знаю еще Вашего отзыва о комед<ии> Островского, — но в ожидании его — досадую** на себя страшно!⁴ Верно, мне суждено не иметь никогда прямого эстетического чутья, — теперь я нахожу комедию далеко не так хорошею, как прежде. Недоделки в ней убивают даже достоинства, и я желал бы, чтобы Вы ее пощелкали.

Шумский ждет от Вас комедию.⁵ — Я с ним часто теперь вижусь — хорошо сошелся. Это чрезвычайно тонкий и умный человек и хороший малый в обществе. Но эгоизм и сухость его сердца —

* Вместо: Нанять квартиру Вам — было: Наняли бы квартиру всем вмест<е>

** Вместо: досадую — было: мечусь <?>

необычайны. Мне кажется, что он никогда не может быть ни любовником, ни хорошим другом. Интерес какого бы то ни было роду, но я у него — всегда прежде всего.

Статьеку Вашу отдал Каткову.⁶ Он покажет ее Назимову и напечатает ее, если будет позволение. —

Прощайте, милый Тургенев! Когда же это Вы будете в Москву,⁷ — нельзя ли даже пораньше Фоминой? — Напишите мне, пожалуйста, поскорее насчет Крыма. Что если... Будьте в ожидании этого здоровы и веселы. — Графиня Вам кланяется, а Вы от меня поклонитесь Панаеву.

Преданный Вам всю душою
Е. Феокистов.

8 марта.

Сию минуту получаю письмо Ваше от 5 марта. Шумскому записку завтра же передам. — Уж Вы теперь отступаете: говорили прежде, что приедете к 10, а теперь назначаете срок от 10—15. — К ужасу своему заметил, что Вы уже делаете предположения насчет охоты весною. Какая тут охота! В Крым надобно. *Italiam, Italiam...* И новую собаку возьмем туда.

Прощайте еще раз, мой милый Иван Сергеевич.

На обороте письма:

В Петербург. На углу Малой Морской и Гороховой, дом Гиллерме, квартира под № 9.

Его Высокоблагородию Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Дата петербургского почтового штемпеля: *мар<та> 10*. Бумага повреждена сургучным почтовым штемпелем.

¹ «Последнее письмо», то есть письмо Тургенева к Боткину от 3 марта 1852 г., как известно, было перлюстрировано. Сохранился лишь его «гоголевский» фрагмент. О судьбе этого послания Тургенева см. примечание Н. В. Измайлова при участии Т. Б. Трофимовой (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 464—465). См. 8-е примечание к письму Феокистова от 3 марта 1852 г.

² Чета Кудрявцевых, как и В. П. Боткин, в Крым не поехала.

³ См. 4-е примечание к письму Феокистова от 30—31 марта 1851 г.

⁴ В третьем (мартовском) номере «Современника» Тургенев откликнулся на комедию Островского статьей «Несколько слов о новой комедии г. Островского „Бедная невеста“», дав ей весьма сдержанную оценку (см.: *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 4. С. 663—667). Феокистов устыдился своих восторгов по поводу этой комедии. Ср. с информацией Боткина о восприятии пьесы в московских кругах в письме к Тургеневу от 5 марта 1852 г.: «Сейчас воротился домой, — первый час ночи — и нашел твое письмо, которое меня очень усладило тем, что тебе понравилось то, что я писал о „Невесте“ Островского. Она здесь, разумеется, кроме кружка безусловных обожателей Островского — весьма холодно принята. По крайней мере с высказанным мною мнением согласились все наши приятели — а теперь пристал к нему и Галахов; а потом известно мне, что на чтении у гр. Сологуб — (Самариной) она тоже имела едва-едва succès d'estime. Феокистов, который был сначала полезен на стену, теперь совестится и говорит: „как это я дал такого маху“. Вот тебе и впечатление „Невесты“. Но слышно, что Григорьев „утратил последнюю каплю рассуд-

ка, остававшуюся у него“ — восторгаясь чтением сего произведения, в котором усматривает — целые миры» (*Боткин и Тургенев*. С. 26). См. примечания к письмам Феоктистова от 24 декабря 1851 г. (6-е), 14 января (6-е) и 18 февраля 1852 г. (1-е—4-е).

⁵ Комедию «Шарф». См. письма Феоктистова к Тургеневу от 17—18 марта 1851 г., от 18 февраля, 24 марта 1852 г.

⁶ Феоктистов передал Каткову, редактору «Московских ведомостей», запрещенную в Петербурге статью Тургенева о смерти Гоголя. 13 марта она появилась в «Московских ведомостях» под названием «Письмо из Петербурга» за подписью «Т.....ъ» с пометой: 24 февраля 1852 г. С.-Петербург (1852. № 32). О событиях, предшествующих этому факту, см. 8-е примечание к письму от 3 марта 1852 г.

⁷ Тургенев должен был приехать в Москву к 10 апреля. См. 5-е примечание к письму от 24 марта 1852 г.

18

24 марта (5 апреля) 1852 г. Москва

24 марта. Москва.

Извините меня, милейший Иван Сергеевич, — за то, что я так долго не отвечал на Ваше письмо. Графиня сделалась очень больна, и к тому у нее умерла одна ее родственница и хорошая приятельница, — та самая, у которой в Туле жила ее дочь, — все это так расстроило ее, что она слегла в постель, и мне некогда было думать ни о чем другом...

Не несчастный и не дикий Вы человек? — позвольте мне сделать Вам этот дружеский вопрос. Бог знает зачем сидите столько времени в Петербурге,* когда сами говорите, что он опостылел Вам, и к тому же схватили там болезнь. Чего** Вы ждете, — не понимаю. На Вашем месте я взял бы сей час и бежал и приехал бы в Москву.

Потом, как не стыдно Вам писать такие предисловия к «Записк<ам> Охотн<ика>», как то, которое Вы прислали Боткину.¹ Не Вам вступать в полемику с полоумным Григорьевым за его нелепые и глупейшие критики. Ведь нападение его на Вас по поводу «Трех встреч» только глупо и едва ли оскорбительно.² Не думаю также, чтобы в публике могла*** родиться мысль, подобная той, которая пришла в башку Григорьева, и с этой стороны предисловие Ваше бесполезно.

Теперь расскажу Вам маленькую новость. Третьего дня, — я, Шумский и Садовский пришли ужинать в клуб. Около нас сидели за тем же столом офицер Назимов (брат попечителя), князь Баратов, скот в образе человеческого, — и еще какой-то господин. Баратов начинает говорить комплименты Шумскому и ставит нам бутылку шампанского, мы отвечаем тем же. Я в это время не мог оставаться дольше, ухожу, — а у Шумского с кн<язем> Баратовым

* *Вместо:* в Петербурге — *было:* в Туле

** *Было:* Что

*** *Вместо:* Не думаю также, чтобы в публике могла — *было:* Не думаю также, что оно могло

начинается разговор о смерти Гоголя. Вдруг, Баратов говорит, что он живет в имении в 10 верстах от имения Гоголя в Полтавс<кой> губ<ернии> (и М. С. Щепкин подтверждал после это), — хорошо знает его семейство, — что Гоголь был год тому назад целое лето в деревне у сестер, подарил им в рукописи 9 глав 2-ой части «Мертв<ых> душ», и что сестры дали ему, Баратову, списать 3 главы и что эти главы у него в Москве, — и предлагает их дать прочесть Шумскому. Можете себе представить радость сего последнего. Нынче он едет с визитом к Баратову, и я в настоящую минуту не знаю еще ничего положительного — и передаю Вам факт, как он был. Ну, если правда?..

В понед<ельник>, на Фоминой, по истечении 6 недель открывают шкаф Гоголя, запечатанный после его смерти. Надеются, что там, может быть, найдется что-нибудь.

А Вы все сидите в Петербурге?... Шумский поет буквально всякий раз, как заговорят об Вас, и все пристаёт ко мне с вопросами — напишете ли Вы ему комедию — «Шарф».³ Я его ободряю. —

Неужто Вы и на Фоминой не приедете в Москву? — а я, несмотря на Ваши обещания, и, хорошо зная Ваши сборы, — плохо на это надеюсь. Прошу, как только скоро приедете, — во всякое время дня и ночи прислать *тотчас же* за мною.

Позвольте мне Вам напомнить в заключение о той просьбе, которую я Вам делал в письме, присланным с Языковым.⁴ Не забудьте исполнить ее, если она удобоисполнима и возможна.

Прощайте. Надеюсь, что это письмо — последнее, и что скоро буду иметь удовольствие лично обнять Вас.⁵ Дай Бог, чтоб это время пришло скорее!

Ваш Ев. Феоктистов.

На обороте письма:

В Петербург. На углу Малой Морской и Гороховой, дом Гиллерме, квартира под № 9.

Его Высокоблагородию Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Год уточняется по почтовому штемпелю: *Москва. <1>852. Марта 24.* На контитуле первого листа рукой неустановленного лица карандашная помета: 1852.

¹ Письмо Феоктистова стало источником сведения о недошедшем до нас предисловии Тургенева к отдельному изданию «Записок охотника», которое Кетчер готовил к печати в Москве. Комментируя этот факт, Назарова писала: «В печати оно, однако, не появилось; большую роль здесь сыграло то отрицательное отношение к этому предисловию, которое было выражено Феоктистовым в упомянутом нами письме» (Назарова. С. 166). Далее она высказала предположение: «Возможно, что это предисловие было уничтожено В. П. Боткиным, когда он и Феоктистов были привлечены по делу о напечатании в „Московских ведомостях“ статьи Тургенева о смерти Гоголя» (там же).

² Предисловие, если исходить из письма, было написано в состоянии раздражения, которое вызвал у Тургенева остро иронический отзыв Григорьева в «Москвитянине» (1852. № 5, март, кн. 1. Отд. V) о рассказе «Три встречи» (Современник. 1852. № 2). Рассказ назван слабым произведением, так как характеры его действующих лиц не раскрыты (С. 26—29). Однако из письма следует и другое: полемике Тургенева вызвала прежде всего вся совокупность выступлений А. Григорьева о «Записках охотника» на страницах «Москвитянина».

³ О комедии «Шарф» см. письма Феоктистова от 17—18 марта 1851 г., 18 февраля, ⁴ 7—8 марта 1852 г.

⁴ Посланное Феоктистовым с М. А. Языковым письмо Тургеневу неизвестно.

⁵ Ожидаемый Феоктистовым приезд Тургенева в Москву не состоялся. Около 15 апреля Николай I читает доклад шефа жандармов А. Ф. Орлова «О Тургеневе, Боткине и Феоктистове» с изложением обстоятельств появления в московской прессе запрещенной в Петербурге статьи об умершем Гоголе. На следующий день «по высочайшему повелению» Тургенева арестовывают и заключают на съезжей 2-й Адмиралтейской части в Петербурге, а затем высылают в Спасское (см. *Летопись (1818—1858)*. С. 200, 206). Далее см. 1-е примечание к письму Феоктистова от 29 марта 1852 г.

19

29 марта (10 апреля) 1852 г. Москва

29 марта. 1852.

Милый Тургенев, — вовсе не думал я писать к Вам до самого Вашего приезда, который, вероятно, скоро будет, — но одно обстоятельство заставляет меня взяться за перо. В Петербург поехал г. Корнилевский, — тот самый, который приходил к Вам в Москве переписывать бумагу по моей рекомендации и после которого Вы должны были выставлять рамы у окон. Этот г. Корнилевский просил у меня рекомендательного письма к И. И. Панаеву «для занятий литературою». Я не дал этого письма и опасаюсь, что он явится все-таки и назовется «моим другом». Ради Бога, спасите меня от этого нареkania, скажите Панаеву, что я этого господина едва знаю, что он хам беззастенчивости и что между нами вовсе нет отношений Ореста и Пилада.

У меня тут была маленькая неприятность по поводу Вашей статьи о Гоголе, помещенной в «Московских Ведомостях»,¹ но об этом при свидании. Когда же оно будет? Жду с нетерпением.

Ваш Е. Феоктистов.

На обороте письма:

В Петербург. На углу Малой Морской и Гороховой, дом Гиллерме, квартира под номером № 9.

Его Высокоблагородию Ивану Сергеевичу Тургеневу.

¹ Феоктистов имел в виду события, последовавшие за публикацией статьи Тургенева о смерти Гоголя, которые завершились для него и Боткина полицейским надзором (длился до 1856 г.) и приказом для молодого кандидата поступить на государственную службу (см. также 5-е примечание к предшествующему письму от 24 марта). Осенью Феоктистов отправился с семьей в Крым и поступил на службу в Симферополь. Свою версию событий он изложил в мемуарах (*Феоктистов*. С. 17—21). У этой истории был еще один хроникер. Е. В. Салиас в письмах к Бестужеву-Рюмину осторожно, прибегая к намекам и недомолвкам (Феоктистова называет «толстяком», «толстым другом», о других говорит отстраненно), пересказывает только что пережитые события и дает им свою интерпретацию. В письме от 28 апреля 1852 г. (датируется по почтовым штемпелям, первый: *Москва. 1852. Апрель 28*; второй — *Тамбов. Май 1852*; на полях рукой неизвестного лица карандашная

помета: 27—28.IV.<18>52. Москва; письмо в копии) она пишет: «У нас здесь было много нового — но писать не могу, и туда едва не попался как кур во щи* ваш Толстый друг, который еще вам и не пишет. В моем последнем письме я говорила вам, что он занят очень. Теперь меньше занятий — и, вероятно, он напишет. Кстати, новость литературная — здесь в Клубе говорили, будто бы Тургенева за то, что он напечатал статью о Гоголе в „Моск. Вед.“ посадили на два месяца на съезжую — а потом приказали выслать из обеих столиц. Видите ли, говорят, что статья эта была Мусиным-Пуш<иным> запрещена, а Тург<енев> переслал ее своим двум друзьям в Москву, из кот<орых> один — отдал ее в „Ведомости“, а другой хлопотал будто бы, не зная, впрочем, что статья запрещена, — чтобы ее тотчас напечатали. Вероятно, это незнание спасло приятелей — Ф<еоктистова> и Б<откина>. Что же касается до Тур<генева>, то ему велено жить в Орловской деревне. Впрочем, это все слухи — а верного ничего нет, поэтому я и не советую вам писать мне об этом» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 107—108). Вскоре в письме от 4—5 мая 1852 г. (датируется по штемпелям: Москва. 1852. Мая 5—4; второй штампель: Тамбов. 9 мая 1852. Письмо в копии) Салиас снова вернулась к этим событиям: «Здесь все тихо, и становится монотонно — и если бы не хлопоты вашего Толстого друга, то мы бы забыли о делах и деловых людях. Теперь это все кончилось чрезвычайно благополучно — для толстяка конечно, — не предвиделось, чтобы дело кончилось слишком дурно, хотя его и страшали. Я оставляю его в Москве — заплывшего жиром и сбившего усы, отчего он стал крайне дурен. Новостей нет — никаких, ни простых, ни литературных, кроме той, что Тург<енев> сидит в Петерб<урге> в частном доме, и потом будет выслан из обеих столиц на житье в Орловской его деревне. Говорят, это не только за напечатание статьи, сколько за грубость Мусину-Пушкину. Впрочем, ничего разобрать нельзя отсюда — вести, приходящие из Петерб<урга> изменяют колорит, как хамелеоны. Верно то, что он сидит» (там же, л. 110 об.—111). Позже, 21 мая 1852 г. (год не проставлен; письмо (в копии) датируется по содержанию), она говорит более открыто: «Вы меня спрашиваете, что было с Е<вгением> М<ихайловичем>. Ужели вы из последнего письма не поняли. Вся беда за статью о Гоголе обрушилась на него — он прошел, однако, счастливо разные допросы, и наконец — это кончилось благополучно. К нему были милостивы (хотя он и был — без вины виноват) и приказали поступить немедленно в службу. Я боялась для него других последствий — ручаться было нельзя, что и его, как Т<ургенева>, вышлют из обеих столиц. Это значило бы погубить всю его жизнь и карьеру. Слава Богу, этот удар миновал его» (там же, л. 113 об.—114). Библиографию документального изучения вышеизложенной системы фактов см. в 23-й сноске вступительной статьи публикации.

* Так в копии.

ПИСЬМО А. Н. МАЙКОВА К СЫНОВЬЯМ С ВОСПОМИНАНИЯМИ О И. А. ГОНЧАРОВЕ

Публикация А. Ю. Балакина

Публикуемое ниже письмо хранится в архиве А. Н. Майкова среди его писем к неустановленным лицам (РО ИРЛИ, № 17380, л. 79—80 об.). Хотя оно уже обращало на себя внимание исследователей, работавших с этими материалами,¹ но опубликовано не было, и в литературе о Гончарове этот документ, насколько нам известно, не упоминался. Между тем, в нем содержится несколько любопытных сведений об истории взаимоотношений Аполлона Николаевича Майкова (1821—1897) и Ивана Александровича Гончарова (1812—1891).

Обоих писателей связывала многолетняя дружба, которая, по словам самого Гончарова, «никогда ничем не омрачалась, не охлаждалась, и была всегда тепла, чиста и светла...»² Познакомились они в 1835 г., когда недавно приехавший в Петербург Гончаров через своего сослуживца по Департаменту внешней торговли Министерства внутренних дел, литератора Владимира Андреевича Солоницына был приглашен готовить к поступлению в университет двух старших сыновей художника Н. А. Майкова — Валериана и Аполлона. Молодой филолог, недавний выпускник Московского университета, Гончаров, очевидно, произвел большое впечатление на талантливых юношей и оказал на них заметное влияние. «И. А. Гончаров, без сомнения, много способствовал развитию эстетического вкуса в Аполлоне Майкове», — писал в своих мемуарах И. И. Панаев;³ сам же поэт говорил впоследствии, что Гончаров «внушил ему большую любовь к литературе».⁴ К 1835 г. относятся и первые поэтические опыты Майкова;⁵ в том же году в доме Майковых начал выпускаться рукописный журнал «Подснежник», на страницах которого помещали свои произведения не только сами Майковы, но и профессиональные литераторы, близкие к их кругу. Именно в «Подснежнике» появились и первые известные нам оригинальные литературные опыты Гончарова.⁶

Об этом времени и вспоминает Майков в публикуемом ниже письме. Оно не имеет ни даты, ни обращения, ни подписи и, по-видимому, так и не было окончено и отправлено. Тем не менее время написания и адресат его устанавливаются без труда. Оно было написано вечером либо 17, либо 18 сентября 1891 г., и адресовано сыновьям Владимиру (1861—?) и Аполлону (1867—?),⁷ находившимся тогда в Константинополе.⁸

В архиве Майкова сохранилось большое количество его писем, адресованных сыновьям; в основном они относятся к последним годам жизни поэта. Фрагменты из них, посвященные Пушкину и Достоевскому, а также содержащие автобиографические признания и автокомментарии, публиковались и цитировались в разные годы И. Г. Ямпольским⁹ и Л. С. Гейро.¹⁰ Изредка в этих письмах упоминается и фамилия Гончарова, который к тому времени был уже стар и болен, редко покидал свою квартиру, и поэтому регулярного общения с Майковым поддерживать уже не мог. Но тем не менее даже эти эпизодические упоминания могут добавить к биографии Гончарова несколько дополнительных штрихов. Так, в письме от 15 февраля 1888 г. Майков пишет: «Вчера <...> был Гончаров, получивший 2 письма от Катер<ины> Павл<овны>».¹¹ Она в Новороссийске в бедственном положении. Пишет ему, очевидно имея в виду, что письмо <sic!> покажется нам; сильные слова раскаяния, просьбы прощения, ссылки на Евангелие. Цель — чтоб опять ее приняли. Да ведь ее никто не прогонял. Сама ушла. Тот, у кого могла бы просить прощение — в могиле. Еще, пожалуй, у детей — но тут и загвоздка: как взяться нам за это посредничество? И к кому ей поместиться? И что из этого выйдет? Я, признаюсь, не могу in foro interno¹² решить, как тут поступить... Мы ничем перед ней не виноваты. Если б встретились, встретились бы как знакомые, и больше ничего, как приличие бы и благососпитанность требовали бы. Но активно — что сделать? — так чтобы сам был, в себе, доволен? Послать денег, чтоб приехала. Ну приедет. К кому? С кем жить ей? Признаюсь, чувствую беспокойствие. Доводы ума и — христианский долг. Не послать ли ей, через Гончарова или Емилию Фед<оровну>, рублей 50, сколько можем, и сказать, что не нам ее судить и прощать».¹³ Мы не знаем, как Майков ответил на просьбы своей бывшей невестки; согласно позднему свидетельству Ф. Д. Батюшкова, она «вернулась в Петербург много позже, виделась с сыновьями и даже одно время поселилась с младшим из них, Владимиром (уже после смерти Валерьяна)».¹⁴ В том же 1888 г. она продает доставшееся ей по наследству от отца небольшое имение и переселяется в Сочи,¹⁵ где живет до самой смерти. Упомянутый выше эпизод не нашел отражения в переписке Гончарова; ни письма Майковой, ни его возможный ответ до нас не дошли.

В письме от 30 октября 1888 г. мы находим любопытное свидетельство о взаимоотношении Гончарова и великого князя Константина Константиновича; это письмо интересно еще и тем, что в нем Майков формулирует свое поэтическое сгедо и вспоминает об отношении современников к его поэзии: «...царю стихи на 17-е октября¹⁶ послал по городской почте. Поутру сходил в Изм<айловские> казармы, спросить Конст<антина> Конст<антинови>ча.¹⁷ Был очень рад, меня увидев, и одобрил послать. Сказал мне, что собирается мне прислать приготавливаемое им к печати издание своих стихов, 2-й том;¹⁸ что посылал уж его к Гончарову — но, говорит, усумнился в суждении прозаиков о поэзии; он, Гончаров, обо многих чисто лирических стихотворениях написал ему, что они бессодержательны».¹⁹ „Они, говорит, всегда требуют от стихотворения ясной, определенной мысли, которую бы можно было сформулировать, тогда как тут всё в чувстве и в освещении. Некоторые пьесы посылал Фету, но со многими его отзывами несогласен“. Мне хотел прислать на след<ующей> неделе вместе с этими отзывами. Что он о прозаиках говорил, это я давно знаю, и никогда не любил читать им, да и не читал, и Гончарову в том числе. Да насчет моих стихов вообще скажу, что они не вполне отвечали требованиям и теориям моих современников, писателей в прозе. У одного Тургенева был более тонко развитой вкус, но и ему я редко приходился по вкусу.²⁰ Тургенев, Боткин — эта партия искала в поэзии чего-то туманного, неопределенного, вроде музыки, а их голос был решительный в кружке. И в стихах Фета и Полонского они находили, как в переливающихся цветах бриллианта, болес искор истинной поэзии.

Впрочем, у них было кое-что и правда, чем я в свое время и воспользовался. Поэты более меня ценили, и простые читатели, без тонкого образования.²¹ Тург<енев> и Боткин, кроме того, искали в поэте последнего слова современной человеческой личности, личности отвлеченного обще-человека, страдающего недугами века и подавленного бременем сомнений и несоответствия существующих условий общественной жизни с тем идеалом, к которому стремится якобы это обще-человечество. На эту мерку у них вымерен и Лермонтов, и вот почему, по-нашему его плохие, по-нашему, стихотворения („И скучно и грустно...“, „Печально я гляжу на наше поколение...“ и пр.) у него сочтены за наилучшие, и эти струны в „Герое наш<его> врем<ени>“ приняты в сурьоз, а моего известного вам взгляда на „Героя“ тогда ни у кого не было, т. е. что Лермонтов, имея в себе все черты (подлые) Печорина, карал их в своего героя, противопоставя ему простые натуры (Максим Максимыч и др.) и даже сделал пародию на Печорина в Грушницком».²²

Последнее известное нам свидетельство общения давних друзей — приветственное письмо Гончарова по поводу 50-летнего юбилея литературной деятельности Майкова. Это письмо было прочитано на чествовании поэта 30 апреля 1888 г. Я. П. Полонским; сам же Гончаров не присутствовал по причине плохого самочувствия. Как вспоминал один из современников, «поднялась буря рукоплексаний, долго не смолкавших, едва только ттец произнес: „Письмо Ивана Александровича Гончарова“. Рукоплексания усилились, когда было окончено чтение письма...»²³

Вполне возможно, что в последующие годы Гончаров и Майков так и не увиделись. Гончаров умер в воскресенье, 15 сентября 1891 г., в двенадцатом часу дня. В тот же вечер на его квартире была совершена первая панихида, на которой «присутствовали душеприказчики профессор Полотебнов, М. М. Стасюлевич, обер-прокурор А. Ф. Кони, В. Д. Спасович и много других».²⁴ Майкова же среди близких покойного писателя не было — о смерти Гончарова он узнал лишь на следующий день из газет: «Сегодня в газетах прочли о кончине Гончарова, — писал он сыновьям 16 сентября, — 80 лет прожил — хороший куш. Но, Боже, как печальна была его жизнь за эти годы! Одиночество, хилость. Сколько романов в жизни он пережил — любил — но не жертвовал собой — не посвятил себя тому, кого любил, и тому, что оттого <?> должно было произойти... Какой был идеал его жизни? к чему стремился, что истинно-то любил, т. е. какую идею?.. Не знаю — и боюсь судить, чужая душа — потемки. Теперь уж это совсем старейший из моих сверстников,ходящий из мира... Невольно напрашивается вопрос — кто теперь на очереди? Если моя очередь, то я уйду не так мрачно: что любил, чему служил — положено в вас тронх²⁵ — а может быть сообщено и кой-кому из встречных в жизни... Помочь, хлопотать за кого — Гончаров всегда готов был — но это не наполняло жизни — и в последние годы всегда жаль было его!»²⁶ В следующем письме сыновьям, от 19 сентября, Майков лишь вскользь упомянул о похоронах Гончарова, хотя о его присутствии на них написали едва ли не все газеты: «Сегодня хоронили Гончарова; был в<еликий> к<нязь> Конст<антин> Конст<антинович>. Я просил его сказать от меня несколько слов греч<еской> королеве, потерявшей дочь».²⁷

Мы не знаем, почему Майков так и не отправил публикуемое ниже письмо. Возможно, он посчитал его слишком личным, а возможно, неинтересным для своих сыновей. Но через три месяца, в письме к ним же от 26 декабря, он вернулся к теме своего литературного воспитания, рассказывая об этом почти теми же словами: «Обращаясь к моему детству, — писал он, — я припоминаю — какие были книги стихов, которые я тогда читал? И ответ вот какой: одна книга — это тогдашняя хрестоматия, сост<авленная> Гречем в 1820 году, из Пушкина там только отрывок из „Руслана и Людмилы“ в отделе эпической поэзии, а главное место занимают Державин и Ломоносов. Другая — сочинения Батюшкова — это когда мне было 13,

14, 15 лет; Пушкина вкусил уже по 16-му году, а из него главное привлекали меня творения самой последней эпохи („Чертог сиял, гремели хоры“ и пр.), под влиянием коей я написал тогда, в 1-м курсе, „Венеру Медицейскую“, а рядом с нею „Гнев божий“ — Державинского духа, а за сим антологические по урокам Батюшкова».²⁸

Здесь обращает на себя внимание то, что Майков оценил Пушкина только после увлечения поэзией предыдущего времени. В отличие от своего ученика, Гончаров с самых ранних лет ставил Пушкина выше всех других писателей. Свидетельств тому в его сочинениях, письмах и мемуарах о нем можно найти множество. «...Я <...> жаркий и неизменный поклонник Александра Сергеевича, — свидетельствовал писатель в письме к Е. А. и М. А. Языковым 15 (27) декабря 1853 г. — Он с детства был моим идолом, и — только один он»;²⁹ еще более подробно он высказывается в одной из автобиографий: «Живее и глубже всех поэтов поражен и увлечен был Гончаров поэзией Пушкина в самую свежую и блистательную пору силы и развития великого поэта и в поклонении своем остался верен ему навсегда, несмотря на позднейшее тесное знакомство с корифеями французской, немецкой и английской литературы».³⁰ Гончаров не был знаком с Пушкиным, но несколько раз видел его и оставил свидетельства об этих встречах,³¹ а кроме того, интересовался и его биографией: «...я <...> изучал Пушкина и все подробности и мелочи его жизни...», — писал он В. П. Авенариусу 28 февраля 1888 г.³²

* * *

В день похорон Гончарова одна из газет написала следующее: «...во всех <...> „рассказах“ и воспоминаниях (о Гончарове. — А. Б.), которые теперь преподносятся публике, более чем наполовину вранья. „Правду“ о Гончарове нам могли бы рассказать только очень немногие из его близких приятелей, и в том числе в особенности М. М. Стасюлевич, А. Н. Майков и кн. Цертелев».³³ В отличие от Стасюлевича и Цертелева, Майков не оставил нам воспоминаний о своем учителе и старшем друге, но публикуемое ниже письмо отчасти восполняет этот пробел.

¹ В этой папке оно проложено отдельным листом бумаги и кратко проаннотировано.

² Письмо И. А. Гончарова к А. Н. Майкову от 30 апреля 1888 г. // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 500. Сводок данных об истории отношений писателей см. в предисловии и примечаниях С. В. Друговеико к публикации писем Гончарова к Майкову (Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 336—372).

³ Панаев И. И. Литературные воспоминания. [Л.], 1950. С. 106. Вл. Соловьев в статье о Майкове для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона еще при жизни поэта писал, что он «первоначальным своим развитием обязан <...> И. А. Гончарову, преподававшему ему русскую литературу» (цит. по: Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 549). Сведения эти идут, возможно, от самого Майкова, с которым Соловьев был знаком.

⁴ См.: Mazon A. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. 1912—1891. Paris, 1914. P. 340.

⁵ Об этом он писал в автобиографии (см.: Бавеский В. С. Аполлон Николаевич Майков // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 453).

⁶ О «Подснежнике» подробнее см.: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997. Т. 1. С. 612—619 (прим. А. Г. Гродецкой и В. А. Туниманова).

⁷ Сведения о датах рождения сыновей Майкова заимствованы из его формулярного списка (Российский государственный исторический архив, ф. 779, оп. 1, ед. хр. 14, л. 233).

⁸ В 1891 г. В. А. Майков служил драгоманом (т. е. переводчиком) в русском посольстве в Константинополе (см.: Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц <...> на 1891 г. СПб., 1891. Ч. 1. Стб. 272), А. А. Майков жил вместе с братом. А. Н. Майков побывал в гостях у своих сыновей в 1887 г.; 16 сентября того же года он писал А. А. Краевскому из Константинополя: «Вы, может быть, удивитесь, прочтя в начале моего письма слово: Константинополь, и у Вас возникнет вопрос, как я сюда попал? А более или менее поневоле. Второй мой сын, Владимир, нынешний год отправлен сюда в драгоман<ы> (он — ориенталист) на службу; этим я воспользовался, чтобы отправить с ним и третьего, который страдал с 12 лет — теперь ему 19 — воспалением наkostной плевы, выдержал две операции, резекцию локтя <...>; к болезни руки присоединилось еще то же самое на ноге, и вот в надежде, что теплый климат ему поможет, мы отпустили его с братом. Но как климат Константинополя сам по себе не особенно хорош, то поместились они на берегу Мраморного моря против Принцевых островов, на остром мысу. Место отменно здоровое, морской воздух, в Константинополь частые пароходы, так что устроились хорошо» (Российская национальная библиотека, ф. 73, ед. хр. 1192, л. 1 об.—2).

⁹ См.: *Ямпольский И. Г.*: 1) Неизданные стихотворения и письма А. Н. Майкова о Пушкине // *Временник Пушкинской комиссии*. 1975. Л., 1979. С. 43—44; 2) Из неизданных писем А. Н. Майкова о Достоевском // *Достоевский: Материалы и исследования*. Л., 1980. Т. 4. С. 280—281. Фрагменты из этих писем цитировались исследователем и в примечаниях к другим его публикациям.

¹⁰ В примечаниях к изд.: *Майков А. Н. Соч.*: В 2 т. М., 1984.

¹¹ Имеется в виду Екатерина Павловна Майкова (урожд. Калита; 1836—1920), с 1852 по 1866 г. жена младшего брата Майкова, Владимира Николаевича (1826—1885). В 1866 г. она порвала с мужем, бросив троих детей, ушла к разночинцу Ф. В. Любимову и уехала на Северный Кавказ. Сохранилось 10 писем Гончарова к Майковой за 1858—1869 гг. (опубл.: *Литературное наследство*. М., 2000. Т. 102. С. 378—406; публ. В. К. Лебедева и Л. Н. Морозенко); письма Майковой к Гончарову не сохранились. Подробнее см.: *Чемелен О. М.* Создание двух романов: Гончаров и шестидесятница Е. П. Майкова. М., 1966; Из неизданной книги Ф. Д. Батюшкова «Около талантов». «В семье Майковых» / Публ. П. Р. Заборова // *Русская литература*. 2000. № 3. С. 180—181.

¹² *Здесь*: в узком кругу (*лат.*)

¹³ РО ИРЛИ, № 17892а, л. 38—38 об.

¹⁴ Из неизданной книги Ф. Д. Батюшкова «Около талантов». С. 181; Валерьян Владимирович Майков скончался в 1899 г.

¹⁵ См.: *Чемелен О. М.* Создание двух романов. С. 122.

¹⁶ Имеется в виду стихотворение «На событие 17-го октября» (опубл.: *Русский вестник*. 1888. № 11. С. 1—2), посвященное спасению царской семьи при крушении императорского поезда недалеко от ст. Борки. Майков послал это стихотворение Константину Константиновичу 27 октября (см.: *К. Р.* Избранная переписка. СПб., 1999. С. 187—188).

¹⁷ В то время вел. кн. Константин Константинович был командиром роты лейб-гвардии Измайловского полка.

¹⁸ Речь идет о рукописи книги: *К. Р.* Новые стихотворения. 1886—1888. СПб., 1889. 17 ноября 1888 г. Майков писал сыновьям: «Сейчас в<еликий> к<нязь> прислал мне, при письме, собрание, для второго томика, своих стихотворений с письмом Гончарова, которому отдавал стихи прежде, и с пометками Фета, прося меня быть верховным третейским судьей над ним и их суждениями. Ужо вечером будем читать их вместе с Кутузовым <А. А. Голенищевым-Кутузовым>» (РО ИРЛИ, № 17892б, л. 57). 21 ноября Майков посетил Константина Константиновича, отдал ему рукопись и беседовал о его стихах (см.: там же, л. 60).

¹⁹ Упоминается следующий фрагмент из письма Гончарова к вел. кн. Константину Константиновичу от 12 октября 1888 г.: «Есть несколько и бессодержательных стихотворений (отмеченных мною черточкой в заглавии): как первые опыты — они очень милы, местами звучны, но при известной зрелости поэта позволительно пожелать большего веса в содержании и тщательной отделки в форме. Желательно, чтобы вместе с чувством или ощущением присутствовала душа, мысль» (цит. по: *К. Р.* Избранная переписка. С. 160—161). О своем несогласии с гончаровскими суждениями Константин Константинович писал Майкову 16 ноября 1888 г. (см.: *К. Р.* Избранная переписка. С. 188—189) и А. А. Фету 20 октября 1888 г. (там же. С. 302), а также отмечал в своем дневнике 15 октября (см.: *Загадка К. Р.*: Из днев-

ников Великого Князя К. К. Романова / Публ., вступит. статья и примеч. Э. А. Матониной // Москва. 1994. № 1. С. 172).

²⁰ Майков всегда высоко ценил поэтический вкус Тургенева: «...теперь издаю я <...> свои стихотворения, — писал он ему 8 февраля 1858 г., — ну кто бы помог выбор сделать! <...> А на кого положиться? У всякого свой конек, своя теория: подходит под нее — ладно, нет — так дрянь, и невольно чувствуешь протест в душе на эти приговоры, и чувствуешь, что положился бы только на Вас, да и Вас-то только и осмелился бы так деспотически завербовать и заставить заняться делом для Вас посторонним, делом другой личности...» (Письма А. Н. Майкова к Тургеневу / Публ. И. Г. Ямпольского // Тургенев и его современники. Л., 1977. С. 166).

²¹ Майков болезненно относился к недооценке значения своего творчества в среде литераторов; так, 19 июня 1880 г. он писал жене: «...годы, долгие годы, с Крымской войны, годы ругательств, оскорблений, умолчаний о моем существовании <...> Гонение многих этих годов не заставило меня петь под общую дудку, я не покорился и понимаю, что заслужил казнь и терплю ее. Уст своих не замарал бранью или каким бы то ни было ответом. И во всем этом совесть моя спокойна. Но во мне развилось чувство *отчуждения*. Когда нахожусь в обществе литераторов, инстинктивно чувствую, что нахожусь между врагами...» (Литературное наследство. М., 1973. Т. 86. С. 508).

²² РО ИРЛИ, № 178926, л. 44—44 об.

²³ Бибииков В. И. И. А. Гончаров // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969. С. 228.

²⁴ Сын отечества. 1891. 16 сент., № 248.

²⁵ Кроме сыновей Владимира и Аполлона, у Майкова был еще сын Николай (1853—?), в 1891 г. — инспектор Ремесленного училища Цесаревича Николая (см.: Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц <...> на 1891 г. Ч. 1. Стб. 515), а также дочь Вера, умершая в детском возрасте.

²⁶ РО ИРЛИ, № 17892г, л. 136 об.—136 <sic!>.

²⁷ Там же, л. 138 об. Имеется в виду сестра Константина Константиновича Ольга Константиновна, бывшая замужем за греческим королем Георгом I (Майков был лично с ней знаком); ее дочь Александра Георгиевна, жена вел. кн. Павла Александровича, скончалась 12 сентября 1891 г. после преждевременных родов.

²⁸ Цит. по: *Ямпольский И. Г.* Неизданные стихотворения и письма А. Н. Майкова о Пушкине. С. 43.

²⁹ Цит. по: *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада» / Изд. подгот. Т. И. Орнатская. Л., 1986. С. 687 (Лит. памятники).

³⁰ *Гончаров И. А.* Собр. соч. Т. 8. С. 222.

³¹ См.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988. С. 112—113.

³² И. А. Гончаров и И. С. Тургенев: По неизданным материалам Пушкинского Дома. Пб., 1923. С. 105; дата уточнена по автографу: РО ИРЛИ, № 10214.

³³ Встречи на лету // Петербургская газета. 1891. 19 сент., № 257.

А. Н. Майков — В. А. и А. А. Майковым

17 (29) или 18 (30) сентября 1891 г.

Сейчас мы с мамой¹ вернулись с панихиды по Гончарову, с его квартиры. Панихида в 8 ч<асов> в<ечера>.² Небольшие две низенькие комнаты были уже набиты публикой, преимущ<ественно> так называемой учащейся молодежью, обоего пола. Это меня поразило неприятно: ожидал встретить знакомых, общих с покойным, а тут — улица, мода. Я уверен, что большинство даже «Фрегата „Паллады“» в гимназии не читали. Всё так, для общего дела. Какое право она имеет врваться в дом к незнакомому человеку? Все близкие оттеснены, их не видать, да им и продвинуться в толпе некуда. Но мало-помалу я начинаю мириться с этой толпой: я очутился около кучки медицинских студентов — и, вижу, они крестят-

ся, некоторые подпевают, и крестятся при словах об упокоении души, о прощении прегрешения вольного же и невольного, о предстоянии перед Престолом Света Вечного и о Страшном Суде. Крестятся при этих словах, следов<ательно> у них есть общее со мной, не обезьяна, хотя и медики и курсистки — ну, слава Богу, мода модой, а все же и<?> образ на них Божий.

Невольного перешел к вопросу, чем я обязан Гончарову — и припомнил его уроки. Гораздо уже позже понял я то раздвоение, которое было в его понятиях о литературе, когда он нам преподавал. Это было ведь в 1834, 35, 36-м годах.³ Гончаров тогда [вышел] был питомец Пушкинской эпохи, но Пушкин еще не имел того значения в истории словесности нашей, как после смерти своей, и на кафедрах еще царили классики. Специальной обязанностью Гончарова было приготовить меня к университетскому вступительному экзамену, и потому он должен был познать меня не с текущей, пушкинской литературой и эстетикой, а с классической эпохой. Очевидно, он исполнял это как бы против себя, как бы насилуя себя, между тем на меня, я помню, те образцы, которые он читал, а мы учили наизусть, производили пленительное впечатление. У нас тогда была и хрестоматия (Греча),⁴ в которую чуть-чуть вошел Пушкин, кажется, только отрывки из «Руслана и Людмилы»,⁵ а всё были Державин, Ломоносов, Батюшков, [и их] Озеров, Мерзляков, Шаховской и пр. Первые трое мне нравились больше всего, величавостью образов, могуществом языка, шириною размаха. Узнайте-ко, чьи это стихи:

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою
Твоей державы новый год и т. д.

Уж никак не догадаетесь, что Ломоносова.⁶ Из Державина вспоминаю:

Ударь во серебряный, священный,
Далеко-звонкий, Валка, щит (Валка = Валкирия)
Да гром твой, эхом повторенный,
В жилище бардов восшумит.
Встают. Сто арф звучат струнами,
Пред ними сто дубов горят,
От чаши круговой зармят,
Седые чела в тьме блестят.⁷

Или:

С белыми Борей власами
И с седою бородой
Потряся небесами,
Облака сжимал рукою.⁸

Дальше не помню. Забирали ужасно и эти стихи:

О Росс! о род великодушный!
О твердокаменная грудь!
О исполин царю послушный!
Когда и где ты достигнуть
Не мог тебя достойной славы! и пр.⁹

Я потому все это передумал теперь, что Гончаров тогда это проходил с нами по обязанности, что в Унив<ерсите>те это будут спрашивать, сам же давно отошел et pageait en plein romantisme,¹⁰ а я в сурьоз увлекался. Вот эта хрестоматия Греча, да том стихов Батюшкова — вот мой источник.¹¹ Пушкина оценил позже, уж в Университете, и прямо Пушкина [вто<рой>] последней эпохи, а не романтической. Знаете что: это старая хрестоматия, может быть и смешна теперь, но сравнительно с теми, которые были у вас в руках, сии последние кажутся ужасно жидки! Впрочем, и там в «легком роде» ужасно много вздору, à la Карамзин стихи, особенно любовные. Женщину, как идеал — поставил Пушкин, и поставил ее выше всех европ<ейских> поэтов, — «благоговевя богомольно Перед святыней красоты»;¹² но Пушкин тогда был «текущая литература», и об ней в учебных заведениях, как и теперь, говорить и спрашивать не полагалось. Поэтому и Гончаров с нами ее не касался.

Я так привык на даче жить в самом себе, впечатлениями, которыми и наполнял свои письма к вам, что и теперь еще нахожусь в том же расположении духа, и хоть это и не особенно для вас интересно, куда ни шло, пишу вам! У меня же всегда при всякой смерти, всегда хочется свести свои счета с покойником и по возможности помянуть его добром. Да и задаю невольно вопрос всегда: не виноват ли в чем перед ним?

¹ Майкова Анна Ивановна (урожд. Штеммер; 1830—1911) — жена Майкова; их венчание состоялось 12 ноября 1852 г. в церкви Морского госпиталя.

² Панихиды на квартире Гончарова были отслужены 17 и 18 сентября (в каждый из дней — в 2 часа дня и 8 часов вечера); но на вечерней панихиде 17 сентября случилось скандальное происшествие, описанное одним из репортеров: «Вот картинка, характеризующая поклонников и поклонниц таланта, обыкновенно пристегивающих себя к ним в экстренных случаях. Вчера, вечером, у гроба почившего Гончарова, после панихиды, один из присутствовавших, убеленный сединами офицер, обратился к публике с словами: „Пред нами в гробу великий человек, девизом которого во всю его жизнь было добро. Чем же нам почтить память его, как не добрым делом. Теперь люди голодают... и если мы здесь у гроба Ив. Ал. внесем свою лепту в пользу голодающих, сделаем такое дело, которое доставило бы ему удовольствие, если бы он был жив среди нас“. При этом офицер вынул из бумажника 20 рублей. Вы думаете его примеру последовали? Как бы не так! Помилуйте, он пьян, разве можно это допускать, его нужно вывести, — раздались голоса. Однако, оказалось, что трезвого, заслуженного, увешанного боевыми отличиями полковника вывести было нельзя. На это никто не решился, но никто не решился предложить и копейки» (*Фотограф. Дневник // Сын отечества*. 1891. 18 сент., № 250). Поскольку об этом инциденте Майков в своем письме не упоминает, можно предположить, что он был на панихиде 18 сентября.

³ Неточность Майкова: знакомство Гончарова с ним состоялось в 1835 г.; в университет он поступил в 1837 г.

⁴ Имеется в виду «Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности» (СПб., 1819—1822. Ч. 1—4; далее — *Греч*). Отношение Гончарова к Гречу было неизменно скептическим. Так, в письме к М. М. Стасюлевичу от 5 ноября 1869 г. он ставит его в ряд «фальшивых или бездарных литературных авторитетов» (*Гончаров И. А. Собр. соч.* Т. 8. С. 422); подобные же отзывы см. в его письме К. Д. Кавелину от 25 марта 1874 г. (там же. С. 465) и в главе «Через двадцать лет» из «Фрегата „Пал-

лада» (Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 723). Хрестоматию Греча Гончаров упоминает в мемуарном очерке «Слуги старого века. I. Валентин» (1888), действие которого относится к первым годам пребывания писателя в Петербурге.

⁵ В третьей части указанной выше книги (СПб., 1820. С. 308—318) был напечатан фрагмент из третьей песни «Руслана и Людмилы» (со ст. 30 и до конца), а в четвертой помещена краткая биографическая справка о Пушкине (см.: Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827 / Под ред. В. Э. Вацура и С. А. Фомичева. СПб., 1996. С. 475).

⁶ Цитируются начальные строки «Оды на день восшествия на престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1748 года» (1748; Греч. Ч. 3. С. 66). Майков относился к Ломоносову с неизменным уважением; согласно семейному преданию, его дед по линии матери, купец, «был из поколения, возросшего под влиянием Ломоносова: его сочинения попались ему, они заставили молодого купчика учиться, поехать в германский университет, потом в Англию. Величество божие стал он понимать из оды Ломоносова <...>, высокое сознание себя русским, сыном страны своей — из его же од, любовь к наукам — из его же стихов...» (из письма О. Ф. Миллеру от 3 ноября 1871 г. — Майков А. Н. Письма / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 179). Ниже в том же письме он пишет про Ломоносова, что он «первый, словом увлекший к идеалу современников, пробудивший в них чувства добрые, высокие, выведший их из тьмы бессознания» (там же. С. 180). В 1865 г. Майков был одним из организаторов широко отмечавшегося Ломоносовского юбилея, прочел на нем свое стихотворение «Ломоносов» и затем опубликовал статью «Несколько слов по поводу столетней памяти Ломоносова». И роль поэта в организации юбилея, и его стихотворение были оценены современниками неоднозначно (см. прим. Л. С. Гейро в кн.: Майков А. Н. Соч. Т. 1. С. 556). Гончаров также высоко ценил Ломоносова: «...он <...> начинатель великого дела просвещения в России, <...> гений-самородок, открывший собственными силами русскому духу и уму доступ в область знания и мысли и т. д.» (Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 138).

⁷ Начальные строки оды Г. Р. Державина «На победы над французами в Италии, одержанные фельдмаршалом гр. Суворовым-Рымникским, 1799 года» (1799; см.: Греч. Ч. 3. С. 120). В молодости Гончаров высоко ценил поэзию Державина; по собственному признанию, сочинения его «он и переписывал и учил наизусть» (Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 221). В письмах же он высказывался о поэте сдержаннее. «Державина — никто теперь не читает, а в школах приводят стихи для примера, но никто не наслаждается», — писал Гончаров Е. А. и С. А. Никитенко 24 июня (6 июля) 1860 г. (Литературный архив. Л., 1951. Т. 4. С. 131). Через год он в письме к неустановленному лицу от 11 ноября 1861 г. утверждал, что «Державин был поэт с огромным талантом, но новых и сильных элементов в литературу не внес и <...> жизни <...> в ней не возбудил...» (Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 356—357). Прочитыванное четверостишие с его ритмическим разбором записано на полях ученической тетради Майкова (РО ИРЛИ, № 17307, л. 21 об.).

⁸ Начальные строки «Стихов на рождение в Севере порфирородного отрока...» (1779; см.: Греч. Ч. 3. С. 130). Эти строки Державина Гончаров перифразировал в письме к А. В. Никитенко от 5 (17) июня 1869 г. («Дует такой ветер, что... если это бореи, с белыми власами, то он выходит подлец, несмотря на свои седьны». — Русская старина. 1914. № 4. С. 53) и цитировал в письме к А. Ф. Коню от 5 апреля 1887 г. (см.: Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 503).

⁹ Начальные строки второй строфы «Песни лирической россу по взятии Измаила» (1791; см.: Греч. Ч. 3. С. 98).

¹⁰ и купался в романтизме (франц.).

¹¹ Ранее в письме к брату поэта П. Н. Батюшкову Майков писал: «Сочинения Константина Николаевича Батюшкова для меня особенно дороги: я помню, что в юношестве моем, когда я начал писать стихи, его произведения <...> имели главное и решающее влияние на образование моего слуха и стиха. Пушкинское влияние уже легло на эту почву» (Русская старина. 1887. № 11. С. 561).

¹² Заключительные строки пушкинского стихотворения «Красавица» (1832; опубл. 1834). В письме вел. кн. Константины Константиновны от 10 ноября 1889 г. Майков привел эти стихи как образец «красоты русского стиха» (см.: К. Р. Избранная переписка. С. 195). Характерно, что другую строку из этого же стихотворения («...выше мира и страстей...») цитирует и Гончаров, характеризует в «Обрыве» (ч. I, гл. IV) холодную светскую красавицу.

ПИСЬМА Ф. СОЛОГУБА К О. К. ТЕТЕРНИКОВОЙ

Публикация Т. В. Мисникевич

Личность младшей сестры Федора Сологуба, Ольги Кузьминичны Тетерниковой, до сих пор остается практически вне поля зрения исследователей жизни и творчества писателя; в воспоминаниях современников о Сологубе ей отводится всего несколько строк.¹ Сологуб сам отметил в Предисловии к третьему изданию романа «Тяжелые сны» (сентябрь 1908 г.): «Милая спутница, изнемогая в томлениях суровой жизни, погибнет, и кто оценит ее тихую жертву? Посвящаю книгу ей, но имени ее не назову».² Сологуб открыто говорил о своем жизненном и творческом единстве с женой, Анастасией Николаевной Чеботаревской (1876—1921),³ но, безусловно, писатель и его сестра были связаны не менее сильно. После смерти Ольги Кузьминичны Сологуб писал приятельнице покойной, М. Н. Карвовской: «Вы не можете знать, как велика моя потеря, как мне тяжело и пустынно. <...> С сестрой связана вся моя жизнь и теперь я словно рассыпался и взвевлся в воздух. Живу внешне как всегда, и пишу, но как-то мне дико, что умер не я».⁴

Ольга Кузьминична Тетерникова родилась 11 (24) июня 1865 г. в Петербурге.⁵ Как и брата, ее крестила Галина Ивановна Агапова, в семье которой на месте «одной прислуги» жила их мать, Татьяна Семеновна Тетерникова (1832—1894), но, по-видимому, особого интереса и внимания к Ольге «господа» не проявляли.⁶ Она училась и жила в ремесленном приюте у Московской заставы, приходила домой только по выходным и на праздники. Тем не менее определенное культурное влияние семья, где интересовались литературой, музыкой, театром, оказала и на Ольгу.

В 1882 г. Ольга Кузьминична вместе с матерью последовала за братом в г. Крестцы Новгородской губернии: после окончания Учительского института он получил там место учителя математики в городском училище. В 1884 г. она дважды (в начале и в конце года) пыталась устроиться в Петербурге. Причиной ее отъезда из Крестцов, помимо стремления к образованию и самостоятельной жизни, возможно, явилась тяжелая семейная обстановка, вызванная деспотичным характером матери. «Как скоро обнаружился характер, два месяца жизни с родными детьми, — писала еще в ноябре 1882 г. Г. И. Агапова в ответ на письмо Сологуба о том, как устраивается их жизнь на новом месте, — я знала, что предстоит вам много горя с ней <...> Ты теперь, мой друг, человек самостоятельный, старайся ей выставить все недостатки ее характера и прямо скажи, если будет продолжаться, то тебя ненадолго хватит <...> я боюсь за мою милую дорогую Олю, жизнь с таким характером постоянно может ожесточить и ее, такие характера вредно действуют на молодых и неопытных».⁷

Из писем Ольги Кузьминичны, поступившей в Петербурге мастерицей к портнихе, видно, как трудно ей приходилось вдали от близких: «Хочу учиться в бабки, да обратиться за советом не к кому»; «Мастерицы как собаки или уж я не знаю, с чем их сравнить, мне ужасно не нравятся, весь день говорят такие гадости, что просто слушать противно, и я так рада, что я совсем на них не похожа. Как немного пристроюсь тут, тогда схожу к Бороздиным⁸ и достану программу и книг себе, буду по вечерам читать, когда все разбегутся».⁹

Девятнадцатилетней Ольге Тетерниковой был явно чужд мир, с которым она была тесно связана по своему социальному положению и происхождению. При этом сформировавшееся в детстве у Сологуба представление: «Господа — не люди»¹⁰ стало столь же близким его сестре. Вот как, например, описывает Ольга Кузьминична свой визит в семью жены Михаила Михайловича Агапова, Марии Евгеньевны, урожденной Баумгартен, помогавшей ей устроиться в Петербурге: «Марья Евгеньевна назвала меня гордой и солидной дамой, Софья и все прочие и не узнали, так представились, что они меня никогда и не знали, и все за то, что я у них не поцеловала ручек, да когда они меня послали было на кухню поесть пирога постного, то я им сказала, что я пришла не голодная да и не есть пирог, а узнать об месте <...> все там скоты страшные, я к ним теперь и не хожу, а когда я собралась к отцу,¹¹ то они мне вздумали давать 20 <копеек> на дилижанс, я денег не взяла и сказала, что к отцу сходить у меня найдутся деньги, а если их нет, то я и пешком бы дошла, да мне теперь времени нет...».¹²

Чувство уязвленного самолюбия, мнительность, обидчивость, свойственные Федору Сологубу, в не меньшей степени проявлялись у Ольги Кузьминичны. Она всячески пыталась оградить себя от «мира чахлой нищеты», нередко становилась заносчивой и нетерпимой по отношению к окружающим. Так, впоследствии, уже во время обучения в Повивальном институте, она писала о своих сокурсницах: «<...> есть очень смешные: вруньи, хвастуны размалеванные и разные и даже три жидовки, одна сидит за мною и все дышит на меня чесноком».¹³

В конце февраля 1885 г. Ольга Кузьминична вернулась в Крестцы, решить вопрос с поступлением на курсы не удалось. 5 февраля 1885 г. она писала брату: «Достала программу Родовспомогательного заведения. Чтобы поступить на казенный счет и выучиться в сельские бабки надо внести 100 руб<лей>, вольнослушающей — учиться 2 года и заплатить по 35 руб<лей>».¹⁴ Предоставить возможность сестре учиться и жить в Петербурге Сологуб смог гораздо позже: в августе 1891 г. она поступила вольнослушающей в Повивальный институт. До переезда Сологуба в Петербург Ольга Кузьминична часто писала ему в Вытегру, где с осени 1889 г. Сологуб служил учителем приготовительного класса Вытегорской учительской семинарии. Письма и посылки сестры, в числе других немногочисленных корреспонденций, были для него очень важны в условиях однообразной обстановки глухого провинциального городка. Вероятно, в то время им написано стихотворение:

В почтовый день с томительной тревогой
Я почтальона жду и жду,
Развлечься не могу работой строгой,
И нет-нет, все к окошку подойду.

Листов газеты, нового журнала
Иль дружного, желанного письма,
Всего, чего душа моя алкала
Для угнетенного ума,

Я жду с таким ревнивым нетерпеньем,
Как никогда красавец молодой,
Охвачен страстным вождельнем,
Не ждал подруги в час ночной.¹⁵

В мае 1893 г. Ольга Кузьминична сдала выпускные экзамены и получила свидетельство конференции Императорской Военно-медицинской академии на звание повивальной бабки.¹⁶ В этом же году она продолжила образование в Суворовском училище при Калинкинской больнице, где проучилась два года.¹⁷ И к учебе, и к последующей практике Ольга Кузьминична относилась очень ответственно, постоянно вела дневниковые записи о своих пациентах.¹⁸ В библиотеке Сологуба сохранилось много книг по акушерству, гинекологии и массажу, принадлежавших, по-видимому, его сестре.¹⁹

Осенью 1894 г. скончалась Татьяна Семеновна, и Ольга Кузьминична стала полноправной хозяйкой в доме брата. «Квартира Сологуба вонистину была прекрасна, ибо вся гармонична, — вспоминала Зинаида Гиппиус. — Он жил с сестрой, пожилой девушкой, тихой, скромной, худенькой. Сразу было видно, что они очень любят друг друга. Когда собрались гости (Сологуба уже знали тогда) — так заботливо приготовила чай тихая сестра на тоненьком столе, и салфеточки были такие белые, блестящие, в кольце света висячей керосиновой лампы. Точно и везде все было белое: стены, тюль на окнах... Но разноцветные теплились перед образами, в каждой комнате, лампадки: в одной розовая, в другой изумрудная, в третьей, в углу, темно-пурпуровый дышал огонек. Сестра, тихая, нисколько не дичилась новых людей — литераторов. Она умела приветливо молчать и приветливо и просто говорить. Я еще как будто вижу ее, тонкую, в черном платье, часто кашляющую...».²⁰

Отношения Сологуба с сестрой не все воспринимали в русле патриархальной идиллии. В окололитературной среде распространялись ничем не подтвержденные слухи об их кровосмесительной связи, поводом для которых послужили уединенная жизнь писателя и его сестры, а также присутствие в творчестве Сологуба темы incesta.²¹ В опровержение этих слухов Иванов-Разумник писал Е. П. Иванову 22 апреля 1941 г.: «Давным-давно знаю эту сплетню, относился к ней равнодушно (мне какое дело?), пусть даже и правда; но лишь в этом году, прочитав обширный дневник Ф<едора> К<узьмича> эпохи 1877—1898 гг., убедился в полной вздорности этой сплетни про Ольгу (а не Елизавету) Кузьминичну и ее брата».²² Несомненно, Ольга Кузьминична знала о своеобразии психофизической жизни брата, в ее письмах из Петербурга периодически затрагивалась тема «порки»: «Пиши, секли ли тебя и сколько раз»; «Ты пишешь, что маменька тебя часто сечет, но ты сам знаешь, что тебе это полезно, а когда тебя долго не наказывают розгами, ты бываешь раздражителен, и голова болит»; «Маменька тебя высекла за дело, жаль тебя, что так больно досталось, да это ничего, тебе только польза»; «Маменька хорошо делает, что часто тебя сечет розгами, польза, даже и для здоровья».²³ После смерти матери Ольга Кузьминична волею судьбы оказалась в роли «женщины-палача».²⁴ В «Канве к биографии» Сологуба имеется запись: «1894—1907. Сестра. Секла дома, в дворничкой, в участке»,²⁵ с которой соотносятся некоторые стихотворения цикла «Из дневника», например, датированное 26 мая 1904 г.:

«Что топорщишься, как гоголь!
Не достать тебя рукой!
А скажи, вчера не строго ль
Обошлася я с тобой?»

Вишь, инспектор, важный барин! —
Раскричалась сестра, —
А давно ли был отжарен
Розгачами ты? Вчера?

Дома ходишь босошлепом, —
Для смиренья так велью, —
А забылся, — по Европам
Розгами сейчас пошло.

Я тебе теперь за дело
Пропишу и ой и ай!
Раздевайся-ка да тело
Мне под розги подставляй!»

На колени положила,
Розги крепкие взяла,
И бранила, и стыдила,
Сорок розог мне дала.

И в одной из кар домашних
Мне опять пришлось реветь,
А на ссадинах вчерашних
Новая чертилась сеть.²⁶

Болезнь сестры стала для Сологуба тяжелым ударом. Летом 1906 г. он возил Ольгу Кузьминичну (она страдала наследственной чахоткой) в поселок Шафраново Уфимской губернии на лечение кумысом. По-видимому, и после лечения болезнь продолжала прогрессировать, предчувствие близкой потери Сологуб с горечью выразил в поэтических строках:

Нет, умираем, плача тайно,
Сестра и я.

(«Мы были праздничные дети...», 30 августа 1906 г.).

Кто-то шепчет у окна,
Точно ветки шелестят:
«Тяжело мне. Я больна.
Помогн мне, милый брат».

(«Тихая колыбельная» («Много бегал мальчик мой...»), 19 октября 1906 г.).²⁷

Весной 1907 г. Сологуб перевез умирающую сестру на дачу в Райвола, постоянно заботился о ней, вел дневник записей температуры.²⁸ После ее кончины Сологуб писал: «Она умерла от процесса в правом легком. Процесс в горле был сравнительно невелик, и пока непосредственно не опасен, хотя очень мучителен; по-видимому, состояние гортани стало даже улучшаться. В последнее время ей все более становилась отвратительна всякая пища, и даже запах пищи; все труднее, мучительнее и противнее было есть <...>, поэтому силы падали. <...> Процесс в легком вызвал плеврит с мучительными болями. Учащались припадки удушья. Пришлось прибегать к морфию».²⁹ «Тихая сестра» находила в себе силы писать брату трогатель-

ные записки: «Милый мой добрый Федя, прости, что я тебя вчера огорчила, поверь, что мне нездоровится еще, вот немного оправлюсь и тогда не буду нервничать. <...> Сегодня много пришлось говорить, так очень устала и даже как-то озябла, верно, после аспирина, да и ветер сегодня очень холодный. <...> Любящая тебя всей душой сестра О.»³⁰

Ольга Кузьминична скончалась 28 июня (11 июля) 1907 г., была похоронена на Смоленском кладбище, вероятно, рядом с отцом и матерью.³¹ Потрясенный смертью сестры, Сологуб писал В. Я. Брюсову 8 июля 1907 г.: «Смерть моей сестры для меня великая печаль, не хотящая знать утешения. Мы прожили всю жизнь вместе, дружно, и теперь я чувствую себя так, как будто все мои соответствия с внешним миром умерли, и весь мир на меня, и все люди меня ненавидят».³² В приближении второй половины годовщины смерти Ольги Кузьминичны Сологубом было написано стихотворение:

Был глаз чудовища нелеп, —
Костер у берега морского, —
И было небо точно склеп
В дому художника седого.

И кто мечтал на берегу,
Огнем и пеплом зачарован,
Тот был опять в немом кругу,
В ночном кругу опять закован.

Над золотым огнем костра,
Ответом робкому вопросу,
Я видел, милая сестра,
Твою взметнувшую косу.

Блеснув унынью моему
Мгновенно ясною улыбкой,
Ты убежала снова в тьму,
Как будто ты была ошибкой,

Как будто здесь на берегу
Не надо яркого мельканья,
Ни огневого полыханья,
Ни смеха в пламенном кругу.

23—24 июня 1909 г.³³

Наиболее близкие и дорогие Сологубу черты Ольги Кузьминичны — кротость, смирение и в то же время гордость, стремление «творить жизнь», воплотились в образах героинь его произведений, прежде всего Ирины (стихотворение «Ирина» («Помнишь ты, Ирина, осень...») 1—22 октября 1891 г. и рассказ «Помнишь, не забудешь»)³⁴ В архиве Сологуба сохранился недатированный набросок «Моя маленькая сестра. Рассказ умирающего брата»: «Девочка слабая, больная, экзальтированная, напоминающая Елизавету Кульман: поэтическая мечтательница, страстная и сосредоточенная в себе, все мечтает о прекрасных странах. Мать — бедная прачка, женщина озлобленная и надломленная, суровая и раздражительная, несчастная и истерзанная». Девочка играет с богатыми детьми. Они пускают ее в комнаты. Она

наслышалась от них (тоже брат и сестра) разных рассказов о далеких, прекрасных странах. Работа фантазии. <...> Девочка умирает на руках брата...»³⁵ Елизавета Кульман (1808—1825), с которой сравнивается героиня неосуществленного произведения, — поэтесса и переводчица. Она обладала исключительными способностями к языкам: знала одиннадцать, говорила на восьми. В детстве испытала сильную нужду (отец Кульман умер молодым, оставив вдову и восьмерых детей), впоследствии семья Кульман переехала в дом священника Горного корпуса П. А. Абрамова, здесь Кульман попала в общество директора Горного корпуса П. И. Медера и его дочерей, слушала лекции, много читала. Биографы Кульман отмечали ее душевное благородство, скромность, доброту, необходимую волю к достижению намеченной цели. В ноябре 1824 г. Кульман простудилась, долго болела и умерла от чахотки. В судьбе поэтессы прослеживаются явные параллели с судьбой сестры и брата Тетерниковых.

Памяти Ольги Кузьминичны Сологуб посвятил сборник «Пламенный круг», драму «Победа смерти», роман «Тяжелые сны» в издании 1908 г.

По воспоминаниям О. Н. Черносвитовой, незадолго до смерти Сологуб видел сон об ушедших дорогих для него женщинах — жене, сестре и матери: «Теперь я спокоен, я знаю, что уж недолго. Ночью видел всех трех сразу и такие добрые, ласковые, сказали, что ждут меня».³⁶

В состав настоящей публикации входят 30 писем Сологуба О. К. Тетерниковой: небольшая записка, переданная четырнадцатилетним Федором Тетерниковым сестре в ремесленный приют, и письма из Вытегры в Петербург 1891—1892 гг.

Тексты писем воспроизводятся по автографам (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 2, № 36). Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современной нормой.

Фрагменты писем Сологуба к О. К. Тетерниковой были опубликованы и отрецензированы К. М. Азадовским в составе его публикации «Федор Сологуб в Вытегре (Записи В. П. Абрамовой-Калицкой)» (Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 261—289).

¹ См., например: *Андрей Белый*. Начало века. М., 1990. С. 486; *Добужинский М. В.* Встречи с писателями и поэтами // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 359; *Тэффи Н. А.* Федор Сологуб // Там же. М., 1993. С. 81, 83; *Чулков Г. И.* Годы странствий: Из книги воспоминаний. М., 1930. С. 146; *Конст. Эрберг (К. А. Соинерберг)*. Воспоминания // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 138.

² *Сологуб Ф.* Тяжелые сны. Л., 1990. С. 18.

³ См. вступительную статью Ф. Сологуба об А. Н. Чеботаревской в кн.: Женщина накануне революции 1789 года. Пг., 1922. С. 15—17; см. также: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступит. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 290—384.

⁴ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 2, № 45. В. Я. Брюсов писал Сологубу 5 июля 1907 г.: «Дорогой Федор Кузьмич! Меня очень поразило неожиданно Ваше сообщение о смерти Вашей сестры. Я знал ее мало, но так привык соединять Ваш образ с ее образом, что испытываю как бы потерю давно и хорошо знакомого человека» (Брюсов В. Я. Письма к Ф. Сологубу / Публ. В. Н. Орлова и И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974. С. 108).

⁵ Биографические сведения об О. К. Тетерниковой см. также: *Черносвитова О. Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба / Вступит. статья, публ. и коммент. М. М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 232—234. См. также письма О. К. Тетерниковой к Ф. Сологубу за 1877—1907 гг. в РО ИРЛИ (ф. 289, оп. 3, № 934).

⁶ См., например, «Шутивный проект просьбы для няни Лининой, Татьяны», написанный мужем младшей дочери Г. И. Агаповой, Галины, Ф. А. Витбергом: «Понравился господам мой сынишка: он и вправду такой беленкий да курчавень-

кий, словно не простого мещанина он сын, а какого ни на есть знатного барина. И умом, и проворством его Бог не обидел. Господа и полубожили его, и все то он с ними, все в комнатах барских» (РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 4, № 6). Ольга в этой связи в данном тексте нигде не упоминается.

⁷ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 907, л. 18—19 об.

⁸ Бороздины — родственники Григория Осиповича Бороздина, мужа рано умершей старшей дочери Г. И. Агаповой, Антонины. Его сестра, Прасковья Осиповна, была врачом по женским и детским болезням, ее муж, Евгений Львович Розенштейн, — лекарем.

⁹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 934, л. 10, 11 об. Возможно, впечатления и рассказы сестры о работе в швейных мастерских, нашли отражение в рассказе Сологуба «Белая собака». Ср.: «Так все опостыло в этой мастерской губернского захолустного города, — эти выкройки, и стук машинок, и капризы заказчиц, — в этой мастерской, где Александра Ивановна и училась, и уж столько лет работала закройщицею. Все раздражало Александру Ивановну, ко всем она придиралась, бранила безответных учениц, напала и на Танечку, младшую из мастериц, вчерашнюю здешнюю же ученицу. Танечка сначала отмалчивалась, потом вежливым голосом и так спокойно, что все, кроме Александры Ивановны, засмеялись, сказала: „Вы, Александра Ивановна, сушая собаку!“» (Сологуб Ф. Собр. соч.: В 20 т. СПб.: Сирин, 1914. Т. 7: Дни печали. С. 157).

¹⁰ Сологуб Ф. Канва к биографии // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 250.

¹¹ К. А. Тетерников был похоронен на Смоленском кладбище.

¹² РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 934, л. 14 об.—15.

¹³ Там же, л. 46.

¹⁴ Там же, л. 29.

¹⁵ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 2, л. 247. О роли вытегорского периода в творческой биографии Сологуба см. во вступительной статье К. М. Азадовского к его публикации «Федор Сологуб в Вытегре (Записи В. П. Абрамовой-Калицкой)» (Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 261—267).

¹⁶ См.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 66, л. 12.

¹⁷ См.: Там же, л. 22.

¹⁸ См.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 67.

¹⁹ См.: Шаталина Н. Н. Библиотека Ф. Сологуба. Материалы к описанию // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 438—451.

²⁰ Гиптус З. Н. Отрывочное (О Сологубе) // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 97. См. также: Добужинский М. В. Встречи с писателями и поэтами. С. 359; Чулков Г. И. Годы странствий. С. 146.

²¹ См.: Павлова М. М. Из творческой предыстории «Мелкого беса» (Алголагнический роман Федора Сологуба) // De visu. 1993. № 9. С. 38. Дж. Меррил в статье «Тайное признание в инцесте в драме Сологуба „Победа смерти“» (Русская литература. 2000. № 2. С. 138—145) делает заключение, что Сологуб воспринимал свои отношения с сестрой как инцестуальные.

²² Собр. М. С. Лесмана.

²³ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 934, л. 13 об., 59 об., 62 об., 123 об.

²⁴ См.: Павлова М. М. Из творческой предыстории «Мелкого беса». С. 37.

²⁵ Сологуб Ф. Канва к биографии. С. 256.

²⁶ Сологуб Ф. Цикл «Из дневника» / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 г. СПб., 1993. С. 153.

²⁷ Сологуб Ф. Стихотворения. Л., 1979. С. 335, 336.

²⁸ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 68.

²⁹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 2, № 45. См. также: Чулков Г. И. Годы странствий. С. 149.

³⁰ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 934, л. 155—156.

³¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 66, л. 35.

³² Цитируется по: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская. С. 292.

³³ Сологуб Ф. Собр. соч.: В 20 томах. СПб., 1915. Т. 9. С. 211.

³⁴ Ср.: Федор Сологуб в Вытегре (Записи В. П. Абрамовой-Калицкой) / Вступит. статья, публ. и коммент. К. М. Азадовского // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 278—279.

³⁵ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539, л. 150—151.

³⁶ Неизданный Федор Сологуб. С. 242.

15 (27) мая 1877 г.

15 мая 1877 г.

Милая Оля!

Извини, пожалуйста, что я забыл прислать тебе в прошлое воскресенье Историю Рождественского.¹ Посылаю ее тебе теперь с мамой. Если тебе нужна какая-нибудь книга, скажи маме или напиши мне. Прощай.

Любящий тебя брат Тетерников.

¹ *Рождественский Сергей Егорович* (1834—1891) — писатель, составитель учебников «Отечественная история. Курс средних учебных заведений» (Вып. 1—2. СПб., 1869—1870), «Отечественная история в рассказах. Для народных и низших школ и вообще для детей старшего возраста» (СПб., 1873) и др.

1 (13) сентября 1891 г.

1 сентября 1891 г.

Вытегра.

Милая Оля!

Мы с мамой были очень рады, получив твое письмо. Оказывается, что ты доехала почти благополучно, а у нас в Вытегре говорили, что от Вознесенья по Свири вниз нет парохода и что тебе придется там ждать или ехать на буксирных. На каком же пароходе, однако, ты ехала, и пришлось ли ждать у Вознесенья?¹ — Надеемся, что дела твои устроятся благополучно. Мы здоровы, и никаких особенных происшествий у нас не случается пока. Интересно знать еще, не отличился ли еще чем-нибудь трешкоут.² Как тебе было ехать на нем, удобно ли? Марья Матвеевна³ уверяла, что в каюте непременно много блох и очень сыро; правда ли? Прошла ли твоя голова, или все еще кружится от Ладожской качки? Впрочем, ты получишь это письмо уже через целый десяток дней после приезда в Петербург. Вообще, пиши нам как можно больше и подробнее о том, как ты живешь и что подделываешь, а мы с мамой будем читать и воображать, что это мы у тебя в гостях. — Дела наши идут пока хорошо. Ссудо-сберегательная касса устраивается помаленьку.⁴ Было три собрания в зале семинарии: 25 и 29 августа и сегодня. Сегодня было последнее совещание, окончили рассмотрение устава, в котором многое изменили, и решили просить об утверждении, что поручили Маккавееву.⁵ Председателем был на всех собраниях, конечно, Маккавеев, а я — секретарем. В первый раз собралось 25 человек, во второй — 15, а в третий — 11. Членов у нас теперь 31 — пристал вновь Иван Александрович Копытов,⁶ на которого я уж и не рассчитывал. Да и кроме этих будет еще много

сельских учителей. — Мама клянется тебе, целует тебя и желает тебе всяких успехов. То же самое делаю и я. С нетерпением ждем твоего субботнего обещанного письма. Пиши, нужны ли деньги и сколько.

Любящий тебя брат Федор Тетерников.⁷

¹ Вознесенье — село Вытегорского уезда, пристань на берегу Онежского озера. 31 августа 1891 г. «Олонецкие губернские ведомости» сообщали: «Вследствие мелководья на реке Свири, расписание рейсов изменилось: пароходное сообщение со столицей будет продолжаться, но с пересадкой — как нам передавали — в Вознесенье и Лодейном Поле» (№ 67. С. 684).

² Трешкоут (гол. *trekschuit*) — небольшое деревянное беспалубное речное судно.

³ М. М. Заякина. См. примеч. 10 к п. 3.

⁴ К организации ссудо-сберегательной кассы, как к одному из общественных начинаний в Вытегре, Сологуб отнесся с большим вниманием. 8 октября 1891 г. он писал В. А. Латышеву: «Многоуважаемый Василий Алексеевич! Со времени моего последнего письма к Вам удалось привести к благополучному разрешению (да и то не вполне) только одно из предложений, а именно устройство ссудо-сберегательной кассы: на днях проект выработанного нами устава был отправлен в Петербург на утверждение. Оказалось, что легкость привлечения членов к новому для нас делу в значительной степени зависела от участия в нем директора: многие примкнули, только глядя на него. Набралось пока желающих участвовать в кассе человек 30; из служащих в Вытегре учителей не желающих участвовать в кассе вовсе не оказалось, присоединились и некоторые сельские учителя; из их среды, судя по отзывам их товарищей, найдется много участников. Дело сделалось сравнительно скоро: мы с Заякиным составили проект устава, по образцу существующих, и этот проект был принят за основу суждений; собирались в зале семинарии 3 раза, отнеслись к делу очень внимательно и обсуждали встретившиеся вопросы, к моему удивлению, весьма дельно, так что проект подвергся значительной переработке, и эта перделка послужила к значительному улучшению проекта. К сожалению, внимание нашей публики очень скоро утомляется: на первом собрании было человек 25, на 2-м — 15, а на третьем — только 10, несмотря на то, что собирались по воскресеньям, днем, и на эти дни приходилось довольно хорошая погода» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 2, № 30, л. 29—30). Данный сюжет нашел отражение в романе Сологуба «Тяжелые сны» (см. главы 2 и 9).

⁵ *Маккаев Митрофан Егорович* — директор Вытегорской учительской семинарии с июля 1889 г. до ее закрытия в 1894 г.

⁶ *Копытов Иван Александрович* — учитель рисования, черчения и чистописания Вытегорской учительской семинарии. В черновых бумагах Сологуба сохранилась запись о нем: «Копытов. Как странно у них всех бросается в глаза недоброжелательство! Они все как бы рады чужому несчастью и спешат наброситься на него, как вороны на падаль. Даже такой пустяк, как невыдача мне жалованья Мак<каевым> в авг<усте> <18>92 г. заставила Копытова внимательно всматриваться в меня, чтобы уловить, как на меня это подействовало» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539а, л. 80).

⁷ Далее зачеркнуто: Вчера мама очень больно высекла меня преотличными розгами.

3

10 (22) сентября 1891 г.

10 сентября 1891 г.
Вытегра.

Милый друг Оля!

С тех пор как мы получили твое письмо от 31 августа, к нам не приходило твоих писем. А мы ждем их с самым горячим нетер-

пением; пиши нам, как идут твои дела, твои занятия, как ты живешь, здорова ли, и, одним словом, все нас интересует. — Мы на прошлой неделе в среду давали обед уезжающему Дурново¹ (ты уж знаешь, кажется, что он переведен в Ковно начальником округа). Были только немногие из его ближайших знакомых; инженеров не было. Были: о. Павел Ив<анович> Соколов,² Ахутин,³ Костин,⁴ Копытов и я — из семинарии; затем Андреев,⁵ Пацановский⁶ (наш сосед), Воробьев-старший⁷ и еще несколько, всего 13 человек, кроме самого Дурново. Обед был в зале инженерного клуба. Дурново был очень любезен и оживлен; вообще он очень рад и сияет от своего перевода, почти так же, как и сиял наш Дворянский.⁸ На обеде были прочитаны мои стихи, по моей просьбе, Ахутиным.⁹ Стихи всем понравились и очень польстили самого Дурново. Теперь Дурново уже уехал и в настоящее время находится, должно быть, в Петербурге. Жена его уехала позже. Вещи почти все распроданы, также и товары, запасенные ими на зиму. — В пятницу мы с мамой были на именинах Заякина,¹⁰ но сидели только до 10 часов: родитель дольше не захотел сидеть, а с нею ушел и я. В воскресенье вечером Заякины¹¹ были у нас с Костиным и Смеловым.¹² Так как у нас не нашлось закусок, то Марья Матвеевна сама сходила к Пудровой¹³ за селедкой. Играли в шахматы,¹⁴ мама легла спать, а вслед за нею и Мар<ья> Матв<еевна> заснула на диване. Ушли в 12-м часу. Вот как мы проводим время иногда, чаще же сидим дома. — Кстати, о гостях и о пр<очих>: А. В. Дурново просил передать тебе почтение, что я забыл сделать в прошлом письме. — Устав нашей ссудо-сберегательной кассы переписывается теперь на бело для отсылки министру; этою работою занимается Ельцов.¹⁵ — Дроздов¹⁶ просил у меня твой адрес: Оттилия Робертовна¹⁷ едет в Петербург (и уж, кажется, уехала) и желает тебя посетить; должно быть...¹⁸

¹ Дурново Александр Владимирович (ум. 1915) — помощник начальника Вытегорского округа путей сообщения. Сологуб переписывался с ним в 1891—1897 гг. (сохранились письма А. В. Дурново — РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 247), посылал ему свои произведения. 1 ноября 1896 г. А. В. Дурново писал Сологубу из Ковно: «Многоуважаемый Федор Кузьмич. Получил Ваши „Тени“ и приношу Вам искреннюю признательность за внимание. Что руководит Вами в выборе сюжетов для рассказов? Рассказы, на мой взгляд, написаны хорошо, но сюжеты так мрачны, что, невольно, производят неудовлетворительное впечатление. Конечно, вечное сияние приторно, но и постоянный мрак в нашу эпоху издерганных нервов не может доставить нравственного успокоения и потому вредит эстетическому впечатлению. Ваши „Тяжелые сны“ вызвали слишком много порицаний, и гг. критики набросились на роман, кажется, главным образом вследствие глухости нынешней литературной поры и недостатка предметов для хлестких разборов» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 247, л. 8—9).

² Соколов Павел Иванович — священник, законоучитель Вытегорской учительской семинарии, с сентября 1893 г. смотритель духовного училища в г. Порхове Псковской губернии. По отзывам сослуживцев, отличался честностью и принципиальностью. Например, А. Г. Костин писал Сологубу 23 сентября 1892 г.: «К нашему огорчению, у нас все по-старому, те же надутое чванство, грубость, антипедагогические выходки со стороны начальства <...> и в довершение всего этого, к стыду нашему, полнейшее отсутствие желания с нашей стороны бороться с этим. Исключение составляет, впрочем, о. Павел, который, мне кажется, при удобном случае, насколько достанет сил и умения, пожалуй, и поборется!» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3,

№ 917). В архиве Сологуба сохранились шуточные стихотворения, обращенные к о. Павлу, например:

Привычек прежних не оставил
Отец непримиримый Павел:
О чем бы речь не завелась, —
Готов он спорить целый час...

(РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 10, л. 46 об.), а также 15 писем П. И. Соколова к Сологубу за 1893—1898 гг. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 933), судя по которым о. Павел навещал писателя во время своих приездов в Петербург, приглашал его с Ольгой Кузьминичной на лето в Порхов, был знаком с произведениями Сологуба. Отношения с семьей Тетерниковых у о. Павла были очень теплые, 12 августа 1893 г. он писал Сологубу: «Добрейший Федор Кузьмич! Вы, Ольга Кузьминична и Татьяна Семеновна были для меня среди петербургской пустыни единственными лицами, которые оживляли меня, заставляли забывать меня мое одиночество. Самыми лучшими часами за все время пребывания моего в Петербурге были часы, которые я проводил в Вашей квартире. Вы были для меня всегда, как родные» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 933, л. 2). См. также: Федор Сологуб в Вытегре. С. 275.

³ Ахутин Никифор Иванович — соученик Сологуба по Учительскому институту, в 1883—1884 гг. сверхштатный учитель городского училища при Санкт-Петербургском учительском институте, учитель русского языка Вытегорской учительской семинарии, впоследствии был переведен в Череповецкую учительскую семинарию, с 1908 г. постоянно жил в Петербурге. Был с Сологубом в дружеских отношениях, до 1914 г. они переписывались (сохранилось 10 писем Н. И. Ахутина к Сологубу — РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 41). В бумагах Сологуба имеется характеристика Ахутина: «Привычки: торжественно ковырять нос, тыкать пальцем в собеседника, почесывать в затылке, делая гримасу, произносить: „хе-хе-хе“ раньше своего смешного рассказа. Человек, желающий взять все проценты с своих хороших качеств и всем своим говорящий о том, что он очень хорош. Голова вверх — вид деревянного человека. Самоуверенность непоколебимая. Привычка косить глазами в раздражение К<арлу> К<арловичу> С<ент>-И<леру>, особенно когда снимает очки. Некоторые привычки порядочности: не надоедает расспросами, но не всегда, однако. Хитер, из породы „себе на уме“, но недалек» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539, л. 232). О К. К. Сент-Илере см. прим. 6 к п. 8.

⁴ Костин Александр Герасимович — учитель приготовительных классов Вытегорской учительской семинарии. Сохранилось 10 писем А. Г. Костина к Сологубу за 1892—1893 гг. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 917).

⁵ Андреев Иван Никитич — гласный Вытегорской городской думы, мировой судья.

⁶ Пацановский Цезарь Александрович — правитель канцелярии Вытегорского округа путей сообщения.

⁷ Вероятно, Михаил Федорович Воробьев — гласный Вытегорской городской думы, почетный мировой судья, член попечительского совета женской прогимназии.

⁸ Дворянский Петр Иванович — преподаватель естествознания Вытегорской учительской семинарии, председатель педагогического совета женской прогимназии, казначей городского благотворительного общества, впоследствии инспектор народных училищ 1-го района Новгородской губернии.

⁹ Имеется в виду стихотворение, датированное 1 сентября 1891 г.:

СОНЕТ

Ал<ексан>дру Влад<имировичу> Дурново

В пустынных небесах скитался комета,
Везде встречая мрак и холод гробовой,
Но солнце встретило ее потоком света,
И вспыхнула она красивою звездой.

Вы озарили путь безвестного поэта
Речами теплыми, отзывчивой душой.
И робкие стихи в созвучие сонета,
Звеня в его душе, сбегаются толпой.

Комета бедная, по небесам блуждая,
О солнце ласковом с тоскою вспоминая,
Свиданья нового с светилом жарким ждет.

А я утешуся отрадною мечтою,
Что Ваш приветный взор порою упадет
На стих, начертанный нелживою рукою.

(РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 10, л. 82).

¹⁰ *Заякин Михаил Павлович* — выпускник Санкт-Петербургского Учительского института 1885 г., преподаватель Вытегорского двухклассного городского училища, с 1893 г. его заведующий, впоследствии инспектор народных училищ 2-го района Олонечской губернии. В архиве Сологуба сохранилась запись о нем: «Заякин Мих<аил> Павл<ович>. Общесемейная привычка насмешничать: я говорю „ручная фотогр<афическая> камера“, а он: „да ножных и нет“. Обидчивость, общий вопрос прилагает к себе. Я говорю: „жениться — глупость“. — „Да, я глупость сделал“. В пьяном виде слезлив. У Ахутина первый раз после мира был вечером, напился и выпалил: „Неужели и все так будет продолжаться? Теперь один ребенок, да еще десятка два чужих будет“» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539а, л. 82).

¹¹ М. П. Заякин и члены его семьи: жена, Марья Матвеевна, мать, Прасковья Матвеевна, и сестра, Анна Павловна Заякина, — выпускница первого выпуска (1882 г.) Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге; учительница русского и французского языка в женской прогимназии. Характеристика А. П. Заякиной, данная Сологубом: «Солидная особа. Любит говорить по-немецки с М<арьей> М<атвеевной>. Однако для брата поехала в Вытегру из С<анкт>-П<етер>б<урга> на малое жалованье. С высшим образованием. Очень этим довольна» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539а, л. 83).

¹² *Смелов Александр Иванович* — выпускник Санкт-Петербургского Учительского института 1890 г., помощник учителя в Вытегорском городском училище; в дальнейшем вернулся в Петербург, служил учителем Сампсониевского городского училища, в 1911 г. закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Выпустил сборник «Аскет и другие рассказы» (СПб., 1898); экземпляр книги с дарственной надписью автора имелся в библиотеке Сологуба (см.: *Шаталина Н. Н.* Библиотека Ф. Сологуба. Материалы к описанию. С. 440). В архиве Сологуба сохранилось 3 письма Смелова за 1912—1916 гг. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 625).

¹³ Имеется в виду магазин вдовы купца И. И. Пудрова.

¹⁴ По-видимому, игра в шахматы была одним из любимых развлечений Сологуба. Он собирал газетные вырезки с задачами по шахматам, начал писать статью «В чем очарование шахмат» (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 60). В библиотеке Сологуба имелся экземпляр книги: *Дюфрен Жан*. Руководство к изучению шахматной игры. СПб., 1897 (*Шаталина Н. Н.* Библиотека Сологуба. Материалы к описанию. С. 457). В архиве Сологуба есть стихотворение, датированное 1 мая 1890 г.:

Я в шахматы люблю играть,
Хоть бестолково я играю:
Игру мне скучно изучать,
И я теории не знаю.

Мои партнеры не сильны,
Играют в шахматы, как в карты,
И никакие не страшны
Мне в строгих шахматах азарты.

(РО ИРЛИ,
ф. 289, оп. 1, № 10, л. 116).

¹⁵ Вероятно, *Алексей Федорович Ельцов* — чиновник почтово-телеграфной конторы г. Вытегра.

¹⁶ *Дроздов Иван Кузьмич* — учитель математики Вытегорской учительской семинарии, в 1897—1900 гг. заведующий винным складом в г. Вытегра. Среди черновых набросков Сологуба имеется запись о нем, датированная 26 января 1892 г.: «В манере И<вана> К<узьмича> Д<роздова> говорить посмеиваясь, в известных случаях

виден закоренелый мерзавец. Его топот. Хорош и топот остальных» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539а, л. 78).

¹⁷ О. Р. Дроздова, жена И. К. Дроздова.

¹⁸ Конец письма отсутствует.

4

20 сентября (2 октября) 1891 г.

20 сентября 1891 г.

Вытегра.

Дорогая Оля!

Все твои 4 письма мы получили, ни одно из них не затерялось; только я не успел написать тебе до сих пор третьего письма, зато я тебе пишу по 2 листа на письмо. Советую и тебе писать по столько же: все равно и 2 листа дойдут за ту же 7-коп<еечную> марку, а написать на них можно больше. Нам же с родителем приятнее будет, если твои письма будут большие, и будут ходить часто. — Катерина остается у нас по-прежнему, а Заякина ходила за селедкой потому, что они пришли очень поздно — в 9-м часу. — Ирина еще не приходила к нам; у нее только вчера родился мальчик.¹ — Как вы теперь обедаете, дома или в кухмистерской?² Надеюсь, однако, что ты обедаешь каждый день и не голодаешь: хотя не обедать и очень экономно, но можно расстроить желудок, не правда ли? Вообще, не экономничай слишком и, если понадобится денег больше, чем я пришлю, хоть бы и в середине месяца, то напиши, — я вышлю; особенно не следует скупиться в том случае, если понадобится приобрести какие-нибудь книги или вообще что-нибудь, что будет нужно для занятий. Вот ты в прошлом письме писала, что надо купить книжку в 60 к., которая у некоторых есть, а ты не купишь, пока не скажут, что надо. Расход, кажется, невелик, и лучше купить, чем испытывать неудобства. — Маменька просит, чтоб ты купила ей на кальсоны 1½ аршина красной фланели по 2 р. (ты, впрочем, уж знаешь, что именно надо: родитель говорит, что ты обещала ей). Купи из тех денег, что я посылаю теперь, а если тебе самой не хватит денег, то напиши. Фланель вышли по почте, посылкой, заделав ее в холст и перевязав накрест веревкой (так требуется правилами); на посылке обозначь цену, что полезно на случай пропажи. Это будет стоить недорого: страховых по ½ к. с рубля (значит, всего 2 к., дробь прибавляются, а потому можешь обозначить цену в 4 рубля); весовых по 5 к. за фунт, но не меньше 20 к. за посылку и за расписку 5 к. — Нового у нас ничего нет. Погода была дождливая, сегодня теплый день, но на улицах везде грязь. Маменька теперь на ноги не жалуется. Мы кланяемся тебе, целуем тебя и желаем здоровья, успеха в занятиях и вообще всех благ. Тебе кланяется Пудрова, Нечаева³ и

др. Передай наши с маменькой поклоны твоей сожительнице, Авдотье Порфирьевне.⁴

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

Р. S. Прилагается при этом 25 рублей. Если мало — пиши. — Следующее мое письмо будет вскоре; теперь пишу мало, потому с деньгами неудобно.

¹ В письме от 15 сентября 1891 г. Ольга Кузьминична спрашивала брата: «Приходила Ирина проситься или нет? И ходит ли Екатерина или кто другой? Пусть родитель меньше хлопочет...» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 934, л. 43).

² Кухмистерская — небольшой, недорогой ресторан, столовая.

³ Нечаева Вера Сергеевна — учительница в приготовительном классе Вытегорской женской прогимназии, жена П. Т. Нечаева (см. примеч. 2 к п. 8).

⁴ Хмырова Авдотья Порфирьевна — сокурсница Ольги Кузьминичны, вместе с которой она снимала комнату. «<...> на будущей неделе ко мне в комнату будет переезжать Авдотья Порфирьевна Хмырова (сибирячка), — писала Ольга Кузьминична брату 31 августа 1891 г., — она стипендиатка <...> хорошая, скромная такая, кажется, а если мне не понравится, то она выедет, мы уже с ней об этом говорили, мать ее очень меня просит взять ее, ей только еще 18 лет, а мне будет выгоднее да и веселее, а то одной все сидеть скучно, да и учиться мне будет легче» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 934, л. 39).

5

20 сентября (2 октября) 1891 г.

20 сентября 1891 г.

Вытегра.

Милая Оля.

Все твои 4 письма мы получили, ни одно не затерялось. — Катерина остается у нас по-прежнему, а Заякина ходила за селедкой потому, что они пришли поздно, в 9-м часу. Ирина еще не приходила к нам, у нее вчера родился мальчик. — Погода была дождливая, сегодня тепло, но на улицах везде грязь. Из-за погоды у меня в понедельник вышла беда: в пятницу я ходил на ученическую квартиру недалеко босиком,¹ и слегка расцарапал ногу. В понедельник собрался идти к Сабурову,² но так как далеко и я опять боялся расцарапаться, да и было грязно, то я хотел было обуться. Мама не позволила, я сказал, что коли так, то я не пойду, потому что в темноте по грязи неудобно босиком. Маменька очень рассердилась и пребольно высекла меня розгами, после чего я уже не смел упрявиться и пошел босой. Пришел я к Сабурову в плохом настроении, припомнил все его неисправности, и наказал его розгами очень крепко, а тетке, у которой он живет, дал две пощечины за потворство, и строго приказал ей сечь его почаще.³

Прилагаю при этом 25 рублей. Если мало — пиши.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Мотив «босых ног» — один из наиболее устойчивых в творчестве Сологуба. Ср.: *Черновитова О. Н.* Материалы к биографии Сологуба. С. 231; *Сологуб Ф.* Канва к биографии. С. 254—255.

² Возможно, речь идет о М. А. Сабурове. В архиве Сологуба сохранилось 3 письма Сабурова к нему за 1897—1898 гг. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 930: бывший ученик обращается к Сологубу с просьбой помочь в подготовке к поступлению в Учительский институт).

³ Ср. стихотворение, датированное 17 октября 1891 г.:

Поставил я недавно Войку
В его небрежную тетрадь
За множество ошибок двойку.
Подвинуть надо хоть на пядь

Лентяя мерю суровой,
Хоть чрезвычайной, но простой.
К его хозяйке Балашовой
Иду я вечером босой.

(Чтоб не рискнуть домашним миром
И маму вновь не рассердить,
По ученическим квартирам
Пришлось мне босиком ходить).

Да кстати и на Балашова
Ахутин жаловался мне.
«Его приструньте заодно вы, —
Он с Войком в вашей стороне».

Вхожу. Подростка два босые
Встают, и кланяется мать.
В беседе с ней вины большие
Пришлось не долго разбирать.

По моему приказу бойко
Тотчас послушный Балашов
С таким усердием выдрал Войка,
Что поднял тот прегромкий рев.

И на полу потом вот этом,
Где Войка розгами хлестал,
И Балашов лежал раздетым,
И Войк его усердно драл.

«Спасибо вам, что так вы строги!» —
Вдова меня благодарит,
Целует мне босые ноги,
Мальчишкам целовать велит.

(РО ИРЛИ,
ф. 289, оп. 1, № 4, л. 1295).

В романе «Мелкий бес» (1892—1902) Передонов ходит по квартирам и наказывает учеников розгами или требует от родителей сечь детей в его присутствии («Передонов выбирал родителей, что попроще: придет, нажалуется на мальчика, того высекут, — и Передонов доволен. <...> Каждый день посещал он хоть одну ученическую квартиру. Там вел он себя по-начальнически: распекал, распоряжался, угрожал» (гл. 13).

Ср. также запись Сологуба, датированную 2 февраля 1892 г.: «Жестокосердие гг. педагогов доходило до степеней изумительных. <...> больше удовольствия доставляли послеобеденные прогулки к родителям провинившихся учеников. Сладострастное неистовство удовлетворялось в гораздо большей степени созерцанием обнаженного тела мальчишки, краснеющего и багровеющего под жестокими ударами березовых прутьев, между тем как истязуемый мальчишка орал благим матом и от-

чаянно бился об пол голыми ножонками. Когда родитель утомлялся, учитель брал в руки розги, и удовольствие его доходило до высшей степени, когда мальчишка ерзал и вопил под его руками, а на теле так и врезывались новые следы озлобленной порки. Но как ни интенсивны были эти удовольствия, пытки иного рода, истязания душевные, доставляли гораздо больше удовольствия освирепевшим педагогам. Тем более, что и эти пытки соединялись в большей или меньшей степени с телесными истязаниями» (цит. по: Павлова М. М. Из творческой предыстории «Мелкого беса» (Алголагнический роман Федора Сологуба) // Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. М., 1996. С. 338—339).

6

3 (15) октября 1891 г.

3 октября 1891 г.
Вытегра.

Милый друг Оля!

Твою посылку мы получили вчера и очень благодарны с родителем тебе за нее. Зачем только ты разорилась на запонки? Мне они нужны меньше, чем тебе деньги в Петербурге, где все дорого; но, впрочем, спасибо и за запонки и за перья. Пиши, достаточно ли тебе денег до 20-го и не надо ли прислать еще, а то, может быть, ты на нас-то потратилась, а тебе самой и мало осталось. Дроздова приехала сюда уже в среду в 3 часа ночи. Я был у них в тот же день вечером (значат, вчера) и получил посылку, которую они, по их словам, уже собирались отправить к нам. Посылка доехала в совершенно исправном виде, и оба пряника даже нисколько не помялись. Родитель с таким нетерпением дожидался своих теплых штанов, что даже не заснул до моего прихода. Мы сейчас же распотрошили посылку и рассмотрели все присланное, и немедленно принялись за пряники. Но не успел родитель съест половины пряника, как у него разболелся зуб, и пришлось отложить пряник до сегодняшнего дня. Конечно, теперь от пряников осталось одно воспоминание. — На днях у родителя разболелись было сильно поясница и ноги; мы сделали лекарство по твоему рецепту, и маменька им терлась; раза 2 приходила Корженевская-старуха¹ и натирала нашего родителя. Теперь родителю стало настолько полегче, что сегодня уж он гулял на ярмарке. Теперь маменька употребляет новое средство по совету Подвысоцкого.² Он говорит, что года 2 назад он был болен ревматизмом, и никак не мог вылечиться ни дома, ни в Петербурге, пока один петербургский торговец не сообщил ему очень простого средства, а именно: всыпать в кипяченую воду столько соли, сколько может распуститься в этой воде, и таким насыщенным раствором обтирать каждый вечер всё тело, смочив в нем тряпочку, а потом другим полотенцем вытираться досуха. Подвысоцкий делал так в продолжение двух недель, и совершенно поправился. Когда он рассказал это нашей маменьке (он был у нас вечером в воскресенье), маменька решила немедленно последовать его совету, и с тех пор каждый вечер натирается со-

ляным раствором. Это ли средство помогло, или почему другому, только маменька начинает чувствовать себя лучше. Может быть, и оттого, что погода довольно теплая и сухая стояла эти дни, только сегодня было сыро и накрапывал дождик, да по утрам на всем ложится сырой иней. — 22 сентября мы с мамой были у Кикиных,³ посидели у них с 7 часов до 10; в тот же день пораньше часов с 4 до 7 были у нас Ахутины со своею Леночкой.⁴ Сегодня были у нас все Заякины, посидели до 10¹/₂ часов, да в воскресенье, как я уж писал, был Подвысоцкий. Вот и все наши гости. А вот наши новости: Костин был, по своему обыкновению, опасно болен, чуть не умер: у него едва не сделался плеврит, и он не ходил в классы почти целую неделю; простудился он, как говорит, в своем классе, когда там было однажды во время уроков 8¹/₂°. Теперь почти поправился, но ходит в класс еще в пальто и во время перемен постоянно сидит у истопленной печки. — Устав ссудо-сберегательной кассы только на днях отправлен в Петербург на утверждение: все переписывали да подписывали его, — недели две, кажется, прошло в том, что его рассылали участникам для подписи. — Заякины в воскресенье переехали на новую квартиру в доме Колесова, в ту самую квартиру, которую мы смотрели и в которой раньше жил Пруневский⁵ (перед тем, как мы смотрели). — Скоро в городе начнутся работы по выпрямлению реки Вытегры; шлюз будет перенесен немного выше, около жидовского кладбища будет сделан перекоп для обхода крутого загиба, Сиверсов мост будет перенесен немного пониже, к следующей улице, так что от него будет прямо дорога к собору и казначейству; а так как тот берег Вытегры в этом месте низок, то там будет сделана дамба. Около старого собора река будет немного расширена: левый берег немного сроят, чтобы фарватер был прямее. Прежде предполагалось, что русло будет прокопано между церковью и домом Ярославцевой, но теперь это предположение оставлено, потому что это стоило бы очень дорого.⁶ — Ярмарка началась, как всегда, в Покров, но товаров привезено еще очень мало;⁷ также и у Пудровой еще не привезен керосин, и родитель покупает его в других лавках. — Вот и все наши новости. — Маменька и я кланяемся тебе, целуем тебя и желаем всего хорошего. Поклонись от нас твоей сожительнице, Авдотье Порфирьевне. Просили тебе кланяться Ахутины, Заякины, Иванова⁸ (начальница прогимназии) и еще, может быть, кто-нибудь из знакомых. Пиши почаще, нам с маменькой приятно получать твои письма, и мы их всегда ждем с нетерпением.

Искренно любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Соседка Тетерниковых. См. примеч. 2 к п. 10.

² *Подвысоцкий Николай Валерианович* — учитель естествознания Вытегорской учительской семинарии. В черновых бумагах Солугуба имеется характеристика Подвысоцкого: «Прославился здесь своим враньем. Последняя ложь: выдал себя на пароходе „Волга“ за вытегорского инспектора. История с фейерверками. Вранье Ахутину о подписях. Мамонтовое мясо, оостенелое, собаки съели. Как в него стреляли, когда он купался в Ангаре. Когда уезжал из Вологды, то не только многое продал за бесценок, но иное просто бросал из окошка. Мещане подбирали! А то раздарил! — История

с генеральшей Норденшильд, у которой поотобрал вещи. Жена иногда останавливает его, когда он заврется» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539а, л. 114).

Негативно отзывались о нем и сослуживцы Сологуба по семинарии. А. Г. Костин сообщал Сологубу в письме от 19 января 1893 г.: «В семин<арии> нового тоже немного: прибыл только новый кавалер Подвыс<оцкий>, да дир<ектор> получил Ан<ну> 2 ст<епени>. Какое влияние произвели названные награды на этих госп<од>, Вы легко вообразите» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 917, л. 10). «А где-то находится ныне и что представляет собою наш почтеннейший враль „Ваколай Подлерьевич Невысоцкий“? Вот это был тип, достойный кисти художника в отношении изображения отрицательных сторон человека, и я думаю, Федор Кузьмич не обошел его своим вниманием в своих произведениях», — вспоминал о Подвысоцком И. И. Кикин в письме к Сологубу от 14 ноября 1909 г. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 326, л. 29 об.).

³ *Кикин Иван Иванович* — учитель в приготовительном классе Вытегорской учительской семинарии; после закрытия семинарии преподавал в начальном одноклассном училище, с 1897 г. — помощник заведующего винным складом в г. Вытегра, с 1900 г. — его заведующий. В бумагах Сологуба сохранилась портретная зарисовка Кикина: «Ест крендели, быстро-быстро двига челюстью; ест вообще много. — Рассказ его о первой рюмке водки. Очень понравилось; 25 лет. Вид торжественно-глупый. Говорит медлительно, клещами слова вытаскивает» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539а, л. 112). Жена И. И. Кикина, Екатерина Васильевна Кикина, окончила Олонецкое женское епархиальное училище, преподавала рукоделие в Кондушском земском женском училище. Имеется запись Сологуба о ней: «Сплетница. Кричит и громко смеется. Резкий, непр<иятный> голос. Ей бы в городовые, а не мужу! Сестра ее имеет глупо-удивленный вид. У нее немного тот же отпечаток. Девочку избаловали. Жрет, как свинья или Петька Философов» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539а, л. 113). Сологуб и И. И. Кикин переписывались до 1909 г. (сохранилось 9 писем И. И. Кикина к Сологубу — РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 326). См. также: Федор Сологуб в Вытегре. С. 274—276, 284.

⁴ Н. И. Ахутин, его жена Александра Михайловна и старшая дочь Елена (в 1912 г. окончила Высшие женские (Бестужевские) курсы в Петербурге).

⁵ *Проневский Петр Петрович* — лесничий Андомского лесничества, гласный уездного земского собрания, член уездной земской управы, член уездного училищного совета.

⁶ Имеются в виду работы по совершенствованию Мариинской системы, которые велись с 1890 г. согласно проекту, утвержденному императором Александром III. Подробнее см.: *Бл-ский Ив. Ив.* Работы по переустройству Мариинской системы в пределах Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1892. 10 июня, № 43. С. 451—453.

⁷ В 1891 г. Покровская ярмарка проходила в Вытегре с 1 по 16 октября.

⁸ Вера Евграфовна Иванова.

7

10 (22) октября 1891 г.

10 октября 1891 г.
Вытегра.

Милый друг Оля!

Сейчас получили мы твое письмо, и я отвечаю тотчас, чтобы опять как-нибудь не замедлить ответом. Мое последнее письмо было от 3 октября и, значит, должно было прийти к тебе 7 октября и 8-го, т. е. на другой или на третий день после того, как ты послала свое письмо. Надеюсь, что ты уже получала его своевременно. Мы оба с маменькой и живы и здоровы; маменькин ревматизм уже настолько теперь полегчал, что маменька могла вчера и

третьего дня ходить на панихиды, а сегодня на вынос... Вот наша печальная новость, которой ты, конечно, не ожидаешь: умер о. Петр Раевский.¹ Простудился где-то, поболел недолго, дней 10, но сильно: воспаление легких, — и умер в полночь с понедельника на вторник. Раиса Петровна,² конечно, сильно огорчена. Простудился он, может быть, на крестных ходах, которые были у нас по поводу того, что какой-то купец заказал для Муромского монастыря икону в дорогой оправе, точную копию какой-то чудотворной иконы Богоматери, и ее у нас встречали и провожали с торжеством.³ — Ты пишешь, что была несколько раз у Агаповых; знают ли они, что ты в Петербурге; оставила ли ты им свой адрес?⁴ — Фланель твоя маменьке понравилась; она уж сшила себе из нее, что ей было надо, и теперь носит себе на здоровье; только маменька почему-то думала, что ты ей пришлешь сшитое, так что только получи да одевай. — Напиши, сколько тебе надо денег; покупай книги и все, что понадобится, — я вышлю денег, сколько тебе будет надо, не стесняйся: нам здесь удобнее располагать свои расходы так или иначе, чем тебе. — Дела мои идут по-прежнему; теперь работаем вместе с Подвысоцким: я ему предложил писать вместе учебник для промышленных училищ, он согласился, и мы принялись за работу. Для вновь учреждаемых промышленных училищ нужны учебники, и министерство будет в течение нескольких лет выдавать ежегодно по 8 премий за лучшие учебники, представленные в ученый комитет: по 2 больших — 2000 р. каждая, и по 6 малых, каждая в 500 р. Ближайший срок представления — 25 декабря. В такое короткое время одному трудно что-нибудь сделать — всего три месяца, а вдвоем, может быть, и успеем. Конечно, если и успеем, то премию получить будет нелегко: могут найтись люди, поискуснее нас, но все-таки надеяться можно; пословица не даром говорит: не боги горшки лепят; все ж приятно получить хоть малую премию на двоих, Подвысоцкий же человек трудолюбивый и, кажется, искусный преподаватель: ученики его очень довольны его уроками, находят, что он очень понятно все излагает; к тому же ему приходилось уже писать и печатать книги, так что он привык к такого рода работе. Одним словом, это такой товарищ, с которым не страшно работать: можно на него надеяться. Мы выбрали математику для средних технических училищ, разделили ее пополам, и каждый должен написать свою часть, а потом сообщая все рассмотрим и исправим, что понадобится.⁵ — Другую работу я предложил Ахутину исполнять совместно, и он тоже согласился: составить описание нашей семинарии за все время ее существования для помещения в «Журнале Министерства Народного Просвещения».⁶ Но исполнение этой работы во многом будет зависеть от согласия начальства, т. е. нашего директора; а он очень неохотно дал позволение пользоваться делами семинарии, и то только в том, что касается цифр, статистики. — Дроздова рассказывала, что была у тебя. Она говорит, что ей понравилась квартира, расспрашивать же ее подробно было неудобно. — Надеюсь, что у тебя не выйдет никаких столкновений с твоей товаркой; неужели так скоро могла измениться она? Впрочем, в сношениях с людьми осторожность никогда не бывает излишнею; лучше слишком много осторожности и

недоверия, чем слишком много доверчивости и беспечности. В этом отношении самое лучшее никогда не обольщаться мало знакомыми людьми, чтобы потом не пришлось в них разочаровываться.⁷ — Пиши, как живешь, что поделываешь, нам с маменькой, конечно, интересно знать все, что тебя касается. — Напиши, как поступить с «Нивой» и с ее модами. Если хочешь, можно будет написать в контору, чтобы она прекратила высылку «Нивы» сюда, а присылала ее к тебе. Тогда ты получишь и премию.⁸ А нам здесь мод никакуда не нужно, конечно, кроме того разве, что один номер каких-то мод (не знаю даже, каких именно) взяла Анна Павловна Заякина (они все 4 были у нас 3-го окт<ября>). Пиши, сколько надо выслать денег. Я и маменька целуем тебя и желаем здоровья и всего хорошего. Пиши почаще; постараюсь писать и я тебе аккуратнее.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Раевский Петр Федорович — священник, благочинный Вытегорского собора, член губернского статистического комитета, член совета Вытегорского благотворительного общества; тесть П. И. Соколова.

² Р. П. Соколова.

³ Муромский мужской монастырь в Пудожском уезде был основан в XIV в., в 1787 г. упразднен, в 1867 г. восстановлен. Средства на восстановление монастыря дал пудожский купец, потомственный почетный гражданин Иван Иванович Малокрошечный, а на устройство — его зять, Александр Петрович Базегский, пудожский купец, гласный городской думы г. Пудож, гласный уездного земского собрания, член уездного податного присутствия, член Петрозаводского благотворительного общества. Подробнее см.: Петров К. Муромский монастырь // Олонечкий сборник. Петрозаводск, 1886. Вып. 2. С. 99—117.

⁴ 1 декабря 1891 г. Ольга Кузьминична писала брату: «Я у Агаповых не была, к ним нужно непременно в пятом часу, а мне все еще было некогда сходить да и совсем неинтересно» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 934, л. 73).

⁵ Работать над составлением учебников Сологуб начал еще в Крестцах. В январе 1884 г. он писал В. А. Латышеву: «Прошу Вас рассмотреть присыл<аемый> маленький учебник грам<матики> для 2 и 3 г<ода> городского уч<илища> и дать мне совет, нельзя ли что-нибудь с ним сделать. Если позволите, я пришло Вам на днях и тот задачник по арифм<етике>, о котором когда-то писал Вам. Присылаем<ый> теперь учебник я старался написать как можно короче, избегая всего лишнего и ненужного; я поместил лишь те сведения, которые должны быть твердо усвоены учениками данного возраста (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 2, № 30, л. 44). В архиве Сологуба сохранился неопубликованный учебник геометрии, работу над которым он завершил в 1890 г. (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 520). Проект написания учебника математики совместно с Подвысоцким, по-видимому, осуществлен не был.

⁶ Данная работа, вероятно, не была исполнена.

⁷ 15 октября 1891 г. Ольга Кузьминична отвечала: «С Авдот<ьей> Порф<ирьевной> у меня спор не было только потому, что с нею невозможно спорить, она уж очень глупа и настойчива, ругает всех <...>, никого, по ее мнению, нет честных и хороших, а все безразличные, и потом так умеет врать, так я даже и не знала, что такие вруны существуют на свете, но все-таки мне ее очень жаль: она на шестнадцатом году попала в дом терпимости, да у нее и мать-то такая же, с мужем уж давно не живет, а детей имела и теперь находится под судом. Она была (мать Авд<отьи> Пор<фирьевной>) приказницей в каком-то магазине в Москве и очень много присвоила себе вещей и денег» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 934, л. 55 об.).

⁸ «Нива» — еженедельный иллюстрированный журнал, выходил в Петербурге в 1870—1918 гг., в качестве приложения к «Ниве» ежемесячно издавались «Парижские моды», с 1891 г. — «Литературные приложения». В 1891 г. подписчикам «Нивы» в качестве премии выдавались «Полное собрание сочинений» М. Ю. Лермонтова, под редакцией А. И. Введенского (Т. 1—4. СПб., 1891) и альбом акварелей.

12 (24) декабря 1891 г.

12 декабря 1891 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Твое письмо мы получили сегодня. Последнее письмо я писал тебе 3 декабря; неужели оно и теперь не получено? Должно быть, ты получила его не позже воскресенья, в тот самый день, когда писала мне, или, по крайней мере, в понедельник. — Мы с маменькой радуемся твоим успехам и желаем тебе в будущем того же. — Морозы были и у нас в конце прошлой недели, и тоже доходили до 28° и даже до 31° по Реомюру;¹ но это было недолго — дня два, а в понедельник было уже 1° тепла; теперь стоят небольшие морозы. — В воскресенье вечером у нас была целая четверка гостей: были Соколовы, Ахутины и Кикины; 28 ноября были Нечаевы-супруги,² а 27-го — Заякины-супруги. Анна Павловна с матерью не были у нас с 3 октября, потому, конечно, что мы с маменькой у них с тех пор не были. Вообще живем в мире со всеми. На днях приезжал в Вытегру новый директор народных училищ, Мартынов,³ тот самый, который был раньше в Белозерске и которого заменил П. И. Дворянский. Я его не видел, хоть он и заходил в нашу школу на пробный урок семинариста, по приглашению директора (нашего). Говорят, что Мартынов понравился многим своей любезностью и оживленностью; держит себя вовсе не так, как наш дурак Маккавеев; зато он и не понравился Маккавееву: наш Митрофан нашел, что Мартынов не умеет себя держать.⁴ Митрофану тем более досадно, что разница, должно быть, сильно бросается в глаза, и не нравится ему то, что при нем, в глаза ему, хвалят Март<ынова>; напр<имер>, начальница прогимназии хвалила Маккавееву Мартынова за то, что тот очень любезен. Говорят, что в городском училище Март<ынов> остался очень доволен о. Стефаном⁵ и Заякиным, и выразил намерение представить их к наградам. — Окажется, что извозчики до мяседа не поедут, т. е. те, которых мы имели в виду, потому что они опоздали. — Не потому ли ты не получила до воскресенья моего письма, что оно было адресовано в Родов<спомогательное> заведение? Может быть, оно там залежалось. — У нас живет еще Катерина; скоро выйдет из тюрьмы ее муж и, может быть, получит здесь место: кто-то ей обещал; если они здесь останутся, то и она у нас останется. — Поклонись от нас Авд<отье> Порфирьевне. — Новостей у нас никаких: все по-старому идет. Знакомые наши тебе кланяются. Кланяемся тебе и мы с маменькой и желаем тебе всего хорошего. — Ахутин получил письмо от С<ент>-Илера,⁶ который пишет ему, что к нам скоро будет ревизия для расследования способа управления Маккавеева; пишет, что на него плохо смотрят в Петербурге.⁷

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Реомюр (*Réaumur*) Рене (1683—1757) — французский ученый, изобретатель спиртового термометра (1730).

² Нечаев Павел Тимофеевич — учитель пения Вытегорской учительской семинарии, гласный городской думы, член учетного комитета при Вытегорском городском общественном банке, начальник отряда лазальщиков Вытегорского вольного пожарного общества и его жена Нечаева Вера Сергеевна. Супруги Нечаевы явились прототипом Владимира Ивановича и Анны Григорьевны Рубоносых в рассказе «Червяк», что было сразу отмечено бывшими сослуживцами Сологуба. Например, П. И. Соколов писал Сологубу 7 августа 1896 г.: «С удовольствием прочитал Вашего „Червяка“. Нашел в нем несколько знакомых лиц. <...> Как педагогический рассказец, „Червяк“ очень мил. Кстати, у некоторых героев „Червяка“ я был в гостях. Рубонос, сиречь П<авел> Т<имофеевич> Н<ечаев>, живет теперь как настоящий помещик. Дом его благоустроен, служб целая масса, огород большой, возделанный. Н<ечаев> за городом арендует участок земли и возделывает его. Держит лошадь и очень доволен, что может кататься на своем коне. Меня принял очень радушно, хотя мы, пред моим отъездом в Порхов на службу три года тому назад, разошлись с ним. Теперь он сам звал меня к себе. По внешности чета Н<ечаев>ых несколько не изменилась» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 933, л. 16 об.—17). Подобные отзывы о «Червяке» дали И. И. Кикин и А. В. Дурново (см.: Федор Сологуб в Вытегре. С. 286).

³ Мартышов Дмитрий Павлович — директор народных училищ Олонецкой губернии с 23 августа 1891 г.

⁴ С директором семинарии М. Е. Маккавеевым у Сологуба неоднократно происходили конфликты (подробнее см.: Федор Сологуб в Вытегре. С. 281—282); он часто становился объектом сатирических зарисовок Сологуба, например, датированной 4 марта 1891 г.:

Когда по классам бурная
Возня везде кипит,
Обязанность дежурная
В учительской сидит.
Беседы (неприличные
По времени) ведет,
На шохоры различные
Вниманья не берет.
Один директор бдительный
Ведет себя не так:
Он с миной повелительной
И спит, надевши фрак.
В минуты рекреации,
Забравшись в кабинет,
Тоскует он, что грации
В ребятах наших нет.
Лишь шохор возникающий
Услышит у детей, —
Свой палец угрожающий
Он кажет из дверей.

(РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 10, л. 45 об.; «дежурная обязанность», «шохор» — характерные слова и выражения Маккавеева, упоминаемые в записи Сологуба «Особые словечки», см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539, л. 310).

Маккавеев был непопулярен в учительской среде. Например, И. И. Кикин писал Сологубу 9 марта 1893 г.: «Уж очень тошно приходится служить у г. М<аккавеева> <...> Надежды наши на благоприятный исход нашей борьбы с ним тоже улетучились, когда мы узнали о благоволении к нему высшего начальства: Вы ведь, конечно, уж давно знаете, что он награжден орденом Св. Анны 2-й ст<епени> <...> А слышали ли Вы — как отделали нашего М<аккавеева> во вторник на масля<ной> неделе. В этот день в нашем так называемом Благородн<ом> клубе был маскарад. Масок было только две, и обе очень интересные. Одна из них изображала мудреца-педагога (так она и заявляла о себе) Сократа Митрофановича в виц-мундире, в котелке, на котором был утвержден башмак...» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 326, л. 8 об.—10).

⁵ Имеется в виду *Стефан Михайлович Муравьев* — законоучитель Вытегорского двухклассного городского училища, священник Вытегорского Воскресенского собора.

⁶ *Сент-Илер Карл Карлович* (1834—1901) — педагог, зоолог, автор работ по физиологии растений, директор Учительского института. В бумагах Сологуба сохранилась портретная характеристика Сент-Илера: «Поседел, но бодр, сановит, важен и очень добродушен. Любит тонкую, то есть незаметную лесть, такую, про которую нельзя сказать: „льстит“, а можно сказать: „воздаст должное“. Кажется, похож не столько на француза, сколько на обрусевшего немца, немножко даже на колбасника смахивает. „Вот уж это у нас не полагается!“» (*Сологуб Ф.* Канва к биографии. С. 258).

Сент-Илер оказывал Сологубу помощь и поддержку: выхлопотал для него перевод в Великие Луки, предложил место учителя приготовительного класса Вытегорской учительской семинарии (см. письма К. К. Сент-Илера Ф. К. Тетерникову за 1882—1892 гг. — РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 915).

⁷ Несколько позже, 4 января 1892 г. В. А. Латышев писал Сологубу: «О спорах и невзгодах Ваших я уже слышал. Окружное начальство о них также знает и не очень высокого мнения о действиях Вашего противника. Я думаю, ему это известно и это сдерживает его» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 392, л. 44).

9

15—18 (27—30) декабря 1891 г.¹

<...>² Привлекает публику и то, что на каждый билет дается от 1 до 6 контрмарок для розыгрыша лотереи (смотря по стоимости билета) и разыгрывается каждый раз по несколько вещей. Так Смоленский выиграл самовар, а в воскресенье разыгрывалась корова. — В четверг открывается продажа билетов лотереи в пользу голодающих, о которой ты, может быть, слышала уже.³ Можно купить целый билет в 5 р., можно купить и один купон в 1 р.; на целый билет может пасть выигрыш от 250 р. до 100 000 р., а владелец купона, при выигрыше, получит пятую часть. Значит, можно даже и с рублем участвовать, хоть выиграть и очень трудно: из 1 200 000 бил<етов> только 208 выигрышей. Если есть лишние, то можно рискнуть, хоть я и боюсь, не мало ли тебе денег.⁴ Если мало, так ты пиши; нам здесь удобнее устраивать свои дела, чем тебе там. — Мы с маменькой целуем тебя и желаем тебе всяких успехов и благополучия, и, главное, успехов в твоих занятиях. Мы уж собираемся и рассуждаем о поездке летом в Петербург. Кланяются тебе все здешние. — Передай поклон Авд<отье> Порф<ирьевне> (вы все еще вместе живете?). — Будем теперь в четверг опять ждать твоего письма. — Будь здорова.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Датируется по содержанию.

² Начало письма отсутствует.

³ 18 ноября 1891 г. император Александр III одобрил Положение о благотворительной лотерее в пользу нуждающегося населения в местностях, пострадавших от неурожая. Было выпущено 1 200 000 билетов, число выигрышей составляло 2928 на общую сумму 1 200 000 рублей. Продажа лотерейных билетов в Петербурге началась 14 декабря 1891 г.

⁴ Тема «лотереи» нашла отражение в поэме Сологуба «Кремлев» (см.: *Сологуб Ф.* Стихотворения. Л., 1979. С. 138).

21 декабря 1891 г. (2 января 1892 г.)

21 декабря 1891 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Посылаю в этом письме деньги, раньше не успел; жаль, что ты получишь их поздно. Последнее письмо твое получили 16 декабря; купленный тобою билет ты, должно быть, уже получила, потому что продажа их началась с 14 декабря; но напрасно ты думаешь присылать его сюда, оставь лучше у себя. Не разорилась ли ты при покупке билета? Ведь очень мало надежды выиграть: один выигрыш на 400 с лишком билетов. Мы с маменькой совершенно здоровы, чего и тебе желаем. Сегодня у нас окончились занятия; было только 2 урока. Вчера был совет, и продолжался только 2½ часа; первый раз здесь такое короткое заседание совета; это потому, что директор куда-то торопился. Теперь у нас стоят небольшие морозы. Наши нежные сослуживцы от этого страдают: то Ахутины нездоровы, то Костин, — все от простуды. — Ты получишь это письмо не раньше Рождества. Поздравляем тебя я и маменька с праздником и желаем тебе провести его весело. На нашем дворе большие перемены. Квартиру, где прежде жили Подкопаевы,¹ снял хозяин здешнего пивоваренного завода вместе с нижним этажом, так что Корженевским² приходится переезжать. Из их квартиры сделают что-то вроде трактира или гостиницы для приезжающих. Корженевские переедут в дом Николаевской,³ а Николаевская переберется в тот флигель, где живут Воскресенские,⁴ а Воскресенские хотели переехать в квартиру инженера Могучего⁵ для того, чтобы сторожить ее, да домохозяин их не пускает: квартира только что отделана, а они, мол, ее испачкают. — Юлия Викт<оровна> Воскресенская просит передать тебе поклон. Поклонись от нас Авд<отье> Порфирьевне. Наша Катерина живет у нас, кажется, только до 30. Если ее муж не найдет здесь места, то они уедут домой. Пиши, не надо ли тебе денег еще: после первого января можно будет выслать. У нас чуть было не вышло замедления в получении моего жалованья. Внесло земство только в самое последнее время, так что теперь есть деньги и на квартирные. — Желаем здоровья и успехов.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

На полях. Мы с маменькой все не можем найти более подходящей квартиры.

¹ Семья Николая Федоровича Подкопаева — акцизного надзирателя Вытегорского участка, секретаря Вытегорского благотворительного общества.

² Семья Апполиария Корженевского, бывшего станового пристава в Вытегорском уезде: его сын, Валентин Апполиариевич Корженевский, занимал должность помощника секретаря съезда мировых судей.

³ Николаевская Александра Филипповна — учительница в Палтожском женском училище, позднее преподавала в женской прогимназии.

⁴ Возможно, речь идет о семье священника Михаила Ивановича Воскресенского, законоучителя в одном из сельских земских училищ Вытегорского уезда.

⁵ Могучий Александр Станиславович — инженер, директор уездного отделения тюремного комитета, впоследствии помощник начальника Вытегорского округа путей сообщения.

11

25 декабря 1891 г. (6 января 1892 г.)

25 декабря 1891 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Твою посылку я получил в субботу 21 декабря, как раз в тот самый день, когда отправлял тебе письмо с деньгами. Мы с маменькой очень благодарны тебе за посылку; только зачем ты так разорвалась, лучше бы себе приобрела что-нибудь. Пряники и коврижку мы с маменькой уничтожили прежде всего, в тот же день; вчера докончили халву, остальное еще сохраняется. Икра съехала в коробке на один бок, но коробка не открылась, так что все до-ехало благополучно, только одна тянучка сплюснулась. Маменька благодарит тебе за платок, я — за галстук, календарь, перья (перья у меня еще оставались от прежней посылки). Напрасно только ты вложила письмо в посылку: это очень рискованно. Если в почтовой конторе как-нибудь откроется вложение письма, то посылку конфискуют: воспрещается пересылать письма иначе, как оплаченными марками. Таким образом мог бы пропасть и лотерейный билет; такие билеты надо посылать в ценных или в денежных пакетах. Тем более было опасно, что твой ящик был непрочен, и мы уж получили его сломанным; могло бы случиться, что ящик или его оболочка на пути так попортились бы, что пришлось бы посылку заделывать вновь, и тогда могли бы найти письмо. Да и самый билет ты бы могла у себя оставить: ведь ты его купила на деньги, которые тебе следовало бы издержать на себя, стало быть, он твой. Впрочем, все равно выиграть очень трудно: на миллион с лишком (1 200 000) билетов выигрышей только 2998, т. е. 1 выигрыш на 410 билетов. Наш билет вот какие номера имеет: Серия 08927, № 052 (нули ставятся на билетах спереди во избежание подделок, чтобы некуда было поставить лишнюю цифру и из 52 сделать, напр<имер>, 152). Розыгрыш не позднее 1 февраля, но когда именно, не назначено еще. — В субботу вечером были у нас Заякины (муж и жена). — Сейчас был у нас с крестом новый священник; приехал только вчера; 1½ месяца прожил в Петрозаводске, потому что архиерей, посвятив его в дьяконы, захворал; поставлен в священники только в последнее воскресенье. — Мы с маменькой поздравляем тебя с благополучным экзаменом, и желаем всяких успехов и в будущем. — Если увидишь еще кого-нибудь из родственников наших,

поклонись им от нас с маменькой. Последнее письмо, где ты пишешь о наших дв<оюродных> братьях,¹ получили вчера. Еще раз спасибо за посылку; она доехала очень хорошо; хоть ящик и раскололся, но это ничему не повредило, и кофе и чай ничем не пахнут. Получила ли деньги? Не надо ли еще? после Нового Года можно будет прислать. — Поздравляем с наступающим Новым Годом, желаем счастья.

Любящий брат
Федор Тетерников.

На полях. Получил билет на елку в городском уч<илище>, 30 декабря, и опять в мое дежурство!

¹ Имеются в виду родственники О. К. и Ф. К. Тетерниковых со стороны матери. 21 декабря 1891 г. Ольга Кузьминична сообщала: «<...> у меня был в гостях Дмитрий, муж тетки; кланяется тебе и маменьке от себя и от всего своего семейства. Рассказывал мне про своих сыновей, у них у всех жены очень худые. Василий с женою даже хлопотали развод, и теперь жена его живет у своих родных, у Ивана жена водку пьет и еще что-то за ней есть, уж я и не поняла; жена Гаврилы уговорила его отделиться и перейти к своему отцу, и перешли, у всех у них есть дети, а Николай только у отца живет и то теперь в Петербурге на Сенной торгует у кого-то, и все они пьют водку; в тот день, когда у меня был Дмитрий, так он пришел прямо из Окружного суда; судили Ивана и Николая и еще там кого-то, я их не знаю, за драку: пьяные передрались в трактире и буфетчику пробили голову, их за это приговорили на три дня сидеть где-то; и Николая хотят женить, да он очень разборчив, все ему новости не нравятся; Гаврила живет в Петербурге, он резчик, зарабатывает 60 руб<лей> в месяц да все пропивает, жена его живет тут на месте в горничных, кажется, а дочка у ее отца; тетка здорова; летом приглашают приехать к ним в гости...» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 934, л. 81—82). По-видимому, впоследствии отношения с родственниками Сологуб не поддерживал. Тетка, Мария Семеновна Филатова, писала ему после смерти Ольги Кузьминичны: «Христос воскрес, дорогой племянник. Письмо от малого к великому, от забытых родственников. Между меня и вас стоит огромная пропасть, которая создалась теченьем жизни, вы труженик, который своим трудом победил все худшее для человека и его жизни, звезда ваша на высоте своего величия. Вами пройденный путь тяжелый, по вас господь за то и вознаградил, живете очень недурно. Но тут я вижу большую ошибку. <...> Вы забыли, что было 35 лет назад, кто вы были и от кого произошли: при таком великом счастье забывать несчастных — это с вашей стороны большая ошибка, какая и нам, непрощенным непростительна, а как вы, светило народное, и такие грубые и непростительные ошибки себе допускаете и не оглянетесь обратно на пройденное вами. Забыть себя — за это осудят все мыслящие на земле. Забыть своих близких сродственников, которые об вас Бога молят <...>. Быть может, молитвами нашими послал господь и вам счастье, а вы мне, старухе, в несколько лет не то что от своих избытков послать бы в виде дара какой-нибудь рубль, а то и простого письма не пишете несколько уже лет: да и ведь это слыше жестокоости. Похоронили мою дорогую племянницу Ольгу Кузьминичну и об этом не известили! Значит, забыли, что у вас есть дух человека. Я, убитая горем и наказанная за свои грехи от Бога и в преклонных летах работаю, то что моему возрасту уже не подходящий труд, иному, что я работаю, и молодому трудно, а мне приходится со всем смиряться и за все Бога благодарить, а вы так наделены от Бога счастьем и забыли близких. Как я узнала, что похоронена Оля, так и посейчас не могу прийти в себя, до того тронута соболезнованьем и вашей жестокостью: никого вы из нас не пригласили воздать должную почесть праху усопшей <...>. Крайне обидно еще и на то, что через несколько лет к вам пришел Иван Дмитриев и вы не вышли и взглянуть, до чего ты озверел! Ушел от истинного пути и стал на путь гордыни, а гордость — мать пороков. Помни, что все высокое от Бога, а низкое и худое от сатаны, поберегись, не заблуждайся, дай Бог тебе всего лучшего в жизни, жду от вас письма, в котором напишите, когда умерла Оля» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 704).

4 (16) января 1892 г.

4 января 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Как-то ты встретила Новый Год? Мы его встречали дома, одни с маменькой, и вспоминали про тебя. Теперь ты должно быть уж получила мое письмо от 25 декабря, а это не знаю, куда тебе и адресовать: ты писала, что ко второму переменишь квартиру, а адреса-то у меня пока нет; направлю это письмо в Заведение. Из посылок твоих некоторые еще сохраняются: икра; сардинки еще не откупорены. Платок родителю очень понравился, и он тебя благодарит за платок. — На днях отправились из Вытегры в Петербург извозчики; маменька не дала им твоего адреса, хоть он и был приготовлен, потому что не нашла, а меня тогда дома не было. Извозчик говорит, что ты можешь их застать 10 или 11 или 12 января, всего вернее 11-го, где-то в Перекупном переулке; он говорит, что ты знаешь адрес. Маменька просит тебя прислать ей с этим извозчиком валенки с коротенькими голенищами (полуваленки): здесь она не могла нигде их найти, все только с высокими голенищами, а ей надо с короткими; она говорит, что это не дороже 1 рубля. — Пиши, надо ли тебе денег до 20 янв<аря>, и сколько: можно будет прислать. — Мы с маменькой поздравляем тебя с удачным началом приемок. Как ты проводила праздники? — Мы с маменькой были 26 дек<абря> на елке у Заякиных, 27 и 29-го вечером у Ахутиных, 1 янв<аря> вечером у Соколовых. — У нас были 31 декабря Заякины, Мих<аил> Павл<ович> и Мар<ья> Матв<еевна>: пришли часов в 5, ушли в 8 — встречать Нов<ый> Год у своих; 2 янв<аря> были Ахутины. В клубах нынешние святки я не бывал. На праздниках пришлось дежурить 30 дек<абря>. В тот же вечер была елка в город<ском> уч<илище>. Я был на ней с начала (в 7 ч. вечера) до 9 часов. Было так же много народа, как и в прошлом году, и все было так же мило, как и тогда. — В Новый Год у дир<ектора> с визитами были только Копытов, Подвысоцкий и Кикин; Костин уехал на святки домой, остальные не пошли к директору. 2-го янв<аря> был бал у дир<ектора>, куда был приглашен Копытов, но не пошел, а Кикина и не приглашали. Я, само собой разумеется, визита не делал. — Погода у нас пасмурная, идет снег, небольшой ветер, мороз до 12°. — Заякины все ссорятся с Цветковыми! сначала поссорились г-жи, а на елке и Заякин с Цветковым из-за чего-то. — До свиданья! Будь здорова, пиши почаще. Желаю в новом году успехов и счастья, и самого крупного выигрыша. Мы с маменькой кланяемся тебе и целуем.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Имеется в виду семья Зосимы Васильевича Цветкова, заведующего Вытегорским двухклассным городским училищем.

13

11 (23) января 1892 г.

11 января 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Сегодня мы получили твои 2 письма, одно от 6, другое от 8 января; а в четверг получили письмо, написанное 4 января. С нетерпением ждем твоего следующего письма и очень беспокоимся о твоих неудачах с квартирою. Удобно ли ты устроилась теперь? Пожалуйста, не скупись слишком на деньги; если понадобится, можно будет прислать, сколько тебе нужно. В последнем письме ты ничего не пишешь о деньгах, а может быть с переездами они тебе нужны. Ответа на это мое письмо ты не можешь, конечно, прислать очень скоро; твой ответ я получу к 20-му, — а ты напиши, сколько тебе нужно будет выслать денег. — Я писал тебе 4 января в Родовспомогательное Заведение; должно быть, ты уже получила это письмо. Там я писал о том, что извозчики отправились в Петербург, и что их можно застать 10, 11 и 12 января где-то в Перекупном переулке. Они должны были привезти тебе фунта 1½ масла; деньги будут уплачены здесь. — Маменька благодарит тебя за поздравление с ангелом. Денежное письмо не лучше ли адресовать в Родовспомогательное > Зав<едение>, — напиши об этом. — У нас стоят сильные морозы: вчера было 27°, сегодня 20°, а теперь к вечеру опять мороз усиливается. Как-то в Петербурге, стоят ли морозы? — Новостей у нас не много: умер Брандтовский управлявший Крылов¹ 7 января; говорят, что его падчерица сильно проигралась на вечере у Маккавеева 2 января, и его в ту же ночь хватил паралич, а потом он и помер. Хоронили в четверг. — Корженевские переехали на квартиру к Николаевским, и теперь у нас на дворе пока пусто. Хотим и мы переехать; кажется, есть квартира на Пудоожском тракте, не доходя до город<ского> училища. — В Петербурге поднят вопрос о закрытии нашей семинарии; говорят, что не нужна. Впрочем, есть противники закрытия в министерстве; вернее, что оставят.² Но мне все равно, пожалуй: год будут выдавать заштатное жалованье — 900 руб., потом выдадут 650 р. (пособие за 10-ти летнюю службу), а в это время можно будет пристроиться куда-нибудь. — Впрочем, теперь, поживши в Пет<ербурге>, ты можешь лучше сообразить: не будет ли удобнее перевестись мне в Пет<ербург> в гор<одское> уч<илище>, с казенной квартирой, конечно. Я бы перевелся с удовольствием.³ — Будь здорова, пиши скорее. Маменька кланяется и целует тебя, я — тоже.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Имеется в виду управляющий лесопильного завода, принадлежавшего торговому дому «Брандт Э. Г. и К^о», возможно, *Филипп Варламович Крылов*.

² 4 января В. А. Латышев писал Сологубу: «Но стоит на очереди другой вопрос, о котором Вы, по-видимому, еще не слышали: нужна ли Уч<ительская> сем<инария> в Вытегре, не стоит ли ее закрыть. Вопрос идет свыше, есть там же и противники закрытия. По этому поводу был послан запрос к директору сем<инарии>: сколько оканчивает курс, находят ли места. О значении вопроса К. К. С<ент>-Ил<ер> предупреждал директора через Н. И. Ах<утина>. Не знаю, что отвечал М<аккавеев>» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 392, л. 44).

³ Намерение переселиться в столицу Сологуб высказывал и ранее. 17 июня 1890 г. он писал В. А. Латышеву: «<...> работать стихами и прозой (чем я также занимаюсь) можно только при условии возможно большего общения с людьми и их общественными интересами, — я был поставлен вне такого общения. Обвинять в этом одну провинциальную жизнь несправедливо, потому что она все-таки жизнь. Скорее виноваты некоторые качества моей натуры, заставляющие меня чувствовать себя неловко под всеобщим вниманием, которым жители уездного городка дарят каждого, чтобы сплетнями о нем наполнить пустоту своей жизни. Люди, в кругу которых я вращался и которые не могли остаться без влияния на меня, были слишком погружены в мелочные интересы и до того пропитаны провинциальной одно-сторонностью и неподвижностью, что я мало выиграл в своем развитии от общения с ними. Газеты, журналы и книги не могли заменить живых людей, — да и средства мои были очень ограничены, а получать книги в провинции дешевым способом почти невозможно. Бросить занятия стихами и прозой мне не хочется и не захочется долго, хотя бы я так и остался неудачником в этой области, во мне живет какая-то странная самоуверенность, мне все кажется, что авось и выйдет что-нибудь дельное. Поэтому все чаще и чаще мечтаю о жизни, хотя бы на короткое время, т. е. на несколько лет, в Петербурге» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 2, № 30, л. 23 об.—24 об.).

14

19 января (31 января) 1892 г.

19 января 1892 г.

Вытегра.

Милая Оля!

Мы получили твое письмо с рассказом о твоих переездах 13-го января; надеемся, что ты теперь устроилась и живешь благополучно. Получила ли ты письмо, посланное 11 января? Не знаю, как лучше послать тебе письмо с деньгами: на квартиру или в заведение; где оно дойдет скорее? В прошлом письме я просил тебя написать мне об этом; жду теперь, не будет ли от тебя письма завтра. — У нас на прошлой неделе были сильные морозы, доходило до 30° Реомюра; в пятницу было -24° R, но сильный ветер, но вчера сделалось гораздо теплее; зато в 2 последние дня была сильная вьюга, намело много снега. Маменька простудила себе горло; теперь поправляется. Катерина ушла от нас 30 дек<абря>, теперь вместо нее Анна какая-то, ужасно глупая. На именинах у маменьки была только Юлия Воскресенская, да часа в 4 пришли Заякины, Мих<аил> Павл<ович> и Мар<ья> Матв<еевна>, сидели часов до 7, а потом пошли домой, потому что ждали к себе своих. Пошли и мы с маменькой вместе с ними, и сидели там до 11-ти часов. — К нам в семинарию ждут ревизора из Петербурга, да что-то не едет пока. Во время морозов и в классах и в общежитии было очень холодно. В классах верхнего этажа (2 и 3) было

иногда до 5° тепла; в нижнем этаже было теплее; самый теплый класс — приготовит<ельный>, — он не выходит на угол и потому его меньше продувает. В общежитии же было до 0 и даже немного ниже, так что замерзали чернила; и это несмотря на то, что топили хорошо и раза по 2 в день: на этот раз и дир<ектор> не жалел дров, — и все же нельзя было натопить достаточно, — так скверно построен дом. В нашей квартире не было так холодно, хоть топили не больше раза в день. Как-то у вас в Питере? Говорят, тоже были сильные морозы. Как идут твои занятия? Мы с маменькой желаем тебе наилучшего успеха в твоих делах. Починили ли твои часы, и ходят ли они теперь? — Розыгрыш благотворительной лотереи произойдет, кажется, не раньше конца января; говорят, что будет сделан второй выпуск лотерейных билетов, на ту же сумму и с теми же выигрышами; первый выпуск весь разошелся в столице и в больших городах и не дошел до окраины государства. Но 2-й выпуск, говорят, будет и последним. — Здешние знакомые кланяются тебе. Пиши почаще, как живешь, как твои дела. Напрасно ты все сидишь дома, не ходишь в гости, когда зовут твои подруги; отчего ж иногда и не развлечься. Маменька и я кланяемся тебе и целуем тебя. Будь здорова.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

15

20 января (1 февраля) 1892 г.

20 января 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

В этом письме досылаю тебе деньги; пишу его вечером, отправлю завтра, сегодня не успел, да и ждал твоего письма, которое пришло только сегодня. Но ты не написала, куда лучше адресовать тебе денежное письмо, так я отправлю его, как прежде, тебе на квартиру. Я писал тебе вчера, 19 января. Нового с тех пор, конечно, ничего не случилось. Погода у нас теперь хорошая, ясная, мороз небольшой. У маменьки горло больше не болит, так что она сегодня уж ходила к Пудровой и к Лейманову.¹ Мы с маменькой целуем тебя и желаем тебе успехов и здоровья. Починили ли тебе часы? Как поживаешь? Пиши чаще.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Имеется в виду магазин купца *Матвея Андреевича Лейманова*.

27 января (8 февраля) 1892 г.

27 января 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Сегодня мы получили твое письмо от 23 января. Денежное письмо я отправил тебе 21 января, во вторник, и адресовал его тебе на квартиру; теперь ты, должно быть, уж получила его. Твою посылку мы еще не получили; должно быть, на днях получим; извозчик этот еще не приехал. — У Раисы Петровны родился сын, в ночь с 19 на 20 января; назвали Петром; крестным отцом — Матвеев,¹ а крестной — мат^{<ерью>} — опять Евгения Ивановна.² Скоро ожидают того же Дроздова и Ахутина. — Ахутины были у нас вчера, а супруги Заякнины третьего дня. Твоя икра у нас еще цела, а сардинки твои вчера кончили. У нас на дворе с 1 февраля откроется портерная Басендовского, здешнего пивовара; теперь уже прорублена дверь на улицу. — Вчера у нас случилась покража: пришла наниматься какая-то крестьянская девица, да и украла из кухни булку. Маменька заметила это, когда та уж ушла. — Погода теперь у нас стоит довольно теплая, т. е. нет больших морозов, хотя и оттепели тоже нет. — Сегодня маменька была у Раисы Петровны; и она, и сын здоровы. — Как твое горло, поправилось ли? Маменькино горло теперь не болит. — Фельдшера Васильева я здесь не знаю; может быть, живет в уезде, а может быть, и в городе, да я ведь здесь не со всем городом знаком; во всяком случае едва ли он здесь очень знаменит. — Доктор Шлегель³ переведен отсюда в Повенец; на его место приехал новый; впрочем, это уж давно было. — А больше, кажется, и нет никаких новостей; все идет по-старому: Ахутин помаленьку грызется с директором, да мечтает о переводе, о том же мечтает и о. Павел Иванович. Вот разве только то новое, что Дроздов примирился с директором: сначала толковал о том, что не знает, подавать ли директору руку или нет, а теперь опять в дружбе: на днях был у дир^{<ектора>} и сидел там до 4-го часа утра, вместе с Подвысоцкими. Впрочем, этого и надо было ждать. Да и Оттилия Робертовна постоянно твердит, что как бы то ни было, а остальное время до пенсии надо прослужить. А все ж таки дир^{<ектор>} злобствует на Др^{<оздова>}, как и на Ахутина, зачем мало работают. Впрочем, говорит он, теперь им и работать не надо: Подвысоцкий так поставил 2 класс, где он состоит классным наставником, что воспитанники остальных классов сами подражают ученикам 2-го класса. — Хотят устроить на масленице вечер, да воспитанникам не слишком это нравится: боятся, что опять им придется быть где-нибудь на заднем плане, и ничего почти не слышать, а трудиться для посторонней публики. — Маменька и я целуем тебя и желаем здоровья и счастья. Пиши чаще.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Вероятно, *Петр Андреевич Матвеев* — гласный городской думы.

² Е. И. Соколова, сестра П. И. Соколова.

³ *Шлегель Михаил Алексеевич* — уездный врач, врач при Вытегорском двухклассном городском училище.

17

5 (17) февраля 1892 г.

5 февраля 1892 г.

Вытегра.

Милая Оля!

Мы получили твою посылку в прошлый понедельник, т. е. в тот день, когда я отправил тебе последнее письмо; письмо отправлено утром, а посылку принесли днем. Мы с маменькой очень тебе благодарны за посылку. Валенки оказались впору, только вверх пришлось немного разрезать, иначе не входили. Вся посылка пришла в исправном виде, только яблоки перемерзли, так что стучали об стол, как камешки. Остальное все было в очень хорошем виде. Извозчик ехал очень долго потому, что в одном месте ему пришлось стоять двое суток. — Кусочек твоей коврижки маменька хотела было снести к Марье Матвеевне, да не успела: коврижка была съедена раньше. — У нас стояли на той неделе и на этой опять большие морозы; вчера было 23° по Реомюру. По городу ходят нелепые слухи, что в пятницу (7 февраля) и в субботу будет мороз в 70°, и что это будто бы предсказал о. Иоанн Кронштадтский.¹ — В понедельник мы с маменькой были на именинах у Анны Павловны Заякиной. Кроме нас да Заякиных никого и не было; а вчера, во вторник, мы были у Нечаевых, — давно уж у них не бывали. — На будущей неделе в четверг у нас будет ученический вечер. — С 1 февраля начался розыгрыш лотереи, на наш билет крупных выигрышей, кажется, не досталось: здесь на телеграфе известны уже номера главных выигрышей, а завтра прочтем в газетах. Ну, да ведь и ждать было трудно; но, может быть, выпадет хоть маленький выигрыш. — Не думай, что нам остается мало денег; у нас на все прекрасно хватает, и долгов совсем нет; даже на книжку берем только у Пудровой, а мясо давно уже покупаем на деньги, потому что у Носеля Крана невыгодно брать; да и Пудровой уплату по книжке не затягиваем, так что наши-то дела хороши, а вот тебе потруднее обходиться. Поэтому, если понадобится, то, без всякого стеснения для нас, можно будет присылать и больше, — и ты не стесняйся, не экономничай слишком, а пиши, если тебе понадобится больше денег. — Тебе кланяются Нечаевы, Заякины и другие здешние знакомые. Мы с маменькой целуем тебя и желаем тебе всяких успехов и здоровья. Пиши, как поживаешь, как твои дела.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.²

¹ *О. Иоанн Кронштадтский (Сергиев Иван Ильич; 1829—1908)* — протоирей, проповедник, духовный писатель, настоятель Андреевского собора в Кронштадте; канонизирован православной церковью (1989).

² На полях зачеркнуто: «Третьего дня была мне крепкая дерка, маменька дала мне сотню ударов розгами; я так кричал и ревел, что охрип».

18

13 (25) февраля 1892 г.

13 февраля 1892 г.

Вытегра.

Милая Оля!

Извини, что долго не писал тебе: последнее письмо отправил 5 февраля, — все некогда было. Твое последнее письмо получено 8 февраля. — Это письмо придет к тебе уже в конце масляной недели; а у нас праздничная масленица началась только сегодня: сегодня уроков уже не было, а утром происходила репетиция завтрашнего вечера. Погода у нас стоит довольно теплая, начиная с воскресенья. В воскресенье солнце светило так сильно, что снег таял на солнечной стороне и капало с крыш. — Во вторник мы с маменькой были на блинах у Юнкеров.¹ Накануне, т. е. в понедельник, Юнкер с женой были у нас с визитом и звали на блины. Были, кроме нас, еще Ахутины да Костин. В воскресенье я был на блинах у Ахутина. — В пятницу на прошлой неделе директор выразил мне свое сожаление о том, что мои ученики не приготавливаются к вечеру и что я не забочусь нисколько об этом (а мне об вечере даже и не было сообщено директором). По этому поводу у меня с директором произошло довольно долгое объяснение, причем мы с ним основательно посчитались. Зашла речь и об визитах, о том, что он у меня ни разу не бывал. Он сказал мне, что я, конечно, имел право рассчитывать на его ответный визит, но что это произошло совершенно помимо его желания: он, мол, собирался ко мне в ближайшее же воскресенье, но был нездоров все это время, откладывал с воскресенья до воскресенья, и так не мог собраться; а между тем пришла Пасха, ему визитов не сделал никто, и он решил, что теперь его визиты запоздали. «Вы, — говорит директор, — всегда можете восстановить отношения, какие угодно; не мне же идти к вам навстречу». Но я указал ему, что его отношения к учителям вообще пренебрежительны. Объяснялись мы с ним долго, часа 2, и кончили ничем. Я согласился указать своим ученикам материал для чтения, но этим и ограничился, а показывать им, как надо читать, не стал; поэтому, едва ли они успеют приготвиться. — Говорят, что здесь выиграла 10 тысяч братья Пановы,² которые взяли билет вместе с своими какими-то родственниками, по купону на каждого, так что каждому пришлось по 2 тысячи. Открыта с 10 февраля продажа 2-го выпуска билетов. У нас неко-

торые уже записались в казначействе. — Кланяемся тебе я и маменька, целуем и желаем здоровья и всего хорошего.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Речь идет о семье *Константина Николаевича Юнкера*, лесничего Вытегорско-го лесничества.

² *Панов Гавриил Александрович*, гласный Вытегорской городской думы, член уездного податного присутствия, и *Панов Николай Александрович*, гласный городской думы.

19

21 февраля (4 марта) 1892 г.

21 февраля 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Твою посылку я получил с почты в воскресенье 16-го, а письмо в понедельник. За поздравления и пожелания очень тебе благодарен. Маменька очень тебя благодарит за платье и за платок. Только ведь тебе пришлось очень много издержаться на все это, — платок очень хороший и недешево стоит. Напрасно ты посылала в посылке письмо: все равно, отдельное письмо пришло как раз к сроку, а отправлять письма в посылках воспрещается, и всю посылку могли бы конфисковать, если б как-нибудь обнаружили письмо. — Маменька будет говеть на второй неделе. — На прошлой неделе у нас было довольно тепло, теперь стоят сильные морозы. Дни бывают ясные, солнечные, и в полдень, несмотря на мороз, на солнце очень сильно пригревает. Как-то ты справилась с своим зубом? Неприятно, что он у тебя разболелся именно на масленице. — Уроки на масленице кончились у нас в четверг, и я в этот день совсем нечаянно попал на блины к господам Заякиным. В пятницу мы с маменькой были на блинах у Марьи Матвеевны. В этот же день был у нас в семинарии литературный вечер. Было много гостей, были и старшие ученицы прогимназии, но их держали под строжайшим надзором и не подпускали к нашим воспитанникам, чем последние были, и совершенно справедливо, очень недовольны: очевидно, что здесь не могло случиться ничего неприличного. Угощение чаем, вареньем и булками для семинаристов и гостей было устроено в складчину: учителя сложились по рублю, а семинаристы по гривеннику. Впрочем, из всего этого угощения семинаристам отчисилось мало: все пошло гостям и в особенности гостьям. Пели и читали много и прошлогоднего; пели и неизбежных дев любви; вечер продолжался до 11 часов; семинаристы надеялись, что будут танцы, но за поздним временем не состоялось. — В субботу я с Заякиными (Мар<ьей> Матв<еевной> и Мих<аилом> Павл<ови-

чем>) в Вытегорский погост, к о. дьякону Маклеонову,¹ женатому на Лизавете Викторовой, которую ты, может быть, помнишь. В воскресенье я был дежурным, и пришлось возиться с тяжело заболевшим учеником. — Посылаю тебе в этом письме деньги. Если окажется рубль-другой лишний, то теперь можно купить купончик-другой 2-й благотворительной лотереи. — Желаю здоровья и успехов. Мы с маменькой кланяемся тебе и целуем тебя.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Вероятно, имеется в виду *Андрей Никитич Маклюнов (Маклеонов)* — законоучитель Кумчезерско-Покровского уездного училища, благочинный Покровской единоверческой церкви. См. также: Федор Сологуб в Вытегре. С. 285.

20

27 февраля (10 марта) 1892 г.

27 февраля 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Сегодня я получил твое письмо от 23 февраля, где ты рассказываешь про столкновение двух пылких особ на I курсе. Об этом происшествии я думаю совершенно так же, как и ты. Конечно, поколотить кого-нибудь — это такой поступок, которого похвалить нельзя. Но вполне понятно, что можно раздражить даже и очень смиренного человека до того, что он потеряет способность владеть собою и наделает того, чего в другое время и не желал бы делать. В этих случаях значительная часть ответственности падает на того, кто был зачинщиком и нанес первую обиду, особенно в том случае, если эта обида нанесена без достаточного основания, из одного только желания осмеять, сконфузить, обидеть. Насмешки над чужою внешностью, над чьими-нибудь привычками не могут быть никогда оправданы. Если же эти насмешки имеют вид какого-то задиранья, приставания к другим, то они и совсем неуместны для взрослых и уважающих себя особ. Поведение третьей особы, передавшей неуместный вопрос, тоже нельзя признать правильным; без этого необдуманного поступка дело могло бы и не принять такого оборота; всякий благоразумный человек, находясь в обществе лиц, готовых поспорить, должен стараться их примирить, успокоить, развести в разные стороны, отвлечь их внимание на другие предметы, во избежание неприятности быть свидетелем или участником чужих ссор, — но не науськивать их друг на друга. Затем, совершенно неблагоразумно требовать от начальства учебного заведения исключения одной из товарок. Это — неправильный образ действия, и начальство, конечно, не замедлит исполнить вторую часть просьбы, т. е. выдать документы просительницам, хоть бы их было даже и очень много. Да и немножко жестоко мешать человеку

учиться из-за личных отношений. Вообще, это дурная привычка из-за всякого пустяка обращаться к начальству. Лучше постараться обойтись своими средствами, — примирять, выразить порицание, прервать сношения с теми, кого признают виновными. Личные же их претензии друг к другу могут быть разобраны и без участия товаров: для этого есть суд и учебное начальство, и обиженные сами могут обратиться, куда пожелают. Это — вовсе не такой важный случай, чтобы из-за него стоило подымать длинные истории. Хотя он и разыгрался в такой громкий скандал, но все-таки дело остается совершенно ничтожным. — Так мне представляется значение этого дела. Пишу тебе все это потому, что ты желала знать мое мнение. Но, насколько я понимаю, мне кажется, что и ты думаешь приблизительно так же.¹ Какие же у вас еще случились 2 скандала? Напиши, если можно; напрасно ты думаешь, что у тебя выходит не то, что ты хочешь сказать. Последний случай ты рассказала вполне отчетливо, также и мнение твое об этом изложено достаточно полно. — Погода у нас теперь довольно теплая, дни чаще пасмурные, идет снег. Сегодня ясно, днем капало с крыш на солнце. На этой неделе маменька говеет, в субботу будет причащаться. — «Луч»² и «Иллюстрированный мир»³ мне высылали с начала года даром, но последний номер пришел от 18 февраля, и больше не присылают. Прекратился он или нет, — я ничего об этом не слышал и не читал. Кроме того, я выписываю газету «Новости».⁴ Больше ничего не получаю. — На днях получал письмо от Латышева. Пишет, что нашу семинарию, вероятно, переведут в Дерптский учебный округ и, может быть, уже с будущего года.⁵ — Что ты на это скажешь? Как переведут, куда, с нами или без нас, — ничего пока неизвестно. Здесь об этом еще ничего не знает никто, даже директор. — У нас назначен почетным попечителем на 3 года Звягинцев,⁶ но он еще у нас не был. — Умер старик Киселев,⁷ оставил 40 тысяч. — Знакомые тебе кланяются. Костин к нам ходит по-прежнему, с чего ему не ходить? — Мы с маменькой целуем тебя и желаем тебе успехов и здоровья.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ 23 февраля 1892 г. Ольга Кузьминична писала брату: «<...> в эту пятницу на нашем первом курсе произошла неприятная история; подрались две курсистки или, вернее, что одна поколотила другую, началось это так: одна, которая дралась, Великанова, уже третий год на первом курсе (ее, должно быть, помнит Заякина), ходит на лекции очень редко и всегда до безобразия намазана: все лицо, глаза, брови, точно кукла; все ее за это осуждали, старались ее обходить, она это, конечно, все замечала и не старалась с нами сближаться, но никогда никого из нас не задевала; в эту пятницу, между репетициями, Левкович (это которую била Великанова) стояла недалеко от Великановой с Функельштейн и с целью, конечно, чтобы задеть Великанову, сказала Функельштейн, чтобы она спросила, где та покупает себе белила, румяна и черную краску для бровей; Функельштейн пошла и передала все это Великановой, хотя та и сама все это слышала, но, если бы к ней не обратились лично, она, конечно, опять промолчала бы, а когда ее уж спросили, она была очень сконфужена да и рассердилась, ведь это при целом курсе, она Левкович обзвала старой девкой (а у Левкович есть муж и четверо детей) и еще сказала, что ей завидует Левкович, и еще там как-то ее ругала, я не слышала, и в доказательство того, что она не мажется, готова

вымываться при всех, но только чтобы Левкович перед ней извинилась при нас <...> Левкович не стала иначе извиняться, как только после мытья Великановой, та согласилась и на эту уступку, вымылась, но только без мыла, а так как она намазана жирными белилами и румянами, то они и не сошли, Левкович стала требовать, чтобы Великанова <ова> мылась в другой раз в аудитории и непременно с мылом <...> Великанова отказалась мыться, упала в обморок, потом скоро так вскочила и принялась бить по щекам и по голове Левкович <...> Едва Великанов оторвали от Левкович, заставляли Великанову извиняться, она не хочет, а пошла в контору и написала директору прошение. Несколько человек, пока еще шесть только, да, верно, больше-то и не будет, составили бумагу директору такого содержания: «Честь имеем просить Ваше превосходительство уволить с первого курса слушательницу Великанову, в противном случае просим возвратить нам наши документы. Слушательницы I курса: фамилии». Они думали, что все подпишут, а оказывается, что только шесть из 60 человек могли подписать, а все остальные отказались. Эти шесть обещают нам полное презрение, мы, по их мнению, подлые трусы, и они нам не будут подавать своих рук. По моему мнению, Великанова вынуждена была себя защищать, ведь она тех не тронула, кто ее не трогал, и эта Левкович очень несимпатичная особа и притом дерзкая. Я, если бы подписала, так себя считала бы трусихой, потому что не сочувствую Левкович и подписывать этот глупый приказ директору вовсе не желаю и ни за что не подпишу...» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 934, л. 113—116).

² «Луч» — бесцензурная политическая, литературная и общественная газета, издавалась в Петербурге в 1890—1903 гг., в 1890—1896 гг. редактор-издатель *Окрейц Станислав Станиславович* (1836, по другим сведениям 1834—после 1921) — публицист, мемуарист. В 1892 г. Сологуб опубликовал в газете стихотворения: «Сонет» («Полон ты желаньем дела...»; 7 января, № 3. С. 1); «Сказки невесте» («Время смеет чудесные сказки...»; 9 января, № 4. С. 1); «Беглянка» («Раз шалунье-капле стало скучно в море...»; 4 февраля, № 15. С. 1); «На озере» («Надутый ветром серый парус...»; 6 февраля, № 16. С. 1).

³ «Иллюстрированный мир» — с 1 июля 1890 г по 1903 г. — еженедельное приложение к газете «Луч», редактор-издатель С. С. Окрейц. Сологуб начал печататься в еженедельнике в 1890 г., в № 4 (28 января) он поместил стихотворения «Не гаси в своем сердце пожар...», «Се жених грядет в полночи» («В час внезапный, неизвестный...»), «Сердце просит любви, сердце полно тоской...»; в течение 1890 г. в «Иллюстрированном мире» были напечатаны его стихотворения: «Слезы» («Ты печальна. Друг мой, слезы...»; 4 февраля, № 5. С. 55); «Бледная ночь» («Небо бледно-голубое...»; 18 февраля, № 7. С. 78); «Свидание» («Долго играла заря и смеялась...»; 25 февраля, № 8. С. 91); в 1891 г. — стихотворения: «На реке и на погосте» («И дымят, и свистят пароходы...»; 5 мая, № 18. С. 206); «Тучи и ветер» («Тучки реют над ласковым небом...»; 12 мая, № 19. С. 218); «Утро» («Мутное утро грозит мне в окно...»; 19 мая, № 20. С. 230); «Не жалуйся» («Не жалуйся, что ты на свете одинок...»; 23 июня, № 25. С. 291); «В июле» («Томителен июльский зной...»; 30 июня, № 26. С. 303); в 1892 г. — «Летний вечер» («Вечереет. Смотри...»; 26 января, № 4. С. 38); «Кувшинчики» («Сидел я под окном. Два мальчика босые...»; 9 февраля, № 6. С. 59).

⁴ «Новости и биржевая газета» — ежедневная политическая, литературная и экономическая газета; издавалась в Петербурге в 1883—1905 гг.; редактор-издатель О. К. Нотович. 30 января 1892 г. Сологуб впервые отослал в редакцию газеты свои стихотворения: «Что жалеть о разбитом бокале!..» (13 декабря 1889); «Тихо день догорал...» (30 апреля 1890); «Я упивался негой счастья...» (4 августа 1891); «Влетает злая жизнь! Ни счастья, ни свободы...» (7 августа 1891). В 1904—1905 гг. Сологуб опубликовал в газете серию общественно-политических статей.

⁵ См. письмо В. А. Латышева от 20 февраля 1891 г. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 392, л. 45).

⁶ *Зявигицев Аркадий Илларионович* — начальник Вытегорского округа путей сообщения.

⁷ *Киселев Петр Васильевич* — городской голова, председатель городской думы, председатель правления Вытегорского вольного пожарного общества, член попечительного совета женской прогимназии.

6 (18) марта 1892 г.

6 марта 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Твое последнее письмо я получил в понедельник, 2 м<a>r<та>, а посылку только в среду: в понедельник не успел, а во вторник было некогда, был дежурным. Очень благодарен тебе за пальто; оно хорошо сидит и красиво на вид. Но только зачем ты тратилась на него? У меня осеннее пальто еще есть, и оно прекрасно еще могло бы служить, — а тебе твои деньги могли бы пригодиться на тебя самое. Ты, должно быть, уж слишком экономничаешь, если можешь делать такие дорогие расходы. — Маменька говорит, что ты обещала ей прислать к весне тальму,¹ или что-то вроде. Твоих денег, конечно, не хватит, так ты напиши, сколько надо будет тебе прислать для этого, да напиши поскорее, чтоб тальма поспела к Пасхе. — Пальто совсем впору; я уже надевал его в среду утром, потому что в тот день было тепло; перчатки тоже впору, и за все присланное очень тебе благодарен; только боюсь, что ты разорешь себя. — Маменька здорова, а говела она на второй неделе потому, что тогда службы короче. И кофта, и юбка маменькины хороши, и впору, и сидят хорошо, маменька тебя за них благодарит. — Что касается вашей истории между Вел<икановой> и Лев<кович>, то, конечно, ты поступаешь очень благоразумно, если не участвуешь в ней. Соображение о том, что скажут студенты, очевидно, нехорошее и трусливое соображение: каждый должен жить своим умом, а не умом студентов, которые и сами-то еще, по большей части, более иди менее наивные мальчики, не могущие еще служить для других образцами. — Павел Иванович² спрашивал меня на днях, что стоит учиться на ваших курсах, можно ли поступать пансионеркой и за какую плату и т. д.; должно быть, это ему нужно для его сестры? Я все эти сведения (о приеме пансионерками, о плате за них) не совсем твердо помню и обещал ему спросить у тебя. Напиши, пожалуйста, об этом обстоятельно, чтоб можно было вполне удовлетворять Павла Ивановича. — Была ли ты на экзамене сельских бабок? В газете «Новости» общалось кратко об этом экзамене.³ — У нас здесь теперь довольно тепло, днем каплет на солнце, но бывают ветры, и снегу очень много. — Вембер⁴ писал Ахутину, что нашу семинарию предполагается перевести в гор<од> Валк, Лифляндской губернии; в прошлом письме я, кажется, писал тебе, что и я получил письмо от Латышева с таким же известием. Г-жа Вембер писала об этом под секретом начальнице прогимназии, а та проболталась, и теперь уж некоторые в городе знают об этом предположении. — Заякина предполагают перевести в Лодейное Поле заведующим, а на место Цв<еткова>, который выйдет в отставку,

переведут из Лод<ейного> П<оля> Пашковского.⁵ Мар<ья> М<атвеевна>⁶ уже заранее злится на то, что А<нна> П<авловна> и Пр<асковья> М<атвеевна>⁷ тоже хотят переселяться туда же. — Мы с маменькой целуем тебя и желаем здоровья и успехов.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Тальма — женская длинная накидка без рукавов.

² П. И. Соколов.

³ В газете «Новости» сообщалось, что 27 февраля 1892 г. в Надеждинском родовспомогательном заведении проходил публичный экзамен школы сельских повивальных бабок. См.: Новости. 1892. 29 февр. (12 марта), № 59. С. 3.

⁴ *Вембер Петр Васильевич* — соученик Сологуба по Учительскому институту, впоследствии инспектор народных училищ г. Либава.

⁵ *Пашковский Михаил Федорович* — выпускник Учительского института 1881 г., член Лодейнопольского уездного училищного совета, заведующий Лодейнопольским двухклассным городским училищем, впоследствии учитель-инспектор Коломенского городского училища в Петербурге.

⁶ М. М. Заякина.

⁷ А. П. Заякина и П. М. Заякина.

22

13 (25) марта 1892 г.

13 марта 1892 г.

Вытегра.

Милая Оля!

Твое последнее письмо мы получили в понедельник, 9 числа. Надеюсь, что ты получила то письмо, которое я послал тебе 6 марта. У нас случилась большая неприятность для нашего родителя: пропал кот. Сбежал в воскресенье, и с тех пор не возвращался, и нигде не находится.¹ Маменька слышала вчера от нашей Анны, что на огороде у Ратьковых² лежит какой-то мертвый кот, ходила туда посмотреть сегодня утром, но оказалось, что это не наш. Зато маменька встретила какого-то кота, как будто нашего, который оглядывался на кличку Цыган, но убежал в квартиру к Петру Ратькову; если наш, то, значит, очень одичал. Так и не приходит до сих пор. — Погода у нас стояла довольно теплая, но сегодня идет снег, вообще, в этом году было много снегу. — На прошлой неделе в четверг, 5 марта, у нас были Ахутины, Юнкеры и Копытов. В воскресенье, 8 мар<та>, мы с маменькой были у Ахутиных; у них ожидается в скором времени приращение семейства. В пятницу 6 марта были с маменькой у Юнкеров; совсем, значит, закружились в вихре увеселений. — На днях получил печатное уведомление от «Луча», что газета временно приостанавливается по болезни Окрейца и потому, что на этот год оказалось мало подписчиков и потому газету издавать не на что. 20 февраля назначена была продажа с торгов права на издание «Луча», но почему-то продажа отложена. Впрочем, обещают, что газета приостановлена только на короткое время, а затем подписчики будут удовлетворены

вполне. — Новостей у нас никаких пока нет. Время идет ужасно быстро, так что и не замечаешь его, и не успеваешь опомниться, как пролетают недели за неделями. Меньше, чем через 3 месяца, мы с тобою увидимся, — вот уж как мало осталось времени. — Кончились ли ваши истории на курсах? Можно думать, что такие страшные особы, как Марья Матв<еевна> Заякина, часто встречаются, и у вас таких субъектов много. Кстати, забыл написать, что в субботу, 7 марта, у нас были все Заякины. Праск<овье> Матвеевна, кажется, очень не нравится, что Заякина хочет перевести в Лодейное Поле. «Как же мы-то останемся?» А Мар<ья> Матв<еевна> очень была бы рада: и берет ужасная злость, зачем существуют эти 2 особы. — Еще забыл тебе сообщить: у Мар<ьи> Матв<еевны> умерла мать, в Дерпте. — Не забудь написать (я просил тебя об этом в прошлом письме), сколько тебе надо прислать денег в марте, чтобы маменьке купить тальму. Да, если тебе нужно что покупать, ты не стесняйся: теперь у нас будет много денег: скоро получим майские квартирные. — Мы с мам<енькой> целуем тебя.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

На полях: В фев<альскую> книгу «Сев<ерного> вестника» попали мои стихи.³ Это хорошо: «С<еверный> в<естник>» — журнал солидный, не «Луч» и не «Свет».⁴

¹ Ср. эпизод с котом в романе Сологуба «Мелкий бес»: «Варвара с озобоченным лицом встретила Передонова. „Ардальон Борисыч! — воскликнула она, — у нас-то какое приключение! Кот сбежал“. — „Ну! — крикнул Передонов с выражением ужаса на лице. — Зачем же вы его отпустили!“» (гл. 19).

² Вероятно, имеются в виду *Ратьков Александр Васильевич*, действительный член Губернского статистического комитета, почетный мировой судья, действительный член Петрозаводского благотворительного общества, и *Ратьков Петр Васильевич*, гласный губернского земского собрания, председатель уездной земской управы.

³ Речь идет о первой публикации Сологуба в журнале «Северный вестник»: в № 2 за 1892 г. было опубликовано его стихотворение «Вечер» («Что за прелесть! Смотри...»). 12 марта 1892 г. Сологуб писал Н. М. Минскому: «Многоуважаемый Николай Максимович! Приношу Вам мою глубочайшую, искреннюю благодарность за Ваше дорогое для меня внимание к моим стихам и за Ваше любезное уведомление о стихотворении, напечатанном в „Северном вестнике“. Прошу извинить, что не мог ранее выразить моей благодарности: „Сев<ерный> в<естник>“ в нынешнем году я не получаю, февральской книжки до сих пор не видел и о напечатании стихотворения узнал только из Вашего письма. Примите уверения в глубочайшем почтении и совершенной преданности, с которыми имею честь быть Ваш покорнейший слуга Федор Тетерников» (РО ИРЛИ, ф. 39, оп. № 345, л. 3). О сотрудничестве Сологуба в «Северном вестнике» см.: *Курпатовский В. П.* Поэты-символисты в журнале «Северный вестник» // *Русская советская поэзия и стиховедение.* М., 1969. С. 125—128; *Сологуб Ф.* Переписка с Л. Я. Гуревич и А. Л. Вольнским // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год.* Л., 1974. С. 112—130; *Дикман М. И.* Поэтическое творчество Федора Сологуба // *Федор Сологуб.* Стихотворения. С. 13.

⁴ «Свет» — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета. Издавалась в Петербурге в 1882—1917 гг. В 1889 г. в газете были опубликованы стихотворения Сологуба: «Детское пенне» («Я слушаю детское пенне...»; 28 мая, № 120. С. 3); «Я любил. Мечтою чистой...» (20 июня, № 138. С. 3).

21 марта (2 апреля) 1892 г.

21 марта 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Посылаю тебе в этом письме 30 руб. Не будет ли это тебе мало? Если мало (особенно в том случае, если почему-нибудь не придется получить обещанной работы), то напиши: можно будет успеть выслать еще. Твое последнее письмо от 11 марта получено в понедельник, 16 марта. О. Павел Иванович и Евгения Ивановна благодарят за доставленные сведения. — Я писал тебе последний раз 13 марта; надеюсь, что теперь ты получила это мое письмо. У нас стояла довольно теплая погода, и порядочно таяло. Но третьего дня выпало много снега, и теперь город на зимнем положении, хотя вчера на солнце было 10° R тепла. Судя по газетным известиям, у вас в Петербурге в начале недели было тепло. — На днях получил письмо от Латышева,¹ где опять повторяется известие о вероятном переводе нашей семинарии в Дерптский уч^{ебный} округ, но прибавлено, что, должно быть, переведут со всем штатом. — В прошлое воскресенье мы с маменькой были у молодых Заякиных. Они, по обыкновению, ссорятся. М^ар^я М^атвеевна все собирается в мае ехать домой, в Дерпт. — Подвысоцкий надеялся, кажется, на перевод в Берлин; неизвестно только, какое могло бы быть место в Берлине. Но теперь, по-видимому, перестал уже ждать этого перевода, а вообще собирается будущий год жить в Вытегре: о предполагаемом переводе в Дерпт^{ский} округ еще ничего здешним, кроме меня и Ах^{утина}, неизвестно. Ах^{утин} получил от Вембера письмо с известием, что для семинарии нашей найден уже и город: Валк² в Лифл^{яндской} г^{убернии}; на железной дороге. — Знают об этом, впрочем, еще Соколов и Костин: Ах^{утин} нашел нужным их предупредить. — Пасха нынче случалась в неудобное число: 5 апр^{еля}. Если бы она была не раньше 10-го, то апрельское жалованье выдали бы перед Пасхой; а нынче не дадут. — Желая тебе получить занятия перед Пасхой: может быть, и успеешь заработать что-нибудь. Но только, если мало будет, то, пожалуйста, напиши: можно будет успеть еще до Пасхи прислать. Мы с маменькой целуем тебя и желаем успехов и здоровья.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

Р. С. Как ваши дела? Прекратились междоусобия или все еще продолжаются?

¹ См. письмо В. А. Латышева Сологубу от 12 марта 1892 г. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 392, л. 46).

² Ныне — г. Валка в Латвии. См. также примеч. 1 к п. 30.

28 марта (9 апреля) 1892 г.

28 марта 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Твое последнее письмо я получил во вторник, 24 марта; посылка получена в четверг, 26 марта. Посылка дошла совершенно хорошо, только коврижка немного потерялась от веревки. Маменька тебя благодарит за тальму и башмаки; только ей кажется, что тальма длинновата, хоть это и не совсем верно: тальма, мне кажется, впору, — вершка на $1\frac{1}{2}$ или на вершок не хватает до полу. Башмаки тоже немного длинноваты, но, впрочем, сидят хорошо. — Ты на эту посылку много потратилась, и теперь у тебя, может быть, мало денег; если тебе будет надо денег, так ты напиши. — Наш Цыган нашелся: пропадал он ровно неделю, и в следующее воскресенье вернулся сам, чем ужасно обрадовал родителя. Потом маменька уж боялась выпускать его на двор, и пускала только на чердак. — Погода у нас теперь совершенно зимняя; навалило много снегу, часто бывают сильные ветры и даже стоят небольшие морозы. В Благовещенье шел сильный снег, и была метель; поэтому маменька уверена, что в Пасху будет непременно худая погода. Сегодня почти ясная погода; хоть на небе и носятся облака, но солнце светит почти все время. Какая-то погода у вас в Петербурге? — Удалось ли тебе получить обещанную работу на микроскопической станции?¹ — У нас сегодня в семинарии были почти все уроки (кроме последнего). Своим дежурством на страстной неделе в субботу я поменялся с Иваном Александровичем Копыт<овым>, так что мне придется дежурить, как прошлый год, в самое Светлое Хр<исто-во> Воскресенье. — В прошлое воскресенье было у нас целое скопище гостей: Ахутины, Кикины, Соколовых трое: чета супругов и Евгения Ивановна. Павел Иванович на этой неделе служит для наших школьников, которые теперь говеют. — Новостей у нас никаких не слышно; старое по-старому, нового ничего. — Желая весело встретить праздник. Мы с маменькой целуем тебя и желаем здоровья и успехов.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.²

¹ Речь идет о работе на микроскопической станции при Санкт-Петербургской городской бойне.

² Далее зачеркнуто: Меня на днях маменька опять высекла.

2 (14) апреля 1892 г.

2 апреля 1892 г.
Вытегра.Христос воскрес!

Милая Оля!

Поздравляю тебя с Праздником Светлого Христова Воскресенья; маменька тебя тоже поздравляет. Это письмо ты получишь, должно быть, в понедельник. Если бы оно пошло с предыдущей почтой, то попало бы к тебе в субботу; а к воскресенью, стало быть, его пригнать и нельзя. Мы с маменькой целуем тебя и желаем весело встретить и провести праздник. Письмо твое, написанное в Благовещенье, получил 30 марта, в понед<ельник>. Сейчас получил другое твое письмо, от 29 марта. За поздравление очень благодарен, но — я не говел на этой неделе: авось, можно будет пропустить этот раз. — Я тебе писал последний раз 28 марта, значит, ты могла получать письмо не раньше среды на Страстной неделе. Там я тебе, кажется, писал о Цыгане, что он нашелся: пришел сам после недельного отсутствия, сильно отощал; теперь дома и не пропадает. — О чем это Вы с Дмитрием ухитрились побеседовать целый вечер?¹ Должно быть, он был очень красноречив, если нашел материала для беседы; а ты пишешь, что он не сообщил ничего интересного! Надеюсь, что ты и от нас поклонилась нашим родственникам; а если не сделала этого, то следующий раз передай наши с маменькой поклонны. — У нас были морозы, хоть и маленькие; в последние дни стало теплее, а сегодня светит солнце, есть теплый ветерок и понемногу тает. Впрочем, дороги еще не испортились: почта ходит довольно исправно и сегодня к нам принесли твое письмо в 4 часа дня. — Я слежу по газете «Новости» за температурой у вас в СПб. Сегодня напечатано, что в воскресенье утром (29 марта, в 7 ч. утра) было немножко больше 0°, значит начинает делаться теплее и у вас, — и слава Богу, давно пора быть настоящей весне, а то зима у нас уж слишком запоздала. — Маменька мешок от тальмы отпорол: так ей кажется лучше; ворот у тальмы немного тесноват, да это можно переделать. — Благодарим тебя за тальму и маменька, и я. — Будь здорова; мы с маменькой целуем тебя и желаем успехов и весело провести Пасху. — 1 апреля я был у Заякиной: она была именинница в тот день.²

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.¹ См. примеч. 1 к п. 11.

² Имеется в виду М. М. Заякина; 1 (14) апреля отмечается память прп. Марии Египетской.

26

11 (23) апреля 1892 г.

11 апреля 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Твое последнее письмо мы получили в понедельник, 6 апреля. Надеюсь, что и ты получила мое письмо в тот же день. Праздники прошли, как всегда, очень быстро и незаметно. Мы с маменькой были в понедельник у Заякиных, сидели недолго, до 10 ч.: у Марьи Матвеевны разболелась голова, она легла спать, а мы напились чаю да и ушли. Вчера были вечером у Кикиных, где были и Соколовы, но сидели тоже часов до 10. В воскресенье я был дежурным: поменялся с Копытовым, а вместо субботы дежурил в первый день Пасхи. В воскресенье днем были у нас Ахутины с старшею дочкой. Ждали на второй день приращения семейства, но ребенок родился только в четверг, и, к великой радости Ахутина, родился сын, которого назвали Александром. Ахутин, конечно, сияет от восторга. — В четверг вечером были у нас Кикина и Соколова, а потом пришли Нечаевы. Сидели часов до 12. Нечаев был очень взволнован городскими слухами о том, что семинарию закрывают или переводят. Об этом теперь говорят уже многие в городе, и всем это рассказала начальница прогимназии, которая узнала про это от жены Вембера по секрету. Нечаеву не нравится перспектива потерять 420 р. в год, и он очень негодует на то, что ему никто не рассказал всего заблаговременно и подробно. Беда только в том, что мы здесь никто не знаем наверное, будет ли семинария переведена или нет. — Кроме Ахутиных, в первый день праздника были у нас: Нечаев, Костин, Смелов, Подвысоцкий, Копытов и Юнкер. Директору я визита опять не делал; не делали ему визитов еще о. Соколов, Ахутин и Костин. Директор отдавал визиты тем, кто у него был, в среду, и в этот день мы с Ахутиным встретили его у Копытова: мы сидели там, а он пришел. — Погода у нас довольно теплая, снег сильно тает, на улицах везде грязь и лужи. — Как ты встретила и проводила праздники? — Вскрылась ли у вас Нева? Говорят, что нынче она должна вскрыться 10 или 11 апреля. Мы с маменькой кланяемся тебе и целуем тебя.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

19 апреля (1 мая) 1892 г.

19 апреля 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Как поживаешь, здорова ли ты? На Пасхе ты писала, что простудилась и от ветчины захворала; прошло ли все это? Последнее письмо твое я получил 12 апреля, в воскресенье; почта нынче запоздывает на целые сутки; а с этою субботнею почтой, которую мы получали сегодня утром, твоего письма нет. — Мы покупали нынче окорок у Гусева, небольшой, фунтов в 10, но он у нас и теперь еще не кончен. — Погода у нас была пасмурная и холодная, а сегодня очень тепло и солнце светит; снег везде сошел, Вытегра давно уже вскрылась. Вскрылась ли теперь Нева? — Вчера я узнал, что Заякины на нас очень рассержены; стало быть, ухитрились и с нами поссориться! Возвращаясь вчера с маменькой из церкви, они высказали ей свою обиду. Дело было так: 10 апреля мы с Костиным отправились днем к Юнкерам поиграть в шахматы. На улице около клуба встретились с Мих<аилом> Пав<ловичем> и Мар<ьей> М<атвеевной>, — они гуляли с ребенком; — мы объяснили им, что идем к Юнкеру, они сказали, что собирались к нам после прогулки. Я говорю, что у Юнкера побуду недолго и вернусь домой к тому времени, когда они к нам придут; а пока мама дома. Но они объявили, что в таком случае они придут в другое время. Теперь оказывается, что они очень оскорбились тем, что я пошел к Юнкеру, а не отправился домой — ждать их часа два! — Само собою разумеется, что ни объясняться, ни извиняться я перед ними не намерен, и не пойду к ним, пока они сами не придут. А не придут — и слава Богу. Слишком много у них претензий, и очень нахальных! Почему же я не мог располагать временем, пока они гуляют, и должен был непременно дома готовиться к такой высокой радости? Вообще, я буду очень рад, если от них избавлюсь. Особенно маменька у них — пренеприятная и преневежливая. В понед<ельник> на Пасхе сами нас зазвали, а потом в 10-м часу Праск<овья> Матвеевна объявляет нам: «Пора и домой идти, надо и Мише отдых дать!» Пренахальные людишки! — Пиши скорее, как поживаешь. Мы с маменькой целуем тебя и желаем всего хорошего. — Хотел было отправить письмо сегодня, да лучше отправлю завтра — с деньгами. Если не хватит, то напиши: в мае квартерные — можно выслать.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

28 апреля (10 мая) 1892 г.

28 апреля 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Третьего дня получил твое последнее письмо от 21 апреля. Ты пишешь в этом письме, что заведение предполагают закрыть с 15 мая до 1 сентября. Стало быть, и занятия ваши в это время прекратятся, и для вас будут каникулы, или вы будете заниматься в другом помещении? Напиши об этом; это очень интересно знать. — Что касается нас, то говорят, что закрытие нашей семинарии с тем, чтоб открыть вместо нее семинарию в Дерптском уч^{ебном} округе, уже решено. Но наверное здесь еще ничего не известно. — Завтра у нас назначен совет, на котором и будут назначены экзамены. Директор и не подозревает, что семинарии угрожает опасность, и строит вокруг семинарского двора новый забор. Особых денег ему начальство не отпустило на постройку забора, хоть он и просил об этом, и потому забор строится на хозяйственные средства. — У Дроздова недавно родилась девочка. Ахутины окрестили своего сына на прошлой неделе. Крестным отцом был Юнкер, а крестил о. Павел. — У старшей дочери Дроздова — скарлатина, и он теперь не является в семинарию. — В пятницу встретился на улице с Заякиными, — встретились совершенно дружелюбно, долго объяснялись, — и на другой день они пожаловали к нам: значит, не удалось поссориться. — У нас настали наконец совсем теплые дни. Погода ясная, светлая, на улицах грязь везде обсохла, и только почта по-прежнему запаздывает, и почтальоны приносят газеты позже обыкновенно на целые сутки. — Вчера мы с маменькой были у Нечаевых; Нечаев очень сожалеет, что отказался в прошлом году от каких-то мест в Кириллове и Десятинах¹ на работах по переустройству системы. — Я на днях дал твой адрес Евгении Ивановне Соколовой; она хотела тебе писать о чем-то, и ты теперь, должно быть, уж получила это письмо. — Мы с маменькой кланяемся тебе и целуем тебя, желаем тебе здоровья и успехов в занятиях.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ Имеется в виду село Деятины, расположенное в 22 верстах от Вытегры.

30 апреля (12 мая) 1892 г.

30 апреля 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Сейчас получил твое письмо, написанное 27 апреля. Из этого письма видно, что ваши занятия окончатся 7 мая, и что до сентября у вас не будет приемок. Стало быть, летом ты будешь свободна, а потому не лучше ли тебе будет приехать на лето в Вытегру? Маменьке, кажется, очень не хотелось бы ехать в Петербург на лето. Напиши, что ты об этом думаешь, и напиши также, сколько тебе надо будет прислать денег на дорогу. — Пароходы от Вытегры до Вознесенья уже ходят, уже около недели тому назад начали, — а от Петербурга теперь, должно быть, тоже скоро начнут ходить большие; по каналам же судоходство уже началось. Онежское озеро, кажется, еще стоит. — С Заякиными мы помирились, как я тебе писал в прошлом году <письме? — Т. М.>. Заякин рассчитывал занять место Цветкова, который собрался выходить в отставку, но теперь вдруг передумал и хочет остаться. — Вчера у нас был совет, на котором распределены экзамены. В приготовительном классе экзамены окончатся 22 мая, — значит, мне уж не долго остается работать. Пиши скорее ответ. Я писал тебе третьего дня (надеюсь, что ты получила это письмо), а теперь пишу опять, чтоб поскорее узнать, как ты думаешь поступить. Маменька кланяется тебе и целует тебя. Желаем тебе успеха на экзаменах.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

Р. S. Если будешь свободна, то лучше приезжай: ты лучше нас с маменькой сумеешь продать нашу мебель, если придется отсюда выбирать совсем. А это, кажется, будет нынче, хоть мы ничего и не знаем, и директор преспокойно строит забор. Но Душечкин¹ писал Ахутину, что К. К. Сент-Илер сказал ему, что перевод семинарии — дело решенное.²

¹ Душечкин Яков Иванович (1864—?) — соученик Сологуба по Учительскому институту, учитель-инспектор Новгородского городского училища, впоследствии учитель Выборгского городского училища, редактор журнала «Учительское дело», составитель учебных пособий: «Раздельная азбука» (Новгород, 1895), «Сборник игр с указаниями, относящимися к постановке и воспитательному значению их» (СПб., 1903, «Наша речь» (М., 1909), экземпляры которых с дарственной надписью Я. И. Душечкина имелись в библиотеке Сологуба (см.: Шаталина Н. Н. Библиотека Ф. Сологуба. Материалы к описанию. С. 439, 457, 492).

² Далее зачеркнуто: Этот месяц для меня был тяжелый: я получил две сильные порки.

6 (18) мая 1892 г.

6 мая 1892 г.
Вытегра.

Милая Оля!

Посылаю тебе в этом письме немного денег из квартирных. Посылаю мало потому, что не знаю, как устраиваются твои дела, свободна ли ты теперь или нет. Если свободна, то приезжай сюда. Третьего дня получил письмо от Латышева: он пишет, что наша семинария еще на один год останется на месте со всеми служащими; стало быть, этот год вполне обеспечен.¹ Я уже писал тебе, что маменьке не хочется ехать летом в Петербург, и потому, если ты летом свободна, то время до сентября, я думаю, лучше провести в Вытегре. Если денег тебе мало будет, то напиши или пошли телеграмму, где достаточно обозначить только число денег; телеграмма будет всего из 5 слов: Вытегра, учителю Тетерникову, (число руб. цифрами), Тетерникова. Число из цифр считается за одно слово, если не больше 5 цифр, это будет стоить 40 коп. — Посылаю деньги поздно потому, что получил квартирные только 4 мая, 5 не успел отправить, не знаю, открыта ли будет почта сегодня. Если ты будешь свободна с 7 мая и уедешь вскоре, то это письмо может тебя и не застать; вот почему я и не решаюсь послать теперь больше. В прежних письмах ты не писала определенно, прекратятся ли у вас занятия вполне или нет. Я тебя спрашивал об этом уже в двух письмах, но твой ответ не может прийти раньше, как завтра. — Новостей у нас нет. Александра Михайловна² выражала желание, чтоб ты приехала, — еще повидаться этим летом, а то потом, может быть, нас с Ах<утиным> разведут в разные города. — Мы с маменькой целуем тебя и желаем успеха в экзаменах. Будь здорова, — авось, скоро увидимся.

Любящий тебя брат
Федор Тетерников.

¹ См. письмо В. А. Латышева Сологубу от 29 апреля 1892 г. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 392, л. 47). Учительская семинария в Вытегре была закрыта, согласно постановлению Министерства народного просвещения, 1 июля 1894 г. В постановлении отмечалась необходимость открыть классы Валжской учительской семинарии (см.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1898. Т. 13. С. 447—448); на это событие Сологуб откликнулся в статье «По поводу закрытия некоторых учительских семинарий» (Русский начальный учитель. 1894. № 8—9. С. 382—390).

² А. М. Ахутина.

Н. В. Измайлов

ВОСПОМИНАНИЯ О ПУШКИНСКОМ ДОМЕ. 1918—1928 гг.

Публикация Н. А. Прозоровой

Судьба известного пушкиниста Николая Васильевича Измайлова (1893—1981) неразрывно связана с историей Пушкинского Дома. Трудные годы политических преобразований после революции, неустроенные в бытовом и психологическом отношении, были пережиты им вместе со старейшими пушкинодомцами Б. Л. Модзалевским, Н. А. Котляревским, Б. И. Копланом, И. А. Кубасовым, П. Е. Рейнботом и другими. Напрямую коснулись его и драматические события «академического дела». Воспоминания Измайлова — это хроника Пушкинского Дома 1918—1928 гг., но хроника не сухая, а наполненная заботами, тревогами, надеждами и интересами людей, стоявших у истоков его основания.

Работа над воспоминаниями проходила в 1968—1970-х гг., и еще при жизни автора они были подготовлены к печати, а затем опубликованы в журнале «Русская литература» в сокращенном варианте.¹ В сокращенную редакцию по понятным причинам тогда не вошли отдельные эпизоды из жизни видных пушкинистов, имеющие как фактическое значение (арест Б. Л. Модзалевского в 1924 г.), так и касающиеся их внутренней жизни (примирение Модзалевского с Лернером после долголетней ссоры), а также различные детали и события, передающие тот особый дух и творческий настрой, который изначально был присущ коллективу пушкинистов.

В опубликованную часть воспоминаний не были включены живые портреты-характеристики М. Д. Беляева, П. Е. Рейнбота, Б. И. Коплана, Е. П. Казанович, представляющие несомненный интерес. Опущен при публикации был и небольшой рассказ о похоронах Модзалевского (в котором Николай Васильевич делился своими личными переживаниями), а в истории с передачей и отправкой Онегинского музея из Франции в Пушкинский Дом не описана причина (невыдача заграничного паспорта), по которой Измайлов не выехал в Париж. Остались неизданными страницы об Академии наук середины 1920-х гг., размещавшейся в нескольких зданиях, с ее небольшим штатом, минимальным издательским аппаратом и «решительно устаревшим» жалованием сотрудников.

Кроме того, вызывает сожаление тот факт, что записки о литературном быте пушкинодомцев крайне малочисленны,² и поэтому публикация воспоминаний Измайлова в полном объеме кажется нам необходимой.

Николай Васильевич Измайлов родился 27 ноября (9 декабря) 1893 г. в г. Борисоглебске Тамбовской губернии в дворянской семье. Отец ученого — юрист, адвокат Измайлов Василий Владимирович (1862—1931), мать — Измайлова (урожд. Гавская) Зоя Николаевна (1861—1930).³ В 1907 г. семья в полном составе (в ней были еще старшие сестры — Наталья и Анна) переехала в Петербург. После окончания Тенишевского реального училища Николай Васильевич поступил в 1911 г. на славянское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета, где учился у профессоров И. А. Шляпкина, А. А. Шахматова, П. А. Лаврова, И. И. Толстого. В Пушкинском семинарии С. А. Венгерова он прочитал свою первую исследовательскую работу «Пушкин и кружок любителей». В годы I-й мировой войны находился в действующей армии, сначала в передовых санитарных отрядах Красного креста и Союза городов (начальник транспорта; 1914—1915), а затем служил прапорщиком в 104-й артиллерийской бригаде (1916—1917). После демобилизации в чине прапорщика артиллерии в конце 1917 г. вернулся в университет и окончил его в декабре 1918 г.

С ноября 1918 г. Измайлов работал в I-м отделении IV секции Единого государственного архивного фонда в качестве архивариуса (с 1920 — заведующий отделом), изучал материалы В. П. Боткина в Пушкинском Доме, а с 1919 г. состоял при кафедре русской литературы в университете. В эти же годы ему удалось прослушать и окончить Архивные курсы при Петроградском археологическом институте.

В Пушкинский Дом Николай Васильевич поступил в сентябре 1920 г. и рассматривал это как «одно из важнейших событий» в своей жизни. В течение долгих лет он находился рядом с близкими по духу, хотя и разными по характерам, людьми и ощущал этот коллектив своим «домом», в каком бы помещении «дом» ни находился. Не случайно его память сохранила все мельчайшие подробности пушкинского быта: размещение столов сотрудников, «шкафов и шкафиков», и даже цвета обоев музейных зал.

«Вскоре после моего поступления, — вспоминал Измайлов, — появились вернувшиеся в Петроград старые сотрудники Пушкинского Дома или его друзья — Михаил Дмитриевич Беляев (из Симбирска), Иван Андреевич Кубасов (из Астрахани), Модест Львович Гюфман (из Чернигова); тогда же вступил в него Павел Евгеньевич Рейнбот...».⁴ Собирал их Борис Львович Модзалевский, с ним они списывались и узнавали о возможности возвращения из городов, куда выезжали из столицы, спасаясь от голода, в тяжелые послереволюционные годы. Не без чувства растерянности и тревоги писал Модзалевскому из Полтавы юрист, секретарь Пушкинского лицеистского общества П. Е. Рейнбот с просьбой выслать разрешение на выезд в Петроград для работы в Пушкинском Доме. М. Д. Беляев, работавший в те годы в Симбирске по устройству Симбирского художественного музея и Симбирского губернского книгохранилища, тоже интересовался у Бориса Львовича: «Главный вопрос, вот какой — можно ли жить в Петербурге и в частности могу ли я надеяться работать в Пушк<инском> Доме? И если да, то на каких условиях. Мне бы хотелось работать по музейно-художественной части Дома, т. к. в этой отрасли я более понаоторел».⁵ Вернулся в Петроград и И. А. Кубасов, командированный Академией наук в Астрахань для собирания материалов к Ежегоднику «Наука в России» и задержавшийся там по «обстоятельствам» голодного времени. Пришли в те годы в Пушкинский Дом и лица с «литературными фамилиями» — А. А. Достоевский, С. А. Островский, Н. А. Пыпин и другие.

Сформированный к 1921 г. состав сотрудников Пушкинского Дома с небольшими изменениями работал вплоть до так называемого «академического дела», начавшегося осенью 1929 г. Несмотря на «кочевание» с бесценными материалами из

одного помещения в другое, этот коллектив вел интенсивную собирательскую, исследовательскую, публикаторскую работу (вышло более 50 книг) и выставочную деятельность.

Николай Васильевич Измайлов, поступив в Пушкинский Дом в качестве научного сотрудника, с 1921 г. был ученым хранителем рукописей, а с 1924 г. — заведующим Рукописным отделом. Его научная работа в эти годы касалась исследований творчества А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, А. Н. Островского, декабристов, а также редактирования (после смерти Модзалевского) сборника «Пушкин и его современники». В эти годы вышла работа «Пушкин. Очерк жизни и творчества» (Л.; М., 1924), а участие в издании «Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832» (Л., 1927) принесло большое творческое удовлетворение. Помимо работы в Пушкинском Доме Измайлов с 1925 г. по 1928 г. состоял научным сотрудником I-го разряда в Научно-исследовательском институте сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском университете. Такое совмещение было вызвано, вероятно, необходимостью обеспечивать семью, которая к тому времени у него появилась: в 1923 г. Николай Васильевич женился на Наталье Сергеевне Платоновой, дочери академика С. Ф. Платонова, а в 1924 г. у них родилась дочь Татьяна.

Долгожданным и счастливым событием для пушкинотомцев стало получение Онегинского музея из Парижа весной 1928 г., передача и отправка которого из Франции была сопряжена с большими юридическими и организационными трудностями.⁶

Летом 1926 г. С. Ф. Платонов был в двухмесячной заграничной командировке в Германии и Франции с научными целями (для занятий в библиотеках и архивах) и по вопросам урегулирования дел, связанных с Онегинским собранием.⁷ Однако, находясь во Франции с 18 июня по 28 июля и работая в контакте с Полпредством, «ликвидировать в Париже все вопросы, связанные с Онегинским музеем», Платонову не удалось. В письме к М. Волошину от 9 сентября 1926 г. Платонов сообщал об Онегинском музее: «Вывести (музей. — Н. П.) не удалось, так как, опечатав квартиру Онегина, французское правительство с наследства Онегина желает получить законные пошлины, а по связи с Музеем возбуждает некоторые теоретические вопросы».⁸

Осенью вновь вернулись к обсуждению кандидатуры для поездки за музеем. На заседании Президиума Академии наук 27 ноября 1926 г. было признано необходимым фактическое участие представителя Пушкинского Дома в приемке Онегинского музея, для чего было решено: «командировать на 1 месяц в Париж Н. В. Измайлова, с ассигнованием ему на эту командировку 750 руб. из золотого кредита АН на командировки. Относительно расходов по упаковке и отправке Музея Онегина в Ленинград ожидать дальнейших сообщений».⁹ Кандидатура Измайлова, блестяще владевшего французским языком¹⁰ и к тому же пушкиниста, устраивала Академию, но поездка его так и не состоялась. После долгих хождений за разрешением на выезд, стало ясно, что власти решили заграничный паспорт не выдавать. «Очень удивлен и очень огорчен осложнением в деле поездки за Онегинским музеем... — писал 6 января 1927 г. Модзалевский Платонову. — Что же теперь делать?»¹¹ Похоже, что в феврале месяце 1927 г. обмен телеграммами между С. Ф. Ольденбургом и полпредом СССР во Франции Раковским еще оставлял надежду на выезд Измайлова, но к апрелю необходимость в назначении новых кандидатов стала очевидной: Ленинградский административный отдел так и не выдал нужного разрешения. Полномочия от Академии приняли на себя пребывавшие тогда во Франции академики — М. М. Богословский, а затем А. Н. Крылов. Когда же и Крылов был вызван в Москву в ноябре 1927 г., вся фактическая работа легла на Анну Богдановну

Фёрингер.¹² И физик по специальности, Анна Фёрингер, работавшая в Париже непосредственно для международного издания (*Tables Annuelles de Constantes physiques et chimiques*), организовала отправку музея Онегина. «Позвольте обратиться к Вам от имени Пушкинского Дома, — писал Измайлов Фёрингер, — прежде всего за тем, чтобы выразить глубокую благодарность за все заботы и хлопоты об Онегинском музее, которые Вы взяли на себя ради пользы Пушкинского Дома, и несли и несете уже несколько месяцев. Благодаря энергичным действиям Вашим и Алексея Николаевича Крылова дело, тянувшееся более пяти лет, казавшееся иногда совершенно безнадежным, приходит к концу, и если теперь уже скоро Онегинский музей будет в стенах Пушкинского Дома, то этим в значительной степени мы будем обязаны Вам и Алексею Николаевичу».¹³

Печальным предвестником «академического дела» стал для пушкинистов неожиданный арест Б. Л. Модзалевского, организованный Н. М. Орлеанским, «случайным у нас человеком», по словам Измайлова, и вахтером Филипповым, написавшим на Бориса Львовича в ОГПУ донос. Потрясенный чудовищностью обвинения (в махинациях с государственными средствами и государственным имуществом Пушкинского Дома), Модзалевский был посажен на несколько дней в камеру вместе с уголовниками. В письме от 18 января 1924 г. к М. О. Гершензону он писал: «...со мной случилось страшное несчастье: кто-то (вероятно, из младших моих служащих, т<о> е<сть> служителей) послал на меня донос в Уголовный розыск, с обвинением в ряде преступлений, — и я был арестован (12 января) и продержан в тюрьме с ворами, хулиганами и подобной публикой до 16 числа, когда вернулся домой, разбитый физически, а главное — морально. Сын все время был занят хлопотами по моему делу и утешал мою жену...».¹⁴ Сохранилась сопроводительная записка Льва Борисовича к передаче в камеру: «Б. Л. Модзалевскому. Посылаем: 1. подушку. 2. чай. 3. сахар. 4. масло. 5. хлеб. 6. булки. Не волнуйся, береги себя. Академией предприняты шаги. У нас все благополучно. Сын».¹⁵ В записке зачеркнуты пять наименований продуктов и вещей, видимо, неразрешенных зрителем к передаче. На записке имеется приписка: «12 января 1924 года 12½ ч. дня. Папа арестован 11 января утром по доносу негодяя И. Т. Филиппова, служителя П<ушкинского> Д<ома>».¹⁶ После трехдневных хлопот С. Ф. Ольденбурга Борис Львович вернулся домой «разбитый физически и душевно». На заседании Отделения русского языка и словесности 29 января Модзалевский попросил об освобождении его от исполнения обязанностей директора Пушкинского Дома (не объясняя, впрочем, истинной причины своего отказа, а, ссылаясь на «необходимость приготовить несколько экстренных работ для предстоящего 125-летнего Пушкинского юбилея»), при этом академик С. Ф. Платонов согласился взять на себя руководство Пушкинским Домом до возвращения из заграничной командировки Н. А. Котляревского. Уголовное дело № 4426 по обвинению Модзалевского по ст. 116 УК было прекращено на основании Постановления ВЦИК от 1 и 28 августа 1924 г.¹⁷

«Дело» Модзалевского, по мнению пушкинородцев, ускорило его смерть 3 апреля 1928 г. Мрачное предчувствие охватило Н. В. Измайлова в день похорон Бориса Львовича. Сообщая о пушкинородском горе М. Н. Сперанскому в Москву 4 апреля 1928 г., Николай Васильевич писал: «Так это неожиданно и дико, что не можем еще освоиться с этой мыслью, и все это кажется странным и невозможным. Пушкинский Дом осиротел и сейчас наше будущее совершенно темно».¹⁸ 1928 г. был последним годом перед началом «академических пертурбаций».

Первый гром грянул в июле-августе 1929 г., когда подразделения Академии наук подверглись «пересмотру личного состава». Сразу после отъезда директора Пушкинского Дома академика С. Ф. Платонова в Крым в Дом отдыха «Гаспра» в

Ленинград приехала Комиссия по проверке аппарата Академии наук под председательством Ю. П. Фигатнера.

Измайлов вместе с женой Натальей Сергеевной и пятилетней дочерью Татьяной тоже находились в то время на отдыхе — в Анапе. Из газет и писем они узнавали о работе Комиссии. «По-видимому, работа Комиссии должна окончиться в течение двух-трех недель, — сообщила Наталья Сергеевна отцу. — Коле пишут, что особым циркуляром прекращен отпуск тем служащим, которые жили недалеко от Л<енин>гр<ада>, относительно же тех, кто находится далеко, — решено *пока* их не вызывать. Все же мы готовы к тому, что Коле придется уехать отсюда раньше меня».¹⁹ Среди сотрудников академических учреждений начались волнения, стали появляться первые списки уволенных. «Ник<олай> Вас<ильевич> прислал сегодня срочную телеграмму Кубасову, — писала Платонову из Ленинграда его дочь Вера, — с вопросом, надо ли спешно возвращаться; ему отвечали, что пока не надо».²⁰

Во время первой «чистки» академических учреждений, закончившейся к концу августа, особенно пострадала Библиотека Академии наук, для личного же состава Пушкинского Дома она прошла менее болезненно. В письме к С. Ф. Платонову в Крым от 15 августа 1929 г. И. А. Кубасов писал:

«Я не хочу отравлять Вам Ваших минут отдыха (если только Вы отдыхаете), но у меня, простите, есть (являлась) просто потребность не то, чтобы уронить перед Вами слезу, но высказаться за всю семью Пушкинского Дома. Мы пережили тяжелые минуты, тяжелые дни, но, по счастью, все для нас обошлось более или менее благополучно... <...> многих из нас тягали по одиночке на допрос (в числе их — Бор<иса> Ив<ановича>, Рейнбота, Комарову, Переселенкова, Достоевского, С. А. Шахматову-Коплан, Населенко и др.), но и это сошло более или менее благополучно: из сотрудников П<ушкинского> Д<ома> никого не извлекали на всенародное позорище, никого не пытали перед Общим собранием (как сотрудников других учреждений) и никого не уволили. Комиссия мне *приказала* снизить Е. П. Населенко (по молодости) и Н. М. Орлеанского (по старости); через 48 часов, согласно приказа, постановление Комиссии было приведено в исполнение... <...> У всех у нас несколько отлегло от сердца, ибо, памятуя процедуры и результаты чистки учреждений очищенных перед нами, мы ждали худшего; но все же мы еще не успокоились, ибо „работа“ Комиссии еще не закончена. Более всех, как Вам, вероятно, известно, пострадала Библиотека... <...>

Работа, конечно, замедла, ибо каждый день заседания, совещания, и все время — напряженность и нервное ожидание „чего-то“ еще, ибо, повторяю, работа Комиссии еще не закончена. (Она предполагает закончить свои работы к 23—25 числу августа.)

Не смею докучать Вам более. Скажу только в заключение, что на деятельность П<ушкинского> Д<ома>, на его работу Комиссия пока что взглянула благосклонно и внесла только одно пожелание — увязать более его работу с марксизмом.

Разрешите на этом закончить мое письмо-рапорт».²¹

К письму была сделана приписка: «Н. В. Измайлов проявил излишнюю нервность и даже наказал себя, израсходовавшись на посылку срочных телеграмм; но ему ничего не угрожало и не угрожает. Я постарался успокоить его».²² Однако дальнейшее развитие событий показало обратное. После летнего отдыха 29 августа семья Измайловых выехала в Ленинград, не предвидя, разумеется, того, как драматически отразится на ее судьбе начавшиеся «академические пертурбации».

Вторая волна «чистки» началась в октябре 1929 г. и продолжалась по декабрь 1930 г. Главный удар «академического дела» был направлен на учреждения, которыми руководил Платонов — Библиотеку АН, Пушкинский Дом, Археографическую комиссию.²³ Обвинение, в конечном счете предъявленное Сергею Федоровичу, за-

ключалось в том, что Платонов будто бы собрал в академических учреждениях убежденных монархистов для подготовки заговора и восстановления монархии,²⁴ создав для этой цели «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России».

Поводом ко второй волне увольнений, арестов, а впоследствии — приговорам к расстрелам и ссылкам в лагерь явилось заявление в прессе 6 ноября 1929 г. о том, что в Академии наук спрятаны важные политические документы, которые были «найжены» Правительственной комиссией Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР по проверке аппарата Академии в Библиотеке, Пушкинском Доме и Археологической комиссии.²⁵ В связи с этим от должности неперменного секретаря был отстранен С. Ф. Ольденбург, бывший заступником и покровителем пушкинотомцев, а затем в отставку подал Платонов и начались аресты в учреждениях, им возглавляемых.

14 ноября были уволены и арестованы Николай Васильевич Измайлов и заведующий музеем М. Д. Беляев по обвинению в «незаконном хранении архивных документов».

В течение зимы 1929—1930 гг. были арестованы работавшие в академических учреждениях бывшие военные, участники будто бы «военной секции» заговора, к которой был «причислен» и Измайлов, причем ОГПУ отводило ему «руководящую роль в создании практической деятельности организации».²⁶

Работа в Пушкинском Доме в это время замерла. В осторожном письме к М. А. Цявловскому от 19 декабря 1929 г., едва касаясь опасной темы, П. Е. Рейнбот писал: «Я все еще жив, в чем Вы имели бы полное право сомневаться... На письмо Ваше не ответил сразу по уважительной причине — сейчас скажу о ней, а затем — наступили времена и события Вам известные — заниматься было совершенно невозможно, руки опустились».²⁷ И далее, говоря о задержке печатания «Пушкина и его современников», отмечает: «С уходом Н. В. (Измайлова. — Н. П.) все перепуталось...».²⁸ В январе 1930 г. был арестован С. Ф. Платонов, а позднее из пушкинотомцев — Б. И. Коплан, Б. М. Энгельгардт (тогда он работал в БАН), Н. А. Пыпин, А. А. Достоевский, П. И. Зиссерман. 2 февраля 1931 г. на заседании Чрезвычайного общего собрания Академии наук СССР С. Ф. Платонов был исключен из числа действительных членов Академии.²⁹

В феврале, мае, августе 1931 г. последовали одно за другим вынесения приговоров. Н. В. Измайлову, якобы возглавлявшему «военную организацию», грозил расстрел. Тяжелое испытание выпало на долю его родных: в 1930 г. умерла мать Зоя Николаевна, а в 1931 г., не вынеся горя, трагически оборвал жизнь отец, Василий Владимирович.³⁰

8 августа 1931 г. Н. В. Измайлов был осужден по ст. 58 к ссылке в Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет. Там он работал экономистом-статистиком. Летом 1932 г. Наталья Сергеевна навестила мужа, а затем вскоре приехала на Печору к мужу жить вместе с дочерью.³¹ С. Ф. Платонов был выслан в Самару сроком на пять лет и умер в ссылке в 1933 г. В июле 1934 г. Измайлов был освобожден и получил возможность вернуться в Ленинград; судимость была снята гораздо позже — на основании указа Президиума Верховного Совета об амнистии 27 марта 1953 г., а полная реабилитации произошла 20 июля 1967 г. по Постановлению Верховного суда СССР (реабилитирован как и все участники «академического дела» — «за отсутствием события преступления»). По воспоминаниям сотрудницы Пушкинского Дома Л. Н. Назаровой, для которой Николай Васильевич был и наставником и чутким другом, большую поддержку в хлопотах по реабилитации оказал в то время Н. В. Измайлову академик Михаил Павлович Алексеев.

Боль тех лет, вероятно, жила в Измайлове до конца жизни, но в сдержанном (даже осторожном) тоне публикуемых воспоминаний не нашла и не могла найти

своего отражения: о ней можно только догадываться. Непопулярная в семидесятые годы тема академических репрессий не стала объектом рассмотрения Николая Васильевича как в силу объективных, так, возможно, и в силу личностных причин, и потому фактически законченные и подготовленные к печати воспоминания имеют хронологическую границу 1928 г. и обрываются до начала «академического дела». Довоенный архив ученого, в котором могли быть свидетельства (или следы) текущих событий 1929 г., погиб в блокаду. Не характерно было для Николая Васильевича делиться рассказами об обстоятельствах ареста и заключения даже с самыми близкими людьми. Но его размышления о пережитом, записанные спустя сорок лет после начала «академического дела», все же сохранились в небольшой тетради, озаглавленной «Тетрадь XYZ». Она начинается с *Пролога*:

«Перед моими глазами упорно появляется и стоит одна картина. Ее можно назвать фантастической, ведь она — плод моего воображения, и я не знаю, было ли когда-нибудь, и если было, то в каком виде, то, что я себе представляю. Но по существу, по смыслу последующих событий, *так должно было быть*, — быть может, только в других формах. И это доказывается эпилогом всей истории, которую я задумал рассказать, эпилогом, происшедшим почти через сорок лет после этой представляющейся мне картины, или, лучше сказать, сцены».³²

Далее Измайлов подробно описывает эту сцену: в кабинете начальника управления ОГПУ СССР собираются будущие исполнители «академического дела» и некий «московский представитель» знакомит их с секретной директивой, спущенной сверху. Суть ее заключается в необходимости замены старой интеллигенции новыми кадрами, в особенности в области гуманитарных и исторических наук. Но как уничтожить это «вражеское гнездо», эту «цитадель дореволюционной интеллигенции», чего так добивается историк М. Н. Покровский? «Бороться с Платоновым, Тарле и проч. на их собственной, научно-исторической территории — невозможно: слишком неравны силы, слишком слабы новые, окружающие Покровского кадры, — пишет Измайлов, — использовать приближающуюся „чистку“ состава Академии Наук (о „чистке“ скажу особо. — *Н. И.*) — не даст того, что нужно, т. к. „чистка“ не может коснуться крупных ученых, в особенности — академиков и членов-корреспондентов. Да и „чистить“ известных профессоров, авторов многих трудов, мотивируя их увольнение плохой работой, уж очень неудобно, особенно в глазах „заграницы“».³³ И остается один путь — объявить известных историков контрреволюционерами, готовящими заговор против Советской власти, но как это сделать, если нет никаких доказательств подобного заговора? И это знают все: и палачи, и жертвы. «Заговора быть не может уже потому, — пишет Измайлов, — что невозможно себе представить, чтобы такой человек, как академик Сергей Федорович Платонов, почти 70-летний историк с глубоким и тонким пониманием исторического процесса, мог поверить в его возможность, т. е. в возможность организации заговора и возможность самого переворота, и возглавить его. Не может быть и в силу объективных причин — в силу отсутствия почвы для заговора (по крайней мере, для заговора интеллигентского, а не массового типа, с реставрационными целями), в силу отсутствия связей у группы академиков и профессоров в какой бы то ни было среде, способной к политическим движениям — студенческой, военной, не говоря уже о рабочей и крестьянской...».³⁴ И поскольку такая контрреволюционная организация не существует реально, она должна быть создана (так говорит «московский представитель») «здесь», в ОГПУ и воплощена в «факты».

Так небольшая тетрадка «XYZ», сохранила для нас свидетельство того, как именно Н. В. Измайлов понимал стратегические цели и тактические задачи сфабрикованного ОГПУ «академического дела». Дело готовилось, по мнению Измайлова, постепенно, начиная с массовых кратковременных арестов: в июне 1927 г., «прошу-

пываний» и «проверок», а затем сбора «первоначального материала» во время «чистки» осенью 1929 г.

«Несмотря на арест, — писал Измайлов в своей автобиографии, — мои работы в эти годы продолжали печататься. В 1930 г. вышел сборник «Тургенев и круг „Современника“» под моей редакцией, издание „Переписки“ Тургенева с Боткиным под общей редакцией Н. Л. Бродского и моей, статьи в сборниках „Пушкин и его современники“ (вып. 38—39, 1930) и „Памяти П. Н. Сакулина“ (1931); в собрание сочинений Пушкина — приложение к „Красной Ниве“ (1930) и ГИХЛ (1931, 1934 и след.) — вошли приготовленные Б. В. Томашевским и мною тексты стихотворений».³⁵

В 1930-е гг. Пушкинский Дом утратил свое привычное название и стал именоваться Институт новой литературы (ИНЛИ).³⁶ За реформу Пушкинского Дома последовали радикальные перемены в личном составе. Еще в сентябре 1929 г. из Москвы был срочно вызван А. Е. Ферсманом академик П. Н. Сакулин, устроившийся в Ленинграде «по-студенчески», сняв комнату, а в декабре Академия наук постановила «считать ак<адемика> П. Н. Сакулина избранным директором П<ушкинского> Д<ома>».³⁷ В мае-июне Сакулин выслал из Москвы свою библиотеку и научный архив (20 ящиков с книгами), готовясь на новом месте продолжить научную работу, но судьба распорядилась иначе: 7 сентября 1930 г. Павел Никитич скоропостижно скончался.³⁸ Вскоре во главе Пушкинского Дома встал А. В. Луначарский. Состав сотрудников Пушкинского Дома к этому времени поменялся коренным образом. С горечью писал в сентябре 1931 г. М. А. Цявловскому уволенный из Пушкинского Дома П. Е. Рейнбот:

«Завтра исполняется 10 месяцев со дня извержения моего из Пушк<инского> Дома. Сам „Дом“, как Вам известно, перестал существовать. За девять месяцев появилось целое новое поколение, „зачатое“ после того, как Академия постановила: „принять меры к скорейшему назначению мне пенсии“».³⁹ Одновременно с П. Е. Рейнботом был «уволен на пенсию» Иван Андреевич Кубасов, еще недавно единодушно избранный старшим ученым хранителем Пушкинского Дома. Обеспеченный темпом замены старых кадров новыми, но смирившийся с нею (возможно, только на словах), Иван Андреевич радел прежде всего об интересах дела и просил оставить его в институте хотя бы на некоторое время. «...Я считаю именно своим долгом закончить дело ликвидации не разобранных и не зашифрованных коллекций и дублетно-обменного фонда, — писал Кубасов в заявлении Непременному секретарю АН 2 января 1931 г., — каковое в наикратчайший срок и с наименьшей затратой материальных средств могу (да по существу и должен) закончить я лично, ибо никто лучше меня не знает состава фондов библиотеки, историю накопления их...».⁴⁰

Однако принципиально изменить было уже ничего нельзя. Никто из уволенных из института и репрессированных (кроме Измайлова) в дальнейшем уже не вернулся на службу в Пушкинский Дом. Петр Иванович Зиссерман был расстрелян. Вскоре по возвращении из ссылки умер Андрей Андреевич Достоевский. Михаил Дмитриевич Беляев жил в Ростове-Ярославском (Ростов Великий), а затем обосновался в Москве. Борис Иванович Коплан работал в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра.

По возвращении в Ленинград (1934) Н. В. Измайлов продолжил научную деятельность: участвовал в подготовке Академического издания полного собрания сочинений Пушкина, Пушкинской выставки 1937 г., консультировал на «Ленфильме» картину «Юность поэта», работал над монографиями о поэмах Пушкина «Полтава», «Езерский» и «Медный всадник». В 1939—1941 гг. Николай Васильевич преподавал на филологическом факультете Ленинградского университета.

Началась война, и в сентябре 1941 г. Н. В. Измайлов был эвакуирован в г. Чкалов (Оренбург). Семья его, Наталья Сергеевна с дочерью, а также родная сестра Наталья Васильевна (Ната) остались в Ленинграде.

При переезде из Ленинграда в Чкалов (5—23 сентября 1941 г.) Измайлов вел короткие подневные путевые заметки, сохранившие характерные детали быта первых месяцев войны. Вот некоторые записи из его «Дневника путешествия»:

«7 сентября. 5 час<ов> утра, приезд в Шереметевку (Шлиссельбург) под дождем. Воздушные бои и бомбежка. Переход на пристань, погрузка в баржу. Днем переход в Ладожский канал на 5-й км. Стоянка до вечера.

8 сентября. Плавание по Ладожскому каналу в барже (голодно!). Дождь. <...>

14 сентября. Путь в эшелоне. Оричи — отличный буфет, кипяток и проч. Котельнич — эвакупункт. Неудачная попытка добыть хлеб. Пересадка на Горький невозможно. Поздно вечером — приход в Киров II (сортировочная). Долгая стоянка на путях вдали от вокзала. Сходить с поезда и оставаться в Кирове нельзя. Первая незамаскированная станция и город. <...>

19 сентября. Путь в п<оезде> № 4. Больше стоим, чем едем. В 9 час<ов> ст<анция> Шаля. С большим опозданием приходим в 6-м часу вечера в *Свердловск*. Дождь. Масса народа. Челябинский поезд давно ушел. Возня со сладчей вещей на хранение. Ночевка сидя на вокзале».⁴¹

Разлука с родными рождала взаимное беспокойство, но первое время особенно волновались о Николае Васильевиче оставшиеся в Ленинграде Наталья Сергеевна и Наталья Васильевна (Ната). Последняя писала брату в письме от 29 октября 1941 г.: «Дорогой мой, милый Николушка, как рады мы были получить твои две открытки с места, хотя и не очень веселые. <...> Сейчас тебе надо ловить всякую работу, хотя бы санитаря в больнице, чтобы был кусок хлеба; здесь бывает, что архитекторы работают санитарями. Мы живем понемножку, я каждую неделю бываю с ночевкой на В<асильевском> О<строве>, и уношу с собой запас тепла и уюта, — ведь это вся моя семья...».⁴² В квартире на Васильевском острове жила и родная сестра Натальи Сергеевны Мария Платонова (Маруся), долгие годы страдавшая ревматизмом суставов. Сентябрь и октябрь 1941 г. прошли для семьи Измайловых относительно благополучно: бомбежки не задели их дома, Наталья Сергеевна работала медицинской сестрой в больнице им. Эрисмана, а Наталья Васильевна в Публичной библиотеке. «Наша крохотная квартира, — писала Наталья Сергеевна мужу, — пока благополучна; наш район вообще оказался тихим: в бомбоубежище не ходим, т<ак> к<ак> оно у нас маленькое; первую неделю, пока оно не было устроено, я давала приют у нас в кухне и передней женщинам с детьми и старухам из верхних этажей. Мы здоровы, хотя все как-то заметно похудели».⁴³ Затем ситуация резко ухудшилась, письма Николая Васильевича не доходили до адресатов: в декабре заболела Татьяна и была помещена в больницу, в ту же больницу попала и Наталья Сергеевна с диагнозом дистрофия. В январе умерли от истощения Наталья Васильевна и родные сестры Натальи Сергеевны — Мария и Нина. Обо всем этом написала мужу в Чкалов Наталья Сергеевна в своем последнем блокадном письме от 21 марта 1942 г.,⁴⁴ сама она умерла 13 мая 1942 г. Истошенная голодом дочь Николая Васильевича Татьяна выехала в Чкалов к отцу в начале июня 1942 г.

В Чкалове Измайлов работал преподавателем русской литературы в Чкаловском государственном педагогическом институте, а также в 1944—1945 гг. состоял по совместительству сотрудником Чкаловского Областного института усовершенствования учителей по кабинету русского языка и литературы. Работа занимала все время Николая Васильевича и была его спасением. За время пребывания в Чкалове он прочел около 50 лекций о русской литературе и поместил в местной прессе около 30 статей на литературные и театральные темы.

30 ноября 1943 г. Николай Васильевич защитил в Москве в Институте мировой литературы им. А. М. Горького кандидатскую диссертацию «О творчестве Пушкина». Оппонентами его были профессора Д. Д. Благой, Н. Л. Бродский и М. А. Цявловский.

В сентябре 1953 г. Н. В. Измайлов (в это время судимость его была уже снята) вернулся в Ленинград. Здесь он продолжил работу, начатую еще в Чкалове — «Крестьянский вопрос в творчестве Пушкина», подготовил для «Библиотеки поэта» стихотворения Жуковского, прокомментировал по заданию ОЛЯ АН СССР вновь найденный автограф стихотворения А. С. Пушкина «Мирская власть», рецензировал работы для Пушкинского Дома и в 1954 г. читал лекции в Ленинградском государственном педагогическом институте.

Женой Измайлова в эти годы стала Наталья Александровна Чебышева, дочь известного историка литературы Александра Александровича Чебышева (1866—1917), с которой Николай Васильевич был знаком еще с 1925 г., когда Чебышева работала в Пушкинском Доме, выполняя работу в Рукописном отделе и библиотеке (1925—1931). Наталья Александровна участвовала в издании «Тургенев и круг „Современника“» (Л., 1930), которое редактировал Измайлов. Потом их пути разошлись. А после войны, в которой каждый из них потерял близких (Николай Васильевич — жену и сестру, а Наталья Александровна — мать), их судьбы соединились. Н. А. Чебышева, по специальности библиотечкарь-переводчик, долгие годы работала в библиотеках Института изучения мозга им. В. М. Бехтерева и Института экспериментальной медицины им. И. П. Павлова АН СССР. Ею составлены библиографии работ И. П. Павлова, Н. Е. Введенского, В. М. Бехтерева, В. А. Вагнера и др. Наталья Александровна, по всей видимости, обладала общительным характером, о чем свидетельствуют многочисленные шуточные послания, стихотворения и поздравления, написанные ею и к ней по разным случаям и сохранившиеся в архиве Измайлова. Особенно уютно и тепло было у Измайловых, вспоминает Л. Н. Назарова, в день именин Николая Васильевича, 19 декабря, когда Наталья Александровна принимала гостей — пушкинистов и тургеневедов.

В марте 1955 г. Н. В. Измайлов возвратился в Пушкинский Дом, где был зачислен в сектор новой русской литературы младшим научным сотрудником, затем с апреля 1956 г. утвержден в должности старшего научного сотрудника, а в 1957 г. стал заведующим Рукописным отделом (сменив Томашевского) и был им до 1970 г. Как заведующий Рукописным отделом вел большую работу по комплектованию архива (благодаря его заботам были переданы в архив материалы Волошина, Булгакова и многих других), был ответственным редактором и членом редколлегий ряда изданий отдела.

С конца 1950-х гг. являлся председателем текстологической комиссии и членом редколлегии по академическому изданию полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева. О работе Измайлова в Тургеневской группе Людмила Николаевна Назарова вспоминает с особой теплотой: «Николай Васильевич был очень терпелив, добр по отношению ко всем нам, в общем-то, конечно, очень мало опытным текстологам. Мы искренне его полюбили, он очень, очень многому научил нас. За годы, когда готовилось первое полное академическое издание, мы прошли у него настоящую школу текстологии и тургеневедения».⁴⁵

Научное признание Н. В. Измайлов получил прежде всего как пушкинист.⁴⁶ Оригинальный вклад в пушкиноведение внесли его работы о «Полтаве», «Медном всаднике», истории литературных взаимоотношений Пушкина и Мицкевича, источниках работы Пушкина над «Историей Пугачева», «Капитанской дочкой» и др. Начиная с 1922 г. Измайлов принимал участие во всех крупных изданиях, связанных с именем Пушкина. В качестве редактора текстов и автора примечаний участвовал

в составлении II—V, VIII, XI, XII, XIV—XVI томов Полного собрания сочинений Пушкина; редактировал многие издания сектора пушкиноведения. В июне 1963 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Текстологические и историко-литературные вопросы изучения Пушкина». Защита диссертации превратилась в своеобразный «юбилей», в подведение итогов работы Н. В. Измайлова более чем за сорок лет. За книгу «Очерки творчества Пушкина» (Л., 1975) Николаю Васильевичу была присуждена Пушкинская премия 1980 г.

Умер Николай Васильевич 2 мая 1981 г., похоронен на Большеохтинском кладбище в Петербурге.

Воспоминания публикуются по машинописному варианту, хранящемуся в РО ИРЛИ, р. 1, оп. 11, № 141. Часто встречающиеся в тексте сокращения слов, имен, отчеств и фамилий раскрыты без обозначения ломаными скобками. Текст разделен на абзацы публикатором; уточнена пунктуация. Правленный текст, зачеркнутый автором (или, возможно, редактором) дается в примечаниях. В комментариях акцент сделан на имена сотрудников Пушкинского Дома: по возможности приведены биографические сведения (в особенности это касается малоизвестных лиц), служебные перемещения, характер научных интересов. Данные о службе в ИРЛИ в большинстве случаев приводятся на основании архивных материалов (личных дел или трудовых списков).

Второй публикуемый документ — последнее письмо Натальи Сергеевны Измайловой (урожд. Платоновой; 1894—1942) из блокадного Ленинграда к Н. В. Измайлову в Чкалов (Оренбург), написанное 21 марта 1942 г. На конверте сохранилась помета Николая Васильевича о получении им письма 27 апреля. 13 мая 1942 г. Наталья Сергеевна не стало.

Выражаем благодарность Т. Н. Измайловой за передачу этого письма в Рукописный отдел Пушкинского Дома. Письмо хранится в личном фонде Н. В. Измайлова (ф. 714); часто встречающиеся сокращения слов, имен и отчеств раскрыты при публикации в ломаных скобках.

¹ Измайлов Н. В. Из воспоминаний о Пушкинском Доме (1918—1928) // Русская литература. 1981. № 1. С. 89—106.

² Ср.: Яковлев Н. Из воспоминаний о Пушкинском Доме // Звезда. 1969. № 8. С. 165—174; РО ИРЛИ, р. 1, оп. 2, № 394 (Беляев М. Д. Пушкинский Дом и его первые обитатели); Российская национальная библиотека (далее — РНБ), ф. 326, № 18—20 (Дневники Е. П. Казанович).

³ Биографические и служебные сведения здесь и далее приводятся на основании: РО ИРЛИ, ф. 150, оп. 2, № 191 (личное дело Н. В. Измайлова), а также на основе автобиографий и анкет, хранящихся в его личном фонде 714 (не обработан).

⁴ Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. (наст. публикация).

⁵ РО ИРЛИ, ф. 184 (письмо М. Д. Беляева к Б. Л. Модзалевскому от <5 декабря> 1920 г.; фонд не обработан).

⁶ Об истории взаимоотношений А. Ф. Онегина с Академией наук, об условиях договора, касающегося Онегинского собрания, поездке М. Л. Гофмана в 1922 г. в Париж см.: Файнштейн М. Ш. Из истории собрания А. Ф. Онегина в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 307—316; Огневич Е. В. М. Л. Гофман: Жизнь и труды // Страницы истории пушкиноведения. СПб., 1994. С. 63—71.

⁷ Петербургский филиал архива Российской Академии наук (далее — ААН), ф. 2, оп. 17, № 139, л. 105.

⁸ РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 972, л. 12—12 об. (письмо С. Ф. Платонова к М. Волошину от 9 сентября 1926 г.).

⁹ ААН, ф. 4, оп. 4, № 967, л. 18 (выписка из протокола заседания Президиума АН от 27 ноября 1926 г.).

¹⁰ По сообщению Т. Н. Измайловой, Николай Васильевич имел французские «корни»: бабушка его по отцовской линии, Мария Феликсовна, была французской. Умерла она рано, когда Василию Владимировичу было два года.

¹¹ РНБ, ф. 585, оп. 1, № 3585, л. 16 (письмо Б. Л. Модзалевского к С. Ф. Платонову от 6 января 1927 г.).

¹² См. об этом: РНБ, ф. 585, оп. 1, № 4456, л. 2.

¹³ Цит. по: *Файнштейн М. Ш.* Из истории собрания А. Ф. Онегина в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 314.

¹⁴ См.: Переписка М. О. Гершензона с Б. Л. Модзалевским / Публ. Е. Ю. Литвин // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Научные материалы к биографии Б. Л. Модзалевского. СПб., 2001. С. 352.

¹⁵ РО ИРЛИ, ф. 184 (записка Л. Б. Модзалевского к Б. Л. Модзалевскому от <12 января 1924 г.>).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же (справка о прекращении уголовного дела № 4426 1924 г., выданная 31 декабря 1924 г. уголовным отделом Ленинградского губернского суда).

¹⁸ ААН, ф. 172, оп. 1, № 128, л. 7—7 об. (письмо Н. В. Измайлова к М. Н. Сперанскому от 4 апреля 1928 г.).

¹⁹ РНБ, ф. 585, оп. 1, № 3028, л. 42 (письмо Н. С. Измайловой к С. Ф. Платонову от 5 августа 1929 г.).

²⁰ РНБ, ф. 585, оп. 1, № 4578, л. 40 (письмо В. С. Шамониной (урожд. Платонова) к С. Ф. Платонову от 8 августа 1929 г.).

²¹ РНБ, ф. 585, оп. 1, № 3295, л. 3—4 (письмо И. А. Кубасова к С. Ф. Платонову от 15 августа 1929 г.).

²² Там же, л. 4 об.

²³ «Академическое дело» называлось также «дело историков», «дело Платонова», «дело Платонова — Тарле», «дело четырех академиков».

²⁴ См. об этом подробнее: *Перченко Ф. Ф.* Академия Наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 163—235.

²⁵ См. об этом подробнее: *Брачев В. С.* «Дело» академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117—129.

²⁶ Опуская драматические подробности следствия, отметим, что Измайлов стал бесправной жертвой этого чудовищного политического процесса и под воздействием незаконных методов психического воздействия был вынужден оговорить себя. Обратимся к опубликованным материалам «академического дела», в которых имеется следующее: «В своем заявлении в Военную прокуратуру СССР 12 марта 1957 г. Н. В. Измайлов писал, что „провел 21 месяц в Доме предварительного заключения <...>, в том числе 13 месяцев в одиночном заключении (два месяца в темной камере)“ и по отношению к нему применялись „противозаконные меры психологического и даже физического воздействия“. В мае 1931 г. Н. В. Измайлов „подал в следственные органы подробное заявление, в котором отказывался от данных ранее личных показаний“ и указал, что все дело, по которому он был привлечен, „выдуманно от начала до конца“. Однако этому заявлению „не было дано хода“». Цит. по изд.: Академическое дело. 1929—1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. Вып. 1. С. XL—XLI. См. также об этом: *Перченко Ф. Ф.* Академия Наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 218.

²⁷ РО ИРЛИ, ф. 387, № 281, л. 6 (письмо П. Е. Рейнбота к М. А. Цявловскому от 19 декабря 1929 г.).

²⁸ Там же, л. 6 об.

²⁹ См. публикацию Г. А. Савиной стенограммы этого заседания, сделанную в рамках статьи: *Перченко Ф. Ф.* Академия Наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 226—230.

³⁰ См. об этом в примечаниях к публикации: *Ростов А.* Дело четырех академиков // Память. Исторический сборник. Париж. 1981. Вып. 4. С. 495: «Насколько мы знаем, Н. В. Измайлов был сначала приговорен к высшей мере. Получив известие об этом, утопился в Неве его отец, Василий Владимирович. Потом Н. В. Измайлов был выслан на Печору, но не в лагерь, а на поселение». В автобиографии 1955 г. Измайлов коротко сообщает об отце: «Отец — юрист, адвокат, позднее —

служащий Петербургского городского управления; после Октябрьской революции работал в Гос<ударственном> контроле и в Ленинградском ОблФО; умер пенсионером в 1931 г.» (РО ИРЛИ, ф. 150, оп. 2, № 191, л. 4).

³¹ Сообщено Т. Н. Измайловой.

³² РО ИРЛИ, ф. 714 (*Измайлов Н. В.* Тетрадь XYZ; фонд не обработан).

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ РО ИРЛИ, ф. 150, оп. 2, № 191, л. 4 об.

³⁶ О преобразовании Пушкинского Дома в Институт русской литературы см.: *Баскаков В. Н.* Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР в 1930—1945 годах // *Русская литература.* 1980. № 2. С. 109—122.

³⁷ ААН, ф. 4, оп. 4, № 1752, л. 8.

³⁸ О проекте преобразования Пушкинского Дома в Институт русской литературы, задуманном П. Н. Сакулиным, см.: *Баскаков В. Н.* Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР в 1930—1945 годах. С. 110—113. После смерти Сакулина временное директорство приняли Н. К. Козмин и его заместитель Г. Е. Горбачев.

³⁹ РО ИРЛИ, ф. 387, № 281, л. 18 (письмо П. Е. Рейбота к М. А. Цявловскому от 12 сентября <1931 г.>).

⁴⁰ ААН, ф. 4, оп. 4, № 1564, л. 135 об.

⁴¹ РО ИРЛИ, ф. 714 (*Измайлов Н. В.* Дневник путешествия. (Итинерарий)).

⁴² РО ИРЛИ, ф. 714 (письмо Н. В. Измайловой к Н. В. Измайлову от 29 октября 1941 г.).

⁴³ РО ИРЛИ, ф. 714 (письмо Н. С. Измайловой к Н. В. Измайлову от 31 октября 1941 г.).

⁴⁴ РО ИРЛИ, ф. 714 (последнее блокадное письмо Н. С. Измайловой к Н. В. Измайлову от 21 марта 1942 г.; публикуется ниже).

⁴⁵ РО ИРЛИ, ф. 851 (воспоминания Л. Н. Назаровой о Н. В. Измайлове; фонд не обработан).

⁴⁶ См.: *В. В.* [Вацуро В. Э.] О пушкиноведческих работах Измайлова // *Пушкин. Исследования и материалы.* Л., 1983. Т. 11. С. 336—338; Список трудов Н. В. Измайлова по пушкиноведению / Сост. В. В. Зайцева // Там же. С. 338—346.

I

Воспоминания

Я познакомился впервые с Пушкинским Домом осенью 1918 года, когда готовился к сдаче (и сдавал) государственные экзамены в Петроградском университете — в последнюю сессию, проходившую по прежним, еще дореволюционным планам. Моими профессорами — заведующим кафедрой новой русской литературы С. А. Адриановым¹ и руководителем Пушкинского семинария, в котором я работал, будучи студентом, С. А. Венгеровым,² — мне было обещано «оставление при университете (или при кафедре) для подготовки к профессорской деятельности», что года через два обратилось в звание научного сотрудника Исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока имени Александра Николаевича Веселовского (ИЛЯЗВ).³ Как это ни странно, темой, первоначально избранной мною для работы, был не какой-либо вопрос творчества Пушкина, а жизнь и деятельность В. П. Боткина,⁴ — эту тему рекомендовал мне С. А. Венгеров для практики, прежде всего, в анализе документальных материалов. А таких материалов — неизданных писем Боткина к братьям,⁵ к Тургеневу,⁶ Белинскому, художнику Горбунову⁷ и проч. —

было много в Пушкинском Доме при Российской Академии наук. И вот за этими-то материалами я и явился в первый раз в это малознакомое мне учреждение.

Нужно сказать, что ни «учреждения», ни «Дома» в прямом смысле в то время еще не существовало. Старое (и давно устаревшее) «Положение о Пушкинском Доме», утвержденное еще в 1906 году,⁸ было отменено — если не формально, то фактически — после Октябрьской революции; новое еще не было выработано — его ввели на следующий год, <5 апреля> 1919 года.⁹ Не было и собственного помещения, не говоря уж об отдельном собственном здании — и большое, все растущее (особенно с 1917 года) имущество Пушкинского Дома было раскидано по разным местам главного здания Академии наук, начиная с площадки парадной лестницы (где теперь, с 1925 г., находится мозаичная картина Ломоносова «Полтавская виктория»¹⁰).

Я пришел к старшему ученому хранителю (т. е. научному руководителю и заведующему Рукописным отделом) Пушкинского Дома Борису Львовичу Модзалевскому¹¹ в архив Академии наук, которым он заведовал (это была его официальная должность). Помещался же архив в темноватых мансардных комнатах над Большим конференц-залом, на самом верху крутой каменной лестницы позади этого зала, ведшей и в «канцелярию Конференции» и в кабинет неперменного секретаря академика Сергея Федоровича Ольденбурга.¹² Борис Львович принял меня ласково и внимательно, как он всегда принимал приходивших работать над материалами Пушкинского Дома, особенно молодых, поговорил, выяснил мои желания и тотчас достал пачку писем Василия Петровича Боткина к брату, Дмитрию Петровичу,¹³ которые я и принялся изучать, вчитываясь в мелкий и неясный почерк Боткина и переписывая те места, какие мне представлялись интересными.

В тот период, однако, работа моя не стала особенно интенсивной: мешали сначала последние государственные экзамены, потом — работа в архивах I отделения IV секции ЕГАФ (Единого государственного архивного фонда), т. е. по истории русских дореволюционных учебных заведений, куда я поступил на службу по окончании университета.

Но Борис Львович помнил меня, и когда после утверждения нового Положения и штата в 1919 году дирекция Пушкинского Дома — его директор академик Нестор Александрович Котляревский¹⁴ и Б. Л. Модзалевский — стала приглашать новых сотрудников, Борис Львович позвонил мне и предложил поступить сотрудником в Рукописный отдел Дома. Я с радостью согласился, хотя принужден был на первых порах — а это растянулось на два года — совмещать работу в Пушкинском Доме с работой в Главвархиве, где я заведовал в это время отделом фондов женских учебных заведений (институтов) бывшего Ведомства императрицы Марии: с утра я работал в мрачном, огромном помещении этого архива на Казанской улице, д. 7 (ныне ул. Плеханова), во втором часу приходил в Пушкинский Дом и работал там позже, чем другие — часов до 5-ти. Так 1 сентября 1920 года совершилось одно из важ-

нейших событий в моей жизни — мое поступление в Пушкинский Дом при Российской Академии наук.

Пушкинский Дом в это время уже не ютился на чердаке, в архиве Академии. После того, как был закрыт госпиталь, с 1914 года занимавший Большой конференц-зал с его аванзалами, все эти парадные помещения, начиная с главной лестницы, были отданы Пушкинскому Дому, т. е. было восстановлено положение, существовавшее до 1914 года, до начала войны — с той разницей, что тогда коллекции Пушкинского Дома занимали только аванзалы, теперь же они распространились и на Большой конференц-зал. В аванзалах на стенах, покрытых золотыми тяжелыми рамами с портретами президентов Академии наук от Блюментроста¹⁵ до вел. кн. Константина Константиновича (К. Р.)¹⁶ и членов Российской Академии во главе с княгиней Екатериной Романовной Дашковой,¹⁷ ее первого президента, и кончая ее последним президентом — А. С. Шишковым,¹⁸ была развернута экспозиция музейных коллекций Пушкинского Дома, существовавшая до войны 1914 г. Вдоль стен стояли витрины с мемориальными вещами, редкими книгами, снимками с рукописей. В среднем аванзале сидел Борис Львович, а сбоку от него, за другим письменным столом — его жена Варвара Николаевна,¹⁹ также сотрудница Пушкинского Дома. Но самым замечательным и характерным был Большой конференц-зал, всецело отданный Пушкинскому Дому.

Здесь были собраны все его коллекции, все еще неразобранные рукописные, музейные и книжные фонды; здесь сидели почти все сотрудники и работали: все это — «под дипломатом». Теперь, наверное, почти никто не помнит значения этого «термина» — никто, кроме таких моих современников, как Елена Панфиловна Населенко,²⁰ поступившая в музейный отдел Пушкинского Дома годом раньше меня — в 1919 году, и Николай Васильевич Яковлев,²¹ мой товарищ по университету и Венгеровскому семинарию, поступивший немногим позже — в 1921 году (а посещавший Пушкинский Дом и работавший в нем, как мы бы сказали теперь, «на общественных началах» гораздо раньше меня — чуть не с довоенных лет) и носивший звание «эмиссара Пушкинского Дома». Но тогда все знали, что значит эта таинственная форма, и все говорили: «под дипломатом». Но что же это значит?

Дело в том, что всю левую сторону Большого конференц-зала, вдоль окон на набережную Невы, занимал гигантский скелет ископаемого животного, пресмыкающегося (ящера) «диплодока»²² — вернее, не подлинный скелет, а слепок скелета, найденного где-то в Северной Америке. Подлинник хранился в музее одного из американских университетов, а слепок, подаренный американскими геологами нашей Академии, был, кажется, еще до войны 1914 года временно поставлен в Большом конференц-зале, да так там и остался надолго. Скелет стоял на возвышении, поддерживаемый металлическими подпорками. Маленькая головка диплодока на длинной шее упиралась в одну стену зала, костяк туловища занимал его середину, а длинный хвост почти касался позвонками другой стены. Высота же чудовища была такова, что отростки хребта в самой высокой части спины едва не достигали потолка высокого конференц-зала.

Здесь-то, «под сенью диплодока» (как говорил Борис Иванович Коплан²³), размещалось разнообразное имущество Пушкинского Дома: множество шкафов, шкафиков, секретеров, бюро, полки с картонными коробками образовывали запутанную сеть, а между ними стояли в разных местах письменные столы сотрудников. В дальнем углу зала из тех же шкафов и полок был устроен особый «закуток», служивший кабинетом и рабочим местом Нестору Александровичу Котляревскому.²⁴ Здесь он работал — всегда в своем неизменном широком темносинем халате, разбирал коллекции гравюр, литографий, портретов и иллюстраций, систематизируя их и определяя; разбирал особенно близкие его сердцу архивы, через него поступившие в Пушкинский Дом и еще не занесенные в инвентарь до окончания их разборки, потому что при этом Н. А. откладывал и даже уничтожал те материалы, которые считал слишком интимными, не имеющими общественно-литературного или исторического значения или могущими компрометировать других лиц — и прежде всего людей (особенно женщин) ныне, т. е. в те годы — живущих (компрометировать, разумеется, в чисто личной, а не общественной сфере). Здесь же Нестор Александрович принимал многочисленных посетителей по литературным и академическим вопросам, по делам Дома литераторов,²⁵ в котором он был председателем правления и проч.

Правую сторону Большого конференц-зала, вдоль окон во двор (между которыми, в одном из простенков, стояла мраморная статуя академика Александра Николаевича Веселовского, теперь находящаяся у нас, в проходной комнате Рукописного отдела²⁶) занимал огромный, высотой почти в рост человека, а может быть, и выше, штабель плотно увязанных в связки архивных дел в серых обложках с черными двуглавыми орлами: архив III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии (ныне — фонд 109 ЦГАОР в Москве²⁷) и, вероятно, архивы Департамента полиции и Штаба корпуса жандармов. Обстоятельства, при которых эти — строго секретные до революции — архивы попали в Пушкинский Дом, представляют немалый интерес и должны быть сохранены в истории нашего учреждения. И так как из участников этого дела ни один, по-видимому, уже не существует и его обстоятельства почти забыты* — я считаю необходимым и важным их воспроизвести — не по личным воспоминаниям, однако, но по слышанным мною рассказам участников (меня в ту пору не было в Петрограде,²⁸ да если бы я и был здесь — я был еще слишком далек от Пушкинского Дома, чтобы принимать участие в этих событиях).

В разгар Февральской революции 1917 года — 27 или 28 февраля ст. стиля — начался пожар в доме на углу Фонтанки и Пантелеймоновской улицы (ныне ул. Пестеля),** где помещалось когда-

* Исключение — Н. В. Яковлев, посвятивший страницу в своих воспоминаниях обстоятельствам первых дней Февральской революции. См. далее (*прим. автора*).

** Точнее: в начале Пантелеймоновской улицы, справа, у поворота против церкви — дом № 9. Потом там долго оставались обгорелые развалины. Сейчас это место сильно изменилось. Там помещался архив Департамента полиции и III Отделения. Само III Отделение находилось в д. 16 по Фонтанке (теперь там Областной и городской суд), известном «здании у Цепного моста» (*прим. автора*).

то III Отделение, а потом — Штаб корпуса жандармов. Причина пожара — конечно, поджог. Это и понятно: много было людей, желавших уничтожения архива Департамента полиции со списками тайных агентов, ведомостями на жалование филерам и прочими опасными для них документами. Но в том же здании хранился старый архив III Отделения и предшествовавших ему учреждений с начала XIX века — неоценимый, единственный в своем роде источник сведений по истории русской общественной мысли и освободительного движения, гибель которого была бы невосполнима.

Кто-то из друзей Пушкинского Дома (к сожалению, не знаю или не помню, кто именно), случайно став свидетелем разгрома или поджога Департамента полиции, быстро (к счастью) оценив положение, прибежал — буквально, так как никакого транспорта в те дни не было — в Академию наук и сообщил о том, что видел, Н. А. Котляревскому и Б. Л. Модзалевскому.

Те пошли к С. Ф. Ольденбургу, достали через него лошадей с санями — что в тот момент было очень нелегко — созвали нескольких близких людей, и все вместе отправились на место пожара. В экспедиции кроме Н. А. Котляревского и Б. Л. Модзалевского участвовали — насколько я могу припомнить из слышанных позднее рассказов — Л. К. Ильинский,²⁹ А. С. Поляков,³⁰ В. П. Семеновиков,³¹ А. А. Шилов³² и некоторые другие, которых, я, к сожалению, не могу припомнить. Им помогали некоторые служащие Академии наук, студенты университета и проч.³³ Вся эта «бригада» проникла в то крыло здания, где хранился исторический архив и куда пожар еще не достиг, и стали вытаскивать во двор связки дел III Отделения. Их грузили на подводы и отправляли в Академию, где сложили сначала на лестнице, а потом перенесли в Большой конференц-зал.³⁴

Архив пробыл там около пяти лет, и в 1922 году, когда Пушкинский Дом стал готовиться к переезду в собственное здание, был передан по принадлежности в Центрархив и вывезен в здание Сената. За эти годы Б. Л. Модзалевским, А. А. Шиловым и А. С. Поляковым были разобраны секретные бумаги III Отделения 1820-х—30-х годов и из них извлечены важные документы, давшие материал для нескольких изданий: «Пушкин под тайным надзором» Б. Л. Модзалевского (1-е издание — 1918),³⁵ «О смерти Пушкина» А. С. Полякова (1922)³⁶ и др.*

Такова эта интереснейшая страница из истории Пушкинского Дома: так были им спасены для науки материалы по истории русского освободительного движения.³⁷

В разных местах Большого конференц-зала, между шкафами и шкафиками, размещались, как я сказал, тогдашние сотрудники Рукописного отдела и музея Пушкинского Дома; сотрудники библиотеки, возглавляемые Евлалией Павловной Казанович,³⁸ работали, сколько мне помнится, на площадке главной лестницы, где стояла и сама, тогда еще небольшая, библиотека. Именно тогда, с конца 1919 — в 1920 и 1921 годах образовался тот состав, который рабо-

* Важнейшие документы, непосредственно касающиеся Пушкина, были выделены и оставлены в Пушкинском Доме (прим. автора).

тал, почти не меняясь, до конца 1920-х годов. Здесь сидел своеобразнейший человек, большой ученый-лингвист и литературовед, член-корреспондент АН, *не имевший законченного среднего образования* (в те годы это было возможно!) — Василий Ильич Чернышев:³⁹ лысый, с рыжей бородой «клином», всегда в синих очках, говоривший тонким, «бабьим» голосом, он был крайне молчалив и скромен, при этом очень добродушен и мягок, всегда готовый помочь своими обширными познаниями в русском языке, фольклоре и литературе.

За другим столом — Варвара Дмитриевна Комарова, рожд. Стасова (дочь Дмитрия Васильевича и племянница Владимира Васильевича Стасовых),⁴⁰ жена генерала-от-инфантерии старой армии, уже в отставке, сама же известная писательница и исследовательница, лучший биограф и знаток творчества Жорж Санд, издавшая под псевдонимом Владимир Каренин (Wladimir Karénine) четырехтомную биографию ее на французском языке, удостоенную премии Французской Академии.⁴¹ Собирая для нее материалы, В. Д. еще до революции подолгу жила во Франции, получила доступ к личным архивам своей героини и ее современников и включила в свой труд множество неизвестных писем и документов. Она была несколько чопорной и сухой на вид, носила «*prince-nez*» или держала в руках лорнетку и вызывала у нас, молодых сотрудников (мне ведь было тогда 27 лет) чувство большого почтения с долей дружеской иронии. Со всеми была предупредительна и любезна, охотно делилась обширными сведениями (в знании французской литературы XVIII—XIX веков с нею мог соперничать один Б. В. Томашевский, не бывший сотрудником Пушкинского Дома, но часто бывавший в нем и участвовавший в его изданиях⁴²). Она принесла в дар Пушкинскому Дому громадный архив Стасовых и усердно занималась его разборкой и описанием.⁴³

Вскоре после моего поступления появились вернувшиеся в Петроград старые сотрудники Пушкинского Дома или его друзья — Михаил Дмитриевич Беляев (из Симбирска),⁴⁴ Иван Андреевич Кубасов (из Астрахани),⁴⁵ Модест Людвигович Гофман (из Чернигова),⁴⁶ тогда же вступил в него Павел Евгеньевич Рейнбот,⁴⁷ еще до меня стал работать в Рукописном отделе Борис Иванович Коплан. О каждом из них (и о некоторых других) нужно сказать хотя бы понемногу. Но здесь же хочу напомнить о том, что в продолжение 1920-х годов в Пушкинском Доме работали многие лица с литературными фамилиями — сыновья и родственники крупных писателей и ученых: Андрей Андреевич Достоевский, сын А. М. и племянник Ф. М. Достоевских;⁴⁸ Сергей Александрович Островский, сын драматурга;⁴⁹ Николай Александрович Пыпин,⁵⁰ сын академика А. Н. Пыпина;⁵¹ Софья Алексеевна («Сонечка») Шахматова,⁵² дочь академика А. А. Шахматова,⁵³ в 1923 г. вышедшая замуж за Бориса Ивановича Коплана; недолго была у нас правнучка сестры Пушкина, О. С. Павлицевой (по женской линии), Лидия Леонидовна Кун, позднее ставшая женой Александра Леонидовича Слонимского...⁵⁴ Эти имена придавали Пушкинскому Дому особый характер, делали его своеобразным мемориальным музеем русской литерату-

ры и науки. Перечислять *всех* сотрудников того периода я не имею в виду, но вернусь к некоторым именам, названным выше.

М. Д. Беляев, брат драматурга Юрия Беляева,⁵⁵ высокий и худой, с таким худым лицом, что его друзья называли «человеком с одним профилем» (т. е. без фаса), был типичным «представителем» предреволюционного литературно-театрального, полусветского и полубогемного Петербурга, хорошо описанного А. Н. Толстым в начале «Хождения по мукам». Человек незаурядного ума, очень остроумный, любивший и умевший острить то весело, то очень язвительно, обладавший тонкой и разносторонней, хотя несколько поверхностной, культурой, он начал как искусствовед-дилетант, каких много было до революции среди искусствоведов, но потом стал крупным специалистом музейного дела, применительно к литературным музеям, знатоком русских портретов и видов в живописи, акварелях и гравюрах. Ему — разумеется, под руководством Нестора Александровича, с которым он был особенно близок, и при постоянном участии Бориса Львовича — обязан Пушкинский Дом развитием своего музея и планированием его первоначальной экспозиции. Написал он и ряд серьезных работ по Пушкину, Островскому и др.⁵⁶ А его «*bon-mots*»,^a острые, иной раз сатирические определения, его анекдоты долго жили среди сотрудников. К сожалению, у меня нет памяти на такие вещи.

Совершенно иного рода был Иван Андреевич Кубасов, давний друг и сотрудник Бориса Львовича, близкий ему по научным интересам, за исключением того, что Ивану Андреевичу были чужды генеалогические увлечения Бориса Львовича. И. А. Кубасов был очень добрый, сердечный и благожелательный человек, не лишенный, впрочем, способности к юмору. Так, между ним и Б. И. Копланом шла многие годы дружеская юмористическая «переписка» в стихах, очень забавная, а иной раз и очень серьезная под юмористической оболочкой. Но переписка эта, к сожалению, не сохранилась. Иван Андреевич был большим знатоком книги и книжного дела, другом всех петербургских книжников-букинистов и книгоиздателей (которых было очень много в первые годы после Революции — особенно в годы нэпа). Он по праву занимал должность заведующего библиотекой Пушкинского Дома. Был он своим человеком и во всех издательствах, начиная с ГИЗа и продолжая многочисленными тогда частными предприятиями (он организовал замечательное, с полиграфической точки зрения, издание — «Борису Львовичу Модзалевскому к его пятидесятилетию» (1924), выполненное всеми издательствами, в каких печатались труды Б. Л.).⁵⁷ Эти его связи значительно облегчали Пушкинскому Дому осуществление его ученых изданий. После смерти Б. Л. (3 апреля 1928 г.) Иван Андреевич был выдвинут на его место всеми сотрудниками Пушкинского Дома и стал его старшим научным хранителем.

Вскоре после моего вступления в Пушкинский Дом осенью 1920 года, появился «под дипломатом» Модест Людвигович Гофман, уже работавший в нем раньше и теперь занявший должность (неофици-

^a остроты, шутки (*франц.*).

альную) заведующего Рукописным отделом. Его небольшая, юркая фигура мелькала между шкафами и столами, быстрая речь слышалась там и здесь. В то время он считался наиболее авторитетным пушкинистом-текстологом и выпустил несколько изданий, посвященных текстологическим проблемам. Вышедшая в начале 1922 года книжка «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине»⁵⁸ произвела большое впечатление своим боевым и даже вызывающим тоном, хотя, по существу, в ней не было ничего особенно нового и значительного. Форма и тон были необычны. Книжка вызвала большой шум и через три месяца потребовала нового издания (оценку пушкиноведческих текстологических трудов М. Л. Гофмана я дал в статье о текстологии в нашей книге «Пушкин. Итоги и проблемы изучения»* и не буду здесь повторяться).

В тогдашних ожесточенных спорах вокруг ОПОЯЗа⁵⁹ и вопросов «формализма» Гофман занимал нейтралистскую позицию и собирался написать книгу, о которой много и неопределенно толковал, под заранее уже придуманным названием «Против формального метода — в защиту его», но так ее и не написал (характерно, что это название еще ненаписанной книги было анонсировано на обложках многих его изданий вместе с несколькими еще работами, также оставшимися неосуществленными). Позднее, находясь в Париже, куда его командировала Академия за Онегинским собранием, он взволновал весь литературный мир сенсационным сообщением о якобы нашедшемся «Дневнике Пушкина № 1» в 1100 страниц (!), который находится в Константинополе в руках внучки Пушкина Елены Александровны фон дер Розенмайер (оказавшейся чистой авантюристкой).⁶⁰ Споры об этом дневнике не утихли и до сих пор, но, по-моему, глубокому убеждению, его нет и *никогда не было*.

М. Л. Гофман умер в Париже в 1958 году.⁶¹

Вступивший в Пушкинский Дом почти одновременно со мной Павел Евгеньевич Рейнбот⁶² представлял собой очень своеобразную, характерную и симпатичную фигуру. Он был уже очень стар — старше всех нас, не исключая Варвары Дмитриевны и Нестора Александровича — окончил в свое время Лицей,⁶³ был адвокатом и долгие годы — как мы бы теперь сказали, «на общественных началах» — заведовал Пушкинским Лицейским музеем. Он был большим книжником, книголюбом, знатоком и ценителем русской и иностранной книги XVIII—XIX вв., особенно пушкинского времени, обладателем замечательной библиотеки, составленной из отборных, уникальных экземпляров, в том числе всех первопечатных изданий Пушкина. Один из таких экземпляров — вероятно, из своих дублетов — «Полтаву» Пушкина (первое издание 1829 года), в великолепном марокне с золотым тиснением (по части переплетов он соперничал с А. Ф. Онегиным⁶⁴) он в ноябре 1929 г. подарил мне.⁶⁵ К сожалению, этот очень трогательный и ценный для меня подарок пропал, как и вся моя библиотека, зимой 1941—42 года в Ленинграде.

* Пушкин. Итоги и проблемы изучения / Коллективная монография под редакцией Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха. М.; Л., 1966. С. 571—574 (прим. автора).

Павел Евгеньевич обладал огромным запасом сведений, был замечательным знатоком Пушкина и его эпохи, интереснейшим собеседником и докладчиком-импровизатором. Едва ли не первый — еще до П. Е. Щеголева — он высказал мысль о том, что пасквильный «диплом», полученный Пушкиным 4 ноября 1836 г., намекает на связь между Натальей Николаевной и Николаем I.⁶⁶ И уже несомненно первый он заподозрил фальсификацию в пресловутых «Записках А. О. Смирновой» — фальсификацию, написанную как своего рода роман ее дочерью О. Н. Смирновой, но которую тогда многие серьезные исследователи еще цитировали как документальный источник. Павел Евгеньевич много лет подбирал материалы, доказывающие подделку «Записок», и много лет, повинувшись настояниям Бориса Львовича, писал (писал ли?) об этом исследование. Но насколько он умел увлекательно и убедительно излагать в разговоре, в устных импровизациях свои наблюдения и доказательств — настолько же трудно ему было писать, хотя бы небольшую статью... Книга осталась ненаписанной, и все следы ее, насколько я знаю, исчезли.⁶⁷

Характерным лицом была Евлалия Павловна Казанович,⁶⁸ до приезда из Астрахани И. А. Кубасова заведовавшая библиотекой Пушкинского Дома. Высокого роста, суровая на вид, уже немолодая девица, типичная старая «бестужевка», державшая в строгости своих молодых сотрудниц, она держалась несколько особняком; когда должность заведующего библиотекой возвратилась к И. А. Кубасову, она перешла в Рукописный отдел. Предметом ее многолетней восторженной привязанности был Нестор Александрович, приходивший к ней, по заведенной традиции, каждую неделю в определенный день (кажется, по воскресеньям) на чашку чая. Сам он относился к ней с большой симпатией, но иногда и с легкой, свойственной ему иронией. У Евлалии Павловны был заведен альбом, в котором она собирала автографы современных поэтов и других замечательных лиц. Открывает альбом собственноручная запись А. А. Блоком его известного стихотворения «Пушкинскому Дому», помеченная 5 февраля 1921 г.⁶⁹ Теперь этот альбом хранится в нашем Рукописном отделе.⁷⁰

Наконец, нельзя не сказать об одном из самых младших тогда (годами) сотрудников — о Борисе Ивановиче Коплане.⁷¹ Безграничная любовь и преданность Пушкинскому Дому была, кажется, основной чертой его характера и составляла смысл его жизни. Очень маленького роста, с большими черными глазами, он всегда был в работе, всегда радел об интересах Дома. Вскоре он стал его секретарем, сохраняя звание ученого хранителя, а так как *ученого* секретаря в Пушкинском Доме по штату не было, писался на бумагах «ученый хранитель-секретарь». Центром его научных интересов была литература XVIII века, и он составил подробное описание всех материалов по этому предмету, хранившихся тогда в Пушкинском Доме.^{72*} Писал он и сам стихи, пробуя воссоздавать в русской просодии трудные античные метры. Небольшую их часть он

* Это описание и теперь находится в Рукописном отделе и служит ценным справочником по материалам XVIII века (*прим. автора*).

издал, с помощью И. А. Кубасова, отдельным сборником.⁷³ В 1923 г. он женился на дочери академика Шахматова, упоминавшейся выше, такой же маленькой ростом и серьезной, как и он сам, и это была прекрасная супружеская пара.⁷⁴

Говорить обо всех сотрудниках Пушкинского Дома, работавших в нем в 20-х годах, нет возможности, да и надобности. Среди них были и такие замечательные люди, как Борис Михайлович Энгельгардт⁷⁵ — многообещающий ученый необыкновенного творческого ума и столь же необыкновенной моральной высоты, чистоты и принципиальности — но он недолго работал с нами (работа архивиста и текстолога его не удовлетворяла). Был и такой своеобразный, несчастный и неудачливый человек, как Степан Александрович Переселенков,⁷⁶ вызывавший в памяти фигуру Акакиа Акакиевича Башмачкина⁷⁷ и возбуждавший жалостливую симпатию, у многих смешанную с легкой иронией. Некоторые из моих тогдашних товарищей здравствуют и сейчас (Е. П. Населенко, В. Б. Враская,⁷⁸ Н. В. Яковлев — других не знаю). Сказанного, я думаю, достаточно, чтобы получить представление о том, чем был в 20-х годах Пушкинский Дом.

Пребывание наше «под диплодоком» после моего вступления в число сотрудников было в тот год (1920-й) непродолжительным. Наступила осень — температура в Большом конференц-зале быстро падала, дошла до 0 и ниже. Чтобы продолжать работу и не растерять болевших от холода сотрудников (ведь и дома у большинства из нас было так же холодно), занятия были перенесены в две небольшие, заставленные книгами комнаты квартиры покойного академика А. А. Шахматова. Сам он скончался 3 августа (н. ст.) 1920 года. Семье его — вдове Наталье Александровне, рожд. Градовской, и трем дочерям⁷⁹ — во внимание к его огромным заслугам — была оставлена временно квартира, помещавшаяся в том же главном здании Академии, в нижнем его этаже по надворной лестнице, под Малым конференц-залом и канцелярией правления (т. е. административно-хозяйственной частью). Здесь же стояли и полки с книгами — вся библиотека Алексея Александровича, впоследствии переданная в БАН. Мы, по мере надобности, ходили в морозный Большой конференц-зал и приносили в шахматовскую квартиру коробки с рукописями и книги. Весной, когда зал оттаял, мы вновь вернулись «под диплодока». Так продолжалось две зимы, два года — до осени 1922 года, когда мы переселились в собственный дом на Тифлисской улице.

Но Пушкинскому Дому, помимо места для хранения материалов и для работы, было нужно и помещение для заседаний, докладов, собраний, а главное — для временной хотя бы экспозиции его коллекций, т. е. для выставок.хлопоты в этом направлении привели к тому, что летом (кажется) 1920 г. надлежащие организации передали в полное распоряжение Пушкинского Дома особняк на ул. Халтурина, 22 (бывшей Миллионной), до революции принадлежавшей «Его Сиятельству князю Семену Семеновичу Абамелек-Лазареву» — как значилось на печатных бланках «конторы Его Сиятельства», в огромных количествах вместе с конвертами обнаруженных нами в помещении конторы; эти бланки и конверты из

прекрасной плотной бумаги много лет служили нуждам Рукописного отдела и Музея и до сих пор сохранились в материалах того времени. Об «Абамелековском доме» нужно сказать подробнее.

Князь С. С. Абамелек-Лазарев,⁸⁰ крупнейший землевладелец и заводчик, был женат на Марии Павловне Демидовой,⁸¹ наследнице огромных Демидовских владений на Урале. Их состояния, вместе взятые, составили одно из крупнейших состояний в дореволюционной России. Притом оба они, в особенности Мария Павловна, были люди высокой культуры — и это отразилось на их особняке.

Дом двухэтажный, наружный фасад которого на ул. Халтурина сохранился таким, каким он был и тогда — темно-красный с четырьмя серыми мраморными колоннами — был невысок и невелик по фасаду, но в глубину шел до самой набережной Мойки (№ 21—23). Кроме того, ему же принадлежал и «доходный» флигель на Халтурина, 24, очень скромно, чтобы не сказать бедно отделанный, где получили квартиры некоторые из сотрудников: М. Д. Беляев, И. А. Кубасов, Н. В. Яковлев. Парадные комнаты занимали по фасаду верхний этаж главного корпуса и шли анфиладой вдоль правой стороны двора до здания на Мойке, 23: там был построен домашний театр с довольно большой сценой, с залом в строго классическом стиле работы архитектора Фомина.⁸² Дело в том, что княгиня М. П. была не только любительницей балета, но сама изучала хореографическое искусство и выступала в качестве балерины (в одной из комнат окнами на Мойку, примыкавшей к ее личным «апартаментам», все четыре стены были покрыты зеркалами для занятий танцами). Комнаты в главном здании, начиная с прекрасной лестницы, подымавшейся из прихожей (с Миллионной) двумя полукругами к площадке 2-го этажа, были обставлены с большим вкусом и изяществом в стилях XVIII века (когда при Елизавете Петровне был построен и самый дом⁸³) — от позднего барокко до ранней классики типа Louis XVI.⁸⁴ Прелестные легкие бронзовые люстры с цветными стеклянными колпаками и хрустальными подвесками висели в каждой комнате. Столовая была обставлена тяжелыми кожаными стульями английского типа (подлинными Чиппендейлями,⁸⁵ теперь и люстры, и эти стулья, и многое другое из мебели находится в залах и кабинетах Пушкинского Дома). Словом, архитектура здания и его обстановка вполне соответствовали его новому назначению.

В «Абамелековском доме» — вероятно, с весны 1921 года — стали устраивать научные заседания и выставки. Здесь выступали с докладами сотрудники Пушкинского Дома, начиная с Н. А. Котляревского, Б. Л. Модзалевского и др., и гости, крупнейшие литературоведы того времени — П. Е. Щеголев,⁸⁶ Б. В. Томашевский, академик М. Н. Розанов⁸⁷ и проч.⁸⁸

Вспоминаются несколько этюдов из жизни в «Абамелековском доме». Когда мы в него вселились, управляющим домом был некий Федор Матвеевич Галка, пузатый человечек, хитрый «хохол» и верный слуга «их сиятельств». Он ревностно наблюдал за домом, в глубине души уверенный в том, что когда-нибудь вернутся его владельцы. На нас он смотрел как на временных пришельцев и радовался только тому, что эти пришельцы ничего не портят и не рас-

таскивают. Но видя, что новый порядок все укрепляется, он через год или два отправился за границу к княгине Марии Павловне, получив законное разрешение на выезд.⁸⁹ Назад он, разумеется, не вернулся, и его место занял бывший старший дворник Богатов, человек простой, порядочный и честный. Но некоторые «традиции» своего бывшего шефа Галки он старался соблюдать — и на этой почве произошел такой случай.

Осматривая (в который раз!) наши помещения, Михаил Дмитриевич Беляев пришел к убеждению, что в правом⁹⁰ крыле здания, за проходными комнатами, ведущими к театру на Мойке, есть какое-то пространство, нам неизвестное и недоступное. Призвали Богатова. Тот сначала отнекивался и мямля, но потом принес ключи и повел нас — Бориса Львовича, Михаила Дмитриевича, Бориса Ивановича, меня, еще кого-то — по внутренней лестнице со двора, на которую раньше не было обращено внимание, к небольшой железной двери. Он открыл ее, зажег свет — и мы, к своему крайнему удивлению, оказались в огромной, высокой и совершенно замкнутой комнате без окон и без других отверстий, кроме двери, в которую мы вошли. Комната — целый зал — была сплошь заставлена всевозможной мебелью — шкафами, столами, диванами, креслами... Увидя это, мы обрадовались — для устройства нашего нового помещения многое было бы очень полезно. Но радость была непродолжительна. Прежде всего, нас охватил затхлый воздух, запах гнили и сырости. Затем, всмотревшись, мы обнаружили, что в этом тайнике без вентиляции все вещи, и хорошие, и плохие давно обратились в труху, в гнилушки; обивка кресел распалась от прикосновения; столы держались только до первого толчка. Это было огромное кладбище, тем более удивительное, что ничего особенно ценного в этих спрятанных вещах не оказывалось, и назначение тайника оставалось совершенно непонятным. Почему так тщательно скрывал его Галка — неизвестно. Сам Богатов, видимо, ни разу не заглядывал туда и не знал о его содержимом. В дальнейшем при всем старании наших музейщиков найти что-нибудь годное — они не обнаружили ничего. Не помню теперь, что мы сделали с этим мебельным кладбищем. Кажется, закрыли его и так и оставили.

Другой эпизод, относящийся, вероятно, к лету 1921 года, таков. Часть здания, выходящая на наб. Мойки (№ 21), от личных комнат княгини до театрального зала представляла собою двухэтажный корпус классической архитектуры, построенный (или обновленный), очевидно, одновременно с театром. В нем, во втором этаже, разместился Толстовский музей, детище Всеволода Измайловича Срезневского;⁹¹ музей еще до революции был устроен в квартире одного дома на 2-й линии Васильевского острова.⁹² Потом его, кажется, перенесли в здание БАН, а когда дом Абамелек-Лазаревых был отдан Академии — он получил весь этаж дома на Мойке. В музее было собрано немало портретов, образительных и мемориальных материалов всякого рода, были и рукописи, и письма Толстого и к Толстому (несколько позднее туда поступил через посредство Пушкинского Дома большой сундук, наполненный черновыми рукописями «Анны Карениной»); откуда они поступили и почему хра-

нились некоторое время у нас — не помню; но я сам в Пушкинском Доме рассматривал эти рукописи). Гордостью музея был, однако, небольшой тарантас — тот самый, в котором Толстой «бежал» из Ясной Поляны в ночь на 28 октября 1910 года. Он стоял в одной из комнат с протянутыми оглоблями и поднятым верхом — теперь он, кажется, вновь в Ясной Поляне. Хранителем музея был живший тут же с семьей молодой студент Кантор — брат умершего, как говорили, известного толстовца и помощника В. И. Срезневского — только этим и связанный с Толстовским музеем; впрочем, приятный и скромный человек.⁹³

Так вот, однажды, едва музей был вчерне размещен, к Кантору явился моряк, адъютант командующего Балтийским флотом (не помню, кто был тогда)⁹⁴ и сказал, что весь дом по Мойке, 21 передан в распоряжение штаба флота, верхний этаж отводится под квартиру командующего, нижний — под его канцелярию. Моряк предъявил и соответствующий ордер. Академия пробовала возражать и отстаивать свое помещение — но военно-морские власти были сильнее: пришлось спешно, чуть не в один день, свернуть Толстовский музей и временно сложить его имущество — кажется, в театральном зале. Командующему, однако же, квартира не понравилась, и он от нее отказался, заняв какую-то другую. Через несколько дней толстовцы снова получили свое помещение, и тарантас занял опять свое место в самой большой из его комнат.

Весной 1923 года получил и я квартиру в левом крыле главного здания «Абамелековского дома» — спальню княгини М. П., ее гардеробную и ванную, — квартиру, замечательную своей светлой, изящной отделкой — и гигантскими печами, пожиравшими невероятное количество дров (которые, впрочем, можно было покупать на складе, устроенном тут же рядом, во дворе разрушенного дома на углу Мойки и Мошкова переулка). Здесь я прожил с семьей два года — пока летом 1925 года, ввиду получения Пушкинским Домом нового выставочного помещения на Тучковой набережной, «Абамелековский дом» не был оставлен... Но это уже другой период.

Ранней осенью 1922 года Пушкинский Дом переселился, наконец, из Большого конференц-зала, «из-под диплодока», в собственное здание — дом № 1 по Тифлисской улице (теперь там, кажется, Институт галургии, не входящий в Академию наук). Здание это было уже давно, с первых лет Революции, облюбовано Борисом Львовичем — главным инициатором его получения — по причине близости его к главному зданию АН и к Библиотеке АН и потому также, что никто на него не претендовал — так как оно было неказисто и запущено, простояв пустым несколько лет.⁹⁵ Оно представляло собою обломки старых таможенных складов, сохранившийся между новыми домами. Нижний этаж состоял из амбаров, запертых тяжелыми железными дверями, под аркадами, на которые опирался верхний этаж.* Последний делился вдоль на две неравные части: со стороны двора — довольно узкая галерея, с улицы —

* Теперь аркады заделаны и под ними устроены кабинеты и лаборатории, окнами на улицу; в боковых стенах пробиты окна, которых при нас не было; судя по этим окнам, чердак тоже превращен в рабочие помещения (*прим. автора*).

шесть залов, глубоких и темноватых, каждый с одним окном, расположенных поперек корпуса и соединенных дверьми, образующими анфиладу. Посередине — большая лестница, с сенями внизу и с площадкой, одинаковой с прочими залами, наверху. Внизу под лестницей была небольшая квартирка, в которой некоторое время (еще задолго до нашего въезда) помещался М. Л. Гофман с женой и детьми, а потом жил вахтер Филиппов,⁹⁶ сыгравший позднее весьма гнусную роль в жизни Бориса Львовича.

Пустовавший и запущенный дом, почти развалина, долго и с трудом ремонтировался для Пушкинского Дома. Время было трудное — не хватало ни денег, ни материалов, ни рабочих. Казалось, конца не будет приведению здания в сколько-нибудь приемлемый вид. Но настойчивость Бориса Львовича и Нестора Александровича, почти ежедневно посещавших работы, превозмогла все трудности — и, наконец, дом, снаружи, правда, оставшийся таким же обветшалым и неотделанным (только сбили с фронтона остатки бывшего на нем большого двуглавого орла), внутри был, по возможности, приведен в приличный для использования вид. Имущество наше, грузившееся на конные подводы (об автомашинах тогда не приходилось и думать — в Академии их не было вовсе, ни грузовых, ни легковых, и престарелый, всеми почитаемый Президент Александр Петрович Карпинский⁹⁷ пользовался одноконной коляской или санями), постепенно переезжало в новое здание, где помещения уже давно заранее были распределены между отделами и места шкафов и столов точно намечены. Расположились мы так.

Галерея слева от входа была занята Рукописным отделом. Вдоль внутренней стены стояли полки с картонками (на открытых полках) или просто с уложенными в закрытых шкафах рукописями (картонок не хватало, заказывать их не было возможностей, были только старые, заведенные до 1914 года, или те, которые поступали к нам вместе с содержащимися в них материалами). В нише у входа был поставлен (впрочем, полученный нами, кажется, несколько позже) несгораемый шкаф (сейф), в котором хранились автографы Пушкина. У окон стояли, друг другу в затылок, письменные столы сотрудников отдела; тут же сажали и читателей — в то время многочисленных.

Вправо от входа была небольшая приемная и канцелярия, где сидел Борис Иванович Коплан и стояла машинка (была ли в те годы отдельная машинистка — не помню; штат, вольготно распущавший в 1920—1921 гг., с началом нэпа стал ограничиваться; до Академического юбилея 1925 года в Пушкинском Доме было всего не более 20—25 человек; потом число сотрудников несколько увеличилось). Далее — кабинет Бориса Львовича, небольшой и очень скромный, а за ним — кабинет Нестора Александровича, если не ошибаюсь, совершенно от него отделенный и вход в который был через музейные залы.

В шести залах по фасаду здания разместились библиотека Пушкинского Дома, занимавшая два первых из них, и музей, занявший остальные четыре — три экспозиционных и один, последний зал — для фондов и для работы над материалом. Библиотечные залы сразу же оказались тесноваты: дублетные фонды пришлось сложить

в амбарные помещения первого этажа. Притом в глубине первого из этих залов пришлось выделить среди стеллажей с журналами некоторое пространство, где был поставлен большой стол, за которым собирались на завтрак почти все сотрудники. Тут велись интересные разговоры, сообщались новости, тут блистал остроумными шутками и рассказами Михаил Дмитриевич Беляев, — словом, это был центр общественной жизни Пушкинского Дома. Сюда же нередко приходили и гости, бывшие у нас по своим делам. Никакого организованного буфета, кроме чая, однако, не было.

Первый из музейных залов был посвящен литературе XVIII века. Возглавляла экспозицию коллекция портретов членов Российской Академии. Из них здесь были помещены главные, остальные же (коллекция была очень велика и состояла на три четверти из совершенно забытых и незначительных соратников А. С. Шишкова*⁹⁶) были развешаны вокруг лестничной площадки. Залы по другую сторону этой площадки представляли Пушкина и его эпоху и — немного, насколько позволяло помещение — литературу XIX века после Пушкина. Последний зал, как я уже говорил, был занят запасниками музея.

Очень скоро — даже, в сущности, тотчас после вселения — выяснилось, что новое здание не может удовлетворить всех нужд Пушкинского Дома. Во-первых, оно было мало — библиотеке некуда было расти, музей не мог выставить (уже тогда!) и половины своих коллекций, даже Рукописному отделу было тесно, а в будущем — так же, как и библиотеке, некуда расти; притом не было и не могло быть читальных залов — ни для библиотеки, ни для Рукописного отдела, и читатели сидели вместе с сотрудниками среди фондов. Музейные залы были так глубоки, а окна давали так мало света, что приходилось все время жечь в них электричество, а ведь в 1922 году его было далеко не достаточно. Наконец, помещение дублетов и разного имущества в амбарах первого этажа, на уровне земли, принесло немало бед в наводнении 1924 года (о чем скажу далее). Поэтому очень скоро встал вопрос о других дополнительных помещениях. На первое время задачам выставки, сменных экспозиций и собраний удовлетворял Абамелековский дом; в 1925 году в связи с 200-летием Академии было получено выставочное помещение на Тучковой набережной. И только осенью 1927 г. было занято и стало осваиваться нынешнее здание бывшей С.-Петербургской таможни.

Через несколько дней после нашего переезда и размещения на Тифлисской, осенью 1922 года, Нестор Александрович уехал надолго (на целых полтора года) за границу,⁹⁹ передав управление Пушкинским Домом Борису Львовичу Модзалевскому.

* который, по словам Пушкина, «Академию набил попами»; не следует при этом смешивать Российскую Академию с Академией наук; в 1843 году, после смерти Шишкова, Российская Академия (членом которой был Пушкин с конца 1832 года) была упразднена, члены ее уволены в отставку, а некоторые из них, перешедшие в Академию наук, образовали ее II-е Отделение — ОРЯС, отделение русского языка и словесности (*прим. автора*).

Нестор Александрович Котляревский был одним из самых интересных и замечательных людей, каких я встречал в своей жизни. Он обладал блестящим и оригинальным умом, сочетавшимся с тонким и изящным остроумием, широкой эрудицией, европейского типа культурой, соединенной с чисто-русскими, своеобразными чертами характера; был настоящим русским барином и вместе с тем — крайне простым и демократичным в своих отношениях с людьми, во взглядах на труд; не гнушался никакой самой тяжелой, физической даже, работой, любил все делать сам, своими руками, сохраняя при этом изящество и непринужденную тонкость манер; был блестящим оратором, лектором — и интереснейшим собеседником в личной беседе, в тесном кругу.

Оставленные им научно-литературные труды не могут дать о нем как человеку и ученом полного и верного представления. Его книги, увлекательно и интересно написанные, прекрасные по стилю, оригинальные по мысли, производят — особенно теперь, но это чувствовалось уже и тогда, при его жизни — впечатление некоторой поверхностности, словно в них внешний блеск преобладает над глубиной знаний и детальной работой над материалами. И это впечатление от его книг представляется мне очень досадным, тем более что, как это ни странно, он сам стремился вызвать его и проводил как систему. Лишь немногие из близких людей и младших товарищей, бывавших у него или общавшихся с ним на повседневной работе, знали, каким тружеником был этот изящный и на вид поверхностный человек, каких огромных и кропотливых трудов стоили ему его «легкие» книги — скорее книги для чтения, чем научные монографии.

К моему великому сожалению, я не принадлежал к числу очень близких к нему людей, тем более — к числу учеников; этому мешала и моя всегдашняя застенчивость, и большая разница в характере и направлении ума, в характере научных интересов, и то, что я не был непосредственно связан с ним по работе, да и вообще был с ним знаком и постоянно общался лишь очень короткое время (1920—1922 и 1924—1925 гг.). Бывая у него, я видел черновые материалы к его трудам — папки с выписками, библиографическими и иными заметками, ящики с карточками и проч. Но, когда я его спрашивал, отчего он не дает этих материалов — даже и в малой степени — в своих трудах, он отвечал мне, что книга или статья о художественной литературе и ее деятелях должна быть сама литературным произведением, предназначенным для чтения, а не тяжеловесным и сухим «академическим» (в кавычках) трудом, что из книги должен быть убран весь аппарат, весь материал, приведший автора к тому или иному положению, как убираются леса вокруг законченного здания. Труд, положенный на исследования, не должен быть показан, а только его результаты в отделанной и очищенной форме...

Думается, что этой теорией, проводившейся им во всех его работах, он немало своим трудам повредил, повредил в конце концов и своей научной репутации. Но память о нем — умнейшем, оригинальном и обаятельном человеке, — любовь и уважение к нему сохранились после его сравнительно ранней смерти (ему не было 62-х

лет) у всех, кто его знал, кто имел счастье с ним работать и общаться.

Уехав за границу, он обосновался в Болгарии, где жила его бывшая жена, в прошлом — актриса Александринского театра В. В. Пушкарева-Котляревская (во втором браке Пехливанова).¹⁰⁰ Но связей с Пушкинским Домом не терял, в каждом письме подробно расспрашивал, что у нас делается, и мы отвечали ему подробными отчетами о наших делах.

В конце 1923 или в начале 1924 года случилось происшествие, отразившееся очень серьезным образом на последующей жизни Пушкинского Дома.

Однажды утром Борис Львович получил повестку из Угрозыска, вызывавшую его для каких-то объяснений. Не ожидавший ничего подобного, он вместе с нами напрасно ломал себе голову, стараясь догадаться, что бы это могло быть, и, ничего не придумав, пошел в назначенный час на Дворцовую площадь (тогда — пл. Урицкого), в управление Ленинградской милиции. Мы с Михаилом Дмитриевичем проводили его туда, решили подождать, думая, что разговор будет недолгий. Но так и не дождались — и, очень встревоженные, вернулись в Академию, к С. Ф. Ольденбургу. Последний запросил по телефону — и получил краткий и грубый ответ, что, мол, гражданин Модзалевский задержан для расследования по уголовному служебному делу. Задержан — т. е., как оказалось потом, допрошен молодым, малограмотным следователем, смотревшим на него уже заранее, как на преступника, — и посажен в камеру тут же при Угрозыске, вместе со всякого рода уголовниками — ворами, грабителями, бродягами, беспризорниками, каких тогда было немало. Вся эта шпана — большей частью молодежь — с любопытством смотрела на почтенного гражданина с седеющей бородой, в очках, который чувствовал себя среди них совершенно потерянным. Но, сколько помнится, никто его не обидел (кроме следователя) и ему даже посочувствовали. Там он провел три дня, лежа на голых нарах, покрываясь своей меховой шубой от холода в огромном, почти нетопленном, помещении, — и три дня все переговоры С. Ф. Ольденбурга и представления Академии наук оказывались бессильны — так, видимо, мал был авторитет ее перед милицейскими властями. За это время выяснилось, что причиной вызова и ареста был донос, обвинявший Б. Л. в якобы совершенных им преступных махинациях с государственными средствами и государственным имуществом Пушкинского Дома — это-то его, Бориса Львовича, создававшего своими руками Пушкинский Дом с его бесценными коллекциями! Но донос исходил из самого Пушкинского Дома, и «творцы» его стали вскоре известны: исполнителем был наш вахтер Филиппов,¹⁰¹ оплативший Борису Львовичу за то, что тот спас его с семьей чуть не от голодной смерти, а вдохновителем один из сотрудников, некто Орлеанский,¹⁰² случайный у нас человек (оба они остались работать в Пушкинском Доме, но долгое время были как бы под бойкотом других товарищей)... На четвертый день Б. Л. был отпущен и, повидавшись с С. Ф. Ольденбургом, вернулся домой, совершенно разбитый физически и душевно. «Дело» тем и закончилось без дальнейших последствий — но оно тяжело ото-

звалось на всех нас — а на Бориса Львовича оказало такое впечатление, что — мы в этом не сомневались — ускорило его смерть, последовавшую через 4 года, всего на 54-м году жизни.¹⁰³

Происшествие так тяжело подействовало на Б. Л., что тотчас по выходе из «арестантской» он заявил С. Ф. Ольденбургу, что не может более нести ответственности за Пушкинский Дом и просит назначить до предстоявшего весной приезда Н. А. Котляревского временного директора из числа авторитетных академиков, при котором он, Б. Л., чувствовал бы себя спокойнее и увереннее, не опасаясь повторения подобной истории. И тут выяснилось чрезвычайно странное, ненормальное, чтобы не сказать более обстоятельство: среди всех «ученых мужей», членов II Отделения (ОРЯС, Отделение русского языка и словесности) Академии наук не нашлось *ни одного*, кто бы мог или согласился взять на себя администрирование Пушкинским Домом, хотя бы временно, на несколько месяцев. Председательствующий в Отделении академик В. М. Истрин¹⁰⁴ был стар и немощен — он с трудом передвигался на костылях по комнате и не выходил из своей квартиры (между прочим, отмечу, что такое же и даже более тяжелое инвалидное состояние не помешало Г. А. Князеву¹⁰⁵ взять на себя заведование архивом АН и быть его очень деятельным директором в течение 40 лет); академики Н. К. Никольский¹⁰⁶ и Е. Ф. Карский¹⁰⁷ были директорами: первый — русского отделения БАН, второй — Музея этнографии и антропологии; М. Н. Розанов и М. Н. Сперанский¹⁰⁸ жили в Москве и едва ли могли быть полезны нашему Дому. Оставались еще некоторые из академиков, не занятые административными постами, и первый среди них, казалось бы, наиболее нам близкий по научным интересам — Владимир Николаевич Перетц¹⁰⁹ (брат которого, Лев Николаевич,¹¹⁰ одно время работал в Пушкинском Доме). Но именно он, В. Н. Перетц, решительно уклонился от кратковременного хотя бы директорства. И причина этого понятна: В. Н. Перетц — единственный, помимо Н. А. Котляревского и М. Н. Розанова, академик-литературовед в собственном смысле (а не библиограф и археограф, какими были другие) — считал возможным научное исследование русской литературы лишь *до* Кантемира (кончая Петровской эпохой). Далее, по его мнению, научное исследование уступало место субъективистской и импрессионистической критике, и *наука* о литературе XVIII—XIX веков была невозможна. Стоящим за пределами науки он считал и пушкиноведение и поэтому крайне скептически относился к трудам Н. А. Котляревского, Б. Л. Модзалевского и других, а к Пушкинскому Дому в целом — не только скептически, но прямо враждебно, как к бесполезной и легкой забаве, напрасной трате средств и сил. В этом он не отличался от академиков-математиков (как В. А. Стеклов¹¹¹), но те, по крайней мере, имели больше оснований для противопоставления своих точных наук нашей науке о литературе.

Положение оказалось затруднительным и — могу не обинуясь сказать — постыдным для тогдашнего утратившего связи с жизнью и с движением науки ОРЯСа, в составе которого, кроме Н. А. Котляревского и М. Н. Розанова, не было ни одного исследователя новой и мировой литературы. И тут вмешался Нестор Александров-

вич, нашедший неожиданный для нас выход. Он лучше нас знал свое Отделение — знал, что среди его членов нет в Ленинграде ни одного, пригодного для управления Пушкинским Домом. И он обратился к ученому, которого давно и хорошо знал, с которым был если не дружен, то в добрых отношениях и которого считал единственным из гуманитариев способным поддержать Пушкинский Дом в этот трудный момент — к академику С. Ф. Платонову.¹¹² Нестор Александрович написал ему, написал и его тезке — С. Ф. Ольденбургу и нам, чтобы мы его уговорили. Вопрос был быстро решен. С. Ф. Платонов, хотя и занимал должность председателя Археографической комиссии, согласился на просьбу Нестора Александровича и принял временное директорство над Пушкинским Домом.¹¹³ Оно оказалось недолгим — всего несколько месяцев: в апреле или мае 1924 года вернулся из Болгарии Нестор Александрович.¹¹⁴ Но мы уже успели почувствовать твердую руку С. Ф. Платонова и тот авторитет, который он имел в академических верхах, — хотя он, в сущности, не вмешивался в научную жизнь учреждения и предоставлял руководство ею всецело Борису Львовичу.

21 (9) августа 1924 года исполнилось сто лет со дня приезда Пушкина в его вторую ссылку, в село Михайловское. Этот день решено было отметить большим праздником при участии Академии наук — вернее, праздником, возглавленным ею. Не помню почему, но ни Нестор Александрович, ни Борис Львович в Заповедник не поехали; не поехал и Михаил Дмитриевич Беляев — и я оказался единственным представителем Пушкинского Дома на торжестве. Зато нашу ленинградскую делегацию возглавил президент Академии наук Александр Петрович Карпинский — обаятельный старик, внушавший всем, кто его знал или только видел, несмотря на его внешнюю простоту, безграничное уважение. С ним ехала его дочь Евгения Александровна Толмачева¹¹⁵ и управляющий делами Конференции (т. е. научной части Академии) Борис Николаевич Молас.¹¹⁶ Был и Борис Викторович Томашевский и другие ленинградские писатели и журналисты; из Москвы приехали в Заповедник М. А. Цявловский,¹¹⁷ И. А. Новиков,¹¹⁸ Л. П. Гроссман,¹¹⁹ Вячеслав Шишков...¹²⁰ Почти все (вернее — все) ехали в пушкинские места впервые; для меня же это была вторая поездка туда.

Впервые я был в Заповеднике за год до этого — в августе 1923 года. Это было самое начало существования Заповедника. На месте дома в Михайловском — обгорелый фундамент, в Тригорском — то же, парки заросли и одичали, еще ничего не было сделано. Тогдашний (первый) директор Заповедника — он же директор средней школы — Василий Митрофанович Никифоровский¹²¹ только что перенес тяжелый тиф, и я видел его несколько минут, в постели. Но в Святогорском монастыре шла обычная, давно установившаяся жизнь: был игумен, которому я «нанес визит», были монахи, сновавшие по монастырскому двору в своих черных рясах (часть зданий отошла под школу, и мы с женою¹²² помещались в одном из классов); в древнем соборе шли службы, слабо горели под сводами

лампады и свечи, сумрачно глядели строгие лики древних икон (теперь ничего этого нет — остались лишь белые оштукатуренные стены, лишенные жизни).

Но впечатление, произведенное тогда собором на холме и беломраморным памятником на могиле Пушкина, рощами и парками в Михайловском и Тригорском, Соротью и озерами — всем тем, что так глубоко и вместе с тем точно отразилось и в «Деревне», и в «Евгении Онегине», и в «Вновь я посетил...» — это впечатление было ни с чем не сравнимо и осталось неизгладимым. Оно раскрыло мне Пушкина так, как я его не знал до тех пор — и, быть может, оказало влияние на составленную мною после этого посещения биографию Пушкина (1924), которая, говорят, удалась.¹²³

В иной обстановке проходил наш приезд в 1924 году. За год до этого мы были одни — никаких иных приезжих, везде пусто и тихо. Теперь — большие делегации из Ленинграда и Москвы, прибывшие в отдельном вагоне на станцию Тригорскую (от нее теперь не осталось и следа, как и от всей дороги из Пскова до Идрицы, проложенной в 1916 году параллельно фронту, установившемуся после немецкого наступления 1915 года, для перевозки военных грузов; дорога проходила между Михайловским и Тригорским по насыпи, следы которой остались и сейчас; насыпь и, в особенности, железнодорожный мост через Сороть очень портили «пушкинский пейзаж» и вносили в него резкий диссонанс; станция была расположена под горою, недалеко от окраины села Святые горы или, вернее, Тоболенец).

Собрались и гости из Пскова, и крестьяне из окрестных сел (тогда колхозов там почти не было). Среди всех выделялась невысокая, но внушавшая почтение своей белоснежно-седой головой фигура А. П. Карпинского, которого крестьяне быстро назвали «председателем всех наук». Вечером состоялось торжественное собрание. Никакого клуба, а тем паче дома культуры в Святых горах тогда не существовало. Собрание происходило в каком-то большом сарае или риге, где были устроены подмостки и поставлены скамейки. Все приехавшие гости и представители — псковские, ленинградские, московские — произносили речи и приветствия. Мне пришлось выступать от имени Пушкинского Дома. Блестящую речь, подобную фейерверку, произнес Л. П. Гроссман. Более сдержанно и «академично» говорили Б. В. Томашевский и М. А. Цявловский. Выступал И. А. Новиков с рассказом о Пушкине в Михайловском. Читал В. Я. Шишков рассказ (не имеющий отношения к Пушкину) — кажется, «Утро председателя Губчека» и пр.

На другое утро в том же вагоне, прицепленном к поезду, мы возвращались в Ленинград, и тут в обмене впечатлений между пушкинистами выяснилось — на мой взгляд, едва ли не самое значительное — следствие поездки в Заповедник: Борис Викторович Томашевский, до тех пор разделявший многие положения теории формалистов и главное из них — об имманентности художественного творчества и независимости его от биографических условий и обстоятельств, — под влиянием глубоких, волнующих впечатлений, полученных им в Святых горах, в Михайловском и Тригорском, пересматривал свои историко-литературные концепции и по-новому

смотрел теперь на источники творчества Пушкина, на его эволюцию, на его живую и глубокую связь с окружающей жизнью — начиная с ее пейзажа. И эта перемена в воззрениях благотворно отразилась на его книге «Пушкин. Историко-литературные проблемы», напечатанной в следующем, 1925 году.¹²⁴

Через месяц после нашей поездки, 23 сентября, произошло знаменитое наводнение в Ленинграде, подобное и почти равное наводнению 1824 года, описанному Пушкиным в «Медном всаднике». Случилось оно в погожий, теплый и солнечный осенний день — что как будто противоречило нашим традиционным представлениям.

В пятом часу, когда мы расходились по домам после работы, никто бы не мог предвидеть размеров наводнения: ветер был сильный, Нева волновалась, «обратно шла», белые барашки пробегали по ее волнам, но все, казалось, могло ограничиться обычным подъемом воды. Я пришел домой (мы жили тогда, как я уже говорил, на Мойке, 21); Невы от нас не было видно, на улицах спокойно, только пусто. Вдруг прибежала к нам жившая ниже нас очень почтенная смотрительница помещений Пушкинского Дома — Алида Карловна — с известием: Мойка выступает из берегов. А через несколько минут пришла моя сестра, сотрудница Эрмитажа,¹²⁵ с трудом дошедшая до нас уже в воде по щиколотку. Мы побежали в залы Толстовского музея и взглянули в окна: Мойка действительно вышла из берегов и быстро затопляла тротуары; решетки еще были видны, но на глазах исчезали; Конюшенный мост возвышался своим каменным горбом, окруженный со всех сторон водою, — и на его вершине, оставшейся вне воды, стояла ломовая телега с лошадей и возчиком.

Вскоре на месте узкой Мойки оказалась одна сплошная широкая и бурливая река, сравнившая все пространство от одного ряда домов до другого. Наш двор наполнился водою. Жившие в нижнем, полуподвальном этаже дворники-татары перебрались в более высокие квартиры — к Шахматовым, занявшим к этому времени второй этаж (где в 1922—1923 годах жила семья М. Л. Гофмана), и к другим. Подъем воды, однако, был короток: часам к 8-ми она достигла максимума и стала спадать, ветер утих или переменился, к ночи Мойка вернулась в свои берега, ломовик благополучно уехал, стали появляться люди. Но мы не имели во всем доме телефона и были отрезаны от мира.

Утром я поспешил в Пушкинский Дом. Город носил еще все следы «беды минушей»: против Эрмитажа, у Зимней канавки, лежала поперек набережной огромная баржа, выброшенная волнами; торцовая мостовая на набережной у Зимнего дворца была поднята водою, торцы частью унесены, частью лежали грудями (в тот же вечер я видел вдоль всего Каменноостровского пр. — улицы Красных Зорь — груды торцов, в беспорядке лежавшие на улице и на трамвайных рельсах, прекратив всякое движение по проспекту).

В главном здании Академии наук все квартиры первого этажа надворного корпуса были залиты водою на 1,5 метра; в квартире С. Ф. Ольденбурга погибли все его буддийские коллекции, вывезенные в последнее путешествие из Индии и еще не обработанные. В самом Пушкинском Доме была суета. Амбарные помещения, рас-

положенные на уровне земли, были залиты (так же, как академические квартиры) почти на два метра. Вода ушла — но все, сложенное в этих амбарах — главным образом, книги, а также мебель, запасное оборудование, музейное имущество всякого рода — все было пропитано водою.

С раннего утра туда пришел Нестор Александрович. Двери амбаров были открыты, промокшие книги и прочие вещи мы выносили наружу. К счастью, день был солнечный и теплый, и такие же стояли дни, словно «бабье лето», до конца месяца. Под аркадами и везде, где можно было, протягивали веревки и на них развешивали книги, корешками кверху, предварительно обтерев их. Усиленная работа продолжалась несколько дней. Сам Н. А. подавал пример, в своем синем халате перебирая книгу за книгой, вещь за вещью. И, нужно сказать, почти все удалось спасти, даже без заметной порчи.

К наступлению настоящей осени последствия наводнения были, насколько возможно, устранены. Но в Летнем саду была порывом ветра выломана широкая полоса деревьев — старых громадных лип — и еще долго зияла, как просека, от Марсова поля до Фонтанки. (Замечу, что в городе именно наводнение явилось толчком к замене старинной торцовой мостовой брусчаткой и асфальтом.)

За городом, разумеется, наводнение почувствовалось много сильнее. В Петергофе очень пострадали парки, был залит и опустошен Монплеизир (одна ночная туфля Петра Великого так и пропала, унесенная водою). Когда, уже поздней осенью, мне пришлось поехать туда за переданными нам из дворца альбомами литературного (не очень значительного) содержания, я был поражен разрушениями, причиненными разбушевавшимся морем — поваленные деревья, разрушенные набережные, ил, песок и водоросли на дорожках, какое-то впечатление запустения и внезапного одичания... Только фашистское нашествие смогло превзойти эти разрушения.

В наводнении едва не погиб наш старый сотрудник Василий Ильич Чернышев (кажется, впрочем, он у нас в это время уже не работал). Он жил вдвоем с женой на своей уединенной даче на Лисьем Носу, открытом всем ветрам и морю. Вода окружила дом. Они перебрались на чердак, оттуда на крышу — и только быстрый спад наводнения, позволивший им уже вечером слезть на землю, спас их, быть может, от гибели. Но все имущество было потеряно или испорчено — и его книги, и картотеки, и рукописи.

В том же 1924 году произошло памятное для нас событие — 50-летие со дня рождения Бориса Львовича Модзалевского. Как я выше упоминал, к этому юбилею трудами и энергией Ивана Андреевича Кубасова была выпущена небольшая и очень изящно изданная книжка, содержащая основные даты жизни и деятельности Б. Л. и список его печатных трудов до дня ее издания. Издателями книги были *все* издательства, начиная с Академии наук и ГИЗа, в которых печатал свои труды Борис Львович; фронтисписом к ней был помещен его превосходный портрет, нарисованный (для неизвестной Б. Львовичу цели!) П. И. Нерадовским¹²⁶ — к сожалению, в момент события не все экземпляры издания (всего <?>¹²⁷ пронумерованных, частью именных) смогли быть украшены этим портретом,

который потом дополнительно раздавался их владельцам. Первый экземпляр вместе с оригиналом портрета (который теперь находится в читальном зале Рукописного отдела ПД), был торжественно вручен Борису Львовичу — но, насколько мне помнится, у него на квартире, без всякого официального заседания, речей и адресов: чрезвычайно скромный Б. Л. не мог согласиться ни на какое официальное чествование.

10 февраля 1925 года состоялось (впервые, если память мне не изменяет) собрание на последней квартире Пушкина (на Мойке, 12), посвященное дню его смерти. Квартира тогда еще не принадлежала Пушкинскому Дому. Она недавно поступила в ведение Общества «Старый Петербург — Новый Ленинград»,¹²⁸ которому была передана, после долгих хлопот, благодаря трудам и энергии Михаила Дмитриевича Беляева и его товарищей — А. А. Платонова¹²⁹ и А. Г. Яцевича.¹³⁰ Жильцы были выселены, квартира приведена в некоторый порядок, но об ее реконструкции, о восстановлении в первоначальном виде, о перенесении туда подлинных мемориальных вещей можно было только мечтать, а пока лишь место в кабинете, где, по соображениям, стоял диван, на котором лежал раненый и умер Пушкин, было окружено оградой. И собрание не могло быть тем торжественно-поминальным актом, каким оно стало впоследствии, а просто заседанием, на котором выступали Н. А. Котляревский и П. Е. Щеголев. Более того: самое заседание вышло дискуссионным. Оба докладчика коснулись одной темы: чем стал бы Пушкин, если бы не погиб в 1837 году, а продолжал жить — хотя бы до конца царствования Николая I и до 60-х годов, — и каждый из них пришел к противоположному выводу. Нестор Александрович говорил о том, «как тяжело жилось бы ему и какие ожидали бы его душевные драмы!»:¹³¹ «в 40-х годах, в звании камергера, со звездой Анны I-й степени ... он... должен был лечь между молотом все более и более недоверчивой и суровой власти и наковальной созревающего общественного мнения...».¹³² Горестным ударом была бы для него катастрофа в Крыму,¹³³ «суд над всей системой Николая I». Он взволнованно радовался бы реформе 1861 года¹³⁴ — но «скоро разглядел бы на горизонте грозные тучи», а «к этим опасениям о судьбах крестьянского дела» присоединилось бы отрицание его поэзии, дела его жизни, молодыми людьми, «уверенными в том, что все истины в их кулаке зажаты» — и счастьем для Пушкина было то, что «он таких слов из уст своей братии не слышал...». Павел Елисеевич оспаривал его, и довольно резко (он говорил вторым), утверждая, сколько мне помнится, что Пушкин пришел бы к революционно-демократической идеологии в духе Белинского и его последователей. Речь Н. А. была напечатана в брошюре, изданной год спустя — «Памяти Нестора Александровича Котляревского. 1863—1925. Сотрудники Пушкинского Дома Академии Наук» (Л., 1926, стр. 31—34); речь П. Е. Щеголова осталась, насколько я знаю, ненапечатанной. Мнения слушателей разделились — но все признавали трудность и гипотетичность подобных прогнозов.¹³⁵

Речь 10 февраля была, если мне память не изменяет, последним публичным выступлением Нестора Александровича. Прошло всего

три месяца — и 12 мая 1925 года он скончался. Он давно уже страдал болезнью сердца (кажется, астмой), не щадил себя на работе, часто даже физической (как это было после наводнения), но никто не ждал такого скорого конца — и его смерть поразила нас всех тяжелым ударом.¹³⁶ Его похоронили в Александро-Невской лавре, торжественно и многолюдно. Но никакой «гражданской панихиды» у гроба, в Большом конференц-зале, как это принято теперь для академиков, не было — они вошли в обычай гораздо позже. (Даже тело вице-президента, академика В. А. Стеклова, умершего через год, в июне 1926 года, в Крыму, куда его послали для лечения туберкулеза, прямо с Московского вокзала было отвезено — правда, очень торжественно — на Волково кладбище, где и похоронено рядом с его дадей, Н. А. Добролюбовым.¹³⁷)

Директором Пушкинского Дома был очень скоро назначен академик С. Ф. Платонов.¹³⁸ Теперь, после того, как он пробыл уже несколько месяцев на этом посту, замещая отсутствовавшего Нестора Александровича (о чем я говорил выше), — после того, как Нестор Александрович по возвращении горячо его благодарил за заботы о Пушкинском Доме, — это было естественным решением, и никаких других кандидатур не являлось. Второе Отделение совершенно отстранилось, как будто наше учреждение к нему совсем не относится, и с тех пор о нем словно забыло. (Отмечу, что те же академики II Отделения в 1928 году забаллотировали такого бесспорного кандидата в академики и в директора Пушкинского Дома, как П. Н. Сакулин¹³⁹ — и он прошел только через год, при вторичной баллотировке, после сильного нажима на них со стороны С. Ф. Ольденбурга и других членов Конференции.) Приняв пост директора Пушкинского Дома, С. Ф. Платонов принужден был совмещать его с постами председателя Археографической комиссии АН и — кажется, с того же 1925 года — директора БАН. Он мало вмешивался в научную жизнь и труды Пушкинского Дома, предоставляя руководство ими Б. Л. Модзалевскому. Но в 1926 году много содействовал широкому участию Пушкинского Дома в трехтомном сборнике материалов «Памяти декабристов», изданном АН,¹⁴⁰ в 1927 — выхлопотал, в виде совершенного исключения и отступления от традиций АН, гонорар — пусть и небольшой — для участников издания ПД «Письма Пушкина к Е. М. Хитрову»;¹⁴¹ сам написал небольшую, но любопытную книжку «Далекое прошлое Пушкинского уголка. (Святогорский монастырь и городище Воронич в XV—XVII веках)»;¹⁴² наконец, едва ли бы без его деятельного участия Пушкинский Дом получил в 1927 году свое нынешнее помещение — здание таможни на Тучковой наб., о чем буду рассказывать дальше.

Однако же, каким бы сильным и неожиданным ударом ни была для нас смерть Нестора Александровича — горевать и предаваться унынию не было ни времени, ни возможности. Академия, а с нею и Пушкинский Дом, в лето 1925 года усиленно готовилась к празднованию 200-летия ее основания (т. е. декретированного, но не осуществленного при его жизни решения Петра I). Празднование, назначенное на начало сентября, должно было стать всесоюзным и вместе с тем международным торжеством русской и советской

науки, на которое было приглашено множество иностранных гостей — выдающихся ученых, нередко с мировыми именами. К юбилею спешно составлялись и печатались брошюры о каждом из учреждений Академии — такую брошюру о Пушкинском Доме составили и мы.¹⁴³

Здание наше ремонтировалось — были сбиты и сравнены давно поврежденные и полуобвалившиеся карнизы и наличники и вместо них наскоро оштукатурен гладкий, довольно скучный фасад без всякой орнаментовки, с довольно безобразным полукруглым фронтоном, попавшим почему-то не точно на середину фасада (в таком виде верхний этаж здания существует и до сих пор). Академия получила в свое владение «фисташковый» (по его окраске) дом рядом или, вернее, под углом с нашим, на Тучковой набережной. В нем нам предоставлена была анфилада комнат 2-го этажа окнами на набережную с полукруглым или овальным залом на закруглении здания (там помещается теперь Институт физиологии АН — ФИН). Соседние комнаты вдоль набережной получил Толстовский музей, переведенный сюда с Мойки — и исторический тарантас Льва Толстого был водружен посреди зала.

В доставшихся нам комнатах (сами по себе они были очень хороши, просторные, светлые и высокие) был развернут литературный музей XIX (и немного XX) века послепушкинского времени: Лермонтов, Гоголь, 40-е—60-е годы, Тургенев, Гончаров, Достоевский и проч. В прежнем здании остались XVIII век, Пушкин и его эпоха. Тут, при развертывании этой новой экспозиции, обнаружилась вся неработанность методов построения литературного музея. Было много споров, делались разные попытки: материал — и портреты, и книги, иллюстрации и личные вещи писателей — прекрасный своей подлинностью, убедительностью, отбором. Но получалось как-то «академично», слишком сухо; интересно для специалиста-литературоведа, но скучновато для массового зрителя, тем более школьника. Когда (незадолго до юбилейных торжеств) залы были открыты, оказалось, что они пустуют. Объясняли это каникулами — но наступила осень, открылись школы, а посетителей все было мало. Связи с наробразом — а тем более со школами — не устанавливались, учителя не привыкли водить экскурсии в литературный музей, у нас же не было специалистов-экскурсоводов для школьных экскурсий. И удобные, хотя и несколько банальные залы с прекрасной экспозицией пустовали; в них бродили одиночные посетители, а временами не было никого — и дежурные сотрудники часами сидели, чувствуя, что теряют даром время. «Зеленый дом зеленой скуки», — так назвал Борис Иванович Коплан помещение на набережной — и надо сказать, что для такого определения было много оснований. Сравнительно больше было посетителей в Пушкинских залах основного нашего дома — но ведь Пушкин всегда и для всех представляет живой и сочувственный интерес...

Я не буду рассказывать подробно о торжествах 200-летия Академии: назову из них — торжественное заседание в Таврическом дворце (тогда он назывался дворец Урицкого), на котором выступали М. И. Калинин,¹⁴⁴ Г. Зиновьев,¹⁴⁵ А. В. Луначарский,¹⁴⁶ советские ученые и зарубежные гости; прием в залах Академии наук

(перед которым или немного раньше была открыта на главной лестнице мозаичная картина работы Ломоносова — «Полтавская баталия», перенесенная сюда из Академии художеств и установленная не очень удачно — так, что швы на мозаике, разделенной на куски для перевозки, остались заметны); два великолепных банкета в «Красном» (Мраморном) зале Этнографического музея на Инженерной улице (после второго из них, прямо из зала, все академики, иностранцы и свои делегаты и гости отправились специальным поездом в Москву, где продолжались празднества; я туда не ездил), — все это, в сущности, мало коснулось Пушкинского Дома. Не помню, много ли было у нас в эти дни «знатных гостей», но кажется — очень немного, потому что вообще гуманитары не играли заметной роли на торжествах.

На жизни нашего учреждения юбилей отразился в двух отношениях. Во-первых, получив экспозиционные залы в «зеленом доме», мы взамен лишились «Абамелековского дома» — было сочтено, что мы его недостаточно используем, и он был отдан другим учреждениям. Вместе с залами были освобождены и почти все квартиры главного корпуса — кроме, кажется, небольшой квартирке Евлалии Павловны Казанович, помещавшейся внизу, сбоку от главной лестницы. Зато люстрами, столами, шкапами, стульями и прочей стильной мебелью мы обставили оба наши помещения — и на Тифлисской, и на набережной, да и залы главного здания.

Вторым следствием юбилея, непосредственно коснувшимся всех нас, было большое увеличение зарплаты сотрудников. Связано оно было, по-видимому, с тем, что Российская Академия наук стала теперь Академией наук СССР, состоящей уже в ведении не Наркомпроса РСФСР, как раньше, а Совнаркома СССР.¹⁴⁷ Приведу, насколько их помню, некоторые цифры. Старший ученый хранитель получал до 1925 года, если не ошибаюсь, 68 руб., с 1925 года — кажется, с 1 июля — 170 руб.; ученые хранители (в том числе и я) — соответственно 58 и 150 руб.; научные сотрудники I разряда (Козмин¹⁴⁸ и Яковлев) — 54 и 130; научные сотрудники II разряда (т. е. все остальные, большинство, в том числе такие именитые, как В. Д. Комарова) — 50 и 115 руб. Прежние оклады, установленные в 1922 или 1923 году при введении червонного обращения, были тогда достаточны; но к середине 1925 года они решительно устарели, и новые ставки были для всех нас очень чувствительны и очень отразились на нашей жизни — тем более, что, кажется, никто из нас не имел совместительств в виде преподавания, лекций и т. п., а литературные наши гонорары были случайны и ничтожны (надо помнить, что все, что мы печатали в академических изданиях, например, в «Пушкине и его современниках», печаталось бесплатно — самое участие в изданиях Академии наук было честное, вполне заменявшей денежный гонорар; триста рублей, уплаченных вполне коллективу составителей и редакторов «Писем Пушкина к Е. М. Хитрово», были исключением; не знаю, оплачивалось ли Н. К. Козмину редактирование IX тома старого Академического издания сочинений Пушкина, начатого набором в 1912-м году, а выпущенного в 1928 и 1929).

Нынешним сотрудникам учреждений Академии наук, привыкшим к огромным ее масштабам, трудно себе представить, чем была Академия тогда, в середине 20-х годов, когда еще вся она, со своими музеями и лабораториями, размещалась в нескольких зданиях — и преимущественно на стрелке Васильевского острова, вокруг главного здания — и вся находилась в Ленинграде. Пушкинский Дом, как и другие академические институты, не имел ни самостоятельной хозяйственной части, ни своего месткома, ни своей бухгалтерии. Все эти органы были общеакадемическими: местком выбирался на общем собрании делегатов (кажется, так — а не всех сотрудников) от всех учреждений. Зарплату мы получали в Правлении Академии, которое помещалось в комнатах верхнего этажа окнами на набережную, стена в стену с Малым конференц-залом, но со входом по первой от Таможенного переулка лестнице со двора, по которой мы ходили когда-то, этажом ниже, в Шахматовскую квартиру. Сюда же мы сдавали отчеты, получали ассигнованные нам (весьма небольшие) суммы; здесь заседало под председательством вице-президента Правление Академии — т. е. ее административно-хозяйственный орган, куда входил и наш директор С. Ф. Платонов. Здесь можно было всегда переговорить о наших нуждах с управляющим делами правления Дмитрием Николаевичем Халтуриным,¹⁴⁹ с заведующим хозяйством В. А. Баньковским¹⁵⁰ (одним на всю Академию!) и другими. Все было просто и близко и не требовало никакой почти переписки.

Еще проще, пожалуй, было в канцелярии Конференции, ведавшей всей научной работой. Туда входили по второй надворной лестнице, и размещалась она в нижнем этаже, под Большим конференц-залом, занимая всю ширину здания. Из передней входили в небольшую комнату, занятую посередине двумя огромными бюро. За ними с одной стороны сидел управляющий делами Конференции Борис Николаевич Молас, весьма лощеный и обходительный человек (племянник адмирала Моласа,¹⁵¹ погибшего в 1904 г. на «Петропавловске» вместе с адмиралом Макаровым¹⁵²). По другую сторону бюро сидел заведующий издательством — Николай Борисович Андреев,¹⁵³ совмещавший в себе, насколько я помню, весь издательский аппарат. Не было ни издательских, ни технических редакторов, никого: все технические работы выполнялись в типографии на 9-й линии, куда авторы и редакторы изданий имели всегда свободный доступ.* Здесь же, внутри Академии, издания (какие бы то ни было) представлялись директорами учреждений под их ответственность и утверждались неперменным секретарем, подписывавшим к выпуску каждую книгу. И при этом печатали, и печатали немало — относительно, конечно, по тогдашним размерам Академии, во много раз меньшим нынешней (самих академиков к 1928 году было всего 42, а теперь их 211!).

Из этой приемной комнаты, куда непрерывно заходили сотрудники разных учреждений АН — и по научно-организационным, и

* Впрочем, рукописи и корректуры принимались от нас и передавались нам от типографии сотрудниками канцелярии Конференции, для этого специально назначенными. Но это была, в сущности, только передаточная инстанция (*прим. автора*).

по издательским делам — была дверь в большой кабинет, где сидели и неприменный секретарь, академик С. Ф. Ольденбург, и сам президент, Александр Петрович Карпинский. Впрочем, писать «сидели» не совсем точно: сухощавый, необыкновенно живой Сергей Федорович Ольденбург был в непрестанном движении и чаще всего стоя встречал проходящих к нему... Здесь же происходили и заседания Конференции, куда, кажется, входили если не все академики, то все директора учреждений. Общие же собрания, кроме годовых, публичных, собирались в Малом конференц-зале, имевшем, кажется, тот же вид, что и теперь.*

По левую сторону от прихожей размещалась в большой комнате окнами во двор собственно канцелярия Конференции с машинистками и иными сотрудниками, среди которых выделялись Елена Владимировна Сабанина¹⁵⁴ — очень деловая и умная женщина — и высокая блондинка Ольга Владимировна Нордгейм,¹⁵⁵ дочь директора Академической типографии, ставшая в эти годы женою Бориса Николаевича Моласа.

Такова была тогдашняя Академия наук СССР.

Возвращаюсь к хронике Пушкинского Дома.

В октябре 1925 года, вскоре после окончания юбилейных торжеств произошло событие, всколыхнувшее весь литературный, а прежде всего — пушкинистический мир: в особняке князей Юсуповых (на Мойке, 94, у Поцелуева моста — в том самом доме, где всего за 9 лет до того было совершено убийство Распутина¹⁵⁶ заговорщиками, возглавляемыми молодым князем Феликсом Феликсовичем Юсуповым,¹⁵⁷ теперь — недавно — умершим в Париже), при ремонте его, вызванном передачей особняка работникам просвещения, был обнаружен в стене коридора, ведущего к библиотеке, тайник, а в тайнике — небольшая связка бумаг из архива Елизаветы Михайловны Хитрово (или, по произношению того времени — Хитровой)¹⁵⁸ и ее старшей дочери графини Екатерины Федоровны Тизенгаузен,¹⁵⁹ любимой камер-фрейлины императрицы Александры Федоровны.¹⁶⁰ Как и почему эти бумаги оказались в доме Юсуповых — объяснено в моей статье о Е. М. Хитрово. Но среди них был синий конверт, а в нем — 27 неизвестных писем Пушкина — 26 к Е. М. Хитрово и 1 — к Е. Ф. Тизенгаузен! Тотчас дали знать в Пушкинский Дом. Ленинградское отделение Главнауки, которым заведовал М. П. Кристи,¹⁶¹ человек культурный и понимающий, пошло нам навстречу — и через несколько дней драгоценные письма были у нас.

Это была огромная, неожиданная сенсация. О том, что такие письма должны существовать, что Пушкин и Элиза Хитрово были в деятельной переписке, мы знали давно по нескольким (из многих) сохранившимся ее письмам и запискам к Пушкину, по ее переписке

* Впрочем, недавно я был там и убедился, что Малый конференц-зал совсем перепланирован. Прежде стол для президиума стоял на возвышении у внутренней продольной стены зала, а столы и кресла участников заседаний — полукругами, вытянутыми вдоль зала, спиной к окнам, лицом к столу президиума. Теперь этот старомодный вид, напоминавший, кажется, английскую палату лордов, заменен обычным размещением (*прим. автора*).

с Вяземским,¹⁶² по упоминаниям в переписке Вяземского с Пушкиным; но где они, мы не могли догадаться и считали их пропавшими. После того как был издан еще в 1907 г. Б. Л. Модзалевским автограф Пушкина, бывший (вероятно, от Жуковского¹⁶³) в собрании княгини З. Н. Юсуповой (давшей свою фамилию князю Ф. Ф. Юсупову графу Сумарокову-Эльстон-старшему)¹⁶⁴ — послание «К вельможе»¹⁶⁵ — и этот автограф в 1918 г. поступил из Музейного фонда в Пушкинский Дом, никто уже не думал, что в том же собрании Юсуповых могут храниться и письма Пушкина... и вдруг они появились! находка была тем более удивительной, что, судя по надписям на обложках писем, кто-то, очень неумелый и малознающий, пытался разбираться их и датировать в очень недавнее время — не далее конца XIX или начала XX века. Значит, они не были забыты, в семье Юсуповых о них знали — и все-таки скрывали эти замечательные документы от взоров «непросвещенной черни»!

Мы тотчас решили их издать, но издать в виде отдельного тома, достойного их значения. Были распределены между нами обязанности. Борис Львович взял на себя общее руководство и биографическую часть комментария; мне он великодушно уступил тему, которую сам давно уже разрабатывал в связи с «Дневником Пушкина»¹⁶⁶ — биографию Е. М. Хитрово и очерк ее отношений с Пушкиным. Значительную помощь в этом мне оказали найденные вместе с письмами Пушкина бумаги Хитрово и ее дочери, о которых я упоминал; они были позднее переданы в ЛО Центрархива. Мне же досталась и литературная часть комментариев. Решено было выделить в отдельные статьи три важнейшие темы, проходящие через письма: французская литература и политические события 1830—31 годов во Франции были предложены не состоявшему в штате Пушкинского Дома, но лучшему знатоку Франции пушкинского времени Б. В. Томашевскому; тему Польского восстания 1830—31 годов взял на себя М. Д. Беляев. Переводы — очень мудреные — французских текстов писем мы делали сообща: М. Д. Беляев, Б. В. Томашевский и я. Большую помощь в подготовке издания оказал И. А. Кубасов; некоторое участие в нем принял и Н. К. Козмин.

Работа была сложная и кропотливая. Статьи не сразу были написаны и отделаны. Между тем публика — и не только пушкинисты, но и широкие круги читателей — с нетерпением ожидали издания таинственных писем. О них ходили слухи, несколько отрывков попало в печать — но точно никто их не знал и от нас требовали обнаружения.

Зимой, в начале 1926 года, решено было устроить специальное заседание Пушкинского Дома в Малом конференц-зале Академии, широко о нем оповестив. Должны были выступить — Б. Л. Модзалевский с общим вступительным докладом и я — с чтением писем, их переводом и кратким комментарием (Б. В. Томашевского не было, он на несколько месяцев уехал для работы в Париж).

Народу собралось много — полный зал. Борис Львович сделал свой вступительный доклад. За ним должен был выступить я. И тут с ужасом увидел, что забыл дома готовые переводы писем, а

имел с собой только французские тексты и предварительные заготовки комментариев. Что было делать? Читать по-французски, а затем переводить à livre ouvert, прямо с листа, поправляясь и запынаясь, мне не хотелось. И я стал читать только французские тексты, без переводов, и комментировать их. Все, однако, сошло хорошо: в те времена почти все сидевшие в зале достаточно понимали французский язык; произносил я неплохо, и слушатели были довольны. Только Михаил Дмитриевич Беляев был недоволен и даже обижен на меня за то, что я — для того, чтобы блеснуть, как он думал, своим французским «прононсом», — не стал читать наших совместных переводов. Я объяснил ему причину и на этом он «смирил гнев на милость».

Подготовка книги продолжалась и после этого вечера, но замедлялась тщательностью, с какою мы ее делали. Медленно шло затем и издание — и только в ноябре 1927 года книга наконец вышла — изданная, правда, со всей полиграфической роскошью, возможной в то время. «Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово» остаются до сих пор одним из лучших изданий Пушкинского Дома. (Отмечу, что поставленный на титуле по инициативе Б. И. Коплана № Трудов Пушкинского Дома — XLVIII — многих приводил в недоумение.)

Отмечу еще одно, своеобразное по своему источнику, получение писем Пушкина. Весной 1929 г. нам позвонили из ОГПУ и сообщили, что у них находятся изъятые при обыске два письма Пушкина, которые Пушкинский Дом может получить в музее ОГПУ, в доме бывшего градоначальства, на Адмиралтейском проспекте, угол Комиссаровской ул. (бывшей Гороховой, теперь ул. Дзержинского). Мы отправились туда вдвоем с Борисом Ивановичем Копланом, заручившись соответствующими полномочиями от Пушкинского Дома. В здании ОГПУ нас весьма любезно встретили два сотрудника музея — братья Сюннерберг (сыновья известного критика Константина Эрберга,¹⁶⁷ чей архив теперь у нас, переданный его дочерью, сестрою тех двух сотрудников). Передача писем Пушкина (к П. А. Осиповой¹⁶⁸ — ИРЛИ ПД, № 495 и 554; Акад., т. XIV, № 369 и 622¹⁶⁹) заняла несколько минут, но нам предложили осмотреть музей, и это оказалось небезынтересным. Нам показывали образцы снаряжения контрабандистов-спиртоносов, макеты, изображающие систему пограничной охраны (по ним учились курсанты-пограничники), всевозможные памятные вещи, портреты и проч., связанные с историей ВЧК—ОГПУ с 1917 года. Самым же интересным оказалась модель масонской часовни, с престолом, атрибутами и символическими знаками — фартуками, лопаточками, треугольниками с «всевидящим оком» и проч., рукописными и печатными масонскими книгами... Все это было изъято при закрытии в Ленинграде масонских лож за несколько лет до нашего посещения.

В ту же зиму 1926—27 года произошло еще одно событие, на первый взгляд мелкое, но имевшее значение в нашем мире: окончилась долголетняя ссора между Н. О. Лернером и Б. Л. Модзалевским (а с ним вместе и — Пушкинским Домом), происшедшая когда-то из-за вопроса о приоритете в какой-то (не помню) публи-

кации.¹⁷⁰ Убежденный общими друзьями, Лернер пришел на одно из заседаний в Пушкинский Дом; здесь, на широкой площадке лестницы, где, за неимением зала происходили наши заседания, его встретил Борис Львович; они торжественно подали друг другу руки — даже, кажется, обнялись и поцеловались — и давняя вражда была забыта. С тех пор Лернер частенько приходил к нам в библиотеку и в Рукописный отдел, беседовал и с Б. Л., и со мной, и с другими. Прежде я, как это ни странно, ни разу даже не видел его, а теперь мы часто беседовали, и его разговор, острый, иногда злой и насмешливый, но всегда интересный и содержательный, дал мне много нового в моих пушкиноведческих знаниях. Жалею теперь, что, вероятно по моей всегдашней застенчивости, я тогда ни разу не был у него на квартире, не посмотрел его замечательной библиотеки, в особенности по французской литературе; говорили, что книги этой библиотеки были так растрепаны, покрыты заметками или запылены, что ни одна библиотека не решилась бы их взять у него. Не видел я и материалов ко 2-му изданию «Трудов и дней Пушкина».¹⁷¹ Впрочем, наше знакомство продолжалось недолго, всего около двух лет с небольшим — умер же он в 1933 году, когда меня не было в Ленинграде.

В эти годы встречался я нередко и с другим интересным человеком, более крупного масштаба, чем Лернер — с Павлом Елисеевичем Щеголевым. Он бывал в Пушкинском Доме, выступал с докладами, бывал и я у него в квартире рядом с «домом Кшесинской» (теперь — Музей Октябрьской революции)¹⁷² в кабинете, наполненном книгами, завешанном портретами, видами, акварелями и гравюрами всякого рода, которых он был знаток и охотник. Трудно найти человека, более интересного, но и более противоречивого, чем Павел Елисеевич. Его знания, эрудированность и начитанность были огромны и разносторонни; его одаренность, можно даже точнее сказать, его талантливость, поражала с первой встречи. Я не знал и не знаю более блестящего, увлекательного и яркого собеседника и рассказчика, чем Щеголев (кроме, однако, Нестора Александровича). И эта его одаренность, талантливость искрились и «брызгали» из него в каждом его слове. И вместе с тем — удивительны были его скептическая беспринципность, его цинизм, его неразборчивость в средствах получения крупных гонораров.

В годы первой революции и после нее он был издателем-редактором историко-революционного журнала «Былое»,¹⁷³ поместившего немало важнейших материалов — документов и мемуаров — по истории русского освободительного движения. Как издатель-редактор он был привлечен к суду, осужден на год заключения в крепости и отбывал его не более и не менее, как в Петропавловке. Здесь он много работал над своей известной монографией об «утаненной любви» Пушкина. Борис Львович доставлял ему в камеру кисты книг и журналов, фотоснимки с пушкинских рукописей и документов — и за время заключения работа была закончена (напечатана в «Пушкине и его современниках», вып. XIV, 1911).¹⁷⁴

Его ввели в академическую Пушкинскую комиссию и ему был поручен XII том — биография Пушкина. Все думали тогда — и я

думаю так же и теперь, — что никто в то время не мог написать ее лучше Павла Елисеевича. Но годы шли, а биография не двигалась. П. Е. увлекся другой темой и написал другое замечательное исследование — «Дуэль и смерть Пушкина»,¹⁷⁵ классическое по размаху, документированности и точности, хотя и устаревшее вскоре по концепции. Борис Львович не раз говорил, что следовало бы еще раз посадить Щеголева на годик-другой в Петропавловскую крепость — и биография Пушкина была бы написана. Но после 1917 года и это сильное средство, по изменившимся условиям, стало невозможно, и биография осталась ненаписанной.

По своему направлению П. Е. Щеголев был демократом — он и происходил из крестьян Воронежской губернии — близким к революционным кругам, враждебным царизму, но не революционером в прямом смысле.

Широкий и свободный по своим воззрениям, готовый поддержать всякое начинание на пользу пушкиноведения, откуда оно ни шло, он помогал князю Олегу Константиновичу в издании его альбома рукописей Пушкина, а после гибели князя Олега осенью 1914 года в бою с немцами (его смерть очень напоминает героическую и напрасную смерть Пети Ростова)¹⁷⁶ — П. Е. Щеголев посвятил этому единственному представителю царской семьи, погибшему в бою, теплый и искренне прочувствованный некролог в «Пушкине и его современниках»...¹⁷⁷ После Февральской революции он возобновил издание «Былого» и вошел в редакцию умеренно-демократической газеты «День».

С последним фактом связан характерный анекдот, который я слышал от Е. В. Тарле.¹⁷⁸ Едут они однажды — в бурные дни июля 1917 года — вместе на извозчике, Тарле и Щеголев, вызванные в редакцию «Дня» на экстренное совещание (нужно определить линию поведения газеты), — и оба молчат. Тарле думает о нарастающих событиях, о революции и войне... Вдруг Павел Елисеевич прерывает молчание вопросом: «А как вы думаете, Евгений Викторович, будут нам за такие экстренные вызовы в редакцию платить пожетонные?» Этот оборот мыслей кажется мне очень характерным для Щеголева.

В 20-х годах он много работал над Пушкиным, исследовал его социальный и материальный «быт», написал интереснейшую книгу «Пушкин и мужики» (1928)¹⁷⁹ и многое другое... А вместе с тем не гнушался принять участие (и это было широко известно) в составлении фальшивого «Дневника А. А. Вырубовой»,¹⁸⁰ издание которого вызвало сенсацию, — в сочинении вместе с Ал. Н. Толстым, еще более сенсационной пьесы «Заговор императрицы»,¹⁸¹ поставленной в 1926 г. в Большом Драматическом театре с великолепным актером Н. Ф. Монаховым¹⁸² в роли Распутина... За эту пьесу, долго шедшую «с аншлагом», каждый из авторов получил по 75 тыс. гонорара, что было тогда огромной суммой. Но эта сумма была прокучена Щеголевым за три месяца, и вслед за тем была описана его библиотека за неуплату подоходного налога. Конечно, библиотеку не продали, дело уладили, но и этот случай характерен для широкой русской природы Павла Елисеевича, в чем-то, вероятно, созвучной шалашинской.

Выразительный, хотя и мимолетный образ, в котором все узнавали Щеголева, дал В. Каверин в своей повести «Вечера на Васильевском острове»¹⁸³ — литератора, который, придя в ГИЗ (Дом книги), раздвигает своим огромным животом толпу писателей и, не обращая ни на кого внимания, идет прямо к кассе...

В конце 20-х годов Павел Елисеевич явился инициатором первого советского полного собрания сочинений Пушкина — и не просто полного собрания, а академического, в 15 томах, построенного на всех рукописных и печатных первоисточниках со включением всех черновых вариантов. Для обсуждения этого плана в марте 1928 года* было устроено в Москве совещание в помещении начинавшего тогда свою деятельность Института мировой литературы — в доме, стоявшем позади Василия Блаженного,¹⁸⁴ у Москворецкого моста, и ныне несуществующем. Здесь, под председательством П. Н. Сакулина, собрались В. В. Вересаев,¹⁸⁵ Л. П. Гроссман, Н. К. Пиксанов,¹⁸⁶ В. М. Жирмунский,¹⁸⁷ я, Ю. Г. Оксман,¹⁸⁸ Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский и П. Е. Щеголев (Б. Л. Модзалевский должен был быть, но, уже тяжело больной, не мог приехать). Это было первое в своем роде серьезное и деловое собрание пушкинистов-текстологов, биографов, исследователей творчества поэта. Академическое издание было признано преждевременным и пока невозможным, но решено было готовить шеститомное полное (предварительное) издание, проверенное по рукописям; для публикации же всех вариантов еще не было выработано тогда и методов. Отсюда родилось издание 1930—31 годов, приложенное к «Красной Ниве» (в этом журнале есть и снимок совещания 1928 г.). Волею обстоятельств мне уже не пришлось в нем участвовать, хотя подготовленные Б. В. Томашевским и мною по черновым рукописям тексты стихотворений вошли в него и мое имя значится в редакционном предисловии. После заседания мы вчетвером — П. Е. Щеголев, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский и я — «отобедали» (как говорилось при Пушкине) в «Национале»¹⁸⁹ — и надо было видеть, с каким вкусом и пониманием заказывал Павел Елисеевич меню обеда, закуски и вина (к которым все остальные были довольно равнодушны).

Это был веселый и интересный обед — и грустно думать, что из его участников нет более никого, кроме меня: П. Е. Щеголев скончался, едва закончив краснонивовское издание, и в «большом» академическом уже не участвовал.

А после обеда в «Национале» я еще отправился вечером к П. Н. Сакулину, куда был приглашен и не мог не пойти — хотя должен был делать всяческие усилия, чтобы не было заметно мое «послеобеденное» состояние. В этот вечер Павел Никитич рассказал мне драматическую историю о том, как он в 1919 году, получив от М. О. Гершензона только что вышедшую из печати «Мудрость Пушкина»,¹⁹⁰ стал читать ее ночью, лежа в постели, — увидел на первой же странице «Скрижаль Пушкина», ужаснулся, — взял издание сочинений Жуковского — проверил — и тут же позвонил Гершензону. И Гершензон, убедившись в своей ошибке, совершенно

* 23—24 марта 1928 г. См. «Красную Ниву» за 1928 г., № 15, 8 апреля. С. 5, с фотоснимком (прим. автора).

потрясенный, стал с утра звонить по книжным магазинам, чтобы остановить продажу, а затем вырезывал из всего тиража эти первые страницы со «Скрижалю Пушкина».¹⁹¹ Надо заметить, что рецензия, через некоторое время напечатанная Щеголевым на «Мудрость Пушкина» в «Книге и революции» — одно из самых умных и острых, но и самых злых его выступлений, и, быть может, ему не надо было включать ее в свой сборник 1931 года.¹⁹²

Я увлекся яркой личностью П. Е. Щеголева и отошел от Пушкинского Дома. Время теперь рассказать о том, как мы получили наконец из Парижа Онегинский музей.¹⁹³ Раньше я уже вспоминал его историю и наши тревоги, вызвавшие в 1922 году выпуск книги «Неизданный Пушкин»¹⁹⁴ — и посылку в Париж М. Л. Гофмана — и его поездку в Стамбул за «Дневником Пушкина» (хоть это требовало бы более подробного и документированного рассказа). В 1925 г. Александр Федорович Отто-Онегин умер, в своем завещании подтвердив право собственности на его музей советской Академии наук и, оставив ей, кроме того, все накопленное им состояние — свыше 600 тыс. франков, что по тогдашнему курсу было большой суммой. Предстояло получить то и другое и доставить музей в Ленинград. Но здесь явились трудности. Посланец АН М. Л. Гофман незадолго до смерти Онегина рассорился с ним, и Онегин отстранил его от всякого участия в делах музея. После этого Гофман решил остаться в Париже, сделался «невозвращенцем» — как называли тогда советских людей, отказавшихся вернуться в Советский Союз из командировок, — и был лишен полномочий от Академии.

Летом 1926 года побывал недолго в Париже академик С. Ф. Платонов — тогда директор Пушкинского Дома — и подготовил почву для передачи музея,¹⁹⁵ но закончить это сложное дело, а главное, практически наладить упаковку и перевозку музея не имел ни времени, ни возможности. После его возвращения было решено послать в Париж сотрудника Пушкинского Дома, чтобы довести до конца передачу и отправку музея. Выбор пал на меня как на пушкиниста, притом хорошо знающего французский язык. В канцелярии Конференции мне выписали командировочное удостоверение, подписанное С. Ф. Ольденбургом, русский текст которого я и представил с прочими бумагами в отдел заграничных паспортов милиции на площади Урицкого (теперь — по-старому — Дворцовой).* Мне назначили для ответа какой-то срок — и с тех пор, в продолжении нескольких месяцев, я ходил, как на службу, каждую неделю к тому же сотруднику (фамилии его не помню), в ту же комнату на площади Урицкого — и получал каждую неделю неизменный ответ: «Еще не готово, придите через неделю». Наконец стало ясно, что ответа и не будет, и С. Ф. Ольденбург предложил мне прекратить бесполезные хождения. (В июне следующего 1927 года я встретился опять с тем же сотрудником, ведавшим паспортами — и на этот раз совсем в другом его качестве...)

* Французский экземпляр командировочного удостоверения мне должны были выдать после получения заграничного паспорта (*прим. автора*).

Летом 1927 года съездил в Париж академик М. М. Богословский.¹⁹⁶ Он договорился с бывшим там в длительной командировке академиком А. Н. Крыловым.¹⁹⁷ Этот крупнейший судостроитель принимал от французского правительства военные корабли русского флота, уведенные белыми в Бизерту, ржавевшие там на якорях 8 лет и теперь возвращаемые Советскому Союзу. А. Н. Крылов, человек большого ума и кипучей энергии, удивительно своеобразный «старый морской волк», доведя до благополучного конца вопрос о денежном наследстве, из которого, впрочем, наследственные пошлины поглотили более половины, т. к. капитал оставлялся не частному лицу, а иностранному государству,* поручил организацию перевозки своей помощнице и секретарше, Анне Богдановне Фёрингер¹⁹⁸ — даме умной, деловой и энергичной, под стать самому Крылову; я никогда не видел ее, она в Ленинград не приезжала, но был с ней всю осень в оживленной переписке. Кто помогал ей в систематизации рукописей, книг, портретов, мемориальных вещей и проч. — не знаю. Кажется, все делала она сама, а технически — приглашенная ею транспортная контора. Но все было сделано превосходно, и ни одна вещь не попортилась. В конце 1927 года мы получили сообщение, что все отправлено.

Раньше всех пришли отосланные с дипломатической (дипкурьерской) почтой восемь больших фибровых чемоданов. Их привезли в Ленинградское агентство Наркоминдела (на Невском, 8), и я отправился за ними, снабженный соответствующим полномочием, в сопровождении обоих наших служителей — Ивана Федоровича Беляева (того самого, который Нестора Александровича называл всегда «Ваше превосходительство» и даже после его смерти, по старой памяти — «генерал»)¹⁹⁹ и Андрея Андреевича Тихонова, столяра-краснодеревца.²⁰⁰ Мы поехали на розвальнях в одну лошадь — другого транспорта Академия не имела**²⁰¹ — и, выполнив все формальности, привезли чемоданы в Пушкинский Дом, в его нынешнее, незадолго до того освоенное помещение. В первом чемодане были рукописи — автографы Пушкина, альбом А. О. Смирновой, бумаги Жуковского, письма И. С. Тургенева к Онегину и к Рольстону²⁰² и проч. Все очень заботливо, аккуратно уложенное и переписанное. В других чемоданах — портреты, гравюры, акварели, наконец — самые ценные книги в ве-

* Другая половина ушла на упаковку и перевозку музея, так что из капитала в 600 с лишним тысяч франков Пушкинский Дом фактически не получил *ничего* (прим. автора).

** Вспоминается мне кстати, как я (почему я — а не кто-либо другой из музейщиков? — неизвестно, но я считался специалистом по перевозкам крупных масштабов) на тех же розвальнях и с теми же И. Ф. Беляевым и А. А. Тихоновым привезли в Пушкинский Дом из мастерской известного скульптора Ильи Яковлевича Гинзбурга в здании Академии Художеств «колошальный» (как произносил его миниатюрный автор) бюст Пушкина, подаренный нам Гинзбургом. Снести эту огромную гипсовую голову с лестницы и уложить в сани было делом нелегким; с таким же трудом подняли бюст из сани и установили в сенях при входе в новое, нынешнее здание Пушкинского Дома. Теперь этот бюст стоит, обсаженный кустами сирени и цветочными клумбами, посреди двора Святогорского монастыря в Пушкинском заповеднике (прим. автора).

ликолепных марокеновых с золотым тиснением и обрезам «онегинских» переплетах, которыми восхищался знаток и любитель «марокенчиков»²⁰³ П. Е. Рейнбот. Все пришло в отменном порядке.

Через несколько дней прибыли с железной дороги остальные вещи — ящики с менее ценными книгами, большие портреты (начина с самого Онегина, на котором он паразитально похож на Александра III — по словам предания, его единокровного брата),²⁰⁴ книжные шкафы, секретеры, всякая иная мебель — все, тщательно упакованное в деревянные клетки, завернутое в рогожи и переложенное стружкой. Ничто не попортилось — спасибо Анне Богдановне! — и скоро было расставлено на места. Но вскоре после этого скончался Б. Л. Модзалевский, потом начались академические пертурбации²⁰⁵ — и выставка Онегинского музея смогла состояться лишь в 1930 году.

Уже к юбилею Академии наук, в 1925 году, стало ясно, что наше здание на Тифлисской улице, заселенное Пушкинским Домом менее чем за три года до этого, нам мало и неудобно — попросту говоря, непригодно. Мало помогли и музейные залы в фисташковом доме, всегда пустовавшие. Очередной задачей явилось подыскание нового помещения — и оно было найдено в 1927 году, когда освободилось здание таможни на Тучковой набережной. Здание, еще не все, но его основная часть, было отдано Пушкинскому Дому, несомненно, благодаря участию и помощи обоих Сергеев Федоровичей — Платонова, нашего директора, и Ольденбурга, нашего друга и покровителя. Сделалось это, разумеется, не сразу. Сначала мы получили весь (или почти весь) второй этаж с великолепными сводчатыми залами, где должен был разместиться музей, почти весь первый этаж вправо от входа вплоть до Тифлисской улицы — для библиотеки и некоторые помещения влево от входа — для Рукописного отдела. Много раз, пока шел ремонт всех этих помещений, ходили мы по ним, осматривая и обсуждая будущее размещение. Долго говорили о том, как отделать стены музейных зал — и остановились на гладких обоях разных цветов — синих, терракотовых, зеленых и проч. — в каждом зале. Перегородок тогда нигде не было, в обе стороны от Большого конференц-зала (имевшего тот же вид, что и теперь, с теми же нашими старинными люстрами, сменившими висевшую в центре зала, из купола, уродливую современную банально-фабричную люстру, оставшуюся от времен дореволюционной таможни) шли анфилады зал, из которых (т. е. анфилад) осталась теперь лишь одна — где Толстой, Тургенев и Лермонтов. В этих залах, окнами на набережную, разместилась экспозиция Пушкина и его эпохи. Оказалось при этом очень трудным распланировать маленькие акварельные и другие портреты на длинных стенах под сводами. Помню, как я потерпел неудачу, разместив очень быстро и легко — разумеется, на полу, — массу портретов, оказавшихся вытянутыми в две шеренги, как солдаты. Нынешняя рабочая комната музея и соседний с ней зал нам тогда, сколько помнится, еще не принадлежали. Слева от площадки лест-

ницы, в нынешнем Малом конференц-зале помещалась дирекция — столы С. Ф. Платонова и Б. Л. Модзалевского, а далее, без коридора и перегородок, шел один большой зал, посвященный после-пушкинской литературе, и другой, обнимавший и нынешнее помещение дирекции, посвященный литературе XX века.

Нижний этаж, вправо от входа, был в основном занят библиотекой. Но вестибюль и абонемент были заняты запасниками музея и «кабинетом», вернее, закоулком, его заведующего М. Д. Беляева. Середина книгохранилища — темная, в центре здания — была оставлена пустой и здесь, при всегда искусственном освещении, был устроен читальный зал для библиотеки и для Рукописного отдела. Последнее было очень неудобно — приходилось носить рукописи через главный вход. Но иного выхода в то время не было.

Сложнее всех и хуже всех был устроен в первое время Рукописный отдел. Большая часть его помещений — где нынче хранилище № 3 и мой кабинет, т. е. хранилище Дашковского собрания²⁰⁶ и Пушкинской библиотеки — была занята даже долго спустя после того, как мы въехали в этот дом, конторой нотариуса В. В. Струтинского,²⁰⁷ и сам он сидел приблизительно на том месте, где теперь сижу я. Большой зал, теперь (при Б. В. Томашевском, лет 15 назад) заставленный металлическими стеллажами, тогда занимала его контора, сотрудники, машинистки и пр. Входили к нотариусу через боковой (теперь запасной) вход. Контора Струтинского еще до нашего въезда в дом стала постепенно сворачиваться. Мы с самого начала получили темную кладовую (теперь хранилище № 2), расположенную внутри здания, лишённую окон и лишь с одной дверкой — к боковому выходу. Там, ко времени нашего переезда, были поставлены деревянные стеллажи, вместившие основную массу картонов с рукописными собраниями и сохранявшиеся до замены их металлическими. Была освобождена и кладовая драгоценностей — комната с окном на улицу, забранной двойной решеткою, с железными ставнями и железной дверью — где теперь хранилище № 1 (Пушкинское). Но именно пушкинских рукописей мы там не держали — и на то были основательные причины. Помимо помещений, выделенных из конторы Струтинского, мы с самого начала получили первую комнату от входа (теперь — «комната А. Н. Веселовского»). В ней сидел секретарь Пушкинского Дома, ученый хранитель рукописей Борис Иванович Коплан (не носивший тогда звания «ученого секретаря»). Здесь же сидела и его помощница, сотрудница Рукописного отдела Н. А. Чебышева.²⁰⁸ В соседней комнате (теперь читальный зал Рукописного отдела) были поставлены все те же, что и на Тифлисской, шкафы, шкафики, полки, бюро, секретеры — вся сборная мебель Рукописного отдела — и между ними столы сотрудников: Е. П. Казанович, перешедшей к нам из библиотеки, Н. К. Козмина, В. Д. Комаровой (у второго окна, а около нее, у стены — шкаф со Стасовским архивом), Е. Б. Покровской-Гиппиус,²⁰⁹ М. Н. Мотовиловой,²¹⁰ В. Б. Враской, С. А. Переселенкова (Б. М. Энгельгардт к этому времени уже не работал у нас), Г. Д. Вержбицкого,²¹¹ П. И. Зиссермана.²¹² Среди них и мой стол — заведующего Рукописным отделом с 1924

года;* об отдельном кабинете для приема посетителей, совещаний, лекций экскурсантам и пр. не было тогда и речи, да и надобности не было. Жили мы очень тесно, но работали дружно, так, по крайней мере, было при жизни Б. Л. Модзалевского.

Главным и очень серьезным недостатком нашего нового помещения в первые месяцы было то, что рабочая комната отделялась нотариальной конторой от основного хранилища. Нужно было выйти на набережную, обогнуть здание и войти в боковой подъезд, чтобы взять из хранилища рукопись или отнести ее на место, что, разумеется, было не всегда возможно и всегда неудобно и даже опасно для материалов. Надо было во что бы то ни стало выселить Струтинского с его конторой, но это долго не удавалось. В продолжении нескольких месяцев я чуть ли не каждый день заходил к нему и спрашивал, скоро ли он выедет? Струтинский — весьма почтенный и воспитанный седоусый поляк (похожий на поздние портреты А. А. Краевского²¹³) — принимал меня вежливо, но с внутренним раздражением; ничего сначала не обещал, потом стал давать неопределенные обещания — и не двигался с места. Заходил к нему, кажется, и Н. В. Яковлев, по крайней мере, в своих воспоминаниях он приписывает себе главную роль в этой «операции». Но, разумеется, самым заинтересованным лицом был я, как заведующий отделом. Наконец, через несколько месяцев, весной или летом 1928 года наши переговоры пришли к благополучному концу — контора закрылась, и Струтинский выехал.** Перенес ли он свой нотариат в другое место, или контора была ликвидирована за ненадобностью (в последние месяцы у нее, по-видимому, почти не было дела), не знаю. Во всяком случае, наша первая цель была достигнута.

Началось новое переселение. Рабочую комнату мы перенесли в бывшую контору — большой трехконный зал (теперь основное хранилище рукописей). Бывшая рабочая комната стала читальным залом (как и теперь), а кабинет Струтинского (теперешний мой кабинет) был занят под то и другое — шкафы с рукописями и столы некоторых сотрудников. Теперь вся анфилада комнат окнами на набережную принадлежала нам; но помещения, выходящие на двор, самые солнечные и теплые — нам еще не были отданы и в них жили посторонние люди. Внешнего коридора между ними не существовало.

Это не было еще окончательным решением — но, пусть временно, основные наши потребности были удовлетворены. Теперь мы

* Вопреки утверждению — правда, неуверенному — Н. В. Яковлева в его воспоминаниях, Н. К. Козмин заведующим Рукописным отделом *никогда* не был. Сам Н. В. Яковлев тоже числился сотрудником по Рукописному отделу (*прим. автора*).

** Несколько лет назад, проходя по площади у Преображенского собора, я был немало удивлен, увидев на одном из домов большую вывеску (по старой орфографии!): «Нотариус В. В. Струтинский». Затем я рассмотрел, что и кругом были вывески лавок и мастерских — тоже по старой орфографии. Оказалось, что здесь снимается фильм «Две жизни», действие которого происходит в 1917 году в Петрограде. Окружающие соборную площадь старинные здания казарм Лейб-гвардии Саперного батальона были выбраны как подходящий фон; а почему нотариусом оказался именно Струтинский — этого я не знаю (*прим. автора*).

могли успокоиться на ближайшие годы, хотя быстро растущие наши фонды, очевидно, должны были потребовать в будущем нового расширения. Но это произошло уже позднее, в новых условиях.²¹⁴

Вскоре же после нашего переселения в новое здание и после прибытия из Парижа Онегинского музея произошло событие большого и горестного для нас значения: 3-го апреля 1928 года скончался Борис Львович Модзалевский.

Ему не было еще и 54-х лет, и только недавно мы торжественно отпраздновали его 50-летие.²¹⁵ Он жаловался на сердце, временами должен был ложиться в постель, иногда задыхался. Говорили, что ему очень вредна темная, сырая и душная квартира во дворе академического дома на углу набережной и 7-й линии, где он жил много лет с семьею. Но никто не думал о том, что конец так близок. Правда, еще в конце марта он заболел и слег (я не умею применять медицинских определений, но это было обострение давней болезни сердца). Он не смог поехать в Москву на совещание пушкинистов (о котором я говорил). И все же для всех нас была неожиданным ударом весть о том, что он^{*216} скончался от нового сердечного припадка... Все мы были в растерянности и только успели сообразить — послать телеграмму в Москву Цявловскому и объявление в вечернюю «Красную газету», где оно появилось на другой день.²¹⁷ Все затем совершилось необыкновенно быстро. Отпевание и похороны были назначены на следующий же день** — и М. А. Цявловский, приехавший из Москвы, едва успел привезти в церковь венки (он даже упрекал нас за то, что мы, поддавшись желанию семьи, не отложили погребения до следующего дня). Разумеется, никакой «гражданской панихиды», никакого торжественного прощания в нашем или академическом конференц-зале не было — тогда их еще не ввели. Гроб стоял в тесной и темной столовой их квартиры, где могло поместиться лишь очень немного народу. Затем его отнесли в церковь на углу набережной и <15>²¹⁸ линии, где и происходило отпевание²¹⁹ — и оттуда на Смоленское кладбище. Все было совершенно скромно и тихо. На могиле произнесли краткие речи — М. А. Цявловский, кто-то еще; выступил и я — и, странное дело — когда начал говорить, почувствовал в себе какой-то холод, сковавший меня; чувствовал, что говорю холодно, сухо, без выражения — и не мог никак разбить этой скованности. Не знаю, почувствовали ли ее окружающие — но сам я долго потом не мог утешиться, что речь моя была так холодна...

И вот Бориса Львовича не стало. Надо было его заменить — и мы, старшие сотрудники Пушкинского Дома, обсудив этот вопрос, не могли назвать никого другого, кроме долголетнего помощника и друга Бориса Львовича — Ивана Андреевича Кубасова, который

* днем 3 апреля, в 13 ч. 15 м. — как сказано в траурном объявлении об его смерти, выпущенном Правлением Общества друзей Пушкинского заповедника (*прим. автора*).

** т. е. 5 апреля утром (*прим. автора*).

и был назначен Академией (собственно, С. Ф. Ольденбургом) старшим ученым хранителем.²⁰

¹ *Адрианов Сергей Александрович* (1871—1942) — историк литературы, критик, публицист, переводчик.

² *Венгеров Семен Афанасьевич* (1855—1920) — историк русской литературы, библиограф. В Пушкинском семинарии (организован в 1906 г. в Петербургском университете) участвовали С. М. Бонди, Ю. Г. Оксан, В. М. Жирмунский, Ю. Н. Тынянов, С. В. Рождественский и др. Измайлов — член семинария с 1913 г.

³ Институт основан при Петроградском университете в 1921 г. как научно-исследовательский институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока; в 1923 г. ему было присвоено имя А. Н. Веселовского; с 1930 г. стал именоваться Государственным институтом речевой культуры.

⁴ *Боткин Василий Петрович* (27.12.1811 (8.1.1812)—1869) — очеркист, критик, переводчик. Знаток искусства, эстет, путешественник. Оставил статьи о музыке, живописи, ряд очерков об Испании, перевел Гофмана и др.

⁵ Среди братьев Боткина наиболее известны: *Сергей Петрович* (1832—1889) — знаменитый русский терапевт, крупнейший клиницист; *Дмитрий Петрович* (1829—1889) — коллекционер; *Михаил Петрович* (1839—1914) — академик живописи, гравёр, коллекционер. Менее известны: *Павел Петрович* (1827—1885); *Николай Петрович* (1813—1869); *Петр Петрович* (1829—1889); *Владимир Петрович* (1837—1869).

⁶ О переписке Боткина с И. С. Тургеневым Измайлов совместно с Н. Л. Бродским подготовил издание: *Неизданная переписка В. П. Боткина и И. С. Тургенева. М.; Л., 1930.*

⁷ *Горбунов Кирилл Антонович* (1822—1893) — художник, друг В. П. Боткина и В. Г. Белинского.

⁸ Проект «Положения о Пушкинском Доме» был заслушан 22 сентября 1906 г. на заседании под председательством президента Академии наук великого князя Константина Константиновича, а 14 июля 1907 г. «Положение» было утверждено Николаем II (см.: 50 лет Пушкинского Дома. М.: Л., 1956. С. 9—10).

⁹ После слов «на следующий год» в воспоминаниях имеется пропуск в тексте; дата «5 апреля» в ломаных скобках дается нами на основании следующего. Проект нового «Положения о Пушкинском Доме» был заслушан Общим собранием Российской Академии наук 8 марта 1919 г., а в следующем заседании Конференции, состоявшемся 5 апреля 1919 г., «Положение» и штат Пушкинского Дома были утверждены (см.: *Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом в 1918—1930 годах // *Русская литература*. ра. 1980. № 1. С. 90).

¹⁰ Правильное название монументальной мозаики М. В. Ломоносова (1711—1765), находящейся в Санкт-Петербургском доме РАН, — «Полтавская баталия» (1762—1764).

¹¹ *Модзалевский Борис Львович* (1874—1928) — историк русской литературы, библиограф, генеалог, член-корреспондент Академии наук (с 1918). Один из основателей Пушкинского Дома, его старожил и, как он себя сам называл, — «домовой». В одном из писем отметил: «...самым главным своим opus'ом я считаю Пушкинский Дом, кот<орый>, кажется, есть немаловажный факт в истории Русской литературы. Отдавшись всецело этому труду в течение 25 лет, я полагал, что делаю полезное дело, о себе же не думал» (РНБ, ф. 585, оп. 1, № 3585, л. 11 об. Письмо Модзалевского к С. Ф. Платонову от 4 октября 1925 г.). См. о Б. Л. Модзалевском подробнее в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Научные материалы к биографии Б. Л. Модзалевского. СПб., 2001.

¹² *Ольденбург Сергей Федорович* (1863—1934) — востоковед-индолог, академик Петербургской Академии наук (с 1900), непреременный секретарь Академии наук (1904—1929).

¹³ См. прим. № 4—5. Результатом работы Измайлова над письмами Боткина была публикация: Письма В. Боткина / Сообщ. Н. Измайлов // *Литературная мысль*. Альманах. Пг., 1923. Вып. 2. С. 159—191.

¹⁴ *Котляревский Нестор Александрович* (1863—1925) — литературовед, критик, публицист, первый директор Пушкинского Дома (с 1910).

¹⁵ *Блюментрост* (у Измайлова — Блументрост) *Лаврентий Лаврентьевич* (1692—1755) — русский врач, лейб-медик Петра I, первый президент Петербургской Академии наук (1725—1733).

¹⁶ *Константиин Константинович*, *вел. кн.* (1858—1915) — поэт, переводчик, драматург, внук Николая I, двоюродный дядя Николая II. С мая 1889 по 1915 гг. — президент Петербургской Академии наук.

¹⁷ *Дашкова Екатерина Романовна* (1743 или 1744—1810) — литературный деятель, мемуаристка, первый президент Российской Академии наук (1783—1796), директор Петербургской Академии наук (с 1783).

¹⁸ *Шишков Александр Семенович* (1754—1841) — адмирал, государственный деятель, министр народного просвещения (1824—1828), член Российской Академии (1796; в 1813—1841 ее президент), почетный член Петербургской Академии наук (1800).

¹⁹ *Модзалевская (урожд. Гувениус) Варвара Николаевна* (1871—1937) — вторая жена Б. Л. Модзалевского. Окончила курс Коломенской женской гимназии в Петербурге, Фребелевские педагогические курсы и курсы обучения глухонемых. По воленому найму работала в Пушкинском Доме с 1915 г., а в штат была зачислена с 1 июля 1920 г. на должность научного сотрудника II разряда. С 1 октября 1926 г. уволена согласно личному прошению по причине «расстроенного здоровья» (ААН, ф. 4, оп. 4, № 773).

²⁰ *Населенко Елена Пауфиловна* (у Измайлова — Памфиловна; 1896—?) — архивный и музейный сотрудник Пушкинского Дома. Окончила в 1919 г. I-й Государственный педагогический институт. Работала преподавателем Единой трудовой школы (1918—1919), в Пушкинский Дом была зачислена на должность научного сотрудника II разряда в сентябре 1919 г. Короткий период времени служила ученым архивистом в Киевском филиале Главархива (август 1922—ноябрь 1922 г.), затем вернулась в Пушкинский Дом сначала на сверхштатную должность научного сотрудника, а с 1923 г. на должность помощника хранителя музея. В 1924 г. Населенко — научный сотрудник I разряда, в 1925 г. — ученый хранитель музея. После проверки аппарата Академии в 1929 г. снята с должности и переведена на должность научного сотрудника II разряда. Служила в Пушкинском Доме по 1937 год младшим научным сотрудником (ААН, ф. 150, оп. 2, № 274).

²¹ *Яковлев Николай Васильевич* (1891—1981) — историк литературы, библиограф, архивист. Родился в семье горного инженера. После окончания I-го Санкт-Петербургского реального училища в 1909 г. поступил на словесное отделение историко-филологического факультета Петербургского университета, который окончил в 1915 г. Работал секретарем в Доме-музее коммунистических борцов за свободу (1917—1918), был заведующим литературным отделом в Исполнительном комитете Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (1917), библиографом в Книжной палате (Ленинград, Самара, Омск, Харьков; 1917—1920), инспектором и помощником управляющего Главархива (Москва; 1920—1921), научным сотрудником Музея революции (Петроград; 1920), заведующим библиотекой в Коммунистическом университете им. Свердлова (Москва, Украина), а также в Губполитпросвете (1921). С 1921 г. зачислен штатным научным сотрудником I разряда Пушкинского Дома (сверх штата работал с 1916), в эти же годы сотрудник ИЛЯЗВ. С 1924 по 1925 г. уполномоченный Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), с 1924 по 1926 г. доцент в Ленинградском государственном университете (ААН, ф. 150, оп. 2, № 197). В 1930-е—1940-е гг. преподавал в различных университетах и институтах в Ленинграде, Кирове, Малмыже, Пскове, Свердловске. С 1952 г. вновь сотрудник Пушкинского Дома. Н. В. Яковлев — участник многих сборников Пушкинского Дома, посвященных исследованию творчества А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, В. Г. Короленко, А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина; автор статей по истории революционного движения в России, научно-популярных работ о музеях Академии наук СССР и др.

²² Диплодок — вымершее пресмыкающееся отряда ящеротазовых динозавров.

²³ *Коплан Борис Иванович* (1898—1942; по др. сведениям 09.12.1941) — историк литературы. Родился в Петербурге 24 июля (6 августа) 1898 г. Дата рождения Б. И. Коплана дается на основании автобиографии (ААН, ф. 77, оп. 5, № 360, л. 4) и личного дела (ААН, ф. 4, оп. 4, № 986). Начальное образование получил в городском училище, среднее — в гимназии им. Петра I, которую окончил с золотой медалью. В 1917 г. поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета, в 1921 г. окончил его и был оставлен при кафедре русского языка и

литературы. Служил библиотекарем в Книжной палате (1918—1919), преподавал историю русской литературы в трудовой школе им. Белинского (1920—1924). В 1923 г. женился на С. А. Шахматовой. С 1919 по 1929 гг. работал в Пушкинском Доме в качестве ученого хранителя и ученого секретаря. Во время академической «чистки» был уволен (22 ноября 1929 г.), затем арестован и с 1931 г. по 1933 г. был в административной высылке в Ульяновске и Мелекесе. В Ульяновске работал в 1932 г. статистиком на заводе, в Мелекесе служил техническим секретарем Президиума райисполкома, затем библиотекарем и секретарем учебной части педагогического Рабфака. В ноябре 1933 г. вернулся в Ленинград. Долгое время работал по издательским договорам в «Библиотеке поэта», Детиздате, редакции академического издания сочинений А. С. Пушкина и др. В 1938 г. начал работать выборщиком по древнерусскому словарю в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра, в 1939 г. — штатный редактор, в 1940 — главный редактор древнерусского словаря. В июле-августе 1941 г. был на оборонных работах, из штаба института отчислен 9 января 1942 г. (причина отчисления не указана). См. также о нем прим. 71—73. Список основных работ Б. И. Коплана см. в кн.: Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе (1941—1944) / Сост. З. Дичаров. СПб., 1996. С. 518—519.

²⁴ Далее следует зачеркнутый авторский текст: «о нем я буду еще говорить в дальнейшем».

²⁵ Дом литераторов (1918—1922) — крупнейшее литературное объединение, возникшее с целью поддержки голодающих писателей и устройства столовой для них. Председателем Дома был Н. А. Котляревский. Подробнее о Доме литераторов см.: *Мартынов И. Ф., Клейн Т. П.* К истории литературных объединений первых лет Советской власти (Петроградский Дом литераторов. 1918—1922) // Русская литература. 1971. № 1. С. 125—134, а также статью Т. А. Кукушкиной в наст. изд.

²⁶ *Веселовский Александр Николаевич* (1838—1906) — филолог, историк и теоретик литературы, профессор Петербургского университета (с 1872), академик Петербургской Академии наук (с 1881). Статуя А. Н. Веселовского работы скульптора В. А. Беклемишева (?) стоит в настоящее время в вестибюле Пушкинского Дома. См.: Переписка Веселовского с С. А. Венгеровым / Публ. М. Д. Эльзона // Наследие Александра Веселовского. Исследования и материалы. СПб., 1992. С. 266.

²⁷ Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР, Москва); с 1992 г. — Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, Москва).

²⁸ Об этом периоде жизни Измайлов пишет в автобиографии: «После перерыва, вызванного войной 1914—17 гг., когда я сначала работал в санитарном отряде, а потом был призван на военную службу и демобилизовался в конце 1917 г., я в декабре 1918 г. окончил университет...» (РО ИРЛИ, ф. 150, оп. 2, № 191, л. 4).

²⁹ *Ильинский Леонид Константинович* (1878—1934) — историк литературы, библиограф.

³⁰ *Поляков Александр Сергеевич* (1882—1923) — библиограф, историк русской литературы и театра.

³¹ *Семенников Владимир Петрович* (1885—1936) — библиограф, историк литературы XVIII века, археограф, автор работ «Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II» (Пг., 1915) и «Радищев. Очерки и исследования» (М.; Пг., 1923).

³² *Шилов Алексей Алексеевич* (1881—1942) — историк революционного движения в России.

³³ Далее следует зачеркнутый текст, помещенный автором в виде постраничного примечания:

«Н. В. Яковлев, бывший к началу 1917 г. уже сотрудником Пушкинского Дома (вероятно, внештатным), в своих воспоминаниях, застенографированных 24 и 26 апреля 1967 г., передает эти события несколько иначе. Вот что он рассказывает (Степнограмма 2-я, 26 апреля, стр. 23—24): «Когда в начале Февральской революции горела охранка, то ее жгли сами „шпики“, а мы, студенты, таскали горевшие дела из костров прямо к Срезневскому. Студенты не понимали, кто жжет „дела“ охранки, хотя по мордам было видно, что это шпики. <...> Жандармы сожгли жандармское управление дотла, но внизу, в полуподвале, перемешанные с глиной, валялись дела. <...> (Чей-то вопрос об охране: где она была и что с ней было? Я указал рукою из окна на другой берег М. Невы.) Тут большой дом, так называемая „Мыгня“, рядом построен новый дом, а до этого здесь был сад-сквер. <...> Раньше было тут двухэтажное здание, оно выходило парадным входом на набережную, там входили

жандармы, а с просп. Добролюбова были ворота, куда завозили арестованных... Архив Департамента полиции перевозили сотрудники ПД. Сначала была организована Следственная комиссия под председательством А. Я. Буриева, Буриев передал дело <? — Н. И.> в Академию наук, Академия поручила руководство Котляревскому, Котляревский организовал особую группу под руководством А. С. Полякова. В нее входили Л. К. Ильинский, А. Г. Фомин, А. А. Шилов, Л. Ф. Макарьев. <...>

Но у Академии не было средств на перевозку, не было людей на погрузку <?> дел Департамента полиции. — Н. И.>. Тогда Нестор Александрович написал бумагу в Петросовет <NB! когда же это было? В домашних скобках — мои добавления. — Н. И.>. Здесь у нас был тов. Иван Садовский — начальник автомобильного отдела. <...> Он давал нам пятитонные машины <?!> и народ — гвардейцев Литовского полка <?>. Эти ребята шутя поднимали ящики и укладывали в пятитонку. Всю эту перевозку мы выгуляли на главную лестницу академического главного здания. Все это произошло благодаря помощи Садовского и благодаря помощи Петросовета».

<Как видно, здесь много путаницы! — Н. И.>».

О Л. К. Ильинском см. примеч. 29. Об А. А. Шилове см. примеч. 32. Об А. С. Полякове см. примеч. 30. *Фомин Александр Григорьевич* (1887—1939) — библиограф, книговед, историк русской литературы. См. о нем подробнее: *Эльзон М. Д. Фомин Александр Григорьевич // Сотрудники Российской Национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2. С. 609—613. Сведениями о Л. Ф. Макарьеве, А. Я. Буриеве, И. Садовском не располагаем.*

³⁴ Далее следует зачеркнутый текст: «бывший там госпиталь к этому времени закрылся».

³⁵ Имеется в виду: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин в донесениях тайного надзора: (1826—1930) // *Былое*. 1918. № 1(29). С. 5—59; То же. — Отд. отт. Пг., 1918.

³⁶ *Поляков А. С.* О смерти Пушкина. Пг., 1922.

³⁷ Далее следует зачеркнутый текст: «Мой рассказ, конечно, очень не полон и, вероятно, не во всем точен. Но исправить его теперь очень трудно, если не невозможно, так как не осталось в живых, насколько я знаю, ни одного участника или свидетеля (кроме Н. В. Яковлева — см. выше). Следовало бы, однако, поискать в архиве Академии наук за 1917 г. — нет ли относящихся сюда документов».

³⁸ *Казанович Евлалия Павловна* (1885—1942) — историк литературы. Окончила в 1913 г. Высшие женские курсы (Бестужевские). С 1911 по 1919 г. работала в Пушкинском Доме внештатным сотрудником по каталогизации книжных и рукописных собраний. С 1919 г. — штатный библиотекар Пушкинского Дома, затем помощник хранителя книжных собраний (1921) и научный сотрудник II разряда. Одновременно с работой в Пушкинском Доме была сотрудником по описанию архива в Министерстве Народного Просвещения (1916—1917), работала в отделе статистики Министерства труда (1917) и Комиссариате труда (1918—1919), а также в Комиссариате по просвещению (1919). Во время академической «чистки» была арестована 4 октября 1929 г., но затем освобождена от ареста и 26 октября вышла на работу. В декабре 1929 г. Е. П. Казанович подала заявление об увольнении и с 16 декабря 1929 г. была уволена. В дальнейшем работала библиографом в Главном геолого-разведывательном управлении (1930—1931), Государственном гидрологическом институте (1932), Научно-исследовательском институте гидротехники (1932). С 1933 г. работала по договорам с издательствами и в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра внештатным сотрудником по словарному отделению (1939—1941) (ААН, ф. 4, оп. 4, № 970; № 5201). Список основных работ Е. П. Казанович см. в кн.: *Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе (1941—1944) / Сост. З. Дичаров. СПб., 1996. С. 515—516.*

³⁹ *Чернышев Василий Ильич* (29.12.1866 (10.01.1867)—1949) — фольклорист, языковед, этнограф, член-корреспондент Академии наук СССР (1931). Окончил в 1886 г. Киржачскую семинарию, работал учителем уездных и городских училищ (1886—1912). Преподавал также в Институте Живого слова (1918—1923). В Пушкинский Дом поступил научным сотрудником в апреле 1920 г., в январе 1921 г. переведен на должность хранителя рукописей. В апреле 1921 г. был привлечен для работы в Постоянной словарной комиссии, а в Пушкинском Доме оставлен как сверхштатный сотрудник. В 1929 г. уволен от службы в Академии наук на пенсию, но продолжал работать по договорам в Комиссии по составлению словаря русского языка и в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра (ААН, ф. 77, оп. 5, № 278; ф. 302, оп. 2, № 284; ф. 790, оп. 3, № 47). В. И. Чернышев — один из зачинателей «Сло-

варя современного русского литературного языка», ответственный редактор т. 1—2 (1948, 1950).

⁴⁰ *Комарова (урожд. Стасова; псевд. Влад. Каренин) Варвара Дмитриевна* (1862—24.02.1942; по др. сведениям — 10.02.1943) — прозаик, историк музыки и литературы. Племянница известного музыкального и художественного критика Стасова Владимира Васильевича (1824—1906), дочь общественного деятеля, адвоката, одного из учредителей Русского музыкального общества Дмитрия Васильевича Стасова (1828—1918). Жена генерала-от-инфантерии Николая Николаевича Комарова (1855—1940). Ученица М. Балакирева. Работала в Пушкинском Доме с 1918 г. по вольному найму, с 1919 г. в штате научным сотрудником, а с 1924 г. по 1932 г. ученым хранителем (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1982). Погибла в блокаду.

⁴¹ Перевод на французский язык «George Sand, sa vie et ses œuvres» (Paris, 1899—1926. Т. 1—4) был удостоен премии Французской Академии в 1927 г.

⁴² *Томашевский Борис Викторович* (1890—1957) — известный пушкинист, профессор Ленинградского университета (с 1942). Участвовал в изданиях и многих предприятиях Пушкинского Дома, был членом Комиссии по изданию сочинений Пушкина Академии наук. В 1920-е гг. штатным сотрудником Пушкинского Дома не состоял: официально был зачислен в штат 25 декабря 1929 г. (РО ИРЛИ, ф. 150, оп. 2, д. 52. Трудовой список Б. В. Томашевского) и работал по 1931 г. Затем преподавал математику в Институте инженеров железнодорожного транспорта в Ленинграде, работал в институтах и университете в Москве. В 1945 г. вернулся в Ленинград и с 1 сентября был зачислен в Пушкинский Дом. С 1946 по январь 1957 г. заведовал Рукописным отделом, затем взял на себя организацию только что образованного Сектора (позднее — отдел) пушкиноведения. Измайлов написал статью памяти Томашевского. См.: *Измайлов Н. В.* Борис Викторович Томашевский // *Известия Академии наук. Отд.-ние лит. и яз.* 1959. Т. 17, № 1. С. 105—108.

⁴³ Архив Стасовых (ф. 294) поступил в Пушкинский Дом в 1918 г. на хранение, а в 1919 г. принесен в дар В. Д. Стасовой-Комаровой. В декабре 1940 г. ею же было передано в дар дополнение к фонду.

⁴⁴ *Беляев Михаил Дмитриевич* (1884—1955) — литературовед и искусствовед. В 1918—1921 гг. находился в Симбирске и был одним из первых организаторов Симбирского художественного музея и Симбирского губернского книгохранилища. В 1918 г. при посредничестве Горького Беляев добился разрешения на передачу Пушкинскому Дому библиотеки П. В. Анненкова. Пушкинский Дом в лице Беляева неоднократно обращался к Горькому с просьбами о пополнении своих коллекций (см.: *Степанов А. Н.* У книг своя судьба... Л., 1974. С. 152—164). В 1919 г. по просьбе Горького осматривал помещицы усадьбы Симбирской губернии в поисках историко-литературных ценностей. В 1921—1929 гг. заведовал музеем Пушкинского Дома. 12 ноября 1929 г. был уволен, затем арестован по «академическому делу». По приговору Коллегии ОГПУ в 1931 г. получил 10 лет лагерей, но освободился в 1933 г. После освобождения жил в Ростове-Ярославском, а затем в Москве, где служил в Литературном музее.

⁴⁵ *Кубасов Иван Андреевич* (1875—1937) — историк литературы, библиограф. Родился в Астрахани. Окончил в 1899 г. курс Петербургского историко-филологического института со званием учителя гимназии. С 1902 по 1911 гг. был внештатным преподавателем русского языка в Санкт-Петербургском реальном училище К. Мая. С 1901 г. поступил на службу в Академию наук, где служил на разных должностях (старшим библиотекарем, заведующим Книжным складом) по 1921 г. В 1921 г. был командирован по делам Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС) в Астрахань, где по личным обстоятельствам вынужден был остаться и работать секретарем в Областном управлении рыбными и тюленьими промыслами. В мае 1922 г. Кубасов вернулся в Академию наук. В Пушкинском Доме состоял ученым хранителем с мая 1923 г. по январь 1928 г. (с января по май 1928 г. заведовал I-м Отделением Библиотеки АН), и с мая 1928 г. по ноябрь 1930 г. являлся старшим хранителем Пушкинского Дома. С ноября 1930 г. работал в должности ученого хранителя. С 1 января 1931 г. уволен на пенсию (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1564).

⁴⁶ *Гофман Модест Львович* (1887—1959) — пушкинист, поэт, литературовед, критик. См. о нем в статьях: *Огивич Е. В.* М. Л. Гофман: Жизнь и труды // *Страницы истории пушкиноведения.* СПб., 1994. С. 63—71; *Файнштейн М. Ш.* Из истории собрания А. Ф. Онегина в Пушкинском Доме // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год.* СПб., 1993. С. 307—316.

⁴⁷ *Рейнбот Павел Евгеньевич* (1855—1934) — юрист, пушкинист, секретарь Пушкинского лицейского общества, коллекционер. Окончил в 1877 г. Александровский лицей, после чего прослушал курс лекций на юридическом факультете Петербургского университета. Служил в Министерстве финансов и Министерстве юстиции, а по выходе в отставку (1893) был присяжным поверенным округа Санкт-Петербургской судебной палаты и юрисконсультom Министерства народного просвещения. В 1903 г. избран в члены Комиссии по изданию сочинений Пушкина, а в 1907 г. в Комиссию по постройке памятника Пушкину. В Пушкинском Доме служил (по документам личного дела с 1 января 1921 г., по трудовому списку с 1920 г.) помощником хранителя и хранителем музея. В 1925 г. был арестован по «лицейскому делу» и выслан сначала в Свердловск, а затем в Тюмень. По возвращении из ссылки П. Е. Рейнбот был вновь принят в Пушкинский Дом на должность научного сотрудника II разряда, а с января по ноябрь 1930 г. работал ученым хранителем библиотеки (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1730; № 5604). О роли Рейнбота в деле составления договора Академии наук с А. Ф. Онегиным по поводу музейного собрания последнего, а также о деятельности Павла Евгеньевича как секретаря Пушкинского лицейского общества см.: Переписка П. Е. Рейнбота с Б. Л. Модзалевским / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Научные материалы к биографии Б. Л. Модзалевского. СПб., 2001. С. 220—258.

⁴⁸ *Достоевский Андрей Андреевич* (1863—1933) — статистик-географ, секретарь Русского географического общества, сын Андрея Михайловича Достоевского (1825—1897), племянник Федора Михайловича Достоевского (1821—1881). Родился в Ярославле. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Служил в Статистическом отделе Центральной управы Петроградского продовольственного Совета (1918), Комиссариате земледелия Союза коммун Северной области (1918—1919), Губернском отделе статистики (1919—1920), Главном горном управлении (1920—1921) и на Мурманской железной дороге (1921—1923). На службу в РАН (Пушкинский Дом) поступил с 1 июля 1925 г. (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1424). В ночь с 14 на 15 ноября 1930 г. был арестован и приговорен к пяти годам лагерей, но был освобожден раньше, в апреле 1931 г. по случаю 50-летия со дня кончины Федора Михайловича Достоевского.

⁴⁹ *Островский Сергей Александрович* (1869—1929) — канцелярский служащий, библиотечар. Сын драматурга Островского Александра Николаевича (1823—1886). Родился в Москве, окончил Московский университет. Служил в Канцелярии комитета министров (1892—1896), Государственной канцелярии (1909). В 1904—1905 гг. был призван в действующую армию в качестве прапорщика запаса. В 1918 г. прикомандирован к Главному штабу, в 1919 г. — казначей 54 (?) Кавполка 12 кавалерийской дивизии. С 1925 г. сверхштатный сотрудник Пушкинского Дома, а с 1928 — штатный научный сотрудник II разряда (ААН, ф. 4, оп. 4, № 5511; № 1072).

⁵⁰ *Пытин Николай Александрович* (1875—?) — историк литературы. Окончил курс гимназии при Историко-филологическом институте (1887—1894), а затем юридический факультет Петербургского университета (1894—1899). Служил письмоводителем в Канцелярии Сибирской железной дороги (1899—1904), делопроизводителем в хозяйственно-строительной Комиссии в Иркутске (1904—1905), Министерстве торговли и промышленности (1906—1911), Главном управлении земледелия (1911—1914). С 1914 по 1917 г. находился на военной службе по мобилизации. В 1918—1919 гг. — научный сотрудник Главархива. В 1919—1921 гг. вновь призван на военную службу в Красную армию. Затем преподавал русский язык и словесность на организационно-методических курсах, Военно-окружной школе, работал в Русском музее научным сотрудником (1921—1922) и делопроизводителем в Ленинградском отделении «Хлебoproducta» (1922—1924). В Пушкинском Доме служил с 1925 г. научным сотрудником II разряда. Во время «академического дела» был арестован (в ночь с 14 по 15 ноября 1930) и спустя два месяца после ареста уволен из института 16 января 1931 г. В дальнейшем служил в Промышленно-экономическом техникуме (1932—1934) и в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра (1939—1941) (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1719; ф. 77, оп. 5, № 410). Автор работ о Н. Г. Чернышевском, А. Н. Островском, Н. А. Некрасове и др.

⁵¹ *Пытин Александр Николаевич* (1833—1904) — историк литературы, этнограф, славист, фольклорист, академик Петербургской Академии наук (с 1898).

⁵² *Шахматова-Копля Софья Алексеевна* (1901—1942) окончила в 1924 г. общественный факультет этнологического отделения Ленинградского университета. В Пушкинском Доме служила с 1920 по 1931 г., сначала научным сотрудником,

затем ученым хранителем (с 1924) (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1535). В 1931 г. уволилась и уехала в Ульяновск, где находился в то время ее репрессированный муж Б. И. Коплан (см. об этом примеч. 74). С ноября 1933 по февраль 1934 г. работала библиотекарем Ленинградского отделения Центрального научно-исследовательского института педагогики, а затем (в основном по договору) в Архиве Академии наук (по описанию и систематизации архивных фондов), Институте востоковедения, Комиссии по истории Академии наук. В 1941 г. была ученым архивистом Архива Академии наук (ААН, ф. 7, оп. 3, № 54). Во время блокады голодала, была тяжело больна и не могла посещать столовую. Сохранилось письмо, написанное Софьей Алексеевной не позднее 2 января 1942 г. к сотрудникам Архива: «Дорогие товарищи. Умоляю вас, спасите нас. Мы совсем погибаем. Я совсем слегла и не могу подняться. Бабушка окончательно с нами измучилась, и сама еле волочит ноги. Пожалуйста, будьте добры, организуйте бабушке обед из столовой. <...> И впредь на несколько дней, если можно было бы нам помочь с обедом — это самая конкретная помощь. Потому что бабушка не выдержит всю работу по дому и за нами двумя больными. Умоляю, товарищи. <...>» (См.: ААН, ф. 7, оп. 3, № 54, л. 81—81 об.). Попытки сотрудников архива помочь ей уже не имели результата. Софья Алексеевна умерла в один день с сыном Алешей Копланом (16-ти лет) 5 января 1942 г.

⁵³ *Шахматов Алексей Алексеевич* (1864—1920) — филолог, языковед, академик Петербургской Академии наук (1894), председатель ОРЯС (1906—1920).

⁵⁴ *Слонимская (урожд. Куш) Лидия Леонидовна* (1900—1965) — правнучка Ольги Сергеевны Павлищевой, сестры Пушкина. Была женой известного литературоведа и писателя А. Л. Слонимского. Занималась переводами классиков мировой литературы. В 1972 г. в Пушкинский Дом поступила ее работа «Михайловское в письмах родителей Пушкина» (1960) с отзывом Н. В. Измайлова. (См. об этом: *Теребенина Р. Е.* Новые поступления в Пушкинский фонд Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) за 1969—1974 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 119). В работе по подготовке к изданию писем Н. О. и С. Л. Пушкиных к дочери Слонимская осуществила перевод трудночитаемого французского текста, атрибутировала ряд лиц пушкинского окружения в Михайловском. В 1993 г. после внесения ряда уточнений в рукопись Слонимской, сделанных с учетом последних пушкиноведческих достижений, ее работа была опубликована: Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлищевой. 1828—1835 / Пер., подгот. текста, предисловие и коммент. Лидии Слонимской. СПб., 1993 (Мир Пушкина; Т. 1).

⁵⁵ *Беляев Юрий Дмитриевич* (1876—1917) — драматург, театральный критик, прозаик, журналист, сотрудник газеты «Новое время». После его смерти М. Д. Беляев передал архив брата в Пушкинский Дом, где он и сейчас хранится (ф. 24).

⁵⁶ Библиографию трудов М. Д. Беляева см. в статье: *Яценко О. А.* М. Д. Беляев. Теория построения историко-литературного музея // Страницы истории пушкиноведения. СПб., 1994. С. 107—108.

⁵⁷ Имеется в виду: Б. Л. Модзалевский. Биографические даты. Список трудов. Л., 1924.

⁵⁸ *Гофман М. Л.* Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. Пг., 1922.

⁵⁹ Общество изучения поэтического языка — русская школа в литературоведении 1910—1920-х гг.; одно из разветвлений так называемой «формальной школы» в литературоведении.

⁶⁰ *Розенмайер (Розен-Мейер; у Измайлова — Розенмейер; урожд. Пушкина) Елена Александровна* (1889—1943) — дочь Александра Александровича Пушкина от его второго брака с Марией Александровной Павловой, родная внучка А. С. Пушкина. История с «Дневником Пушкина № 1» следующая. В парижском сборнике «На чужой стороне» (1925) в статье «Еще о смерти Пушкина» Гофман писал: «В 1937 году будет опубликован полностью неизданный еще большой дневник Пушкина (в 1100 страниц). Несомненно, он прольет свет на историю дуэли и драму жизни Пушкина...» (Цит. по изданию: *Фридкин В. М.* Пропавший дневник Пушкина. Рассказы о поисках в зарубежных архивах. М., 1987. С. 179). Основанием для такого заявления Гофмана явились реальные события. В 1922 г. советский торгпред в Париже М. И. Скобелев получил от Е. А. Розенмайер из Константинополя письмо, в котором она предлагала приобрести у нее пушкинские реликвии, ссылаясь на тяжелое материальное положение. Об этом письме узнал Гофман, и между Розенмайер и ним завязалась переписка, и вскоре Модест Львович отправился в Константинополь. Однако супруги Розенмайер отказались показать ему дневник, сообщив, что соби-

раются уезжать в Южную Америку, и, уверив, что «дневник» находится в надежном месте. Обо всем этом и написал Гофман в своей статье.

⁶¹ Гофман умер в 1959 г. См. прим. 46.

⁶² О П. Е. Рейнботе см. прим. 47, 65—67.

⁶³ Далее следует зачеркнутый текст: «лицеист (текст отсутствует. — Н. П.) курса». П. Е. Рейнбот был лицеистом 35 курса.

⁶⁴ *Онегин (Отто) Александр Федорович (1845—1925)* — коллекционер, собиратель рукописей А. С. Пушкина, автографов русских и иностранных писателей.

⁶⁵ Подарок Рейнбота, сделанный им Измайлову в ноябре 1929 г. не случаен, т. к. именно в это время Николай Васильевич был привлечен к суду по «академическому делу» и уволен из института. Об отношении П. Е. Рейнбота к музею А. Ф. Онегина и его собственной коллекции см.: Переписка П. Е. Рейнбота с Б. Л. Модзалевским / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела на 1996 год: Научные материалы к биографии Б. Л. Модзалевского. СПб., 2001. С. 220—258.

⁶⁶ Содержание «диплома», намекавшего на связь Натальи Николаевны с Николаем I, было одним из первых разгадано П. Е. Рейнботом. Об этом свидетельствуют М. А. Цявловский (см.: *Цявловский М. А. Николай I и дуэль Пушкина* // Красная нива. 1928. № 7. С. 2) и П. Е. Щеголев (см.: *Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина*. СПб., 1999. С. 436). Павел Евгеньевич всегда охотно делился своими находками и догадками с коллегами, хотя и не стремился к опубликованию своих работ. Так, 28 июля 1927 г. в собрании Пушкинского Дома он прочитал свой доклад «Дуэль Пушкина (Идалия Григорьевна Полетика, Варфоломей Филиппович Боголюбов, Сергей Семенович Уваров)», но не опубликовал его. Н. Ашукин по этому поводу пишет следующее: «Щеголев выпросил у него (Рейнбота. — Н. П.) рукопись доклада, приостановил печатание 3-го издания своей книги о дуэльной истории и срочно написал новую главу, основываясь на данных, открытых Рейнботом» (см.: *Ашукин Н. Заметки о виденном и слышанном. 1914—1933* / Публ. и коммент. Е. А. Муравьевой; вступ. статья Н. Богомолова // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 161).

⁶⁷ Большая исследовательская работа П. Е. Рейнбота «Записки А. О. Смирновой» хранится в рукописи в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ; Москва), ф. 485, оп. 1, № 875, 876. В письме к М. А. Цявловскому от 8 декабря 1930 г. Павел Евгеньевич писал: «Исследование мое о „Записках Смирновой“ закончено, последнее время занят сокращением его, так как благодаря количеству (и качеству) новых материалов, вышло оно слишком обширно; выбрасываю все, что касается Гоголя и Аксакова, в результате получится в чистом виде „Пушкин по запискам Смирновой. История одной мистификации“. Курьезов, документально доказанных, хоть отбавляй, начиная с происхождения А. О., документы об отце которой (итальянце) мне удалось найти в архивных материалах конца 18 и начала 19 века. Жертвами мистификации оказались не только русские ученые, но и иностранцы» (РО ИРЛИ, ф. 387, № 281, л. 10—10 об.).

⁶⁸ О Е. П. Казанович см. прим. 38, 69.

⁶⁹ См. об этом: *Казанович Е.* Как было написано А. Блоком стихотворение «Пушкинскому Дому» / Публ. В. Сажина // Звезда. 1977. № 10. С. 199—201; Свидетельство очевидца. Дневниковые записи Е. П. Казанович / Вступ. статья, публ. и коммент. А. Конечного и В. Сажина // Литературное обозрение. 1980. № 10. С. 108—112.

⁷⁰ См.: РО ИРЛИ, р. 1, оп. 12, № 282.

⁷¹ О Б. И. Коплане см. прим. 23, 72—74.

⁷² Описание литературных материалов XVIII века, сделанное Б. И. Копланом, хранится в научно-справочном аппарате Рукописного отдела.

⁷³ Имеется в виду сборник: *Коплан Б.* Стансы. Пг., 1923. Наиболее известные его стихотворения: «Пушкинскому Дому» (В старинных комнатах мы шутим иногда...) и «Кладбище над морем», посвященное памяти А. А. Блока. В этом же месте в воспоминаниях Измаилова следует зачеркнутый текст: «О литературно-юмористической переписке его с Иваном Андреевичем я упомянул выше».

⁷⁴ О преданности и смелости этой «маленькой ростом и серьезной» женщины, Софьи Алексеевны, следует сказать несколько слов. В 1931 г. она собирала основания для ходатайства об освобождении своего репрессированного мужа Б. И. Коплана, для чего выехала в Москву, была принята А. С. Енукидзе и добилась в этих хлопотах полного успеха. Управление делами Академии наук в это время подготовило приказ об увольнении ее из Пушкинского Дома на основании того, что отпуск

без содержания, который был разрешен ей ученым секретарем Пушкинского Дома В. В. Бушем, являлся нарушением закона в связи с постановлением НК РКК СССР о запрещении подобных отпусков. В разгар хлопот Софья Алексеевна получила телеграмму с требованием немедленно вернуться к месту службы, но все же осталась в Москве. В заявлении Непременному секретарю АН она писала: «Как раз в разгар последних (хлопот. — Н. П.) я получила от АН требование немедленно вернуться на службу. Но так как от исхода дела, которое я начала и которое, в своем производстве, требовало моего присутствия в Москве, зависела участь всей моей семьи, я сочла преступным для себя, как для жены и матери, оставить это дело на полдороге» (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1535, л. 40—40 об.). В дальнейшем дело об увольнении Коплан по ст. 47, п. «е» (т. е. за прогул) было пересмотрено: причиной увольнения указали переезд на новое место жительства (из Ленинграда в Ульяновск к мужу).

⁷⁵ *Энгельгардт Борис Михайлович* (1887—1942) — литературовед, архивист. После окончания Петроградского университета был оставлен на кафедре истории русской литературы, затем преподавал в Институте Живого слова (1918), Государственном институте истории искусств (1920). С ноября 1920 г. назначен на штатную должность научного сотрудника Пушкинского Дома, а с июля 1924 г. перешел на службу в библиотеку Академии наук, сначала библиотекарем, а затем научным сотрудником I разряда. 16 ноября 1930 г. был арестован по «академическому делу» и через два месяца, как находящийся под арестом, с 16 ноября 1931 г. был уволен (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1183; № 5952). Список основных работ Б. М. Энгельгардта см. в кн.: Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе (1941—1944) / Сост. З. Дичаров. СПб., 1996. С. 523—524.

⁷⁶ *Переселенков Степан Александрович* (1865—1940; по др. сведениям 1941) — историк русской литературы. Родился в Новочеркасске в семье донского казака. В 1875—1883 гг. учился в Новочеркасской гимназии. В 1888 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. С 1889 по 1920 г. преподавал в Приюте принца Ольденбургского (реальном училище и женской гимназии), давал уроки в Санкт-Петербургской военно-фельдшерской школе (1890—1896), Николаевском кадетском корпусе (1895—1906), Санкт-Петербургском окружном юнкерском училище (1898—1900), читал лекции в Военно-топографическом училище (1907—1917), во Владимирском военном училище (1900—1914), был помощником начальника архива Министерства Народного Просвещения (1917). Кроме того, преподавал в 5-й Санкт-Петербургской гимназии (1918), трудовой школе (1917—1920), на курсах для красноармейцев и военной школе (1918—1923). В 1917—1923 гг. служил старшим архивариусом в Централхиве. В Пушкинский Дом поступил 1 июля 1923 г. сотрудником II разряда; с 1932 г. научный сотрудник I разряда (ААН, ф. 150, оп. 2, № 281; № 135). Автор работ об А. Н. Островском, Н. П. Огареве, Н. А. Некрасове, А. И. Герцене, П. Л. Лаврове, декабристах, а также статей по истории педагогики и рецензий по педагогическим вопросам, печатавшихся в периодических изданиях: «Педагогический листок», «Донская речь», «Образование», «Голос минувшего» и др.

⁷⁷ Герой повести Н. В. Гоголя «Шинель» (1843).

⁷⁸ *Врасская (Враская) Варвара Борисовна* (1901—?) — историк литературы. Окончила в 1924 г. общественный факультет этнолого-лингвистического отделения Ленинградского университета. Одновременно с учебной работала в Отделе охраны памятников искусства и старины (1920) и корреспондентом Пушкинского Дома (1921). После окончания курса в 1924 г. была принята в Пушкинский Дом на должность научного сотрудника II разряда. В 1931 г. перешла на преподавательскую работу в Ленинградский государственный университет (ассистент кафедры иностранных языков, затем старший преподаватель филологического факультета). Во время войны в феврале 1942 г. уволилась из Университета (вследствие его эвакуации) и некоторое время являлась библиотекарем БАН (с марта по июнь 1942 г.) (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1366; ф. 158, оп. 7, № 732).

⁷⁹ *Шахматова (урожд. Градовская) Наталья Александровна* (1870—?) — жена А. А. Шахматова, брак заключен в 1896 г. Дочери: Ольга (р. 1897), Екатерина (1903—1942). О Софье см. прим. 52 и 74.

⁸⁰ Об *Абамелек-Лазареве Семене Семеновиче* (1857—1916) и его жене *Марии Павловне Абамелек-Лазаревой*, княгине Сан-Донато (?—1955) см. в статье: *Адамшица О. Вилла Абамелек // Наше наследие*. 1994. № 31. С. 14—29.

⁸¹ В этом месте следует зачеркнутый текст, помещенный автором в виде страничного примечания: «Демидов Павел Николаевич (ум. 1840); его жена — ур.

бар. Шернваль Аврора Карловна, во 2-м браке (с 1846 г.) замужем за Карамзиным Андреем Николаевичем (1814—1854). А. К. Демидова-Карамзина (1808—1902). Их сын — Демидов Павел Павлович. Его жена — (текст отсутствует. — *Н. П.*). Дочь Павла Павловича — Мария Павловна, в замужестве кн. Абаменек-Лазарева).

⁸² *Фомин Иван Александрович* (1872—1936) — русский архитектор, создатель стиля неоклассицизма в русской архитектуре.

⁸³ *Елизавета Петровна* (1709—25.12.1761 (05.01.1762)) — российская императрица с 25 ноября 1741 г., дочь Петра I и Екатерины I. Особняк по ул. Миллионной, 22, приобретенный С. С. Абаменек-Лазаревым в 1903 г., был построен в 30-х годах восемнадцатого столетия, и первым владельцем его был генерал Бирон, брат Э. И. Бирона, фаворита императрицы Анны Иоанновны (1693—1740). Последний владелец особняка пристроил к нему обширный дом по наб. Мойки, 21 (1907—1909; арх. Е. С. Воротилов), а затем, уже к новому дому, по плану архитектора И. А. Фомина было выстроено здание домашнего театра (1913—1914) по наб. Мойки, 23. Описание дома см.: Столица и усадьба. 1915. № 45. С. 4—7.

⁸⁴ Основатель художественного стиля раннего классицизма XVIII в. («Людовика XVI») — французский мебельщик Жорж Жакоб (1739—1814), для него характерна резная с позолотой, позже полированная из красного дерева мебель с золочеными бронзовыми накладками.

⁸⁵ *Чиппендейл Томас* (1718—1779) — английский мастер мебельного искусства, краснодеревщик, сочетавший функциональную целесообразность с изяществом линий. Характерной особенностью его стиля было выполнение ножек стульев и диванов с опорой в виде птичьей лапы, держащей шар, а спинки делались прорезными в форме вазы.

⁸⁶ *Щеголев Павел Елисеич* (1877—1931) — историк литературы и революционного движения, пушкинист, один из редакторов журнала «Былое».

⁸⁷ *Розанов Матвей Никанорович* (1858—1936) — историк русской и западноевропейской литературы, переводчик, академик Российской Академии наук (1921).

⁸⁸ Далее следует зачеркнутый авторский текст: «более подробные сведения можно найти в изд. „Пушкинский Дом при Р. Ак. Наук. Исторический очерк и путеводитель“. Лгр., 1924».

⁸⁹ Далее следует зачеркнутый авторский текст: «в то время это было довольно легко».

⁹⁰ Далее следует зачеркнутый авторский текст: «от ул. Халтурина».

⁹¹ *Срезневский Всеволод Измайлович* (1869—1936) — филолог, специалист в области рукописной книги, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1906), сын крупного ученого филолога И. И. Срезневского (1812—1880). См. о Толстовском музее в кн.: Толстовский музей в С.-Петербурге. Описание музея / Составили В. И. Срезневский и В. Н. Тукалевский. СПб., 1912. А также: *Мастеница Е. Н.* Забытые страницы истории петербургских музеев. Толстовский музей в Петербурге — Петрограде — Ленинграде // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Исследования и материалы. СПб., 1997. Вып. 2. С. 187—198.

⁹² Музей был открыт 11 ноября 1911 г. на 1-й линии Васильевского острова д. 24, затем получил помещение по адресу: Васильевский остров, 2-я линия (угол Большого проспекта), д. 13/6.

⁹³ Н. В. Измайлов имеет в виду братьев Пейсоха Яковлевича и Генеха Яковлевича Канторов. В архиве Толстовского музея сохранилось письмо к В. И. Срезневскому Г. Я. Кантора, в котором последний сообщает о случайной и трагической смерти брата Пейсоха (попал под паровоз) 25 апреля 1915 г. и, в частности, пишет: «Что сказать о покойном? Я думаю, Вы хорошо знали его и поймете, какая тяжелая утрата это для нас» (РО ИРЛИ, ф. 302, оп. 4, № 261, л. 9).

⁹⁴ Командующим Балтийским флотом в 1922—1924 гг. был *Викторов Михаил Владимирович* (1893—1938) — советский военачальник, флагман флота 1-го ранга.

⁹⁵ «Затея втиснуть Пушкинский Дом в эти далеко не живописные развалины, — вспоминал М. Д. Беляев, — безусловно, была одной из самых неудачных идей Бориса Львовича» (РО ИРЛИ, р. 1, оп. 2, № 394, л. 38).

⁹⁶ *Филиппов Иван Трофимович* (1878—?) — младший служащий Пушкинского Дома (с 1921), вахтер (с 1923), а затем, после переезда Пушкинского Дома в здание бывшей таможни на Тучковой набережной, остался в д. 1 на Тифлисской ул. и служил швейцаром (с 1930 по 1933). Окончил в 1919 г. курсы счетоводов Отдела социального обеспечения и подотдела помощи военно-увечным Кирсановского уездного совета рабочих и крестьянских депутатов Тамбовской губернии (ААН, ф. 4, оп. 4,

№ 2583). См. о Филиппове и о его доносе на Модзалевского в преамбуле к данной публикации.

⁹⁷ *Карптийский Александр Петрович* (26.12.1846 (07.01.1847)—1936) — геолог. В 1886 г. избран адъюнктом Петербургской Академии наук, в 1889 экстраординарным и в 1896 — ординарным академиком. С 1916 г. исполнял обязанности вице-президента, а с 15 мая 1917 г. — первый выборный президент.

⁹⁸ В постраничном примечании Н. В. Измайлов не точен в датах. В 1841 г. Российская Академия была преобразована во 2-е Отделение Академии наук, затем в Отделение русского языка и словесности. А. С. Шишков умер в 1841 г. (см. о нем прим. 18). А. С. Пушкин был представлен к избранию в действительные члены Российской Академии на заседании 3 декабря 1832 г. и единогласно избран всеми присутствовавшими. Окончательное утверждение Пушкина состоялось 7 января 1833 г., когда были получены голоса (письменные заявления) тех, кто отсутствовал на заседании 3 декабря 1832 г.

⁹⁹ «Бессрочная и безденежная командировка», как ее называл Котляревский (так как денежных субсидий он на нее не просил), была разрешена Главнаукой в апреле 1922 г. и затянута до мая 1924 г. Командируя Котляревского за границу, Академия наук руководствовалась заботами об Онегинском музее и вопросами возобновления научных связей с Болгарией и Чехо-Словенской (Чехословацкой) республикой. Своеобразный отчет о командировке Котляревский прислал в письме в Академию наук от 28 ноября 1923 г. «В ноябре 1922 года, — писал Котляревский, — я был командирован за границу для переговоров с А. Ф. Онегиным по поводу хранящихся у него бумаг Пушкина. Месяца за два до меня с тою же целью был командирован Академией М. Л. Гофман. Из Берлина я проехал по своим личным делам в Софию и здесь, при свидании с Гофманом, который проезжал из Парижа в Константинополь, я узнал, что все задание, которое Гофман имел выполнить в Париже, им выполнено, и что Онегин считает, что все переговоры с ним по поводу рукописей Пушкина закончены и все работы, которые Гофман должен был произвести в Музее Онегина, им исполнены. Ехать в Париж мне не было никакой надобности, тем более, что и денег на такую поездку у меня не имелось. Я решил остаться в Софии, где условия жизни для меня сложились весьма благоприятно, и где я мог начать работу над одним трудом по истории русской литературы, над которым работал еще в Петрограде. Я рассчитывал кончить ее к лету и возвратиться к сентябрю 1923 года в Россию. Здоровье мое потребовало лечения на водах и я четыре месяца с мая по октябрь пробыл в курорте... <...> Теперь я прошу дать мне отсрочку еще на несколько месяцев до мая или июня 1924 года, когда я рассчитываю все дела мои здесь закончить...» (ААН, ф. 2, оп. 17, № 117, л. 45).

¹⁰⁰ Брак Пушкиревой-Котляревской (во втором браке Пехливановой; у Измайлова — Пехлевановой) Верой Васильевной (1879— ум. до 1957) и Н. А. Котляревского был расторгнут 21 марта (3 апреля) 1924 г. (См.: Свидетельство Епархиального Совета при Управлении Русскими Православными общинами в Болгарии. РО ИРЛИ, ф. 135, № 102).

¹⁰¹ См. о нем прим. 96, а также в преамбуле данной публикации.

¹⁰² *Орлеанский Николай Михайлович* (1871—?) — сын священника, окончил Санкт-Петербургскую духовную академию в 1896 г. со степенью кандидата богословия; служил в канцелярии Министерства земледелия и государственных имуществ, затем секретарем в редакциях журнала «Военный сборник» и газеты «Русский инвалид», делопроизводителем в канцелярии Военного министерства, Городской управы и др. В 1919 г. был назначен помощником библиотекаря в Библиотеку Академии наук, а с 1920 г. переведен в Пушкинский Дом сначала корреспондентом, а затем научным сотрудником II разряда. В эти же годы служил в Государственной капелле. После «чистки» академического аппарата в августе 1929 г. переведен на должность технического сотрудника. Уволен 7 сентября 1932 г. в соответствии с его заявлением вследствие «полного упадка сил и здоровья» (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1676).

¹⁰³ В письме к М. О. Гершензону 18 января 1924 г. Модзалевский писал: «О моем аресте не расспрашивайте: мне это больно и тяжело; а если Вам будет о нем говорить, скажите, что все дело в доносе, явно в злостном, и что дело, Бог даст, не получит дальнейшего движения, как явно вздорное». См.: Переписка Б. Л. Модзалевского с М. О. Гершензоном / Публ. Е. Ю. Литвин // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Научные материалы к биографии Б. Л. Модзалевского. СПб., 2001. С. 352—353. Об аресте Модзалевского см. также в преамбуле настоящей публикации.

¹⁰⁴ *Истрин Василий Михайлович* (1865—1937) — историк литературы, академик Петербургской Академии наук (1907).

¹⁰⁵ *Князев Георгий Алексеевич* (1887—1969) — директор Архива Академии наук СССР (1929—1963).

¹⁰⁶ *Никольский Николай Константинович* (1863—1936) — историк литературы, академик (с 1916), собиратель документов по истории Кирилло-Белозерского монастыря.

¹⁰⁷ *Карский Емфимий Федорович* (1860 (01.01.1861)—1931) — филолог-славист, академик Петербургской Академии наук (1916), профессор Варшавского (с 1894) и Петербургского (с 1917) университетов.

¹⁰⁸ *Сперанский Михаил Нестерович* (1863—1938) — историк литературы, академик (1921).

¹⁰⁹ *Перетц Владимир Николаевич* (1870—1935) — историк русской литературы, внук декабриста Г. А. Перетца, профессор Киевского университета Св. Владимира (с 1903), Санкт-Петербургского университета (с 1914), академик Петербургской Академии наук (с 1914) и Украинской Академии наук (с 1919).

¹¹⁰ *Перетц Лев Николаевич* (1871—?) — исследователь истории украинской литературы, автор статей по экономическим и торговым вопросам. Родной брат В. Н. Перетца, вместе с которым подготовил книгу о деду: *Перетц В. Н., Перетц Л. Н. Декабрист Г. А. Перетц*. Л., 1926. Окончил юридический факультет Петербургского университета в 1895 г. Служил в Министерстве торговли и промышленности в качестве столоначальника (1895—1918), был заведующим Бюро печати и общих дел Главного управления водного транспорта, юрисконсультотом отдела портостроения Главного комитета государственных сооружений. Был постоянным сотрудником энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона и Русского биографического словаря. Печатался в журналах и газетах: «Библиограф», «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Вестник Красного Креста», «Финансовое обозрение», «Слово», «Северный курьер», «Наша жизнь», «Русский инвалид» и др. В Пушкинском Доме работал в 1921—1924 гг. С 1924 по 1929 г. работал в Библиотеке Академии наук библиотекарем и помощником Ученого секретаря. После «чистки» в августе 1929 г. был уволен с запрещением работать в учреждениях Академии наук (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1080).

¹¹¹ *Стеклов Владимир Андреевич* (28.12.1863 (09.01.1864)—1926) — выдающийся математик, академик Петербургской Академии наук (1912), вице-президент Российской Академии наук — Академии наук СССР (1919—1926). Свое отношение к гуманитарным наукам и, в частности, ко II отделению Академии наук Стеклов выражал в резко полемической форме. Он писал:

«Давно уже имею мысль об уничтожении ненужного и отнюдь не научного II отделения (отдел русского языка и словесности). Здесь почти нет науки, а одна беллетристика и часто белибердистика! <...> Время ли теперь собирать старые башмаки, обрывки эполет, перстни, поломанные ручки, лоскуточки бумаги и т. д., в которых когда-то ходили, которые носили, которые писали, хотя бы и великие поэты и художники вроде самого Пушкина и Гоголя! Время ли портить бумагу и тратить деньги и труд на изыскания того, в каких штанах ходил Дантес, у какого портного заказывал себе сюртуки, где покупал подштаники и за какую цену, хотя бы и сам Толстой?!

Может быть, все это и интересно с известной точки зрения и полезно, но это роскошь, во всяком случае, возможная, когда от избытка средств, за выполнением всего первосущественного захочется отдохнуть головой и телом и поразвлечься.

А подобными вещами преимущественно занимается II отделение». Цит. по: *Стеклов В. А.* Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Л., 1991. С. 298 (Научное наследство; Т. 17).

¹¹² *Платонов Сергей Федорович* (1860—1933) — историк, академик Российской Академии наук (1920), председатель Археографической комиссии (1918—1929), директор Библиотеки Академии наук (1925—1929; с перерывом) и Пушкинского Дома (1925—1929). (О временном исполнении обязанностей директора Пушкинского Дома в 1924 г. см. прим. 113, 114.) С. Ф. Платонов — специалист в области русской истории 2-й половины XVI—начала XVII вв.

¹¹³ С. Ф. Платонов согласился взять на себя исполнение обязанностей директора Пушкинского Дома с 29 января 1924 г. (см.: Выписка из протокола заседания отделения русского языка и словесности от 29 января 1924 г.: ААН, ф. 4, оп. 4, № 1711, л. 22—22 об.).

¹¹⁴ 1 мая 1924 г. Котляревский выехал из Софии в Россию через Берлин. См. об этом в письме В.Пушкаревой к С. Ф. Ольденбургу от 1 мая 1924 г. (ААН, ф. 2, оп. 17, № 117, л. 49—50). В Петербург Котляревский прибыл 10 июня 1924 г. и приступил к исполнению обязанностей директора. См. его докладную записку от 17 августа 1924 г. (ААН, ф. 4, оп. 4, № 302, л. 114).

¹¹⁵ *Толмачева-Карпинская Евгения Александровна* (1874—1962) — геолог, дочь и помощник академика А. П. Карпинского.

¹¹⁶ *Молас Борис Николаевич* (1877—?) — юрист, искусствовед. Происходил из семьи с художественными наклонностями: мать — певица Молас (урожд. Пургольд) Анна Николаевна (1845—1929), отец Николай Павлович Молас (1843—1917) — художник-любитель, заведующий типографией Императорских театров. До революции Б. Н. Молас — чиновник особых поручений при Госконтроле, после — ученый секретарь Отдела по делам музеев Главнауки Народного комитета по просвещению и помощник заведующего музеями. С 1923 г. работал управляющим делами Конференции; после переименования Управления делами Конференции в Секретариат с 1 июля 1924 г. в должности заведующего Секретариатом. Во время «чистки» снят с работы по I категории на основании заседания Комиссии по проверке аппарата АН СССР от 3 декабря 1929 г. Арестован не позднее 2 января 1930 г. (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1046).

¹¹⁷ *Цявловский Мстислав Александрович* (1883—1947) — известный пушкинист и литературовед.

¹¹⁸ *Новиков Иван Алексеевич* (1877—1959) — поэт, прозаик, драматург. Автор романов «Пушкин в Михайловском» (М., 1936), «Пушкин на юге» (М., 1944), «Пушкин в изгнании» (М.; Л., 1947) и др.

¹¹⁹ *Гроссман Леонид Петрович* (1888—1965) — литературовед, автор книг о Достоевском, Сухово-Кобылине, Пушкине, Лескове, Бальзаке.

¹²⁰ *Шшиков Вячеслав Яковлевич* (1873—1945) — прозаик.

¹²¹ *Никифоровский Василий Митрофанович* (1891—1942) — педагог, краевед, первый директор Пушкинского заповедника. По образованию филолог, окончил Санкт-Петербургский университет. Работал директором школы II ступени в Святых горах и стоял у истоков зарождения будущего музея-заповедника: был председателем местной комиссии по охране «Пушкинского уголка», созданной по Постановлению Исполкома РКД 1 октября 1921 г. (*Бурченкова Р. В.* Из истории Пушкинского заповедника 1920-х годов // Михайловская пушкиниана. М., 1999. Вып. 2. С. 29). С марта 1922 г. пушкинские места приобрели статус Государственного заповедника, и Никифоровский стал его первым директором.

¹²² Имеется в виду Наталья Сергеевна (урожд. Платонова; 1894—1942) — первая жена Измайлова.

¹²³ *Измайлов Н. В.* Пушкин. Очерк жизни и творчества. Л., 1924.

¹²⁴ *Томашевский Б. В.* Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925.

¹²⁵ Имеется в виду *Измайлова Наталья Васильевна* (1890—1942); работала в Эрмитаже, библиотекарем Ленинградской государственной консерватории, Государственной публичной библиотеки. Другая родная сестра Н. В. Измайлова — *Анна Васильевна Измайлова* (1892—1981) — была агрономом, жила и работала в пос. Шокино Смоленской области.

¹²⁶ *Нерадовский Петр Иванович* (1875—1962; по др. сведениям 1963) — искусствовед, художник, сотрудник и заведующий художественным отделом Русского музея (1912—1929), один из членов-учредителей «Нового общества художников» в Петербурге (1903—1917).

¹²⁷ В данном месте пропуск в тексте; количество пронумерованных экземпляров установить не удалось.

¹²⁸ Общество «Старый Петербург — Новый Ленинград» (1921—1938) было основано как общество изучения, популяризации и охраны Старого Петербурга и его окрестностей, восстановления памятников искусства и истории. О структуре, составе и деятельности общества см. в статье: *Конечный А. М.* «Общество Старый Петербург — Новый Ленинград». 1921—1938. По материалам Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина // Музей: Художественные собрания СССР. М., 1987. Вып. 7. С. 249—252.

¹²⁹ *Платонов Александр Анисимович*, художник-архитектор, в соавторстве с М. Д. Беляевым написал книгу: *Беляев М. Д., Платонов А. А.* Последняя квартира Пушкина в ее прошлом и настоящем. 1837—1927. Л., 1927.

¹³⁰ *Яцевич Андрей Григорьевич* (1887—1942) — краевед, пушкинист, историк Петербурга, активный член и секретарь общества «Старый Петербург—Новый Ленинград».

¹³¹ Здесь и ниже Измайлов цитирует речь Н. А. Котляревского: Речь Н. А. Котляревского на собрании на квартире Пушкина 10 февраля 1925 г. // Памяти Нестора Александровича Котляревского. 1863—1925. Л., 1926. С. 31—34.

¹³² Цитируется неточно. Ср.: «В сороковых годах, в звании камергера (так как нельзя же всю жизнь оставаться камер-юнкером), со звездой Анны 1-й степени, — а он, как наследник Карамзина и Жуковского, поэт при дворе, по их примеру был бы этой звездой украшен, — он, прославленный на всю Россию художник, эмблема, так сказать, всей Русской словесности, должен был бы лечь между молотом все более и более недоверчивой и суровой власти и наковальной созревающего общественного мнения, дающего все больший и больший отпор ложившимся на него ударам» (Речь Н. А. Котляревского на собрании в квартире Пушкина 10 февраля 1925 г. С. 32—33).

¹³³ Имеется в виду Крымская война 1853—1856 гг., первоначально русско-турецкая за господство на Ближнем Востоке; закончилась поражением России (Парижский мир 1856 г.).

¹³⁴ Реформа 1861 г. — крестьянская реформа, отменившая крепостное право в России.

¹³⁵ Воспоминаниями о первом, «дискуссионном» заседании на Пушкинской квартире Измайлов поделился на Пушкинской конференции, посвященной 50-летию Музея-квартиры А. С. Пушкина (см.: *Никитин В.* Пушкин, его биография и личность: новые проблемы // Вопросы литературы. 1976. № 3. С. 302—303).

¹³⁶ В письме к С. Ф. Ольденбургу от 1 мая 1924 г. В. Пушкирева сообщала о здоровье Н. А. Котляревского, сетуя на то, что Академия настаивает на его возвращении в Ленинград: «Надеюсь, что Вы найдете его отдохнувшим и поздоровевшим, но не скрою от Вас, что доктора *сильно* настаивали, чтобы и следующая зима была проведена им на юге. В интересах его здоровья я старалась настоять на исполнении докторских требований, но решение Конференции принудило его ими пренебречь.

Все же душевно благодарю Вас за все, что Вы сделали для продления его отпуска и тем, конечно, продлили и его жизнь» (см.: ААН, ф. 2, оп. 17, № 117, л. 49—49 об.).

¹³⁷ В. А. Стеклов — племянник Н. А. Добролюбова по материнской линии: мать Стеклова Екатерина Александровна — родная сестра Н. А. Добролюбова. В. А., Н. А., И. А. Добролюбовы и В. А. Стеклов похоронены на Литераторских мостках Волковского кладбища в Петербурге. См.: Исторические кладбища Петербурга. Справочник-путеводитель. СПб., 1993. С. 336, 346.

¹³⁸ В августе 1925 г. Платонов становится директором Пушкинского Дома. См.: ААН, ф. 4, оп. 4, № 1711, л. 30 (выписка из журнала заседаний Правления АН СССР от 11 августа 1925 г. № 58).

¹³⁹ *Сакулин Павел Никитич* (1868—1930) — историк и теоретик литературы, профессор Московского университета (с 1918), академик Академии наук СССР (1929). С 27 декабря 1929 г. до смерти — директор Пушкинского Дома (см. об этом в преамбуле).

¹⁴⁰ Памяти декабристов. Сб. материалов. Л., 1926. Т. 1—3.

¹⁴¹ Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Л., 1927 (Труды Пушкинского Дома; Вып. 48).

¹⁴² *Платонова С. Ф.* Далекое прошлое Пушкинского уголка. Исторический очерк. Л., 1927 (Труды Пушкинского Дома АН СССР).

¹⁴³ Имеется в виду: Пушкинский Дом при Российской Академии наук. Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924.

¹⁴⁴ *Калинин Михаил Иванович* (1875—1946) — революционный и государственный деятель.

¹⁴⁵ *Зиловцев (Радомысльский) Григорий Евсеевич* (1883—1936) — революционный и государственный деятель.

¹⁴⁶ *Луначарский Анатолий Васильевич* (1875—1933) — революционный и государственный деятель, искусствовед, литературный критик, публицист, академик Академии наук СССР (1930); первый нарком просвещения РСФСР (1917—1929). В 1931—1933 гг. был директором Пушкинского Дома. См. об этом: *Ровда К. И.* Луначарский — директор Пушкинского Дома // Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография / Отв. ред. В. Н. Баскаков. Л., 1982. С. 53—70.

¹⁴⁷ В июле 1925 г. Российская Академия наук переименована в Академию наук СССР, выведена из ведения Наркомпроса РСФСР и подчинена непосредственно

Совнаркому СССР. Постановлением ЦИК и СНК СССР АН была признана в 1925 г. «...высшим Всесоюзным ученым учреждением».

¹⁴⁸ *Козмин Николай Кирович* (1873—1942) — историк литературы. Родился в Казани, окончил в 1896 г. историко-филологический факультет Петербургского университета. Преподавал историю литературы в Коломенской женской гимназии (с 1898 г.), был членом Комиссии по изданию сочинений А. С. Пушкина (избран в 1909 г.). В Пушкинский Дом поступил в 1919 г. научным сотрудником I разряда, с октября 1929 г. ученый хранитель. 2 февраля 1925 г. избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. В ноябре 1929 г. временно исполнял обязанности заведующего музейным отделением, а в сентябре 1930 принял временное директорство. С 16 ноября 1930 г. — старший ученый хранитель Пушкинского Дома.

¹⁴⁹ *Халтурин Дмитрий Николаевич* (1873—?) — управляющий делами Академии наук. Окончил в 1899 г. юридический факультет Петербургского университета. До революции служил в Лесном департаменте. В Академии наук служил с 1921 г. в должности секретаря правления, а с 1923 г. управляющим делами правления АН. Во время «чистки» в августе 1929 г. подал заявление об уходе и после передачи дел в ноябре 1929 г. был уволен (ААН, ф. 4, оп. 4, № 5846).

¹⁵⁰ *Бабьковский Владимир Александрович* (1878 или 1879—?) — заведующий хозяйственным отделом Академии наук. Окончил I-й Московский кадетский корпус и Николаевское инженерное училище. До революции служил в Главном инженерном управлении делопроизводителем и начальником административно-хозяйственного отдела. В Академии наук работал с 1922 г. Во время первой волны «чистки» подал прошение об увольнении и с 22 августа 1929 г. был уволен, а 13 сентября того же года арестован по «академическому делу» (ААН, ф. 4, оп. 4, № 849).

¹⁵¹ *Молас Михаил Павлович* (1852—1904) — контр-адмирал, начальник штаба командующего флотом Тихого океана.

¹⁵² *Макаров Степан Осипович* (1848—1904) — выдающийся деятель русского флота, океанограф, вице-адмирал; руководил двумя кругосветными плаваниями. В начале русско-японской войны командовал Тихоокеанской эскадрой в Порт-Артуре, погиб на броненосце «Петропавловск».

¹⁵³ *Андреев Николай Борисович* (1899—?) — ученый секретарь издательства Академии наук. В Академии наук служил с 1922 по 1929 г. Во время второй волны «чистки» снят с должности 12 ноября 1929 г. (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1242).

¹⁵⁴ *Сабатина Елена Владимировна* (1883—?) — машинистка-стенографистка со знанием иностранной машинописи и заведующая делопроизводством секретариата Академии наук. Работала в Академии наук с 1927 по 1931 г. (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1747).

¹⁵⁵ *Хоргогейм (в замужестве — Молас) Ольга Владимировна* (1899—?) — сотрудница канцелярии Конференции Академии наук; с 1918 г. делопроизводитель и помощник Управляющего делами, а с 1927 г. заведующая делопроизводством в Комиссии экспедиционных исследований. Во время академической «чистки» уволена 15 ноября 1929 г. (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1047).

¹⁵⁶ *Распутин (Распутин-Новый) Григорий Ефимович* (1869 (по переписи 1897 г. его возраст определен в 28 лет)—1916) — сибирский крестьянин, уроженец села Покровское Тюменского уезда Тобольской губернии, фаворит императрицы Александры Федоровны. Обладал незаурядными психотерапевтическими способностями, оказывал неоднократную помощь больному гемофилией цесаревичу Алексею Николаевичу, чем вызвал особое доверие и почитание императрицы. См. о Распутине и царской семье в кн.: *Боханов А. Н.* Император Николай II. М., 1998.

¹⁵⁷ *Юсупов Феликс Феликсович (младший) князь, граф Сумароков-Эльстон* (1887—1967) — российский аристократ, монархист. Один из организаторов и участников убийства Г. Распутина, осуществленного им вместе с вел. кн. Дмитрием Павловичем и В. М. Пуришкевичем в «родовом гнезде» Юсуповых на Мойке.

¹⁵⁸ *Хитрово (в первом браке Тизенгаузен) Елизавета Михайловна* (1783—1839) — дочь М. И. Кутузова, страстная поклонница А. С. Пушкина.

¹⁵⁹ *Тизенгаузен Екатерина Федоровна*, графиня (ок. 1803—1888) — камер-фрейлина императрицы Александры Федоровны, дочь Е. М. Хитрово.

¹⁶⁰ *Александра Федоровна*, императрица (1798—1860) — жена императора Николая I.

¹⁶¹ *Кристи Михаил Петрович* (1875—1956) — уполномоченный Наркомпроса (1918—1926) и заведующий высшими учебными заведениями Петрограда (с 1921); позднее директор Третьяковской галереи. Личный друг А. В. Луначарского.

¹⁶² *Вяземский Петр Андреевич* (1792—1878) — поэт, критик, мемуарист, друг А. С. Пушкина.

¹⁶³ *Жуковский Василий Андреевич* (1783—1852) — поэт, переводчик, критик.

¹⁶⁴ *Юсупова Зинаида Николаевна* (1861—1939) — княгиня, последняя представительница старого и богатейшего аристократического рода. В 1882 г. она вышла замуж за графа Феликса Феликсовича Сумарокова-Эльстона (1856—1928). В 1891 г., когда со смертью Николая Борисовича Юсупова прекратился по мужской линии род Юсуповых, Александр III разрешил мужу, жене и их потомству именоваться князьями Юсуповыми и графами Сумароковыми-Эльстон.

¹⁶⁵ См.: *Модзалевский Б. Л.* «Послание к вельможе» А. С. Пушкина // *Художественные сокровища России*. 1907. Вып. 6. С. XXII—XXVI.

¹⁶⁶ *Модзалевский Б. Л.* Пушкин. Дневник 1833—35. М.; Пг., 1923.

¹⁶⁷ *Сюштерберг (псевд. Константин Эрберг) Константин Александрович* (1871—1942) — теоретик искусства, критик, поэт. Его сын — Платон Константинович (1904—?) был студентом факультета общественных наук этнолого-лингвистического отделения Петроградского университета (не окончил), в 1920-е гг. — сотрудник музея ВЧК—ГПУ в Ленинграде.

¹⁶⁸ *Осиповы (урожд. Вындомская, в первом браке Вульф) Прасковья Александровна* (1781—1859) — помещица с. Тригорского, соседка Пушкина по Михайловскому.

¹⁶⁹ В первой части своего пояснения Н. В. Измайлов указывает шифры, под которыми письма А. С. Пушкина к П. А. Осиповой хранятся в Пушкинском Доме (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 495, 554), а затем — номера, под которыми эти письма опубликованы. См.: *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 17-ти томах. М.; Л., 1935—1959. Т. 14. С. 7 (№ 369). Письмо А. С. Пушкина к П. А. Осиповой. Около (не позднее) 10 марта (?) 1828 г.; Там же. С. 184 (№ 622. Письмо А. С. Пушкина к П. А. Осиповой от 29 июня 1831 г.).

¹⁷⁰ О сорре Модзалевского с Лернером писал в своих воспоминаниях М. Д. Беляев:

«При публикации „Неизданного Пушкина“ разыгрался между прочим следующий характерный инцидент.

В примечаниях к одной из отредактированных им для этой книги рукописей Пушкина Борис Львович упомянул о том, что она уже была ранее опубликована Николаем Осиповичем Лернером, причем весьма недвусмысленно намекнул на не вполне легальное получение прежним публикатором фотографического снимка с Пушкинского текста. Я отговаривал его от этой приписки, но он настаивал на своем.

Вскоре после выхода нашей книги я зашел как-то к Владиславу Фелициановичу Ходасевичу, который сказал мне: „Ну-с, скоро будем судить Вашего Модзалевского“. Оказалось, что обидевшийся Н. О. Лернер выбрал его и еще кого-то третьескими судьями для рассмотрения этого дела.

Модзалевский, не имея никаких доказательств для подтверждения своей правоты, хотя и будучи убежден в ней, от суда уклонился и принужден был опубликовать какое-то полудовинительное, полуобъяснительное письмо». См.: *Беляев М. Д.* Пушкинский Дом и его первые обитатели (РО ИРЛИ, р. 1, оп. 2, № 394, л. 35—36).

¹⁷¹ *Лернер Н. О.* Труды и дни Пушкина. СПб., 1910.

¹⁷² *Кшесинская Матильда (Мария) Феликсовна* (1872—1971) — русская балерина, артистка Мариинского театра (1890—1917), педагог. В 1920 г. эмигрировала за границу, с 1921 г. морганатическая жена вел. кн. Андрея Владимировича. С 1957 г. в особняке Кшесинской располагался Музей Октябрьской революции, с 1991 г. — Музей политической истории России.

¹⁷³ Журнал «Былое» выходил с 1900 по 1926 г. с перерывами в Лондоне, Петербурге, Париже, Петрограде и Ленинграде. Подробнее о его редакторах В. Л. Бурцево, В. Я. Яковлеве (Богучарском), П. Е. Щеголеве (редактировал журнал в 1906—1907 гг. и с 1917 по 1926 г.) см. в кн.: *Лурье Ф. М.* Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990.

¹⁷⁴ Имеется в виду работа: *Щеголев П. Е.* Из разысканий в области биографии и текста Пушкина // Пушкин и его современники. СПб., 1911. Вып. 14. С. 53—193. В этом же месте имеется зачеркнутый авторский текст: «О значении этой и других его работ мне пришлось говорить в коллективной книге „Пушкин. Итоги и проблемы изучения“, 1966».

¹⁷⁵ *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. 3-е изд. М.; Л., 1928.

¹⁷⁶ Князь императорской крови *Олег Константинович* (1892—1914) — сын вел. кн. Константина Константиновича. Во время 1-й мировой войны, находясь на фрон-

те в составе 3-го армейского корпуса, князь был смертельно ранен 27 сентября и скончался в госпитале в Вильне 29 сентября 1914 г. По воспоминаниям очевидцев вел кн. Гавриил Константинович записал обстоятельства, при которых был ранен князь Олег: «27 сентября после полудня 2-ая Гвардейская кавалерийская дивизия, имея в авангарде два эскадрона Гусарского полка, наступала в направлении Владиславова. Проходя недалеко от деревни Пильвишки, боковая застава заметила неприятельский разъезд и начала его обстреливать. Немцы шархнулись в сторону и наскочили на четвертый эскадрон Гусарского полка, шедший в голове колонны главных сил. Тотчас же был открыт огонь. Разъезд повернул опять, но встретил заставу его величества эскадрона под командой корнета Безобразова. Как раз в этот момент князь Олег, давно стремившийся в дело, стал протиснуться у эскадронного командира, графа Игнатьева, чтобы ему позволили с его взводом захватить зарвавшихся немцев. Эскадронный командир долго не соглашался его отпустить, но, наконец, уступил. Все остальное произошло очень быстро. Преследуя отступающий неприятельский разъезд, князь Олег вынесся далеко вперед на своей кровной кобыле Диане. Вот они настаивают отстреливающего противника... Пятеро немцев валится, прочие сдаются; но в это время в князя Олега целится с земли раненый всадник... Выстрел, и князь Олег валится с лошади...». См.: *Гавриил Константинович, вел. кн.* В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. СПб.: Изд-во «Logos»; Дюссельдорф: «Голубой всадник», 1993. С. 184.

¹⁷⁷ Щеголев П. Князь Олег Константинович [Некролог] // Пушкин и его современники. СПб., 1914. Вып. 19—20. С. I—VI.

¹⁷⁸ *Тарле Евгений Викторович* (1875—1955) — историк Западной Европы и России XVI—XX вв., академик Академии наук СССР (1927).

¹⁷⁹ Щеголев П. Е. Пушкин и мужики: По неизданным материалам. М., 1928.

¹⁸⁰ *Вырубова (урожд. Танеева) Анна Александровна* (1884—1964) — личный друг императрицы Александры Федоровны; дочь Александра Сергеевича Танеева, музыканта, статс-секретаря и главноуправляющего Собственной Его Величества канцелярией. Весной 1917 г. была арестована Верховной чрезвычайной следственной комиссией по обвинению в содействии политическому влиянию Распутина на ход государственных дел и была помещена в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. После многочисленных допросов была освобождена. В течение 1917—1919 гг. трижды была арестована и находилась в тюрьмах в Свеаборге и Петрограде. В конце 1920 г. вынуждена была эмигрировать в Финляндию. Окончила свои дни в монастыре. (См. ее мемуары: Неопубликованные воспоминания А. А. Вырубовой // Новый журнал. Нью-Йорк, 1978. Кн. 130. С. 101—149; Кн. 131. С. 145—194.) «Дневник» А. А. Вырубовой, о котором пишет Измайлов, был профессионально выполненной фальсификацией, в которой участвовали, по одной версии — А. Н. Толстой (литературная часть) и П. Е. Щеголев («историческая»), а по другой — журналист З. С. Давыдов (1892—1957) и О. Брошниковская, непосредственные публикаторы подделки в журнале «Минувшие дни» (Дневник А. А. Вырубовой / Под редакцией, с предисловием и примечаниями О. Брошниковской и Зин. Давыдова // Минувшие дни. 1927. № 1; 1928. № 2—4). Ср.: *Берков П. Н.* О людях и книгах. М., 1965. С. 142; *Рейсер С. А.* Основы текстологии. Л., 1978. С. 107. По мнению Ф. М. Лурье, достоверных доказательств, подтверждающих участие Щеголева в сенсационной фальшивке, не обнаружено. См.: *Лурье Ф. М.* Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990. С. 157—158.

¹⁸¹ Историческую часть пьесы «Заговор императрицы» готовил Щеголев, а художественную — Ал. Толстой. Характерно, что даже литературоведение советского периода с его тенденциозной направленностью не могло не признать, что «наибольшее сомнения вызывает сам факт существования заговора императрицы». См. об этом: *Бороздина П. А.* «Заговор императрицы» А. Толстого и П. Щеголева (К вопросу о документальной основе произведения) // Художественно-документальные жанры (Вопросы теории и истории). Тезисы докладов на межвузовской конференции. Иваново, 1970. С. 63—65.

¹⁸² *Монахов Николай Федорович* (1875—1936) — русский актер, начал артистическую деятельность с 1895 г.; после 1919 — ведущий актер Большого драматического театра.

¹⁸³ *Каверин Веталин Александрович* (1902—1989) — прозаик; видимо, имеется в виду эпизод 6-й главы романа «Скандалист, или вечера на Васильевском острове», в которой журналист В. Некрылов сталкивается с литератором Н. Путятинным у подъезда издательства: «Путятин был толст, небрежен. Легкость, с которой он жил

и работал, была предметом зависти осторожных литераторов нового поколения. Это была легкость толстяка и писателя, не испугавшегося своих ошибок. Русскую литературу он считал завещанной себе, и старинная фамилия, которую он носил, поддерживала в нем это убеждение». Цит. по: *Каверин В. А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1963. Т. 1. С. 350—351.

¹⁸⁴ Храм Василия Блаженного — распространенное в московском обиходе наименование Покровского собора; расположен на южной стороне Красной площади перед Кремлем.

¹⁸⁵ *Вересаев (наст. фам. Смидович) Викентий Викентьевич* (1867—1945) — прозаик, литературовед, поэт-переводчик.

¹⁸⁶ *Рисапов Николай Кирилович* (Кириякович; 1878—1969) — литературовед, библиограф, профессор Саратовского (с 1917), Московского (с 1921), Ленинградского (с 1933) университетов, член-корреспондент Академии наук СССР (1931). Библиографию ученого см.: Николай Кириякович Рисапов. М., 1968.

¹⁸⁷ *Жирмунский Виктор Максимович* (1891—1971) — литературовед, языковед, историк русской и западноевропейской литературы, профессор Ленинградского университета (с 1919), академик Академии наук СССР (1966), член-корреспондент Германской Академии наук в Берлине (1956), Британской Академии наук (1962), Датской Академии наук (1967), Баварской Академии наук (1970). В Пушкинском Доме работал с 1 октября 1935 г. на должности старшего ученого специалиста с исполнением обязанностей заведующего Отделом западноевропейских литературы (Западный отдел). Во время эвакуации (1941—осень 1944) жил и работал в Ташкенте. С 1 декабря 1950 г. переведен в Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра.

¹⁸⁸ *Оксман Юлиан Григорьевич* (1895—1970) — историк русской литературы, пушкинист, археограф, коллекционер. В Пушкинский Дом был принят 1 ноября 1931 г., а 5 января 1932 г. был уволен (по собственному желанию); в 1933 г. вновь поступил в Пушкинский Дом и работал до ареста в 1936 г. Об аресте Оксмана, его творческом и жизненном пути см. подробнее в кн.: *Азадовский М. К., Оксман Ю. Г.* Переписка. 1944—1954 / Сост., вступ. статья, коммент. К. М. Азадовского. М., 1998.

¹⁸⁹ «Националь» — гостиница в Москве (Тверская ул., 1), памятник архитектуры; построена в 1903 г. архитектором А. И. Ивановым.

¹⁹⁰ *Гершензон Михаил Осипович* (1869—1925) — историк русской литературы, пушкинист, публицист, переводчик; автор книги: *Мудрость Пушкина*. М., 1919.

¹⁹¹ После анонса книги М. Гершензона в обзоре «Новинки „Пушкинианы“» Д. Лутохин заметил: «Страницы 5—6, содержащие, судя по оглавлению, статью „Скрижаль Пушкина“, вырезаны. Она, однако, полностью перепечатана в специальной рецензии П. Е. Щеголева во 2-е „Книги и революции“. Вряд ли удобно, тем не менее, разбирать статью, волею автора изъятую из обращения. Отметим только, что в ней Пушкину приписано произведение В. А. Жуковского, вошедшее даже в собрание его сочинений. Досадная ошибка, но на всякую старуху бывает проруха» (см.: *Лутохин Д.* Новинки «Пушкинианы» // *Вестник литературы*. 1920. № 10 (22). С. 5). М. Гершензон ошибся, приписав Пушкину текст рассуждения о прекрасном В. А. Жуковского с цитатой из восьмой строфы стихотворения «Лалла Рук». Ср.: *Жуковский В. А.* Собр. соч. / Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 2. С. 327; *Модзалевский Б. Л.* Из альбомной старины // *Русский библиофил*. 1916. № 6. С. 66—83. По мнению П. Е. Щеголева, имея под рукой пушкинский список, Гершензон должен был догадаться, что по стилю и по содержанию он напоминает Жуковского, сверить его с текстом собрания сочинений Жуковского и текстом альбома Е. Н. Мещерской и прийти к выводу, «что пушкинский текст почти полностью тождествен с текстом альбома, а от текста сочинений он отличается вариантами».

¹⁹² Статью Щеголева «Мудрость Пушкина» см. в кн.: *Щеголев П. Е.* Из жизни и творчества Пушкина. М.; Л., 1931. С. 369—374. (Впервые напечатана: Книга и революция. 1920. № 2. С. 57—60.) Трудно не согласиться с мнением Н. В. Измайлова о том, что Щеголев не должен был включать статью «Мудрость Пушкина» в сборник 1931 г. Особенно грубо звучит последняя фраза статьи: «На его (Гершензона. — Н. П.) опытах о мудрости Пушкина скрижаль ставит крест» и сноски: «Гершензон умер 20 февраля 1925 г.». Там же. С. 374.

¹⁹³ Об Онегинском музее см. в издании: «Тень Пушкина меня усыновила...». Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина. Каталог выставки. Санкт-Петербург; Болонья; Кембридж, 1997.

¹⁹⁴ Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина. Пб., 1922.

¹⁹⁵ См. об этом в преамбуле.

¹⁹⁶ *Богословский Михаил Михайлович* (1867—1929) — историк, академик Российской Академии (1921). Летом 1927 г. находился в Париже на конгрессе исторических наук.

¹⁹⁷ *Крылов Алексей Николаевич* (1863—1945) — выдающийся кораблестроитель, механик, математик, педагог, академик Петербургской Академии наук (1916). В 1921—1927 гг. находился за границей в составе комиссии для возобновления научных контактов и для решения задач по укреплению морского транспорта.

¹⁹⁸ *Фёрингер Анна Богдановна* (ум. 1934?) — физик. Окончила Высшие женские курсы. Работала в палате мер и весов, Главной геофизической обсерватории. В 1921 г. была командирована вместе с А. Н. Крыловым за границу. Помогала организовать закупку литературы, инструментов, установила научную связь с Международным бюро мер и весов в Париже. Умерла в Париже.

¹⁹⁹ *Беляев Иван Федорович* (1856—1926) — младший служащий, вахтер, служил при Академии наук с 1882 г. (ААН, ф. 4, оп. 4, № 712).

²⁰⁰ *Тихонов Андрей Андреевич* (1863—1929) — технический сотрудник, столяр-краснодеревщик. Работал в Пушкинском Доме с 1920 по 1929 г., занимался реставрацией музейной мебели (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1162).

²⁰¹ Упомянутый в авторском примечании *Гинзбург Илья Яковлевич* (1859—1939) — скульптор.

²⁰² *Рольстон (Ролстон, Ральстон) Вильям* (1828—1889) — английский переводчик русской литературы, автор статей о И. С. Тургеневе, Л. Н. Толстом.

²⁰³ Марокен — тисненый сафьян, применявшийся ранее для переплетов.

²⁰⁴ О происхождении А. Ф. Онегина см.: *Краснобородько Т. И.* Хранитель // «Тень Пушкина меня усыновила...» Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина. Каталог выставки. Санкт-Петербург; Болонья; Кембридж, 1997. С. 9—19.

²⁰⁵ Имеется в виду начало «академического дела».

²⁰⁶ Имеется в виду один из наиболее ценных фондов Рукописного отдела — собрание (ф. 93) Дашкова Павла Яковлевича (1849—1910), собирателя материалов по истории России.

²⁰⁷ *Струтинский Владимир Владимирович* — петербургский нотариус.

²⁰⁸ *Чебышева Наталья Александровна* (1905—1982) — дочь известного историка литературы А. А. Чебышева, вторая жена Н. В. Измайлова. По специальности библиотечкарь-переводчик, хорошо знала английский и французский языки. В Пушкинском Доме работала с октября 1925 г. по апрель 1931 г. научным сотрудником II разряда. Окончила в 1934 г. курсы технических переводчиков при Доме инженерно-технических работников. Работала библиотечкарем-переводчиком в сельскохозяйственном институте (г. Махачкала), заведовала Центральной библиотекой строительства Куйбышевского гидроузла НКВД СССР (Москва—Дмитров), исполняла обязанности ученого секретаря фундаментальной библиотеки при Ленинградском государственном университете. С 1939 г. по 1948 г. (с перерывами) заведовала научной библиотекой Института изучения мозга им. В. М. Бехтерева. Во время войны — лаборант института переливания крови, награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд во время Отечественной войны». С 1948 по 1951 г. служила в Библиотеке Академии наук заведующей кабинетом, а затем была переведена в Институт экспериментальной медицины Академии медицинских наук СССР им. И. П. Павлова, где и работала до пенсии. Автор статей о И. П. Павлове, библиографий работ о нем (ААН, ф. 158, оп. 7, № 1167). Печаталась в изданиях: «Ежегодник Института экспериментальной медицины», «Санитария и гигиена», «Физиологический журнал им. И. М. Сеченова».

²⁰⁹ *Покровская (по мужу Гитиус) Елена Борисовна* (1899—?) — историк литературы, библиограф. Родилась в Пскове в семье подпоручика. Окончила социаль-исторический факультет 1-го высшего Петроградского государственного педагогического института в 1921 г. Работала библиографом в Книжной палате (1919—1920), научным сотрудником II разряда Пушкинского Дома (1920—1931), ученым секретарем Русского музея (1930—1932), Редакционно-издательского совета (РИСО) Академии наук (1931—1934), Комитета учета и изучения научных сил СССР (КУИНС) Академии наук (1932). В 1927—1929 гг. была аспиранткой ИЛЯЭВ. В период «академического дела» была арестована 6 марта 1931 г., освобождена 19 марта того же года, с 22 марта приступила к работе. Область научных интересов Е. Б. Покровской — Ф. М. Достоевский и декабристы (ААН, ф. 18, оп. 14, № 29).

²¹⁰ *Мотовилова (у Измайлова ошибочно — Моровилова) Мария Николаевна* (1894—?) — архивист, научный сотрудник Пушкинского Дома. Родилась в Казани. В 1911 г. окончила с золотой медалью Женскую частную гимназию и поступила в Женский педагогический институт на историко-филологическое отделение. В 1916 г. окончила его с дипломом 2-й степени. В 1916—1917 гг. была на Бестужевских курсах. С августа 1918 г. по сентябрь 1920 г. работала учительницей в Плехинской школе II ступени Жиздринского уезда Брянской губернии. В 1920—1921 гг. — студентка Петроградского университета, в это же время — регистратор в Российской академии материальной культуры (1920), ученый архивист в Комиссии по исследованию истории евреев в России (1921). В 1924 г. зачислена в научные сотрудники II разряда. Состояла аспиранткой ИЛЯЗВ (1925—1927). С 1 декабря 1931 г. уволилась из Пушкинского Дома и перешла на работу секретаря Комвуза (Дом коммунистического воспитания молодежи) Московского района (ААН, ф. 4, оп. 4, № 1647).

²¹¹ *Вержицкий Глеб Дмитриевич* (1904—1942) — историк литературы, писатель. Родился в Кронштадте. Окончил в октябре 1924 г. факультет общественных наук этнолого-лингвистического отделения Ленинградского государственного университета. С 1925 г. состоял в штате Пушкинского Дома на должности технического сотрудника, совмещал эту работу с преподавательской в Кронштадтской школе повышенного типа РККФ и в Нормальной школе военных сообщений им. Фрунзе. Такое совмещение трех должностей вскоре стало «физически невозможным», и с ноября 1928 г. Вержицкий вынужден был уволиться из Пушкинского Дома (ААН, ф. 4, оп. 4, № 4935; № 879). Умер от истощения на почве голода в Ленинграде 11 февраля 1942 г. (сведения о смерти даны на основании библиографической карточки Л. Б. Модзалевского).

²¹² *Зиссерман (у Измайлова ошибочно — Зимерман) Петр Иванович* (1888—1931) — статистик, пушкинист. Учился на экономическом отделении Петербургского политехнического института (не окончил). Служил статистиком в Енисейском Губземотделе (1920), участвовал во Всероссийской переписи Красной армии и Флота по Восточно-Сибирскому военному округу (1920), работал в статотделе штаба 5-й армии и Восточно-Сибирского округа (1920), а также в Череповецком Губстатбюро (1921—1922), являлся районным руководителем Всероссийской городской переписи в Череповце (1923). В 1923—1924 гг. — статистик Северо-Западного Областземотдела, Петроградского Губземотдела, Северо-Западной областной конторы Промбанка. В эти же годы бывал на лечении в Петрограде и эпизодически работал в Пушкинском Доме. В штате Пушкинского Дома служил с октября 1926 г. по июль 1930 г. научным сотрудником II разряда. 18 июля 1930 г. после обыска в своей квартире был арестован. 19 сентября уволен из Пушкинского Дома (ААН, ф. 4, оп. 4, № 5155). Расстрелян в 1931 г.

²¹³ *Краевский Андрей Александрович* (1810—1889) — издатель, журналист.

²¹⁴ Описание Измайловым расположения рабочих комнат и кабинетов Рукописного отдела стало историческим. Летом 2000 г. Рукописный отдел Пушкинского Дома перевез свои фонды в новое помещение, пристроенное к главному зданию (наб. Макарова, 4).

²¹⁵ Далее следует зачеркнутый текст: «об этом я говорил выше».

²¹⁶ Среди членов-учредителей упоминаемого в авторском примечании Общества друзей Пушкинского заповедника «Пушкинский уголок», организованного в 1926 г., были Измайлов, Беляев, Коплан, Платонов, П. М. Устимович и др., председателем являлся А. Карпинский, а Модзалевский был одним из его заместителей. Общество устраивало пушкинские вечера, вело просветительскую, выставочную и издательскую работу, оказывало заповеднику материальную помощь.

²¹⁷ Траурные объявления от имени родственников покойного, от Академии наук и Пушкинского Дома, а также от Правления Общества друзей Пушкинского заповедника были помещены в вечернем выпуске «Красной газеты» (1928. 4 апр., № 93. С. 1), а на следующий день появилось сообщение о похоронах Б. Л. Модзалевского (Красная газета. 1928. 5 апр., № 94. С. 3).

²¹⁸ В этом месте пропуск в тексте, номер линии Васильевского острова в ломаных скобках указан нами.

²¹⁹ Отпевание происходило в церкви Киевского подворья (угол набережной Лейтенанта Шмидта и 15 линии Васильевского острова).

²²⁰ В одном из вариантов воспоминаний (сохранившимся в ф. 714 Измайлова) после опубликованного нами текста есть указание на время и место написания их:

«Ленинград, 1968—1970». А ниже есть приписка (допечатка), сделанная в июле 1980 г.:

«На этом печальном событии — неожиданной кончине 3 апреля 1928 г. Бориса Львовича Модзалевского — я позволю себе закончить свои воспоминания о Пушкинском Доме. Но мне хочется сказать еще несколько слов, относящихся к позднейшей эпохе, точнее — к нашей современности.

За эти годы нам пришлось пережить Великую Отечественную войну, закончившуюся нашей победой 9 мая 1945 года. После ее окончания Пушкинский Дом вновь развернулся и стал крупнейшим и своеобразнейшим учреждением среди литературоведческих институтов Советского Союза. В нем я вновь занял место заведующего Рукописным отделом, вернувшись из Чкалова (Оренбурга), где в годы войны и несколько позже я преподавал русскую литературу в Пединституте.

Шесть лет назад я ушел на отдых, но и сейчас по мере сил стараюсь быть полезным и консультирую молодых сотрудников Института и всех тех, кто обращается ко мне за советом.

На этих днях Пушкинский Дом в связи с предстоящим юбилеем и большими научными заслугами награжден Орденом Трудового Красного знамени.

Мне, описавшему в этой статье все трудности, которые пришлось преодолевать в первые годы создания Института, хочется пожелать Пушкинскому Дому дальнейших научных успехов во имя процветания нашей Советской филологической науки.

Ленинград, 1980, июль».

II

Последнее письмо из блокадного Ленинграда Н. С. Измайловой к Н. В. Измайлову

21/III 42.

Дорогой мой, любимый Коля! Это письмо я собиралась писать тебе очень долгое время, — и все не хватало сил. Мы пережили за эти месяцы очень многое, и понесли много потерь. Ты просишь написать тебе обо всем, ты готов ко всему. Мы с Таней¹ живы, но Наты² нет; она умерла при неясных для меня обстоятельствах, о которых я подробно тебе напишу далее. Нет в живых и Маруси,³ и Нины Сергеевны⁴ — всех их мы утратили в январе, который оказался для нас страшным месяцем.

Обстоятельства сложились так: в середине декабря (10/XII) Таня захворала очень сильно гриппом, с t до 40; коммун<альный> врач опасался плеввропневмонии, и через несколько дней после того, как она заболела, высказался за помещение ее в больницу, т<ак> к<ак> дома было холодно, и она лежала в обществе Маруси, которая фактически не могла за ней ухаживать, а я целыми днями была на работе. Удалось выхлопотать для нее место в больнице им. Эрисмана; несколько дней не могли достать сан<итарного> транспорта для доставки ее в больницу; героически помогла Ната, которая пошла на ул. Пролеткульта и через Горздрав получила соответствующий наряд. 15/XII Таня была принята в больницу, в отделение Марии Самойловны,⁵ и я успокоилась, хотя в палате было холодно. Заботы о ней, большая работа, заботы о Марусе, хождение пешком, т<ак> к<ак> трамваи не ходили, и маловатое питание (надо было питать и Марусю, у которой была карточка иждивенца) — все это, вероятно, утомило меня. 18/XII на работе⁶ (к счас-

тью, не на улице) мне стало дурно — приступ сердечной слабости — и я слегла на 2 1/2 месяца в той же палате, что и Таня, с диагнозом «алиментарная дистрофия»; это спасло меня, т<ак> к<ак> хотя больничное питание и не велико, но оно было регулярно, сил я не затрачивала; первые недели лежала с t 34 с десятыми, не читала, а лежала без движения, много спала. Во мне приняли большое участие и врачи моего отделения, в кот<ором> я работала последнее время, и Екат<ерина> Серг<еевна>,⁷ работавшая в соседнем отделении, и Мария Самойловна. Ната навещала нас раза 3, но т<ак> к<ак> у нее стали отекать ноги и лицо, и приходы к нам (пешком с Вас<ильевского> острова, где она устроилась с Марусей, т<ак> к<ак> у нее в комнате было - 6°) ее, как я видела, утомляли, я просила ее не приходите к нам часто: надо было беречь силы. Последний раз она была у нас в палате 12/1, после этого я ее не видела. О дальнейшем мы узнавали только из посещений Екат<ерины> Серг<еевны>, дружбу которой только в это время могла вполне оценить. Кроме нее, никто нас более не навещал — я подразумеваю родных. 12/1 утром она пришла сообщить мне, что накануне скончалась Нина: она умерла в квартире на Кировском пр.; за несколько дней до этого она начала работать в госпитале (она окончила курсы мед<ицинских> сестер) получила прод<овольственную> карточку I категории, и есть предположение, что после скудного питания неосторожно много поела; получилась непроходимость кишечника, и Екат<ерина> Серг<еевна>, позванная на помощь 11/1 днем, несмотря на все принятые меры, не могла уже ее спасти. Эта смерть первой из нас шестерых⁸ и происшедшая от случайной причины взволновала меня очень; но я лежала, и даже не могла проститься с умершей. Далее, 25/1 узнали мы от Екат<ерины> С<ергеевны> следующее: 19/1 Маруся была доставлена на санках на Кировский пр., т<ак> к<ак> Ната чувствовала себя плоховато и решила лечь на время в стационар при ГПБ.⁹ Маруся была встречена детьми, т<ак> к<ак> Миша¹⁰ и Мар<ия> Мих<айловна>¹¹ ночевали в тот день в Техн<ологическом> ин<ституте>те и пришли домой только на след<ующий> день; они застали Марусю слабой, но в ясном сознании, и Миша, как он мне написал потом, хорошо с ней поговорил, но потом она впала в бессознат<ельное> состояние, и в ночь на 22/1 скончалась, по-видимому, от общей слабости. Как она и Ната жили без нас, не знаю как следует; но до моей болезни Маруся не только не жаловалась на здоровье, но у нее замечалось даже некоторое улучшение, так напр<имер>, она сама мыла и убирала чайную посуду по утрам, обслуживала себя, когда оставалась одна надолго, была бодр.¹² Ее смерть, как ты можешь себе представить, меня поразила. Но дальнейшее было самое тяжелое: в первых числах февраля от Екат<ерины> С<ергеевны> я узнала, что из ГПБ запросили о Нате, т<ак> к<ак> она там не показывалась, а все считали, что она лежит там в стационаре для ослабевших сотрудников. Последнее время жизни с Марусей она слабела, у нее замечалась неполная ясность сознания временами; когда выяснилось, что ее в ГПБ нет, Ал<ександр>Ник<олаевич> Скарл<ато>¹³ пошел в нашу квартиру на В<асильевский> О<стров> — дверь оказалась незапертой, но

припертой плотно; войдя, он увидел в передней на полу Нату одетой в шубку, шапочку и пр., лежащей мертвой. Сколько времени она там пролежала (там мороз), когда скончалась, — не ясно. Ал<ександр> Ник<олаевич> сам заходил ко мне в больницу потом рассказать все; он сказал, что выражение ее лица очень спокойное, одета она тщательно. Хоронили ее без меня, обо всем остальном расскажу при свидании. Никаких признаков насильственной смерти не обнаружено. Акт о смерти был составлен и подписан квартальным, домоуправом и Ал<ександром> Ник<олаевичем>. Этот акт дал право хоронить ее. Что с ее имуществом — не знаю, т<ак> к<ак> до конца февраля мы с Таней лежали в больнице, и я так слаба (особенно ноги), что ходить могу только на небольшие расстояния. Слышала, что Миша с семьей собирались эвакуироваться, но это отложено, т<ак> к<ак> он сейчас отдыхает там, где была Маруся и др<ругие> в 1930 г.¹⁴ У меня пока нет сил побывать в комнате Наты. Из больницы мы с Таней выписались 27/II, т<ак> к<ак> там не работал водопровод, канализация, не было света и пр. Танюся была много бодрее меня, и на саночках с помощью Гали¹⁵ перевезла меня домой. Но в начале марта она простудилась и перенесла дома, почти без мед<ицинской> помощи плеввропневмонию, кот<орая> очень ее ослабила. Теперь мы с ней остались вдвоем, очень это чувствуем. Дома застали буквально с десятком твоих писем. Спасибо за них. Твое настроение совпадает с нашим: мы так настрадались, что у нас обеих одно желание — уехать отсюда и жить с тобой, как бы ни сложились обстоятельства бытовые. Эвакуация Универ<ситета> устроилась,¹⁶ когда мы были в больнице — да мы и не могли бы ехать теперь, т<ак> к<ак> очень слабы, а путь труден. Обещает помочь нам с отправкой Дм<итрий> Ник<олаевич>,¹⁷ кот<орый> на днях отправляет свою семью.

Дорогой мой, я знаю, что потеря Наты для тебя огромное горе. Пишу кратко, но от этого чувствую не меньше. Думаю о тебе, поверь. Я сама не могла поверить и понять слова Екат<ерины> С<ергеевны> о Нате. Очень, очень тяжело. Нет слов сказать, что мы пережили. Таню не узнать, она разучилась улыбаться.

Мое решение — соединиться с тобой во что бы то ни стало, и остаток моей жизни провести с тобой. Таня тоже ни о чем в Л<енингра>де жалеть не будет. Но я теперь — старая женщина, ты без преувеличения не узнаешь меня. Целую тебя. Прости за долгое молчание — не было сил писать. Танюся напишет тебе на днях.

Дорогой мой, так тяжело сообщать тебе о Нате; я до сих пор все не могу привыкнуть к мысли о ней и о сестрах. Теперь мы совсем одни, т<ак> к<ак> и Вера с Татой¹⁸ уезжают в Куйбышев. Вере нужно оперироваться, как мне в прошл<ом> году.¹⁹ Целую тебя и обнимаю.

Н. И.

¹ Измайлова Татьяна Николаевна (р. 1924 г.) — дочь Н. С. и Н. В. Измайловых. По профессии врач-дерматолог; окончила в 1952 г. лечебный факультет Чка-

ловского государственного медицинского института и некоторое время работала в Свердловской области. Затем вернулась на ленинградскую землю и около 27 лет работала в Лодейнопольской районной поликлинике. В настоящее время пенсионерка, живет в г. Лодейное Поле. См. о ней в статьях: *Викторова Т.* По велению сердца // Ленинская правда. 1982. 9 дек., № 147. С. 4; *Голубцова С.* «Я не давала клятву. Я просто честно работала» // Лодейное Поле. 1999. 5—11 мая, № 18. С. 5.

² *Измайлова Наталья Васильевна* (1890—1942) — родная сестра Н. В. Измайлова; в анкете выездного дела, хранящегося в ф. 714 (фонд не обработан), Николай Васильевич Измайлов указывает дату смерти сестры — декабрь 1941 г., но, судя по публикуемому письму, Наталья Васильевна 12 января 1942 г. была еще жива.

³ *Платонова Мария Сергеевна* (1897—1942) — младшая сестра Н. С. Измайловой, филолог, архивист. Окончила Высшие женские курсы по этнолого-лингвистическому отделению (1922). С 1923 по 1930 г. служила в Публичной библиотеке. Подробнее о ней см.: *Эльзон М. Д.* Платонова Мария Сергеевна // Сотрудники Российской Национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2. С. 499—500.

⁴ *Платонова Нина Сергеевна* (1886—1942) — старшая сестра Н. С. Измайловой.

⁵ *Мария Самойловна* — врач больницы им. Эрисмана.

⁶ С 28 сентября 1941 г. Наталья Сергеевна работала медицинской сестрой в больнице им. Эрисмана, сначала палатной сестрой, а затем в перевязочной хирургическо-урологического отделения.

⁷ *Екатерина Сергеевна Скарлато* — врач, близкий друг семьи Измайловых.

⁸ У Натальи Сергеевны было четыре сестры Нина, Вера, Надежда, Мария, и брат Михаил.

⁹ Наталья Васильевна работала в Государственной публичной библиотеке.

¹⁰ *Платонов Михаил Сергеевич* (1899—1942 или 1943) — родной брат Натальи Сергеевны, химик-органик, преподаватель Технологического и Военно-механического институтов.

¹¹ *Платонова Мария Михайловна* — жена М. С. Платонова.

¹² Долгие годы Мария Сергеевна страдала ревматизмом суставов.

¹³ *Скарлато Александр Николаевич* — муж Е. С. Скарлато, моряк, близкий друг семьи Измайловых.

¹⁴ В завуалированной форме Наталья Сергеевна сообщает мужу о том, что Михаил Сергеевич арестован (впоследствии расстрелян), упоминая при этом Марию Сергеевну, которая была арестована по «академическому делу» в феврале 1930 г. и затем вместе с сестрой Ниной и отцом отбывала ссылку в Самаре.

¹⁵ *Гая Волошинова* — школьная подруга Т. Н. Измайловой.

¹⁶ Наталья Сергеевна, вероятно, отвечает на вопрос Николая Васильевича об эвакуации Ленинградского государственного университета, в котором Т. Н. Измайлова начинала учиться в 1941 г. на филологическом факультете.

¹⁷ *Федоров Дмитрий Николаевич* — хирург, директор Института скорой помощи, хороший знакомый семьи Измайловых.

¹⁸ Имеется в виду Вера Сергеевна Шамонина (урожд. Платонова; 1888—1944) и ее дочь Наталья (Тата). С дочерью Натальей и внучкой Татьяной Вера Сергеевна эвакуировалась в Куйбышев, где вскоре умерла. (Сообщено Т. Н. Измайловой.)

¹⁹ В 1941 г. Наталья Сергеевна перенесла операцию по удалению опухоли молочной железы.

НОВОНАЙДЕННЫЙ ПЕРЕВОД Н. С. ГУМИЛЕВА

Публикация М. Д. Эльзона

О существовании текста стало известно сравнительно недавно. В трехтомнике Н. А. Богомолова он фигурирует дважды: в исчерпывающей «Хронике» Е. Е. Степанова содержится указание на то, что согласно отчету Секции исторических картин при Театральном отделе (ТЕО) Наркомпроса за период с 26 августа 1919 г. по 1 марта 1920 г. Н. С. Гумилевым «закончена 2-актная пьеса „Фальстаф“ по историческим хроникам Шекспира»;¹ в преамбуле Р. Л. Щербакова к примечаниям к пьесам и рассказам с явным сожалением объявлено, что в том не вошла «оставленная по историческим хроникам В. Шекспира двухактная пьеса „Фальстаф“, текст которой не удалось получить в Архиве М. Горького», но она «будет опубликована в ближайшее время».² По любезному сообщению сотрудницы Архива Е. Р. Матвеева, рукопись «Фальстафа» представляет собой автограф Н. С. Гумилева и находится в фонде владельца издательства «Всемирная литература» А. Н. Тихонова. По экономическим причинам объявленная публикация в конце XX века не состоялась.

При работе с фондом Государственного института истории искусств (РО ИРЛИ, ф. 172; не обработан) Татьяна Алексеевна Кукушкина, сотрудник Пушкинского Дома, обнаружила папку с переплетенной машинописью, на первом листе которой значилось: «Н. Г. Фальстаф. Пьеса в двух актах (по Шекспиру)». Лист использования с записью «фонд ГИИС, Шифр ф. 172, № 648» содержит автограф *единственного* читателя: «27/VII—70 г. В. Каверин».

Каждый лист машинописи снабжен овальным штемпелем на обороте: «Г. И. И. Кабинет современной литературы». В конце (л. 38 об.) записи карандашом: «От Е. И. Замятина» и чернилами: «В данной машиночной записи тридцать восемь (38) листов. Заведующий литературным архивом К. Шимкевич». По любезному сообщению Т. А. Кукушкиной, фонд 172 содержит также Инвентарную книгу библиотеки Кабинета современной литературы, где под 28 ноября 1928 г. зафиксирован факт приобретения: «Гумилев Н. „Фальстаф“. [М<ашиночная> З<апись>]. От Е. И. Замятина. З <руб.>». Поскольку рукописи, как и книги, имеют свою судьбу, нет ничего странного в том, что в собрании Е. И. Замятина, близко знавшего Н. С. Гумилева и по «Всемирке», и по Секции ТЕО Наркомпроса, оказался «самиздатный» «Фальстаф», к тому же без указания автора (в гумилевских автографах подпись «Н. Г.» встречается достаточно часто). Примечательно, что в том же 1928 г. Е. И. Замятин окончил свою историческую трагедию «Аттила» и расстался с гумилевским «Фальстафом», вероятно, предвидя

отъезд через три года. То, что он не подарил рукопись, а продал ее, было связано с материальными затруднениями создателя «Мы» в это время.

В литературном наследии Н. С. Гумилева произведения Шекспира занимают существенное место. Он перевел два сонета, использовал шекспировские образы в своих стихотворениях («Сон», «Когда вступила в спальню Дездемона...», «Она не однажды всплывала...»), особенно «Театр», построенный на афоризме «Мир — театр, и люди в нем — актеры»).

Только незнанием публикуемого текста можно объяснить рождение мифа об авторстве. В действительности «Фальстаф» Н. С. Гумилева — не пьеса по мотивам (подобно явному предшественнику — знаменитому либретто А. Бойто к опере Д. Верди), а крайне сжатый *вольный перевод* обеих частей «Генриха IV» с явной опорой на соавторскую работу З. А. Венгеровой и Н. Минского для второго тома Сочинений под редакцией С. А. Венгерова,³ о чем свидетельствует заглавный список действующих лиц (ср. с переводом Б. Л. Пастернака).⁴

Сопоставительный анализ новонайденного перевода Н. С. Гумилева с другими переводами шекспировской пьесы в задачи публикатора не входил. При публикации по возможности устранены дефекты машинописного текста; уточнены орфография и пунктуация.

¹ Гумилев Н. С. Сочинения. В 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 415.

² То же. Т. 2. С. 395.

³ Шекспир У. Сочинения. СПб., 1902. Т. 2. С. 130—247.

⁴ Шекспир У. Генрих IV: Ист. хроника в 2 ч. / Пер. Б. Пастернака. М.; Л.: Детгиз, 1948.

Фальстаф. Пьеса в двух актах (по Шекспиру)

Действующие лица

Король Генрих IV

Гарри, принц Уэльский

Джон, принц Ланкастерский

} Его сыновья

Сэр Вальтер Блент

Гарри Перси

Лорд Ворчестер

Овен Глендовер

Дуглас

Сэр Ричард Вернон

Мортимер, граф Морг

} Заговорщики

Лэди Перси, жена Перси, сестра Мортимера

Лэди Мортимер, жена Мортимера, дочь Глендовера

Сэр Джон Фальстаф

Пойнс

Пето¹

Гедегиль

Миссис Квикли, хозяйка таверны

¹ В тексте пьесы встречается написание: Пэто.

Долли Тиршит, ее подруга
Трактирный слуга
Гонец
1 извозчик
2 извозчик
Шериф
Свита и воины

Время действия: начало XV века.

Место действия: Англия.

Декорация первого акта: таверна в предместьи Лондона.

Декорация второго акта: равнина в Шрюсберри.

Между актами проходит несколько недель.

ДЕЙСТВИЕ I

Входят Гарри и Фальстаф.

ФАЛЬСТАФ Который теперь час, Галь?

ГАРРИ Видно, у тебя мозги хересом заплыли, раз ты спрашиваешь совсем не то, что хочешь знать на самом деле. Вот будь часы бутылками, минуты каплунами, маятники языками сводень, а само солнце красивой потаскушкой в огненно-красном шелку, а то так — на что тебе время.

ФАЛЬСТАФ Верно, Галь, верно ты говоришь. Мы, обиратели кошельков, живем не по солнцу, а по луне и семизвездию. И потому, голубчик, когда ты будешь королем, скажи, чтобы нас, рыцарей ночи, звали не дневными грабителями, а кавалерами мрака, любимцами луны. К тому же, как нас назвать бесчестными, если самые могущественные сеньоры не гнушаются подражать нам? Говорят, что твой тезка, Гарри Готспур, одержал победу над этим бешеным шотландцем Дугласом и отказывается отдать королю пленных.

ГАРРИ Говорят.

ФАЛЬСТАФ Слышно также, что наш милостивый господин, а твой немилостивый отец, король, не хочет выкупить благородного Мортимера у дикого уэльсца Глендовера, который захватил его после того, как они двадцать четыре часа бились лицом к лицу и выломали леса на много, много фунтов стерлингов. Вот дело, каким не побрезговал бы и я.

ГАРРИ Боем или фунтами?

ФАЛЬСТАФ Перестань шутить. Ты ведь знаешь, что я смел, как лев. Однако Готспур — шурин Мортимера, и не пить мне больше ничего, кроме чистой воды, если он не привяжется к королю.

- ГАРРИ Какой стыд! Видно, что публичные дома — единственные, где тебя еще принимают, и единственный джентльмен, с которым ты беседуешь — твой собственный лакей, если твои новости так же старые, как твое брюхо. Мортимер уже не пленник Глендовера, а лучший друг и муж его дочери, а Готспур ведет с ними переговоры и две недели не может собраться послать гонца королю.
- ФАЛЬСТАФ Готспур ведет переговоры с Глендовером? С тем самым, который отколотил дьявола, наставил рога Люциферу, заставил черта присягнуть ему на кресте алебарды?
- ГАРРИ Ну, да. И Дуглас с ними.
- ФАЛЬСТАФ Тот, который въезжает верхом на отвесную гору и на скаку стреляет из пистолета в воробья?
- ГАРРИ Ты попал в самую точку.
- ФАЛЬСТАФ Лучше, надеюсь, чем он в воробья. Значит теперь можно покупать землю дешевле тухлой макрели, а девственниц — сотнями, как гвозди для подков. Черт возьми, недаром я сегодня печален, как старый кот или медведь на цепи.
- ГАРРИ Или как заяц, или сточная канава.
- ФАЛЬСТАФ Ты любишь самые неприятные сравнения. Право, ты самый несравненный, самый негодный и самый милый принц на свете. Меня недавно на улице один старый член Совета бранил за вас, сэр. Но я не слушал его, а он говорил очень умно и притом на улице.
- ГАРРИ Так всегда и бывает. Ведь сказано, что мудрость кричит на площадях и никто ей не внимлет.
- ФАЛЬСТАФ Какая у тебя нечестивая страсть к текстам! Ты прямо-таки загубил мою душу, да простит тебе Бог. До нашего знакомства я был невинен, а теперь, сказать по правде, немногим лучше самого злейшего нечестивца. Мне необходимо исправиться, и я исправлюсь, клянусь честью. Я не хочу погубить душу ни из-за какого королевского сына в целом мире.
- ГАРРИ Где бы нам завтра стащить кошелек с деньгами, Джэк?
- ФАЛЬСТАФ Как хочешь, Галь, и наплюй мне в глаза, если я не буду заодно с тобой.
- ГАРРИ Вот так покаянье — от молитв к грабежу.
- (Входит Пойнс).
- ГАРРИ Здравствуй, Нэд.
- ПОЙНС Здравствуй, милый Галь. Что подельывает сеньер Раскаянье? Как поживает сэр Джон Сладкий Херес?

Слушайте, братцы мои: сейчас из этой гостиницы выезжают в Кентербери богомольцы с богатыми дарами. Я приготовил для вас всех маски, лошади у вас есть. Вся затея так же безопасна, как сон после обеда. Отправитесь со мною, я набью вам кошельки золотом. Нет — оставайтесь дома и желаю вам быть повешенными.

ФАЛЬСТАФ Галь, ты с нами?

ГАРРИ Чтоб я стал грабителем? Ни за что, клянусь честью.

ФАЛЬСТАФ Где же твоя честность, мужество, чувство дружбы? Есть ли в тебе королевская кровь, если ты не смеешь добыть десяти миллионов королевского чекана? Если так, то я сделаюсь государственным изменником, когда ты вступишь на престол.

ГАРРИ Как хочешь.

ПОЙНС Сэр Джон, прошу тебя, оставь меня наедине с принцем. Я ему приведу такие доводы, что он согласится быть с нами.

ФАЛЬСТАФ Да ниспошлет тебе Господь дар убеждения и пусть Галь поймет, что истинный принц может стать для забавы поддельным вором. В наше печальное время нужно чем-нибудь поднять дух. Прощайте, вы найдете меня рядом, у Долли Тиршит.

(Уходит).

ПОЙНС Послушай, милый, дорогой Галь, поезжай с нами. Я придумал шутку, а один не могу ее выполнить. Фальстаф, Бардольф, Пето и Гедегиль ограбят богомольцев; нас с тобой при этом не будет. А когда они захватят добычу, голову даю на отсечение, мы отнимем ее у них.

ГАРРИ Как же мы отделимся от них?

ПОЙНС Мы выедем раньше или позже и не явимся на место встречи; они решат напасть без нас и как только покончат с делом — мы бросимся на них. Маски мы переменим, и я нарочно заготовил клеенчатые плащи, под которыми нас не узнают.

ГАРРИ Да, но я боюсь, что нам их не одолеть.

ПОЙНС Трое из них настоящие трусы и сейчас же покажут нам спину; четвертый тоже не будет противиться дольше, чем следует. Вся потеха будет заключаться в невообразимом вранье этого жирного плута, когда мы встретимся за ужином.

ГАРРИ Хорошо, я согласен, готовь, что нужно.

ПОЙНС До свидания, принц.

(Уходит).

ГАРРИ

Я всех вас знаю, но хочу пока
потворствовать и лени и распутству;
и в этом подражать я стану солнцу,
которое порою позволяет скрывать от мира зара-
женным Вам
свою сияющую красоту, чтоб после, сделавшись
самим собою

и разогнав удушливый туман,
тем больше вызвать в людях восхищенье.
Будь целый год из праздников составлен,
Забавы были бы скучны, как труд,
Но праздники тем и милы, что редки,
Случайное нам радостней всего.
Так, отрешившись от беспутной жизни
И уплатив, чего не обещал,
Тем выше буду в жизни я поставлен,
Чем больше ожиданий обману,
Как блестящий металл из грязной почвы,
Мою вину затмит перерожденье.

(В дверях показываются извозчики. Гарри удаляется.)

1 ИЗВОЗЧИК Ого. Пусть меня повесят, если уже не четыре часа.
Медведица стоит над новой трубой, а лошадь еще
не навьючена.

2 ИЗВОЗЧИК Бобы и горох здесь совсем подмоченные, черт бы
их побрал; того и гляди, у бедной скотины черви
заведутся: все в этом трактире пошло вверх дном со
смерти конюха Робина.

1 ИЗВОЗЧИК Бедняга. Он загрустил с тех пор, как вздорожал
овес. Это свело его в могилу.

2 ИЗВОЗЧИК Ни в одном трактире на всей лондонской дороге нет
такого количества блох. Я от них в пятнах, что
твой линь.

(Входит Гэдегиль).

ГЭДЕГИЛЬ Здравствуйте, братцы. Который час?

1 ИЗВОЗЧИК Кажется, два часа.

ГЭДЕГИЛЬ К какому часу вы думаете попасть в Исгил?

2 ИЗВОЗЧИК Достаточно рано, чтобы лечь спать при свече, руча-
юсь тебе. Идем, сосед, пора будить господ. Они
хотят ехать в компании, у них много поклажи.

(Извозчики уходят.)

ГЭДЕГИЛЬ Эй, кто там! Человек!

СЛУГА Я тут как тут, — сказал вор.

(за сценой)

ГЭДЕГИЛЬ Или сказал трактирный слуга — это то же самое.

(Входит слуга.)

- СЛУГА С добрым утром, мистер Гэдегиль. Все, что я вам рассказывал вчера, подтверждается. Один из богомольцев — богатый помещик: он везет триста марок золотом. Я сам слышал, как он за ужином говорил об этом с попутчиком. А тот что-то вроде сборщика податей — у него тоже много поклажи. Они уже позавтракали и сейчас двинутся в путь.
- ГЭДЕГИЛЬ Не миновать им встречи с нами, даю тебе голову на отсечение.
- СЛУГА Не надо мне твоей головы, побереги ее для палача.
- ГЭДЕГИЛЬ Какой там палач, грабим с полной безопасностью, как за каменной стеной. При нас такое зелье — папоротниковый цвет и мы ходим невидимками.
(Уходит).
- СЛУГА Верно, нынче грабят не какие-нибудь проходимцы, а люди знатные и степенные, бургомистры и богачи; люди, которые умеют постоять за себя, больше дерутся, чем говорят, больше говорят, чем пьют, больше пьют, чем молятся. Нет, вру: они постоянно молятся своей святой заступнице — чужой мощне, или, вернее, заставляют ее самое возмолиться, обирая ее; они помыкают ею, топчут ее, как старые сапоги.
(Входят миссис Квикли и Долли Тиршит).
- КВИКЛИ Скорей стакан капарского для миссис Тиршит. Вы так взволнованы, душечка, как бы вам не стало дурно.
(Тиршит пьет вино).
- ТИРШИТ Чорт бы побрал этого старого бездельника. Все время, что он сидел у меня, он теребил вертел, который он называет своей шпагой, и говорил о каком-то деле. А потом ушел с этими отпетыми мерзавцами, Бардольфом и Пето, и я боюсь, что когда его потащут на виселицу, то вспомнят и обо мне.
- КВИКЛИ Как, неужели сэру Джону, прекрасному сэру Джону грозит опасность? Я не переживу этого. Ведь я заложила для него мои занавеси и он обещал жениться на мне.
- ТИРШИТ В таком случае молитесь, чтобы его до тех пор повесили — вам от него мало будет корысти. Под ним подломится каждая постель.
- КВИКЛИ Ах, милая, постарайтесь, чтобы он выполнил свое обещание. Ведь он рыцарь и я буду лэди.
- ТИРШИТ Разве что так. Во всяком случае, его род древний, даже если он начинается им самим.

- КВИКЛИ Я слышу голоса. Это наш принц. Уйдем отсюда, чтобы ему было удобнее. Не всякой трактирщице приходится принимать наследного принца.
- ТИРШИТ¹ Ну, этого, кажется, видали многие.
(Уходят. Гарри и Пойнс входят).
- ГАРРИ Как быстро все кончилось. Теперь воришки так перетрусилы, что не смеют повстречаться, подозревая друг в друге стражника. А сэр Фальстаф бежит, потеет и марает на бегу дорогу. Он был бы жалок, не будь так смешон.
- ПОЙНС И как громко ревел негодяй, а убежал, не нанеся ни одного удара. Правда, другие убежали еще раньше.
- ГАРРИ А как они налетели на богомольцев! *(Передразнивая Фальстафа)* «Бейте, валите их: перережьте бездельникам горло! Они ненавидят нас, молодежь!»
- ПОЙНС Да, да, он именно так и сказал.
- ГАРРИ «Повесить бы вас, толстопузых негодяев! Шевелитесь, окорока, шевелитесь! И нам, молодым людям, жить надо!»
- ПОЙНС Фу, это было так глупо, что даже удивительно, как те позволили себя связать.
- ГАРРИ А тут мы и выскочили. Деньги у тебя?
- ПОЙНС Вот.
- ГАРРИ Спрячь. Мы их не сразу покажем. Да, тут есть о чем толковать целую неделю, хохотать целый месяц, запомнить, как отличную шутку, на всю жизнь.
(Входит слуга).
- СЛУГА Милорд, старый сэр Джон с другими господами стоят у ворот. Прикажете их впустить?
- ГАРРИ Уже! Пусть они немного подождут, а потом впусти.
(Слуга уходит).
- Ну что, будет потеха.
- ПОЙНС Еще бы. Нам будет весело, как сверчкам.
- ГАРРИ Я теперь готов на все шалости, которые когда-либо проделывались со времен старого Адама до этой юной полночи, а все еще не в таком настроении, как Перси Готспур; он убивает перед завтраком каких-нибудь шестьдесят, семьдесят шотландцев, моет руки и говорит жене: «Надоела мне эта спокойная жизнь, мне нужна работа». — «Милый

¹ В рукописи указание на лицо, которому принадлежит данная реплика, отсутствует; внесено публикатором.

Гарри, — спрашивает она, — сколько человек ты убил сегодня?» — «Напоите моего чалого, — кричит он и отвечает через час, — три, четыре дюжины, пустяки». Вот она, добрая старая Англия. Позови же, однако, Фальстафа, позови этот окорок, этот комок сала.

(Входят Фальстаф, Гэдегиль, Бардольф и Пето).

ФАЛЬСТАФ *(делая вид, что не замечает присутствующих).* Чума на всех трусов, говорю я, чума и проклятье. Эй, милый, стакан хереса! Я лучше буду вязать чулки и чинить пятки, чем дальше вести такую жизнь. Чума на всех трусов! Дай же мне стакан хереса, бездельник! Неужели на земле нет больше добродетели! *(Пьет).*

ПОЙНС Здравствуй, Джек. Где ты был?

ФАЛЬСТАФ Ах, ты мерзавец! В херес подмешана известь! Да чего и ждать от мошенников? Но трус еще хуже, чем херес с известью. Ступай своей дорогой, старый Джек, умри, как хочешь. Мужество, истинное мужество исчезло с лица земли.

ГАРРИ Что ты там ворчишь, мешок, набитый шерстью?

ФАЛЬСТАФ И это сын короля! Пусть меня назовут выпотрошенной селедкой, если я не выгоню тебя из твоего королевства деревянной шпагой и не погоню перед тобою всех твоих подданных, как стадо диких гусей. И ты — принц Уэльский!

ГАРРИ Это еще что такое, поганый брюхан!

ФАЛЬСТАФ Разве ты не трус? Отвечай... да и Пойнс тоже.

ГАРРИ Ах ты, жирное пузо, я тебя заколю, если ты еще раз назовешь меня трусом!

ФАЛЬСТАФ Разве я назвал тебя трусом? Будь ты раньше проклят, чем я назову тебя трусом! Но я дал бы тысячу фунтов, чтобы бегать так же, как ты. Дайте мне стакан хереса! Будь я подлец, если у меня хоть капля была во рту!

ГАРРИ Ах, негодяй, у него еще губы не обсохли от последнего стакана!

ФАЛЬСТАФ Не все ли равно. *(Пьет).* Проклятье всем трусам, говорю я.

ГАРРИ В чем дело?

ФАЛЬСТАФ В чем дело? А в том, что мы четверо сегодня добыли тысячу фунтов.

ГАРРИ Где же они, Джэк?

- ФАЛЬСТАФ** Где? Их у нас отняли. На нас, четырех, напала целая сотня.
- ГАРРИ** Как, неужели сотня?
- ФАЛЬСТАФ** Я спасся каким-то чудом. Мой камзол продырявлен в восьми местах, штаны в четырех, щит мой весь иссечен, меч иззублен, как пила. Если на бедного старого Джэка не напало пятьдесят, шестьдесят человек — ты можешь назвать меня пучком редиски.
- ГАРРИ** Господи помилуй! Надеюсь, ты никого не убил?
- ФАЛЬСТАФ** Ну, об этом поздно молиться. С двумя, наверно, все счеты покончены, с негодьями в клеенчатых плащах. Если я солгал тебе, Галь, плюнь мне в лицо. Ты ведь знаешь мой всегдашний фехтовальный прием; вот так я стал, так держал шпагу. Четверо негодяев в клеенчатых плащах бросились на меня...
- ГАРРИ** Как четверо? Ведь ты только что сказал, что двое.
- ФАЛЬСТАФ** Четверо, Галь, я и сказал — четверо.
- ПОЙНС** Да, да, он сказал — четверо.
- ФАЛЬСТАФ** Эти четверо выстроились и сразу направили на меня шпаги. Я, недолго думая, подставил щит и все семь клинков вонзились в него.
- ГАРРИ** Ну вот, уже тремя стало больше.
- ФАЛЬСТАФ** Так как острия их шпаг отломались, они стали отступать. Я бросился и в одно мгновение уложил семерых из одиннадцати.
- ГАРРИ** Какой ужас! Одиннадцать человек выросло из двух!
- ФАЛЬСТАФ** Но тут сам черт вмешался в дело — на меня сзади наскочило трое в зеленых куртках, а было так темно, Галь, что не видать собственной руки.
- ГАРРИ** Эти выдумки похожи на своего родителя — огромные, точно горы, явные, осязательные. Ах ты, скверный обжора, безмозглый чурбан, грузный ком сала, потаскушкино отродье.
- ФАЛЬСТАФ** Что ты, что ты, ты с ума сошел! Это же неправда все!
- ГАРРИ** А как ты мог увидеть, что эти люди были в зеленых куртках, если было так темно, что не видать руки? Объясни-ка нам это. Ну, что ты скажешь?
- ПОЙНС** Объясни, Джэк, объясни.
- ФАЛЬСТАФ** Как! По принуждению! Нет, если бы меня на дыбу вздернули, я бы ничего не сказал по принуждению.
- ГАРРИ** Нет, довольно: этот налитый кровью трус, лежебока, этот ломатель лошадиных хребтов, эта гора мяса...

- ФАЛЬСТАФ** Отстань, заморыш, сушеный коровий язык, хвост бычачий, треска! — О, если бы я мог, не переводя дух, сказать все, на что ты похож — портняжный аршин, пустые ножны, колчан, дрянная шпага!
- ГАРРИ** Отдышись немного, а там опять начни, а когда ты устанешь от своих скверных сравнений — выслушай только вот что...
- ПОЙНС** Слушай, Джэк, внимательно.
- ГАРРИ** Это я с Пойнсом напали на вас четырех и сразу прогнали вас от добычи; мы можем показать ее, она здесь, в доме. А ты, Фальстаф, так проворно понес свое брюхо и ревел, моля о пощаде, как настоящий теленок. Какая подлость — иззубить свою шпагу и потом уверять, что это произошло в бою. Что ты можешь теперь придумать, какую хитрость, какую уловку, чтобы прикрыть свой явный и очевидный позор?
- ПОЙНС** Говори, Джэк, посмотрим, как ты выпутаешься.
- ФАЛЬСТАФ** Клянусь небом, я узнал вас, узнал, как родной отец. Неужели бы я стал сражаться с настоящим принцем? Разве я смел бы убить настоящего принца? Ты, Галь, знаешь, я храбр, как Геркулес, но все дело в инстинкте: лев не тронет настоящего принца. И я вел себя трусом, следуя инстинкту. Ну, братцы, я чертовски рад, что деньги у вас. Ну что же, будем веселиться. Не сыграть ли нам комедию?
- ГАРРИ** Согласен, и содержанием ее будет твое богатство.
- ФАЛЬСТАФ** Нет, уж об этом больше ни слова, Галь, если ты меня любишь. Давай представим лучше заговорщиков. Я все о них думаю. Для тебя, наследного принца, нельзя было бы во всем мире выискать страшнее противников, чем этот черт Дуглас, этот злой дух Перси и дьявол Глендовер. Я думаю, ты сильно напуган. Кровь стынет в жилах.
- ГАРРИ** Ничуть, уверяю тебя. Мне недостает твоего инстинкта.
- ФАЛЬСТАФ** А ведь завтра, когда ты явишься к отцу, тебе страшно достанется. Прошу тебя из любви ко мне, приготовь ответ; сделаем репетицию.
- ГАРРИ** Хорошо. Представь ты моего отца и расспроси меня о подробностях моей жизни.
- ФАЛЬСТАФ** Идет. Пусть этот стул будет моим тронem, этот кинжал моим скипетром и эта подушка моей короной.
- ГАРРИ** Только такие знаки величья тебе и подобают.
- ФАЛЬСТАФ** Если только в тебе не угасла хоть искра благодати, увидишь, как я тебя растрогаю. Дайте мне стакан

хереса, чтобы глаза у меня были красные, точно я плакал.

ХОЗЯЙКА
(в дверях).

Господи Боже! Вот так славная потеха.

ФАЛЬСТАФ

Уйдите, лорды, с грустной королевой, ее глазные шлюзы полны слез.

(Играет).

Гарри, меня удивляет не только твое времяпрепровождение, но и общество, в котором ты живешь. Что ты — мой сын, в этом меня убеждают отчасти уверенность твоей матери, отчасти мое собственное мнение, но в особенности дурацкая отвислость твоей нижней губы. Если же ты мой сын, то почему на моего сына все указывают пальцами? Неужели сын английского короля может стать вором и похищать кошельки? Вот вопрос, который приходится ставить. Я говорю тебе это, Гарри, не с пьяных глаз, не шутя, а скорбя, не словами только, но и болящим сердцем. Все-таки есть один хороший человек, которого я часто замечал в твоём обществе, но не знаю, как его зовут.

ГАРРИ

Каков он собою, Ваше Величество?

ФАЛЬСТАФ

Это внушительный и довольно полный человек, с веселым лицом, приятными глазами и очень благородными манерами. Я думаю, ему лет около пятидесяти и теперь припоминаю, что его зовут Фальстафом. Вот его общества держись, а всех остальных прогони. Теперь скажи мне, бездельник, где ты пропал целый месяц?

ГАРРИ

Разве королю подобает так говорить? стань ты теперь на мое место, а я представлю моего отца.

ФАЛЬСТАФ

Меня свергают с трона? Посмотрим. Если ты сумеешь быть хоть наполовину таким величественным, как я, пусть меня повесят за ноги.

ГАРРИ

Ну вот, я сел.

ФАЛЬСТАФ

А я встал. Судите, господа!

ГАРРИ

(играет)

До меня дошли очень серьезные жалобы на тебя, Гарри.

ФАЛЬСТАФ

Это все вранье, милорд. Покажу я тебе принца, увидишь.

ГАРРИ

Ты ругаешься, скверный мальчишка? Прочь с глаз моих! Тебя насильно совращают с пути добродетели. Ты одержим дьяволами в образе жирного старика. Твой товарищ бочка, а не человек. Зачем ты водишь дружбу с этим тюком гнусностей, этим мешком скотства, этой вздутой водянойкой, с этим дряхлым

пороком, седым безбожьем, престарелым тщеслави-
ем? На что он годен? Только для того, чтобы пить
херес. В чем он опрятен? Только в разрезывании
каплунов. В чем ловок? Только в обмане. В чем пре-
зренен? Во всем. В чем порядочен? Ни в чем.

ФАЛЬСТАФ Я бы хотел, чтобы Ваша милость объяснила мне, о
ком идет речь.

ГАРРИ Я говорю об отвратительном совратителе юности, о
Фальстафе, этом старом белобородом дьяволе.

ФАЛЬСТАФ Милорд, я его знаю.

ГАРРИ Не сомневаюсь в этом.

ФАЛЬСТАФ Но если бы я сказал, что знаю за ним больше дур-
ного, чем за самим собой — я бы солгал. Что он
стар — об этом свидетельствуют его седины, но
чтобы он был распутником? Простите, Ваше Вели-
чество, это я совершенно отрицаю. Если пить херес
преступление, то да поможет Бог преступникам.
Если тучных людей следует ненавидеть, то значит
тощие коровы Фараона одни достойны любви. Нет,
добрый государь, прогоните Пэто, прогоните Бар-
дольфа, Пойнса; но что до Джэка Фальстафа,
доброго Джэка Фальстафа, верного Джэка Фальста-
фа, храброго Джэка Фальстафа и тем более храбро-
го, что он старый Джэк Фальстаф — не различайте
его с Гарри. Прогнать толстого Джэка — все равно,
что прогнать весь мир.

(Стук в дверь. Бардольф выходит и тотчас вбегает обратно).

БАРДОЛЬФ О, милорд, милорд! У двери шериф со стражей!

ФАЛЬСТАФ Убирайся, плут! Нужно закончить представленье. Я
еще много могу сказать в пользу Фальстафа.

(Входит миссис Квикли).

КВИКЛИ О Господе Иисусе! Милорд, милорд!

ГАРРИ Ну что там такое. Уж не дьявол там приехал верхом
на смычке?

КВИКЛИ Шериф со стражей! Они просят осмотреть дом.

ГАРРИ Так пустите их.

ФАЛЬСТАФ Да ты в самом деле сошел с ума!

ГАРРИ А ты трус и помимо инстинкта.

ФАЛЬСТАФ Это я отрицаю. Если ты не вступишь шерифа, хо-
рошо. Вступишь, пусть войдет. Я надеюсь, что петля
меня удавит так же скоро, как и всякого другого.

ГАРРИ Поди, спрячься за занавеску, а вы все ступайте наверх.

(Все уходят, кроме Пето).

Позови шерифа.

(Входят шериф и извозчик).

Что вам угодно от меня, господин шериф?

ШЕРИФ

Прошу прощения, милорд, но народ кричит, что проследил каких-то людей в этом доме.

ГАРРИ

Каких людей?

ШЕРИФ

Один из них известен. Старик, очень жирный...

ИЗВОЗЧИК

Точно масло.

ГАРРИ

Я его только что отослал с порученьем. Но завтра я его доставлю к вам. Пока же прошу покинуть этот дом.

ШЕРИФ

Слушаю, милорд. Два джентльмена были ограблены на триста марок.

ГАРРИ

Может быть. Если это сделал он, то будет отвечать.

ШЕРИФ

Покойной ночи, благородный лорд.

ГАРРИ

Вернее, доброго утра.

ШЕРИФ

О да, милорд. Уже третий час.

(Шериф и извозчик уходят).

ГАРРИ

Поди, позови Фальстафа.

ПЕТО

Фальстаф! Спит мертвецким сном и храпит, как лошадь.

ГАРРИ

Обыщи его карманы. Что ты нашел?

ПЕТО

Одни бумаги, милорд.²

ГАРРИ

Посмотри, что в них такое.

ПЕТО

(читает)

Каплун 2 шиллинга; соус 4 пенса; хересу два штофа 5 шиллингов; анчоусы и херес 2 шиллинга 6 пенсов; хлеб пол-пенса.

ГАРРИ

Возмутительно. Только на пол-пенса хлеба при таком количестве хереса. Остальное прочтем на досуге. Я сейчас явлюсь ко двору и нам всем нужно отправиться на войну. Деньги мы вернем обворованным теперь же. Прощай, Пето.

ПЕТО

Прощайте, благородный лорд.

(Гарри уходит).

Голос

Фальстафа

(из-за

занавески)

Эй, кто там! Бардольф! Пето! Помогите же встать. Тут какой-то шкаф врезался в меня углом.

ПЕТО

А вот ты и обопрись об него.

² В рукописи: Одна бумага; исправлено публикатором.

Голос Да, обопрись! А вдруг он сломается и я упаду?
Фальстафа Нынче все вещи пошли такие непрочные.

(Фальстаф выходит).

ФАЛЬСТАФ Пето, правда ли, я возмутительно опустился? Я хую, сохну. Кожа висит на мне, как распущенное платье на старухе. Я сморщился, как печеное яблоко. Надо мне покаяться, а то я позабыл, какой вид имеет церковь внутри. Общество, дурное общество погубило меня.

ПЕТО Да, Джэк, ты так расстроен, тебе недолго жить.

ФАЛЬСТАФ В том-то и дело.

(Входит миссис Квикли).

Ну, милейшая курочка, кто это шарил в моих карманах?

ПЕТО Это принц...

ФАЛЬСТАФ Молчи. *(К Квикли)*. Да, кто?

КВИКЛИ Да что это вы, сэр Джон, что вы вздумали. Неужели вы думаете, что у меня в доме воры? Здесь до сих пор десятой доли волоска не пропало.

ФАЛЬСТАФ Вранье. Бардольф здесь брился, да и кроме того много волос потерял. И я клянусь, что у меня обчистили карманы. Так уж ты молчи, баба.

КВИКЛИ Кто я? Нет, я не позволю вам ругаться. Вы задолжали мне и теперь нарочно ссоритесь, чтобы не платить.

ФАЛЬСТАФ Я не заплачу ни гроша. Ты, кажется, считаешь меня молокососом? У меня украли дедовский перстень, которому цена сорок марок.

КВИКЛИ Господе Иисусе! Сколько раз я сама слышала от принца, что перстень медный.

ФАЛЬСТАФ Твой принц шут и дармоед. Чорт побери, будь он здесь, я бы его отколотил как собаку за такие слова.

(Входят Гарри и Пойнс, маршируя. Гарри наигрывает на тросточке, как на флейте, походный марш).

ГАРРИ И идти далеко не пришлось. Приказ встретил меня у дверей. Ну, теперь нам всем придется помаршировать.

КВИКЛИ Милорд, ради Бога, выслушайте меня.

ФАЛЬСТАФ Плюнь на нее, пожалуйста, а выслушай меня.

ГАРРИ Что случилось?

ФАЛЬСТАФ Сейчас я заснул здесь за занавеской и у меня обчистили карманы; эта харчевня стала непотребным домом, здесь грабят людей.

- ГАРРИ Что же у тебя пропало, Джэк?
- ФАЛЬСТАФ Поверишь ли, Галь, три или четыре билета в сорок фунтов и дедовский перстень с печатью.
- ГАРРИ Ну, он-то пустяки, ему вся цена пенсов восемь.
- КВИКЛИ Так я и говорила, милорд, и сказала, что слышала это от вашей милости. А сэр Джон, милорд, стал бранить вас и даже похвалился, что вас отколотит.
- ГАРРИ Не может быть!
- КВИКЛИ Не будь я честной женщиной, если это неправда.
- ФАЛЬСТАФ Правдивости в тебе не больше, чем в травленной лисице. Убирайся, тварь.
- КВИКЛИ Как тварь! Какая это тварь!
- ФАЛЬСТАФ Ну да, тварь такая, что не дай Бог.
- КВИКЛИ Вовсе я не такая тварь. А ты, несмотря на свое рыцарство, негодяй, если так позоришь меня.
- ФАЛЬСТАФ А ты, несмотря на то, что женщина, — животное, и больше ничего.
- КВИКЛИ Скажи-ка, подлец, какое я животное!
- ФАЛЬСТАФ Какое? Выдра.
- ПЕТО Выдра? Почему же выдра, сэр Джон?
- ФАЛЬСТАФ Потому что они ни рыба, ни мясо и неизвестно, как за нее взяться.
- КВИКЛИ Лжешь! Ты и всякий другой отлично знаете, как взяться.
- ГАРРИ Вы правы, хозяйка, он грубо клеветает на вас.
- КВИКЛИ И на вас тоже, милорд. Он сказал, что вы должны ему тысячу фунтов.
- ФАЛЬСТАФ Какое тысячу, Галь — миллион! Моя любовь к тебе стоит миллиона.
- КВИКЛИ Он еще назвал вас шутом и обещал отколотить.
- ФАЛЬСТАФ Разве я это сказал, Пето?
- ПЕТО Сказал, Джэк.
- ФАЛЬСТАФ Ну да, если он станет утверждать, что мое кольцо медное.
- ГАРРИ Конечно, медное. Как ты теперь исполнишь угрозу?
- ФАЛЬСТАФ Поскольку ты человек, Галь, я бы исполнил, но ты принц и я боюсь тебя, как рычащего льва. Пусть лопнет мой пояс, если это не так.
- ГАРРИ Если б он лопнул, твое брюхо упало бы до колен. В утробе твоей, негодяй, нет места для верности и чести — она вся набита кишками и потрохами. Об-

винять честную женщину в обирании твоих карманов, когда там не было ничего, кроме трактирных счетов и грошевого леденца против изжоги. И ты все еще стоишь на своем и не хочешь сознаться.

ФАЛЬСТАФ Хозяйка, я прощаю тебя. Поди и приготовь мне завтрак. Ты видишь, я сдаюсь на разумные доводы, я удовлетворен. Как, опять? Нет уж, уходи, пожалуйста. А теперь скажи, Галь, что слышно при дворе. А наш грабеж? Ты это уладил?

ГАРРИ Деньги возвращены.

ФАЛЬСТАФ Не люблю я, когда возвращают деньги — только двойная работа.

ГАРРИ³ Я достал тебе место в пехоте.

ФАЛЬСТАФ Я предпочел бы служить в коннице.

ГАРРИ Пето!

ПЕТО Милорд?

ГАРРИ Это письмо доставь моему брату, лорду Джону Ланкастерскому, а это — милорду Вестергорленду.

(Пето уходит).

Пойнс, теперь на коней. Нам надо сделать до обеда тридцать миль.

(Пойнс уходит).

Ты же, Джэк, к двум часам будь в Темпль-Голле. Там получишь деньги и устав вербовки. Страна охвачена пламенем. Перси грозит мне смертью — и действительно один из нас умрет.

(Уходит).

ФАЛЬСТАФ Все это хорошо, но как же завтрак?

ДЕЙСТВИЕ II

Перси, Глендовер, Лорд Ворчестер, Мортимер.

ПЕРСИ Друзья нам верны, обещаний много.

МОРТИМЕР Начало нас приветствует надеждой.

ПЕРСИ Присядем, Мортимер, и вы, Глендовер. Ах, дядя Ворчестер! забыл я карту.

ВОРЧЕСТЕР⁴ Нет, вот она. Согласно договору, мы Англию разделим на три части. Все области от Трента и Северна,

³ В рукописи: Фальстаф; исправлено издателем.

⁴ В рукописи: Глендовер; исправлено издателем.

конечно, мне должны принадлежать.
Глендовер должен получить весь запад,
вы ж, Мортимер, все к северу от Трента

ПЕРСИ А вам не кажется, что мой участок
И меньше и бедней, чем ваши оба?
Здесь Трент течет ужаснейшим изгибом
И режет лучший клоч моих владений.

ГЛЕНДОВЕР Я против всяких изменений.

ПЕРСИ Вы?

ГЛЕНДОВЕР Не будет их.

ПЕРСИ Кто так сказать посмеет!

ГЛЕНДОВЕР Хотя бы я.

ПЕРСИ Скажите ж по-валлийски,
Чтоб я не понял.

ГЛЕНДОВЕР О, не хуже вас
Я говорю по-английски, милорд.
Я был воспитан при дворе, и много
Сложил там песен английских для арфы.
И в вас едва ль найдут подобный дар.

ПЕРСИ Я лучше бы стал кошкою на крыше,
Чем кем-нибудь из этих стихоплетов.

ГЛЕНДОВЕР Милорд, молчите, при моем рождении
Явились знамения на небесах,
Кружились звезды и земля дрожала.

ПЕРСИ Но я, милорд, зато не задрожу.

ГЛЕНДОВЕР Не ото всякого стерпел бы я
Слова такие. Ведь и все теченье
Моей дальнейшей жизни подтвердило,
Что мне дана особая судьба.
Кто б звал меня своим учеником?

ПЕРСИ Не я. Мне некогда, пойду обедать.

МОРТИМЕР Зачем ты дразнишь тестя моего?

ГЛЕНДОВЕР Я духов адских вызывать могу.

ПЕРСИ Еще бы. Каждый может вызвать духа,
Но только явится ли дух на зов?

ВОРЧЕСТЕР Мы ссориться здесь будем, а король
Тем временем приготавливает войско.

ГЛЕНДОВЕР Нам надо торопиться, я пойду
И ваших жен к отъезду приготовлю.
Боюсь, что дочь моя сойдет с ума
От горести покинуть Мортимера.

(Уходит).

ВОРЧЕСТЕР Милорд, вы поступили очень дурно,
Я дядя ваш, и я скажу. С тех пор,
Как вы с Глендовером, валлийским князем,
Увиделись — вы сердите его
Надменностью, презреньем, самомненьем,
А между тем он человек достойный,
Он сведущ в книгах и в науках тайных,
Учтив, и щедр, и доблестен, как лев.

МОРТИМЕР Да, Перси, это дурно.

ПЕРСИ

Вновь я мальчик.

Да здравствуют хорошие манеры!
Вот наши жены. Будем расставаться.

(Входят Глендовер, Лэди Перси, Лэди Мортимер).

МОРТИМЕР Как грустно, что по-английски ни слова
Не говорит жена, я ж по-валлийски.

ГЛЕНДОВЕР Вот дочь моя рыдает, не желая
Расстаться с вами.

ЛЭДИ

О, Коннор Уэллс!

МОРТИМЕР

МОРТИМЕР

Твои я поцелуи понимаю,
И взор твой нежный, больше ничего.
Но непременно твой язык родной
Я выучу. Валлийской речи звуки
В твоих устах пленительны, как песни,
Что королевы пód вечер поют.

ЛЭДИ ПЕРСИ О, выслушай меня, супруг!

ПЕРСИ

Супруга?

ЛЭДИ ПЕРСИ Как я уеду от тебя?

ПЕРСИ

Верхом

Или в карете.

ЛЭДИ ПЕРСИ

Глупая мартышка,
Без шуток, Гарри. Я хочу узнать,
Что делать ты задумал? Я боюсь,
Что брат мой, Мортимер, восстановляя
Свои права, просил твоей поддержки,
И если ты пойдешь...

ПЕРСИ

Пешком? Устану.

ЛЭДИ ПЕРСИ

Ответь же, попугай, мне на вопрос
Без шуток. Я сломаю твой мизинец,
Коль не ответишь ты.

ПЕРСИ

Пусти, шалунья,
Едва окажешься ты на коне —
Я поклянусь в любви к тебе безумной.
Но слушай, ты отныне не должна
Расспрашивать, что я предпринимаю,

Предпринял что, и что я предприму.
Конечно, ты умна, но не умнее
Супруги Гарри Перси, — постоянна,
Однако женщина, и так как нет
Тебя скрытней, то я охотно верю,
Что ты не передашь, чего не знаешь.
Довольна ты?

ЛЭДИ ПЕРСИ

Довольна поневоле.

ЛЭДИ
МОРТИМЕР
МОРТИМЕР

Гарин о глен арван...

О горе, горе!

Не понимаю я.

ГЛЕНДОВЕР

Она вас просит
К ней на колени голову склонить.
Она же будет петь вам по-валлийски
И кровь заморозит истомой сладкой.

МОРТИМЕР

Я всей душою буду слушать пенье,
А той порою и известий ждать.

ПЕРСИ

Ты, Кэт, поди ко мне. Ты в совершенстве
Владеешь женским мастерством лежать.
Ляг и склонюсь я на твои колени.

ЛЭДИ ПЕРСИ

Молчи и слушай пенье этой лэди.

ПЕРСИ

Ах, лучше бы послушал я, как воеет
Моя собака Лэди по-ирландски.

ЛЭДИ ПЕРСИ

Ты хочешь, чтоб тебе разбили череп?

ПЕРСИ

Нет, не хочу.

ЛЭДИ ПЕРСИ

Тогда лежи спокойно.

ПЕРСИ

Зачем? Ведь это — женский недостаток.

ЛЭДИ ПЕРСИ

Молчи.

(Лэди Мортимер поет по-валлийски).

ВОРЧЕСТЕР

Теперь пора нам с дамами расстаться.
Я вижу, что Вернон ведет гонца.

(Глендовер с дамами уходят, входят гонец и Вернон).

ПЕРСИ⁵

Ты от кого?

ГОНЕЦ

Я от отца к вам прислан.

ПЕРСИ

Как, письма от него? А где ж он сам?

ГОНЕЦ

Милорд, он тяжело болен.

ПЕРСИ

Как, проклятье,
В такие дни решился он болеть!
А войско где ж его?

⁵ Здесь и далее в двух репликах Гарри Перси обозначен как Гарри; исправлено публикатором.

- БЛЕНТ Король узнать желает, почему
Вы мир смутили мятежом и буйством.
Он просит вас назвать свои обиды
И если незаслуженны они —
Искупит их и даст вам всем прощенье.
- ПЕРСИ Король великодушен в обещаньях,
Но в исполнении лукав и зол.
Я и мой дядя — мы ему престол
Доставили. Он был простой изгнанник,
Мы выступили за него на брань.
Когда ж венец он принял, Мортимера,
Томившегося пленником в Валлисе,
Он выкупить из плена не хотел,
Меня он унижал в моих победах,
Совет оставить приказал он дяде
И моего отца не может видеть.
Вот почему мы подняли войну
За нас, за весь народ, за честь и право.
- БЛЕНТ Снести мне королю такой ответ?
- ПЕРСИ Нет, я готов войти в переговоры.
Как младший, даже место очищаю
Старейшему. Лорд Ворчестер с Верноном,
Оставшись здесь, дождутся короля.
И если он согласен искупить
Свои вины — я друг ему навеки.
- БЛЕНТ Спешу счастливый передать ответ.
Король — отец наш, он не только любит
Достойных, он скорбит и о заблудших.
(Уходит).
- ПЕРСИ Не мне, простому воину, вам, дядя,
(Ворчестеру) Рассказывать, как должно говорить.
Но если даст гарантии король
В том, что искупит он обиды наши,
Я буду рад. Есть подвиги славнее,
Чем проливать потоки братской крови.
(Все, кроме Ворчестера и Вернона, уходят).
- ВОРЧЕСТЕР Нет, сэръ Вернон, король узнать не должен
О добром предложеньи Гарри Перси.
- ВЕРНОН Вы думаете?
- ВОРЧЕСТЕР Да, тогда нам гибель.
Король не может позабыть восстанья
И рано или поздно отомстит.
Племяннику легко грехи забудут
За молодость его, за пылкость крови,
Но тем ужасней будет наказанье
Для вас, меня и для его отца.

Нет, нам нельзя вступать в переговоры,
Победа лишь — спасение для нас.

ВЕРНОН Пожалуй, так. Скажите, что хотите —
Я верю вам. Но вот идет король.

(Входят король, Гарри, Фальстаф, Блент и свита).

КОРОЛЬ Ну что, лорд Ворчестер? Нехорошо,
Что нам приходится теперь встречаться,
Закованными в сталь и как враги.
Как ваше мнение?

ВОРЧЕСТЕР Государь, поверьте,
Не думал я, что день такой придет.

КОРОЛЬ Так как же он пришел?

ФАЛЬСТАФ Мятеж валялся
Среди дороги, он и подобрал.

ГАРРИ Молчи, паштет, молчи.

ВОРЧЕСТЕР Вы, государь,
Послали сэра Блента с предложением
Столь милостивым, что мы все дивились.
И только наш начальник, Гарри Перси,
В своей горячности его не принял.
Он хочет боя, боя одного.

БЛЕНТ Он говорил не то.

ВОРЧЕСТЕР Он изменил
Свое решение.

КОРОЛЬ Значит, будет бой.

ГАРРИ Я вас прошу племяннику сказать,
Что в похвалах герою Гарри Перси
Сошелся с целым миром принц Уэльский.
Я оставляю в стороне восстание
И говорю, что нет такого мужа,
Который бы с ним доблестью сравнился.
Что ж до меня, то к моему стыду
Я в рыцарстве доселе был ленивым,
И знаю я, что так меня он судит.
Но рад я, что он доблестней меня,
И потому по-братски предлагаю
Ему сойтись со мной в единоборстве.

ВОРЧЕСТЕР Поверьте, принц, мечтает он о том же
И вашу доблесть ценит высоко.

(Ворчестер и Вернон уходят).

КОРОЛЬ Оставьте нас, милорды, я хочу
Поговорить один с Уэльским принцем.

(Все, кроме короля и Гарри, уходят).

Не знаю я, за грех который мой
Господь в тебе мне создал отомщенье,
Как ты ушел от гордого полета
Твоих великих предков. Ты в совете
По грубости своей лишился места.
И средь товарищей неблагородных
Задумываешь низкие затеи.
Ведь если б я, как ты, всегда и всюду
Так расточал присутствие свое,
Себя изнашивая в дружбе с чернью,
То никогда б общественное мнение
Надеть мне не позволило венец.
Являясь часто пред толпою, ты
Похож на крик кукушки в дни июня,
Который слышишь и не замечаешь.
Кто знает, может быть, в тот самый миг,
Когда я это говорю, исполнен
Не гневом лишь, а нежностью безумной
К тебе, мой сын заблудший, ты готов
В постыдном увлеченьи иль со скуки
Со мной сражаться, как наемник Перси,
Чтоб доказать, как выродился ты.

ГАРРИ

Не думайте о том, чего не будет.
Прости Господь тому, кто так жестоко
Восстановил отца на сына. Перси
За все заплатит головой своей.
О, если бы он был славнее вдвое,
И вдвое я бесславен! Близок день,
Когда позор на славу обменяем
Мы с этим ослепительным героем.
О государь, ведь Перси — мой приказчик
И только для того он славу копит,
Чтоб мне отдать ее в сужденный час.
И в вечер дня, отмеченного славой,
Я с гордостью скажу, что я ваш сын.

КОРОЛЬ

Ты сын мой, Гарри, и тебе я верю.
Идем теперь полки готовить в бой.

(Входит Блент).

КОРОЛЬ

Мой дорогой Блент, что скажешь?

БЛЕНТ

Государь,

На левом фланге завязалось дело.

КОРОЛЬ

Иду туда. *(К Гарри).*

А ты, оставшись здесь,

Прими начальствованье правым флангом.

(Король и Блент уходят. Входит Фальстаф, за ним солдаты).

ГАРРИ

А, Джэк, ну что, как ты живешь, перина?
И что это с тобой за молодцы?

ФАЛЬСТАФ Мои солдаты, Галь.

ГАРРИ Я никогда
Подобной жалкой сволочи не видел.

ФАЛЬСТАФ Для копий и для пуль они годятся,
Заполнить могут братскую могилу.

ГАРРИ Но как они бледны, изнурены
Как схожи с нищими.

ФАЛЬСТАФ Уж я не знаю,
Откуда бледность⁶ обуяла их,
А что до изнуренности, то верно —
Не я им подавал дурной пример.

ГАРРИ Клянусь, не ты. Однако торопись.
Ведь Перси выступил уже.

ФАЛЬСТАФ Еще бы.
Ведь сам я, Галь, стыжусь моих солдат.
Я вместо ста вояк на вербовал
Четыреста по крайней мере фунтов.
Я набирал зажиточных людей,
Холостяков, недавно обрученных,
Несчастных трусов, для которых выстрел
Ужаснее архангельской трубы,
И все они от службы откупились,
Поставив за себя, кого пришлось:
Лакеев, прогнанных за воровство,
Кабатчиков, бежавших от банкротства,
Воров, и дурачков, и свинопасов.
Мне на дороге люди говорили,
Что я, все виселицы обобрав,
Навербовал повешенных. К тому же
И ходят-то они, расставив ноги,
Как будто им мешают кандалы —
Старинная тюремная привычка.
Во всем моем отряде наберется
Лишь полторы рубашки; половина
Из двух изодранных салфеток сшита
И на плечах лежит, как безрукавка,
А целая украдена дорогой.
Но это ничего, они найдут
Белья довольно на любом заборе.
Нет, вот что, Галь, когда во время битвы
Я упаду — ты заслони меня.
Ты мне в заслуге этой не откажешь.

ГАРРИ Один колосс мог так служить тебе.
Дань смерти Богу ведь и ты заплатишь.

(Уходит).

⁶ В рукописи — бедность; копейка введена публикатором.

ФАЛЬСТАФ Срок платежа еще не наступил,
(один) И не хочу я вовсе торопиться.
Ну да, конечно, честь меня толкает.
А что как в гроб она меня толкнет?
Подумать, разве честь приставит ногу?
Нет. Или руку? Нет. Так значит честь —
Не доктор. Что ж она такое? Слово.
А что такое слово? Только воздух.
Кто ей владеет? Тот, кто умер в среду.
Ее он слышит? Нет. Так ощущает?
Нет тоже. Есть она среди живых?
Нет, этого злословье не допустит.
Тогда на что и думать мне о ней.

(Шум боя).

Однако бьются здесь. Скорей в засаду,
Чтоб в час победы выйти с торжеством.

(Уходит с солдатами. Входит Блент в одежде короля и Дуглас)

БЛЕНТ Кто ты и почему меня в сраженьи
преследуешь?

ДУГЛАС Знай, имя мне Дуглас.
Сказали мне, что ты король.

БЛЕНТ То правда.

ДУГЛАС Лорд Стаффорд, что носил твои одежды,
Сражен моим мечем. Сдавайся мне.

БЛЕНТ Нет, отомщен за Стаффорда я ныне.

(Сражаются. Блент убит. Входит Перси).

ДУГЛАС Все выиграно. Вот лежит король.

ПЕРСИ Где?

ДУГЛАС Пред тобою.

ПЕРСИ Этот? Нет, Дуглас.

Здесь многие одеты, как король,
А это был сэръ Блент, могучий рыцарь.

ДУГЛАС Клянусь, все королевские одежды,
Весь гардероб убью за штукой штуку,
Пока не встречусь с ним самим.

ПЕРСИ Вперед.

(Уходят. Входит Фальстаф).

ФАЛЬСТАФ Я в Лондоне скрывался от расплаты.
Здесь от нее едва ли убежишь.
Увы, здесь в счет записывать не любят.
А зарубают прямо на башке.
Я так моих оборвышей поставил,
Что из всей сотни только три остались,

И тем, я думаю, прожить придется
У городских ворот остаток дней.

(Входит Гарри).

ГАРРИ Что ты стоишь? Мой меч переломился.
Дай твой.

ФАЛЬСТАФ О Галь, прошу тебя, позволь
Мне отдышаться. Подвигов довольно
Я совершил. Я успокоил Перси.

ГАРРИ Неправда, Перси жив. Дай мне твой меч.

ФАЛЬСТАФ Нет, если Перси жив, меча не дам.
Но вот мой пистолет возьми, пожалуй.

ГАРРИ Давай. Как, он в чехле?

ФАЛЬСТАФ Но он горяч,
Он так горяч — поджечь им можно город.

*(Гарри достает из его чехла бутылку хереса и бросает ее в него.
Фальстаф убегает. Входит король).*

КОРОЛЬ О, Гарри, Гарри, удались,
Ты истекаешь кровью!

ГАРРИ Нет, милорд,
Избави Бог, чтоб принц Уэльльский кинул
Из-за пустой царапины сраженье.

(Уходит. Входит Дуглас).

ДУГЛАС Опять король! Они здесь вырастают,
Как головы у гидры. Защищайся!

КОРОЛЬ Да, я король и жаль мне, что доныне
Ты только призраки мои встречал.

(Сражаются. Король в опасности. Входит Гарри).

ГАРРИ Дрожи, шотландец дерзкий!

(Сражается. Дуглас убегает).

ГАРРИ Успокойтесь.
(королю) Сэр Никлан Гауси просит подкреплений
И Клифтон. Сам я к Клифтону иду.

КОРОЛЬ Постой, передохни, ты искупил
Свою дурную славу, защищая
Меня.

ГАРРИ О Боже, как неправы были
Те, кто твердил, что жду я вашей смерти.

КОРОЛЬ Теперь я это знаю, и навек.

(Уходит. Входит Перси).

ПЕРСИ Коль не ошибся я, ты принц Уэльльский?

ГАРРИ Да, не ошибся ты.

ПЕРСИ Я Гарри Перси.

ГАРРИ Так знай, вперед нельзя делить нам славу,
Как двум звездам в одной вращаться сфере.

ПЕРСИ О, если б слава бранная твоя
Моей равнялась!

ГАРРИ Раньше, чем простимся,
Она твою перерастет, о Перси!
Я с головы твоей сорву все лавры,
Сплету венки для головы своей.

(Сражаются. Входит Фальстаф).

ФАЛЬСТАФ Вот это сказано! Смелее, Галь,
Я посмотрю, чтоб вам не помешали.

(Вбегают Дуглас и бросается на Фальстафа. Тот падает. Дуглас уходит. Гарри поражает Перси).

ПЕРСИ Ты юность, жизнь похитил у меня
(на земле) И что ужаснее, похитил славу.
О, я б теперь пророчить мог, но смерть —
Землистая, холодная рука —
Зажала мне уста. Нет, Гарри Перси
Теперь ты прах и пища для...

(Умирает).

ГАРРИ И пища для червей, не так ли, Перси?
Прощай, великий дух, на той земле,
Где мертвый ты простерся, не осталось
В живых героя, равного тебе.

(Замечает лежащего Фальстафа).

Как, старый друг, и ты? Все это мясо
В себе нисколько жизни не содержит.
Прощай, мой бедный Джэк, я снес бы легче
Смерть человека лучшего, чем ты.

(Уходит. Фальстаф встает).

ФАЛЬСТАФ А я, ей-Богу, королю придумал
Убитым вдруг представиться и смертью
Притворною спастись от настоящей.
Но разве представлялся я? Неправда.
Ведь представляться — значит быть поддельным,
А мертвый человек — вот кто подделка.
Да, признак храбрости — благоразумье,
И жизнь свою я сохранил лишь им.

(Замечает мертвого Перси).

Но я боюсь неистового Перси,
Хоть он и мертв передо мной. Что, если
Он тоже лишь прикинулся убитым

И встанет? Брр! Нет, я добыю его
И буду клясться, что поверг в сраженьи.
Ведь он же мог, как я, опять подняться.
Вот, брат, тебе!

(Прокальывает его мечом).

А вот еще в бедро.

Теперь я уберу тебя подальше.

(Поднимает труп. Входят Гарри и Джон).

ДЖОН Постойте, брат. Что вижу? Вы сказали,
Что ваш толстяк, сэр Джон Фальстаф, убит?

ГАРРИ Да, сам я видел Джона бездыханным,
Покрытым черной кровью на земле.
Ты жив иль только тень? Ответь, молю!

ФАЛЬСТАФ Ну, ну, на тень не очень-то похож я.
Пусть лопну, если я не Джон Фальстаф,
Вот Перси ваш. Я требую награды
И если мне откажет в ней король,
Пусть убивает сам другого Перси.
Я ж быть хочу по меньшей мере графом.

ГАРРИ Что это значит? Перси я убил
И видел на земле тебя.

ФАЛЬСТАФ О Боже,
Как изолгался мир. Не отрицаю,
Что я сражен был и лежал в плаще,
Как он. Но после оба мы вскочили
И целый час сражались по часам.
Клянусь, что я ему нанес две раны,
Он этого не будет отрицать.

ДЖОН Я в жизни не слышал страннее сказки.

ГАРРИ И рыцаря забавнее не видел.
Иди, красуйся с трупом на спине.
И если ложь тебе полезна будет,
Ее раззолочу я, как могу.
Вот трубы возвещают отступленье
Врага.

(Входит король со свитой).

ДЖОН Милорд, победой кончен бой.

КОРОЛЬ А дерзкий Перси?

ГАРРИ Вот его убийца.

КОРОЛЬ Сэр Джон Фальстаф, я не забуду вас.
Идем к войскам похоронить убитых
И наградить живых.

(Все уходят, кроме Фальстафа).

ФАЛЬСТАФ

Пойду за ними,
Там о наградах речь. Пусть Бог того
Вознаградит, кто наградит меня.
Клянусь, когда достигну я величья,
Я похудею, буду принимать
Слабительное, пить оставлю херес
И стану жить, как подобает лорду.

ЗАНАВЕС

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВА А. Д. СКАЛДИНА

Публикация Т. С. Царьковой

Алексей Дмитриевич Скалдин (1889—1943) продолжает оставаться одним из самых «загадочных», «потаенных» писателей XX века. При его жизни увидели свет лишь две значимые для него книги: в 1912 г. сборник стихотворений, вышедший в издательстве «ОРЫ» с посвящением «Вячеславу Иванову, брату», и в октябре 1917 г. роман «Странствия и приключения Никодима старшего». Первая попала под критический обстрел поэтов-акмеистов¹ и была удостоена только одной положительной рецензии.² Вторая, ныне признанная как «последний шаг прозы серебряного века, последняя его вершина»³ из-за надвигавшихся исторических событий вообще не стала предметом публичного обсуждения современников, лаконичные и более развернутые оценки ее находим в основном в письмах к автору друзей и литераторов (А. Г. Архангельского, Ф. Сологуба, Л. Гумилевского, М. О. Гершензона, В. И. Иванова, Н. В. Кузьмина и др.).

Скалдин много писал после Октябрьской революции, но опубликовать ему удалось лишь несколько статей и детских книжек.⁴ В 1924 г. он представил в издательство «Время» роман о Григории Распутине, написанный на документальной основе, но через год забрал рукопись и продолжил над нею работу. Как явствует из писем 1938—1939 гг., он читает новую редакцию романа в литературных домах Москвы и Ленинграда. В одном из своих последних писем к Р. В. Иванову-Разумнику (РО ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, № 326) Скалдин перечислил все, что он написал в своей казахстанской ссылке, куда попал по приговору «тройки» в 1933 г. за принадлежность к «контрреволюционному идейно-организационному центру народнического движения». Это были: «Роман о Распутине» — построенный на рассказах людей, много о нем знавших, «Колдунья» — роман о деревне, о ее истории, начиная с 1840-х гг., «Повесть каждого дня» — лирический роман о любви человека, которому любовь «никак не удается», «Чудеса старого мира» — роман о взаимоотношениях русского человека с зарубежным миром, «Третья встреча» — роман как бы о будущем, но в формах совершенно настоящего. Кроме того, повести «Авва Макарий», «Неизвестный перед святыми отцами», «Сказка о дровосеке с длинным носом». Общий объем написанного в Алма-Ате автор определил примерно в четыре тысячи страниц или в 170—180 печатных листов. Напомним, что наборы двух более ранних книг Скалдина — «Вечера у Мастера Ха» (новеллы) и «Архитектура деревянных церквей Саратовской губернии» — были рассыпаны во время первого ареста 1922 г.

Поиски литературного архива писателя в России в основном можно считать завершенными. Архив не был конфискован при третьем, последнем, аресте Скалдина в июне 1941 г. В документах Министерства внутренних дел Республики Казахстан сохранилась подробная опись имущества, находившегося в маленькой подвальной комнате, которую занимал в последние годы Скалдин. Все имущество было передано на хранение его последней возлюбленной, матери его дочери, Нине Соколовой и ее мужу Василию Пудовкину. В описи наряду с бытовыми вещами («галoши — 2 пары, одна из них новые, простыней — одна» и т. п., всего 95 пунктов) числится: «Книги и разная переписка — двадцать томов, журналы разные — шесть томов, книги разные — десять связок» (справка из Министерства внутренних дел Казахстана). Вероятно, эти чужие вещи — письма, дневники, художественные рукописи уже ушедшего из жизни человека — были помехой в быту живых, загромождали и их, тоже небольшую комнату, и они избавились от ненужного «хлама», предав его огню. Еще при жизни Скалдина его дочь Марина в одном из писем к своему другу так характеризовала отношение отца к его черновым тетрадам: «...я знала, что для отца эти рукописи — все! ... то, что ему дороже всего на свете!».⁵

Другая часть архива была оставлена Скалдиным на хранение брату — художнику Георгию Дмитриевичу Скалдину, проживавшему в Ленинграде, в Доме ученых (на улице Халтурина, 27). Но в блокаду обесилевший от голода Георгий Дмитриевич сначала вынужден был бросить свою квартиру, переехать на Васильевский остров и жить там в семействе Верховских, а затем эвакуироваться из Ленинграда. Его племянница, дочь Скалдина Марина, ранее дяди, в 1944 г., вернувшаяся из эвакуации в Ленинград, навестила квартиру на улице Халтурина и нашла ее разоренной и разворованной. Сама Марина с полуторагодовалой дочерью тоже отправилась в тяжелую эвакуацию, которая едва не стоила ей жизни при зимнем переходе с ребенком на руках через Кавказский хребет, и в конечном итоге привела к ранней смерти по возвращении. То, что оставалось в Детском Селе (улица Революции, дом 1, квартира 1 — последний адрес семьи Скалдина), погибло во время оккупации.

Проживавшая в городе Славянске младшая сестра Скалдина Валентина Дмитриевна Столбина, взявшая на свое воспитание его и Нины Соколовой дочь Миру, спасаясь от немцев, тоже была вынуждена бросить свой разбомбленный дом и скитаться с маленьким ребенком по чужим краям долгие военные годы. Она, как и Марина, жертвуя всем приемной дочери, подорвала здоровье. Тетя и племянница умерли в один год — 1947. В 1951 г. был арестован муж Валентины Дмитриевны, приемный отец Миры — Виталий Прокофьевич Чигиринец.

Таким образом, искать архив Скалдина в разоренной войной и бесконечными репрессиями стране оказалось малорезультативным занятием. Однако на Севере, в Архангельске, жила старшая сестра Скалдина Евгения Дмитриевна. Не получив никакого высшего образования (все Скалдины — самоучки), она работала швеей, а в Первую мировую войну была сестрой милосердия. Тем не менее Евгения Дмитриевна лучше других родственников смогла оценить и интеллектуальный потенциал, и писательский дар брата. В свою очередь и он выделял из всей семьи по уму именно эту свою сестру, о многом советовался с нею в письмах, излагал свои менявшиеся представления об общественном и семейном устройстве. Евгения Дмитриевна сохранила для дочери Скалдина Миры письма брата к ней, отдельные страницы дневников, авторизованную машинопись большой подборки стихотворений и беловую рукопись повести «Хорошие хозяева», к сожалению, обрывающуюся на полуслове. В различных фондах РО ИРЛИ и Саратовского исторического архива нам удалось

найти еще несколько документов, писем, стихотворений, относящихся к тем или иным периодам жизни Скалдина.

Для того, чтобы суммарно представить все, что осталось ныне из рукописного наследия писателя, следует назвать его личный фонд в Российском государственном архиве литературы и искусства, письма к Вяч. Иванову (Российская государственная библиотека), несколько писем, хранящихся в Российской национальной библиотеке, и семейные документы, принадлежащие внучке писателя Наталии Константиновне Гринберг.

Первая группа публикуемых ниже материалов непосредственно связана со служебной деятельностью Скалдина в Саратовском Губоно в 1921—1922 гг. Она теснейшим образом примыкает к его более ранним статьям об искусстве, опубликованным в саратовском журнале «Художественные известия» (1919 г.), и проливает свет на его неординарную культурную и политическую позицию, которая фактически и послужила причиной первого ареста.⁶

Читая эти служебные записки и тезисы докладов о роли культуры при новой экономической политике, надо иметь в виду их «эзопов язык». Будучи администратором городского и губернского масштаба (в ведении Скалдина в это время были все театры, все «зрелищные заведения»: кино, филармония, цирк; кроме того, он заведовал Радищевским (художественным) музеем), Скалдин был обязан демонстрировать свою лояльность новой власти, но при этом не мог отказаться от своей любимой идеи, которой служил всю жизнь, — необходимости поддерживать (в том числе экономически) и защищать старую классическую культуру. Несмотря на трескучую политическую фразеологию, которая даже чрезмерно «топорщит» стиль этих документов, эта идея прочитывается между строк, она в действиях, которые Скалдин предлагает власти и истинный смысл которых был вскоре разгадан его политическими противниками, что и привело к открытой травле и призывам применить «высшую меру».

Второй комплекс документов касается следующего периода жизни Скалдина. Это годы, проведенные в Ленинграде между освобождением из саратовской тюрьмы (лето 1923 г.) и новым арестом в январе 1933 г. Это было совсем другое время — тихое, сначала безработное, приводящее в отчаяние: ведь Скалдин должен был содержать семью — жену, дочь и падчерицу. Потом были и взлеты, но не столько творческие (это всегда «потаенно»), сколько внешние. Пока была разрешена коммерческая деятельность частных и кооперативных книжных издательств, Скалдин в течение нескольких лет зарабатывал на жизнь разъездной книжной торговлей. Благодаря этим занятиям он объездил всю страну, месяцами жил и путешествовал по Сибири, Дальнему Востоку, работал на Дону и в Закавказье. В этих странствованиях он собирал материалы для своих будущих романов. Тогда же у него появились необычайно ценные коллекции документов и записей рассказов о старце Федоре Кузьмиче и иностранных автографов. В 1939 г. Скалдин передаст и продаст за бесценок эти и многие другие материалы в московский Литературный музей (что и станет основой его личного фонда, переданного затем в РГАЛИ) и в ленинградскую Публичную библиотеку.

19 января 1939 г. «Правда» писала: «На днях рукописный отдел библиотеки им. Салтыкова-Щедрина пополнился новыми ценными документами. Библиотеке удалось приобрести у частного лица около 100 рукописей знаменитых писателей, композиторов и политических деятелей (XVIII—XIX веков). Часть этих автографов еще

нигде не была опубликована. Среди приобретенных рукописей много писем и записок Вольтера, Мирабо, Робеспьера, Шатобриана, Вальтер-Скотта, Беранже, композиторов Россини и Вебера. Большой интерес представляют также имеющиеся в этой коллекции письма Наполеона I, а также письма французских королей Франциска I и Генриха IV, герцога Гиза и других». В датировке документов «Правда» ошиблась на три столетия. «Книга для записи поступлений документальных материалов за 1938—1939 гг.» Публичной библиотеки раскрывает имя «частного лица»: «Куплено отд. комплектования у гр. Скалдина А. Д.»

Этот период представлен в нашей публикации стихотворениями «Петербург» (1924 г.) и «Сибирь» (1929 г.), а также черновой рукописью незавершенной статьи «Ленин и культура» (рукописи находятся в РГАЛИ и РО ИРЛИ). Статья не датирована. Вероятно, она писалась вскоре после смерти Ленина, на что указывает речевой оборот: «над свежей могилой». Как во всех статьях Скалдина, событие, личность — лишь отправная точка, повод для изложения своей философской идеи; в этом случае — обоснования утверждения: культура вступила в фазу коллективного творчества, теперь значительный результат не может быть достигнут одиночкой, пусть даже гениальным. Мысль, созвучная времени, определяющая время, но не вполне совпадающая с жизненной позицией Скалдина; может быть, именно поэтому статья осталась незаконченной и неопубликованной.

28 октября 1929 г. в один день с Д. Хармсом Скалдин был принят во Всесоюзный Союз писателей. Интересно, что и исключают их из Союза, уже сменившего свое название, почти одновременно: Хармса в январе 1932 г., а Скалдина, вероятно, несколькими месяцами ранее.⁷ В том же фонде, что и публикуемый «Протокол № 3», хранится анкета Скалдина на перерегистрацию, которую он заполняет в мае 1931 г. А в протоколе от 16 января 1932 г. факт его исключения подтверждается. Включение в такой список исключенных способно составить честь любому писателю той эпохи. Здесь и Введенский, и Клюев, и Туфанов. Вскоре все они будут арестованы, погибнут или будут высланы из Ленинграда, окончат свои дни вдали от города, от отторгнувшей их официальной литературы.

И, наконец, последняя группа публикуемых документов относится к позднему периоду жизни Скалдина. Это обрывочные, чудом сохранившиеся дневниковые записи 1934—1941 гг. (РО ИРЛИ). Надо полагать, что дневники Скалдин вел в Алма-Ате аккуратно на протяжении всех восьми лет. Об этом говорит четырехзначная авторская нумерация в правом верхнем углу листов из разъятых регистрационных («амбарных») книг большого формата. Девятнадцать фрагментов не дают возможности составить полное представление о характере дневников. Сохранившиеся записи разноплановы: это и бытовые зарисовки из жизни тогда глухого провинциального города — Алма-Аты, впечатления от просмотренных фильмов и дискуссий, развернувшихся на страницах столичных газет, фиксация черт характеров окружавших Скалдина людей, и воспоминания, и саморефлексия, и беллетризованные заготовки для будущих произведений. Имен людей, близких литературных кругам, в этих фрагментах немного: Н. В. Недоброво, Л. К. Чичагова (Гребенщикова), Я. П. Гребенщиков. Возможно, их немного было и во всех дневниках Скалдина — у него к тому времени был опыт двух предыдущих арестов, и как следствие могла появиться необходимая осторожность. И все-таки эти случайно сохранившиеся записи, нерасчитанные на чужое восприятие, безыскусно и подлинно, без героического пафоса передают атмосферу тягостной предвоенной эпохи и личного противостояния ей. В этом контексте неслучайно то, что последняя запись, сделанная за две недели до начала

войны и за три до рокового, смертоносного ареста, обращена к далекому прошлому и к самым дорогим людям — родителям.

¹ Пренебрежительные оценки книги находим в обзорах новых книг: *Гумилев Н.* [Рец.] // Аполлон. 1913. № 3. С. 75; *Городецкий С.* [Рец.] // Гилеборей. 1913. № 4. С. 27—28.

² *Недоброво Н. В. А.* Скалдин. Стихотворения. [Рец.] // Русская молва. 1913. 31 янв.

³ *Крейд В.* О Скалдине и его романе // Юность. 1991. № 9. С. 4.

⁴ В 1919 г. Скалдин сотрудничал в саратовском журнале «Художественные известия». В 1928—1931 гг. в Ленинграде выходят его детские книжки: «Чего было много», «Раскваси», «За рулем», «Колдун и ученый».

⁵ Письмо М. Р. Вальтер Г. М. Берковскому от 17 мая 1939 г. (Частное собрание).

⁶ Об этом подробнее в нашей публикации: *Царькова Т.* «Скалдиновщина»: Саратовский период жизни писателя А. Д. Скалдина // Лица. СПб., 1993. Вып. 5. С. 460—486.

⁷ В РО ИРЛИ сохранился черновик протокола заседания Комиссии по регистрации членов ЛО ВССП от 4 июля 1931 г., в котором фамилия «Скалдин» фигурирует в рубрике «Выяснить». Напротив фамилии — карандашная помета «Вывести». За указания по фонду 291 приношу благодарность его обработчику Т. А. Кукушкиной.

1. ТЕЗИСЫ К ДИСКУССИОННОМУ ДОКЛАДУ «ИСКУССТВО И НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА»

Разграничение понятий о двух видах искусства: искусстве возникновения и искусстве передачи. К первому виду относится непосредственное авторское творчество, не связанное с вопросом о заработной плате, хотя иногда и эксплуатируемое («Божественная комедия», «Война и мир», «Фауст», лирика в большинстве случаев. Тютчев, Фет и вообще все произведения такого порядка, где стимул заработной платы хотя и присутствует, но не первенствует и которые появились бы и без этой платы. Сюда же относится и все народное эпическо-лирическое творчество). Художник-творец не связан своим ремеслом, он может производить, занимаясь и другими делами, если даже обречен искать заработка.

Второй вид всегда связан с вопросом о заработной плате, следовательно — со всякой экономической политикой.

При обсуждении вопроса о влиянии какой бы то ни было экономической политики на искусство приходится иметь в виду искусство передачи. На искусство возникновения всякая экономическая эпоха может влиять только контекстом переживаний — искусство в эпохе ищет образов, но ищет критически и потому находит не только героев, но и карикатуры. Отсюда сатира.

При обсуждении влияния прежней экономической политики на искусство передачи сперва приходится обращать внимание только на хорошие стороны этого влияния, ибо дурных как будто и не было.*

* Первоначально было: ибо дурных <нет>.

Прежняя экономическая политика, понимая всякого члена общества как нечто однотипное и по отношению к искусству, приняло систему типизации, причем система эта в своих свойствах характеризовалась как система несомненного облагораживания — мещанство и пошлость изгонялись из искусства, как и из жизни. Но это только на словах в искусстве, как на словах и в жизни — спекулянт и мелкий буржуа все равно отовсюду лезли. Они вошли в плоть и кровь государства и партии и всюду заявляли о своем существовании, искажая принципы великой государственной программы.

Суть новой экономической политики заключается в том, что существование этого спекулянта и буржуа не замалчивается, но он из экономического расчета не вычеркивается безусловно (раньше так практиковалось и это было колоссальной и вредоносной <?> ошибкой), что ныне учитывается как реальная хозяйственная сила, с которой хотя и необходимо в общей программе вести борьбу, но иными средствами, чем практиковалось до сих пор.

С признанием факта хозяйственного существования мелкого буржуа борьба с ним начинает применять средства близкие и понятные — между прочим и хозяйственный расчет. Одно из первых правил хозяйственного расчета: за свободное <?> наличие хозяйственных единиц (денег) приобретать лучший по качеству в наибольшем количестве товар. Это правило переносится на все основания в общественной жизни. Поэтому и искусство в государственном масштабе покровительствуется и проводится лишь в том случае, если отвечает этим требованиям.

Но это в принципе. На самом деле искусство передачи отделяется от правящего государственного организма и предоставляется самому себе. Разумеется, временно, т. к. государственная власть, отступая на готовые позиции, многое из своего багажа скидывает. Скидывая, основывается в рассуждениях на хозяйственной целесообразности и на хозяйственном расчете. А искусство все менее чувствуется как потребное государству в его теперешнем положении (потребное не только как средство агитации, но вопрос использования его агитационного средства тоже плохо разработан) — то оно скидывается первым.

Перевод искусства передачи на чисто хозяйственный расчет с соблюдением принципа облагораживания — невозможен. Причина кроется в том, что рабочий класс своего искусства еще не создал и следовательно даже при большой своей мощности не может не созданное поддерживать, за отсутствием реального объекта, требующего поддержки. Мелкий же буржуа имеет собственное отношение к искусству и на искусство облагороженное не ловится, не идет, желая создавать и поддерживать свое. К сожалению, ему есть что поддерживать в противоположность рабочему классу.

Встает дилемма: нужно ли государству мелкобуржуазное искусство (а рабочего нет) или не нужно. Как органу программному, принципиальному — конечно, не нужно. Но постольку поскольку государство допускает мелкобуржуазную жизнь со всем ее укладом — допускается и доля искусства в <этой жизни>.

За государством же остается право хозяйственной эксплуатации роли искусства в этой жизни (как и во всех других частях уклада).

Но так как в мелкобуржуазной свободе таятся грозные опасности и она должна быть ограничена — необходимо ограничение и опасности искусства. Лучше всего применять здесь ограничение не запретительное, а ограничение путей фетиширования некоторых понятий. Великие имена прошлого мелкой буржуазии чужды, но они для нее являются фетишами, она никогда не посмеет от них отказаться. И желательно, и необходимо использовать их для ее морального ограничения. Но возможность беды заключается в том, что нарастает у нас мелкая буржуазия американской расы — без великих традиций — на нее великими именами уже не подействуешь.

В общем же политика государства по отношению к искусству передачи в применении его к мелкобуржуазной среде должна выражаться в эксплуатации при помощи этого орудия хищнического класса.

Говорить же о создании нового искусства в связи с новой экономической политикой сейчас нельзя. Возможность этого появится, когда рабочий класс, вынужденный сейчас вести отступления на многих участках, остановится, закрепится и осознает то, что ему нужно будет делать в новом положении. Сейчас ему решительно не до того, не до творчества возникновения было всем нашим художникам-творцам в пережитые нами войны и революции.

(Государственный архив Саратовской области, ф. Р-841, оп. 1, № 32, л. 12—16. Далее: ГАСО).

2. САРАТОВСКОЕ ГУБОНО

Доклад по Художественному Отделу

А. Общий план работы.

При исхождении из тезисов «Художественной Политики», к сему прилагаемых, практический план работы по Губернскому Художественному Отделу сводится к следующему:

Прежде всего укрепляется материальная база для идейной плановой работы. Укрепление это сводится к хозяйственной постановке дела и к возможному использованию искусства как объекта обложения, поскольку оно стремится обслуживать мелко-буржуазную массу и слой спекулянтов.

Под идейно-плановой работой мыслится поощрение и способствование развитию в искусстве течений, коим свойственно расслаивать мелкобуржуазную массу (Пролеткульт, левые течения, последователи символистов и т. п.), а также использование технических сил искусства для подъема культурного уровня масс и внедрение в сознание их представления о задачах эпохи.

Б. Отсюда общий план разбивается на отдельные русла искусства и определяются задания по работе на три месяца (октябрь—декабрь 1921 г.).

1. Театральная политика.

1) Определение количества и рода театров, допустимых в Саратове.

В расчет входят, как социальный состав населения, так и мате-

риальное его благосостояние. Последнее определяет качественную сторону дела.

- 2) Разграничение функций театров (несмешиваемость репертуарного материала).
- 3) Определение примерного репертуара, могущего служить в общем своем составе и средством просвещения масс, и источником безыбыточной эксплуатации одновременно.
- 4) Перевод существующих театров на принцип действительного самообслуживания.
- 5) Установление заинтересованности администрации театров в их доходности, художественности и хозяйственной высоте.
- 6) Для губернии — учет театров, работающих в городах, радикальная чистка их в смысле состава и репертуара и перевод на доходное самообслуживание.
- 7) То же для губернии — использование безработных актеров лучшей квалификации для создания разъездной труппы.

II. Музыкальная политика.

Устройство доходных концертов и обложение концертных вечеров всякого рода с целью создания денежного фонда для серьезной музыкальной работы просветительного характера <с> лекциями и демонстрированием.

III. Литературная политика.

- 1) Устройство платных литературных вечеров для изыскания средств на поддержку учебной работы молодежи в «Литературных Мастерских» и в Пролеткульте и для просветительно-издательского отдела.
- 2) Устройство литературных вечеров в память писателей.
- 3) Оживление основанного по весне «Дома Печати» с тем, чтобы довести его до положения центра всей умственно-общественной работы в Саратове.

IV. Изобразительные искусства.

- 1) Просветительно-художественная работа через лекции и экскурсии.
- 2) Систематическое развитие типа двух работающих студий внешкольного характера.
- 3) Проведение ряда художественных ремонтов как источника материальных средств для ИЗО.
- <4)> Работа по фото-кино.

Неослабный ремонт фильм и составление новых из остатков старых (частично это возможно).

Упрочение хозяйственной стороны кино.

Неослабное наблюдение за текущими событиями и фотографирование их.

V. Общая работа по отделу.

Совместная с профсоюзом работа по квалификации работников и выделение через эту работу из рядов работников любительского и кустарного типа.

- 2) То же с Союзом — локализация заданий отдельным работникам для подъема производительности.

- 3) То же с Союзом — работа по фактической централизации управления художественным делом в губернии.

Зав. Художественным отделом А. Скалдин.
Саратов. 24.X.21.

(ГАСО, ф. Р-841, оп. 1, № 32, л. 34—35 об.).

3. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Оформляя свою связь с искусством при условиях новой экономической жизни, Республика, Государственные руководящие органы должны считаться с течениями, существующими в искусстве, и уметь использовать их в целях государственного строительства.

Основные течения определяются следующим образом:

- а) группа консервативных устремлений, считающая, что все достижения искусства были в прошлом, и нам остается только хранить заветы этого искусства прошлых времен и питать ими скромную художественную жизнь, возможную в настоящем
- б) группа коллективистических устремлений, строящая свою идеологию на внеклассовом принципе, но считающая, что в рабочей и духовной организованности человечества таятся новые возможности большого искусства
- в) группа рабоче-классовых (пролетарских) устремлений, утверждающих, что раз человечество на путях своего развития подошло к практическому разрешению проблемы о пролетарском государстве — истинным отражателем духовной жизни современности может быть лишь искусство, родственное духу борцов за эту идею, т. е. искусство классовое, рабочее.

Первая группа по духу своему и по оставшимся за ней историческим задачам связана с классом мелкой буржуазии, т. е. с той экономической силой, на которую Республика смотрит как на допустимую в жизни страны, но лишь в пассивной роли.

Вторая группа находит своих идеологов и творцов в рядах тех промежуточно-классовых людей, которые не принадлежат к коммунистической партии, в то же время, не хотят идти вместе с мелкой буржуазией.

Третья группа — это группа партийных работников в области искусства, ищущих разрешения проблем его непосредственно в классовом своем сознании.

Уже самой фиксацией значения этих трех групп предначертывается отношение к ним Государственных органов, т. е.

а) Первая группа, как всегда склонная к совершенному измельчанию (эпигонству) и моральному растлению, хотя и допускается в жизни страны на правах работающего организма, но лишь под строгим моральным контролем власти. С экономической стороны учреждения, обслуживающие запросы мелкой буржуазии в области искусства, рассматриваются как источники государственного дохода

(каналы обложения) и только в случае хотя бы некоторой доходности поддерживаются Государством.

Переходное время текущих месяцев переустройства линии Государственного фронта диктует по отношению к этой группе некоторые послабления в отношении определения доходности.

Технические средства группы используются Государством наравне с техническими средствами промышленными и торговыми групп.

б) Взаимоотношения Государства со второй группой определяются ее происхождением: являясь наиболее жизненным ответвлением мелкобуржуазной массы — для Государственного строительства [и даже коммунизма], она служит залогом [возможности] перевоспитания этой массы в духе коммунистическом, ибо масса может быть или коммунистической или мелкобуржуазной, но в промежуточном состоянии [пробывать] не может, и ее отношение ко второй группе — это лишь отношение ученика к педагогу.

Вторая группа как ушедшая от мелкой буржуазии и потому не пользующаяся материальной поддержкой с ее стороны, в то же время необходима Государству, как средство, расслаивающее мелкобуржуазную массу, в своей работе пользуется значительной поддержкой со стороны Государства.

Третья группа еще только начинает жить, но мы твердо знаем, что в области Искусства, как и в области государственной жизни, она должна произвести огромнейшие изменения, ибо экономические течения и их идеология идут вместе одним руслом. Конечно, не приходится говорить, что всякая серьезная работа в отношении развития этой третьей группы — встречает всемерное содействие и понимание со стороны Государственной власти.

(ГАСО, ф. Р-841, оп. 1, № 32, л. 32—33 об., 36).

4. ЛЕНИН И КУЛЬТУРА

Когда к нему начинаешь присматриваться, впечатление такое, будто к искусству — одной из главнейших сторон культуры — у него не было личного отношения. Особенно же не было к тому, что принято называть искусством изобразительным.

Правда, как журналист и оратор, он умел показать на деле свои знания в искусстве слова, хотя и говорил, что в этом он не знаток и разбираться в тонкостях словесного мастерства не его дело. Но об архитектуре, скульптуре, живописи, театре всегда молчал, или же упоминая эти отрасли художественной работы, касался их вскользь, не по существу, только в связи с другими вопросами, которые он разбирал.

Печать гениальной всесторонности на Ленине была. В этом сходятся почти все, даже его враги. Если только они не ослеплены окончательно злобой к нему, как к руководителю рабочего класса, или не хотят сводить с ним лично свои мелкие житейские счета, может быть и очень для них глубокие и больные, но именно мелкие вследствие личного характера этих счетов.

Достоевский определял: «Оригинал это тип», то есть хотел сказать, что все наиболее интересные и значительные черты характеров людей той или иной эпохи могут собираться, как лучи в фокусе зажигательного стекла, в одном человеке, с особенной силой подчеркиваться в нем и через то делать этого человека оригинальным. Пожалуй, определение типичности по Достоевскому усилится, если сказать: «Гений — это тип».

Если же на Ленине эта печать была, то и невозможно думать, чтобы у него не было хотя и скрытого, но прямого отношения к такой важной части человеческого творчества, как искусства изобразительные, то есть к умению делать самые вещи. Вопрос об этом вошел в глубь сознания рабочей массы, для нее это не пустой и не чужой вопрос и было бы странно, если бы мы не видели Ленина здесь вместе с тем, чьим вождем он был по праву, как лучший сын от их плоти и крови.

Когда Ленин писал или говорил (особенно когда говорил), в его словах, в том, как он строил фразу и речь, как высказывал мысль, всегда с силою выступала одна сторона: крайняя экономность, даже почти скупость в расходовании мыслей и слов. В живых речах его эта особенность даже производила такое впечатление, будто он вбивал свои мысли в головы слушателей, и среди ораторов был не сладкогласным певцом и не восторженным проповедником, а молотобойцем, у которого руки, как машина, и сердце вместе с ними тоже подобные машины, то есть сам-то и не загорался будто, но из-под молота его языка летели снопы ослепляющих искр.

Таков был он — экономный, расчетливый и действующий только наверняка хороший мастер в кузнице человеческого завода, того завода, где выделывают ныне людей; математик инженерской складки, то есть не такой, что гадает по звездам, а такой, что в малых вещах, находящихся прямо под руками, ищущий полезное, нужное, применимое к самой жизни. Этим кузнецом еще долго будут заниматься историки, писатели и другие. Могила Ленина останется свежей, на очень долгие годы.

Связь Ленина с культурой и ее высшим проявлением — искусством следует искать, если можно так выразиться, в соотношении между типичностью лица покойного вождя и типичными чертами нашей культуры, причем под нашей культурой надо понимать не какую-нибудь так называемую Европейскую культуру, а сумму всех культур вообще, как уже исчезнувших с земли и только оставивших нам свои памятники (вроде египетской или перуанской), так и живых, но пока еще чуждых нам (вроде японской или индийской). Подобное объединение культур особенно важно для выяснения нашего вопроса потому, что Ленин был поистине вождем всемирного пролетариата, голос его был слышен не только в России, но в Индии и в Японии и даже там, где, как в Египте или Южной Америке, бедные потомки прежних пышных царств питают свои творческие желания обломками культур, созданных предками.

И когда взглянешь на совокупность всех культур, бывших и существующих — одна черта рисуется во всех них наиболее опреде-

ленно и удивительно; эта черта может быть названа для простоты: неэкономным и несоразмерным расходованием творческих сил и вещественного материала. Особенность действительно странная. Некоторые исследования, видя непомерное художественное богатство человеческих культур в прошлом и считая все, чем сейчас в своей культурной жизни питаются теперь не только Европа, но и Азия, за излишки добытого в прошлом, склонны утверждать, что как азиатские, африканские и американские народности пришли к закату, так идет к своему закату и Европа (наиболее ярким проповедником этого взгляда является Шпенглер,¹ выпустивший в Германии книгу, говорящую именно об этом закате). Однако это вовсе не так. Человечество вовсе не собирается складывать свои кости на земном шаре — просто, развиваясь, оно подошло к крайнему кризису и хочет, подобно змее, переменить кожу.

А прежняя кожа была личной, индивидуалистической, еще и сейчас многие культурные и научные работники считают, что те задачи, которые им приходится ставить, они должны ставить только в пределах своих собственных способностей, только перед собою. Короче говоря, судят так, похоже вот на что: «Если что делается, то лишь то, что я сумею сделать».

И это «я сумею сделать» на протяжении человеческой истории, особенно за последние 6—7 столетий существования человечества и особенно в Европе, все определеннее и определеннее вело старые культуры к неразрешимым вопросам, так как, разумеется, эти вопросы не таковы, чтобы их самонадеянно могли разрешить отдельные лица, хотя бы и очень гениальные.

Но процесс же развития человечества шел; отдельные работники культуры или просто массы накапливали одновр<еменно> с суммой знаний и сумму неразрешенных вопросов; многое отпадало в этом процессе накопления, одно за ненадобностью, другое за невозможностью как следовало бы использовать (особенно в искусстве эта невозможность использовать грандиозные процессы встречалась часто, напр<имер> у Пиранези² или в России у Витберга³).

Во второй половине XIX века благодаря накоплению неразрешенных и неиспользованных вопросов во всех областях человеческой культуры, в исторических науках, в естественных, в философии, в искусстве, в социальной жизни, пожалуй, как в основе всего, пожалуй и раньше, — возникает иное беспокойство за судьбы этой культуры. Чувство неудовлетворенности ее результатами растет и растет, части ее начинают отрываться одна от другой; первую уходит в сторону философия, объявляя себя наукой для науки отдельною от всех, затем строительное искусство отходит от жизни — строителем вместо архитектора становится инженер и так далее.

Но этот отход, эти блуждания вовсе еще не ведут к гибели ни философию, ни архитектуру. Просто в подсознании массовый работник ищет новых путей.

И вдруг архитектуру, ту отрасль культуры, которая, казалось, попала в самое безнадежное положение, совсем оторвавшись от жизни, мы находим живой и полной сил в другой области культуры, именно и возникшей в XIX веке, в том, что принято называть инженерией.

Первое и главнейшее свойство всякой инженерии — точный расчет, как необходимого материала, так и полезного действия. Как и всегда на первых порах, многое в этом расчете внешне неуклюже («нехудожественно», говорит художественный критик), но за этой неуклюжестью таятся огромные возможности. И тот же художественный критик уже начинает понимать, что крайняя строгость в расходовании имеющегося для художественной обработки материала и есть наиболее важное качество в художнике.

Следом за архитектурой находит себя жизнеспособной и философия в математике; еще в XVII веке Декартом,⁴ одним из числа тех, кто мог видеть вперед на столетия, указывался этот путь, его потом отвергли, но процесс и тут был неизбежен: сквозь разные идеалистические блуждания к блестящей системе относительности Эйнштейна,⁵ о которой теперь говорят так много. И одновременно во всех других областях культуры все яснее и яснее виднеется одно и то же правило: хочешь решить встающие перед тобой задачи — прежде всего помни о точном расчете своих сил.

И точный расчет сил во всех областях человеческого знания и работы даст одно и то же показание: это не под силу одному человеку. Нужен коллективный труд надо всем. Нужна организация этой коллективности.

Обратимся же к Ленину.

Думается, что не нужно подчеркивать другую сторону характера Ленина, ту, из которой вышел его призыв к мировой коллективности, точный, когда он произвел расчет социальных сил и он понял, что только в мировом масштабе социальная революция целесообразна. Необыкновенно остро он понял, какой принцип нужно положить в основу коллективистической организации Союза социалистических республик. Своеобразная работа, проделанная им, <при подходе> к этой проблеме останется всегда образцом политической мудрости в вопросах такого рода.

Итак, Ленин близок к искусству потому, что он до крайности современен, он тип нашей культуры, до гениальности резко подчеркнутый.

Успели там, в Америке, но он ближе к Америке, к успехам, чем Ам<ерике?> инженер.

(РГАЛИ, ф. 487, оп. 1, № 15).

¹ Имеется в виду главный труд философа-идеалиста О. Шпенглера «Закат Европы», первый и второй тома которого появились в 1918—1922 гг. (русский перевод тома первого — в 1923 г.).

² Вероятно, речь идет о проектах итальянского гравера и архитектора Джованни Баттисто Пиранези (1720—1778), создававшего архитектурные фантазии.

³ Витберг А. Л. (1787—1855) — русский архитектор, автор проекта грандиозного памятника-ансамбля в честь победы в Отечественной войне 1812 года. Памятник был заложен в 1817 г. в Москве, на Воробьевых горах, но не выстроен.

⁴ *Декарт Р.* (1596—1610) — французский философ и математик, представитель классического рационализма. В философии Декарта в сущности всякое тело стало математическим, а математика (геометрия) — наукой о телесном мире.

⁵ *Эйштейн А.* (1879—1955) — один из основоположников современной физики. Рационализм Эйштейна нашел выражение в его взглядах на идеал физической теории, который он мыслил как единую теорию геометризованного поля.

5. СТИХОТВОРЕНИЯ

Евгению Павловичу Иванову

ПЕТЕРБУРГ

Что замедляет колесницы бег, —
Иль опускаешь ты бразды, возница?
На черноту ветвей ложится снег,
А призрачное небо не глядится.

Пространство все охлаждено, и мера
Уже не учит больше ничему,
И видится притихшему уму
За ними хитрая химера.

24/XII 23—4/I 24.

Петербург.

(РО ИРЛИ, фонд М. С. Лесмана).

Иванов Евгений Павлович (1879—1942) — публицист, детский писатель, автор воспоминаний о Блоке. Скалдин знал его по «Башне» Вяч. Иванова, Религиозно-философскому обществу, собраниям у Д. С. Мережковского. Е. П. Иванов — «человек с умом и вкусом» — упомянут в письме Скалдина А. Г. Архангельскому от 16 сентября 1916 г. как их общий знакомый (см.: РГАЛИ, ф. 3, оп. 1, № 93, л. 16—17).

СИБИРЬ

Это — не город и не деревня.
Два оврага, река и бор;
Мох в пазах, матерые бревна
У преддверия гор.

Булок нет и нету изюма.
Только мясо и сено везут.
А возле из пара и дыма
Дорожный гуд.

И вдали, как царь Монтецума
Над золотом, где тайга и гнус,
Сидит, наряженный в пимы,
Седой тунгус.

Но на золото снова лопату
Через увалы, реки и лес
Несет, весь оборван, патлатый
И пьяный Кортес.

Что же, рой и гребни лопата!
Поработай, потом отдохнешь.
И Кортесу хмельное кстати.
Али, малый, не пьешь?
Ц<арское> С<ело>. 16.VI.1929.

(РГАЛИ, ф. 5, оп. 1, № 111, л. 4).

Монтесума (Моктесума) (1390—1469?) — вождь ацтеков, *Кортес Эрнан* (1485—1547) — испанец, завоеватель Мексики — имена, которые часто встречались в русской литературе конца XIX—начала XX вв. и приобрели почти символическое значение. Стихотворение записано Скалдиным в альбом В. Кривича (Анненского).

6. ПРОТОКОЛ № 3

заседания Комиссии по перерегистрации членов Л. О. ВССП
16 января 1932 г.

Присутствовали: М. Фроман, Н. Слепнев.

I. СЛУШАЛИ: список членов Лен. Отд. ВССП

ПОСТАНОВИЛИ: не могут быть перерегистрированными:

1. Бренев-Черный — считая, что т. Черный ведет в основном работу по линии Всероскомдрама.
2. Введенский — как не связанного с Союзом и как оторвавшегося от Союза Советских Писателей.
3. Владимиров-Венцель — как ведущего в основном работу по линии Всероскомдрама и работающего исключительно в области драматургии и эстрады.
4. Воинов — Тоже.
5. Голлебрах Э. — как историка в области искусства вообще, не связанного с практической работой Союза и ведущего работу по линии научно-исследовательских организаций.*
6. Гросс — как не связанного с практической работой Союза и ведущего работу в области истории и теории искусства по линии научно-исследовательских организаций.
7. Диксон — как не связанного с практической работой Союза и как работающего исключительно в области газетной [никак не связанного с художественной литературой].
8. Еленский — как работающего исключительно в области драматургии и по линии Всерос-

* *Вписано карандашом:* отсутствие четких идейных позиций.

9. Горелов* — комдрама, не связанного с практической работой Союза. считать механически выбывшим за не-взнос членских взносов, не уведомившего Союз о своем переезде в другой город, не связанного с практической работой Союза.
10. Купер — как не имеющего никакой литературной продукции, совершенно оторванного от Союза и не принимающего никакого участия в жизни и работе Союза.
11. Исаков — как не связанного с литературно-творческой работой Союза.
12. Ломакин — как не связанного** с практической работой Союза, работа т. Ломакина протекает исключительно по линии Всероскомдрама.
13. Лукашевич, К. — как не работающей и никогда не работавшей в Советской литературе, не связанной с идейно-творческой работой Союза.
14. Майзель, М. — считать механически выбывшим за отъездом на работу в другой город и не связанного в настоящее время с Союзом.
15. Никонов — как утратившего*** связь с Союзом и не принимающего участия в работе Союза.
16. Омельченко, А. — как утратившего литературно-творческую связь с Союзом.
17. Перельман — как работающего в области популяризации науки и техники и не связанного с творческой работой Союза.
18. Поссе — как утратившего всякую связь с Союзом.****
19. Правдухин — за отбытием в Московскую организацию.*****
20. Пятницкий — как утратившего полностью связь с Союзом.*****
21. Рабинович — как не связанного с литературой.

* У номеров 9, 14, 25, 26, 32 на полях карандашная помета — треугольник, у номера 16 — кружок.

** *Вписано карандашом:* последнее время. На полях: изменить оста<вить?>.

*** *Вписано карандашом:* литературно-творческую.

**** *Фамилия вычеркнута красными карандашом из списка. На полях помета:* оставить.

***** *Слово отбытие вычеркнута карандашом и вписано:* переведен.

***** *Фамилия вычеркнута из списка красным карандашом. На полях помета:* оставить.

22. Редько А. — как не связанного с литературно-творческой работой Союза.*
23. Редько, Е. — Тоже.
24. Римский-Корсаков — как совершенно не связанного с литературно-творческой работой Союза, работающего в области музыкальной критики.
25. Сейфуллина, Л. — за выбытием** в Московскую организацию.
26. Сковородников — как механически выбывшего за переездом в другой город.
27. Соллертинский — как утратившего связь с идейно-творческой работой Союза, не принимающего никакого участия в практической работе Союза.
28. Старк — как не связанного с Союзом ни по линии творческой, ни по линии практической работы Союза.
29. Флит — как работающего исключительно по линии Всероскомдрама в области эстрады и малых форм.***
30. Цензор — как работающего исключительно по линии Всероскомдрама и не связанного с идейно-творческой работой Союза.
31. Хармс — как не связанного с Союзом и порвавшего всякую связь с идейно-творческой работой Союза.
32. Четвериков, Б. — как механически выбывшего за отъездом в другой город, потерявшего связь с Союзом.
33. Щепкина-Куперник, Т. — как не работающая в Советской литературе.****

II. СЛУШАЛИ: о подтверждении результатов работы перерегистрационной Комиссии 1931 г.

ПОСТАНОВИЛИ: [исключить] из Союза*****

Клюева, Н. — как абсолютно чуждого по своим идейно-творческим установкам Советской литературе — писателя.*****

Подтвердить исключение из Союза следующих:

1. Алексеев Вл.*****
2. Бардовский

* Фамилия вычеркнута из списка красным карандашом.

** *Правка карандашом*: [переводится] за переводом.

*** На полях чернилами напротив фамилии поставлен вопросительный знак.

**** Фамилия вычеркнута из списка красным карандашом. На полях чернилами напротив фамилии поставлен вопросительный знак.

***** *Вписаны варианты*: [считать выбывшими], подтвердить исключение из Союза.

***** Фамилия вычеркнута из списка красным карандашом. На полях чернилами поставлен плюс.

***** Имя вписано карандашом.

3. Иванова-Чарская
4. Рашковский
5. Синельников
6. Скалдин
7. Слепцова
8. Туфанов
9. Фортунато
10. Шмерельсон

(РО ИРЛИ. Ф. 291).¹

¹ *Фроман Михаил* (псевдоним, настоящее имя — Фракман Михаил Александрович (1891—1940)) — поэт. Во время перерегистрации во Всероссийском союзе советских писателей, которая была запланированной «чистой» и одним из следствий которой явился публикуемый «Протокол», — член правления Союза. *Слетнев Николай Васильевич* (псевдонимы: Николаев Н., Альдим Н. (1902—?)) — автор книг: «Печать комсомола» (Л., 1924), «Самокритика в комсомоле» (Л., 1930) и др. *Бренев Николай Николаевич* (псевдоним Черный В. (1882—?)) — прозаик, автор книг: «Срочная любовь» (Л., 1927), «И он кричал» (Л., 1927), «Чудесная девушка» (Л., 1928), «Здесь — скарлатина» (Л., 1930) и др. Участник многих периодических изданий: «Сатирикон», «Новый Сатирикон», «Солнце России», «Красный ворон», «Бегемот», «Пушка», «Красная панорама», «Огонек» и др. *Введенский Александр Иванович* (1904—1941) — поэт, участник «Объединения реального искусства». В анкете 1931 г. Всероссийского союза советских писателей написал, что ЛенОгизом и издательством «Молодая гвардия» издано до 20 его детских книжек. *Владимиров В. Н.* (настоящее имя — Венцель Владимир Николаевич (1897—1958)) — автор комедии «Званный вечер, или Погоня за коммунистом» (изд. 5-е, Л.; М., 1929), книги «Красноармейская эстрада» (Л., 1945) и др. *Воштов Владимир Васильевич* (1882, по др. данным 1878—1938) — автор романов, рассказов, стихов для детей, кроме того, оперы-оратории «Фронт и тыл» (М., 1931) и пьесы (в соавторстве с А. Г. Чирковым) «Три дня» (Л., 1935). *Голлербах Эрих Федорович* (1895—1942) — искусствовед, литературный критик и поэт. Ко времени перерегистрации во ВССП выпустил более десяти книг. *Гросс Виталий Николаевич* (1900—?) — художественный критик, очеркист. Составитель книг: «Город Ленина в социалистическом строительстве. Фото-книга» (М.; Л., 1931); «На большевистском пути. Сборник документов 1917 г. по истории Ленинградской организации ВЛКСМ» (Л., 1932). *Диксон Константин Иванович* (1871—1942) — театральный критик, режиссер, очеркист, библиограф. Сотрудничал в периодических изданиях: «Журнал для всех», «Мир Божий», «Новое слово», «Солнце России», «Русские ведомости», «Вестник Европы», с 1925 г. — постоянный сотрудник журнала «Красная панорама». *Еленский Николай Октавиевич* (1868—1939) — драматург, прозаик. За один только 1929 год в Ленинграде отдельными изданиями вышли его пьесы: «Без благословения», «В двухнедельный срок», «Вредная болезнь», «Встряска», «Испытание», «Очень просто» (в соавторстве с Трахтенбергом В. А.). *Горелов Анатолий Ефимович* (1904—1991) — литературовед и критик. Во время перерегистрации — журналист, работающий в журнале «Стройка» и, кроме того, печатающийся в периодических изданиях: «Ленинградская правда», «Красная газета», «Смена», «Звезда» и др. *Кулер Соломон Натанович* (1896—?) — печатался в журналах: «Звезда», «На литературном посту» и др. *Исаков* — опечатка, надо: *Исков Борис Иванович* (1881—?) — переводчик. Ко времени перерегистрации опубликовал переводы Г.-К. Честертона, Джона Ресселя, А. Франса и др. *Ломакин Игнатий Семенович* (1885—?) — прозаик и драматург, автор романа «Сквозь череп» (М., 1910), сборников рассказов: «Гримасы жизни» (М., 1913), «Собственная жена» (Л., 1927), «Чужая шкура» (Л., 1927. 2-е изд.), «Идеал женщины» (Л., 1928) и мн. др., а также пьес: «На заводе» (Царицын, 1921), «Хозяин» (Л., 1926), «Бабын умом» (Л., 1927), «За полмиллиона» (комедия) (М.; Л., 1929). *Лукашевич Клавдия* (настоящее имя Хмызникова Клавдия Владимировна (1859—1937)) — детская писательница, автор многочисленных повестей и рассказов. *Майсель Михаил Гаврилович* (1899—1937) — литературовед, автор книг: «Страницы

из революционной истории финляндского пролетариата» (Л., 1928), «Новобуржуазная литература» (Л., 1929), «Краткий очерк современной русской литературы» (ГИХЛ, 1931). *Никонов Борис Павлович* (1873—1950) — прозаик, автор романов: «Золотой зверь» (Пг., 1915), «Поэт-булочник» (Л., 1927), «Глухая стена» (Л., 1928), повестей и рассказов. *Омельченко Александр Павлович* (1872—?) — беллетрист и драматург. *Перельман Яков Исидорович* (1882—1942) — писатель, популяризатор научных знаний, один из основателей Дома занимательной науки. Его книги: «Занимательная физика», «Занимательная математика» и др. выдержали десятки переизданий. Ко времени перерегистрации его книг и брошюр вышло около сорока названий. *Поссе Владимир Александрович* (псевдоним Новгородцев Л. В. (1864—1940)) — известный публицист. В документах ВССП 1931 г. фигурирует по отношению к нему и некоторым другим литераторам старшего возраста формулировка: «Не прошел перерегистрацию, но оставлен на довольствии Ленкубита как получающий персональную пенсию за литературные заслуги». *Правдухин Валериан Павлович* (1892—1939) — писатель, критик. Автор романа «Ялик уходит в море» (М., 1936). Ко времени перерегистрации сотрудничал в журналах «Красная новь», «Сибирские огни» и др., выпустил книгу: «Годы, тропы, рубцы» (Л., 1936). Позднее в соавторстве с Л. Сейфуллиной написал несколько пьес. *Пятицкий Константин Петрович* (1864—1938) — создатель вместе с М. Горьким издательства «Знание» и его редактор. Во время перерегистрации в ВССП — персональный пенсионер, печатающийся в периодических изданиях: «Ленинградская правда», «Красная панорама», «Вечерняя красная газета» и др. *Рабинович Иосиф Яковлевич* (псевдоним Ларин О. Я. (1890—?)) — юрист-консульт ВССП, автор статей на темы литературы и театра, печатавшихся в журналах «Современник», «Журнал журналов», «Заветы», во «Всеобщей газете» и др. периодических изданиях. *Редько Александр Мефодьевич* (1866—1933) — литературовед, литературный критик. *Редько Евгения Исааковна* (урожд. Шефтель, совместные работы с А. М. Редько подписаны псевдонимом А. Е. Редько (1869—1955)) — литературный критик, автор книги: «Женщины в „Народной Воле“» (по поводу 50-летия «Народной Воли») (Л., 1929). *Римский-Корсаков Андрей Николаевич* (1878—1940) — известный музыковед. *Сейфуллина Лидия Николаевна* (1889—1954) — писательница, наибольшую известность получили ее рассказы и повести 1920-х гг., неоднократно переиздававшиеся: «Правонарушители» (1922), «Переной» (1922), «Виринья» (1924). *Сковородинов Николай Александрович* (1898—?) — прозаик, публиковавший свои рассказы в журналах «Резец», «Стройка», «Ленинград». *Соллертинский Иван Иванович* (1902—1944) — известный музыковед. В конце 1920—начале 1930-х гг. сотрудничал в советских и зарубежных периодических изданиях как критик и переводчик, подготовил ряд изданий для издательства «Academia» и «ГИХЛ». *Старк Эдуард Александрович* (псевдоним Зигфрид (1874—1942)) — литературный критик и историк театра, автор книг: «Шалаяпин» (Пг., 1915), «Царь русского смеха К. А. Варламов» (Пг., 1916), «Старинный театр» (Пг., 1922), «Петербургская опера и ее мастера» (Л., 1940), а также серии очерков о музеях Петербурга и Москвы, печатавшихся в периодике. *Флит Александр Матвеевич* (1891, по др. данным 1892—1954) — поэт-фелетонист и пародист, ко времени перерегистрации — сотрудник «Красной газеты» и автор книги агитационных стихов «Необычайные похождения члена профсоюза» (Л., 1928). *Цензор Дмитрий Михайлович* (1877—1947) — поэт и прозаик, во время перерегистрации во ВССП — сотрудник газет: «Красная газета» и «Ленинские искры». *Хармс Даниил Иванович* (настоящая фамилия — Ювачев (1905—1942)) — поэт, прозаик, драматург. Участник «Объединения реального искусства». В декабре 1931 г. был арестован по подозрению в антисоветской деятельности. *Четвериков Борис Дмитриевич* (псевдоним Четвериков Дмитрий (1896—1981)) — прозаик, поэт, драматург, публицист. 1920—1930-е гг. — период творческой и общественной активности писателя, за это время у него вышло более двадцати книг. *Щепкина-Куперник Татьяна Львовна* (1874—1952) — прозаик, поэт, драматург, переводчик, мемуарист. *Клюев Николай Алексеевич* (1884—1937) — поэт. 20 января 1932 г. правление Союза писателей предложило Клюеву подвергнуть его последние произведения «самокритике». *Алексеев Владимир Сергеевич* (1903—1942) — поэт, печатался в журнале «Красный студент» (1923) и в газете «Красная звезда». Подробнее о нем см.: Из поэтического архива В. С. Алексеева / Публ. А. Л. Дмитренко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 403—430. *Бардовский Александр Александрович* (1893—1942) — театровед, автор книги: «Театральный зритель на фронте в канун Октября» (Изд. Рус. Театрального Об-ва, 1928), пьесы «Вожатый» (Б. м., 1936), театрализованных игр: «Бунт игрушек» (Л., 1925), «Да здравствует солнце!» (Л., 1929) и др. *Иванова-Чарская Лидия Алексеевна* (псевдоним, который указан в анкете ВССП

как подлинное имя, а в качестве псевдонима: Н. Иванова; настоящая фамилия — Чурилова (1875, по др. данным 1879—1937)) — писательница, автор многочисленных романов, рассказов, повестей, сказок, стихов, в том числе детских. В др. документах ВССП того же времени проходит в списках «Не прошедших перерегистрацию, но оставленных на довольствии Ленкублита как получающий персональную пенсию за литературные заслуги». *Рашковский Натан Соломонович* (псевдоним Лир (1860—?)) — публицист, журналист. В 1900 г. подвергся административной высылке. Печатался в журналах: «Русское богатство», «Вопросы общественной жизни», «Восход» и др. Так же, как и Чарская, был оставлен «на довольствии Ленкублита». *Синельников Исаак Михайлович* (1905—?) — поэт, литературовед. Печатался в журналах: «Ленинград», «Юный пролетарий», газетах: «Транспорт», «Рабочий путь», сборнике «Эхо гудков» (Л., 1922). *Слепцова Мария Николаевна* (псевдонимы: Корсунский П., Демолович П. (1861—1951)) — детская писательница. Автор книг: «В поисках за бессмертием» (СПб., 1910), «Откуда взялись камни на наших полях» (М.; Л., 1927) и др. Ко времени перерегистрации членов ВССП являлась «персональной пенсионеркой за личные заслуги» и поэтому оставлена «на довольствии Ленкублита». *Туфанов Александр Васильевич* (1877—1941) — поэт, создатель теории зауми. В 1931 г. был арестован по обвинению в контрреволюционном заговоре. *Фортуато Евгения Ивановна* (настоящая фамилия — Власова (1875—1968)) — писательница, автор «романа из эпохи освобождения крестьян» «Долой рабство!» (Пг., 1916) и сборника рассказов «Змеиная сила» (СПб., 1907). Печаталась в журналах «Звезда», «Вокруг света» и др. *Шмерельсон Григорий Бенедиктович* (1901—1943) — поэт, автор книг: «Длань души» (Н.-Новгород, 1920) и «Города хмуры» (Пб., 1922).

7. ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ 1934—1941 ГОДОВ

2-VII-1934.

Да, под чувством разумности всегда живет чувство неладности, а иногда и катастрофы даже. Тип человека, уверенного в своей разумности, представляла Нина Сергеевна Салищева, с которой я ехал в мае из Москвы в Алма-Ату. И уверена она была именно в разумности своей любви, в том, что мировой процесс прошел через ее личность так, как ему следовало пройти.

Впрочем, я смеюсь. Это была только игра в разумность. Когда в процессе разговора я почувствовал, что могу сказать, что в ее жизни многое не так, как она представляет, или хотела бы видеть — я это сказал.

Игра в разумное может вестись по-разному. С ее стороны это было ведением принятой роли. «Неважно, что на самом деле никому нет дела до того, что происходит в действительности — огни в зале потушены, занавес поднят и я играю». Но партнер по игре путает слова суфлера-памяти неожиданными вставками из другой драмы.

Тогда Нина Сергеевна вместо того, чтобы возмутиться, примолкает и напряженно глядит в окно несколько мгновений. Потом как-то поникает — тоже не больше, чем на минуту. Но этого достаточно. Уже все разгадано.

И действительно, позже она уже не может не сказать, что «разумность» ее жизни не так крепка, как она утверждала сначала. Муж ее ревнует и боится, что она не вернется в Алма-Ату. Ревнует к определенному человеку.

Но это только половина «неладности». Другая в ней самой — она говорит, при каких обстоятельствах она ушла бы от мужа. При каких же? Не все ли равно (я уже забыл, что она сказала). Важно, что обстоятельства возможны.

<июль 1935>.

...<не> [хочет ухаживать и не говорит ей комплиментов? Наоборот, от нее сторонятся.

Неужели она не понимает, как она такими мыслями и расчетами унижает свое достоинство (человека и женщины)? Если весь расчет строится на том, что от К.¹ она может уйти только тогда, когда найдет кого-либо третьего — разве это опять не перевод себя в разряд «женщин для мужчин»? Отвратительно! Как отвратительно!

Люба² говорит, что ей кажется, будто у Нины рождается мальчик (мне тоже кажется), но что она предпочла бы рождение девочки. Мальчишек она не любит.

Хотел ей сказать: у мальчиков свои мерзости, у девочек — свои, — но воздержался. А нужно сказать.

Сегодня полдня ломал голову над заглавием новеллы о черте, отдающем себя в руки инквизиторов. Новеллу хочу посвятить Нине. На прощание как бы.

И от него отделился стихами.

Так и не нашел подходящего.

«Неизвестный перед святой инквизицией»?³

8/VII.<1935>. Нина все-таки вчера утром была у Любы, очевидно, вопреки желанию и намерениям Кости. И даже спрашивала, когда можно Любу застать дома. Потом пришла Надя с Костиной матерью. Люба из этого сделала вывод, что и Костина мать с ним не согласна.

Но все это несветимая ерунда, меня не касающаяся.

10/VII.<1935>. Эти парки не только пряжи, но и свахи. Даже та, <утрачено> ножницами. Потому что если бы она не сватала, то нечего было бы ей и резать].

10-VII-1935. Шестого был толчок силою в 5 баллов. Но я не слышал гула и не ощутил толчка. Я в это время подходил к магазину на Торговой улице. В магазине посыпались на пол пустые ящики, составленные в штабель. Публика бросилась из магазина на улицу с криками. Но я не понял причины этого крика, решив, что люди перепугались падения ящиков, и вошел в магазин. Какой-то из покупателей что-то спрашивал у продавщицы из парфюмерного отдела. «Да погодите, — сказала она. — Я перепугалась». — «Все перепугались», — ответил он. «Но все за себя, а я за парфюмерный товар». «Что ж вам пугаться, — удивился он. — Это — общее, независящее от вас обстоятельство». Но я не понял и этого разговора. И только через полчаса узнал от Зорина на улице, что было землетрясение. Странно, значит и его не все люди ощущают одинаково. Это так же для меня, как бормашина: другие ее боятся, а мне она ничем. Наркотиков же я почти вовсе не переносу — даже когда зубной врач впрыскивает мне кокаин в челюсть — это вызывает у меня полуобморочное состояние. Зорин был взволнован — он ощутил толчок впервые. Позже я слышал от Милеева, сидевшего в это время дома, что он пережил несколько жутких мгновений:

был гул, как от проходившего где-то гигантского грузовика, и сотрясение такое же. Газета тоже пишет о гуле.

14/VII.1935. Вчера вечером с Пудовкиными на «Частной жизни Петра Виноградова».⁴ Фильм плохой. Сюжет бледен. Звучание — скверное. «Великий немой» превратился у нас в «Великого косноязычного». Гардин (Петр Виноградов) дает тип не героя, а отвратительного наглеца, самодовольную свинью («интеллигентного Розета»). Да видно он и сам такой по природе. Слишком актер и слишком провинциален в своем актерстве. На лице у него все это написано. Неудача его у девиц непонятна — обыкновенно такие для них неотразимы. А выведенные девицы — глупы, и тем более он должен был, вопреки всякой морали и логике, оказаться дважды победителем.

Сущность его технической идеи не дана. У зрителя является законное основание подозревать, что идеи-то и нет, она слишком бездоказательно дана.

Момент, когда обе девушки, столкнувшись у Виноградова, убегают одна за другой, — вызывает у Любы восклицание: «Так случилось и с Ниной — назначала свидания по ошибке сразу двум, и оба они вдруг являлись».

<обрез листа. На обороте:>

[на это реагировать. Если бы я имел возможность ближе наблюдать жизнь Кости и Нины — я увидел бы факты гораздо более для меня оскорбительные, чем этот (в смысле реакции Нины на внимание Кости), и я должен об этом помнить и это знать.

12.VII.<1935>. Вчера вечером на «Новом Гулливере»⁵ (опять с Пудовкиными). Фильм неудачен. Безжизненность, звуковое рычание, словесная беднота, косноязычность. Режиссерская бездарность и в довершение всего, отвратительно мигающий свет (это уже от Алма-Аты). Были богатейшие возможности для создания фантастического фильма (даже серии — по иностранному образцу), но ничего не вышло. Прекрасные куклы, но режиссер и оператор не]

<б/д> [что осталось бы от ее «свинских достоинств»?

Девушки, слушая француженку (они едут в коляске), обе вдруг вспоминают вычитанное ими начало сказки Пушкина «Царь Никита».

Их никто не просветил — чего не хватало дочерям царя Никиты, но они смутно догадывались.

Ведь они и сами еще недавно сравнительно обратили внимание на значение многих безделок.]

2/VII. Март. Еду в Москву. В вагоне за перегородкой, в другом отделении, разговор. Один из пассажиров сообщает другим, что спиритизм это не выдумка, что он научно исследован и доказан.

Из дальнейших слов его понимаю, что он спутал спиритизм с гипнотизмом.

Рассказчик — бывший офицер. Потом разговаривающие играют в карты, в домино. Рассказывают анекдоты. Репертуар скуден. И вообще никто ничего не может придумать ни для себя, ни для других. Скука безделья не скрашивается. Кто же они такие? Не сразу поймешь, а и поняв, придешь <в> уныние. Они делают всю нашу жизнь, но ничего толком они не знают. Говорят о городах — не держа в своей голове никакого представления о географии. Каждый город для них сам по себе. И каждое явление само по себе — в их сознании все расположено без композиции — нанизано как грибы на ниточке. Но цепко держится за свое. Антисемитские анекдоты рассказываются со слюной во рту от сладострастия, хотя и не умеют их рассказывать.

Вот картина дня путешествия Кота Аристиппа.⁶ У меня вагон, в котором едет Аристипп, — безжизнен.

— Приехал домой в Детское. Смотрю, где что лежит, где что стоит, что испорчено или погибло. На столе у мамы лежит толстая книга в переплете, обернутая еще в газетную бумагу. Раскрываю. Смотрю — «Вопросы Ленинизма» Сталина.⁷ Оказывается, этой книгой премировали на службе соседку — Асю Израилевну. Ася Израилевна в глубине души явно обиделась — нашли чем премировать. Но мама книгу взяла у нее для чтения и читает всерьез. Говорит: «А в некоторых случаях Троцкий был правее Сталина». Значит, в общем правоту за Сталиным признает. В 73 года, на костылях (безногая),⁸ все еще работает и, малограмотная (пишет плохо, но читает хорошо) — находит интерес к общественной жизни и к вопросу ее строительства.

Ну что же? — она не менее, чем отец,⁹ своеобразно культурный человек и свою культуру, как и он, создала будто из ничего. Были большие способности, пропавшие даром, как и у него. Но общественные идеалы были несколько другими — поэтому они всю жизнь не могли сойтись. Она была государственнымником, он — анархистом. Она — реалист, он — романтик.

Репертуар его чтения был очень пестр, а у нее выдержан, хотя, быть может, и однообразен. В жизни она прочитала немного книг, но читала каждую по несколько раз. Толстой, Достоевский, Диккенс, Тургенев, Григорович, Гончаров, Некрасов, Салиас, Данилевский — вот ее репертуар. Теперь попросила у меня для прочтения «Красное и черное» Стендаля. Уважение к книге, как и уважение к порядку, у нее живет крепко. Когда нужно было спасти мои книги (вынести из ниши и отобрать от сырой стены, перетереть, переложить по другому), она все сделала своими руками, без чьей-либо помощи. По одной, по две книжки переносила этих добрых полторы-две сотни пудов. Ведь на костылях. Воистину образец живучести, деятельности и крепкого сознания долга. (Все остальные неприятные и тяжелые стороны ее характера искупаются этим.)

— Вместе с Юрием¹⁰ мы отправились на вокзал за моими вещами. Хотели привезти их сами, но попросился за пять рублей охотник. Он нес — мы шли, за ним следом. Был он слабоват и невзрачен на вид, а мы такие оба здоровяки. От этого обоим стало как-то неудобно. Несколько раз предлагали ему помочь, дать отдохнуть, но он отказывался категорически. При расчете дал ему

вместо условленных пяти рублей (не торговались) — шесть. Малое искупление испытанной большой неловкости, но он остался очень доволен. На одно и то же — глубоко различные взгляды.

— Теперь уже нет в Алма-Ате на базаре полупоходных дунгальских столовых в палатках — уничтожали весной, когда выводили из города хулиганство и бандитизм. Говорят, что эти столовые были пристанищем для темного алма-атинского элемента. Не знаю — конечно. Тем, кто уничтожал — было виднее. Но кормили в них лапшой, пловом, кашей с урюком и кормили сытнее и вкуснее, чем в общедоступных советских столовых.

Вместе с дунганами-поварами исчезли и дунгане-булочники, продававшие свои по-настоящему белые лепешки. Цена была на белое печенье у них немного выше, чем в Торгсине,¹¹ но изделия были очень вкусны. Исчезнут, очевидно, навсегда из алма-атинского обихода эти кружочки белого теста в виде тарелочки, что ли? — приподнятые по краям и умятые в тонкий листок посередине.

Больше уже не кричат на базаре: «А вот интеллигентско-пролетарская столовая: повар китайский, мука русская, вода советская. Заходи, заходи, два рубля порция».

Сыпали в изобилии в лапшу зеленый лук и красный перец. Перец сыпали в таком количестве, что не всякий мог одолеть миску до конца.

На столах стояли цветы и бутылки с солью (чтобы не лазали за солью руками).

Как воспоминание об этом остались во вновь открытом в Парке Федерации «великосветском» ресторане надписи около каждого столика:

Твои пальцы грязны —
не бери соль из солонки руками.

Цветов же там на столах нет. Цветов много рядом, в парке.

И где-то далеко в городе, на воротах, красуется еще одно явление около щели, за которой, по другую сторону ворот, привешен ящик

Для сем
Ига зет ижур.

Странное отношение появилось в народе ко всякому «просвещению». Литература и письмо стали для массы, как театр: самому сделать нельзя, а смотреть можно. Ведь очевидно, в этот ящик действительно опускались не только письма, но и газеты, и журналы. Станные, доступные и в то же время неповторимые собственными силами вещи, подобные таинственным амулетам. То же и с ресторанами: платить 10 руб. за порцию барашка или почек в томате — можно, но как обращаться с солонкой?

Тут же плакатики со словами Демьяна Бедного о порядке в работе.

6/VII. В детстве отец называл Elsbete¹² «Египетскою царевной». Правда, в ее профиле было нечто родственное тончайшим

женским профилям Египта, а у Константина Георгиевича было увлечение египтологией и сходство он мог уловить.

Египет его интересовал до тяжелой болезни, во время которой в бреду ему стали являться египетские песьеголовцы. Испугался он их что ли, или видел что-нибудь и пострашнее, но от египтологии, выздоровев, отстал и стал заниматься оранжереями. Особенно любил тюльпаны и орхидеи.

Так было, когда он жил в Архангельске, а переехав в Юрьев, построил себе обсерваторию и занялся наблюдением над двойными звездами. Несколько вновь открытых двойных звезд, кажется, связаны с его именем.

Бедная моя «Египетская царевна»! Когда ты умерла, твое тело, исхудавшее от болезни настолько, что оно стало подобно мумии, провезли на Кузьминское Детскосельское кладбище через полуразрушенные Египетские ворота.¹³

В нынешнем году их будут реставрировать... Не в твою ли честь?

А покойный Николай Владимирович Недоброво,¹⁴ как-то присмотревшись к моему черепу, определил, что он у меня имеет нубийскую форму.

Определения Николая Владимировича я не проверил. Но может быть мои предки (цыгане по линии матери) в своих странствованиях по белу свету ухитрились побывать и на берегах Нила и в наследство мне сохранили в своей природе какие-то нубийские элементы.

Так и вышло — жизнь свела «Египетскую царевну» и потомка нубийцев — в Петербурге в 1912 году.

— Казалось бы, что нет ни одного встречного, ни одного идущего в ту же сторону, куда идешь и ты, который появился бы на свет иначе, чем потому, что где-то, когда-то какие-то «он» и «она», встретились, сошлись и породили нового человека.

Да и сам ты появился на свет другим способом? Нет. Тем же.

Но почему же ты так восстаешь внутренне против этого способа? Какой-то «высочка» из мира?

Понял. Не против способа ты восстаешь, а против того, как пользуются этим способом, но восставал столько раз и с таким упорством, что уже нельзя разобраться против чего именно ты восстаешь.

Пойми: нет ничего легкого сближения с женщиной (неверно когда-то я сказал Ксении,¹⁵ что «человеку к человеку подойти трудно»). Но а дальше? А если это неверно, если заранее понимаешь и чувствуешь, что здесь много неверного и ненужного (в каждом отдельном случае)? Сначала — сближение, а потом — расхождение. Это не нравится, ты неприятно в том обманулся. Зачем это?

— До чего доводит осмотрительность. Вот и живешь в городе как отшельник.

— Не как отшельник, или пусть как отшельник. Но что делать, когда за целый год жизни здесь я не встретил и одной женщины, которая меня хоть сколько-нибудь влекла?

Осмотрительность моя от требовательности. От чрезмерной требовательности.

Нина Николаевна Шишкина говорит, что от рассудочности. Это на мои слова о том, как меня определяла Лидия Александровна:¹⁶ «Вас должны любить женщины, дети и собаки...». Нина Николаевна говорила, что женщины любить не должны, потому что для них я очень рассудочен.

— [Зеркало висело косо и укорачивало смотрящих в него. Он взглянул в него и себя не узнал — таким он стал коротким и смешным от короткости. Ему стало неприятно — он считал, что он на грани между короткостью и длиной. Хотелось непременно проверить сейчас то, что говорило зеркало, а было нельзя — другого такого же (на весь рост) негде было найти.

Он отошел с чувством расстроенности. С такой смешной фигурой разве мог он рассчитывать на успех в любви. Ему казалось, что она действительно смешная, и что он себя раньше обманывал, утверждая свое состояние как раз посредине. Середина это пропорциональность, гармония. А разве он мог назвать себя гармоничным?]

— Бывает так, что жизнь сводит тебя подряд с несколькими людьми, которые имеют между собой много общего.

Так в Ленинграде и Москве за последнюю поездку жизнь свела меня с тремя Лидиями.

Общее в них было не только то, что все они были женщинами, носили одинаковые имена (хотя имя всегда связывается с человеком, как и темперамент: есть среднее статистическое наименование, как попытка определения свойств). Общее в них для меня было то, что о каждой подумал, чем она для меня могла бы быть.

Первою была Лидия Константиновна.¹⁷ Судьба ее, конечно, тяжела и бессмысленна, потому что жизнь свела ее с таким отчаянным неврастеником, как Яков Петрович. Была она когда-то очень привлекательна. Но три беременности в пять лет изуродовали ее — бедра и живот приобрели бесформенное выражение, получилась гипертрофия средней части тела, как наказание за то, что было гипертрофировано представление о назначении женщины да и человека.

— Не пойдем ли мы назад,
Если будем лишь рожать?

Конечно, пойдем. И у Лидии Константиновны наметился путь к... «брассам тоисской Венеры».¹⁸

Словом, человек, как целое, был испорчен. Конечно, многие этого не заметят и не поймут. Разойдясь с Яковым Петровичем, она по всей вероятности найдет если не вторую любовь, то новую половую связь. Впрочем, Владимир Николаевич говорит, что никакой любви у них и не было. Яков Петрович, отчаявшись к сорока годам найти какую-нибудь женщину для себя, свел Лидию Константиновну на Смоленское кладбище к могиле Блока (личность которого Л. К. была дорога) и там, под угрозой самоубийства, потребовал, чтобы Л. К. вышла за него замуж. Так иногда расправляются с девушками.

Лидия Дементьевна Баранова (жена Алексея Алексеевича Иванова) — другая. Всю привлекательность свою она сохранила, несмотря на то, что у нее, как и у Лидии Константиновны, было тоже трое

детей. Она очень тоскует по муже. Она умна, приятна. Это легкий, хороший человек. Меня встретила и проводила очень тепло. Жалею, что я не сумею зайти еще раз.

Третьей Лидией была Лидия Александровна Гуляева.¹⁹ Но о ней после, особо. Сначала нужно рассказать о встречах с Ксенией Михайловной.²⁰

— [Днем шума речки не слышно. Конечно, она шумит так же, как и ночью. Хотя и днем в нашей части Города тихо, но шум дневной жизни, сливаясь в нечто неразличимое и даже неслышимое, понижает звукопроводимость воздуха и заглушает плеск речных водоскатов.

Когда лежишь под навесом во дворе ночью и слушаешь шум реки, то кажется, что он идет не через пустырь перед домом, откуда до реки ближе, а спускается с верховьев по Алма-атинской и Казначейской улицам, может быть так и на самом деле, а не только кажется.]

— Религиозный человек, прочитав все журнальные и газетные статьи о постройке «Дворца Советов» в Москве,²¹ должен был бы решить, что это новая Вавилонская башня.

Да и действительно: уж слишком много в нее вкладывают «идеологии».

Из-за идеологии, например, не знают, чем закончить постройку.

Предполагается поставить наверху гигантскую фигуру Ленина. Нарисовать ее на проекте или прикрепить к макету легко. Но когда скульпторам и архитекторам придется решать задачу в действительности — дело окажется невероятно трудным. Снизу фигуру увидишь только в таком ракурсе, который ее исказит или обезличит. Плоскостная форма для таких увенчаний гораздо лучше. Недаром выдуманы кресты, петухи, магометанский полумесяц со звездой, да и наши серп и молот. Правда, на шпиге Петропавловской крепости укреплён ангел, но зато как вытянут шпиг? И на Александровской колонне ангел тоже, но это — колонна.

Смотришь на рисунки дворца и видишь, что фигура Ленина рисуется кое-как, без разрешения архитектурной задачи. Пока. Будем строить, а там видно будет. Когда дойдем до верха — отношение к вопросу об увенчании здания может решительно измениться. Лица, дающие «социальные заказы», к тому времени могут понять, что у архитектуры свои законы. Конечно, понять это труднее, чем законы механики в строительстве, скажем, аэропланов и паровозов, но дело еще не безнадежное.

Фигуру Ленина можно было бы поместить на другом месте в том же архитектурном комплексе.

А то один шутник советовал — водрузить наверху подобие «Трех Граций» Кановы. Примерно, Ленин, Сталин и Каганович в сюртуках и прочих принадлежностях европейского «культурного» костюма. Напоминала бы карикатуру. Ну что ж? — большинство не поняло. Ведь оно и художественный образ вообще представляет себе не в том виде, как его мыслил художник, а именно в виде карикатуры. Попробуйте проверить. Если б можно было заставить сотни тысяч людей нарисовать их представления (на память) о

любом из памятников — мы, наверное, получили бы колоссальную коллекцию карикатур на него.

7/VII. Будто неубедительно все это — о «высочке из мира». На самом деле очень действенно. Настолько каждый человек «сам по себе», что любовь не только единение, но и противоположность ему — «конфликт». Поэтому каждая сторона и считает себя «победительницей», поэтому и существуют «герои любовных походов» — Дон Жуан и Нинон де-Ланкло²² или Клеопатры <...>

б/д [Нина говорит:
— Я не хочу, чтобы вы женились по любви — вы все отдадите жене и мне ничего не останется.]

б/д не через другого) с печальными перспективами уродства и страданий на всю жизнь. Грязное животное! Хорошо, что я вырвал отсюда Миру.

б/д Меня она согласна сохранить в качестве знакомого и то лишь потому, что я отец Мирки.

б/д Ина²³ развивается и говорит очень хорошо. Гораздо лучше, чем в ее возрасте говорила Мира. Она настойчива и капризна в противоположность Мире, но капризы у нее нестойкие, скоро проходят. И удивительно хорошо она распознает изображение на рисунках и фотографиях, уже умеет сама нарисовать круг довольно правильно и всегда просит, чтобы ей рисовали что-нибудь.

б/д месяц назад, а другой в ночь на сегодня. Первый сон. Живу в подвале, как и теперь. Даже подвал почти тот же самый, но в большом каменном доме. Дом стоит на углу двух улиц, от него тянется высокая каменная ограда, а за ней корпуса фабрики, на которой работает Вася. И квартира ему дана от фабрики, а я у него и у Нины все тем же прихлебателем.²⁴

б/д и высохшая земля растворяется в лужах водки и ранее выпитого чаю, мешаясь с хлебными крошками и отгрызками селедки. Все вместе искажает незамысловатый рисунок клеенчатой скалки. А хлеб!

б/д Я на майский парад смотрел из окна комнаты брата на улице Халтурина («Дом ученых»)²⁵ Смешными казались сверху идущие люди (стоящие не казались). В движении ракурсы ног казались непропорциональными установившемуся отвлеченному представлению о размерах отдельных частей человеческого тела.

«Девяностые годы».

14/VI.1941. Отношение брата и мое к реальности. Он романтизировал отца. Почему? По характеру он противоположен отцу — отец лентяй, а брат крайний трудолюбец; отец — несдержан, брат отлич-

чается крайней сдержанностью; у брата чувство чести развито до крайности, у отца — оно было выражено очень слабо, несмотря на огромное самолюбие. Взять в долг и не отдать — у него было почти привычным делом; начать дело и бросить его на половине — тоже было у него не за редкость. Сделать кой-как и приблизительно он всегда был не прочь.

И тем не менее они понимали друг друга больше, чем я и отец. От понимания шла и любовь. Зато брат совершенно не видел матери и ее свойств. Главное в отце было то, что при своей анархичности — он ни в каком отношении к действительности не был революционер. Взрыв, подъем во имя ломки существующих форм и представлений ему был недоступен. Он в литературе, например, и символизма не принимал. В живописи весь был поглощен передвижничеством. Ему во всем и везде нужны были «польза» и «мораль». Помню, у него хранились его рисунки и опыты рассказов — плод его опытов из сравнительно молодых лет (вероятно, восьмидесятые и девяностые). Рисунки были слабыми, но по типу совершенно совпадали с тем, что мы знаем из карикатур «Искры», «Осколков», «Будильника» и всей плеяды однородных художников того времени. Подписи тоже были соответствующие. Например:

Покупатель: Да вы, наверное, на этом товаре рубль на рубль наживаете?

Продавец: Где уж нам рубль на рубль! Хотя бы на копейку две копейки.

Подпись под таким рисунком плохо связывалась с ним. Что изображено было на рисунке? Край прилавка; по одну сторону стоит продавец, по другую — покупатель. Вот и все. Типы? Выражения типов дано не было. А существовавшую подпись можно было заменить и всякой другой. Ну хотя бы:

— Что ж вы так дорожитесь? Уступите.

— Нет, какое уж уступить. Сами знаете, торговли никакой. Ей-богу себе в убыток продаем.

Ничего от этого не изменилось бы. Остроумия стало бы меньше? Но ведь не в рисунке оно уменьшилось бы.

Другой рисунок изображал бабу с петухом в подмышке и человека в чуйке, стоящего против бабы.

— Здорово, кума.

— На рынке была.

— Аль ты глуха?

— Купила петуха.

— Прощай, кума.

— Полтину дала.

И тоже — больше ничего. Подпись сама по себе, рисунок сам по себе. Словом, как у передвижников. Такая уж была эпоха. Островский, конечно, еще играл во всем этом большую роль. Может быть, через театр. Но именно он как-то определял художественную форму, тяготение ее к голому «бытовизму».

Были у отца еще и другие рисунки, но они у меня в памяти не сохранились. И отец сам их никогда не показывал. Я вытащил их как-то тайком из верхнего ящика материнного комода и посмотрел, пока старших не было дома.

Подобны рисункам были и литературные опыты отца. Не то это были только нравоучительные диалоги, не то попытки дать комедийные сценки. В них был юмор, но не было веселья, хотя бы даже глуповатого (что было, например, у Димитрия Семеновича Высотского). Отца бурно-веселым я не видел никогда.

Но к девяностым годам рисунки и литературные опыты для отца, пожалуй, были уже делом прошлого. Думаю, что и то и другое заинтересовало его до женитьбы, т. е. в конце семидесятых и первой половине восьмидесятых годов. Женился он весной 1886 г.; т. е. венчался. Здесь у меня нет точных сведений (мать в рассказе несколько путает) — возможно, что он женился только в 1887 году; в том же году у него родилась первая дочь — Евгения (15 дек. — 27 дек. 1887 г. — по времени рождения могло быть, что он сошелся с моей матерью еще до венчания).

С женитьбы круто изменилась жизнь отца и начались для него те годы, которые я, для отчетливости целого ряда представлений, называю «девянностыми». Они протекли для него, главным образом, в Новгородской губернии — в Боровчике, Карыхнове и Бологом, закончились одиноким переездом (с отрывом от семьи) в Петербург и с 1902 г. перешли в те, что я называю «годами символов», когда он из Петербурга снова переселился в деревню, в Новгородскую же губернию, под Вороний Остров, и попробовал обзавестись сельским хозяйством, на правах арендатора у К. В. Колокольцова. Из опыта отца в этом случае ничего путного, как и в других, не получилось. Уже в 1907 г. он перебрался вслед за мною в Петербург, где и жил до войны. В этот период, в «период символов», он с символизмом все же столкнулся — через своих сыновей, т. е. через меня и через Юрия. Все, что шло от меня и через меня — он отверг, то, что через Юрия — он более или менее примирительно принял. Через меня шел философский и метафизический символизм; через брата — формальный. О себе я буду говорить особо, а у брата символизм преломился в копирование одной картины Беклина²⁶ и в подражание немецкому югенд-стилю в смеси с российским модерном. Кое-что из российского модерна отец воспринял еще раньше, например, в 1902 г. через листы рукоделий, прилагавшихся к журналу «Родина». Помню, он даже объяснял нам, детям, по поводу одного красочного рисунка вышивки, — что тут нового? Новое он понимал в асимметричности; о большем он не говорил. Может быть потому, что сам больше ни о чем не слышал, а может быть потому, что ничего больше не видел, т. е. потому, что все остальные стороны модерна прошли мимо его сознания.

Девяностые годы для отца начались не только с его женитьбы, но и со вторичной ссоры с дедом — Андреем Ивановичем. Первая произошла, когда отцу было 12 лет, т. е. в 1866 или 1868 г. (я не знаю точно года его рождения). Причиной второй ссоры, если судить о ней на основании препирательств отца с матерью, была именно женитьба его на матери и тяжелый характер матери, но я думаю, что эта причина выставлялась только позже, для «уязвления» матери, а на самом деле была глубже и принципиальнее. Главное, чего не мог допустить отец — чтобы дед и бабка вмешивались

в его дела. Ведь и в первый раз отец ушел от деда, несмотря на свой малый возраст, именно по той же причине.

(РО ИРЛИ, р. I, оп. 25, № 514, л. 1—19). В квадратных скобках даны фрагменты, зачеркнутые автором.

¹ Имеется в виду Константин Гангоев — первый муж Нины Владимировны Соколовой (1914—1996), последней возлюбленной А. Д. Скалдина.

² *Люба* — старшая сестра Нины Соколовой, первая жена Василия Пудовкина, ставшего после ее самоубийства мужем Нины.

³ В письме к Р. В. Иванову-Разумнику (июнь 1941 г.) Скалдин называет эту новеллу «Неизвестный перед святыми отцами».

⁴ «Частная жизнь Петра Виноградова» — фильм о жизни и труде советской молодежи (1934 г., на экраны вышел в мае 1935 г.; режиссер — А. Мачерет, в главной роли — Б. Ливанов).

⁵ «Новый Гулливер» — полукукольный, полунигрольный сатирический фильм, направленный против фашистских режимов (1935 г.; режиссер — А. Птушко, в главной роли — В. Константинов).

⁶ *Аристипп из Кирены* (ок. 435—ок. 355 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, сторонник гедонизма.

⁷ Упоминание книги И. В. Сталина не становится датирующим признаком дневниковой записи, так как в период с 1931 по 1941 гг. «Вопросы Ленинизма» переиздавались ежегодно.

⁸ *Скалдина Александра Николаевна* (1857 или 1858—1942); была инвалидом: попала под трамвай, вследствие чего ей ампутировали ногу.

⁹ Отец — *Дмитрий Андреевич Скалдин* (1856?—1918).

¹⁰ *Скалдин Георгий Дмитриевич* (1891—1951) — младший брат А. Д. Скалдина, малоизвестный художник, работал как книжный график в ленинградских издательствах.

¹¹ Торгсин — торговля с иностранцами на золото и валюту в период НЭПа.

¹² *Скалдина Елизавета Константиновна* (урожд. Бауман (1885—1933) — жена А. Д. Скалдина. Происходила из семьи прибалтийских немцев. Переводчица.

¹³ Египетские ворота были построены в 1827—1830 гг. по проекту А. А. Менеласа. Реставрация их чугунной обшивки и чугунной скульптуры была проведена в 1934 г. В 1937 г. зафиксировано в документах их окрашивание, проведенное, вероятно, в связи с пушкинским юбилеем.

¹⁴ *Недоброво Николай Владимирович* (1882—1919) — литератор, друг семьи Скалдиных, автор рецензии на первую книгу Скалдина «Стихотворения» (1912).

¹⁵ *Ксения* — см. ком. 20.

¹⁶ См. комм. 19.

¹⁷ *Чичагова (Гребенщикова) Лидия Константиновна* (1899—1942) — вдова Якова Петровича Гребенщикова. Супруги работали в Публичной библиотеке Ленинграда. В 1933 г. Я. П. Гребенщиков проходил по одному делу со Скалдиным. Первый год алма-атинской ссылки они прожили в одной комнате. Из-за тяжелого психического заболевания в 1934 г. Яков Петрович был освобожден, но жить в Ленинграде ему было запрещено, он умер в Алма-Ате в 1935 г.

¹⁸ Точно установить, о чем идет речь, — не удалось. Возможно, имеется в виду Венера палатцо Браски — скульптура, хранящаяся ныне в Мюнхене.

¹⁹ *Гуляева Лидия Александровна* — дочь профессора Бакинского университета А. Д. Гуляева, знакомая Скалдина по кругу Вячеслава Иванова. Сохранилось письмо Л. А. Гуляевой к Вяч. Иванову от 20 янв. 1925 г., в котором она пишет о Скалдине: «... Думаю о чем хочется и как хочется, и помогает мне думать „милый Алеша Скалдин“, который мне пишет изредка большие и умные письма. (Он теперь в Ново-Николаевске на службе; семья его здесь.) Много пишет мне о Боге, но путь, который он мне предлагает, чтоб прийти к Нему — неверен. Вы недаром прозвали меня бесенком; ангельские пути к раю для меня во всяком случае закрыты».

²⁰ *Колобова Ксения Михайловна* (1905 или 1906—1977) — историк античности, ученица Вячеслава Иванова. Скалдин познакомился с нею в Баку в 1925 г. и поддерживал отношения до 1941 г.

²¹ Идея постройки Дворца Советов в Москве широко обсуждалась в прессе начиная с 18 июля 1931 г., когда в газете «Известия» был объявлен конкурс проектов.

²² *Нипон де Ланкло* — известная изысканная парижская куртизанка XVII в.

²³ *Инесса* (р. 1938) — дочь Нины Владимировны Соколовой и Василия Александровича Пудовкина.

²⁴ Некоторое время Скалдин жил в одной комнате с супругами Н. В. Соколовой и В. А. Пудовкиным.

²⁵ Скалдин Георгий Дмитриевич жил в Доме ученых (Ленинград, улица Халтурина, д. 27).

²⁶ *Беклин Арнольд* (1827—1901) — швейцарский живописец, повлиявший на формирование немецкого символизма и югендстиля.

ВОСПОМИНАНИЯ П. С. БОГОСЛОВСКОГО О СОЗДАНИИ ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И ЭКСПЕДИЦИИ 1917 ГОДА

Публикация Н. Л. Николаевой

Павел Степанович Богословский (1890—1966) — фольклорист, литературовед, историк, археолог, уральский краевед. Все научные интересы ученого были связаны с родным Пермским краем. Родился П. С. Богословский в с. Веретия Соликамского уезда Пермской губернии в семье потомственного священника. Окончив духовное училище в Соликамске и Пермскую духовную семинарию, в 1909 г. он поступил в Петербургский историко-филологический институт на отделение русского языка и словесности; параллельно с 1911 г. учился в Археологическом институте. После окончания учебы в 1913 г. П. С. Богословский вернулся в Пермь и работал во 2-ой мужской гимназии, когда произошло важное для Перми и всего Урала событие — в городе был открыт университет. В 1917 г. решением Петроградского университета П. С. Богословский был определен профессорским стипендиатом по кафедре русского языка и словесности и сразу же прикомандирован ко вновь открытому университету. В 1919 г. молодой ученый сдал испытания на магистерскую степень и в начале 1920 г. был избран приват-доцентом, а чуть позже — заведующим кафедрой русской литературы Пермского университета.

Пермский период стал самым плодотворным в жизни П. С. Богословского. К этому времени относится большинство его статей, сохранивших свое научное значение до наших дней. Однако в эти же годы в жизни ученого произошли драматические события. В 1932 г. ему были предъявлены обвинения в неактуальности и контрреволюционности некоторых его научных работ. Ученый вынужден был покинуть Пермь. В 1935 г., уже когда П. С. Богословский жил в Москве, он был арестован, осужден по статье 58 (контрреволюционная агитация) и отправлен в исправительно-трудовую колонию КАРЛАГа в Казахстане. После освобождения в 1940 г. П. С. Богословский жил и работал в Караганде, являясь профессором Карагандинского учительского института. В 1946 г. ученый сделал попытку вернуться в родной Пермский университет, но отношения здесь, видимо, не сложились, и в 1948 г. П. С. Богословский уезжает в Москву к одному из сыновей. Подробное изложение биографии и освещение научной деятельности П. С. Богословского можно найти в статье Т. Г. Ивановой.¹

Наша публикация посвящена двум рукописям П. С. Богословского из его мемуаров, которые ученый писал в конце жизни.² Для публикации отобраны «Университетские фрагменты» и «Факультетская экспедиция 1917 года» (РО ИРЛИ,

ф. 690, оп. 2, № 27; машинопись). Первый документ имеет на титульном листе помету «1961 г. Август. На даче у Бори».³ «Университетские фрагменты» содержат информацию об истории создания Пермского университета, основанного в 1916 г.; рисуют штрихи к биографиям первых профессоров и преподавателей университета; дают представление об общей обстановке на Урале в период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. К сожалению, эта часть воспоминаний не закончена и обрывается на самом интересном месте — на том эпизоде, когда члены фольклорно-этнографической экспедиции, руководимой П. С. Богословским, были задержаны жителями вишерской деревни Бахари по подозрению в шпионаже в пользу Германии. Второй документ — «Факультетская экспедиция 1917 года» — содержит дополнения к первой части и рассказывает о пребывании экспедиции в Соликамске, Чердыни, Орле-городке и Пыскоре.

Данные биографического характера, имеющиеся в воспоминаниях П. С. Богословского, являются очень ценным материалом для характеристики людей, о которых известно довольно мало, но которые были видными фигурами русской науки и общественной жизни Урала начала XX в. Такова, например, ситуация со сведениями о талантливом ученом-филологе, специалисте по древнерусской литературе А. П. Кадлубовском. Если библиографию его трудов можно собрать, просмотрев научные издания начала XX в., то биография ученого практически неизвестна; лишь в «Списке профессоров и преподавателей историко-филологического факультета Петроградского университета на 1917 год»⁴ мы находим скудные данные о А. П. Кадлубовском. К сожалению, П. С. Богословский не раскрывает тайну гибели А. П. Кадлубовского и его семьи в годы Гражданской войны, указывая только, что «произошла страшная трагедия». Чтобы выяснить, что же произошло с известным ученым в это время, установить хотя бы дату смерти, требуются дополнительные разыскания. Воспоминания П. С. Богословского содержат чрезвычайно интересные сведения об известном пермском меценате Николае Васильевиче Мешкове, сыгравшем важную роль в становлении университета. Здесь говорится также о просвещенной семье чердынских промышленников Алиных.

О некоторых лицах, упомянутых в воспоминаниях П. С. Богословского, дополнительных сведений нам найти не удалось. Так дело обстоит с С. П. Голкиным, преподавателем Пермского университета, членом экспедиции П. С. Богословского; Г. А. Орловым, директором 2-ой мужской гимназии; болгариним Раевым и др. Тем ценнее публикуемые мемуары П. С. Богословского, вносящие дополнительные данные в пермское краеведение.

При подготовке рукописей к печати в комментариях была собрана информация о лицах, упоминаемых в мемуарах, и исторических местах Прикамья, которые посетила экспедиция. Мелкие опечатки в тексте исправляются без оговорок. В более сложных случаях даются пояснения в комментариях.

¹ *Иванова Т. Г.* П. С. Богословский и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 3—35.

² См.: РО ИРЛИ, ф. 690 (П. С. Богословский), оп. 2, № 24 («Соликамские фрагменты» — об учебе в духовном училище); № 22 и 23 («Петербургские фрагменты» — об учебе в Петербургском историко-филологическом институте); № 28, 29, 26 («Жизнь в могиле» и «Казахстанские фрагменты» — о заключении в сталинских лагерях).

³ *Боря* — Борис Павлович Богословский, сын ученого. В фонде фольклориста сохранились его письма к отцу (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 3, № 251—253); детская ха-

рактеристика сыну дана П. С. Богословским в документе, названном «Детский альбом» (оп. 2, № 20).

⁴ Петроградский университет. Филологический факультет. Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета бывшего императорского Петроградского университета с 1819 года. Пг., 1917. С. 22.

I. УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ФРАГМЕНТЫ

О Пермском университете я мог бы написать очень и очень много, так как хорошо знаю историю его создания еще с «эмбрионального», так сказать, его состояния и был активным участником его создания. Но в данный момент я ограничусь лишь фиксированием отдельных моментов из истории Пермского университета, фрагментарными записями отдельных фактов из его деятельности и данными персонального характера, лично мне известными. Я знал личный состав всех факультетов Пермского университета, почти со всеми научными работниками их был знаком, начиная опять-таки с первых лет его существования.

Мне хочется сохранить для истории многие факты университетской жизни, память о многих личных встречах.

За Пермский университет шла упорная борьба. Право на университет оспаривали другие города. А главное, надо было создать в Перми необходимую базу для открытия университета. Много сделали город и земство в этом отношении, но роль Мешкова Николая Васильевича,¹ отдавшего массу энергии и материальных средств для будущего университета, совершенно исключительная. Основное здание для университета было представлено Мешковым, им же даны и миллионные средства. Мало того: Мешков убеждал, кого² только можно, в необходимости всеми средствами создать университет в Перми.³ Мешкова я лично знал, знал непосредственно, что им делалось для университета, а после Октября я виделся с ним в Москве в 1924 г., когда он состоял консультантом в НКПС,⁴ за несколько недель до его смерти,⁵ много с ним беседовал о Пермском университете и убедился, что все его мысли были сосредоточены на нем.

Открытие университета в Перми раскрывало широчайшие перспективы для города и края, поэтому реализации этой мечты содействовали очень и очень многие из пермского общества. Я и Чижов В. Е.⁶ писали статьи, везде говорили о необходимости поддержки университета, пропагандировали эту идею среди учащейся молодежи.⁷

Для открываемого университета нужны были квартиры. Вся наша семья во главе с папой решила отдать старый дом, где была свободная квартира из 4-х комнат, для профессоров. Мало того: вся семья из семейных сыновей,⁸ вместе с родителями, перешла в верхний этаж нового дома, где и разместилась с трудом. Нижний этаж нового дома, где была квартира из 6 комнат, также была предложена для профессоров. В старом доме у нас поселился профессор по кафедре философии Сырцов Анатолий Иванович.⁹ В новом доме квартиру занял профессор по кафедре истории Дьяко-

нов Александр Петрович.¹⁰ Обе квартиры часто посещала профессора.

КАДЛУБОВСКИЙ Арсений Петрович.¹¹

Первым деканом историко-филологического факультета в Перми был экстраординарный профессор, магистр русской словесности и языка А. П. Кадлубовский — из состава Петроградского университета. Ему было лет 50.

Это был прекрасный знаток древнерусской литературы и народной словесности. Диссертация его была посвящена памятникам агиографии.¹² А. П. был очень эмоциональный человек, очень культурный. Он был моим руководителем, когда я был оставлен для подготовки к профессорскому званию при Петроградском университете. Между прочим, он был религиозный человек. Когда был профессором в Харькове, часто посещал церковь и читал на клиросе. В Пермь он приехал с двумя девочками-гимназистками. Жена его жила в Крыму, где у нее была дача с розарием. Во время гражданской войны с его семьей произошла страшная трагедия. Тогда же погиб и сам Арсений Петрович.¹³

Из учеников А. П. следует отметить Белецкого Александра Ивановича¹⁴ и Булаховского Леонида Арсеньевича,¹⁵ академиков Украинской Академии наук.

Помню неоднократные разговоры в профессорской среде факультета в 1916—1917 гг. о привлечении в Пермский университет А. И. Белецкого. Особенно горячо этого желали Арсений Петрович и С. П. Обнорский.¹⁶ Белецкий почему-то в Пермь не приехал, а приехал в следующем году другой ученик А. П. — Булаховский Л. А.

Весной 1917 года на средства, данные Н. В. Мешковым, наш факультет осуществил экспедицию по Каме в Усолье, Пыскор, Соликамск и Чердынь и по Вишере. Цель экспедиции — ознакомление с рукописными памятниками и собирание материалов о местных говорах. Экспедиция была в составе: профессора А. П. Кадлубовского, П. С. Богословского (начальник экспедиции), И. Г. Раева¹⁷ и преподавателя С. П. Голкина.¹⁸ Между прочим, по возвращении из экспедиции А. П. написал письмо известному знатоку рукописной повествовательной литературы профессору Ленинградского университета Илье Александровичу Шляпкину¹⁹ (моему учителю по русской палеографии) с запросом о ряде интересных рукописных повестей, найденных нами в Усольском музее. Шляпкин ответил, что среди названных нами древнерусских повестей есть несколько совершенно неизвестных в науке. К сожалению, происшедшие вскоре политические события прервали нашу интересную научную переписку. Между прочим, Шляпкин очень заинтересовался открытыми нами рукописями и обещал «порыться» в древлехранилищах для дальнейшего уточнения научной ценности этих памятников.

В 1917 году я по линии церковно-археологического общества, где я состоял заместителем председателя,²⁰ организовал публичную лекцию А. П. Кадлубовского на тему об элементах народного творчества в древнерусской письменности. Лекция собрала многочисленную аудиторию (зал был переполнен). Лекция прошла очень живо, с яркими иллюстрациями.

Арсений Петрович сыграл огромную роль в моем научном развитии. Проблема взаимовлияния народного творчества и русской литературы, особенно древней, приобрела для меня под влиянием А. П. углубленный интерес.²¹

Для подготовки к магистерским экзаменам А. П. предложил мне московскую, так называемую «тихонравовскую» программу.²² По его совету я начал подготовку с ознакомления с описаниями рукописей, особенно Горского и Невоструева.²³ Описания эти я и раньше знал, но сейчас начал их изучать глубоко, с сопоставлениями, выписками и т. д.

РАЕВ Иван Георгиевич.

Раев служил библиотекарем в Пермском университете в первый год его существования в отделе иностранной литературы. Он знал языки, особенно славянские. Раев был болгарин, учился в Лейпцигском университете, был учеником известного слависта профессора Лескина,²⁴ учебник которого по старославянскому языку, переведенный на русский казанским профессором Петровским (кажется, в 1914 году), считался у нас хорошим учебным пособием.²⁵ В лейпцигской консерватории по классу фортепиано в то время училась Вера Александровна Тупицына, дочь Пермского заводчика, владельца первого в России фосфорного завода А. Е. Тупицына²⁶ (завод принадлежал братьям Тупицыным).²⁷ Раев и Вера Тупицына, которую называли красивой барышней, полюбили друг друга и поженились, приехали в Пермь. Раев поступил преподавателем в Пермскую II-ю гимназию, имел уроки русского и латинского языка.²⁸

Когда в 1914 году началась война с Германией, положение Раева, как болгарина, поскольку Болгария оказалась в союзе с Германией,²⁹ стало очень неудобным. Директор гимназии Г. А. Орлов в целях перестраховки уволил Раева. Иван Георгиевич обратился в университет. Факультет его принял в библиотеку как образованного слависта, по представлению А. П. Кадлубовского при поддержке С. П. Обнорского.

Весной 1917 года Раев принял участие в нашей факультетской экспедиции по Каме и Вишере. Между прочим, во время этой экспедиции были происшествия, характеризующие то время (лето 1917 года). По Вишере тогда не было регулярного пароходного сообщения, приходилось пользоваться случайным транспортом для поездки по чрезвычайно интересной реке. Когда были в Чердыни, я, узнав от Алиных³⁰ о том, что на другой день должен отправиться небольшой буксирный пароход с двумя баржами по Вишере, разыскал капитана этого пароходика и попросил его взять на борт нашу университетскую экспедицию. Капитан оказался толковым человеком, об университете в Перми он, конечно, слышал, но когда я сказал, что нашей экспедиции всячески содействует Н. В. Мешков, который рекомендовал мне от его имени в случае надобности обращаться за поддержкой к работникам пароходств, капитан сразу же очень любезно предложил нам перебраться на его пароход и даже предложил нам на время поездки свою каюту. Я просил довести экспедицию до Усть-Улса. Это был редкостный случай попутешествовать по Вишере, мало доступной для научных поездок.

Кроме нас на пароходе было несколько человек случайных пассажиров. Среди них матрос Черноморского флота, очень живой и бравый (не могу вспомнить его фамилию). Он быстро с нами разговорился, о себе сообщил, что сам он из деревни Морчаны и едет для революционной большевистской (это он подчеркнул) агитации и пропаганды по Вишере, и между прочим, в бывший Кутимский завод,³¹ бывший когда-то, в конце XIX века, французской концессией. Я припомнил, что в Кутимском заводе тогда служил в бухгалтерии мой дядя по материнской стороне Василий Федорович,³² когда он окончил свою солдатскую службу в Соликамске.

Мы весь вечер любовались красивыми берегами Вишеры и береговыми скалами. Рано утром мы были разбужены какой-то сценой на пароходе и громкими криками. Оказывается, пароход проводил свои баржи по очень трудному месту, при неопытности можно было разбить баржи о скалы или посадить их на мель. Все зависело от мастерства и опыта капитана. С рупором в руке он командовал проводкой баржи. Бесперывно кричал рулевым на баржах, управлял при этом движением парохода. Было раннее чудесное утро, розовые еще облака и перед нами красавица Вишера, не уступающая своими красотою Чусовой. На пароходе все было в движении, начиная с капитана. Мы залюбовались этой картиной. Капитан нам напомнил знаменитого³³ Савоську из прекрасного очерка Мамина-Сибиряка («Бойцы»)³⁴. Члены нашей экспедиции получили истинное удовольствие, наблюдая искусное проведение барж по Вишере. Впечатления от этого остались надолго. Особенно доволен был Арсений Петрович, а также Раев И. Г.

Но дальше нас ждали еще новые переживания. Когда мы проплывали мимо известного «камня»-скалы «Говорливый», бесконечное число раз передававшего эхо, все мы кричали, пароход свистел, «Говорливый» реагировал на это многократным эхом. Раев вошел в экстаз. Он вдруг бросился на их³⁵ с парохода, неожиданно выхватил из кармана револьвер и сделал из него несколько выстрелов. «Говорливый» ответил дробным эхом.

Все мы слушали это эхо с удовольствием, но сам по себе револьвер и выстрелы были для всех полной неожиданностью (хотя после Февральской революции револьверы среди населения были не редкостью). Как мне показалось, больше всего заинтересован этим был черноморский матрос. С некоторым недоумением, а потом очень внимательно смотрел теперь матрос на Раева.

Мы проезжали деревню Бахари, на правом берегу Вишеры, расположенную у подножья горы Полюд, о котором среди местного населения ходила легенда, связанная с богатырем Пелей.³⁶

По нашей просьбе капитан высадил нас у Бахарей, так как в нашем маршрутном плане намечен был подъем на вершину Полюда. Капитан обещал нам в дальнейшем довести нас до Усть-Улса, но происшедшие с нами в Бахарях события помешали осуществить это намерение.

Полюд славился своей вершиной с замечательным видом на безграничное хвойное море. Эту вершину стремились посетить все путешественники, бывавшие на Вишере. Полюд известен был и по литературе. Поэтому когда мы наметили посещение вершины По-

люда, Раев И. Г., ярый турист, совершивший восхождение в Альпах, запасася для подъема на вершину Полюда своим альпинистским³⁷ туристическим костюмом, вплоть до красивой шляпы. Кадлубовский, любитель туристических походов, долго живший в Крыму, также заранее предвкушал удовольствие совершить подъем на Полюд. Мы зашли в Бахари, остановились у большого дома «пятистенки». Ворота были запорты. На наш стук, под оглушительный лай деревенских собак, ворота наконец открылись, вышедший глуховатый старик долго не мог понять, что нам от него надо. Помогать в разговоре начали мальчишки, давно собравшиеся около дома, правда, в отдалении. Оказалось, что в Бахарях жители были охотники и сейчас дома почти никого не было, все взрослые были в лесу. Кое-как уговорив старика, убедив его, что мы не шабашники, принять нас в дом, оставив свои чемоданы в большой, чистой половине дома, мы затем в сопровождении мальчишек направились к Полюду, причем впереди шел, чрезвычайно оживленный,³⁸ наш «альпинист» И. Г. Раев, переодетый в горный костюм и надевший альпинистскую шляпу и превратившийся в диковинного туриста. Кадлубовский шел в своей немецкой крылатке, тоже похожий на иностранца. Мы совершили подъем на вершину Полюда не со стороны скалы, где по пути можно было встретить препятствия, в преодолении которых сердца наших «альпинистов» испытали бы радостные волнения. Мальчишки из Бахарей повели нас по дороге, представляющей постепенный подъем. Иногда лишь мы от непривычки испытывали затруднения и даже вынуждены были отдыхать. Но зато мы были вознаграждены на вершине горы открывшимся перед нами действительно чудесным, незабываемым по мощи и красоте, красоте своеобразной, видом на окрестности. Полюбовавшись, мы отдохнули и подкрепились в домике, в котором проживали две старушки-монашки. На вершине построена была сторожевая будка для наблюдений за лесными пожарами. Отсюда проводился сейчас телефон для сигнализации. Спускаясь с горы, мы столкнулись несколько в стороне от дороги с группой рабочих, установливающих столбы для телефона. Оказывается, это были военнопленные австрийцы. Тут Раев допустил новую ошибку, вызвавшую в дальнейшем большие осложнения. В своем альпинистском костюме Раев заговорил с военнопленными по-немецки. Это вызвало подозрение у конвоира, а мальчишки, сопровождавшие нас, после этого разговора даже с испугом посмотрели на нас и шли дальше на значительном расстоянии от нас.

Спустившись под вечер в Бахари, мы опять должны были долго стучаться, чтобы попасть в дом, где оставлены были наши чемоданы. Посоветовавшись со спутниками, я отправился разыскивать школьных учителей, чтобы с помощью их осуществить свой план по записи произведений народного творчества и по изучению местного говора. Нас особенно заинтересовало название деревни «Бахари». Мы усматривали в нем что-то традиционное, восходящее к древнерусским бахарям. Тем более население Бахарей было старобрядческим, тип деревенских построек был старинный, охотничий промысел населения содействовал сохранению глубокой поэтической старины. Все это сулило нам богатую жатву по части фольк-

лора. С трудом удалось разыскать учительницу. Она была уже молодая, очень нас дичилась и производила впечатление недалекой женщины, даже какой-то туповатой. Напрасно я ей говорил о Пермском университете, о цели научной экспедиции, напрасно просил помочь нам, фольклористам, в собирании старинных песен, сказок, легенд. Я просил указать нам имеющихся в деревне певцов, сказочников, старых людей, знающих легенды, новеллы и т. д. Учительница отнекивалась, говорила, что нужных нам в деревне людей нет и почему-то очень смущалась, временами взглядывала на нас как-то пугливо. В конце концов все-таки пообещала направить к нам каких-то старушек, певших на свадьбах старинные песни. Помогли нам опять-таки мальчишки. Они все время были сейчас около нас, прислушивались к разговору с учительницей, они быстро сообразили, кого мы ищем и, переглянувшись, стали нам называть разные имена лиц, которые, по их словам, знали много сказок и песен. Они пообещали нам привести этих людей. Наконец, мы насели в большой половине пятистенки и стали ждать своих сказочников и певцов. Признаться, мы очень устали и стали уже терять надежду на успех.

Прошло немало времени, пока показался довольно бодрый старик, которого вели мальчишки. Поговорив со старым хозяином, пришедший долго кашлял, наконец, вошел к нам. «Здравствуй, дедушка, садись к столу, гостем будешь», — приветливо заговорил А. П. Кадлубовский. Старик низко поклонился и, покашливая, подошел к столу, перед этим он внимательно посмотрел на передний угол, увидев там темный образ, перекрестился несколько раз.

С большим трудом стали мы выкачивать из старика фольклорные крупницы. Вскоре подошли две довольно бойкие старушки «песельницы». По улице прошло несколько человек. В избу стали входить один за другим мужики, но к нам не подходили, садились на лавку, почему-то с подозрением на нее поглядывали, переглядывались и вполголоса перебранивались отдельными словами. Зашел, должно быть, из леса, с охоты, <...>³⁹ здоровый медведеобразный мужик. Посидев несколько минут на лавке, он вдруг стал, когда «песельница» стала напевать свадебную песню, хрипло обратился к нам: «Это что же, граждане (видимо, это слово проникло и в Бахари). Народ в окопах мучается, а вы тут песнями да сказками тешитесь. Это что-то неладно выходит. Только немцам <нужна>⁴⁰ ваша канитель-то». Мы от неожиданности замолчали. Песельница оборвала песню на полслове. «А кто у вас, граждане, за начальница будет?» — сурово спросил мужик. Я ответил. Мужик, видимо, удивился и усмехнулся: «Это что же, кажись самый молодой? Ксенофан! — обратился он к соседу, молодому и подвижному. Иди, садись, грамотей, к столу, я чинить допрос буду».

Оба подошли к столу. Раев, сидевший с краю, пересел к окну и открыл его. Приближались уже сумерки.

— Фамиль ваша, начальник? — впился в мое лицо допросчик.

— Богословский.

— Это что же, фамиль, кажись, русская и обличье тоже наше-ское, — несколько недоуменно сказал он.

— Я русский.

— Не рассуждай, давай паспорт для проверки.

Я протянул свой мандат и паспорт.

— Смотри, Ксенофан.

Ксенафан долго читал, переворачивая несколько раз документы, наконец произнес: «В порядке, печати есть, русский».

— Вы, старичок почтенный, из немцев будете? — обернулся допросчик к Арсению Петровичу. Кадлубовский вздрогнул. Его глаза через очки гневно сверкнули.

— Почему так думаете?

— Уж больно пальтишко-то у вас немецкое, настоящее немецкое, папаша. Я видел на фронте таких стрикулистов.

Кадлубовский хотел что-то сказать, но лишь полный негодования отвернулся.

— Это русский ученый, и большой ученый, — сказал я. — И его надо очень уважать. Вот его паспорт.

Ксенофан ознакомился с паспортом Арсения Петровича, хмыкнул: «Печати на месте, русские».

— Лучше смените лопотинку, папаша.

Допросчик быстро повернулся к Голкину. У Сергея Павловича был восточный большой нос, он был бронет и сильно картавил. Он очень обижался, когда его принимали за еврея, а это бывало часто. Голкин был коренной ярославец, считал себя потомком известного из петровской эпохи купца Иголкина.

— А ты, жидюга, должно, на немца работаешь?

Высоченный мужик как-то навис над маленьким юрким Голкиным. Голкин весь задрожал.

— Я русский, чистокровный русский, — завизжал он и быстро закрестился. — Голкин я, ярославский.

Допросчик ухмыльнулся.

II. ФАКУЛЬТЕТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1917 ГОДА

Еще немного об экспедиции по Каме. Н. В. Мешковым, всемерно содействовавшим нашей экспедиции, даны были указания по части транспорта. Нам были предоставлены 4 одноместные каюты первого класса. Перед самым отъездом произошло одно обстоятельство.

Арсений Петрович стоял у стеклянной двери салона. Неожиданным порывом ветра дверь вырвало у него из рук, она с силой хлопнулась и большое цветное стекло вылетело со звоном. Кадлубовский побледнел и молча, с тревогой, смотрел на нас. «Не беспокойтесь!» — проговорил подбежавший официант и стал подбирать осколки разбившегося стекла. Он ушел и через несколько минут к нам подошел капитан парохода. Поздоровавшись и взглянув на дверь, капитан спокойно сказал: «Пойдемте наверх, оттуда лучше будет видно город при отходе парохода». Когда мы уже любовались открывшейся панорамой и спустились к салону, Кадлубовский, все еще взволнованный происшедшим, спросил меня тихо: «Какое безобразие я наделал. Интересно, сколько придется платить

за стекло?». Но подошедший официант только улыбнулся, услышав этот вопрос. Он пригласил нас в салон. Потом оказалось, что наше полное питание в течение всей дороги было, по указанию Мешкова, бесплатным. А пока мы обедали, новое стекло было вставлено в дверь и Арсений Петрович мог, наконец, успокоиться. Оснований для волнений никаких не было.

Пока мы стоял в Усолье и любовались панорамой соленосного района, в Соликамске уже готовились к нашей встрече по моей телеграмме, данной на имя председателя земской управы Антипина.⁴¹

Подъехав к Верх-Усольской пристани, мы увидели две пары хороших лошадей, которые нас быстро доставили в Соликамск. Там для нас уже была приготовлена квартира с полным питанием. Встретившись с Антипиным в управе, мы составили план ознакомления с Соликамском и пребывания в этом древнем северном городе XV века. Это было сделано при содействии нужных людей, которых председатель пригласил для этого в свой кабинет, где мы находились. Наша экспедиция долго восхищалась чудесным ансамблем соликамских церквей XVII века, которые незадолго до нашего приезда (кажется, в 1912 году) привели в восторг художника В. М. Васнецова.⁴² Мы долго стояли около крыльца летнего собора, зарисованного Васнецовым, и перед замечательной соборной колокольней. Кадлубовский с интересом выслушал от меня легенду о голубке на соборном кресте. (Когда-то давным-давно брат и сестра, разлученные в детстве, поженились, а когда с ужасом узнали о своем родстве, умерли, а голубок, летающий около их, взлетел на крест соборной колокольни и там окаменел.) Я, зная хорошо Соликамск, его старинные объекты, долго водил по городу нашу экспедицию.⁴³ Мы побывали в знаменитом Воеводском доме,⁴⁴ из которого в древности в оборонных целях проведен подземный ход за город, проходящий под речкой Усолкой. Затем мы долго знакомились с древними соликамскими актами и рукописными книгами, много беседовали с соликамскими сторожилами, производили наблюдения над говором их. Нам удалось записать в Соликамске десятки песен и сказок, а также много легенд, поверий и других произведений народного творчества.⁴⁵

Через несколько дней на другом пароходе, предоставленном для экспедиции по указанию Мешкова, мы приехали в Чердынь, где за две недели до этого я был по просьбе Н. В. Мешкова, подготовил все для соответствующего приема нашей экспедиции. Крупнейшие северные промышленники Алины, державшие уже много лет связи с охотниками Печерского края, направлявшие всю добычу этого охотничьего промысла в центр России и за границу, приняли нашу университетскую экспедицию и содействовали выполнению нами поставленных задач. Между прочим, когда я предварительно приезжал в Чердынь и явился в дом Алиных, хозяйка дома Анфия Даниловна Алина, дочь камского пароходчика Ржевина, жена Алина Николая Петровича (в то время отсутствовавшего в Чердыни), мне сказала, что бывший весной в Чердыни Мешков Н. В. просил их принять меня и предполагаемую университетскую экспедицию как самого Мешкова. И, действительно, прием у Алиных

нам был оказан замечательный. Для нашего пребывания был отведен особый дом со всеми удобствами. Питание было прекрасное. Надо вспомнить, что в это время в России повсюду были из-за войны продовольственные затруднения. Мы, конечно, у Алиных этого не испытывали. Между прочим, когда нам на первый ужин подали огромное блюдо с великолепной телятиной, залитой желе, мы от удивления переглянулись. Также мы очень удивились, когда в воскресенье утром из окон видели, как несколько человек из дома Алиных пронесли на головах большие доски с чем-то, покрытым широкими полотенцами. Сын Алиных, 16-летний юноша, реалист Петя, бывший при нас в роли гида, пояснил, что это несут от них десять больших пирогов на площадь для нуждающихся в питании и вообще желающих, что это у них, Алиных, фамильная традиция и делается это всегда по воскресеньям.

Алины специально для нашей экспедиции вызвали с Печоры сказителя Плотникова,⁴⁶ который был помещен в том же доме, где и мы. Плотников — старик с богатым репертуаром былинной поэзии. Кстати, он пропел нам много песен из свадебной обрядности, причем большинство свадебных песен Плотникова очень близко по стилю стоит к «вольным» текстам из Сборника Кирши Данилова.⁴⁷ Я записал от Плотникова ряд интереснейших свадебных наговоров дружек.⁴⁸

Узнав, что меня интересует свадебная обрядность, Алины позвали известных им чердынских свях, знавших дотошно свадебный репертуар и поручили им инсценировать для экспедиции народную чердынскую свадьбу. Мы получили возможность наблюдать и записать замечательную картину — чердынскую свадьбу. Потом я имел возможность сопоставить записанные тексты с записями Предтеченского, изданными в Пермском сборнике 1861.⁴⁹

Арсений Петрович прямо ликовал. В восторге была вся университетская экспедиция. Были моменты, когда дружки поговаривали так красочно и остроумно, что мы и присутствовавшие зрители искренне смеялись («тешились»).

Надо сказать, что помимо инсценировки свадьбы, девушки вели хоровод, исполняли пляски, игры, выкидывали фольклорные юморески. Все участники были в старинных русских костюмах, в ярких сарафанах. Картина была незабываемая, полная красоты и поэзии.

К сожалению, было неважно с музыкой. Мужская молодежь была на фронте. Перед нами выступали лишь три балалаечника с самодельными инструментами, дававшими глухие звуки, и один гармонист, тоже с неважной гармошкой. Но зато голоса девушек звучали замечательно, девушки были голосатые, красивые, полные жизни. В общем, это был показ народного поэтического богатства, хранившегося в Чердыни, среди белых ночей и хвойного аромата.

Экспедиция не только видела и слышала, но и глубоко чувствовала всю эту народную красоту, обаяние народного таланта, но она могла наблюдать непосредственный народный характер, народный юмор, когда после инсценировки для участников ее было устроено богатое и шумное «столованье» — пиршество.

В Чердыни мы также ознакомились с древними актами и старинными книгами как в музее,⁵⁰ так и в фамильном собрании Али-

ных. Между прочим, у Алиных была замечательная коллекция всякого рода редкостей, в частности по фауне Чердынского края и Севера. Я видел у них белую лисицу, редкостный экземпляр.

В Чердыни мы значительно наполнили свои диалектологические записи наблюдениями над говором чердынских старожилов.

После поездки на Вишеру (неудачной для экспедиции) мы на мешковском пароходе вернулись в Усолье. В Усолье ознакомились с рукописями, хранившимися в местном музее. Нашли редкостные и уникальные тексты, в частности агиографического и повествовательного жанров. По поводу этих находок А. П. Кадлубовский и я, по возвращении в Пермь, имели переписку с профессором Петроградского университета, моим учителем палеографии, И. А. Шляпкиным. В Усолье наше внимание привлекли памятники церковной архитектуры и Строгановский дом. Усольские сторожилы обогатили наш диалектологический материал. В Усолье удалось записать ряд фольклорных произведений. Из Усолья мы совершили еще две интересных поездки. Одну на лошадях за 12 верст в Орел-городок⁵¹ в историческое место, где в XVI веке Ермак, находясь у Строгановых, собирался в свой знаменитый поход в Сибирь. Орел-городок я знаю хорошо, в детстве бывал здесь неоднократно, в 1902 году наша семья здесь жила целое лето.

В Орле ознакомились с рукописными материалами, с памятниками церковной археологии и производили наблюдение над говором местных жителей.

Арсений Петрович с живым интересом ходил по древнему селу, расположенному на берегу Камы, восхищался красивыми пейзажами, здоровым лесным воздухом.

Из Орла-городка мы на мешковском пароходе снова поднялись по Каме, до другого исторического места — села Пыскора (бывшего Конкор), где в XVI веке был основан знаменитый строгановский родовой монастырь с его подземным ходом.⁵² На месте б<ывшего> Пыскорского монастыря и подземного хода я в 1915 году, вместе с И. Я. Кривошековым,⁵³ производил археологические раскопки.⁵⁴ Мы сошли на пристани в Пыскоре под горой, где притаился подземный ход. Остановились в доме, где в 1915 году была наша стоянка, у свящ. С. Котавщикова,⁵⁵ тогда содействовавшего нам при раскопках, особенно в бытовом отношении.

В Пыскоре мы осмотрели место раскопок, причем я давал экспедиции подробные пояснения. В Никольской древней церкви (на горе), оставшейся от Пыскорского монастыря и представляющей памятник русского зодчества XVI века, мы просмотрели рукописные и старопечатные книги. В 1915 году я вывез из Никольской церкви в Пермский музей замечательные по резьбе деревянные «царские врата».⁵⁶ Но в церкви осталось еще много памятников древней иконописи.

Старообрядческое население с. Пыскора своим говором дало нам интересный диалектологический материал.

По возвращении в Пермь наша экспедиция сделала в университете предварительное сообщение о поездке и о результатах обследования посещенных пунктов (Усолье, Соликамск, Чердынь, Пыскор, Орел-городок, Бахари на р. Вишере).

В печатном отчете ректора Пермского университета о деятельности университета за первый год его существования в 1916—1917 академический год (Пермь, 1918 г.)⁵⁷ отмечен факт поездки экспедиции ист<орико>-филологического факультета по Каме и Вишеру.

Когда я в Москве рассказывал фольклористам об экспедиции Пермского университета по Каме, всех особенно заинтересовал показ чердынского народного творчества, в частности — свадебной обрядности. Особенно этим восторгались известные фольклористы братья Соколовы Юрий Матвеевич и Борис Матвеевич.⁵⁸ Очень позавидовали экспедиции фольклорист Николай Евгеньевич Ончуков,⁵⁹ профессор Кагаров.⁶⁰

К большому сожалению, последующие после поездки в 1917 году политические события разбросали собранные нами научные материалы из области древнерусской письменности, этаграфии, фольклористики и диалектологии. Серьезная, очень тяжелая утрата для науки!

¹ Мешков Николай Васильевич (1851—1933) — крупнейший пермский предприниматель, известный меценат, общественный деятель. Родился в купеческой семье в Тверской губернии, после смерти отца остался без средств к существованию и в 1875 г. поступил на службу в крупную пароходную фирму «Товарищество Волжско-Невского пароходства». Через два года на заработанные деньги смог выкупить маленький пароходик и начать самостоятельную предпринимательскую деятельность; через тридцать лет Мешков стал одним из самых богатых и влиятельных людей на Урале. О его жизни, карьере и общественной деятельности см.: *Баялдина И.* Пермь купеческая. Пермь, 1997. С. 104—110; *Рабинович Р. И.* Опальный миллионер. Пермь, 1990; *Рабинович Р.* Его ценили многие (Деятельность Н. В. Мешкова в Перми) // Уральский следопыт. 1971. № 7. С. 29—30; *Быстрых Т.* «Забавные люди жили в России!»: (О судьбе Н. В. Мешкова) // Местное время. 1993. 23 нояб.; *Дубилет Н.* Дом Мешкова // Большая Кама. 1966. 25 мая; *Дубилет Н.* Пермский Савва Морозов // Вечерняя Пермь. 1970. 7 янв.

² В рукописи — «что»; вероятно, опечатка машинистки.

³ О создании Пермского университета в «Летописи Прикамья» говорится следующее: «С началом первой мировой войны возникла необходимость эвакуировать вглубь страны Юрьевский (Тартуский) университет. Выбор пал на Пермь. Городское управление приняло предложение, но не могло изыскать для этого необходимые средства и помещения. В этот критический момент пришла телеграмма из Нижнего Новгорода от Н. В. Мешкова, который жертвовал родному городу на организацию университета 500 тыс. рублей. Сам Мешков развил бурную деятельность в правительстве, добиваясь перевода Юрьевского университета именно в Пермь. Вскоре Совет названного университета принял решение об эвакуации в Пермь, но затем по ряду причин вопрос был снят с повестки дня. Тем не менее работа, проведенная Мешковым, не прошла даром. 13 июня 1916 г. последовало высочайшее соизволение на учреждение в Перми отделения императорского Петроградского университета. Мешков передал университету в пользование только что выстроенное им здание стоимостью в 1 миллион рублей, свой особняк, предпринимает строительство корпуса на месте кожевенного завода Алафузовых (сейчас это корпус № 5 ПГУ). Уже 1 октября этого же года состоялось торжественное открытие Пермского отделения Петроградского университета, который в мае 1917 г. постановлением Временного правительства получил статус самостоятельного университета» (Летопись Прикамья: К 200-летию Пермской губернии. Пермь, 1997. С. 125—126).

⁴ НКПС — Народный комиссариат путей сообщения.

⁵ П. С. Богословский, видимо, неправильно указал год встречи с Н. В. Мешковым: Мешков скончался не в 1924 г., а в 1933 г. Вероятно, они встретились имен-

но в этом году, так как в 1932 г. П. С. Богословский вынужденно покинул Пермь и переехал в Москву.

⁶ См.: *Чижов В.* Почему в случае эвакуации Юрьевский университет должен быть переведен в Пермь и что для этого необходимо? Пермь, 1916.

⁷ *Богословский П. С.* Университет в Перми (К переводу Юрьевского университета в Пермь) // Пермские губернские ведомости. 1915. 21 нояб.

⁸ У П. С. Богословского было четыре брата. В фонде ученого сохранились письма к нему Ивана Степановича и Сергея Степановича Богословских (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 3, № 264—266).

⁹ Из исторического очерка Пермского университета следует, что А. И. Сырцов до 1923 г. был профессором университета и занимал там соответствующие должности. В частности, зимой 1921 г. была создана организационная комиссия, в которую входил и он. На основании решения данной комиссии Главпрофобр 3 июля 1922 г. постановил открыть в Пермском университете педагогический факультет. А. И. Сырцову было предложено возглавить отделение социального воспитания нового факультета, а позже — должность декана. Последние сведения о профессоре А. И. Сырцове следующие: «В октябре 1923 г. декана педагогического факультета профессора Сырцова заменил член партии, опытный преподаватель П. А. Бурдин» (см.: Пермский государственный университет им. А. М. Горького. Исторический очерк. 1916—1966. Пермь, 1966. С. 31). Библиографию трудов А. И. Сырцова см.: Пермский университет им. А. М. Горького. Фундаментальная библиотека. Библиографический указатель научных работ сотрудников за 1916—1965 гг. Пермь, 1966. С. 13—19.

¹⁰ Приблизительно до 1925 г. А. П. Дьяконов также являлся профессором Пермского университета и занимал ответственные должности: входил вместе с А. И. Сырцовым в состав комиссии по вопросу учреждения педагогического факультета в 1921 г.; возглавлял отделение гуманитарных наук нового факультета; даже входил в состав правления университета. См.: Пермский государственный университет им. А. М. Горького. Исторический очерк. С. 30, 35, 36, 46. Библиографию трудов А. П. Дьяконова см. по указателю, названному выше.

¹¹ *Кадлубовский Арсений Петрович* (1867—?) — профессор кафедры русского языка и словесности филологического факультета Петроградского университета. Высшее образование получил в Историко-филологическом институте князя Безбородко в Нежине. Диссертацию на степень магистра защитил в 1902 г. в Харьковском университете, где служил приват-доцентом с 1899 г.; с 1906 г. — экстраординарный профессор Харьковского университета; в 1915 г. переведен в Петроградский университет. См.: Петроградский университет. Филологический факультет. Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета бывшего императорского Петроградского университета с 1819 года. Пг., 1917. С. 22; Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905). Харьков, 1908. С. 116—118 (2-я пагинация).

¹² См.: *Кадлубовский А. П.* Русские жития XV—XVI вв. и современные им направления русской религиозной мысли. Варшава, 1902.

¹³ А. П. Кадлубовский уехал из Перми, видимо, сразу после 1917 г., так как его работ нет в библиографии трудов Пермского университета. Сам П. С. Богословский указывал, что в 1920 г. его подготовкой к профессорскому званию руководил С. П. Обнорский «вместо выбывшего» А. П. Кадлубовского (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 2, № 21, л. 16).

¹⁴ *Белецкий Александр Иванович* (1884—1961) — литературовед, академик АН Украинской ССР (с 1939 г.) и АН СССР (с 1958). В 1907 г. окончил Харьковский университет. Был директором Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР (1939—1961). Исследовал вопросы теории литературы, психологии художественного творчества, истории отечественной и мировой культуры от древних времен до современности. Основные труды собраны в книге «От древнейших времен и современности. Сборник статей по вопросам украинской литературы» (1960. Т. 1—2) и пятитомном «Собрании трудов» (1965—1966).

¹⁵ *Булаховский Леонид Арсеньевич* (1888—1961) — филолог, языковед. В 1910 г. окончил славяно-русское отделение историко-филологического факультета Харьковского университета. В 1916 г. сдал магистерские экзамены. Около пяти лет, до 1921 г., работал в Перми. В 1939 г. избран действительным членом АН УССР. С 1944 до 1961 г. возглавлял Институт языковедения АН УССР (Киев).

¹⁶ *Обнорский Сергей Петрович* (1888—1962) — филолог, языковед. В 1910 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Еще до сдачи магистерских экзаменов был приглашен в Академию наук для участия в редактировании словаря современного русского языка. После сдачи магистерских экзаменов был командирован в только что открывшийся Пермский университет. С 1922 по 1941 г. жил и работал в Ленинграде, являясь профессором университета и заведующим кафедрой русского языка. В 1931 г. избран членом-корреспондентом, а в 1939 г. — действительным членом АН СССР. После открытия в Москве в составе Академии Института русского языка стал его директором (до 1950 г.). С. П. Обнорский был одним из корреспондентов П. С. Богословского (см.: РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 3, № 158).

¹⁷ Единственный источник информации об И. Г. Раеве — данная рукопись П. С. Богословского.

¹⁸ То же.

¹⁹ *Шляпкин Илья Александрович* (1858—1918) — филолог, член-корреспондент Академии наук (1907). Окончил в 1881 г. историко-филологический факультет Петербургского университета; в 1891 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Св. Дмитрий Ростовский и его время». С 1888 г. — приват-доцент Петербургского университета; с 1901 г. — экстраординарный профессор; с 1907 г. — ординарный профессор. См.: Петроградский университет. Филологический факультет. Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета бывшего императорского Петроградского университета с 1819 г. Пг., 1917. С. 60.

²⁰ С 1914 г., сразу же после возвращения из Петербурга в Пермь, П. С. Богословский включился в работу Пермского епархиального церковно-археологического общества и вскоре стал товарищем его председателя. В 1917 г., в силу исторических обстоятельств, Общество прекратило свое существование. Подробнее см.: *Иванова Т. Г.* П. С. Богословский и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 8—9.

²¹ См. следующие работы П. С. Богословского по этой проблематике: *Рукописная традиция в Шадринском фольклоре // Пермский краеведческий сборник*. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 66—70; *Из местных историко-литературных разысканий (I—III) // Пермский краеведческий сборник*. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 20; *Демонологический рукописный мотив и северная сказка // Север*. Вологда, 1923. Кн. 2. С. 170—173.

²² *Тихонравов Николай Саввич* (1832—1893) — филолог. В 1849 г. поступил в Главный педагогический институт в Москве; в 1850 г. перевелся на второй курс Московского университета, который окончил в 1853 г. В 1859 г. возглавил кафедру русского языка и словесности и открытые при университете Педагогические курсы. В 1863 г. избран членом-корреспондентом АН; в 1890 г. — академиком. В 1870 г. — экстраординарным и вскоре ординарным профессором Московского университета. С 1877 по 1883 г. дважды избирался ректором Московского университета.

Н. К. Гудзий давал Н. С. Тихонравову следующую характеристику: «Еще в студенческие годы Н. С. Тихонравов занял жесткую позицию по отношению к тем критикам, которые считали, что русской литературы нет, и в связи с этим поставил проблему изучения отечественной литературы, предложил филологам начать работу над сочинением, которое охватывало бы древнюю и новую русскую литературу, с тщательным ее обзором».

Тихонравов обращает внимание на то, что в поле зрения литературных критиков попадают только сочинения писателей, признанных классиками, при этом в стороне ценные литературные источники, которым отказано в эстетическом значении. Приводит в пример „Житие протопопа Аввакума“, повесть о Савве Грудцыне, о Шемакином суде, о Вавилонском царстве, апокрифическую литературу и другие древние произведения, впервые, кстати, изданные им самим в „Летописи русской литературы и древности“.

В соответствии со своими взглядами Тихонравов утверждает несомненное взаимовлияние народного творчества и русской литературы, по терминологии Тихонравова, „искусственной“. „Народная“ литература, по мере приобщения народа к образованию, постепенно воспринимает в себе элементы „искусственной“, которая в свою очередь стремится приобщиться к народной стихии, проникнуться ее духом.

Таким образом, по Тихонравову, без тщательного изучения древней русской литературы невозможно определить значение литературы современной.

В полном соответствии со своими убеждениями, предпринятые Тихонравовым издания древней русской литературы отличались строгой критичностью, продуман-

ностью, тщательным отбором, безупречным воспроизведением текстов наиболее авторитетных рукописей» (см.: *Гудзий Н. К.* Николай Саввич Тихонравов. М., 1956. С. 58—59).

²³ Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки / [Сост. А. В. Горский, К. И. Невоструев]. М., 1855—1916. Т. 1—6.

²⁴ *Лескин Август* (1840—1916) — немецкий языковед. Профессор Лейпцигского университета (1870), действительный член Берлинской и Мюнхенской академий, член-корреспондент Петербургской академии наук. Автор «Руководства по древнеболгарскому языку» (1871), «Грамматики древнеболгарского (древнецерковно-славянского) языка» (1904), «Грамматики сербо-хорватского языка» (1914).

²⁵ См.: *Лескин А.* Грамматика древнеболгарского (древнецерковно-славянского) языка / Перевод Н. Петровского. Казань, 1915.

²⁶ *Тупицын Александр Евграфович* — сын Евграфа Козьмича Тупицына (1832—1878), самородка, получившего фосфор в домашних условиях. А. Е. Тупицын в течение восемнадцати лет был директором Марьинского банка; избирался гласным Городской думы (см.: *Баяндина И.* Пермь купеческая. Пермь, 1997. С. 128—136).

²⁷ *Вологдин П. А.* Пермский фосфорный завод братьев Тупицыных. Пермь, 1889.

²⁸ В своей автобиографии П. С. Богословский отмечал, что пермская 2-я мужская гимназия была создана «в противовес первой, классической, гимназии, для детей демократических слоев населения» (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 2, № 21, л. 7 об.). В рукописи имеется явная опечатка: «латышский язык» вместо «латинский язык».

²⁹ Во время Первой мировой войны руководители австро-германского блока пообещали правительству Болгарии части территорий Сербии, Греции, Румынии и даже Турции и тем самым добились вступления Болгарии в соглашение с Германией и Османской империей — оформление Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария) в сентябре 1915 г.

³⁰ *Алины* — крупная купеческая династия. Алины начали выдвигаться еще в начале XVII в., а на рубеже XIX—XX вв. их капитал оценивался в несколько миллионов рублей. Алины были монополистами в скупке пушнины, дичи, рыбы в Чердынском, Печорском, Усть-Сысольском уездах. Как свидетельствуют товарные книги приказчика Алиных, сохранившиеся в архиве Чердынского краеведческого музея, Алины иногда за сезон отправляли из Чердыни в Петербург до 300 тысяч мороженных рябчиков, много рыбы, шкурок пушных зверей. Из пяти каменных церквей, построенных на главных холмах Чердыни, одна — Успенская — прозвана в народе «алинской» (ее построил купец Алин). Алины были также владельцами двух усадеб в Чердыни. См.: *Баяндина А.* Пермь купеческая. Пермь, 1997. С. 50—51; *Чагин Г.* Чердынь. Краткий исторический очерк. Пермь, 1972. С. 37—39, 45.

³¹ О Кутимском заводе см.: *Шестаков И.* Кутимский завод // Пермские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1893. Без №. С. 223—248.

³² Сведениями о В. Ф. Антипине мы не располагаем. В своей автобиографии П. С. Богословский упоминает о другом своем ядре по материнской линии, М. Ф. Антипине: «Брат матери, тоже начавший свою деятельность учителем, был очень любознательным человеком, занимался собиранием разнообразных краеведческих материалов, в частности, метеорологических и этнографических (м<ежду> пр<очим>, опубликовал часть в „Записках“ У<ральского> О<бщества> Л<юбителей> Е<стествознания>), был связан с Русским Географическим обществом, для которого, м<ежду> пр<очим>, занимался переводом с коми-пермяцкого языка» (см.: РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 2, № 21, л. 3 об.).

³³ В рукописи — «знамена того»; явная опечатка машинистки.

³⁴ *Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович* (1852—1912) — крупный писатель, прозаик, уроженец Урала. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка было предметом научных интересов П. С. Богословского. См.: *Богословский П. С.* 1) Памяти писателя-пермяка Д. Н. Мамина-Сибиряка // Научно-педагогический вестник. Пермь, 1923. № 1. С. 48—61; 2) К анализу социальной типологии Мамина-Сибиряка // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4. С. 238—271; *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Приваловские миллионы / Ред., статьи и коммент. П. С. Богословского. М., 1935. П. С. Богословский готовил комментарии также к очерку Д. Н. Мамина-Сибиряка «Бойцы». См.: *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Бойцы. Очерки весеннего сплава по реке Чусовой // Д. Н. Мамин-Сибиряк. Избранные сочинения: В 5 т. Свердловск, 1935. Т. 2. С. 350—352 (комментарии П. С. Богословского). В этом же издании ученым подготовлены комментарии к «Приваловским миллионам», «Горному гнезду», «Трем концам».

³⁵ Так в рукописи.

³⁶ Камень Полгод расположен на правом берегу Вишеры, высота 525 м. См.: Чагин Г. Чердынь. Краткий исторический очерк. Пермь, 1972. С. 16. Приведем следующий вариант легенды о Пеле: «В конце XV—середине XVI в. на Чердынь было совершено несколько опустошительных набегов тюменских татар. Видимо, в это время и сложилась легенда. Богатырь жил на горе, в которой хранилось у него много богатств. Когда из-за Уральских гор шли неприятели, богатырь разводил костер, чтобы был виден в Чердыни и жители могли приготовиться к отпору. Но однажды из-за гор пришла огромная орда, и богатырь решил сражаться сам. Три дня воевал, а враги все идут. Рассердился он тогда, топнул ногой, — затряслась земля, вышла из берегов Вишера и потопила врагов в своих водах. А кто остался в живых, долго рассказывал на своей родине, что в Чердынь ходить опасно. Ушел богатырь в свою пещеру и спит, пока новые недруги не придут. А след великана до сих пор виден на скале у самой вершины» (Чагин Г. Чердынь. Краткий исторический очерк. С. 16—17).

³⁷ Так в рукописи; по-видимому, это характерная для П. С. Богословского форма прилагательного от слова «Альпы».

³⁸ В рукописи — «ожидавшийся»; явная опечатка машинистки.

³⁹ В рукописи здесь пробел, свидетельствующий о том, что одно слово машинисткой не было прочитано.

⁴⁰ В рукописи здесь пробел, свидетельствующий о том, что одно слово машинисткой не было прочитано. Слово «нужна» введено нами.

⁴¹ Об Антипине мы нашли сведения в книге В. И. Бакулина. Антипин, представитель состоятельной части горожан, на последних перед революцией выборах в органы местного самоуправления был избран председателем Соликамской земской управы. Первый год после Февральской революции он находился в центре городских событий. 3 марта 1917 г. Антипин первый узнал из телеграммы из Перми об отречении царя; 5 марта губернатором Пермской области и губернским комиссаром Временного правительства Лозинским он был назначен комиссаром Соликамского уезда. Во время посылки в «антисоветски настроенный Соликамск» отряда красногвардейцев Антипин, видимо, попытался бороться с их мародерством и самоуправством. В Березниковском краеведческом музее сохранилась телеграмма, отправленная Антипиным 1/14 февраля 1918 г. в Пермское губернское земство: «Город от Красной гвардии полным террором. Вчера ими был устроен провокаторский митинг. Результат стрельба. Семь жертв. Население все обезоружено. Масса арестов. Обещают самосуды. Ради Бога выручите». Вскоре Антипин вместе с другими должностными лицами Соликамска был доставлен под конвоем в Усолье, на только что начавший работу 1-ый уездный съезд Советов. Антипину было предложено «отчитаться за свою деятельность перед делегатами съезда», после чего он был оставлен в распоряжении исполкома Совета для полной проверки его деятельности и передачи дел представителям новой власти. После этих событий Антипин перебрался в Пермь. С приходом армии Колчака в Соликамске были восстановлены прежние органы власти и самоуправления, и Антипин был приглашен занять прежнюю должность. Дальнейшая судьба Антипина нам неизвестна. См.: Бакулин В. И. Соликамский (Усольский) уезд в 1917—1919 гг. Соликамск, 1995. С. 10, 21—22, 39—42, 86.

⁴² Васнецов Виктор Михайлович (1848—1926) — выдающийся русский художник.

⁴³ П. С. Богословский окончил Соликамское духовное училище. Воспоминания об этом времени под названием «Соликамские фрагменты» хранятся в РО ИРЛИ (ф. 690, оп. 2, № 24).

⁴⁴ П. С. Богословский упоминает о Воеводском доме как о памятнике архитектуры XVII в. в других своих воспоминаниях (см.: РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 2, № 21).

⁴⁵ Фольклорные записи, сделанные в Соликамске, не сохранились.

⁴⁶ Единственный источник информации о сказителе Плотникове — данные меуары П. С. Богословского.

⁴⁷ Позднее Сборник Кириши Данилова станет предметом научных разысканий П. С. Богословского. Ученый отстаивал гипотезу уральского, а не сибирского, как считали другие исследователи, происхождения этого памятника народной поэзии. Впервые П. С. Богословский доказывал этот тезис в своей статье, посвященной песне об Усах из рукописи Кириши Данилова (см.: Богословский П. С. Песня об Усах из Сборника Кириши Данилова и камская вольница. Опыт анализа и локализации текста // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4. С. 1—117). Это же

положение развивается и в диссертационном исследовании П. С. Богословского (см.: РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 1, № 7, 8).

⁴⁸ Фольклорные записи от Плотникова не сохранились.

⁴⁹ См.: *Предтеченский Я. О свадебных обрядах города Чердыни* // Пермский сборник. Пермь, 1859. Кн. 1. С. 1—129; Кн. 2. С. 132—161.

⁵⁰ Чердынский краеведческий музей им. А. С. Пушкина был создан по инициативе председателя уездной земской управы Д. А. Удinceва в 1899 г. в день столетия со дня рождения поэта. См.: *Чагин Г. Чердынь. Краткий исторический очерк*. Пермь, 1972. С. 48.

⁵¹ Орел-городок был основан в 1564 г. Строгановыми при впадении р. Яйвы в Каму и первоначально назывался Кергеданом. История этого поселения тесно связана с именем Ермака, и в настоящее время здесь установлен обелиск его дружине. См.: *Летопись Прикамья: К 200-летию Пермской губернии*. Пермь, 1997. С. 15.

⁵² «Пыскорский ставропигиальный монастырь, т. е. находившийся под управлением самого патриарха, — говорится в „Летописи Прикамья“, — древнейший в Пермском крае. Основан в 1558—1560 гг. „ижидвением“ именитого человека Анники Строганова на пожалованной ему в 1558 году земле. Монастырь быстро рос и богател. Ему принадлежали огромные земли, до 50 сел и деревень с 3528 ревизскими душами, несколько солеварен, три подворья, причем два из них — в Москве.

С образованием губернского города Перми в 1791 году монастырь был упразднен, а вся ризница, утварь, колокола, строительный материал перевезены в Пермь, где предполагалось строить новую обитель. История перевода монастыря в Пермь связана с именами генерал-губернатора Е. П. Кашкина и А. А. Волкова. В конечном итоге все перевезенное имущество монастыря поступило в собственность Пермского кафедрального Спасо-Преображенского собора. Иконостас бывшего Пыскорского монастыря сейчас находится в Пермской художественной галерее» (см.: *Летопись Прикамья: К 200-летию Пермской губернии*. Пермь, 1997. С. 14).

История Пыскорского монастыря была предметом научных интересов П. С. Богословского, в частности, одна из его статей посвящена архимандриту Иакинфу. См.: *Богословский П. С. Архимандрит Иакинф (Со старинной рукописи)* // *Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества*. Пермь, 1915. Вып. 1. С. 67—79.

⁵³ *Кривошеков Иван Яковлевич* родился 7 августа 1854 г. в Кудымкаре в семье крепостных людей графини Строгановой. Закончил Усольское училище, затем земледельческую школу в Москве. Служил лесничим в имении Строгановых. Занимался активной общественной и просветительской деятельностью. После увольнения со службы работал в земстве, был библиотекарем Пермского научно-промышленного музея и губернской ученой архивной комиссии. За свои труды по географии Прикамья И. Я. Кривошеков был удостоен звания действительного члена Русского географического общества. См. труды И. Я. Кривошекова: *Древние Пермь, Югра, Печора в их историческом прошлом до эпохи великих реформ императора Александра II (краткий хронологический перечень событий)* // *Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества*. Пермь, 1917. Вып. 2. С. 55—95; *Географический очерк Пермской губернии*. Пермь, 1904; *Кама как водный путь (Географический очерк с картой)* // *Ежегодник Пермского губернского земства и календарь на 1914 год*. Пермь, 1914. С. 158—166 и др. О И. Я. Кривошекове: *Вишневский Б. Н. Географ-краевед Иван Яковлевич Кривошеков*. Пермь, 1961.

⁵⁴ См.: *Богословский П. С. Подземный ход и археологические раскопки в селе Пыскоре Соликамского уезда* // *Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества*. Пермь, 1915. Вып. 1. С. 92—140.

⁵⁵ Единственный источник о С. Котавщикове — мемуары П. С. Богословского.

⁵⁶ См.: *Богословский П. С. Из собрания церковной старины при Пермском церковно-археологическом обществе* // *Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества*. Пермь, 1915. Вып. 1. С. 24—31; *он же*. *Вновь поступившие в Древлехранилище церковно-археологического общества предметы* // *Там же*. С. 59. В настоящее время царские врата находятся в Пермской художественной галерее. См.: *Пермская художественная галерея. Путеводитель*. Пермь, 1959. С. 106.

⁵⁷ Отчет об открытии Пермского отделения Петроградского университета и его деятельности в 1916—1917 учебном году. Пермь, 1918 (в библиотеках С.-Петербурга отсутствует).

⁵⁸ *Соколовы Борис Матвеевич* (1889—1930) и *Юрий Матвеевич* (1889—1941) — видные фольклористы, ученики В. Ф. Миллера, представители исторической школы:

ведущие фольклористы первых двух десятилетий советской науки. Подробнее о них см.: *Иванова Т. Г.* Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993. С. 60—85; *Бахтина В. А.* Фольклористическая школа братьев Соколовых (Достоинство и превратности научного знания). М., 2000.

⁵⁹ *Ончуков Николай Евгеньевич* (1872—1942) — видный собиратель народной поэзии; составитель сборников «Печорские былины» (СПб., 1904), «Северные сказки» (СПб., 1908), «Северные народные драмы» (СПб., 1911). В 1922—1924 гг. Н. Е. Ончуков, не имевший высшего образования, работал в Пермском университете и был ассистентом П. С. Богословского, когда тот уже стал профессором. Сам же П. С. Богословский, будучи студентом Петербургского Историко-филологического института, писал сочинение по «Печорским былинам» Н. Е. Ончукова (см.: РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 2, № 21, л. 6 об.).

⁶⁰ *Кагаров Евгений Георгиевич* (1882—1942) — видный этнограф, фольклорист. После окончания в 1906 г. историко-филологического факультета Новороссийского университета и двухгодичной командировки за границу в 1912 г. защитил диссертацию «Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции». С 1925 г. Е. Г. Кагаров занимал должность заведующего кафедрой этнографии Ленинградского университета; с 1932 г. по совместительству работал в Институте этнографии. Умер на Северном Кавказе, куда был вывезен из блокадного Ленинграда. Е. Г. Кагаров был среди корреспондентов П. С. Богословского (см.: РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 3, № 97). Подробнее о нем см.: Евгений Георгиевич Кагаров — профессор Харьковского университета: Библиография. Харьков, 1997.

Д. К. ЗЕЛЕНИН И П. С. БОГОСЛОВСКИЙ

Публикация О. А. Плошинской

Документы, сохранившиеся в архивном фонде Павла Степановича Богословского (1890—1966) (РО ИРЛИ, ф. 690), видного фольклориста, внесшего заметный вклад в развитие уральского краеведения, свидетельствуют об обширных научных связях ученого. Одним из его многочисленных корреспондентов был выдающийся этнограф Дмитрий Константинович Зеленин (1878—1954). Среди архивных материалов определенным научным интерес представляют его письма к П. С. Богословскому (ф. 690, оп. 3, № 88), а также отзыв о фольклористических трудах уральского ученого (ф. 690, оп. 2, № 46, л. 1, 2, 3, 6). Публикации этих документов и посвящена наша работа.

Нам неизвестны обстоятельства личного знакомства Д. К. Зеленина и П. С. Богословского. Первый документ, свидетельствующий о их связях, относится к январю 1928 г. Это отзыв Д. К. Зеленина о научной работе П. С. Богословского, написанный им по поводу выдвижения трудов ученого на почетную награду Географического общества. К 1928 г. П. С. Богословский был профессором Пермского университета по кафедре русского языка и словесности (1922), председателем Кружка по изучению Северного края при Пермском университете, бывшего заметным явлением в советском краеведении 1920-х гг. Двадцатые годы были самыми плодотворными в научной биографии П. С. Богословского, поэтому неудивительно, что Д. К. Зеленин обратил внимание на работы молодого ученого.

Сам же Д. К. Зеленин к 1928 г. был одним из самых авторитетных ученых в области народной культуры. К этому времени в Германии уже вышла его знаменитая монография «Russische (Ostslavische) Volkskunde» (Berlin; Leipzig, 1927). Вернувшись из Харькова (1925), Д. К. Зеленин проживал в Ленинграде. Он был профессором Ленинградского университета на кафедре этнографии географического факультета, членом-корреспондентом Академии наук (с 1925 г.), научным сотрудником Музея антропологии и этнографии АН СССР. С 1904 г. Д. К. Зеленин являлся действительным членом Русского географического общества (позднее: Географического общества СССР). В своей деятельности он всегда стремился поддерживать связь с местными краеведами, способствовал публикации их трудов, старался помочь в научной работе. Это стремление отражено и в отзыве Д. К. Зеленина на работы П. С. Богословского, который сыграл свою роль: 31 мая 1928 г. П. С. Богословский был избран действительным членом Географического общества. Об этом свидетельствует уведомление, сохранившееся в архиве ученого:

«Многоуважаемый Павел Степанович!

Государственное Русское Географическое общество, желая пользоваться просвещенным участием Вашим в трудах своих, избрало Вас своим действительным членом, о чем и уведомляет Вас.

При сем препровождаются два бланка, которые по выполнении покорнейше прошу вернуть в канцелярию Общества.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

В. Комаров».¹

(ф. 690, оп. 2, № 46, л. 6).

Вероятно, после 1928 г. и завязалась переписка между Д. К. Зелениным и П. С. Богословским. В фонде последнего сохранились лишь четыре зеленинских письма за 1931—1945 гг. Очевидно, что это только часть имевшейся когда-то эпистолярки. Самые ранние письма относятся к январю 1931 г. Без сомнения, это не первые письма маститого ученого к пермскому молодому профессору, о чем свидетельствует их лаконичный даже лапидарный стиль: все содержание писем — списки диалектных слов, бытующих на Урале. Письма Д. К. Зеленина, по-видимому, вызваны следующими обстоятельствами. В 1930 г. в Этнографическом обществе при Пермском университете, созданном П. С. Богословским,² была начата работа по составлению так и неизданного Уральского областного словаря. П. С. Богословский принимал в этом проекте самое непосредственное участие. В фонде ученого сохранилось отношение Этнографического общества в Академию наук от 12 октября 1930 г. с просьбой предоставить П. С. Богословскому материалы для работы над Уральским областным словарем: «Научное Этнографическое общество при Пермском Государственном Университете настоящим просит предоставить во временное пользование материалы для разработки и составления Областного словаря председателю П. Э. О. проф. Богословскому П. С. командированного обществом» (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 2, № 95, л. 5).

Имеется в архиве и разработанная в 1930 г. Этнографическим обществом «Анкета для составления областного словаря Урала», которая рассылалась в различные учреждения и лицам, занимающимся народной культурой: «Научным Этнографическим Обществом при Пермском Университете организована под председательством проф. А. В. Миртова³ специальная комиссия по изучению народного языка (Диалектическая комиссия). Первой задачей этой комиссии является собирание местных слов и составление Уральского областного словаря.

Предпринятая работа, разумеется, не может быть выполнена усилиями отдельных лиц — членов комиссии, а должна стать общим долгом учащих, учащихся и всех культурных работников Уральского области.

Комиссия обращается к Вам с просьбой принять посильное участие в этой работе и ответить хотя бы на часть вопросов данной анкеты» (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 2, № 100).

Вероятно, П. С. Богословский обратился с такой же просьбой к Д. К. Зеленину, чьи научные интересы были тесно связаны с диалектологией.⁴ Результатом этого обращения и стали письма Д. К. Зеленина 1931 г.

Два других письма Д. К. Зеленина к П. С. Богословскому относятся к 1945 г., когда последний после освобождения из сталинских лагерей (1935—1940) жил в Караганде, преподавал в Карагандинском учительском институте и строил планы о том, как бы перебраться в какой-либо крупный российский город. П. С. Богословский в этот период о возможном трудоустройстве обращался ко многим своим кол-

легам, писал он по этому поводу и Д. К. Зеленину, ответом на что и стали зеленские письма 1945 г.

¹ *Комаров Владимир Леонтьевич* (1869—1945) — известный ботаник и ботанико-географ, чья жизнь была тесно связана с Географическим обществом, где он в 1918—1931 гг. работал секретарем.

² Подробнее об Этнографическом обществе см.: *Иванова Т. Г.* П. С. Богословский и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 10.

³ *Миртов Алексей Васильевич* — филолог, преподаватель Пермского университета. В фонде П. С. Богословского имеются его письма (32) за 1942—1962 гг. (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 3, № 145).

⁴ См.: *Зеленин Д. К.* Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губернии // Живая старина. 1901. Вып. 1. С. 81—96; Отчет о поездке (летом 1901 г.) в Яранский уезд (Вятской губернии) для изучения народного говора // Ученые записки Юрьевского ун-та. 1902. № 3. Научный отд. С. 1—17; Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию // Сборник Отделения русского языка и словесности. СПб., 1903. Т. 76, № 2. С. 1—189; Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913, и др.

И. ОТЗЫВ Д. К. ЗЕЛЕНИНА О П. С. БОГОСЛОВСКОМ

Отзыв об этнографических трудах профессора Павла Степановича Богословского

7 января 1928 г.

Хотя в нашей провинции немало краеведческих учреждений, которые обязаны своим процветанием отдельным лицам, — но пожалуй нигде значение личной инициативы не сказалось так ярко, как в «Кружке по изучению Северного края при Пермском университете». ¹ Председателем и душой этого кружка, основанного в 1916 году и выпустившего в последние годы (1924—1927) три книги «Пермского краеведческого сборника», ² является профессор Пермского университета Павел Степанович Богословский.

Половина членов этого Кружка (38 из общего числа 75) — участники краеведческого семинария проф. П. С. Богословского, местные студенты. Лучшим украшением всех трех выпусков названного «Сборника», вышедших под редакцией П. С. Богословского, служат статьи редактора. ³ — Необходимо отметить, что «Пермский краеведческий сборник» — одно из немногих наших краеведческих изданий, посвященных специально этнографии и археологии.

Перу проф. П. С. Богословского принадлежит 50 научных печатных работ, напечатанных частью в названном сборнике, частью в иных местных изданиях — Пермских и Вологодских. ⁴ Из этого числа 20 работ имеют ближайшее отношение к этнографии. Самый крупный из этнографических трудов — исследование «К номенкла-

туре, топографии и хронологии свадебных чино» (1927).⁵ Здесь мы имеем один из первых опытов детального исследования внешней, так сказать технической, стороны русской свадьбы. Только такие исследования приведут к полному истолкованию сложного ритуала русской свадебной драмы. Об исчерпывающей полноте труда говорит количество изученных «чинов» 415 — русских, белорусских и украинских. Изучение названий этих чинов имеет также значение для географии слов.

Из других этнографических трудов П. С. Богословского отметим «Обработка льна и „копотиха“ в Пермском округе»,⁶ «Об изучении местного языка в связи с профессиональными занятиями»,⁷ «Демонологический рукописный мотив и северная сказка»,⁸ «Об изучении Пермского края в лингвистическом и этнографическом отношении».⁹

Было бы весьма желательно отметить этнографические труды проф. П. С. Богословского присуждением ему почетной награды Географического Общества.

Действительный член О-ва: Дм. Зеленин.

¹ Кружок по изучению Северного края при Пермском университете возник в 1916 г. в первый год существования Пермского университета как краеведческая организация с научно-исследовательскими задачами. Первым председателем был избран профессор Б. Л. Богаевский, секретарем — студент-этнограф В. Н. Серебренников (в научном мире одно время был известен под псевдонимом Аргентов). В Кружок входили все те, кто интересовался краем. Участники устраивали публичные чтения докладов, создали краеведческую библиотеку, собирали касающиеся края материалы. Во время гражданской войны Кружок был вынужден прекратить свою деятельность. Возродился он лишь в начале 1923 г. под председательством П. С. Богословского.

² В 1924 г. Кружок по изучению Северного края начал издавать «Пермский краеведческий сборник». К этой работе было приступлено при отсутствии всяких средств. Благодаря отзывчивости ряда учреждений, оказавших некоторую материальную поддержку напряженной работе членов Кружка, издание было доведено до конца. В фонде П. С. Богословского хранится письмо на имя заведующего Пермским Промкомбинатом А. И. Перевалова, датированное 12 сентября 1927 г., где речь идет о предоставлении скидки на печать третьего выпуска «Пермского краеведческого сборника»: «Кружок по изучению Северного края при Пермском Университете (КИСК), предполагая приступить к изданию очередного выпуска Пермского Краеведческого Сборника, просит Вас сделать ему возможную скидку с существующего типографского тарифа.

Встречая с Вашей стороны неизменно благожелательное отношение к научно-краеведческим учреждениям Перми, кружок надеется, что и теперь Вами будет сделана ему максимальная скидка на издание работ по изучению местного края. Председатель кружка проф. П. Богословский». На письме стоит резолюция красным карандашом: «Принять заказ по спец. тарифу. 13 сентября 1927 г.» (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 2, № 95, л. 1).

В «Пермском краеведческом сборнике» (1927. Вып. 3. С. 2) также присутствуют следующие строки: «Настоящее издание стало возможно благодаря просвещенному содействию заведующего Пермским Промкомбинатом А. И. Перевалова, которому КИСК и считает нужным выразить искреннюю и глубокую благодарность за неизменную его отзывчивость к нуждам кружка».

Издание встретило исключительно отзывчивое и теплое внимание со стороны краеведческой общественности. Всего вышло в свет четыре выпуска: № 1 — 1924; № 2 — 1926; № 3 — 1927; № 4 — 1928.

³ См. следующие статьи П. С. Богословского, опубликованные в «Пермском краеведческом сборнике»: Выпуск 1. 1924. Сибирские путевые записки Радишева, их историко-культурное и литературное значение. С приложением материалов о Пермском крае. С. 1—28; Рукописная традиция в Шадринском фольклоре. С. 66—70; Ма-

териалы по народному быту, фольклору и литературной старине. С. 70—83; О Пермском крае в археологическом и архивном отношении. С. 84—90; Выпуск 2. 1926. Из местных историко-литературных разысканий. С. 16—28; Город Соликамск на рубеже XVI и XVII веков. С. 44—54; Сотрудница «Современника» и «Отечественных Записок», пермская писательница А. А. Кирпищикова. С. 74—94; Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае. С. 94—110; Крестьянская свадьба в лесах Вильвы, Пермского округа. С. 128—159. Выпуск 3. 1927. К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов. С. 1—64; Пермские сказания о картофеле. С. 94—98; Обработка льна и «копотиха» в Добрянском районе Пермского округа. С. 105—117.

⁴ См. библиографический указатель трудов П. С. Богословского (неполный): *Шарц А. К.* Богословский П. С. (Библиографические материалы). Пермь, 1966. Работы исследователя зафиксированы также в отраслевом указателе: Русский фольклор: Библиографический указатель (1917—1944) / Сост. М. Я. Мельц. Л., 1966.

⁵ *Богословский П. С.* К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1927. Вып. 3. С. 1—64.

⁶ *Богословский П. С.* Обработка льна и «копотиха» в Добрянском районе, Пермского округа // Там же. С. 105—107.

⁷ Место издания не установлено.

⁸ *Богословский П. С.* Демонологический рукописный мотив и северная сказка // Север. Вологда, 1923. Кн. 2. С. 170—177.

⁹ *Богословский П. С.* Об изучении Пермского края в лингвистическом и этнографическом отношении // Север. Вологда, 1924. Кн. 1(5). С. 113—143.

II. ПИСЬМА Д. К. ЗЕЛЕНИНА К П. С. БОГОСЛОВСКОМУ

Письмо № 1

17 января 1931 г., Ленинград¹

Многоуважаемый Павел Степанович!

Я пропустил в своем списке слова: 1) шуликуны (веров<ание>; (я напишу 10—20 строк);² 2) связь (жил<ище>);³ 3) поезд свадебный; 4) юрта; 5) кочевой быт; 6) нодья; 7) черэшван (перм.); 8) быкомол; 9) пониток (од<ежда>); 10) челпан (пища); 11) клеть (жил<ище>); 12) гамаюны (насел<ение>); 13) непременношина; 14) шайтана гонять; 15) тяжело; 16) дырники,⁴ красная смерть⁵ и т. д. (секты); 17) воршуд, ирих, туно; 18) будка (жил<ище>); 19) землянка; 20) вентер (рыбол<овство>); 21) коваленка; 22) лутошка; 23) троецыплатница;⁶ 24) лизун; 25) батаман; 26) приспанные дети; 27) починок.

С сердечным приветом Д. Зеленин.

На почтовой открытке.

Адрес получателя: г. Пермь.

Государственный Университет.

Профессору П. С. Богословскому.

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² Шуликуны — сезонные демоны, связанные со стихией воды; появляются в сочельник у проруби, могут туда затащить. Это проклятые младенцы, так называемые «нечистые» покойники. Ростом с кулачок, заостренная голова (или острокопечная шапочка), могут иметь конские ноги. У Д. К. Зеленина есть статья (1930) о

них: Загадочные водяные демоны «шуликуны» у русских // Зеленин Д. К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре. 1917—1934 / Подгот. текста и коммент. Т. Г. Ивановой. М., 1999. С. 82—99.

³ По словарям (Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—1999. Вып. 1—33; *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1—4) перечисленные Д. К. Зелениным слова трактуются следующим образом: Связь — изба с надворным строением под одну крышу. Поезд свадебный — вереница повозок с участниками свадьбы (первоначально, свадебный поезд жениха, направляющийся за невестой в день венчания). Нодья — а) костер, устраиваемый в лесу в холодные ночи из двух тлеющих бревен, положенных друг на друга; б) охотничья избушка в лесу, в которой хранят мясо убитых зверей. Пониток — кафтан из тонкой ткани. Челпан — каравай хлеба, цельный, непочатый хлеб. Клеть — изба, жилой деревянный дом. Гамаюны — прозвище жителей некоторых местностей. Так называются в Пермской губернии все вообще заводские и крепостные люди, которые переселены из подмосковных деревень. (О гамаюнах Д. К. Зеленин писал в своей работе «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации». СПб., 1913.) Шайтан — нечистый дух, дьявол. Тяжелко — холщовый кафтан. Будка — всякая маленькая, отдельная постройка для приюта или защиты от непогоды человека, собаки или иного мелкого животного; караулка, сторожка, шалаш, конура. Землянка — а) хлев, крытый землей и зерном; б) нижний этаж жилой постройки, находящийся в земле. Вентерь — рыболовная снасть, имеющая вид верши на обручах. Коваленка — наковаленка для отбивания кос. Лутошка — ободранная липа; липовая палка, палочка без коры. Лизун — а) лизень — коровий язык; б) лизунец — кусок каменной соли, которую дают лизать скоту. Батаман — в суевежных представлениях — домовая. Приспасть — задавить во сне, навалившись на младенца своим телом (о кормящей матери). Починок — небольшая деревня, хутор обычно на расчищенном от леса или выжженном месте; выселок, новый поселок.

⁴ Дырники — одна из групп христиан беспоповцев-самокрещенцев. Дырники не признают наставников, не почитают икон, не имеют специальных помещений для богослужения. Зимой они молятся в небольшое отверстие — дырку, проделанную в восточной части дома. Живут в основном в Центральной Сибири. См.: Народы и религии мира: Энциклопедия / Гл. ред. В. А. Тишков. М., 1998. С. 716.

⁵ Красная смерть — у сектантов — смерть, наступавшая от удущья красной подушкой, благодаря чему умерший как мученик якобы попадал в рай (красная = красивая, почетная). Добровольную смерть старообрядцы считают выше естественной, приравнивая ее к мученичеству. Но при этом важно, чтобы умирающий не сам наложил на себя руки. С его стороны нужна решимость умереть, а прочее должны сделать силы природы или рука другого человека. Возможно, существовал какой-то «душила», но присутствие его не обязательно. Задушить может и сын, дочь или другой родственник, если он на то согласится. Об этом Д. К. Зеленин говорил в своей статье: «Красная смерть» у русских старообрядцев // Этнографическое обозрение. 1904. Кн. 62, № 3. С. 67—68.

⁶ Троецпыляница — обряд. Заклинание и совместное поедание вдовами и немолодыми благочестивыми женщинами курицы, которая уже три раза выводила цыплят. В обряд включалось моление о благосостоянии дома, об отведении тяжелых родов. Перья, кровь и кости кур пускались по воде или закапывались в землю (для большей плодovitости кур) и почитались женщинами за святые. Этому обряду посвящена работа Д. К. Зеленина: Троецпыляница (Этнографическое исследование) // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1906 год. Вятка, 1906. Отд. 2. С. 1—52.

Письмо № 2

18 января 1931 г., Ленинград¹

Многоуважаемый Павел Степанович! Шлю еще партию слов (последнюю): бастрик; башлык (рыбол<овство>); бегунцы; кабан

(земл<еделие> = скирд); карда (скотов<одство>); гоны (мера); гоньба; жбан; взвоз старателей; спиртное; лопать; осырок; сутунок; напыльник (жил<ище>); отопки (од<ежда>); чанные ворота; дербень; полог; очаг; чаша (= котел); шабур (од<ежда>); ерофеич. Башкирские: майдан; туп; махан; тулпар; крут.

Еще ходок (экипаж).²

Вообще все характерные для Урала народные термины — мне представляются желательными.

С сердечным приветом Дм. Зеленин.

На почтовой открытке.

Адрес получателя: г. Пермь.

Государственный Университет.

Профессору П. С. Богословскому.

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² По словарям названные Д. К. Зелениным слова толкуются следующим образом: Бастрик — гнет, употребляемый для прижатия сена или снопов во время возки. Башлык — начальник чего-либо (обычно рыболовецких промысловых артелей), старший во время ловли рыбы неводом. Бегунцы — бегунец — скаковая лошадь, рысак (обычно о лошади, участвующей в скачках). Кабан — кладка сена, соломы, снопов; стог, скирд, кладь. Карда — огороженное место для дневного содержания скота. Гоны — мера измерения площади — 20 × 20 сажен. Гоньба — повинность, возлагавшаяся на крестьян, обязанных предоставлять подводы для перевозки крупных грузов. Жбан — кувшин. Взвоз — дорога в гору от реки или перевоза, подъем, взезд. Лопать — одежда. Осырок — земельный участок с домом, хозяйственными постройками, огородом, садом и т. п., усадьба. Сутунок — простенок между окон, складываемый из обрубков. Напыльник — перекладина, жердь над устьем (черной) печи, куда кладут дрова для просушки, вешают тряпки и т. д. Отопки — старая изношенная обувь. Чанные ворота — с калиткою, со столбами и крышей. Дербень — самый толстый льняной холст. Полог — большое полотенце из грубой ткани, служащее подстилкой или покрывком (при сушке, перевозке зерна). Очаг — комнатная печь. Чаша — сосуд полушаром или около того. Шабур — верхняя мужская и женская одежда из грубого холста, сукна или полусукна домашней выделки, длиной чуть ниже колен.

Ниже следующие слова Д. К. Зеленин объясняет в своей работе «Великорусские сказки Пермской губернии» (СПб., 1914) следующим образом: Майдан — башкирское общественное гулянье, на котором бывают скачки, состязания в беге и в борьбе, и угощение вареным мясом. Махан — башкирское название мяса. Тулпар — у башкир: мифический копь необыкновенной, чудесной быстроты. Крут — соленый сухой сыр из коровьего или овечьего молока. Ходок — тарантас, легкий экипаж с плетеным кузовом.

Письмо № 3

23 июля 1945 г., Ленинград¹

Многоуважаемый Павел Степанович!

Весьма благодарен Вам за Ваше письмо и поздравления.² Чрезвычайно рад, что Вы живы и здоровы. Сам я недавно прибыл из Самарканда, где жил почти четыре года.

На днях у нас умер Г. С. Виноградов,³ недавно прибывший из Алма-Аты, умер после операции от рака. Раньше умерли фолькло-

ристы Никифоров⁴ и Н. П. Андреев,⁵ профессор Е. Г. Кагаров,⁶ Пушкаревич.⁷

От души желаю Вам всего наилучшего.

С сердечным приветом

Дм. Зеленин.

На почтовой открытке.

Адрес получателя: г. Караганда (Казахская ССР).

ул. Джамбула д. 11, кв. 8.

Профессору П. С. Богословскому.

Адрес отправителя: г. Ленинград 121.

пр. Маклина д. 2, кв. 19.

от Д. К. Зеленина.

¹ Датировано Д. К. Зелениным. Также на письме помета рукою П. С. Богословского: «Получено 6/8 1945».

² В связи с чем идет речь о поздравлении, сказать трудно. В 1945 г. Зеленин был награжден орденом Трудового Красного Знамени за заслуги в развитии науки, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», Почетной грамотой в связи с 200-летием Академии наук СССР. См.: Основные даты жизни и деятельности члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина / Сост. А. И. Тарасова (Васина) // Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л., 1979. С. 220.

³ *Виноградов Георгий Семенович* (1886—1945) — этнограф, фольклорист. В 1919—1920 гг. — заведовал русским отделом областного Иркутского музея народо-ведения. Профессор, заведующий кафедрой этнологии в Иркутском университете (с 1925). В 1939 г. принят в Институт литературы (Пушкинский Дом). Основные труды посвящены литературоведению, лингвистике и фольклору, в особенности детскому. В Алма-Ате жил с осени 1943 до весны 1945 г. 30 мая 1945 г. вернулся в Ленинград. Скончался 17 июля 1945 г.

⁴ *Никифоров Александр Исакович* (1893—1942) — собиратель и исследователь фольклора. Действительный член Географического общества (1926), научный сотрудник Института истории искусств по секции художественного фольклора, Института антропологии и этнографии АН СССР (1934—1936) и Института литературы (1937—1942). Профессор Ленинградского педагогического института (с 1936). Докторская диссертация о «Слове о полку Игореве». Основные работы посвящены фольклору, в частности сказке. Переписывался с П. С. Богословским (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 3, № 154). Скончался 24 апреля 1942 г. в блокадном Ленинграде.

⁵ *Андреев Николай Петрович* (1894—1942) — исследователь фольклора. Основные труды посвящены народным сказкам, их истории и систематизации и вопросам взаимовлияния литературы и фольклора. Ученик одного из наиболее ярких представителей финской школы в фольклористике профессора Казанского университета Вальтера Андерсона. Первый в русской фольклористике составил «Указатель сказочных сюжетов» (1929). Скончался во время блокады в Ленинграде.

⁶ *Кагаров Евгений Георгиевич* (1882—1942) — этнограф. Профессор Ленинградского университета. Скончался в блокадном Ленинграде. Переписывался с П. С. Богословским. Как видно из приведенного ниже письма, интересовался его работами: «Многоуважаемый коллега. Разрешите обратиться к Вам с просьбой выслать мне Ваши работы о русской свадебной обрядности. Если Вы к тому же укажете свой точный адрес, я позволю себе отослать Вам отписки своих статей о значении русских свадебных обрядов (из изданий Академии наук и др.). С большим интересом прочитал Вашу статью о номенклатуре свадебных чинов.

С уваж<ением> Е. Кагаров».

(РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 3, № 97).

⁷ *Пушкаревич Константин Алексеевич* (1890—1942) — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русско-славянской филологии и русской ли-

тературы в Ленинградском государственном университете (1941). Скончался в бло-
кадном Ленинграде.

Письмо № 4

21 ноября 1945 г., Ленинград¹

Многоуважаемый Павел Степанович!

Спасибо за письмо. В Москву приехали некоторые профессора из Ленинграда: Н. К. Пиксанов,² В. Ф. Шишмарев,³ С. П. Обнорский.⁴ Кафедру фольклора в МГУ после Ю. М. Соколова⁵ занял П. Г. Богатырев (прибывший из Чехии).⁶ Думаю, что наибольший спрос на литературоведов в Киеве, где украинские академики А. И. Белецкий⁷ и Гудзий⁸ живут вне Киева; Гудзий в Москве лежит больной: ему сильно повредило череп автомобилем. Впрочем, я не знаю точно о Киеве. В Самарканде большой спрос на ученых; туда при мне пригласили историка Феноменова,⁹ но он умер раньше своего переезда из Сталинабада.¹⁰ В Самарканде я знал только одного литературоведа — доцента,¹¹ который часто пишет в местных газетах в связи с юбилеями. Университет там новый и усиленно набирает кадры, приглашали и меня в 1945 г.; но там русский язык не в моде.

В Киев переехал из Иркутска Костя Копержинский.¹² Во Львов меня приглашали (неофициально) на русский язык: там зав. кафедрой русского языка моя ученица — Курилова.¹³ Меня недавно приглашали в Минск — в Академию, где Н. М. Никольский¹⁴ окончательно перешел на историю. В Минске также идет усиленный набор ученых. Я отказался, так как переезжать в мои годы нет смысла, а ездить мне трудно. В Ленинграде Филологический факультет очень ширится; от него отделился Восточный факультет, где остается и наша этнография — так что я читаю теперь на Восточном факультете, как некогда читал на Географическом.¹⁵ Литературоведов в Ленинграде много — Пушкинский Дом полон. Надеюсь свидеться с Вами в Москве.

С сердечным приветом

Дм. Зеленин.

На почтовой открытке.

Адрес получателя: г. Караганда, 7.

улица Джамбула д. 11, кв. 8.

Профессору Богословскому П. С.

Адрес отправителя: г. Ленинград 121.

пр. Маклина 2, кв. 19.

от Д. К. Зеленина.

¹ Датируется по почтовому штемпелю. Также на письме присутствует помета рукой П. С. Богословского: «Получил 4/12 1945».

² Пиксанов Николай Кирькович (1878—1969) — литературовед. Чл.-корр. АН СССР (с 1931). В 1902 г. окончил историко-филологический факультет Юрьевского (Дерптского) университета. Профессор Саратовского (с 1917), Московского (с 1921),

позднее Ленинградского университетов. Основные труды по истории русской литературы, общественной мысли, источниковедению, текстологии, методологии литературоведения.

⁵ *Шишмарев Владимир Федорович* (1875—1957) — филолог, академик АН СССР (1946). Окончил Петербургский университет (1897). Во Франции и Италии (1899—1903) готовился к званию профессора романской филологии. Профессор Петроградского (затем Ленинградского) университета (с 1918), заведующий кафедрой романской филологии (1935—1957). Директор Института мировой литературы (1944—1947), в 1950—1957 гг. вел научную работу в Институте языкознания АН СССР. Основные труды в области романской филологии. Занимался палеографией и текстологией, теорией и историей музыки.

⁴ *Обнорский Сергей Петрович* (1888—1962) — языковед, академик АН СССР (1939). Окончил Петербургский университет (1910). Профессор Пермского (1916—1922) университета. Профессор, заведующий кафедрой русского языка в Ленинградском университете (1922—1941). Главные исследования посвящены истории русского языка, диалектологии и лексикографии. Основатель и первый директор (1944—1950) Института русского языка АН СССР. Переписывался с П. С. Богословским (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 3, № 158).

⁵ *Соколов Юрий Матвеевич* (1889—1941) — фольклорист и литературовед, академик АН УССР (с 1939). В 1911 г. окончил Московский университет. Преподавал в вузах Москвы, Твери и Киева. Автор теоретических работ о специфике фольклора и его взаимоотношениях с литературой. Заведовал Фольклорным отделом Государственного литературного музея в Москве. Состоял в переписке с П. С. Богословским (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 3, № 191). В июле 1934 г. Ю. М. Соколов помог П. С. Богословскому избежать увольнения из Центрального научно-исследовательского института методов краеведной работы. Подробнее см.: *Иванова Т. Г.* П. С. Богословский и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 16.

⁶ *Богатырев Петр Григорьевич* (1893—1971) — фольклорист, этнограф, театровед. В 1918 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. Профессор МГУ с 1940 г. С 1920-х гг. до конца 1930-х гг. жил в Чехословакии, оставаясь гражданином СССР. Основные работы посвящены народному театру, специфике фольклора и его поэтике. Был одним из основателей Московского и Пражского лингвистических кружков. Переписывался с П. С. Богословским (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 3, № 41).

⁷ *Белецкий Александр Иванович* (1884—1961) — русский и украинский литературовед, академик АН УССР (1939), академик АН СССР (1958). Основные труды по истории русской, западноевропейской, античной литературы, а также по теории литературы. Автор работ об украинских писателях. Изучал связи русских, украинских и других славянских литератур. Долгие годы был директором Института литературы им. Т. Г. Шевченко в Киеве.

⁸ *Гудзий Николай Каллишикович* (1887—1965) — русский и украинский историк литературы, академик АН УССР (1945). Окончил Киевский университет в 1911 г. Проректор Московского университета (с 1922). Работал в вузах Киева, Симферополя, Москвы. Руководил отделом древнерусской литературы в Институте мировой литературы им. А. М. Горького (1938—1947), отделом русской литературы (1945—1952) и отделом украинской древней литературы (1952—1961) в Институте литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР. Исследования Н. К. Гудзия посвящены древнерусской литературе, русской и украинской литературе XVIII—начала XX веков, а также вопросам текстологии, истории филологической науки. Состоял в переписке с П. С. Богословским (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 3, № 73).

⁹ *Феноменов Михаил Яковлевич* — профессор, доктор исторических наук.

¹⁰ Сталинабад — нынешний Душанбе (с 1961 года).

¹¹ Лицо неустановленное.

¹² *Копержинский Константин Александрович* (1894—1953, по другим сведениям 1954) — этнограф, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии в Ленинградском университете. Д. К. Зеленин ссылается на статью К. Копержинского об обрядах сбора урожая в своей работе «„Спасова борода“, восточнославянский земледельческий обряд сбора урожая» (См.: Этнографический вестник. Киев, 1929. Кн. 8. С. 115—134).

¹³ Лицо неустановленное.

¹⁴ *Никольский Николай Михайлович* (1877—1959) — историк религии, востоковед, академик АН БССР (1931), чл.-корр. АН СССР (1946). Сын и ученик М. В. Никольского (русский историк, основоположник ассириологии в России). Окончил Московский университет (в 1900), в 1918—1922 гг. профессор Смоленского университета, в 1920—1953 гг. — Белорусского университета в Минске, в 1937—1953 гг. директор Института истории АН БССР. Основные труды по истории религии и церкви, критике Библии, по истории Древнего Востока, по истории русской православной церкви и по белорусскому фольклору.

¹⁵ В 1925 г. Географический институт в Ленинграде был реорганизован в географический факультет Ленинградского университета. Факультет сохранил прежние 2 отделения: географическое и этнографическое. Этнографическое отделение складывалось из нескольких циклов по группам народов. Профессором и руководителем славянского цикла был избран Д. К. Зеленин. Что касается восточного факультета, то он отделился от филологического в 1944 г.

Л. Н. Иванова

РИМСКИЙ АРХИВ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА. ЧАСТЬ 2

Данная опись является продолжением ранее составленных: Архив Вячеслава Иванова в Риме. Выпуск 1: Поэтические сочинения и переводы Вячеслава Иванова / Сост. А. Б. Шишкин. Рим, 1996 (неопубликовано); Опись Римского архива Вячеслава Иванова: Художественные произведения. Статьи, лекции, речи, заметки по темам. Материалы к биографии / Сост. Л. Н. Иванова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 300—323.

Опись включает в себя переписку В. И. Иванова на русском языке. За пределами ее осталась неразобранная обширная переписка поэта с детьми, которая, по-видимому, впоследствии составит отдельную опись.

Согласно просьбе владельца архива, Д. В. Иванова, для удобства его работы с документами, в процессе научной обработки и составления данной описи осуществлены некоторые отступления от правил систематизации, принятых в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Письма самого Вяч. Иванова не выделены в отдельный раздел, а располагаются непосредственно рядом с письмами его адресатов и корреспондентов — по хронологии. Общее же расположение писем — в порядке алфавита корреспондентов и адресатов. Во многих случаях при письмах имеются приложения, содержащие биографические сведения об адресатах и корреспондентах Вяч. Иванова. При больших объемах приложений они описываются отдельно и располагаются в архиве вслед за соответствующими письмами.

Однако при публикации опись пересистематизирована в два раздела: I. Письма В. И. Иванова. II. Письма к В. И. Иванову. При этом приложения, отделенные в архивной описи от писем, присоединены нами к соответствующим описаниям писем.¹

¹ Благодарю Е. Чунихину за помощь в подготовке описи к изданию.

ПЕРЕПИСКА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. ПИСЬМА В. И. ИВАНОВА

1. АМФИТЕАТРОВУ Александру Валентиновичу. 3 п. 1932, апр. 25—1936, февр. 13 и б. д.

Письмо от 25.04.1932 г. — незавершенный черновик с наброском стихотворения «Лиру... вам вручаю...»; письмо от 23.08.1935 г. — ксерокопия; оригинал — в отделе рукописей Лилльской библиотеки Университета штата Индиана (США).

Приложение: «Alessandro Amfiteatrof». Характеристика, написанная В. И. Ивановым по просьбе А. В. Амфитеатрова.

7 л. (1 конв.).

2. БАЛТРУШАЙТИС Марии Ивановне. 1 п. 1947, дек. 27.

Маш. (отпуск). 1 л.

3. БУНИНУ Ивану Алексеевичу. 2 п. 1937, авг. 19—дек. 26.

Ксерокопии; оригиналы — в Русском Архиве библиотеки университета в Лидсе (Великобритания) (шифры: РАЛ MS. 1066/3026, 3027). Там же — визитная карточка В. И. Иванова с планом местонахождения его дома (3028).

Приложение: Бунин Ив. Письмо Вяч. Иванова (Рим, 26 декабря 1937 г.) // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1949. 4 сент. Ксерокопия газетной публикации-некролога.

5 л.

4. ГАБРИЧЕВСКОМУ Александру Георгиевичу. 1 п. 1929, дек. 21. Черновик; три неполных редакции (без окончания). 4 л.

5. ГЕРШЕНЗОН Марии Борисовне. 3 п. 1925, февр. 27—1928, янв. 5.

Письмо от 5.1.1928 г. — совместное с О. А. Шор; на обороте открытки с фотогр. Римских катакомб. 7 л. (2 конв.).

6. ГЕРШЕНЗОНУ Михаилу Осиповичу. 20 п. 1909, янв. 18—1924, дек. 24 и б. д.

В письме от 7.7.1916 г. письмо В. К. Ивановой (урожд. Шварсалон) М. Б. и М. О. Гершензонам от 5.7.1916 г.; на обороте недатированного письма [1922—1924] московский адрес Ал. Н. Чеботаревской.

Приложения:

1) Иванов В. И. Из книги «Любовь и Смерть» («Не ты ль поведала подругам-пчелам...»). 16.2.1910. Стихотворение. Беловой автограф с дарств. надписью М. О. Гершензону.

2) «Почетный билет на посещение лекции Вячеслава Иванова „Чурлянис и проблемы синтеза искусства“ в художественном салоне» (Москва), 16 янв. [1914]. На бланке. 2 экз.

3) Приглашение на лекцию В. И. Иванова «Кризис гуманизма» 24.1.1919 в Центр. Кооп. Клуб (Москва, Покровка) на имя М. О. Гершензона.

46 л. (4 чист., 4 конв.).

7. ГОДЯЕВУ Алексею Гавриловичу. 1 п. Без окончания. 1935, дек. 7. 1 л.

8. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ Илье Николаевичу. 6 п. 1930, апр. 24—1935, авг. 23. 19 л.

В письме от 20 авг. 1935 г. стихи, посвящ. Е. В. Аничкову: «Николин день в Мирах Ликийских». Ксерокопии (увеличенные) с автографов, хранящихся в Библиотеке Сербской Академии наук и искусств (Белград).

Письмо от 24 июня 1931 г. — также в копии рукой О. А. Шор.

Приложения:

1) Иванов Вячеслав Иванович. «Предисловие». Вступительная статья к сборнику стихов И. Н. Голенищева-Кутузова «Память» (Париж, 1935). [1931, авг.]. Автограф (беловой, переходящий в черновой). 10 л.

2) Иванов Вячеслав Иванович. «Предисловие». Вступительная статья к сборнику стихов И. Н. Голенищева-Кутузова «Память» (Париж, 1935). 1931, авг. 24. Беловой автограф, окончательная редакция, посланная Голенищеву-Кутузову. Ксерокопия; оригинал — в Библиотеке Сербской Академии наук и искусств (Белград). 12 л.

9. ГОЛЬШТЕЙН Александре Васильевне. 2 п. 1901, янв. 28 — 1902, дек. 29/16. Ксерокопии; оригиналы в Бахметьевском Архиве Библиотеки Колумбийского Университета (США). 4 л.

10. ГОРЬКОМУ Максиму (Пешкову Алексею Максимовичу). 2 п. 1922, апр. 12—[1929, дек. 15].

Письмо от [15.12.1929] — авторская копия (неполная).

Приложение: конверт от неустановл. письма В. И. Иванова М. Горькому от 12.4.1922.

2 л. (1 конв.).

11. ГРИГОРОВИЧ Елене Юстиниановне. 3 п. и телегр. 1912, лето; 1942, июля 28—ноября 17.

В тексте письма стихотворение В. И. Иванова «Gratiae Plena» («Мария, Дева-Мать, Ты любишь этих гор...») (1912). 9 л. (2 конв.).

12. ГУМИЛЕВУ Николаю Степановичу. 1 п. 1911, июня 16.

Маш. копия, переданная В. А. Мануйловым (оригинал находится в США). 1 л.

13. ЖИРМУНСКОМУ Виктору Максимовичу. 1 п. 1924, июня 16. Маш. копия (отпуск). 2 л.

14. ЗАЙЦЕВУ Борису Константиновичу. 1 п. 1939, марта 28.

Ксерокопия; оригинал — в Бахметьевском Архиве Библиотеки Колумбийского Университета (США). 3 л.

15. [ЗУЕВОЙ Инне], (художнице). 1 п. (с отзывом о стихах). 1939, марта 14.

Начало. Черновой и беловой автографы. 3 л. (1 чист.).

16. [КАЛАШНИКОВУ] Михаилу Георгиевичу. 1 п. 1923, авг. 26. 2 л.

17. КОНОВАЛОВУ Сергею Александровичу. 4 п. [1946, до 20 окт.]—1947, дек. 8.

Первое письмо (условно датированное) в 2-х вариантах: 1-й экз. (неполный) — автограф; с. 5—6 (авторская нумерация) — в 2-х вариантах (л. 4—5); 2-й экз. — авториз. маш. (отпуск) с правкой; с. 7 (авторская нумерация) — в 3-х вариантах (л. 12—14). На обороте чернового письма от 20.10.1946 — черновое письмо к М. Харари от 18.10.1946 (л. 15 об.). Письма от 3.12 (без окончания) и от 8.12.1947 — варианты одного письма (л. 17—18). На обороте письма от 3.12.1947 — черновой фрагмент статьи О. А. Шор (О. Дешарт) о В. И. Иванове. Б. д. Автограф, маш. (л. 17 об.). 18 л.

18. КРЕСЛИНГУ Александру Карловичу. 1 п. 1928, февр. 26. Черновик. 1 л.

19. ЛО ГАТТО Гектору Доминиковичу (LO GATTO Ettore). 1 п. 1928, дек. 8. 1 л.

20. МЕРЕЖКОВСКОМУ Дмитрию Сергеевичу. 1 п. 1935, дек. 10. 1 л.

21. МЕРКУРЬЕВОЙ Вере Александровне. 1 п. 1926, янв. 27. Черновик. Вторая часть письма в 2-х вариантах. 3 л.

23. ОЦУПУ Николаю Авдеевичу. 1 п. 1947, авг. 24. Маш. (отпуск), неполная. 1 л.

24. ПАЧИНИ Л. (PACINI L.). 1 п. 1946, дек. 21. Маш. (отпуск). 1 л.

25. РУДНЕВУ Вадиму Викторовичу. 1 п. 1937, февр. 14. 1 л. (лист сильно надорван по краям).

26. «М. и С. САБАШНИКОВЫ», изд. (Москва). 1 п. 1926. Подтверждение соглашения об исключительном праве на издание его переводов трагедий Эсхила. Маш. (отпуск). 1 л.

27. СЕМЕНОВУ Михаилу Николаевичу. 4 п. 1948, марта 29—июня 16.

Приложения:

1) К письму от 7.6.1948 — маш. копия (л. 6). 9 л. (4 конв.).

2) Иванов Дмитрий Вячеславович. Письмо Семенову Михаилу Николаевичу с сообщением о кончине Вяч. И. Иванова и приложением некролога из газеты «L'Osservatore Romano» (1949. 22 sett., № 220. P. 3). 1949, июля 25.

3) Семенов Михаил Николаевич. Ответное письмо Д. В. Иванову с соболезнованием. 1949, июля 27. 4 л. (1 конв.).

28. СТЕПУНУ Федору Августовичу. 1 п. 1925, марта 22. Черновик. 2 л.

29. ФЕДОРОВУ Михаилу Михайловичу, Товарищу Председателя Пушкинского Комитета (Париж). 1 п. 1936, дек. 27—28.

Два варианта: автограф и авторизов. маш. (отпуск). 3 л.

30. ФОНДАМИНСКОМУ Илье Исидоровичу. 1 п. 1938, ноября 2. Авторизов. маш. (отпуск), без подписи. 1 л.

31. ФРАНКУ Семену Людвиговичу. 1 п. 1947, мая 18.

В 2-х редакциях: черновой автограф (начало) и маш. (отпуск) с правкой и вставками автора (без окончания). 5 л. Бумага очень высохла, листы сильно обтрепаны, надорваны по краям и углам, кое-где с утратой текста (особенно л. 5).

32. ШОРУ Евсею Давидовичу. 2 п. 1929, сент. 22—23.

Черновики. 2 л. Л. 1 надорван на сгибе и по краям; верхний левый угол оторван с утратой текста; л. 2 — левый верхний угол подклеен; сам лист составляет 1/3 листа 1-го (по размеру).

Приложения:

1) Иванов Вячеслав Иванович. Рекомендательные письма (4) о Шоре Евсее Давидовиче: в Женевский Международный Комитет по предоставлению работы представителям интеллигенции из числа беженцев; в Общий иностранный комитет; Бюро представителей английских евреев и англо-еврейская ассоциация (Лондон); Голландский комитет (Амстердам). 1934, марта 14—июля 24.

На франц., англ. и нем. яз. Письмо в Женеву — в 3-х редакциях: белой автограф с правкой и 2 авторизов. маш.

2) Ответные письма (2) В. И. Иванову: из Женевского Международного Комитета и из Лондонского Общего иностранного комитета. 9 л.

33. ШОР Ольге Александровне. 11 п. 1924, авг. 16—1925, ноября 9 и б. д.

В письме от 2.3.1925 — приписки Д. В. и Л. В. Ивановых (л. 10—10 об.). Конверт с римским почт. штемпелем от 19.10.1925 — без письма.

Приложения:

1) К письму от 23.5.1925 — доверенности (2) В. И. Иванова на имя О. А. Шор на получение денег (академич. стипендии) из ЦЕКУБУ. 12.5.1925. Подлинники (л. 15—16).

2) К письму от 13.6.1925 — поручение В. И. Иванова на имя О. А. Шор наблюдения за могилами семьи Ивановых и В. Ф. Эр-на на Новодевичьем кладбище (Москва). 12.6.1925. Подлинник (л. 22).

3) К письму от 29.10.1925 — заявление В. И. Иванова в Правление ЦЕКУБУ с просьбой о сохранении академической стипендии. 29.10.1925. Подлинник (л. 36).

39 л. (7 конв.).

34. ШОР Ольге Александровне. 12 п. 1926, апр. 30—дек. 9 и б. д. Письма (2) без даты и без года (11.10) отнесены (подложены) к 1926 г. по содержанию (л. 24—27). Письмо от 1.1.1926 — на обороте фотооткрытки: двор Collegio Borgomeo (Pavia), с указанием крестом на местоположение квартиры В. И. Иванова (л. 30).

Письмо от 13.11 и 9.12.1926 — на почтовой бумаге Collegio Borgomeo (л. 31, 33).

Приложения:

1) Заявление от 1.5.1926 на имя А. В. Луначарского с просьбой о продлении научной командировки до июня 1927 г. Подлинник (л. 5).
3) Доверенность на распоряжение в течение трех лет всем имуществом, принадлежавшим В. И. Иванову, на имя О. А. Шор. Без даты. Черновой автограф, карандаш (л. 17—18) и подлинник (л. 19). (См. об этом письмо О. А. Шор В. И. Иванову от 25.6—7.7.26). 35 л. (1 чист.; 5 конв.).

35. ШОР Ольге Александровне. 9 п. 1927, янв. 13—дек. 7. Письма от 13.1, 11.2, 7.12.1927 — на почтовой бумаге Collegio Vogomeo (л. 1, 3, 15). Письмо от 17.6.1927 — на обороте почтовой фотооткрытки (интерьер собора св. Петра в Риме) (л. 8). 16 л. (7 конв.).

36. ШОР Ольге Александровне. 41 п. 1928, янв. 16—дек. 14 и б. д. Одно из писем от 12.3.1928 — на обороте письма Г. Штейнера к В. И. Иванову от 26.2.1928, на нем. яз.; с приложением черновика ответа ему В. И. Иванова от 12.3.1928, на нем. яз.; здесь же: приписка В. И. Иванова к Л. В. Ивановой, с виньеткой в виде кота. Письмо от 17.4.1928 обращено также к Л. В. Ивановой. Письмо от 17.4.1928 ошибочно датировано автором 1918; письмо от 6.12.1928 датировано: 1924. (Ошибки установлены по содержанию). Письма от 17.4, 13.5, 1 и 17.6.1928 — на почтовой бумаге Collegio Vogomeo. 46 л.

37. ШОР Ольге Александровне. 30 п. и 1 записка. 1929, янв. 11—ноября 28 и б. д.; пустой конв.: 20.12.1929. Письма от 11, 13, 23.1; 3, 8, 14.3; 24.5; 3, 12.6; 8.7; 18.11.1929 — на почтовой бумаге Collegio Vogomeo. В письмах от 10.2, 2.9, 21.9.1929 — приписки Д. В. и Л. В. Ивановых. Письмо от 4.5.1929 — на обороте почтовой фотооткрытки (Павия). Конверты с Павийскими почт. штемпелями от 6.7, 11 и 20.12.1929 — без писем. Записка без даты датирована (подложена) по содержанию (л. 34). 43 л. (3 конв.).

38. ШОР Ольге Александровне. 31 п., 3 записки, 1 телегр. 1930, марта 24—1934, дек. 17 и б. д. В письмах от 23.8.<1930>; 25.8, 25.9.1930; 9.9.1932; 27.9, 9.10.1931; 16.9, 9.10.1933; 14, 17.12.1934 — приписки Д. В. и Л. В. Ивановых. Письма от 31.3; 8.5; 20.6.1930 — на почтовой бумаге Collegio Vogomeo. Письма от 6.7.1930; 6.9.1933; 31.10.1934 — на оборотах почтовых фотооткрыток (Альбано, Павия, Рим, Фрейденбург). Письмо от 10.8.1930 — без окончания. Письмо от 23.8.[1930] — на обороте фрагмента статьи О. А. Шор о М. О. Гершензоне. Черновой автограф с правкой В. И. Иванова. На итал. яз. (л. 10). В недатированной записке В. И. Иванов цитирует письмо к нему Е. Д. Шора от 9.1.1931; на этом же листе записи О. А. Шор на нем. яз. (4-ая часть листа оторвана) (л. 17). 43 л. (1 конв.).

Приложение:

Иванов Вячеслав Иванович. Фотопортреты (5) одиночные и групповые с дарств. надписями Шор Ольге Александровне. 1927, июня 7—1934, мая 19 и б. д. 5 л.

39. ЭРН (урожд. Векиловой) Евгении Давидовне, вдове В. Ф. Эрн. 1 п. 1917, окт. 16.

В письме стихотворение В. И. Иванова, посвящ. В. Ф. Эрну: «Блаженный брат! Ты чистым оком здесь...»

Приложение: письмо посла Швейцарии в России Ф. Рianza (Ф. Пьянка) к Д. В. Иванову от 3.8.1988 — сопроводительное к пересылаемому из Москвы данному письму В. И. Иванова к Е. Д. Эрн. 3 л.

II. ПИСЬМА К В. И. ИВАНОВУ

1. АЛДАНОВ МАРК (псевдоним; наст. фам. ЛАНДАУ Марк Александрович), писатель. 1 п. 1938, сент. 29. 2 л. (1 конв.).

2. АЛЬТМАН Моисей Семенович, поэт, филолог-классик, ученик В. И. Иванова в Бакинском ун-те. 2 п. 1925, марта 15. 6 л.

Приложения:

1) Сонеты и акrostихи (10), посвященные Иванову Вячеславу Ивановичу. Беловой автограф, авторизов. маш. 1921, янв. 23—1924, февр. 29.

2) Сопроводительное письмо к Л. В. и Д. В. Ивановым от 28.8.1973 г.

11 л. (1 чист.).

3. АМФИТЕАТРОВ Александр Валентинович, прозаик, драматург, литературный и театральный критик. 17 п. 1931, марта 29—1937, марта 26.

Приложения:

1) К письму от 30.6.1932 г. — письма о предполагаемых лекциях А. В. Амфитеатрова неустановленному лицу (19.6.1936 г.); синьоры М. Дамине к В. И. Иванову (?) (21.6.1932 г.).

2) Письмо А. В. Амфитеатрова к М. М. Федорову от 08.1.1937 г. по поводу подготовки в Италии к 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина. Маш. копия.

23 л. (2 конв.).

4. АМФИТЕАТРОВ-КАДАШЕВ Владимир Александрович, сын А. В. Амфитеатрова. 1 п. 1932, февр. 22. 1 л.

5. АМФИТЕАТРОВА Иллария Владимировна, жена А. В. Амфитеатрова. 2 п. 1938, янв. 5—1939, июня 26. 4 л. (2 конв.).

6. АНАНЬИН Евгений Аркадьевич, историк и итальянист. 3 п. 1936, мая 27—1945, дек. 18. 3 л.

7. АНАНЬИНА Иветта, жена Ананьина Евгения Аркадьевича. 2 п. 1936, июня 30—1945, сент. 22 и б. д. 9 л. (1 конв.).

8. АНИЧКОВ Евгений Васильевич, историк литературы. 7 п. 1925, дек. 20—1936, мая 31.

Приложения:

1) К письму от 7.11.1935 г. — программа заседаний Русского Научного Института в Белграде на ноябрь 1935 г., включавшая доклады

Е. В. Аничкова и И. Н. Голенищева-Кутузова о В. И. Иванове. 19 л. (1 чист., 5 конв.).

2) Аничков Евгений Васильевич. «Вячеслав Иванов» (Читано в Русском Научном Институте в Белграде 15.XI.1935 года). Доклад. Ксерокопия с автографа, хранящегося в Архиве Сербской Академии наук и художеств в Белграде. (См. письмо Е. В. Аничкова к В. И. Иванову от 7.11.1935 г. и приложение к нему.)

3) «Адрес» Е. В. Аничкову от коллег по Университету в Скопле (Югославия) в связи с 35-летием литературной деятельности. [26.11.1927 г.]. Ксерокопия. (См. письмо Е. В. Аничкова к В. И. Иванову от 23.11.1927 г.)

4) Письмо Д. В. Иванова в Архив Сербской Академии наук и художеств в Белграде с просьбой о копии мемуаров Е. В. Аничкова. Маш. (отпуск). [1989 г.].

5) Фотопортреты одиночные (9) и групповые (3) Е. В. Аничкова, его жены Анны Митрофановны Авиновой (в замуж. Аничкова; литерат. псевд. «Иван Странник»), их детей: Елизаветы, Игоря и Татьяны (в замуж. Перфильева). Подлинники; 1 копия. 49 л.

9. АРГАШЕВ (Семенов) Сергей, поэт-любитель (Баку). 1 п. 1927, мая 21. 2 л.

10. БАЛТРУШАЙТИС (урожд. Оловянишникова) Мария Ивановна, вдова Юргиса Казимировича Балтрушайтиса, литовского и русского поэта, переводчика, историка литературы. 2 п. 1947, сент. 1—1948, июля 29.

Приложения:

1) К письму от 1.9.1947 г. — приглашение на мессу в Епархиальную церковь для иностранцев (Париж) 3.1.1945 г. по случаю годовщины смерти Ю. К. Балтрушайтиса.

2) К письму от 29.6.1948г. — стихотворения Ю. К. Балтрушайтиса: «Кто мерой мне сердце мерял...» (Париж, 2.3.1914 г.) и «Meditation» (б. д.). Беловые автографы. Чернила, карандаш.

3) Сообщение о смерти сына Ю. К. Балтрушайтиса — историка литературы и искусств — Юргиса Балтрушайтиса: *Le Monde*. 1988. 29 janv.; некрологи: *Guicciardi E. E' morto Baltrusaitis // Repubblica*. 1988. 29 gen.; *Ciampa M. L'amore per la vita delle forme // Tempo*. 1988. 2 febr. (газетные вырезки).

11 л. (2 конв.).

11. БАРАНОВСКИЙ Ф., литератор (Баку). 2 п. 1925, апр. 4—1927, июня 28.

Приложение: к письму от 28.6.1927 г. — письмо Ф. Барановского к Л. В. Ивановой автобиографического характера.

8 л. (1 конв.).

12. БАРСКОВА Валентина Лазаревна. 1 п. [1925, авг. 1]. 5 л.

13. БЕЛОБОРОДОВ Андрей Яковлевич, художник, архитектор. 2 п. 1937, июня 28—1939, янв. 1.

На обороте фотооткрыток с видами Парижа и Павии (Колледжио Борронео). 2 л.

14. БЕЛЯВСКАЯ Ольга Александровна, поэтесса. 1 п. 1922, июля 12.
В тексте письма стихотворение О. Белявской: «День нерасцветший увядал...» 2 л. (верхний левый угол л. 1 вырезан).
15. БЕМ Альфред Людвигович, историк литературы (Прага). 4 п. 1932, марта 12—1937, июля 19; 1941, май.
Приложение: Проспект Дня русской культуры в Праге, посвященного 100-летию со дня гибели М. Ю. Лермонтова. Май 1941 г. Типогр. экз.
10 л. (3 конв.).
16. БЕНУА Александр Николаевич, художник, историк искусства. 1 п. 1935, февр. 18. 2 л. (1 конв.).
17. БЕСЧАСТНОВ Д., ученик В. И. Иванова [по Русской Католической Семинарии «Руссикум» (Рим)]. 1 п. 1943, июля 14. 1 л.
18. БОГОЛЮБОВ Николай Николаевич, режиссер оперы. 2 п. 1927, февр. 25—1929, ноября 28.
На письме от 25.2.1927 г. записи В. И. и Л. В. Ивановых. 2 л.
19. БРЮСОВА Иоанна Матвеевна, вдова В. Я. Брюсова. 2 п. 1924, янв. 15—1925, марта 11; 1957, авг. 7.
В письме от 15.12.1924 г. копии последних стихотворений В. Я. Брюсова: «Трава Весенняя допела...», «Вот я — обвязан, окован...». В письме от 11.3.1925 г. копия цикла «Наедине с собой» (1922—1923).
Приложение: Сопроводительное письмо И. М. Брюсовой к Д. В. Иванову от 7.8.1957 г. к посылаемым стихам и записке В. И. Иванова.
13 л. (2 конв.).
20. БУБНОВ Николай Николаевич, проф. Гейдельбергского университета. 7 п. 1926, авг. 23—1932, февр. 29. 12 л. (2 конв.).
21. БУНИН Иван Алексеевич. 3 п. 1932, окт. 10; 1937, авг. 3—дек. 29.
Почтовая открытка от 29 дек. 1937 г. — на обороте фотопортрета И. А. Бунина (Париж, ноябрь 1937 г.) с дарств. надписью О. А. Шор от 29.12.1937 г.
Приложение: Фотопортрет И. А. Бунина 14.10.1932 (его автограф — дата и место — зачеркнут).
5 л. (1 конв.).
22. БУТКЕВИЧ Федор («Руссикум»). 1 п. 1936, июля 16. 2 л. (1 конв.).
23. ВАРШЕР Татьяна Сергеевна, историк античности, археолог, автор топографич. атласа Помпей; ученица М. И. Ростовцева. 1 п. 1925, сент. 28. 3 л. (1 конв.).
24. ВЕНЦЕЛЬ-МУРАДОВА М., ученица В. И. Иванова (Баку). 1 п. 1925, марта 16. 2 л.

25. ВЕРХОВСКИЙ Юрий Никандрович, поэт, переводчик, историк литературы. 1 п. 1922, окт. 20/ноября 3—1923, сент. 8/21. Перед текстом письма стихотворение Ю. Н. Верховского «Невские русалки (Вячеславу Иванову)». 20 окт./3 ноября 1922. Ночь. Беловой автограф. 2 л.

Приложения:

1) Верховский Юрий Никандрович. «Вячеславу Иванову», «Весенние элегии» (цикл), «Мне телеграфного ответа не прислав...». Стихотворения. 1920, апр. 3/16—1924, март.

Автограф, авторизов. маш. На отд. листах. 8 л. (1 чист.).

2) Иванов Вячеслав Иванович.

а) «Ave Roma» [«Римские сонеты»]. Цикл из 9 сонетов, с заглавиями, postscriptum'ом и датировкой: 29 дек. 1926 г., Павия.

б) «Ропот воли в сумерке полей...» [«Земля»], «Каменный дуб», «Паллонодия», «Собаки», «Поэзия», [«Язык»] («Родная речь, певцу земли родная...»). Стихотворения, вошедшие (в других редакциях) в сб. «Свет вечерний» (Oxford, 1962). 1925—1928.

Копии рукой Ю. Н. Верховского. На разрозненных листах. 15 л. (1 чист.).

26. ВИНОГРАДОВ Павел <Гаврилович>, историк западно-европейского средневековья, профессор Оксфордского ун-та. 1 п. 1925, мая 22. 3 л. (1 конв.).

27. ВОЛКОНСКИЙ Петр Михайлович, католический священник («Руссикум»), брат Сергея Михайловича Волконского, автора кн. «Мои воспоминания» (М., 1992. Т. 1—2). 1 п. 1938, июня 14. 1 л.

28. ВОЛОШИН Максимилиан Александрович. 1 п. 1927, февр. 19. Перед текстом письма стихотворение М. А. Волошина «Дом поэта». Маш. (отпуск). Адрес на конверте рукой В. М. Зуммера. 3 л. (1 конв.).

29. ВОЛЬПЕ Цезарь Самойлович, литературовед. 1 п. 1927, июня 25. 2 л.

30. ГАБРИЧЕВСКИЙ Александр Георгиевич, литературовед, искусствовед, переводчик. 2 п. 1929, дек. 8 и б. д.

Приложения: к письму от 8 дек. 1929 г. — официальный заказ от имени А. Г. Габричевского в качестве редактора собрания сочинений Гете в Госиздате РСФСР В. И. Иванову на перевод произведений для этого издания. Список прилагается. Бланк маш. Подлинник. Б. д.

8 л. (1 конв.).

31. ГАНДОЛЬФИ С., жена переводчика русских поэтов на итал. яз. Джованни Гандольфи. 1 п. 1938, авг. 27. 1 л.

32. ГАНЧИКОВ Леонид Яковлевич, историк литературы, богослов, проф. русского языка и литературы в ун-те Пизы. 29 п. 1928, янв. 28—1968, февр. 18 и б. д.

В письме от 30.7.б. г. — копия фрагмента письма к Л. Я. Ганчикову проф. Мовера от 26.7.б. г. на итал. языке.

Приложения:

1) Автобиография Л. Я. Ганчикова. 1935 г. Маш. копия (отпуск). На итал. яз.

2) Письмо ректора епархиального колледжа в Традате (близ Милана) с приглашением В. И. Иванову и Л. Я. Ганчикову посетить колледж. 15.6.1932.

3) Сообщение о конфирмации сына Л. Я. Ганчикова Андрея. 27.5.1948.

4) Giusti W. L'amore per la filosofia e i drammi dello spirito russo. Рецензия на кн. Л. Я. Ганчикова «Orientamenti dello spirito russo» (Torino, 1958). Вырезка из неустановл. итал. газеты от 3—4.12.1958.

5) Сообщение о кончине Л. Я. Ганчикова 18.2.1968. 52 л. (2 конв.).

33. ГЕРБЕРГ К. («Руссикум»), будущий священник (пишет о предстоящем рукоположении). 1 п. 1941, марта 7. На русском и франц. яз. 2 л. (1 конв.).

34. ГЕРЦЫК Евгения Казимировна, переводчица, критик, автор мемуаров. 2 п. 1925, ноября 20 и б. д. В письме от 20.11.1925 — копии стихотворений (3) Аделаиды Казимировны Герцык (весна 1925 г.). 3 л.

35. ГЕРШЕНЗОН Мария Борисовна, вдова М. О. Гершензона. 2 п. 1925, марта 27—1926, ноября 30. 5 л.

36. ГЕРШЕНЗОН Михаил Осипович, историк культуры, философ. 2 п. 1922, апр. 16—1925, янв. 18 и б. д.

Приложение: записка М. О. Гершензона с ответом В. И. Иванова. Б. д. 5 л.

37. ГЕССЕН Сергей Осипович, философ. 1 п. 1932, марта 26. 1 л.

38. ГИНЗБУРГ Лев, студент Колледжио Борромео (Павия), погиб, участвуя в сопротивлении фашизму. 4 п. 1930, дек. 19—1933, окт. 29.

На русском и итал. языках. К письму от 31.8.1932 г. приложен список изданий и публикаций в журнале «La Cultura» (Турин) о русской литературе и истории (1930—1932). 5 л.

39. ГИППИУС Зинаида Николаевна. 2 п. 1909—[1945].

В письме от 26.12.1934 г. стихотворения З. Н. Гиппиус, озаглавленные: «Три из многих», «Sœur Therese (1923 г.)», «24 декабря (1926)», «...Ты не приходишь, — но всегда...» (1931).

Приложения:

1) Гиппиус З. Н. «Петухи», «Ж», «Лягушка», «Домой». Стихотворения, посланные В. И. Иванову. 1909 и б. д. Беловой автограф.

2) Гиппиус З. Н. «Поэт и Тарпейская скала». Статья. (Опубл.: «Иллюстрированная Россия» (Париж). 1.1.1938. № 2 (660)). Копия рукой В. И. Иванова (с небольшим сокращением) и маш. (отпуск).

3) Краткие перечни прозаических произведений Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус (ее рукой). Б. д.

4) *Маковский С.* «Зинаида Гиппиус: глава из ее биографии». Вырезки из газеты [«Русская мысль»] (Париж). 1945]. № 946, 948, 953. 17 л. (2 конв.). Л. 11 (автограф В. И. Иванова) — с надрывами по краям.

40. **ГОДЯЕВ** Алексей Гаврилович, миланский студент, намеривающийся стать священником. 1 п. 1935, дек. 5. 1 л.

41. **ГОЛЕНИЩЕВ** В., преподаватель древнеегипетского языка в университете (Кипр). 1 п. 1926, янв. 28. 2 л.

42. **ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ** Илья Николаевич, филолог-романист и славист, поэт, переводчик. 15 п. 1927, авг. 15—1937, июля 11 и б. д. В текстах некоторых писем или в приложениях к ним — стихотворения И. Н. Голенищева-Кутузова. Письмо от 26.8.35 — на обороте видовой почт. открытки (Париж, Сорбонна). На конверте от отсутствующего письма от 2 февраля 1935 г. набросок (2 неполные строки) стихотворения В. И. Иванова «Сверстнику». Конверт с почт. штемпелем от 2.6.1931 — без письма.

Приложения:

1) Письмо к В. И. Иванову неустановленного лица (без подписи) с сообщением Белградского адреса И. Н. Голенищева-Кутузова. [1923]. На итал. яз. 46 л. (1 чист., 7 конв.).

2) Голенищев-Кутузов И. Н. Стихотворения, присланные В. И. Иванову. 1929—1936 и б. д.

Разрозненные листы, газетные вырезки; здесь же: ксерокопии (л. 48—50); оригиналы — в Библиотеке Сербской Академии наук и искусств. 50 л. (2 чист.).

3) Голенищев-Кутузов И. Н. «Лирика Вячеслава Иванова». Статья. 1930, авг. Отгиск из журнала «Современные записки». 1930. Кн. 43. С. 463—471. С дарственной надписью В. И. Иванову, датированной августом 1930 г. (Париж). 7 л. (1 чист.).

4) Голенищева-Кутузова Искра Вениаминовна, вдова И. Н. Голенищева-Кутузова. Письмо Шишкину Андрею Борисовичу с библиографическими сведениями о творчестве мужа и краткая библиография его публикаций. 1987, дек. 16 и б. д. С приложением фотопортрета И. Н. Голенищева-Кутузова. Копия. Б. д. 5 л.

43. **ГОЛЬШТЕЙН** (урожд. Баулер, в 1-м браке Вебер) Александра Васильевна, писатель, переводчица. 1 п. 1937, июля 9. 2 л.

44. **ГОРЬКИЙ** Максим (Пешков Алексей Максимович). 12 п. 1924, сент. 26—1949, сент. 24; 1957, марта 7.

Письмо от 12.12.1924 — фотокопия, оригинал подарен в ИМЛИ им. А. М. Горького (см. л. 22: письмо из ИМЛИ от 7.3.1957 с благодарностью Д. В. Иванову и сообщением о высылке фотокопии). По окончании письма от 17.12.1929 приписка В. И. Иванова: краткое содержание ответа.

Приложения:

1) Конверты (2) от неустановл. писем М. Горького к В. И. Иванову от 16.9.1925 и 23.8.1927 (надписанные Б. Зубакиным (?)) (л. 19—20).

2) Ivanov Vs. «Gorki e il poliziotto» («Il Mondo». 24.9.1949. P. 5).
Статья в газете о возвращении М. Горького в СССР. На итал. яз.
22 л. (7 конв.).

45. ГРАБАРЬ Андрэ, византолог, член Французской Академии. 1 п.
1948, дек. 26. На обороте художеств. почтовой карточки. 1 л.

46. ГРЕВС Иван Михайлович, историк-медиевист. 1 п. 1924,
авг. 13. 1 л.

47. ГРЕЧАНИНОВ Александр Тихонович, композитор. 3 п. 1939,
февр. 4—1948, сент. 10.

Приложения:

1) К письму от 25.3.1939 приложено письмо А. Гречанинова к
Л. В. Ивановой.

2) Письмо к ней же от 8.5.1939, в виде нотного автографа.
8 л. (2 конв.).

48. ГРИГОРЕВСКАЯ А. 2 п. 1935, апр. 19—1936, дек. 25.
К письму от 19.4.1935 приложены стихотворения (2) А. Григорев-
ской, посвященные В. И. Иванову и Л. В. Ивановой. 9 л. (1 чист.,
2 конв.).

49. ГУЛЯЕВ Александр Дмитриевич, философ, историк-классик,
профессор и ректор Бакинского университета. 1 п. 1925, июля 27.
5 л. (1 конв.).

50. ГУЛЯЕВА Лидия Александровна, дочь проф. А. Д. Гуляева.
2 п. 1923, ноября 23—1925, янв. 20.

В тексте письма от 23.11.1923 — 2 стихотворения Л. А. Гуляевой.
Приложение: К письму от 20.1.1925 — письмо Л. Гуляевой к
Л. В. Щаповой.

6 л. (1 конв.).

51. ГУЛЯЕВА Нина Александровна, дочь проф. А. Д. Гуляева. 1 п.
1925, марта 12—15.

Приложение: Письмо Миши Гуляева к Д. В. Иванову от 15.3.1925.
4 л. (1 конв.).

52. ДАРЛЕ Нина. 1 п. [1936, июня 9]. 1 л.

53. ДМИТРИЕВСКАЯ (в замужестве Иванова) Дарья Михайловна,
первая жена В. И. Иванова. 4 п. 1924, окт. 4—1925, ноября 25.
На некоторых конвертах пометки В. И. Иванова. 37 л. (2 чист., 7
конв.).

54. ДМИТРИЕВСКАЯ (в замуж. Иванова) Дарья Михайловна. 10
п. 1926, февраля 12—1927, октября 24.

Письмо от 4.9.1926 переслано В. И. Ивановым к Л. В. Ивановой,
с его примечаниями.

Приложения:

1) К письму от 12.5.1926 — черновая копия (рисунок карандашом)
картины А. Караччо (?) «Агарь и Измаил в пустыне», рукой
Д. М. Дмитриевской.

- 2) К письму от 26.9.1926 — письмо Д. М. Дмитриевской к Л. В. Ивановой.
- 3) Без подписи. «Сорок пять років боротьбы з тепрявою та недугами». Статья из неустановл. украинского журнала [1927], №2 о докторе П. И. Кравцове (см. о нем в письме Д. М. Дмитриевской к В. И. Иванову от 21.2.1927 г.).
40 л. (1 чист., 9 конв.).
55. ДМИТРИЕВСКАЯ (в замуж. Иванова) Дарья Михайловна. 9 п. 1928, апр. 11—1929, июля 5.
Приложение: к письмам от 14.7.1928 и от 4.7.1929 — письма (3) Д. М. Дмитриевской к Л. В. Ивановой.
33 л. (2 чист., 4 конв.).
56. ДМИТРИЕВСКАЯ (в замуж. Иванова) Дарья Михайловна. 4 п. 1932, июля 26—октября 30 и б. д.
Два из них — без начала.
Приложение: к письму от 26.7.1932 — письма Д. М. Дмитриевской к Д. В. и Л. В. Ивановым.
9 л. (2 конв.).
57. ДМИТРИЕВСКИЙ Алексей Михайлович, брат Дарьи Михайловны Дмитриевской (в замуж. Ивановой). 3 п. [Конец 1920-х—нач. 1930-х (до лета 1933г. — до кончины Д. М. Дмитриевской)]. 9 л.
58. ЕВЛАХОВ Александр Михайлович, литературовед, психиатр. 1 п. 1925, марта 22. 3 л. (1 конв.).
59. ЕВРЕИНОВ Александр, русский католический епископ восточного обряда (Рим). 2 п. 1938, июня 5—1943, ноября 16.
Приложение: к письму от 5.6.1938 — расписание месс. 4 л.
60. ЖУРОВ Петр Алексеевич, поэт. 1 п. 1925, апр. 5. 3 л. (1 конв.).
61. ЗАЙЦЕВ Борис Константинович, писатель. 2 п. 1939, янв. 9—июня 3. 7 л. (2 конв.).
62. ЗЕЛИНСКАЯ Вероника Фаддеевна, дочь Ф. Ф. Зелинского. 7 п. 1930, янв. 22—1940, янв. 22.
На русском и итал. языках. Одно из писем на обороте фотооткрытки с портретом Ф. Ф. Зелинского (л. 2). 9 л. (2 конв.).
63. ЗЕЛИНСКИЙ Фаддей Францевич, филолог-классик, литературовед. 18 п. 1924, окт. 9—1927, ноября 16.
Приложение: письмо проф. А. Вальдемара (Германия), по просьбе Ф. Ф. Зелинского, В. И. Иванову о П. Х. Тумбиле. 15.9.1925. (л. 10).
41 л. (9 конв.).
64. ЗЕЛИНСКИЙ Фаддей Францевич. 25 п. 1928, февр. 8—1940, июня 28.
Большинство писем написано латиницей. Письмо от 28.12.1933 — на обороте фотооткрытки с портретом Ф. Ф. Зелинского. 30 л. (2 конв.).

Приложения:

- 1) Фотопортрет Ф. Ф. Зелинского с дарств. надписью В. И. Иванову. Б. д. (л. 1).
- 2) Зелинский Ф. Ф. Шуточное послание к Д. В. и Л. В. Ивановым. На греч. яз. и в переводе В. И. Иванова (его автограф). Б. д. (л. 2, 3 об.).
- 3) Бахтин Н. «Ф. Ф. Зелинский». Статья в газете «Звено» (Париж). 7.3.1926. № 50. С. 3—4 (л. 4—5).
- 4) «Thaddaeus Zielinski». Обращение к друзьям и коллегам автобиографического характера в связи с 50-летием научной деятельности. 25.5.1930. На лат. яз. Типогр. экз. (л. 6—7).
- 5) Иванов В. И. Резюме обращения Ф. Ф. Зелинского (см. выше). Автограф на лат. яз. На обороте конверта неизвестного письма из Варшавского университета от 12.4.1930 (л. 9).
- 6) Письмо профессоров Павийского университета ректору Варшавского университета в связи с 50-летием научной деятельности Ф. Ф. Зелинского. 14.6.1930. На лат. яз. Типогр. экз. (л. 10).
- 7) Zieliński T. «Poeta odrodzenia słowiańskiego: Więcyślaw Iwańow». Статья в газете «Pion» [Варшава]. 1933. № 12. Ксерокопия (л. 11).
- 8) Письмо из Ленинградского отд. Архива Академии наук к Д. В. и Л. В. Ивановым с просьбой прислать архивные материалы и воспоминания о Ф. Ф. Зелинском. 26.6.1967 (л. 13).
13 л. (3 конв.).

65. ЗЕЛИНСКИЙ Феликс Фаддеевич, сын Ф. Ф. Зелинского (Шондорф, Германия). 2 п. 1925, сент. 5—окт. 28.

В письме от 5.9.1925 — стихотворения В. И. Иванова «Таинственная светится Рука...» и «Нищ и светел» в переводе Фел. Ф. Зелинского на немецкий язык. 9 л. (1 конв.).

66. ЗУБАКИН Борис Михайлович, писатель. 2 п. 1927, авг. 12—сент. 4.

В письмах — стихотворения Б. М. Зубакина. Б. д. 4 л.

67. ЗУММЕР Всеволод Михайлович, историк искусства, археолог, ориенталист, профессор Бакинского университета. 28 п. 1924, ноября 4—1929, окт. 4 и б. д.

В письме от 6.7.1925 вклеена фотокопия портрета В. М. Зуммера по рисунку М. Н. Герасимова (л. 19 об.). Открытка от 25.8.1926 из Коктебеля (дача М. А. Волошина) содержит лишь копию стихотворения Волошина «Суздаль и Москва не для тебя ли...» (л. 28). На обороте конверта письма от 27.11.1926 набросок стихотворной строфы В. И. Иванова «Уж расставались мы, когда подвижник стройный...» (с разнотч. опубли. в Собр. соч.: т. 4, с. 94) (л. 42 об.). Письмо б. д. [нач. 1929] — на обороте фотопортрета В. М. Зуммера (л. 59).

Приложения:

- 1) К письму б. д. [февр. 1925] (л. 4) приклеен фотопортрет В. М. Зуммера и приложен сделанный им список книг В. И. Иванова, оставшихся в Баку (л. 5—13).
- 2) К письму от 27.11.1926 — статья В. М. Зуммера из неуставл. изд.: «Тюрко-татарская секция конференции археологов в Керчи».

- 3) Зуммер В. М. «Врубель у Кирилівській церкві». Стаття из не-установл. изд. На укр. яз. Типогр. экз. (л. 65—71).
- 4) Текст о св. Христофоре. На греч. яз. Автограф В. М. Зуммера (л. 72).
- 5) Герцык А. К. «Лгать не могла. Но правды никогда...», «Владимирская Богоматерь». Стихотворения 10.2—29.3.1925. Беловой автограф рукой В. М. Зуммера. (л. 73). Здесь же: 2 фотопортрета А. К. Герцык (?). Б. д. (л. 74—75).
- 6) Блок Ал., Белый А., Гофман Викт., Северянин Игорь <...>. Про: козлов, собак и веверлеев. [Сборник стихов]. [Киев]: Космос, 1925. Типогр. экз., без верхней обл., на тит. лист приклеены 2 л. с примеч. В. М. Зуммера (л. 76—110). (См. о книге в письме от 26.5.27.) 111 л. (8 конв.).

68. ЗУЕВА Инна, художница. 1 п. 1939, марта 1.

Приложение: стихотворения (12) И. Зуевой.

8 л. (1 конв.).

69. ИВАНОВ Всеволод Вячеславович, писатель. 2 телегр. 1928, февр. 9—17. 2 л.

70. ИВАНОВ Сергей Петрович, художник. 4 п. 1937, сент. 1—1939, июля 29 и б. д.

Некоторые из них обращены также к О. А. Шор или ко всей семье Ивановых. К письму от 1.9.1937 приложено шуточное послание Д. В. Иванова А. Я. Белобородову (с обращением «Маркиза» — его шутливым прозвищем в дружеском кругу), с припиской С. П. Иванова. 10 л. (3 конв.).

71. ИВАНОВА (урожд. Преображенская) Александра Дмитриевна, мать В. И. Иванова. 1 п. 1892, июня 4. 3 л. (1 конв.).

72. ИВАНОВА (урожд. Шварсалон) Вера Константиновна, дочь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, третья жена В. И. Иванова. 5 п. [1919—1920].

Конверты и одно из писем (л. 13) — с маркой издательства «Оры» (Петербург).

Приложения:

1) л. 3 — график температуры тела В. К. Ивановой.

2) л. 10—11 — письма (2) В. И. Иванову Д. В. Иванова.

3) л. 17 — стихотворение неуставл. лица «Возок». Рукой В. К. Ивановой.

4) л. 19 — письмо В. К. Ивановой к Степаниде Князевой (приглашение на работу по дому).

20 л. (5 конв.).

73. ИВАСК Юрий Павлович, поэт, историк литературы. 1 п. 1938, мая 22. 3 л. (1 конв.).

74. ИГНАТОВА Т[атьяна] И[льинична]. 1 п. 1926, мая 24. 2 л. (1 конв.).

75. ИЗВОЛЬСКАЯ Елена Александровна, переводчик на франц. яз. «Переписки из двух углов» (1931; с Ш. Дю Босом); писатель; религиозный католический деятель. 1 п. [1931], янв. 26. 7 л.

76. ИЛЬИН Николай Дмитриевич (Медон, Франция). 1 п. 1937, июня 25. 1 л.
77. ИОАНН, священник, богослов (Восточный Папский Институт — Pontificium Istitutum Orient). 5 п. 1935, июля 20—1937, марта 26.
Три из них — на оборотах видовых (Портоферрайо) и художеств. фотооткрыток. 7 л. (1 конв.).
78. ИШКОВА Нина Николаевна, вдова проф. Леонида Александровича Ишкова, декана историко-филологич. факультета Бакинского ун-та. 1 п. 1927, марта [13]—24.
Приложение: Вырезка из газ. «Бакинский рабочий» от [13].3.1927 со множеством некрологов и двумя некрологич. статьями по случаю кончины Л. А. Ишкова (12.3.1927).
3 л.
79. КАЙДАЛОВ М., доктор богословия (Бельгия). 3 п. 1929, июль—1931, авг. 9.
Письмо от 28.9.1929 — на обороте видовой фотооткрытки (Herve).
8 л. (1 конв.).
80. [КАНДЕЛЬ] В. 1 п. 1928, июня 6.
На обороте л. 1 — рисунок: женщина; черные чернила; перо. 1 л.
81. КАУН Александр (KAUN Alexander), историк русской литературы, проф. Калифорнийского ун-та (Беркли). 1 п. 1925, авг. 12. 1 л.
82. КАФФИ Андреа, писатель, переводчик, деятель антифашистского движения; друг семьи Вячеслава Иванова. 4 п. 1928, сент. 11—1931, июня 30 и б. г., дек. 26. 12 л. (3 конв.).
83. КЕЛЬНЕР Иоанн (Kelner Jan), священник («Руссикум»; затем — Левоча, Словакия). 6 п. 1936, марта 28—1939, дек. 21.
На почтовой карточке «Pontificium Collegium Russicum». На оборотах фотооткрыток (крипта св. Николая (Бари) и виды Левочи (Levos'a)). 7 л. (1 конв.).
84. КОБЫЛИНСКИЙ Лев Львович (псевд. Эллис), поэт, переводчик, историк культуры. 2 п. 1936, апр. 18 и 27; [после 1948].
Письмо от 27.4.1936 — в 2-х редакциях.
Приложения:
1) К письму от 18.4.1938 — информация об изданиях трудов гностического Учителя Интермедияруса в изд-ве «Herold» (Мюнхен), с сообщением о книге Л. Л. Кобылинского «Christlich Weisheit» («Христианская мудрость»). На нем. яз. Б. д.
2) Краткие библиографич. сведения о Л. Л. Кобылинском, составленные О. А. Шор. Б. д. [после 1948 г.] (л. 12).
12 л. (2 конв.).
85. КОВАЛЕВА Елена Александровна, двоюродная сестра О. А. Шор по материнской линии; первая жена Е. Д. Шора. 1 п. 1929, июня 5. 1 л.

86. КОГАН Петр Семенович, историк литературы, президент Государственной Академии художественных наук (ГАХН). 1 п. 1927, мая 27. На обороте видовой фотооткрытки (Москва). 1 л.

87. КОЛОБОВА Ксения Михайловна, филолог-классик, проф. Ленинградского ун-та, ученица В. И. Иванова по Бакинскому ун-ту. 12 п. 1924, окт. 20—1928, марта 23.

Письмо от 20.11.1926 — с припиской С. В. Троцкого, им же надписан конверт (л. 21—22).

Приложения:

1) В письма от 20.10, 16.11.1921, 1.2.1927 — вложены стихотворения К. М. Колобовой.

2) «Багаван». Поэма К. А. Колобовой. Беловой автограф с дарств. надписью В. И. Иванову. 14.2.1925 (л. 48—56). (См. о поэме в письме от 13.2.1925).

3) К письму от 8.12.1927 — газ. вырезка с некрологом: «У гроба Ф. К. Сологуба» («Красная газета» (Ленинград). 1927. 7 дек.) (л. 42). 56 л. (1 чист., 13 конв.).

88. КОНЕНКОВ Сергей Тимофеевич, скульптор. 1 п. 1928, ноября 8.

Приложение: приглашение на выставку скульптуры С. Т. Коненкова в Риме 15—25.12.1928 и каталог выставки.

10 л.

89. КОНОВАЛОВ Сергей Александрович, профессор русской литературы Оксфордского ун-та, редактор «Oxford Slavonic Papers». 10 п. и 2 телегр. 1945, дек. 7—1948, апр. 28.

Приложение: К письму от 7.12.1945 — сопроводительное письмо О. Д. Бикли от 27.12.1945 (л. 3—4).

33 л. (9 конв.).

90. КОССОВСКАЯ Вера, искусствовед, подруга Л. В. Ивановой. 3 п. 1923, апр. 18—1925, апр. 30.

На оборотах художественных и видовой фотооткрыток (Флоренция, Галерея Уффици, Палаццо Веккьо). Одно из писем подписано также Клавдией и Наталией Коссовскими. 3 л.

91. КРЕСЛИНГ Александр Карлович, переводчик на нем. яз. книги В. И. Иванова «Достоевский» (Tübingen, 1932). 3 п. 1926, апр. 2—1931, ноября 7. 7 л. (2 конв.).

92. КРЕСТОВСКАЯ Лидия, писатель (Париж). 21 п. 1935, сент. 8—1948, дек. 12.

Большинство из них — с приписками ее мужа — Сергея Андреевича Ильницкого.

Приложения:

1) К письмам от 8.9, 22.12.1935 и 7.3.1939 — письма Л. Крестовской к О. А. Шор.

2) К письму от 2.1.1939 — ее же письмо к О. А. Шор и Л. В. Ивановой.

3) К письму от 8.9.1935 — ее же письмо к Д. В. Иванову.

4) К письму от 22.12.1935 — письмо ее мужа — Сергея Андреевича Ильницкого к В. И. Иванову.

5) К письму от 17.11.1937 — газетная заметка «А. Толстой о себе и о советских писателях» («Последние новости» (Париж). 1937. 3 нояб.), с упоминанием о В. И. Иванове (л. 30).

6) К письму от 3.6.1938 — вырезки (2) из неизвестных русских, парижских (?) газет с литературной хроникой.

7) Проспект книги Л. Крестовской «La laideur a travers les ages». На франц. яз. Маш. 56 л. (6 конв.).

93. КУДАШЕВА Мария (Майя) Павловна (урожд. Кювиле, в замужестве Роллан), поэт; жена Р. Роллана. 4 п. 1921, авг. 30—1948, июня 26.

На русском и франц. языках.

Приложения:

1) Кудашева М. Стихотворения (14). На франц. и русском яз. Автограф, маш. с правкой автора (л. 30—42).

2) К письму от 1.1.1947 — фотопортрет М. Кудашевой и Р. Роллана. Б. д. (л. 11) и Бюллетень Ассоциации друзей Р. Роллана. 1946. На франц. яз. Типогр. экз.

3) Письмо М. Китюка к В. И. Иванову от 24.9.1946 о том, что м-м Роллан перешла в католичество. На франц. яз. (л. 43—44).

4) Роллан Р. Письмо венгерскому писателю Б. Иллешу от 30.6.1931. На русском яз. Копия рукой неустановл. лица (л. 46).

5) Бюллетень Ассоциации друзей Р. Роллана. 1984—1985. Типогр. экз. (л. 47—78). 78 л. (4 конв.).

94. КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ Димитрий, католический священник. 3 п. 1924, дек. 6—1925, марта 2 и б. д.

Приложение: памятная открытка о рукоположении о. Димитрия Кузьмина-Караваева. Б. д. (л. 5).

5 л. (1 чист.). Л. 2 сильно надорван.

95. КУЛАКОВСКИЙ Сергей [Юлианович, сын Ю. А. Кулаковско-го, филолога-классика, профессора Киевского ун-та]. 2 п. 1927, ноября 7—1939, июля 2. 5 л. (1 конв.).

96. ЛЕОНТОВИЧ Виктор, историк. 1 п. 1942, ноября 8—дек. 5.

Приложение: стихотворение В. Леонтовича «Вячеславу Иванову». 8.11.1942. Авториз. маш.

3 л. (1 конв.).

97. ЛИДИН Владимир Германович, писатель. 2 п. 1925, авг. 20—б. г., июля 21. 2 л.

98. ЛОЗИНА-ЛОЗИНСКИЕ Константин Константинович («Кот»), врач, автор нескольких книг религиозно-философских размышлений и Анна Ивановна (урожд. Щегловитова) («Фоки»), его жена. 14 п. 1941, сент. 5—1951, февр. 23 и б. д.

Часть писем на оборотах художеств. и видовых открыток.

Приложения:

1) Лозина-Лозинская А. И. «Венок на могилу поэта Вячеслава Иванова». Беловой автограф. 23.2.1951; ее акrostихи; копия ее рукой стихотв. В. И. Иванова «Русский ум» (л. 19—21).

2) Лозина-Лозинский К. К. «Характерологический анализ Вяч. Ив. Иванова». Автограф. 10.5.1942 (л. 22).

23 л. (5 конв.).

99. ЛОССКИЙ Борис Николаевич, искусствовед, сын Н. О. Лосского (Прага). 2 п. 1935, сент. 23—дек. 8; [1970-е].

Приложения:

1) К письму от 23.9.1935 (?) (на визитной карточке) — письмо Н. О. Лосского к Б. Н. Лосскому, с упоминанием В. И. Иванова.

2) Письмо Б. Н. Лосского к Д. В. Иванову, без начала. [1970-е].

6 л. (2 конв.).

100. ЛОССКИЙ Николай Онуфриевич, философ. 1 п. 1935, дек. 8. 1 л.

101. ЛОХОВА М[ария Митрофановна], жена художника, крупного специалиста по технике итальянской живописи. 1 п. [1931]. 1 л.

102. ЛЮБИМОВ Николай Моисеевич (Флоренция). 3 п. 1936, апр. 23—1941, февр. 8 и б. д.

Одно из них на визитной карточке, с припиской Н. Тальберг. Б. д. 7 л. (3 конв.).

103. ЛЮТЕР Артур, бывший профессор Московских женских курсов, ныне библиотечарь (Лейпциг). 1 п. 1927, мая 11. На именной бумаге. 2 л.

104. ЛЯЦКИЙ Евгений Александрович, историк литературы, проф. ун-та (Прага). 2 п. 1936, янв. 19—дек. 30.

На оборотах почт. открыток с портретом А. С. Пушкина, выпущенных Парижским «Пушкинским комитетом» к 100-летию со дня гибели поэта.

Приложение: визитная карточка Е. А. Ляцкого.

3 л.

105. МАКАРОВ С. 1 п. 1925, июля 15.

На обороте фотооткрытки с видом Берк-Плажа (Berck Plage, Франция). 1 л.

106. МАКОВЕЛЬСКИЙ Александр Осипович, историк античной философии, профессор Бакинского ун-та. 1 п. 1925, окт. 13.

Приложение: письмо к В. И. Иванову Маковельской В[анды Романовны].

5 л. (1 конв.).

107. МАЛЕР Елизавета Эдуардовна, историк русской литературы, профессор Базельского ун-та (Швейцария); ученица Ф. Ф. Зелинского. 1 п. 1949, июля 24. 1 л.

108. МАНУЙЛОВ Виктор Андроникович, историк русской литературы, профессор Ленинградского ун-та; ученик В. И. Иванова в Бакинском ун-те. 8 п. 1924, сент. 19—1928, мая 12.

В письме от 21.10.1925 — приписки С. В. Троцкого (л. 22, 23 об.).

Приложения:

1) К письму от 26.9.1924 — стихотв. В. А. Мануйлова «Ветер». Автограф. 25.9.1924 (л. 6); к письму от 9.2.1925 его же стихи: «Вступление», «Голос Орфея», «Так входит в мой задумавшийся дом...» (л. 20—20 об.). Маш. (отпуск). Б. д. 30 л. (5 конв.).

2) Мануйлов В. А. Письма (4) Ивановым Димитрию Вячеславовичу и Лидии Вячеславовне: с просьбой от М. Кудашевой (Роллан) послать ей стихи В. И. Иванова; о работе над воспоминаниями о В. И. Иванове; фрагмент воспоминаний [9.4.1972], авторизов. маш.; о невозможности принять участие в международных симпозиумах, посвящ. В. И. Иванову; соболезнование о кончине Л. В. Ивановой (1985), к письму приложен фотопортрет В. А. Мануйлова с дарств. надписью Д. В. Иванову (Комарово, авг. 1985). 1970, апр. 15—1985, ноября 16. 12 л. (4 конв.).

109. МАРИАНИ Нина (Рим). 1 п. Б. г., апр. 11.

С припиской ее мужа, Е. Мариани, на итал. яз. 3 л. (1 конв.).

110. МЕЙЕРХОЛЬД Всеволод Эмильевич, режиссер, актер. 2 п. 1925, июля 12—авг. 25; 1989, февр. 24 и 6. д.

Одно из них [1925] — с припиской З. Н. Мейерхольд-Райх (л. 5).

Приложение:

1) Мейерхольд В. Э. Шарж на Э. Верхарна. Рисунок карандашом, с дарств. надписью В. И. Иванову. 25.8.1925 (л. 7).

2) «Les suppliques de Meyerhold avant sont exécution». Вырезка из газеты «Le Monde». 24.2.1989 (л. 8).

8 л. (2 конв.).

111. МЕЙЕРХОЛЬД-РАЙХ Зинаида Николаевна, актриса, жена В. Э. Мейерхольда. 5 п. 1925, сент. 12—1926, авг. 12.

Приложение:

1) К письму от 12.9.1925 (?) — фотопортрет З. Н. Райх с дарств. надписью В. И. Иванову. 7.8.1925, Рим (л. 3).

2) К письму от 1.10.1925 — ее же фотопортрет с дарств. надписью Д. В. Иванову. 1925 (л. 8).

17 л. (3 конв.).

112. МЕРЕЖКОВСКИЙ Дмитрий Сергеевич. 1 п. 1936, апр. 4. 2 л. (1 конв.).

113. МЕРКУРЬЕВА Вера Александровна, поэт. 1 п. 1920, сент. 24—1926, янв. 14.

В тексте письма стихи В. А. Меркурьевой: «Беспокоен и бестолков...», «Давно я знахарки личину...», «Как легкий пепел холодным севом...».

Приложение: «Стихи Меркурьевой В. А.». Б. д. Список рукой неуст. лица; после 1957. В школьной тетради в линейку.

34 л. (3 чист., 1 конв.).

114. МЕТНЕР Эмилий Карлович, музыкальный и литературный критик, руководитель московского издательства «Мусaget». 15 п. 1925, мая 6—1930, дек. 13.

Приложения:

1) Письма (2) издательства «Петрополис» (Берлин) Э. К. Метнеру о намерениях издать сборники стихов В. И. Иванова: прилож. к письмам Э. К. Метнера от 26.8.1929 (л. 19) и от 20.12.1929 (л. 27).
2) К письму от 20.12.1929 — статья о дешифровке алфавита и языка о. Крит, с упоминанием о культе Диониса. Вырезка из неустановл. газеты на нем. яз. (л. 28).
38 л. (7 конв.).

115. МЕТНЕР Эмилий Карлович. 11 п. 1931, янв. 7—1933, авг. 4. *Приложение:* к письму от 20.1.1931 — письмо Т. С. Рахманиновой (жены композитора) Э. К. Метнеру от 13.1.1931 (л. 5—6).
43 л. (1 чист., 4 конв.).

116. МЕТНЕР Эмилий Карлович. 8 п. и 1 телегр. 1934, янв. 26—1936, апр. 4.

Приложения:

1) Краткий список книг, полученных от Э. К. Метнера, составленный В. И. Ивановым. На нем. яз. Автограф, синий карандаш (л. 26).
2) Письма к Э. К. Метнеру К. Г. Юнга (31.7.1935) и Э. Юнга (7.8.1935). Маш. копии. На нем. яз. (л. 27—28).
3) «Theodor Mommsen in Zürich. (1852—1854)». Вырезка из неустановл. газеты. На нем. яз. С надписью Э. К. Метнера В. И. Иванову (л. 29).
29 л. (6 конв.).

117. МИЛЛИОР Елена Александровна, ученый-античник, доцент Удмуртского пединститута; ученица В. И. Иванова в Бакинском ун-те. 11 п. 1924, дек. 25—1927, апр. 13.

Приложения:

1) К письму от 4.4.1925 — «Список книг [В. И. Иванова], купленных библиотекой А[зербайджанского] Г[осударственного] У[ниверситета]» (л. 13).
2) Письмо Л. В. Ивановой от 24.2.1978 к А. В. Тамарченко: ответ на сообщение о кончине Е. А. Миллиор.
67 л. (6 конв.).

118. МИНЦЛОВА Анна Рудольфовна, переводчица, деятель теософского движения. 1 п. 1908, марта 19. 5 л.

119. МОЧАЛОВА Ольга Алексеевна, поэт, автор воспоминаний о В. И. Иванове. 2 п. 1924, окт. 14—1928, июня 2.

В письме от 14.10.1924 — стихотворение О. А. Мочаловой, посвященное В. И. Иванову: «Унося безвольно и преданно...». Сент. 1924 (л. 2). 5 л. (1 конв.).

Приложения:

1) Мочалова О. А. «Вячеслав Иванов». Воспоминания. Из книги «Литературные встречи». Авторизов. маш. с правкой и вставками автора. 1956.
2) Мочалова О. А. «В Ваш милый дом...» (б. д.); «Унося безвольно и преданно...» (16.9.1924); «Памяти Георгия Ивановича Чулкова» (3.2.1939). Стихотворения. Беловой автограф.

- 3) Шор О. А. Письмо Якобсону Р. Б. от 14.11.1962 о стихах О. А. Мочаловой.
12 л.
120. МУРАТОВ Павел Павлович, историк искусства. 4 п. 1925, ноября 11—1926, дек. 12; б. г., февр. 6 и б. д.
Приложение: визитная карточка П. П. Муратова, на итал. яз.
6 л.
121. НАЛЬДИ (Олкиеницкая-Нальди) Раиса Н., переводчица стихов В. И. Иванова. 1 п. 1933, дек. 20. На обороте художественной почтовой открытки. 1 л.
122. НЕКЛЮДОВ Анатолий Васильевич. 11 п. 1937, авг. 5—1942, [апр.].
Приложения: к письмам от 9.7, 2.8, 20.8, 6.11.1938 — письма (4) А. В. Неклюдова к О. А. Шор.
29 л. (5 конв.).
123. НЕССЕЛЬШТРАУС Б., историк литературы, переводчик на нем. яз. статей В. И. Иванова (Цюрих). 8 п. 1925, апр. 21—1929, дек. 17. 9 л.
124. НЕЧАЕВА Мария Ивановна, двоюродная сестра Д. М. Дмитриевской (в замуж. Ивановой). 7 п. 1933, авг. 3—1934, дек. 26.
Приложения:
1) К письму от 3 и 14.8.1933 — письма М. И. Нечаевой к Л. В. Ивановой.
2) Конверт от неизвестного письма Л. В. Ивановой к М. И. Нечаевой. Без даты.
26 л. (8 конв.).
125. НУВЕЛЬ Вальтер Федорович. 2 п. 1935, февр. 19—марта 20.
Приложение: к письму от 20.3.1935: Schwab R. «Le grand Pan ne meurt pas». Вырезка из газеты «Les Nouvelles littéraires» (март, 1935).
7 л. (2 конв.).
126. ОКОРОКОВ Г. В., виолончелист из Баку; эмигрировал в Париж, где стал профессором Парижской Русской консерватории им. С. В. Рахманинова. 1 п. 1926, мая 4.
На обороте видовой фотооткрытки (Париж). 1 л.
127. ОКУНЕВ Николай, профессор Карлова ун-та (Прага). 1 п. 1937, янв. 16.
Приложения:
1) Письмо Н. Окунева к О. А. Шор.
2) Визитная карточка Н. Окунева с запиской В. И. Иванову.
3 л.
128. ОРЕЛЬ А. 1 п. 1957, марта 29 (?). 2 л. (1 конв.).
129. ОСТРОГА (урожд. Никитина) Ольга Федоровна, жена композитора и музыканта Ф. В. Остроги (Женева); ранее — воспитанница Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. 6 п. 1933, авг. 16—1943, февр. 10.

Приложение: к письму от 25.4.1938 — письмо О. Ф. Остроги к Л. В. Ивановой и фотопортрет Ю. Ф. Остроги (сына) в группе (л. 11).

16 л. (3 конв.).

130. ОСТРОГА (наст. фам. Мрочковский) Феликс Валерьянович, композитор и музыкант, профессор Женевской консерватории, директор филармонического оркестра при «Большом театре» (Женева). 2 п. 1933, сент. 24—26.

На франц. яз.; письмо от 24.9.1933 — с припиской по-русски.

Приложение: к письму от 26.9.1933 — письмо родственника Ф. В. Остроги (к нему), сотр. министерства иностранных дел в Париже о визовых документах для Д. В. Иванова. На франц. яз. (л. 5—6).

7 л. (1 чист., 2 конв.).

131. ОСТРОГА (Мрочковский-Острога) Юрий Феликсович, сын Ф. В. Остроги, французский дипломат. 1 п. 1938, июля 28—октября 14.

На итал. яз.

Приложение: приглашение на бракосочетание Ю. Ф. Остроги. На франц. яз.

7 л. (2 чист., 2 конв.).

132. ОТТОКАР Николай Петрович, историк итальянского средневековья, профессор ун-та во Флоренции. 22 п. и 2 записки. 1925, мая 17—1942, июля 29 и б. д.

Часть писем — на оборотах видовых и художественных почтовых открыток. Некоторые письма — частично на итал. яз. Письмо от 3.12.1937 и записки (2; б. д.) — на визитных карточках Н. П. Оттокара (л. 32—33).

36 л. (1 чист., 4 конв.).

133. ОЦУП Николай Авдеевич, поэт, критик. 2 п. [1930, начало]—1947, апр. 1.

Одно из них — на бланке журнала «Числа» (Париж).

Приложения:

1) «Числа. Книга II. Анкета литературного отдела». Маш. бланк с припиской Н. А. Оцупа (л. 2).

2) Оцуп Н. А. «Хорошо, что погруженный в Рим...» Стихотворение о В. И. Иванове. Беловой автограф. 9.1.1945.

7 л. (1 чист., 1 конв.).

134. ПАЗУРКЕВИЧ Стан[ислав], [проф. ун-та в Варшаве]. 1 п. 1929, июня 22.

На почтовой открытке, угол которой с почтовыми марками оторван, с утратой текста. 1 л.

135. ПАЧИНИ Л. (PACINI L.), итальянский славист. 3 п. 1935, окт. 21—1946, дек. 27.

На русском и итал. яз. 6 л. (2 конв.).

136. ПЕРНИЦКИЙ Александр, слушатель В. И. Иванова в католич. семинарии «Руссикум», позднее — католич. монах, игумен Анастасий. 2 п. 1948, янв. 25—1948, апр. 16. 3 л. (1 чист.).

137. ПЕРЦОВ Петр Петрович, литературный критик, публицист, историк искусства. 2 п. 1924, окт. 23—1925, дек. 12. 5 л. (1 конв.).

138. ПЕЧКОВСКИЙ Михаил И., секретарь «Общерусского Пушкинского объединения» (Нью-Йорк). 1 п. 1937, мая 21.

Приложение: вырезка из неустановл. америк. газеты на русском яз. с информацией о сообщении М. И. Печковского «Музей Пушкинских Дней».

2 л.

139. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ Валентина Павловна, друг семьи Вяч. Иванова и А. Я. Белобородова. 3 п. 1933, авг. 23—1949, июня 11. Два из них — на оборотах видовых фотооткрыток.

Приложение: визитная карточка В. П. Преображенской на итал. яз. 4 л.

140. ПРЖЕВАЛИНСКИЕ Мария и Ольга (Валенсия. Испания). 1 п. 1933, марта 15. 3 л. (1 конв.).

141. ПУШКИНСКИЙ КОМИТЕТ (Париж).

Письма и другие документы о подготовке к 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина, посланные В. И. Иванову: просьбы об участии в юбилейных мероприятиях, о распространении юбилейных изданий, о «творческом пожертвовании» в фонд создаваемого в Париже Пушкинского музея; протоколы (2) заседаний Пушкинского Комитета и др. 1936, марта 23—1937, сент. 25.

Часть документов — на бланках «Пушкинского Комитета»; некоторые из них — за подписью М. М. Федорова. Подлинники, копии; типогр. экз.

Приложения:

1) «Пушкин. 1837—1937» (1937, Париж). Однодневная газета. Изд. Комитета по устройству «Дня русской культуры во Франции». Ред. Н. Кульман.

2) «Хутор», книгоиздательство (Прага). Материалы о распространении репродукции с портрета А. С. Пушкина, созданного И. Е. Репиным, по оригиналам В. А. Тропинина. Типогр. экз. [1937, нач.]. 38 л. (2 конв.).

142. ПУШКИНСКИЙ КОМИТЕТ (Comisio'n pro Nomenaje a la Memoria del Insigne Poeta Ruso A. S. Puchkin) (Буэнос-Айрес). 1 п. С просьбой о распространении «Православного календаря на 1937 год», посвященного памяти А. С. Пушкина. На бланке Пушкинского Комитета. За подписями М. Нечаева и секретаря Ю. Волконского. 1937, февр. 1. 1 л.

143. РЕЖИС Филипп де (Philippe de Régis), ректор Русской Католической Семинарии в Риме («Русскому»). 9 п. и 3 записки. 1935, окт. 1—1939, авг. и б. д.

Четыре из них — приглашения на собрания русских (л. 5, 7, 9, 14). Письма — на почтовых карточках «Pontificium collegium Russicum» и на оборотах видовых и художеств. фотооткрыток (русская католич. церковь в Риме, Ватикан, Марсель и др.). Записки — на визитных карточках. 20 л. (4 конв.).

144. РЕЙТЛИНГЕР Юлия Николаевна (сестра ИОАННА, инокиня), монахиня в миру, иконописец; после 1917 эмигрировала в Европу, позднее вернулась в СССР. 2 п. 1947, июля 20—1948, февр. 2. Письмо от 2.2.1948 — на обороте листа почтовой бумаги «The Fellowship of St. Alban and St. Sergius» (Братство св. Албания и преп. Сергия. Англия).

Приложение: Сергей Булгаков. «Молитва на день Рождества Христова». Черновой автограф. Ксерокопия; оригинал у Н. А. Струве (Париж) (л. 4—5).

5 л. (1 конв.).

145. РОСТОВЦЕВ Михаил Иванович, историк, филолог-классик, археолог. 1 п. На бланках историч. факультета Висконсинского ун-та (США, Мэдисон). 1925, июня 5. 3 л. (1 конв.).

Приложение: Иванов Вячеслав Иванович. Дарственная надпись на тит. листе книги «Дионис и прадионисийство» (Баку, 1923) Ростовцеву Михаилу Ивановичу. 1925, май. Ксерокопия; оригинал в Йельском ун-те (США). 1 л.

146. РОБАКИДЗЕ Григорий (Григол) Титович, писатель. 5 п. 1938, июня 6—1939, июня 8.

Приложения:

1) Проспект изданий книг Г. Т. Робакидзе в изд-ве «Engen Diederichs Verlag Jena». На нем. яз. Типогр. экз. С портретом Г. Т. Робакидзе (л. 2—4).

2) Письмо К. Бергмана к В. И. Иванову от 6.8.1938 о Г. Т. Робакидзе. На нем. яз. На бланке изд-ва «Engen Diederichs Verlag Jena» (л. 10). 10 л. (1 конв.).

147. РУДНЕВ Вадим Викторович, публицист, издатель, редактор журнала «Современные записки» (Париж). 23 п. 1936, авг. 26—1939, сент. 17.

На бланках журнала «Современные записки» (Париж). Письмо от 17.9.1939 — на франц. яз. 26 л. (3 конв.).

148. САБАШНИКОВ Михаил Васильевич, книгоиздатель. 2 п. 1926, авг. 27.

Одно из них — извещение о передаче О. А. Шор рукописи переводов В. И. Иванова трагедии Эсхила. На бланках издательства «М. и С. Сабашниковы». 3 л. (1 конв.).

149. СЕЛИХАНОВИЧ Александр Брониславович, профессор Бакинского ун-та. 1 п. [1924, июнь—июль]. 2 л.

150. СЕМЕНОВ Михаил Николаевич, литератор, один из учредителей московского издательства «Скорпион». 11 п. 1943, февр. 8—1948, дек. 27 и б. д.

Три из них — на итал. яз. Письмо от 8.2.1943 — на обороте открытки с видом Позитано.

Приложения:

1) К письму от 2.6.1948 — фотография дома М. Н. Семенова в Позитано (возле Салерно). Упоминается также предлагаемая (но здесь

отсутствует) фотография В. И. Иванова в группе с С. А. Поляковым и др. во Флоренции (1909).

2) К письму от 11.6.1948 — визитная карточка М. Н. Семенова. 18 л. (4 конв.).

151. СЕМЕНОВ Юрий. 1 п. 1937, дек. 24. 2 л. (1 конв.).

152. СИНЬОРЕЛЛИ Ольга Ивановна (урожд. Ресневич), переводчица русской литературы на итал. яз., в т. ч. «Переписки из двух углов»; близкий друг семьи Ивановых. 39 п. 1925, сент. 3—1947, окт. 4 и 6. д.

На русском и итал. яз. Некоторые из них — на оборотах видовых фотооткрыток.

Приложения:

1) К письму от 4.4.[1933] — письмо О. И. Синьорелли к О. А. Шор, от 5.4.[1933] (л. 22).

2) К письму от 6.7.1936 — письма (2) Г. Жанфронизани к О. И. Синьорелли, от 27.6 и 5.7.1936. На итал. яз. (л. 34—35).

58 л. (6 конв.). Некоторые листы надорваны.

153. СИНЬОРЕЛЛИ Мария (дочь О. И. Синьорелли). 2 п. 1932, марта 25 и 6. д.

На итал. яз. 5 л. (1 конв.).

154. СКАЛДИН Алексей Дмитриевич, поэт, прозаик. 2 п. 1923, июня 9—12; 1924, дек. 1—1928, марта 1.

Приложение: цикл стихотворений (I—XVIII), посвященных В. И. Иванову («Все той же старой шутки ковкость...» — акrostих; и др.). Саратов. Тюрьма. 9—12/VI.1923. Беловой автограф (л. 5—11).

11 л. (2 конв.).

155. СНЕЖКОВСКИЙ Борис, поэт-дилетант. 1 п. 1935, февр.—1937, мая 7.

Приложение: стихотворения Б. Снежковского (9) 1935—1937 гг.

7 л. (1 чист.).

156. СОКОЛОВ Павел. 8 п. 1947, янв.—1949, конец дек.

Приложения:

1) К письму от апр. 1947 — письмо П. Соколова к Л. В. Ивановой от 11.4.1947 (л. 6).

2) К письму от янв. 1947 — открытка (?) с изображением св. Николая (Бари) (л. 2).

3) Письма (2) П. Соколова к Д. В. и Л. В. Ивановым: соболезнование о кончине В. И. Иванова (конец дек. 1949) (л. 21—22); с упоминаниями о В. И. Иванове (конец дек. 1960) (л. 23).

24 л. (6 конв.).

157. СОМОВ Константин Андреевич, художник. 1 п. 1937, апр. 29. 2 л. (1 чист.).

158. СТЕПУН Федор Августович, философ, писатель, историк литературы. 4 п. 1925, марта 15—1933, окт. 14. 11 л. (1 конв.).

159. СТРЕМОУХОВ Дмитрий, впоследствии историк русской религиозной мысли, профессор ун-тов во Франции. 2 п. [1939], дек. 9—1941, янв. 9. 2 л.

160. СУСТЕР Маргарита, друг семьи Ивановых. 1 п. 1949, янв. 5. На обороте видовой фотооткрытки. 1 л.

161. СУХОТИНА-ТОЛСТАЯ Татьяна Львовна, дочь Л. Н. Толстого, художница, мемуарист. 2 п. 1946, апр. 17—1948, марта 16.

Приложения:

1) К письму от 12—15.3.1948 — фотопортрет Т. Л. Сухотиной-Толстой с дарств. надписью (на обороте) В. И. Иванову. 16.3.1948 (л. 5).

2) Некролог (без подписи): «E' morta Tatiana Tolstoi» («Il messaggero di Roma». 1950. 23 сент.)

6 л. (1 конв.).

162. ТАЛЬБЕРГИ Михаил, адвокат, и Наталия, его жена. 2 п. 1935, авг. 13—1938, янв. 2.

На русском и итал. яз. На обороте художественных открыток. 2 л.

163. ТАУБЕР Екатерина Леонидовна, поэт (Белград). 1 п. 1926, ноября 14 и б. д.

Приложение: стихотворения Е. Л. Таубер («Рагуза», «Гимн богу Дионису») и Ю. Бек-Софиева (Ю. Б. Софиев) («Шок», «Синь...», «Пронзенное роковым кинжалом», цикл «Шут»). Беловые автографы рукой Е. Л. Таубер. Б. д.

9 л.

164. ТЕР-ГРИГОРЯН Оник (Баку). 1 п. 1925, июля 19.

Приложение: письмо О. Тер-Григоряна к Л. В. Ивановой.

4 л. (1 чист.).

165. ТЕРНОВЕЦ Б. 1 п. Б. д. 1 л.

166. ТРЕТЬЯКОВ Виктор Васильевич, поэт (Латвия, Рига). 1 п. 1937, июня 22—июля 2.

В тексте и в приложении к письму стихотворения В. В. Третьякова: «Вячеславу Иванову», «Прохожий», «Счастье», «Изборск», «Из „Латвийской сюиты“» (1930-е годы). 4 л. (1 конв.).

167. ТРОЦКИЙ Сергей Витальевич, литератор-любитель, близкий друг В. И. Иванова. 20 п. 1924, дек. 4—1933, февр. 28.

Часть из них обращена к семье Ивановых.

Приложения:

1) К письму от 23.7.1925 — письмо Анастасии Косыревой (бывшей домработницы семьи Ивановых в Баку) к Л. В. Ивановой (с обращением «дядя») (л. 14—16).

2) Троцкий С. В. Письма (4) к Л. В. Ивановой от 4.12.1924; 16.1.1925; 6.12.1927 и 4.2.1928. К письму от 16.1.1925 приложено письмо А. Косыревой к Л. В. Ивановой (л. 57—68, 4 конв.).

68 л. (15 + 4 конв.).

168. ТУБЯНСКИЙ М. (Ленинград, Азиатский музей АН СССР). 1 п. [1924]. 1 л.

169. ТУМБИЛЬ Петр Христианович, юрист, востоковед, филолог-классик; коллега В. И. Иванова по Бакинскому ун-ту. 2 п. 1925, окт. 12—1927, апр. 6.

Приложение: к письму от 6.4.1927 — фотопортрет на картонном паспорту П. Х. Тумбия с дарств. надписью В. И. Иванову и стихотворение на греч. яз.
4 л. (1 чист.).

170. ТЫШКЕВИЧ Станислав, богослов; заведующий библиотекой в «Руссикуме». 3 п. 1935, марта 14—1943, апр. 6 и б. д.
На карточках с адресом: «Pontificium collegium Russicum. Via Carlo Cattaneo, 2, Roma». 5 л. (2 конв.).

171. ФОМИЧЕВ Александр Леонидович, русский эмигрант, живущий в Неаполе. 1 п. 1933, ноября 9.
Приложение: стихотворения (19) А. Л. Фомичева. Беловой автограф. Б. д.
14 л. (1 чист.).

172. ФРАНК Семен Людвигович, философ. 4 п. 1947, апр. 19—июля 31.
Письмо от 7.5.1947 — ксерокопия (конверт подлинный).
Приложения:

1) Переписка вдовы С. Л. Франка, Татьяны Сергеевны, и их сына Виктора Семеновича с Д. В. и Л. В. Ивановыми и О. А. Шор. 1951, февр. 1—1958, июля, 26.

2) *Сперанский В.* «Профессор С. Л. Франк». Статья. Вырезка из неустановл. русской зарубежной газеты. [1951].
28 л. (8 конв.).

173. ФОНДАМИНСКИЙ (Фундаминский) Илья Исидорович, публицист, общественно-политический деятель. 2 п. 1938, окт. 26—дек. 5.
Одно из них — на бланке журнала «Русские записки» (Париж).
Приложение: к письму от 26.10.1938 — проспект изданий «Русской научной библиотеки» (Париж).
6 л. (1 конв.).

174. ФОРРИНК Мария, филолог-классик, славист (Гаага, Голландия). 2 п. 1933, сент. 10—1938, июля 30.
Одно из них — на обороте видовой фотооткрытки (Капри). 2 л.

175. ХОДАСЕВИЧ Владислав Фелицианович, поэт, историк литературы. 6 п. 1924, окт. 4—1925, апр. 29.
Письмо от 28.1.1925 — ксерокопия, оригинал подарен Дж. Мальмстаду (опубл. им: *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 3. М., 1991. С. 265). 8 л. (1 конв.).

176. ХЭЙ Стефен (Hay Stephen) (Иерусалим). 1 п. 1947, ноября 21.
2 л. (1 конв.).

177. ЦЯВЛОВСКИЙ Мстислав Александрович, пушкинист (Москва). 2 п. 1925, марта 3—апр. 1. 5 л. (1 чист., 1 конв.).

178. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ Александра Николаевна, переводчица, литературный и театральный критик, свояченица Ф. Сологуба. 2 п. 1924, ноября 4—1925, янв. 4. 8 л. (2 конв.).

179. ЧУЛКОВ Георгий Иванович, поэт, прозаик, критик. 2 п. 1928, янв. 14/27—мая 21. 5 л. (1 чист., 1 конв.).

180. ШЕСТОВ Лев (наст. фам. Шварцман Лев Исаакович), философ. 2 п. 1925, мая 8—1936, февр. 16. 6 л. (2 конв.).

181. ШИМКЕВИЧ Константин Антонович, историк литературы, профессор, зав. Кабинетом современной литературы Гос. Института истории искусств (Ленинград). 1 п. 1928, сент. 24. 4 л. (1 конв.).

182. ШЛЕЙФЕР-РАТЬКОВ Юрий Николаевич, композитор. 4 п. 1940, июля 7—1946, июня 28.

На русском и итал. языках. Два из них — на оборотах видовых фотооткрыток; на л. 4 — рисунок.

Приложение: визитная карточка: «Dr. Youry Schleiffer / Vice direttore Banca d'America e d'Italia» (л. 6).

6 л. (1 конв.).

183. ШОР Евсей Давидович, переводчик на нем. яз. произведений В. И. Иванова. 30 п. 1924, ноября 8—1929, ноября 21.

Письма от 4.9.1925, 24.9 и 1.12.1928, 20.12.1929 — на оборотах видовых фотооткрыток. В письме от 4.10.1929 — приписка Н. Шор (жены Е. Д. Шора). 47 л. (3 конв.). Нижняя половина л. 24 отсутствует.

184. ШОР Евсей Давидович. 23 п. 1930, янв. 24—1931, дек. 31.

Письмо от [февр.] 1930 — без окончания, один из листов разрезан на 3 части (л. 8—10). В письме от 19.9.1931 — приписка Д. С. Шора (отец Е. Д. Шора) (л. 29 об.). Письмо от 19.3.1930 — на обороте видовой фотооткрытки.

Приложения:

1) К письму от 13.7.1931 — проект договора В. И. Иванова с издательством «J. C. V. Mohr (Paul Siebeck)» (Тюбинген) об издании книги «Достоевский». Маш. копия (л. 20—21).

2) К письму от 19.9.31 — письмо Поля Зибек к В. И. Иванову и договор от 3—5.9.1931. Подлинник (л. 30—32).

3) Иванов В. И. Письмо П. Зибеку от 28.9.31. Черновик (л. 33).

4) Зибек П. Письма (4) Иванову В. И. от 1.10, 15.10, 22.12, 29.12.1931 (л. 45—49).

Все документы на нем. яз.

50 л. (2 конв.).

185. ШОР Евсей Давидович. 15 п. 1932, марта 7—декабря 26.

В письмах от 23.3. и 9.12.1932 — приписки Н. Шор (жены Е. Д. Шора). Письмо от 26.8.1932 в 2-х экз. (авторизов. маш. копии).

Приложения:

1) Шор Е. Д. Письма (3) Йозефу Фридриху Вайбелю (владелец типографии) от 12.5, 19.6, 26.6. 1932. На нем. яз. Маш. копии (л. 31—37).

2) Вайбель Й. Ф. Письмо Иванову В. И. от 7.3.1932. На нем. яз. Копия рукой О. А. Шор (л. 38).

3) Он же. Письмо Иванову В. И. от 23.5.1932. Без начала. На нем. яз. Копия рукой В. И. Иванова (л. 39—40).

40 л. (2 конв.).

186. ШОР Евсей Давидович. 23 п. 1933, янв. 9—1946, окт. 26 и б. д. Четыре из них — на оборотах фотооткрыток с видами Рима и Потсдама. В письме от 28.3.1934 — приписка Н. Шор (л. 12).

Приложения:

1) К письму от 16.2.1936 — письма (2) к В. И. Иванову Д. С. и Н. Шоров (поздравления с 70-летием со дня рождения) (л. 29—32).
2) Шор Надива (Надежда Рафаиловна), вдова Е. Д. Шора. Письмо Иванову Димитрию Вячеславовичу (с биографическими сведениями о Е. Д. Шоре и о судьбе его архива). 1985, ноября 1.
41 л. (2 конв.).

187. ШОР Евсей Давидович. 9 п. 1924, ноября, 8—1932, мая 9 и б. д.

Маш. (отпуски); некоторые из них неполные. Оригиналы см.: № 183—186. 15 л.

188. ШОР Ольга Александровна (псевд. О. Дешарт, О. Deschartes), ближайший друг семьи Ивановых; автор статей, комментариев ко многим изданиям соч. В. И. Иванова. 13 п. 1924, окт. 9—1925, окт. 29.

Приложение: к письму от 29.6.1925 — извещение Народного Комисариата Просвещения от 24.6.1925 г. на имя В. И. Иванова о продлении ему командировки в Италии на один год. Подлинник и копия. 56 л. (4 конв.).

189. ШОР Ольга Александровна. 18 п. и 2 телегр. 1926, апр. 22—1927, дек. 6 и б. д.

В письме от 6.12.1927 — приписка Д. В. Иванова. Письмо без даты датировано (подложено) по содержанию.

Приложение: Выписка из протокола № 22 заседания Комиссии по научным заграничным командировкам при Наркомпросе РСФСР от 4 июня 1926 г. о продлении командировки В. И. Иванову по июнь 1927 г. Подлинник. 51 л. (2 конв.).

190. ШОР Ольга Александровна. 54 п., 2 записки и 6 телегр. 1928, янв. 15—[до 14 дек.] и б. д.

Письма от 20.1 и 27.4.1928 на оборотах видовых (Пиза, Флоренция) и художественных (св. Михаил) почтовых открыток. В письмах от 10.2 и 13.5.1928 — приписки Л. В. Ивановой. В письме от 15.4.1928 — стихотворение И. Новикова «Базар». Письма (5) без даты и начала датированы (подложены) по содержанию.

Приложение: список книг из библиотеки В. И. Иванова (л. 40—41), составленный О. А. Шор (см. о нем в письме В. И. Иванова к О. А. Шор от 14.12.1928). 91 л. (4 конв.).

191. ШОР Ольга Александровна. 50 п. 1929, янв. 10—дек. 5 и б. д. Письма от 9 и 16.9.1929 и б. д. — на оборотах художественных (св. Георгий, св. Михаил) и видовых (Рим) почтовых открыток. В письме от 17.2.1929 — рисунок карандашом: фламинго. В письме б. д. — приписка Л. В. Ивановой (л. 9). Письма (3) без даты датированы (подложены) по содержанию.

Приложение: к письму от 9.9.1929 — письмо О. А. Шор к Л. В. Ивановой с рисунком карандашом: фламинго и вырезанный фрагмент письма Е. Д. Шора к О. А. Шор.

83 л. (4 конв.).

192. ШОР Ольга Александровна. 33 п. и 1 телегр. 1930, марта 24—дек. 20.

Письма (2) без даты и начала датированы (подложены) по содержанию (л. 32,34). В письмах от 24.3, 30.4, 6.5, 9.5, 29.5, 1.7, 5.7.1930 — приписки Л. В. Ивановой. Часть писем — на оборотах видовых и художеств. почтовых открыток (Рим, Флоренция, Павия, Монтекасино и др.).

Приложение: к письму от 8.8.1930 — письмо О. А. Шор к Л. В. Ивановой.

50 л. (4 конв.).

193. ШОР Ольга Александровна. 35 п., 2 записки и 1 телегр. 1931, сент. 2—1934, дек. 20 и б. д.

Некоторые письма обращены также к другим членам семьи Ивановых. Письма от 7 и 29.9.1931, 31.1 и 3.9.1932, 23.1.1933 — на оборотах видовых почтовых открыток (Павия, Больцано, Кальяри и др.) (л. 3, 5, 8, 10, 16, 20). Письмо от 25—26.5.1934 — на почтовой бумаге гостиницы «Miramare» (Кальяри); в тексте — приписки и письма к В. И. Иванову сестер (подруг О. А. Шор): А.-М. Кальви и Б. Бьянки. На итал. яз. На почтовой бумаге ун-та Кальяри (л. 20—22). Записки от 31.1.1932 — на визитной карточке «Olga Flamingo» и на обороте художеств. почтовой открытки с изображением тигра. Письмо без даты датировано (подложено) по содержанию.

Приложение: четверостишие О. А. Шор (?), обращенное к Н. П. Оттокару на бланке телеграммы к ней от Н. Н. Лохова о выздоровлении Оттокара от 14.2.1931.

57 л. (7 конв.).

194. ШОР Роза Моисеевна, мать О. А. Шор. 1 п. 1929, июля 30. 3 л. (1 конв.).

195. ШТЕЙН фон Сергей Владимирович, профессор Высшего Философско-Теологического Доминиканского Ордена (г. Дубровник, Хорватия); ранее — профессор славянской кафедры в Дерптском ун-те. 1 п. 1940, янв. 3.

Бумага — с именным штампом С. В. фон Штейна. 2 л. (1 конв.).

196. ЩЕРБАТОВ Сергей Александрович, князь. 5 п. 1939, авг. 15—1949, мая 4 и б. д.

Приложение: Щербатов С.А. «В садах Рима». Стихотворение. Беловой автограф. 1949 (л. 13).

13 л. (5 конв.).

197. ЯНУШКЕВИЧ Николай, племянник С. В. Троцкого (Париж). 1 п. 1924, окт. 22. 1 л.

ДОПОЛНЕНИЯ К АННОТИРОВАННОМУ УКАЗАТЕЛЮ ПО ФОНДАМ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА

В 1999 г. Рукописный отдел выпустил в свет путеводитель, освещающий личные фонды РО ИРЛИ.¹ Начиная с данного выпуска «Ежегодника», мы начинаем публиковать сведения о фондах, обработанных после 1995 г. и не вошедших в названный указатель. Ниже приводится информация о трех личных фондах (М. В. Матюшина, Н. П. Слепцова и И. С. Соколова-Микитова) и фонда Пушкинского лицевого общества.

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ МАТЮШИН (1861—1934)

Фонд 656

I

Михаил Васильевич Матюшин (1861—1934) — художник, музыкант, педагог, теоретик искусства. Родился в Нижнем Новгороде и был незаконнорожденным сыном временно обязанной крестьянки.

С раннего детства в нем проявились музыкальные способности и художественная одаренность. Начальное музыкальное образование Матюшин получил в Нижегородском отделении Русского музыкального общества, куда был принят в 1871 г. Дальнейшую учебу продолжал в Московской консерватории по классу скрипки с 4 сентября 1876 по 4 сентября 1881 г., но полного курса не окончил. Приняв участие в конкурсе на звание артиста Придворного оркестра и выдержав его, Матюшин переезжает в Петербург и с 16 декабря 1882 по 25 апреля 1913 г. служит музыкантом Придвор-

¹ Личные фонды Рукописного отдела Пушкинского дома: Аннотированный указатель / Сост. А. В. Дубровский, И. А. Краснова, Т. А. Кукушкина, А. Г. Носова, Г. Г. Полякова, Н. А. Прозорова, М. В. Родокова, Л. К. Хитрово, Н. А. Хохлова; Авт. вступ. статьи, отв. ред. и отв. сост. Т. С. Царькова. СПб.: Блиц, 1999.

ного оркестра. В дальнейшем вся его жизнь и деятельность были связаны с Петербургом (Ленинградом).

Параллельно с музыкой он занимался живописью. С 1894 по 1898 г. Матюшин учился в Школе поощрения художеств, а затем в мастерских Я. Ционглинского (3 года), Л. С. Бакста и М. В. Добужинского (1 год). В мастерской Ционглинского он познакомился с художницей и поэтессой Еленой Генриховной Гуро (1877—1913), ставшей впоследствии его женой. Первые свои работы как художник Матюшин представил на «Выставке современных течений в искусстве» в 1908 г. в Санкт-Петербурге. Позднее он участвовал в выставках Общества «Союз молодежи» (1911—1913), Парижской выставке «Осенний салон» (1914), представлял свои работы в Германии (1920), Италии (1924), на выставках Государственного института художественной культуры (1924; 1926) и др.

Хорошо знакомый с братьями Бурлюками, В. В. Каменским, К. С. Малевичем, А. Е. Крученых, В. В. Хлебниковым, Матюшин сочувствовал футуристическим исканиям. При его участии вышли первый и второй сборники «Садок судей» (1910, 1913), была поставлена опера «Победа над солнцем» (1913; муз. Матюшина, текст Крученых). В это же время Матюшин пишет свои музыкальные композиции «Дон Кихот», «Осенний сон», а также издает теоретическую работу «Руководство к изучению четвертей тона для скрипки» (1915).

Много времени уделяет Матюшин преподавательской деятельности. С 1909 по 1918 г. он дает уроки музыки по классу скрипки в Народной консерватории, во 2-ой Санкт-Петербургской гимназии (1910—1919), Приморской Ольгинской трудовой школе (1920—1921), во 2-ом Государственном музыкальном техникуме (1921—1923), читает лекции в музыкальной школе им. П. И. Чайковского (1922—1923) и т. д.

В 1918 г. Матюшин начинает работу в Академии Художеств (тогда — Петроградские Государственные свободные художественные учебные мастерские), а с 1 мая 1919 г. по 15 сентября 1926 г. становится ее профессором по живописному факультету.

В 1921 году Михаил Васильевич вступает в брак с Ольгой Константиновной Громозовой (в замужестве Матюшиной), которая становится ему преданной помощницей в работе.

В 1920-е годы жизнь Матюшина тесно связана с деятельностью Государственного института художественной культуры (ГИНХУК). В 1921 г. он избирается членом правления Музея художественной культуры, а затем руководит Отделом органической культуры ГИНХУКа (1924—1927), в котором проводит многочисленные лабораторные опыты по исследованию влияния звука на цвет, взаимодействия формы и цвета и т. д. Результатом исследований изменчивости цвета в зависимости от условий восприятия явилась работа Матюшина «Справочник по цвету», изданная в 1932 г.

После слияния ГИНХУКа с Государственным институтом истории искусств (ГИИИС) в январе 1927 г. Матюшин переходит на работу в ГИИИС на должность старшего лаборанта Комитета современного изобразительного искусства Отдела теории и истории.

С февраля 1929 г. Матюшину (после длительных хлопот) назначается академическая пенсия.

Скончался Михаил Васильевич в Санкт-Петербурге 15 октября 1934 г.

II

28 июня 1940 г. в Рукописный отдел Пушкинского Дома от вдовы художника — О. К. Матюшиной — поступил архив М. В. Матюшина, Е. Гуро и ее собственные материалы (см.: книга поступлений архивных материалов за 1940—1958 гг., пост. № 16). Материалы Гуро были выделены в самостоятельный фонд (№ 631), остальные материалы легли в основу личного фонда Матюшина (№ 656).

Ранее, 29 ноября 1936 г., от ГИИИСа (тогда — Государственный институт искусствознания) в Рукописный отдел Пушкинского Дома поступила коллекция архивных и иконографических материалов, из которых впоследствии был образован ф. 172. В составе этого фонда были и материалы М. В. Матюшина (письма к нему и материалы разных лиц), которые он передал в ГИИИС еще в 1928 г. До конца 1970-х гг. эти материалы находились в составе ф. 172 (ГИИИС), а затем были изъяты и присоединены к фонду Матюшина — 121 единица хранения: 736—740, 782, 784—810, 827, 835—874, 937, 939—954, 973, 976—989, 1000—1012, 1036, 1037 (см.: справка к ф. 172 (ГИИИС) от 17 декабря 1980 г. и переводная таблица).

В 1959 г. от Н. И. Харджиева в дар Рукописному отделу поступил портрет Екатерины Генриховны Гуро (сестра Елены Гуро) работы М. В. Матюшина (см.: книга поступлений за 1959—1971 гг., пост. № 7), переданный вскоре из Рукописного отдела в Литературный музей Института русской литературы на постоянное хранение (см.: акт передачи от 7 мая 1959 г. в деле фонда Матюшина).

27 октября 1994 г. от организаторов выставок в Рукописный отдел Пушкинского Дома были переданы: Каталог и буклет выставки (Вашингтон—Лос-Анжелес—Нью-Йорк) «К. Malevich» (1991) и каталог выставки (Карлсруэ) «Matjuschin und die Leningrader avantgarde» (1991), которые также были присоединены к фонду 656.

III

Научно-техническая обработка архива Матюшина в Рукописном отделе была начата в 1970-е гг. мл. научным сотрудником Б. Н. Капелюш (см.: *Капелюш Б. Н.* Архивы М. В. Матюшина и Е. Г. Гуро // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 3—23). При участии искусствоведов А. В. Повелихиной и Е. Ф. Ковтуна ею была произведена атрибуция, предварительная систематизация документов, составлены заголовки к делам. В 1979 г. после ухода Капелюш на пенсию обработка фонда была приостановлена.

В 1997—1999 гг. работа с фондом была продолжена в соответствии с новыми методическими инструкциями Н. А. Прозоровой.

Были отредактированы заголовки дел, проведена (в необходимых случаях) дополнительная атрибуция документов и окончательная их систематизация, написано предисловие и составлена переводная таблица.

В результате научно-технической обработки был сформирован фонд, состоящий из 396 единиц хранения, систематизированных по 4-м описям.

Особенностью научно-технической обработки данного фонда является то, что основная часть архива Матюшина поступила в Рукописный отдел после предварительной обработки. Ее проделала Мария Владимировна Эндер — художница, ученица и друг Матюшина. Значительную часть документов Эндер снабдила пояснительными записками, которые содержат ценную информацию по атрибуции документов, уточняют датировку, а также проясняют многие факты биографии и деятельности Матюшина. Наличие пояснительных записок в деле отражено в каждом заголовке.

В некоторых случаях М. В. Эндер сама формировала единицы хранения, сопровождая их пояснительными записками. Эти единицы хранения сохранены в первоначальном виде, т. к. пояснения Эндер соотносятся с архивным материалом. Кроме того, многие документы были неоднократно использованы исследователями и введены в научный оборот.

Опись № 1 «Творческие материалы» состоит из трех разделов.

В раздел 1 Описи № 1 выделены альбомы рисунков Матюшина, расположенные в хронологическом порядке. В альбомах имеются эскизы к картинам «Бунт женщины», «Дон Кихот на мельнице», «Красный обоз»; наброски портретов музыкантов Придворного оркестра, Е. Г. Гуро, О. К. Матюшиной, Э. Тошакковой, А. Е. Крученых, а также зарисовки, сделанные в Копорье, Сухуми, Баку, Гаграх, Батуми, Финляндии и др. Встречаются в альбомах также записи и рисунки Елены Гуро. Наличие их отражено в каждом заголовке. В подраздел 1.2. включены рисунки, эскизы, наброски на отдельных листах, расположенные также по хронологии. Среди рисунков: автопортреты, эскизы обложки журнала «Вольная Сибирь», эскиз памятника В. И. Ленину, наброски пейзажей, портретов, пространственные композиции и др.

В раздел 2 Описи № 1 помещены музыкальные произведения фондообразователя (в основном незавершенные) в хронологическом порядке: композиции для скрипки, квартет для двух скрипок, альты и виолончели; для скрипки в сопровождении ролея; подготовительные материалы к операм «Победа над солнцем», «Война», ноты «Вальса калаш», музыкальные издания сюит Матюшина «Осенний сон», «Дон Кихот» и «Руководство к изучению четвертой тона». Далее в порядке хронологии выстроены музыкально-теоретические работы Матюшина: нотные записи четвертой тона, статья «О старом и новом в музыке», лекции по истории зарубежной музыки, записи, относящиеся к работе над скрипкой оригинальной формы («прямая скрипка») и др.

В разделе 3 Описи № 1 находятся искусствоведческие работы художника и подготовительные материалы к ним. Подраздел 3.1. состоит из 3-х комплексов документов. В начале подраздела 3.1.

помещены воспоминания Матюшина «Творческий путь художника» и подготовительные материалы к ним. В этих воспоминаниях Матюшин подвел итог своих творческих поисков и всей научно-исследовательской деятельности. Книга Матюшиным не была окончена. После его смерти работа над книгой была продолжена М. В. Эндер. Рабочие материалы Эндер (заметки, выписки, отдельные главы воспоминаний и др.) находятся здесь же. Затем следуют статьи: «Творчество Павла Филонова», «Быстрое вращение зеркалоподобит форму», «Предметное и беспредметность», «Опыт художника новой меры», «Наука в искусстве» и др. и подготовительные материалы к статьям. Комплекс документов, состоящий из подготовительных материалов к работам разных лет (в виде отдельных записей, тезисов к докладам, подборки иллюстраций, описаний опытов, выписок из книг и др.), завершает данный подраздел. В данном комплексе материалов тематически выделены группы документов, относящиеся к следующим работам Матюшина: о новом понимании пространства («расширенном смотреии»), о взаимодействии звука и цвета, цвета и формы, к книге «Справочник по цвету», об изучении цвета и зрения. Группу подготовительных материалов к книге «Справочник по цвету» завершает единица хранения с заметками и записями к книге учеников Матюшина: М. В. Эндер, Е. С. Хмелевской, В. Э. Делакроа.

Документы расположены в хронологическом порядке в пределах каждого из вышеуказанных комплексов и групп документов.

В подраздел 3.2. выделены значительные по объему и расположенные в хронологии записные книжки, блокноты, тетради, в которых имеются записи искусствоведческого характера: о цвете, форме, звуке, пространстве, объеме, ритме, описания лабораторных опытов и т. п. Встречаются дневниковые и бытовые записи, упоминаются Гуро, В. Маяковский, Н. Асеев, П. Н. Филонов, К. Малевич, Н. Пунин и др. Имеются также записи, сделанные Е. Г. Гуро. Наличие ее автографов отражено в каждом заголовке. В конце данного подраздела находятся 4 единицы хранения — литературные опыты Матюшина (стихотворения для детей, пародия на стихи М. Шкапской и др.).

Опись № 2 «Документы к биографии и о деятельности» состоит из двух разделов: документы к биографии и документы о деятельности.

Раздел 1 «Документы к биографии» Описи № 2 состоит из двух подразделов. В подраздел 1.1. включены документы к биографии, расположенные в следующем порядке. Вначале располагаются личные документы (метрическая справка, трудовая книжка, справка о смерти), служебные и командировочные удостоверения, членские билеты творческих и кооперативных обществ, материалы о назначении персональной и академической пенсий (заявления, справки, отзывы и т. д.). Затем следуют автобиографические материалы: автобиографии, анкеты, потом — финансово-хозяйственные документы: квитанции, расписки. Завершают данный раздел материалы о смерти фондообразователя и увековечении его памяти: рисунок Матюшина в гробу работы Е. Я. Астафьевой, афиша вечера его памяти, статья о Матюшине и записи о его последних днях, сле-

ланные М. Эндер, каталог выставки в Карлсруэ «Матюшин и Ленинградский авангард» («Matjuschin und die Leningrader avantgarde»).

В подразделе 1.2. находятся фотографии и изобразительный материал, систематизированный следующим образом. В начале подраздела помещен портрет Матюшина работы неустановленного лица (карандаш), одиночные фотопортреты фондообразователя, групповые фотографии, альбомы фотографий (в том числе с фотографиями выставочных экспозиций) и фотографии с дарительными надписями Матюшину. Завершает подраздел изобразительный материал, собранный Матюшиным, — альбом открыток и подборки вырезок статей разных авторов из газет и журналов (в основном литературно-художественной и музыкальной тематики).

В разделе 2 Описи № 2 помещены материалы о деятельности Матюшина: программы музыкальных вечеров, приглашительные билеты на собрания, чтения докладов, планы работ, материалы к работам над изоустановкой и агитплакатом и др. Внутри данного раздела выделены группы документов, касающиеся участия фондообразователя в различных выставках, деятельности его в ГИНХУКе, ГИИИсе, художественной секции Ленизо. Документы раздела (и внутри групп) расположены в хронологии. В конце раздела имеется несколько писем Матюшину от организаций и учреждений (Академии художеств, Русского музея, редакции журнала «Новая генерация» и др.), расположенных по хронологии.

Опись № 3 «Переписка» состоит из двух разделов. В раздел 1 включены письма фондообразователя к разным лицам, систематизированные в алфавите фамилий адресатов. В разделе 2 находятся письма к Матюшину разных лиц, расположенные в алфавите фамилий корреспондентов. В конце раздела 2 находятся материалы (отгиски, ноты и др.) с дарительными надписями фондообразователю, расположенных в алфавите фамилий дарителей.

Опись № 4 «Материалы О. К. Матюшиной (урожд. Громозовой) и других лиц» состоит из двух разделов. В разделе 1 помещены материалы жены Матюшина Ольги Константиновны Матюшиной (урожд. Громозовой) в следующем порядке: творческие материалы ее (воспоминания о Маяковском, записи), финансово-хозяйственный документ (договор об аренде дачи) и письмо к ней из Русского музея. Далее находятся личные письма Матюшиной и письма к ней, данные в алфавите фамилий адресатов и корреспондентов.

В начале раздела 2 находятся творческие материалы разных лиц: статьи, рассказы, стихотворения, рисунки, каталоги выставок, декларации, описания лабораторных опытов, доклады и т. п., систематизированные в алфавите авторов. Далее помещены материалы обществ, редакций издательств: наборные рукописи сборников общества «Союз молодежи», корректуры с правкой авторов, проспекты изданий, программа диспута и др., выстроенные по хронологии. Переписка разных лиц представлена двумя единицами хранения. Завершает раздел единица хранения с дарительной надписью А. С. Та-неева В. И. Бельскому на титульном листе книги (нотное издание).

Н. А. Прозорова

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ СЛЕПЦОВ
(1815—1851)

Фонд 295

I

Николай Павлович Слепцов родился 6 (18) декабря 1815 г. в с. Кологривовка Аткарского уезда Саратовской губернии, в родовом имении, в семье отставного поручика Тамбовского мушкетерского полка Павла Степановича Слепцова. Первоначальное образование получил дома, под руководством родителей. Основы православной веры, определявшие главные черты его характера и мировоззрения, заложила в нем мать Олимпиада Ефимовна, глубоко религиозная женщина. В десятилетнем возрасте Николай был отправлен в Ярославль, в благородный пансион при Демидовском училище высших наук.

В 1828 г., по окончании пансиона, он прибыл в Петербург и поступил в Горный институт, в котором проучился до 26 мая 1834 г. Здесь проявились отличные способности юноши к наукам и явное призвание к военной службе, в которой пребывали все предки Слепцова, начиная с XV века. 16 сентября 1834 г. Н. П. Слепцов был зачислен унтер-офицером в Лейб-Гвардии Литовский полк и прошел курс в Школе гвардейских подпрапорщиков (будущее Николаевское кавалерийское училище). 20 мая 1836 г. был произведен в подпрапорщики, а в 1840 г., желая поступить в действующие войска, попросил о переводе на Кавказ и был зачислен штабс-капитаном в Нижегородский Драгунский полк.

По прибытии на Кавказ, 10 сентября 1840 г., Слепцов поступил на должность адъютанта к начальнику штаба войск, расположенных по Кавказской линии и в Черномории. С первых же дней молодой офицер принимал участие в делах против горцев. За отличие в них 30 июня 1841 г. награжден орденом Станислава III степени. В 1842 г. перемещен на должность адъютанта к начальнику штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майору А. С. Траскину. С этого времени по 1845 г. Н. П. Слепцов постоянно участвовал в боевых действиях за Кубанью и в Северном Дагестане; награжден орденами св. Анны III ст. (22.VI.1844 г.) и св. Владимира IV ст. с бантом (14.III.1845 г.).

19 января 1845 г. назначен командиром 1-го Сунженского линейного казачьего полка, который сам сформировал и расселил на линии вдоль берега р. Сунжи. Слава о слепцовцах вскоре разнеслась по всей Сунже среди русских войск и у неприятеля: немирные чеченцы уважали и боялись Слепцова, покоровшиеся могли твердо рассчитывать на помощь и защиту от Шамиля и его мюридов.

12 сентября 1846 г. Слепцов был награжден орденом св. Анны II степени, а 30 апреля 1847 г. назначен начальником Верхне-Сунженской линии; за отличие в делах 1847 и 1848 гг. произведен в полковники, награжден золотой саблей с надписью «за

храбрость» (24.V.1847 г.) и орденом св. Владимира III степени (3.IX.1849 г.).

За операцию в Галашевском ущелье под командованием генерал-майора М. С. Ильинского в 1849 г. награжден орденом св. Георгия IV степени, а полку пожаловано Георгиевское знамя. За ряд военных операций 1850 года, в числе которых был знаменитый набег на Шалинское укрепление, один из главных опорных пунктов имама Шамиля, был награжден императором чином генерал-майора.

В начале 1851 г., по распоряжению главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом кн. М. С. Воронцова, Слепцов заложил еще две станицы на линии и вел строительство при непрерывных вылазках горцев, стремившихся помешать работам. 15 июня 1851 г. был впервые ранен и несколько недель находился на излечении на михайловских водах, где его навещали любивший его как сына князь Воронцов и дружески к нему расположенный князь А. И. Барятинский, впоследствии главнокомандующий Кавказской армии и фельдмаршал. 17 июля 1851 г. последовало награждение Слепцова орденом св. Станислава I степени, а 10 декабря, при штурме завала у аула на берегу реки Гехи, Николай Павлович был смертельно ранен. Казаки вынесли его из боя, и через полчаса доблестный их начальник скончался.

Весть о гибели Слепцова поразила не только русские войска и казачье население, но и самих неприятелей, высоко ценивших его бесстрашие, мужество и благородство. Среди чеченцев слагались песни о павшем герое, в которых пелось: «Слава твоя высока и чиста, как вершины Кавказа...». Все шесть дней, пока тело Слепцова находилось в Никольской церкви станицы Сунженской, непрерывным потоком шли люди из ближних и дальних мест, чтобы проститься со своим «отцом». Здесь, в Сунженской, он и был погребен.

Слепцова называли бессребренником: все свое жалование и незначительные доходы, доставлявшиеся ему из саратовского имения, он тратил на устройство станиц и обузавление казаков, щедро помогал семьям погибших. После его смерти остались долги, большую часть которых государь, по ходатайству кн. М. С. Воронцова, приказал списать.

24 декабря, когда в Петербурге еще не знали о гибели Николая Павловича, императором был подписан приказ о назначении его на должность командующего Владикавказским военным округом.

По именному повелению от 29 декабря 1851 г. станица Сунженская, заложенная и отстроенная Слепцовым, была переименована в Слепцовскую, а 28 мая 1852 г. его имя внесено на черную мраморную доску Николаевского кавалерийского училища.

Н. П. Слепцов не был женат. Своей семьей он считал многочисленное семейство старшего брата Петра Павловича (в 1851 г. коллежский советник, одно время работал в Военном министерстве, участвовал в составлении «Военного лексикона»), который впоследствии принял на себя труд собрать все биографические материалы о своем брате-герое для составления его полного жизнеописания.

Отец Слепцова умер 78 лет 9 июля 1848 г. от холеры: о смерти матери сведений в фонде нет. Кроме Петра Павловича, у Слепцова были еще два брата — Александр (к моменту гибели Николая Павловича коллежский секретарь) и Степан (военный в отставке, умер в ноябре 1851 г.) и две сестры — Мария и Екатерина.

II

Материалы фонда поступили в Рукописный отдел Пушкинского Дома по акту от 24 июня 1931 г. из Отдела рукописей Библиотеки Академии наук, согласно передаточному списку.¹ Известно, что в БАН архив Н. П. Слепцова был передан в 1902 г. Е. П. Немирович-Данченко, урожд. Слепцовой. Это свод документов, собранных П. П. Слепцовым с целью составления полного жизнеописания брата: материалы к биографии, документы, относящиеся к его службе на Кавказе, переписка с родными, сослуживцами, видными деятелями Кавказской войны; здесь же небольшая часть семейного архива — главным образом переписка отца, П. С. Слепцова.

Материалы были предварительно обработаны в БАН. Современная научно-техническая обработка фонда произведена в 1997 г. в соответствии с архивными требованиями: составлены новые заголовки единиц хранения, часть единиц хранения сформирована заново, часть атрибутирована, составлена опись материалов фонда и научно-справочный аппарат к ней.

В других фондах и разрядах Рукописного отдела материалы Н. П. Слепцова не выявлены.

III

В результате научно-технической обработки фонда было сформировано 66 единиц хранения. Материалы систематизированы в одной описи по 3-м разделам.

В разделе 1.1 «Материалы к биографии и по деятельности» документы, ввиду их немногочисленности, расположены вместе, в одном хронологическом ряду, поскольку в фонде собраны материалы, касающиеся жизни Н. П. Слепцова на Кавказе, полностью отражающие его военную деятельность. В конце 1-го раздела 2 ед. хр., тесно связанные по смыслу с предыдущими: о посмертной передаче Сунженской линии и Первого Сунженского полка и о наследстве Н. П. Слепцова.

В разделе 1.2. «Материалы о фондообразователе» документы расположены в порядке хронологии. Среди них 1 ед. хр., содержащая переписку П. П. Слепцова с разными лицами, касающуюся сбора материалов для биографии брата.

¹ Когда в действительности произошла передача материалов, установить по документам Рукописного отдела не удалось: первая фондовая карточка, составленная в Пушкинском Доме, датируется 23 августа 1930 г., а к 1931 г. относятся, в основном, все списки документов, переданных из БАН в связи с постановлением Президиума АН СССР об изменении профиля хранения Отдела рукописей БАН.

В разделе 2 письма Н. П. Слепцова и к нему расположены в порядке алфавита адресатов и корреспондентов. Имена в переписке аннотированы только в тех случаях, когда возможно было это сделать по сведениям, имеющимся в фонде, или по доступным справочным изданиям.

В разделе 3 представлены материалы родственников, в основном отца, Павла Степановича Слепцова: 1 ед. хр. биографического содержания, затем его переписка с родственниками в порядке алфавита адресатов и корреспондентов.

Материалы других лиц представлены 2 ед. хр. — это записка кн. А. И. Бяратинского к неустановленному лицу и письмо наказного атамана казачьего войска Ф. А. Круковского к командующему в Владикавказском округом генерал-майору М. С. Ильинскому.

Л. В. Герашко

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ СОКОЛОВ-МИКИТОВ
(1892—1975)

Фонд 595

I

И. С. Соколов-Микитов¹ родился 18 (30) мая 1892 г. в уединенном селении Осеки Калужской губернии. Детство провел в глубине смоленских лесов, где его отец служил приказчиком у купца-лесопромышленника. Внутренний мир семьи отличало почтительное отношение к книге.

В десять лет из привычных охотничьих приволлий и лесной тишины будущий писатель попадает в шумный город, в казенную обстановку смоленского реального училища. Безрадостное и малоуспешное обучение завершилось исключением его из пятого класса по подозрению в принадлежности к ученическим революционным организациям.

Вскоре юноша окончательно покидает родительский дом и отправляется в самостоятельную жизнь. Некоторое время занимается на сельскохозяйственных курсах в Петербурге. Поддавшись уговору, в 1911 г. уезжает в Ревель (Таллинн) на должность секретаря частной газеты «Ревельский листок». Здесь началась его литературная деятельность. Ежедневно он писал передовицы, печатал свои рассказы, статьи и стихи.

Однако романтического юношу обуревала энергия дальнейшего познания мира, жажда дальних странствий. Попав в первое плавание на судно «Могучий», он уже не может избавиться от «потрясающего», по его признанию, впечатления от моря и связывает с ним многие годы своей жизни, меняя корабли и страны. В продол-

¹ Кличку «Микитовы» семья Соколовых получила по имени деда писателя — дьякона Никиты. Ряд публикаций подписан: Иван Микитов, И. Соколов, Иван Соколов.

жение этих лет Соколов-Микитов знакомится со многими русскими писателями, печатается в сборниках и журналах.² За годы Первой мировой и гражданской войн он меняет также ряд профессий и занятий, включая, в частности, такие, как моторист на первом русском тяжелом бомбардировщике «Илья Муромец» и учитель «единой трудовой школы» на родной Смоленщине.

В качестве уполномоченного Красной Армии по продовольствию он в 1919 г. исколесил Украину и оказался в Крыму, где хозяйничали деникинцы. Чудом избежав расправы, устроился матросом на шхуну «Дыхтхау» и вновь посетил многие портовые города и страны. В 1920 г., устроившись в Александрии на русский пароход «Омск», отправляется в Англию, где оказывается без работы и без средств к существованию. В 1922 г. И. С. Соколов-Микитов после долгих скитаний получает возможность вернуться в Советскую Россию и до 1930 г. живет в Смоленской губернии.

В 1930-е—1950-е годы в качестве корреспондента ряда газет и по собственной инициативе И. С. Соколов-Микитов много путешествовал по стране. Особо следует отметить его участие в экспедициях за Полярный круг, его оперативно-телеграфные корреспонденции с мест событий в освещении работы советских полярников при освоении Северного морского пути, в описании мужества подводников ЭПРОНа (экспедиции подводных работ особого назначения) при спасении кораблей.

Начало публикаций произведений писателя в серьезных изданиях относится к 1916 г. (цикл рассказов «С носилками», сказка «Соль земли»). Ведущая черта писательского дарования И. С. Соколова-Микитова — талант рассказчика — ярко раскрылся уже в 20-е годы в рассказах о деревне и природе («Тихий вечер», 1923, «У белого камня», 1923, «Бурый», 1924, «На речке Невестице», 1923, «Найден луг», 1924—1926, «Глушаки», 1927), а также в повести «Елень» (1929). Важное место в творчестве писателя занимает повесть «Чижикова лавра» (1926), во многом автобиографичная, посвященная драматическим перипетиям жизни и переживаниям героя, силою обстоятельств оторванного от Родины.

Одно из центральных произведений И. С. Соколова-Микитова, созданное в традициях русской классической литературы — автобиографическая повесть «Детство» (1929—1953), — отмечено проникновенной ясностью картин родного края, пронизано глубоким чувством поэзии.

Неоднократные путешествия И. С. Соколова-Микитова в 1930-е—1940-е годы по отдаленным и малоисследованным уголкам страны запечатлены в книгах очерков «Ленкорань» (1934), «Пути кораблей» (1934), «Летят лебеди» (1936), «Северные рассказы» (1939), «На пробужденной земле» (1941), «Рассказы о Родине» (1947), «По лесам и горам» (1949) и др. В начале 1960-х годов писатель вновь возвращается к теме послереволюционного крестьянства (сборники «На своей земле», 1962, «Былицы», 1962). Ряд книг И. С. Соколова-Микитова переведен на иностранные языки.

² Свои юношеские устремления и скитания писатель отразил в цикле «Голубые дни», в «Морских рассказах» (1926—1927).

С 1923 г. писатель был женат на Соколовой (урожд. Малофеевой) Лидии Ивановне. У И. С. Соколова было три дочери. Лидия и Ирина умерли в раннем возрасте. Дочь Елена утонула в 1951 г. Ее сын — Соколов Александр Иванович.

Умер И. С. Соколов-Микитов 20 февраля 1975 г. в Москве, в своей квартире. Урна с его прахом захоронена на семейном кладбище в Гатчине.

II

Фонд сформирован из нескольких поступлений.

Первое поступление в Рукописный отдел автографов и машинописи произведений И. С. Соколова-Микитова, полученное от фондообразователя, относится к 1964 г. (см. книгу поступлений, № 14) и состоит из произведений цикла «Таймырская экспедиция, 1947» и подготовительных материалов к ним, телеграмм-корреспонденций И. С. Соколова-Микитова ТАСС, «охотничьих» рассказов, цикла рассказов «От весны до весны» и сказки «Лисьи увертки». На основе этого поступления был образован фонд писателя, который пополнялся до 1983 г.

Второе поступление (книга поступлений 1969 г., № 33) от фондообразователя составляют следующие произведения: «Детство», «Весна на Таймыре», «Сын», «Мираж», «В горах Кавказа», «У синего моря», а также копии писем и телеграмм И. С. Соколова-Микитова М. Горькому, А. Прокофьеву, произведения В. Пановой, С. Воронина и др.

Последующие поступления в фонд переданы внуком писателя А. С. Соколовым. В 1976 г. от него поступила часть архива (книга поступлений 1976 г., № 48), состоящая из: 1) статей и рецензий писателя, воспоминаний о А. Куприне, И. Бунине, А. Толстом, М. Пришвине, А. Грине; 2) записей бытового и творческого характера; 3) писем писателя к жене и внуку, к разным лицам; 4) писем разных лиц к И. С. Соколову-Микитову (в том числе А. Куприна, И. Бунина, Н. Пинегина); 5) биографических материалов писателя и др.

В 1978 г. (поступление № 33) в Рукописный отдел переданы: 1) черновики писем И. С. Соколова-Микитова А. Твардовскому (28), к К. Федину (29), деловые письма, копии писем (130) друзьям и знакомым; 2) письма (537) и телеграммы (43) разных лиц И. С. Соколову-Микитову; 3) рукописи И. С. Соколова-Микитова: сказки, рассказы о животных и птицах, сб. «Лесная тропинка», рецензии, статьи, дневники и рабочие тетради, деловые документы, магнитофонные пленки с записью произведений И. С. Соколова-Микитова (7 кассет) и др.

В 1979 г. (поступление № 57) переданы: 1) письма друзей, знакомых, читателей (935) к И. С. Соколову-Микитову, его деловые письма (183), поздравительные письма (168) и телеграммы (98) к нему; 2) наброски к очеркам и рассказам в 8-ми тетрадях И. С. Соколова-Микитова, воспоминания его жены Л. И. Соколовой, рукописи разных авторов (4).

В 1982 г. (поступление № 52) поступило 237 писем и 23 телеграммы К. Федина к И. С. Соколову-Микитову за 1923—1975 годы.

Незначительная часть материалов из архива И. С. Соколова-Микитова хранится также в Институте мировой литературы (ф. 305, 16 ед. хр.).

III

Научно-техническая обработка материалов, находившихся в основном в россыпи и большей частью не имевших авторской датировки, проведена в 1991—1996 гг. В результате научно-технической обработки фонда сформированы 1255 ед. хр., которые систематизированы по 5 описям (1833—1992; б. д.).

1-я Опись «Произведения и подготовительные материалы к ним» состоит из 9 разделов, в которые входят автографы и по преимуществу машинопись произведений фондообразователя. В 1-ом разделе представлены сборники произведений. Следом, со 2-го по 5-й раздел, размещены произведения по жанровому принципу — по мере их значимости в творческом наследии писателя: повести, рассказы, очерки, сказки. К сказкам, составляющим заключительный раздел художественных произведений писателя, присоединены два созданных им сценария кинофильмов. В 6-ом разделе собраны воспоминания И. С. Соколова-Микитова. Статьи, рецензии, выступления, лекции писателя ввиду их немногочисленности в фонде объединены в 7-ом разделе и расположены в общем ряду в порядке хронологии. Такой принцип расположения диктуется и их содержательной стороной. Так, в ряде случаев явления текущей литературной жизни или социальной действительности, затронутые в статьях писателя, становились объектом дальнейшего рассмотрения в его последующих лекциях и выступлениях, связанных одним и тем же временным отрезком его творчества.

Подготовительный материал, не относящийся к конкретным произведениям, наличествующим в описи, систематизирован по жанровому признаку, т. е. к каждому из разделов примыкает та часть этого материала, которая однотипна с ним в жанровом отношении (к повестям и рассказам, к очеркам и т. д.). Подготовительные материалы к произведениям неустановленного жанра выделены в 8-ой раздел. В 9-ом, завершающем разделе описи, собрана та часть творческого наследия писателя, которая представлена в записях на 7 магнитофонных пленках.

Внутри разделов материалы расположены порядке хронологии.

2-я Опись — «Материалы к биографии и по деятельности. Материалы фондообразователя». В первом разделе расположены материалы к биографии: родословная Соколовых-Микитовых, личные документы писателя, автобиографии, материалы, касающиеся его жизни за границей, беседа писателя с Ю. И. Ковалевым о своем творческом пути, библиография произведений, составленная им, юбилейно-поздравительные материалы и документы бытового характера. Во втором разделе — «Материалы о фондообразователе» — документы расположены в порядке хронологии. В разделе

«Фотографии и другие изобразительные материалы» на первом месте, как наиболее ценный, помещен акварельный портрет И. С. Соколова-Микитова работы Н. В. Пинегина. Далее следуют фотографические портреты писателя — одиночные (6) и в группах с различными лицами. К фотографиям И. С. Соколова-Микитова в группе с З. Н. Некрасовой приложена ее фотография в группе с сыном — писателем В. П. Некрасовым, так как они сделаны одновременно, в период пребывания семьи Некрасовых в гостях у И. С. Соколова-Микитова. К портретам раздела примыкают художественные открытки «Старый Смоленск» (13).

В разделе «Документы о литературной и общественно-культурной деятельности» на первом месте расположены материалы, отражающие его творческие интересы, и документы по издательской деятельности, сгруппированные последовательно по издательствам, по редакциям журналов, по редакциям газет СССР, а также по изданиям его произведений за рубежом. Следом идут материалы об издании И. С. Соколовым-Микитовым произведений других авторов. Далее расположены документы о творческих командировках и корреспондентской деятельности писателя и об участии И. С. Соколова-Микитова в общественной и культурной жизни страны.

Внутри перечисленных групп материал располагается по хронологии.

3-я Описание включает переписку И. С. Соколова-Микитова. В 1-ом разделе помещены его письма, во 2-ом — письма к нему. Письма расположены по алфавиту адресатов и корреспондентов.

Письма к И. С. Соколову-Микитову, подписанные несколькими лицами, помещены после писем «индивидуальных» — по алфавиту имен первых корреспондентов. Письма неустановленных адресатов и корреспондентов объединены в одну единицу хранения соответственно в 1-ом и во 2-ом разделах. В особые единицы хранения выделены также письма земляков писателя, читательские письма и письма учащихся-юннатов.

Раздел «Письма к И. С. Соколову-Микитову» завершается произведениями разных авторов с посвящениями либо дарственными надписями И. С. Соколову-Микитову — по алфавиту имен дарителей.

4-я Описание — «Материалы родственников: творческие материалы, материалы к биографии, переписка». На первом месте представлены материалы Соколовой Лидии Ивановны, жены — ее воспоминания и письма к ней. Следом — материалы дочери Ирины и внука Александра Сергеевича. Далее — материалы деда Никиты Сергеевича, а также отца и матери — Сергея Никитича и Марии Ивановны Соколовых.

В 5-ой Описи объединены материалы других лиц. Первый раздел содержит произведения, расположенные по алфавиту имен авторов. Произведения неустановленных авторов расположены по хронологии. Если произведения неустановленных авторов не имеют даты, они располагаются по алфавиту названий. Второй раздел описи составляют письма других лиц, расположенные по алфавиту корреспондентов. Письма неустановленных лиц отнесены в конец раздела.

В. И. Протченко

ПУШКИНСКОЕ ЛИЦЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО (1899—1918)

Фонд 665

I

Пушкинское лицейское общество возникло в год празднования 100-летнего юбилея А. С. Пушкина. На общих собраниях лицейстов в феврале 1899 г. по инициативе А. Л. Соколовского (лицейст XXII курса) обсуждался проект учреждения при императорском Александровском лицее постоянно действующего литературного общества. Членство в Обществе предполагалось предоставлять исключительно бывшим воспитанникам лицея.¹ В начале марта того же года состоялось заседание Комитета лицейстов, на котором возникла дискуссия по вопросу наименования учреждаемого Общества. Предложения были разные: «Союз лицейстов» (А. П. Саломон, лицейст XXXIII курса), «Лицейский Пушкинский кружок» (Г. А. Тройницкий, лицейст XXVI курса), «Лицейское Пушкинское общество» (А. Л. Соколовский). Остановились на последнем.

На общем собрании лицейстов 24 марта был принят Устав Пушкинского лицейского общества, определены его цели. Согласно уставу, Общество состояло из действительных, почетных членов и сотрудников. В действительные члены принимались только бывшие воспитанники Лицея. В почетные члены избирались общим собранием лица, оказавшие особые услуги Обществу, и Попечитель императорского Александровского лицея. Членами-сотрудниками признавались лица, оказавшие содействие Обществу своими трудами и пожертвованиями: Б. Л. Модзалевский, В. И. Саитов, В. В. Сиповский. Делами Общества заведовал Комитет, состоящий из Председателя и 8-ми членов, избираемый Общим собранием. Комитет из своей среды избирал товарища председателя, казначея и секретаря.

4 мая 1899 г. в Царском Селе устав был утвержден и в ведение Общества перешли Пушкинский музей и библиотека.² Позже, в 1901 г., Общество приняло в свое ведение библиотеку-Лицеану.

28 мая, в день освящения в саду Лицея памятника А. С. Пушкину, состоялось первое собрание лицейстов. В дальнейшем годовичные собрания Общества проходили на частных квартирах в годовщину смерти Пушкина — 29 января. Председателем Общества с начала его основания был избран Дмитрий Фомич Кобеко (лицейст

¹ Императорский Царскосельский лицей в 1844 г. был переименован в императорский Александровский и переведен в Санкт-Петербург (Каменноостровский, 21).

² Пушкинский музей императорского Александровского лицея (учрежден 19 октября 1879 г.) начинался с небольшой коллекции изданий Пушкина; со временем предполагалось собрать все отдельные издания поэта и литературу о нем. В дальнейшем были также собраны автографы, рисунки, предметы, принадлежащие поэту, и образовалось музейное собрание. В 1884 г. была основана Лицеана, состоящая из сочинений лицейстов, их биографий, мемуаров и т. д. Таким образом, Пушкинский музей включал в себя три большие коллекции: музейное собрание, книжную Пушкиниану и Лицеану.

XXI курса). В 1906 г. по состоянию здоровья он сложил свои обязанности, и на его место был избран Алексей Сергеевич Ермолов (лицеист XXVIII курса). После смерти Ермолова в 1917 г. на его место был намечен В. Н. Коковцов (лицеист XXIX курса), но выборы в тот год не состоялись. Секретарем Общества, «душой его», более десяти лет был П. Е. Рейнбот (см. биографическую справку о нем ниже). В дальнейшем секретарские обязанности исполняли А. А. Рубец и А. Э. Шольц.

Основной своей задачей Общество ставило поиск пушкинских материалов (рукописей, рисунков, печатных изданий, портретов и т. д.) для приобретения их и пополнения ими собрания Пушкинского музея. На средства Общества были приобретены автографы: «Кавказский пленник» А. С. Пушкина, стихотворение «Байрон» В. К. Кюхельбекера, лицейские письма и тетради М. А. Корфа, записаны и переданы в дар музею картины И. Е. Репина «Пушкин читает перед Державиным оду „Воспоминания в Царском Селе“», автопортрет С. Г. Чирикова, преподавателя рисования в Лицее, а также бюст А. И. Тургенева работы В. Ф. Штейн. Собрание музея ежегодно пополнялось многочисленными частными пожертвованиями членов Общества: А. А. Ильина, Э. Д. Плеске, Н. А. Гастфрейнда, П. Е. Рейнбота, П. М. фон Кауфмана и др.

Лицейское общество поощряло исследования о жизни и творчестве Пушкина. 29 января 1904 г. на общем собрании была учреждена Пушкинская премия. На соискание ее были представлены две работы: «Биография Пушкина» В. В. Сиповского и «Труды и дни Пушкина» Н. О. Лернера. Основываясь на отзывах Б. Л. Модзалевского и В. И. Саитова, комиссия присудила Пушкинскую премию Н. О. Лернеру. Важным вкладом в Пушкинскую библиографию явилось «Описание Пушкинского музея Императорского лицея», составленное членами Общества С. М. Аснашем и А. Н. Яхонтовым и изданное в 1899 г. Члены лицейского Общества участвовали в редактировании и издании пушкинских сочинений. Обществом были изданы книги: «Пушкинская юбилейная литература» (1902), «Бахчисарайский фонтан» (1909).

Во время русско-японской войны в 1904 г. Общество развернуло деятельность по сбору книг для лазаретов и госпиталей. В конце марта 1904 г. в лазареты и госпитали было выслано 350 библиотек на 38 тысяч томов книг. В фонде сохранилось множество писем, записок, уведомлений, пришедших в Комитет Общества от врачей, сестер госпиталей и лазаретов Красного Креста, командиров полков, офицеров военного флота с выражением благодарности за присылку книг.

С 1900 по 1913 г. Общество устраивало музыкально-литературные вечера при императорском Александровском лицее, на которых выступали с докладами, речами, чтением художественных произведений А. Ф. Кони, кн. Д. П. Голицын-Муравлин, П. А. Сабуров и др.

В сложной политической обстановке 1917 г. деятельность лицейского общества приостановилось. Не состоялись выборы в Комитет Общества. В 1917—1918 гг. собрание Пушкинского музея

было передано в Пушкинский Дом. Деятельность Пушкинского лицейского общества прекратилось.

II

Как уже сказано выше, душой Общества был Павел Евгеньевич Рейнбот (1855—1934), лицеист XXXV курса, секретарь Пушкинского лицейского общества. Он родился 10 февраля 1855 г. в д. Петрашовка Кременчугского уезда Полтавской губернии в дворянской семье. Окончил курс императорского Александровского лицея с чином IX класса (выпуск 1877 г.). После окончания Лицея служил в Министерстве юстиции и Министерстве финансов. В 1891—1892 гг. был областным прокурором в Ташкенте. С 1906 по 1917 г. исполнял обязанности юрисконсульта Министерства Народного Просвещения.

С начала образования Пушкинского лицейского общества П. Е. Рейнбот был «главным ревнителем общества». С 1900 по 1911 г. исполнял обязанности секретаря, в 1908 г. был избран почетным членом Общества. Он постоянно участвовал в пополнении коллекции Пушкинского музея, вел большую переписку по выявлению пушкинских материалов. Обогастил музей многими личными пожертвованиями: им были подарены автографы Жуковского, рисунки Бореля, коллекции старых альманахов, пушкинская коллекция, состоящая из 710 книг и брошюр, гравюр, литографий, фотографий. Участвовал в подготовке Пушкинских литературно-музыкальных вечеров, выступал с докладами о художнике-лицейсте Е. Г. Шварце, лицейских альманахах и сборниках 1811—1902 гг. Заведовал Пушкинским музеем, работал над описанием его коллекций.

В 1903 г. П. Е. Рейнбот был избран членом комиссии по изданию сочинений Пушкина при Академии наук. Готовил материалы к изданию Пушкинских сочинений под редакцией П. Е. Ефремова и С. А. Венгерова.

В 1917—1918 гг. совместно с Б. Л. Модзалевским и Н. А. Котляревским осуществил передачу собрания Пушкинского музея императорского Александровского лицея в Пушкинский Дом.

С конца 1920 (официально с января 1921 г.) по 1925 г. П. Е. Рейнбот работал в Пушкинском Доме помощником хранителя, затем хранителем музея. В июне 1925 г. был выслан на Урал (административная высылка), где служил архивариусом областного архива в Свердловске, затем работал в Тюменском окружном архиве. Занимался обработкой архивов XVIII и нач. XIX веков.

13 декабря 1926 г. по Постановлению Особого отдела ОГПУ освобожден от ссылки в Уральскую область с правом проживания повсеместно, кроме столиц и университетских городов. 19 апреля 1927 г. получил разрешение проживать повсеместно. В июне 1927 г., вернувшись в Ленинград, поступил на службу в Пушкинский Дом в должности научного сотрудника II разряда, а с 28 января по 16 ноября 1930 г. работал ученым хранителем библиотеки.

Находясь в Пушкинском Доме, занимался исследованием материалов, касающихся последних лет жизни Пушкина, обстоятельств

дуэли, судьбы его рукописного наследия. Работал над сопоставлением дневников Пушкина и мемуаров А. О. Смирновой-Россет, анализируя ее сложное мемуарное наследие. Подготовил к печати переписку Н. Н. Пушкиной-Ланской и кн. П. А. Вяземского. Занимался историей литературы, библиографией, собирал материалы о русских иллюстрированных книгах XVIII—XIX вв. Совместно с М. Д. Беляевым написал статью «Бюсты Пушкина работы Витали и Гальберга» (Пушкин и его современники. Л., 1928. Вып. 36. С. 200—204). Опубликовал также статью «На мотив сказки А. С. Пушкина (Из практики дореформенного суда)» (А. Ф. Кони. Юбилейный сборник. Л., 1925. С. 180—188). О результатах своих изысканий делал сообщения в научных обществах, для учащихся различных заведений, посещавших Пушкинский Дом.

В 1930 г. уволен со службы в связи с выходом на пенсию. Умер в Ленинграде 26 января 1934 г. Погребен на Смоленском кладбище.

III

Архив Пушкинского лицейского общества был подарен Пушкинскому Дому П. Е. Рейнботом в 1927 г. (см. книгу поступлений за 1924—29 гг., № 625). В составе этого поступления находились материалы по организации и деятельности Общества: журналы заседаний, устав, списки членов, отчеты, программы Пушкинских вечеров, вырезки из газет о Пушкинском обществе, а также переписка членов Общества по организационным вопросам, о пополнении коллекций Пушкинского музея.

В 1925 г. от редакции юбилейного сборника, посвященного А. Ф. Кони, был передан автограф статьи П. Е. Рейнбота «На мотив сказки А. С. Пушкина (Из практики дореформенного суда)» (см. книгу поступлений за 1924—29 гг., № 230). Этот автограф в дальнейшем вошел в состав личного фонда П. Е. Рейнбота. Научные исследования П. Е. Рейнбота — статьи, подготовительные материалы к ним, а также деловая переписка были приобретены у вдовы, Александры Петровны Рейнбот, в 1936 г. Личный архив П. Е. Рейнбота первоначально имел № фонда 545.

В 1995 г. в дар от И. Н. Харламова поступила монография А. А. Ильина «Памятные жетоны императорского Александровского лицея» (см. книгу поступлений за 1995 г., № 34).

IV

Фонд № 665 Пушкинское лицейское общество и личный фонд П. Е. Рейнбота были предварительно разобраны к 1992 г. Настоящая обработка (атрибуция, составление заголовков, систематизация) проведена в 1993—1995 гг.

Личный фонд П. Е. Рейнбота и фонд Пушкинского лицейского общества тематически составляют единое целое, так как предмет научных статей П. Е. Рейнбота — изучение биографии и творчества Пушкина — отвечает основной задаче, которую ставили перед собой лицеисты и, кроме того, деловая переписка, которую вел

фондообразователь с владельцами частных коллекций, содержит дополнительные сведения о деятельности членов Пушкинского лицейского общества по пополнению собрания Пушкинского музея. В связи с этим было принято решение об объединении двух фондов (ф. № 665 и ф. № 545) в один фонд (см. Протокол заседания экспертной комиссии РО ИРЛИ от 5 ноября 1993 г.).

В результате научно-технической обработки сформирован один фонд «Пушкинское лицейское общество», состоящий из 452 ед. хр., систематизированных по двум описям: опись № 1 «Материалы, переписка по организации и деятельности Пушкинского музея императорского Александровского лицея и Пушкинского лицейского общества» и опись № 2 «Материалы секретаря Пушкинского лицейского общества П. Е. Рейнбота: статьи, подготовительные материалы к ним, переписка».

В Описи № 1 раздел 1.1. помещены документы Пушкинского музея, деятельность которого проходила с 1879 по 1899 гг. под покровительством императорского Александровского лицея, а с 1899 г. — Пушкинского лицейского общества. В данном разделе содержатся списки музейных материалов, книга поступлений, планы и расчеты по изданию каталога музейных материалов и др. Здесь же находится «Речь инспектора В. В. Никольского, произнесенная им в день похорон преподавателя лицея Н. Е. Паукера».

В раздел 1.2. входят два подраздела. В 1.2.1. включены делопроизводственные материалы по организации и деятельности Пушкинского общества: журналы заседаний, устав, списки членов общества, программы Пушкинских вечеров, отчеты, постановления, приветственные адреса. Среди них выделены тематические группы материалов: по присуждению Пушкинской премии (заявления, отзывы, заключения), по устройству воинских библиотек (отчет, афиша, листки-уведомления). Документы систематизированы по хронологическому принципу. В конце 1.2.1. расположена ед. хр. со статьями (вырезки из газет) о деятельности Пушкинского лицейского общества.

В подразделе 1.2.2. помещена переписка по организации и деятельности Пушкинского лицейского общества. В 1.2.2.1. включены письма Общества, его Комитета к разным лицам и учреждениям: в основном отпуски, машинописные копии и черновики рукой П. Е. Рейнбота. Систематизированы по алфавиту фамилий адресатов; письма от учреждений даны по хронологии. В 1.2.2.2. вошли письма разных лиц и учреждений в Пушкинское общество. Среди них большой объем писем, касающихся деятельности Общества по устройству воинских библиотек: письма-уведомления с благодарностью за присылку книг. Сюда отнесены также письма, адресованные в Пушкинский музей после 1899 г., так как они попадали непосредственно в Комитет Пушкинского лицейского общества для рассмотрения и работы с ними. Письма систематизированы по алфавиту фамилий корреспондентов и по алфавиту названий учреждений.

Письма членов Пушкинского лицейского общества и разных лиц по вопросам организации и деятельности общества включены в подраздел 1.2.2.3. Большая часть этих писем адресована профес-

сору Лицея — В. В. Никольскому, директору Лицея — А. П. Саломону, председателям Общества — Д. Ф. Кобеко и А. С. Ермолову, а также наиболее деятельным членам — В. Н. Коковцову, В. В. Белюстину. Письма систематизированы по алфавиту фамилий адресатов.

Опись № 2 также состоит из нескольких разделов. В начале раздела 1 «Статьи П. Е. Рейнбота и подготовительные материалы к ним» поставлено раннее стихотворение П. Е. Рейнбота, написанное в лицейскую годовщину в 1876 г. Затем следуют статьи, в основном недатированные и неопубликованные (в порядке алфавита), и подготовительные материалы к ним. Здесь же имеется список статей П. Е. Рейнбота, составленный его женой — А. П. Рейнбот. В конце раздела помещена небольшая группа документов, содержащих сведения о деятельности фондообразователя: письма Рейнботу от учреждений и организаций по вопросам издания Пушкинских сочинений, участия в заседаниях различных комиссий, проведения экскурсий (письма систематизированы по алфавиту названий учреждений) и две единицы хранения со сведениями о владельцах Пушкинских автографов, расположенные в хронологическом порядке.

Раздел «Переписка» имеет два подраздела, куда вошли письма П. Е. Рейнбота к разным лицам, систематизированные по алфавиту фамилий адресатов, и письма П. Е. Рейнботу разных лиц, данные в алфавите фамилий корреспондентов.

Н. А. Прозорова

Л. В. Герашко

ВЫСТАВКА В РЯЗАНИ, ПОСВЯЩЕННАЯ 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Я. П. ПОЛОНСКОГО

С 8 по 28 февраля 2000 г. в Рязани экспонировалась выставка Я. П. Полонского (1819—1898), приуроченная к 180-летию со дня его рождения. Ее инициатором была Областная универсальная библиотека им. А. М. Горького, в филиале которой — небольшом красивом особняке, где в 1858—1860 гг. жил М. Е. Салтыков-Щедрин, — разместилась экспозиция, подготовленная Рукописным отделом и Литературным музеем Пушкинского Дома. Многими этот факт был оценен как одно из тех странных сближений, на которые богата жизнь: в парадном зале дома бывшего вице-губернатора, известного сатирика и критика, когда-то резко отрицательно отзывавшегося о стихах Полонского,¹ расположились документы, свидетельствующие о состоявшейся творческой судьбе, зрелом и полном плоде, который принесла душа поэта.

«Все, чем жила душа моя...» — строчкой из стихотворения Полонского назвали авторы эту выставку. Не имея возможности отразить все многообразие художественных интересов, творческих и личных связей, заключенных в материалах огромного архива,² остановились на одной теме: поэт и его поэзия на фоне важнейших событий жизни, в соприкосновении с судьбами людей, наиболее значительных для его человеческого и творческого становления.

Материалы выставки образуют небольшие смысловые комплексы, которые последовательно отражают вехи жизненного пути Полонского. В начале экспозиции представлена первая из сохрани-

¹ В 1869 г. вышли первые два тома «Собрания сочинений» Я. П. Полонского в 4-х томах, на которые М. Е. Салтыков-Щедрин откликнулся рецензией без подписи в «Отечественных записках» (Сочинения Я. Полонского // Отечественные записки. 1869. № 9. С. 46—50). И. С. Тургенев выступил в защиту поэта открытым письмом в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (1870. 8/20 янв., № 8), в котором отстаивал самобытность поэзии Полонского.

² Архив Я. П. Полонского в Пушкинском Доме, переданный вдовой и сыновьями поэта в 1919 г., насчитывает свыше 2500 единиц хранения (ф. 241).

вшихся рабочих тетрадей поэта — толстый том, заполненный набросками стихов, черновиками прозы, записями путевых впечатлений и дневником. Начатая в 1841 году, она охватывает время окончания Полонским Московского университета, поиски службы, жизнь в Одессе, путешествие вслед за князем М. С. Воронцовым на Кавказ. Рядом с тетрадью небольшие фотографии в рамках: лица университетских товарищей Полонского, — молодых Фета и Аполлона Григорьева, разделявших с ним первые радости творчества; письма Николая Орлова, сына декабриста М. Ф. Орлова, и Аполлона Майкова, относящиеся к середине 1840-х гг. Письмо Александры Осиповны Смирновой (урожд. Россетти), в семье которой Полонский жил в качестве воспитателя ее сына Миши с конца 1855 по июль 1857 г., обозначает очередной поворот в его судьбе: поездка со Смирновыми за границу, где он вскоре с ними расстался, жизнь в Швейцарии, занятия живописью у Ф. Дидэ,³ знакомство в Риме с графом Г. А. Кушелевым-Безбородко, который пригласил Полонского редактировать свой журнал «Русское слово», поездка с семьей графа в Париж, знакомство там с Еленой Васильевной Устюжской,⁴ которая согласилась стать его женой... Истории их короткого семейного счастья, болезни и смерти этой прекрасной и самоотверженной женщины посвящена небольшая группа документов: восторженное стихотворение поэта, адресованное невесте, ее письмо — трогательная записка на ломаном русском языке,⁵ овальный портрет, на котором они сняты вдвоем в полный рост, и выписка из книги Митрофановского кладбища о покупке Полонским земли рядом с могилой его жены.

Среди писем, фотографий и документов следующего десятилетия, отражающих кипучую литературную и общественную деятельность поэта, появляется еще одно женское лицо — это портрет Жозефины Антоновны Рюльман, которая в июле 1866 г. стала его женой и впоследствии родила ему троих детей — Александра, Наталью и Бориса.

Многолетняя дружба Полонского с И. С. Тургеневым обозначена на выставке только одним эпизодом: это приезд писателя в Россию в 1881 г. и пребывание семьи Полонских в Спасском-Лутовинове летом этого года. В витрине письмо Тургенева к Жозефине Антоновне, в котором он сообщает, что снялся по ее просьбе в фотографии Панова; здесь же и сама фотография с дарственной надписью ей Ивана Сергеевича. Письма к Полонскому Жозефины Антоновны и юного Александра Яковлевича сообщают о времяпрепровождении, прогулках и разговорах с хозяином

³ Дидэ Франсуа (Diday François) (1802—1877) — швейцарский живописец, акварелист. Учитель А. Каляма, у которого первоначально хотел брать уроки Я. П. Полонский.

⁴ Е. Н. Крупин, автор статьи о роде Полонских, приводит другое написание фамилии — Ухтюжская, не ссылаясь на документальные источники. См.: Крупин Е. Н. Полонские (потомство войскового товарища Якова Полонского) // Рязанский родословец. Рязань, 1996. Вып. 2. С. 81.

⁵ Елена Васильевна, француженка по матери, неплохо понимала русскую речь, знала много русских песен и романсов, говорила же и писала по-русски с трудом.

усадьбы, совместных играх, сказках, которые он придумывал для маленьких гостей.

Одна из витрин была посвящена отношениям Полонского с великим князем Константином Константиновичем, который избрал его своим литературным наставником и советчиком наряду с А. А. Фетом, А. Н. Майковым, И. А. Гончаровым и Н. Н. Страховым. На выставке представлены письма и телеграмма августейшего поэта, автограф его стихотворения «Незабвенных поэтов бессмертную лиру...», написанного к 50-летию юбилею литературной деятельности Полонского. В 1889 г. Константин Константинович стал президентом Российской Академии наук, членом-корреспондентом которой по Отделению русского языка и словесности с 27 декабря 1886 г. уже состоял Полонский (официальное письмо непрямого секретаря Академии К. С. Веселовского, сообщающего об избрании Якова Петровича, находится здесь же). Материалы, относящиеся к дружескому и творческому общению поэта с А. Н. Майковым, А. А. Голенищевым-Кутузовым, Н. Н. Страховым, И. С. Аксаковым, Н. А. Некрасовым заняли достойное место на выставке. Это письма, главное содержание которых литература — новости, обмен мнениями о стихах, взаимные посвящения, приглашения на литературные вечера и пр.

Широко представлены в экспозиции материалы о праздновании юбилеев Полонского, из которых упомянутый — 50-летие литературной деятельности — превратился в триумф «поэта чистого искусства». Количество писем и телеграмм в архиве огромно. Юбиляра приветствовали известные поэты, писатели, музыканты, художники и общественные деятели, среди которых немало идейных антагонистов, соединившихся на время ради чествования поэта «неотмирного», человека с голубиной душой.

Особенностью выставки стал показ многочисленных живописных работ Якова Петровича: многие рязанцы, знавшие своего земляка как поэта и прозаика, не подозревали, что он был изрядным художником и не оставлял занятий живописью на протяжении всей своей жизни. Так, некоторые эпизоды биографии Полонского проиллюстрированы его этюдами: Германия, Австрия, Одесса, Кавказ, Спасское-Лутовиново, фетовская Воробьевка...

Этапы творческого и духовного становления поэта во всех витринах обозначены автографами его стихотворений. Последнее из представленных на выставке — «Вечерний звон», давшее название одноименному сборнику, за который Полонский в 1891 г. получил Пушкинскую премию. «Вечерний звон» — переключка с «Вечерними огнями» А. А. Фета — дал возможность перейти к документам, запечатлевшим последние годы их дружбы, зародившейся под сенью Московского университета и пронесенной через всю жизнь.⁶

Завершают выставку материалы о последней болезни, смерти и увековечении памяти Я. П. Полонского: духовное завещание; пись-

⁶ Как известно, тринадцатилетний перерыв в их общении был спровоцирован И. С. Тургеневым, который вмешал Полонского в свои идейные разногласия с Фетом. Восстановлению отношений посвящено одно из писем Полонского к Фету, представленное на выставке.

ма жены и детей друг к другу и другим лицам, где сообщается о ходе болезни; выписка из метрической книги Пантелеймоновской церкви в Петербурге о смерти поэта. Письмо Анны Григорьевны Достоевской к Жозефине Антоновне со словами соболезнования представляет целую группу подобных писем и телеграмм, хранящихся в архиве. Речь А. А. Голенищева-Кутузова на заседании Академии — одна из многих статей и выступлений, которыми литераторы и ученые откликнулись на смерть едва ли не последнего из плеяды замечательных поэтов «последпушкинского» периода русской литературы. Завершающие документы экспозиции относятся к учреждению под председательством Ж. А. Полонской Литературно-художественного кружка имени Я. П. Полонского, задуманного как продолжение его знаменитых «пятниц», и к передаче архива и личных вещей Я. П. Полонского в Пушкинский Дом.

В дополнение к подлинным документам, представленным на выставке, была сделана подборка копий писем к Полонскому А. А. Григорьева, Ф. И. Тютчева, Н. А. Некрасова, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, И. Е. Репина, П. И. Чайковского, А. Г. Рубинштейна.

Выставка работала три недели. Устроители, сотрудники Рязанской областной библиотеки, сделали все от них зависящее, чтобы о ней узнали те, кто интересуется литературной историей родного города: информация об экспозиции «Все, чем жила душа моя...» неоднократно передавалась по местному телевидению, отзывы о ней печатались в прессе.⁷ Среди многочисленных посетителей были работники библиотек и музеев, преподаватели и студенты рязанских вузов, учителя и школьники. Не будет преувеличением сказать, что выставка, посвященная Я. П. Полонскому, всколыхнула культурную общественность Рязани и поддержала подвижнические усилия местных литературоведов и краеведов, которые много сделали для подготовки и празднования 180-летия со дня рождения поэта в декабре 1999 года. Основной темой отзывов, оставленных в книге посетителей, наряду со словами благодарности инициаторам выставки и Пушкинскому Дому, предоставившему свои материалы, была мысль о необходимости продолжения этого культурного начинания, о помощи и поддержке людям, трудящимся над изучением и сохранением культурных традиций своего края, со стороны таких научных центров, каким является Институт русской литературы Академии наук.

Продолжая добрый и полезный обычай публиковать в изданиях Пушкинского Дома отчеты о его выставках, помещаем здесь топографию экспозиции «Все, чем жила душа моя...», посвященной 180-летию Я. П. Полонского. Фототопография, материалы об открытии выставки 8 февраля 2000 г. в Рязани, печатные отклики на нее и отзывы посетителей, материалы о праздновании юбилея на родине поэта, переданные рязанскими полоноведами, присоединены к фонду Я. П. Полонского в Рукописном отделе и собранию фототрафий Литературного музея.

⁷ *Касаткин В.* Поэту-земляку посвящается // Рязанские ведомости. 2000. 16 февр.; *Маслова О.* Светлые тени прошлого // Приокская газета. 2000. 11 февр.

Авторы экспозиции В. С. Логинова и Л. В. Герашко выражают глубокую признательность директору Рязанской областной библиотеки Л. А. Прониной, заместителю директора по научной работе С. В. Выропаеву, заведующей отделом краеведения В. В. Безугловой, заведующему филиалом А. А. Бабенко и другим сотрудникам библиотеки за всемерную помощь в оформлении выставки. К сожалению, уже не прочтет слов нашей благодарности старейшая сотрудница Литературного музея Пушкинского Дома Н. Н. Фоякова, ушедшая из жизни 23 июля 2002 г. Знаком биографии и творчества Полонского, она внесла весомый вклад в изучение и описание его живописных работ. Ее доброжелательными и квалифицированными консультациями авторы пользовались во время работы над концепцией экспозиции.

ТОПОГРАФИЯ ВЫСТАВКИ*

Витрина 1.

Полка 1.

1. Я. П. Полонский. «Все, чем жила душа моя...». Стихотворение. Черновой автограф. Б. д. 1 л. № 11178.
2. Я. П. Полонский. Фотография. 1859 г. 21 × 16. № 27060.
3. Письмо Н. М. Орлова Я. П. Полонскому от 6 февр. 1843 г. 2 л. № 12310.
4. Письмо А. Н. Майкова Я. П. Полонскому от 20 окт. 1847 г. 2 л. № 12220.
5. А. Н. Майков. Фотография М. Б. Тулинова. Москва. Кон. 1850-х—нач. 1860-х гг. 9,3 × 6. № 20604.
6. А. А. Григорьев. Фотография Бутримовича. С.-Петербург. 1860-е гг. 8,8 × 5. № 30668.
7. А. А. Фет. Фотография М. Б. Тулинова. Москва. 1862 г. С дарственной надписью А. А. Фета Н. Мосолову. 9 × 6. № 21909.

Полка 2.

1. Рабочая тетрадь Я. П. Полонского, начатая в 1841 г., с набросками стихотворений, дневниковыми записями и рисунками. Автограф. 173 л. № 11061.
2. Я. П. Полонский. Фотография П. Робийяра. С.-Петербург. 1862 г. 8,7 × 5,3. № 21205.
3. Я. П. Полонский. Фотография. 1863 г. 9,5 × 6. № 21201.
4. Подорожная, выданная Я. П. Полонскому. Тифлис. 24 авг. 1847 г. 2 л. № 12767.
5. Свидетельство Кавказского отдела имп. Русского географического общества об избрании Я. П. Полонского в действительные члены. Тифлис. 26 марта 1851 г. 2 л. № 12779.

* Все рукописные материалы, названные в топографии, находятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома; изобразительные (живопись, фотографии) — в Литературном музее ИРЛИ.

6. Пейзаж с озером. Этюд Я. П. Полонского. Б. д. Картон, масло. 20,7 × 26,8. № 1794.

Полка 3.

1. Аренбургский замок на о. Эзеле. Этюд Я. П. Полонского. 1879 г. Картон, масло. 21,5 × 27. № 1753.
2. Окрестности Карлсбада (?). Этюд Я. П. Полонского. 1880 г. Дерево, масло. 19 × 32. № 1796.
3. Швейцария. Лугано. Этюд Я. П. Полонского. 1895 г. Картон, масло. 20,5 × 26. № 1779.
4. Швейцария (?). Этюд Я. П. Полонского. Б. д. Картон, масло. 16 × 27. № 1762.

Витрина 2.

Полка 1.

1. Я. П. Полонский. Стихотворение, посвященное Е. В. Устюжской, его невесте. Автограф. <1858 г.> 2 л. № 13183.
2. Я. П. и Е. В. Полонские. Фотография. <1858 г.> 22 × 16,5. С автографами Я. П. и Е. В. Полонских. № 27061.
3. Записка Е. В. Полонской Я. П. Полонскому. 1859 г. 1 л. № 13189.
4. Выпись из книги Митрофановского кладбища о покупке Я. П. Полонским земли рядом с могилой его жены. 3 авг. 1860 г. 2 л. № 13186.
5. Я. П. Полонский. Фотография И. Александровского. 1860 г. 8,4 × 5,4. № 21203.
6. Я. П. Полонский. Фотография. 1860 г. С дарственной надписью Б. М. Микешину на обороте. 8,5 × 5. № 21204.

Полка 2.

1. Ж. А. Полонская. Фотография. 1867—1868 гг. 19 × 14. № 27129.
2. Я. П. Полонский. Фотография 1866 г. 22,5 × 17. № 1364.
3. Я. П. Полонский. Фотография И. А. Гоха. С.-Петербург, 1860-е гг. 13 × 9,5. № 21209.
4. Письмо Я. П. Полонского П. И. Вейнбергу от 21 апреля 1887 г. 2 л. Ф. 62, оп. 3, № 383.
5. Я. П. Полонский. Фотография. «Русская фотография». С.-Петербург. 1887 г. На обороте дарственная надпись П. И. Вейнбергу. 20 × 12,8. № 19392.
6. Письмо П. И. Вейнберга Я. П. Полонскому. 1880-е гг. 2 л. № 11958.
7. П. И. Вейнберг. Фотография. Ателье «Рембрандт». Одесса. Конец 1880-х гг. 19,4 × 13. № 35273.

Полка 3.

1. Бад-Гаштейн. Австрия. Этюд Я. П. Полонского. 1878. Картон, масло. 21,5 × 26,5. № 1764.

2. Окрестности Павловска. Этюд Я. П. Полонского. 1878 г. Картон, масло. 21 × 27. № 1793.
3. Вид Одессы. Этюд Я. П. Полонского. 1883 г. 28 × 33. № 537.
4. Море. Этюд Я. П. Полонского. Б. д. Картон, масло. 24 × 33. № 1731.

Витрина 3.

Полка 1.

1. Черновик письма Я. П. Полонского Н. А. Некрасову от 7 апр. 1871 г. 2 л. № 11802.
2. Н. А. Некрасов. Фотография С. Л. Левицкого. С.-Петербург. 1871—1872 гг. 13,5 × 8,7. № 20315.
3. Письмо Я. П. Полонского К. П. Победоносцеву, касающееся И. С. Тургенева, от 2 мая 1881 г. 2 л. № 11761.
4. К. П. Победоносцев. Фотография А. И. Денъера. С.-Петербург. 1870-е гг. С автографом. 16,2 × 10,5. № 20300.
5. Письмо Я. П. Полонского И. С. Тургеневу от 1 сент. 1882 г. 2 л. № 11813-а.
6. Письмо М. Г. Савиной Я. П. Полонскому от 26 сент. 1882 г. 2 л. № 12417.
7. М. Г. Савина. Фотография Ш. Бергамаско. С.-Петербург. 1880 г. С дарственной надписью Я. П. Полонскому от 26 дек. 1880 г. 16,6 × 11,5. № 21396.
8. Письмо И. Н. Крамского Я. П. Полонскому от 19 марта 1885 г. 2 л. № 12170.

Полка 2.

1. И. С. Тургенев. Фотография М. Панова. Москва, 1880 г. С дарственной надписью Ж. А. Полонской 1881 г. 23 × 18,3. № 30469.
2. Письмо И. С. Тургенева Ж. А. Полонской от 25 авг. 1881 г. 2 л. № 11814.
3. Ж. А. Полонская. Фотография И. А. Гоха. С.-Петербург. 1870-е гг. 13,5 × 9,5. № 21172.
4. Письмо Ж. А. Полонской Я. П. Полонскому от 27 мая 1881 г. 2 л. № 11815.
5. Письмо А. Я. Полонского Я. П. Полонскому от 31 мая 1881 г. 2 л. № 11815.
6. А. Я. Полонский в детстве. Фотография. Б. д. 13,7 × 10. № 90781.
7. Спасское-Лутовиново. Этюд Я. П. Полонского. 1881 г. С дарственной надписью И. С. Тургеневу. Картон, масло. 21,5 × 27. № 1730.
8. Я. П. Полонский. Фотография В. Высоцкого. Киев, 1887 г. (?). 13,8 × 10. № 1528.

Полка 3.

1. Спасское-Лутовиново. Варнавицкий колодец. Этюд Я. П. Полонского. 1881 г. Картон, масло. 33 × 25. № 1768.

2. В ночном. Этюд Я. П. Полонского. 1881 г. Картон, масло. 15 × 21. № 1783.
3. Спасское-Лутовиново. Шалаш в лесу. Этюд Я. П. Полонского. 1881 г. 27 × 17. № 1718.
4. Вид Спасского-Лутовинова. Этюд Я. П. Полонского. 1881 г. Дерево, масло. 12,5 × 13,5. № 597.

Витрина 4.

Полка 1.

1. Константин Константинович, вел. князь. Фотография А. Семенико. С.-Петербург. 1896 г. С автографом. 19 × 13. № 19349.
2. Константин Константинович, вел. князь. «Незабвенных поэтов бессмертную лиру...». Стихотворение, посвященное 50-летию юбилею литературной деятельности Я. П. Полонского. 10 апр. 1887 г. Автограф, с конвертом. 3 л. № 11801.
3. Телеграмма вел. кн. Константина Константиновича Я. П. Полонскому от 26 сент. 1889 г. 1 л. № 11800.
4. Письмо Я. П. Полонского вел. кн. Константину Константиновичу от 18 июня 1890 г. 4 л. № 11799.
5. Письмо А. Ф. Онегина (Отто) Я. П. Полонскому от 18 июля 1887 г. 2 л. № 12305.
6. Я. П. Полонский. Фотография А. И. Денъера. С.-Петербург. 1886 г. Подписная. 32,3 × 22,5. № 30453.

Полка 2.

1. Письмо И. С. Аксакова Я. П. Полонскому от 28 апр. 1864 г. 2 л. № 11853.
2. И. С. Аксаков. Фотография А. И. Денъера. С.-Петербург. Середина 1870-х гг. 16,4 × 10,5. № 22400.
3. Письмо гр. А. К. Толстого Я. П. Полонскому от 23 мая 1875 г. 2 л. № 12506.
4. А. К. Толстой. Фотография Schemboche. Турин. 1875 г. (?). 16,3 × 10,6. № 21711.
5. Письмо гр. А. А. Голенищева-Кутузова Я. П. Полонскому от 3 апр. 1884 г. (?). 2 л. № 12027.
6. А. А. Голенищев-Кутузов. Фотография А. Пазетти. С.-Петербург. 1880-е. 15 × 10,5. № 30900.
7. Письмо Н. Н. Страхова Я. П. Полонскому от 5 мая 1883 г. В тексте письма стихотворение А. А. Фета «Я. П. Полонскому». 2 л. № 12487.
8. Письмо А. Н. Майкова Я. П. Полонскому. 1880-е гг. 2 л. № 12220.
9. Письмо Я. П. Полонского А. Н. Майкову от 2 сент. 1890 г. 2 л. № 11753.
10. А. Н. Майков. Фотография А. И. Денъера. С.-Петербург. 1890 г. 22,5 × 15. № 26923.
11. Извещение о панихиде по А. Н. Майкову. 8 марта 1897 г. 2 л. № 12220.

12. Отношение неперменного секретаря Академии наук К. С. Веселовского к Я. П. Полонскому об избрании его чл.-корреспондентом по Отделению русского языка и словесности от 27 дек. 1886 г. 2 л. № 12774.

Полка 3.

1. Я. П. Полонский. Фотография. 1886 г. 20 × 13,5. № 47484.
2. Я. П. Полонский. «15 июня 1888 г.» («Жизнь без Христа не жизнь, а сон...»). Стихотворение. Черновой автограф. 2 л. № 11402.
3. Я. П. Полонский. Предисловие к сборнику «Вечерний звон». Черновой автограф. 1890 г. 2 л. № 11172.
4. Я. П. Полонский. «Вечерний звон». Корректурa стихотворения из 3-го тома Полн. собр. стихотворений в 5-ти т. (СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1896). 1 л. № 11172.
5. Письмо Д. С. Мережковского Я. П. Полонскому от 26 дек. 1892 г. К письму приложено стихотворение Д. С. Мережковского, посвященное Я. П. Полонскому. Автограф. 2 л. № 12261.
6. Мережковский Д. С. Фотография Д. Здобнова. С.-Петербург. 1890-е гг. С автографом 1898 г. 14 × 10,5. № 20682.
7. Письмо З. Н. Гиппиус Я. П. Полонскому от 16 апр. 1892 г. 2 л. № 12260.
8. З. Н. Гиппиус. Фотография Д. Здобнова. С.-Петербург. 1890-е. С дарственной надписью неустановленному лицу 1896 г. 17,3 × 10,7. № 90051.
9. Вид на море с террасы. Этюд Я. П. Полонского. Картон, масло. 18,5 × 38,3. № 1756.

Витрина 5.

Полка 1.

1. Я. П. Полонский с дочерью Натальей. Фотография. 1890-е гг. 13,5 × 10. № 88017.
2. Ж. А. Полонская. Фотография П. Жукова. С.-Петербург. 1900-е гг. 14 × 10,5. № 90756.
3. Письмо Ж. А. Полонской А. Я. Полонскому от 17 октября 1898 г. 1 л. Ф. 241, № 255.
4. А. Я. Полонский. Фотография. Флоренция. 1910-е гг. 15 × 10,7. № 27139.
5. Б. Я. Полонский. Фотография. 1898 г. С дарственной надписью брату Александру на обороте. 14,7 × 10,2. № 90772.
6. Б. Я. Полонский. Фотография А. Рентца и Ф. Шрадера. С.-Петербург. 1912 г. С автографом Б. Я. Полонского. 14 × 10,3. № 90663.
7. Н. Я. Елачич (урожд. Полонская) с мужем Н. А. Елачичем. Фотография. Конец 1890-х гг. 18 × 12,7. № 27135.
8. Н. Я. и Н. А. Елачичи. Фотография А. Рентца и Ф. Шрадера. С.-Петербург. 1909 г. С автографами. 13,7 × 10. № 6818.

9. Н. Я. и Н. А. Елачичи с детьми Георгием и Николаем. Фотография. 1907 г. С автографом. 10 × 12,2. № 90668.
10. Ж. А. Полонская с внуками Георгием и Николаем Елачичами. Фотография П. Жукова. С.-Петербург. 1990-е гг. 11 × 14,5. № 90754.

Полка 2.

1. Я. П. Полонский в своем кабинете. Фотография. 1896 г. 11,2 × 16,7. № 90763.
2. Гостиная в квартире Я. П. Полонского в С.-Петербурге (дом Ралль на углу Знаменской и Бассейной улиц). Фотография. Б. д. 22,8 × 29. № 30456.
3. Вид из окна квартиры Я. П. Полонского на Знаменскую улицу. Фотография Б. Я. Полонского. 17,4 × 12. № 21246.
4. А. О. Смирнова (урожд. Россетти). Фотография. 1870-е гг. 20 × 12,7. № 4764.
5. Письмо А. О. Смирновой Я. П. Полонскому от 5/17 окт. 1856 г. 2 л. Ф. 241, № 204.
6. Дети Я. П. и Ж. А. Полонских — Наталья, Александр, Борис. Фотография А. Ясвина. С.-Петербург. 13,5 × 10. № 20194.
7. Письмо Н. Я. Полонской Я. П. Полонскому. 1884 г. 2 л. Ф. 241, № 264.
8. Письмо Н. Я. Полонской Ж. А. Полонской от 3 дек. 1879 г. 2 л. Ф. 241. № 261.
9. Н. Я. Полонская. Фотография Е. Мрозовской. С.-Петербург. 13,7 × 10,4. № 21184.

Полка 3.

1. Письмо Я. П. Полонского А. А. Шеншину (Фету) от 18 янв. 1888 г. 2 л. № 11843-а-1.
2. Я. П. Полонский в гостях у А. А. Фета в Воробьевке. Фотография С. Д. Боткина. 1891 г. На обороте аннотация М. П. Шеншиной. 18,4 × 13. № 90767.
3. Я. П. Полонский в гостях у А. А. Фета в Воробьевке. Фотография С. Д. Боткина. 1890 г. 20 × 20,4. № 47483.
4. Я. П. Полонский и А. А. Фет. Фотография С. Д. Боткина. 1891 г. С надписью на обороте М. П. Шеншиной: «Я. П. Полонский и Аф. Фет, говорящие о бессмертии души». 18 × 12,5. № 46080.
5. Я. П. Полонский, Ж. А. Полонская, А. Я. Полонский, Б. Я. Полонский, Н. Я. Полонская, А. А. Фет, М. П. Шеншина, А. И. Ост (управляющий имением) в Воробьевке. Фотография С. Д. Боткина. 1890 г. 24 × 18. № 27071.
6. Я. П., Ж. А., А. Я., Б. Я., Н. Я. Полонские, П. Д. Боткин в имении Боткиных Тихий Хутор, Курской губернии. Фотография С. Д. Боткина. 1890 г. 21 × 25,5. № 27072.
7. Письмо Я. П. Полонского М. П. Шеншиной от 21 июля 1892 г. 2 л. № 11843-а-3.
8. Вид усадьбы А. А. Фета Воробьевка. Этюд Я. П. Полонского. Картон, масло. 16 × 20,5. № 2267.

Стенд 1.

1. Телеграмма И. Е. Репина в связи с 60-летием со дня рождения Я. П. Полонского. 1879 г. № 13068.
2. Я. П. Полонский. Фотография. «Русская фотография». С.-Петербург. 1887 г. На обороте дарственная надпись П. И. Вейнбергу. 20 × 12,8. № 19392.
3. Телеграмма М. Н. Каткова Я. П. Полонскому в связи с 50-летием его литературной деятельности. Апрель 1887 г. 1 л. № 13005.
4. А. Я. Полонский. «Отцу-юбиляру». Стихотворение. Автограф. 10 апреля 1887 г. 1 л. № 12980.
5. А. Я. Полонский. Фотография. 1889 г. 17 × 12. № 27140.
6. Объявление Я. П. Полонского о посвящении всех его стихотворений, написанных с апреля 1887 г., участникам 50-летнего юбилея его литературной деятельности. Типограф. экз. Б. д. 2 л. (1 чист.). № 13042.
7. Я. П. Полонский. Фотография А. Рентца и Ф. Шрадера. С.-Петербург. 1895 г. 14 × 10. № 21239.
8. Я. П. Полонский. Фотография А. Рентца и Ф. Шрадера. 1895 г. 14 × 10,5. № 21228.
9. Я. П. Полонский. Фотография В. Высоцкого. Киев. 1895 г. 14 × 10. № 21236.
10. Телеграмма В. С. Соловьева Я. П. Полонскому в связи с 75-летием со дня рождения. 1895 г. 1 л. № 13092.
11. Стихотворение неизвестного 15-летнего поэта-крестьянина к 75-летию Я. П. Полонского. Автограф. 2 л. № 13077-79.

Стенд 2.

1. Я. П. Полонский в своем кабинете. Фотография. 1896 г. 11 × 16. № 1806.
2. Духовное завещание Я. П. Полонского, составленное 10 сент. 1898 г. Рукой С. С. Занальского. 2 л. Ф. 241, № 214.
3. Письмо Ж. А. Полонской Л. И. Поливанову от 28 сент. 1898 г. Черновик. 2 л. № 13191.
4. Выписка из метрической книги С.-Петербургской Пантелеймоновской церкви о смерти Я. П. Полонского от 18 окт. 1898 г. 2 л. № 13096.
5. Речь чл.-корр. Академии наук гр. А. А. Голенищева-Кутузова о творчестве Я. П. Полонского, прочитанная им в публичном заседании Академии 29 дек. 1898 г. Типограф. экз. 4 л. № 13178.
6. Письмо А. Г. Достоевской Ж. А. Полонской от 25 окт. 1898 г. 3 л. (1 — конв.). № 13105.
7. Письмо Ж. А. Полонской редактору газ. «Рязанское утро». Б. д. 2 л. № 13195.
8. Устав Литературно-художественного кружка им. Я. П. Полонского, включающий список его членов. 1900 г. Типограф. экз. 11 л. Ф. 238, № 441.
9. Расписка Б. Л. Модзалевского о получении и выдаче денег на перевозку архива и личных вещей Я. П. Полонского, передан-

ных семей поэта в Пушкинский Дом. Август 1919 г. Автограф.
1 л. Дело фонда № 241 (Я. П. Полонского).

Стенд 3.

1. Ф. И. Тютчев. Фотография С. Л. Левицкого. Б. д. С.-Петербург. 14 × 10. № 5465.
2. Н. А. Некрасов. Фотография С. Л. Левицкого. С.-Петербург. 1871—1872 гг. 13,5 × 8,7. № 20315.
3. П. И. Чайковский. Фотография А. А. Пазетти. С.-Петербург. 1880-е гг. 14 × 10. № 21939.
4. А. Г. Рубинштейн. Фотография. Гамбург. 1889 г. 14 × 10. № 21363.
5. Группа членов Литературно-художественного кружка им. Я. П. Полонского. Фотография А. Рентца и Ф. Шрадера. С.-Петербург. Б. д. На паспорту автографы членов кружка. 34 × 49. № 2607.

Н. А. Прозорова

**ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ XIX—XX ВЕКОВ,
ПОСТУПИВШИХ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ИНСТИТУТА
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН
В 1993—1995 ГОДАХ**

Рукописный отдел Института русской литературы выражает глубокую благодарность за принесение в дар архивных материалов В. П. Гарнину, Д. А. Гранину, К. Н. Григорьяну, Н. К. Гринберг, Н. В. Гумилевой, В. Е. Гусеву, Л. Г. Даниловой, В. А. Дьякову, Н. А. Жданович, В. Е. Заводчиковой, С. П. Залыгину, И. И. Земцовскому, А. К. Каюмовой, Н. Г. Князевой, М. И. Кузнецовой, Н. А. Маковской, В. Ф. Маркову (США), В. В. Мещурову, А. С. Морщиной, Т. С. Назаровой, Г. Е. Нестеровой-Курочкиной, И. Ю. Неустроевой, Т. Г. Петровой, М. Н. Петровской, Т. Л. Рахмановой, В. К. Романовой, В. М. Русакову, В. Рыковой (Швейцария), И. А. Салтыковой, Б. Ф. Семенову, Л. Н. Сморгону, В. В. Соколовскому, С. А. Соловьеву, В. С. Стенину, Ю. П. Сырникову, Н. А. Токаревой, С. М. Турковой-Шолоховой, И. Н. Харламову, Е. М. Царенковой (Фроман), Дж. Шерону (США), Т. В. Шишмаревой, сотрудникам библиотеки ИРЛИ, научно-исследовательской ассоциации «ТАСК», компании «Марк РИЧ + КО АГ» (Швейцария), редакции журнала «Русская литература», организаторам выставки и конференции, посвященной Е. Г. Гуро, а также выражает признательность памяти дарителей А. А. Александрова, В. П. Астафьева, В. Н. Баскакова, В. В. Конецкого, Д. С. Лихачева, К. Д. Муратовой, А. В. Сусловой, Н. И. Ховрякова, Н. С. Шепелевой.

НОВЫЕ ФОНДЫ

Державин Константин Николаевич (1903—1956), филолог, историк зарубежной литературы, переводчик, театровед. Ф. 859.*

* Информацию о ф. 859 К. Н. Державина см. в следующем «Ежегоднике».

ДОПОЛНЕНИЯ К ФОНДАМ

Бекетова Мария Андреевна (1862—1938), переводчица, мемуаристка, детская писательница. Фонд 462.

Письма к Н. Н. Бекетову Н. А. Бекетова 24 (1851—1863), Е. Н. Бекетовой (в замуж. Енишерлова) 27 (<1854>—1864).

Веселовский Александр Николаевич (1838—1906), филолог, историк и теоретик литературы. Фонд 45.

<Воспоминания о Пыпине А. Н.>. Фрагмент чернового автографа (после 1904). «Мы долго ждали вас...», «Дождь с утра моросит...» и др. Стихотворения и эпиграммы. Беловой и черновой автограф (1892; б. д.).

Записная книжка (1900-е). Фотографии одиночные 7 (1894; б. д.). Фотографии в группе 3 (конец 1890-х). Письма к А. С. Усовой 953 (1888—1906). Письма к нему А. С. Усовой 317 (1886—1906), А. М. Шишмаревой (1901), неустановленных лиц 2 (1903—1905).

Записи о течении болезни А. Н. Веселовского, сделанные А. С. Усовой. Автограф <1906>. Приходно-расходный листок по ведению хозяйства в усадьбе Кораваево (1902). Письма А. С. Усовой к Е. А. Веселовской (1880-е), А. А. Веселовскому 3 (1897—1906), В. Ф. Шишмареву 3 (б. д.; б. г.), А. М. Шишмаревой (<1904>). Письма к А. С. Усовой Ф. А. Брауна (1902), Е. А. Веселовской (1880-е), И. Ламакина (1906), В. Ф. Шишмарева 2 (1906). Фотографии одиночные А. С. Усовой 4 (1850-е; 1914—1915; б. д.). Фотографии А. С. Усовой в группе с А. Н. Веселовским, Н. А. Котляревским, Поповыми, Шишмаревыми, Игельстремами и др. 6 (1916; б. д.).

Формулярный список о службе А. И. Шишмарева. Копия (1848).

Личные документы Ф. А. Шишмарева (1837—1872), фотографии 9 (1890-е; 1952).

Материалы А. М. Шишмаревой. Воспоминания «В деревне», «Гимназические годы», «Знакомые матери и ее друзья», «Воспоминания», «Мать и бабушка». В тетрадях и на отдельных листах. Автограф, машинопись, машинопись с авторской правкой (<1945>; б. д.). Фотографии одиночные 9 (1912—1950) и в группе с В. Ф. Шишмаревым, Т. В. Шишмаревой 4 (<1905>—1922; 1930-е).

Материалы Т. В. Шишмаревой. Воспоминания «Юрий Алексеевич Васнецов», «О трех друзьях (Васнецов, Курдов и Чарушин)», «Вера Зенькович», «Владимир Васильевич Лебедев» (варианты), «Сарра Лебедева», «Николай Андреевич Тырса», «Анна Михайловна Шишмарева, урожденная Усова, моя мать» (варианты). Черновой и белой автограф, авторизованная машинопись, машинопись с авторской правкой, машинопись, машинописная копия (1992; б. д.).

Фотография групповая В. Ф. Шишмарева и Ф. Ф. Шишмарева (1926).

Волошин (наст. фам. Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877—1932), поэт, художник. Фонд 562.

Стихотворения «На дне преисподней», «Бойня», «Потомкам», «Готовность», «Москва», «Из бездны», «Родина», «Стенькин суд», «Россия», «Молитва о городе», «Дом поэта», «Таноб», «Четверть века», «Владимирская Богоматерь», «Аделаида Герццык», «Китеж», «Неопалимая купина», «Хвала Богоматери», «Северо-восток», «На вокзале», «Заключение о русской земле» и др. Автограф, авторская машинопись с незначительной правкой, копии рукой А.А. и А. Д. Бойковых (1900—1929; б. д.).

Письмо к неустановленному лицу (Анне Дмитриевне) (1921).

Запись Е. Л. Тюлиной со слов М. С. Волошиной о встрече с архиепископом Лукой (в миру В. Ф. Войно-Ясенецкий) с упоминанием М. А. Волошина (1991). Рукой Е. Л. Тюлиной.

Гарин Н. (наст. имя и фам. Николай Егорович (Георгиевич) Михайловский; др. псевд. Гарин-Михайловский) (1852—1906), прозаик, публицист, инженер-путеец. Фонд 69.

Письма Н. Г. Михайловского и Н. В. Михайловской (жена) к В. И. Чарыкову (отец Н. В. Михайловской) и М. Д. Засецкой (мачеха). Копии рукой И. Сельских с сопроводительным ее письмом к О. Н. Михайловской 5 (1879) (<1967>). Фотопортреты Н. Г. Гарина-Михайловского одиночные, в группе с женой, братьями, дочерью, сыном, племянниками, крестьянами 17 (1878—1904, б. д.). Пригласительный билет на открытие памятника Н. Г. Гарину-Михайловскому на Волковском кладбище (1907).

Письма Н. В. Михайловской к О. Н. Михайловской (1929), Е. Н. Чирикову 3 (1916).

Материалы О. Н. Михайловской (дочь). Воспоминания. Машинопись (1959). Автобиография. Автограф (<1943>—1945). Записи из родословной семьи Н. Г. Гарина-Михайловского. Автограф (б. д.). Письма к И. М. Юдиной (1975), неустановленным лицам 2 (1977; б. г.). Письма к ней М. М. Гаген (урожд. Пламеневская) 2 (1970), А. А. Галяшина 33 (1960—1980), А. М. Моревой (урожд. Пламеневская) (1970), Н. О. Мунц (1973), Е. П. Пешковой (1963), М. Хазанова (1965), В. А. Чивилихина (б. д.), Б. В. Яковлева 2 (1952), издательства «Детская литература» 2 (1973), музея Института русской литературы (Пушкинский Дом) (1976). Список фотографий из семейного архива Н. Г. Гарина-Михайловского, представленных для издания книги Л. Н. Тыняновой «Неукротимый Гарин» (М., 1974). Рукой О. Н. Михайловской, машинопись (1973).

Материалы Н. Н. Михайловской (дочь, в замуж. Субботина). «Воспоминания о моем брате Сереже». Автограф и машинопись (1928). Письма к ней Н. Ф. Бельчикова (1952), М. М. Гаген (1970), А. А. Галяшина 9 (1963—1969), Л. В. Кувитановой (1969).

Фотографии родственников Н. Г. Гарина-Михайловского: Н. Г. Михайловской (сестра, в замуж. Слободзинская) в группе (<1910>), Н. Н. Михайловской 3 (1899—1968), А. Н. Михайловского (сын) 2 (1904, 1908), Г. Н. Михайловского (сын) 2 (1894, 1905), С. Н. Михайловского (сын) 6 (1898—1915; б. д.), Н. Г. Михайловского (внук) (1970), М. В. Неустроевой (внучка) 2 (1946—1947),

Н. В. Михайловской (первая жена, урожд. Чарыкова) одиночные 4 (1878—1897) и в группе 7 (1897—1913), В. А. Садовской (вторая жена, урожд. Дубровина) в группе с детьми (1904), Б. К. Терлецкого (воспитанник) (1907), детей (родные и приемные) 3 (1900—1906), А. М. Субботина (зять) с Н. В. Субботиной (1918). Фотография крейсера, на котором состоялась свадьба Н. Н. Михайловской-Субботиной и А. М. Субботина (1903).

Фотографии имени Н. Г. Гарина-Михайловского, сделанные с гравюр К. Ф. Печурского. Переснимки 5 (1968). Фотографии деревни Гундоровки Сергиевского района Куйбышевской области 9 (1964). Фотографии жителей деревни Гундоровка 6 (1964). Фотографии школы и литературной экспозиции в ней в деревне Богдановка 4 (1976). Планы деревни Богдановка 2 (1928). Рисунки М. И. Степанова.

Письма Общества друзей московского государственного музея им. А. П. Чехова к А. М. Перльбах об организации в музее отдела, посвященного Н. Г. Гарину-Михайловскому 2 (1927).

Евгеньев-Максимов Владислав Евгеньевич (1883—1955), литературовед. Фонд 719.

Письма к Е. С. Гутман (Шалиной) 9 (1943—1947), Я. С. Какно (1952), М. М. Шольсону 3 (1951—1952). Письма в Центральный (ныне: Российский) государственный архив литературы и искусства и в Государственную публичную библиотеку им. Ленина (ныне: Российскую государственную библиотеку) с просьбой разрешить М. М. Шольсону работать с рукописями 2 (1952—1953). Письмо к нему С. Макашина (1940).

Письмо В. А. Дьякова к С. А. Фомичеву с приложением корректуры II тома книги В. Е. Евгеньева-Максимова «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова» (М.; Л., 1950). Типограф. экз. с правкой В. Е. Евгеньева-Максимова и дарственной надписью М. М. Шольсону (1950; 1994).

Константин Константинович (Романов; псевд. К. Р.; 1859—1915), вел. князь, поэт, переводчик, драматург, президент Академии наук. Фонд 137.

Фотопортрет Романовой Веры Константиновны, княгини императорской крови, дочери Константина Константиновича (1992).

Матюшин Михаил Васильевич (1861—1934), художник, композитор, теоретик музыки. Фонд 656.

Каталог выставки, проходившей в Карлсруэ: «Matjuschin und die Leningrader avantgarde. Eine Ausstellung im Badischen Kunstverien Karlsruhe. 27 April—9 Juni 1991» [«Матюшин и Ленинградский авангард»]. Stuttgart; München, 1991.

Каталог и буклет выставки, проходившей в Вашингтоне, Лос-Анджелесе, Нью-Йорке: «Kazimir Malevich. 1878—1935» [«Казимир Малевич. 1878—1935»]. New-York, 1991; то же. New-York, 1991.

Олег Константинович (Романов; 1892—1914), князь императорской крови, сын вел. кн. Константина Константиновича, издатель факсимиле рукописей А. С. Пушкина, поэт. Фонд 214.

«Князь Олег». (Пг., 1915). Типограф. экз. С карандашными пометами Н. С. Шепелевой (б. д.).

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837), поэт. Фонд 244.

М. А. Таранов. «О муза пламенной сатиры...» (Эпиграммы А. С. Пушкина). Альбом автолитографий. Экз. № 7.

Пушкинское лицейское общество (1899—1918). Фонд 665.

А. А. Ильин. «Памятные жетоны императорского Александровского лицея». Монография. Ксерокопия с типограф. экз. (1911).

Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957), писатель. Фонд 256.

Письмо к неустановленному лицу (1948). Письма к Ю. П. Одарченко (рукой А. М. Ремизова, в том числе от лица разных корреспондентов) 31 (1946—1950).

«Повесть о двух зверях. Ихнелат» (Париж: Оплешник, 1950). Типограф. экз. с автографом А. М. Ремизова на обороте титульного листа (1955). «Круг счастья. Легенды о царе Соломоне. 1877—1957» (Париж: Оплешник, 1957). Типограф. экз. с автографом А. М. Ремизова (1957) и дарственной надписью В. Ф. Маркову рукой <Н. В. Резниковой?>. «Подстриженными глазами. Книга узлов и закрут памяти» (Париж: Утса-Press, [1951]). Типограф. экз. с дарственной надписью В. Ф. Маркову (1956).

Стихотворение Ю. П. Одарченко «Я умираю бессловесно...». Автограф (б. д.).

Сакулин Павел Никитич (1868—1930), историк литературы. Фонд 272.

Письмо к нему Комитета Друзей Л. Н. Толстого по ознаменованию 10-летия со дня его смерти (1920).

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889), писатель. Фонд 366.

Материалы к библиографии произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина и литературы о нем на языках народов СССР и иностранных языках: переписка с национальными и республиканскими библиотеками, выписки из книг, журналов, газет и др. Собраны В. Н. Баскаковым (1966—до нач. 1970-х гг.).

Шолохов Михаил Александрович (1905—1984), писатель. Фонд 814.

«Они сражались за Родину». Фрагмент машинописи 1-й книги романа с незначительной правкой автора (<1960>). «С партией, с народом». <Заметка>. Машинопись (<1966>). Приветствие пограничникам к дню 30-летия пограничных войск СССР. Автограф (<1948>). «Почетный адрес кооперативной артели „Терпенье и труд хоть кого перетрут“ председателю артели М. М. Шолохову, чле-

нам артели А. М. Шолохову, Н. Ф. Каргину и др.» (в шуточной форме). Автограф (б. д.).

<Ответы на вопросы анкеты>. Автограф (<1959>). Программа пребывания в Венгрии. Машинопись (б. д.). Поздравительные адреса в связи с празднованием его 60-летнего юбилея от Союза советских журналистов, Советского комитета стран Азии и Африки, Всесоюзного общества «Знание», агентства печати «Новости». Рукой неустановленного лица, машинопись, типограф. экз. (1965). Фото-портреты в группе с женой и дочерью (конец 1930-х), с А. Н. Косыгиным и А. М. Турковым (1974). Фотографии, сделанные на съемках кинофильма «Тихий Дон» 3 (<1931>). Фотографии могилы М. А. Шолохова 2 (1984).

Письма к А. А. и С. А. Турковым 13 (1947—1979). Телеграмма к нему К. А. Федина (1967).

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

Алексеев Владимир Сергеевич (1903—1942), поэт.

Поэмы «Война», «Два октября», «Шаги», «Железные дороги», «Голубосвод», «Актер», «Райский сад», «Ванька-Каин», «В далекое чужое», «Иерусалим» и др. В тетрадях и на отдельных листах. Беловой и черновой автограф (1920—<1925>). Стихотворения «Сумароков», «Петербург», «Фауст», «Что же молодость отгремела...», «Не нужны тому науки...», «Россия», «Мать», «Вторая молодость», «Песня о куске хлеба», «Яхта» и др. Автограф и машинопись (1920—1941; б. д.). Стихотворения. В тетрадях и на отдельных листах. Автограф (1918—1937). Рукописные сборники стихотворений «Земные песни», «Голубые дни», «Капли», «Навстречу миру» и др. Автограф (1920—1928). «Воззвание к революции». Повесть о М. Ю. Лермонтове. Черновой автограф, машинопись с правкой автора (б. д.). «Происшествие, грозившее мировой катастрофой». Рассказ. Автограф (1924). «Александр Блок». Очерк. Автограф (б. д.). Фотопортрет одиночный с дарственной надписью Л. О. Раковского (1938). Фотоальбомы с фотографиями членов семьи Алексеевых и других лиц. Ксерокопии (<1860-е—1930-е>).

Письмо к М. С. Алексеевой (1941). Письма к нему Е. Поль (1926), Т. Кудрявцевой (б. д.).

Г. Э. Сорокин. «Памяти Блока». Стихотворение с посвящением В. С. Алексееву. Автограф (1922).

Алексеев С. А. см. Аскольдов.

Аронсон Марк Исидорович (1901—1937), писатель, литературовед, переводчик, альпинист.

Рассказы «Кара-Тау», «Человек и его сахар», «Голос закона», «16 августа», «Симфония большого города», «Смерть», «Дорога», «Охотники», «Холод», «Случайные геологи», «Торг», «Эдельвейс», «Скалы во льду» и др. Автограф, машинопись, машинопись с правкой автора (<1920-е>; 1935; б. д.). Поэма «Альпы». Автограф (1925). Повесть «Золото на Ингуре». Машинопись с правкой автора

(1931). «Смешав два разных ремесла...». Стихотворение (2 варианта). Автограф (б. д.). «Сванетия. Книжка для детей младшего возраста». Макет. С дарительной надписью А. К. Углову. Автограф (1931). «Альпинистические рассказы». План сборника. Автограф (б. д.).

Автобиографии (4). Черновой автограф, машинопись (1935). Диплом об окончании Венского университета. Копия (1927). Дневниковые записи, записная книжка, блокнот с путевыми заметками (1932). «Мои восхождения и перевалы». Список перевалов и пиков, на которые совершены восхождения. Автограф (б. д.).

Б. Фрид. «По Балкарии». <Очерк>. Черновик рукой неустановленного лица, часть текста рукой М. И. Аронсона (б. д.). Б. Фрид. «По Кабарде и Балкарии». <Путевые заметки>. В 2-х тетрадях. Рукой неустановленного лица с пометами рукой М. И. Аронсона (б. д.). О. Лейпунский. «Пик Селла». <Очерк>. Рукой неустановленного лица с замечаниями М. И. Аронсона (б. д.). В. Перлин. «Небывалый штурм». <Очерк>. Машинопись с правкой (б. д.).

Аскольдов (наст. фам. Алексеев) Сергей Алексеевич (1871—1945), философ, критик, публицист.

«Моя хозяйка Аграфена...», «Завещание внуку». Стихотворения. Автограф (б. д.). «Четыре времени года. Сентиментальная поэма». Автограф (б. д.). «Перспектив предпологаемого издания учебника товароведения». Машинопись (1927—1928). Личные документы С. А. и Е. М. Алексеевых и М. А. Челищевой (1845—1849). Заявление в суд по поводу расторжения брака его дочери. Автограф (1955). Фотопортреты 3 (<1880-е—1920-е>). Письма к А. С. Алексеевой 3 (1941—1954). Письма к С. А. и Е. М. Алексеевым Л. Рождественской (нач. 1920-х).

Л. И. Львов. «Воспоминания об Аскольдове». Ксерокопия с машинописи (1962).

Оттиск статьи «Достоевский и Чехов» А. С. Глинки-Волжского с дарственной надписью С. А. Аскольдову (<1913>). Фотопортрет одиночный В. В. Тимофеевой-Починковой с дарственной надписью С. А. и Е. М. Алексеевым (1910; 1911).

Ахматова Анна Андреевна (1889—1966), поэтесса.

«Поэма без героя». Автограф, авторизованная машинопись. Авторский экземпляр, подаренный Л. Н. Гумилеву (1959—1960). «Anno Domini» (Пг.: «Petropolis», 1921). Типограф. экз. с пометами и авторской дарственной надписью Л. Н. Гумилеву (1931). «Корейская классическая поэзия». Перевод А. Ахматовой (М., 1956). Типограф. экз. с авторской дарственной надписью Л. Н. Гумилеву (1956). «Стихотворения» (М., 1958). Типограф. экз. с авторской дарственной надписью Л. Н. Гумилеву (1958). «Бег времени» (М.; Л., 1965). Типограф. экз. с авторской дарственной надписью Л. Н. Гумилеву (1966).

Белый Андрей (наст. фам. и имя Бугаев Борис Николаевич) (1880—1934), прозаик, поэт, теоретик символизма, критик, мемуарист.

«Моя жизнь». Роман в 7-ми частях. Часть I. «Котик Летаев». Черновой автограф и машинопись (<1915—1916>).

Духовное завещание. Автограф с записями рукой А. М. Поццо и Т. Г. Трапезникова, удостоверяющими подлинность завещания (1916). Фотопортреты 3 (1915—1916; б. д.).

Письмо к Ф. Ф. Кокошкину и пояснительная записка к письму И. И. Земцовского (б. д.).

«Путевые заметки» (т. I. «Сицилия и Тунис») (М.; Берлин: Геликон, 1922). С дарственной надписью А. Белого А. А. Тургеневой (1922).

Рисунки (9) А. А. Тургеневой. Калька, перо, тушь (б. д.). Письмо к А. А. Тургеневой дирекции Государственного литературного музея с благодарностью за присланные ею материалы (б. д.).

Вишневский Всеволод Витальевич (1900—1951), писатель.

Письма к И. Зельцеру 5 (1936), С. К. Вишневецкой (1941), А. М. Файко <1930-е>.

Гессен Арнольд Ильич (1878—1976), литературовед.

Письма к И. П. Барановской 3 (1970—1973).

Грибоедов Александр Сергеевич (1795, по др. сведениям 1790—1829), поэт, драматург, дипломат.

«Горе от ума». Комедия. Список рукой неустановленного лица (1826). «Горе от ума». Комедия. Список рукой неустановленного лица (<XIX в.>).

Гумилев Николай Степанович (1886—1921), поэт, переводчик, критик.

В. Б. Трофимова. «Николай Степанович Гумилев: научно-вспомогательный библиографический указатель». Дипломная работа. Машинопись (1993).

Ермилов Владимир Владимирович (1904—1965), литературовед.

Письмо к М. Б. Коносову (1956).

Житков Борис Степанович (1882—1938), писатель.

Письма к Д. Хармсу 13 (1935—1937).

Курочкин Виктор Александрович (1923—1975), писатель.

Фотопортреты. Переснимки. 4 (1945; 1974—1975).

Лебедев-Кумач (наст. фам. Лебедев) Василий Иванович (1898—1949), поэт.

«Два письма», «Балтийцам-лыжникам». Стихотворения. <Автограф> (б. д.).

Лесман Моисей Семенович (1902—1985), пианист, библиофил, коллекционер.

Рукописные материалы деятелей русской истории, культуры и литературы XIX—XX вв. из коллекции М. С. Лесмана: творческие

рукописи, переписка, авторские и дарительные надписи, изобразительный материал, а также документы по деятельности культурно-просветительских и издательских организаций. Переданная часть коллекции М. С. Лесмана включает материалы о жизни и творчестве поэтов, писателей, переводчиков, художников, музыкантов, филологов. В их числе: П. Г. Антокольский, Н. Н. Асеев, Э. Багрицкий, К. Д. Бальмонт, Л. С. Бакст, Ю. К. Балтрушайтис, Ф. Д. Батюшков, А. И. Безыменский, В. В. Бианки, В. М. Богданов-Березовский, В. П. Боткин, А. А. Блок, Л. Д. Блок, Ю. Н. Верховский, М. Н. Волконская, С. А. Есенин, А. Ф. Кони, А. П. Коптяев, Н. О. Лернер, И. М. Наппельбаум, Н. К. Михайловский, О. Н. Ольнем, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Д. И. Писарев, А. Г. Рубинштейн, А. Д. Скалдин, А. В. Туфанов, Н. А. Тэффи, К. И. Чуковский, Т. Л. Щепкина-Куперник, Б. М. Эйхенбаум, И. И. Ясинский и др. Среди материалов — беловые и черновые автографы, авторизованная машинопись, машинопись, наборные рукописи и др.*

Мей Лев Александрович (1822—1862), поэт.

«Н<иколаю> Н<иколаевичу> Л<ипину>. Послание 1». Стихотворение. Рукой неустановленного лица (А. Е. Ф.) (1867).

Генеалогическое древо семьи Липиных, родственников Л. А. Мея по линии сестры Ю. И. Мей (в замуж. Липина). Машинопись (1980-е).

Морковин Вадим Владимирович (1903—1973), поэт, прозаик.

Воспоминания. Машинопись с правкой (б. д.).

Пастернак Борис Леонидович (1890—1960), поэт, переводчик, прозаик.

Письма к М. М. Морозову 2 (1942—1947).

Перцов Виктор Осипович (1898—1980), литературовед.

Письмо к М. Б. Конасову (1954).

Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893), поэт, переводчик, прозаик, драматург.

«Люби, пока любить ты можешь...». Перевод стихотворения Ф. Фреймергата. Список рукой неустановленного лица (1861).

Распутин Валентин Григорьевич (р. 1937), прозаик.

Письмо к И. А. Салтыковой (1990).

Скалдин Алексей Дмитриевич (1889—1943), писатель.

«Музей Чижа». Рассказы. Макет книги. Текст А. Д. Скалдина. Автограф. Иллюстрации Ю. Д. Скалдина. Бумага. Перо, тушь, карандаш (<1929—1933>).

* Материалы коллекции М. С. Лесмана находятся в научно-технической обработке и будут доступны исследователям после завершения комплектования коллекции и ее научного описания.

Ю. Д. Скалдин. Рисунки, наброски к книгам издательств «Сеятель», «Время», «Синяя птица» и др. Обложки книг, выполненные также И. Рербергом, М. Кирнарским и др. Типограф. экз. (1920—1930-е).

Сморгон Лев Наумович (р. 1929), скульптор.

Портреты А. А. Ахматовой, М. И. Цветаевой, В. Б. Кривулина. Гравюра и рисунки 6 (1966—1994).

Суслова Анна Владимировна (1903—1999), филолог, лингвист, специалист в области ономастики.

Монолог Прометея из неоконченной драмы И.-В. Гете «Прометей». Перевод с нем. яз. А. В. Сусловой. Авторизованная машинопись (1994). Автобиографическая заметка «Выход из трагедии — творчество» и комментарий к переводу из Гете. Автограф, авторизованная машинопись (1994).

Е. Н. Харкевич. «Воспоминания о Смольном институте». <Очерк>. Машинопись с пометами и комментариями А. В. Сусловой (<1980-е>).

Твардовский Александр Трифонович (1910—1971), поэт.

Письмо к М. Б. Конасову (1955). Письмо к нему М. Б. Конасова (б. д.).

Ховряков Николай Иванович (1918—2001), экономист, литератор.

Рецензия на библиографию произведений С. Есенина (1914—1959), составленную В. Белоусовым для пятитомного собрания сочинений, и сопроводительное письмо в Институт мировой литературы им. А. М. Горького. Машинопись (1959).

Письмо к П. Ф. Юшину (1967). Письма к нему В. Г. Базанова (1958), В. В. Базанова (1977), В. Г. Белоусова 2 (1959—1960), С. П. Кошечкина (1959), Н. И. Кулича 3 (1957—1960), В. Н. Орлова (1959), В. С. Потапова (1959), Ю. Л. Прокушева 17 (1959—1966), Н. А. Решетовской (1967), С. Д. Снегина (1980), А. И. Солженицына 2 (1967), П. Ф. Юшина 14 (1964—1972) с приложением биографии П. Ф. Юшина и пригласительного билета на юбилей.

Ходасевич Владислав Фелицианович (1886—1939), поэт, мемуарист.

Письма к нему А. И. Ходасевич 2 (1923).

Чарская (наст. фам. Чурилова, урожд. Воронова) **Лидия Алексеевна** (1875—1937), поэт, прозаик.

Фотопортрет с дарственной надписью М. С. Таропани (<1913>).

Цветаева Анастасия Ивановна (1894—1993), писательница.

Письма к О. Д. Головиной 2 (1991), И. И. Подвысоцкой 37 (1978—1986).

Шишков Вячеслав Яковлевич (1873—1945), писатель.
Письма к М. Я. Мороз-Шишковой 3 (1927—1938).

Из собрания Л. М. Соскина: произведения «вольной русской литературы» («самиздат») Н. Я. Агнивцева, А. А. Ахматовой, М. А. Булгакова, С. Б. Велицкого, В. С. Высоцкого, Е. А. Евтушенко, О. Э. Мандельштама, Ф. Ф. Мирошниченко, Б. Л. Пастернака, Ф. Ф. Раскольников, Б. А. Слуцкого, А. И. Солженицына, А. Т. Твардовского, А. Н. Толстого, В. Ф. Ходасевича и др. Автографы, списки, машинописные копии (1960-е—1980-е).

Тетрадь неуставленного лица со списками стихотворений И. Никитина, Я. Полонского, П. Щербины и др., стихотворением Е. И. Марениной «Радость и горе», текстами песен и романсов на стихи А. Кольцова, В. Соллогуба и др. (1859—1863).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А. Г. 185
А. Е. Ф. 511
Абамелек-Лазарев С. С. 27, 293, 294, 331, 332
Абамелек-Лазарева (урожд. Демидова) М. П. 294—296, 331, 332
Абрамов Е. М. 10, 15
Абрамов П. А. 229
Абрамова-Калицкая В. П. 229, 230
Абросимова В. Н. 76
Абу Э. 143
Авенариус В. П. 218
Аверин Б. В. 127, 132
Авилова Е. 54
Авинова (псевд. Иван Странник) А. М. см. Аничкова А. М.
Агапов М. М. 225
Агапова Г. И. 224, 229
Агапова (в замуж. Бороздина) А. 230
Агапова (в замуж. Витберг) Г. 229
Агапова (урожд. Баумгартен) М. Е. 225
Агапова С. 225
Агаповы 242, 243
Агнивцев Н. Я. 513
Агриппина 169, 171
Адамшина О. 331
Адрианов С. А. 85, 284, 323
Азадовский К. М. 229, 230, 340
Азадовский М. К. 340
Азов В. А. 78, 79, 83, 92
Акимов Н. П. 108
Аккерман Ф. 104
Аксаков 36, 330
Аксаков И. С. 60, 138, 140, 208, 493, 498
Аксаков К. С. 157
Аксаков С. Т. 5, 152
Аксаковы 185, 204, 206
Алафузовы 421
Алданов (наст. фам. Ландау) М. А. 445
Александр I, русский император 46
Александр II, русский император 32, 145
Александр III, русский император 23, 99, 241, 246, 319, 338
Александр Македонский 167, 197
Александра Георгиевна, вел. кн. 220
Александра Иосифовна, вел. кн. 31
Александра Федоровна, русская императрица, жена Николая I 31, 45, 311, 337
Александра Федоровна, русская императрица, жена Николая II 337, 339
Александров А. А. 503
Александров А. Н. 126
Александровский И. 495
Алексеев В. С. 393, 395, 508
Алексеев М. П. 277
Алексеев С. А. см. Аскольдов С. А.
Алексеева А. С. 509
Алексеева Е. М. 509
Алексеева М. С. 508
Алексей, цесаревич, сын Николая II 337
Алексина Р. М. 177, 180
Алида Карловна, смотрительница Пушкинского Дома 304
Алин Н. П. 418
Алин П. Н. 419
Алина (урожд. Ржевина) А. Д. 418
Алины 410, 413, 418, 419, 420, 424
Алмазов Б. Н. 154, 191, 192
Алпатов М. В. 105, 130
Альдим Н. см. Слепнев Н. В.
Альтман М. С. 445
Альтшуллер М. Г. 20
Амфитеатров А. В. 82, 91, 94, 440, 445
Амфитеатрова И. В. 445
Амфитеатров-Кадашев В. А. 445
Ананьин 107
Ананьин Е. А. 445
Ананьина И. 445
Андерсон В. 435
Андреев И. Н. 233, 234
Андреев Н. Б. 310, 337
Андреев Н. П. 435
Андреева М. Ф. 120
Андрей Белый 229, 454, 509, 510
Андрей Владимирович, вел. кн. 338
Андроников (Андронников) И. Л. 110, 131
Аникин Н. 75
Аничков Е. В. 441, 445, 446
Аничков И. Е. 446
Аничкова (урожд. Авинова, псевд. Иван Странник) А. М. 446

- Аничкова Е. Е. 446
 Аничкова (в замуж. Перфильева) М. Е. 446
 Анке, профессор 205
 Анна, прислуга Сологубов 262
 Анна Иоанновна, русская императрица 332
 Анненков П. В. 37, 38, 134, 137, 138, 149, 188, 199, 327
 Анненкова Г. А. 37
 Анненский см. Кривич В.
 Антипин 418, 425
 Антипин В. Ф. 414, 424
 Антипин М. Ф. 424
 Антокольский П. Г. 511
 Антонелли Д. 33
 Аронсон М. И. 509
 Арапов О. 12, 13, 20
 Арапов П. Н. 158
 Аргашев (Семенов) С. 446
 Аргентов В. Н. см. Серебренников В. Н.
 Аристипп 399, 407
 Арнольди Л. И. 185
 Аронсон М. И. 508
 Арсеньева Е. С. 64
 Артизов А. 95
 Артинов В. 76
 Архангельский А. Г. 377, 390
 Арцимович (урожд. Жемчужникова) А. М. 124
 Асеев Н. Н. 475, 511
 Аскольдов (наст. фам. Алексеев) С. А. 508, 509
 Аснаш С. М. 486
 Астафьев В. П. 503
 Астафьева Е. Я. 475
 Астроданцев Д. В. 109, 118
 Ася Израилевна, соседка А. Д. Скалдина 399
 Афанасьев А. Н. 162, 167, 184
 Ахлопкина В. Н. 70
 Ахматова А. А. 80, 82, 85, 117, 123, 128, 509, 512, 513
 Ахутин А. Н. 267
 Ахутин Н. И. 233—235, 238, 240—242, 244, 252, 254, 256, 261, 264, 267, 270, 271
 Ахутина А. М. 241, 254, 271
 Ахутина Е. Н. 240, 241
 Ахутины 240, 244, 247, 250, 254, 256, 262, 265, 267, 269
 Ашукин Н. 330
 Б. Н. 94
 Бабенко А. А. 495
 Бабкин Д. С. 7, 21
 Бабст И. К. 184
 Багрицкий Э. 511
 Баевский В. С. 218
 Баженов П. Д. 118, 119
 Базанов В. В. 512
 Базанов В. Г. 75, 512
 Базегский А. П. 243
 Базунов В. И. 188
 Байрон Д. Г. 29
 Бакст Л. С. 130, 472, 511
 Бакулин В. И. 425
 Бакунин М. А. 199
 Балакин А. Ю. 215
 Балакирев М. А. 327
 Балашов 238
 Балашова 238
 Балтрушайтис (урожд. Оловянишника) М. И. 440, 446
 Балтрушайтис Ю. К. 446, 511
 Бальзак О. 335
 Баньковский В. А. 310, 337
 Бальмонт К. Д. 511
 Баранова Л. Д. 402
 Барановская И. П. 510
 Барановский Ф. 446
 Баратов 211, 212
 Бардовский А. А. 393, 395
 Барскова В. Л. 446
 Бартнев П. И. 37, 40, 207
 Бартнев Ю. Н. 25, 28, 37, 40, 45
 Бартенсон В. Б. см. Бертенсон В. Б.
 Барышникава Н. А. 108, 118
 Бяратинский А. И. 478, 480
 Басендовский 254
 Басаков В. Н. 42, 43 284, 323, 336, 503, 507
 Баташевы 147
 Батюшков К. Н. 217, 218, 221—223
 Батюшков П. Н. 223
 Батюшков Ф. Д. 62, 216, 219, 511
 Баулер А. В. см. Гольштейн А. В.
 Бауман Е. К. см. Скалдина Е. К.
 Баумгартен М. Е. см. Агапова М. Е.
 Бахтин Н. 453
 Бахтина В. А. 427
 Баяндина И. 421, 424
 Бебутова Е. 105
 Бегичева М. С. 128
 Бедный Демьян см. Демьян Бедный
 Безобразов 339
 Безуголова В. В. 495
 Безыменский А. И. 511
 Бекетов Н. А. 504
 Бекетов Н. Н. 504
 Бекетов П. П. 5
 Бекетова (урожд. Енишерлова) Е. Н. 504
 Бекетова М. А. 504
 Беккер 184
 Беклемишев В. А. 325
 Беклин А. 406, 408
 Бек-Софиев (Софиев) Ю. 466
 Белецкий А. И. 412, 422, 436, 437
 Белинский В. Г. 149, 157, 169, 171, 306, 323
 Белкин В. П. 104, 123, 130
 Беллини В. 160
 Белобородов А. Я. 446, 454, 463

- Белобров С. П. 31
 Белоброва О. А. 31
 Белов А. 43
 Белоголовый Н. А. 184
 Белозерская (урожд. Ген) Н. А. 123, 124
 Белоусов В. 512
 Белоусов В. Г. 75
 Белоусов В. Г. 512
 Белый Андрей см. Андрей Белый
 Бельский В. И. 476
 Бельчиков Н. Ф. 505
 Белостин В. В. 490
 Белявская О. А. 447
 Беляев И. Ф. 318, 341
 Беляев М. Д. 272, 273, 277, 279, 282, 289, 290, 294, 295, 298, 300, 302, 306, 312, 313, 320, 327, 329, 332, 335, 338, 342, 488
 Беляев Ю. Д. 290, 329
 Бем А. Л. 27, 33, 34, 38, 40—43, 447
 Бенуа А. Н. 120, 130, 447
 Бенуа Н. А. 120
 Беранже П. Ж. 380
 Берг Н. В. 166, 180, 181, 205
 Бергамаско Ш. 497
 Бергман К. 464
 Берков П. Н. 339
 Берковский Г. М. 381
 Бернс Р. 144
 Бертенсон (Бартенсон) В. Б. 39, 40, 46
 Бестужев-Рюмин К. Н. 134—136, 149, 152, 161, 162, 166, 172, 175, 177—179, 184, 185, 187, 194, 199, 208, 213
 Бесчастнов Д. 447
 Бехтерев В. М. 281
 Бианки В. В. 511
 Бибиков В. И. 220
 Бикли О. Д. 456
 Билибин И. Я. 130
 Бирон 332
 Бирон Э. И. 332
 Бл-ский И. И. 241
 Благовещенский 143
 Благодаров Я. И. 21
 Благой Д. Д. 281
 Благодаров Э. 190—192
 Бланш (Blanche) Ж. 103
 Блинчевская М. Я. 172
 Блок А. А. 63, 80, 82—84, 90, 120, 127, 292, 330, 390, 402, 454, 508, 511
 Блок Л. Д. 105, 511
 Блудова А. Д. 35, 45, 58
 Блюментрост (Блументрост) Л. Л. 286, 324
 Богатов 295
 Богатырев П. Г. 436, 437
 Богданова М. П. 119
 Богданов-Березовский В. М. 126, 131, 511
 Богдановы-Березовские 123
 Боголюбов В. Ф. 330
 Боголюбов Н. Н. 447
 Богомолов Н. А. 330, 347
 Богословский М. М. 274, 318, 341
 Богословский Б. П. 410
 Богословский И. С. 422
 Богословский П. С. 409—412, 416, 417, 421—437
 Богословский С. С. 422
 Богучарский В. Я. см. Яковлев В. Я.
 Бодиско Е. К. 170, 172, 173
 Бойко О. И. 64
 Бойковы А. А. и А. Д. 505
 Бойто А. 348
 Бокова В. М. 136, 165
 Болховитинов Е. 5
 Бондарчук А. В. 113
 Бонди Ю. М. 118, 123, 124, 323
 Бонч-Бруевич В. Д. 81, 82, 93
 Борель 487
 Борисов-Мусатов В. Э. 130
 Борисова-Мусатова Е. Э. 104, 123, 130
 Бороздин Г. О. 230
 Бороздина 198
 Бороздина А. см. Агапова А.
 Бороздина П. А. 339
 Бороздина П. О. см. Розенштейн П. О.
 Бороздины 225
 Боткин В. П. 33, 134, 137—141, 146, 149, 151—153, 155, 157, 158, 160, 164, 165, 170, 173—178, 180, 186—190, 192, 194—196, 198, 200—202, 204, 205, 208—214, 216, 217, 273, 279, 284, 285, 323, 511
 Боткин Вл. П. 323
 Боткин Д. П. 285, 323
 Боткин М. П. 323
 Боткин П. Д. 500
 Боткин Пав. П. 323
 Боткин Петр. П. 323
 Боткин С. Д. 500
 Боткин С. П. 184, 323
 Боткина А. П. 195
 Боханов А. Н. 337
 Бочкарев В. А. 7
 Брадже И. И. 142
 Браудо Е. М. 84
 Браун Ф. А. 504
 Браусевич Л. Т. 111
 Брачев В. С. 283
 Бренев (псевд. Черный) Н. Н. 391, 394
 Брискович 110
 Бродский Н. Л. 140, 149, 171, 279, 281, 323
 Брокгауз Ф. А. 157, 218, 334
 Брошниковская О. 339
 Бруни Т. Г. 111
 Брюллов А. П. 110, 131
 Брюллов К. П. 110, 111, 131
 Брюллов П. А. 111
 Брюллова (в замуж. Владимирова) Л. П. 110, 111
 Брюсов В. Я. 228, 229, 447
 Брюсова И. М. 447

- Брюханов Н. 93
 Брянцев А. А. 108
 Бубнов Н. Н. 447
 Буданова Н. Ф. 135, 143
 Булаховский Л. А. 412, 422
 Булгаков М. А. 281, 513
 Булгаков С. 464
 Булгакова Н. Н. 64
 Бунин И. А. 447, 482, 440
 Бунин М. Г. 199
 Бурдин П. А. 422
 Буриев А. Я. 326
 Бурлоки 472
 Бурсин (псевд. Симбурн, С. Бурьянов)
 С. Л. 79, 92
 Бурцев А. Е. 30
 Бурцев В. Л. 338
 Бурченкова Р. В. 335
 Бурьянов С. см. Бурсин С. Л.
 Буткевич В. 447
 Бутримович 495
 Буш В. В. 331
 Быков П. В. 52
 Быстрых Т. 421
 Бычков А. Ф. 7
 Бьюст 33
 Бьянки Б. 470
 Бэкон Веруламский 167, 197
- Вагнер В. А. 281
 Вайбель Й. Ф. 468
 Вальдемар А. 452
 Вальтер М. Р. 381
 Варламов К. А. 395
 Варшер Т. С. 447
 Василий Блаженный 316, 340
 Васильев 254
 Васильев А. И. 4, 8
 Васильева (урожд. Дмитриева, псевд. Че-
 рубина де Габриак) Е. И. 108, 109,
 118, 123, 124
 Васнецов В. М. 418, 425
 Васнецов Ю. А. 504
 Вацуро В. Э. 223, 284
 Введенский А. И. 243, 380, 391, 394
 Введенский Н. Е. 281
 Вебер А. В. см. Гольштейн А. В.
 Вебер К. М. 40, 380
 Вейнберг П. И. 52, 496, 501
 Вейс А. Ю. 114, 115, 132
 Векилова Е. Д. см. Эрн Е. Д.
 Великанов 110
 Великанова 259—262
 Велицкий С. Б. 513
 Вембер 261
 Вембер П. В. 261, 262, 264, 267
 Венгеров С. А. 83, 273, 284, 323, 325,
 348, 487
 Венгерова З. А. 348
 Веновитинов А. В. 206
 Веновитинов М. А. 67
 Венцель В. Н. см. Владимиров В. Н.
- Венцель-Мурадова М. 447
 Вера Константиновна, княгиня импера-
 торской крови 25, 503 см. Романо-
 ва В. К.
 Верди Д. 348
 Вересаев (наст. фам. Смидович) В. В.
 316, 340
 Вержбицкий Г. Д. 320, 342
 Веригина В. П. 105
 Вернадский 171
 Верхарн Э. 459
 Верховский Ю. Н. 448, 511
 Верховские 378
 Веселовская Е. А. 504
 Веселовский А. А. 504
 Веселовский А. Н. 52, 284, 287, 320, 323,
 504
 Веселовский К. С. 493, 499
 Виардо Л. 160
 Виардо-Гарсиа П. 141, 152, 153, 160, 161,
 205
 Викторов М. В. 332
 Викторова Е. см. Маклеонова Е.
 Викторова Т. 346
 Виноградов А. Г. 91
 Виноградов И. А. 206
 Виноградов Г. С. 434, 435
 Виноградов П. Г. 448
 Виноградова Е. В. 42, 44, 76
 Витали И. П. 488
 Витберг А. Л. 388, 389
 Витберг Г. см. Агапова Г.
 Витберг Ф. А. 229
 Вишневецкая С. К. 510
 Вишневецкий Б. Н. 426
 Вишневецкий В. В. 510
 Владимиров (наст. фам. Венцель) В. Н.
 391, 394
 Владимиров Д. П. 111
 Владимирова Н. Д. 111
 Владимирова Л. П. см. Брюллова Л. П.
 Власова Е. И. см. Фортунато Е. И.
 Воеводин В. П. 110, 118, 120
 Воинов В. В. 391, 394
 Войно-Ясенецкий В. Ф. см. Лука, архи-
 епископ
 Волжина (в замуж. Пешкова) Е. П. 61,
 75, 505
 Волков А. А. 426
 Волкова Ф. П. 180, 181
 Волконская М. Н. 511
 Волковыский Н. М. 79, 82, 88—90, 92,
 93, 95
 Волконский М. Н. 74
 Волконский П. М. 448
 Волконский С. М. 448
 Волконский Ю. 463
 Вологдин П. А. 424
 Волошин (наст. фам. Кириенко-Воло-
 шин) М. А. 103, 130, 274, 281, 282,
 448, 453, 505
 Волошина М. С. 505

- Волошинова Г. 345, 346
 Вольнский А. Л. 95, 263
 Вольпе Ц. С. 448
 Вольтер М. Ф. 380
 Вольф А. И. 149, 154, 160, 161
 Воробьев М. Ф. 233, 234
 Воронин М. С. 52
 Воронин С. А. 482
 Воронова Л. А. см. Чарская Л. А.
 Воронцов М. С. 478, 492
 Воропаев В. А. 206
 Воротилов Е. С. 332
 Воскресенская Ю. В. 247, 252
 Воскресенские 247
 Воскресенский М. И. 248
 Враская (Врасская) В. Б. 293, 320, 331
 Вреден М. В. 64
 Вронченко М. 169, 171
 Врубель М. А. 454
 Всеволодский-Гернгросс В. Н. 20
 Вульф П. А. см. Осипова П. А.
 Вызинский Г. В. 143, 144
 Вындомская П. А. см. Осипова П. А.
 Выропаев С. В. 495
 Вырубова (урожд. Танеева) А. А. 315
 Высотский Д. С. 406
 Высоцкий В. 497, 501
 Высоцкий В. С. 513
 Вычегжанин Л. С. 119
 Вяземская Е. Н. 4, 8
 Вяземский А. А. 4, 8, 33
 Вяземский П. А. 33, 37, 60, 162, 338, 488
 Вяземский П. П. 133, 134
 Габричевский А. Г. 440, 448
 Гавриил Константинович, князь императорской крови 339
 Гагарин Г. И. 21
 Гагарин П. Г. 17, 18, 21
 Гаген (урожд. Пламеневская) М. М. 505
 Гаген-Торн Н. И. 120
 Гаевская З. Н. см. Измайлова З. Н.
 Гайнцева Э. Г. 133
 Гаккель Е. Г. 118
 Галахов А. Д. 136, 163, 165, 185, 193, 195, 198, 202, 210
 Галка Ф. М. 294, 295
 Галушкин А. Ю. 95
 Гальберг С. И. 488
 Галяшин А. А. 505
 Ган Л. 110
 Гангоев К. 397, 398, 406
 Гандольфи Д. 448
 Гандольфи С. 448
 Ганзен А. В. 82, 90, 95
 Ганчиков А. Л. 449
 Ганчиков Л. Я. 448, 449
 Гардин 398
 Гарин (наст. фам. Михайловский) Н. Е. (Г.) 505, 506
 Гарнин В. П. 503
 Гартунг М. А. 24
 Гаршин В. М. 49
 Гастфрейнд Н. А. 486
 Гауш Ю. А. 118
 Гейман 135, 167, 197
 Гейро Л. С. 216, 223
 Ген Н. А. см. Белозерская Н. А.
 Генрих IV, французский король 380
 Георг I, греческий король 220
 Герасимов М. Н. 453
 Герашко Л. В. 480, 491, 495
 Герберг К. 449
 Герцен А. И. 144, 151, 157, 162, 176, 195, 331
 Герцык А. К. 449, 454, 505
 Герцык Е. К. 449
 Гершензон М. Б. 440, 449
 Гершензон М. О. 275, 283, 316, 333, 340, 377, 440, 444, 449
 Герье 184
 Гессен А. И. 510
 Гессен С. О. 449
 Гете И. В. 25, 26, 29, 42, 165, 168, 171, 512
 Гишман К. Э. 108, 118
 Гиз, герцог 380
 Гизо Ф. 143, 171, 197
 Гиллер И. Г. 79, 81, 92
 Гильфердинг А. Ф. 149
 Гинзбург И. Я. 318, 341
 Гинзбург Л. 449
 Гинзбург М. А. 78
 Гиппиус В. 206
 Гиппиус Е. Б. см. Покровская Е. Б.
 Гиппиус З. Н. 226, 230, 449, 450, 498
 Гитлиц Е. А. 138
 Гитович С. С. 122
 Гладстон (Gladstone) У. Ю. 29, 44
 Глазунов А. К. 120
 Глазунов И. И. 6
 Глебова Т. Н. 110
 Гликберг Г. М. 64
 Гликберг М. М. 64
 Гликман В. Я. см. Ирецкий В. Я.
 Глинка М. И. 96, 160
 Глинка С. Н. 5
 Глинка-Волжский А. С. 509
 Гоголь М. И. 206
 Гоголь Н. В. 45, 60, 73, 105, 108, 138—141, 145, 146, 149, 155, 182, 185, 187, 188, 190, 203—209, 211—214, 308, 330, 331, 334
 Годар 190
 Годяев А. Г. 441, 450
 Голенищев В. 450
 Голенищев-Кутузов А. А. 26, 43, 48, 52, 219, 493, 494, 498, 501
 Голенищев-Кутузов И. Н. 441, 446, 450
 Голенищева-Кутузова И. В. 450
 Голицын-Муравлин Д. П. 486
 Голицына О. 177
 Голкин С. П. 410, 412, 417
 Голлербах Э. Ф. 391, 394

- Головин А. Я. 120
 Головина О. Д. 512
 Головинин А. В. 133
 Голубева О. Д. 46
 Голубцова С. 346
 Гольц Б. 110, 118
 Гольштейн (урожд. Баулер, в первом браке Вебер) А. В. 441, 450
 Гончаров И. А. 26, 134, 168, 199, 215—223, 308, 399, 493, 494
 Гончарова (в первом браке Пушкина; во втором Ланская) Н. Н. 37, 40, 61, 75, 292, 330, 488
 Горбачев Г. Е. 284
 Горбунов И. Ф. 191
 Горбунов К. А. 284, 323
 Горелов А. Е. 392, 394
 Горнфельд А. Г. 95
 Городешский Б. П. 291
 Городешский С. М. 381
 Горский А. В. 413, 424
 Горький (Горький М.; наст. фам. Пешков) А. М. 56, 61, 62, 75, 80, 90, 91, 95, 120, 126, 327, 347, 395, 441, 450, 451, 482
 Гофман В. 454
 Гофман М. Л. 273, 282, 289-291, 297, 303, 317, 327, 329, 330, 333
 Гофман Э. Т. 323
 Гох И. А. 496
 Гоци К. 106, 107, 113, 114, 120
 Грабарь А. 451
 Грабарь И. Э. 130
 Градовская Н. А. см. Шахматова Н. А.
 Градовский Г. 49
 Гранин Д. А. 503
 Грановский Т. Н. 33, 134—138, 144, 146, 152, 154, 156, 157, 162, 164—167, 170—173, 184, 187, 192—197, 199, 201, 204, 205
 Гребенщиков Я. П. 380, 402, 407
 Гребенщикова Л. К. см. Чичагова Л. К.
 Гревс И. М. 451
 Грейнер Е. И. 117, 119
 Гренфельдт 112
 Греч Н. И. 159, 217, 222, 223
 Гречанинов А. Т. 451
 Грибоедов А. С. 30, 40, 510
 Григорьевская А. 451
 Григорович Д. В. 399
 Григорович Е. Ю. 441
 Григорьев А. А. 146, 147, 152, 154, 163, 164, 166, 168, 191, 210—212, 492, 494, 495
 Григорьян К. Н. 503
 Гризи Д. 160
 Грин (Гриневский) А. С. 61, 63, 64, 75, 80, 482
 Гринберг Н. К. 379, 503
 Гринич А. Л. 120
 Грисбах Ф. Ю. 42
 Гришунин А. Л. 19
 Гродецкая А. Г. 218
 Громов В. А. 196, 199
 Громозова О. К. см. Матюшина О. К.
 Гросс В. Н. 105
 Гросс В. Н. 391, 394
 Гроссман Л. П. 302, 303, 316, 335
 Грот Я. К. 3—13, 16—20, 25, 35, 45
 Грузинский А. Е. 31
 Гувениус (в замуж. Модзалевская) В. Н. 286, 324
 Гудзий Н. К. 423, 436, 437
 Гудович И. В. 19
 Гуковский Г. А. 19, 21
 Гуляев А. Д. 407, 451
 Гуляев М. 451
 Гуляева Л. А. 403, 407, 451
 Гуляева Н. А. 451
 Гумбольдт 199
 Гумеров Ш. А. 45
 Гумилев Л. Н. 120
 Гумилев Н. С. 78, 80, 82, 83, 90, 91, 103, 120, 128, 129, 347, 348, 381, 441, 509, 510
 Гумилева Н. В. 503
 Гумилевский Л. 377
 Гунст Е. А. 105, 130
 Гуревич Л. Я. 263
 Гурко 177
 Гуро Ек. Г. 473
 Гуро Ел. Г. 472, 473, 474, 475, 503
 Гусев 268
 Гусев В. Е. 503
 Гутман (Шалина) Е. С. 506
 Гутьяр Н. М. 180, 181, 199
 Давиденко Е. Н. 108, 118
 Давидов Ю. К. 184
 Давыдов З. 339
 Даль В. И. 29, 34, 433
 Дамине М. 445
 Данилевский Г. П. 399
 Данилов В. В. 205
 Данилова Л. Г. 503
 Данте А. 43
 Дантес-Гекерен Г. 65, 334
 Данчинский Н. М. 106
 Данько Е. Я. 108, 109, 111, 115, 118, 119, 123—125, 128, 132
 Данько Н. Я. 121, 123, 125
 Данько О. О. 125
 Дараган А. Е. 172, 199
 Дарго 190
 Даргомыжский А. С. 158
 Дарле Н. 451
 Дашков П. Я. 43, 341
 Дашкова Е. Р. 286, 324
 Дворянский П. И. 233, 234, 244
 Де Беллуа П. Л. Б. 16, 21
 Девальер (Desvallières) Ж. 103, 130
 Дейша А. А., отец 115
 Дейша А. А., сын 115
 Дейша Е. Ф. см. Ненарокова Е. Ф.

- Дейша Л. А. 115
 Дейша Н. А. 115
 Дейша Ф. А. 115, 116
 Декарт Р. 389, 390
 Делакроа В. Э. 475
 Делоне Р. 128
 Дельбек 157, 158
 Дельдевез Э. 158
 Де-Местр К. 66, 76
 Демидов П. Н. 331
 Демидов П. П. 332
 Демидова (урожд. Шернваль, во втором браке Карамзина) А. К. 332
 Демидова О. В. 34
 Демидова М. П. см. Абамелек-Лазарева М. П.
 Демин А. О. 3
 Деммени Е. С. 109, 119
 Демьян Бедный 400
 Деньер А. И. 497, 498
 Деполович П. см. Слепцова М. Н.
 Де-Пуле М. Ф. 144, 145
 Державин Г. Р. 3—21, 217, 218, 221, 223, 486
 Державин К. Н. 503
 Державина Е. Я. 14
 Детуш (Destouches) Ф.-Н. 19, 22
 Дешарт О. А. см. Шор О. А.
 Дешефов В. М. 111, 112, 118
 Дзержинский И. И. 110, 118
 Дидэ (Diday) Ф. 492
 Дизраели Б. 188
 Дикерман Н. И. 125
 Диккенс Ч. 29, 399
 Дикман М. И. 263
 Диксон К. И. 391, 394
 Дилакторская Н. Л. 114, 131
 Дичаров З. 326, 331
 Дмитриевская Д. М. см. Дмитриевская Д.
 Дмитриевский И. А. 10
 Дмитренко А. Л. 395
 Дмитриева Е. И. см. Васильева Е. И.
 Дмитриевская (Дмитриевская, в замуж. Ивановна) Д. М. 64, 451, 452, 461
 Дмитриевский А. М. 452
 Дмитрий Павлович, вел. кн. 337
 Добролюбов Н. А. 307, 336
 Добужинский М. В. 130, 229, 230, 472
 Долгоруков 33
 Долгоруков В. В. 33
 Долгоруков М. И. 33
 Донин Л. Н. 120
 Доницетти Г. 160
 Д'Ор (наст. фам. Оршер) О. Л. 87, 94, 95
 Дор (Dorat) К.-Ж. 18
 Доронин 109
 Досинчук Ф. И. 57, 58
 Достоевская А. Г. 494, 501
 Достоевский А. А. 273, 276, 277, 279, 289, 328
 Достоевский А. М. 289, 328
 Достоевский Ф. М. 83, 216, 219, 289, 308, 328, 335, 341, 387, 399, 456, 494, 509
 Драшусов А. Н. 150—152, 156, 157, 159, 163, 166
 Дризен Н. В. 138, 142
 Дроздов И. К. 233, 235, 236, 254, 269
 Дроздова О. Р. 233, 236, 242, 254,
 Друговейко С. В. 218
 Дружинин А. В. 48, 152, 153, 192
 Друцкий-Соколинский 191
 Дубельт А. М. см. Кондырева А. М.
 Дубилет 421
 Дубровин Н. Ф. 48, 52
 Дубровский А. В. 42, 44, 471
 Дубровский П. П. 11
 Дудьшкин 157
 Дузь П. Д. 191
 Дунин А. 138
 Дурново А. В. 233, 234, 245
 Душечкин Я. И. 270
 Дымшмц-Толстая С. И. 120
 Дьяков В. А. 503, 506
 Дьяконов А. П. 411, 422
 Дю Босс Ш. 454
 Дюссо 158
 Дюфрен Ж. 235
 Дягилев С. П. 120, 128, 130
 Евгений, митрополит см. Болховитинов
 Евгения Тур см. Салиас де Турнемир Е. В.
 Евгеньев-Максимов В. Е. 506
 Евлахов А. М. 452
 Евреинов А. 452
 Евтушенко Е. А. 513
 Егоров-Назаров 107
 Егоров Б. Ф. 154, 191, 192
 Екатерина I, русская императрица 332
 Екатерина II, русская императрица 8, 19, 25, 41, 42, 46, 325
 Елагин И. П. 11
 Елачич Г. Н. 500
 Елачич Н. А. 499, 500
 Елачич Н. Н. 500
 Елачич Н. Я. см. Полонская Н. Я.
 Еленский Н. О. 391, 394
 Елизавета Петровна, русская императрица 223, 294, 332
 Елисавета Маврикиевна, вел. кн. 26, 27
 Ельцов А. Ф. 233, 235
 Енишерлова Е. Н. см. Бекетова Е. Н.
 Енукидзе А. С. 33
 Еремеев П. В. 52
 Еремин М. 154
 Ермак 420
 Ермаков С. М. 71—74
 Ермилов В. В. 510
 Ермолинский Н. Н. 26, 40, 46
 Ермолов А. С. 486, 490
 Есенин С. А. 56, 61—63, 75, 511, 512
 Ефремов П. А. 340

- Ефремов П. Е. 487
 Ефрон И. А. 157, 218, 334
 Ешевский С. В. 136, 149, 166
- Жакоб Ж. 332
 Жанфронизани Г. 465
 Жемчужников А. М. 124
 Жемчужникова А. М. см. Арцимович А. М.
 Жеребцова А. М. 123, 124
 Жданович Н. А. 503
 Жигалова Е. И. 119
 Жирмунский В. М. 84, 316, 323, 340, 441
 Житков Б. С. 510
 Житомирский А. М. 127
 Жихарева Леля 103
 Жорж Санд 289
 Жуков П. 499, 500
 Жукова В. И. 118, 123
 Жуковский В. А. 30, 33, 45, 60, 281, 312, 316, 318, 336, 338, 340, 487
 Журов 452
 Журьяри Л. И. см. Шапорина Л. И.
- Забелин И. Е. 146, 167, 170, 172
 Заборов П. Р. 21, 219
 Заводчикова В. Е. 503
 Загоскин В. Н. 64
 Загоскин М. Н. 33, 37, 64
 Загржская) Е. А. см. Пушкина Е. А.
 Загуляев М. А. 52
 Зайцев Б. К. 441, 452
 Зайцева В. В. 284
 Закревская (урожд. Толстая) А. Ф. 191
 Закревская Л. А. см. Нессельроде Л. А.
 Закревский А. А. 139, 140, 142, 167, 191, 203, 205
 Залыгин С. П. 503
 Замятин Е. И. 80, 82, 90, 95, 123, 128, 347
 Замятина Л. И. 123, 128
 Занальский С. С. 501
 Западов В. А. 19
 Зародова Л. Д. 42, 44, 76
 Засецкая М. Д. 505
 Захаров И. М. 21
 Захарьина Н. А. 151
 Заякин М. П. 232, 233, 235, 244, 252, 257, 261, 263, 266, 268, 270
 Заякина А. П. 235, 243, 244, 255, 262
 Заякина М. М. 231—233, 235—237, 250, 252, 255, 257, 259, 262—264, 266—268
 Заякина П. М. 235, 250, 262, 263, 268
 Заякины 240, 244, 248, 254, 255, 257, 263, 264, 267—270
 Звягинцев А. И. 259, 260
 Здобнов Д. 498
 Зеленин Д. К. 428, 429—438
 Зелинская В. Ф. 452
 Зелинский Фад. Фр. 82, 90, 452, 453, 458
 Зелинский Фел. Фад. 453
 Зельцер И. 510
- Земцовский И. И. 503, 510
 Зенькович В. 504
 Зибек П. 468
 Зигфрид Э. А. см. Старк Э. А.
 Зилоти А. И. 120
 Зильберштейн И. С. 38, 134
 Зиновьев 158
 Зиновьев (наст. фам. и имя Радомысльский О. А.) Г. Е. 77, 86, 91, 308, 336
 Зиновьева-Аннибал Л. Д. 454, 461
 Зиссерман П. И. 277, 279, 320, 342
 Зорин 397
 Зорин А. Л. 3, 19
 Зошенко М. М. 85, 95
 Зубакин Б. М. 450, 453
 Зуева) Е. Г. см. Яковлева Е. Г.
 Зуева И. 441, 454
 Зуммер В. М. 448, 453, 454
- Иакинф, архимандрит 426
 Иаков II, английский король 187
 Иван Странник см. Аничкова А. М.
 Иван Черный 115
 Иванов А. А. 402
 Иванов А. И. 340
 Иванов Вс. Вяч. 95, 454
 Иванов Вяч. И. 64, 377, 379, 390, 407, 408, 439—451, 453, 455—458, 460, 461, 463—469
 Иванов Г. В. 85, 91, 93, 120
 Иванов Д. В. 439, 442, 443, 445, 446, 450, 453, 454, 456, 458, 459, 462, 465, 467, 469
 Иванов Е. П. 226, 390
 Иванов С. П. 454
 Иванова (урожд. Преображенская) А. Д. 454
 Иванова В. Е. 240, 241
 Иванова Д. М. см. Дмитриевская Д. М.
 Иванова (урожд. Шварсалон) В. К. 440, 454
 Иванова Л. В. 443—447, 451, 452, 456, 459—462, 465—467, 469, 470
 Иванова Л. Н. 439
 Иванова М. И. 156
 Иванова Т. Г. 23, 409, 410, 423, 427, 430, 433, 437
 Иванов-Рзумник Р. В. 226, 377, 407
 Иванова-Чарская (наст. фам. Чурилова) Л. А. 394, 395
 Иванчин-Писарев А. И. 85
 Иваск Ю. П. 192, 454
 Игельстромы 504
 Игнатова Т. И. 454
 Игнатъев 339
 Иголкин 417
 Игорь Константинович, князь императорской крови 44
 Изабе Э. 121
 Извольская Е. А. 454
 Извольский 98
 Измайлов В. В. 273, 277, 283

- Измайлов Н. В. 28, 40, 54, 138, 141, 145, 165, 166, 176, 196, 210, 272—284, 291, 323, 325, 327, 329, 330, 332, 333, 335, 336, 338, 340, 342, 343, 345
- Измайлова А. В. 273, 335
- Измайлова (урожд. Гаевская) З. Н. 273, 277
- Измайлова М. Ф. 283
- Измайлова Н. В. 273, 280, 284, 335, 343—346
- Измайлова Нат.С. см. Платонова Нат.С.
- Измайлова Т. Н. 274, 276, 280, 281, 283, 284, 343, 344, 345
- Иллеш Б. 457
- Ильин А. А. 486, 488, 507
- Ильин Н. Д. 455
- Ильинский Л. К. 288, 325, 326
- Ильинский М. С. 478, 480
- Ильницкий С. А. 456, 457
- Иноземцева А. А. 57
- Иоанн, священник 455
- Иоанн Васильевич Грозный, русский царь 12, 13
- Иоанн Кронштадтский (Сергиев И. И.) 255, 256
- Иоаннисян А. И. 123
- Иоганнис 162
- Иосиф Флавий 7, 10
- Ирецкий (наст. фам. Гликман) В. Я. 79, 88, 90, 92, 93, 95
- Ирина, прислуга Сологубов 236, 237
- Исаков П. Н. 24, 43
- Исков Б. И. 392, 394
- Истомин 198
- Истрин В. М. 52, 301, 334
- Ишков Л. А. 455
- Ишкова Н. Н. 455
- К. Р. см. Константин Константинович
- Кавелин К. Д. 29, 134, 172, 195, 222
- Каверин В. 347
- Каверин В. А. 84, 316, 339, 340
- Каганович Л. М. 403
- Кагаров Е. Г. 421, 427, 435
- Кадлубовский А. П. 410, 412—420, 422
- Казанович Е. П. 272, 282, 288, 292, 308, 320, 326, 330
- Кайдалов М. 455
- Калашников М. Г. 442
- Калинин М. И. 308, 336
- Калита Е.(К.) П. см. Майкова Е. П.
- Кальви А.-М. 470
- Калям А. 492
- Каменский В. В. 472
- Кандель В. 455
- Канова А. 403
- Кантор Г. Я. 296, 332
- Кантор П. Я. 296, 332
- Капелюш Б. Н. 473
- Капица П. И. 120
- Капнист С. В. 5
- Капустин 143
- Капустянская (Плазовская) О. 117
- Карамзин А. Н. 332
- Карамзин Н. М. 45, 149, 222, 336
- Карамзина А. К. см. Демидова А. К.
- Каратыгин П. А. 166
- Караччо А. 451
- Карвовская М. Н. 224
- Каргин Н. Ф. 508
- Кардовский Д. Н. 129, 130
- Карев Н. И. 49
- Каренин (Karenine) В. см. Комарова В. Д.
- Карл Великий, император Священной Римской империи 171
- Карлейль 188
- Карпинская Е. А. см. Толмачева Е. А.
- Карпинский А. П. 297, 302, 303, 311, 333, 342
- Карпов Е. П. 90
- Карский Е. Ф. 301, 334
- Картавцев Е. Э. 49
- Касаткин В. 494
- Катенин П. А. 38
- Катерина, прислуга Сологуба 236, 237, 244, 247, 252
- Катков М. Н. 133—136, 139, 140, 143, 146, 166, 169, 171, 192, 193, 195, 200, 202, 210, 211, 501
- Катон 199
- Каун (Kaun) А. 455
- Кауфман А. Е. 79, 82, 84, 90, 92, 94
- Кауфман П. М. 486
- Каффи А. 455
- Кахно Я. С. 506
- Каченовская О. В. 64
- Каченовский М. Т. 64
- Кашкин Е. П. 426
- Каюмова А. К. 503
- Кезина С. В. см. Шапорина С. В.
- Келлер Г. Л. 114, 201, 203
- Кельнер (Kelner) И. 455
- Кетчер Н. Х. 136, 146, 153, 156, 157, 162, 164, 167, 193, 195, 201, 212
- Кийко Е. И. 165
- Кикин И. И. 241, 245, 250, 267
- Кикина Е. В. 241
- Кикины 240, 244, 265
- Кинглэйк (Kinglake) А. 29, 44
- Кипарисова О. С. 105
- Кипренский О. А. 66, 76
- Киреев А. А. 29
- Киреева О. А. см. Новикова О. А.
- Киреевский В. И. 64
- Киреевский И. В. 45, 64
- Кирнарский М. 512
- Киров С. М. 110
- Кирпичников А. П. 67
- Кирпищикова А. А. 432
- Кирша Данилов 419, 425
- Киселев В. С. 152
- Киселев П. В. 259, 260
- Китюк М. 457

- Кларендон (Clarendon) Д. 29, 44
 Клевер О. Ю. 111, 118, 119, 123
 Клейн Т. П. 91, 93, 325
 Клибанов А. И. 115
 Ключев Н. А. 56, 61—63, 75, 380, 393, 395
 Ключева К. А. 62
 Клячко Л. М. 79, 92
 Князев А. В. 114
 Князев Г. А. 301, 333
 Князева Н. А. см. Шапорина Н. А.
 Князева Н. Г. 503
 Князева С. 454
 Кобеко Д. Ф. 485, 490
 Кобылинский (псевд. Эллис) Л. Л. 455
 Ковалев Ю. И. 483
 Ковалева Е. А. 455
 Ковтун Е. Ф. 473
 Коган П. С. 126, 132, 456
 Кожебаткин А. М. 106, 130
 Козаков М. Э. 110
 Козлов 107
 Козлов И. И. 34, 35, 37, 58, 59
 Козлова А. И. 34—36, 58, 59
 Козмин Н. К. 284, 309, 312, 320, 321, 337
 Козьмин Б. П. 144, 145
 Коковцов В. Н. 486, 490
 Кокошкин Ф. Ф. 510
 Колесов 240
 Колли 184
 Колобова К. М. 401, 403, 407, 408, 456
 Колокольцев К. В. 406
 Колчак А. В. 425
 Кольридж (Coleridge) 38
 Кольцов А. В. 30, 144, 513
 Комаров В. Л. 429, 430
 Комаров Н. Н. 327
 Комарова (урожд. Стасова, псевд. В.Каренин) В. Д. 276, 289, 291, 309, 320, 327
 Комарова И. И. 43
 Конасов М. Б. 510—512
 Кондырева (урожд. Дубельт) А. М. 65
 Коненков С. Т. 456
 Конецкий В. В. 503
 Конечный А. М. 330, 335
 Кони А. Ф. 25, 69, 70, 82, 83, 85, 90, 147, 217, 223, 486, 488, 511
 Кониская Л. М. 129
 Коновалов С. А. 442, 456
 Коновалова К. П. 110—112, 119
 Коноплева Л. 94
 Константин Константинович (псевд. К. Р.), вел. кн. 23—25, 27—46, 48, 58, 60, 76, 216, 217, 219, 220, 223, 286, 323, 324, 338, 493, 498, 506, 507
 Константин Константинович (младший), князь императорской крови 32
 Константин Николаевич, вел. кн. 29, 31, 32
 Константин Павлович, вел. кн. 41, 42
 Константинов В. 407
 Константиновский Р. Ю. 26
 Копержинский К. А. 436, 437
 Коперник 70
 Коплан А. Б. 329
 Коплан Б. И. 31, 272, 276, 277, 279, 287, 289, 290, 292, 295, 297, 308, 313, 320, 324, 325, 329, 330, 342
 Коплан С. А. см. Шахматова С. А.
 Коптяев А. П. 511
 Копытов И. А. 231—233, 250, 262, 265, 267
 Корженевская 239
 Корженевские 247, 251
 Корженевский А. 247
 Корженевский В. А. 247
 Корнилевский 213
 Корнилов А. А. 49, 74, 75
 Короленко В. Г. 324
 Корсаков П. А. 21
 Корсунский П. см. Слепцова М. Н.
 Кортес Э. 391
 Корф М. А. 486
 Корчагина-Александровская Е. П. 119
 Корш В. Ф. 143, 166
 Корш Е. Ф. 143, 152, 158
 Костин А. Г. 233, 234, 240, 241, 247, 250, 259, 264, 267, 268
 Костины 256
 Коссовская В. 456
 Коссовская К. 456
 Коссовская Н. 456
 Костенко К. Е. 104, 105, 130
 Костылев А. Н. 207
 Косыгин А. Н. 508
 Косырева А. 466
 Котавщиков С. 420, 426
 Котляревская В. В. см. Пушкарева В. В.
 Котляревский Н. А. 52—55, 82, 88, 93, 94, 272, 275, 285, 287, 288, 290—292, 294, 297—299, 301—303, 306, 307, 314, 318, 323, 325, 326, 333, 335, 336, 487, 504
 Котте (Cottet) Ш. 103
 Коуте А. 121, 122, 126
 Кочеткова Н. Д. 21
 Кочуров Ю. В. 110, 111, 118
 Кошелев 206
 Кошечкин С. П. 512
 Кравцов П. И. 452
 Краевский А. А. 173, 219, 321, 342
 Крамской И. Н. 497
 Кран Н. 255
 Краснобородько Т. И. 43, 341
 Краснова И. А. 471
 Красовская В. С. 158, 166
 Крейд В. 381
 Креслинг А. К. 456
 Крестовская Л. 442, 456, 457
 Крестовский В. 51
 Кривич (Анненский) В. 391
 Кривошеков И. Я. 420, 426
 Кривулин В. Б. 512
 Кристи Е. К. 31

- Кристи М. П. 311, 337
Кругликова Е. С. 103, 107, 108, 118, 121, 123, 126, 128—130
Круковский Ф. А. 480
Крупин Е. Н. 492
Крученых А. Е. 472, 474
Крылов А. Н. 274, 275, 318, 341
Крылов И. А. 64, 165
Крылов Н. 127
Крылов Ф. В. 251, 252
Крылова Г. А. 42, 45
Кубасов И. А. 272, 273, 276, 279, 283, 289, 290, 292—294, 305, 312, 322, 327
Кувитанова Л. В. 505
Кудашева (урожд. Кювье, в замуж. Роллан) М. П. 457, 459
Кудрявцев П. Н. 134—136, 138, 146, 162, 163, 165, 166, 169, 171, 175, 177, 178, 192, 193, 195, 202, 205, 209
Кудряцева Т. 508
Кудряцеры 210
Кузмин М. А. 83—85, 90, 105, 108, 118
Кузнецова М. И. 503
Кузьма Прутков 104, 124
Кузьмин Н. В. 377
Кузьмин-Караваев Д. 457
Кузьмин-Караваев К. К. см. Тверской К. К.
Кузьмина Л. И. 42, 44—46
Кукольник Н. В. 33, 37
Кукушкина Т. А. 77, 91, 325, 347, 381, 471
Кулаковский С. Ю. 457
Кулаковский Ю. А. 457
Кулич Н. И. 512
Кулиш П. А. 206
Кульман Е. 228, 229
Кульман Н. 463
Кун (в замуж. Слонимская) Л. Л. 289, 329
Купер С. Н. 392, 394
Купер Э. А. 120
Куприн А. И. 56, 90, 482
Куприяновский В. П. 263
Курдов В. И. 504
Курилова 436
Куров 161, 162
Курочкин В. А. 510
Кусевичкий 120
Кустодиев Б. М. 130
Кутайсова И. 177
Кушелев-Безбородко Г. А. 492
Кшесинская М. Ф. 314, 338
Кювье М. П. см. Кудашева М. П.
Кюхельбекер В. К. 486
- Лавалетт Ш. 33
Лавренев Б. А. 110
Лавров А. В. 229
Лавров П. А. 273
Лавров П. Л. 331
Лаврова Н. Н. 42, 45
- Лажечников И. И. 33, 37
Лазутин С. Г. 162
Ламакин И. 504
Ланг И. 12, 13
Ландау М. А. см. Алданов М. А.
Ланкло Нинон де 404, 407
Ланская Н. Н. см. Гончарова Н. Н.
Ланской Л. Р. 145, 206
Лаппо-Данилевский К. Ю. 22
Лапшина Н. П. 130
Ларин О. Я. см. Рабинович И. Я.
Латышев В. А. 232, 243, 246, 252, 260, 261, 264, 271
Латышев В. В. 48
Лебедев В. В. 504
Лебедев В. К. 219
Лебедева С. 504
Лебедев-Кумач (наст. фам. Лебедев) В. И. 510
Лебедев-Полянский П. И. 94
Левина Ю. И. 66, 76
Левит С. И. 122, 130—132
Левитов А. И. 144
Левицкий С. Л. 497, 501
Левкович 259, 260, 261
Левшин А. И. 33
Лейкинд О. Л. 130
Лейманов М. А. 253
Лейпунский О. 509
Лелегар 157, 158
Лемке М. К. 94, 138
Ленин В. И. 93, 94, 380, 386, 387, 389, 403, 474
Леонтович В. 457
Леонтьев К. Н. 176, 186, 190—192
Леонтьев П. М. 136, 146, 154, 164, 168, 169, 171, 192
Лепехин М. П. 44
Лермонтов М. Ю. 25, 33, 34, 40, 41, 145, 206, 208, 217, 243, 308, 319, 447, 508
Лермонтова Н. В. 108, 118, 119
Лернер Н. О. 83, 272, 313, 314, 338, 486, 511
Лескин А. 413, 424
Лесков Н. С. 69, 76, 144, 335
Лесман М. С. 230, 390, 510, 511
Лессепс Ф. 33
Лешков В. Н. 188
Ливанов Б. 407
Лившиц В. 112
Лившиц Я. 94
Лидин В. Г. 457
Липин Н. Н. 511
Липина Ю. И. см. Мей Ю. И.
Лир см. Рашковский Н. С.
Лиров М. 94
Лисицкий Н. Ф. 71, 72
Лисовский Н. М. 144
Лист Ф. 29
Литвин Е. Ю. 283, 333
Лифшиц Б. К. 120
Лихачев Д. С. 503

- Лихачев Н. П. 31
 Лобачевский Н. И. 70
 Ло Гатто (Lo Gatto) Г. Д. 442
 Логинова В. С. 495
 Лозина-Лозинская (урожд. Щегловитова) А. И. 457, 458
 Лозина-Лозинский К. К. 457, 458
 Лозинская Т. Б. 123
 Лозинский 425
 Лозинский М. Л. 113, 114, 123, 131
 Ломакин И. С. 392, 394
 Ломоносов М. В. 73, 217, 221, 223, 285, 308, 323
 Лопухина В. 40
 Лопухина М. А. 40
 Лосский Б. Н. 458
 Лосский Н. О. 458
 Лохвицкий А. В. 143, 147, 162, 166
 Лохов Н. Н. 470
 Лохова М. М. 458
 Луговой А. А. 52
 Лука, архиепископ (Войно-Ясенецкий В. Ф.) 505
 Лукашевич (наст. фам. Хмызникова) К. В. 392, 394
 Луначарский А. В. 82, 279, 308, 336, 337, 444
 Лунц Л. Н. 84
 Лурье Ф. М. 338, 339
 Лутохин Д. 340
 Львов Л. И. 509
 Львов Н. А. 19, 22
 Львов Ф. П. 6, 17, 20
 Львова Е. Н. 20
 Львова-Синецкая М. Д. 158
 Любимов Н. М. 458
 Любимов Ф. В. 219
 Людовик IX Святой, французский король 167, 197
 Людовик (Louis) XVI, французский король 294, 332
 Лютер А. 458
 Ляцкий Е. А. 458
- Мадзини Д. 33
 Мазон (Mazon) А. 171, 218
 Май К. 327
 Майзель М. Г. 392, 394
 Майков А. А. 215, 219, 220
 Майков А. Н. 25, 26, 42, 75, 215—220, 222, 223, 492, 493, 495, 498
 Майков В. А. 215, 219, 220
 Майков Вал. Вл. 219
 Майков Вл. Вл. 216
 Майков Вал. Н. 215, 216
 Майков Вл. Н. 219
 Майков Л. Н. 23, 25—27, 37—39, 45, 48, 49, 51, 52, 59, 62, 67, 68, 71, 74, 75, 133, 134, 142, 143, 145, 146, 149, 190
 Майков Н. А., дед 215
 Майков Н. А., внук 220
 Майкова А. А. 37—39, 45
- Майкова (урожд. Штеммер) А. И. 222
 Майкова В. А. 220
 Майкова (урожд. Калита) Е. (К.) П. 216, 219
 Макаров С. 458
 Макаров С. О. 310, 337
 Макарьев Л. Ф. 118, 326
 Макашин С. 506
 Макевич 191
 Маккавеев М. Е. 231, 232, 244, 245, 251
 Маклеонов (Маклионов) А. Н. 258
 Маклеонова (урожд. Викторова) Е. 258
 Маковельская В. Р. 458
 Маковельский А. О. 458
 Маковская Н. А. 503
 Маковский А. В. 102, 103, 111, 121, 129
 Маковский В. Е. 102, 129
 Маковский С. 450
 Маколей (Macauley) Т. Б. 186—188
 Максимович М. А. 136, 205
 Малевич К. С. 472, 475, 506
 Малер Е. Э. 458
 Малокрошечный И. И. 243
 Малофеева Л. И. см. Соколова (Микитова) Л. И.
 Мальмстад Д. 467
 Малявин Ф. А. 123, 128
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 414, 424
 Манассеин В. А. 49, 74
 Мандельштам О. Э. 513
 Мануйлов В. А. 162, 441, 458, 459
 Маренина Е. И. 513
 Мариани Е. 459
 Мариани Н. 459
 Мариенгоф А. Б. 126, 127, 132
 Марио (Magio) Д. 158—162, 164, 192
 Марков В. Ф. 503, 507
 Мария Самойловна, врач 343, 344, 346
 Мария Стюарт, шотландская королева 135, 177, 189, 190
 Мария Федоровна, русская императрица, жена Павла I 190
 Мария Федоровна, русская императрица, жена Александра III 53, 58, 101
 Марр Н. Я. 279, 325, 328, 340
 Маррай 192
 Мартынов А. Е. 153, 154
 Мартынов Д. П. 244, 245
 Мартынов И. Ф. 91, 93, 325
 Маршак С. Я. 108, 109, 110, 118
 Масанов Ю. И. 56
 Маслов 158
 Маслов В. С. 142, 143,
 Маслова О. 494
 Мастеница Е. Н. 332
 Матвеев П. А. 254, 255
 Матовосян Е. Р. 347
 Матнас (Mattias) И. 156—159, 162, 164, 189, 190, 198
 Матонина Э. 32, 42, 220
 Матэ В. В. 104, 130
 Матюшин М. В. 471—476, 506

- Матюшина (урожд. Громозова) О. К. 472, 473, 474, 476
 Машнев И. М. 189, 190, 191
 Мачерет А. 407
 Маяковский В. В. 475, 476
 Медер П. И. 229
 Мезилье Ж. 157
 Мей Л. А. 152, 511
 Мей (в замуж. Липина) Ю. И. 511
 Мейер Е. 177
 Мейербер 160
 Мейерхольд В. Э. 459
 Мейерхольд-Райх З. Н. 459
 Мейлах Б. С. 291
 Мелик-Пашаев А. Ш. 122
 Мельц М. Я. 432
 Менелас А. А. 407
 Меншиков А. С. 33
 Мережковский Д. С. 90, 390, 442, 449, 459, 499
 Меренберг Н. А. 39, 40
 Мерзляков А. Ф. 221
 Мериме П. 29
 Меркурьева В. А. 442, 459
 Меррил Д. 230
 Мессалина 169, 171
 Метастазιο (Metastasio) П. 16, 17, 18, 21
 Метнер Э. К. 459, 460
 Мешков Н. В. 410—413, 417, 418, 421
 Мещерская Е. Н. 340
 Мещерская С. И. 138
 Мещеряков В. Н. 94
 Мещуров В. В. 503
 Милеев 397
 Миллеор Е. А. 460
 Миллер В. Ф. 426
 Миллер О. Ф. 223
 Миллер Ф. Б. 166
 Минкельде Р. Ю. 30
 Минский Н. М. 263, 348
 Минцлова А. Р. 460
 Минье 190
 Мира, дочь А. Д. Скалдина 378, 404
 Мирабо Г. 380
 Мирошниченко Ф. Ф. 513
 Миртов А. В. 429, 430
 Мисникевич Т. В. 224
 Митин С. Н. 109, 118
 Михайловская (урожд. Чарыкова) Н. В. 505, 506
 Михайловская (в замуж. Слободзинская) Н. Г. 505
 Михайловская (в замуж. Субботина) Н. Н. 505, 506
 Михайловская О. Н. 505
 Михайловский А. Н. 505
 Михайловский Г. Н. 505
 Михайловский Н. Е. (Г.) см. Гарин Н. Е.
 Михайловский Н. Г. 505
 Михайловский Н. К. 134, 511
 Михайловский С. Н. 505
 Мицкевич А. 39, 45, 281
 Мишле Ж. 171
 Мовер 448
 Могильницкая С. А. 123, 124
 Могучий А. С. 247, 248
 Модзалевская В. Н. см. Гувениус В. Н.
 Модзалевский Б. Л. 23, 24, 28, 39, 40, 45, 46, 66, 95, 146, 147, 149, 199, 272—275, 282, 283, 285, 286, 288, 290, 292, 294—298, 300, 301, 305—307, 312—316, 319—324, 326, 328—330, 333, 338, 340, 342, 343, 485—487, 501
 Модзалевский Л. Б. 36, 38, 45, 147, 275, 283, 342
 Молас (урожд. Пургольд) А. Н. 335
 Молас Б. Н. 302, 310, 311, 335
 Молас М. П. 310, 337
 Молас Н. П. 335
 Молас О. В. см. Нордгейм О. В.
 Мольер Ж. Б. 163
 Монахов Н. Ф. 126, 132, 315, 339
 Монтесума (Моктесума) 391
 Морева (урожд. Пламеневская) А. М. 505
 Мориер (Moriger) Р. 29, 44
 Морковин В. В. 511
 Мороз-Шишкова М. Я. 513
 Морозенко Л. Н. 219
 Морозов Н. А. 120
 Морозов М. М. 511
 Морозовская Е. 500
 Морошкин 205
 Морщикина А. С. 503
 Мостовская Н. Н. 145, 146, 149, 165
 Мотовилова М. Н. 320, 342
 Моцарт В. А. 192
 Мочалова О. А. 460, 461
 Мрочковский Ф. В. см. Острога Ф. В.
 Муйжель В. В. 90
 Муравьев С. М. (о. Стефан) 244, 246
 Муравьева Е. А. 330
 Муратов П. П. 461
 Муратова К. Д. 503
 Муромский В. П. 91
 Мусин-Пушкин М. Н. 139, 140, 208, 214
 Мыльников А. А. 114, 132
 Набоков В. Д. 87, 95
 Надсон Н. Я. 49
 Надя, знакомая А. Д. Скалдина 397
 Назарбек Е. А. 105
 Назарова Л. Н. 138, 144, 146, 149, 162, 165—167, 172, 185, 188, 194, 212, 277, 281, 284
 Назарова Т. С. 503
 Назимов 211
 Назимов В. И. 140, 188, 194, 203, 204, 210
 Нальди (Олкиеницкая-Нальди) Р. Н. 461
 Наполеон I, французский император 380
 Наппельбаум И. М. 511
 Населенко Е. П. 276, 286, 293, 324

- Наумов О. 95
 ناشокин П. В. 61, 75
 Нащокина В. А. 58, 60, 61, 75
 Невоструев К. И. 413, 424
 Недоброво Н. В. 380, 381, 401, 407
 Нейкирх Б. И. 67, 76
 Нейкирх (урожд. Пушкина) М. Л. 64—68, 76
 Нейрейтер Ж. 160
 Неклюдов А. В. 461
 Некрасов В. П. 120, 484
 Некрасов Н. А. 83, 139, 140, 149, 162, 207, 208, 324, 328, 331, 399, 493—495, 502
 Некрасов С. С. 118, 119
 Некрасова З. Н. 484
 Немирович-Данченко (урожд. Слепцова) Е. П. 479
 Немирович-Данченко Вас.И. 82, 85, 93
 Ненарокомов Ф. 98
 Ненарокомова Е. М. см. Яковлева Е. М.
 Ненарокомова (в замуж. Дейша) Е. Ф. 97, 98, 100, 103, 109, 115, 127
 Нерадовский П. И. 305, 335
 Нессельроде Д. К. 191
 Нессельроде К. В. 191
 Нессельроде (урожд. Закревская) Л. А. 189, 191
 Нессельштраус Б. 461
 Нестерова-Курочкина Г. Е. 503
 Неустроева И. Ю. 503
 Неустроева М. В. 505
 Нечаев М. 463
 Нечаев П. Т. 237, 245, 267, 269
 Нечаева В. С. 19
 Нечаева В. С. 236, 237, 247
 Нечаева М. И. 461
 Нечаевы 244, 255, 267, 269
 Никитенко А. В. 64, 141, 149, 160, 191, 199, 223
 Никитенко Е. А. 223
 Никитенко С. А. 64, 223
 Никитин А. Г. 21
 Никитин В. 336
 Никитин И. С. 513
 Никитин Н. Н. 84
 Никитин П. В. 42, 52, 53
 Никитина Н. С. 137, 146, 149
 Никитина О. Ф. см. Острога О. Ф.
 Никифоров А. И. 435
 Никифоров Н. Н. 110, 118
 Никифоровский В. М. 302, 335
 Николаев Н. см. Слепнев Н. В.
 Николаева А. Н. 118
 Николаева Н. Л. 409
 Николаевская А. Ф. 247, 248
 Николаевские 251
 Николай I, русский император 32, 185, 190, 213, 292, 306, 324, 330
 Николай II, русский император 24, 32, 44, 47, 52, 74, 75, 323, 324
 Николай Александрович, цесаревич, сын Александра II 184
 Никольский 138
 Никольский Б. В. 32, 44
 Никольский В. В. 44
 Никольский Н. К. 301, 334
 Никольский В. В. 489, 490
 Никольский М. В. 438
 Никольский Н. М. 436, 438
 Никонов Б. П. 392, 395
 Никритина А. Б. 127, 132
 Ниякий В. В. 76
 Новгородцев Л. В. см. Поссе В. А.
 Новик И. Д. 79, 92
 Новиков 29, 33
 Новиков И. 469
 Новиков И. А. 302, 303, 335
 Новикова (урожд. Киреева; псевд. О. К.) О. А. 29, 33, 41
 Нога В. Н. 69, 70, 76
 Нога Д. И. 76
 Нога Н. Д. 76
 Нога Я. Д. 76
 Нордгейм (в замуж. Молас) О. В. 311, 337
 Норденшильд 241
 Носова А. Г. 96, 471
 Нотович О. К. 260
 Нувель В. Ф. 461
 Обатнина Е. Р. 75
 Обер Д. 158
 Оболенская 44
 Оборская О. Л. см. Пушкина О. Л.
 Обнорский С. П. 412, 413, 422, 423, 436, 437
 Овсяннико-Куликовский Д. Н. 511
 Одарченко Ю. П. 507
 Овсяннико-Куликовский Д. Н. 54
 Овчинникова Л. И. см. Шапорина Л. И.
 Огарев Н. П. 128, 144, 151, 157, 331
 Огневич Е. В. 282, 327
 Одоевский В. Ф. 37
 Озеров В. А. 221
 Окороков Г. В. 461
 Окрейц С. С. 260, 262
 Оксман Ю. Г. 134, 139, 144, 145, 147—150, 176, 316, 323, 340
 Окунев Н. 461
 Олег, древнерусский князь 190
 Олег Константинович, князь императорской крови 27, 30, 43, 44, 315, 338, 339, 507
 Олкиенницкая-Нальди Р. Н. см. Нальди Р. Н.
 Оловянишникова М. И. см. Балтрушайтис М. И.
 Ольга Константиновна, королева греческая 31, 220
 Ольгин И. М. см. Розенфельд И. М.
 Олин В. Н. 5, 20
 Ольденбург С. С. 47, 74

- Ольденбург С. Ф. 25—27, 42, 43, 52, 274, 275, 277, 285, 288, 300, 301—303, 307, 311, 317, 319, 323, 335, 336
- Ольнем О. Н. 511
- Омельченко А. П. 392, 395
- Онегин (Отто) А. Ф. 274, 275, 282, 283, 291, 317—319, 327, 328, 330, 333, 340, 341, 498
- Ончуков Н. Е. 421, 427
- Орель А. 461
- Орлеанский герцог 19
- Орлеанский Н. М. 275, 276, 300, 333
- Орлов А. Ф. 142, 213
- Орлов В. Н. 229
- Орлов В. Н. 512
- Орлов Г. А. 410, 413
- Орлов М. Ф. 492
- Орлов Н. М. 492, 495
- Орловский А. О. 76
- Орнатская Т. И. 220
- Оршер О. Л. см. Д'Ор О. Л.
- Осипова (урожд. Вындомская, в первом браке Вульф) П. А. 313, 338
- Осиповский Т. 13
- Осват А. Л. 165, 191
- Ост А. И. 500
- Островский А. Н. 113, 146, 147, 149—154, 163, 166, 167, 183, 189, 191, 194, 195, 200—202, 205, 209, 210, 274, 290, 324, 328, 331
- Островский С. А. 273, 289, 328
- Острога (урожд. Никитина) О. Ф. 461, 462
- Острога (наст. фам. Мрочковский) Ф. В. 461, 462
- Острога (Мрочковский-Острога) Ю. Ф. 462
- Остроумова-Лебедева А. П. 104, 117, 123, 130
- Отгокар Н. П. 462, 470
- Оцуп Н. А. 442, 462
- Павел I, русский император 42, 46
- Павел Александрович. вел. кн. 220
- Павликова М. Ф. 52
- Павлицев Л. Н. 64—66, 75, 76
- Павлицев Н. И. 66, 75, 76
- Павлицев Н. Л. 65
- Павлицева О. П. 66, 289, 329
- Павлицева (урожд. Пушкина) О. С. 75, 76
- Павлов И. П. 281, 341
- Павлов Н. Ф. 206
- Павлова 33
- Павлова 208
- Павлова А. П. 120
- Павлова К. К. 152, 194, 197
- Павлова М. М. 31, 229, 230, 239
- Павлова (в замуж. Пушкина) М. А. 329
- Пазетти А. А. 498, 502
- Пазуркевич С. 462
- Пак Н. В. 21
- Пакимади 33
- Пальмерстон (Palmerston) Г. Д. 29, 44
- Панаев В. А. 160, 161
- Панаев И. И. 141, 175, 189, 194, 196, 210, 213, 215, 218
- Пане Н. Н. 64
- Панов Г. А. 257
- Панов М. 492, 497
- Панов Н. А. 257
- Панова В. Ф. 482
- Пановы 256
- Парилов Н. М. 111, 122, 123
- Парни Э. 33
- Пастернак Б. Л. 348, 511, 513
- Паукер Н. Е. 489
- Пацановский Ц. А. 233, 234
- Пачини Д. 33
- Пачини (Pacini) Л. 442, 462
- Пашковский М. Ф. 262
- Перевалов А. И. 431
- Переводчикова А. В. 71, 76
- Перельман Я. И. 392, 395
- Переселенков С. А. 276, 293, 320, 331
- Перетц В. Н. 301, 334
- Перетц Г. А. 334
- Перетц Л. Н. 301, 334
- Пербальх А. М. 506
- Перлин В. 509
- Перницкий А. (о. Анастасий) 462
- Перовская О. Б. 58
- Перфильев 205
- Перфильева М. Е. см. Аничкова М. Е.
- Перцов В. О. 511
- Перцов П. П. 463
- Перченко Ф. Ф. 283
- Петр I, русский император 172, 305, 307, 324, 332
- Петрищев В. Б. 78, 79, 91
- Петров Г. 32
- Петров К. 243
- Петров Н. А. 67, 76
- Петров Н. В. 107, 118, 131
- Петрова В. Ф. 21, 128
- Петрова Т. Г. 503
- Петров-Водкин К. С. 114
- Петрово-Соловово Е. В. см. Сухово-Кобылина Е. В.
- Петровская М. Н. 503
- Петровский Н. 413, 424
- Петя, правнук Л. В. Шапоринной 117
- Пехлеванова (Пехливанова) В. В. см. Пушкарева В. В.
- Печковский М. И. 463
- Печурский К. Ф. 506
- Пешков А. М. см. Горький А. М.
- Пешкова Е. П. см. Волжина Е. П.
- Пиксанов Н. К. 316, 340, 436
- Пикулин П. Л. 193, 195, 199
- Пильский П. М. 88, 95
- Пинегин Н. В. 482, 484
- Пиранделло Л. 113, 120, 121
- Пиранези Д. 388, 389

- Писарев Д. И. 511
 Писемский А. Ф. 150, 151, 154, 196
 Плазовская О. см. Капустянская О.
 Пламеневская А. М. см. Морева М. М.
 Пламеневская М. М. см. Гаген М. М.
 Платон (Левшин), митрополит 25, 42
 Платонов А. А. 306, 335
 Платонов М. С. 344, 345, 346
 Платонов С. Ф. 85, 274—278, 282, 283,
 302, 307, 317, 319, 320, 323, 334, 336,
 342
 Платонова (в замуж. Шамолина) В. С.
 276, 283, 345, 346
 Платонова М. М. 344, 346
 Платонова М. С. 280, 343, 344, 345, 346
 Платонова Над. С. 346
 Платонова (в замуж. Измайлова) Нат. С.
 274, 276, 277, 280, 282—284, 310, 335,
 343, 345, 346
 Платонова Нина С. 280, 343, 344, 346
 Плева 32
 Плеске Э. Д. 486
 Плетнева А. К. 42
 Плещеев А. Н. 60, 511
 Плотников 419, 426
 Плошинская О. А. 428
 Победоносцев 134
 Победоносцев К. П. 497
 Повелихина А. В. 473
 Погодин Д. М. 152
 Погодин М. П. 33, 149, 154
 Подвысоцкая И. И. 512
 Подвысоцкий Н. В. 239, 240, 242, 250,
 254, 264, 267
 Подкопаев Н. Ф. 247
 Подкопаевы 247
 Подобедова О. И. 130
 Подъячев С. 75
 Позняков Н. И. (псевд. — Я —) 51, 52,
 62, 75
 Позняков С. С. 123
 Позняков Я. М. 163, 164, 165, 167
 Покровская (в замуж. Гиппиус) Е. Б.
 320, 341
 Покровский А. А. 76
 Покровский М. Н. 278
 Полевой Н. А. 64
 Полетика И. Г. 330
 Поливанов Л. 20
 Поливанов Л. И. 501
 Полонская Е. В. см. Устюжская Е. В.
 Полонская Ж. А. см. Рюльман Ж. А.
 Полонская (в замуж. Елачич) Н. Я. 492,
 499, 500
 Полонский А. Я. 492, 497, 499—501
 Полонский Б. Я. 492, 499, 500
 Полонский Я. 492
 Полонский Я. П. 25, 26, 41, 68, 69, 76,
 216, 217, 491—502, 513
 Полотебнов 217
 Поль Е. 508
 Поляков А. С. 288, 325, 326
 Поляков С. А. 465
 Полякова Г. Г. 471
 Полянский В. 94
 Помяловский И. В. 48
 Пономарев А. П. 165
 Попов 504
 Поссе (псевд. Новгородцев Л. В.) В. А.
 392, 395
 Потапов В. С. 512
 Потемкин-Таврический Г. А. 3, 19
 Пощо А. М. 510
 Правдухин В. П. 392, 395
 Предтеченский Я. 426
 Преображенская А. Д. см. Иванова
 А. Д.
 Преображенская В. П. 463
 Преображенская О. Н. 120
 Пресняков А. Е. 134, 147, 150
 Пржевальнская М. 463
 Пржевальнская О. 463
 Пришвин М. М. 482
 Прозорова Н. А. 272, 328, 330, 471, 473,
 490, 503
 Прокофьев А. А. 482
 Прокушев Ю. Л. 512
 Проневский П. П. 240, 241
 Пронина Л. А. 495
 Прутков Кузьма см. Кузьма Прутков
 Птушко А. 407
 Пудовкин В. А. 378, 404, 407, 408
 Пудовкина И. В. 408
 Пудовкины 398
 Пудров И. И. 235
 Пудрова 233, 236, 240, 253, 255
 Пуни Ц. 158, 190
 Пунин Н. 475
 Пургольд А. Н. см. Молас А. Н.
 Пуришкевич В. М. 337
 Пушкарева (в первом браке Котлярев-
 ская, во втором Пехливанова / Пехле-
 ванова) В. В. 300, 333, 335, 336
 Пушкаревич К. А. 435
 Пушкин А. А. 67, 329
 Пушкин А. Л. 76
 Пушкин А. С. 23—25, 27, 28, 33—45, 53,
 54, 58, 60, 61, 64, 65, 67, 68, 75, 76,
 83, 90, 108, 111, 145, 206, 208, 216—
 223, 274, 279, 281, 282, 284, 288, 290—
 292, 297, 298, 303, 304, 306—309,
 311—317, 319, 324, 325, 328—330,
 333—340, 398, 445, 458, 463, 485, 486,
 488, 507
 Пушкин Г. А. 53
 Пушкин Л. С. 37, 66, 68, 76
 Пушкин С. Л. 66, 75, 76, 329
 Пушкина О. С. см. Павлищева О. С.
 Пушкина (урожд. Загряжская) Е. А. 66,
 68, 76
 Пушкина Е. А. см. Розенмайер Е. А.
 Пушкина М. А. см. Павлова М. А.
 Пушкина М. Л. см. Нейкирх М. Л.
 Пушкина Н. Н. см. Гончарова Н. Н.

- Пушкина Н. О. 66, 76, 329
Пушкина (в первом браке Хоботова, во втором Оборская) О. Л. 76
Пушкина С. Л. 76
Пушкины, род 66, 67
Пушина А. И. 64
Пыпин А. Н. 52, 289, 328, 504
Пыпин Н. А. 273, 277, 289, 328
Пьейр (Pieyre) П.-А. 18, 19, 21
Пьянка (Pianca) Ф. 445
Пятницкая Н. С. 109, 118
Пятницкий К. П. 392, 395
- Рабинович (псевд. Ларин О. Я.) И. Я.** 392, 395
Рабинович Р. И. 421
Радишев А. Н. 325
Радлов С. Э. 84, 111, 118, 131
Радлов Э. Л. 52
Радлова А. Д. 85, 90
Радомысльский О. А. см. Зиновьев Г. Е.
Раев И. Г. 410, 412, 413, 414, 415, 416
Раевский П. Ф. 242, 243
Раздольская К. С. 120
Раич 136
Рак В. Д. 21
Раковский 274
Раковский Л. О. 508
Рамазанов Н. А. 207, 208
Рамбо А. 29
Ранке Л. 171
Ранчин А. Б. 138, 153
Расин Ж. 5, 14, 15
Раскольников Ф. Ф. 513
Распутин В. Г. 511
Распутин (Распутин-Новый) Г. Е. 311, 315, 337, 377
Ратьков А. В. 263
Ратьков П. В. 262, 263
Ратьковы 262
Ратьковский И. С. 91
Рахманинов С. В. 120
Рахманинова Т. С. 460
Рахманова Т. Л. 503
Рачинский 143
Рашковский (псевд. Лир) Н. С. 394, 396
Редерер 157, 158
Редкин 134
Редько А. М. 78, 92, 95, 393, 395
Редько (урожд. Шедфель, псевд. Редько А. Е.) Е. И. 393, 395
Режис (Régis) Ф. 463
Резникова Н. В. 507
Рейнбот А. П. 488, 490
Рейнбот П. Е. 66, 272, 273, 276, 277, 279, 283, 284, 289, 291, 292, 319, 328, 330, 486—490
Рейсер С. А. 145, 339
Рейтлингер Ю. Н. (сестра Иоанна) 464
Ремизов А. М. 56, 61, 62, 75, 80, 82, 85, 120, 507
Ренан Э. 29
- Рентц А. 499, 501, 502
Реомюр (Reamur) Р. 244, 245, 252, 255
Репин И. Е. 463, 486, 494, 501
Рерберг И. 512
Ресневич О. И. см. Синьорелли О. И.
Рессель Д. 394
Решетовская Н. А. 512
Ржевина А. Д. см. Алина А. Д.
Рикорд П. И. 33
Римская-Корсакова Н. И. 123, 126
Римский-Корсаков А. Н. 393, 395
Римский-Корсаков Г. А. 123, 126
Риттер К. 171
Робакидзе Г. Т. 464
Робеспьер М. 380
Робийяр П. 495
Ровда К. И. 336
Родина Т. М. 20
Родных А. 190, 191
Родюкова М. В. 471
Рождественская Л. 509
Рождественский В. А. 120, 123
Рождественский С. В. 323
Рождественский С. Е. 231
Розанов М. Н. 294, 301, 332
Розен В. Р. 52
Розенмайер (Розен-Мейер, Розенмейер, урожд. Пушкина) Е. А. 291, 329
Розенфельд (псевд. Ольгин) И. М. 79, 92
Розенштейн Е. Л. 230
Розенштейн (урожд. Бороздина) П. О. 230
Роллан Р. 457
Роллан М. П. см. Кудашева М. П.
Рольстон (Ролстон, Ральстон) В. 318, 341
Романов П. М. 48
Романова В. К. (Вера Константиновна, княгиня императорской крови) 25, 503, 506
Романовы, императорская семья 23, 31
Роппольт А. 158
Росси 162
Россини Д. 160, 161, 380
Ростов А. 283
Ростовцев М. И. 447, 464
Ростопчин Е. П. 37
Ростопчин Ф. В. 194, 197
Ростопчина (урожд. Сушкова) Е. П. 150, 152, 154, 163, 164, 166, 190
Рубец А. А. 43, 486
Рубини (Rubini) Д. Б. 158, 160, 161
Рубинштейн А. Г. 494, 502, 511
Руднев, студент 205
Руднев В. В. 442, 464
Рулье 135, 167, 197
Рура Р. В. 91
Русаков В. М. 503
Руссо А. 124
Рыболовлев Н. С. 109, 118
Рыкалова Н. В. 151, 153, 201
Рыкова В. 503
Рылеев К. Ф. 30, 64

- Рысс Е. С. 110, 118
 Рышков В. А. 25, 52, 53
 Рюльман (в замуж. Полонская) Ж. А.
 68, 76, 492, 494, 495, 498—501
- Сабанина Е. В. 311, 337
 Сабашников М. В. 442, 464
 Сабуров М. А. 237, 238
 Сабуров П. А. 486
 Савина Г. А. 283
 Савина М. Г. 497
 Савинов С. И. 31
 Садовская (урожд. Дубровина) В. А. 506
 Садовский И. 326
 Садовский П. М. 167, 183, 185, 211
 Сажин В. Н. 128, 330
 Сазонов П. П. 109, 118
 Сайтов В. И. 485, 486
 Сакулин П. Н. 279, 284, 307, 316, 336,
 507
 Салиас де Турнемир А. 185
 Салиас (Сальяс) де Турнемир (урожд.
 Сухово-Кобылина, псевд. Евгения
 Тур) Е. В. 135—137, 142, 144—146,
 149, 151—154, 165—167, 172, 177, 178,
 182—189, 191, 192, 194—196, 202, 203,
 205, 213, 214, 399
 Салиас де Турнемир Е. А. 136
 Салиас де Турнемир М. А. 187
 Салищева Н. С. 396
 Саломон А. П. 43, 24, 485, 490
 Салтыков-Щедрин М. Е. 134, 162, 324,
 335, 379, 491, 507
 Салтыкова И. А. 503, 511
 Самарин 206, 207
 Самарин И. В. 161
 Самарина 210
 Самойлов В. В. 151, 154
 Самойлова В. В. 153, 154, 161
 Самойлова Н. В. 153
 Сандлер В. 63, 75
 Сапов Н. 138
 Сапунов Н. Н. 105, 107, 130
 Сатин 199, 205
 Саша Черный 64
 Свербеев Д. Н. 206
 Свербева Е. А. 206
 Свечина (Чухнина) О. 117, 122
 Свечина С. В. 33
 Свиреденко С. 29
 Свиясов Е. В. 141
 Северюхин Д. Я. 130
 Северянин И. 454
 Сейфуллина Л. Н. 393, 395
 Селифонтов И. О. 33
 Селиханович А. Б. 464
 Сельвинский И. Л. 128
 Сельских И. 505
 Семанова М. Л. 144, 145
 Семен, слуга Н. В. Гоголя 205, 206
 Семененко А. 498
 Семенников В. П. 288, 325
- Семенов Б. Ф. 503
 Семенов Г. 94, 95
 Семенов М. Н. 442, 464, 465
 Семенов Ю. 465
 Семенова Л. М. 119
 Сен-Леон А. 190
 Сент-Илер К. К. 234, 244, 246, 252, 270
 Сергеевич В. И. 49
 Сергиев И. И. см. Иоанн Кронштадт-
 ский
 Сергиевский И. 145
 Серебренников (псевд. Аргентов) В. Н.
 431
 Серебряков А. 109, 118
 Серебрякова З. Е. 120
 Серов А. Н. 153, 192
 Силаев Ф. 112
 Силина А. В. 119
 Сильвин М. А. 86
 Симбурн см. Бурсин С. Л.
 Синельников И. М. 394, 396
 Синьорелли М. 465
 Синьорелли (урожд. Ресневич) О. И. 465
 Сиповский В. В. 485, 486
 Скалдин А. И. 406
 Скалдин А. Д. 377—379, 381, 385, 390,
 394, 407, 408, 465, 511
 Скалдин Г. Д. 378, 380, 399, 406—408
 Скалдин Д. А. 407
 Скалдин Ю. Д. 511, 512
 Скалдина А. Н. 407
 Скалдина Е. Д. 378, 406
 Скалдина (урожд. Бауман, Elsbete) Е. К.
 400, 407
 Скалдина М. 378
 Скарлато А. Н. 344—346
 Скарлато Е. С. 344—346
 Скворцов М. Н. 53
 Скобелев М. И. 329
 Сквородников Н. А. 393, 395
 Скотт В. 380
 Слезкин Ю. Л. 90
 Слепнев (псевд. Николаев Н., Аль-
 дим Н.) Н. В. 391, 394
 Слепцов А. П. 479
 Слепцов В. А. 144
 Слепцов Н. П. 471, 477, 478, 480
 Слепцов П. П. 478, 479
 Слепцов П. С. 477, 479, 480
 Слепцов С. П. 479
 Слепцова Е. П. см. Немирович-Данчен-
 ко Е. П.
 Слепцова Е. П. 479
 Слепцова М. П. 479
 Слепцова О. Е. 477
 Слепцова (псевд. Корсунский П., Демпо-
 лович П.) М. Н. 394, 396
 Слободзинская Н. Г. см. Михайловская
 Н. Г.
 Слонимская Л. Л. см. Кун Л. Л.
 Слонимский А. Л. 289, 329
 Слонимский М. Л. 110

- Слуцкий Б. А. 513
 Случевский К. К. 52
 Смелов А. И. 233, 235, 267
 Смидович В. В. см. Вересаев В. В.
 Смирдин А. Ф. 6, 20
 Смирнов А. А. 123, 130
 Смирнов И. И. 107
 Смирнов М. 492
 Смирнова (урожд. Россетти / Россет)
 А. О. 292, 318, 330, 488, 492, 500
 Смирнова А. О. 292, 318, 330
 Смирнова О. Г. см. Чеховская О. Г.
 Смирнова О. Н. 292
 Смирнова Н. И. 131
 Смирнова-Иванова Е. А. 123
 Смолянский 246
 Сморгон Л. Н. 503, 512
 Смышляевский П. 87, 94
 Снегин С. Д. 512
 Снежковский Б. 465
 Снопков П. 112
 Соболев В. С. 42
 Соболев Л. С. 110
 Соколов А. И. 482
 Соколов А. С. 482, 484
 Соколов Б. М. 421, 426
 Соколов В. И. 122
 Соколов Н. С. 484
 Соколов П. 465
 Соколов П. И. 5
 Соколов П. И. (о. Павел) 233, 234, 243,
 245, 254, 255,
 261, 262, 264, 265, 267, 269
 Соколов С. Н. 484
 Соколов Ю. М. 421, 426, 436, 437
 Соколова Е. И. 254, 255, 264, 265, 269
 Соколова М. И. 484
 Соколова Л. В. 397, 398, 407
 Соколова Н. В. 378, 397, 398, 404, 407,
 408
 Соколова Р. П. 242, 243, 254, 267
 Соколов-Микитов И. С. 471, 480—484
 Соколова (Микитова) Е. И. 482
 Соколова (Микитова) И. И. 482, 484
 Соколова (Микитова, урожд. Малофее-
 ва) Л. И. 482, 484
 Соколова (Микитова) Л. И. 482
 Соколовский В. В. 503
 Соколовский А. Л. 485
 Соколовы 244, 250, 265, 267
 Сократ 169
 Солженицын А. И. 512, 513
 Соллертинский И. И. 393, 395
 Сологуб В. 29, 513
 Сологуб (наст. фам. Тетерников) Ф. К.
 78, 80, 82, 85, 90, 224—235, 237, 238,
 240, 241, 243—247, 249—255, 257—
 260, 262—271, 377, 456, 467
 Соллогуб М. Ф. 152
 Соловьев В. С. 218, 501
 Соловьев М. П. 68, 69
 Соловьев С. А. 503
 Соловьев С. М. 135, 136, 146, 149, 166,
 167, 170, 171, 172,
 187, 188, 197, 205
 Соловьев С. П. 166
 Соловьев-Седой В. П. 110, 118
 Сологуб 210
 Солоницын В. А. 215
 Сомов К. А. 465
 Сорокин Г. Э. 508
 Соскин Л. М. 513
 Спасович В. Д. 217
 Сперанская В. В. 20
 Сперанский В. 467
 Сперанский М. М. 33, 41
 Сперанский М. Н. 275, 283, 301, 334
 Спесивцева О. А. 120
 Спешнев М. А. см. Хаст М. А.
 Срезневский В. И. 26, 45, 295, 296, 325,
 332
 Срезневский И. И. 332
 Сталин И. В. 399, 403, 407
 Сталь А. Л. 29, 42
 Станкевич А. В. 136, 146, 157, 158, 159,
 162, 167, 170, 172, 195
 Станкевич А. В. см. Щепкина А. В.
 Станкевич Н. В. 157
 Станкевич, семья 173
 Станюкович З. К. 64
 Станюкович К. М. 64
 Станюкович Л. Н. 64
 Станюкович М. К. 64
 Стасюлевич М. М. 217, 218, 222
 Старк Т. 111
 Старк (псевд. Зигфрид) Э. А. 393, 395
 Старчаков А. О. 112
 Старчакова Г. А. 112
 Старчакова Е. П. 112
 Старчакова М. А. 112
 Стасов В. В. 289, 327
 Стасов Д. В. 289, 327
 Стасова В. Д. см. Комарова В. Д.
 Стахович С. А. 34—36
 Стеклов В. А. 301, 307, 334, 336
 Стеклова Е. А. 336
 Стендаль А. М. 114, 399
 Стенин В. С. 503
 Степанов А. Н. 327
 Степанов В. 122
 Степанов Е. Е. 347
 Степанов М. И. 506
 Степун Ф. А. 442, 465
 Стельников Г. И. см. Урюпинский
 Г. И.
 Столбина В. Д. 378
 Стравинский И. Ф. 113, 117, 120, 128,
 131
 Страхов Н. Н. 25, 26, 40, 46, 493, 498
 Стрельников Н. М. 109, 118, 120
 Стремоухов Д. 465
 Строганов А. 426
 Строгановы 420, 426
 Строженко Н. П. 67

- Струве Г. П. 122, 123, 132
 Струве Н. А. 464
 Струтинский В. В. 320, 321, 341
 Субботин А. М. 506
 Субботин Н. 144
 Субботина Н. В. 506
 Субботина Н. Н. см. Михайловская Н. Н.
 Суворин А. С. 144, 145
 Суворов-Рымникский А. В. 223
 Сулимо-Самойло В. А. 112
 Султан-Шах М. П. 30
 Султанов Н. В. 24, 43
 Сумароков П. 12, 13
 Сумароков-Эльстон Ф. Ф. см. Юсупов Ф. Ф.
 Сурис Б. Д. 104, 130, 131
 Суслова А. В. 503, 512
 Сустер М. 466
 Сутугина В. А. 91
 Сухово-Кобылин А. В. 147, 203, 335
 Сухово-Кобылин В. А. 147, 177
 Сухово-Кобылина (в замуж. Петрово-Соловова) Е. В. 177, 203
 Сухово-Кобылина С. В. 177
 Сухово-Кобылина М. И. см. Шепелева М. И.
 Сухотина-Толстая Т. Л. 466
 Сушков Н. В. 136, 166
 Сушкова Е. П. см. Ростопчина Е. П.
 Сырников Ю. П. 503
 Сырцов А. И. 411, 422
 Сюннерберг К. А. см. Эрнберг К.
 Сюннерберг П. К. 313, 338
- Тагер Е. М. 122, 123
 Талашов Г. П. 142, 143
 Тальберг М. 466
 Тальберг Н. 458, 466
 Тамарченко А. В. 460
 Тамерлан 166, 197
 Танеев А. С. 339, 476
 Танеева А. А. см. Вырубова А. А.
 Таранов М. А. 507
 Тарасова (Васина) А. И. 435
 Тарле Е. В. 85, 278, 283, 315, 339
 Таропани М. С. 512
 Татищев В. Н. 149
 Таубер Е. Л. 466
 Тацит 169, 171
 Твардовский А. Т. 482, 512, 513
 Тверской (наст. фам. Кузьмин-Караваев) К. К. 107, 108, 118, 127, 131, 132
 Теккерей У. М. 188
 Тер-Григорян О. 466
 Тербеннина Р. Е. 329
 Терлецкий Б. К. 506
 Терновец Б. 466
 Тетерников К. А. 230
 Тетерников Ф. К. см. Сологуб Ф. К.
 Тетерникова О. К. 224—232, 234, 236, 237, 239, 241, 243, 244, 247—259, 261, 262, 264—271
- Тетерникова Т. С. 224, 226, 234
 Тизенгаузен Е. М. см. Хитрово Е. М.
 Тизенгаузен Е. Ф. 311
 Тиморева Л. 119
 Тимофеев Н. А. 110, 118
 Тимофеева-Починковская В. В. 54, 509
 Тиханов М. 11
 Тихонов А. А. 318, 341
 Тихонов А. Н. 347
 Тихонов Н. С. 84, 85, 90, 110, 122, 123
 Тихонравов Н. С. 206, 423
 Тишков В. А. 433
 Токарева Н. А. 503
 Толмачев Г. С. 111, 118, 119
 Толмачева (урожд. Карпинская) Е. А. 302, 335
 Толстая А. Ф. см. Закревская А. Ф.
 Толстая Л. И. 123, 125
 Толстой А. К. 498
 Толстой А. Н. 103, 110, 111, 117, 123, 125, 126, 130, 290, 315, 339, 457, 482, 513
 Толстой А. П. 204, 205
 Толстой Д. А. 133
 Толстой И. И. 24, 42, 273
 Толстой Л. Н. 295, 296, 307, 319, 334, 341, 399, 466, 507
 Толстой Н. А. 127
 Томашевский Б. В. 36, 38, 45, 279, 289, 294, 302, 303, 312, 316, 320, 327, 335
 Тошакова Э. 474
 Травницкий А. В. 7
 Трапезников Т. Г. 510
 Траскин А. С. 477
 Трахтенберг В. А. 394
 Трескин А. М. 45
 Трескин Н. А. 45
 Третьяков В. В. 466
 Тройницкий Г. А. 485
 Тропинин В. А. 463
 Трофимова В. Б. 510
 Трофимова Т. Б. 210
 Троцкий Л. Д. 399
 Троцкий С. В. 456, 459, 466, 470
 Трушковский Н. П. 208
 Тубянский М. 466
 Тукалевский В. Н. 332
 Тулинов М. Б. 495
 Тумбиль П. Х. 452, 466
 Туниманов В. А. 218
 Тупицын А. Е. 413, 424
 Тупицын Е. К. 424
 Тупицына В. А. 413
 Тургенев А. И. 45, 486
 Тургенев А. Н. 175, 177, 180
 Тургенев И. С. 40, 133—146, 148—160, 162—169, 171—173, 175—177, 179, 192, 194—196, 198—204, 206—214, 216, 217, 220, 274, 279, 281, 284, 308, 318, 319, 323, 341, 399, 492, 493, 497
 Тургенев М. А. 177, 180
 Тургенев Н. С. 176, 181

- Тургенев П. Н. 174, 177
 Тургенева А. А. 510
 Тургенева (урожд. Шварц) А. Я. 174, 176, 180, 182
 Тургенева В. П. 176, 180
 Тургенева Е. А. см. Хрущева Е. А.
 Турков А. М. 508
 Турковы А. А. и С. А. 508
 Туркова-Шолохова С. М. 503
 Туфанов А. В. 380, 394, 396, 511
 Тынянов Ю. Н. 323
 Тынянова Л. Н. 505
 Тырса Н. А. 504
 Тышкевич С. 467
 Тэффи Н. А. 229, 511
 Тюлина Е. Л. 505
 Тютчев 158
 Тютчев Ф. И. 25, 33, 42, 45, 494, 502
 Тютчевы А. П. и Н. Н. 154
- Уайльд О. 29
 Уваров С. С. 151, 330
 Уварова Е. А. 118
 Углов А. К. 509
 Удинцев Д. А. 426
 Урюпинский (псевд. Стнельников) Г. И. 79, 92
 Усова (в замуж. Шишмарева) А. М. 504
 Усова А. С. 504
 Устимович П. М. 342
 Устиновы З. А. и В. А. 119
 Устюжская (Ухтюжская ?; в замуж. Полонская) Е. В. 492, 496
 Утин 143
 Ухова В. С. 107
 Ухтомский Э. Э. 54
 Ухтюжская см. Устюжская Е. В.
- Фадеев А. А. 120
 Файко А. М. 510
 Файнштейн М. Ш. 282, 283, 327
 Фаресов А. 74
 Федин К. А. 80, 84, 85, 110, 120, 126, 482, 483, 508
 Федор Кузьмич, старец 379
 Федоров Д. Н. 345, 346
 Федоров М. М. 442, 445, 463
 Федорова-Омулевская Е. А. 54
 Фельдт Э. Г. 118
 Феноменов М. Я. 436, 437
 Феоктистов Е. М. 133—154, 157, 159, 161, 162, 164—167, 171—173, 175—177, 180—185, 187, 190—192, 194—196, 199, 202—208, 210—214
 Ферингер А. Б. 275, 318, 319, 341
 Ферсман А. Е. 55, 279
 Фет (Шеншин) А. А. 25—28, 40, 41, 44, 46, 216, 219, 492, 493, 495, 498, 500
 Фигатнер Ю. П. 32, 276
 Фидлер Ф. Ф. 85
 Филатов В. Д. 249
 Филатов Г. Д. 249
- Филатов Д. 249, 266
 Филатов И. Д. 249
 Филатов Н. Д. 249
 Филатова М. С. 249
 Филиппов 205
 Филиппов И. Т. 275, 297, 300, 332, 333
 Филиппов Т. И. 152, 154
 Филонов П. Н. 475
 Философов П. 241
 Флит А. М. 395 393
 Флориан Ж.-П. 113, 114
 Фогт 42
 Фомин А. Г. 326, 332
 Фомин И. А. 123, 294
 Фомичев А. Л. 467
 Фомичев С. А. 223, 506
 Фондаминский (Фундаминский) И. И. 443, 467
 Фонякова Н. Н. 495
 Форринк М. 467
 Фортунато (наст. фам. Власова) Е. И. 394, 396
 Форш О. Д. 80
 Форштедт В. Г. 107, 108, 118, 123
 Фракман М. А. см. Фроман М. А.
 Франк В. С. 467
 Франк С. Л. 443, 467
 Франк Т. С. 467
 Франс А. 394
 Франциск I, французский король 380
 Фреймеграат Ф. 511
 Фрецолини 161
 Фрид Б. 509
 Фридкин В. М. 329
 Фролов Н. Г. 146, 162, 168, 195, 198, 199
 Фроман (наст. фам. Фракман) М. А. 391, 394
 Фундаминский И. И. см. Фондаминский И. И.
 Функельштейн 259
- Хазанов М. 505
 Халтурин Д. Н. 310, 337
 Харари М. 442
 Харджиев Н. И. 473
 Харитон Б. О. 79, 82, 84, 87—90, 92—95
 Харкевич Е. Н. 512
 Харламов И. Н. 488, 503
 Хармс (наст. фам. Ювачев) Д. И. 110, 380, 393, 395, 510
 Хаст (псевд. Спешнев) М. А. 79, 92
 Хвольстон О. Д. 85
 Хитрово (в первом браке Тизенгаузен) Е. М. 274, 307, 309, 311, 312, 313, 336
 Хитрово Л. К. 42, 45, 471
 Хлебников В. В. 472
 Хмельевская Е. С. 475
 Хмызникова К. В. см. Лукашевич К. В.
 Хмырова А. П. 237, 240, 243, 244, 246, 247
 Хоботова О. Л. см. Пушкина О. Л.
 Ховряков Н. И. 503, 512

- Ходасевич А. И. 512
 Ходасевич В. Ф. 82, 83, 90, 120, 153, 338, 467, 512, 513
 Хомяков А. С. 141, 204, 206
 Хохлова Н. А. 47, 471
 Хрущев (Хрушов) 176
 Хрущева (Хрушова, урожд. Тургенева) Е. А. 173—183, 186
 Хэй (Нау) С. 467
- Царев М. И.** 118
 Царенкова (Фроман) Е. М. 503
 Царькова Т. С. 377, 381, 471
 Цветаева А. И. 512
 Цветаева М. И. 512
 Цветков З. В. 250, 251, 261, 270
 Цветковы 250
 Цензор Д. М. 90, 393, 395
 Цертелев 218
 Ционглинский Я. 472
 Цюрюпа А. Д. 93
 Цявловский М. А. 45, 277, 279, 281, 283, 284, 302, 303, 316, 322, 330, 335, 467
- Чабата см.** Чиабата
 Чагин Г. 424—426
 Чагин П. И. 126
 Чайковский П. И. 25, 26, 97, 112, 113, 128, 129, 494, 502
 Чапыгин А. П. 90, 110
 Чарская (наст. фам. Чурилова, урожд. Воронова) Л. А. 512
 Чарушин Е. И. 504
 Чарыков В. И. 505
 Чеботаревская Ал. Н. 90, 440, 467
 Чеботаревская Ан. Н. 78, 90, 224, 229, 230
 Чебышев А. А. 281, 341
 Чебышева Н. А. 281, 320, 341
 Челищева М. А. 509
 Чемена О. М. 219
 Черейский Л. А. 45, 75, 220
 Черний Н. Н. см. Бренев Н. Н.
 Чернова В. Ф. 76
 Чернова Н. 158
 Чернова С. Л. 150
 Черноситова О. Н. 229, 238
 Черный Саша см. Саша Черный
 Чернышев В. И. 289, 305, 326
 Чернышевский А. Н. 64
 Чернышевский Н. Г. 64, 328
 Черубина де Габриак см. Васильева Е. И.
 Чесноков С. В. см. Шумский С. В.
 Честертон Г.-К. 394
 Четвериков Б. Д. 393, 395
 Чехов А. П. 95, 494, 509
 Чеховская (в замуж. Смирнова) О. Г. 104, 130
 Чнабатта (Чабата) 158, 160, 161
 Чивилихин В. А. 505
 Чигиринец В. П. 378
- Чижов В. Е. 411, 422
 Чиппендейл Т. 294, 332
 Чириков Е. Н. 505
 Чириков С. Г. 486
 Чирков А. Г. 394
 Чистович И. А. 11
 Чичагова (Гребеншикова) Л. К. 380, 402, 407
 Чичерин Б. Н. 150, 157, 162, 172, 173, 191, 195
 Чичерины 178
 Чуковский К. И. 80, 83, 110, 120, 511
 Чулков Г. И. 230, 460, 468
 Чурилова Л. А. см. Иванова-Чарская Л. А.
 Чурилова Л. А. см. Чарская Л. А.
 Чунихина Е. 439
 Чухнина О. см. Свечина О.
- Шалина Е. С. см.** Гутман Е. С.
 Шаляпин Ф. И. 101, 395
 Шамиль 477, 478
 Шамонина Н. 345, 346
 Шамонина В. С. см. Платонова В. С.
 Шапиро С. Н. 112
 Шапорин В. Ю. 106, 108, 110—112, 114, 121, 126, 127
 Шапорин П. В. 114
 Шапорин Ю.(Г.) А. 96, 105, 106, 108—112, 117, 118, 121, 126, 127, 130, 132
 Шапорина Е. Ю. 106, 108—110, 117, 127, 131
 Шапорина (урожд. Яковлева) Л. В. 96—131
 Шапорина (урожд. Журьяри, в первом браке Овчинникова) Л. И. 106, 131
 Шапорина (урожд. Князева) Н. А. 112, 114
 Шапорина (в первом браке Щербакова, во втором Кезина) С. В. 112, 114, 121, 127
 Шартрский герцог 18
 Шарц А. К. 432
 Шаталина Н. Н. 230, 235, 270
 Шатобриан Ф. Р. 380
 Шахматов А. А. 52, 273, 289, 293, 329
 Шахматова Е. А. 331
 Шахматова (урожд. Градовская) Н. А. 293, 331
 Шахматова (в замуж. Коплан) С. А. 276, 289, 325, 328, 329, 330, 331
 Шахматовы 303
 Шаховской А. А. 221
 Шаховской В. А. 27
 Шварц А. Я. см. Тургенева А. Я.
 Шварц Е. Г. 487
 Шварц Е. Л. 110, 121
 Шварсалон В. К. см. Иванова В. К.
 Шварцман Л. И. см. Шестов Л. И.
 Шевченко Т. Г. 64
 Шевырев С. П. 64, 135, 136, 152, 166, 167, 171, 188, 197, 204, 206—208

- Шевырева О. Б. 64
 Шекспир В. (У.) 26, 347, 348
 Шелгунов 134
 Шеншин А. А. см. Фет А. А.
 Шеншина-Фет М. П. 40, 500
 Шепелев И. Д. 177
 Шепелев Н. Д. 177
 Шепелева (в замуж. Сухово-Кобылина) М. И. 177
 Шепелева Н. С. 503, 507
 Шепелевы 147, 175
 Шергин Б. В. 110
 Шернваль А. К. см. Демидова А. К.
 Шерон Д. 503
 Шестаков И. 424
 Шестов 184
 Шестов (наст. фам. Шварцман) Л. И. 468
 Шефтель Е. И. см. Редько Е. И.
 Шиллер Ф. 25, 26, 27, 42
 Шилов А. А. 288, 325, 326
 Шилов Г. М. 120
 Шильдер Н. К. 41, 46
 Шимкевич К. А. 347, 468
 Шипов, генерал 205
 Ширмаков П. П. 91
 Широков М. А. 104, 130
 Шишкин А. Б. 439, 450
 Шишкина Н. Н. 402
 Шишков А. С. 286, 298, 324, 333
 Шишков В. Я. 90, 120, 302, 303, 335, 513
 Шишмарев А. И. 504
 Шишмарев В. Ф. 436, 437, 504
 Шишмарев Ф. А. 504
 Шишмарев Ф. Ф. 504
 Шишмарева А. М. см. Усова А. М.
 Шишмарева Т. В. 503, 504
 Шкапская М. 475
 Шкловский В. Б. 83, 84, 87, 95
 Шлегель М. А. 254, 255
 Шлейфер-Ратьков Ю. Н. 468
 Шлецер А. Л. 149
 Шлоссер Ф. 171
 Шляпкин И. А. 273, 412, 420, 423
 Шмерельсон Г. Б. 394, 396
 Шмидт И. 158
 Шмидт П. Ю. 85
 Шмит актер 162
 Шмурло Е. 134
 Шолохов А. М. 508
 Шолохов М. А. 507, 508
 Шолохов М. М. 507
 Шольсон М. М. 506
 Шольц А. Э. 486
 Шор Д. С. 468, 469
 Шор Е. Д. 443, 444, 455, 468, 469, 470
 Шор Н. Р. 468, 469
 Шор (псевд. О. Дешарт, О. Dechartes) О. А. 440—444, 447, 454—456, 461, 464, 465, 467—470
 Шор Р. М. 470
 Шостак Л. 112
 Шостакович Д. Д. 112, 123, 126
 Шошин В. А. 93
 Шпенглер О. 388, 389
 Шпет Л. Г. 123
 Шрадер Ф. 499, 501, 502
 Штейн В. Ф. 486
 Штейн С. В. 470
 Штейнер Г. 444
 Штеммер А. И. см. Майкова А. И.
 Штукин Д. П. 6, 20
 Шуберт Ф. 40
 Шумский (наст. фам. Чесноков) С. В. 145—147, 151, 153, 154, 163, 166, 183, 185, 201, 203, 206, 207, 209—212
 Шурига П. Н. 125
 Щапова Л. В. 451
 Щегловитова А. И. см. Лозина-Лозинская А. И.
 Щеголев П. Е. 123, 128, 292, 294, 306, 314—317, 330, 332, 338—340
 Щеголева В. А. 123, 126
 Щепкин М. С. 137, 146, 151—154, 166, 167, 170, 173, 194, 197, 199, 201, 208, 211
 Щепкин Н. М. 146, 162, 164, 167, 188, 193, 195
 Щепкина (урожд. Станкевич) А. В. 172, 173
 Щепкина-Куперник Т. Л. 393, 395, 511
 Щербаков Р. Л. 347
 Щербакова см. Шапорина С. В.
 Щербатов С. А. 470
 Щербатский Ф. И. 52, 54
 Щербина Н. Ф. 152, 513
 Эдельсон Е. Н. 152, 154, 191
 Эйзен-Железнов И. М. 91
 Эйнштейн А. 389, 390
 Эйхенбаум Б. М. 82—85, 511
 Эллис см. Кобылинский Л. Л.
 Эльзон М. Д. 325, 326, 346, 347
 Эльслер (Elsler) Ф. 158, 161, 164, 166
 Энгельгардт Б. М. 277, 293, 320, 331
 Эндер М. В. 474—476
 Эннес 184
 Эренбург И. Г. 120
 Эрн В. Ф. 443, 445
 Эрн (урожд. Векилова) Е. Д. 445
 Эрнберг Конст. (наст. фам. Сюннерберг К. А.) 229, 338
 Эсхил 442, 464
 Ювачев Д. И. см. Хармс Д. И.
 Юдин Г. Я. 127
 Юдина И. 75
 Юдина И. М. 505
 Юдина М. В. 120, 123
 Юнг К. Г. 460
 Юнг Э. 460
 Юнкер К. Н. 256, 257, 267—269
 Юнкеры 256, 262, 268

Юсупов Н. Б. 338
Юсупов (граф) Сумароков-Эльстон
Ф. Ф. 311, 337, 338
Юсупова З. Н. 312, 338
Юсуповы 311
Юшин П. Ф. 512

Яздовская Д. И. 151, 154
Языков Д. Д. 133, 188
Языков М. А. 198, 199, 212, 213, 218
Языков Н. М. 37, 40
Якобсон Р. Б. 461
Яковлев А. В., дядя Л. В. Шапориной
97
Яковлев А. В., брат Л. В. Шапориной
97, 106, 116, 117, 121, 122, 127, 132
Яковлев Б. В. 505
Яковлев В. В., дед Л. В. Шапориной 97
Яковлев В. В., отец Л. В. Шапориной
97—99, 121, 127, 128, 129
Яковлев В. В., брат Л. В. Шапориной
97, 103, 106, 115, 121, 122, 127, 129,
132
Яковлев В. В., племянник Л. В. Шапо-
риной 116
Яковлев Н. В. 282, 286, 287, 293, 294,
309, 321, 324—326
Яковлев Я. А. 87
Яковлев (Богучарский) В. Я. 338
Яковлева А. В. 97
Яковлева Е. В. 97
Яковлева (урожд. Зуева) Е. Г. 97
Яковлева (в первом браке Ненарокомо-
ва) Е. М. 97, 100, 107, 121, 126—128
Яковлева Л. В. см. Шапориная Л. В.
Яковлева Л. И. 106
Яковлева Н. В. 97
Якунина Е. Я. 121
Якунина Е. П. 123, 128
Якушкин 158, 195
Ямпольский И. Г. 216, 219, 220, 223, 229
Янсон-Манизер Е. А. 107, 109, 110, 119
Янушкевич Н. 470
Ярослав, древнерусский князь 188
Ярославцева 240

Ярцев Н. С. 21
Ясвоин А. 500
Ясинский И. И. 511
Яхонтов А. Н. 160, 486
Яцевич А. Г. 306, 336
Яценко О. А. 329
Яценков Г. 10

Blanche J. см. Бланш Ж.
Brunelli B. 21
Ciampa M. 446
Clarendon см. Кларендон Д.
Cottet Ch. см. Котте Ш.
Dechartes O. см. Шор О. А.
Desvallières G. см. Девальер Ж.
Diday F. см. Дидэ Ф.
Dorat см. Дор К.-Ж.
Elssler см. Эльслер Ф.
Garros V. 128
Guicciardi E. 446
Guisti W. 449
Gladstone см. Гладстон У. Ю.
Hay см. Хэй С.
Kaun A. см. Каун А.
Kelner J. см. Кельнер И.
Kingleake см. Кинглэйк А.
Korenevskaja N. 128
Lahusen T. 128
Lo Gatto см. Ло Гатто Г. Д.
Macaulay см. Маколей Т. Б.
Mario см. Марио Д.
Mattias см. Матиас И.
Mazon A. см. Мазон А.
Metastasio см. Метастазιο П.
Mommens Th. 460
Morier см. Мориер Р.
Pacini см. Пачини Л.
Palmerston см. Пальмерстон Г. Д.
Pianca F. см. Пьянка Ф.
Reamur см. Реомюр Р.
Régis см. Режиc Ф.
Rubini см. Рубини Д. Б.
Schemboche 498

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>А. О. Демин.</i> Корпус драматических сочинений Г. Р. Державина: издания и рукописи	3
<i>Т. Г. Иванова.</i> К истории архивного фонда великого князя Константина Константиновича в Пушкинском Доме	23
<i>Н. А. Хохлова.</i> Обзор архива Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам	47
<i>Т. А. Кукушкина.</i> «Всеомъемлющий и широко гостеприимный...» Дом литераторов (1918—1922)	77
<i>А. Г. Носова.</i> Л. В. Шапорина и ее фонд в Рукописном отделе	96

ПУБЛИКАЦИИ

Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу (1851—1861). Ч. I (21 февр. 1851—29 марта 1852) (<i>Публикация Э. Г. Гайтцевой</i>)	133
Письмо А. Н. Майкова к сыновьям с воспоминаниями о И. А. Гончарове (<i>Публикация А. Ю. Балакина</i>)	215
Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой (<i>Публикация Т. В. Мистикевич</i>)	224
<i>Н. В. Измайлов.</i> Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 (<i>Публикация Н. А. Прозоровой</i>)	272
Новонайденный перевод Н. С. Гумилева (<i>Публикация М. Д. Эльзона</i>)	347
Новые документы из архива А. Д. Скалдина (<i>Публикация Т. С. Царьковой</i>)	377
Воспоминания П. С. Богословского о создании Пермского университета и экспедиции 1917 года (<i>Публикация Н. Л. Николаевой</i>)	409
Д. К. Зеленин и П. С. Богословский (<i>Публикация О. А. Площинской</i>)	428

ОБЗОРЫ. ХРОНИКА. ИНФОРМАЦИЯ

<i>Л. Н. Иванова.</i> Римский архив Вячеслава Иванова. Часть 2	439
Дополнения к аннотированному указателю по фондам Рукописного отдела	471
<i>Н. А. Прозорова.</i> Михаил Васильевич Матюшин	471
<i>Л. В. Герашко.</i> Николай Павлович Слепцов	477
<i>В. И. Протченко.</i> Иван Сергеевич Соколов-Микитов	480
<i>Н. А. Прозорова.</i> Пушкинское лицейское общество	485
<i>Л. В. Герашко.</i> Выставка в Рязани, посвященная 180-летию со дня рождения Я. П. Полонского	491
<i>Н. А. Прозорова.</i> Обзор архивных материалов XIX—XX веков, поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 1993—1995 годах	503
Указатель имен	514

✓ ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА
на 1998—1999 год

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук*

Редактор издательства *Т. Г. Иванова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Корректор *Е. М. Буланина*
Компьютерная верстка *Л. Ю. Егоровой*

Издательство «Дмитрий Буланин»
ЛР № 061824 от 11.03.98

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93: 95 3001 — книги;
95 3850 — литература по филологическим наукам

Подписано к печати 20.02.03. Формат 60 × 90^{1/16}.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,68. Уч.-изд. л. 36.
Тираж 700 экз. Заказ № 4016

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон/факс: (812) 235-15-86
E-mail: dbulanin@sp.ru
<http://www.dbulanin.ru>

ISBN 5-86007-332-1

9 785860 073326

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»

ВЫШЛО В СВЕТ

**Памятные книжки губерний и областей Российской империи:
Указатель содержания.**

Под ред. Н. М. Балацкой, В. В. Антонова. Т. 2: Северо-Запад (Новгородская, Псковская, Санкт-Петербургская губернии). СПб., 2003, 1046 стр., пер., тир. 1000. ISBN 5-86007-310-0, 5-86007-335-6 (т. 2).

Данной книгой, подготовленной в Российской Национальной библиотеке, продолжается издание многотомного библиографического справочника-указателя. Указатель впервые подробно раскрывает содержание ценнейшего источника по русской истории и русской культуре — памятных книжек, выходявших в большинстве губерний и областей Российской империи вплоть до 1917 г. Настоящий том содержит сведения о памятных книжках, относящихся к Северо-Западу России — Новгородской, Псковской и Санкт-Петербургской губерниям. Основу издания составляет библиографическое описание памятных книжек с подробной росписью их содержания. Книга снабжена обширным научно-справочным аппаратом.

Словарь промысловой лексики Северной Руси. Вып. 1: А—И.

Под ред. Ю. И. Чайкиной. СПб., 2003, 256 стр., пер., тир. 500. ISBN 5-86007-319-4.

Словарь содержит описание промыслово-ремесленной лексики в начальный период формирования русского национального языка (XV—XVII вв.). В словаре представлена лексика, относящаяся к основным промыслам и ремеслам Северной Руси — железодельному, соляному, строительному, лесному, рыболовецкому, судостроению и судовождению, а также к художественному творчеству (иконопись, ювелирное дело, шитье и др.).

Повесть душеполезна старца Никодима Соловецкого монастыря о некоем иноке.

Подгот. текста и исслед. А. В. Пигина. СПб., 2003, 260 стр., ил., пер., тир. 800. ISBN 5-86007-351-8.

Книга представляет собой монографическое исследование и издание памятника сер. XVII в., примыкающего к жанру «видений». Повесть рассказывает о юноше-иноке, предававшемся пьянству. Герой был исцелен от своего порока и от искушавших его бесов после явления ему архангела Михаила и после совершенного им паломничества на Соловки и в Кострому. Произведение представляет большой интерес как одно из редких для средневековой эпохи отражений русской народной демонологии.

Специальные исторические дисциплины: Учебное пособие.

Отв. ред. М. М. Кром. СПб., 2003, 634 стр., ил., пер., тир. 350. ISBN 5-86007-333-Х.

Пособие, подготовленное учеными из Европейского ун-та в С.-Петербурге, С.-Петербургского ин-та истории РАН, Российской Национальной библиотеки и других научных учреждений, посвящено тем разделам исторической науки, которые принято называть «вспомогательными»: палеографии, хронологии, нумизматике, сфрагистике, генеалогии, геральдике, исторической географии, метрологии. Однако, по мнению авторов, определение «вспомогательные», подчеркивающие их несамостоятельность, не вполне адекватно отражает значение этих направлений в современном историческом исследовании. Названные дисциплины представляют собой самостоятельные отрасли научного знания, обладающие собственным предметом и методами исследования, способные ставить и успешно решать важные задачи общеисторического характера.

Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки.

Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб., 2003, 1040 стр., пер., тир. 600.
ISBN 5-86007-314-3.

В книге предлагается анализ взаимоотношений науки, государства и общества в периоды крупных социально-политических и экономических потрясений — от Английской революции XVII в. до «культурной революции» в Китайской Народной республике. Особое внимание уделяется судьбе ученых и научных институтов в годы Великой Французской революции, в Российской империи и СССР, в Веймарской республике и национал-социалистической Германии, в годы Великой депрессии в США, а также во время Второй мировой войны и холодной войны в Германии, Японии, США и СССР. Пересмотр взаимодействия науки, общества и власти, сопровождаемый репрессиями против несговорчивых ученых, ликвидацией или трансформацией нежелательных научных институтов, завершался выработкой новых конфигураций отношений науки и власти, форм организации науки, изменением общественного статуса ученых, модификацией тематики и языка научных исследований, ритуалов научных мероприятий, традиций и этики научного сообщества.

Власть и наука, ученые и власть: 1800-е—начало 1920-х годов.

Отв. ред. Н. Н. Смирнов, СПб., 2003, 530 стр., пер., тир. 1000.
ISBN 5-86007-307-0.

Сборник содержит материалы Пятого Международного научного коллоквиума на тему, вынесенную в заглавие книги. Публикуются доклады и дискуссии ведущих историков Италии, России, США, ФРГ, Франции, посвященные актуальным аспектам взаимоотношения власти и науки, ученых и власти. В центре внимания — проблемы государственного воздействия на организацию науки и практическую деятельность ученых, политизации научных учреждений и организаций, влияния политики и идеологии на научные исследования, на распространение науки в обществе.

Пинежская книжно-рукописная традиция XVI—начала XX вв.: Опыт исследования. Источники.

В 2 томах. Т. 1: Савельева Н. В. Очерк истории формирования пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников. СПб., 2003, 728 стр., ил., пер., тир. 500. ISBN 5-86007-326-7, 5-86007-326-9 (т. 1).

Книга представляет собой исследование книжно-рукописной традиции Пинеги и описание основных источников для реконструкции этой традиции — Пинежского собрания рукописей в Древлехранилище Пушкинского Дома РАН и коллекции старопечатных книг, привезенных с Пинеги и хранящихся в Отделе редкой книги Научной библиотеки С.-Петербургского гос. университета. Рукописи и старопечатные книги были собраны археографическими экспедициями 1962—1990 гг. В приложениях дано описание пинежских рукописей, выявленных в других хранилищах рукописей С.-Петербурга, Москвы и Вологды, а также описание пинежской части коллекции А. Д. Григорьева в Славянской библиотеке в Праге.

Грицевская И. М.

Индексы истинных книг: Репертуар чтения древнерусского книжника XV—XVII веков.

СПб., 2003, 264 стр., пер., тир. 500. ISBN 5-86007-317-8.

Книга представляет собой первое в научной литературе историко-текстологическое исследование памятника русской средневековой письменности — индекса истинных книг. Разновидности и редакции памятника изучаются на материале 184 списков. Индекс служил чем-то вроде рекомендательной библиографии, дававшей названия книг, наиболее значимых в круге христианского чтения. Индекс создавался русскими книжниками, чутко откликавшимися на потребности и запросы своих современников, отражал книжные интересы читателей XV—XVII вв. В работе впервые проведено систематическое сопоставление книг, упоминаемых в индексе (316 названий), с сочинениями, известными по древнерусским спискам.